

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

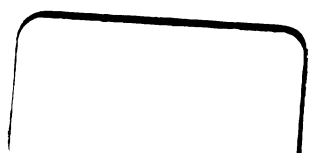
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОЯВРЬ.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXXVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЖАНОВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1876

188
1876

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ЗА 1874 ГОДЪ. (Окончаніе).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Въ Бихарѣ И. П. МИНАЕВА.
Аполлоній Транскій М. И. КАРИНСКАГО.
Греческій романъ А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ:

- Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslawischen) Sprache. Grammatik. Texte. Glossar. von A. Leskien, e. o. Professor der slawischen Sprachen an der Universität Leipzig. (Руководство древне-болгарскаго [древне-церковно-славянскаго] языка. Грамматика. Тексты. Глоссарій. Составилъ А. Лескинъ, э. о. профессоръ славянскихъ языковъ въ Лейпцигскомъ университетѣ). И. БОДУЭНА-ДЕ-КУРТЕНА.
- Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Наша педагогическая литература С. И. МИРОПОЛЬСКАГО.

Третій международный конгрессъ ориенталистовъ въ Санктпетербургѣ, въ августѣ 1876 года

Императорская Публичная Библіотека въ 1875 году

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты; б) низшія училища.

Письмо изъ Парижа Л. Л — РА.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ. (См. на 3-й стр. обѣртка.)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХХХVІІІ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1876.

PSlav 318.10

ПРИЛОЖЕНІЯ КО ВСЕПОДДАННѢЙШЕМУ ОТЧЕТУ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1874 ГОДЪ ¹⁾.

Реальныя училища.

Всѣхъ реальныхъ училищъ къ 1-му января 1875 года было 34. По округамъ они были распредѣлены слѣдующимъ образомъ въ *С.-Петербургскомъ*—5: въ С.-Петербургѣ 2 и по одному въ Череповцѣ, Псковѣ и Кронштадтѣ; въ *Московскомъ*—6: по одному въ Москвѣ, Зарайскѣ, Костромѣ, Ивановѣ-Вознесенскомъ, Орлѣ и Ливнахъ; въ *Харьковскомъ*—3: по одному въ Харьковѣ, Сумахъ и Курскѣ; въ *Казанскомъ*—4: по одному въ Сарапулѣ, Саратовѣ, Сызрани и Екатеринбургѣ; въ *Виленскомъ*—4: по одному въ Вильнѣ, Динабургѣ, Бѣлостокѣ и Пинскѣ; въ *Кіевскомъ*—4: по одному въ Вѣлой-Церкви, Ровнѣ, Кіевѣ и Кременчугѣ; въ *Одесскомъ*—5: по одному въ Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Николаевѣ, Кишиневѣ и Мелитополѣ; въ *Варшавскомъ*—3: по одному въ Варшавѣ, Влоцлавскѣ и Ловичѣ. Сверхъ того, въ Дерптскомъ учебномъ округѣ два реальныя училища, въ Митавѣ и Ригѣ, имѣющія особыя уставы.

¹⁾ Окончаніе. См. сентябрьскую книжку Журн. Мин. Нар. Просв. за текущій годъ.

В Ъ Д О М О С Т Ъ
О ЧИСЛѢ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ И УЧАЩИХСЯ ВЪ НИХЪ ВЪ 1874
ГОДУ.

Учебный округъ.	Состояло реаль- ныхъ училищъ.		Число учени- ковъ.		Противъ 1874 г.		Выбыло въ те- чѣ 1874 г.	
	Къ 1 января 1874 г.	Къ 1 января 1875 г.	Къ 1 января 1874 г.	Къ 1 января 1875 г.	Больше.	Менше.	До окончанія курса.	По окончаніи курса.
С.-Петербургскій...	5	5	565	717	152	—	86	22
Московскій.....	4	6	314	641	327	—	58	—
Харьковскій.....	5	3	262	362	100	—	29	—
Казанскій.....	4	4	289	510	281	—	42	—
Вплескскій.....	4	4	917	1077	160	—	111	87
Кіевскій.....	4	4	1120	1319	199	—	216	43
Одесскій.....	4	5	750	1173	423	—	154	14
Варшавскій.....	—	3	578	685	107	—	126	16
Всего...	30	34	4795	6544	1749	—	822	182

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о распределеніи учениковъ реальныхъ училищъ по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ къ 1-му января 1875 года.

Учебный округъ.	Общее число учащихся.	Въ томъ числѣ находилось.									
		По вѣроисповѣданіямъ.					По сословіямъ.				
		Православнаго.	Римско-католическаго.	Лютеранскаго.	Магометанскаго.	Прочихъ исповѣданій.	Дворянъ и чиновниковъ.	Духовнаго званія.	Городскихъ сословій.	Сельскихъ сословій.	Иностранцевъ.
С.-Петербургскій	717	614	37	49	1	16	372	14	259	53	19
Московскій	641	600	14	22	—	5	283	17	283	49	9
Харьковскій	362	319	13	16	—	14	201	6	136	12	7
Казанскій	570	475	13	78	—	4	167	23	227	153	—
Виленскій	1077	269	559	63	2	184	671	33	266	84	23
Кіевскій	1319	543	574	36	—	166	830	43	332	62	52
Одесскій	1173	784	91	29	—	269	484	22	518	79	70
Варшавскій	685	30	574	40	—	41	416	7	235	22	5
Всего	6544	3634	1875	333	3	699	3424	165	2256	514	185

В Ъ Д О М О С Т Ъ

О ЧИСЛѢ ПАНСИОНОВЪ, ПАНСИОНЕРОВЪ И УЧЕНИКОВЪ ОБЩИХЪ УЧЕНИЧЕСКИХЪ КВАРТИРЪ КЪ 1-МУ ЯНВАРЯ 1875 Г.

Учебный округъ.	Число пансионовъ.	Число пансионеровъ.	Число общихъ учебныхъ квартиръ.	Число учениковъ, живущихъ поѣще-ніе въ нихъ.
С.-Петербургскій	1	76	—	—
Московскій	—	—	—	—
Харьковскій	—	—	—	—
Казанскій	—	—	1	16
Виленскій	—	—	29	282
Кіевскій	—	—	125	641
Одесскій	—	—	—	—
Варшавскій	—	—	39	170 ⁴
Всего....	1	76	194	1089

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о числѣ вакантныхъ преподавательскихъ должностей въ реальныхъ училищахъ къ 1-му января 1875 г.

Какия должности были вакантны	По учебнымъ округамъ.							В С Е Г О .	
	С.-Петербургскому.	Московскому.	Харьковскому.	Казанскому.	Вятленскому.	Кіевскому.	Одесскому.		Варшавскому.
Учителей:	—	1 ⁽¹⁾	—	—	—	—	—	1 ⁽¹⁾	2
Математики	2	—	—	—	2	—	1	—	5
языка русскаго	—	—	1	—	—	—	2	—	3
» нѣмецкаго	—	—	—	1	2	1	1	—	5
» французскаго	1	—	—	2	1	—	—	—	4
» англійскаго	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Исторіи и географіи	1	—	—	1	1	—	—	—	3
Естественной исторіи	—	—	—	2	1	—	—	—	3
Коммерческихъ наукъ	—	—	—	2	1	2	—	—	5
Физики, химіи и механики	—	—	—	1	1	1	—	—	3
Искусствъ	—	—	1	1	—	—	—	—	1
Всего	5	1	2	10	9	4	4	1	36

¹⁾ Нѣтъ свидѣній, по какимъ предметамъ эти двѣ вакансіи.

В Ѣ Д С

о средствахъ содержанія реал.

УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ.	И С Т О Ч Н И К И							
	Изъ суммъ государственнаго казначейства.		Изъ сборовъ за содержаніе воспитанниковъ въ пансіонѣ.		Изъ суммъ сбора за ученіе.		Изъ суммъ городскихъ обществъ и приказовъ общегосударственнаго призванія.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
С.-Петербургскій	163717	23	7915	17	17847	50	5120	—
Московскій	181953	60	—	—	10182	50	16765	—
Харьковскій	79107	40	—	—	7289	61	—	—
Казанскій	45936	—	—	—	9111	26	10800	—
Вяленскій	128214	20	—	—	21235	—	—	—
Кіевскій	110640	50	—	—	23350	—	1000	—
Одесскій	57215	80	—	—	24310	20	33000	—
Варшавскій	53742	8	—	—	12894	—	—	—
Всего	765526	81	7915	17	126220	7	66685	—

МОСТЬ

ИХЪ УЧИЛИЩЪ ВЪ 1874 ГОДУ.

СОДЕРЖАНІЯ.

Изъ суммъ земствъ.		Изъ % съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Изъ пожертвованій разныхъ обществъ и частныхъ лицъ.		Изъ специальныхъ средствъ учебныхъ заведеній.		Изъ суммъ управленій учебныхъ округовъ.		Изъ священнаго и рабочаго сѣ евреевъ сбора.		ВСЕГО.	
Рубл.	Коп.	Рубл.	Коп.	Рубл.	Коп.	Рубл.	Коп.	Рубл.	Коп.	Рубл.	Коп.	Рубл.	Коп.
1915	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	196514	90
3250	—	—	—	7835	—	—	—	—	—	—	—	169986	10
11250	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	97647	1
28783	—	—	—	500	—	9286	78	—	—	—	—	104417	4
—	—	—	—	—	—	—	—	700	—	2570	—	147719	20
5250	—	2090	—	105	—	10237	80	—	—	850	—	153523	30
20450	—	—	—	—	—	2800	—	—	—	—	—	137776	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	66546	8
70698	—	2090	—	8440	—	22324	58	700	—	3420	—	1074129	65

Гимназіи и прогимназіи.

Къ 1-му января 1875 года въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія находилось; гимназій 125, шестиклассныхъ прогимназій 12 и четырехклассныхъ 43,—всего 180. По учебнымъ округамъ опѣ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ *С.-Петербургскомъ округѣ* — 15 гимназій, 3 шестиклассныя и 3 четырехклассныя прогимназіи; въ *С.-Петербургѣ* 8 гимназій (въ томъ числѣ гимназія при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ и гимназія Императорскаго Человѣколюбиваго Общества) и 6 прогимназій; въ Кронштадтѣ, Царскомъ Селѣ, въ Новгородѣ, Вологдѣ, Петрозаводскѣ и Архангельскѣ по одной гимназіи; въ *Московскомъ округѣ* — 20 гимназій и 11 четырехклассныхъ прогимназій: въ Москвѣ 7 гимназій (въ томъ числѣ общіе гимназическіе классы Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ) и 2 прогимназіи; въ Нижнемъ Новгородѣ 1 гимназія и 1 институтъ (Александровскій); въ Рязани 1 гимназія и 1 прогимназія; въ Твери, Ярославлѣ, Костромѣ, Владимірѣ, Калугѣ, Вязьмѣ, Смоленскѣ, Тулѣ, Орлѣ и Ельцѣ по одной гимназіи, и въ Серпуховѣ, Коломнѣ, Касимовѣ, Егорьевскѣ, Ржевѣ, Рославлѣ, Бѣльскѣ и Шуѣ по одной прогимназіи; въ *Казанскомъ округѣ* — 14 гимназій и 2 четырехклассныя прогимназіи: въ Казани 3 гимназіи, въ Симбирскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Астрахани, Вяткѣ, Перми, Уфѣ, Оренбургѣ, Екатеринбургѣ, Уральскѣ и Троицкѣ по одной гимназіи и въ Мензелинскѣ и Вольскѣ по одной прогимназіи; въ *Харьковскомъ округѣ* — 11 гимназій, 3 шестиклассныя и 6 четырехклассныхъ прогимназій: въ Харьковѣ 3 гимназіи и 1 (4-хъ классная) прогимназія, въ Пензѣ 1 гимназія и 1 (6-ти классная) прогимназія, въ Воронежѣ 1 гимназія и 1 (4-хъ классная) прогимназія; въ Бѣлгородѣ, Сумехъ, Новочеркасскѣ, Усть-Медвѣдицкѣ, Тамбовѣ и Курскѣ по одной гимназіи, въ Корочѣ и Елатьмѣ по одной шестиклассной прогимназіи, въ Старобѣльскѣ, Нижне-Чирскѣ, Каменской и Ахтыркѣ по одной четырехклассной прогимназіи; въ *Одесскомъ округѣ* — 11 гимназій, 2 шестиклассныя и 4 четырехклассныя прогимназіи: въ Одессѣ 3 гимназіи и 2 (4-хъ классныя) прогимназіи, въ Херсонѣ 1 гимназія и 1 (6-ти классная) прогимназія, въ Кишиневѣ 1 гимназія и 1 (4-хъ классная) прогимназія; въ Николаевѣ, Екатеринославѣ, Тагапрогѣ, Бердянскѣ, Керчи и Симферополѣ по одной гимназіи, въ

Ананьевъ 1 шестиклассная и въ Θεодосіи 1 четырехклассная прогимназія; въ *Кіевскомъ округѣ* — 12 гимназій, 3 шестиклассныя и 3 четырехклассныя прогимназіи: въ Кіевѣ 3 гимназіи, коллегія Павла Галагана и 1 (6-ти классовая) прогимназія; въ Житомирѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Немировѣ, Полтавѣ, Лубнахъ, Черниговѣ, Нѣжинѣ и Новгородсѣверскѣ по одной гимназіи, въ Острогѣ и Глуховѣ по одной шестиклассной прогимназіи, въ Суражѣ, Прилукахъ и Златополѣ по 1 четырехклассной прогимназіи; въ *Вилнскомъ округѣ* — 8 гимназій, 2 шестиклассная и 3 четырехклассныя прогимназіи: въ Вильнѣ 1 гимназія и 1 шестиклассная прогимназія, въ Ковнѣ, Гроднѣ, Минскѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, Слуцкѣ и Шавляхъ по одной гимназіи; въ Мозырѣ 1 шестиклассная прогимназія, въ Гомелѣ, Бобруйскѣ и Брестъ-Литовскѣ по одной 4-хъ классной прогимназіи; въ *Варшавскомъ округѣ* — 18 гимназій и 8 четырехклассныхъ прогимназій: въ Варшавѣ 6 гимназій и 2 прогимназіи, и по одной гимназіи въ Калишѣ, Петроковѣ, Радомѣ, Кѣльцахъ, Люблинѣ, Холмѣ, Сѣдлецѣ, Ылодѣ, Ложѣ, Сувалкахъ, Маріамполѣ и Плоцкѣ; въ Чепстоховѣ же, Грубешовѣ, Замостьи, Пултускѣ, Сандомірѣ и Пинчовѣ по одной прогимназіи; въ *Дерптскомъ округѣ* — 12 гимназій: въ Ригѣ 3, въ Ревелѣ 3 (въ томъ числѣ Рыцарское Домское училище) и по одной гимназіи въ Митавѣ, Дерптѣ, Аренсбургѣ, Перновѣ, Либавѣ и Гольдингенѣ; въ *Западной Сибири* — 2 гимназіи по одной въ Тобольскѣ и Томскѣ; въ *Восточной Сибири* — 2 гимназіи (по одной въ Иркутскѣ и Красноярскѣ) и 2 шестиклассныя прогимназіи (въ Якутскѣ и Николаевскѣ на Амурѣ).

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о числѣ мужскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія и учащихся въ нихъ въ 1874 году.

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Состояло учебныхъ заведеній.								Учащихся въ нихъ.						
	Къ 1-му января 1874 г.				Къ 1-му января 1875 г.				Состояло на лицо.			Выбыло въ теченіи 1874 г.			
	Гимназій.	Прогимназій.	при нихъ.		Гимназій.	Прогимназій.	при нихъ.		Къ 1-му января 1874 г.	Къ 1-му января 1875 г.	ПРОТИВЪ 1874 г.		До окончания курса.	по окончаніи курса.	
			Приготовительныхъ классовъ.	Паралельныхъ классовъ.			Больше.	Менше.			Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.			
С.-Петербургскомъ	15 ¹⁾	4	18	23	15 ²⁾	6 ³⁾	21	20	4493	4690	197	—	1002	10	107
Московскомъ	16 ³⁾	3	19	32	20 ⁴⁾	11 ⁵⁾	31	45	5339	6937	1598	—	1296	10	123
Казанскомъ	16 ⁵⁾	3	18	40	14 ⁶⁾	2 ⁷⁾	16	32	5351	4381 ⁸⁾	—	970	716	20	119
Харьковскомъ	11	7	16	24	11 ⁹⁾	9 ¹⁰⁾	19	17	4148	4480	332	—	776	40	100
Одесскомъ	10	6	15	18	11 ¹¹⁾	6 ¹²⁾	17	19	3755	4100	345	—	1024	75	73
Кіевскомъ	11 ⁹⁾	5	15	42	12 ¹⁰⁾	6 ¹¹⁾	17	43	5057	5337	280	—	790	17	101
Віленскомъ	8	5	13	27	8 ¹¹⁾	5 ¹²⁾	13	27	3901	3935	34	—	851	34	54
Варшавскомъ	20 ¹²⁾	9 ¹³⁾	26	26	18 ¹⁴⁾	8 ¹⁵⁾	26	32	7265 ¹⁴⁾	6563	—	702 ¹⁴⁾	2116	101	26
Дерптскомъ	12 ¹⁵⁾	—	2	17	12 ¹⁵⁾	—	2	18	2865	3193	328	—	431	—	126
Западной Сибири	2	—	2	2	2	—	2	2	524	503	—	21	90	—	20
Восточной Сибири	2 ¹⁶⁾	2	2	1	2 ¹⁶⁾	2	4	2	556	579	23	—	70	4	9
Итого	123	44	146	252	125	55	168	257	43254	44698	1444 ¹⁷⁾	—	9162	311	858

¹⁾ Въ томъ числѣ гимназія при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ.

²⁾ Въ томъ числѣ 3 шестиклассныя.

³⁾ Въ томъ числѣ общіе гимназическіе классы Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.

4) Въ томъ числѣ, кромѣ Лазаревскаго института, еще и Нижегородскій Александровскій институтъ и три вновь присоединенныя гимназіи, изъ коихъ одна отошла отъ Казанскаго и 2 отъ Харьковскаго учебныхъ округовъ.

5) Въ томъ числѣ Нижегородскій Александровскій институтъ.

6) Уменьшеніе произошло вслѣдствіе отчисленія Нижегородской губерніи къ Московскому и Пензенской къ Харьковскому учебнымъ округамъ. Въ оставшихся за Казанскимъ округомъ (до отдѣленія отъ него Оренбургскаго округа) гимназіяхъ и прогимназіяхъ было къ 1-му января 1874 года — 4360 учениковъ. Изъ этихъ гимназій и прогимназій выбыло до окончанія курса 668 человекъ.

7) Въ томъ числѣ 3 шестиклассныя.

8) Въ томъ числѣ 3 шестиклассныя.

9) Въ томъ числѣ коллегія Павла Галагана.

10) Въ томъ числѣ 3 шестиклассныя.

11) Въ томъ числѣ 2 шестиклассныя.

12) Въ томъ числѣ реальныя гимназіи, нынѣ преобразованныя въ реальныя училища.

13) Въ томъ числѣ 1 реальная прогимназія.

14) Въ томъ числѣ въ двухъ реальныхъ гимназіяхъ и одной реальной прогимназіи 578, а безъ нихъ 6687. Уменьшеніе простирается въ сущности до 124 человекъ.

15) Въ томъ числѣ рыцарское Домское училище въ Ревелѣ на правахъ съ курсомъ гимназіи.

16) Въ томъ числѣ прогимназія въ Николаевскѣ (въ Приморской области).

17) Къ 1-му января 1874 года число учащихся безъ двухъ реальныхъ гимназій и одной реальной прогимназіи Варшавскаго округа, которыя нынѣ преобразованы въ реальныя училища и въ счетъ гимназій и прогимназій къ 1-му января 1875 г. не входятъ, простиралось до 42876 чел., и, слѣдовательно, къ 1-му января 1875 г. увеличилось на 2022 чел.

В Ъ Д О М О С Т Ь

о распредѣленіи учениковъ, состоявшихъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ къ 1-му января 1875 года по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ.

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Общее число учащихся къ 1-му января 1875 г.	Въ томъ числѣ находилось.									
		По вѣроисповѣданіямъ.					По сословіямъ.				
		Православнаго.	Римско-католическаго.	Лютеранскаго.	Магометанск.	Прочихъ исповѣданій.	Дворянъ и чиновниковъ.	Духовнаго званія.	Городскихъ сословій.	Сельскихъ сословій.	Иностранцевъ.
С.-Петербургскомъ	4545 ¹⁾	3904	215	284	5	137	2765	228	1282	185	85
Московскомъ	6937	6321	167	176	1	272 ²⁾	3773	389	2394	295	86
Казанскомъ	4381	3982	82	159	56	102 ³⁾	2075	388	1475	400	43
Харьковскомъ	4480	4145	101	92	3	139	2451	301	1157	520	51
Одесскомъ	4100	2234	216	89	6	1555	1528	108	2244	110	110
Кіевскомъ	5337 ⁴⁾	3730 ⁵⁾	1029	96	30	476 ⁶⁾	3215	527	1119	311	98
Виленскомъ	3935 ⁷⁾	1248	1648	157	26	856	2250	190	1231	208	12
Варшавскомъ	6563	833 ⁸⁾	4645	325	10	750	3559	207	2063	700	34
Дерптскомъ	3193	394	293	2326	—	180	1292	205	1316	296	84
Западной Сибири	503	447	34	—	—	22	251	25	166	61	—
Восточной Сибири	579	535	7	6	—	31 ⁹⁾	247	28	257	21	26 ¹⁰⁾
Итого	44553	27773	8437	3710	137	4520	23407	2596	14704	3107	629

¹⁾ Не считая гимназій при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ, свѣдѣній по которой не имѣется.

²⁾ Въ томъ числѣ 132 армяно-грегоріанскаго исповѣданія въ Лазаревскомъ институтѣ.

³⁾ Въ томъ числѣ армяно-грегоріанскаго 32.

⁴⁾ При распредѣленіи учащихся по вѣроисповѣданіямъ, число ихъ показано на 24 болѣе, а при распредѣленіи по сословіямъ на 67 менѣ противъ общаго числа учениковъ.

⁵⁾ Въ томъ числѣ 6 старообрядцевъ.

⁶⁾ Всѣ еврейскаго закона.

⁷⁾ При распредѣленіи учащихся по сословіямъ, число ихъ показано на 44 менѣ противъ общаго числа учениковъ.

⁸⁾ Въ томъ числѣ греко-уніатскаго 180.

⁹⁾ Всѣ еврейскаго закона.

¹⁰⁾ Всѣ инородцы, въ томъ числѣ 25 въ Якутской прогимназій.

В Ъ Д О М О С Т Ь

о числѣ пансіоновъ и общихъ ученическихъ квартиръ при гимназіяхъ и прогимназіяхъ къ 1-му января 1875 г.

Въ учебныхъ оу- ргахъ.	Пансіоновъ.		Общихъ ученическ. квартиръ.				ВСЕГО.	
	Число заведе- ній.	Число воспи- танниковъ.	Казенныхъ.		Частныхъ.		Число заведе- ній.	Число воспи- танниковъ.
			Число заведе- ній.	Число воспи- танниковъ.	Число заведе- ній.	Число воспи- танниковъ.		
С.-Петербургскомъ.	8	843 ¹⁾	—	—	1	20	9	863
Московскомъ	12 ²⁾	816	—	—	5 ³⁾	91	17	907
Казанскомъ	6	284 ⁴⁾	—	—	1	19	7	303 ⁴⁾
Харьковскомъ	5	308	1	12	4 ⁵⁾	77 ⁶⁾	10	397
Одесскомъ	5	217	—	—	56 ⁶⁾	— ⁶⁾	61	441
Кіевскомъ	3 ⁷⁾	203 ⁸⁾	1	153	407 ⁷⁾	1570 ⁷⁾	411	(приблиз.) 1926
Віленскомъ	—	—	4	175	75	705	81	880
Варшавскомъ	—	—	—	—	375	2139 ⁹⁾	375	2139 ⁹⁾
Дерптскомъ	—	—	—	—	не показано.	не показано.	не показано.	не показано.
Западн. Сибири	2	69	—	—	—	—	2	69
Восточн. Сибири	1	64	—	—	—	—	1	64
Итого	42	2804	6	340	924	4621	974	7989

¹⁾ Сверхъ того 238 полупансіонеровъ.

²⁾ Въ томъ числѣ пансіонъ при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ и при Нижегородскомъ Александровскомъ Институтѣ.

³⁾ Не считая 10-ти малыхъ квартиръ, на коихъ помѣщается отъ 2 до 5 учениковъ на каждой.

⁴⁾ Сверхъ того 39 полупансіонеровъ.

⁵⁾ Въ томъ числѣ содержимое Тамбовскимъ земствомъ сиротское отдѣленіе съ 94 воспитанниками, изъ коихъ 52 обучаются въ гимназіи и показаны въ таблицѣ.

⁶⁾ Всѣ малыя съ числомъ учениковъ отъ 3 до 6-ти на каждой.

⁷⁾ Въ томъ числѣ содержимая обществомъ крестьянъ-собственниковъ Острогскаго уѣзда квартира при Острогской прогимназіи на 39 мальчиковъ изъ ихъ среды и 31 квартира съ 115 учениками, содержимая преподавателями гимназій и прогимназій.

⁸⁾ Въ томъ числѣ 60 въ благотворительныхъ пріютахъ и 286 у мѣстныхъ преподавателей.

⁹⁾ Въ томъ числѣ коллегія Павла Галагана.

В Ѣ Д С

о числѣ преподавательскихъ должностей 1) бывшихъ вакантными
щенными къ 1-му января 1875 го

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	С.-Петербургскомъ.			
	Общее число вакантныхъ должностей въ теченіе 1874 года.		Изъ сего числѣ осталось неизменными должностей 1-му январю 1875 г.	
	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.
Законоучителей	—	—	—	—
УЧИТЕЛЕЙ:				
Русскаго языка и словесности	—	—	—	—
Латинскаго языка	3	—	5	—
Греческаго языка				
Исторіи	2	—	1	—
Географіи				
Математики и физики	2	—	1	—
Французскаго языка	—	—	—	—
Нѣмецкаго языка	—	—	—	—
Рисованія, черченія и чистописанія	—	—	1	—
Итого	7	—	8	—
Учителей приготовительныхъ классовъ	1	—	—	—

МОСТЪ

еніе 1874 года или въ некоторой части его и 2) оставшихся незамѣ-
гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

Московскомъ.			Каванскомъ.				Харьковскомъ.			
Общее число вакантных должностей въ теченіе 1874 года.	Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1875 г.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіе 1874 года.		Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1875 г.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіе 1874 года.		Изъ сего числа осталось незамѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1875 г.	
	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	—	—	6	—	2	—	—	—	7	3
3	—	—	9	1	5	1	—	—	9	4
1	—	—	7	2	4	2	—	—	—	—
2	—	—	5	2	2	2	—	—	2	1
1	—	—	5	—	1	—	—	—	1	1
—	—	—	3	2	3	2	—	—	—	1
—	—	—	2	2	1	1	—	—	2	1
—	—	—	2	1	1	1	—	—	—	—
—	8	—	39	10	19	9	—	—	21	11
—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Одесскомъ.			
	Общее число вакантных должностей въ теченіе 1874 года.		Изъ сего чи осталось не изъясненны должностей 1-му янв 1875 г.	
	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.
Законоучителей	—	—	—	—
УЧИТЕЛЕЙ.				
Русскаго языка и словесности	—	—	2	—
Латинскаго языка	—	—	8	—
Греческаго языка	—	—	1	—
Исторіи	—	—	—	—
Географіи	—	—	—	—
Математики и физики	—	—	—	—
Французскаго языка	—	—	—	—
Нѣмецкаго языка	—	—	—	—
Рисованія, черченія и чистописанія	—	—	1	—
Итого . .	—	—	7	—
Учителей приготовительныхъ классовъ	—	—	—	—

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕГУ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. 17

Кіевскою.				Віленскою.				Дерптскою.	
Общее число вакантных должностей въ теченіе 1874 года.		Изъ сего числа осталось неза-мѣщеннымъ должностей къ 1-му января 1875 г.		Общее число вакантных должностей въ теченіе 1874 года.		Изъ сего числа осталось неза-мѣщеннымъ должностей къ 1-му января 1875 г.		Общее число вакантных должностей въ теченіе 1874 года.	Изъ сего числа осталось неза-мѣщеннымъ должностей къ 1-му января 1875 г.
Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.		Въ гимназіяхъ.
3	2	—	—	2	—	1	—	—	—
5	5	3	3	8	1	6	—	—	4
10	5	5	2	9	5	5	4	—	1
3	—	1	—	—	1	—	—	—	—
2	2	—	—	1	—	1	—	—	—
6	3	1	—	3	4	—	3	—	—
2	1	1	1	2	2	—	2	—	—
3	1	1	—	—	3	—	2	—	—
1	3	—	1	2	—	—	—	—	—
35	22	12	7	27	16	13	11	—	5
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Варшавскомъ			
	Общее число вакантных должностей въ теченіе 1874 года.		Изъ сего числа осталось незаполненными должностей къ 1-му января 1875 г.	
	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.
Законоучителей	—	—	—	—
УЧИТЕЛЕЙ.				
Русскаго языка и словесности	—	—	—	—
Латинскаго языка	—	—	—	—
Греческаго языка	—	—	—	—
Исторіи	—	—	—	—
Географіи	—	—	—	—
Математики и физики	—	—	—	—
Французскаго языка	—	—	1	1
Нѣмецкаго языка	—	—	—	—
Рисованія, черченія и чистописанія	—	—	1	1
Итого	—	—	2	2
Учителей приготовительныхъ классовъ	—	—	—	—

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. 19

Западной Сибиря.				Восточной Сибиря.				По всемъ учебнымъ округамъ.			
Общее число вакантныхъ должностей въ теченіе 1874 года.		Изъ сего числа осталось неза-мѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1875 г.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіе 1874 года.		Изъ сего числа осталось неза-мѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1875 г.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіе 1874 года.		Изъ сего числа осталось неза-мѣщенныхъ должностей къ 1-му января 1875 г.	
Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.
—	—	—	—	—	—	—	—	5	2	1	—
—	—	1	—	—	—	4	—	31	—	37	—
—	—	5	—	—	—	10	—	} 59	—	67	—
—	—	—	—	—	—	—	—		} 19	—	13
—	—	—	—	—	—	4	—	25		—	12
—	—	—	—	—	—	—	—	14	—	12	—
—	—	—	—	—	—	1	—	12	—	9	—
—	—	—	—	—	—	—	—	9	—	7	—
—	—	6	—	—	—	19	—	176	—	158	—
—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—

В Ѣ Д О

о средствахъ содержанія гимназій и прогимназій за 1874 годъ по ол

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Число заведеній.	Изъ государственнаго казначейства.		Изъ сбора платъ за содержаніе своекошт-ныхъ и разныхъ вспомоствъ воспитанник.		Изъ сбора за ученіе.		Обязательныхъ взносовъ отъ почетныхъ попечителей и бла-стителей.		Изъ суммъ дворянства.
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	
<i>С.-Петербургскомъ:</i>										
Гимназій.....	15	457.899	74	112.290	71	78.299	23	—	—	—
Прогимназій.....	6	91.804	16	—	—	19.820	9	—	—	—
И тѣхъ и другихъ вмѣстѣ ..	21	549.703	80	112.290	71	98.119	32	—	—	—
<i>Московскомъ:</i>										
Гимназій.....	20	480.994	52	151.311	49	104.258	97	—	—	—
Прогимназій.....	11	67.742	—	—	—	8.146	60	—	—	—
И тѣхъ и другихъ вмѣстѣ...	31	548.736	52	151.311	49	112.405	57	—	—	—
<i>Казанскомъ:</i>										
Гимназій.....	14	377.689	58	21.634	50	81.799	95	—	—	—
Прогимназій.....	2	5.050	—	—	—	460	—	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.....	16	382.739	58	21.634	50	82.259	95	—	—	—
<i>Харьковскомъ:</i>										
Гимназій.....	11	227.835	45	56.490	10	46.888	52	300	—	—
Прогимназій.....	9	78.088	90	—	—	12.911	59	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.....	20	305.923	35	56.490	10	59.800	11	300	—	—
<i>Одесскомъ:</i>										
Гимназій.....	11	291.026	85	55.216	78	58.183	94	4900	—	—
Прогимназій.....	6	69.892	—	—	—	17.505	70	1500	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ	17	360.918	85	55.216	78	75.689	64	6400	—	—
<i>Кіевскомъ:</i>										
Гимназій.....	12	307.789	33	49.732	60	81.631	—	—	—	—
Прогимназій.....	6	68.645	—	8.313	23	7.770	50	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ	17	376.434	33	58.045	83	89.401	50	—	—	—

МОСТЪ

истамъ попечителей учебныхъ округовъ.

Отъ городскихъ обществъ.		Отъ земствъ.		Изъ % съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Отъ одновременныхъ пожертвованій.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Изъ свѣчнаго и коробочнаго съ евреевъ сбора.		Изъ разныхъ источниковъ.		ВСЕГО.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
10.705	14	1.100	—	13.732	64	1.267	5	—	—	—	—	61.424	31	737.492	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	111.624	25
10.705	14	1.100	—	13.732	64	1.267	5	—	—	—	—	61.424	31	849.116	25
1.205	—	21.900	—	148.153	64	2.689	57	—	—	—	—	—	—	910.513	19
12.500	—	24.466	—	—	—	68	60	—	—	—	—	—	—	112.923	10
13.705	—	46.366	—	148.153	64	2.758	7	—	—	—	—	—	—	1.023.436	29
7.392	85	—	—	2.262	91	4.004	73	24.300	—	—	—	—	—	529.084	52
2.175	—	—	—	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	27.735	—
19.567	85	—	—	2.312	91	4.004	73	24.300	—	—	—	—	—	556.819	52
5.000	—	17.197	57	2.261	23	2.195	77	64.467	69	—	—	210	—	422.846	33
1.250	—	25.215	—	228	12	1.014	—	25.544	—	—	—	—	—	144.251	61
6.250	—	42.412	57	2.489	35	3.209	77	90.011	69	—	—	210	—	567.097	94
3.505	—	10.452	50	2.746	43	1.142	—	—	—	1.553	62	—	—	458.727	12
9.550	—	12.000	—	—	—	—	—	—	—	200	—	—	—	110.647	70
3.055	—	22.452	50	2.746	43	1.142	—	—	—	1.753	62	—	—	569.374	82
200	—	20.470	63	40.639	66	1.677	60	—	—	4.100	—	608	60	506.849	42
9.161	76	11.320	—	1.228	—	300	—	—	—	530	—	—	—	107.268	49
1.161	76	31.790	63	41.867	66	1.977	60	—	—	4.630	—	608	60	614.117	91

Въ учебныхъ округахъ.	Число заведеній.	Изъ государственнаго казначейства.		Изъ сбора платы за содержаніе свекотныхъ и разныхъ рѣдомствъ воспитанник.		Изъ сбора за ученіе.		Обязательныхъ взносовъ отъ почетныхъ преподавателей и благодѣтелей.		Изъ суммъ дворянства.
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	
<i>Виленскомъ:</i>										
Гимназій	8	241.387	30	—	—	66.810	57½	—	—	—
Прогимназій.....	5	77.591	26	—	—	15.364	25	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.....	13	318.978	56	—	—	82.174	82½	—	—	—
<i>Варшавскомъ:</i>										
Гимназій.....	18	501.791	37	—	—	7.402	35	—	—	—
Прогимназій.....	8	110.407	89	—	—	4) —	—	—	—	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ	26	612.199	26	—	—	7.402	35	—	—	—
<i>Дертскомъ:</i>										
Гимназій.....	11	141.162	97	—	—	36.940	—	—	—	22.915
<i>Западной Сибири:</i>										
Гимназій.....	2	60.068	35	3.219	16	4.671	59	—	—	—
<i>Восточной Сибири:</i>										
Гимназій.....	2	59.710	20	1.503	12	4.845	70	5) —	—	—
Прогимназій.....	1	20.307	10	—	—	558	—	6) 774	62	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.....	3	60.017	30	1.503	12	5.403	70	774	62	—
Итого: гимназій.....	125	3.147.355	56	451.397	47	571.731	82	5.200	—	22.915
Прогимназій.....	55	589.527	41	8.313	23	62.537	9	2.274	62	—
Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.....	180	3.736.882	97	459.710	70	634.268	91	7.474	62	22.915

1) Сверхъ того внесено въ государственный доходъ изъ сбора платы за ученіе 105.211 руб. 2) Здѣсь не показано Рыцарское Домское училище въ Ревелѣ. 3) Съ 61 к., изъ конхъ, между прочимъ, 32.753 р. 44 к. были раздѣлены между преподавателями гимназій и слушающихъ въ нихъ лицъ. 4) Здѣсь не показана прогимназія въ Иркутской гимназій статскій совѣтникъ Хаминновъ выстроилъ на свой счетъ домъ по

5) Въ томъ числѣ единовременныя пожертвованія, сумма конхъ въ отдѣльности

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. 23

Отъ городскихъ обществъ.		Отъ земствъ.		Изъ % съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Отъ единовременныхъ пожертвованій.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Изъ свѣчнаго и корочнаго съ евреевъ сбора.		Изъ разныхъ источниковъ.		ВСЕГО.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
1.340	—	—	—	14.885	74	—	—	—	—	7.100	—	1.890	—	333.413	61½
175	—	—	—	2.614	66	—	—	—	—	2.350	—	6.298	31	104.393	48
1.515	—	—	—	17.500	40	—	—	—	—	9.450	—	8.188	31	437.807	9½
—	—	—	—	262	47	—	—	—	—	—	—	—	—	509.456	19
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	110.407	89
—	—	—	—	262	47	—	—	—	—	—	—	—	—	619.864	8
29.764	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3.480	—	234.261	17
2.100	—	—	—	2.096	97	378	50	—	—	—	—	—	—	72.534	57
—	—	—	—	103	58	—	—	—	—	—	—	—	—	66.162	60
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	21.639	72
—	—	—	—	103	58	—	—	—	—	—	—	—	—	87.802	32
101.211	85	71.120	70	212.259	28	13.355	22	88.767	69	12.753	62	67.612	91	4.680.566	86
54.811	76	73.001	—	14.855 р. 74 к.	78	1.382	50	25.544	—	3.080	—	6.298	31	830.890	70
156.023	61	144.121	70	216.380	6	14.737	72	114.311	69	15.833	62	73.911	22	5.511.457	56
				14.855 р. 74 к.											

въ гимназіяхъ Варшавскаго округа 93.013 р. и въ прогимназіяхъ 12.198 руб., всего на сбора за ученіе въ 11-ти гимназіяхъ округа простиралась въ 1874 году до 89.745 р. и, собственно не болѣе 17.000 р. не были непосредственно употреблены на содержание на Амурѣ за недоставленіемъ точныхъ свѣдѣній. *) Почетный попечитель квартеру директора и инспектора гимназіи стоимостью приблизительно въ 20.000 р. неизвестна.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

О числѣ уѣздныхъ и городскихъ училищъ, учащихся въ нихъ и окончившихъ курсъ въ 1874 году.

ПО ОКРУГАМЪ.	Состояло учебныхъ заведеній.						Находилось учащихся.		Выбывшихъ въ 1874 г.	
	Уѣздныхъ училищъ.	Къ 1 янв. 1874 г.		Уѣздныхъ училищъ.	Къ 1 янв. 1875 г.		Къ 1-му января 1874 г.	Къ 1-му января 1875 г.	До окончания курса.	По окончаніи курса.
		При нихъ.	Дополнительныхъ курсовъ.		Ремесленныхъ классовъ.	При нихъ.				
С.-Петербургскому	44	¹⁾ 7	4	44	4	4	2779	²⁾ 2850	546	387
Московскому	85	³⁾ 5	1	105	5	1	6761	³⁾ 8578	1538	953
Харьковскому	59	2	—	⁴⁾ 56	1	—	3916	4491	770	494
Казанскому	84	⁵⁾ 4	8	67	2	8	7427	6276	1586	720
Виленскому.....	40	—	—	40	—	—	2065	2487	362	305
Кіевскому.....	32	—	—	⁶⁾ 32	—	—	1778	2052	355	197
Одесскому.....	33	11	15	⁷⁾ 32	5	15	2417	3042	466	369

¹⁾ Закрыты дополнительные курсы бухгалтеріи при трехъ уѣздныхъ училищахъ Псковской губерніи.

²⁾ Сверхъ того въ ремесленныхъ классахъ 88 учащихся.

³⁾ Число уѣздныхъ училищъ и учащихся въ нихъ увеличилось отъ присоединенія къ округу двухъ губерній Нижегородской и Орловской. Въ числѣ 105 находится 5 городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 г. трехклассныя: въ Москвѣ, Ярославлѣ; двухклассныя: въ Скопинѣ, Дорогобужѣ и Романово-Борисоглабскѣ.

⁴⁾ Число училищъ измѣнилось отъ замѣны Орловской губерніи Пензенскою.

⁵⁾ Число училищъ и учащихся въ нихъ уменьшилось за причисленіемъ Пензенской губерніи къ Харьковскому и Нижегородской губерніи къ Московскому округу. Губерніи Уфимская, Оренбургская, Пермская и область Уральская, вошедшія съ 1-го января 1875 года въ составъ новаго Оренбургскаго учебнаго округа, показаны здѣсь еще въ составѣ Казанскаго округа. Въ числѣ 67 и Нижнетагильское реальное училище.

⁶⁾ Въ числѣ 32 училищъ считаются 1 дворянское уѣздное училище Полтавской губерніи и Александровское греческое училище въ Нѣжинѣ.

⁷⁾ Уѣздное училище въ Мелитополь (Таврической губерніи) преобразовано въ реальное. Въ числѣ 32 находится двухклассное Бердянское городское по положенію 31-го мая 1872 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. 25

ПО ОКРУГАМЪ.	Состояло учебныхъ заведеній.						Находилось учащихся.		Выбывшихъ въ 1874 г.			
	Уѣздныхъ училищъ.	Къ 1 янв. 1874 г.			Уѣздныхъ училищъ.	Къ 1 янв. 1875 г.			Къ 1-му января 1874 г.	Къ 1-му января 1875 г.	До окончания курса.	По окончаніи курса.
		При нихъ.				При нихъ.						
		Дополнительныхъ курсовъ.	Ремесленныхъ классовъ.			Дополнительныхъ курсовъ.	Ремесленныхъ классовъ.					
Дерптскому.....	20	4	—	20 ^{а)}	4	—	1772	1935	429	127		
Варшавскому.....	1	—	—	1 ^{б)}	—	—	111	116	50	—		
Западной Сибири.....	13	1	—	13	1	—	857	891	159	88		
Восточной Сибири.....	1	—	—	9	—	—	733	780	131	80		
Вообще..	420	34	28	419	22	28	30616	33498	6392	3720		
Въ томъ числѣ городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 г.....	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—		

^{а)} Въ томъ числѣ Митавское реальное училище и Ревельское 3-хъ классное городское училище по положенію 31-го мая 1872 г., съ нѣкоторыми отступленіями.

^{б)} Трехклассное городское училище въ Варшавѣ по положенію 31-го мая 1872 года, съ нѣкоторыми отступленіями.

В Ѣ Д С

Объ учительскихъ семинаріяхъ, шк

ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.	Число учебныхъ заведеній.		Число учащихся.		Число окончившихъ въ 1874 .	
	Къ 1 января 1874 г.	Къ 1 января 1875 г.	Къ 1 января 1874 г.	Къ 1 января 1875 г.	До окончания курса.	По окончаніи курса.
1. С.-Петербургскому:						
Учительскихъ семинарій	2	3	100	145	8	13
Земскихъ мужскихъ учительскихъ школъ.	2	2	135	136	—	—
Земскихъ женскихъ учительскихъ школъ.	—	1	—	48	—	—
Педагогическихъ курсовъ при уѣздныхъ училищахъ	3	1	7	—	—	—
2. Московскому:						
Учительскихъ семинарій	2	4	133	222	11	16
Земскихъ учительскихъ школъ: а) для приготовления учителей	3	2	193	183	23	3
б) для приготовленія учительницъ	3	2	111	148	1	8
Школа для приготовленія учительницъ на счетъ братства Св. Равноапостольной Маріи въ Москвѣ	1	1	56	56	—	24
3) Харьковскому:						
Учительскихъ семинарій	2	3	119	137	5	22
Еваторьянинскій учительскій институтъ въ Тамбовѣ	1	1	114	114	10	14
Земская учительская школа	1	1	38	76	1	—
Земскіе педагогическіе курсы при Воронежской гимназій	1	1	52	58	2	3

МОСТЪ

АХЪ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ КУРСАХЪ.

ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНІЯ.												ВСЕГО.	
Изъ суммъ го-сударственнаго казначейства.		Отъ земства.		Отъ город-скихъ и сель-скихъ об-ществъ.		Изъ сбора пла-тъ за ученіе.		Изъ процен-товъ съ пожер-тованныхъ капиталовъ.		Изъ пожертво-ванныхъ и дру-гихъ источни-ковъ.			
РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.
1913	—	4372	16	260	—	—	—	—	—	700	—	47245	16
—	—	35109	84	—	—	—	—	—	—	—	—	35109	84
—	—		731	40	—	—	—	—	—	—	—		—
8611	—	1850	—	—	—	—	—	—	—	10435	—	70896	—
—	—	40035	64	—	—	—	—	—	—	500	—	40535	64
—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3908	—	26450	—	1000	—	—	—	—	—	—	—	61358	—
—	—	4298	75	—	—	—	—	25148	25	3614	—	33061	—
—	—	13003	51	—	—	—	—	—	—	—	—	13003	51
—	—	3975	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3975	—

ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.	Число учебныхъ заведеній.		Число учащихся.		Число выбившихъ въ 1874.	
	Къ 1 января 1874 г.	Къ 1 января 1875 г.	Къ 1 января 1874 г.	Къ 1 января 1875 г.	До окончанія курса.	По окончаніи курса.
4) <i>Казанскому:</i>						
Учительскихъ семинарій	3	3	230	260	25	26
Татарская учительская школа	1	1	24	31	—	—
Земскія учительскія школы: а) для пригото- вленія учителей	1	1	74	95	—	—
б) для приготовленія учительницъ	2	2	107	256	23	—
5) <i>Виленскому:</i>						
Учительскихъ семинарій	3	3	189	207	28	21
6) <i>Кіевскому:</i>						
Учительскихъ семинарій	1	1	106	107	16	27
Земскихъ учительскихъ школъ	1	1	95	91	—	19
7) <i>Одесскому:</i>						
Учительскихъ семинарій	2	3	191	231	24	9
Татарская учительская школа	1	1	31	32	6	—
8) <i>Дерптскому:</i>						
Учительскихъ семинарій	2	2	127	144	19	23
9) <i>Варшавскому:</i>						
Учительскихъ семинарій	9	9	663	561	113	135
10) <i>Западной Сибири:</i>						
Учительскихъ семинарій	1	1	33	41	3	—

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. 29

ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНІЯ.												ВСЕГО.	
УВ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.		
7346	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	67346	—
3392	40	—	—	—	—	—	—	—	—	130 (изъ спеціальныхъ средствъ).	—	13522	40
—	—	53993	56	—	—	—	—	—	—	—	—	53993	56
1455	18	—	—	3028	74	—	—	1381	12 ³ / ₄	5250 (въ томъ числѣ изъ суммъ округа 4000 руб.	—	51115	4 ³ / ₄
4698	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14698	—
—	—	13430	—	—	—	—	—	102	—	500	—	14032	—
4261	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1000	—	45201	—
3520	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13520	—
8622	20	—	—	—	—	1504	—	—	—	—	—	30126	20
4402	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	94402	50
6698	—	—	—	800	—	—	—	—	—	—	—	17498	—

ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.	Число учебныхъ заведеній.		Число учащихся.		Число выбывш. въ 1874 года	
	Къ 1 января 1874 г.	Къ 1 января 1875 г.	Къ 1 января 1874 г.	Къ 1 января 1875 г.	До окончания курса.	По окончании курса.
11) <i>Восточной Сибири:</i>						
Учительскихъ семинарій	2	2	45	63	8	—
Вообще..	50	52	2973	3394	328	36
Учительскихъ семинарій	29	34	1936	2070	260	29
Земскихъ учительскихъ школъ мужскихъ.	8	7	535	581	24	2
» » » » женскихъ.	5	5	218	452	24	
Тамбовскій Екатерининскій учительскій институтъ	1	1	114	114	10	1
Школа для приготовленія учительницъ въ Москвѣ	1	1	56	56	—	2
Татарскихъ учительскихъ школъ	2	2	55	63	6	—
Педагогическихъ курсовъ	4	2	59	58	2	

Примѣчаніе: Показанныя здѣсь учебныя заведенія находятся въ слѣдующихъ (Смоленской губерніи), селѣ Поливановѣ (Московской губерніи), селѣ Новомъ (Хмарѣ и селѣ Порѣцкомъ (Симбирской губерніи); въ Молодечнѣ, Полоцкѣ и Пондеритѣ и Ригѣ; въ Варшавѣ, Ленчицѣ, Холмѣ, Блѣ, Сѣнницѣ, Солицѣ, Андреевскія школы: мужскія: въ С.-Петербургѣ, Новгородѣ, въ Рязани, Торжкѣ, въ Курзани и Самарѣ; татарскія учительскія школы — въ Уфѣ и Симеорополѣ; педагогическія гимназіи въ Воронежѣ.

ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНІЯ.												ВСЕГО.	
Изъ суммъ государственнаго казначейства.		Отъ земства.		Отъ городовыхъ и сельскихъ обществъ.		Изъ сбора платы за уче-ніе.		Изъ процен-товъ съ пожертвованныхъ ка-питаловъ.		Изъ пожертво-ванныхъ и дру-гихъ источни-ковъ.			
УВ.	К.	РУВ.	К.	РУВ.	К.	РУВ.	К.	РУВ.	К.	РУВ.	К.	РУВ.	К.
834	—	—	—	6453	9	—	—	—	—	—	—	57287	0
9601	28	197249	86	11541	83	1504	—	26631	37 ³ / ₄	22129	—	778657	34 ³ / ₄

стахъ: *Учительскія семинаріи*: въ Гатчинѣ, Тотьмѣ и Псковѣ; въ селѣ Алѣеровѣ (авсгой губерніи) и Карачевѣ; въ Бѣлгородѣ, Волчанскѣ и Пензѣ, въ Казани, Са-; въ мѣстечкѣ Коростышевѣ, въ Херсонѣ, Байрамчѣ и селѣ Новомъ Бугѣ; въ имѣніи и Вейверахъ; въ Омскѣ, въ Иркутскѣ и Красноярскѣ; *земскія учитель-Ваткѣ, въ Черниговѣ; женскія*: въ С.-Петербургѣ, въ Костромѣ и Твери, въ Ка-е курсы при уѣздномъ училищѣ въ Великихъ Лукахъ (Псковской губерніи) и при

В Ѣ Д С

О ЧИСЛѢ НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ

ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.	Число училищъ				Общее число началь- ныхъ учи- лищъ.	Ч и с л о			
	двухклас- сныхъ		одно- классныхъ			въ двухклассныхъ учи- лищахъ			
	городскихъ.	сельскихъ.	городскихъ.	сельскихъ.		городскихъ		сельскихъ	
						мужскаго пола.	женскаго пола.	мужскаго пола.	женскаго
С.-Петербургскому.	22	33	105	1831	1991	1048	445	2407	5
Московскому . . .	30	54	468	4616	5168	1631	1036	5568	7
Харьковскому . . .	7 ²⁾	20	125	2093	2245	2041 муж. пола 270 жен. п			
Казанскому	9	31	241 ³⁾	3161 ⁴⁾	3442	3332 муж. пола 699 жен. п			
Кіевскому	66	16	117	1825 ⁵⁾	2024	3228	1478	1385	1
Виленскому	19	4	114	1837	1974 ⁶⁾	929	413	351	
Одесскому	67		1098 ⁷⁾		1165	2099 муж. пола 1370 ж. п			
Дерптскому	14	—	103	373	490 ⁸⁾	1415	452	—	—
Варшавскому	39	9	395	2654	3097 ⁹⁾	3099 муж. пола 966 жен. п			
Западной Сибири .	—	—	45	347	392 ¹⁰⁾	—	—	—	—
Восточной Сибири.	2	—	27	372	401	139	—	—	—
Итого	67		1098		22889	11031 м. п.		2605 ж.	
	208	167	1740	19109		8390	3824	9711	13

¹⁾ Здѣсь показаны только выбывшіе изъ 179 училищъ, непосредственно подъя

²⁾ Одно изъ нихъ 3-хъ классное училище Дашкевича въ Красноутоцкѣ. . . .

³⁾ Въ томъ числѣ 4 участковыя школы въ Оренбургѣ, 3 воскресныя школы

⁴⁾ Въ томъ числѣ 19 татарскихъ школъ съ обученіемъ русскому языку, 9 русскихъ оренбургскаго казачьяго войска.

⁵⁾ Въ томъ числѣ 2 воскресныя школы, 24 фундушевыхъ школъ и 887 церко

⁶⁾ Въ томъ числѣ 532 отдѣленія начальныхъ училищъ.

⁷⁾ Въ томъ числѣ 23 татарскія и 3 каранискія училища.

⁸⁾ Въ томъ числѣ 370 училищъ въ православныхъ селеніяхъ; кромѣ того въ учащихся, перешедшія нмѣ въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

⁹⁾ Въ томъ числѣ 486 евангелическихъ канторатовъ.

¹⁰⁾ Въ томъ числѣ 17 татарскихъ школъ.

ЛОСТЬ

учающихъ въ нихъ къ 1-му января 1875 года.

У Ч А Щ И Х С Я				Общее число учащихся		Въ теченіи 1874 г. выбыло	
въ одноклассныхъ училищахъ							
Г О Р О Д С К И Х ъ		С Е Л Ъ С К И Х ъ		мужского пола.	женского пола.	до окончанія курса.	по окончаніи курса.
мужского пола.	женского пола.	мужского пола.	женского пола.				
4085	1618	47055	9397	54595	12005	1147)	674
20337	9729	137282	16591	164818	28056	12188	7369
101342 мужского пола		11189 женского пола		103383	11459	18223	7200
125746 мужского пола		23269 женского пола		129078	23968	19583	8074
49720 мужского пола		6102 женского пола		54333	7704	6422	4191
3144	1816	68056	3737	72480	5986	13636	3487
36050 мужского пола		9139 женского пола		38609	10509	4463	2086
3381	2533	7463	3612	12259	6597	1713	1137
107225 мужского пола		55797 женского пола		110324	56063	17806	9896
6057 мужского пола		1442 женского пола		8057	1442	1369	708
800	121	5700	1342	6719	1463	570	318
28140 мужского пола		106938 женского пола		754655	165252	97120	45149
31827	15817	265556	34679				

ь дирекціямъ народныхъ училищъ, а по прочимъ училищамъ пять свидѣній.

селенныхъ училищъ.

совъ при медресе, 7 школъ святотроицкаго златоустовскаго братства и 482 школы

юденихъ школъ.

искихъ губерніяхъ въ лютеранскихъ селеніяхъ есть еще 2042 училища съ 86812

В Ѣ Д С
ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ СОДЕРЖАНІЯ НАЧАЛЬНЫХЪ

Наименованіе источниковъ содержанія.	Расходы начальныхъ училищъ							
	С.-Петербургскому.				Московскому.			
	Двухкласс- ныхъ.		Одноклас- ныхъ.		Двухкласс- ныхъ.		Одноклас- ныхъ.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
1. Изъ суммъ государственнаго казначейства	43270	33	28775	—	48539	—	59584	—
2. Отъ городскихъ думъ, ратушъ и управленій	4995	27	366	5	33156	42	195007	—
3. Отъ сельскихъ обществъ и попечительствъ	6598	—	107508	41	5888	4	165577	—
4. Отъ земства	5094	34	154033	28½	9145	60	487279	—
5. Отъ дворянства	—	—	—	—	—	—	250	—
6. Изъ суммъ сбора за ученіе	271	—	—	—	131	59	11600	—
7. Обязательныхъ взносовъ почетныхъ смотрителей и блюстителей	1991	—	1825	—	370	—	24546	—
8. Пожертвованій отъ частныхъ лицъ	6976	26	6884	4	2520	59	78173	—
9. Изъ военныхъ суммъ	—	—	—	—	—	—	—	—
10. Изъ специальныхъ средствъ	—	—	430	—	2449	96	1092	—
11. Отъ разныхъ вѣдомствъ	—	—	—	—	—	—	1860	—
12. Свѣчнаго и коробочнаго сбора съ евреевъ	—	—	—	—	—	—	—	—
13. Изъ разныхъ другихъ источниковъ	240	—	—	—	178	25	40	—
Итого	69436	20	299822	78½	102379	45	1025012	—

МОСТЪ
ЧИЛИЩЪ ВЪ 1874 ГОДУ.

по учебнымъ округамъ.

Харьковскому.				Казанскому.				Кіевскому.				Вилкокому.			
вукласс-ныхъ.		Однокласс-ныхъ.		Двукласс-ныхъ.		Однокласс-ныхъ.		Двукласс-ныхъ.		Однокласс-ныхъ.		Двукласс-ныхъ.		Однокласс-ныхъ.	
руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
3640	50	28215	35	14222	50	50752	21	168730	45	38286	—	8646	10	152586	47½
				10836	6	134814	2½	9597	10	16512	—	8013	50	8506	45
7038	33	211924		2537	70	177709	30½	2040	—	65600	13	1211	—	154884	7½
500	—	224712	44	14887	13	528934	98½	950	—	33219	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	6989	—	—	—	—	—	—	—
500	—	14520	—	11287	—	31772	60	—	—	—	—	—	—	—	—
120	—	16234	—	—	—	—	—	4101	46	6429	77	406	40	2696	7
—	—	65218	—	—	—	76763	60	—	—	—	—	—	—	—	—
3750	—	—	—	—	—	6994	40	—	—	4249	28	1618	85	18627	62
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1533	86	54	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	2893	34	—	—	—	—	6565	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
548	83	560823	94	53770	39	1007741	12½	195081	35	165830	4	19949	85	343865	68½

Наименованіе источниковъ содержанія.	Расходы начальныхъ училищъ							
	Одесскому.				Дерптскому.			
	Двухкласс- ныхъ.		Одноклас- ныхъ.		Двухкласс- ныхъ.		Одноклас- ныхъ.	
	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.
1. Изъ суммъ государственнаго казначейства	10922	50	15763	—	6975 р. 38 к.			
2. Отъ городскихъ думъ, ратушъ и управленій	44130	—	78727	—	59409 р.			
3. Отъ сельскихъ обществъ и попечительствъ	5775	—	118419	—	—	—	—	—
4. Отъ земства	12900	—	189135	72	—	—	—	—
5. Отъ дворянства	—	—	—	—	1000 р.			
6. Изъ суммъ сбора за ученіе	—	—	—	—	27748 р.			
7. Обязательныхъ взносовъ почетныхъ смотрителей и блюстителей	3536	—	5710	—	—	—	—	—
8. Пожертвованій отъ частныхъ лицъ	450	—	2045	—	4400 р.			
9. Изъ военныхъ суммъ	—	—	—	—	—	—	—	—
10. Изъ специальныхъ средствъ	333	—	1471	—	12176 р. 16 к.			
11. Отъ разныхъ вѣдомствъ	—	—	—	—	400 р.			
12. Свѣчнаго и коробочнаго сбора съ епресей	—	—	400	—	—	—	—	—
13. Изъ разныхъ другихъ источниковъ	—	—	—	—	690 р.			
Итого	78046	50	411670	72	112798 р. 54 к.			

*) Эти суммы по отчету Управленія Харьковскимъ учебнымъ округомъ показаны

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. 37

по учебнымъ округамъ.

Варшавскому.				Западной Сибиря.				Восточной Сибиря.				Вообще по всемъ округамъ.			
двукласс-ныхъ.		Однокласс-ныхъ.		Двукласс-ныхъ.		Однокласс-ныхъ.		Двукласс-ныхъ.		Однокласс-ныхъ.		Двукласс-ныхъ.		Однокласс-ныхъ.	
руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
245	31	97976	13	—	—	19223	68	13493 р. 5 к.				20168 р. 43 к.			
												317216 69 491162 70			
513	20	17790	98	—	—	18996	48	18566 р. 14 1/4 к.				77975 р. 14 1/4 к.			
												112241 55 470720 73			
95	45	379781	26	—	—	—	—	39635 р. 14 1/4 к.				7038 33 211924 15			
												89635 р. 44 1/4 к.			
												39045 19 1169480 94			
												43477 7 1617315 96			
												1000 р.			
												— — 250 —			
100	—	542	25	—	—	—	—					27748 р.			
												8671 59 12142 25			
												17684 — 78373 60			
												7260 р.			
22	50	3261	71	—	—	910	81	2860 р.				14897 21 116634 90			
												— — 141981 60			
												12828 р. 66 к.			
25	50	6331	64	—	—	445	40	652 р. 50 к.				8177 31 39642 1			
												400 р.			
												54 — 3393 86			
		168	—	—	—	—	—					2693 34 7183 —			
		7653	90	—	—	—	—					690 р.			
												418 25 7693 90			
101	96	513505	87	—	—	39576	37	75206 р. 83 1/2 к.				188005 р. 37 1/2 к.			
												571624 53 4367848 76			

издѣльно между городскими и сельскими обществами.

В Ѣ Д С

О числѣ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства и
источникахъ ихъ содержан

Въ учебныхъ округахъ.	Число учеб- ныхъ заведе- ній.		Число уча- щихся.		Число вышедшихъ по окон- чаніи курса въ 1874 году.	ИСТО		
	Къ 1-му января 1874 г.	Къ 1-му января 1875 г.	Къ 1-му января 1874 г.	Къ 1-му января 1875 г.		Изъ суммъ го- сударственнаго казначейства.		Отъ город- скихъ об.
						РУБ.	К.	
<i>С.-Петербургскомъ:</i>								
Гимназій	6	6	1171	1309	17	12000	—	8416
Прогимназій	12	12	1020	1090	62	12000	—	7064
<i>Московскомъ:</i>								
Гимназій	8	12	} 4356	2969	165	10200	—	18599
Прогимназій	25	27		2599	150	12100	—	25742
<i>Харьковскомъ:</i>								
Гимназій	7	7	} 4522	5303	291	22650	—	70354
Прогимназій	29	31						
<i>Казанскомъ:</i>								
Гимназій	10	8	2589	2212	66	} 20360	—	49744
Прогимназій	22	21	2515	2640	191			

МОСТЪ

однаго просвѣщенія и о числѣ учащихся въ нихъ, а также и объ
 въ 1874 году.

ОСНОВНЫЯ ПОКАЗАТЕЛИ СОДЕРЖАНІЯ.

Отъ земства.		Изъ войско- выхъ суммъ.		Сбора за уче- ніе.		о /о стъ пожер- тованныхъ капиталовъ.		Пожертвованій разныхъ об- ществъ и лицъ.		Изъ разныхъ источниковъ.		ВСЕГО.	
РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.
8217	68	—	—	30187	75	2668	70	2134	50	845	—	64469	63
5700	—	—	—	2048	—	968	—	1244	50	469	86	29495	16
3450	—	—	—	64589	30	4682	96	1792	84	2071	45	125385	55
1660	—	—	—	12564	74	1893	62	5182	84	—	—	69143	87
1660	91	6240	—	68470	65	2796	—	17509	1	360	—	230043	22
0781	31	11760	—	43440	65	7868	23	12923	4	—	—	186878	68

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведений.		Число учащихся.		Число вышедшихъ по окончаніи курса въ 1874 году.	ИСТОЧНИКИ		
	Къ 1-му января 1874 года.	Къ 1-му января 1875 года.	Къ 1-му января 1874 года.	Къ 1-му января 1875 года.		Изъ суммъ государственнаго казначейства.		Отъ городскихъ суммъ.
						РУБ.	К.	
<i>Кіевскому:</i>								
Гимназій	3	3	777	882	47	14612	—	1280
Прогимназій	8	11	610	936	70	21370	—	9670
<i>Одесскому:</i>								
Гимназій	11	11	2938	3118	74	15696	—	59520
Прогимназій	9	11	1166	1415	45	8304	—	16600
<i>Виленскому:</i>								
Виленское Маріинское женское училище 1-го разряда.	1	1	363	469	11	14491	—	—
<i>Дерптскому:</i>								
Гимназій	1	1	211	220	—	3000	—	1000
Прогимназій	—	1	—	27	—	4860	—	—
<i>Варшавскому:</i>								
Гимназій	10	10	1381	1635	118	193396	88	—
Прогимназій	7	7	546	533	67			
Высшее женское училище въ г. Холмѣ	1	1	117	133	13	29275	—	—
<i>Западной Сибири.</i>								
Гимназій	2	2	482	517	26	3750	—	80
Прогимназій	9	9	742	713	44	7250	—	699

ЛИКИ СОДЕРЖАНІЯ.

Отъ земства.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Сбора за уче- ніе.		о/о съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Пожертвованій разныхъ об- ществъ и лицъ.		Изъ разныхъ источниковъ.		ВСЕГО.	
РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.
5000	—	—	—	19713	25	1387	—	489	54	—	—	42481	79
6973	—	—	—	12838	—	92	—	1363	40	—	—	52306	40
26295	—	—	—	86722	80	5324	83	2186	65	2500	—	198251	82
10397	22	—	—	15391	25	120	—	2192	60	745	—	53750	7
—	—	—	—	31865	—	—	—	600	—	1500	—	48456	—
—	—	—	—	7585	—	—	—	133	85	—	—	11718	85
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4860	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	193396	88
—	—	—	—	3568	67	—	—	—	—	—	—	32843	67
—	—	—	—	—	—	145	41	20474	—	—	—	25169	90
—	—	—	—	—	—	1362	32	2364	89	—	—	17969	20

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведеній.		Число учащихся.		Число выбывшихъ по окончаніи курса въ 1874 году.	ИСТО		
	Къ 1-му января 1874 года.	Къ 1-му января 1875 года.	Къ 1-му января 1874 года.	Къ 1-му января 1875 года.		Изъ суммъ государственнаго казначейства.		Отъ городскихъ об-ществъ.
						Руб.	К.	
<i>Восточной Сибири:</i>								
Гимназій	1	1	210	262	2	2000	—	3300
Прогимназій	7	7	429	538	44	10000	—	5899
Итого: Гимназій	59	61	25665	28918	1479	373548	—	284993
Прогимназій	128	137						
Высшихъ женскихъ училищъ.	2	2	480	602	24	43766	88	—
Вообще	189	200	26145	29520	1503	417314	88	284993

Женскія гимназій и прогимназій находятся:

- 1) *Въ С.-Петербургскомъ округѣ:* 6 гимназій: въ Кронштадтѣ, Псковѣ, Вологдѣ, Порховѣ, Череповцѣ, Вязозерскѣ, Старой Русѣ, Грязовцѣ, Тотмѣ, Великомѣ, Устюгѣ.
- 2) *Въ Московскомъ округѣ:* 12 гимназій: во Владимирѣ, Твери, Ярославлѣ, Рыбинскѣ, 27 прогимназій: въ Серпуховѣ, Коломнѣ, Богородскѣ, Павловскомъ посадѣ, Александровѣ, Логринѣ, Галичѣ, Скопинѣ, Сапожковѣ, Ефремовѣ, Крапивнѣ, Мосальскѣ, Мещовскѣ.
- 3) *Въ Харьковскомъ округѣ:* 7 гимназій: въ Харьковѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ, Волчанскѣ, Павловскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Грайворонѣ, Новомъ-Осколѣ, Обоянѣ, Чиркѣ, Козловѣ, Липецкѣ, Шигемѣ, Домовѣ, Пензѣ, Богучарѣ, станицѣ Каменской, Ахтыркѣ.
- 4) *Въ Казанскомъ округѣ:* 8 гимназій: въ Казани, Самарѣ, Уфѣ, Оренбургѣ, Вяткѣ, Алатырѣ, Курмышѣ, Сызрани, Чистополѣ, Челябинскѣ, Бугуруславѣ, Вирскѣ, Ирбитѣ, Мензелинскѣ, Троицкѣ, Слободскомѣ и Кунгурѣ.
- 5) *Въ Киевскомъ округѣ:* 3 гимназій: въ Кіевѣ, Черниговѣ и Полтавѣ; 11 прогимназій: Переяславлѣ, Кобелякахъ, Золотоношѣ и Черниговѣ.
- 6) *Въ Одесскомъ округѣ:* 11 гимназій: въ Одессѣ, Херсонѣ, Николаевѣ, Елисаветѣ и Кишиневѣ; 11 прогимназій: въ Херсонѣ, Николаевѣ, Анальскѣ, Бобринцѣ, Александровѣ.
- 7) *Въ Виленскомъ округѣ:* 1. Маріинское высшее женское училище въ Вильнѣ.
- 8) *Въ Дерптскомъ округѣ:* 1 гимназія въ Ригѣ и 1 прогимназія въ Ревелѣ.
- 9) *Въ Варшавскомъ округѣ:* 10 гимназій: I, II, III и IV въ Варшавѣ, Калишѣ, Кляцкѣ, Свидомѣ, Ломжѣ, Ловичѣ и Варшавѣ, и 1 высшее училище въ Холму.
- 10) *Въ Западной Сибири:* 2 гимназій: въ Омскѣ и Томскѣ; 9 прогимназій: въ Иркутскѣ, Алуторонскѣ.
- 11) *Въ Восточной Сибири:* 1 гимназія: въ Иркутскѣ; 7 прогимназій: въ Нижнеудинскѣ, Тарбагатайнѣ, Тунгускѣ, Тунгускѣ, Тунгускѣ, Тунгускѣ, Тунгускѣ.

НИКИ СОДЕРЖАНІЯ.

Отъ земства.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Сбора за уче- нне.		о/о съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Пожертвованій разныхъ об- ществъ и лицъ.		Изъ разныхъ источниковъ.		ВСЕГО.	
РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.
—	—	—	—	5287	—	224	40	120	—	750	88	11682	28
—	—	—	—	3986	—	3586	—	6148	—	80	—	29699	50
80135	12	18000	—	372824	39	33119	47	76259	66	7822	19	1346702	80
—	—	—	—	35433	67	—	—	600	—	1500	—	81299	67
180135	12	18000	—	408258	6	33119	47	76859	66	9322	19	1428002	47

Иовгородъ, Петрозаводскъ и Архангельскъ; 12 прогимназій: въ Лугъ, Вытегръ, Опочкѣ, Иренскѣ и Устьсысольскѣ.

къ, Востромъ, Тулѣ, Калугѣ, Смоленскѣ, Вязьмѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Орлѣ и Ельцѣ; 2, Вязинкахъ, Муромѣ, Переславлѣ, Шуѣ, Кашинѣ, Торжкѣ, Ростовѣ, Нерехтѣ, Ко-Киздрѣ, Дорогобужѣ, Рославлѣ, Арзамасѣ, Ливнахъ и Карачевѣ.

къ, Новочеркасскѣ, Сумахъ, и Пензѣ; 31 прогимназія: въ Зміевѣ, Лебединѣ, Изюмѣ, Утаромѣ Осколѣ, Корочѣ, Фатежѣ, Новохоперскѣ, Бирючѣ, Валуйкахъ, Задонскѣ, Нижне-Зуджѣ, Усть-Медвѣдицкѣ, Усмани, Урючинской станицѣ, Острогжскѣ, Саранскѣ и

Перми, Екатеринбургѣ и Уральскѣ (дѣвичье училище); 21 прогимназія: въ Оренбургѣ, Камышловѣ, Котельничѣ, Подинскѣ, Орлонѣ, Елабугѣ, Уржумѣ, Яранскѣ, Сарапулѣ,

казій: въ Вязой Церкви, Златонолѣ, Немиронѣ, Кременчугѣ, Ромнахъ, Зяньковѣ, Сосни-

градѣ, Екатеринославѣ, Таганрогѣ, Ростовѣ на Дону, Симѣрополѣ, Керчи, Феодосіи рин, Алешкахъ, Армяно-Визарѣ, Евпаторіи, Вердянскѣ, Нахичевани на Дону и Аккерманѣ

Радомѣ, Люблинѣ, Сѣдлецѣ, Суwalkахъ и Плоцкѣ; 7 прогимназій: въ Петроковѣ, Замостьѣ, гродзавловскѣ, Туринскѣ, Ишимѣ, Каинскѣ, Курганѣ, Тюмени, Семипалатинскѣ, Тарѣ и

скѣ, Красноярскѣ, Енисейскѣ, Верхнеудинскѣ, Троицкосавскѣ, Читѣ и Нерчинскѣ.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и училищахъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій и числѣ учащихъ въ нихъ къ 1-му января 1875 года.

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведеній.					Число учащихъ.	
	Гимназіи.	УЧИЛИЩЪ.			ВООБЩЕ.	мужскаго пола.	женскаго пола.
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.			
С.-Петербургскихъ:							
мужскихъ	4	5	15	16	40	2328	—
женскихъ	—	15	18	25	58	—	2915
обоего пола	—	—	—	354	354	6140	3591
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій:							
мужскихъ	—	6	7	2	15	2624	—
женскихъ	—	2	4	2	8	—	1794
обоего пола	—	—	15	—	15	606	350
Итого	4	28	59	399	490	11698	8650
Московскихъ:							
мужскихъ	1	4	12	13	30	3407	3690
женскихъ	1	5	25	12	43		
обоего пола	—	—	—	75	75	—	—
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій:							

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведеній.					Число учащихсл.	
	Гимназій.	УЧИЛИЦЪ.			ВООБЩЕ.	мужскаго пола.	женскаго пола.
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.			
мужскихъ	—	} 3	—	} 12	15	691	440
женскихъ	—		—				
обоюго пола	—	—	—	—	—	—	—
Итого	2	12	37	112	163	4098	4130
Харьковскомъ:							
мужскихъ	—	—	2	—	2	87	—
женскихъ	—	5	4	1	10	—	} 432
обоюго пола	—	—	—	6	6	—	
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій:							
мужскихъ	—	—	1	1	2	384	—
женскихъ	—	—	—	3	3	—	295
обоюго пола	—	—	—	—	—	—	—
Итого	—	5	7	11	23	471	727
Кавказскомъ:							
мужскихъ	—	—	2	6	8	} 392	490
женскихъ	—	1	8	5	14		
обоюго пола	—	—	—	16	16	—	—
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій:							
мужскихъ	—	—	—	—	—	—	—

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведеній.					Число учащихся.	
	Гимназій.	УЧИЛИЩЪ.			В.О.О.Щ.В.	мужского пола.	женского пола.
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.			
женскихъ	—	—	—	—	—	—	—
обоего пола	—	—	—	1	1	38	23
Итого	—	1	10	28	39	430	513
Вилнокомъ.							
мужскихъ	—	—	—	1	1	38	—
женскихъ	—	—	10	26	36	—	988
обоего пола	—	—	—	1	1	50	—
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій:							
мужскихъ	—	—	—	—	—	—	—
женскихъ	—	—	—	—	—	—	—
обоего пола	—	—	—	12	12	571	242
Итого	—	—	10	40	50	659	1230
Кіевскомъ:							
мужскихъ	—	—	3	6	9	307	717
женскихъ	—	3	8	11	22		
обоего пола	—	—	—	11	11		
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій							
—	—	—	—	5	5	92	63
Итого	—	3	11	33	47	399	780

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведеній.					Число учащихси.	
	Гимназія.	УЧИЛИЩЪ.			ВООБЩЕ.	мужскаго пола.	женскаго пола.
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.			
Одескокомъ:							
мужскихъ	2	2	5	4	13	} 937	1541
женскихъ	—	11	6	13	30		
обоюго пола	—	—	—	6	6		
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій:							
мужскихъ	—	—	3	—	3	} 623	525
женскихъ	—	—	—	—	—		
обоюго пола	—	—	—	8	8		
Итого	2	13	14	31	60		
Дерптскомъ:							
мужскихъ	—	2	8	23	33	} 1813	3752
женскихъ	—	17	18	57	92		
обоюго пола	—	—	—	41	41		
Итого	—	19	26	121	166	1813	3752
Варшавскомъ:							
мужскихъ	—	—	23	12	35	} 3123	3871
женскихъ	—	—	32	52	84		
обоюго пола	—	—	—	3	3		

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведеній.					Число учащихъся.	
	Гимназіи.	УЧИЛИЩЪ.			ВООБЩЕ.	мужскаго пола.	женскаго пола.
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.			
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій	—	—	—	486	486	7603	5943
Итого	—	—	55	553	608	10726	9814
Западной Сибири:							
обоего пола	—	—	—	1	1	28	4
Восточной Сибири:							
обоего пола	—	—	—	1	1	36	26
Всего							
мужскихъ	7	13	70	81	171	18686	22017
женскихъ	1	57	129	202	389		
обоего пола	—	—	—	515	515		
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій	—	11	30	532	573	13232	9675
Вообще	8	81	229	1330	1648	31918	31692

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (20-го іюля 1876 года). *Объ учрежденіи въ г. Камышинѣ реального училища.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Камышинѣ реального училища, *мнѣніемъ положили:*

1) Учредить въ г. Камышинѣ (Саратовской губерніи), съ 1-го іюля 1877 г., шестиклассное реальное училище съ основнымъ отдѣленіемъ въ высшихъ двухъ классахъ и съ общимъ отдѣленіемъ дополнительнаго класса.

2) На содержаніе упомянутаго училища, сверхъ жертвуемыхъ на сей предметъ мѣстными городскимъ и земскимъ обществами 13,000 р. ежегодно и предоставляемаго земствомъ помѣщенія, производить еще изъ государственнаго казначейства по *десяти тысячъ триста семидесяти руб.* въ годъ, а всего по *двадцать три тысячи триста семидесяти руб.* въ годъ, съ тѣмъ, чтобы въ 1877 г. была отпущена, по разчету съ 1-го іюля, только половина назначаемой изъ казны годовой суммы.

3) Предоставить министру народнаго просвѣщенія всю сумму, которая будетъ причитаться какъ въ 1877 г., такъ и въ слѣдующихъ годахъ, на содержаніе Камышинскаго реального училища, вносить въ подлѣжація подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ жертвуемая мѣстными городскимъ и зем-
часть СЛХХХVIII, отд. 1.

скимъ обществами деньги показывать и въ доходныхъ смѣтахъ того же министерства пособіемъ государственному казначейству; и

4) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Камышинскаго реального училища остатки раздѣлять на двѣ части: одну часть, соответствующую суммѣ, отпускаемой казною, передавать на общемъ основаніи въ государственное казначейство, а другую — оставлять въ распоряженіи мѣстныхъ городского и земскаго обществъ, для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды училища.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

2. (13-го іюля 1876 года). *Объ учрежденіи при лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ должности архитектора.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія товарища министра ходатайства прамленія лица Цесаревича Николая въ Москвѣ, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при означенномъ лицей должности архитектора, съ предоставленіемъ ему всѣхъ тѣхъ же правъ и преимуществъ, коими пользуются архитекторы университетовъ по уставу и штату оныхъ, Высочайше утвержденнымъ 18-го іюня 1863 года.

3. (26-го іюля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Сумской Александровской гимназій.*

Сумскій городской голова препроводилъ къ директору Сумской Александровской гимназій билетъ общественнаго банка, за № 2694, на три тысячи руб., пожертвованныхъ на вѣчное время Сумскимъ городскимъ обществомъ съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала учреждена была, при названной гимназій, одна стипендія имени почетнаго попечителя, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества, коллежскаго совѣтника Николая Дмитриевича Кондратьева.

Вслѣдствіе представленія о семъ попечителя Харьковскаго учебного округа и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Государь Императоръ Всемилоствивѣйше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго капитала, такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго при названной гимназій стипендіи имени Кондратьева.

4. (26-го іюля 1876). *Объ учрежденіи стипендіи при Тверскомъ реальномъ училищѣ.*

Тверская городская дума, въ засѣданіи 28-го ноября 1875 года, постановила отчислить изъ городскихъ суммъ и внести въ Тверское губернское казначейство *пятьсотъ* руб., съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала учреждена была при Тверскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго.

Вслѣдствіе сообщенія объ этомъ министерства внутреннихъ дѣлъ и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго капитала, такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго при названномъ училищѣ одной стипендіи, съ наименованіемъ ея „стипендія графа Дмитрія Андреевича Толстаго“.

5. (26-го іюля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Астраханской мужской гимназіи.*

Нѣкоторые изъ офицеровъ и чиновниковъ Астраханскаго казачьяго войска, движимые чувствомъ признательности къ бывшему своему наказному атаману, генералъ-маіору Гулькевичу, собрали по добровольной подпискѣ капиталъ въ *одну тысячу двести* руб. и, обративъ оный въ банковые билеты, внесли въ Астраханское отдѣленіе государственнаго банка, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала учреждена была при Астраханской мужской гимназіи одна стипендія имени Гулькевича.

Вслѣдствіе сообщенія о семъ военнаго министра и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго капитала, такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго при названной гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ ея: „стипендія генералъ-маіора Александра Васильевича Гулькевича“.

6. (26-го іюля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Уралской войсковой гимназіи.*

Военный губернаторъ Уральской области, донося Оренбургскому генералъ-губернатору о томъ, что по добровольнымъ подпискамъ, от-

крытымъ между Киргизами Калмыковскаго и Эмбенскаго уѣздовъ этой области, собрано 3,604 р. 17 к., пожертвованные на учрежденіе при Уральской войсковой гимназіи двухъ стипендій имени генералъ-адъютанта Крыжановскаго, и что деньги эти, обѣщанныя, для приращенія процентами, па билеты государственнаго казначейства, внесены на храненіе въ Уральское уѣздное казначейство, — ходатайствовалъ объ учрежденіи сихъ стипендій при названной гимназіи, съ тѣмъ, что если за тѣмъ поступили бы новыя пожертвованія на сей предметъ, то было бы дозволено приобщить и ихъ къ означенному капиталу.

Вслѣдствіе сообщенія о семъ Оренбургскаго генералъ-губернатора и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе, на указанныхъ условіяхъ, означеннаго капитала, такъ и на учрежденіе на проценты съ оного при названной гимназіи двухъ стипендій, съ наименованіемъ ихъ: „стипендіи генералъ-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго“.

7. (26-го іюля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ учительскомъ институтѣ.*

Начальство Московскаго учебнаго округа донесло министерству народнаго просвѣщенія, что почетный попечитель Московскаго учительскаго института, потомственный почетный гражданинъ, Константинъ Третьяковъ, представилъ директору сего института закладной листъ Московскаго земельного банка въ 500 руб., съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала, въ количествѣ тридцати руб. въ годъ, выдавались ежегодно по жребію одному изъ оканчивающихъ въ институтѣ курсъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ, кореннаго русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія, и чтобы означенной стипендіи было присвоено наименованіе: „Константино-Варваринской“, при чемъ выборъ стипендіатовъ для допущенія къ жребію предоставлялся бы педагогическому совѣту института.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Высочайше соизволилъ на приведеніе сего ходатайства въ исполненіе.

8. (26-го іюля 1876 года). *О наименованіи однокласснаго начальнаго народнаго училища въ Александровской волости, Царскосельскаго уѣзда, „Владимірска Александровскимъ“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляю-

щаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Высочайше соизволилъ на наименованіе однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ Александровской волости, Царскосельскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи, „Владимірско-Александровскимъ“.

9. (26-го іюля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендій при Владимірской мужской гимназій.*

Жители нѣкоторыхъ городовъ Владимірской губерніи, въ воспоминаніе 9-ти-лѣтняго управленія этою губерніей бывшаго губернатора, генераль-лейтенанта Струкова, собрали по добровольной подпискѣ капиталъ въ *одну тысячу* рублей, который и внесли во Владимірское отдѣленіе государственнаго банка, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала учреждены были при Владимірской мужской гимназій двѣ стипендіи имени Струкова.

Вслѣдствіе сообщенія о семъ министра внутреннихъ дѣлъ, и по всеподданѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилоствѣйше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго капитала, такъ и на учрежденіе на проценты съ оного при названной гимназій двухъ стипендій, съ наименованіемъ ихъ: „стипендіи генераль-лейтенанта Струкова“.

10. (16-го августа 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

По поводу исполнившагося 31-го августа 1875 года десятилѣтію со времени назначенія генераль-адъютанта князя Долгорукова Московскимъ генераль-губернаторомъ, лица, служащіи и служившіи подъ непосредственнымъ его начальствомъ, собрали между собою по добровольной подпискѣ капиталъ въ 2.400 руб., для учрежденія изъ процентовъ съ оного одной стипендіи его имени въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Капиталъ этотъ, заключающійся въ 5⁰/₀ билетахъ государственнаго банка, внесенъ въ Московское губернское казначейство депозитомъ университета. Избраніе стипендіата представляется пожизненно генераль-адъютанту князю Долгорукову, а послѣ него—совѣту университета.

Вслѣдствіе отношенія по сему предмету министерства внутреннихъ дѣлъ, Государь Императоръ по всеподданѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища ми-

нистра, соизволилъ на учрежденіе упомянутой стипендіи на изложенныхъ выше основаніяхъ.

11. (16-го августа 1876 года). *О формахъ одежды служащихъ по учебному вѣдомству въ Туркестанскомъ краѣ, а также учащихся въ прогимназіяхъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Высочайше соизволилъ на присвоеніе служащимъ по учебному вѣдомству въ Туркестанскомъ краѣ общей, Высочайше утвержденной формы для чиновъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія съ золотымъ шитьемъ, и на установленіе для учащихся въ прогимназіяхъ той же формы, которая существуетъ въ прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

12. (16-го августа 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Астраханской мужской гимназій.*

Чиновники управленія акцизными сборами Астраханской губерніи, въ видахъ предоставленія образованія одному изъ сиротъ или сыновей бѣдныхъ родителей, служащихъ въ вѣдомствѣ сего управленія, собрали по подпискѣ капиталъ въ *восемьсотъ рублей*, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ оного учреждена была при Астраханской мужской гимназій одна стипендія имени бывшаго управляющаго акцизными сборами Астраханской губерніи Шишкова.

Вслѣдствіе сообщенія о семъ министра финансовъ и отзыва почетителя Казанскаго учебнаго округа, и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Государь Императоръ Все милостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе упомянутого капитала, такъ и на учрежденіе на проценты съ оного при означенной гимназій одной стипендіи, съ наименованіемъ ея: „стипендія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Андрея Николаевича Шишкова“.

13. (26-го іюля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Преславльскаго учительской семинаріи.*

Маріупольское уѣздное земское собраніе очередной сессіи прошлаго 1875 года, цѣня заслуги предсѣдателя мѣстной управы Гампера по дѣламъ земства вообще и по дѣлу народнаго образованія въ особенности, въ засѣданіи своемъ 6-го сентября, постановило:

ходатайствовать объ учрежденіи при Преславльской учительской семинаріи одной земской стипендіи имени предсѣдателя Маріупольской уѣздной земской управы, коллежскаго совѣтника Ѳедора Васильевича Гамнера, на счетъ процентовъ съ 2.300 руб., внесенныхъ въ Маріупольское ссудосберегательное товарищество на имя Преславльской учительской семинаріи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (15-го апрѣля 1876 года). *Правила о стипендіи Софіи Семеновны Савиной.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Дворянинъ Черниговской губерніи Иванъ Яковлевичъ Дунинъ-Барковскій, желая почтить память покойной матери своей Савиной благотворительнымъ дѣломъ, представилъ въ Черниговскую губернскую земскую управу капиталъ въ *пять тысячъ рублей*, на счетъ процентовъ съ коего учреждается стипендія въ 250 руб., для воспитанника одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній: университета, медико-хирургической академіи или технологическаго института.

2) Стипендія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 9-го апрѣля 1876 года, именуется стипендіею „Софіи Семеновны Савиной“.

3) Вышеозначенный капиталъ (5.000 руб.), съ утвержденія Черниговскаго губернскаго земскаго собранія, обращается въ *вакихъ* окажется лучшимъ кредитныхъ учрежденіяхъ или процентныхъ бумагахъ.

4) Изъ ежегодныхъ остатковъ, могущихъ образоваться отъ стипендіи, выдается стипендіату, по окончаніи курса, единовременное вспомошествованіе въ размѣрѣ, не превышающемъ суммы стипендіи.

5) Назначеніе стипендіатовъ предоставляется губернскому земскому собранію, съ тѣмъ, чтобы въ стипендіаты были избираемы только уроженцы Черниговской губерніи, не стѣснясь сословіями.

2. (20-го апрѣля 1876 года). *Положеніе о стипендіи дѣйстви- тельнаго статскаго совѣтника, доктора Ивана Исаковича Геронсуса, учрежденной при Новгородской мужской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Нѣкоторые изъ жителей г. Новгорода, въ уваженіе памяти по-

койнаго доктора Ивана Исаковича Европеуса, собрали по добровольной подпискѣ капиталъ въ *триста пятьдесятъ рублей*, для учрежденія на счетъ процентовъ съ онаго одной стипендіи для приходящаго ученика въ Новгородской мужской гимназіи.

2) Приобрѣтенный на сумму въ 350 руб. 6¹/₂ процентный билетъ Новгородскаго городского общественаго банка хранится въ исмѣ на вѣчныя времена, и проценты съ онаго, въ количествѣ 22 руб. 75 к., назначаются на плату за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ названной гимназіи.

3) Означенная стипендія предоставляется воспитаннику изъ жителей г. Новгорода и не соединена для стипендіата ни съ какими обязательствами.

4) Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Новгородской гимназіи.

3. (22-го апрѣля 1876 года). *Положеніе о стипендіи Ивана Петровича Забѣлло, учрежденной при Ковенской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Ковенской мужской гимназіи учреждается одна стипендія въ память управлявшаго акцизными сборами Ковенской губерніи Ивана Петровича Забѣлло, на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго членами ссудо-сберегательной кассы чиновниковъ Ковенскаго акцизнаго управленія.

2) Пожертвованный капиталъ, состоящій изъ одного банковаго 5⁰/₀ билета 1.000 руб. достоинства, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, подчиняясь въ расходованіи стипендіальной суммы дѣйствию общихъ правилъ по единству кассы.

3) Означенный капиталъ составляетъ неотъемлемую собственность Ковенской мужской гимназіи и остается на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

4) Стипендія состоитъ въ уплатѣ изъ процентовъ съ капитала за ученіе бѣднѣйшаго приходящаго воспитанника, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, оказавшаго хорошіе успѣхи въ наукахъ и отличнаго поведенія.

5) На стипендію эту могутъ быть назначаемы также и вновь поступающіе въ гимназію воспитанники, выдержавшіе вполне удовлетворительно пріемное испытаніе.

6) Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту

Ковенской мужской гимназіи и утверждается попечителемъ учебнаго округа.

7) Избранный на означенную стипендію воспитанникъ именуется стипендіатомъ Ивана Петровича Забѣлло.

8) Плата за ученіе стипендіата производится изъ процентовъ пожертвованнаго капитала по полугодіямъ академическаго года, въ сроки, установленныя для взноса платы за право ученія; остатокъ же причитающихся съ капитала процентовъ выдается стипендіату въ тѣ же сроки, на приобрѣтеніе учебныхъ пособій.

9) Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса ученія или выбытія по какимъ либо причинамъ изъ заведенія.

4. (2-го апрѣля 1876 года). *Положеніе о стипендіи имени директора Казанской второй гимназіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Имшенника, учрежденной при той же гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ *семьсотъ* рублей, пожертвованнаго на вѣчныя времена лицами торговаго сословія г. Казани, учреждается при Казанской 2-й гимназіи одна стипендія имени директора этой гимназіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Осипа Антоновича Имшенника,

2) Означенный капиталъ долженъ оставаться на вѣчныя времена неприкосновеннымъ и храниться въ Казанскомъ общественномъ банкѣ; билетъ же на оный—въ Казанскомъ губерпскомъ казначействѣ.

3) Проценты съ капитала употребляются на стипендію, учреждаемую при Казанской второй гимназіи, и право быть помѣщенными на оную имѣютъ только дѣти бѣдныхъ родителей торговаго сословія города Казани.

4) Стипендія должна состоять въ ежегодной платѣ, въ продолженіе всего гимназическаго курса, за право ученія въ Казанской второй гимназіи одного ученика, заслуживающаго того по удовлетворительнымъ успѣхамъ и отличному поведенію.

5) Сумма, могущая оставаться отъ ежегодныхъ взносовъ за право ученія стипендіата, должна быть присоединяема къ капиталу на случай увеличенія платы за право ученія въ названной гимназіи.

6) Воспитанникъ Казанской второй гимназіи, пользующійся означенной стипендіею, именуется „стипендіатомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Осипа Антоновича Имшенника“.

7) Право избрація стипендіата принадлежитъ самому дѣйствительному статскому совѣтнику О. А. Имшенику, а по смерти его — педагогическому совѣту гимназій.

8) Пользованіе стипендіей не соединено ни съ какими обязательствами.

5. (8-го мая 1876 года). *Положеніе о стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Александровича Эбелинга для дѣтей чиновниковъ Калишской казенной палаты.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Служащіе въ Калишской казенной палатѣ чиновники, желая сохранить память объ управленіи палатою бывшаго управляющаго оной дѣйствительнаго статскаго совѣтника Эбелинга, составили изъ добровольныхъ пожертвованій капиталъ въ 1.550 рублей ликвидационными листами для учрежденія на проценты съ оного стипендіи при Калишской мужской гимназій, съ наименованіемъ оной „стипендія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Александровича Эбелинга“, на что 3-го мая 1876 года и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

2) Стипендія эта предназначается для дѣтей наиболѣе недостаточныхъ чиновниковъ казенной палаты, казначействъ и лѣсничествъ Калишской губерніи.

3) Собраніе, состоящее изъ членовъ палаты, избираетъ стипендіата изъ числа кандидатовъ, представленныхъ чиновниками казенной палаты, по большинству голосовъ, и представляетъ на утвержденіе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Эбелинга.

4) Пожертвованный капиталъ вносится ликвидационными листами въ Польскій банкъ на вѣчное храненіе и обращается въ спеціальныя средства министерства народнаго просвѣщенія.

5) Изъ получаемыхъ % уплачивается гимназій причитающаяся годовая плата за обученіе стипендіата, а остатки отъ процентовъ, какой можетъ оказаться, выдается лицу или семейству, на попеченіи коего будетъ находиться стипендіатъ, для покупки ему учебныхъ принадлежностей и въ пособіе.

6) Желающій получить стипендію долженъ представить о томъ заявленіе въ Калишскую казенную палату, съ приложеніемъ свидѣтельства гимназій о приѣмѣ его въ число учениковъ и о поведеніи.

7) Выдача стипендіи прекращается въ слѣдующихъ случаяхъ: 1)

смерти стипендіата; 2) окончанія имъ курса; 3) выбитія изъ заведенія по какимъ бы то ни было причинамъ, и 4) неудовлетворительныхъ успѣховъ въ наукахъ, или же неодобрительнаго поведенія.

8) Однажды потерявшій стипендію ни въ какомъ случаѣ не можетъ воспользоваться ею вторично безъ особо уважительныхъ къ тому причинъ.

9) Утвержденіе представленныхъ къ стипендіи кандидатовъ, послѣ смерти дѣйствительнаго статскаго совѣтника Эбелинга, предоставляется исключительно общему присутствію Калышской казенной палаты, или тому учрежденію, которое въ будущемъ замѣнитъ палату.

6. (22-го мая 1876 года). *Положеніе о стипендіи имени директора Казанской второй гимназіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Осипа Антоновича Имшеника, учрежденной при той же гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Нѣкоторые изъ жителей города Казани, дѣти которыхъ обучаются во 2-й Казанской гимназіи, желая выразить глубокое уваженіе и искреннюю признательность къ директору Казанской второй гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Осипу Антоновичу Имшенику, за его неутомимыя заботы о вѣренпой ему гимназіи и о воспитаніи юношества, составили по добровольной подпискѣ капиталъ въ *семьсотъ восемь* рублей, съ тѣмъ, чтобы проценты съ онаго были употреблены на учрежденіе на вѣчныя времена при 2-й Казанской гимназіи стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Осипа Антоновича Имшеника, на что и послѣдовало 19-го мая 1876 года Высочайшее соизволеніе.

2) Означенный капиталъ долженъ оставаться на вѣчныя времена неприкосновеннымъ и храниться въ Казанскомъ общественномъ банкѣ, билетъ же на оный въ Казанскомъ губернскомъ казначействѣ.

3) Проценты съ капитала употребляются на стипендію, учрежденную при Казанской 2-й гимназіи, и право быть помѣщаемыми на нее имѣютъ несостоятельные ученики той же гимназіи безъ различія сословій.

4) Стипендія должна состоять въ ежегодной платѣ, въ продолженіе всего гимназическаго курса, за право ученія въ Казанской второй гимназіи одного ученика, заслуживающаго того по удовлетворительнымъ успѣхамъ и отличному поведенію.

5) Сумма, могущая оставаться отъ ежегодныхъ взносовъ за право

ученія стипендіата, должна быть присоединяема къ капиталу на случай увеличенія платы за право ученія въ Казанской второй гимназіи.

6) Воспитанникъ Казанской второй гимназіи, пользующійся означенной стипендіей, именуется „стипендіатомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Осина Антоновича Имшеника.

7) Право избранія стипендіата принадлежитъ самому дѣйствительному статскому совѣтнику О. А. Имшенику, а впослѣдствіи педагогическому совѣту Казанской 2-й гимназіи.

8) Пользованіе означенной стипендіей не соединено ни съ какими обязательствами.

7. (22-го мая 1876 г.). *Положеніе о стипендіи коллежскаго ассесора Константина Дмитриевича Анциферова при Курскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 1-й день іюля 1875 года, при Курскомъ реальномъ училищѣ учреждена стипендія на проценты съ пожертвованнаго сослуживцами бывшаго прокурора Курскаго окружнаго суда Анциферова и другими служащими въ гор. Курскѣ капитала въ 1.067 рублей, съ присвоеніемъ сей стипендіи наименованія „стипендіи коллежскаго ассесора Константина Дмитриевича Анциферова“.

2. Капиталъ въ 1.067 рублей, обезпечивающій стипендію, со дня учрежденія оной, составляетъ собственность Курскаго реальнаго училища и обращается въ государственныя процентныя бумаги.

3. Размѣръ стипендіи опредѣляется въ шестьдесятъ рублей въ годъ и производство ея пачинается по достиженіи капиталомъ того размѣра, при которомъ онъ могъ бы приносить проценты въ 60 руб.

4. Проценты капитала стипендіи, почему либо останшіеся неизрасходованными, присоединяются къ основному капиталу для увеличенія стипендіи.

5. Избраніе стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Курскаго реальнаго училища и производится закрытою подачею голосовъ.

6. Право на полученіе стипендіи не ограничивается ни состояніемъ, ни вѣроисповѣданіемъ, а обуславливается бѣдностью и хорошими успѣхами и поведеніемъ кандидатомъ, съ предпочтеніемъ дѣтей недостаточныхъ чиновниковъ.

7. Стипендіатъ Андиферова пользуется стипендіею до окончанія курса; но, по удостоеніи стипендіею, можетъ остаться на второй годъ только въ одномъ классѣ; въ противномъ случаѣ лишается стипендіи.

8. Въ случаѣ выбытія стипендіата изъ реального училища до окончанія курса или оставленія его на 2-й годъ болѣе чѣмъ въ одномъ классѣ, производство стипендіи прекращается; но выданныя уже деньги возврату не подлежатъ.

9. Способы расходованія стипендіальной суммы, сроки ея выдачи и выборъ лицъ изъ ближайшихъ родственниковъ стипендіата, которымъ стипендіальная сумма можетъ быть выдаваема (если почему-либо окажется невозможною непосредственная выдача самому стипендіату), предоставляются педагогическому совѣту училища.

10. Въ случаѣ закрытія реального училища въ Курскѣ, стипендіальный капиталъ поступаетъ въ распоряженіе Курскаго земства исключительно на выдачу стипендіи въ одномъ изъ учебныхъ заведеній г. Курска, по усмотрѣнію земства.

8. (22-мая 1876 г.). *Положеніе о стипендіи имени Измаила Ивановича Сумарокова, при Тамбовской губернской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Нѣкоторыми изъ бывшихъ воспитанниковъ Тамбовской губернской гимназій, въ память бывшаго преподавателя оной дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сумарокова и въ ознаменованіе пятидесятилѣтія гимназій, учреждена съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 3-го мая 1876 г., стипендіи имени Измаила Ивановича Сумарокова.

2. Собранный для этой цѣли капиталъ въ 800 руб. имѣетъ поступить вѣчнымъ вкладомъ въ Тамбовскій городской общественный банкъ; билетъ банка хранится въ гимназій.

3. Изъ получаемыхъ 6½% съ этого капитала вносится плата за ученіе стипендіата изъ учениковъ недостаточнаго состоянія, отличающагося примѣрнымъ поведеніемъ и достаточными успѣхами въ наукахъ, а остальныя затѣмъ деньги выдаются ему на книги и содержаніе.

4. Выборъ стипендіата, которымъ можетъ быть и ученикъ высшихъ классовъ, предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназій, при чемъ въ отношеніи къ имущественному положенію стипендіата принимаются въ соображеніе показанія существующаго нынѣ

при Тамбовской гимназіи общества вспомошествованія бѣднымъ ученикамъ.

5. За безуспѣшность въ наукахъ и неодобрительное повсѣдніе ученикъ лишается стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи.

6. Стипендіату, оставшемуся на другой годъ въ томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо-уважительнымъ причинамъ (продолжительной болѣзни) и только одинъ разъ въ продолженіе всего учебнаго курса.

7. Выдача стипендіи производится по полугодно впередъ и прекращается съ окончаніемъ курса наукъ или вообще съ выѣздомъ стипендіата по какимъ-либо причинамъ изъ Тамбовской губернской гимназіи.

8. Впрочемъ, стипендіату, окончившему съ успѣхомъ курсъ наукъ въ гимназіи, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, могутъ быть выданы, въ видѣ пособія, тѣ деньги, которыя останутся отъ предыдущихъ годовъ неизрасходованными по какимъ-либо причинамъ.

9. (22-го мая 1876 г.). *Положеніе о постоянномъ фондѣ для несостоятельныхъ учениковъ, окончившихъ курсъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. При Лодзинскомъ высшемъ ремесленномъ училищѣ учреждается постоянный фондъ для выдачи единовременныхъ пособій несостоятельнымъ ученикамъ, окончившимъ курсъ училища и желающимъ или продолжать свое образованіе въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, или же заняться технической дѣятельностью.

2. Фондъ и выдаваемые изъ него пособія называются фондомъ и пособіями сенатора, тайнаго совѣтника *Ө. Ө. Витте*.

3. Основной капиталъ фонда состоитъ изъ 1.650 руб. въ закладныхъ листахъ Лодзинскаго кредитнаго общества и помѣщается, для храненія, въ Лодзинскомъ окружномъ казначействѣ или другомъ правительственномъ учрежденіи.

4. Сумма, получаемая по тиражу закладныхъ листовъ или путемъ пожертвованій, а также возвратомъ выданныхъ пособій, употребляется для покупки новыхъ закладныхъ листовъ или другихъ процентныхъ бумагъ, которыя и присоединяются къ основному капиталу.

5. Пособія выдаются изъ процентовъ съ основнаго капитала, который долженъ оставаться неприкосновеннымъ.

6. Пособія выдаются заимообразно, при чемъ срокъ возврата зависитъ отъ средствъ и желанія получающихъ пособие.

7. Число и размѣръ пособій опредѣляются ежегодно попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа.

8. Выборъ стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту училища по соглашенію съ совѣтой города Лодзи и подлежитъ утвержденію попечителя Варшавскаго учебнаго округа, которымъ рѣшаются также окончательно mogućія возникнуть по этому поводу разногласія.

9. Въ случаѣ закрытія или преобразованія Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, фондъ и пособія сохраняютъ свое названіе и назначеніе для другаго средняго или высшаго учебнаго заведенія съ техническимъ характеромъ, которое будетъ учреждено въ г. Лодзи вмѣсто высшаго ремесленнаго училища.

10. (22-го мая 1876 года). *Правила для заведыванія капиталомъ вспомогательной кассы, учрежденной бывшими учениками училища Св. Петра въ память столѣтнему юбилею онаго.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

I. Цѣль учрежденія кассы.

§ 1. Цѣль учрежденія кассы состоитъ въ вспоможеніи бѣднымъ ученикамъ и ученицамъ училища Св. Петра, изъ составленнаго на сей предметъ капитала.

II. Назначеніе пособій.

§ 2. Только учащіеся или учившіеся въ училищѣ Св. Петра, безъ различія пола, происхожденія и вѣроисповѣданія, могутъ пользоваться пособиями.

§ 3. Пособіями служатъ:

а) во время пребыванія въ училищѣ:

1. Плата за ученіе, полная или часть оной.
2. Выдача книгъ и учебныхъ принадлежностей.
3. Покрытіе издержекъ по содержанію.

б) По выходѣ изъ училища:

1. Единовременныя пособія.
2. Выдача стипендій на извѣстное число лѣтъ.

§ 4. Пособія могутъ быть назначаемы:

а) Тѣмъ, которые находятся въ училищѣ.

б) Тѣмъ, которые уже оставили или намѣрены оставить училище, для дальнѣйшаго образованія въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній.

§ 5. Пособія назначаются бѣднымъ, безъ различія вѣроисповѣданія и званія. При назначеніи пособій принимаются во вниманіе лишь нравственныя качества, познанія, способности и дѣйствительная бѣдность. Съ пособіемъ не соединяется никакихъ обязанностей для пользующагося имъ относительно рода занятій и будущей дѣятельности.

§ 6. При одинакихъ и равныхъ правахъ на пособія нѣсколькихъ кандидатовъ, преимущество получаютъ дѣти бѣдныхъ учениковъ и учителей училища Св. Петра.

III. Порядокъ завѣдыванія капиталомъ и процентами съ онаго.

§ 7. Капиталь въ 11.703 руб., имѣющійся нынѣ въ кассѣ, остается неприкосновеннымъ и только изъ процентовъ онаго назначаются пособія.

§ 8. Пожертвованія, которыя впредь будутъ поступать съ вышеозначенною цѣлю, въ полномъ количествѣ соединяются съ основнымъ капиталомъ и дѣлаются неприкосновенными, а расходуются одни только проценты.

§ 9. Капиталь долженъ быть претраченъ въ русскія государственныя процентныя бумаги, которыя хранятся въ кассѣ Главнаго нѣмецкаго училища Св. Петра.

§ 10. Завѣдываніе капиталомъ и назначеніе пособій возлагаются, непремѣнно и исключительно на бывшихъ учениковъ училища Св. Петра.

§ 11. Расходы производятся изъ процентовъ съ полныхъ тысячъ неприкосновеннаго капитала.

§ 12. Въ кассѣ должно быть наличными деньгами не болѣе того, сколько необходимо для текущихъ расходовъ.

§ 13. Капиталь ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть отдаваемъ въ частныя руки.

IV. Составъ распорядительнаго комитета и его обязанности.

§ 14. Дѣлами вспомогательной кассы завѣдываетъ состоящій изъ пяти членовъ комитетъ, который изъ своей среды выбираетъ председателя.

§ 15. Члены комитета выбираются на пять лѣтъ въ общемъ годичномъ собраніи, при закрытой баллотировкѣ. Прослужившіе въ комитетѣ большее число лѣтъ ежегодно выбываютъ изъ числа онаго.

Если въ комитетѣ будутъ находиться двое членовъ, одновременно избранные, то жребій рѣшаетъ, которому изъ нихъ слѣдуетъ подвергнуться новому выбору. Выбывшій изъ комитета членъ можетъ быть вновь избираемъ.

§ 16. Избираемые въ члены комитета могутъ быть только тѣ изъ бывшихъ учениковъ училища Св. Петра, которые участвовали въ составленіи капитала единовременнымъ приношеніемъ или ежегоднымъ взносомъ.

§ 17. Если въ теченіе года послѣ выборовъ въ составѣ комитета окажется некомплектъ, вслѣдствіе выбитія одного изъ членовъ, то члены комитета для пополненія въ скорѣйшемъ времени недостающаго числа членовъ, избираютъ въ комитетъ новаго члена. Избранный на семъ основаніи членъ комитета пользуется правами лишь до слѣдующаго годичнаго собранія, которому предоставляется окончательный выборъ недостающаго члена комитета.

§ 18. Распорядительному комитету предоставляется полное право назначать какъ самыя пособія, такъ и свойства и размѣръ оныхъ.

§ 19. Комитетъ обязанъ заботиться какъ о добросовѣстномъ распоряженіи капиталомъ, такъ и о увеличеніи онаго всѣми предоставленными ему средствами. Онъ обязанъ также наблюдать за исполненіемъ сего положенія.

§ 20. Комитетъ обязанъ справляться, какъ можно чаще, о своихъ питомцахъ, дабы пользующіеся пособіями сего учрежденія не оказывались недостойными.

§ 21. Если стипендіатъ не оправдаетъ ожиданій комитета и нерадѣніемъ или дурнымъ поведеніемъ окажется недостойнымъ производимыхъ ему пособій, то комитетъ предостерегаетъ его о могущемъ послѣдовать отобраніи отъ него стипендіи. Если же и эта мѣра окажется недействительною, то онъ, по особому приговору комитета, лишается оной.

§ 22. Родители, родственники, опекуны или вообще лица, принимающія участіе въ стипендіатѣ, извѣщаются какъ о сдѣланныхъ ему предостереженіяхъ, такъ и о предстоящемъ лишеніи пособія.

У. Объ общихъ собраніяхъ.

§ 23. Общія собранія составляются изъ бывшихъ учениковъ училища СЛХХVІІІ, отд. 1.

лица Св. Петра, какъ участвовавшихъ въ составленіи капитала вспомогательной кассы единовременнымъ приношеніемъ или ежегоднымъ взносомъ, такъ и тѣхъ, которые пожелаютъ участвовать въ пожертвованіяхъ.

§ 24. Общее собраніе рѣшаетъ предложенія по большинству голосовъ, кромѣ случая, упомянутаго въ § 32-мъ. О постановленіяхъ общаго собранія составляется протоколъ, который подписывается присутствующими.

§ 25. Общія собранія бываютъ обыкновенныя и чрезвычайныя.

§ 26. Обыкновенныя или годовыя собранія бываютъ ежегодно въ первой половинѣ октября мѣсяца.

§ 27. Въ общемъ годовомъ собраніи:

а) Читается отчетъ распорядительнаго комитета о его годичныхъ дѣйствіяхъ и о состояніи капитала вспомогательной кассы.

б) Производится выборъ новаго члена распорядительнаго комитета, вмѣсто выбывающаго по очереди.

в) Избирается ревизіонная коммисія, состоящая изъ трехъ лицъ.

Ревизіонная коммисія обязана, до созванія слѣдующаго годичнаго собранія, произвести ревизію счетовъ, представленнымъ распорядительнымъ комитетомъ, и капиталу, имъ завѣдываемому. Отчетность комитета ведется съ 1-го октября по 1-е октября слѣдующаго года. По окончаніи ревизіи, отчетъ комитета подписывается ревизіонною коммисіею.

Примѣчаніе. Ревизіонная коммисія имѣетъ право, кромѣ означеннаго срока, произвести ревизію и внезапно, во всякое другое время.

§ 28. Общее собраніе считается состоявшимся, если явится по меньшей мѣрѣ 15 лицъ.

§ 29. Если же на общее собраніе явится менѣе установленнаго числа лицъ, то собраніе считается несостоявшимся и чрезъ мѣсяцъ созывается новое собраніе, которое, не смотря на число явившихся лицъ, считается состоявшимся, исключая случая, указаннаго въ § 32-мъ.

§ 30. Чрезвычайныя собранія могутъ быть созываемы распорядительнымъ комитетомъ:

а) По усмотрѣнію комитета.

б) По желанію 10 лицъ, участвовавшихъ въ составленіи капитала вспомогательной кассы, если они заявятъ комитету письменно о предметѣ обсужденія.

§ 31. Приглашенія на общія собранія, годовыя и чрезвычайныя, дѣлаются комитетомъ чрезъ объявленія въ нѣмецкой и одной изъ русскихъ газетъ, издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ, непременно за семь дней до дня, назначеннаго для собранія.

§ 32. Измѣненія настоящихъ правилъ или прибавленія къ онимъ могутъ быть дѣлаемы лишь въ общемъ собраніи, состоящемъ не менѣе какъ изъ 25 лицъ, и при томъ большинствомъ двухъ третей голосовъ присутствующихъ членовъ.

Объ утвержденіи правительствомъ таковыхъ измѣненій распорядительный комитетъ обязанъ немедленно ходатайствовать установленнымъ порядкомъ.

11. (26-го мая 1876 г.). *Правила о выдачѣ единовременныхъ пособій недостаточнымъ студентамъ Московскаго университета имени полковника Ивана Петровича Бырдина.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Полковникъ Иванъ Петровичъ Бырдинъ представилъ въ Московскій университетъ капиталъ въ двадцать пять тысячъ рублей, заключающійся въ билетахъ Московскаго купеческаго банка, на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала выдачи единовременныхъ пособій бѣднѣйшимъ студентамъ означеннаго университета.

2) Пособія эти, на основаніи Высочайшаго повелѣнія ¹⁵/27-го мая 1876 г. именуется „единовременными пособиями полковника Ивана Петровича Бырдина“.

3) Изъ процентовъ означеннаго капитала назначаются единовременныя пособія недостаточнымъ студентамъ всѣхъ факультетовъ, отличающимся хорошиими успѣхами и примѣрнымъ поведеніемъ.

4) Пособія эти назначаются студентамъ, по представленію проректора или по ходатайству факультетовъ, правленіемъ университета и утверждаются совѣтомъ.

5) Размѣръ пособій зависитъ отъ усмотрѣнія правленія.

6) Пособія могутъ быть назначаемы не только своекоштнымъ студентамъ, но и стипендіатамъ; послѣднимъ только въ томъ случаѣ, если размѣръ получаемой ими стипендіи не превышаетъ 120 рублей въ годъ.

12. (29-го мая 1876 г.). *Циркулярное предложеніе и попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ и срокахъ доставленія статистическихъ свѣдѣній объ учебныхъ заведеніяхъ министерства.*

Циркулярнымъ предложеніемъ управлавшаго въ отсутствіе мое

министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарища министра, отъ 31-го октября 1875 г., сообщено было вашему превосходительству о разсылкѣ министерствомъ во всѣ учебныя заведенія, а также къ начальствующимъ лицамъ, завѣдующимъ низшими училищами, печатныхъ бланковъ статистическихъ таблицъ, для выполненія ихъ требуемыми числовыми данными и для возвращенія оныхъ затѣмъ къ опредѣленному сроку въ департаментъ, причемъ предложено было вмѣнить начальствующимъ лицамъ въ обязанность, подъ личною ихъ отвѣтственностію, наблюдать за вношеніемъ въ вѣдомости цифръ строго точныхъ и обязать ихъ подписывать эти вѣдомости. Срокомъ для возвращенія таблицъ было назначено въ 1875 г. 15-е декабря для большей части заведеній и 1-е февраля для гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ.

При разсмотрѣніи въ департаментѣ народнаго просвѣщенія поступившихъ въ исполненіе сего распоряженія министерства статистическихъ таблицъ, оказалось слѣдующее:

1) Далекую большую часть таблицъ доставлена въ департаментъ не къ опредѣленнымъ срокамъ, а гораздо позже, такъ что и до настоящаго времени не всѣ еще получены, не смотря на посланныя повторительныя требованія. Такая неисполнительность ставитъ министерство въ крайнее затрудненіе, дѣлая невозможнымъ надлежащую разработку статистическихъ данныхъ и подведеніе итоговъ.

2) При выполненіи статистическихъ таблицъ числовыми данными замѣчается въ большей части случаевъ крайняя небрежность, выражающаяся въ неполнотѣ и неточности приводимыхъ статистическихъ данныхъ, въ невѣрности подводимыхъ частныхъ итоговъ, въ нѣкоторыхъ даже случаяхъ въ полномъ ихъ отсутствіи, въ неправильности показанія требуемыхъ числовыхъ данныхъ, на примѣръ, о средствахъ содержанія учебныхъ заведеній, о числѣ учащихся и учащихся по различнымъ категоріямъ, о числѣ уроковъ вообще и пропущенныхъ преподавателями въ особенности, и т. д.

и 3) Въ особенности замѣчается сбивчивость въ пониманіи лицами, выполнявшими таблицы, того, что по нимъ требовалось: такъ, обращаютъ на себя особое вниманіе: а) непониманіе сими лицами того, за какое именно время требуются различныя статистическія свѣдѣнія, поменованныя въ таблицахъ; въ зависимости отъ сего, на примѣръ, почти во всѣхъ таблицахъ невѣрно показано число учащихся, состоящее въ учебномъ заведеніи къ опредѣленному сроку; б) число и цѣнность учебныхъ пособій, имѣющихся въ заведеніи, по-

казывается, весьма часто, или неполно, или вовсе не показывается, между тѣмъ какъ число ихъ не можетъ не быть, при правильномъ веденіи описей, вполне извѣстно начальству заведенія, а цѣнность, въ случаѣ если, по какимъ либо исключительнымъ случаямъ, она не внесена въ книги, можетъ весьма легко быть опредѣлена приблизительно, и в) въ отношеніи къ народнымъ училищамъ число ихъ не показывается въ большей части случаевъ по всѣмъ имѣющимся категориямъ ихъ, между тѣмъ какъ на сіе было указано особенно при самой разсылкѣ таблицъ.

По докладу мнѣ о семъ, я нашелъ, что хотя нѣкоторыя изъ допущенныхъ начальствами учебныхъ заведеній неправильностей при исполненіи распоряженій министерства по отношенію къ введенному нынѣ способу собиранія статистическихъ данныхъ могутъ быть объясняемы новостью дѣла и дѣйствительно существующими затрудненіями, но бѣольшая ихъ часть должна быть вмѣнена исключительно въ вину симъ начальствамъ и можетъ быть приписана только небрежности въ исполненіи возложенной на нихъ министерствомъ въ этомъ отношеніи обязанности. Вслѣдствіе сего я покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить подвѣдомственнымъ вамъ начальствамъ по всѣмъ частямъ ввѣреннаго вамъ управленія какъ о своевременномъ на будущее время доставленіи въ департаментъ народнаго просвѣщенія статистическихъ таблицъ, такъ и о надлежащемъ выполненіи ихъ точными и опредѣленными, согласно графамъ, числовыми данными. Что же касается до сроковъ, къ которымъ на будущее, начиная съ текущаго года, время таблицы эти должны быть высылаемы въ департаментъ, то я нахожу необходимымъ установить таковымъ срокомъ для всѣхъ вообще частей *1-е февраля каждаго года*, съ тѣмъ, чтобы вносимыя въ таблицы числовыя данныя показывались за весь предыдущій годъ *по 1-е января*. Таблицы же по гимназіямъ и прогимназіямъ за № I, II, III и IV и по реальнымъ училищамъ за № I, II и III должны быть доставляемы къ 1-му ноябрю каждаго отчетнаго года.

Въ заключеніе пужнымъ считаю покорнѣйше просить насъ, милостивый государь, при предложеніи настоящаго моего циркуляра ввѣренному вамъ учебному округу подтвердить начальствующимъ лицамъ о непремѣнномъ съ ихъ стороны исполненіи моего требованія касательно доставленія надлежаще выполненныхъ статистическихъ таблицъ къ опредѣленнымъ мною срокамъ и присокупить, что болѣе подробныя указанія на счетъ выполненія сихъ таблицъ бу-

дуть сообщены изъ департамента народнаго просвѣщенія подлежащимъ лицамъ и учрежденіямъ при самой разсылкѣ бланковъ.

13. (20 іюня 1876 г.). *Положеніе о стипендіи, учрежденной вдовою потомственнаго почетнаго гражданина, города Казани, Евтихія Михайловича Вѣрина, Марією Яковлевною Вѣриною.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) Вдова потомственнаго почетнаго гражданина, г. Казани, Евтихія Михайловича Вѣрина, Марія Яковлевна Вѣрина, въ память умершаго мужа своего, пожертвовала въ Императорскую Казанскую первую гимназію капиталъ въ *два тысячи рублей* пятипроцентными билетами государственнаго банка на учрежденіе одной стипендіи, съ наименованіемъ ея: „Стипендія потомственнаго почетнаго гражданина Евтихія Михайловича Вѣрина“.

2) Пожертвованный капиталъ хранится въ Казанскомъ губернскомъ казначействѣ, какъ неотъемлемая собственность гимназій, на вѣчныя времена, для цѣли своего назначенія.

3) Стипендіатъ избирается при жизни жертвовательницы ею самою, а послѣ смерти ея педагогическимъ совѣтомъ гимназій изъ дѣтей недостаточныхъ родителей г. Казани, лучшихъ по успѣхамъ и поведенію, православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія званія.

4) Проценты съ означеннаго капитала ежегодно выдаются родителямъ стипендіата или лицамъ, заступающимъ мѣсто ихъ.

5) Стипендіатъ сохраняетъ право на стипендію только при хорошихъ успѣхахъ и отличномъ поведеніи; въ противномъ случаѣ замѣняется другимъ достойнѣйшимъ ученикомъ.

6) Стипендіатъ, остающійся въ томъ же классѣ на другой годъ, по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, стипендіи не лишается.

7) Пользованіе стипендіею не соединено ни съ какими обязательствами.

III. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

28-го августа 1876 года (№ 17). *Утверждаются:* бывшій учитель Варшавской II мужской гимназій *Хартахай*—директоромъ Маріупольской мужской гимназій, съ 1-го іюля 1876 года, инспекторъ народ-

ныхъ училищъ Самарской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Можайскій* и учитель Полтавской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Кизимовскій*—директорами реальныхъ училищъ: первый — Вольскаго и послѣдній—Полтавскаго, оба съ 1-го іюля 1876 года, коллежскій секретарь *Катаржи* и Якутскій 2-й гильдіи купецъ *Автринскій*—вновь почетными попечителями прогимназій: первый—Кишиневской, съ 20-го августа 1876 года, и послѣдній—Якутской, съ 21-го апрѣля 1876 года, оба на три года, предсѣдатель Саратовской губернской земской управы, статскій совѣтникъ *Федоровскій*, статскій совѣтникъ *Гусевъ*, отставной штабсъ-капитанъ *Семеновъ* и саратовскій губернский гласный *Фроловъ*—членами попечительства Саратовскаго реального училища, на три года.

Назначается: учитель Московской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ *Чемолосовъ*—исправляющимъ должность директора Скопинскаго реального училища, съ 1-го іюля 1876 года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Спасскій*, съ 7-го августа 1876 года, съ отчисленіемъ отъ настоящей должности.

Переводится на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія: дѣлопроизводитель канцеляріи Варшавской учебной дирекціи, коллежскій ассесоръ *Скоробогатый*, съ назначеніемъ дѣлопроизводителемъ VII класса сего департамента, съ 7-го августа 1876 года.

Оставаются на службу на пять мѣтъ: директоры гимназій: Архангельской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пилацкій* и Шавельской, статскій совѣтникъ *Изюмовъ*, оба съ 17-го августа 1876 года.

Командируются съ ученою цѣлю: бібліотекаръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Готвальдъ*—въ С.-Петербургъ, на десять дней, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ *Чебышевъ*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго: *Бекетовъ*, *Кисслеръ*, *Вайнеръ* и *Мендельсесъ*, Казанскаго, *Заленскій*, экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Лениъ* и доценты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, *Ерофеевъ* и Казанскаго, *Флавицкій*—въ Варшаву на съѣздъ русскихъ естествоиспытателей; изъ нихъ *Чебышевъ*—на десять дней, *Заленскій*—на двадцать дней и *Флавицкій*—на двадцать восемь дней.

Продолжается срокъ отпуски: дѣлопроизводителю VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскому секретарю *Васильеву*—по 22-е сентября 1876 года, въ разныя губерніи Россіи, помощнику классныхъ наставниковъ Варшавской I мужской гимназіи *Панасинскому*—на пятнадцать дней, ординарному профессору Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику *Эттингену*—на восемнадцать дней, и законоучителю римско-католическаго исповѣданія Сувалкской мужской гимназіи, священнику *Даукиль*—на двадцать восемь дней, за границу; изъ нихъ Панасинскому и Даукиль по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ въ Россіи: исправляющій должность директора Калужскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Петровъ*—на двадцать восемь дней, въ Московскую губернію, по болѣзни; *въ Россію и за границу:* директоръ Тульскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Ладовскій*—на три мѣсяца, по болѣзни; *за границу:* исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета *Висковатовъ*—на тринадцать дней, доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета *Рейеръ*—на двадцать четыре дня, старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, надворный совѣтникъ *Нюрень*—на двадцать восемь дней, начальница Владимірской женской гимназіи, вдова коллежскаго совѣтника *Косошкина*—до 1-го октября 1876 года, сверхштатный ординаторъ госпитальныхъ клиникъ Императорскаго Московскаго университета, лекаръ *Ротъ*—на два мѣсяца, доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ *Ринке*—на три мѣсяца.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета докторъ *Лексисъ*, съ 20-го августа 1876 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: попечителю Миропольскаго начальнаго народнаго училища, Суджанскаго уѣзда, коллежскому ассесору *Кованичу*—за усердіе къ дѣлу народнаго образованія.

18 сентября 1876 года (№ 18). *Утверждаются:* докторъ медицины *Валь*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ государственнаго лечебно-вѣдѣнія, съ 4-го юня 1876 года.

Доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ славянской филологіи *Дриновъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего

университета по кафедрѣ славянской филологіи, съ 12-го мая 1876 года.

Докторъ философіи Лейпцигскаго университета *Мендельсонъ* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ древне-классической филологіи и греческихъ и римскихъ древностей, съ 7-го августа 1876 года.

Назначается: полковникъ *Михайловскій*, директоръ Виленской астрономической обсерваторіи, полковникъ *Смысловъ*, Виленскій губернский архитекторъ, коллежскій совѣтникъ *Чанинъ* и управляющій Виленскимъ газовымъ заводомъ *Шленфельдъ* — вновь членами попечительства Виленскаго реального училища, на три года.

Оставляется на службу на пять мѣтъ: директоръ Императорской Казанской первой гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кремленбергъ* и Дерптскій директоръ училищъ, статскій совѣтникъ *Геекъ*, оба съ 17-го августа 1876 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: класснымъ дамамъ Радомской женской гимназій: *Бедоровой* и *Превлоцкой* — на двадцать восемь дней, обѣимъ по болѣзни.

Увольняется въ отпускъ въ Россіи: дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ *Скоробогатый* — въ Варшаву, на десять дней.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Молчановъ* — въ Москву, на двадцать восемь дней.

Чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лякевичъ* — въ Полтавскую, Кіевскую и Харьковскую губерніи, на двадцать девять дней.

За границу: бібліотекаръ Императорской публичной бібліотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Стасовъ*, на четырнадцать дней.

Директоръ Витебской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шефлеръ*, доценты Императорскихъ университетовъ: Кіевскаго, *Яценко* и Харьковскаго *Кузнецовъ* — на двадцать восемь дней.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, надворный совѣтникъ *Ельцинскій* — на два мѣсяца.

Увольняются: исправляющій должность профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Бордау*, согласно прошенію, отъ настоящей должности.

Отъ службы: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лажминъ*, за выслугою срока, съ 4-го сентября 1876 года.

Помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, сенатскій регистраторъ *Соболевъ*, согласно прошенію, съ 7-го сентября 1876 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Григоровичъ*, согласно прошенію.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНОГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книгу: „*Филологическія розысканія Я. К. Грота*. 2-е, значительно пополненное изданіе, Спб. 1876 г.,—рекомендовать для основныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

2) Книги: *Учебникъ нѣмецкаго языка*. Составилъ *К. Маакъ*, преподаватель С.-Петербургскаго 1-го реального училища. Курсъ I, изд. 6-е, исправленное. Спб. 1876 г. Курсъ II изд. 5-е, исправленное. Спб. 1875 г. Курсъ III, изд. 3-е, исправленное. Спб. 1875 г. Курсъ IV, изд. 2-е, передѣланное. Спб. 1876 г. Цѣна 1-го курса—25 коп., II—50 коп., III—75 коп., IV—50 коп.—включить въ каталогъ книгъ одобренныхъ въ качествѣ учебнаго руководства.

3) Книгу: „*La grammaire en action par Jean Fleury*. 4 édition, considerablement simplifiée et accompagnée d'une traduction en russe St. Pétersbourg, 1876—допустить какъ пособіе, которымъ ученики и ученицы среднихъ учебныхъ заведеній могутъ пользоваться при изученіи французскаго языка, только по указаніямъ учителя.

4) Книгу: „*Нѣмецкая хрестоматія для реальныхъ и коммерческихъ училищъ*“. Составилъ, примѣнительно къ программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія, *К. Клаоссе*, преподаватель нѣмецкаго языка при Новгородской гимназій и реальномъ училищѣ. С.-Петербургъ, 1876 г.—внести въ каталогъ учебныхъ пособій по нѣмецкому языку.

5) Книгу: *К. Ф. Зюпфле. Статьи для перевода на латинскій языкъ*. Руководство, переведенное съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ *К. Пазмиковскимъ* и *В. Исаенковимъ*, преподавателями древнихъ языковъ при Московской 2-й гимназіи.

Часть I. Курсъ низшихъ и среднихъ классовъ. Съ 16 нѣмецкаго изданія. Москва, 1876 г. Цѣна 1 руб. 40 коп.,—одобрить какъ пособіе по латинскому языку для низшихъ и среднихъ классовъ гимназій и прогимназій.

6) Брошюры: I. *Хронологія Всеобщей и Русской исторіи. Систематическій курсъ*. Составилъ по новой примѣрной программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія, М. Острогорскій. С.-Петербургъ, 1875 г. Выпускъ I, Средняя Исторія. Изданіе 3-е, исправленное. Цѣна 20 коп.—Выпускъ II, Новая Исторія. Изданіе 3-е, исправленное. Цѣна 20 коп. Выпускъ III. Древняя Исторія. Цѣна 20 коп. Эпизодическій курсъ. (III и IV классовъ гимназій и прогимназій). Изданіе 3-е, исправленное. Цѣна 15 коп.—признать весьма полезнымъ пособіемъ при изученіи исторіи въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

II. *Хронологія Всеобщей исторіи. Часть I (Древніе вѣка)*, С.-Петербургъ 1876 г. Цѣна 5 коп.—допустить къ употребленію въ младшихъ прогимназическихъ классахъ.

7) Книги подъ заглавіями: I. „*Русская исторія, съ присовокупленіемъ необходималъ свѣдѣній изъ исторіи всеобщей*. По способу Грубе изложилъ В. Фармаковскій“. Изд. 2-е, Вятка, 1875 г.—можетъ быть употребляема въ двухклассныхъ городскихъ училищахъ, какъ руководство, а въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ мужскихъ и женскихъ, какъ пособіе.

II. *Сборникъ стереометрическихъ задачъ*. Составилъ Н. Варахсинъ. Спб. 1875 г. Цѣна 60 коп.—можетъ быть допущена въ фундаментальныя бібліотеки гимназій и реальныхъ училищъ.

8) Книгу: „*Метсорологія, или ученіе о погодѣ Мона*. Съ 24 картами и 34 рисунками. Переводъ П. Тоарданскаго и Ѳ. Капустина, подъ редакцію и съ дополненіями. Д. Менделѣва. Спб. 1876 г.—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

9) Книгу: *Элементарная физика*, съ 138 рисунками въ текстѣ. В. Фомъ-Бооль. Спб. 1875 г. Цѣна 85 коп.—одобрить въ видѣ учебнаго пособія при преподаваніи физики въ учительскихъ семинаріяхъ и городскихъ училищахъ, а также въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, если авторомъ будетъ приложенъ къ книгѣ листокъ съ указаніемъ ошибокъ.

10) Книгу: *Cours élémentaire et progressif de langue française à*

l'usage des classes inférieures—et moyennes des écoles par D. Margot. Vingt unième édition. St. Pétersbourg. 1875 г., внести въ каталогъ учебныхъ руководствъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Составленную кафедральнымъ протоіереемъ г. Костромы Иоанномъ Поспѣловымъ книгу подъ заглавіемъ: „*Наставленіе въ православной вѣрѣ или домашнія бесѣды пастыря съ простыми людьми.* Кострома, 1875 г.“,—допустить, согласно съ мнѣніемъ духовнаго комитета, утвержденнымъ святѣйшимъ синодомъ, въ бібліотеки народныхъ школъ.

2) Составленные Александромъ Вороновымъ книги: 1) *Краткое руководство геометріи*, съ 233 политипажами и 257 задачами на вычисленіе. С.-Пб. 1875 г.“ — можетъ служить очень полезнымъ пособіемъ для учителей городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій и женскихъ гимназій и потому можетъ быть одобрено для бібліотекъ названныхъ учебныхъ заведеній. 2) „*Краткій элементарный курсъ геометріи*“, съ 120 политипажами и 275 задачами на вычисленіе. С.-Пб. 1875 г. Цѣна 60 к. — можетъ служить полезнымъ пособіемъ при геометрическихъ объясненіяхъ въ женскихъ гимназіяхъ, двухклассныхъ городскихъ и начальныхъ училищахъ и для приготовляющихся на званіе домашнихъ учительницъ, и потому можетъ быть одобрено для бібліотекъ названныхъ учебныхъ заведеній. 3) „*Собраніе ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ для письменнаго вычисленія*“, ч. 1-я. Цѣлыя числа. С.-Пб., 1876 г. Цѣна 30 к.—можетъ быть очень полезнымъ пособіемъ при изложеніи ариѳметики въ учебныхъ заведеніяхъ, а потому и можетъ быть одобрено для употребленія въ приготовительномъ и низшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также и въ городскихъ училищахъ.

3) Составленную священникомъ Л. С. Свириѣлинымъ книгу подъ заглавіемъ: „*Курсъ закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ и приготовительныхъ классахъ духовныхъ училищъ*“. М. 1875 г. Цѣна 30 к.,—согласно съ заключеніемъ духовно-учебнаго комитета,

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

утвержденнымъ опредѣленіемъ святѣйшаго синода, допустить къ употребленію въ качествѣ учебника по закону Божію въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

4) Составленную священникомъ В. Гурьевымъ книгу подъ заглавіемъ: „Учебная книга закона Божія для православныхъ воиновъ, обучающихся въ полковыхъ учебныхъ школахъ“. Въ двухъ частяхъ. С.-Пб. 1873 г.,—согласно съ утвержденнымъ святѣйшимъ синодомъ мнѣніемъ духовно-учебнаго комитета, допустить для пріобрѣтенія въ бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія въ 12-й день мая сего года, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Казанской 3-й гимназіи портрета графа Д. А. Толстаго.

— Ихъ Императорскія Высочества, Государь Великій Князь Цесаревичъ и Государыня Цесаревна, 20-го минувшаго августа, соизволили удостоить Своимъ посѣщеніемъ Варшавскій институтъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ.

Прибывъ въ институтъ, Ихъ Императорскія Высочества соизволили войти въ музыкальную залу онаго, гдѣ слѣпые воспитанники и воспитанницы исполнили нѣкоторыя пьесы на фортепьяно и оркестромъ, а также пропѣли хоромъ, за чтò они удостоились апплодисментовъ Ихъ Высочествъ. Засимъ, Ихъ Высочества соизволили перейти въ общій залъ, гдѣ глухонѣмые были испытываемы въ произношеніи, въ узнаваніи рѣчи по движенію губъ говорящаго, въ начальныхъ основаніяхъ грамматики и въ чтеніи. При этомъ Ихъ Высочествамъ благоугодно было осмотрѣть въ подробности заведенный при институтѣ, въ минувшемъ году, педагогическій музей, а также бібліотеку и нѣкоторыя мастерскія сего заведенія, послѣ чего Ихъ Высочества, сопровождаемые гимномъ „Боже Царя храни“, пропѣтымъ слѣпыми воспитанниками и воспитанницами института, соизволили отбыть изъ заведенія, объявивъ какъ сенатору Витте, такъ и завѣдывающему институтомъ, дѣйствительному статскому совѣтнику Паллопскому, свое живѣйшее удовольствіе.

— 21-го августа 1876 г. его величество Императоръ Бразиліи изволилъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ С.-Петербургское первое

реальное училище въ сопровожденіи г. министра народнаго просвѣщенія.

Высокій гость встрѣченъ былъ управляющимъ С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ и директоромъ училища въ 12 ч. 10 м. и пробылъ въ заведеніи до 12 ч. 45 м. по полудни, осмотрѣлъ классныя помѣщенія училища, лабораторію, механическое отдѣленіе, кабинеты физической и естественныхъ наукъ и залы рисовальный и чертежный.

Его величество изволилъ освѣδοмяться о числѣ учащихся, о томъ, имѣются ли казенпокоштные воспитанники и сколько ихъ, о платѣ за ученіе и за содержаніе частныхъ пансіонеровъ.

Въ лабораторіи Императоръ выслушалъ, на нѣмецкомъ языкѣ, объясненія ученика химическаго отдѣленія дополнительнаго класса Гельда о предметѣ запятой (производился анализъ тѣлѣ пятой группы); въ I классѣ разсматривалъ первоначальные рисунки учениковъ этого класса и высказался относительно пользы раплаго знакомства учащихся съ геометрическими формами; въ IV классѣ выслушалъ геометрическую задачу, предложенную преподавателемъ Малишевымъ, и просмотрѣлъ чертежи ближе сидѣвшихъ къ Его величеству учениковъ; въ VI классѣ выслушалъ чтеніе отрывка изъ нѣмецкаго стихотворенія и разказъ прочитаннаго ученикомъ Закомъ; въ соединенномъ дополнительномъ классѣ посѣтилъ урокъ преподавателя Прянишникова „о растительной кѣлочкѣ“; въ чертежномъ залѣ разсматривалъ чертежи учениковъ прошлагодняго VI класса, а въ рисовальномъ залѣ — прошлагодне рисунки 2--7 классовъ (которые были предварительно разложены на рисовальныхъ столахъ). Его величество изволилъ милостиво отозваться о слышанныхъ имъ отвѣтахъ учениковъ и видѣнныхъ работахъ. Полнота учебныхъ коллекцій и устройство ихъ помѣщеній, въ особенности физическаго кабинета и рисовальнаго зала — удостоились особаго одобренія высокаго гостя. Имѣющіеся въ рисовальномъ залѣ рисовальные столы были найдены императоромъ весьма удачно и цѣлесообразно устроенными.

Въ субботу же 21-го августа, третья С.-Петербургская гимназія удостоилась посѣщенія Его величества. Высокій посѣтитель, прибывъ въ гимназію въ 1 ч. 35 м. въ сопровожденіи г. министра народнаго просвѣщенія и встрѣченный управляющимъ учебнымъ округомъ, директоромъ, инспекторомъ и нѣкоторыми преподавателями гимназіи, изволилъ удостоить своимъ посѣщеніемъ IV, V и VI классы и физической кабинетъ. Въ VI классѣ переводили Anabasis Ксенофонта, а въ V классѣ Цезаря на французскій и нѣмецкій языки:

слушая переводы учениковъ, высокій посѣтитель предлагалъ вопросы и оставался, по видимому, доволенъ отвѣтами. Въ V классѣ, учениги, кромѣ Цезаря, переводили съ русскаго языка на латинскій, записывая переводъ на классной доскѣ. Въ IV классѣ заданный урокъ изъ исторіи ученики отвѣчали на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Въ физическомъ кабинетѣ, гдѣ былъ урокъ физики для учениковъ VIII класса, Его величество спросилъ у преподавателя объ объемѣ курса VIII класса по физикѣ, а также о состояніи физическаго кабинета. Кромѣ классовъ, были осмотрѣны церковь, лазаретъ, спальни младшаго и старшаго отдѣленій, столовая и сборная. Въ заведеніи высокій посѣтитель изволилъ пробыть до 2¹/₂ часовъ.

28-го августа, въ субботу, Его величество посѣтилъ Андреевское трехклассное городское училище, открытое въ началѣ текущаго августа въ составѣ I и II классовъ. Прибывъ въ училище около часу по полудни, Императоръ былъ встрѣченъ управляющимъ учебнымъ округомъ, директоромъ и инспекторомъ народныхъ училищъ. Онъ оставался въ заведеніи около получаса и посѣтилъ въ это время классы, разсматривалъ письменныя работы учащихся, распрашивалъ управляющаго округомъ о составѣ учебнаго курса училища, о размѣрѣ платы за ученіе, числѣ учащихся и числѣ правительственныхъ женскихъ народныхъ училищъ въ Петербургѣ; потомъ узнавъ о томъ, что въ училищѣ преподается и пѣніе, пригласилъ учениковъ II класса спѣть что-нибудь. По выслушаніи пѣнія молитвы „Царю Небесный“ и гимна Глинки „Славься славься“, Его величество уѣхалъ изъ училища, выразивъ, что осмотрѣнныя имъ заведенія произвели на него пріятное впечатлѣніе.

Во всѣхъ трехъ осмотрѣнныхъ заведеніяхъ Его величество относился къ видѣнному имъ и составлявшему существенную принадлежность заведеній съ полнымъ вниманіемъ и особою наблюдательностью, а къ служащимъ въ заведеніяхъ и учащимся весьма мило и благосклонно. Такое посѣщеніе Его величества оставитъ навсегда пріятное воспоминаніе о высококомъ посѣтителѣ какъ въ служащихъ, такъ и учащихся въ заведеніяхъ, которыя удостоились его посѣщенія.

ВЪ БИХАРЪ.

(изъ путешествія по индіи).

I.

Въ концѣ февраля 1875 г., отправляясь въ Непаль, я хотѣлъ побывать въ Бихарѣ или древней Магадѣ. Меня интересовала эта провинція своими разнообразными древностями, а также какъ мѣсто святое, имѣющее по нынѣ не малое значеніе въ жизни Индуса. Здѣсь стоитъ Гая, и правовѣрные Индусы говорятъ, счастливъ тотъ, кто въ Гангѣ купался, въ Праягѣ (то-есть, Аллахабадѣ) постригся, въ Бенаресѣ умеръ, и для кого въ Гаѣ свершилось *çrâddha* или поминальная жертва. Ежегодно, во всякое время года тысячи пилигримовъ стекаются въ Гаю. Идутъ туда люди всѣхъ кастъ, изъ всѣхъ мѣстъ Индіи, люди достаточные и люди бѣдные. Всякому желательно свершить *çrâddha*, то-есть, помянуть дѣдовъ въ мѣстѣ святомъ, тамъ, гдѣ показываютъ слѣдъ бога Вишну. Въ Бихарѣ, кромѣ того, родился буддизмъ; здѣсь онъ процвѣталъ въ продолженіе многихъ столѣтій, и здѣсь же до сихъ поръ существуетъ священное древо Бо (*Ficus religiosa*), главная святыня для буддистовъ всѣхъ странъ и всѣхъ сектъ. Понинѣ на поклоненіе этому дереву являются буддисты съ сѣвера изъ Тибета и Ценала, съ юга и юговостока, изъ Цейлона, Бирмы и Сіама. Но Бихаръ считаютъ святою землею не одни буддисты, изгнанные изъ Индіи; сюда стекаются на богомолье не только правовѣрные Индусы всѣхъ сектъ; здѣсь и Жайны имѣютъ свои храмы и святыни; даже у мусульманъ здѣсь есть свои священные гробницы. Эта страна, гдѣ буддисты отыскали центръ земли, по справедливости славится картинностью мѣстоположенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдностью и неплодородіемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сби-

рается одна только жатва, и годъ тому назадъ жители сильно пострадали отъ голода.

Я выѣхалъ изъ Калькутты по желѣзной дорогѣ и на другой день рано утромъ былъ на станціи Бактіарпуръ, откуда должно было начаться мое странствованіе по Бихару. Для дальнѣйшаго слѣдованія къ югу, въ глубь страны, нужно было замѣнить вагонъ паланкинномъ; въ городъ Бихаръ иначе какъ этимъ способомъ нельзя было попасть. Мы двигались цѣлый день по мѣстности далеко не живописной, почти что по тому самому пути, которому слѣдовалъ полторы тысячи лѣтъ тому назадъ китаяскій богомолецъ Фа-сянъ; но голыя поляны далеко не напоминали собою его поэтическаго описанія Магадской страны. Первое впечатлѣніе въ странѣ, колыбели буддизма, было не въ ея пользу: жара, пыль, однообразная выжженная солнцемъ равнина, коегдѣ вдали по горизонту тонція пальмы, бѣдность и грязь по изрѣдка попадавшимси деревушкамъ, — все это далеко было не то, что говорилось встарь о Магадѣ, о ея обилии, о многолюдныхъ ея городахъ и богатыхъ жителяхъ. Лишь поздно вечеромъ мы добрались до города Бихара. Въ городѣ въ то время не жило ни одного Европейца, и меня пріютилъ у себя во флигелѣ одинъ Бенгалецъ (Deputy Magistrate). Одну изъ комнатъ отведеннаго мнѣ помѣщенія украшалъ столбъ, высѣченный изъ песчаника съ надписью царя Скандагупты; къ сожалѣнію, столбъ этотъ былъ врытъ въ землю въ обратномъ положеніи, и часть надписи неизвѣстно для чего сточена. Уже по одному этому столбу можно было подозрѣвать о томъ, чѣмъ богатъ городъ Бихаръ. Имя города (отъ скр. vihāga, монастырь), значащее собственно „монастырь-городъ“, указываетъ на то, что здѣсь когда-то были буддисты, стоялъ буддійскій городъ, и дѣйствительно, изъ мусульманскихъ источниковъ намъ извѣстно, что когда Мохамедъ-Бахтіаръ взялъ приступомъ городъ, онъ пашель въ немъ множество *бритыхъ* брахмановъ (то-есть, буддійскихъ монаховъ), храмы, полныя идоловъ, явъ обширномъ медресѣ невѣрныхъ—великое множество книгъ. Всего этого не пощадилъ завоеватель: жестоко перерѣзавъ жителей, онъ разрушилъ храмы, сжегъ книги и истребилъ идоловъ. Но какъ ни старались мусульмане уничтожить все относящееся къ религіи невѣрныхъ, они не сумѣли однако же вполне стереть памяти о ней. Незвѣстно, какой именно городъ въ древности стоялъ на мѣстѣ теперешняго Бихара. Массы находимыхъ здѣсь остатковъ изъ отдаленной, до-мусульманской эпохи свидѣтельствуютъ, что нѣкогда здѣсь стоялъ большой и блестящій городъ. Онъ былъ, вѣроятно, рас-

положенъ на берегу рѣки Панчана, которая въ настоящее время въ жаркую весну совершенно высыхаетъ, и окруженъ толстыми стѣнами, до сихъ поръ въ иныхъ мѣстахъ хорошо сохранившимися. Многое изъ древнихъ буддѣйскихъ храмовъ мусульмане перенесли, какъ украшенія, въ свои мечети и на свои гробницы. Въ тѣхъ и другихъ мѣстахъ весьма часто находятъ столбы, карнизы и даже изуродованныхъ буддѣйскихъ идоловъ. Теперешній Вихаръ, какъ городъ, ни чѣмъ не замѣчательнъ и не любопытенъ; улицы какъ въ большей части городовъ Индіи узки, нечисты и очень плохо вымощены, базаръ бѣдный и отъ другихъ улицъ отличается только тѣмъ, что еще хуже вымощенъ, да нѣсколько подлиннѣе. Въ этомъ городѣ, обиженномъ судьбой и составляющемъ совершенное захолустье, есть однакоже замѣчательное, хотя и небольшое собраніе древностей. Исторія этого мѣстнаго музея, совершенно заброшеннаго, такова: нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь былъ Deputy Magistrate изъ Англичанъ, человѣкъ хотя и безъ большихъ свѣдѣній и безъ надлежащей подготовки, но великій энтузіастъ. Онъ дѣлалъ раскопки на свой счетъ и все, что не находилъ кругомъ въ окрестностяхъ, все стаскивалъ въ Вихаръ, въ свой домъ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ; древностей накопилось изрядно; при его усердіи къ собиранію, неизвѣстно до какихъ размѣровъ разросся бы музей любителя археолога; но вдругъ среди этой вполнѣ полезной дѣятельности молва стала обвинять англійскаго чиновника въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи; уликъ было много, и чувствуя себя виновнымъ, археологъ заблагодарасудилъ бѣжать изъ Индіи, неизвѣстно куда. Передъ этимъ онъ успѣлъ однакоже всѣ собранныя древности вручить на храненіе своему пресмнику; настоящему Deputy Magistrate. Когда правительство стало требовать ихъ выдачи, сей послѣдній отказался передать древности, утверждая, что онѣ составляютъ частную собственность бѣжавшаго обвиняемаго, но не осужденнаго преступника. Такъ на этомъ дѣло и остановилось; самое собраніе отъ этого много проиграло. Помѣщено оно дурно, да и въ захолустѣ, а благодаря тому, что связано съ опозореннымъ именемъ, вѣроятно, еще долго ни одинъ Англичанинъ не захочетъ обратить на него надлежащаго вниманія, что очень жалко. Въ этомъ собраніи есть и надписи, и барельефы, и колонны, и статуи, и т. д. Многое весьма любопытно и заслуживало бы лучшаго призора и обнаруженія въ фотографическихъ снимкахъ. Въ настоящее время всѣ вещи сложены въ саду и такимъ образомъ подвергаются вліянію измѣняющейся погоды; мокнуть подъ дождемъ,

пылятся и мало по малу гибнуть въ жаркую погоду, пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и нѣтъ сомнѣнія, многое изъ собранія будетъ навсегда утрачено для науки. Уже теперь множество вещей разбито, и куски статуй, даже цѣлые предметы растаскиваются и исчезаютъ. Всѣ предметы музея собраны въ Бихарѣ и принадлежать къ позднѣйшей эпохѣ буддизма, къ эпохѣ сильнаго развитія миеологии; но это нисколько не уменьшаетъ ихъ цѣнности; съ помощью этихъ образовъ, а еще болѣе по прочтеніи подписей, является нѣкоторая возможность опредѣлить, какъ долго буддизмъ держался въ Бихарѣ, и какииъ онъ былъ въ послѣднее время своего существованія въ Индіи. Въ художественномъ отношеніи все собраніе далеко уступаетъ таковымъ же предметамъ, находимымъ въ Пенжабѣ и собраннымъ въ Лагорскомъ музеѣ. Убѣжавшій собиратель оставилъ подробный каталогъ всѣмъ предметамъ, котораго однакоже нѣтъ теперь въ Бихарѣ, и это очень важная утрата; самое описаніе предметовъ, конечно, можетъ быть вновь составлено, но никто здѣсь, въ настоящее время, не знаетъ, какой предметъ откуда вывезенъ, или гдѣ, въ какомъ положеніи онъ былъ найденъ.

Но музей этотъ составляетъ не болѣе, какъ временную и совершенно случайную красу города. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, опозоренное имя собирателя станетъ забываться, на самое собраніе обратятъ большее вниманіе, и такъ или иначе его должны будутъ перенести въ другое мѣсто; къ тому времени, нужно надѣяться, отстроится окончательно тотъ роскошный караванъ-сарай, который въ мое время начали только воздвигать на деньги, пожертвованныя однимъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ, и такимъ образомъ Бихару будетъ чѣмъ похвастать и послѣ отнятія у города музея древностей. Да, никогда не отнимутся у города Бихара его окрестности, замѣчательныя по богатству доставляемаго ими археологическаго матеріала и живописнымъ мѣстоположеніемъ.

Въ Индіи, внутри страны, вдали отъ желѣзныхъ и большихъ дорогъ, обыкновенно путешествуютъ въ палапкинѣ на людскихъ плечахъ; лошадей не всюду можно достать, да и не всегда удобно проѣхать нѣсколько часовъ подъ вертикально падающими лучами солнца; часовъ въ десять солнце начинаетъ сильно жечь, даже въ декабрѣ или январѣ, то-есть, въ срединѣ холоднаго сезона, позднѣе жара дѣлается еще томительнѣе. Въ Бихарѣ плата носильщикамъ не высока и установлена мѣстными властями во избѣжаніе всякихъ пререканій между путешественникомъ и носильщиками: впрочемъ, по-

сильщики такъ мало требовательны, что ничтожной *бахиниш* удовлетворяетъ ихъ вполнѣ, и за него они готовы на лишнюю услугу. Проходятъ они въ часъ отъ трехъ до четырехъ миль; а чѣмъ больше носильщиковъ, тѣмъ скорѣе свершается передвиженіе. На маломъ разстояніи для одного путешественника вполнѣ достаточно четырехъ или шести человекъ. Туземцы весьма часто пускаются и въ дальній путь съ небольшимъ количествомъ носильщиковъ; Европейцу, еслибы даже онъ и захотѣлъ такъ путешествовать, никогда это не удастся. Путешествіе въ паланкинѣ имѣетъ много неудобствъ, хотя и неутомительно. Въ жаркое время въ паланкинѣ душно и пыльно, двигаешься не быстро, и притомъ очень мало видишь окружающей мѣстности; читать въ паланкинѣ можно, но съ великимъ трудомъ.

Въ Вихарѣ не было выбора, и осматривать окрестности безъ лишней траты времени можно только въ паланкинѣ. Такъ я и сдѣлалъ. Въ шести миляхъ отъ города къ юго-востоку лежитъ деревенька Баргаонъ, около которой есть нѣсколько значительныхъ искусственныхъ прудовъ и рядъ кургановъ, бывшихъ буддійскихъ ступъ. Прежде нежели археологи принялись здѣсь за раскопки, жители окрестныхъ деревень нещадно пользовались и древнимъ матеріаломъ, и вымершею святынею. Изъ кирпичей, песчаника строились дома, иногда трехэтажные; земля кругомъ пахалась, и всякая древность, находямая при этомъ, ежели она оказывалась на что-либо годною, пускалась въ дѣло; притолки, карнизы, столбы стаскивались въ дома, старые идолы окрещивались новыми именами и становились предметами почитанія. Таковая эксплуатация древностей продолжается до сихъ поръ, но благодаря раскопкамъ Кеппингэма и Бродлен, много спасено и вывезено изъ Баргаона, а самыя развалины были описаны, найдено древнее имя Баргаона.

Въ Баргаонѣ были отысканы два священные изображенія (богини *Vâgesvari* и *Ash/a-Sakti*), и изъ надписей на нихъ явствуетъ, что еще въ X вѣкѣ (а можетъ быть, и гораздо позднѣе) это мѣсто называлось Паланда. Съ этимъ именемъ связана исторія буддійской учености позднѣйшихъ временъ; на мѣстѣ теперешней деревеньки стоялъ обширный и знаменитый монастырь, возникшій, вѣроятно, между V и VII вѣкомъ по Р. Х., хотя самое мѣсто считалось священнымъ гораздо ранѣе, ибо тутъ родился и умеръ Сѣрипутра, одинъ изъ первыхъ и любимыхъ учениковъ Гаутамы; но Фасинъ, посѣтившій Баргаонъ или Паланду въ V вѣкѣ, не упоминаетъ еще о монастырѣ, а говоритъ только о ступѣ, воздвигнутой на томъ

самомъ мѣстѣ, гдѣ умеръ Сâрипутра. Черезъ двѣсти съ небольшимъ лѣтъ здѣсь жилъ и учился другой китайскій путешественникъ: Сюанъ-цзанъ нашелъ Паланду въ полномъ блескѣ. Паланда была въ то время и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій затѣмъ мѣстомъ молитвы и разсадникомъ учености. Въ этомъ мѣстѣ основалось нѣчто подобное нашимъ университетамъ; рядомъ со ста-осьмью храмами здѣсь было столько же школъ, содержавшихся на приношенія отъ царей и богатыхъ людей. Тарапата упоминаетъ объ одномъ царѣ, пожертвовавшемъ на школы Паланды сто кувшиновъ золота; другой царь завелъ здѣсь библіотеку, въ которой было громадное количество рукописей: говорятъ, триста двадцать милліоновъ слоговъ были написаны на нихъ. Въ Наланду не только приходили учиться, но являлись также еретическіе учителя оспаривать догматы и философскія положенія буддистовъ. При Арьясангѣ что ни день, то былъ диспутъ. Паланда сталъ процвѣтать вмѣстѣ съ развитіемъ Махаяны; какъ ни далеко отъ насъ это время, но многіе изъ тогдашнихъ порядковъ учебно-монастырской жизни живы въ современной Индіи. Передъ отъѣздомъ въ Бихаръ мнѣ случилось побывать въ Sonnarag'ѣ. Здѣсь на высокомъ берегу Ганга, въ виду и прямо противъ французскаго города Чалдернагора, ража Тагоръ воздвигъ до шестнадцати храмовъ и завелъ школу, устроилъ нѣчто въ родѣ маленькаго монастыря университета Наланды. Храмы, школы, профессора, студенты содержатся на его счетъ. Большинство храмовъ посвящены Сивѣ, и только два составляютъ исключеніе: одинъ посвященъ богинѣ Кâли, и кромѣ того, есть храмъ бога Кришны. Самъ ража Тагоръ не принадлежитъ къ сектѣ Вишнуитовъ, хотя и воздвигъ храмъ богу Кришнѣ; между его разнообразнымъ движимымъ имуществомъ нашелся богатый идолъ Кришны съ супругой и это было поводомъ къ постройкѣ шестнадцатаго храма. Всѣ храмы выстроены въ рядъ на берегу Ганга; за ними возвышается зданіе, гдѣ читаются лекціи и живутъ ученики. Въ школѣ изучается исключительно брахманская мудрость и всѣ студенты брахманы. Кромѣ книгъ священныхъ, философскихъ, грамматическихъ, здѣсь однако читаютъ и комментируютъ и поэтическія произведенія; также точно и въ Наландѣ отцы-отшельники не только умѣли философствовать о пустотѣ, вызывать духовъ, но и писывали разсужденія о мимикѣ, тапцахъ и музыкѣ. Зданіе, въ которомъ читаются лекціи, папоминаетъ нѣсколько планы буддійскихъ монастырскихъ построекъ. Средию зданія занимаетъ обширная зала; къ ней съ двухъ сторонъ примыкаютъ маленькія аудиторіи, въ ко-

торыхъ собственно читаются лекціи. Профессоръ и ученики сидятъ на полу, на разостланныхъ цыновкахъ; учениковъ у каждаго профессора не много, человѣкъ пять-шесть, и всѣхъ ихъ считается въ школѣ не болѣе пятидесяти. Мнѣ сопутствовалъ одинъ извѣстный профессоръ философіи изъ Калькутскаго университета; передъ такимъ знаменитымъ посѣтителемъ и профессора, и студенты весьма естественно желали отличиться и показать товаръ лицомъ; въ одной аудиторіи мѣстный профессоръ логики (пуауа) затѣялъ-было даже диспутъ; по поводу одного мѣста разбиравшейся кпиги онъ сталъ доказывать бытіе *Isvar'ın* (то-есть, Бога); вмѣшался профессоръ изъ столичнаго университета, и къ сожалѣнію, провинціалъ былъ побитъ, впрочемъ, послѣ долгихъ преній, продолжавшихся чуть ли не цѣлый часъ. Для житія студентамъ отведено особенное зданіе; у каждаго есть своя маленькая спальня; всѣ спальни очень чисты, и во всѣхъ полное отсутствіе всякой мебели; цыновка и подушка—вотъ и все, что требуется для комфорта мѣстнаго студента. Всѣ они стипендіаты и получаютъ, кромѣ квартиры и книгъ, отъ четырехъ до пяти рупи въ мѣсяцъ (то-есть, отъ 8 до 10 пилинговъ). Жалованіе профессорамъ также умѣренно: есть такіе, которые получаютъ отъ шестнадцати до двадцати рупи въ мѣсяцъ; пятьдесятъ рупи получаетъ только одинъ, именно профессоръ логики. Плата эта не покажется слишкомъ низкою, если принять въ разчетъ, какъ мало туземецъ можетъ тратить въ Индіи на свое помѣщеніе, одежду и ѣду. Всѣ потребности Европейца не существуютъ для него; онъ живетъ по своему и тратитъ баснословно мало. Въ Наландѣ было такое же учрежденіе въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и притомъ не брахманское, а буддійское. Тамъ было большее число какъ храмовъ, такъ и коллегій; по учились по тому же методу, какъ и нынѣ въ туземныхъ школахъ; диспутировали также, какъ и понынѣ препираются туземные діалектики.

Въ то отдаленное отъ насъ время въ Наландѣ было, конечно, гораздо болѣе матеріальныхъ средствъ, нежели въ современныхъ намъ подобныхъ учрежденіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ средѣ учащихся было гораздо болѣе творческой силы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что здѣсь именно выработалась окончательно та религіозная система, которая до сихъ поръ крѣпко держится въ Непалѣ, Тибетѣ, Китаѣ и Монголіи. Долгое время Наландскій буддійскій университетъ былъ центромъ буддійской учености, и до сихъ поръ нѣтъ вѣрныхъ извѣстій объ его окончательномъ разрушеніи; извѣстно только, что Наланда разрушался и возобновлялся нѣсколько разъ; враги не щадили ни

его вѣшняго благолѣпія, ни его ученыхъ средствъ; разрушали храмы и другія зданія, сжигали библіотеки, разгоняли ученыхъ отшельниковъ. Разрушали Наланду не только войска еретическихъ царей, нападавшихъ на Магаду: университетъ Наландскій поджигали учителя враждебныхъ сектъ. И это повторялось не разъ въ теченіе многихъ столѣтій его существованія. Мы знаемъ, напимѣръ, что разъ въ Наландѣ происходило освященіе новаго храма, воздвигнутаго частною благотворительностью. Собралось множество народу, и монахи угощали гостей; въ числѣ гостей было два нищихъ не буддиста; срамаперы, то-есть, ученики - послушники, вздумали падъ ними подшутить; они облили гостей помоями, ущемили ихъ въ дверяхъ и натравили на нихъ собакъ; разгнѣванные нищие отмстили за себя; они подожгли монастырь; погорѣли храмы, школы, кумиры; сгорѣло и книгохранилище. То было однако же не окончательное разрушеніе монастыря; послѣ того онъ возродился, и исторія знаетъ, что не разъ онъ подвергался нападеніямъ; поэтому, нисколько не удивительно, что въ настоящее время въ Баргаонѣ, на мѣстѣ прежняго Наландскаго университета, осталось очень не много отъ прежняго великолѣпія; надъ уничтоженіемъ древностей потрудились не только время, но и люди, ибо Индѣйцы не умѣютъ цѣнить древности, не смотря на консервативность своего народнаго характера.

Развалины Наланды лежатъ на юго-западъ отъ деревеньки Баргаонъ; когда начинаешь приближаться къ деревнѣ съ сѣверо-востока, то не видъ развалинъ бросается въ глаза—такъ онѣ незначительны,— а искусственныя озера, окружающія ихъ. Первое озеро, съ котораго я началъ обзоръ развалинъ, называется Dirghara Pokhar; оно находится на сѣверо-востокъ отъ деревни; съ востока на западъ оно простирается по крайней мѣрѣ на милю, и на четверть мили съ сѣвера на югъ; кругомъ его обѣиетъ прекрасная роща деревъ манго. Нѣсколько южнѣе, къ востоку отъ развалинъ находится другое озеро Pansokar-Pokhar, почти такихъ же размѣровъ, какъ и сейчасъ упомянутое. На югъ отъ развалинъ лежитъ третье большое озеро Indra pokhar. Нѣсколько меньшихъ озеръ видѣются кругомъ развалинъ въ разныхъ сторонахъ. Всѣ эти озера искусственныя, и о нихъ уже говоритъ Сюанъ-цзанъ (VII в. по Р. X.); въ его время они были покрыты лотусами, и тѣнистые сады тянулись по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ теперь среди ровныхъ рисовыхъ полей, отъ сѣвера къ югу, видѣнъ рядъ кургановъ. Обиліе воды и тѣни не составляетъ въ полуденномъ климатѣ только роскошь; то и другое заводится не только ради

красы, но и какъ предметы первой потребности; южанинъ сознаеть это вполне и вполне умѣеть цѣнить красу тѣни и воды. Здѣсь, среди обидія воды и тѣнистой прохлады равсѣяны были высокія башни, разукрашенные павильоны, въ которыхъ производились диспуты, и раздавалось слово поученія; возвышались тѣ зданія и храмы, о которыхъ Сюанъ-цзапъ восторженно говорить, что „ихъ купола достигали поднебесья, а изъ оконъ храмовъ видѣлось мѣстороженіе вѣтра и тучъ; луна и солнце показывались на уровнѣ ихъ высокихъ крышъ“.

Подвигаясь отъ озера *Dīrgha Rokhar* на юго-западъ, прежде нежели дойдешь до ряда бывшихъ ступъ, по дорогѣ встрѣчается нѣсколько остатковъ буддизма, котораго въ настоящее время народъ совершенно не помнитъ и не знаетъ даже по наслышкѣ. Проходишь мимо изображенія Будды; онъ представленъ сидящимъ, какъ бы погруженнымъ въ созерцаніе; кругомъ него стоятъ ученики, и надъ головою каждого изъ нихъ надписи, изъ которыхъ явствуетъ, что четыре фигуры изображали: 1) *Sariputra*, 2) *Maudgalyayana*, 3) *Maitreyaniputra*, и 4) *Vasumitra*. У главной фигуры отколотъ носъ, а лобъ, вымазанъ охрою¹⁾. Идолъ до сихъ поръ, подъ именами *Telia Bhandar* и *Bhaigava*, чтится жителями сосѣднихъ деревень. Не въ далекомъ разстояніи отсюда стоитъ *Ficus religiosa*; дерево окружено маленькою террасою, на которой разставлено нѣсколько изображеній Будды; всѣ они вымазаны охрой, и значитъ, до сихъ поръ чтутся Индусами подъ тѣмъ или другимъ именемъ. Рядомъ съ святымъ деревомъ отгороженъ кирпичною новою стѣною небольшой дворикъ; нѣсколько фигуръ Будды разставлены на немъ въ рядъ, и одна изъ нихъ громадныхъ размѣровъ, не менѣе осьми футовъ въ вышину. Будда изображенъ погруженнымъ въ созерцаніе, вымазанъ охрой и въ настоящее время слыветъ подъ именемъ *Telia-bhandar*. Кругомъ въ очень многихъ мѣстахъ, подъ открытымъ небомъ стоятъ или лежатъ древніе идолы; между ними попадаются изображенія брахманическихъ боговъ, напримѣръ, изображеніе богини Дурги, съ буддійскимъ символомъ вѣры (*vedharmahetu* и т. д.) кругомъ головы и съ изображеніемъ созерцающаго Будды въ волосахъ. Не въ далекомъ разстояніи отсюда начинается тотъ рядъ ступъ, о которомъ я упоминалъ нѣсколько разъ; шесть изъ нихъ возвышаются одна за другою по одной линіи

¹⁾ Охрою мажутъ идолы во время жертвоприношенія. Это вѣрный признакъ того, что изображеніе считается святымъ и чтится почитаніемъ.

отъ сѣвера къ югу. Всѣ эти курганы подвергались раскопкамъ и доставили значительное количество идоловъ; часть этихъ идоловъ находится теперь въ Бихарѣ; нѣкоторые видны до сихъ поръ на мѣстѣ, и неизвѣстно, сколько изъ ихъ числа затерялось и погубло. Самый любопытный изъ кургановъ—центральный или четвертый отъ сѣвернаго конца; онъ разчищенъ на столько, что даетъ возможность безошибочно опредѣлить, что здѣсь стоялъ храмъ, нижняя часть котораго еще сохранилась; онъ былъ, вѣроятно—на сколько можно судить по сохранившемуся, выстроенъ въ стилѣ храма въ Будда Гаѣ и по времени относится къ X вѣку или нѣсколько ранѣе; объ этомъ можно заключить изъ надписи, найденной здѣсь у дверей храма, обращенныхъ на востокъ. Ни самой надписи, ни всѣхъ тѣхъ столбовъ и украшеній, о которыхъ говоритъ Бродлей, производившій раскопки, въ настоящее время нѣтъ на мѣстѣ. Можно предположить, что чрезъ нѣкоторое время и самыя стѣны храма начнутъ разбираться, и память о баргаонскихъ развалинахъ останется только въ археологическихъ сочиненіяхъ. О самомъ храмѣ я не стану говорить, такъ опишу этотъ стиль построекъ въ Будда Гаѣ. Географическое положеніе и надписи убѣждаютъ въ томъ, что на мѣстѣ Баргаона дѣйствительно стоялъ монастырь Наланда, но необходимо очень значительное усиліе фантазій, для того, чтобы среди этихъ раскопанныхъ и ограбленныхъ кургановъ отыскивать слѣды тѣхъ зданій, о которыхъ упоминается въ VII вѣкѣ. Для того, чтобы навѣрно вѣрить въ таковыя отождествленія, нужно забыть все то малое, что намъ извѣстно изъ исторіи Наланды. Уцѣлѣли отъ того времени озера; такого рода сооруженія трудно уничтожить, да и не къ чему; на югѣ вода особенно дорога каждому.

Осмотрѣвъ Баргаонъ, я вернулся назадъ въ Бихаръ, съ тѣмъ чтобы ѣхать въ Гаю и по дорогѣ побывать въ нѣкоторыхъ другихъ историческихъ мѣстностяхъ. Ближайшее къ Бихару и наиболѣе примѣчательное есть Ражагриха; въ переводѣ это имя значитъ „царскій домъ“ или даже „царьградъ“, понимая *градъ* въ смыслѣ „города“. Мой любезный хозяинъ, Бенгалецъ, вызвался доставить меня туда на лошадахъ. 2-го марта, часовъ въ двѣнадцать, мы выѣхали изъ Бихара на юго-западъ, по большой дорогѣ. Было жарко, но поднятый верхъ экипажа защищалъ насъ отъ палищихъ лучей солнца; путь предстоялъ не долгій и по мѣстности очень красивой; мы безпрестанно проѣзжали мимо деревенекъ, группъ глиняныхъ мазанокъ, скученныхъ на небольшомъ пространствѣ, съ узкими переулками

между отдѣльными дворами. Рисовыхъ полей видно много; но въ деревняхъ не видно большаго довольства; жители были грязны и по обычаю страны совершенно почти раздѣты; самое необходимое прикрытие наготы было на нихъ и грязно, и въ лохмотьяхъ. Въ здѣшнихъ мѣстахъ собирается одна только жатва. На половинѣ дороги, у мѣстечки Seclao (а не Seetao, какъ обыкновенно стоитъ на картахъ) мы свернули съ большой дороги къ югу и около трехъ часовъ были въ Ражагрихъ. Есть два города этого имени — старый, бывший въ развалинахъ уже въ V вѣкѣ, и новый, въ которомъ живутъ до сихъ поръ, по гдѣ гдѣ ничего древняго, ни любопытнаго. Оба города расположены въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга: едва выйдешь изъ новаго города, тотчасъ же на вершинѣ холмовъ показываются остатки древнихъ городскихъ стѣнъ; уже не доѣзжая ихъ, необходимо оставить экипажъ и идти далѣе пѣшкомъ; ни одна лошадь и никакія колеса не выдержатъ прогулки по мѣсту, такъ обильно усыпанному старыми кирпичами и всякими осколками. Миновавъ стѣны чрезъ узкій проходъ, вступаешь въ долину, гдѣ стоялъ старый городъ и, гдѣ теперь никто не живетъ. Въ буддійскихъ пѣсякахъ, прославившихъ первую дѣятельность великаго индійскаго учителя, это мѣсто названо giribbajja или загопъ, образуемый горами. Горы съ пятью выдающимися пиками образуютъ здѣсь долину; наибольшая ея длина отъ запада къ востоку, а наименьшая съ сѣвера на югъ; въ окружности она имѣетъ не болѣе пяти миль; когда глядишь въ нее съ сѣвера, долина кажется окруженною сплошною стѣною крутыхъ, хотя и невысокихъ горъ; по ихъ обрывистымъ склонамъ скучно растеть кое-гдѣ травка, а на вершинѣ ихъ бѣлѣются новыя жайнскіе храмы. По самой долинѣ съ сѣвера на югъ извиивается по каменному руслу маленькая рѣчка Сарасвати. Ея берега буквально усыяны кирпичами, — камнями старыхъ построекъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непроходимымъ мелкоколѣсьемъ изъ колючихъ кустовъ и высокой травы tulsî. Груды кирпичей, небольшіе курганы, остатки бывшихъ ступъ видны со всѣхъ сторонъ. Въ тѣни небольшой рощи, у сѣвернаго входа въ долину намъ разбили палатку. Къ востоку поднималась гора Virula, съ бѣлымъ жайнскимъ храмомъ на вершинѣ, къ юго-западу гора Vaibhitar, гдѣ семь святыхъ теплыхъ источниковъ и нѣсколько новыхъ храмовъ, посвященныхъ Махадевѣ. Нѣсколько далѣе къ юго-востоку видна гора Ratnagiri; узенькое ущелье, совершенно незамѣтное издали, отдѣляетъ ее отъ горы Udayagiri. На югѣ долина замыкается горою Sonagir.

Старый городъ Ражагриха — мѣсто памятное и даже святое не только для однихъ буддистовъ. Начало его исторіи восходитъ въ глубокую древность; здѣсь стояла столица Магадскаго царства, и брахманское преданіе локализовало здѣсь много сагъ изъ великой индійской эпопеи Махабхараты. За брахманами пришли буддисты и говорятъ, что Бимбисара, первый царь, покровительствовавшій ихъ ученію, жилъ здѣсь; сюда явился испрашивать милостыню бѣжавшій изъ отчужденнаго дома царскій сынъ Гаутама. Въ той горѣ, гдѣ теперь стоятъ храмы Махадевы, до сихъ поръ видна естественная пещера, куда онъ удалялся въ полдневный жаръ, на отдыхъ. Въ Ражагриху возвращался Гаутама нѣсколько разъ во время своей проповѣднической дѣятельности; послѣ его смерти сюда собрались его осиротѣлые ученики. За всѣмъ тѣмъ, городъ никогда не пользовался особеннымъ значеніемъ въ буддйскомъ мірѣ. Онъ былъ несомнѣнно хорошо обстроенъ храмами и ступами; были здѣсь и монастыри; но ни одинъ изъ нихъ не пользовался такою громкою извѣстностью, какъ Наланда или бенаресскіе монастыри. Въ V вѣкѣ городъ былъ уже въ развалинахъ; нужно предполагать, что періодъ его упадка начался задолго передъ тѣмъ и еще въ то время, когда буддисты были сильны своимъ общественнымъ значеніемъ и богатствомъ въ другихъ мѣстахъ Индіи. За буддистами здѣсь стали преобладать брахманы; этихъ послѣднихъ смѣнили мусульмане. Брахманы настроили здѣсь своихъ храмовъ, мусульмане — мечетей и гробницъ; и не нужно большой зоркости, чтобъ убѣдиться, что какъ тѣ, такъ и другія, строились и украшались изъ стараго буддйскаго матеріала; самые кумиры брахманы усвоивали себѣ и чтили ихъ. И такъ, почти всюду въ Бихарѣ и въ остальныхъ древнихъ мѣстахъ Индіи совершенно неожиданно можно отыскать остатокъ глубокой древности въ зданіи, выстроенномъ чуть-ли не пакаунѣ. Въ Ражагрихѣ, кромѣ того, старымъ буддйскимъ матеріаломъ сильно пользовались Жайны, строившіе храмы по вершинамъ окружающихъ горъ. Хотя Ражагриха — мѣсто святае по настоящее время, но богомольцевъ здѣсь я нашелъ не много; не много ихъ было видно и по дорогѣ сюда; и только рано утромъ по долигѣ замѣтно нѣкоторое движеніе; пилигримы изъ отдаленныхъ мѣстъ Индіи, преимущественно Жайны, иногда изъ срединны Пенжаба, сходятся около теплыхъ источниковъ; въ закрытыхъ со всѣхъ сторонъ носилкахъ разносятъ богомолокъ на вершины горъ, по разнымъ храмамъ; долина, унылая и совершенно тихая въ остальные часы дня, часовъ въ шесть утра оживаетъ на

короткое время; слышится говоръ у источниковъ; по склонамъ горы издали бѣлѣются чистыя одѣянія предприимчивыхъ богомольцевъ, поднимающихся къ чудотворнымъ слѣдамъ жайнскихъ святыхъ. Во всѣхъ этихъ храмахъ, какъ я уже замѣтилъ, есть непремѣнно что-либо древнее, и къ каждому храму, расположенному на крутой высотѣ, подниматься не легко; подъемъ крутъ, и ничья рука не позаботилась облегчить путь къ святищѣ. Женщинъ и стариковъ обыкновенно вносятъ на горы въ особоустроенныхъ носилкахъ; нельзя не подивиться искусству, выказываемому при этомъ посильщиками, а также и храбрости сидящихъ въ носилкахъ; когда смотришь на поднимающихся носильщиковъ снизу, кажется, что или сѣдока они выбросятъ, или носилки соскользнутъ съ ихъ плечъ и полетятъ внизъ по крутизнамъ. Но ни того, ни другаго никогда не случается.

Къ теплымъ источникамъ на Байбхарской горѣ поднимаясь по прекрасной каменной лѣстницѣ; у подошвы горы протекаетъ рѣчка Сарасвати, а у самыхъ источниковъ стоятъ нѣсколько брахманскихъ храмовъ, и здѣсь постоянный притонъ множества нищихъ, изъ касты брахмановъ; эти полунагіе попрошайки не даютъ проходу никому, и у Европейца, и у Жайна они вымаливаютъ милостыню, по особенно же привязчивы къ богомольцамъ Индусамъ. За всѣмъ тѣмъ доходъ ихъ не великъ. На одной горѣ всѣхъ теплыхъ источниковъ семь; они называются: Gangâ-Yamuna-Kund, Anond-Rishi, Markand, Byâs, Sat-dvâga, Brahma-Kund, Kâsîrîth; вода, температура которой въ Brahma-Kund доходитъ до 105° по F., вытекаетъ изъ каменныхъ трубъ, украшенныхъ головами львовъ и тигровъ, и собирается въ каменныхъ бассейнахъ. Уже Сюанъ-цзянь упоминаетъ объ этихъ скульптурныхъ украшеніяхъ трубъ. Въ храмахъ поражаетъ обиліе буддійскаго наслѣдія; здѣсь даже небольшія чайтья¹⁾ изъ гранита обращены въ lingam; много и другаго поватакано сюда изъ бывшихъ буддійскихъ храмовъ и часовенъ. Къ юго-западу отъ источника Markanda-Kund, на высотѣ 276 футовъ, выдается довольно значительная платформа. Она сложена изъ громадныхъ не обточенныхъ камней и называется Jagasandhaka baithak, то есть, тронъ Ж; высота этой платформы 28 футовъ; у ея подножія есть нѣсколько пещеръ, шести и восьми футовъ въ квадратъ. Въ иную пору года въ этихъ пещерахъ бывають вре-

¹⁾ Чайтья то же, что ступа; онѣ бывають различныхъ величинъ и всегда имѣють форму опрокинутой вверхъ дномъ чаши. Иногда бока украшены рѣзбой. Lingam phallus: эмблема Сивы или Махадевы.

менные жилища, факиры различныхъ сектъ. Такое ихъ назначеніе было издревле, и по всей вѣроятности, мы имѣемъ здѣсь образцы древнѣйшихъ буддійскихъ келій. Двѣ изъ этихъ келій находятся на восточной сторонѣ, пять — на сѣверной. Таковую же пещеру я замѣтилъ къ западу отъ Brahma-Kand, шаговъ въ сто съ небольшимъ; она высѣчена въ боку горы, на довольно значительной высотѣ. Еще далѣе къ западу въ гору вѣтся широкая тропинка, сильно поросшая колючимъ кустарникомъ. Площадь платформы имѣетъ пятьдесятъ квадратныхъ футовъ; сзади ея находится большая пещера, въ которую спускаются по нѣсколькимъ ступенямъ, сложеннымъ изъ кирпича. Пройти въ эту пещеру въ мое время было нелегко, такъ она была завалена обрушившимися камнями и кирпичами. Размѣры ея впрочемъ извѣстны: 36 футовъ съ востока на западъ и 26 съ сѣвера на югъ; высота отъ 18 до 20 футовъ. Въ этой пещерѣ Бродлей нашелъ изображеніе Будды изъ чернаго базальта, и эта находка заставляетъ предполагать, что пещера была храмомъ такимъ же не замысловатымъ, какой до сихъ поръ существуетъ ниже, у одного изъ источниковъ (sât-dvāga), и называется храмомъ семи мудрецовъ. Онъ — также искусственная пещера, но гораздо меньшихъ размѣровъ, и кромѣ изображенія семи мудрецовъ, ничѣмъ не украшенъ. На платформѣ передъ пещерою, входъ въ которую обращенъ на востокъ, есть три мусульманскія гробницы. Поднимаясь выше къ вершинѣ, на высотѣ 800 фут. достигаешь второй платформы, очень схожей съ первой; отсюда вверхъ идутъ остатки стѣны отъ 14 до 15 футовъ ширины; по ней, какъ по тропинкѣ, взбираешься къ Жайнскому храму, стоящему на высотѣ 1300 ф. Къ югу и юго-западу есть развалины двухъ буддійскихъ храмовъ. Особенно замѣчательнъ тотъ, который стоитъ къ юго-западу. Онъ очень хорошо сохранился; его главный ходъ былъ обращенъ на востокъ; на протяженіи пятнадцати футовъ, идетъ колоннада, входящая въ квадратную комнату; двѣнадцать высокихъ колоннъ поддерживали нынѣ обвалившійся потолокъ, изъ этой комнаты три ступени вверхъ вели во вторую — меньшую, но болѣе высокую. Притолка двери, ведущей въ эту комнату, украшена скульптурною работою, очень грубою. Надъ дверью есть изображеніе Будды. Едва ли нужно упоминать, что съ этой высоты изъ храма открывается одинъ изъ лучшихъ видовъ: отсюда виднѣнъ новый городъ Ражагриха, Бихаръ и даже баргаонскіе курганы.

На вершинѣ Байбхарской горы есть нѣсколько жайнскихъ храмовъ; отсюда, не спускаясь въ долину, можно обратиться къ пещерѣ Sonbhan-

dar, находящейся на южномъ склонѣ горы; я предпочелъ однакожь сойти внизъ и дойти до пещеры по долинѣ; отъ теплыхъ источниковъ до нея считается не болѣе мили. Сопхандарская пещера или въ переводѣ „кладовая золота“ есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ остатковъ древностей, видѣнныхъ мною въ Вихарѣ. Она любопытна сама по себѣ, какъ памятникъ глубокой древности, независимо отъ той исторіи, которую навязываютъ ей мѣстные археологи, и которая болѣе нежели сомнительна. Пещера, въ которой — говорятъ — происходилъ первый соборъ буддистовъ, находится на южномъ склонѣ горы. Сюанъ-цзанъ, описывая свое пребываніе въ Ражагрихѣ, говоритъ между прочимъ, что онъ видѣлъ „большой каменный домъ“, гдѣ будто бы происходилъ этотъ первый соборъ и домъ этотъ по его словамъ, стоялъ въ такомъ мѣстѣ, которое только съ великими натяжками можно приурочить къ настоящему положенію пещеры. Если въ VII вѣкѣ по Р. Х. память о первоначальномъ, настоящемъ мѣстѣ собраній святыхъ отцовъ на столько затемнилась, что для ихъ помѣщенія отводится большое зданіе, то не значить ли это, что уже тогда пещеры не помнили, и ея не существовало, а потому невѣроятно, чтобы именно эта пещера отыскалась въ XIX вѣкѣ.

Къ пещерѣ нужно подниматься теперь по тропинкѣ, а первоначально вѣсто пещ., вѣроятно, на верхъ шла дѣсенка. Передъ самою пещерой находится платформа, около 100 футовъ въ квадратъ; часть этой плоскости, можетъ быть, была застроена крытою верандой, ибо на вѣшной стѣнѣ пещеры видны квадратныя правильныя углубленія, куда вставлены были балки. Кучи кирпича и камни разбросаны по платформѣ. Вѣшній фасадъ пещеры такъ гладокъ и ровенъ, что издали кажется полированнымъ, онъ—44 ф. въ длину и 16 ф. въ высоту. Съ западной стороны выдается скала, но на восточной высѣчены двадцать узенькихъ ступенекъ. Совершенно правильно вырубленная дверь ведетъ въ пещеру; ширина двери—3¹/₂ ф., высота—6 ф. 4 в. Толщина стѣнъ въ три фута; къ западу отъ двери есть окно, имѣющее три фута въ ширину и высоту. По этому же направленію находится безголовое изображеніе Будды и коротепьякая надпись въ двѣ строки. Азбуку надписи должно отнести къ началу нашей христіанской эры. Какой-то Vairadeva, отшельникъ, пишетъ о себѣ, что онъ здѣсь жилъ и предавался созерцанію. Внутренность пещеры подъ сводомъ имѣетъ 33 фута въ длину и 17 футовъ въ ширину. По стѣнамъ есть нѣсколько надписей новѣйшею азбукою, но которыя, тѣмъ не менѣе, трудно разобрать. Внутри пещеры есть

небольшая чайтья, изукрашенная изображениями Будды, очень тонкой работы. Эта пещера есть древнѣйшій образецъ индѣйской архитектуры; нѣсколько подобныхъ безъискусственныхъ пещеръ находятся на островѣ Цейлонѣ. Сонбхандарская пещера есть образецъ древней буддѣйской кельи, превращавшейся иногда, то-есть, во время „обряда исповѣди“ (упошатхи), въ храмъ; она гораздо древнѣе всего того, что мы находимъ въ ней, какъ подписей, такъ и чайттьи; послѣдняя, по всей вѣроятности, занесена сюда очень недавно.

Въ Ражагрихѣ есть много примѣчательнаго; такъ у горы Vipula есть нѣсколько другихъ теплыхъ источниковъ. Изъ нихъ одинъ считается святымъ и Индусами, и мусульманами. У горы Udayagirъ показываютъ платформу или тронъ Bhīmasen'a. На вершинахъ во всѣхъ храмахъ можно найти что-либо древнее, но времени у меня было не много, и чрезъ три дня я долженъ былъ спѣшить въ Гаю.

II.

День, въ который по уговору съ д-ромъ W. я долженъ былъ быть на Непальской границѣ, приближался, и для осмотра бихарскихъ древностей у меня оставалось немного времени; я долженъ былъ спѣшить въ Гаю, откуда повернуть на сѣверъ и чрезъ Патну пробираться къ непальскимъ границамъ; медлить было нельзя, такъ какъ приготовленія для поѣздки въ Непаль дѣлаются заранѣе, и необходимо держаться разъ назначенныхъ дней, во избѣжаніе затрудненій и неприятностей. Хорошо зная это, 5-го марта я оставилъ старый городъ Ражагриху и по пути въ Гаю намѣревался осмотрѣть два мѣста—Гирьекъ и Паванпури.

Гирьекъ лежитъ на востокѣ отъ Ражагрихи, въ нѣсколькихъ миляхъ. Часовъ въ восемь утра я уже былъ тамъ, и желая попасть въ тотъ же день въ Паванпури, тотчасъ же принялся за осмотръ древностей. Здѣсь двѣ археологическія достопримѣчательности: первая—Jagasandhaka bathak, и вторая—пещера Gidha-dvar. Прямо къ трону Жарасанды и принесли мой паланкинъ, но я хотѣлъ осмотрѣть сначала пещеру и долго проискалъ ее; найти ее впрочемъ очень легко,—не нужно только спрашивать носильщиковъ, которые хоть и знаютъ пещеру, но никакъ не могутъ понять, какъ такая пустая вещь можетъ кого-либо, тѣмъ болѣе *са'аба*, интересовать, и на этомъ основаніи отказываются незнаниемъ, полагая, что *са'абъ* ищетъ, что-либо болѣе путное. Деревенька Гирьекъ расположена на берегу рѣки Панчана; на западномъ, противоположномъ берегу круто поднимаются два пика,

которыми замыкаются два параллельные кряжа горъ, типующихся отъ Гаи въ сѣверо-западномъ направленіи, на протяженіи 36 миль. Пики соединены искусственною террасой, и на томъ и другомъ есть развалины. Повернувъ отсюда на юго-западъ и пройдя около мили, достигнешь узенькой долины, въ которой шумливо извивается р. Банганга; здѣсь на южномъ склонѣ сѣвернаго кряжа, на высотѣ 250 ф., бросается въ глаза совершенно круглое отверстіе; снизу оно кажется небольшою трещиною въ скалѣ, но когда поднимаешься на высоту, то найдешь, что въ пещеру открывается пространный входъ, 10 ф. въ ширину и 17 въ вышину. Самая пещера довольно длинна; Кенингэмъ насчитываетъ 98 ф. въ длину, и высота ея уменьшается къ концу, и сводъ постепенно склоняется къ полу. Высокая температура, отвратительный запахъ, темнота и тысячи летучихъ мышей дѣлаютъ невозможнымъ продолжительное пребываніе въ пещерѣ. Видъ съверху очень оригиналенъ и какъ-то дико грандіозенъ; кругомъ поднимаются голыя гранитныя скалы, внизу растительность то же скудная; тишина нарушается только крикомъ коршуновъ,—ихъ здѣсь многое множество, и уже самое названіе пещеры указываетъ на это (Gidha-dvar, то-есть, врата коршуна). Спустившись назадъ въ долину, услышанную обломками скалы, и отправился назадъ къ трону Жарасанды. Въ этомъ мѣстѣ, какъ я уже сказалъ, находятся два пика: на вершину западнаго вела когда-то лѣстница; кое-гдѣ еще и теперь можно замѣтить ступени; здѣсь, по всей вѣроятности, стоялъ монастырь или храмъ: до сихъ поръ видны остатки стѣны и кое-гдѣ гранитныя столбы, и вся продолговатая терраса вымощена. Широкая дорога, родъ террасы, соединяющей оба пика, ведетъ на восточный пикъ, гдѣ находится ступа въ формѣ цилиндра, народомъ называемая „тронъ Жарасанды“. Цилиндръ возвышается на квадратномъ пьедесталѣ, 14 ф. въ вышину; въ діаметрѣ цилиндра ступа имѣетъ 28 ф., а въ вышину—21 футъ. Эти развалины неизвѣстнаго мнѣ монастыря слѣдовало бы болѣе тщательно осмотрѣть; но недостатокъ времени заставилъ меня скоро спуститься внизъ. Монастырь, который стоялъ здѣсь, и вышеупомянутая пещера во время оно были, вѣроятно, въ связи; здѣсь на этихъ пикахъ стоялъ храмъ и кельи: тутъ жили монахи, совершавшіе обычное буддійское богослуженіе и обряды; туду же въ пещеру, въ тихое уединеніе, отправлялись тѣ изъ нихъ, которые посвящали себя созерцанію или поздиѣ, въ пору развитія таптръ вызыванію духовъ, боговъ, бодисатвъ. О томъ, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ разыгрывалась фантазія у отшельниковъ, поселяв-

шихся въ глуши въ пещерахъ, подобныхъ Гирьекской, мы знаемъ изъ массы завѣщанныхъ намъ буддѣйскихъ легендъ; эти легенды и вся система тантрійскаго волхвованія могли развиваться и гнѣздиться именно въ такихъ труппахъ, унылыхъ и дикихъ, вдали отъ всякаго житейскаго шума.

Павапуре, мѣсто древнее по преданію, лежитъ на сѣверо-западѣ отъ Гирьека; кромѣ нѣсколькихъ новыхъ жайнскихъ храмовъ, здѣсь нѣтъ ничего примѣчательнаго или древняго. Изъ храмовъ самый любопытный по своему богатству — тотъ, который выстроилъ на островѣ, среди большаго озера, переполненнаго рыбами; узенькій мостъ (150 ф. длины) перекинутъ чрезъ озеро къ храму; доступъ въ храмъ всѣмъ Европейцамъ воспрещенъ; но священнодѣйствующій въ храмѣ (рѣѣѣѣѣ) — не жайнской религіи, а Индусъ я принадлежитъ къ брахманской кастѣ. Всѣ храмы отличаются богатствомъ, роскошью внутри, но не красотой. У входа въ одинъ изъ храмовъ я замѣтилъ два громадные lingam, краснаго цвѣта. Эти сивантскія божества стояли тутъ какъ знакъ компромисса, существующаго здѣсь между Жайнами и Индусами. Храмы въ Павапуре усердно посѣщаются какъ тѣми, такъ и другими. Помѣщеніе для богомольцевъ, выстроенное около одного изъ храмовъ, видимо разчитано на громадное ихъ число. Осмотромъ Павапуре и закончимъ этотъ день (5-го марта). Переночевавъ въ Набоуа у мистера В., на другой день раннимъ утромъ я отправился въ Гаю.

III.

Городъ Гаю лежитъ на западномъ берегу рѣки Фалгу, у подошвы горы, называемой Brahmauni. Уже по дорогѣ убѣждаешься, что туда стекаются Индѣйцы отовсюду: такая масса разнообразнаго люда идетъ въ Гаю и изъ Гаи; пѣшеходы, путешественники на *скалахъ* ¹⁾, верблюдахъ, слонахъ, наланкиннхъ крытыхъ съ женщинами, широкія открытыя посылки съ жимидарами ²⁾ и т. д., весь этотъ богомольствующій людъ попадаетъ на встрѣчу или слѣдуетъ за вами во все продолженіе дороги. Ъдутъ въ Гаю свершать *номинальную жертву*, а на всѣхъ лицахъ столько радости, точно впереди ожидаетъ не грустный обрядъ, а праздникъ и веселье. Большинство тѣхъ, кто ѣдетъ

¹⁾ Екка — мѣстная двуколеска, въ одну лошадь очень неудобная. Туземцы охотно путешествуютъ въ ней.

²⁾ Землесладѣлецъ.

въ Гаю „помянуть родителей“, — люди съ хорошими матеріальными средствами, ибо свершить въ Гаѣ *śrāddh'ū* стоитъ изрядныхъ денегъ: при этомъ нужно задать хорошее угощеніе брахманамъ, а въ Гаѣ столько голодныхъ брахмановъ, что въ концѣ концовъ итогъ расходовъ по поминкамъ можетъ dorости до очень значительной цифры. Въ Калкуттѣ я зналъ одного богатаго Индѣйца, писатели и археолога; онъ не принадлежалъ къ кастѣ брахмановъ и былъ скорѣе деиствомъ, нежели Индусомъ, — тѣмъ не менѣе ради поддержанія своего общественнаго положенія и пліянія онъ считалъ долгомъ соблюдать всѣ индусскіе обряды и въ томъ числѣ, само собою разумѣется — *śrāddh'ū*. Онъ мнѣ говорилъ, что не ѣдетъ въ Гаю, не смотря на сильное желаніе побывать тамъ для полнаго выясненія нѣкоторыхъ соображеній по археологическимъ вопросамъ, — не ѣдетъ, избѣгая тратъ; онъ не свершалъ еще *śrāddh'i* по смерти отца, а помянуть родителя въ Гаѣ ему, по его положенію, обошлось бы около четырехъ тысячъ рупи или четырехъ сотъ фунтовъ стерлинговъ. Махараджа Кашмирскій истратилъ здѣсь полторы тысячи фунтовъ на поминки. Не всѣ, конечно, могутъ тратить такъ много; но менѣе ста рублей не обойдутся поминки человѣку съ самыми малыми средствами. Изъ всего этого можно заключить, сколько денегъ въ Гаѣ истрачивается на угощеніе брахмановъ, а гдѣ угощеніе, тамъ, конечно, есть и своего рода веселіе; а потому когда смотришь по дорогѣ на странниковъ, то невольно думается, что всѣ они спѣшатъ на какое-то веселое торжество.

Гаю видна издали, мили за три. Когда, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, мы достигли восточнаго берега рѣки Фалгу, передъ нами развернулся городъ, окруженный съ западной стороны свитыми горами. Не входя въ городъ, на песчаномъ берегу, среди коегдѣ видѣвшихся пальмиръ такая же, какъ и встрѣчавшаяся по дорогѣ нестрая, разнородная толпа, съ своими верблюдами, слонами, скками, наланкинами сдѣлала привалъ; кто отдыхалъ, кто ужиналъ, а кто и молился. Пріѣхавшій помянуть родителей и дѣдовъ долженъ начать обрядъ, не вступая въ городъ, при достиженіи рѣки. Отсюда далѣе онъ долженъ идти нѣшкомъ, долженъ разуться и сдѣлать священноу рѣкѣ осмичленное поклоненіе — поклониться ногами, руками, колѣнами, главою, грудью, умыть, рѣчью, взоромъ; омыть руки и ноги, сдѣлать рѣкѣ сильное приношеніе и сказать извѣстную, краткую молитву. Вступать въ городъ предписывается послѣ омовенія въ рѣкѣ и облекшись въ чистыя одѣянія. Этимъ омовені-

смъ начиается свершеніе *ṣrāddh'u* въ Гаѣ; ему предшествуютъ предварительные обряды, свершаемые дома, до выступленія въ путь и въ день начала путешествія; въ Гаѣ обрядъ свершается въ продолженіе не менѣе семи дней, но по желанію можетъ быть продолжаемъ и большее число дней. Слово *ṣrāddha* значитъ собственно „вѣра“; приношеніе предкамъ пищи, сдѣланное съ вѣрою, съ молитвою называется производнымъ отсюда „*ṣrāddha*“; обрядъ этотъ состоитъ не только изъ угощенія брахмановъ въ память умершихъ дѣдовъ, но и изъ дѣйствительнаго приношенія пищи предкамъ, воды или клѣчки, изготовленной изъ муки, рису, молока, мяса и т. д. Приношеніе дѣлается въ сопровожденіи молитвъ, сила которыхъ такова, что пища немедленно претворяется: если умершій дѣдъ или отецъ за свои добрыя дѣла сталъ богомъ, брошенная на воздухъ клѣчка претворяется въ *amṛita* или амброзію, а если онъ сталъ скотомъ, то клѣчка претворяется въ траву, и т. д. Свершеніе *ṣrāddh'i* обязательно для правовѣрнаго Индуса всюду, но почему-то считается, что поминальная жертва, принесенная въ Гаѣ, особенно пріятна предкамъ, и самъ свершившій се получаетъ большую награду. Вообще обрядъ очень не сложенъ, хотя при свершеніи его читается множество различныхъ молитвъ, и въ санскритской литературѣ существуетъ множество ученыхъ трактатовъ о жертвахъ предкамъ, объемистыхъ и краткихъ компендіумовъ и въ руководство тѣмъ изъ брахмановъ, которые профессионально являются на всякое такое ширшество — почитаютъ за плату молитвы, да еще наѣдятся при этомъ.

Видъ города съ восточнаго берега очень красивъ; конусообразныя верхушки храмовъ, высокіе каменные дома, изъ которыхъ многіе гнѣздятся на вершинахъ скалъ; многочисленныя спуски (*ghāt*) къ рѣкѣ, текущей среди песчаныхъ береговъ, все это представляетъ очень эффектную картину. Прейдя въ бродъ чрезъ рѣку, мы миновали туземный городъ и прямо вступили въ англійское предмѣстье съ его широкими тѣнистыми аллеями, садами и одпоэтажными бѣлыми домами, окруженными просторными верандами. Въ Гаѣ, какъ и во многихъ большихъ городахъ Индіи, европейскій кварталъ отлично обрисовываетъ англійское умѣнье всюду устраиваться съ комфортомъ; но въ то же время это повсемѣстное въ Индіи стремленіе Англичанъ удалиться отъ туземца, выселиться куда-нибудь подальше отъ шума туземной жизни, занять отдѣльную колонію — всего лучше свидѣтельствуетъ, что между туземцемъ и Англичаниномъ такая пропасть, чрезъ которую никому теперь не перекинуть моста. Англи-

чае и туземцы живутъ бокъ-о-бокъ, по каждый своею, чуждою и совершенно непонятною другому, жизнью; социальна Англичае и туземцы совершенно разобщены. И что можетъ быть общаго между зауряднымъ Англичаниномъ и таковымъ же туземцемъ? Одинъ явился въ Индію, чтобы было чѣмъ жить и, при возможности, нажиться; по сколько необходимо для обыденныхъ исполненій обязанностей, онъ станетъ изучать Индію и Индѣйцевъ, большаго отъ него нельзя и требовать; воспитанный въ преданіяхъ совершенно иной исторической жизни, Англичанинъ является въ Индію съ понятіями и привычками, привитыми ему западною цивилизаціей и прямо противоположными тѣмъ, которыя имѣетъ или которыхъ держится Индѣецъ у себя на родинѣ; онъ выросъ съ понятіями: отчизна, Британское государство, а большинство Индѣйцевъ отъ иноземцевъ же Англичанъ научились называть свою родину общимъ именемъ „Индустанъ, Индія“, и до сихъ поръ въ ихъ языкахъ слово „Хинду“ (неправильно передаваемое по русски „Индусъ“) не значить: Индѣецъ, человекъ, имѣющій своимъ отечествомъ Индію, а выражаетъ понятіе аналогичное съ тѣмъ, что передается нашими словами „православный“, „католикъ“, то-есть, этимъ словомъ обозначается лицо, принадлежащее известной кастѣ и исповѣдующее известную религію. Большинство Индѣйцевъ вырастаетъ, не усвоивъ себѣ иного, болѣе общаго понятія, чѣмъ каста; Индѣецъ заучиваетъ свои религіозныя обязанности, ему съ дѣтства толкуютъ объ обязанностяхъ въ отношеніяхъ лицъ, принадлежащихъ къ одной съ нимъ кастѣ; по его священныя книги молчатъ объ обязанностяхъ гражданина въ отношеніи своего отечества; патриотизмъ — слово не переводимое по санскритски или на мѣстные индѣйскіе языки. Въ этомъ фактѣ выражается главнѣйшая противоположность между Англичаниномъ и туземцемъ. Разобщеніе идетъ дальше, выражается въ тысячѣ болѣе мелкихъ фактовъ, и вслѣдствіе всего этого для Англичанъ и Индѣйцевъ возможна только совмѣстная, по не общая жизнь. Солгать, по понятіямъ большинства Англичанъ, есть самоуниженіе; конечно, бывають случаи, что и Англичане лгутъ, лгутъ успѣшно и остаются безнаказанными; по вообще лжець уличенный осуждается всѣми и покрывается позоромъ. Въ теоріи и Индѣйцы высоко цѣнятъ правду и строго караютъ всякое уклоненіе отъ нея; но въ практикѣ жизни установились другія отношенія къ неправдѣ: ложь, подкупъ на судѣ, лжесвидѣтельство, обманъ, осуждаемые въ теоріи, караемые закономъ, находятъ въ средѣ мѣстнаго общества полное списхожденіе; лжець уличенный и не раскаявшійся, —

все-таки членъ своей касты и никто отъ него не отворачивается. Англичанинъ въ Индіи — хорошій семьянинъ, хорошій мужъ и отецъ по нашимъ европейскимъ понятіямъ; онъ человѣкъ общительный, принимаетъ у себя пріятелей и любитъ задавать *dinning parties*. Индѣецъ, если имѣетъ средства, возьметъ себѣ не одну, а двѣ и три жены, и не стыдится держать паложницъ. Онъ считаетъ оскверненіемъ религіознымъ преступленіемъ пообѣдать съ человѣкомъ пизшей касты и позоветъ пріятелей вечеромъ, устроить для нихъ пас (балетъ), то-есть, созоветь въ свой домъ туда же, гдѣ его жены, дочери, сыновья, подъ тотъ же кровль—плясуней, женщинъ завѣдомо вольпаго поведенія, и всю ночь на пролетъ проглядитъ на ихъ сладострастную пляску, прослушаетъ ихъ вольныя пѣсни. Англичанинъ и Индѣецъ сходятся въ одномъ, но и это разобщаетъ ихъ еще больше; Англичанинъ въ душѣ считаетъ свою націю „солью земли“; Британскій народъ призванъ быть міродержавнымъ народомъ; все не британское хуже, ниже по достоинству британскаго. О такихъ политическихъ задачахъ для своего народа Индѣецъ не думаетъ; во всю продолжительную свою историческую жизнь Индѣйцы, какъ завоеватели, ни разу не выходили за предѣлы своего отечества; но и для нихъ издревле весь міръ подѣленъ былъ на „четыре касты“, высшую расу, и на иностранцевъ, „*mleccha*“, низшія расы. На родинѣ теперь Индѣецъ знаетъ „*kal-admi*“, „чернаго человѣка“, и „*sa'ab lok*“, „го-сподъ“ (то-есть, Европейцевъ). Хотя *kal-admi* есть переводъ презрительнаго *blackskin*, но „былъ молодцу не укорь“, чернъй человѣкъ хотя и черепъ, а все-таки выше бѣлаго; быть чернымъ въ умѣ Индѣйца не можетъ считаться укорительнымъ или не красивымъ. Кришна, индѣйскій богъ любви, красавецъ изъ красавцевъ, и тотъ черепъ, даже чернѣе всѣхъ обыкновенныхъ смертныхъ. Въ пѣснѣ поется: „Нигдѣ не видалъ я такою чернаго лица какъ твое“. И это говорится объ идеалѣ красоты, о богѣ любви. Эта твердая увѣренность Индѣйца въ своемъ превосходствѣ надъ бѣлымъ человѣкомъ выражается во многихъ религіозныхъ установленіяхъ и иногда наивно и забавно сказывается, помимо его воли, въ разговорѣ съ Европейцемъ.

Итакъ, разобщенные нравственно, презирая взаимно другъ друга, Англичане и Индѣйцы живутъ хотя и въ одномъ городѣ, но далеко другъ отъ друга; ихъ дома также далеки другъ отъ друга, какъ ихъ жизненные интересы. Индѣйскіе вопросы интересуютъ Англичанина только по столбу, по скольку они касаются его личной жизни,—весьма часто интересъ къ нимъ опредѣляется количествомъ барыша, и весь складъ

старой индѣйской жизни въ общемъ остается неизмѣннымъ, такимъ же, какимъ онъ былъ цѣлый вѣкъ тому назадъ; образованіе, заводимое Англичанами, не раскачало ни одного изъ вѣковыхъ индѣйскихъ предразсудковъ: касты, политенизмъ также сильны, какъ и прежде, до англійскаго владычества; европейское образованіе привилось къ отдѣльнымъ лицамъ въ меньшинствѣ и не коснулось массъ, не пропикло въ индѣйскую жизнь. А потому индѣ, какъ только въ Индіи, не встрѣчается такой двойной жизни: въ одномъ предметѣ живутъ люди среди всѣхъ удобствъ, доставляемыхъ европейскою цивилизаціей: постройка домовъ, ихъ украшенія, весь складъ жизни европейской; пройдите нѣсколько миль — двѣ или три, и предъ вами иной міръ, иная древняя цивилизація, люди съ иными вѣрованіями. И многое изъ этого стараго было уже такимъ въ то отдаленное время, когда новаго, европейскаго еще не существовало здѣсь. Именно таковою является Гаи индусская рядомъ съ англійскимъ предметомъ.

Въ Гаѣ я жилъ въ домѣ одного добродушнаго и любезнаго Англичанина; всѣ дни и проводилъ въ индусскомъ городѣ и являлся въ домъ радушнаго хозяина только обѣдать и спать. Это было почти что въ началѣ моего пребыванія въ Индустанѣ, и ни откуда я не вынесъ такого сильнаго и полнаго впечатлѣнія о противоположности индусскаго и англійскаго, какъ изъ Гаи. Гаи—новый городъ, выстроенный на старомъ мѣстѣ; онъ существовалъ здѣсь уже во времена Будды, то-есть, въ VI вѣкѣ до Р. X. Теперь всѣ храмы и постройки здѣсь новыя; но въ этихъ новыхъ зданіяхъ на каждомъ шагу попадаются осколки древности; брахманической культъ здѣсь гнѣздилися ивстари; какъ встарь, такъ и понывѣ, здѣсь множество храмовъ, часовень, священныхъ прудовъ, вѣчныхъ деревьевъ и т. д. Въ архитектурномъ отношеніи нѣтъ ни одного замѣчательнаго храма. Двѣ главныя свитыни: храмы Vishnu pad и солнца расположены въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Побывъ нѣкоторое время въ одномъ изъ нихъ, получишь весьма опредѣленное понятіе о томъ, что такое религія массъ въ Индіи, или символическій или изобразительный культъ (symbolical or representative worship), какъ нѣкоторые бенгальскіе бабу¹⁾ называютъ свое идолопоклонство. Читится

¹⁾ Бабу,—то же, что mg. sig, esq. Всего чаще употребляется въ Бенгаліи. Бенгальскій бабу есть особенный типъ новой Индіи и очень любопытный. Онъ учился въ англійской школѣ, полуобразованъ, говоритъ по англійски, не всегда правильно, но неизмѣнно съ высканскими выраженіями. Онъ отъ своихъ отсталъ и въ чужимъ не присталъ.

камень какъ такое-то божество, камень, ничѣмъ не напоминающій то условное представленіе, которое издревлѣ составлено объ этомъ божествѣ. На каждомъ шагѣ видишь слѣдное иероглифическое и наивную вѣру съ одной стороны, со стороны богомольцевъ, и грубый, наглый обманъ — съ другой, со стороны священнодѣйствующихъ (pujari) и различныхъ факировъ. Самый храмъ Vishnu pad не лишень нѣкоторой оригинальной красоты, но онъ такъ невыгодно помѣщенъ и такъ застроенъ кругомъ различными часовнями, что весь эффектъ его вѣщности теряется среди безобразныхъ маленькихъ построекъ. Здѣсь показываютъ слѣды Вишну, то-есть, трещину въ скалѣ, надъ которою выстроена святая святыхъ храма, осьмигранная башня, тридцати-восьми футовъ въ діаметрѣ; высота башни равняется ста футамъ; надъ нею высится пирамидальный домъ въ 80 футовъ въ вышину. Къ башнѣ подходишь чрезъ открытый павильонъ (mandapa), состоящій изъ восьми рядовъ колоннъ и имѣющій 58 футовъ въ квадратъ. Храмъ выстроенъ изъ сѣраго гранита, и говорятъ, что Махратская царица Ахалья Баи затратила на него девяносто тысячъ рупи, изъ которыхъ семьдесятъ тысячъ пошло на угощеніе брахманъ. Храмъ этотъ далеко не великъ: по измѣренію Кевингэма, длина его не превышаетъ 82 футовъ и 2 вершковъ, а ширина — 54 футовъ и 4 вершковъ. На дворѣ, окружающемъ храмъ, построено множество часовень, храмовъ, павильоновъ для богомольцевъ; изъ послѣднихъ особенно замѣчательны по своей величинѣ Sola bedi; тутъ же рядомъ Akshaya-bat, вѣчное древо, буквально: не гибнущее древо. Богомольцевъ и въ храмѣ, и на дворѣ всегда много множество; одни сидятъ въ павильонахъ, другіе закупаютъ тутъ же на дворѣ продающіеся, жертвенные цвѣты, нѣкоторые обходятъ святыни подъ руководствомъ брахмана, читающаго молитвы на санскритскомъ языкѣ. Суэтя на дворѣ страшная, и она мѣшаетъ спокойному разсматриванію собранныхъ здѣсь древностей, то-есть, буддійскихъ идоловъ, барельефовъ, маленькихъ ступъ; послѣднія, всѣ безъ исключенія, въ настоящее время исправляютъ должность lingam; измазаны масломъ и охрою. Храмъ Солнца выстроенъ у пруда Suga kund, обнесеннаго каменною стѣной; обходи эту стѣну, поражаешься, какъ много здѣсь старинныхъ камней съ рѣзбою, съ такими узорами и фигурами, смысла которыхъ теперь брахманы не знаютъ, хотя иной изъ нихъ и не задумается растолковать любое изображеніе. Стѣны эти окружаютъ пространство длиною въ 292 фута и шириною въ 156; кругомъ рядъ ступеней выходитъ внизъ къ

водѣ. Храмъ Солнца стоитъ тутъ же рядомъ. Въ самое святилище, тамъ, гдѣ стоитъ изображеніе солнца, напомнившее Кеннингэму Аполлона, входъ Европейцамъ возбраненъ: но изображеніе можно хорошо разсмотрѣть изъ открытыхъ дверей. Я засталъ въ храмѣ хоръ пѣвицъ; онѣ сидѣли на полу, и крикливо взвизгивая, тянули какой-то гимнъ. Въ сѣняхъ, снявъ башмаки, можно свободно разкашивать; по кромѣ одной любовитной надписи, тутъ нѣтъ ничего примѣчательнаго; сѣни украшаются четырьмя рядами столбовъ, по пяти столбовъ въ каждомъ ряду.

Другія святилища находятся въ нѣкоторомъ отдаленіи отсюда ¹⁾. Видъ города есть нѣсколько священныхъ холмовъ: Brahma uonі (450 фут), Preta sila (541 фут.), Râm-sila. Между послѣдними двумя холмами выстроена прекрасная дорога. Подъемъ на холмъ Brahma uonі очень крутъ; но Гвальборскій раджа воздвигъ для богомольцевъ широкую каменную лѣстницу; она начинается у самой подошвы, не вдалекѣ отъ пруда Savi tri kund, и восходитъ до самой вершины. Вершина вымощена и обнесена оградой. Въ небольшомъ, полуразрушенномъ храмѣ стоитъ изображеніе Ханумана, бога-обезьяны, въ другомъ храмѣ, побольше, -- изображенія Sacti, Civa и Parvatî.

IV.

Въ пяти миляхъ къ югу отъ Гаи, на западномъ берегу р. Фалгу, лежитъ Будда-Гая: мѣсто древнее и примѣчательное по своимъ историческимъ воспоминаніямъ. Всѣ буддисты знаютъ и чтутъ это мѣсто; любой монахъ на Цейлонѣ разкажетъ, что здѣсь стоитъ державное дерево Бо (ficus religiosa), что здѣсь пупъ земли, здѣсь Будда прозрѣлъ святии истины, и сюда опъ опять долженъ явиться. „Черезъ двѣ тысячи пять-сотъ лѣтъ“, говорилъ мнѣ одинъ монахъ въ Коломбо— „всѣ моцци Будды соберутся у древа Бо, въ Магадѣ; соберутся тамъ и пріймутъ образъ нѣщаго учителя. Богамъ и людямъ станетъ учитель проповѣдывать!“ Чтѣ будетъ затѣмъ — монахъ или не зналъ, или не хотѣлъ объявить. По понятіямъ буддистовъ, особенно тѣхъ, которые не бывали въ Вихарѣ, Будда-Гая — какой-то рай земной; тутъ и рѣки текутъ чистыи какъ кристаллъ, и зелень и цвѣты необыкновенныи; здѣсь вѣчный праздникъ природы, и престоль Будды понынѣ существуетъ. Но, увы! на самомъ дѣлѣ, около

¹⁾ Какъ напрямѣръ, Akshaya Vat, съ храмомъ Махадевы. Древо, на видъ, судя по его величинѣ и толщинѣ, не можетъ быть очень старымъ.

„древа знанія“ заустѣніе, и оно доживаетъ послѣдніе дни своей долгой жизни. Въ мѣстѣ буддійскомъ по преимуществу все буддійское въ упадкѣ и загонѣ; здѣсь свилъ гнѣздо иной культъ; иные боги здѣсь прославляются, и разлѣ только на время зашедшій буддистъ съ юга или съвера помпить о томъ, какіе трагическіе моменты, по сказанію легенды, переживалъ подъ этимъ деревомъ великій учитель. Здѣсь онъ побѣдилъ демона, начало вожделѣнія и мученія, и точно падломленный этою внутреннею борьбою, впалъ въ сомнѣніе и говорилъ себѣ: „Не время возвѣщать законъ, съ трудомъ постигнутый. Люди, грѣха и страсти исполненные, скажутъ: Этотъ законъ не разуменъ. Исполненные страсти и тьмою объятые люди не узрятъ закона“ И явился ему Брахма, богъ боговъ, и говорилъ: . . . „Воззри, безкорбный, на людей, въ скорбь погруженныхъ, рожденію и старости подчиненныхъ! Встань, герой, побѣду одержавшій! Гряди въ міръ, вождь каравана...“

Легенда говоритъ, что здѣсь въ VI вѣкѣ до Р. Х. созрѣла мысль о міровой проповѣди во спасеніе страждущаго человѣчества. Отправляясь отсюда, по дорогѣ въ Гаю, новый учитель говорилъ о себѣ: „Я все оставилъ и свободенъ; исчезло во мнѣ вожделѣніе. Я самъ уразумѣлъ, кому же во слѣдъ мнѣ идти? Нѣтъ у меня учителя; нѣтъ мнѣ подобнаго; ни въ мірѣ людей, ни между богами нѣтъ мнѣ подобнаго!.. Иду я въ градъ Касійскій (то-есть, въ Бенаресъ) вращать колесо закона, ударю въ барабанъ, возвѣщающій спасеніе міру, тьмою ослѣпленному!“

Двѣ тысячи и нѣсколько столѣтій существуетъ Будда-Гая, этотъ „отрадный уголокъ земли“, какъ его величаютъ буддисты, и за такое долгое время намъ извѣстно очень мало фактовъ изъ его исторіи; нѣтъ сомнѣнія, она во многомъ прояснится, когда всѣ существующія на мѣстѣ древности будутъ собраны, описаны и въ вѣрныхъ фотографическихъ снимкахъ обнародованы; тогда, сличая подписи, рассматривая украшенія на колоннахъ, пилястрахъ, барельефахъ явится возможность, хотя и далеко не вполне, возстановить внутреннюю исторію мѣстности и дополнить по монументальнымъ памятникамъ отрывочныя извѣстія письменныхъ источниковъ. Уже теперь можно съ нѣкоторою увѣренностью предполагать, что святое мѣсто стало считаться таковымъ и начало обстраиваться очень рано, то-есть, около III или II вѣка до Р. Х. Буддійскія исторіи утверждаютъ, что царь Асока былъ первымъ, начавшимъ украшать и обстраивать эту мѣстность; случайная находка двухъ столбовъ изъ песчаника, около древа

Бо, убѣждаетъ, что въ данномъ случаѣ мѣстная исторія не вдалась въ преувеличенія древности. На столбахъ, найденныхъ у святаго дерева, сохранились коротенькія надписи: на одномъ, какая-то „достопочтенная Кандініуа“ начертала свое имя, на другомъ такомъ же — какой-то Цейлонець; оба столба были принесены ими въ даръ. Трудно рѣшить, входили ли эти столбы въ колоннаду вокругъ какой-нибудь нынѣ болѣе не существующей ступы, или же они были воздвигнуты около самаго дерева; то и другое одинаково вѣроятно; ступъ было вѣсколько въ этомъ мѣстѣ, а изъ Тараваты извѣстно, что столбы и монолиты окружали когда-то древо. Несомнѣнно однако же, что столбы эти были исѣчены и подружены около какой-нибудь святыни въ то время, когда еще въ Индіи читали древнѣйшую азбуку и умѣли ею писать, то-есть, въ III или II вѣкѣ до Р. Х. Но отъ этого древняго періода, большинство, если не всѣ, памятники исчезли. Здѣсь, въ Будда-Гаѣ нѣтъ ни той лѣсной тѣнистой мѣстности, о которой говоритъ Фаслиъ, и само собою разумѣется, невозможно ожидать, что увидишь здѣсь тѣ роскошныя многочисленныя зданія или тѣ сады, которые живописалъ Сюанъ-цзанъ. Враги, еретики и даже дикіе слоны не разъ разрушали какъ самое древо, такъ и окружавшіе его монастыри и храмы. Но Будда-Гаѣ возрождалась всякій разъ послѣ того, и извѣстно, что послѣднее возобновленіе храма отпосится къ XIV вѣку.

Съ какой бы стороны ни подойти къ Будда-Гаѣ, она не видна издали; знаменитый храмъ Гапдхола бросается въ глаза только тогда, когда находишься отъ него въ вѣсколькихъ шагахъ. Гапдхола—высокая башня (160 ф.), выстроеная въ видѣ четырехгранной пирамиды изъ голубовато-краснаго кирпича; она стояла среди обширнаго двора и имѣла вѣсколько крытыхъ пристроекъ съ восточной стороны, отъ которыхъ теперь сохранились только столбы. Около храма набралось столько мусора, что порогъ его входа гораздо ниже уровня окружающей мѣстности. Войдя чрезъ восточныя врата на бывшій дворъ храма, прямо предъ входомъ находишь изображеніе „слѣда Будды“. Этотъ камень съ изображеніемъ помѣщенъ подъ крытымъ навильономъ; гранитные столбы гораздо древнѣе самой постройки, и такъ какъ они не одинаковы по рисунку, то были, вѣроятно, набраны изъ разныхъ мѣстъ. Палѣво отъ воротъ есть три часовни: одна называется храмомъ пяти Пандавовъ: пять идоловъ буддійскихъ изображаютъ здѣсь пять братьевъ-героевъ Пандавовъ; двѣ другія часовни посвящены Махадевѣ, но не лишены также буддійскихъ украшеній; та-

ковой же храмъ Махадевы находится направо отъ воротъ. Гандхола хотя и находится теперь въ вѣдѣніи брахмана, но осматривать ее можно свободно, и всюду можно проникать. Внутренность храма не обширна и имѣетъ въ длину 20 ф. 4 в., а въ ширину 13 ф. На западномъ концѣ стоитъ широкій недесталь изъ чернаго базальта; онъ занимаетъ всю западную стѣну и имѣетъ въ ширину 5 ф. 9 в., а въ высоту 4 ф. Здѣсь стоялъ, вѣроятно, тотъ знаменитый кумирь Махабодхи, о которомъ такъ много разказываетъ Тарапата; вмѣсто него теперь среди нѣсколькихъ изображеній Будды стоитъ lingam и статуя бога Вишну. Полъ вымоцелъ гранитомъ и покрытъ весьма грубою рѣзбою; изображены богомольцы съ приношеніями. Потолокъ разбитъ на множество небольшихъ панелей, содержащихъ въ себѣ кое-гдѣ выѣпленные изображенія Будды. Съ внѣшней стороны въ стѣнахъ храма были подѣланы ниши; теперь онѣ пусты, но въ нѣкоторыхъ еще остались сложеныя кресты на кресты ноги статуй; по всей вѣроятности, это остатки тѣхъ золоченыхъ статуй Будды, которыми украшался и славился храмъ встарь. Въ верхній этажъ я не успѣлъ проникнуть. Нижній имѣетъ въ высоту 22 ф. 1 в. Къ древу Бо, непосредственно стоящему къ западу отъ храма, поднимаешься по лѣстницѣ; съ обѣихъ сторонъ входа во храмъ есть по лѣсенкѣ, и къ древу можно подняться, не входя въ храмъ. Терраса, на которой растеть Бо, находится на одномъ уровнѣ съ верхнимъ этажемъ храма, то-есть, на высотѣ 25¹/₂ ф., считая отъ пола нижняго этажа, или на высотѣ 18 ф., считая отъ уровня накопившагося вокругъ храма мусора. Обходя снизу террасу, можно ясно различить до шести этажей; терраса воздвигалась мало по малу; по мѣрѣ того какъ засыхали нижнія вѣтви дерева, являлась необходимость поддерживать одну изъ главныхъ верхнихъ, и вслѣдствіе того воздвигался одинъ этажъ надъ другимъ. Платформа, на которой растеть теперь древо, имѣетъ въ ширину 29 ф.; кругомъ дерева сложена уступами круглая пирамида; по этимъ уступамъ можно обходить вокругъ дерева, то-есть, молиться ему, что и совершается одинаково буддистами и брахманами. Брахманы при этомъ читаютъ между прочимъ слѣдующее: „Царь деревьевъ: Нарайна пребываетъ на тебѣ превѣчно! Оттого между деревьевъ ты превѣчно чистъ! Ты богатъ, и дурные сны прогоняешь!“ Настоящее дерево въ очень жалкомъ видѣ; полужасохшая, чахлая вѣтвь растеть какъ-то въ бокъ, а не вверхъ.

Другія, меньшія святыни, видѣнныя мною, здѣсь я прохожу молчаніемъ и не стану также описывать всѣхъ древностей, разсѣян-

ныхъ здѣсь всюду—во дворѣ, въ стѣнахъ домовъ, въ храмахъ здѣшнихъ новыхъ госаинскихъ монастырей, на ихъ кладбищахъ. Описание всего этого, не снабженное рисунками, было бы совершенно бесполезно; прибавлю только, что множество предметовъ, имѣющихъ высокій научный интересъ, важныхъ для исторіи религіи, индѣйской архитектуры, искусства и даже для бытовой исторіи, разсыяны безъ всякаго призора и гибнутъ, не щадимые ни временемъ, ни людьми. Страшное впечатлѣніе выносишь, осматривая бихарскія древности: онѣ не поражаютъ насъ величіемъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ отличаются изяществомъ, хотя въ Будда-Гаѣ найдется не одно мастерское скульптурное изображеніе различныхъ звѣрей, слоповъ и обезьянъ, деревь и даже человѣческихъ фигуръ; эти остатки проплаго не восходятъ въ такую глубокую древность, какъ египетскія пирамиды или постройки Ахеменидовъ; они не разсыяны, какъ на Цейлонѣ, среди грандіозной природы, подъ сѣнью роскошнѣйшей тропической растительности; и не смотря на то, помимо спеціальнаго интереса, который они должны имѣть для желающаго прослѣдить развитіе одной изъ древнѣйшихъ и распространеннѣйшихъ религій, бихарскія древности любопытны именно среди своей теперешней обстановки, въ новыхъ храмахъ и монастыряхъ. Глядишь на эти статуи, обожаемыя до сихъ поръ, по подъ другимъ именемъ, на теперешній культъ, такой же какъ и тотъ, что былъ за тысячу лѣтъ тому назадъ и ранѣе, на толпы богомольцевъ, сходящихся отовсюду чтить старые кумиры подъ новыми именами, и спрашиваешь себя: въ чемъ же состоялъ прогрессъ въ Индіи?

Въ Гаѣ и собственно окончилъ свое странствіе по Бихару. Отсюда я отправился въ Патлу, гдѣ провелъ нѣсколько часовъ въ сборахъ и приготовленіяхъ къ путешествію въ Пеналь.

II. Минась.

АПОЛЛОНИЙ ТІАНСКІЙ.

Исторыку не разъ приходится встрѣчаться съ именемъ Аполлонія Тіанскаго, когда онъ изучаетъ періодъ паденія греко-римскаго язычества. Долголѣтняя жизнь Аполлонія обнимала почти все первое столѣтіе по Р. Х., и очевидно, произвела нѣкоторое впечатлѣвіе на современниковъ, такъ какъ память о ней перешла въ литературу втораго вѣка. Лукіанъ, Апулей, нѣсколько позднѣ Діонъ Кассій упоминають объ Аполлоніѣ какъ о лицѣ, достаточно извѣстномъ ихъ современникамъ. Въ то время являлись даже особыя сочиненія, спеціально посвященныя разказами о его жизни. Филостратъ, писавшій въ началѣ третьяго вѣка, увѣряетъ, что въ его время была въ обращеніи книга Максима Егійскаго о жизни Аполлонія въ Эгахъ ¹⁾, конечно, составленная во второмъ вѣкѣ. Философъ Мирагенъ писалъ также объ Аполлоніѣ сочиненіе въ четырехъ книгахъ, о которомъ извѣщаютъ насъ не только Филостратъ, но и Оригенъ. Къ началу третьяго вѣка, по видимому, развивается въ языческомъ мірѣ чувство особаго уваженія къ мудрецу Тіанскому. Тогда составлено Филостратомъ подробное описаніе его жизни, въ которомъ онъ представленъ образцомъ мудрости, благочестія и добродѣтели. Если вѣрить Филострату, въ его время преданія объ Аполлоніѣ сохранялись во многихъ городахъ и храмахъ; въ храмѣ на его родинѣ были поставлены его изображенія; императоры признавали его достойнымъ тѣхъ же почестей, какими пользовались сами; даже былъ сооруженъ

¹⁾ Philostr. quae supers. omn. Ed. Olearius 1709. Vit. Apollon., l. 1, c. 3, p. 5. Филостратъ, писавшій объ Аполлоніѣ Тіанскомъ, есть второй писатель этого имени, сынъ Филострата старшаго и дядя младшаго. Къ свидѣтельствамъ Лукіана, Апулея и другихъ, писавшихъ ранѣе Филострата, мы еще возвратимся ниже.

въ честь его храмъ на томъ лугу за городомъ Тіанами, на которомъ онъ родился ¹⁾. И въ подобныхъ сказаніяхъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Императорскій домъ Северовъ, очевидно, высоко чтить память Аполлонія. Юлія, жена Септимія Севера, была ближайшею виновницей того, что Филостратъ предиривлялъ описаніе жизни Аполлонія ²⁾. Ея сынъ Каракалла, по свидѣтельству Діона Кассія ³⁾, построилъ въ честь его храмъ; а ея двоюродный внукъ Александръ Северъ, по свидѣтельству Лампридія ⁴⁾, въ своей домашней моделльѣ имѣлъ изображеніе Аполлонія вмѣстѣ съ изображеніями другихъ, уважасмыхъ имъ лицъ. То же видимъ и позднѣе. Вопискъ ⁵⁾ говоритъ о существованіи изображеній Аполлонія во многихъ храмахъ въ эпоху Авреліана; въ то время увѣренность въ особой близости Аполлонія къ богамъ была такъ велика, что не затруднялись его благодѣтельному вліянію приписать спасеніе его роднаго города отъ истребленія, на которое осудилъ было его Авреліанъ.

Въ началѣ четвертаго вѣка чувствено религіознаго почтенія къ памяти Аполлонія Тіанскаго становится въ очевидную связь съ борьбой греко-римскаго язычества съ христіанствомъ и отсюда получаетъ особый смыслъ. Къ концу третьяго вѣка для всѣхъ дѣлалось понятнымъ, что борьба между язычествомъ и христіанствомъ грозитъ язычеству печальными послѣдствіями, что дѣло идетъ о самомъ его существованіи. Между тѣмъ испытанныя язычествомъ средства для нападенія на христіанство оказались безуспѣшными. Христіане ставили себѣ въ образецъ основателя своей религіи и въ немъ находили достаточную опору противъ всякаго рода нападеній. При гоненіяхъ они вспоминали страданія Христа, Его ученіе о небесномъ царствѣ. Стремилось ли язычество теоретически подкапываться подъ основанія христіанства? Христіане могли указать на нравственный идеаль, осуществляемый Христомъ и возвышавшійся надъ всѣмъ, чтò представляло язычество. Чтобы бороться съ христіанствомъ, язычество прибѣгло теперь къ новому средству. Оно хотѣло противопоставить христіанскому идеалу свой идеаль, оно хотѣло показать, что почитатели боговъ владѣють и даже въ несравненно болѣе высокой степени

¹⁾ Ibid. l. 1, c. 2, p. 4, c. 5, p. 6; l. VIII, c. 29, p. 369, c. 31, p. 371—372.

²⁾ Ibid. l. 1, c. 3, p. 5.

³⁾ Dio Cassius, l. XXVII, 18.

⁴⁾ Lamprid. Vit. Alexandr. c. XXIX.

⁵⁾ Flav. Vopisc. Vit. Aurelian. c. XXIV.

тѣмъ, въ чемъ христіане полагали свою нравственную силу. Возвысившійся въ сознаніи языческаго міра образъ Аполлонія Тіанскаго долженъ былъ послужить теперь средствомъ для этой цѣли. Въ правленіе Діоклетіана, въ періодъ жестокаго гоненія на христіанство, Герокль, правитель Вивиніи, врагъ и преслѣдователь христіанства, пишетъ свое „правдивое слово“ (φιλότητος λόγος) и въ немъ не только повторяетъ обвиненія Цельса противъ христіанъ, но и бросаетъ имъ въ первый разъ новый упрекъ. Противопоставляя Аполлонія Христу и стараясь возвысить перваго надъ послѣднимъ, онъ упрекаетъ христіанъ въ легкомысліи за то, что они признали Богомъ Иисуса, совершившаго немногія чудеса, тогда какъ язычники Аполлонія, сдѣлавшаго несравненно болѣе, не признаютъ Богомъ, а только мужемъ богоугоднымъ. „Дѣла Иисуса“, говорилъ Герокль, — „возвеличили Петръ и Павелъ и нѣкоторые имъ подобные люди, обманщики, певѣжды и чародѣи, дѣла же Аполлонія (описали) Максимъ Эгійскій и Дамисъ философъ, сопутствовавшій ему, и Филостратъ аѳинскій, люди отлично образованные, уважавшіе истину и по человѣколюбію не хотѣвшіе, чтобы пришли въ забвеніе дѣянія мужа высокаго и богоугоднаго“¹⁾. Противопоставленіе Аполлонія Христу, разъ сдѣланное Герокломъ, не теряло, по видимому, своего значенія, и повздѣ: на него обращали вниманіе въ вѣкъ Августина²⁾; не даромъ, конечно, и Евсевій писалъ свою книгу противъ Герокла. Особый смыслъ, какой получило теперь имя Аполлонія, долженъ былъ въ значительной степени содѣйствовать возвышенію уваженія къ нему въ языческомъ мірѣ. Его жизнь опять привлекаетъ къ себѣ вниманіе языческихъ писателей. Въ вѣкъ Діоклетіана же жилъ поэтъ Сотерихъ, сложившій, по свидѣтельству Свиды³⁾, жизнь Аполлонія. Около того же времени писалъ Флавій Вопискъ, который называетъ Аполлонія славнѣйшимъ и авторитетнѣйшимъ мудрецомъ, истиннымъ другомъ боговъ, достойнымъ божескихъ почестей. И что, восклицаетъ Вопискъ, — было между людьми святѣе, достоуважаемѣе, божественнѣе

¹⁾ Небольшія выдержки изъ φιλότητος λόγος мы имѣемъ лишь въ книгѣ Евсевія, посвященной его опроверженію. Изъ нея же, а также отчасти изъ опроверженія Герокла Лактанціемъ Institut., l. V., c. 3., знаемъ и о содержаніи сочиненія Герокла.

²⁾ Quis autem vel risu dignum non putet, читается въ одномъ изъ писемъ Августина, — quod Apollonium et Apuleium caeterosque magicarum artium peritissimos conferre Christo vel etiam praeferre conantur?

³⁾ См. слово Σωτηριχος въ лексиконѣ Свиды.

этого мужа? Онъ мертвымъ возвратилъ жизни, онъ совершилъ и сказалъ многое, что превышаетъ способности людей. Вопискъ самъ намѣревался даже описать дѣянія Аполлонія на латинскомъ языкѣ ¹⁾. Неоплатоникъ Евнапій, изъ конца четвертаго вѣка, называетъ Аполлонія чѣмъ-то среднимъ между богами и человѣкомъ и высказываетъ убѣжденіе, что его жизнь, описанную Филостратомъ, слѣдовало бы назвать „вселеніемъ божества среди людей“ ²⁾. Около того же времени, нужно думать, появились разказы о томъ, что магическіи изображенія, сдѣланныя Аполлономъ, не въ его только время производили необыкновенныя дѣйствія, благодѣтельныя для людей, но и во всякое время служатъ средствомъ для той же цѣли ³⁾.

Чѣмъ выше становился Аполлоній въ сознаніи языческаго міра, чѣмъ болѣе уваженіе къ нему связывалось у язычниковъ съ враждебнымъ чувствомъ противъ христіанства, тѣмъ настоятельнѣе была потребность для христіанскихъ писателей обратить вниманіе на сказанія о немъ. Знакомство съ разказами о жизни мудреца Тіанскаго видимъ у многихъ изъ славнѣйшихъ церковныхъ писателей. Кромѣ подробнаго опроверженія Герокла Евсевіемъ въ особомъ сочиненіи и Лактанціемъ, объ Аполлоніѣ упоминаютъ Амвустинъ, Иеронимъ, Златоустъ, Кирилль, Исидоръ Пелузіотъ, Синесій, Сидоній Аполлипарій ⁴⁾ и др. Иные изъ нихъ отрицали подлинность разказовъ о его необыкновенныхъ дѣйствіяхъ, другіе приписывали эти дѣйствія знанію таинственныхъ силъ природы, магіи и под. Замѣчательно, что нѣкоторые изъ представителей христіанскаго міросозерцанія, отрицавъ право сравнивать Аполлонія съ Христомъ, готовы были съ уваженіемъ относиться къ самой его личности. Евсевій, строгій критикъ Герокла, не отказывается признавать Аполлонія мудрецомъ и фило-

¹⁾ Flav. Vopisc. Vit. Aurelian., c. XXIV.

²⁾ Flav. Philostr. quae supers. ed. Kayser, 1841. P. 1. Prooem. IX. № 2; Eupar. ed. Boiss. 3.

³⁾ О благодѣтельномъ вліяніи τελεσμάτων Απολλωνία, простирающемся и на позднѣйшее время, говорится уже только въ Pseudo-Iustin. quaest. ac respons. ad orthod. XXIV. О существованіи впрочемъ περιέρχων μηχανών, относимыхъ къ Απολλωνію, знаютъ уже Евсевій, Lib. in Hierocl., c. XLIV, p. 464, ed. Olearius (въ одной книгѣ съ произведеніями Филострата). И у Исидора Пелузіота обличаются τὸν ἐκ Τωάνων εἰσαγαγόντες Ἀπολλώνιον πολλὰ καὶ τελεσμένον ἐπ' ἀσφαλίσια ψαδί τῆς οἰκῆσεως, ἀλλ' οὐδὲν ἔχουσι δεῖξαι παρ' ἐκείνου γεγόμενον. Преданіе же о созданіи Απολλωνіемъ магическихъ изображеній, вѣроятно, много древнѣе.

⁴⁾ Выдержки изъ сочиненій поименованныхъ писателей, относящихся сюда, можно найти Flav. Philostr. quae supers., ed. Kayser. Prooemium.

софомъ ¹⁾. Сидоній Аполлинарій положительно увлекался Аполло-
ніемъ ²⁾. Такимъ образомъ вниманіе къ мудрецу Тіанскому, частію
даже уваженіе къ нему перешло предѣлы міра языческаго.

Кто же былъ этотъ Аполлоній Тіанскій, которому въ продолженіе
нѣсколькихъ вѣковъ суждено было привлекать къ себѣ взоры міра
языческаго, а отчасти и христіанскаго? Въ чемъ состояла его дѣя-
тельность? Встрѣчающіяся у различныхъ писателей свѣдѣнія о немъ
почти ничтожны по своему содержанію. До насъ дошло только одно
произведеніе, которое даетъ полный и вполне отчетливый его образъ:
это—біографія его, составленная Филостратомъ. И ей нельзя отказать
въ одномъ существенномъ достоинствѣ. Явившись въ началѣ третьяго
вѣка, когда особенно стало возрастать уваженіе къ памяти Аполло-
нія, она скоро отодвинула на задній планъ всѣ другаго рода пись-
менные извѣстія о немъ, такъ что у позднѣйшихъ поколѣній лицо
Аполлонія рисовалось такъ, какъ изобразилъ его Филостратъ; поэтому
произведеніе Филострата безспорно даетъ намъ возможность уяснить
тотъ идеальный образъ, который чтить греко-римскій міръ въ своемъ
Аполлоніѣ. Но несравненно менѣе цѣны имѣетъ оно какъ источникъ
свѣдѣній о дѣйствительно существовавшемъ Аполлоніѣ. Всѣ изслѣдо-
ватели согласно признають, что Филостратова жизнь Аполлонія не
вѣрпа исторической истинѣ, и расходятся лишь въ томъ, приписать
ли отступленія отъ истины воображенію самого Филострата, или ис-
точникамъ, какими онъ пользовался, и потомъ, смотрѣть ли на раз-
казъ Филострата лишь какъ на изукрашеніе, болѣе или менѣе зна-
чительное искаженіе исторической истины, или же не придавать ему
никакой исторической цѣны, считать его сполна тенденціознымъ про-
изведеніемъ автора. Мы постараемся прежде всего, строго слѣдуя
Филострату, прослѣдить судьбу Аполлонія и характеризовать его лич-

¹⁾ Lib. in Hierocl., c. V, p. 430, c. XII, p. 440, c. XI, VIII, p. 467, ed. Olear.

²⁾ Ерр. VIII. 3. Леде, пишетъ Сидоній Аполлинарій къ Леону объ Апол-
лоніѣ,—virum (fidei catholicae pace praefata) in plurimis similem tui, id est a di-
vitiis ambitum, nec divitias ambientem, cupidum scientiae, continentem pecuniae,
inter epulas abstemium, inter purpuratos linteatum, inter alabastra censorium, con-
cretum, hispidum, hirsutum, in medio nationum delibutarum atque inter satrapas
Regum tyaratorum myrrhatos, pumicatos, mulobathratos venerabili squalore pretio-
sum: cumque proprio nihil esui aut indutui de pecude conferret, regnis ob hoc, quae
pererravit, non tam suspitioni, quam fuisse suspectui: et fortuna regum sibi in om-
nibus obsecundante, illa tantum beneficia deponentem, quae magis sit suctus oblata
praestare quam sumere.

пость, а затѣмъ сдѣлаемъ попытку точнѣе опредѣлить степень достовѣрности преданій о мудрецѣ Тіанскомъ и ихъ историческое значеніе.

Родиной Аполлонія были Тіаны, греческій городъ въ Капподокіи; происходилъ онъ изъ рода древняго и очень богатаго. Его рожденіе, по разказу Филострата, сопровождалось необыкновенными знаменіями, которыя указывали на его высокое назначеніе. Когда мать его была имъ беременна, ей являлся египетскій богъ Протей, отличающійся предвѣденіемъ и способностію перемѣнять формы, и объявилъ, что она родитъ его, Протея. Когда настало время рожденія, она, по указанію, полученному въ сновидѣніи, идетъ на лугъ собирать цвѣты и тамъ засыпаетъ; лебеди, окружившіе ее, пробуждаютъ ее своєю пѣснью, и испугъ матери сопровождается быстрымъ рожденіемъ сына. Въ то же время порывистый вихрь съ громомъ и молніей, который, казалось, спускался на землю, поднимается въ эфиръ и исчезаетъ въ высотѣ. Мальчикъ, такъ необыкновенно родившійся на свѣтъ, обнаружилъ и необыкновенныя способности, и прилежаніе при своемъ обученіи. Когда исполнилось ему четырнадцать лѣтъ, отецъ отправляетъ его въ Киликію въ Тарсъ къ ритору Евтидему, уроженцу финикійскому. Аполлоній былъ доволенъ учителемъ, но находилъ городъ неудобнымъ для философскихъ занятій; его смущали здѣсь роскошь и нравственные недостатки жителей. Съ дозволенія отца онъ переселился въ сосѣднія Эги, городъ болѣе скромный, гдѣ къ тому же находился храмъ Эскулапа. Здѣсь онъ бесѣдовалъ съ платониками, послѣдователями Хризиппа, перинатетиками, эпикурейцами, но всего усерднѣе занимался пифагорейскою философіей, которой и сдѣлался ревностнымъ приверженцемъ. Учитель его въ пифагорейскою философіи Евксенъ изъ Гераклеи Понтійской, вовсе не былъ строгимъ пифагорейцемъ по своей жизни и поэтому лишь непродолжительное время могъ удовлетворить своего необыкновеннаго ученика. На шестнадцатомъ году Аполлоній рѣшается уже самостоятельно вести строгій пифагорейскій образъ жизни при храмѣ Эскулапа и скоро дѣлается до такой степени угоднымъ этому богу, что Эскулапъ чрезъ него открываетъ свою волю большымъ, которые стекались сюда за изцѣленіемъ своихъ недуговъ. Быстро распространяется молва о его строгой жизни и объ особенномъ благоволеніи къ нему Эскулапа. Со всей Киликіи и пограничныхъ съ нею мѣстъ народъ стекается въ Эги, чтобы видѣть Аполлонія. „Куда спѣшишь? Вѣрно къ юношѣ!“

Этотъ вопросъ повторяется такъ часто, что превращается у Киликійцевъ въ пословицу ¹⁾.

Аполлонію было двадцать лѣтъ, когда онъ лишился отца. Своими руками онъ похоронилъ его подлѣ матери, постарался обратить на путь истинный своего старшаго распутнаго брата, уступилъ ему половину своей доли изъ наслѣдства и роздалъ остальную часть почти всю бѣднымъ родственникамъ, лишь немного оставивъ у себя. Устроивъ такимъ образомъ свои домашнія дѣла, молодой пивагорецъ налагаетъ на себя пятилѣтній обѣтъ молчанія. Это время онъ проводитъ отчасти въ Киликіи, отчасти въ сосѣдней Памфилиі, и проходя по городамъ, не разъ безъ словъ однимъ появленіемъ своимъ или движеніемъ руки, выраженіемъ лица успокоиваетъ волненія, которыя нерѣдко происходили въ то время по поводу зрѣлищъ; въ Аспендѣ въ Памфилиі ему удалось удержать народъ, раздраженный голодомъ, отъ сожженія архонта, искавшаго спасенія у подножія императорской статуи, и убѣдить корыстолюбивыхъ хлѣбныхъ торговцевъ дать хлѣба народу ²⁾. Искусомъ молчанія не закончили для Аполлонія періодъ самообразованія. Хотя теперь онъ является уже въ качествѣ народнаго учителя и собираетъ около себя семь учениковъ, хотя слава о немъ, о строгомъ образѣ его жизни распространяется даже до границъ Вавилоніи ³⁾, но внутреннее стремленіе плечетъ его самого на востокъ къ индійскимъ браминамъ, къ вавилонскимъ магамъ поучиться у нихъ мудрости. И изъ Антиохіи безстрашно пускается онъ въ свое далекое путешествіе.

На пути въ Вавилонъ въ древней Ниневіи, Аполлоній встрѣчается съ Дамисомъ, уроженцемъ этого города. Дамисъ съ того времени дѣлается его ученикомъ, почитателемъ, постояннымъ спутникомъ; онъ печется о всѣхъ его нуждахъ и въ то же время тщательно ведетъ записи о всемъ, что сказалъ или сдѣлалъ Аполлоній. На дальнѣйшемъ пути нашъ любознательный философъ находитъ случай выучиться у нѣкоторыхъ аравійскихъ племенъ языку животныхъ. Въ Вавилонѣ встрѣчаетъ его самый радушный пріемъ отъ царя. Здѣсь онъ прожилъ годъ и восемь мѣсяцевъ и имѣлъ, конечно, достаточно времени ознакомиться съ мудростію маговъ, которая привлекала его сюда. Мы не знаемъ, чему онъ учился у нихъ: ихъ бесѣды были

¹⁾ Philostrat. quae supers. omnia ed. *Olear.* Vit. Apoll. L. I. c. 1V--IX. p. 6—11.

²⁾ Ibid. L. I, c. 13—15, p. 14—19.

³⁾ Ibid. L. I, c. 16, p. 20, c. 18, p. 22, c. 21, p. 27, c. 31, p. 29.

тайныя; въ нихъ не былъ посвященъ даже Дамисъ; біографъ Аполлопія разказываетъ только, что онъ посѣщаль маговъ въ срединѣ дня и ночи, получая отъ нихъ наставленія и самъ передавалъ имъ свое знаніе. Маги произвели на него, очевидно, благопріятное впечатлѣніе: онъ называетъ ихъ мудрецами, хотя и не во всемъ, и оставилъ Вавилонъ, просить царя оказывать имъ свое особое благоволеніе ¹⁾. Изъ Вавилона Аполлоній отправляется къ индійскимъ мудрецамъ-браминамъ. Слѣды браминской мудрости онъ находитъ еще далеко до жилищъ браминскихъ; тотчасъ послѣ переправы чрезъ Индъ въ городѣ Таксилахъ онъ былъ пріятно изумленъ, встрѣтивъ въ царѣ Фраотѣ философа, воспитаннаго браминами; съ нимъ ведетъ онъ разговоры о философскихъ предметахъ, отъ него получаетъ свѣдѣнія о браминахъ и рекомендательное письмо къ нимъ ²⁾. Наконецъ приближается онъ къ важнѣйшей цѣли своего путешествія, къ жилищамъ индійскихъ мудрецовъ. Браминны представляются Аполлонію мудрецами, достигшими высшаго совершенства, а потому слѣдуетъ подробнѣе передать, какъ рисуются они у Филострата.

Они обитаютъ, по разказу Филострата, на нѣкоторомъ возвышеніи между Гифасисомъ (притокомъ Инда) и Гангомъ, въполнѣ защищенные отъ всякаго вѣшняго нападенія молніями и вихрями, которые посылаютъ они по своей волѣ на враговъ своихъ. Скала, окружающая ихъ холмъ, представляетъ ясныя доказательства ихъ необходимой силы: на ней видны слѣды пораженныхъ браминами Пановъ, которые сдѣлали было нападеніе на ихъ холмъ по приказанію Діонисіа, когда онъ вмѣстѣ съ Геркулесомъ хотѣлъ подчинить мудрецовъ своей власти. Вокругъ холма стоитъ облако; оно дѣлаетъ мудрецовъ, смотря по ихъ желанію, то видимыми, то невидимыми. Входившаго на холмъ прежде всего поражалъ колодезь въ четыре сажени, изъ глубины котораго поднималось къ его отверстію испареніе темно-синяго цвѣта, и когда въ полдень стояло надъ нимъ солнце, испареніе поднималось вверхъ и представляло видъ радуги; земля подъ колодеземъ была сандараконная, вода въ немъ считалась заповѣдною; ее не пили, не черпали; она имѣла особое значеніе при клятвѣ. Вблизи колодца находился кратеръ огня, изъ котораго выходило пламя свищоваго цвѣта; но оттуда не шло никакого дыма,

¹⁾ Ibid. L. I, с. 19, р. 23—24, с. 20, р. 25, с. 26, р. 35, с. 29—33, р. 37—41, с. 41, р. 48.

²⁾ Ibid. L. II, с. 23—41, р. 76—93.

никакого запаха, и никогда не переполнялся этотъ кратеръ, но всегда столько прибывало горючаго вещества, сколько нужно, чтобы не выйдти изъ красвъ; здѣсь очищаются Индійцы отъ невольныхъ преступленій. Далѣе находились два сосуда изъ чернаго камня, одинъ для дождей, другой для вѣтровъ; они находились въ распоряженіи браминовъ и открывались и закрывались смотря по пуждѣ. Здѣсь Аполлоній встрѣтилъ изображенія Лоипа, Аполлона, Диюисія, Амилея, и ихъ чествовали у браминовъ согласно съ греческими обычаями. Не мало передастъ Филостратъ и о жизни браминовъ, ссылаясь на разказъ спутника Аполлоніева Дамиса. Они надѣваютъ бѣлую митру, носятъ бороду, ходятъ нагими; впрочемъ есть у нихъ и одежды, похожія на плащи изъ льна самороднаго, бѣлаго; это одежды священныя. Особую таинственную силу имѣютъ кольцо и жезлъ, которые они носятъ. Спятъ они на землѣ, подстилая траву. По разказу Филострата, Дамисъ видѣлъ, что они на два локтя поднимались надъ землею; это они дѣлали впрочемъ не для того, чтобы возбуждать въ себѣ удивленіе, а для того, чтобы при своихъ подвигахъ удалиться вмѣстѣ съ солнцемъ отъ земли и этимъ болѣе угодить Богу. Хотя они живутъ, по видимому, подъ чистымъ небомъ, но распространяютъ надъ собою тѣнь; дождь не мочитъ ихъ, и ясное солнце видятъ они надъ собою, когда хотятъ. Источники, которые для служителей Вакха (во время праздника въ честь этого бога) возникаютъ изъ земли, когда Вакхъ потрясетъ ихъ и землю, текутъ и у этихъ Индійцевъ, которые и сами пользуются ими, и угощаютъ другихъ. Все достается имъ безъ всякихъ хлопотъ, само собою ¹⁾. Во время торжественнаго угощенія имъ служатъ обыкновенно четыре треножника, два съ виномъ и два съ холодною и теплою водою и мундшенки изъ мѣди; земля подстилетъ имъ траву мягче постели; сами собою въ порядкѣ являются кушанья, приготовленныя лучше, чѣмъ еслибы были изготовлены поварами ²⁾. Брамины отличаются необыкновеннымъ знаніемъ и мудростію и всѣми нравственными качествами, такъ что съ полнымъ правомъ называютъ самихъ себя всезнающими и богами. Они служатъ для народа не только высшими образцами мудрости и нравственности, но и врачами и исцѣляютъ великаго рода болѣзни чудотворною силою. Поэтому они пользуются въ странѣ величайшимъ уваженіемъ. Индійцы болтася ихъ болѣе, чѣмъ цари; самъ царь смо-

¹⁾ Ibid. I. II, с. 33, р. 86, I. III, с. 13—15, р. 102—107.

²⁾ Ibid. I. III, с. 27, р. 117—118.

тритъ на нихъ, какъ на оракуловъ, и проситъ у нихъ совѣта во всемъ, чтò нужно ему сказать или сдѣлать; онъ вполнѣ сознаетъ ихъ превосходство надъ собою: приходи къ нимъ за совѣтомъ, онъ принимаетъ положеніе челоука молящагося и очень радуется, когда они, сидя, киваютъ ему головами и этимъ какъ бы изъясняютъ свое согласіе на его просьбу ¹⁾. На своемъ сжатомъ языкѣ самъ Аполлопій такъ характеризуетъ браминовъ: „И видѣлъ индійскихъ браминовъ“, говоритъ онъ, — живущихъ на землѣ и не на землѣ, безъ стѣнъ, но защищенныхъ крѣпкою оградой, ничего не являющихъ, но въ то же время владѣющихъ всѣмъ“ ²⁾.

Какъ только Аполлоній является къ браминамъ, они тотчасъ же обнаруживаютъ предъ нимъ свое необыкновенное знаніе: угадываютъ, что онъ привезъ имъ письмо отъ Фраота, и даже что въ этомъ письмѣ сдѣлана описка; они разказываютъ изумленному Аполлонію его родословную, его жизнь въ Эгахъ, припоминаютъ ему его встрѣчу съ Дамисомъ, даже бесѣды, происходившія между ними на пути. Удивляясь мудрости браминовъ, Аполлоній выспрашиваетъ ихъ мнѣнія о различныхъ предметахъ религіозно-философскихъ и естественно-научныхъ, присутствуетъ при необыкновенныхъ исцѣленіяхъ ими больныхъ и выслушиваетъ совѣты, какіе даютъ они приходившимъ къ нимъ съ своимъ горемъ. Дамисъ былъ свидѣтелемъ большей части разговоровъ своего учителя съ браминами, но при наставленіяхъ, которыя давалъ Аполлонію Іархасъ, глава браминовъ, относительно астрологіи, предвѣднія будущаго, жертвъ и призываній боговъ, Дамисъ не присутствовалъ; онъ могъ засвидѣтельствовать только, какъ передаетъ намъ Филостратъ, что Аполлоній особенно былъ преданъ наукѣ о предвѣдніи и направлялъ сюда большую часть разговоровъ. Аполлоній пробылъ у браминовъ четыре мѣсяца и въ это время изучилъ всю ихъ мудрость и всѣ тайны, такъ что эти люди, открыто считавшіе себя богами, могли на прощаніи съ нимъ увѣрить его, что теперь многіе будутъ признавать и его богомъ ³⁾.

Для возвращенія въ отечество нашъ путешественникъ избираетъ другой путь: онъ направляется къ Эритрейскому морю и этимъ моремъ, а затѣмъ Персидскимъ заливомъ проплываетъ до устьевъ Ев-

¹⁾ Ibid. I. III, с. 10, р. 102, с. 18, р. 109. с. 27, р. 117, с. 38—40, р. 128—129.

²⁾ Ibid. I. III, с. 15, р. 105.

³⁾ Ibid. I. III, с. 16, р. 107—108, с. 19, р. 109—110, с. 34—42, р. 124—130, с. 50, р. 135.

фрата; далѣе по Евфрату достигаетъ Вавилона, откуда уже прежнимъ путемъ чрезъ Пиневію возвращается въ Антиохію. Но Антиохія, говоритъ Филостратъ,—по обычаю предавалась тогда непристойнымъ забавамъ и нисколько не радѣла о занятіяхъ, свойственныхъ Эллинамъ; поэтому Аполлоній вновь у Селевкии сѣлъ на корабль, чтобы плыть въ Іонію ¹⁾. Отсюда начинается блестящій періодъ его дѣятельности и его славы.

Въ Іоніи ожидала его самая восторженная встрѣча. Какъ скоро увидѣли его на пути въ Ефесъ, даже ремесленники побросали свои работы и слѣдовали за нимъ, одни—удивляясь его мудрости, другіе—его внѣшнему виду, третьи—образу жизни, иные—его одеждѣ, иные—всему вмѣстѣ. О немъ заговорили оракулы: одинъ прославлялъ его мудрость, другой посылалъ къ нему большихъ и т. д. Различные города слали посольства, приглашая его къ себѣ помочь имъ совѣтомъ въ ихъ гражданской и религиозной жизни. Смирна приглашала его къ себѣ просто затѣмъ, чтобы видѣть его, и чтобы онъ посмотрѣлъ на нее. Аполлоній хотѣлъ удовлетворить всѣмъ: однимъ писалъ, къ другимъ общалъ придти. Переходи изъ города въ городъ, всюду является онъ народнымъ учителемъ. Въ Ефесѣ онъ боролся съ распущенностію правовъ, которую нашелъ тамъ, хотя чрезъ это лишился расположенія многихъ. Ефесъ не внималъ обличеніямъ; Аполлоній предсказалъ заразу и удалился, видя бесполезность своихъ усилій. Впослѣдствіи, постигнутый болѣзнію, Ефесъ взывалъ къ нему о помощи, и Аполлоній чудесно въ одно мгновеніе явился въ Ефесъ изъ Смирны, гдѣ былъ въ то время, и поразилъ демона болѣзни, скрывавшагося подъ видомъ старика нищаго ²⁾. На пути въ Смирну, встрѣтили его Іоняне, совершавшіе въ то время праздникъ Паніонійскій. Въ Смирнѣ онъ замѣтилъ стремленіе къ занятію науками и старался его поощрять; но тамъ же встрѣтилъ онъ между гражданами и несогласіе въ мнѣніяхъ, не одобрялъ его и совѣтовалъ имъ соревновать другъ другу въ преслѣдованіи общей пользы на различныхъ поприщахъ общественной жизни. Продолжая путь по малоазійскому берегу, въ Пергамѣ при храмѣ Эскулапа онъ подаетъ совѣты больнымъ, какъ испросить исцѣленія, а иныхъ и самъ исцѣляетъ. Затѣмъ онъ посѣщаетъ Иліонъ, приноситъ жертву на могилѣ грече-

¹⁾ Ibid. l. III, c. 50—58, p. 136—139.

²⁾ Ibid. l. IV, c. 1—4, p. 140—143, c. 10, p. 147—148.

скихъ героевъ, и отсутствіе на корабль сопутствовавшихъ ему учениковъ, вызываетъ почью Ахилла и бесѣдуетъ съ нимъ ¹⁾).

Изъ Малой Азіи моремъ Эгейскимъ Аполлоній отправляется въ Олладу. Въ Атикѣ ожидала его не менѣе радушная встрѣча, чѣмъ въ Іоніи. Прибывши въ Пирей во время мистерій, онъ встрѣчается на дорогѣ въ городѣ много людей философствующихъ, и изъ нихъ никто, какъ скоро узнавалъ его, не проходилъ мимо, не сдѣлавъ ему привѣтствія; на этой же дорогѣ присоединились къ нему десять юношей, которые, по ихъ словамъ, шли въ Пирей затѣмъ, чтобы плыть къ нему въ Іонію; многие забывали даже о мистеріяхъ, занимаясь съ Аполлоніемъ. Но въ Лоинахъ же встрѣтилъ онъ и непріятность. Жрецъ, посвящавшій въ мистеріи, отказалъ ему въ посвященіи, обвиняя его въ чародѣйствіи; правда, неудовольствіе народа заставило жреца тотчасъ же переменить свое рѣшеніе, но Аполлоній уже не хотѣлъ принять отъ него посвященія и принялъ послѣднее, по своему предсказанію, четыре года спустя отъ преемника этого жреца. Въ Лоинахъ Аполлоній предлагалъ поученія, касавшіяся религіозныхъ обрядовъ, порицалъ пляски вакханалій, обличалъ безчеловѣчныя зрѣлища въ театрѣ; здѣсь же совершилъ онъ и чудо изгнанія демона изъ одного мальчика. Во время своего разговора съ Ахилломъ Аполлоній обѣщалъ Ахиллу передать Тессалійцамъ, чтобы они не пренебрегали впродъ жертвой, установленною въ его память: теперь онъ исполняетъ это обѣщаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщаетъ гробницу Леопида и навшихъ съ нимъ героевъ. Особою торжественностію, по разказу его біографа, отличались въ этой части Греціи, его посѣщенія элиинскихъ храмовъ; когда Аполлоній входилъ въ нихъ и исправлялъ, что требовало измѣненія, съ нимъ входили жрецы, за нимъ слѣдовали лица, его знавшія, и тамъ въ избыткѣ лились потоки его поучительныхъ рѣчей ²⁾). Не была забыта Аполлоніемъ и южная Греція. Онъ присутствовалъ на Олимпійскихъ играхъ и велъ въ Олимпіи философскія бесѣды о мудрости, мужествѣ, умѣренности и другихъ добродѣтеляхъ. Въ Олимпіи же получилъ онъ приглашеніе посѣтить Спарту; видъ спартанскихъ пословъ говорилъ о переизмѣнѣ въ Спартѣ образа жизни, установленнаго Ликургомъ; это непріятно поразило нашего философа, и онъ тотчасъ написалъ эфорамъ, чтобы они воротились къ поряд-

¹⁾ Ibid. l. IV, c. 5—9, p. 143—146, c. 11, p. 148—149.

²⁾ Ibid. l. IV, c. 17—24, p. 155—162.

камъ прежняго времени. Когда онъ явился въ Спарту, онъ имѣлъ удовольствіе видѣть добрые результаты своихъ совѣтовъ ¹⁾).

Изъ Греціи этотъ неутомимый философъ-путешественникъ отправляется въ Италію. Въ Италіи восторженныхъ встрѣчъ ожидать ему было въ то время невозможно. Въ Римѣ Неронъ преслѣдовалъ философію; одни изъ философовъ томились въ оковахъ, другіе принуждены были бѣжать. Одинъ изъ послѣднихъ, Филолай Киттійскій, встрѣтивъ Аполлонія съ его учениками за сто-двадцать стадій отъ Рима, убѣждалъ его не ходить на вѣрную смерть и не губить спутниковъ. Рѣчи трусливаго Филолая поколебали большую часть учениковъ Аполлонія: они отказывались идти въ Римъ, ссылаясь кто на болѣзнь, кто на отсутствіе путевыхъ запасовъ, кто на тоску по домѣ, кто на зловѣщія сновидѣнія; изъ тридцати-четырехъ спутниковъ у нашего философа осталось только восемь. Но все это не могло поколебать его намѣренія. „Прежде всего“, говорилъ онъ оставшимся съ нимъ ученикамъ, — „я думаю, нѣтъ ничего въ дѣлахъ человѣческихъ на столько страшнаго, чтобы могло устрашить мудреца; затѣмъ не пресуищвалъ бы мужъ въ своихъ занятіяхъ, еслибъ онъ не вращался въ опасностяхъ. И къ тому же, обошедши столько земель, сколько не обходилъ ни одинъ изъ людей, я видѣлъ много звѣрей аравійскихъ и индійскихъ, но такого звѣря, котораго народъ зоветъ тираномъ, не знаю; не знаю, сколько головъ у него, кривые ли имѣетъ онъ когти, и остры ли его зубы ²⁾“. Въ Римѣ отъ богобоязненнаго консула Телезина, Аполлоній получаетъ дозволеніе ходить по храмамъ и даже, по свосму обыкновенію, жить въ храмахъ не закрытыхъ. Поученія его въ Римѣ сначала не вызывали подозрѣнія, такъ какъ онъ говорилъ публично и не забѣгалъ къ знатнымъ. Но скоро обстоятельства перемѣнились: благорасположенный къ нему философъ Димитрій за свои смѣлыя дѣйствія былъ изгнанъ изъ Рима; собственныя слова Аполлонія, сказанныя по случаю солнечнаго затмѣнія, сопровождавшагося громомъ, были растолкованы въ смыслѣ предсказанія объ опасности, которой на третій день послѣ того подвергнется Неронъ отъ молніи, вырвавшей чашу изъ его рукъ. За нимъ стали ворко слѣдить, и за одно неосторожное выраженіе едва не подвергся онъ серьезной опасности; однако чудесное превращеніе написаннаго противъ него обвиненія въ неписанную бумагу и его

¹⁾ Ibid. l. IV, c. 27, p. 166—167, c. 31, 170—171.

²⁾ Ibid. l. IV, c. 35—38, p. 175—178.

смѣлые отвѣты трусливому Тигеллипу, который былъ въ то время praefectus praetorio, на этотъ разъ спасли его отъ преслѣдованій. Пребываніе его въ Римѣ было ознаменовано чудеснымъ воскрешеніемъ одной дѣвушки; Филостратъ разсказываетъ, что чудо было совершено имъ чрезъ простое прикосновеніе и неслышное произнесеніе нѣсколькихъ словъ ¹⁾).

Когда Перопъ отправился въ Элладу, и въ Римѣ официально запрещено было жить философамъ, Аполлоній предпринимаетъ новое путешествіе къ Столпамъ Геркулесовымъ. Съ этого времени начинается его политическая дѣятельность. Въ Гадесѣ онъ вступаетъ въ сношеніе съ правителемъ Бетической провинціи, тайнымъ врагомъ Нерона, и содѣйствуетъ его сближенію съ Виндикомъ, который возбуждалъ Галлію противъ Нерона. Вѣсть о смерти Виндика и бѣгствѣ Нерона изъ Рима застала Аполлонія уже на пути изъ западныхъ провинцій; тогда же онъ предсказалъ кратковременность правленія будущихъ императоровъ, что исполнилось на судьбѣ Гальбы, Оттона и Вителлія ²⁾).

Оставалась еще страна древняго міра, гдѣ доселѣ не былъ Аполлоній. Это—Египетъ съ его вѣковою мудростію. Проведши зиму въ эллипскихъ храмахъ, на весну Аполлоній предпринимаетъ путешествіе въ Египетъ. Александрійцы давно уже слышали о немъ и заочно любили его, и появленіе его въ Александрію было новымъ торжествомъ для него: на него смотрѣли, какъ на Бога, предъ нимъ сторонились съ дороги, какъ предъ несущими святыню. Случилось, что на пути его съ корабля въ городъ съ нимъ встрѣтились двѣнадцать разбойниковъ, которыхъ вѣли на казнь; въ одномъ изъ нихъ онъ узналъ невиннаго, приказалъ медленнѣе вести ихъ къ мѣсту казни и послѣ всѣхъ приступить къ казни того, который, по его мнѣнію, былъ осужденъ невинно; и приговоръ еще не успѣли исполнить, какъ истина разъяснилась и была возвѣщена къ славлѣ Аполлонія. Въ Александрію ему предстояла болѣе видная политическая дѣятельность. Сюда прибылъ Веснасіанъ, только что провозглашенный императоромъ, и тотчасъ же пожелалъ видѣть Аполлонія. Философъ былъ расположенъ въ пользу Веснасіана; правда, онъ не желалъ агитировать за него въ народѣ, такъ какъ это считалъ дѣломъ болѣе приличнымъ ритору, чѣмъ философу: по теперь, когда Веспа-

¹⁾ Ibid. l. IV, c. 40—45, p. 180—176.

²⁾ Ibid. l. IV, c. 47, p. 188; l. V, c. 10—11, p. 195—196.

сіанъ въ храмѣ послѣ привѣтствія обратился къ нему съ словами: „сдѣлай меня императоромъ“, Аполлоній отвѣчалъ: „Уже сдѣлалъ, ибо молясь объ императорѣ справедливомъ, благородномъ, благоразумномъ, украшеннымъ сѣдиной, отцѣ законныхъ дѣтей ¹⁾, тебя, конечно, а просилъ у боговъ“. Веспасіанъ близко сходится съ Аполлоніемъ: предъ нимъ высказываетъ онъ свое оправданіе въ узурпаціи, надѣясь, что тотъ будетъ защищать его предъ другими; его совѣтамъ обѣщаетъ слѣдовать, какъ внушеніямъ божества; отъ него получаетъ благоразумныя наставленія, какъ дѣйствовать въ борьбѣ за власть и какъ пользоваться властію; даже внимасть его разказамъ о его далекихъ путешествіяхъ. Выходя изъ Египта, Веспасіанъ звалъ его съ собою и предлагалъ ему дары; но Аполлоній не взял даровъ и отказался слѣдовать за императоромъ: онъ хотѣлъ посѣтить египетскихъ мудрецовъ-гимнософистовъ, хотѣлъ посмотрѣть на истоки Нила ²⁾. Изъ Александріи дѣйствительно онъ отправился съ десятию учениками въ Эфіопію къ гимнософистамъ. Далекій путь совершенно былъ не безъ пользы. Не разъ переплывали они Нилъ, чтобъ изучить, что въ немъ находится. Не было города или храма, или какого-нибудь священнаго мѣста, которое они миновали бы безмолвно: всюду они или поучались, или сами поучали чему-нибудь священному. Видѣли, между прочимъ, знаменитую статую Мемнона, издававшую звукъ при восходѣ солнца. На пути Аполлоній блистательно обнаружилъ свою способность прозрѣнія: онъ разказалъ своимъ ученикамъ важнѣйшее событіе жизни ихъ проводника, прежде чѣмъ послѣдній могъ ему передать что-нибудь: встрѣтивъ убійцу, совершившаго преступленіе непроизвольно, онъ чудесно узналъ, что лицо, имъ убитое, происходитъ въ тринадцатомъ поколѣвіи отъ врага гимнософистовъ, и удивляясь, почему они уже седьмой мѣсяцъ не очищаютъ его, самъ очистилъ его по узаконеніямъ Пифагора и Емпедокла. Предъ гимнософистами мудрецъ Тіанскій заранѣе былъ оклеветанъ врагомъ своимъ, философомъ Евфратомъ, а потому былъ встрѣченъ ими холодно, съ предубѣжденіемъ; впрочемъ недоразумѣніе скоро разъяснилось, и непріязненное расположеніе къ нему гимнософистовъ уступило мѣсто стремленію обмѣняться съ нимъ свѣдѣніями и взглядами. Но въ гимнософистахъ онъ не встрѣтилъ уже такого образца для себя, какой

¹⁾ Это мѣсто передается нами по тексту, исправленному у Кайзера.

²⁾ Ibid. I. V, с. 20, р. 202, с. 24, р. 206 — 207, с. 27 — 29, р. 209 — 212, с. 35—38, р. 277—223.

нашедь въ браминахъ: они по мудрости далеко отставали отъ Индійцевъ, и ему пришлось оказаться здѣсь не ученикомъ только, но и учителемъ; одинъ изъ нихъ сдѣлался даже его послѣдователемъ ¹⁾. Отъ гимнософистовъ Аполлоній углубился далеко въ Африку, и по свидѣтельству его біографа, доходилъ до истоковъ Нила ²⁾.

Посѣщеніемъ Эѳіопіи не окончились путешествія Аполлонія; ихъ было еще много, но уже не столь далекія; онъ посѣщаль теперь народы, которыхъ уже зналъ. Возвращаясь изъ Эѳіопіи, Аполлоній долго оставался въ Нижнемъ Египтѣ, посѣщаль затѣмъ Финикійцъ и Киликійцевъ, Іонянъ и Ахейцевъ и Италійцевъ. Не описывая подробно этихъ путешествій, Филостратъ замѣчаетъ, что Аполлоній вездѣ оставался себѣ равнымъ ³⁾. Во время этихъ путешествій мудрецъ Тіанскій давалъ назиданія религіознаго свойства, служилъ религіознымъ нуждамъ и совершалъ чудесныя дѣйствія. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ объяснилъ всю безнравственность замышляемаго къ-то брака съ статуей Афродиты и отвлекъ глупаго поклонника богини отъ его дикаго намѣренія. Когда города при Геллеспонтѣ подверглись землетрясенію, и разные проходивцы, спекулируя на религіозное чувство испуганныхъ жителей, обирали ихъ подъ предлогомъ сбора на богатую жертву, онъ обличилъ своекорыстіе лицъ, желавшихъ нажиться на счетъ чужаго бѣдствія, и самъ совершилъ нужныя жертвы. Въ Тарсѣ исцѣлялъ онъ страдавшаго отъ укушенія бѣшеной собаки и самую собаку ⁴⁾. Въ то же время поддерживалъ Аполлоній связи и съ императорскимъ семействомъ. Узнавъ, что Титъ, сынъ Веспасіана, не признавалъ себя достойнымъ быть увѣчаннымъ за свои побѣды надъ Іудеями, онъ въ своемъ письмѣ одобряетъ его скромность и вскорѣ послѣ того, по просьбѣ самого Тита, идетъ на свиданіе съ нимъ въ Аргосъ (въ Киликіи или Капподокіи), гдѣ не только самъ подаетъ ему совѣты, но и рекомендуетъ ему въ постоянные руководители философа Димитрія ⁵⁾.

Благопріятныя отношенія къ правительству продолжались у Аполлонія до смерти Тита. Жестокая тиранія Домиціана была тяжела для народа и потому возбуждала негодованіе Аполлонія. Онъ воору-

¹⁾ Ibid. l. V, c. 43, p. 227 — 228; l. VI, c. 3 — 14, p. 230 — 252, c. 22, p. 264.

²⁾ Ibid. l. VI, c. 23—26, p. 264—267.

³⁾ Ibid. l. VI, c. 35, p. 272.

⁴⁾ Ibid. l. VI, c. 40—41, p. 276—277, c. 46, p. 278—279.

⁵⁾ Ibid. l. VI, c. 29—31, p. 268—270.

жалъ противъ нее все, что было болѣе юнаго и благоразумнаго въ сенатѣ. Путешествуя по обширному Римскому царству, онъ всюду старался внушить, что сила тирановъ не вѣчна, что самый страхъ, который они возбуждаютъ, можетъ служить причиной ихъ гибели, и указывалъ на примѣры сверженія тирановъ, бывшіе въ прежней исторіи Греціи и Рима. Не разъ случалось Аполлонію по разнообразнымъ поводамъ публично передъ народомъ высказывать свое негодованіе на существующій порядокъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ имѣлъ рѣшительное значеніе для его собственной участи. Въ Римѣ казались достойными власти Нерва, Орфитъ и Руфъ; они были извѣстны съ хорошей стороны Аполлонію уже во время Веспасіана и Тита, и тогда онъ рекомендовалъ ихъ этимъ императорамъ. Противъ Домиціана онъ наоборотъ пооружалъ ихъ во имя общей свободы и спосился съ ними тайно чрезъ своихъ наиболѣе надежныхъ учениковъ. Домиціанъ Орфита и Руфа заключилъ на островахъ, а Нерву сослалъ въ Тарентъ. Это раздражило Аполлонія. Предвиди, что Нерва будетъ преемникомъ Домиціана, онъ однажды въ Смирнѣ въ присутствіи народа обратился къ мѣдной статуѣ Домиціана, стоявшей на берегу рѣки Милета, и сказалъ: „Глупецъ, какъ заблуждаешься ты относительно судебъ и необходимости; ибо кому суждено господствовать послѣ тебя, тотъ оживетъ, еслибы ты и убилъ его“. Эти слова на вѣтрахъ Евфрата дошли до Домиціана. Домиціанъ не зналъ, кого именно изъ трехъ сосланныхъ лицъ разумѣлъ Аполлоній, и рѣшился погубить ихъ всѣхъ; но чтобы придать дѣлу законный видъ, онъ хотѣлъ потребовать на судъ Аполлонія и надѣялся найдти достаточный предлогъ къ обвиненію опасныхъ для него людей какъ въ томъ случаѣ, если Аполлоній явится на судъ, такъ равно и въ томъ, если онъ какимъ-либо чудомъ избѣгнетъ суда. Домиціанъ написалъ уже проконсулу Азіи, чтобы смѣлый философъ былъ взятъ и представленъ въ Римъ. Но Аполлоній заранѣе чудесно узналъ объ этомъ и рѣшился предупредить императора. Онъ беретъ съ собою одного Дамиса, и не объяснивъ ему даже цѣли путешествія, поспѣшно плыветъ въ Италію. Напрасно встрѣтившійся съ нимъ въ Дикеархіи философъ Димитрій старается вмѣстѣ съ Дамисомъ уговорить его не ходить въ Римъ на вѣрную, какъ имъ казалось, смерть; напрасно Димитрій съ этою цѣлію извѣщаетъ его о страшныхъ обвиненіяхъ, на него возводимыхъ. Совѣсть Аполлонія не позволяетъ ему скрыться, когда подвергаются опасности его друзья, и когда самое его бѣгство могло бы быть принято за доказательство справедливости обвиненія, которое ввозили на него вмѣстѣ

съ ними ¹⁾). Въ то время въ Римѣ praefectus praetorio былъ Эліанъ; онъ очень любилъ и уважалъ Аполлонія и готовъ былъ всѣми средствами дѣйствовать на императора въ его пользу. Но открыто объявить себя его другомъ было опасно, такъ какъ онъ обвинился во враждебномъ отношеніи къ императору; поэтому Эліану оставалось помогать ему тайно, а официальный процессъ оставить идти своимъ порядкомъ. Тотчасъ по прибытіи въ Римъ Аполлоній былъ заключенъ въ темницу. Не разъ засылаемы были къ нему сюда сикофанты, чтобы вывѣдать отъ него, что могло бы послужить къ обвиненію его и его друзей, но онъ узнавалъ ихъ, и они уходили ни съ чѣмъ ²⁾). Еще до суда ему пришлось извѣдать на себѣ жестокость императора. Домиціанъ пожелалъ однажды видѣть его и сталъ разспрашивать о козняхъ Нервы, Руфа и Орфита; но Аполлоній твердо свидѣтельствовавъ о нихъ какъ о лучшихъ, благонамѣреннѣйшихъ гражданахъ. Это вывело императора изъ себя; философа подвергли истязаніямъ: у него остригли бороду и волосы на головѣ, было приказано заключить его въ оковы въ особой тюрьмѣ, вмѣстѣ съ самыми тяжкими преступниками. Но истязанія не поколебали его; онъ говорилъ, что терпѣливо вынесетъ все, лишь бы имѣть возможность защитить невинныхъ людей. „А тебя кто будетъ защищать“, спросилъ императоръ? „Время“, отвѣчалъ Аполлоній,—„и духъ божій и любовь къ мудрости, которой я преданъ“. Послѣ всѣхъ этихъ бѣдствій Дамисъ близокъ былъ къ отчаянію и однажды высказалъ свое горькое сѣтованіе предъ Аполлоніемъ. Въ утѣшеніе ему мудрецъ представилъ доказательство своего высшечеловѣческаго могущества: онъ легко высвободилъ свою ногу отъ оковъ и предсказалъ, что нынѣ же они совсѣмъ будутъ сняты съ него по приказанію императора. И дѣйствительно, въ тотъ же день пришелъ вѣстникъ съ извѣстіемъ, что императоръ, по совету Эліана, освобождаетъ его отъ оковъ и назначаетъ день суда надъ нимъ; тотчасъ же онъ былъ переведенъ въ прежнюю болѣе свободную темницу, гдѣ съ необыкновенною радостію встрѣтили его прежніе товарищи по заключенію, такъ какъ за его наставленія они усилія полюбить его, какъ дѣти отца ³⁾). Наконецъ насталъ день суда. Судъ продолжался недолго. Самъ Домиціанъ предлагалъ обвиненному вопросы. Обвиненія менѣе важныя были оставлены безъ вниманія;

¹⁾ Ibid. l. VII, c. 4—14, p. 282—295.

²⁾ Ibid. l. VII, c. 16, p. 297, c. 22, p. 301, c. 27, p. 307—308, c. 36, p. 311—316.

³⁾ Ibid. l. VII, c. 32—35, p. 311—314, c. 38, p. 317, c. 40, p. 319.

Аполлоній долженъ былъ защищаться лишь въ четырехъ пунктахъ: почему онъ употребляетъ отличную отъ другихъ одежду; по какой причинѣ люди называютъ его богомъ; какимъ образомъ онъ могъ предсказать заразу Ефесу; послѣднее и самое важное обвиненіе состояло въ томъ, будто-бы онъ принесъ въ жертву мальчика изъ Аркадіи съ цѣлію предсказать по его внутренностямъ судьбу заговора, составленнаго противъ императора. Аполлоній кратко, но съ такою отчетливостію отвѣчалъ на обвиненія и вызвалъ такое одобреніе со стороны собранія, что императоръ былъ вынужденъ признать его невиновнымъ. Тотчасъ послѣ этого рѣшенія, не смотря на приказаніе императора, чтобъ Аполлоній остался для частнаго объясненія съ нимъ, оправданный философъ чудесно исчезъ изъ судилища, закончивъ свое послѣднее объясненіе словами: „Ты не убьешь меня, такъ какъ нѣтъ на то вѣднія судьбы“. До полудня оставилъ онъ судилище и около самаго полудня явился уже въ Дикеархіи къ великому изумленію философа Димитрія и Дамиса, котораго отослалъ сюда, еще когда былъ извѣщенъ о днѣ суда надъ собою. Димитрій уговаривалъ его укрыться теперь отъ гнѣва тирана, но Аполлоній не послѣдовалъ этому совѣту, сѣлъ на корабль, плывшій въ Сицилію, и оттуда переправился въ Целонпезъ и поселился въ Олимпіи въ храмѣ Зевса ¹⁾.

Въ Греціи не считали возможнымъ, чтобъ Аполлоній освободился. Когда прошла первая молва, что онъ живъ и живетъ въ Олимпіи, ей не повѣрили; когда же молва подтвердилась, всѣ хотѣли видѣть Аполлонія. Никогда съ такимъ одушевленіемъ не стремились на Олимпійскія игры, какъ теперь: шли не только сосѣдніе Елійцы и Спартауцы, не только Мегарцы и Лэвипяне, но и Беотійцы, Аргивяне, Фокии и Θεссалійцы. Аполлоній косвенно не переставалъ нападать на тяжесть и безправственность тиранніи, но когда у него спрашивали: какъ онъ освободился, онъ скромно отвѣчалъ: „Защитился и этимъ спасъ себя“. Впрочемъ люди, приходившіе изъ Италіи, развазывали, какъ было дѣло, и такіе разказы, сравнимые съ его скромнымъ объясненіемъ, конечно, еще болѣе увеличивали его славу. Уваженіе къ нему возросло до такой степени, что храмы охотно выдавали ему деньги на его нужды ²⁾. Сорокъ дней пробылъ онъ въ Олимпіи, по-

¹⁾ Ibid. I. VII, с. 41, р. 319—320; I. VIII, с. 5, р. 324—326, с. 10, р. 354, с. 14—15, р. 358—359.

²⁾ Ibid. I. VIII, с. 15—17, р. 359—360.

томъ отправляется въ Лебадію къ знаменитой пещерѣ Трофоніевоѣ, спускается въ нее вопреки даже желанію жрецовъ и черезъ семь дней выноситъ изъ нея книгу пифагорейской философіи, которая должна была служить отвѣтомъ на предложенный имъ Трофонію вопросъ о лучшей и чистѣйшей философіи ¹⁾. Теперь собрался около него очень значительный кругъ послѣдователей, такъ какъ пришли также всѣ ученики и изъ Іоніи; всѣ они усердно занимались философіей. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Греціи нашъ философъ со всѣми своими учениками отправился въ Іонію и не мало времени философствовалъ въ Смирнѣ и Ефесѣ, посѣщалъ и другіе города, и всюду встрѣчалъ благорасположеніе, всюду его высоко цѣнили. Въ Ефесѣ во время одной изъ своихъ рѣчей, обращенныхъ къ народу, онъ прозрѣлъ убійство Домиціана, происходившее въ этотъ моментъ въ Римѣ, и возвѣстилъ о немъ своимъ изумленнымъ слушателямъ ²⁾.

На престолъ вступилъ теперь расположенный къ нему Нерва и просилъ его къ себѣ для совѣтовъ. Но Аполлоній предвидѣлъ близкую смерть свою и Нервы: „Мы будемъ жить вмѣстѣ другъ съ другомъ долго“, отвѣчалъ онъ, — „когда ни мы не будемъ начальствовать ни падъ кѣмъ другимъ, ни кто-нибудь другой надъ нами“. Впрочемъ съ особымъ письмомъ къ Нервѣ онъ послалъ Дамиса, не желая оставить друга-императора безъ своего совѣта. Своего неразлучнаго спутника Дамиса онъ выбралъ для этого посольства не безъ особаго намѣренія: удаляя его отъ себя, онъ не хотѣлъ имѣть свидѣтелей своей смерти, скорое наступленіе которой предчувствовалъ ³⁾. О смерти Аполлонія, по разказу Филострата, ходило нѣсколько преданій. По однимъ онъ умеръ въ Ефесѣ на рукахъ двухъ рабынь. По другимъ онъ скончался въ Лидѣ: вошелъ въ храмъ Аонны и тамъ сдѣлался невидимъ. Иные называютъ Критъ мѣстомъ его смерти, и о самой смерти разказываютъ нѣчто еще болѣе удивительное: однажды въ глубокую ночь пошелъ онъ будто бы въ храмъ Диктинны; собаки, оберегавшіе храмъ, не только не тронули его, но и стали къ нему ласкаться, хотя по злости не уступали самымъ дикимъ животнымъ; начальники храма сочли его за волшебника и грабителя и связали; но среди ночи онъ освободился отъ узъ, позвалъ связавшихъ его, чтобы фактъ не остался неизвѣстнымъ, и побѣжалъ къ

¹⁾ Ibid. I. VIII, c. 19, p. 362—364.

²⁾ Ibid. I. VIII, c. 21, p. 364, c. 24, p. 365, c. 26, p. 366—367.

³⁾ Ibid. I. VIII, c. 27—28, p. 367—368.

дверямъ храма, которыя передъ нимъ растворились; когда онъ вошелъ туда, двери опять затворились, и раздался голосъ дѣвицы, которыя пѣли: „Иди съ земли, иди на небо, иди“. Конечно, чтобы придать болѣе силы этимъ сказаніямъ, Филостратъ въ концѣ своего повѣствованія прибавляетъ, что онъ нигдѣ не встрѣтилъ его могилы, хотя изходилъ большую часть земли. Не всѣ сказанія согласны и относительно того, до какихъ лѣтъ Аполлоній дожилъ: по однимъ онъ прожилъ восемьдесятъ лѣтъ, по другимъ—девяносто, по инымъ—болѣе ста лѣтъ ¹⁾. Филостратъ разказываетъ намъ и о его явленіи послѣ смерти. Въ Тианѣ послѣ его смерти пришелъ одинъ юноша, не вѣрившій въ безсмертіе души; онъ говорилъ съ насмѣшкой, что вотъ уже десятый мѣсяцъ онъ молить Аполлонія вразумить его, но Аполлоній такъ умеръ, что не является на мольбу и не убѣждаетъ въ своемъ безсмертіи. На пятый послѣ того день юноша заснулъ во время философскихъ разсужденій, касавшихся вопроса о безсмертіи души. Вдругъ вскакиваетъ онъ какъ безумный, въ полуснѣ, покрытый потомъ и восклицаетъ: „Вѣрю тебѣ!“ Когда его стали разпрашивать, то оказалось, что ему явился Аполлоній и прочелъ шестистишіе, въ которомъ заключалось ученіе о безсмертіи души ²⁾.

Мы прослѣдили исторію жизни Аполлонія, какъ разказывается она у Филострата; въ ней частію уже обрисовывается предъ нами его личность. Постараемся всмотрѣться теперь внимательнѣе въ тѣ черты, которыя наиболѣе въ ней выдаются, оставаясь опять строго вѣрными повѣствованію Филострата.

Филостратъ не рисуетъ намъ вышняго вида Аполлонія, но при всякомъ случаѣ онъ даетъ понять, что предъ нами человекъ художественно-прекрасной наружности. Мальчикомъ онъ былъ такъ прекрасенъ, что на него обращались взоры всѣхъ ³⁾; когда онъ сдѣлался юношей, его красота возбуждала противоестественныя чувства у людей, развращенныхъ нравственно ⁴⁾; даже старѣя, онъ оставался строенъ и былъ пріятнѣе юношей ⁵⁾. Отъ образа Аполлонія Филостратъ ревниво устраняетъ все, что можетъ вызвать непріятное чувство: говоря напримѣръ, о пятилѣтнемъ молчаніи Аполлонія, Фило-

¹⁾ Ibid. l. VIII, c. 29—30, p. 368—370, c. 31, p. 371.

²⁾ Ibid. l. VIII, c. 31, p. 370—371.

³⁾ Ibid. l. I, c. 7, p. 8.

⁴⁾ Ibid. l. I, c. 12, p. 13.

⁵⁾ Ibid. l. VIII, c. 29, p. 369.

страть спѣшить замѣтить, что и въ этотъ періодъ онъ умѣлъ сохранить пріятность въ обращеніи: его глаза, его рука, киваніе головы давали попитный отвѣтъ на слова, къ нему обращенныя ¹⁾.

Съ красотой тѣлесною въ мудрецѣ Тіанскомъ соединилось высокое развитіе душевныхъ способностей, которыми щедро онъ былъ надѣленъ отъ природы. Самою выдающеюся наклонностію въ жизни Аполлонія было стремленіе къ знанію: оно влечетъ его въ его далекія странствія на берега Евфрата и Ганга, на берега Нила и къ Столпамъ Геркулесовымъ. И проходя городами Греціи и Іоніи, онъ является не учителемъ только: всюду онъ старается узнать что-либо ему еще неизвѣстное, всюду ищетъ заслуживающаго вниманія. Прежде всего его вниманіе останавливается на предметахъ религіознаго свойства, на всемъ, что способствуетъ религіозному знанію. Но этимъ знаніемъ никакъ не ограничиваются его стремленія: все, выходящее изъ обыкновеннаго ряда событій, въ состояніи возбудить его любознательность. Не вопросы только религіознаго свойства предлагаетъ онъ браминамъ; онъ хочетъ знать ихъ мнѣніе и о стихіяхъ, и о сравнительной величинѣ земли и моря; онъ спрашиваетъ ихъ и о чудовищномъ животномъ мартихорѣ, и о золотой водѣ, и о камнѣ, дѣйствующемъ какъ магнитъ, и о подземныхъ людяхъ, и о пигмеехъ, и о скіаподахъ ²⁾; не однѣ религіозныя бесѣды ведетъ онъ и съ египетскими гимнософистами; не религіозныя потребности заставляютъ его многократно переплывать Нилъ и изучать, чтò въ немъ заключается, или углубляться въ Африку къ таинственнымъ его истокамъ; не о загробной жизни, а объ историческихъ мелочахъ троянскихъ событій спрашиваетъ онъ Ахилла, нарочно вызваннаго имъ изъ царства мертвыхъ. Какая религіозная нужда могла бы заставить его изучать языкъ животныхъ? Замѣчательно, что когда еще онъ былъ юношей, онъ превратилъ, по замѣчанію его біографа, храмъ Эскулапа въ лицей и академію, такъ какъ въ храмѣ слышался отголосокъ всякой философіи ³⁾. Прежде всего Аполлоній—философъ въ томъ самомъ широкомъ значеніи этого слова, какое имѣло оно въ этотъ періодъ философіи. Какъ философъ, онъ долженъ былъ сосредоточить въ себѣ все интеллектуальное развитіе времени, всю существующую массу знанія; его обязанностію было о всемъ судить

¹⁾ Ibid. I. I, с. 14, р. 17.

²⁾ Ibid. I. III, с. 34, р. 124—122, с. 37, р. 127, с. 45—47, р. 132—134.

³⁾ Ibid. I. I, с. 13, р. 14.

основательнѣе всѣхъ. На дѣлѣ таковъ онъ и есть: пѣтъ предмета, о которомъ затруднился бы онъ высказать свое рѣшеніе и рѣшеніе самое компетентное, самое основательное. Не станемъ говорить о предметахъ религіознаго и собственно философскаго свойства: они составляли, такъ сказать, его ближайшую спеціальность. Но то же видимъ и во всемъ другомъ. Онъ не затрудняется рѣшить запутанное юридическое дѣло, въ разрѣшеніи котораго недоумѣваетъ царь, постоянно занимавшійся рѣшеніемъ тяжбъ ¹⁾. Онъ подаетъ мудрыя политическія совѣты и притомъ въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ и царю Вавилонскому и спартацямъ и Веспасіану ²⁾. Съ увѣренностію знатока анализируетъ онъ условія живописи и дѣйствіе ея на человѣка, разсуждаетъ о способахъ пѣнія гимновъ и ихъ происхожденіи, беретъ толковать наблюдаемыя факты изъ жизни живогныхъ и объяснять замѣчательныя явленія въ природѣ, разсуждаетъ даже о результатахъ и объ условіяхъ художественной игры на флейтѣ ³⁾.

Во всякомъ случаѣ, центромъ, около котораго группировалось все знаніе Аполлонія, была религіозно-философская система; на вопросъ о своей мудрости онъ самъ отвѣчаетъ, что она учитъ познавать боговъ и разумѣть людей ⁴⁾. Въ своихъ религіозно-философскихъ представленіяхъ онъ какъ философъ возвышался надъ ходичными воззрѣніями. Его учителя, брамины признаютъ, что міръ въ цѣломъ его составѣ есть живое существо (ξῶον), такъ какъ онъ рождаетъ все живущее. Это живое существо соединяетъ въ себѣ оба пола, есть вмѣстѣ отецъ и мать, и соединяясь само съ собою, болѣе преисполнено любви къ самому себѣ, чѣмъ какія бы то ни было два существа одинъ къ другому. Оно составлено изъ пяти одинаково вѣчныхъ элементовъ: изъ воды, воздуха, земли, огня и эфира; изъ эфира происходятъ боги. Все въ этомъ огромномъ существѣ новинуетъ одному уму, подъ управленіемъ котораго стоятъ многіе частныя распорядители. Верховный умъ есть высшій Богъ, и Его благость есть основаніе Его мірообразовательной дѣятельности. Низшихъ боговъ, частныхъ распорядителей много на небѣ, много въ морѣ, много въ

¹⁾ Ibid. I, II, с. 39, р. 91—92.

²⁾ Ibid. I, I, с. 38, р. 46—47; I, VI, с. 33, 173—174; I, V, с. 35—36, р. 219—221.

³⁾ Ibid. I, I, с. 30, р. 37—39; I, II, с. 11, р. 59—61, с. 14, р. 64—66. с. 22, р. 73—76; I, V, с. 17, р. 201—202, с. 21, р. 204—205.

⁴⁾ Ibid. I, IV, с. 44, р. 185.

рѣкахъ и источникахъ, много и на землѣ; но всѣ они исполняютъ повелѣнія одного, который называется родителемъ этого живаго существа; Аполлоній отождествлялъ его, конечно, съ Зевсомъ, котораго также называетъ отцемъ людей и боговъ, устройтелемъ всего, что вокругъ насъ и надъ нами ¹⁾). Съ этимъ представленіемъ о божествѣ соединялся у нашего философа культъ солнцу, къ которому ежедневно была обращена его утреннія молитва ²⁾). Причина поклоненія солнцу понятна: солнце представляетъ наибольшее видимое нами скопленіе того свѣтоваго эфира, въ которомъ Аполлоній полагалъ природу божественнаго. Боговъ вообще мудрецъ Тіанскій называетъ владыками людей и признаетъ, что они на столько возвышены надъ людьми, что между богами и людьми вовсе невозможно такое близкое общеніе, какое предполагали поэты, разказывая, напримеръ, о бракахъ между ними; поэтому къ представленіямъ поэтовъ о богахъ онъ относится постоянно скептически и даже прямо обличаетъ поэтовъ въ усвоеніи богамъ поступковъ, не соответствующихъ ихъ природѣ, безнравственныхъ, соблазнительныхъ ³⁾). Вообще Аполлоній стоитъ высоко надъ народными чувственными представленіями о богахъ. Конечно, нельзя придавать особой важности тому, что изображенія у Египтянъ боговъ въ формѣ животныхъ кажутся ему безмысленными, смѣшными, унижающими достоинство божества; они должны были казаться такими большинству Грековъ. Болѣе важно, если онъ утверждаетъ, что лучше было бы Египтянамъ не вносить въ храмы никакихъ изображеній, а представленіе боговъ предостанить воображенію молящихся, такъ какъ есть вещи, которыя душа воображаетъ лучше всякаго образа, созданнаго искусствомъ ⁴⁾). Еще лучше характеризуется его возвышенное представленіе о божествѣ убѣжденіемъ, что къ божеству нельзя приблизиться никакимъ путемъ возвышенія внѣшняго. Переходя самую вершину Кавказа, онъ спрашивалъ Дамиса: понялъ ли онъ что-нибудь болѣе прежняго относительно божественнаго, находясь въ такой близости къ небу? „Относительно божественнаго“, отвѣчалъ Дамисъ, — „я знаю сегодня столько же, сколько

¹⁾ Ibid. I. III, с. 34—35, р. 124—127; I. IV, с. 30 р. 170; I. VIII, с. 7, р. 337.

²⁾ Ibid. I. VI, с. 10, р. 237.

³⁾ Ibid. I. IV, с. 31, р. 171; I. V, с. 14, р. 198 — 199; I. VI, с. 40, р. 276; I. VII, с. 26, р. 307. Эзопу Аполлоній даетъ преимущество предъ поэтами за правдоучительность его разказовъ и за то, что изъ его басенъ вымыселъ очевиденъ и не можетъ быть принятъ за истину. См. I. V, с. 14, р. 198—199.

⁴⁾ Ibid. I. VI, с. 19, р. 255—257.

зналъ и вчера; схожу съ одной изъ высочайшихъ горъ, ничуть не сдѣлавшись мудрѣе". Такъ и должно быть, думаетъ Аполлоній; — можетъ быть, съ такихъ высотъ болѣе голубымъ покажется небо, больше будутъ звѣзды и солнце на восходѣ, но „какъ боги заботятся о родѣ человѣческомъ, и какъ радуются они, когда люди служатъ имъ, что такое добродѣтель и что справедливость и умѣренность, — этого не покажетъ ни гора Аеонъ возшедшимъ на нее, ни прославленный поэтами Олимпъ, если не визнаетъ того душа" ¹⁾. И угодить Богу можно только добродѣтельною жизнію; порочные не приблизятся къ божеству, хотя бы припесли ему въ жертву всѣ сокровища міра, такъ какъ жертва приносится ими не изъ богопочтенія, а чтобъ откупиться отъ наказанія. Впрочемъ, представленія Аполлонія о богахъ не были вполне свободны отъ антропоморфизма: онъ не отрицалъ, напротивъ, того, что форма боговъ похожа на форму людей, не отрицалъ также браковъ между богами ²⁾.

Наиболѣе важный пунктъ въ философско-религіозномъ ученіи Аполлонія составляетъ его взглядъ на душу. Души причастны эфиру, изъ котораго состоитъ природа боговъ, хотя и не въ одинаковой степени ³⁾; поэтому у души есть нѣкоторое сродство съ богами, и вслѣдствіе этого сродства одинъ человѣкъ изъ всѣхъ животныхъ знаетъ бога и философствуетъ о своей природѣ. Добродѣтели всего болѣе сближаютъ человѣка съ богами ⁴⁾. Бытіе души никакъ не ограничивается существованіемъ ея въ этомъ тѣлѣ: по общему закону все, дышащее воздухомъ, смертно, а дышащее эфиромъ, — бессмертно и божественно ⁵⁾. Нашъ философъ вѣрилъ, что души людей, живущихъ теперь, жили ужъ и прежде частію въ человѣческомъ же тѣлѣ, частію въ тѣлахъ животныхъ; люди, болѣе близкіе къ Богу, могутъ даже, по его мнѣнію, вспоминать о своей прежней жизни: онъ самъ, подобно Пифагору и Іархасу, главѣ браминовъ, зналъ прежнюю участь своей души; въ прежней жизни онъ былъ управите-

¹⁾ Ibid. I. II, с. 5, р. 52—54. Въ противорѣчіе съ этимъ I. VI, с. 11, р. 244. Аполлоній утверждаетъ, что живущіе ближе къ чистому солнечному свѣту въ Индіи должны быть выше по своему разумнію и имѣть болѣе истинныя представленія о Богѣ и мірѣ, какъ болѣе близкіе къ Богу и живущіе подлѣ самыхъ началъ животворящей и теплой сущности.

²⁾ Ibid. I. I, с. 11, р. 12—13; I. VIII, с. 7, р. 336; I. VI, с. 40, р. 276.

³⁾ Ibid. I. I, с. 8, р. 10 сл.; I. III, с. 42, р. 131.

⁴⁾ Ibid. I. VIII, с. 7, р. 336—337.

⁵⁾ Ibid. I. III, с. 34, р. 125.

лемъ одного египетскаго корабля, и не поддавшись подкупу морскихъ разбойниковъ, успѣлъ спасти отъ нихъ корабль; онъ могъ узнавать странствованіе и другихъ душъ по тѣламъ: такъ, увидавъ ручнаго льва, онъ понялъ, что въ немъ заключена душа одного изъ египетскихъ царей ¹⁾. Не ограничивается жизнь души и переселеніями изъ одного тѣла въ другое. На этомъ пунктѣ философіи Аполлонія переходитъ въ рѣзкій дуализмъ. Жизнь въ тѣлѣ есть, по его мнѣнію, стѣсненіе для души. Мы люди, говоритъ онъ,—находимся въ темницѣ все то время, которое называется жизнью, потому что душа, связанная съ смертнымъ тѣломъ, многое терпитъ, рабствуетъ предъ всѣмъ, что постигаетъ человѣка. А освободившись отъ узъ тѣла, она смѣшивается съ чистымъ эфиромъ ²⁾. Въ жизни человѣка, какъ и во всѣхъ событіяхъ природы, господствуютъ опредѣленія судебъ и необходимости, сила которыхъ непобѣдима, и которыхъ предотвратить нельзя. Впрочемъ, рѣшенія судебъ, съ точки зрѣнія Аполлонія, были запечатлѣны разумно-правственнымъ характеромъ: разрушительныя явленія природы, напримѣръ, представляются наказаніемъ человѣческой несправедливости, и нужно думать, что судьба и необходимость вообще служили въ этой системѣ выраженіемъ міроуправляющей дѣятельности божества ³⁾.

Одного изъ самыхъ характеристическихъ ученій пифагореизма, ученія о метафизическомъ значеніи чиселъ, здѣсь почти нѣтъ и слѣда; единственное мѣсто, которое касается пифагорейскаго взгляда на числа, направлено, по видимому, противъ этого взгляда: Іархасъ, глава браминовъ, разъясняя недоумѣніе Аполлонія, находившаго, что число браминовъ не отвѣчаетъ ни одному изъ чиселъ наиболѣе важныхъ, замѣчаетъ, что ни мы не служимъ числу, ни число намъ, а цѣну мы имѣемъ соотвѣтственно нашей мудрости и добродѣтели ⁴⁾.

Въ вопросахъ общей нравственности взгляды мудреца Тіанскаго не представляютъ какихъ-нибудь замѣчательныхъ особенностей. Только взглядъ на справедливость, который находитъ онъ у Индійцевъ и

¹⁾ Ibid. I. III, с. 23—24, р. 113—115; I. V, с. 42, р. 225—227.

²⁾ Ibid. I. VII, с. 26, р. 306; I. VIII, с. 31, р. 371.

³⁾ Ibid. I. III, с. 34—35, р. 126—127; I. VIII, с. 7, р. 351—332. Филостратъ даже защиту Аполлонія противъ упрека въ чародѣйствѣ, между прочимъ, основываетъ на томъ, что чародѣи берутъ на себя перемѣнять рѣшенія судебъ, Аполлоній же слѣдовалъ рѣшеніямъ судебъ, предсказывая лишь, что они необходимо сбудутся. I. V, с. 12, р. 196—197.

⁴⁾ Ibid. I. III, с. 30, р. 119—120.

Египтянъ, и съ которымъ соглашается самъ, представляетъ, по видимому, нѣкоторую оригинальность. Справедливымъ, по этому учению, еще нельзя назвать того, кто не поступаетъ несправедливо, подобно тому какъ благоразуміе не состоитъ въ томъ, чтобы не замышлять чего-нибудь безразсудно, или мужество не состоитъ въ томъ, чтобы не оставлять строя, или цѣломудріе не состоитъ въ томъ, чтобы не впадать въ прелюбодѣяніе; не оказаться дурнымъ еще не значитъ заслужить похвалу. Однако, точное, положительное опредѣленіе справедливости учителямъ Аполлоніа не удается. Теспесіонъ, глава гимнасофистовъ, ограничивается простымъ тожесловіемъ, утверждая, что справедливъ тотъ, кто дѣлаетъ справедливое самъ и служитъ причиною того, что другіе не дѣлаютъ несправедливостей; сущность справедливости не дѣлается исиѣе и тогда, когда онъ называетъ ее матерью другихъ добродѣтелей, положительною причиною правды на судѣ, мудраго законодательства и пр.; не много объясняется она и на примѣрѣ Аристиды, котораго, по мнѣнію Теспесіона, слѣдуетъ назвать справедливымъ не за то, что онъ бѣднякомъ воротился въ отечество отъ союзниковъ, между которыми распредѣлялъ налоги, а за то, что назначилъ налоги умѣренныя, соотвѣтствующіе силамъ cadaго ¹⁾).

Философія не была для Аполлоніа только наукой, знаніемъ; къ ней существенно относилась гармонія дѣятельности съ воззрѣніями, опредѣленный складъ жизни и нравственнаго характера. Аполлоній хотѣлъ быть пифагорейцемъ, а пифагорейзмъ съ самой глубокой древности выступалъ какъ философія съ преобладающимъ практическимъ направленіемъ, съ цѣлою системой практически-нравственныхъ требованій отъ своихъ послѣдователей. Слѣдую требованіямъ пифагорейзма, нашъ философъ отказывается отъ животной пици какъ нечистой и отягощающей умъ, отъ принесенія животныхъ въ жертву, отъ употребленія даже шерсти животныхъ на одежду; такія лишенія онъ самъ объясняетъ стремленіемъ къ болѣе кроткому обращенію съ животными ²⁾), которое, въ свою очередь, было естественнымъ выводомъ изъ ученія о переселеніи человѣческихъ душъ въ тѣла животныхъ. Пица Аполлоніа состояла лишь изъ хлѣба, плодовъ и овощей; по и изъ овощей онъ неохотно ѣлъ вырощенныя въ садахъ и предпочиталъ имъ тѣ, которыя растутъ безъ всякаго ухода челове-

¹⁾ Ibid. I. III, с. 25, р. 115; I. VI, с. 21, р. 261—264.

²⁾ Ibid. I. I, с. 8, р. 9—10; I. VIII, с. 7, р. 332—333.

саго. Онъ нилъ только воду и не употреблялъ вина, такъ какъ, по его мнѣнію, оно нарушаетъ нормальное состояніе ума, извращаетъ наши сужденія, дѣлаетъ ненормальнымъ нашъ сонъ и издавна считалось препятствіемъ къ полученію предсказаній отъ божества ¹⁾. Одежду носилъ онъ изъ льна, ходилъ босой, носилъ бороду: онъ считалъ несправедливымъ вводить желѣзо туда, гдѣ всѣ источники чувствъ, откуда идутъ молитвы и слово — толкователь мудрости ²⁾. Изможденный видъ, особенность одежды, волоса, покрывающія нижнюю часть лица, все это придавало ему вполнѣдствіи тотъ суровый и необыкновенный видъ, который изумлялъ и даже приводилъ въ страхъ людей извѣженныхъ и преданныхъ чувственности. Аполлопій не былъ жепать; отличаясь высокимъ цѣломудріемъ, онъ былъ далеко отъ всякихъ плотскихъ наслажденій ³⁾. Едва ли нужно разъяснять, что весь этотъ аскетическій образъ жизни вполнѣ отвѣчалъ его взгляду на тѣло какъ на темницу для духа, дуализму его философіи. Самый порядокъ его дневныхъ занятій выходилъ изъ принципа противоположности божественнаго и духовнаго человѣческому и тѣлесному. При восходѣ солнца, — такъ описываетъ Филостратъ образъ его жизни послѣ періода молчанія, — онъ совершалъ нѣчто, чтѣ открывалъ только тѣмъ, которые четыре года подлизались въ молчаніи; въ слѣдующее затѣмъ время, если городъ былъ греческій, и священнодѣйствія извѣстныя, созывалъ жрецовъ, философствовалъ о богахъ и исправлялъ, если замѣчалъ какое либо отступленіе отъ постановленій; если же святили была не греческая, и религиозные обряды не похожи на принятые, то спрашивалъ, кѣмъ они учреждены, съ какою цѣлію, какъ совершаются, давая впрочемъ совѣты и съ своей стороны; послѣ того проводилъ время съ учениками, отвѣчая на ихъ вопросы, и затѣмъ бесѣдовалъ съ народомъ уже не ранѣе полудня; по окончаніи всѣхъ этихъ занятій, онъ натирался масломъ и опускался въ холодную воду. Указывая на этотъ порядокъ своей жизни, онъ говорилъ: кто хочетъ философствовать такъ какъ онъ, тотъ долженъ на зарѣ быть въ общеніи съ Богомъ, позднѣе разсуждать о богахъ, еще позднѣе о дѣлахъ человѣческихъ ⁴⁾.

Ограничивая до крайности свои тѣлесныя потребности, мудрецъ

¹⁾ Ibid. I. I, с. 8, р. 10, с. 21, р. 27; I. II, с. 36—37, р. 88—90.

²⁾ Ibid. I. VIII, с. 7, р. 335.

³⁾ Ibid. I. I, с. 13, р. 15—16.

⁴⁾ Ibid. I. I, с. 16, р. 20.

Тіанскій имѣлъ право сказать, что онъ нуждается только въ хлѣбѣ и овощахъ ¹⁾. Не нуждается ни въ чемъ,—въ этомъ состояло, по его словамъ, все его богатство, объ этомъ возносилаь его обычная молитва: Боги, дайте миѣ имѣть мало и не нуждаться ни въ чемъ ²⁾. Онъ зналъ, что всякое приобрѣтеніе даетъ возможность служить тѣлу и даетъ поводъ другимъ предполагать въ мудреца существованіе страстей, на удовлетвореніе которыхъ идетъ то, что приобрѣтается; вотъ почему онъ молилъ боговъ, чтобы мудрецы были бѣдняками; вотъ почему, когда Дамисъ намекаетъ ему на необходимость для нихъ воспользоваться дарами царя Вавилонскаго, Аполлоній говоритъ: „Я думаю, что мужъ мудрый подвергается большимъ опасностямъ, чѣмъ пловцы и воины; зависть слѣдитъ за всякимъ поступкомъ его; по всякій проступокъ скорѣе простятъ ему, чѣмъ любостыжаніе; обвиненіемъ стяжанія всегда скажутъ, что онъ не подпалъ бы этому пороку, еслибы не былъ предавъ удовольствіямъ чрева, нарядамъ, похотямъ“ ³⁾. Какого полнѣйшаго равнодушія достигъ онъ ко всякому блеску и великолѣпію внѣшнему, всего лучше доказываетъ описанная его біографомъ сцена появленія его въ первый разъ во дворцѣ царя вавилонскаго: здѣсь, среди толпы, его сопровождающей, среди роскоши и блеска, его окружающаго, онъ, ни на что не обращая вниманія, ничего не замѣчая, спокойно продолжаетъ разговоръ съ своимъ ученикомъ о самомъ незначительномъ предметѣ ⁴⁾. И не только ко всему, что доставляетъ какія-либо удобства или удовольствія тѣлу, но и къ самому тѣлу онъ относится съ тѣмъ же совершеннымъ равнодушіемъ. Отсюда пренебреженіе къ страданіямъ тѣлеснымъ и всякаго рода опасностямъ. Когда онъ былъ окованъ въ темницѣ, его спрашивали, какъ ноги его терпятъ оковы? „Не знаю“, отвѣчалъ мудрецъ,—„потому что умъ занятъ другимъ“. Умъ у человѣка, подобнаго ему, думалъ онъ,—или вовсе не будетъ чувствовать скорби, или будетъ подавлять ее ⁵⁾. Вся жизнь его служить живымъ свидѣтельствомъ презрѣнія его къ тѣлеснымъ опасностямъ: безстрашно совершаетъ онъ свои путешествія чрезъ варварскія и разбойничьи племена, не находившіяся даже въ подданствѣ у Римлянъ; смѣло и съ

¹⁾ Ibid. l. I, c. 36, p. 45.

²⁾ Ibid. l. I, c. 34, p. 42; l. VIII, c. 7, p. 344.

³⁾ Ibid. l. I, c. 35, p. 43—44; l. IV, c. 40, p. 181.

⁴⁾ Ibid. l. I, c. 30, p. 37—39.

⁵⁾ Ibid. l. VII, c. 36, p. 315.

сознаніємъ своего достоинства отвѣчаетъ, при вступленіи въ Вавилонское царство, вавилонскому сатрану, который привыкъ, конечно, встрѣчать раболѣпную покорность и имѣлъ возможность подвергнуть его всяческому изъязаніямъ ¹⁾; безъ боязни идетъ онъ въ Римъ во время правленія Нерона; спокойно и съ достоинствомъ предстоить онъ, наконецъ, предъ Домиціаномъ и на частномъ допросѣ и на судѣ.

Само собою понятно, что черты нравственной жизни Аполлонія не изчерпывались тѣми ея особенностями, которыя стояли въ тѣсной связи съ его философскимъ міросозерцаніемъ. Онъ былъ образцомъ добродѣтельной жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Возьмемъ ли отношеніе его къ друзьямъ? Довольно вспомнить важнѣйшую катастрофу въ его жизни, чтобъ убѣдиться, до какого самоотверженія доходила его преданность имъ. Обратимъ ли вниманіе на обращеніе его съ его учениками: мы видимъ, что не оскудѣваетъ слово его, чтобъ учить ихъ; если приходится ему сдѣлать упрекъ своему ученику, этотъ упрекъ никогда не бываетъ жестокъ ²⁾; наконецъ, онъ заботливо предусматриваетъ опасности, угрожающія кому либо изъ его послѣдователей и устраняетъ ихъ ³⁾. Внимателенъ онъ и къ рабамъ, которые слѣдовали за нимъ или за его учениками въ ихъ путешествіяхъ; прислуживавшихъ ему рабовъ и рабынь онъ отпустилъ даже на волю, кромѣ одной; но относительно ея онъ предвидѣлъ, что рабство будетъ причиной ея счастья, какъ это и оправдалось впоследствии ⁴⁾. Сострадателенъ онъ и къ несчастнымъ, заключеннымъ въ темницу: онъ понимаетъ, что люди, находящіеся въ уныніи, всего болѣе нуждаются въ томъ, чтобы философъ пришелъ къ нимъ съ своею врачующею бесѣдой ⁵⁾. Наконецъ, онъ умѣренъ и въ отношеніи къ своимъ врагамъ: въ то время, какъ они панадаютъ на него съ гнѣвомъ и бранью, онъ относится къ нимъ какъ прилично философу, стараясь подѣйствовать доводами ⁶⁾. Его высокія качества: простота, серьезность, спокойствіе особенно выступаютъ, когда онъ является въ качествѣ народнаго учителя. Правда, проповѣдуя народу, онъ удивляетъ не мыслями только, но и формами слова, но это никакъ не значитъ, чтобъ онъ допускалъ витіеватость, напыщен-

¹⁾ Ibid. I. I, с. 20—21, р. 25—26.

²⁾ Ibid. I. I, с. 35, р. 44; I. II, с. 22, р. 74.

³⁾ Ibid. I. IV, с. 25, р. 163—166.

⁴⁾ Ibid. I. IV, с. 34, р. 174; I. VIII, с. 30, р. 369.

⁵⁾ Ibid. I. VII, с. 22, р. 302.

⁶⁾ Ibid. I. V, с. 39, р. 224.

пость, папускную экзальтацію. Наоборотъ, по увѣреніямъ его біографа, всякія излишества рѣчи были ему чужды. Его рѣчи, очевидно, произносились безъ приготовленія: часто онъ пользуется случайно бросившимся въ глаза предметомъ, чтобы примѣнить его къ назиданію слушателей. Его сужденія были тверды; онъ высказывалъ ихъ опредѣленно, кратко, въ выраженіяхъ точныхъ и вполнѣ отвѣчающихъ дѣлу; выражался будто съ трепожника: я знаю, по моему мнѣнію и т. под. И такая форма рѣчи для него вовсе не была случайностию: „Мудрецъ“, говорилъ онъ самъ,—„долженъ разсуждать какъ законодатель; въ чемъ убѣдился законодатель самъ, то онъ долженъ передавать многимъ какъ повелѣніе“¹⁾.

Какъ философъ, Аполлоній хотѣлъ быть разумнымъ, созпательнымъ дѣятелемъ въ своей нравственной жизни; онъ не ограничивался буквальнымъ исполненіемъ того или другаго требованія, но старался согласовать свою дѣятельность съ внутреннимъ смысломъ принятаго правила. Царь Вавилонскій однажды приглашалъ его участвовать на охотѣ; обѣта не бывать на охотѣ Аполлоній, конечно, не давалъ; по то сострадательное отношеніе къ животному міру, которое было естественнымъ выводомъ изъ его философскихъ взглядовъ на жизнь души, очевидно, парушалось содержаніемъ звѣрей въ звѣринцѣ ради охоты и самою охотою, и это служило достаточнымъ основаніемъ для нашего мудреца отказать быть зрителемъ охоты²⁾. Обѣтъ не употреблять вина могъ буквально относиться только къ соку виноградному; на этомъ основаніи Дамисъ думалъ, что утомленный путешествіемъ Аполлоній имѣетъ право подкрѣпиться наркотическимъ питьемъ, которое Индійцы добываютъ изъ финиковъ. „Еслибы добрые Индійцы предложили намъ свои деньги“, отвѣчалъ на это философъ,—„я отвергнулъ бы ихъ, сталъ ли бы ты, Дамисъ, вразумлять меня и учить, что деньгами называется то, что чеканятъ Римляне и царь Мидійскій, а это другою матеріалъ, измышленный Индійцами“? Пьянство бывасть у людей не отъ винограднаго только вина, но равномѣрно неистовствуютъ они и отъ вина, полученнаго изъ финиковъ³⁾; а между тѣмъ тотъ же самый Аполлоній рѣшается выпить вина за столомъ браминовъ,

¹⁾ Ibid. I, I, с. 17, р. 21—22. Примѣры сравненій, взятыхъ отъ предметовъ, случайно бросившихся въ глаза, можно найдти I, IV, с. 3, р. 141—142, с. 9, р. 146.

²⁾ Ibid. I, I, с. 38, р. 46.

³⁾ Ibid. I, II, с. 7, р. 54—56.

когда было предложено пить во имя дружбы ¹⁾. Желая въ своей нравственной жизни поступать разумно, сознательно, Аполлоній не хотѣлъ допустить, чтобы побужденіями въ его дѣятельности были какіе-либо виѣшніе мотивы; онъ хотѣлъ руководиться сознаниемъ внутренняго достоинства поступка, требованіями нравственнаго чувства. „Ты, можешь быть, думаешь“,—такъ укорялъ онъ Дамиса за совѣтъ неосторожнѣй,—„что погрѣшить въ Вавилонѣ менѣе важно, чѣмъ въ Афинахъ или на Олимпійскихъ играхъ, или въ Дельфахъ, а не обращаешь вниманія на то, что для мужа мудраго всюду Элада, и нѣтъ пустыни или страны варварской, такъ какъ онъ проводитъ жизнь подѣ надзоромъ добродѣтели, которая наблюдаетъ, правда, за немногими людьми, но за то за ними смотритъ въ десятки тысячъ глазъ“ ²⁾. Мудрецъ, по его мнѣнію, не дѣлаетъ ничего частнымъ образомъ, въ совершенномъ уединеніи; даже при внутреннихъ процессахъ своей мысли онъ не остается вполне безъ свидѣтелей, такъ какъ всегда самъ сопредусутствуетъ самому себѣ. Судъ собственной совѣсти съ ея спокойствіемъ и одобреніемъ при совершеніи добраго, съ ея мученіями и укорами при совершеніи дурнаго представляетъ въ его глазахъ достаточный мотивъ не переступать пути добродѣтели, какой бы опасности онъ за то ни подвергался ³⁾. Разумно и сознательно припятый образъ жизни, избраннныя занятія становятся также для мудреца долгомъ, которому онъ не измѣнитъ при всѣхъ мученіяхъ пытки, при всѣхъ угрозахъ смерти. Аполлонію даже кажется, что мудрецу всего естественнѣе умереть за свободу избранннй имъ образъ жизни; за гражданскую свободу предписываетъ умереть законъ, за людей, близкихъ сердцу, заставляеть умереть природа; за то и другое умереть мудрецъ, по умереть и каждый чело-вѣкъ; слѣдуя побужденіямъ разумно-сознательнымъ, мудрецъ долженъ быть готовъ умереть и за то, за что умирать не принуждаютъ ни законъ, ни природа ⁴⁾.

Философія въ глазахъ Аполлопіа должна была не устанавливать только принципы для жизни, не указывать только ея цѣли; она должна была регулировать всѣ стороны дѣятельности, полагать печать сознательной разумности на каждое дѣйствіе. Философъ все дѣ-

¹⁾ Ibid. I. III, с. 32, р. 123.

²⁾ Ibid. I. I, с. 35, р. 44.

³⁾ Ibid. I. VII, с. 14, р. 294—295.

⁴⁾ Ibid. I. VII, с. 14, р. 291—292.

ласть съ размышленіемъ, ни на что не рѣшается, что не было бы всесторонне обсужено мыслию. Когда разсудительность не направлена исключительно на предметы религіознаго и нравственнаго свойства, когда она простирается и на тѣ стороны дѣятельности, въ которыхъ человѣкъ можетъ руководиться лишь принципомъ полезнаго, тогда она превращается въ практическое благоразуміе. Это качество можно замѣтить и въ Аполлоніѣ. Между средствами онъ всегда умѣетъ выбрать наиболѣе надежное для достиженія цѣли; тамъ, гдѣ слишкомъ трудно достигнуть цѣлей самыхъ желательныхъ, онъ умѣетъ ограничивать свои желанія тѣмъ, что практически достижимо. Съ истинно-дипломатическимъ искусствомъ ведетъ онъ, на примѣръ, дѣло обращенія на путь истинный своего старшаго брата: онъ открыто заявляетъ, что это показалось бы дерзостію, еслибъ онъ задался цѣлію вразумить старшаго; затѣмъ, приступаетъ къ брату съ скромнымъ желаніемъ: „Отецъ нашъ, воспитывавшій и наставлявшій насъ“, говоритъ онъ,—умеръ; остались такимъ образомъ мы другъ съ другомъ; поэтому, если я погрѣшу въ чемъ-нибудь, будь совѣтникомъ и врачуй мои немощи; если же ты самъ въ чемъ погрѣшишь, прійми мое пазиданіе“. Такимъ путемъ, прибавляетъ биографъ, онъ приобрѣлъ довѣріе брата и исправилъ его ¹⁾. Возьмемъ другой примѣръ. Евфратъ и Діонъ въ его присутствіи совѣтовали Веспасіану не захватывать власть въ свои руки, но или учредить республику, или передать рѣшеніе вопроса о формѣ правленія народу; такой совѣтъ не поправился Веспасіану. Аполлоній принялъ сторону императора: совѣты Діона и Евфрата, разсуждалъ онъ,—годились бы, еслибы на мѣстѣ Веспасіана былъ философъ, а не человѣкъ, привыкшій къ власти, которому грозитъ смерть за отказъ отъ нея; къ тому же, отказываясь отъ власти, онъ можетъ вооружить противъ себя дѣтей; наконецъ, правленіе одного, если оно согласуется съ общею пользою, есть тоже демократическое ²⁾. Не можемъ не привести здѣсь также характеристическихъ словъ его Спартапцамъ, когда они спорили о томъ, просить ли императора о списхожденіи, или смѣло отвѣчать ему на его письменные укоры: „Паламедъ изобрѣлъ письмена“, сказалъ Аполлоній,—„не за тѣмъ только чтобы писать, но и затѣмъ, чтобы знать, чего не должно писать“ ³⁾. Не совсѣмъ благовидный

¹⁾ Ibid. l. I, c. 13, p. 14—15.

²⁾ Ibid. l. V, c. 33—35, p. 215—218.

³⁾ Ibid. l. IV, c. 33, p. 173.

оттѣнокъ получастъ практическое благоразуміе Аполлоніи въ написанной имъ, по свидѣтельству Филострата, но не произнесенной аполлогіи: здѣсь онъ рѣшается прямо перетолковывать смыслъ своихъ рѣзкихъ словъ, сказанныхъ предъ статуей Домиціана, и желаетъ отстранить отъ себя всякое подозрѣніе въ злонамѣренныхъ дѣйствіяхъ противъ императора ¹⁾. Не менѣе неприятно поражаетъ и еще случай изъ жизни Аполлонія, передаваемый его біографомъ. Во время жизни его въ Вавилонѣ одинъ евпухъ обличенъ былъ въ преступной связи съ одной изъ женъ царя; царь предложилъ Аполлонію назначить наказаніе. „Пусть живетъ“, рѣшилъ Аполлоній. Царь возмутился такимъ рѣшеніемъ. „Не ради прощенія высказалъ я такое мнѣніе“, отвѣчалъ Аполлоній,—но ради наказанія, которое будетъ мучить его, такъ какъ, если будетъ жить, оставаясь больнымъ и желая невозможнаго, не будутъ радовать его ни пища, ни нитье, ни зрѣлища, которыми увоселяешься ты съ своими домашними; часто будетъ онъ вскакивать отъ сна влѣдствіе біенія сердца. И какаѣ чахотка въ такой степени могла бѣ изнурить его? Какая зараза такъ разрушила бы внутренности? Если онъ не особенно любитъ жизнь, то онъ будетъ когда-нибудь молить тебя, царь, убить его или умертвить самъ себя, горько оплакивая нынѣшній день, что не умеръ теперь же“. Послѣ такой разумной и кроткой (sic!) рѣчи Аполлонія, замѣчастъ Филостратъ,—царь освободилъ евнуха отъ смертной казни ²⁾.

Одной добродѣтели мы не найдемъ и слѣда въ Аполлоніи, той, которая на языкѣ религіи называется смиренпомудріемъ, и которая состоитъ въ живомъ сознаніи скромнаго мѣста, которое каждый занимаетъ въ бытіи. Аполлоній хотѣлъ быть вполне питомцемъ мудрости, а истинной мудрости придавалъ онъ высокую цѣну. Она вышалаась въ его глазахъ надъ всѣми искусствами и науками уже тѣмъ, что была чиста отъ всякихъ корыстныхъ побужденій ³⁾. Философіи дала ему знаніе, которому онъ вѣрилъ искренно; она указала ему путь къ добродѣтели, которому онъ слѣдовалъ. Самъ глубоко сознавая разумность и совершенную убѣдительность принятыхъ имъ философскихъ воззрѣній, онъ считалъ философію силою, господствующею надъ всѣмъ, способною подчинить все разумное, и съ пре-

¹⁾ Ibid. l. VIII, c. 7, p. 343—344, 351—352.

²⁾ Ibid. l. I, c. 37, p. 45—46.

³⁾ Ibid. l. VIII, c. 7, p. 331.

зрѣніемъ смотрѣлъ на все, что неспособно понимать ея внушеній ¹⁾. Съ философіей соединялись, по его убѣжденію, и другія высокія преимущества: Ты будешь,—обѣщала ему пифагорейская философія,— болѣе страшенъ для тирановъ, чѣмъ имъ подвластенъ; не многое принося въ жертву, ты будешь пріятнѣе богамъ, чѣмъ тѣ, которые проливаютъ для нихъ кровь быковъ. Когда ты будешь чистъ, я дамъ тебѣ предвѣденіе и наполню глаза свѣтомъ, такъ что ты будешь въ состояніи различать бога, познавать героя, избличать похожія на тѣнь привидѣнія, когда вводятъ опи въ заблужденіе, принимая на себя образъ человѣческій ²⁾. Съ пифагорейскою философіей соединялось преимущество не только обнимать боговъ мыслию, все равно, ставятся ли они видимыми, или остаются невидимыми, но и входить съ ними въ бесѣды ³⁾. Удивительно ли послѣ всего этого, что человѣкъ, свободно избравшій путь мудрости, высоко стоялъ въ глазахъ Аполлонія, что здраво философствующій, по его образному выраженію, выше колосса Родосскаго ⁴⁾? Напрасно стали бы мы искать у Аполлонія какого-либо намека и на то, что въ христіанствѣ даетъ пищу сознанію своей немощи и недостойности. Никакого чувства общей грѣховности, общей вины предъ божествомъ здѣсь не было; отношенія между Богомъ и человѣкомъ просто устанавливались на основаніи поведения человѣка и не нуждались ни въ какомъ посредничествѣ: хорошихъ людей, — такъ учила эта философія, — боги любятъ и безъ ходатаевъ. Если ты преданъ добродѣтели, дерзновенно приближайся къ Богу и молись о томъ, чего желаешь ⁵⁾; мудрецъ обращался къ богамъ съ гордою молитвой, чтобы они воздали ему должное, и онъ былъ увѣренъ, что если онъ изъ добрыхъ людей, то молитва дастъ и хорошіе результаты; если же боги причисляютъ его къ дурнымъ, то онъ получитъ отъ нихъ противоположное ⁶⁾. Со-

¹⁾ «Зачѣмъ продолжаешь ты боятся», говорилъ онъ въ темницѣ Дамису, приходившему въ отчаяніе отъ его положенія,—«и доселѣ не признаешь, что мудрость поражаетъ все, что способно сознать ее, сама же ничѣмъ не поражается? «Но мы», возражалъ Дамисъ, — приходимъ къ человѣку, неспособному понимать. «Тѣмъ болѣе тебѣ нужно презирать тирана», отвѣчалъ Аполлоній, — «чѣмъ болѣе ты позналъ его тайны». I. VII, с. 22, р. 302—303.

²⁾ Ibid. I. VI, с. 11, р. 243.

³⁾ Ibid. I. I, с. 32, р. 40.

⁴⁾ Ibid. I. V, с. 21, р. 204.

⁵⁾ Ibid. I. I, с. 12, р. 13.

⁶⁾ Ibid. I. IV, с. 40, р. 181.

зная себя человѣкомъ добродѣтельнымъ, мудрецъ долженъ былъ считать какъ бы своимъ законнымъ правомъ особую близость къ божеству. И эта близость почти переходила въ равенство съ богами: мы видѣли, что браминны и дѣйствительно называютъ себя богами и ему обѣщаютъ божескія почести еще при жизни; мы видѣли также, что однимъ изъ обвиненій противъ Аполлонія было воздаяніе ему нѣкоторыми божескихъ почестей. Правда, въ своей защитительной рѣчи онъ рѣшительно утверждаетъ, что онъ не знаетъ города, гдѣ въ общественномъ собраніи приносили бы ему жертвы, и опредѣленно говорить, что люди не считали его богомъ ¹⁾, но что можетъ доказывать все это, когда онъ же самъ, нѣсколько ранѣе суда, находилъ похвальнымъ, что Ефесъ поклонился ему за освобожденіе отъ язвы, когда въ той же самой защитительной рѣчи онъ развиваетъ теорію, по которой добродѣтельные люди по справедливости должны называться божественными, и ихъ дѣятельность сходна съ дѣятельностію божества ²⁾? Оно такъ и должно быть: изъ одного ээира боги и духъ человѣчскій; лишь тѣло препятствуетъ божественной природѣ души проявиться во всемъ ея величіи; возвышаясь надъ потребностями тѣла, мудрецъ, очевидно, живетъ божественною жизнію.

Нельзя не упомянуть еще объ одной чертѣ, рельефно выступающей въ мудрецѣ Тіанскомъ. Онъ совершенный Грекъ по своимъ симпатіямъ и горячій патріотъ. Никто болѣе его не ревнивъ къ великимъ преданіямъ греческой исторіи; съ тою же ревностію, съ какою переходитъ онъ изъ храма въ храмъ, посѣщаетъ онъ и могилы греческихъ героевъ, великіе памятники греческой доблести. На могилѣ Леонида его спутники, имѣя предъ глазами гору Эту, заспорили между собою о томъ, какая величайшая гора въ Греціи; Аполлоній вошелъ на холмъ, гдѣ пали храбрые Спартанцы, и сказалъ: „Я считаю этотъ холмъ самымъ высокимъ мѣстомъ, такъ какъ умершіе здѣсь за свободу сравняли его съ Этой и возвысили превыше многихъ Олимповъ“ ³⁾. Воспоминаніе неодобрительныхъ поступковъ предковъ производитъ на него тяжелое впечатлѣніе: онъ не хочетъ видѣть знаменитый Лабиринтъ, чтобы не быть зрителемъ памятника несправедливости Миноса. Съ глубокимъ уваженіемъ относится онъ къ уцѣлѣвшимъ славнымъ учрежденіямъ греческимъ: охотно посѣщаетъ

¹⁾ Ibid. I. VIII, с. 7. р. 336.

²⁾ Ibid. I. VII, с. 22, р. 301; I. VIII, с. 7, 336—337.

³⁾ Ibid. I. IV, с. XXIII, р. 161.

Олимпійскія игры и хвалить за нихъ Элійцевъ, сѣтуеть даже на то, что былъ приглашенъ на нихъ, такъ какъ подобными приглашеніями умалется ихъ значеніе ¹⁾. Съ какою искренностію упрекаетъ онъ Іонивъ за то, что подъ ихъ опредѣленіемъ, пслапнымъ къ нему, встрѣтилъ подпись имени вовсе не іонійскаго ²⁾. Съ какою наивпою гордостію Грека говоритъ онъ о царѣ вавилонскомъ, который произвелъ на него доброе впечатлѣніе, что онъ выше, чѣмъ сколько нужно, чтобы управлять варварами ³⁾. Все дышетъ въ немъ самою искреннею любовію ко всему греческому: то защищаетъ онъ греческія государства и греческіе обычаи отъ упрековъ царя Индійскаго и гимнософистовъ, то пользуется случаемъ поставить на видъ какія-либо преимущества Грековъ, то употребляетъ всѣ силы, чтобы облегчить участь солдменниковъ своихъ Еретрійцевъ, пѣкогда плѣнныхъ Даріемъ и переселенныхъ въ Киссію, сворачиваетъ для этого съ своего пути и ходатайствуетъ за нихъ предъ царемъ Вавилонскимъ, то старается всѣми способами побудить благорасположеннаго къ нему Веспасіана дать болѣе свободы Греческому народу ⁴⁾. Нужно ли прибавлять, что и тѣ лица въ странахъ варварскихъ, къ которымъ чувствуетъ онъ особое уваженіе, оказываются также благорасположенными къ Грекамъ, какъ и онъ самъ? Царь-философъ Фраотъ едва не высказываетъ предъ Аполлоніемъ сожалѣнія о томъ, что онъ не родился Грекомъ; брамины оказываютъ особое предпочтеніе знающимъ греческій языкъ ⁵⁾. Далскія путешествія Аполлонія для пріобрѣтенія знанія, его высокое мнѣніе о браминахъ никакъ не ставягся у него въ противорѣчіе съ его горячимъ патріотизмомъ; не слѣдуетъ забывать, что всюду онъ оказывается столько же учителемъ сколько и ученикомъ; исключеніе составляетъ лишь холмъ браминовъ; но брамины для него вовсе не представители опредѣленной народности, а просто представители особой божественной мудрости, первоначальный источникъ которой не могъ истекать изъ Грціи, такъ какъ Греческій народъ слишкомъ поздно выступилъ на историческое поприще; у браминовъ нашъ философъ ищетъ той высшей санкціи для своей философіи, которой требовали и преданія пнеаго-

¹⁾ Ibid. l. IV, c. XXIV, p. 162, c. 29, p. 169.

²⁾ Ibid. l. IV, c. 5, p. 143—144.

³⁾ Ibid. L. I. c. 40. p. 48.

⁴⁾ Ibid. l. I, c. 33—34, p. 29—32, c. 39, p. 47; l. III, c. 31, p. 121—122; l. V, c. 41, p. 224—225; l. VI, c. 22, p. 258—260.

⁵⁾ Ibid. l. II, c. 27, p. 79, c. 31, p. 84.

рензма, и скудость спекулятивной философской мысли въ этомъ періодѣ, и самое свойство его системы, по преимуществу теософической, а теософія всегда ищетъ опоры въ высшемъ авторитетѣ.

Для полной характеристики личности мудреца Тіанскаго, какъ рисуется его Филостратъ, намъ остается рѣшить вопросъ: къ чему онъ стремился въ своей дѣятельности, какія задачи онъ преслѣдовалъ? Въ своей защитительной рѣчи Аполлоній проводитъ параллель между дѣятельностью добраго мужа и божественною дѣятельностію. Міръ, который служитъ предметомъ мірозидательной дѣятельности божества,—такова основная мысль этой параллели,—составляетъ все, что есть на небѣ, въ водѣ и на землѣ; а души человѣческія, дѣйствующія вопреки гражданскимъ законамъ и правиламъ благочестія и добродѣтели, составляютъ тотъ міръ, о благоустроеніи котораго долженъ заботиться мужъ добрый, искореняя нравственные недостатки людей и удерживая ихъ отъ совершенія тяжкихъ преступленій¹⁾. Высказывая эту мысль, нашъ философъ характеризуетъ этимъ задачу своей собственной дѣятельности: она состоитъ, такимъ образомъ въ созиданіи нравственнаго космоса, матеріаломъ для котораго служатъ души человѣческія. Попытаемся опредѣлить эту задачу частнѣе. Не напрасно, конечно, Аполлоній въ Римѣ на вопросъ консула Телезина: въ чемъ состоитъ его мудрость, отвѣчалъ, что она есть вдохновеніе и учитъ, какъ молиться богамъ и приносить жертвы²⁾; не напрасно вращался онъ постоянно въ храмахъ, бесѣдуя съ жрецами. Въ устроеніи нравственнаго космоса первое мѣсто, очевидно, занимали заботы о религіозномъ культѣ. Аполлоній желалъ возвысить усердіе къ служенію богамъ, чѣмъ дѣйствительно и сопровождалась его проповѣдь, напримѣръ, въ Римѣ, по свидѣтельству его біографа. „Владыки, говорилъ онъ, указывая на отношеніе между богами и людьми,“—не будутъ имѣть вины, если и пренебрегутъ рабами, такъ какъ можетъ быть презираютъ ихъ какъ недостойныхъ; рабы же, не служащіе всѣми способами господамъ своимъ, должны погибнуть какъ рабы проклятыя и богамъ ненавистныя³⁾. Особныя заботы посвящалъ онъ, по видимому, улучшенію религіозныхъ обрядовъ: не съ жрецами только онъ бесѣдовалъ объ этомъ, но и всепародно. Примѣромъ такихъ поученій можетъ служить его рѣчь въ Афинахъ,

¹⁾ Ibid. I. VIII, с. 7, р. 337—338.

²⁾ Ibid. I. IV, с. 40, р. 180—181.

³⁾ Ibid. I. IV, с. 40—41, р. 182.

гдѣ онъ объяснялъ, въ какое время дня и ночи и какъ каждому божеству слѣдуетъ молиться и приносить жертву или возліанія; поученіе касалось даже мельчайшихъ подробностей обряда, напримѣръ, чтобы чаша, изъ которой совершается возліаніе, имѣла ушки, и чтобы дѣлали возліаніе со стороны ушка, такъ какъ съ этой стороны всего рѣже пьютъ люди и под. ¹⁾). Послѣ религіознаго культа, Аполлонія наиболѣе занимало нравственное улучшение людей: большинство его рѣчей, о которыхъ упоминаетъ Филостратъ, посвящены нравственнымъ вопросамъ. Въ широкой области нравственности нельзя найдти какого-нибудь частнаго пункта, на который преимущественно предъ другими онъ старался бы обратить вниманіе своихъ слушателей; онъ говоритъ о всѣхъ добродѣтеляхъ, старается противодѣйствовать всякимъ замѣчаемымъ порокамъ; это нравственный учитель и обличитель въ общемъ смыслѣ. Дѣятельность Аполлонія не ограничилась и религіозно-нравственною сферою. Какъ его умъ стремился обнять всецѣло область науки, какъ его философія опредѣляла не умственную и даже не нравственную только, но всѣ стороны жизни, также общи были и задачи его дѣятельности. Не незначительное мѣсто среди нихъ занимаетъ его стремленіе улучшить политически общественную жизнь. Существованіе правды и соблюденіе законовъ, — это не только было предметомъ его обыкновенной молитвы, но и относилось къ тѣмъ результатамъ его дѣятельности, какихъ, по его словамъ, ожидали отъ нея люди ²⁾). Заботы объ общественномъ благѣ дѣлаютъ изъ него политическаго агитатора во времена Нерона и Домиціана и заставляютъ его содѣйствовать Веспасіану и Титу. Его общественно-гражданскій идеалъ весь высказался въ краткомъ восклицаніи: „Какъ бы было хорошо, еслибы богатство не было въ чести и процвѣтало рабство, а желѣзо отложено было бы въ сторону при единомысліи людей, и вся земля казалась бы единою“ ³⁾). Такой идеалъ былъ, конечно, неосуществимъ, и практически благоразумный Аполлоній добивался на дѣлѣ цѣлей, болѣе осуществимыхъ. Даже частная жизнь людей съ ихъ мелкими печальми и радостями обращаетъ на себя вниманіе нашего философа и дѣлается предметомъ его попеченій. Сюда прежде всего относятся исцѣленіе больныхъ, воскрешеніе мертвой, все вообще, чтѣ стоитъ въ связи съ дѣятельностію Эскулапа,

¹⁾ Ibid. I. IV, с. 19—20, р. 156—157.

²⁾ Ibid. I. IV, с. 40, р. 181; I. VII, с. 7, р. 336.

³⁾ Ibid. I. VI, с. 2, р. 230.

при храмъ котораго Аполлодій развивалъ свои умственныя и нравственныя силы. Не остается онъ равнодушнымъ и ко всякимъ другимъ нуждамъ людей: одному доказываетъ важность образованія и ничтожность безъ него богатства ¹⁾, другаго убѣждаетъ учиться судебному краснорѣчію, вмѣсто того, чтобы заниматься обученіемъ птицъ, и съ этою цѣлію внушаетъ ему, что онъ можетъ черезъ сифофантовъ потерять все свое имущество, если не научится защищаться ²⁾; одному молодому Спартанцу разъясняетъ невыгоды морской торговли и неблагоприятное вліяніе, какое всегда оказывало на судьбу Спарты стремленіе къ господству на морѣ, и такимъ образомъ, уговариваетъ его подавить въ себѣ страсть къ мореплаванію, которая привела было его въ столкновеніе съ властями Спарты ³⁾; нѣкому отцу многочисленнаго семейства онъ пособляетъ улучшить свое состояніе путемъ выгодной покупки поля ⁴⁾ и т. п. Обнимая однимъ взглядомъ всю дѣятельность мудреца Тіанскаго, мы можемъ сказать, что онъ хотѣлъ улучшить состояніе общества и для этой цѣли старался возвысить его религіозно-нравственную жизнь и содѣйствовать развитію благосостоянія политически-общественнаго и частнаго.

II.

Совершенно достаточно тѣхъ разказовъ, которые передали мы изъ Филостратовой біографіи Аполлонія Тіанскаго, чтобы убѣдиться въ томъ, что содержаніе этого сочиненія никакъ не можетъ быть признано во всѣхъ своихъ подробностяхъ за точную историческую истину. Къ такому результату ученые приходили уже давно ⁵⁾. Они справедливо указывали на описаніе египетскихъ и особенно индійскихъ мудрецовъ какъ на такой разказъ, который, очевидно, наполненъ вымыслами. Нельзя не согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, что, еслибъ и въ самомъ дѣлѣ Аполлодій имѣлъ такое значительное и для всѣхъ очевидное вліяніе на Веспасіана и Тита, какое приписываетъ ему Филостратъ, еслибы во всѣхъ подроб-

¹⁾ Ibid. I. V, c. 22, p. 205.

²⁾ Ibid. I. VI, c. 36, p. 273—274.

³⁾ Ibid. I. IV, c. 32, p. 172—173.

⁴⁾ Ibid. I. VI, c. 39, p. 275—276.

⁵⁾ Philostr. quae supers. omn. ed. *Olear.* Praefat., XXXV—XXXVI: ipsae certe Philostrati fabulae tot indicia se produnt, ut, non rationem dicam, sed sensum omnes amisisse oporteat eum, qui fidem illis habere possit. См. также *Tennemann, Gesch. d. Philos.* V, 201—202; *Baur, Apollon. v. Tyana und Christus.* 1832. 112—114.

ностяхъ было исторически вѣрно Филостратово описаніе борьбы его съ Домиціаномъ,—то было бы болѣе чѣмъ странно, что бѣльшая часть древнихъ историковъ вовсе не упоминаетъ его имени, а тѣ, которые упоминаютъ о немъ, не говорятъ о его очень значительной исторической роли. Не въ пользу достовѣрности повѣствованія Филострата говоритъ и содержащееся въ немъ описаніе Вавилона: этотъ городъ представляется здѣсь въ такомъ блестящемъ положеніи, какое рѣшительно не соотвѣтствуетъ дѣйствительному его положенію въ то время. Указываютъ также на нѣсколько географическихъ и хронологическихъ неточностей, встрѣчающихся у Филострата, хотя онѣ и не такъ значительны, чтобъ имъ можно придавать въ этомъ случаѣ особую важность ¹⁾).

Для оцѣнки исторической точности книги Филострата объ Аполлоніѣ очень важное значеніе имѣютъ нѣкоторыя общія черты, ее характеризующія. Ученый риторъ, предпринявшій описаніе жизни мудреца Тіанскаго по предложенію супруги императора, очевидно, хотѣлъ сдѣлать свое сочиненіе книгой пріятною для чтенія и занимательною. Чтобы придать своему разказу болѣе достоинства въ этомъ отношеніи, онъ ничего не вводитъ въ него иначе какъ въ той изящной формѣ, въ которой онъ привыкъ выражать свою собственную мысль: слова Аполлонія и всѣхъ, кто вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, его длинная защитительная рѣчь, даже его письма, все носитъ на себѣ очевидный отпечатокъ Филостратова краснорѣчія. Такія намѣренныя передѣлки подлинныхъ выраженій лицъ, о которыхъ идетъ разказъ, конечно, не могутъ служить доказательствомъ любви автора къ исторической точности. А такъ какъ первоначальныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ составлено Филостратомъ его сочиненіе, мы не имѣемъ, и какъ поэтому для насъ остается неизвѣстнымъ, въ какой мѣрѣ стесни онъ считалъ возможнымъ для изящества разказа жертвовать его точностію, то одной ужъ этой излишней свободы Филострата въ передачѣ чужихъ рѣчей достаточно, чтобъ отнестись педовѣрчиво къ его сказаніямъ. Но педовѣрчивость еще болѣе возрастаетъ въ читателѣ, когда онъ замѣчаетъ, что авторъ книги, ученый риторъ, желая сдѣ-

¹⁾ Flav. Philostr. quae super. ed. *Kayser*. P. 1. Prooem. VI. здѣсь собраны эти географическія и хронологическія неточности. Попытки уличить Филострата въ недосмотрахъ подобнаго рода уже древни, но по большей части были неудачны; разборъ тѣхъ изъ нихъ, которые идутъ изъ времени раніе Оларіа, можно найти Philostr. quae supers. omn. ed. *Olear*. Praefat. XXXVI—XXXVIII.

лать ее занимательною, пополнилъ ее не имѣющими существеннаго отношенія къ главному предмету подробностями объ Пндін и др. и не затруднился свои сказанія подобнаго рода приписать спутнику Аполлонія, Дамису, а между тѣмъ инья изъ нихъ ложны, и по большей части они заимствованы, какъ замѣчено уже давно учеными, изъ писателей болѣе древнихъ, именно Ктезія, Агаѳархида, Мегасеена и др., такъ что присутствіе ихъ въ сочиненіи Филострата скорѣе доказываетъ его ученость, чѣмъ его добросовѣстность при ссылкахъ на записи Дамиса. Можно ли допустить, чтобы такой писатель былъ вовсе педоступенъ соблазну исказить болѣе или менѣе истину ради предвзятой идеи? Тенденціозность, впрочемъ, и безъ этихъ побочных соображеній дастъ себя чувствовать въ книгѣ Филострата. Образъ Аполлонія, очевидно, имѣетъ на своей сторонѣ всѣ симпатіи его біографа: въ мудрецѣ тіанскомъ пѣтъ ни одной черты, которая вызывала бы хоть тѣнь неодобренія у Филострата; все оказывается наоборотъ достойнымъ всяческой похвалы и подражанія; а между тѣмъ, если внимательнѣе слѣдитъ за повѣствованіемъ, легко замѣтить, что нѣкоторыя частныя факты изъ жизни Аполлонія, очевидно, плохо мирятся съ тою или другою чертою его идеальнаго типа, который старается воспроизвести Филостратъ. Такія противорѣчія мы можемъ объяснить только отсутствіемъ объективности въ разказѣ Филострата, его стремленіемъ представить описываемое имъ лицо такимъ, какимъ онъ самъ желалъ бы его видѣть, отиѣчающимъ его любимому идеалу. Одинъ случай такого противорѣчія представляется особенно важнымъ. Изображалъ Аполлонія провидцемъ и чудотворцемъ, біографъ его особенно настаиваетъ на томъ, что эти необыкновенныя силы въ мудрецѣ Тіанскомъ были естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его преданности пифагорензму; свое предвѣденіе самъ Аполлоній въ защитительной рѣчи признаетъ простымъ результатомъ припятаго имъ образа жизни, который дѣлаетъ воспримчивѣе его чувства, такъ что они ощущаютъ не то лишь, что уже существуетъ въ дѣйствительности, но и то, что только приближается; этотъ образъ жизни единственно, по его словамъ въ той рѣчи, даетъ вообще силу совершать самое великое и удивительное¹⁾; въ частности сила врачеванія уже потому должна была зависѣть отъ пифагорензма, что она, по ученію Іархаса, главы браминовъ, стоитъ въ не-

¹⁾ Philostr. quae suspers. omn. ed. Olear. l. VIII, c. 7. p. 340.

разрывной связи съ предвѣденіемъ ¹⁾; выше мы видѣли, что самыя высокія преимущества относились къ дарамъ, которыя сулила пифагорейская философія своимъ ревностнымъ послѣдователямъ. Этотъ взглядъ на чудесныя дѣйствія Аполлонія былъ особенно важенъ для Филострата потому, что давалъ имъ нѣкоторое разумное объясненіе, возводя ихъ къ высшимъ силамъ познанія и дѣятельности, которыя должны были развиваться при помощи пифагорейской философіи; отсюда получалась возможность сохранить вѣру въ чудесное, не опасаясь упрека въ суевѣріи, и избавить Аполлонія отъ обвиненія въ чародѣйствѣ, о чемъ особенно заботится его біографъ. Не то мы увидимъ, если всмотримся въ нѣкоторые изъ описываемыхъ у Филострата фактовъ чудотворной дѣятельности Аполлонія. На пути въ Индію онъ прогоняетъ измѣнчивое видѣніе Эмпузы тѣмъ, что самъ обратился къ пей съ бранью и то же велѣлъ сдѣлать своимъ спутникамъ ²⁾. Въ другой разъ въ Эфіопіи онъ встрѣтилъ неистовствующаго Сатира, успокоить котораго были не въ силахъ гимнософисты, и усмирилъ его, давъ ему возможность упиться виномъ до безчувствія ³⁾. Дамись, по увѣренію Филострата, разказывалъ, что Аполлоній получилъ отъ Іархаса семь колецъ, которымъ приданы были названія семи планетъ, и носилъ ихъ поочередно соотвѣтственно названіямъ дней ⁴⁾; конечно, въ этихъ кольцахъ, какъ и въ кольцахъ и жезлахъ браминовъ, предполагалось присутствіе необыкновенной силы. Во всѣхъ этихъ фактахъ чудотворная сила не стоитъ ни въ какой связи съ неуклоннымъ слѣдованіемъ пифагорейской философіи; необыкновенныя дѣйствія здѣсь вовсе даже не представляются результатомъ необыкновенной духовной силы лица, ихъ совершающаго; они просто оказываются связанными съ извѣстнымъ процессомъ (бранью, наполненіемъ чановъ виномъ) или предметомъ (кольцо). Не менѣе странно и то, что Аполлоній находитъ возможнымъ брать у Іархаса тайные уроки по астрологіи и ученію о предвѣденіи, какъ будто искусство предсказанія составляло самостоятельную область знанія и не было простымъ результатомъ пифагорейской философіи. На другое противорѣчіе между личностію Аполлонія, какъ рисуется она у Фи-

¹⁾ Ibid. I. III, с. 44, р. 131—132.

²⁾ Ibid. I. II, с. 4, р. 52.

³⁾ Ibid. I. VI, с. 27, р. 267—268.

⁴⁾ Ibid. I. III, с. 41, р. 130.

лострата, и фактами его жизни указывалъ уже Евсевій ¹⁾: мудрецу Тіанскому приписывается необыкновенное знаніе: не учась, онъ знаетъ всѣ языки, знаетъ даже и то, чего люди не высказываютъ, а на дѣлѣ оказывается, что въ Индіи онъ нуждается въ толмачѣ для объясненія съ царемъ ²⁾ и не догадывается о враждебномъ расположеніи къ нему философа Епифрата, когда рекомендуетъ его Веспасіану ³⁾. Такимъ образомъ все приводитъ къ убѣжденію, что сочиненіе Филострата объ Аполлоніѣ Тіанскомъ никакъ не заключаетъ въ себѣ надежной исторической истины.

Нужно ли идти далѣе по пути этого сомнѣнія и утверждать, что въ основаніи всего Филостратова повѣствованія почти вовсе не лежитъ историческихъ данныхъ, и что на него нужно смотрѣть какъ на чистое произведеніе Филостратова генія, или же не слѣдуетъ отказываться отъ надежды найти въ немъ слѣды историческихъ фактовъ? Первое мнѣніе съ особымъ талантомъ и эрудиціей защищалъ въ новое время Бауръ ⁴⁾. Онъ стоитъ у него въ неразрывной связи съ его особымъ взглядомъ на отношеніе Филостратовой книги объ Аполлоніѣ къ священнымъ книгамъ Новаго Завѣта. Бауръ доказывалъ, что жизнь мудреца Тіанскаго у Филострата во всѣхъ подробностяхъ составляетъ очевидный снимокъ съ описанной евангелистами жизни Христа; отсюда выходило неизбежное слѣдствіе, что біографіи Аполлонія, по крайней мѣрѣ въ своихъ главнѣйшихъ чертахъ, есть чистый вымыселъ. Слѣдуетъ замѣтить, что предположеніе, будто Филостратъ при своемъ сочиненіи имѣлъ въ виду христіанство, очень не ново. Послѣ того какъ Героклъ проводилъ параллель между Аполлоніемъ и Христомъ въ направленіи, враждебномъ христіанству, христіанскимъ писателямъ естественно было прійти къ мысли, что подобныя же дѣянія, враждебныя христіанству, были и у самого состава-

¹⁾ Ibid. Evseb. in Hieracl, c. 14, p. 441, c. 33, p. 454—455.

²⁾ Напрасно Бауръ, Apollon. v. Tyana u. Christ. 158, хочетъ защитить Филострата, считая присутствіе толмача при свиданіи Аполлонія съ Фраатомъ (I. II. c. 26, p. 77; слич. I. II, c. 23, p. 76) результатомъ придворнаго обычая на востоцѣ при пріемѣ чужеземцевъ; противорѣчіе касается не этого только случая, но и разговора Аполлонія съ царемъ на пиршествѣ у браминновъ, гдѣ неизбежнымъ толмачемъ дѣлается самъ Іархасъ; I. III, c. 28, p. 19, c. 31, p. 121.

³⁾ Ibid. I. V, c. 31, p. 213; слич. c. 33, p. 215.

⁴⁾ Этотъ взглядъ подробно развитъ Бауромъ въ его сочиненіи Apollonius v. Tyana u. Christus 1832, и кратко повторенъ также въ его Kirchengesch. d. drei ersten Jahrh., III. Aufl., s. 414 ff.

пителя жизни Аполлонія. Эта мысль такъ обще въ прежнее время раздѣлялась учеными, что Олсарій имѣлъ право смотрѣть на нее, какъ на общеприятую въ наукѣ ¹⁾; и позднѣе ея не отвергали почти до конца прошлаго вѣка. Но въ нашемъ столѣтіи отъ нея стали отказываться. Противъ нея рѣшительно говорило уже то обстоятельство, что во всемъ сочиненіи Филострата нельзя найдти ни одного мѣста, гдѣ была бы опредѣленно выражена злоба на христіанъ, или было бы замѣтно полемическое отношеніе къ тому или другому факту изъ исторіи христіанства, или тому или другому ученію Христа, хотя поводы къ тому имѣлись. Вслѣдствіе того Бауръ даетъ этому старому предположенію совершенно новую форму. Филостратъ хотѣлъ, по его мнѣнію, изъ данныхъ въ язычествѣ элементовъ составить идеальный образъ, соотвѣтствующій образу основателя христіанской религіи, но никакъ не съ враждебными христіанству цѣлями, а въ интересахъ синкретическаго религіознаго направленія, которое признавало различныя религіи лишь за различныя модификаціи одной и той же религіи. Это направленіе стояло скорѣе въ мирномъ, чѣмъ во враждебномъ отношеніи къ христіанству, и этимъ объясняется, почему въ сочиненіи Филострата мы не встрѣчаемъ никакихъ намековъ полемическаго свойства на христіанство. Въ интересахъ Филострата было, — думаетъ Бауръ, — даже вовсе не упоминать о христіанствѣ и никакъ не обнаруживать своей цѣли: иначе изображаемый имъ идеалъ тотчасъ же былъ бы признанъ за то, чѣмъ онъ и есть въ дѣйствительности, за блѣдную копію идеала христіанскаго, и потерялъ бы всякое значеніе ²⁾.

Съ этою теоріей мы согласиться не можемъ и думаемъ, что самыя гипотезы, на которыхъ она опирается, совершенно произвольны. Что при дворѣ Септимія Севера, супруга котораго поручила Филострату составить жизнь Аполлонія Тіанскаго, господствовали взгляды рели-

¹⁾ Philostr. etc. Praefat. XXXIX.

²⁾ Бауръ (Apollon. v. Tuana u. Christ. 152 — 154) находитъ, впрочемъ, въ біографіи Аполлонія одинъ намекъ на положеніе христіанства во время Филострата: По возвращеніи изъ Индіи Аполлоній, какъ разказываетъ Филостратъ (I. III, с. 58. р. 139), нисель Антиохію «преданною по обычаю непристойнымъ забавамъ и нисла не радѣвшею о занятіяхъ, свойственныхъ Еллинамъ»; а Антиохія, какъ достоверно извѣстно, во время Юліана, и какъ предполагаетъ Бауръ, уже во время Филострата, отличалась рѣшительнымъ отверженіемъ древней религіи и преданностію христіанству; это именно и хочетъ разумѣти Бауръ подъ вышеприведенными словами Филострата объ Антиохіи.

гіознаго синкретизма, это болѣе чѣмъ сомнительно. Самъ Бауръ упоминаетъ, что Евсевій говоритъ о гоненіи на христіанъ въ правленіе этого императора. А выводитъ господство синкретическаго направленія при дворѣ Септимія Севера изъ того, что изданный имъ строгій законъ противъ перехода въ іудейство и христіанство все же былъ снисходительнѣе законовъ болѣе древнихъ, или изъ того, что синкретизмъ господствовалъ въ семействѣ его жены двумя поколѣніями позднѣе, какъ дѣлаетъ это Бауръ ¹⁾,—намъ кажется черезчуръ смѣлымъ. Еще смѣлѣе было бы утверждать, что дворъ въ то время былъ благопріятно расположенъ къ христіанству. Бауръ указываетъ на тотъ фактъ, что Александръ Северъ былъ благопріятно расположенъ къ христіанству, а его мать Юлія Маммея, по свидѣтельству Евсевія, наслышавшись объ Оригенѣ, призывала его къ себѣ для бесѣды и слушала отъ него о достоинствѣ Христа и о преимуществахъ христіанской религіи. „Послѣ всего этого можетъ ли быть невѣроятнымъ“, спрашиваетъ Бауръ,—„что уже за нѣсколько времени ранѣе, въ томъ же кругѣ, къ которому относились названныя лица, пришелъ доступъ тотъ же самый взглядъ на христіанство, и что съ нимъ именно стоялъ въ связи интересъ, обращенный тогда на Аполлонія Тіанскаго?“ Но, замѣтимъ мы,—Александръ Северъ, можетъ быть, даже еще и не существовалъ на свѣтѣ, когда Юлія старшая поручила Филострату составить жизнь Аполлопія, а потому едва ли справедливо отъ взглядовъ этого императора дѣлать заключеніе къ взглядамъ его двоюродной бабки, особенно когда рѣчь идетъ о христіанствѣ, которое въ то время было еще явленіемъ новымъ и съ каждымъ годомъ пріобрѣтало болѣе силы и значенія, а слѣдовательно, и болѣе запрашивалось на вниманіе; въ противоположность Бауру мы нашли бы нисколько не удивительнымъ, еслибы Александръ Северъ научился глубоко уважать Христа, а его бабка была бы только по слухамъ знакома съ христіанствомъ. Не болѣе доказываетъ и Евсевіевъ разказъ объ Юліѣ Маммеѣ; чтобъ отъ благорасположенія этой Юліи къ христіанству дѣлать заключенія ко времени предшествующему, къ періоду жизни ея тетки, Юліи старшей, для этого нужно предположить уже, что это благорасположеніе было слѣдствіемъ семейныхъ предацій, а не пріобрѣтено Маммеей позднѣе; къ тому же сказаніе Евсевія наводитъ, по видимому, мысль на догадку, даже прямо противоположную взгляду Баура. Если Юлія Маммея призывала

¹⁾ Apo'lon. v. Tyana u. Christ., 126—127.

Оригена, чтобъ ознакомиться съ ученіемъ о достоинствѣ Христа и преимуществахъ христіанской религіи, то можно предполагать, что рапѣ этого времени въ кругу, къ которому принадлежала она, не было лица, которое имѣло бы серьезное, основательное знакомство съ самыми источниками христіанской религіи, новозавѣтными книгами, а именно такое знакомство прямо приписываетъ Бауръ Филострату, обращавшемуся въ этомъ кругу. Съ тѣмъ вмѣстѣ исчезаетъ всякая фактическая подкладка для предположенія объ интересахъ религіознаго синкретизма, руководившихъ будто бы Филостратомъ при составленіи имъ жизни Аполлонія Тіанскаго.

Бауръ особенно настаиваетъ на очевидной, какъ ему кажется, зависимости Филостратова повѣствованія отъ сказаній евангельскихъ. „Онъ“, говоритъ Бауръ о Филостратозомъ Аполловіи, — „подобно Христу учитель и реформаторъ, пророкъ и чудотворецъ, униженный чрезъ страданія и прославленный чрезъ чудеса“. Въ подтвержденіе своей мысли Бауръ приводитъ цѣлый рядъ часто очень остроумныхъ сближеній между разнообразными подробностями жизни Аполлонія съ одной стороны и евангельской исторіи съ другой ¹⁾. Прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, мы считаемъ неизлишнимъ замѣтить, что вопросъ о вліяніи евангельскихъ сказаній на Филострата можетъ имѣть не одинаковый смыслъ. Не одно и то же — сказать, что Филостратъ зналъ о христіанахъ и христіанствѣ по ходячимъ свѣдѣніямъ, и сказать, что онъ изучалъ событія жизни Христа и апостоловъ по самымъ священнымъ книгамъ Новаго Завѣта; не одно и то же — сказать, что свѣдѣнія, какія имѣлъ Филостратъ о христіанствѣ, отразились на его сочиненіи, и сказать, что онъ прямо поставилъ цѣлюю своей книги создать образъ, соответствующій образу Христа. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что авторъ, писавшій на рубежѣ втораго и третьяго столѣтій и принадлежавшій къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени, долженъ былъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о христіанствѣ. Въ сложной лабораторіи духа каждый образъ, каждая мысль стоитъ подъ огромнымъ вліяніемъ неизчислимаго множества другихъ мыслей и образовъ, которые когда-либо вошли въ душу человѣка; поэтому нисколько не удивительно, что тѣ свѣдѣнія о христіанствѣ, которыя мало по малу скопились въ памяти Филострата, сталкивались съ другими его мыслями и образами и оказывали свое вліяніе на нихъ, особенно

¹⁾ Apollon. v. Tyan. u. Christ., 142—154.

если и послѣдніе были также религіознаго свойства и, слѣдовательно, имѣли съ первыми нѣкоторое сродство. Такое вліяніе неизбѣжно, по предполагать нѣчто болѣе этого вліяніа, для этого, намъ кажется, нужно имѣть болѣе оснований, чѣмъ мы имѣемъ. Если Бауръ думаетъ, что Филостратъ представилъ Аполлоніа учителемъ, реформаторомъ, провидцемъ, чудотворцемъ, страдальцемъ за истину лишь потому, что хотѣлъ создать образъ подобный Христу, то это должно означать, что во всей книгѣ Филострата нѣтъ ни слова правды, нѣтъ ни одного факта, не измышленнаго Филостратомъ, такъ какъ дѣятельность Аполлоніа вполне изчерпывается этими чертами учителя, чудотворца и пр. Ниже мы увидимъ, какъ далека эта мысль отъ истины. Но еслибъ она была и вѣрна, ужели мы должны думать, что за понятіями учителя, провидца, чудотворца, реформатора, человека терпящаго за истину языческой писатель необходимо долженъ былъ обращаться къ священнымъ книгамъ христіанскимъ? Ужели, какъ скоро мы находимъ образъ съ такими чертами въ сочиненіи не-христіанина, мы должны считать его безспорнымъ доказательствомъ заимствованій изъ писателей христіанскихъ? Филострату не было никакой необходимости заглядывать далеко въ сторону, чтобы найти прообразъ съ этими именно чертами: Аполлоній изображается представителемъ пифагорейской философіи, слѣдовательно—послѣдователемъ Пифагора, а въ сказаніяхъ о Пифагорѣ, которыя существовали много ранѣе, чѣмъ явилось христіанство, можно найти всѣ эти черты; уже Диксархъ, ученикъ Аристотеля, а равно и многіе другіе писатели разказывали о знаменитыхъ нравственныхъ проповѣдяхъ Пифагора и ихъ изумительномъ вліяніи на слушателей¹⁾; ужь Исократъ зналъ о религіозно-реформатской дѣятельности Пифагора²⁾; а преданія о предсказаніяхъ и чудесахъ Пифагора можно было встрѣтить у многихъ древнихъ писателей, и ипши изъ этихъ преданій восходили даже къ четвертому вѣку³⁾; въ преданіяхъ пифагорейства Филостратъ встрѣтилъ бы и сказанія о гоненіяхъ, которымъ подвергались

¹⁾ Porphyg. de vit. Lythag. p. 21—22. 36 слѣч. Justin. Hist. XX. 4.

²⁾ Mulloch. Fragm. gr. philos. II. III. Isokrat. laud. Basir. 28—29. p. 254. ed. Becker.

³⁾ Съ особою таинственною мудростію явился пифагорейзмъ въ эпоху своего возрожденія даже въ Римѣ: о первомъ пифагорейцѣ въ Римѣ Нигидіѣ Фигулѣ Цицеронъ говоритъ: *fuit enim vir ille cum ceteris artibus, quae quidem dignae libero essent, ornatus omnibus, tum acer investigator et diligens carum rerum, quae a natura involutae videntur.*

пифагорейцы и самъ Пифагоръ; въ нихъ онъ нашелъ бы и разкази о политическомъ вліяніи, которое приписываетъ онъ своему Аполлонію, и образецъ для котораго тщетно искалъ бы онъ въ евангеліяхъ. Само собою разумѣется, что мы не можемъ войти здѣсь въ подробный разборъ частныхъ сближеній, какія дѣлаетъ Бауръ между разказами евангельскими и повѣствованіемъ Филострата; по нашему мнѣнію, ипыя изъ нихъ, можетъ быть, указываютъ на существованіе у Филострата нѣкоторыхъ общихъ свѣдѣній о христіанствѣ, но въ большинствѣ это или такія совпаденія, которыя достаточно объясняются естественною аналогіей между Христомъ и Аполлоніемъ какъ религіозно-правственнымъ дѣятелемъ той же эпохи, или совпаденія чисто случайныя, которыя притомъ же часто касаются слишкомъ ничтожныхъ мелочей, чтобы Филострату могло прійдти на мысль уподоблять въ нихъ своего Аполлонія основателю христіанской религіи ¹⁾. Выше мы подробно описали жизнь Аполлонія и указали важнѣйшія характеристическія черты его личности, и этотъ очеркъ достаточно показываетъ, какъ много существеннаго различія между образомъ мудреца Тіанскаго и образомъ Христа.

Есть и прямыя основанія, которыя доказываютъ, что жизнеописаніе Аполлонія не было чистымъ измышленіемъ Филострата, но что въ основаніи его лежатъ нѣкоторыя фактическія данныя. Самъ Филостратъ извѣщаетъ насъ объ источникахъ, какими онъ пользовался при составленіи жизнеописанія Аполлонія Тіанскаго. Къ этимъ источ-

¹⁾ Особую важность Бауръ (Apol. v. T. u. Christ., 143—144) полагаетъ въ разказахъ Филострата объ изгнаніи Аполлоніемъ демоновъ изъ людей, такъ какъ «вѣры во вселеніе демоновъ въ людей по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой она была народнымъ представленіемъ, господствовавшимъ между Іудеями, у греческихъ и римскихъ писателей времени Филострата нельзя доказать, и греческой религіи оставалось нисколько чуждо ужъ и представленіе о демонахъ». На самомъ дѣлѣ вѣру въ демоновъ встрѣчаемъ даже у древнихъ пифагорейцевъ: они думали, что демонами посылаются сны и знаменія, болѣзни и здоровье; подобное ученіе о демонахъ и не только добрыхъ, но и злыхъ, встрѣчается и у неопифагорейцевъ (Z. Mer, Philos. d. Griech., Th. III., Abth. 2, Häft. 2., 122. Aufl. 2). У греческихъ писателей не встрѣчается лишь понятія о вселеніи демоновъ въ людей; но переходъ къ представленію о немъ былъ уже не труденъ, въ этомъ случаѣ могло производиться вліяніе и знакомство съ іудействомъ. Едва ли могъ бы Филостратъ говорить объ изгнаніи демоновъ изъ людей, еслибы представленіе о вселеніи ихъ въ людей было вполне чуждо его единовѣрцамъ; а если оно не было имъ чуждо, то ему не было нужды обращаться къ христіанскимъ писателямъ, чтобы говорить объ изгнаніи демоновъ.

никамъ, по его словамъ ¹⁾, относились (кромя разнообразныхъ преданій объ Аполлоніѣ, собранныхъ въ городахъ, которые его любили, и въ храмахъ, которые были имъ возстановлены, кромя писемъ, писанныхъ имъ къ различнымъ лицамъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, и завѣщанія, имъ оставленнаго) книга Максима Эгійскаго, передававшая о событіяхъ жизни Аполлонія въ Эгахъ и записи Дамиса, спутника Аполлоніева въ продолженіе почти всей его жизни; имѣлъ Филостратъ подъ руками и сочиненіе Мирагена объ Аполлоніѣ, состоявшее изъ четырехъ книгъ. Правда записи Дамиса не были книгой, обращавшеюся въ общемъ употребленіи, и это дастъ, по видимому, возможность предположить, что Дамисъ свидѣтель подставной, котораго вводитъ Филостратъ лишь затѣмъ, чтобы придать болѣе убѣдительности своимъ измышленіямъ ²⁾. Но противъ такого предположенія совершенно справедливо можно возразить съ Целлеромъ ³⁾, что къ Филострату, по его словамъ, перешли эти записи отъ Юлія, супруги императора, которой онѣ переданы были однимъ родственникомъ Дамиса, и такимъ образомъ, обвиняя Филострата въ подлогъ, мы должны возвести то же обвиненіе и на Юлію, что мало вѣроятно. На книгу Максима Эгійскаго авторъ жизни Аполлонія Тіанскаго ссылается уже не какъ на записи, извѣстныя только ему и кружку, въ которомъ онъ вращался, а какъ на книгу, находившуюся въ общемъ обращеніи, и ея писатель представляется у него не неизвѣстнымъ ученикомъ Аполлонія, а лицомъ, занимавшимъ общественную видную должность ⁴⁾. Сочиненіе Мирагена зналъ и Оригенъ; взглядъ Филострата на Аполлонія могъ быть очень не сходенъ съ взглядомъ Мирагена, его повѣствованіе могло быть много

¹⁾ Philostr. quae supers. omn. ed. *Olear.* l. I, c. 2—3, p. 4—6.

²⁾ *Baur*, Apoll. v. Tyana u. Christ., 115—116.

³⁾ *Philos. d. Griech.*, Th. III, 133.

⁴⁾ Philostr. quae supers. omn. ed. *Olar.* l. I, c. 12, p. 14: ἡξιώθη δὲ καὶ βιβλίω ἐπιστολῶν οὗτος, εὐδοκίμων γῆν φωνήν, говоритъ о немъ Филостратъ. (Ille vero dignus visus, qui imperatori ab epistolis scribendis esset, linguae facultate clarissimus, переводитъ Оларіа). Jo. Laurentii a Mosheim Comment. ed. *Miller*, 1751, De existim. Apoll. Tyana., p. 390, дѣлается предположеніе, что книгу Максима Эгійскаго зналъ и Евсевій, потому что онъ говоритъ о ней in Hierocl. c. 3, p. 430: ὁ δὲ Μάξιμος χρηστὴ βραχέα τῶν κατὰ μέρος αὐτῷ πεπαιγμένων ἀνεγράψατο, тогда какъ Филостратъ нигдѣ не говоритъ о краткости разказа Максима Эгійскаго. Но Филостратъ говоритъ, что этотъ авторъ описалъ лишь событія жизни Аполлонія въ Эгахъ, и Евсевій, конечно, имѣлъ въ виду выписанною еразой укзать именно на это обстоятельство.

подробнѣ повѣствованія послѣдняго, но не могъ, конечно, Филостратъ фактическую сторону жизни Аполлонія изобразить такъ, чтобы она вовсе не напоминала извѣстій, содержащихся въ четырехъ книгахъ Мирагена объ Аполлоніѣ. Уже то самое, что мудрецъ Тіанскій произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе на современниковъ, такъ что о немъ упоминали писатели втораго вѣка какъ о лицѣ извѣстномъ, и о немъ существовали подробные письменные разказы, обязывало Филострата не игнорировать общезвѣстныхъ фактовъ его жизни. Изъ сочиненія Филострата дѣйствительно можно видѣть, что онъ смотрѣлъ на героя своего разказа какъ на такое лицо, о которомъ читатели его книги имѣютъ уже нѣкоторое понятіе, и зналъ, что объ иныхъ событіяхъ его жизни существовало живое преданіе. Онъ полемизируетъ противъ тѣхъ, которые считали Аполлонія магомъ, и замѣчательно, что основаніе, на которомъ опиралось такое невыгодное мнѣніе о мудрецѣ Тіанскомъ, состояло, по его словамъ, въ томъ, что онъ обращался съ магами вавилонскими, браминами индійскими, гимнасофистами египетскими ¹⁾. Онъ упоминаетъ о людяхъ, которые возводили на Аполлонія обвиненіе въ нарушеніи цѣломудрія и утверждали, что онъ долго послѣ того жилъ среди Скивовъ ²⁾. Разказавъ подробно, какъ изобличена была Аполлоніемъ Эмиуза, которая приняла видъ прекрасной женщины и сдѣлалась было пѣвистой ученика его Мениппа, Филостратъ прибавляетъ, что этотъ разказъ знаютъ многіе, но не знаютъ подробностей, заимствованныхъ имъ изъ записей Дамиса ³⁾. Онъ упоминаетъ также о лицахъ, которые утверждали, что Аполлоній былъ подвергнутъ истязаніямъ и заключенъ въ оковы послѣ торжественной защиты на судѣ, а не послѣ частнаго допроса предъ Домиціаномъ, и что онъ затѣмъ писалъ императору письмо, моля его объ освобожденіи отъ узъ ⁴⁾. Такимъ образомъ книга Филострата всюду предполагаетъ, что было много людей, которые не только знали различные факты изъ жизни Аполлонія, но и представляли ихъ въ иномъ, невыгодномъ для Аполлонія, свѣтѣ: ужели все это слѣдуетъ отнести на счетъ хитрости Филострата и его стремленія сдѣлать свой разказъ болѣе правдоподобнымъ? Извѣстія, какія сообщаются въ біографіи Аполлонія, уже потому не могутъ быть

¹⁾ Philostr. quae supers. omn. ed. *Olear.* I. I, с. 2, р. 3.

²⁾ Ibid. I. I, с. 13, р. 16.

³⁾ Ibid. I. IV, с. 25, р. 164—166.

⁴⁾ Ibid. I. VII, с. 35, р. 314.

признаны сполна произведеніями Филостратова генія, что они часто рисуютъ дѣло не только не согласно съ излюбленными тенденціями Филострата, но даже прямо наперекоръ имъ; этого, конечно, не могло бы произойти, еслибы Филостратъ вовсе не стоялъ на почвѣ преданія и не ограничивалъ имъ своей фантазіи. Нѣсколько подобныхъ случаевъ противорѣчія Филострата самому себѣ мы уже видѣли; можно указать и другіе. У браминовъ, на примѣръ, которые представляются идеалами мудрости, и которыхъ самъ Аполлоній называетъ богами ¹⁾, мы видимъ и сосуды съ вѣтрами и дождями, и треножки, автоматически служащіе имъ на пиршествахъ, тогда какъ даже Филострату кажется все это мало соотвѣтствующимъ понятію о чудесныхъ дѣйствіяхъ, свойственныхъ истинному философу ²⁾, и потому едва ли онъ ввелъ бы всѣ эти странности въ жилища идеальныхъ мудрецовъ лишь по своей собственной фантазіи. Въ этомъ случаѣ впрочемъ, по всей вѣроятности, онъ руководился сказаніями объ Индіи, которые не имѣли никакой связи съ жизнію Аполлонія. Но что, кромѣ преданій о жизни Аполлонія, могло заставить его допустить въ свое повѣствованіе то странное сказаніе, что мудрецъ Тіанскій жилъ въ Вавилонѣ годъ и восемь мѣсяцевъ, посѣщалъ тамъ маговъ въ срединѣ дня и ночи и велъ съ ними тайныя бесѣды, тогда какъ у браминовъ онъ жилъ только четыре мѣсяца, разсуждалъ съ ними о философскихъ предметахъ по большей части въ присутствіи Дамиса и успѣлъ въ это краткое время изучить всю ихъ мудрость? Ссылкою на мудрые разговоры съ магами мы у Аполлонія не видимъ; извѣстно, какою мудростію особенно славились вавилонскіе маги; что же должно заключать читатель изъ извѣстія о почти двухлѣтнихъ тайныхъ свиданіяхъ Аполлонія съ магами? Или еще примѣръ: Филостратъ рисуетъ Аполлонія въ важнѣйшей катастрофѣ его жизни человѣкомъ, который по собственной волѣ является на судъ предъ императоромъ, владѣетъ силою, когда угодно, освободиться отъ темничнаго заключенія, побѣждаетъ Домиціана на судѣ орудіемъ своей невинности и мудрости и тотчасъ же чудесно исчезаетъ изъ судилища, какъ скоро окончена его защита. Какъ же согласить съ очевиднымъ желаніемъ Филострата представить такъ дѣло введеніе въ разказъ Эліана, который тайно покровительствуетъ Аполлонію во все время послѣдняго пребыванія его въ Римѣ, даетъ ему совѣты, какъ вести себя съ

¹⁾ Ibid. I. III, с. 29, р. 119.

²⁾ Ibid. I. V, с. 12, р. 196—197

часть CLXXXVIII, отд. 2.

Домиціаномъ и на судѣ, склоняетъ императора облегчить его участь и употребляетъ всѣ средства, какія только находятся во власти сильнаго и искуснаго царедворца, чтобы спасти Аполлонія отъ грозящей ему бѣды ¹⁾? Вводя въ свое повѣствованіе Эліана, не даетъ ли Филостратъ читателю повода предполагать, что и исходъ судебного процесса оказался такимъ, а не инымъ, не безъ тайнаго вліянія этого царедворца на весь ходъ дѣла? Какъ же объяснить эту несообразность, если все повѣствованіе есть чистый вымыселъ ученаго ритора?

Нельзя сомнѣваться, что Филостратъ пользовался для своей книги дошедшими до него преданіями. И должно прибавить, что, насколько возможно судить по тѣмъ краткимъ извѣстіямъ о мудрецѣ Тіапскомъ, какія почерпнутся изъ другихъ источниковъ, — въ основаніи этихъ преданій лежали историческіе факты. Объ одной чертѣ въ Аполлоніѣ Тіапскомъ настойчиво свидѣтельствуютъ всѣ древнѣйшія извѣстія о немъ. И Апулей, и Мирагенъ по свидѣтельству Оригена, и Діонъ Кассій ²⁾ одинаково называютъ его магомъ, чародѣемъ (μάγος, γόης, magus) и даже представляютъ его однимъ изъ извѣстнѣйшихъ маговъ. Къ разряду такихъ же лицъ, очевидно, причислялъ его и Лукіанъ (μαγοδορμάντ). Мирагенъ въ своемъ сочиненіи, по свидѣтельству Филострата, упоминалъ объ астрологическомъ сочиненіи Аполлонія (περὶ μαγείας ἀστέρων), состоявшемъ изъ четырехъ книгъ ³⁾, и это можетъ служить новымъ доказательствомъ любви Аполлонія къ наукамъ, которыя обѣщали чрезвычайное, необыкновенное знаніе. Поэтому, если Филостратъ постоянно обращается къ опроверженію того мнѣнія, будто Аполлоній былъ магъ ⁴⁾, и этимъ даетъ понять, что такое мнѣніе было очень распространено, если онъ разказываетъ факты, изъ которыхъ видно, что на Аполлонія и при жизни смотрѣли какъ на мага ⁵⁾, то всѣ эти свѣдѣнія очевидно подтверж-

¹⁾ Ibid. I. VII, c. 16, p. 297.

²⁾ Apuleius Apol., p. 156; Origen. c. Cels. VI. 41; Dio Cass. LXVII, 18, LXXVII, 18.

³⁾ Philostr. quae supers. omn. ed. *Olear.* I. III, c. 41, p. 130. Въ лексиконѣ Свиды не упоминается вовсе объ этомъ сочиненіи Аполлонія; но Kayser, Flav. Philostr. quae supers. Prooem., p. V, догадывается, что его нужно разумѣть подъ сочиненіемъ, которое Свидя называетъ χηρσομοε, и о которомъ мы нигдѣ болѣе не встрѣчаемъ упоминанія.

⁴⁾ Philostr. quae supers. omn. ed. *Olear.* I. 1, c. 2, p. 3—4; I. V, c. 12, p. 196—197; I. VII, c. 39, p. 317—319.

⁵⁾ Ibid. I. VI, c. 18, p. 156; I. VII, c. 17, p. 298. c. 33, p. 313; I. VIII, c. 19, p. 363.

даются свидѣтельствами болѣе древними. Съ понятіемъ о магѣ и чародѣѣ прежде всего соединяется представленіе о человѣкѣ, совершающемъ необыкновенныя дѣйствія, то-есть, такія, которыя представляются вполнѣ необъяснимыми изъ извѣстныхъ законовъ природы или даже прямо противорѣчащими имъ; отсюда слѣдуетъ, что и разказы Филострата о чудесныхъ дѣйствіяхъ Аполлонія имѣли какое-либо фактическое основаніе, хотя взглядъ на нихъ и объясненіе ихъ у Филострата, очевидно, значительно разнится отъ взгляда другихъ писателей. Впрочемъ и писатели, причисляющіе Аполлонія къ магамъ, могли смотрѣть на него какъ на мага не совсѣмъ обыкновеннаго рода: Мирагенъ, напримѣръ, считая Аполлонія магомъ, признавалъ его въ то же время и философомъ. Это послѣднее свидѣтельство Мирагена заставляетъ насъ вѣрить также Филострату, когда онъ говоритъ о приверженности Аполлонія къ философїи. Что философская школа, къ которой принадлежалъ Аполлоній, была школа пифагорейская, это также вполнѣ вѣроятно. То время очень благоприятствовало развитію пифагорейзма, представителемъ котораго былъ уже не одинъ Аполлоній; и одна ли какая-нибудь философская система такъ удобно допускала связь съ магіей, мантикой, искусствомъ врачеванія, какъ пифагорейзмъ, съ которымъ издавна соединялись знанія этого рода, и который возвысилъ своего основателя на степень великаго чудотворца. Можетъ быть, косвенное подтвержденіе извѣстїю о пифагорейзмѣ Аполлонія Тіанскаго можно найти и у Лукіана: осмѣивая маговъ и теурговъ въ лицѣ Александра Абопотейхоса (*Ἀποποταῖχος*), учителемъ этого мага онъ называетъ нѣкоего Тіанца изъ лицъ постоянно обращававшихся съ Аполлоніемъ Тіанскимъ и знавшимъ всю его трагедію, какъ выражается Лукіанъ; а между тѣмъ, Александръ, по его словамъ, не только ставилъ себя въ особой близости къ Эскулапу, но и прямо сопоставлялъ себя съ Пифагоромъ. Наконецъ, Аполлонію Тіанскому не безъ основанія приписывается сочиненіе о жизни Пифагора, которое, если судить по его названію и по позднѣйшимъ ссылкамъ на него, достаточно выдаетъ философскія симпатїи автора ¹⁾. Изъ книги Филострата объ Аполлоніѣ

¹⁾ Объ Аполлоніѣ, писателѣ жизни Пифагора, упоминаютъ Ямблїхъ *De vit. Pythag.* ed. *Kuster*, 1707, с. XXXV, р. 203—204, и Порфирій, *De vit. Pythag.* то же изданіе, р. 5. Такъ какъ мы не знаемъ другаго пифагорейца съ именемъ Аполлонія, то справедливо считаютъ эти упоминанія подтвержденіемъ свидѣтельства Свиды (см. *Ἀπολλώνιος*), приписывающаго сочиненіе о жизни Пифагора

слѣдуетъ, какъ мы видѣли выше, что на первомъ мѣстѣ въ дѣятельности Аполлонія стояли заботы о религіозномъ культѣ. Историческій Аполлоній дѣйствительно былъ особенно заинтересованъ вопросами о культѣ и старался распространить свой взглядъ на жертвы между своими современниками, какъ это доказывается тѣмъ, что онъ написалъ сочиненіе о жертвахъ и въ немъ объяснялъ, какимъ образомъ приносить жертву каждому божеству, чтобъ она была достойна его и ему угодна ¹⁾. У Евсевія ²⁾ сохранена выдержка изъ этого сочиненія; въ ней выражается та мысль, что первому и возвышенному надъ всѣмъ Богу не слѣдуетъ приносить въ жертву ничего изъ чувственныхъ предметовъ, такъ какъ Онъ ни въ чемъ не нуждается, и все чувственное соединено съ нечистотой; къ Нему можно обращаться только съ словомъ, но не съ тѣмъ, которое произносится устами: у совершеннѣйшаго существа нужно просить блага лучшимъ, что есть въ насъ, то-есть, умомъ, не пужающимся въ органахъ. На основаніи одной этой выдержки трудно составить вѣрный взглядъ на по-

Аполлонію Тіанскому; впрочемъ издавна приводились и нѣкоторыя возраженія противъ этого мнѣнія, см. напр. *Mosheim Comment. et orat.*, ed. *Miller*, 1751. *De script. Apoll. Tyan*, p. 460—461.

¹⁾ *Philostr. quae supers. omn. ed. Olear. De vit. Apoll. Tyan. l. III, c. 41, p. 130.* Древнѣйшимъ свидѣтелемъ объ этомъ сочиненіи остается Филостратъ; но мы не имѣемъ основанія въ этомъ случаѣ не вѣрить ему, такъ какъ онъ говоритъ объ этомъ произведеніи Аполлонія, какъ сильно распространенномъ въ его время, въ обществѣ; притомъ же изъ этого именно сочиненія Аполлонія Евсевій приводитъ цитруемый нами дальѣ отрывокъ, подлинность котораго не оспаривается. Кроме упомянутыхъ уже Аполлоніевыхъ сочиненій, въ лексиконѣ Свиды упоминается о письмахъ Аполлонія и о его завѣщаніи. Сборникъ писемъ, посланныхъ въ настоящее время пня Аполлонія, безусловно содержитъ много писемъ подложныхъ, и отдѣленіе отъ нихъ подлинныхъ писемъ философа Тіанскаго представляетъ не мало трудностей. Нѣкоторый сборникъ Аполлоніевыхъ писемъ Филостратъ относитъ уже ко времени Адриана (*Ibid. l. VII, c. 20, p. 364*) и самъ приводитъ нѣсколько такихъ писемъ въ своей биографіи Аполлонія; но послѣднія незначительны по своему содержанію и не всѣ, по видимому, подлины; впрочемъ и самъ Филостратъ свидѣтельствуетъ, что уже въ его время ходили подложныя письма съ именемъ Аполлонія (*Ibid. l. VII, c. 35, p. 314*). О завѣщаніи Аполлонія Свиды, конечно, упоминаетъ вслѣдъ за Филостратомъ (*Ibid. l. I, c. 3, p. 5*); но завѣщаніе, которое зналъ Филостратъ, было написано на іонійскомъ діалектѣ, тогда какъ Филостратъ, по его собственному свидѣтельству, не зналъ ни одного письма Аполлоніева (за исключеніемъ одного подложнаго), написаннаго на этомъ діалектѣ (*ibid. l. VII, c. 36, p. 314*); это уже заставляетъ предположить, что завѣщаніе было подложное.

²⁾ *Præparat. Evang. IV, 13.*

нїе Аполлонія Тіанскаго о божествѣ; можетъ быть, оно отчасти и развїтїе отъ того представленїя о Божествѣ, которое развито у Филострата; но цитуемыя Евсевіемъ слова Аполлонія, по крайней мѣрѣ, служатъ безспорнымъ доказательствомъ того, что онъ имѣлъ никакъ не менѣе возвышенное понятїе о Божествѣ, нежели какое усвоетъ ему Филостратъ ¹⁾. Можно сдѣлать и еще нѣкоторыя сближенїя между разказами Филострата объ Аполлоніѣ и болѣе древними свѣдѣнїями о немъ. По свидѣтельству Оригена, въ сочиненїи Мирагена говорилось, что онъ имѣлъ послѣдователей даже между философами; это заставляетъ насъ думать, что и извѣстїя Филострата объ уваженїи многихъ къ Аполлонію и о его послѣдователяхъ не чуждо исторической основы. Нужно думать, что имѣло какое-нибудь историческое основанїе и понѣствованїе Филострата о политической дѣятельности Аполлонія; Дїонъ Кассій разказываетъ, подобно Филострату, что Аполлоній высказалъ энергическое одобренїе убійству Домиціана въ Римѣ, которое прозрѣлъ онъ изъ Ефеса, а это доказываетъ по крайней мѣрѣ то, что народная молва представляла Аполлонія противникомъ Домиціановой тираннїи. Къ сожалѣнїю, ранѣе Филострата мы не находимъ никакихъ извѣстїй объ очень важномъ фактѣ изъ его жизни, о далекихъ путешествїяхъ его на востокъ; но все же совершенно отрицать ихъ достовѣрность было бы едва ли справедливо. Любознательные Греки уже въ очень давнее время стремились на востокъ для знакомства съ его мудростїю; во времена же Аполлонія, въ періодъ наибольшаго распространенїя римскаго господства, подобныя путешествїя сдѣлались, конечно, много удобнѣе, чѣмъ были въ древнее время (за исключенїемъ путешествїя въ Индію); сказанїя о далекихъ путешествїяхъ Пифагора шли съ давняго времени, съ перваго, втораго и даже третьаго вѣка до Р. Х., и могли побуждать ревностныхъ его послѣдователей слѣдовать въ этомъ отношенїи его примѣру. Подробности въ описанїи далекихъ путешествїй Аполлонія безспорно не заслуживаютъ никакой вѣры, но самый фактъ его про-

¹⁾ Въ одномъ изъ писемъ, дошедшихъ до насъ подъ именемъ Аполлонія (письмо 58-е), развивается строго пантеистическое міровоззрѣнїе, которое Тешманъ, *Gesch. d. Philos.*, V, p. 206—208, справедливо называетъ предлюдей къ системѣ Спинозы, но едва ли справедливо онъ считаетъ вѣроятнымъ, что такое міросозерцанїе принадлежало дѣйствительному Аполлонію: оно плохо мирится съ понятїемъ о Богѣ *καχωρισμένον από πάντων*, въ отношенїи къ которому все чувственное заключаетъ *μάταια*, какъ говорится въ отрывкѣ изъ Аполлоніева сочиненїя о жертвахъ у Евсевія.

должительныхъ странствованій на востокѣ, и можетъ быть, даже нѣкоторыя наиболѣе важныя черты въ ихъ описаніи едва-ли измышлены Филостратомъ, такъ какъ, по его словамъ, на обученіе Аполлонія у браминцовъ, маговъ и гимпософистовъ ссылались даже его враги, вводя на него обвиненіе въ чародѣйствѣ.

Само собою понятно, что въ настоящее время нѣтъ никакой возможности строго отдѣлать въ повѣствованіи Филострата слѣды истины отъ намѣренной и не намѣренной лжи. Но если обратить вниманіе на общія условія времени, въ которое пришлось жить и дѣйствовать Аполлонію, то на основаніи всего сказаннаго, можно, по видимому, съ нѣкоторою степенью вѣроятности опредѣлить и уяснить себѣ его историческую роль. Извѣстно, въ какомъ печальномъ положеніи находилась религіозно-нравственная жизнь греко-римскаго язычества предъ временемъ Рождества Христова. Философская критика религіозныхъ вѣрованій, опиравшихся на сказанія поэтовъ, начатая уже древнимъ Ксенофаномъ, въ слѣдующія за нимъ слишкомъ пять столѣтій успѣла поколебать непосредственную вѣру. Гражданская доблесть прежней болѣе юной и свѣжей эпохи давно уже сдѣлалась преданіемъ, но крайней мѣрѣ на сколько была она характеристическою чертой не отдѣльныхъ только личностей, а цѣлаго народа или того или другаго племени. Съ упадкомъ религіи все ниже и ниже падалъ уровень нравственной жизни; съ утратой гражданской доблести шла утрата политической свободы въ Греціи и гражданской въ Римѣ и въ свою очередь также дѣйствовала разрушительнымъ образомъ на жизнь нравственную. Улучшенія религіозно-нравственной жизни, по видимому, всего естественнѣе было бы ожидать отъ философіи: она взяла на себя разрѣшеніе высшихъ вопросовъ знанія и жизни, она и должна бы была возвратить философско-религіозному міровоззрѣнію утраченную имъ цѣлость и дать твердыя основы для нравственной жизни. Но въ какой системѣ можно было искать ихъ? Послѣдній результатъ философскаго знанія выразился въ скептицизмѣ академіи; новыхъ оригинальныхъ серьезныхъ концепцій не было видно. Приходилось обратиться къ прошлому. Чтѣ же давало прошлое? Наиболѣе вниманія возбуждали изъ системъ предшествовавшаго періода стоическая и эпикурейская. Могли ль онѣ удовлетворить настоятельнымъ потребностямъ времени? Если вопросъ касался не отдѣльныхъ лицъ, а общей жизни, то слишкомъ очевидно, что реформы нравственно-религіознаго міровоззрѣнія ни отъ эпикуреизма, ни отъ стоицизма ожидать было нельзя. Не въ эпику-

реализмъ, конечно, можно было отыскивать тѣ идеалы, которыхъ теперь не доставало, и которые могли бы одухотворить измельчавшую жизнь. Стоицизмъ въ своемъ нравственномъ ученіи представлялъ не мало возвышеннаго; но въ общемъ и самое его нравственное ученіе было слишкомъ безотрадно и основывалось на слишкомъ отвлеченныхъ принципахъ, чтобъ объявить притязаніе на всеобщее господство; къ тому же нравственное ученіе составляетъ лишь часть общаго міровоззрѣнія и стоитъ въ необходимой связи съ тѣми или другими взглядами на происхожденіе и сущность бытія, а стоическая философія могла съ этой стороны представить только матеріалистическій пантеизмъ. Но потребности жизни не могли оставаться вовсе безъ всякаго удовлетворенія, и нѣкоторый исходъ для себя онѣ нашли.

На ряду съ поименованными явленіями въ философской области въ это же время сталъ развиваться интересъ къ пифагорейству. Пифагорейзмъ собственно никогда и прежде не исчезалъ сполна изъ исторіи. Явившись при самомъ началѣ развитія философской мысли въ Греціи, онъ продолжалъ существовать до самаго ея упадка: когда онъ исчезаетъ въ собственной Греціи, слѣды его существованія еще можно находить въ такъ называемой Гроціи Великой; прекратившись, по видимому, всюду, онъ даетъ знать о себѣ въ цѣломъ рядѣ появившихся подложныхъ сочиненій пифагорейской школы, въ распространеніи орфико-пифагорейскихъ мистерій, съ которыми если не соединилось философіи въ собственномъ смыслѣ, все же соединились нѣкоторые обычай и ученія, напоминавшіе о пифагорейской философіи. И эта живучесть пифагорейской философіи никакъ не случайна, а стоитъ въ глубокой связи съ самою ея сущностію. При своемъ явленіи она имѣла особую задачу. Въ то время, какъ школа іонійскихъ физиковъ пыталась опредѣлить матеріальные элементы, изъ которыхъ состоитъ міръ, а Элеаты старались выяснить и разрѣшить отвлеченныя метафизическія задачи въ отношеніи къ бытію, пифагорейская философія возбуждала въ сознаніи идеи мѣры и нравственнаго порядка въ міровой жизни: идея мѣры выразилась въ возведеніи члена на степень метафизическаго основанія бытія, идея нравственнаго порядка нашла свое выраженіе въ ученіи о безсмертіи духа и о душепереселеніи. Пифагорейзмъ не всегда умѣлъ давать научное обоснованіе идеямъ, которыя составляли его сущность; въ орфико-пифагорейскихъ мистеріяхъ, на примѣръ, онѣ выступали просто какъ требованія или постулаты нравственной жизни; при болѣе подробномъ раз-

витіи своихъ взглядовъ пифагорейзмъ подпалъ въ послѣдствіи сильному вліянію системъ платоновой, аристотелевой и стоической: но идеи, съ которыми явился онъ въ міръ, всегда составляли его принадлежность. Онъ - то именно и давали ему ту живучесть, которую онъ обнаружилъ въ исторіи, и чрезъ нихъ не разъ онъ оказывался даже способнымъ производить оживляющее вліяніе на греческую мысль. Когда, напримѣръ Эмпедоклъ въ своей системѣ пытался соединить выводы іонійскихъ физиковъ и элеатовъ, онъ нашелъ въ пифагорейзмѣ ту нравственно-эстетическую точку зрѣнія, которая даетъ своеобразную окраску всей его системѣ. Известно, какое важное вліяніе пифагорейзмъ имѣлъ въ развитіи философской мысли у Платона. И теперь, на рубежѣ древней и новой исторіи, когда скептицизмъ отнималъ у философіи, по видимому, всякое значеніе, пифагорейзму предстояло дать ей то оживающее вліяніе, которое сопровождалось въ послѣдствіи развитіемъ неоплатонизма. Но реформа въ философскомъ міровоззрѣніи шла медленно, а жизнь между тѣмъ настоятельно требовала удовлетворенія своихъ вопіющихъ потребностей. Не удивительно поэтому, что со стороны неопифагорейзма до образованія новой философской системы являлись попытки къ улучшенію нравственно-религіознаго состоянія того міра. Неопифагорейзмъ былъ, казалось, къ тому наиболее способенъ. Въ преданіяхъ этой школы было высокое понятіе объ единомъ Божествѣ, и оно могло развиваться далѣе подъ вліяніемъ позднѣйшихъ ученій. Между тѣмъ пифагорейзмъ никогда не стоялъ въ безусловно враждебномъ отношеніи къ народной религіи; эта школа всегда умѣла мирить ученіе о множественности боговъ съ ученіемъ объ ихъ единствѣ: это давало ей возможность приблизиться къ народнымъ представленіямъ. Неопифагорейзмъ несъ съ собою идею безсмертія духа, способную воздѣйствовать на жизнь нравственную. Онъ не представлялъ точно опредѣленной во всѣхъ подробностяхъ системы, которая въ одномъ неизмѣнномъ видѣ сохранялась бы съ древняго времени; наоборотъ онъ доступенъ былъ вліянію позднѣйшихъ ученій; но въ то же время онъ не разрывалъ живой связи съ преданіями своей школы, и такимъ образомъ въ одно и то же время имѣлъ за себя и авторитетъ древности, и плоды размышленія позднѣйшихъ поколѣній. Не менѣе важно было и то, что онъ никогда не былъ исключительно принадлежностью философовъ, — рассказы о древнемъ пифагорейзмѣ свидѣтельствовали объ огромномъ непосредственномъ вліяніи его на общество; орфико-пифагорейскія мистеріи ставили его въ связь съ религіей. Ци-

пифагорейская школа несравненно болѣе чѣмъ какая-нибудь другая философская школа имѣла видъ учрежденія съ характеромъ практическимъ, съ практическими стремленіями, такъ какъ она требовала отъ своихъ приверженцевъ не только исполненія опредѣленныхъ нравственныхъ правилъ, но и опредѣленнаго образа жизни. Въ лицѣ основателя школы, Пифагора, а также близкаго къ ней Эмпедокла пифагореизмъ имѣлъ образцы непосредственнаго вліянія на народъ: Пифагоръ жилъ въ преданіяхъ школы не только какъ великій ораторъ, но и какъ человѣкъ, владѣвшій необыкновенными средствами вліянія—мантикой, чудодѣйственною силою. Извѣстно, какіе разказы ходили въ древности о необычайномъ ораторскомъ искусствѣ Эмпедокла и о его чудесныхъ дѣйствіяхъ, и онъ самъ описываетъ, какъ толпами обращались къ нему мужчины и женщины за совѣтами, предсказаніями, врачеваніями и упоминаетъ о лѣкарствахъ отъ болѣзней, противъ старости, о господствѣ надъ вѣтрами и дождемъ и даже о возможности возвращать людей изъ Аида ¹⁾. Не мудрено, что, обладая такими средствами, пифагореизмъ выступилъ для выполненія задачи, которую предлагало время. Это именно значеніе, можно думать, имѣли тѣ жизнеописанія Пифагора, которыя, кромѣ Аполлонія, приписываются Модерату, Никомаху, и о которыхъ мы знаемъ лишь по ссылкамъ другихъ писателей; обращаясь къ жизни и дѣятельности Пифагора, эти писатели, конечно, хотѣли возбудить вниманіе общества къ теоретическимъ и нравственнымъ принципамъ, представителемъ и проповѣдникомъ которыхъ онъ былъ. Но подобною проповѣдью принциповъ пифагореизма дѣло, безъ сомнѣнія, не ограничивалось. При практическомъ характерѣ школы было совершенно естественно, чтобъ изъ нея выступали люди, которые брали бы непосредственно на себя дѣло Пифагора, видоизмѣняя его соотвѣтственно условіямъ времени и ихъ личнаго пониманія. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ, по нашему мнѣнію, Аполлоній Тіанскій. Съ понятіемъ о Богѣ единомъ, возвышающемся надъ всѣмъ, допускающемъ лишь поклоненіе умомъ, съ ученіемъ о безсмертіи духа выступилъ онъ въ качествѣ общественнаго учителя. Образцами для его дѣятельности были, конечно, свѣтила школы — Пифагоръ и Эмпедоклъ. Желая явиться во всеоружіи Пифагора, онъ совершаетъ далекія путешествія для обстоятельнаго ознакомленія съ религіозною мудростію народовъ Востока; онъ усволяетъ все, чтò могъ представить древній міръ по

¹⁾ *Fragm. graec. philos. ed. Mullach*, I, 12, стр. 397—410; 14, стр. 462—470.

мантикѣ, медицинѣ, магіи, чтобъ окружить себя тѣмъ же блескомъ необыкновенной силы и могущества, которымъ давнія сказанія окружали Пифагора и Эмпедокла. Особенности его проповѣди мы знать не можемъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ намъ пришлось бы, положиться на одно ненадежное свидѣтельство Филострата; мы знаемъ только, что на видпомѣ мѣстѣ стояли у него подробности религиознаго культа, съ чѣмъ впрочемъ могли соединяться и другія разнообразныя задачи и даже политическія стремленія. Его энергія и совершенными имъ необыкновенными дѣйствіями, которыя поражали воображеніе толпы, и какъ это всегда бываесть, въ народныхъ сказаніяхъ принимали болѣе и болѣе грандіозный и чудесный характеръ, приобрубли ему послѣдователей даже между философами и доставили не мало вліянія на народъ. Едва ли можно оспаривать, что при Домиціанѣ онъ подвергнулся жестокому преслѣдованію, но успѣлъ избѣгнуть казни. Какіе мотивы сильнѣе выступали въ его личной психической жизни, желаніе ли улучшить современное общество, или ненасытное тщеславіе, заставлявшее его искать почета и важной роли, это также мало можемъ мы опредѣлить ¹⁾, какъ и остальные подробности его жизни ²⁾, также мало, прибавимъ, какъ мало можемъ опредѣлить то у Пифагора или Эмпедокла. Лица послѣднихъ какъ будто иначе, величественнѣе рисуются въ исторіи: оно и понятно. Они впервыенесли съ собою тѣ великія начала, которыя лишь повторить выпало на долю Аполлонія. Разъ оказавъ могучее вліяніе на греческую мысль, пифагореизмъ въ дальнѣйшемъ теченіи греческой жизни могъ производить и дѣйствительно производилъ возбуждающее

¹⁾ Что онъ не былъ корыстолюбивъ, на этомъ сильно настаиваетъ Филостратъ. Свидѣтельство Филострата само по себѣ не могло бы имѣть цѣны, но нѣкоторое значеніе придаетъ ему то обстоятельство, что въ доказательство нестяжательности Аполлонія Филостратъ ссылается на то, что въ корыстолюбіи не обличали его даже враги; см. Philostr. quae supers. omn. ed. Olear. Vit. Apoll. Tuap. l. VIII, c. 7, p. 332.

²⁾ Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что и въ позднѣйшее время встрѣчаются писатели, надѣющіеся подробнѣе возсоздать жизнь Аполлонія, руководясь разказомъ Филострата; такъ, въ незначительной по содержанію статьѣ Ноака въ *Psyche*, Bd. I, Heft. 2, 1858, p. 124, не только очень доверчиво передается разказъ Филострата, но и дѣлается попытка сблизить событія жизни Аполлонія съ повѣствованіями, содержащимися въ книгахъ Новаго Завѣта: Аполлоній сблизается съ Аполлосомъ, упоминаемымъ Апост. Дѣян., гл. 18 п 19, а также съ однимъ изъ апокалипсическихъ противниковъ церкви,—то и другое впрочемъ, совершенно произвольно.

вліяніе на тѣ ея стороны, которыя носили въ себѣ сѣмена будущаго развитія, но новыхъ началъ развитія дать онъ не могъ, такъ какъ не заключалъ ихъ самъ въ себѣ. И условія дѣятельности измѣнились. Что Пифагора, Эмпедокла и другихъ мужей сѣдой древности возвышало въ общественномъ сознаніи на степень провидцевъ, чудотворцевъ, то въ глазахъ многихъ, воспитанныхъ въ духъ новаго, болѣе опытнаго, болѣе скептическаго поколѣнія запечатлѣнно названіемъ мага, чародѣя, къ которому такъ сгнанно иные присоединили и названіе философа. Такимъ образомъ дѣятельность Аполлонія, можетъ быть — въ частностяхъ и не безплодная, очевидно, не удалась въ смыслѣ попытки разрѣшить ту задачу, какал ей предстояла.

Этого не понялъ или не хотѣлъ понять Филостратъ. Онъ искренно удивлялся, почему за одни и тѣ же дѣла возвышаются Пифагоръ, Эмпедоклъ, а Аполлоній низводится на степень мага и чародѣя; онъ ясно видѣлъ одно, что дѣятельность философа Тианскаго вовсе не похожа на дѣятельность обыкповепныхъ маговъ и чародѣевъ, и что задачи, которыя онъ преслѣдовалъ, очень серьезныя и очень настоятельныя задачи. Воспользовавшись предложеніемъ Юліи Домны, онъ, въ прямую противоположность мнѣнію лицъ, унижавшихъ дѣятельность Аполлонія, всѣми силами старался представить ее въ возможно благоприятномъ свѣтѣ и употребилъ, конечно, всѣ средства для этой цѣли: подъ его рукой оказалось грандіознѣе все то, въ основаніи чего лежала историческая истина, изглаждалось по возможности то, что могло возбуждать какія-либо сомнѣнія ¹⁾, и въ лицѣ Аполлонія

¹⁾ Замѣчательно, что у писателей, много болѣе позднихъ (Flav. Philostr. *quae supers.*, ed. *Kaysr*, Proem. p. III, № 3, Malalam. p. 263, 266, ed. *Dind.* Mich. Gluc. Ann. 445, ed. B.; Theod. Metoch. Hist. Rom. 86, ed. *Meurs.*; Cedren. I, 431 seq., 278 et 346), услоются Аполлонію дѣйствія, сильно напоминающія дѣятельность маговъ. Mosheim (Commentat. et orat. ed. *Miller*. De imagin. telesitic. Apoll. Tyan. epust. p. 469) такъ передаетъ содержаніе нѣкихъ этихъ разказовъ: Hic (Apollonius) numen illud fuit salutare, quod statuis maxime virtutis positus serpentum insectorumque vim ab Antiochensum capite depulit, terraeque motus sedavit. Hic arte eadem Licum amnem cohibuit: hic equos ferocientes Bysantii quiescere jussit. Hic. ventum aquilonarem arcano quodam monumento compescuit. Hic singulari quadam ratione tot alia mala, Antiochiae praesertim et Bysantii, sustulit, ut vix pares tantis beneficiis gratiae referri possent. Выше мы упоминали, что уже Евсевій зналъ о περιέρων μαγιστῶν Аполлонія; не удивительно, что и эти сказанія идутъ изъ очень ранняго времени; можетъ быть, есть даже пріавія въ предположеніи (*Wellauer*, Apollon. v. Tyan. въ *Jahn's Archiv*, Bd. X. 440), что чудесныя дѣйствія, которыя приписываются Аполлонію позднѣйшими писателями,

соединились всѣ черты, которыя были наиболѣе цѣпны въ его собственныхъ глазахъ. Изъ-подъ пера Филострата, однимъ словомъ, вышелъ идеалъ, который могъ напоминать образъ мудреца Тианскаго, но никакъ не былъ съ нимъ тождественъ. Запимаясь съ очевидною любовію подробнымъ развитіемъ этого идеала, Филостратъ, конечно, шелъ на встрѣчу тѣмъ же самымъ потребностямъ времени, которымъ старался удовлетворить и историческій Аполлоній¹⁾. Могъ ли онъ ожидать большаго успѣха? Правда, средства къ достиженію цѣли теперь измѣнились, и по видимому, стали благопріятнѣе. Въмѣсто дѣйствительнаго лица съ его неизбѣжными недостатками явился идеализированный типъ; вмѣсто скоропребывающей дѣятельности человѣка явился устойчивый и неизмѣнный образъ. Поэтому Филостратъ могъ ожидать значительнаго религіозно-правственнаго вліянія на общество, давалъ ему высокій образецъ въ своемъ Аполлоніѣ. Однако этого не случилось; реформы не произошло. И удивляться тутъ нечему, какъ

и которыя очень напоминаютъ искусство маговъ, зналъ уже Филостратъ и наизбрено не внесъ въ свой разказъ, чтобы они не произвели на читателя того впечатлѣнія, которому онъ неясчески старался противодействовать.

¹⁾ Кроме второй задачи, имѣть нужды подозрѣвать въ произнесеніи Филострата какія-либо другія. Несостоятельность мысли о стремленіи Филострата создать образъ, соответствующій Христу, мы уже видѣли. Едва ли справедливо приписывать Филострату и побочныя цѣли, состоящія въ полемикѣ противъ стоицизма и цинической философіи, какъ хочетъ Целлеръ (*Philos. d. Griech. Th. III. Abth. 2. Hält 2, 135 — 136*). Если полемическія цѣли въ отношеніи къ стоической философіи Целлеръ находитъ въ описываемой у Филострата борьбѣ между Аполлоніемъ и стоякомъ Евратомъ, то не слѣдуетъ забывать, что самый фактъ борьбы между ними едва ли могъ быть измышленъ Филостратомъ, такъ какъ объ отношеніяхъ между этими двумя философами, по свидѣтельству Оригена, упоминалось въ книгѣ Мирригена, и сомнительно, чтобы Филостратъ рѣшился разказывать нечто прямо противорѣчащее фактамъ весьма извѣстнымъ. Описывая же борьбу, дѣйствительно существовавшую, онъ безъ всякихъ особыхъ полемическихъ цѣлей противъ стоицизма, единственно вслѣдствіе отношенія своего къ Аполлонію, долженъ былъ стараться предгнать въ невыгодномъ свѣтѣ того, кто былъ противникомъ его любимому философу. Полемическое отношеніе къ цинической философіи Целлеръ находитъ въ томъ, что Аполлоній доказываетъ превосходство своей философіи гимнософистамъ, а гимнософисты, по мнѣнію Целлера, въ этомъ случаѣ являются представителями циниковъ. Но Целлеръ, конечно, забываетъ, что у Филострата является лицо, которое онъ считаетъ дѣйствительно представителемъ цинической философіи, философъ Димитрій, и однако этотъ философъ стоитъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Аполлонію, и Аполлоній никогда не вступаетъ въ полемику противъ взглядовъ, принадлежащихъ ему какъ философу цинической школы.

ни много прекрасныхъ, истинно привлекательныхъ сторонъ въ личности Филостратова Аполлонія. Существенная причина неудачи осталась та же. Чтò принесъ съ собою въ міръ мудрецъ Тіанскій, изображенный Филостратомъ? Обозрѣвъ его ученіе, его проповѣдь, его стремленія, мы можемъ сказать рѣшительно, что нѣтъ идеи ни теоретическаго, ни практическаго свойства, появленіе которой въ міръ было бы связано съ его личностію. Онъ не могъ обновить человѣчество по той простой причинѣ, что не умѣлъ сказать ему ничего новаго. Совершенно наоборотъ; его стремленія обращены назадъ, его идеалы живутъ въ древности. Его философія въ его собственномъ сознаніи есть повтореніе древняго пифагореизма. Источниками его званія служатъ прежде всего старыя преданія храмовъ, слѣды прежней мудрости у маговъ, гимнософистовъ, браминовъ. Даже общественно-политическіе идеалы его обращены къ давно минувшему порядку вещей: поворота къ учрежденіямъ Ликурга онъ искренно желаетъ, на примѣръ, для Спартацевъ. И это обращеніе за идеалами къ древности никакъ нельзя назвать совершенною иллюзіей въ Аполлоніѣ. Оно истинно уже въ томъ смыслѣ, что совершенно отвѣчаетъ скудости его собственной продуктивной силы. Справедливо, конечно, что его пифагореизмъ не совсѣмъ то, чтò—пифагореизмъ древности; справедливо и то, что, обращаясь къ преданіямъ древности, его мысль отыскиваетъ тамъ много такого, чтò составляетъ результатъ размышленія и опытности послѣдующихъ поколѣній. Но все это новое не имъ, а задолго до него внесено въ міръ. Отрицательное отношеніе къ сказаніямъ поэтовъ о богахъ, представленіе міра живымъ существомъ, ученіе о безсмертіи духа, о тѣлѣ какъ темницѣ для духа, развитіе общихъ нравственныхъ понятій, все это знали много столѣтій рапѣ времени Филострата. Его Аполлонія можно назвать только популяризаторомъ, народнымъ проповѣдникомъ этихъ идей. Одного, можетъ быть, не знала до него Греція—тѣхъ подробностей культа, которые стояли у него на первомъ планѣ. Но религіозно-нравственное обновленіе не совершается одними подобными средствами.

Впрочемъ, на Филостратова жизнеописаніе Аполлонія едва ли справедливо было бы смотрѣть даже какъ на произведеніе, въ которомъ совершеннѣйшимъ образомъ выразился религіозно-нравственный идеалъ, выработанный греко-римскимъ язычествомъ. Филостратъ не былъ глубокимъ философомъ, чтобы свести въ одно цѣлое и осмыслить скопившіеся результаты многовѣковой исторіи мысли и жизни; онъ не былъ гениальнымъ поэтомъ, чтобы обнять ихъ своимъ

чувствомъ и выразить въ художественномъ образѣ; онъ не былъ и восторженнымъ служителемъ религіи, чтобы при созданіи идеала уберечься отъ всякой фальшивой черты, чутко прислушиваясь къ внушеніямъ высоко развитаго религіозно-нравственнаго чувства. Филостратъ просто былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ людей своего времени: онъ могъ понимать и цѣнить многія изъ лучшихъ и возвышеннѣйшихъ понятій, выработанныхъ наукой и жизнью, но онъ не былъ чуждъ ни ограниченности, ни односторонности мировоззрѣнія. Если въ его Аполлоніѣ мы можемъ указать на нѣкоторыя невыгодныя стороны, то по большей части онѣ всего легче объясняются особенностями направленія самого Филострата. Если, напримѣръ, Аполлоній всюду является лицомъ, преимущественно разсуждающимъ и важнѣйшее орудіе своего вліянія полагаетъ въ силѣ и остротѣ своей діалектики, если въ немъ слишкомъ слабо выступаютъ чувство и воля, которыя должны находиться на высокой степени развитія у дѣятелей этого рода, — то причины этого нужно искать, конечно, въ томъ, что этотъ образъ вышелъ изъ-подъ пера ученаго ритора, который высоко цѣнилъ достоинство діалектики и краснорѣчія, и вѣроятно, представлялъ идеальнымъ то состоявіе общества, гдѣ остроумныя и краснорѣчивыя разсужденія имѣли бы всепобѣждающую силу. Если въ своей апологіи (а отчасти и въ своей рѣчи къ Веспасіану въ отвѣтъ на рѣчи Евфрата и Діона) Аполлоній оказывается не слишкомъ разборчивъ въ доказательствахъ, то опять мы видимъ здѣсь, позади его, художника ораторскаго искусства, который увлекается цѣлью убѣдить, опровергнуть доказательства противника. Если ученіе Аполлонія о божествѣ оказывается нечуждымъ антропоморфизма, то едва ли не слѣдуетъ здѣсь прежде всего видѣть недостатокъ глубокой философской мысли у его біографа. Сочиненіе Филострата о жизни Аполлонія уже потому не могло бы стать въ разрядъ сочиненій, въ которыхъ совершеннѣйшимъ образомъ выразился идеалъ ихъ времени, что ему недостаетъ внутренней правдивости и искренности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно привести на память, что авторъ этого сочиненія выдаетъ за событія жизни Аполлонія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ источниковъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ ней, что онъ, очевидно, намѣренно идеализируетъ изображаемое имъ исторически существовавшее лицо, сознательно искажаетъ историческую истину согласно предвзятой тенденціи. Но этого мало. Если мы не ошибаемся, Филостратъ не имѣлъ чистосердечной вѣры въ важнѣйшія изъ чудесъ, которыя приписы-

ваетъ онъ своему Аполлонію и разказываетъ ихъ лишь съ цѣлю сильнѣе подѣйствовать на читателя. Это видно, по нашему мнѣнію, изъ того, что его разказъ о нихъ обыкновенно ведется такимъ образомъ, что допускаетъ разнообразное толкованіе, смотря по большей или меньшей способности вѣрити въ читателѣ. Это можно сказать о чудесномъ воскрешеніи Аполлономъ дѣвушки, о его собственной смерти и объ явленіи его послѣ смерти. Окончивъ повѣствованіе о воскрешеніи дѣвушки, Филостратъ замѣчаетъ, что трудно рѣшить, пашель ли еще въ ней Аполлоной искру жизни, которая осталась не замѣченною врачами, или вновь возбудилъ жизнь совсѣмъ потухшую ¹⁾. О смерти Аполлонія онъ, какъ мы видѣли, приводитъ нѣсколько разказовъ и хотя, очевидно, старается склонить читателя къ вѣрѣ въ сказаніе наиболѣе чудесное, однако никакъ не высказываетъ опредѣленно своего мнѣнія о томъ, какой разказъ, болѣе ли чудесный, или болѣе естественный, считаетъ онъ самымъ правдоподобнымъ. Повѣствованіе о явленіи Аполлонія послѣ смерти ведется такъ, что совершенно на волю читателя предоставляется рѣшить, было ли юношѣ видѣніе во снѣ, или на яву; предъ видѣніемъ юноша засыпаетъ и одинъ изъ всѣхъ присутствующихъ видитъ Аполлонія, — это, по видимому, заставляеть думать, что видѣніе было во снѣ; но юноша, какъ явствуетъ изъ разказа, тотчасъ же послѣ видѣнія имѣлъ убѣжденіе, что оно было для всѣхъ, и когда онъ разубѣдился въ этомъ, онъ однако никакъ не называетъ видѣнія сномъ, но остается въ увѣренности, что то было едиполичное видѣніе. Такое отсутствіе правдивости и искренности, такое желаніе подѣйствовать на убѣжденіе другихъ безъ собственного внутренняго убѣжденія составляетъ такую черту Филостратова разказа, которая мало мирится съ понятіемъ идеала. Если въ началѣ четвертаго вѣка язычество противопоставило Филостратова Аполлонія основателю христіанской религіи, то это еще не доказываетъ того, чтобы въ произведеніи Филострата наилучшимъ образомъ выражены были высшіе результаты языческаго религіозно-правственнаго развитія; это доказываетъ только, что для язычества въ то время существовала постоянная потребность противопоставить христіанскому идеалу свой идеалъ, и что совершеннаго и вполне законченнаго выраженія для этого идеала не нашлось въ литературѣ, какъ и естественно было ожидать въ тотъ періодъ, когда

¹⁾ Philostr. quae supers. omn. ed. Olear. Vit. Apoll. Tyan. l. IV, c. 45, p. 186 — 187.

мысль страдала муками скептицизма и была не въ силахъ опознаться въ хаосѣ различныхъ противорѣчащихъ другъ другу философскихъ сектъ и мнѣній. Образъ, начертанный Филостратомъ, имѣлъ много безспорныхъ достоинствъ и выдавался за точное изображеніе личности, которая существовала исторически, оставила по себѣ память своею дѣятельностью и пользовалась въ послѣдствіи почти религіознымъ почетомъ; этого было совершенно достаточно, чтобы въ виду крайней нужды обратились къ этому образу. Не слѣдуетъ забывать, что провозглаголаніями высокаго значенія Филостратова Аполлонія явились или такіе дилетанты въ наукѣ, каковъ былъ Героклъ, или такіе ничтожные философы, какъ неоплатоникъ Енапій; значительнаго философскаго имени мы не встрѣчаемъ въ числѣ лицъ, возвысившихъ его на степень идеала.

Не можемъ мы смотрѣть на книгу Филострата объ Аполлоніѣ и какъ на самое точное формулированіе стремленій и задачъ пифагорейской школы въ этотъ періодъ. Отношеніе Филострата къ ученію о числахъ было очевидной измѣною пифагорейзму. Но есть измѣна, менѣе бросающаяся въ глаза, но несравненно болѣе важная. Что Аполлоній, хотѣвшій быть пифагорейцемъ, провозглашался божественнѣе Пифагора, — въ этомъ заключалось не только логическое противорѣчіе, но и мысль, которую не могла допустить школа, если не хотѣла достигнуть на собственное существованіе. Какъ пифагореецъ могъ бы допустить, что не Пифагоръ, а Аполлоній представляетъ для него высшій образецъ мудрости и добродѣтели и былъ вдохновеннѣйшимъ учителемъ въ цѣлой школѣ? Наиболѣе талантливые и энергическіе представители пифагорейской философіи, желая удовлетворить потребностямъ времени, могли не только обращаться къ исторіи жизни основателя школы, но и сами выступать въ качествѣ народныхъ учителей, надѣленныхъ необыкновенною силою. Но какое значеніе они ни приобрѣли бы, они не могли, оставаясь пифагорейцами, послѣдователями, подражателями Пифагора, стать выше учителя. Если ихъ необыкновенное вліяніе на общество или какія-либо особыа благоприятныя случайности и могли чрезмѣрно выдвинуть значеніе того или другаго изъ нихъ въ сознаніи общества въ извѣстный моментъ времени, то это могло быть лишь явленіемъ кратковременнымъ; какъ скоро исчезали особыа благоприятныя обстоятельства, какъ скоро слабѣла живость впечатлѣнія, произведеннаго извѣстнымъ дѣятелемъ, долженъ былъ естественно постепенно меркнуть и его образъ. На

оборотъ, всегда, пока продолжалъ существовать пифагорейзмъ, долженъ былъ свѣтити полнымъ и яркимъ блескомъ образъ его основателя и его всегдашняго идеала. Вотъ почему образъ Аполлонія въ сознаніи пифагорейцевъ скоро долженъ былъ смѣниться образомъ Пифагора, и сочиненіе Филострата о мудрецѣ Тіанскомъ уступить свое мѣсто сочиненіямъ Порфирія и Ямвлиха объ основателѣ школы. Не случайно, конечно, Порфирій и Ямвлихъ вовсе не упоминаютъ о Филостратовомъ жизнеописаніи Аполлонія, хотя въ ихъ сочиненіяхъ о Пифагорѣ не было недостатка въ поводахъ къ тому, и хотя очень трудно предположить, чтобы они вовсе не знали его ¹⁾. Ямвлихъ не безъ ѣдкости говоритъ о лживыхъ (и подложныхъ) сочиненіяхъ, бросавшихъ тѣнь на школу ²⁾. Не безъ цѣли, вѣроятно, онъ особенно указываетъ на превосходство знанія Пифагора сравнительно съ знаніемъ тѣхъ, которые позднѣе пользовались его ученіями ³⁾, и высказываетъ мнѣніе, что никогда не приходило и не прійдетъ блага болѣе, чѣмъ сколько даровано было богами чрезъ Пифагора ⁴⁾. Можетъ быть, не безъ отношенія къ антропоморфизму Филостратова Аполлонія онъ замѣчаетъ о Пифагорѣ, что по его ученію боги не ограничены образомъ человѣческимъ, но обнимаю все своимъ промышленіемъ, имѣютъ и форму сходную съ формой цѣлаго ⁵⁾. Какимъ рѣзкимъ укоромъ Филострату звучатъ слова Ямвлиха, когда онъ указываетъ на необыкновенное значеніе числа даже относительно бытія боговъ и міра, относительно предвѣденія и религіознаго культа ⁶⁾? И едва ли также случайно, послѣ разказа о многихъ чудесныхъ событіяхъ изъ

¹⁾ Напрасно стали-бъ искать объясненія этому вмѣстѣ съ Вауромъ (Apollon. v. Tyran. u. Christ., 209) въ томъ, что она будто бы видѣли, что Филостратову Аполлонію многого недостаетъ для исторической реальности, и потому хотѣли противопоставить ему въ своемъ Пифагорѣ личность сходную, но стоящую на болѣе твердой исторической почвѣ, и въ этихъ видахъ дѣлали частыя ссылки на болѣе древнихъ писателей. Послѣдняго о Ямвлихѣ сказать нельзя. Аполлоній— историческая личность никакъ не менѣе, чѣмъ Пифагоръ. Филостратъ также ссылается на болѣе древнія сказанія. Занеодозрили ли Порфирій и Ямвлихъ, подобно Вауру, существованіе Дамиса и Максима Эгійскаго? Но самъ Филостратъ, какъ свидѣтель, ближе во времени къ Аполлонію, чѣмъ большинство приводимыхъ имъ свидѣтелей—во времени Пифагора.

²⁾ Vit Pythag., ed. Kuster, c. 1, p. 2.

³⁾ Ibid., c. V, p. 20—21.

⁴⁾ Ibid., c. VI, p. 23.

⁵⁾ Ibid., c. XXVIII, p. 127.

⁶⁾ Ibid., c. XXVIII, p. 123—124.

жизни Пифагора и пифагорейцевъ, онъ внушительно прибавляетъ, что они считаютъ глупцами не самихъ себя за вѣру въ чудесное, но не вѣрующихъ, такъ какъ нельзя вѣстѣ съ лицами, подобнымъ образомъ мудрствующими, утверждать, будто для боговъ одно возможно, другое не возможно, невозможно все ¹⁾).

¹⁾ Ibid., с. XXVIII, р. 116—117.

М. Каринскій.

ГРЕЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

Der griechische Roman und seine Vorläufer von *Edwin Rohde*. (Греческій романъ и его предшественники, соч. *Эдвина Роде*). Leipzig, 1876.

Когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ пришлось писать разборъ книги г. Кирпичникова о греческихъ романахъ ¹⁾, я долженъ былъ не разъ пожалѣть, что въ ученой литературѣ запада вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу заброшенныхъ. За немногими исключеніями, греческій романъ столь же мало популяренъ въ современной наукѣ, какъ въ бывшее время онъ былъ популяренъ въ литературахъ запада. Между тѣмъ изученіе его представляетъ многосторонній интересъ. Прежде всего, какъ первый образчикъ рода, которому суждено было такое богатое развитіе въ будущемъ, романы вызвали на подробный анализъ, который раскрылъ бы ихъ стилистическія особенности, ихъ *raison d'être* въ исторіи греческой словесности. Другая точка зрѣнія подсказана тѣмъ особымъ интересомъ, какой обнаруживается въ современной наукѣ къ сравнительнымъ изслѣдованіямъ въ области сказокъ, повѣстей и вообще той бродячей литературы, которая была не послѣднимъ цементомъ, связывавшимъ нѣкоторыми общими чертами древне-европейское общество. Опредѣлить особую цѣнность греческаго романа въ этомъ общемъ повѣствовательномъ капиталѣ было бы второю задачей для всякаго, увлеченнаго въ эту область изслѣдованія.

Книга Роде отвѣчаетъ той и другой задачѣ, хотя и не равномѣрно. Изъ двухъ темъ, обозначенныхъ въ заглавіи его книги, „предшественники“ романа обработаны подробнѣе и повѣе, чѣмъ самые романы. Авторъ не скрываетъ отъ насъ, что такова была его цѣль, что онъ обратилъ болѣе вниманія на изложеніе причинъ, обусловив-

¹⁾ Статья эта напечатана въ *Вѣстникѣ Европы* 1876 г., № 11.

шихъ появленіе романическаго рода, чѣмъ на характеристику его отдѣльныхъ произведеній. Вопросъ генезиса представился ему болѣе интереснымъ, чѣмъ поэтическіе индивидуумы, на столько не характерные сами по себѣ, что они могутъ являться только какъ представители рода. Авторъ ожидаетъ, что съ общимъ распорядкомъ его плана всѣ согласятся, и что сомнѣніе возбудится лишь относительно размѣровъ, данныхъ имъ вопросу о генезисѣ, о предшественникахъ и т. д. Онъ знаетъ, что слишкомъ долго оставался въ преддверіи и грандіознымъ портникомъ вывелъ насъ къ небольшому зданію, главѣ о романахъ, занимающей меньшую долю книги. Но никто не посягаетъ на него за то, что, отправляясь въ дальній путь, цѣлью котораго — голая песчаная пустыня (то-есть романы), онъ предпочелъ не спѣшить, а шель медленно проселкомъ по смѣющейся мѣстности, останавливаясь иногда, чтобы сорвать блестящій цвѣтокъ, и отдыхая подъ развѣсистымъ деревомъ, глядѣть въ солнечную даль. Онъ думаетъ, что читатель раздѣлитъ его мнѣніе, — и утверждаетъ далѣе, — замѣняя метафорическій языкъ дѣловымъ, что, по его мнѣнію, исторія литературы должна обратить особое вниманіе именно на такіе удаленные, пустынные закоулки, каковы тѣ, въ которые онъ нерѣдко заходитъ.

Если, извиняя подробности своего изложенія, Роде указываетъ на недостаточность пригготовительныхъ работъ именно въ этой области, то его показаніе относится къ тѣмъ блужданіямъ по проселкамъ, за блестящими цвѣтками, слѣды которыхъ остались въ книгѣ — въ массѣ экскурсовъ, филологическаго и особенно сравнительно сказочнаго характера. Что касается другой стороны дѣла, то-есть, вопроса о романахъ и ихъ генезисѣ, то здѣсь дѣло представляется въ иномъ свѣтѣ. Собственно глава о романахъ даетъ нѣсколько новыхъ соображеній относительно ихъ хронологіи, неопредѣленной и неясной; въ отношеніи же „предшественниковъ“ главныя руководящія идеи были уже высказаны: книга Дильтея раскрыла отношенія романа къ эротической элегіи Александрійской эпохи, на которыя намекалъ уже Бутманъ; небольшой трудъ Николаи указалъ, правда, въ самыхъ общихъ чертахъ, на связи романа съ позднѣйшею софистикой. Изъ этихъ двухъ рубрикъ не выходитъ и Роде, онъ только развиваетъ ихъ новымъ матеріаломъ, который позволилъ ему болѣе широкія и вѣроятныя обобщенія. Этотъ элементъ обобщенія, это желаніе проникнуть въ тайники литературнаго прогресса, столь рѣдкое въ писателѣ-специалистѣ, дѣлаютъ книгу Роде особенно интересною для насъ. Я останавлиюсь, разбирая ее, на вопросѣ

о происхожденіи романческаго рода въ Греціи и затѣмъ уже пойду за авторомъ проселкомъ, срывая блестящія цвѣтки сравненій и легендарныхъ параллелей.

I.

Греческіе романы III—VI столѣтій должны поражать всякаго, знакомаго съ общимъ ходомъ развитія греческой литературы, какъ явленіе аномальное. Съ перваго взгляда они кажутся мало обусловленными предшествовавшими фазами этого развитія; ихъ задача—въ изображеніи не дѣйствительности, а какихъ-то фиктивныхъ, идеальныхъ отношеній, въ которыхъ главнымъ двигателемъ является любовь, существенный интересъ ихъ изчерпывается личнымъ чувствомъ; ихъ поэзія пишется прозой, и въ добавокъ, имѣетъ лишь мало общаго съ поэтическими типами, завѣщанными литературнымъ преданіемъ: преданіе уступило поле личному вымыслу. Во всемъ этомъ такъ мало греческаго, самые романы являются въ исторіи литературнаго развитія столь эпизодически, такъ мало замѣчены современниками, что вопросъ возстаетъ за вопросомъ. Изъ какихъ невѣдомыхъ началъ создалось въ Греціи нѣчто столь не греческое? (стр. 3). Отвѣтовъ явилось нѣсколько. Говорили о вліяніи христіанскаго миросозерцанія; авторъ совершенно справедливо отрицаетъ его, подтверждая свое мнѣніе разборомъ Геліодора (стр. 434 и слѣд.). Столь же мало состоятельна гипотеза о восточномъ вліяніи на развитіе греческаго романа. Еслибъ она и могла быть доказана, то не разрѣшила бы вопроса: дѣло, очевидно, не въ томъ, что извѣстные культурные элементы могли быть заимствованы извнѣ, а въ томъ, какія внутреннія условія приготовили греческій умъ къ принятію и приобщенію въ плоть и кровь этихъ культурныхъ элементовъ. Восточное вліяніе было, но оно обусловило не греческій романъ, а въ извѣстной мѣрѣ греческую повеллу. Это приводитъ насъ къ попыткамъ установить третій генезисъ греческаго романа, привязавъ его начало къ разговорамъ въ родѣ тѣхъ, которые ходили подъ названіемъ милетскихъ. Мнѣ очень пріятно было встрѣтить у Роде подтвержденіе моего собственнаго мнѣнія, — что между греческимъ романомъ и повеллой нельзя предположить никакихъ генетическихъ отношеній; и только расхожусь съ нимъ въ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ выводахъ. Новелла, говоритъ Роде, — преимущественно реальна; романъ отличается крайне идеальнымъ характеромъ; это какъ-бы два полюса; съ новеллой можно поставить на одинъ уровень развѣ новую, буржуазную ко-

медію. Тѣмъ страннѣе представляется, по мнѣнію Роде, попытка Вильмена удѣлить послѣдней долю участія въ развитіи романа. Но связи между комедіей и романомъ предполагаются вовсе не на почвѣ большей реальности или идеальности, а въ сферѣ общихъ культурныхъ отношеній, на которыя указываетъ иной разъ и самъ авторъ. Сравнительно свободное положеніе женщины въ романѣ находитъ себѣ параллель въ средней и новой комедіи (стр. 61); тамъ и здѣсь общія черты религіознаго міросозерцанія: культъ судьбы, Тихэ (стр. 278—279). Извѣстно, что романъ въ греческой литературѣ не получилъ постоянного, особаго названія: болѣе общее было *δρᾶμα*, *σύνταγμα* драматикόν и т. д. Роде (стр. 350—351) припоминаетъ по этому поводу обычное въ риторическихъ учебникахъ дѣленіе повѣствовательнаго рода на историческій, судебный и драматическій; подъ послѣдними разумѣли повѣствованія о событіяхъ вымышленныхъ, но такихъ, какія возможны были-бъ и въ дѣйствительности: ихъ называли драматическими, потому что они, будучи вымышленными и вмѣстѣ съ тѣмъ не противорѣча возможной дѣйствительности, *утодоблялись сюжетами новой комедіи*. Еще одна черта, общая комедіи и роману, по крайней мѣрѣ одному изъ видныхъ его представителей — идеализація природы и сельскаго быта (стр. 504—505). И имѣю въ виду Лонга, но и вообще причудливая географія греческихъ романовъ выражаетъ то же стремленіе — удалиться отъ излишней опредѣленности эллинскаго городского преданія.

Снова возвращаясь къ вопросу о генезисѣ, я повторю заявленіе Роде, что происхожденіе греческой романтики никогда нельзя будетъ объяснить иначе, какъ изъ исторіи греческой же поэзіи (стр. 4). Это указываетъ на цѣли и результаты изслѣдованія: если греческій романъ могъ представиться кому бы то ни было чѣмъ-то не греческимъ, то лишь потому, что мы утратили сознаніе тѣхъ непосредственныхъ звеньевъ, которыя привязываютъ его къ предыдущему, столь отличному отъ него, развитію греческой литературы. Незнаніе этихъ звеньевъ при сравненіи явленій, стоящихъ на противоположныхъ полюсахъ исторіи, и производило то впечатлѣніе контраста, которое заставляло подозрѣвать въ греческомъ романѣ что-то не народное. Но эти звенья существуютъ: эротическая поэзія эллинской эпохи приготовила развитіе романа; культурныя условія, вызвавшія разцвѣтъ александрийской эротики, помогутъ намъ въ извѣстной мѣрѣ освѣтить родственное міросозерцаніе позднѣйшихъ романтиковъ.

Къ разложенію религіознаго сознанія, начавшемуся задолго до

распространенія эллинской культуры на востокѣ, присоединились въ эту пору, которую принято называть эллинистической, еще признаки разложенія общественнаго. Въ эту пору, говоритъ Роде, — все вело къ тому, чтобъ окончательно порвать узы, привязывавшія отдѣльнаго человѣка къ вѣрѣ, обычаямъ и чувствованіямъ своего народа, и такимъ образомъ изолировать его въ сферѣ его собственныхъ мыслей и взглядовъ. Въ то время, какъ старая Эллада либо хирѣла въ убогомъ застоѣ, либо тратила силы въ пенушной борьбѣ, блестящая жизнь наполняла, въ первые вѣка діадочовъ, пространныя африканскія и азіатскія владѣнія эллинистическихъ царей. Туда направлялись всѣ, въ комъ еще оставалась искра умственной силы, — ища искусственнаго покровительства при дворахъ, единственно возможнаго при общемъ упадкѣ народной жизни. Вырвавшись изъ ревнивой самозаклученности городской и племенной общины, коренной Грекъ сталкивался на громадныхъ пространствахъ варварскихъ земель, въ роскошныхъ новопостроенныхъ столицахъ, съ гражданами другихъ греческихъ и полугреческихъ племенъ, и болѣе того — съ туземцами варварами. Это должно было пріучить его къ болѣе свободному міросозерцаію: на сколько онъ переставалъ быть истиннымъ Эллиномъ, на столько становился *космополитомъ*: въ этихъ новыхъ варварско-эллиническихъ царствахъ ничто не связывало его съ міросозерцаіемъ, нравами, съ религіей его отечества, всецѣло проникавшею его жизнь и искусство. Онъ до такой степени освободился отъ односторонности греческаго взгляда, что отрекается отъ глубоконаціональнаго разграниченія Эллиновъ и варваровъ, признавая самими свободными мыслителями стараго времени: въ первый разъ въ исторіи является у него мысль о космополитическомъ единствѣ всѣхъ людей и народовъ. До такой точки зрѣнія могло прійти лишь общество, которое болѣе не понимало воспитательнаго и опредѣляющаго вліянія узкой народной традиціи на отдѣльное лицо, предоставляя развитіе прирожденныхъ ему способностей его личному самоопредѣленію. На этомъ стремленіи къ обособленію покоилось *монархическое* устройство главнѣйшихъ эллинистическихъ государствъ. Какъ всюду, такъ и въ тогдашнихъ „просвѣщеныхъ монархіяхъ“, личность находила себѣ болѣе широкія условія для развитія, чѣмъ какое возможно было въ народныхъ демократіяхъ и олигархіяхъ, основанныхъ на общемъ строгомъ самоуправленіи тѣсно-силоченной общины горожанъ, подчинявшей эту личность общими цѣлями и воспитавшей тѣ гармонически равномѣрные типы, каковыми мы привыкли удивляться

въ древней Греціи. Теперь, наоборотъ, личность была всецѣло предоставлена своимъ собственнымъ побужденіемъ относительно воспитанія и приложенія своихъ умственныхъ силъ. Это повело за собою къ нарушенію того „единства стила“, которое въ жизни небольшихъ греческихъ общинъ опредѣлило всѣ культурныя проявленія въ области государства и искусства—съ такою удивительною необходимостью, какъ будто они вышли изъ одной общей мысли. Это единство, основанное главнымъ образомъ на неразрывной связи личнаго духа съ жизнью общества, было теперь нарушено; однимъ изъ проявленій этого разлада было рѣзкое отдѣленіе образованнаго меньшинства отъ неученой массы, отдѣленіе, подготовлявшееся уже въ предшествующую пору развитія, приведшее къ односторонней, научной спеціализации, которая съ своей стороны усиливала чувство личной особенности. Крайнее развитіе *индивидуализма* — выдающаяся черта, родовой признакъ этого общества, вышедшаго изъ колеи бытовыхъ, политическихъ и религіозныхъ преданій (стр. 15—17).

Таковы историческія отношенія, на почвѣ которыхъ выросла эллинистическая эротика, съ ея новыми сюжетами, съ новыми задачами поэзіи, далеко отводящими ее отъ идеаловъ классической эпохи. Нѣсколько словъ въ объясненіе этого новаго явленія будутъ не лишними.

Распространяясь по варварскимъ областямъ, греческая образованность, на сколько она становилась географическимъ экспансивнѣе, на столько теряла въ интенсивности своего національнаго характера. Греческія идеи, преданія, образы пропикли далеко за предѣлы родины, но на новой почвѣ теряютъ постепенно свой живой смыслъ: внѣшняя популярность не уравнивается внутреннимъ пониманіемъ, симпатіей. Въ самомъ дѣлѣ: религіозная поэзія Эллады обусловлена племенными мѣстными отношеніями; тѣмъ болѣе—эпическая сага, непосредственно почерпающая свои соки изъ земли, изъ которой впервые вышли ея герой-автохеоны, выразители древне-греческаго народнаго сознанія. И вотъ эта сага, эта поэзія переносится на востокъ; это—палладіумъ греческой культуры, поддерживавшій духовныя связи завоевателей-колонистовъ съ родиной. Вскорѣ связи слабѣютъ: общее разложеніе религіознаго чувства, долженствовавшее быть особенно сильнымъ въ областяхъ, гдѣ религія была занесенная, обезцвѣтило миѳы, обезличило боговъ; прочность религіознаго пониманія уступила мѣсто *личнымъ* толкованіямъ, и въ средѣ типическихъ образовъ древняго Олимпа чаще и чаще встрѣчается блѣдный, от-

влеченный образъ Тихэ, судьбы. Что совершилось въ области мѣа, совершилось одновременно и на почвѣ народнаго эпоса: тамъ и здѣсь ослабѣлъ элементъ вѣри, съ одной стороны, въ религиозное значеніе мѣа, съ другой—въ народныя основы эпоса; вдали отъ родины притупилось пониманіе этой народности, и *индивидуальное* чувство претворило по-своему ея завѣтные типы, какъ претворило образы боговъ. Это повсемѣстное вторженіе индивидуализма опредѣлило содержаніе новой поэзіи: если она беретъ свои сюжеты изъ числа эпическо-мѣаическихъ, завѣщанныхъ старипою, то понимаетъ ихъ какъ поэтическія, абстрактныя темы, внося въ нихъ свои идеи, не считаясь съ тѣмъ, что въ нихъ было традиціоннаго, освященнаго вѣковымъ культомъ. Когда сталъ возможнымъ этотъ шагъ, открылись пути для введенія въ поэзію и новыхъ, не традиціонныхъ сюжетовъ. Когда религиозная легенда и героическая сага возбуждаютъ только поэтический интересъ, почему было не расширить предѣлы поэтическихъ вымысловъ? Варварскія страны, колонизованныя Греками, представляли богатый запасъ мѣстныхъ сказаній, которыхъ религиозный смыслъ былъ для Грека не обязательенъ. Еслибъ онъ овладѣлъ ими въ эпоху разцвѣта своей религиозной мысли, онъ ввелъ бы въ ея волшебный кругъ эти восточныя сказки; въ эпоху религиознаго упадка, о которомъ идетъ рѣчь, о такомъ внутреннемъ претвореніи не было и рѣчи: мѣстныя преданія востока являются сразу поэтическими темами, съ которыми свободно могъ обращаться личный художникъ; впоследствии къ этимъ восточнымъ легендамъ присоединились и мѣстныя греческія, почему-то не приуроченныя дотолѣ къ цикламъ народнаго мѣа и эпоса. Тѣ и другія легенды записываются, ихъ собираютъ историки-антиквары, какъ предметъ ученаго, археологическаго любопытства, какъ непочатой матеріалъ для поэтическаго творчества.

Предыдущія строки указали намъ на сюжеты эллинистической эротики. Они подсказаны ей развитіемъ жизни, разлагавшейся въ своихъ основахъ подъ сильнымъ вліяніемъ *индивидуализма*: сюжеты старыя, увѣковѣченные поэтическимъ преданіемъ прошлыхъ вѣковъ, но пересказанные на-ново, *индивидуально*,—и сюжеты новыя, впервые введенныя въ поэтическую жизнь *личными* поэтами, порывавшими связи съ этимъ преданіемъ, упрямо державшимся въ границахъ немногихъ опредѣленныхъ цикловъ. Всего удобнѣе прослѣдить этотъ, отмѣченный индивидуализмомъ, характеръ новой поэзіи на сюжетахъ перваго разряда. Это въ полномъ смыслѣ слова *передѣлки* въ смыслѣ италіанскаго *rifacimento*: образы и очертанія разказа берутся старыя, но образамъ

дается новый типъ, разказъ освѣщенъ новымъ колоритомъ; что въ немъ было лишь намѣчено, не развито—получаетъ особое значеніе, и отодвигается на задній планъ то, что прежде представлялось существеннымъ. Элементъ суроваго подвига скрадывается за изображеніемъ чувства, патетическихъ, сантиментальныхъ положеній; мелкая легенда о любовномъ похищеніи того или другаго героя обращается въ цѣлую эротическую повѣсть, герои становятся рыцарями, боги—галаптными героями. Старые образы греческаго повѣрья иногда не узнаваемы въ этой индивидуально-романической передѣлкѣ. Гомеровскій Ахиллъ, движимый лишь идеями славы и сознаниемъ своей трагической участи, одинъ изъ любимцевъ народнои фантазій, продолжавшей работать надъ его идеальнымъ образомъ, очутился въ рукахъ эротиковъ влюбленнымъ юношей; его отношенія къ Бризендѣ, его поздняя, внезапно возгорающаяся любовь къ убитой Пентесилеѣ получили сантиментальное освѣщеніе; мрачная легенда о жертвоприношеніи Поликсены на могилѣ Ахилла дала сюжетъ для цѣлаго, патетически настроеннаго разказа. Тѣ же приемы обнаруживаются и въ сказаніи о Медуѣ: ея любовь къ Ясону—не слѣдствіе покровительства, которое оказываетъ ему Афродита; любовь перенесена изъ міра эпическихъ мотивовъ въ область внутреннихъ, психологическихъ движеній: роковая страсть сломила серьезный, трагически-суровый духъ Медуи, волшебная сила внучки солнца не устояла противъ чисто человѣческаго влеченія сердца. Извѣстно прелестное греческое сказаніе о любви Эпопы къ покинувшему ея Парису; поздно введенное въ циклъ троянскихъ сказаній, оно встрѣчается у мифографовъ и дало сюжетъ одной поеврипидовской трагедіи. Эротики Александрійской эпохи увидѣли въ немъ благодарную тему и развили по-своему, какъ его идиллическій эпизодъ, такъ и трагическую часть. Обыкновенно разказывалось, что Парисъ, смертельно раненый, призываетъ къ себѣ покинутую имъ Эпопу, потому что она одна въ состояніи исцѣлить его своими цѣлебными травами. Эпона въ началѣ отказывается, потомъ идетъ, но прибывъ слишкомъ поздно, вѣшается съ отчаяніемъ. Иначе у эротиковъ: въ разказѣ Квинта Смирнскаго, очевидно, вымышленномъ какимъ-нибудь Александрійцемъ, самъ раненый Парисъ тащится въ горы къ оставленной имъ дѣвухѣ и падаетъ въ изнеможеніи у ея ногъ; она сурово отказывается ему въ его просьбахъ, и онъ принужденъ удалиться не исцѣленный. Но тутъ ею овладѣло раскаяніе: ночью она спѣшитъ по горамъ и доламъ, при лучахъ сострадательной Селены. Парисъ между тѣмъ скончался, и нимфы и пастухи запиты сожже-

ніемъ его тѣла. Закутавъ голову, не говоря ни слова, Энопа бросается въ пламя, чтобъ умереть съ милымъ, забывшимъ ее въ объятіяхъ другой. Другое, еще болѣе тонкое психологическое развитіе принадлежитъ, вѣроятно, какому-нибудь поэту той-же Александрійской школы: Энонѣ удается своими волшебными зельями оживить Париса; проснувшись отъ смертнаго сна, онъ произноситъ имя ненавистной соперницы, Елены; тогда Энопа прекращаетъ чары, и Парисъ умираетъ.

Въ различныхъ пересказахъ легенды объ Энонѣ, легко усмотрѣть въ какомъ направленіи совершилось развитіе данной темы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что составляетъ сущность александрійскаго жанра—изображеніе, анализъ индивидуальныхъ ощущеній преимущественно передъ внѣшнимъ развитіемъ событий. Въ этомъ мірѣ индивидуальныхъ ощущеній любовь есть, можетъ быть, самое индивидуальное: она и является влюбленнымъ сюжетомъ, почти исключительнымъ содержаніемъ александрійской эротики: любовь, понятая какъ всѣмъ движущая, опредѣляющая челоуѣка сила, какъ главный интересъ жизни, любовь, звучащая по всѣмъ тонамъ гаммы: неясное стремленіе, трагическій рокъ, тихо тлѣющее, сантиментальное чувство. Такое представленіе любви было непонятно и неизвѣстно древнему Греку; оно начинаетъ проявляться на послѣднихъ страницахъ его исторіи; еще Аристофанъ протестуетъ противъ Еврипида, примѣшавшаго извѣщенные конфликты любви къ величественному паосу трагедіи; александрійскими эротиками она овладѣла всецѣло: это былъ признакъ эпохи индивидуализма, особенно симпатичный нашему пониманію. „Въ повѣствовательной поэзіи Александрійцевъ“, говоритъ Роде (стр. 60), — „эротическая тема играетъ столь видную роль, что мы можемъ усмотрѣть въ ней начало современнаго вкуса, который не въ состояніи заинтересоваться поэтическимъ произведеніемъ, гдѣ любовь не была бы душой дѣйствія или не являлась въ борьбѣ съ другими страстями“.

Итакъ, любовь къ женщинѣ, исторія этой любви — главная тема эллинистической эротики. Является вопросъ: на сколько эта тема подсказана была жизнью, на сколько условія греческаго быта допускали фактическое развитіе той страсти, какую представляетъ намъ въ идеальномъ освѣщеніи современная поэзія? Любовь предполагаетъ развитіе, возможность встрѣчи, личнаго объясненія и т. д.; возможно ли было все это при извѣстномъ намъ въ древней Греціи строгомъ затворничествѣ женщины? Роде пытается отвѣтить на этотъ вопросъ, собирая факты и предлагая выводы, которые едва ли удовлетворятъ

многихъ. То, что можно бы назвать эманципацией женщины отъ строгихъ положеній обычая, началось давно. На нѣкоторые признаки указываетъ Аристофанъ; отрывки средней и новой комедіи свидѣтельствуютъ, что даже въ Аѳинахъ, этомъ очагѣ женской обычной нравственности, женщины успѣли завоевать себѣ болѣе свободное положеніе, благодаря своей энергіи, хитрости и уловкѣ. Та же комедія служитъ намъ показаніемъ, какую роль играла тогда въ жизни элегантной молодежи любовная интрига и сантиментальное вздыханіе. Не даромъ Плутархъ отозвался о драмахъ Менандра, что онѣ связаны одною связью—любви, которая проходитъ по нимъ, какъ общее имъ дуполеніе жизни. Разумѣется, замѣчаетъ Роде,—женщины являющіяся предметомъ этой страсти, исключительно гетеры: лучшее доказательство того, что, какъ и прежде, семья не представляла еще условій для развитія того эротическаго чувства, которое воспѣваютъ поэты. Но аѳинскія отношенія не могутъ служить мѣриломъ того, что совершалось въ другихъ греческихъ областяхъ, тѣмъ болѣе, что въ эпоху александрійской эротики Аѳины перестали быть центромъ греческой жизни. Въ Спартѣ, напротивъ, положеніе женщины было иное: тамъ онѣ были болѣе самостоятельны, владѣли угодами и оказывали большое вліяніе на мужчинъ. Что же касается эллинистическихъ областей, говоритъ Роде,—то смѣшеніе Грековъ съ варварами, забвеніе первыми народныхъ преданій и обычаевъ, вѣроятно, отразилось и на положеніи женщины, и можетъ быть, усилило и углубило ся вліяніе на жизнь. Но все это остается для насъ въ области однихъ гаданій. Положеніе могло быть различное, въ различныхъ странахъ и для отдѣльныхъ сословій. Мы, напримѣръ, можемъ утверждать, что извѣстное измѣненіе въ смыслѣ эманципации совершилось въ высшихъ слояхъ общества; примѣрами служатъ сильные, самостоятельные женскіе характеры при дворахъ діадочовъ и Птоломеевъ: тамъ въ полномъ смыслѣ слова правили женщины, ихъ воспѣвали придворные поэты, и Роде высказываетъ предположеніе, что эти придворныя галантныя отношенія опредѣлили тонъ эллинистической эротики. Можно допустить, что примѣръ двора отразился и въ болѣе низменныхъ, буржуазныхъ слояхъ общества, по вообще Роде считаетъ нелогичнымъ заключить изъ болѣе свободнаго положенія женщины высшаго круга въ строго-монархическихъ государствахъ къ такому же положенію женщины, ниже поставленной сословно, либо изъ комплиментовъ придворной поэзіи — къ существованію такого же галагантнаго тона во всемъ обществѣ, въ общеніи половъ. Въ дѣйствительной

буржуазной жизни, заключаетъ Роде,—извѣстная галантность, отзывающаяся подъ часъ легкомысленно-сантиментальнымъ тономъ, существовала по прежнему лишь по отношенію къ гетерамъ: о томъ, чтобы произошли какія бы то ни было измѣненія въ положеніи честной дѣвушки и женщины, мы не узнаемъ ничего. Даже для образованія ихъ сдѣлано было такъ мало, что еще Музоній и Плутархъ требуютъ равномѣрнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ, какъ чего-то новаго. Правда, замѣчаетъ Роде,—произведенія александрійской эротики получаютъ свой настоящій смыслъ лишь въ предположеніи, что они назначены были для женщинъ; но женщины, интересовавшіяся этою поэзіей, принадлежали либо къ придворному кругу, либо къ образованнымъ гетерамъ. Объ отношеніяхъ домашней, повседневной жизни, тѣсно скованной обычаями, говорить нечего: здѣсь оставались во всей силѣ стѣснительныя условія старины. Мужчины и женщины не встрѣчались ни за столомъ, ни въ театрахъ; честныя жепы являлись на улицѣ и въ храмахъ лишь въ сопровожденіи дуэши, а дома жили на особой половинѣ: еще Корпелій Непотъ говоритъ о *gynaekonitis*, какъ обычномъ мѣстопробываніи греческой женщины. Та же затворническая жизнь и для дѣвушки: освобожденіе ея изъ терема было бы такимъ переворотомъ, который не прошелъ бы не замѣченнымъ, а о такомъ переворотѣ мы не узнаемъ ничего. Нѣжное, страстное ухаживаніе юноши, которое такъ любить представлять современная эротика, едва ли снято съ дѣйствительности: при греческомъ обычаѣ сговора при посредствѣ отца такая поэзія была не у мѣста.

Общее заключеніе Роде такое (стр. 70—71): „Никому не прійдетъ въ голову отрицать въ греческой жизни существованіе чистой, сильной любви; невозможно доказать лишь то, что это чувство завоевало себѣ право существованія въ гражданскихъ отношеніяхъ дѣйствительности. Если, такимъ образомъ, любовь играетъ выдающуюся роль въ поэзіи того времени, не чувственная любовь древняго Грека, а чистая, возвышенная, нерѣдко мечтательная,—то объяснить это слѣдуетъ не изъ воздѣйствія измѣнившихся условій жизни, не изъ моды, которая не можетъ не имѣть своихъ причинъ, а изъ новаго направленія, овладѣвшаго въ эту эпоху, бѣдную болѣе сильными интересами, еще не жизнью, а пока лишь сердечными желаніями, чаяніями (*Sehnsucht*) людей. На эти чаянія можно указать какъ на признаки внутренняго измѣненія, совершавшагося въ природѣ греческаго духа, измѣненія, причины котораго трудно объяснить. Противорѣчіе между тѣсною, суровою дѣйствительностью, съ одной сто-

рони, и безграничною свободой и силой чувства—съ другой, должно поражать насъ не болѣе, чѣмъ у средневѣковыхъ восточныхъ поэтовъ, воспѣвавшихъ цвѣтущую любовь среди самыхъ унижительныхъ отношеній, въ какія только могла быть поставлена женщина,—или у пѣмецкихъ миннезингеровъ, у которыхъ фантастическій культъ женщины шелъ объ руку съ весьма стѣсненнымъ положеніемъ ея въ жизни. Именно стремленіе (Sehnsucht) къ чему-то еще не существующему и составляетъ сущность сентиментальной поэзіи“.

Слѣдуя обобщенію Роде, мы должны были бы признать, что александрійская эротика изображаетъ не реальныя, жизненныя отношенія, а идеальныя, осуществленіе которыхъ въ жизни было пока предметомъ мечтаній и надеждъ. Любовная поэзія Александрійцевъ была бы, такимъ образомъ, не болѣе какъ поэзіей утопистовъ. Но утопія сама заявляетъ себя таковою; она шаржируетъ, бьетъ на крайности; между тѣмъ никакого такого сознанія шаржа, жизненной непорядочности описанныхъ ими положеній, у эротиковъ не замѣтно. Утопическая литература живетъ обыкновенно обособленными циклами и если вызываетъ подражанія, то они опять же стаповаются особняками; вліяніе александрійской эротики было широкое (слич. у Роде стр. 121 и слѣд.). оно обняло цѣлыя отдѣлы литературы и опредѣлило надолго литературныя вкусы римскихъ элегиковъ, а позднѣе—греческихъ романистовъ. Чѣмъ шире и глубже вліяніе такой поэзіи, тѣмъ неотразимѣе представляется заключеніе, что не только она выходила изъ требованія (Sehnsucht) чувства, но что въ извѣстной мѣрѣ эти требованія уже начинали осуществляться въ формахъ реальности. Ни одна сильная своимъ вліяніемъ поэзія не обгоняла реального прогресса жизни, не была чистою утопіей: въ жизни должны были совершиться извѣстныя, пока не замѣчанныя измѣненія въ смыслѣ идеальнаго прогресса; поэзія схватывала эти начатки поваго, потенцировала ихъ и далѣе продолжала развиваться, направленная жизнью и настраивая ее, въ свою очередь. Роде указываетъ, въ опору своему мнѣнію, на примѣры восточныхъ поэтовъ и пѣмецкихъ миннезингеровъ. Первыхъ я обхожу, какъ мало мнѣ знакомыхъ; второй примѣръ можно обобщить, поставивъ на ряду съ миннезингерами и трубадуровъ, и всю любовную лирику среднихъ вѣковъ. Сравненіе Роде можетъ заставить предположить, что вся эта лирика построена на одной Sehnsucht, безъ всякой поддержки въ жизни; между тѣмъ ничто не можетъ быть менѣе справедливымъ: однѣ біографіи трубадуровъ, наконецъ, все, что мы знаемъ о вѣншемъ бытѣ средневѣковаго амурнаго поэта, свидѣ-

тельствуютъ ясно, что прежде чѣмъ пройти въ поэзію, извѣстная свобода отношеній между полами, извѣстная гелантность получила и въ жизни права гражданства, на первый разъ ограниченнаго. Это было новое общественное стремленіе, рядомъ съ которымъ продолжалъ существовать старый, болѣе строгій взглядъ, упроченный вѣками и обычаемъ. Ту же двойственность взглядовъ и стремленій слѣдуетъ предположить и въ обществѣ, современномъ александрійскимъ эротикамъ: ихъ поэзія обратилась въ сторону будущаго, воспѣвала новыя, народившіяся отношенія, выходившія за предѣлы стараго круга понятій. Роде не признаетъ существованія такихъ отношеній; указавъ, выбранныя имъ изъ памятниковъ, ведутъ его къ заключенію, что въ греческой жизни старыя нравственныя и бытовыя понятія продолжали существовать во всей силѣ, и что поэтому романтизмъ эротиковъ беспочвенъ въ жизненномъ смыслѣ. Но дѣло въ томъ, что указанія Роде далеко не полны и односторонни, въ чемъ онъ не разъ принужденъ сознаться: наши скудные пособія почти не даютъ отвѣта на подобные вопросы, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 60); каково было, во всякомъ случаѣ болѣе свободное, положеніе женщины въ эллинистическихъ областяхъ, объ этомъ мы можемъ составить себѣ лишь гадательныя представленія, замѣчаетъ онъ въ другомъ (стр. 63). Общественная роль женщины могла быть различна въ той или другой области, смотря по большей или меньшей интензивности, съ какою сохранилось старо-греческое обычное право; какъ всюду, такъ и здѣсь, одно сословіе продолжало имъ руководиться, другое сбросило его иго, вслѣдствіе болѣе свободнаго взгляда на вещи, тогда какъ третье никогда не обязывалось имъ всецѣло. Замѣчаніе Francesco da Barberino о средневѣковой италянкой женщинѣ можетъ быть распространено на смежныя и родственныя факты: культъ обычая связываетъ наиболѣе ту консервативную, устойчивую среду, которую мы называемъ буржуазною; умственная и родовая аристократія отрѣшается отъ него, либо сохраняетъ обычай въ формѣ внѣшняго, несодержательнаго этикета; крестьянская дѣвушка, всегда въ полѣ и за работой, должна была двигаться свободнѣе, когда обычай или этикетъ еще держали горожанку заколдованною въ стѣнахъ гинеконита. Если вспомнимъ, что эпоха александрійской эротики была полна утопій идеалистическаго счастья, охотно поэтизировала непосредственный природный бытъ, то легко предположить, что именно условія сельской жизни могли представить реальную почву для тѣхъ

свободныхъ отношеній половъ, которыя сдѣлались типичными для эротической поэзіи.

Какіе памятники сохранили намъ свѣдѣнія о деревенскомъ бытѣ древней Греціи? Преимущественно памятники поэтическіе. Какое представленіе имѣли бы мы о томъ новомъ поворотѣ въ общественныхъ отношеніяхъ, который выразился въ произведеніяхъ трубадуровъ, еслибы не сохранилась ихъ поэзія! То, что записано было помимо этого, носитъ случайный, отрывочный характеръ; прогрессъ общественной мысли не кодифицированъ, живетъ и выражается въ стихѣ, въ фантастическихъ увлеченіяхъ канцоны, въ фантастикѣ личной, поэтической жизни. Живетъ, прочно кодифицировано то, что собственно уже начинаетъ отживать: старая обычная мораль, поученія противъ злыхъ жепъ и т. п. Реальныя указанія на положеніе женщины, собранныя у Роде, относятся къ этой второй рубричкѣ—кодифицированныхъ, но отживающихъ понятій; новоевліаніе жизни выражается пока въ поэзіи александрійской эротики. Почему не отнести бы къ ней, какъ мы относимся, напримѣръ, къ поэзіи трубадуровъ? Мы коснулись главнаго, логическаго пробѣла Роде: къ поэтическимъ произведеніямъ онъ относится только какъ къ поэтическимъ, тогда какъ возможны и необходимы и другія отношенія. Поэтическое произведеніе есть такой же историческій памятникъ, какъ и всякій другой, и я не вижу особой необходимости въ массѣ археологическихъ и другихъ подпорокъ и провѣрокъ, прежде чѣмъ утвердить за нимъ этотъ прирожденный ему титулъ. Вѣдь никто изъ современниковъ не обличилъ трубадуровъ въ несправдоподобности (я не говорю: дѣйствительности) изобрѣтенныхъ ими отношеній? Поднимались ли голоса противъ эротическихъ утопій александрійскихъ поэтовъ?

Резюмируя сказанное выше, я повторю, что за александрійскою эротикой не только нельзя отрицать реальной почвы, но что, наоборотъ, такую реальную подкладку въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ жизни предположить необходимо ¹⁾. Послѣ этого всѣ согласятся съ авторомъ, что наши свѣдѣнія объ этихъ отношеніяхъ въ высшей степени отрывочны, не обстоятельны, неясны; но не того ли же харак-

¹⁾ Укажу кстати на другое объясненіе, къ которому прибѣгаетъ Роде (стр. 161—2), лишь бы не объяснить свободныя отношенія александрійской элегии изъ отраженія современной жизни: рассказы эротиковъ, говоритъ онъ, — явщаются большею частью въ далекомъ прошломъ, въ которомъ легко было допустить болѣе свободныя обычныя отношенія героической эпохи, либо чисто фантастическую свободу!

тера и наши свѣдѣнія объ александрійскихъ эротикахъ? Они сохранились намъ лишь въ отрывкахъ, въ пересказахъ и подражаніяхъ: отрывки приходится сводить, иногда на-угадъ; латинскіе и позднѣйшіе греческіе стихотворные пересказы не могли не измѣнить въ извѣстномъ смыслѣ стиль оригинала, который трудно выдѣлить изъ стиля подражателя. Что съ такимъ матеріаломъ невозможно составить себѣ раздѣльное понятіе о поэтическихъ особенностяхъ того или другаго поэта, тому лучшимъ доказательствомъ служатъ страпицы, посвященныя Роде виѣшной исторіи александрійскихъ эротиковъ. Тѣмъ не менѣе, сохраненнаго достаточно, чтобы составить себѣ общее понятіе о направленіи и содержаніи ихъ поэзіи. Знакомство съ ея стилемъ приготовить насъ къ пониманію греческаго эротическаго романа: онъ явится намъ органическимъ продолженіемъ эротики, романисты—подражателями Александрійцевъ.

И романъ, и эротика сближаетъ ихъ міросозерцаніе, столь отличное отъ древне-греческаго. На извѣстной степени развитія, говоритъ Роде (стр. 118 слѣд.),—поэзія переходитъ отъ живыхъ, полныхъ молодой силы проявленій къ болѣе спокойнымъ; отъ изображенія геройскихъ подвиговъ, сильно вліяющихъ на судьбы молодой общины, поражающихъ своею грандіозною образностью, къ болѣе тѣснымъ, но не менѣе глубокимъ интересамъ частнаго лица въ тихой, буржуазно-благоустроенной сферѣ. Съ этой точки зрѣнія поэзія эллинистической эпохи можетъ быть названа переходною. Отзвуки героическаго эпоса еще продолжаютъ раздаваться, замирая; но главная оригинальность, жизненная сила новой поэзіи заключается въ томъ идилическомъ направленіи, которое живетъ не въ одномъ только тѣсномъ жанрѣ идилліи, но подчинило себѣ цѣликомъ старый міръ боговъ и героевъ. Это соединеніе идилическихъ тенденцій съ старо-миоическими сюжетами и опредѣляетъ характеръ эллинистической поэзіи, ея посредствующее положеніе между древне-греческимъ и новѣйшимъ міросозерцаніемъ. Особенно ярко выступаетъ этотъ характеръ въ эротическихъ разказахъ, гдѣ древнее традиціонное содержаніе является въ освѣщеніи идилліи. Цѣлый міръ представленій и чувствованій отдѣляетъ эту эротiku отъ старо-греческой: главная задача жизни—не *дѣйствіе*, не выступающая въ сознаніе своей силы *дѣятельность*, а *страсть*, и притомъ такая, которую не выразить пластически, *чувство*, изчерпывающееся міромъ стремленій, неясныхъ думъ и надеждъ, находящее въ самомъ себѣ средства питанія и самоудовлетворенія: то, что принято называть *сантиментальностью*.

Такого рода переходъ отъ поэзіи дѣла къ поэзіи чувства никогда не совершается въ литературномъ развитіи народа силами отдѣльныхъ поэтовъ; онъ наступаетъ необходимо повсюду, когда народная культура перезрѣла, когда искусственное сплетеніе интересовъ и учрежденій уже не дозволяетъ свободныхъ проявленій могучей силы, когда состарѣвшійся народъ, ощутивъ потребность покоя, утратилъ культъ подвига, который когда-то возбуждалъ удивленіе, поэзію, а теперь, казалось, грозилъ разорвать тонкія, хитро-сплетенныя нити, сдерживающія общественное цѣлое. Когда такое настроеніе переносится изъ жизни въ искусство, оно также удаляется отъ вѣшняго подвига въ тайники человѣческаго чувства и здѣсь открываетъ поэзію частной жизни — *любовь*. Особое первенствующее значеніе, какое дается любви передъ всѣми другими сюжетами, тѣмъ тѣснѣе связываетъ эротику Александрійцевъ съ романами позднѣйшей софистической поры, чѣмъ далѣе отстояла отъ подобнаго рода темъ, по самому своему существу, поэзія классической эпохи.

Сближая извѣстныя явленія между собою, нельзя забывать, разумѣется, и тѣхъ отличій, которыя лежатъ въ хронологическомъ понятіи генезиса. Какъ романъ является позднимъ отраженіемъ александрійской эротики, такъ послѣдняя ближе къ эпосу уже по времени; ея стихотворная балладная форма служитъ какъ-бы переходнымъ звеномъ между могучимъ теченіемъ эпоса и тою риторическою, безцвѣтною прозой, которая свойственна изложенію романа. Тотъ же переходный стиль въ содержаніи и выборѣ сюжетовъ: Александрійцы отрѣшились отъ стили народнаго эпоса, но они еще пересказываютъ по-своему его эпизоды; выбирая новыя сюжеты, не введенныя въ составъ древняго эпоса, они обращаются все же къ преданію, къ мѣстнымъ народнымъ легендамъ. Романисты идутъ дальше: всякая связь съ поэтическимъ достоинствомъ народа исчезла, являются самостоятельныя, личныя темы. Эти черты отличія, лежація во времени, не уничтожаютъ общаго единства типа, какъ со стороны міросозерцанія, такъ и въ отношеніи къ вѣшной, стилистической техникѣ. Тамъ и здѣсь одни и тѣ же приемы, тотъ же характеръ завязки и развитія (см. у Роде, стр. 145 и слѣд.): любовь обыкновенно загорается на свиданіи — въ храмѣ, потому, вѣроятно, что въ обиходѣ старо-греческой жизни это было единственное мѣсто, гдѣ юноша и дѣвушка могли свидѣться; среди торжественной обстановки, въ шумной праздничной толпѣ, образы влюбленныхъ, запятыхъ только собою, ищущихъ другъ друга глазами, производили впечатлѣніе эстетическаго контраста. Другой

контрастъ, любимый Александрійцами и сохраненный отчасти романистами: юноша, дѣвушка дотолѣ не знали любви, презирали ея могущество, и вотъ она овладѣваетъ ими всесильно, неожиданно, при первой встрѣчѣ проникая изъ глазъ въ сердце, какъ божественная кара. Оба влюбленныхъ, по необходимости, прекрасны: ихъ глаза блестятъ какъ молвіи, вѣжнй цвѣтъ кожи подобенъ свѣту мѣсяца, молоку, либо снѣгу, изъ-подъ котораго пробиваются розы ланитъ. Сравненія съ розами, лиліями, анемонами-чередуются съ чисто-греческими поэтическими, которые вызывали въ воображеніи читатели черты знакомаго, изячнаго образа: юноша уподобляется Ахиллу, Эроту, дѣвушка—Артемидѣ, Афродитѣ, Харитамъ и т. п. Вліяніе любви описывается постоянно какъ симптомы настоящей душевной болѣзни: любовь сравнивается съ пламенемъ, съ бурными волнами моря, она овладѣваетъ всѣмъ человѣкомъ, который становится равнодушнымъ ко всему, даже къ потребностямъ тѣла. Его внутреннюю возбужденность легко замѣтитъ по измѣняющемуся настроенію; онъ то блѣднѣетъ, то краснѣетъ; и ночью ему нѣтъ покоя: въ темнотѣ, въ тишинѣ природы еще громче раздаются тайныя думы, безпокой его сонъ; онъ заставляють его бѣжать отъ людскаго общества въ одиночество, въ природу, гдѣ онъ жалуется па свое горе деревьямъ и скаламъ; и они сколько сочувствуютъ ему: уже древнія сказанія приписывали растеніямъ почти человѣческія движенія любви; позднѣе, въ Александрійскую эпоху, когда антропоморфизмъ природныхъ силъ уступилъ мѣсто смутному сознанію какой-то общей природной жизни, она представилась вторичною движеніямъ человѣческой жизни, ея радостямъ и горю. Но влюбленному оттого не легче: противъ любви не найдти лѣкарства; даже вино, гонящее заботы, только даетъ ей новую пищу, и педугъ самозаключеннаго, не знающаго исхода чувства нерѣдко переходитъ въ настоящую болѣзнь. А между тѣмъ поводы къ свиданію, къ общенію чувства представляются рѣдко: влюбленный чаще всего принужденъ ограничиваться тѣмъ, что вздыхаетъ въ одиночествѣ, вырѣзывая па корѣ деревьевъ имя своей милой, ступая по ея слѣдамъ, гадая цвѣтами. Онъ желалъ бы стать пчелой, чтобы полетѣть къ ней, и издали ревнуетъ къ людямъ, даже къ неодушевленнымъ изображеніямъ, ее окружающимъ. Еще силнѣе страдаетъ дѣвушка въ затворничествѣ гинекея. И вотъ Эротъ, свой собственный учитель въ хитростяхъ любви, находитъ средства сближенія: иногда посредницей служить мамка, или любовникъ намекаетъ на свою страсть подарками; когда ему представится случай къ личному

свиданію, то за объясненіями дѣло не станетъ, потому что сама Пейоо идетъ съ нимъ рядомъ: за столомъ нѣкоторыя символическія дѣйствія служатъ выраженіемъ внутренняго чувства, влюбленный пьетъ изъ того же кубка, изъ какого пила его милая; языкъ знаковъ и взглядовъ досказываетъ остальное. По окончаніи трапезы, онъ поетъ иногда про чужую любовь и увѣренъ, что его намекъ на свою собственную будетъ понятъ кѣмъ слѣдуетъ, и т. п.

Таковы общія черты, связывающія эротическую поэзію Александрійцевъ съ любовнымъ романомъ временъ новой софистики. Нѣсколько вѣковъ отдѣляютъ другъ отъ друга эти явленія, и снова, можетъ быть, поставленъ вопросъ, поднятый выше по поводу эротики: на сколько темы романовъ, съ ихъ потенцированной любовью и сравнительно свободною ролью женщины, отвѣчали дѣйствительному содержанию общественныхъ отношеній II — VI вѣковъ по Р. Х.? И на этотъ разъ Роде склоненъ къ отрицательному отвѣту (стр. 354—6): Было бы ошибкой, говоритъ онъ, — заключить изъ восторженныхъ чувствованій и патетическихъ изліній влюбленныхъ юношей и дѣвушекъ этихъ романовъ о дѣйствительномъ уровнѣ чувства въ греческомъ обществѣ софистической поры. Нельзя, разумѣется, отрицать, что въ эти времена быстрого упадка не столько нравственности, сколько энергій старыхъ культурныхъ народовъ, должно было произойти извѣстное колебаніе власти въ пользу женщины; легко ожидать, съ другой стороны, что постоянное общеніе съ латинскимъ населеніемъ имперіи и нарастающее вліяніе христіанства способствовали и въ греческихъ земляхъ къ болѣе свободному и достойному положенію женщины. Тѣмъ не менѣе, *нельзя доказать*, чтобы въ греческихъ и эллинизированныхъ областяхъ имперіи совершилось, въ эпоху до окончательной побѣды христіанства, какое-нибудь реальное измѣненіе въ общественномъ положеніи женщины, чтобы ея жизненная роль и отношенія къ мужчинамъ были поняты глубже. Надо полагать, что удивительная устойчивость старо-греческихъ общественныхъ и семейныхъ учрежденій еще долгое время удержала ее въ ея служебной долѣ. Разумѣется, романы не безынтересны для вопроса о тогдашнихъ отношеніяхъ половъ между собою, и одно существованіе пространной литературы любовныхъ повѣствованій уже заставляетъ задуматься: нравственныя преимущества ихъ женскихъ типовъ передъ мужскими, обыкновенно болѣе слабыми, представляются какъ бы произвольнымъ признаніемъ дѣйствительно наступившихъ отношеній. Вообще же сантиментальные порывы влюбленныхъ слишкомъ холодны и безцвѣтны,

типы женской добродѣтели и мужественнаго подвига слишкомъ отвлеченны, чтобы въ нихъ можно было не признать шаблонныхъ порождений риторской фантазіи.

Какъ видно, заключенія Роде грѣшатъ тою же двойственностью, также неопредѣленны при желаніи быть точными, какъ и результаты его наблюденій надъ отношеніями александрійской эротики къ дѣйствительности. Что-то совершилось въ жизни, что-то ощущается, какъ полупризнаніе этого совершившагося, а между тѣмъ ничего нельзя доказать! Можно и по поводу этого вопроса замѣтить тоже, что выше было сказано въ примѣненіи къ эротикѣ, и даже съ большимъ правомъ: мы тѣмъ менѣе въ правѣ повѣрять идеальное содержаніе романовъ по реальнымъ отношеніямъ жизни, чѣмъ менѣе мы знаемъ именно эту жизнь. Самъ авторъ не разъ сознается въ этомъ незнаніи, комментируя отдѣльные романы. Такъ, по поводу Аполлонія Тирскаго, гдѣ царевна присутствуетъ при мужской трапезѣ, пляшетъ и поетъ и цѣлуетъ каждаго изъ гостей, Роде замѣчаетъ, что это — не греческій, можетъ быть, варварскій обычай. Въ томъ же романѣ свободно-рожденная и воспитанная Тарсія отправляется въ общественную школу: таковъ былъ обычай временъ римскихъ императоровъ; существовалъ ли онъ когда-нибудь въ греческихъ земляхъ? спрашиваетъ Роде (стр. 424, прим. 1). Къ такимъ же недоразумѣніямъ даетъ поводъ романъ Ахилла Тація (стр. 479, прим. 1). Дѣло идетъ о бракѣ между *ἑμιπάτριαι*; бракъ, не противорѣчающій старогреческому, по крайней мѣрѣ аттическому обычаю, по во всякомъ случаѣ рѣдкій. Между тѣмъ Ахиллъ Тацій рассказываетъ о немъ какъ о чемъ-то обычномъ, не комментируя: можетъ быть, это, съ его стороны, игра въ архаизмъ? Или обычай браковъ между сводными братьями и сестрами сохранился долѣе въ Египтѣ? Присутствіе матери съ дочерью при симпозиіи мушницъ вызываетъ такое же замѣчаніе, какъ и сходный эпизодъ въ Аполлоніи Тирскомъ: обычай не греческій, но можно предположить, что въ нѣкоторыхъ греческихъ областяхъ Римской имперіи ужъ успѣли ослабѣть старыя строгія нравы. Роде цитуетъ по этому поводу эпиграмму Агаѳіа (*Anth. Pal. V, 267*), гдѣ одинъ рассказываетъ другому, что онъ влюбился въ дѣвушку (не гетеру), которую онъ во время трансны (*δειπνον*) „положилъ на тростниковое ложе“ (*ἐν τῇ κελυμένῃν ἔδρακον ἐν στράδι*).

Итакъ, наше незнаніе греческой жизни въ тотъ періодъ и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ созданъ греческій романъ, не позволяетъ намъ заподозрить его реальность. Тѣмъ не менѣе, сомнѣніе, выраженное

Роде, остается въ извѣстной силѣ, если умѣрить его до того положенія, что въ греческомъ романѣ черты реальности затемнены формулой, общимъ подражательнымъ мѣстомъ. Романъ — явленіе подражательное: на его отношенія къ александрійской эротикѣ было указано выше; прибавимъ къ этому, что онъ сложился и совершенствовался въ рукахъ софистовъ времепъ имперіи, характеристикъ которыхъ Роде посвятилъ одну изъ не менѣе интересныхъ главъ своего изслѣдованія (III: Die griechische Sophistik der Kaiserzeit). Для меня особенно важны слѣдующія точки зрѣнія: дѣятели такъ-называемой „второй софистики“ (II—VI вв.)—школьные реставраторы греческаго образовательнаго преданія въ эпоху того романтическаго увлеченія народною стариной, которое и въ Греціи слѣдовало за періодами жизненнаго и художественнаго творчества. Такія эпохи обыкновенно бываютъ эпохами изученія, не созданія; а для послѣдняго нѣтъ условій въ жизни; потребность художественныхъ, интеллектуальныхъ наслажденій, не находя исхода въ самодѣятельности творчества, изчерпывается культомъ всего прекраснаго, что сдѣлано было стариной, съ чѣмъ не въ силахъ поспорить безсильная современность. И вотъ—памятники древняго слова, литературы и т. п. впервые возводятся въ значеніе чего-то классическаго, совершеннаго, высоко обособленнаго надъ жизнью: передъ ними преклоняются, тайна ихъ созданія служитъ предметомъ анализа, творческіе замыслы греческой поэзіи, краснорѣчія, философіи становятся темами школы, надъ ними упражняются риторы, они вызываютъ школьныя подражанія. Къ такимъ подражаніямъ относится и эротическій романъ. Его тема была подсказана александрійскою эротикой: это — основная данная для школы; риторы-софисты развили ее общими мѣстами, на которыхъ легла печать ихъ происхожденія: описаніями, любовными письмами, длинными рѣчами дѣйствующихъ лицъ; все это уложилось въ цвѣтистыя фразы мозаичной, полупоэтической прозы, свойственной эпохѣ, еще понимающей, но уже не творящей поэзію. Отвлечите отъ романа его риторическій балластъ, и мы станемъ лицомъ къ лицу съ эротическими замыслами Александрійцевъ, съ тѣми же представленіями о любви и женщинѣ. Все это было готово прежде, чѣмъ перешло въ романъ; вотъ почему мы отпосимся подозрительно къ реализму его изображеній: иное изъ нихъ могло быть подсказано жизнью, но какъ отличить черту дѣйствительности отъ типической картинки, подсказанной александрійскою эротикой?

Заговоривъ о софистическомъ „рецептѣ“, по которому создался

романъ, мы должны сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ главныхъ его ингредиентовъ. Въ большинствѣ эротическихъ романовъ герой и героиня только успѣли полюбить другъ друга, спознаться, какъ разлучены насильно и припуждены плутать по значительнымъ географическимъ пространствамъ, прежде чѣмъ сойдтись снова въ концѣ романа. Элементъ страствованій, такъ сказать, географическій—одинъ изъ необходимыхъ въ организмѣ греческаго романа; соединеніе его съ эротическою данною и составляетъ, въ сущности, канву романа. Я не нахожу это соединеніе столь естественнымъ, какимъ представляется оно Роде (стр. 244), и вмѣстѣ съ нимъ желалъ бы знать опредѣленно, когда оно впервые совершилось. Роде колеблется (сл. стр. 244—245), склоняясь, впрочемъ, къ мнѣнію, что процессъ совершился незадолго до Антонія Діогена (стр. 275), стало быть, еще внѣ яснаго вліянія на романъ приемовъ софистики. Въ романѣ Антонія Діогена, котораго Роде помѣщаетъ передъ Ямвлихомъ (стр. 258), эротическая данная уже является осложненною элементомъ странствованія. Какъ должно понимать послѣдній, явствуетъ изъ надписанія третьей главы: *Ethnographische Utopien, Fabeln und Romane* (стр. 166 и слѣд.). Развитие литературы фантастическихъ путешествій въ несуществующія страны, къ людямъ, живущимъ въ утопическихъ обществахъ, — такой же голосъ времени, какъ и развитіе идиллическаго рода: тамъ и здѣсь одно и то же патологическое стремленіе дряхлаго общества вырваться изъ города въ природу, изъ узкой нормы гражданственности къ болѣе широкой нормѣ и свободной, которую слѣдовало искать не рядомъ съ собою, не въ иной культурной средѣ, гдѣ все то же, а тамъ, гдѣ-то за горизонтомъ географически знакомаго неба. Это, въ сущности, географическія утопіи; рядомъ съ идилліей природнаго быта становилась идиллія этнографическая. Если мы обратимся теперь къ роману Антонія Діогена, то мы встрѣтимъ въ немъ несомнѣнно элементъ географической утопіи, какъ понимаетъ его Роде, за то эротической данной въ немъ почти нѣтъ: самъ авторъ замѣчаетъ, какъ слабо и боязливо она проглядываетъ—въ эротическомъ романѣ (стр. 274). Построенію Роде отвѣчаетъ развѣ одинъ романъ Ямвлиха; чѣмъ далѣе идемъ мы въ исторію романа, тѣмъ болѣе скрадывается сторона географической утопіи, и тѣмъ болѣе выступаетъ на первый планъ эротическій интересъ: такъ у Геліодора и Ксенофонта (стр. 245). Было бы точнѣе сказать, что въ лучшихъ произведеніяхъ софистической эротики нѣтъ въ сущности того, что отвѣчаетъ опредѣленіямъ географической утопіи и этнографической идилліи, а есть

довольно широкій географическій, не фантастическій горизонтъ, среди котораго совершается дѣйствіе. Этотъ горизонтъ, такъ сказать, прирожденъ времени, когда совершилась окончательная децентрализація греческой культуры; тѣмъ болѣе онъ свойственъ романамъ, авторы которыхъ вышли изъ Малой Азіи, Египта. Нельзя отрицать, что какъ географическія данныя романовъ, такъ и литература фантастическихъ путешествій, отвѣчали однимъ и тѣмъ же интересамъ времени, и въ этомъ смыслѣ—явленія родственныя; но этимъ ограничиваются ихъ связи. Сплоченіе географіи и эротики для образованія зародыша романа отзывается софистическимъ рецептомъ, а между тѣмъ самъ Роде предполагаетъ его болѣе древнимъ. Есть возможность отнестись нѣсколько иначе и естественнѣе къ элементу романическихъ страствованій. Самъ Роде подскажетъ одно объясненіе. При той устойчивости древне-греческаго обычая, какую онъ считаетъ возможною для этого времени, любовникамъ негдѣ было бы свидѣться при нормальномъ теченіи жизни. Развѣ въ храмѣ; но этого мало; между тѣмъ романисту надо же было свести и развести своихъ героевъ, сцены разлуки, свиданія, объясненія были необходимы, и вотъ нормальное теченіе жизни нарушено, невольныя приключенія, блужданія по бѣлу свѣту вкривъ и вкосъ позволяютъ многое, не предусмотрѣнное обычаемъ. Другой *raison d'être* этихъ странствованій, можетъ быть, стилистическій: исторія любви, главная задача романа, понята внѣшнимъ образомъ, внутренній анализъ чувства исчерпывается непомогими типическими приѣмами, конкретными признаками, и въ болѣе глубокомъ смыслѣ невозможенъ: любовь еще понимается, какъ внѣшняя, карающая или милующая сила, она еще не на столько переселилась въ существо человѣка, чтобы вызвать психологическій анализъ; съ другой стороны, такимъ же препятствіемъ явилась Тиха, всѣмъ глухо руководящая, уменьшающая область самоопредѣленія. Пока психологія, внутренняя исторія страсти еще впереди, она замѣнена внѣшнею исторіей любви: чѣмъ она разнообразнѣе, тѣмъ интереснѣе, — и разнообразіе вносилось элементомъ приключеній, далекихъ странствованій, разширеніемъ географическаго кругозора ¹⁾).

Намъ остается перейти, вмѣстѣ съ авторомъ, отъ общей характеристики эротическаго романа къ его отдѣльнымъ представителямъ. Коснувшись особо Антонія Діогена (стр. 250 и слѣд.), онъ посвящаетъ

¹⁾ См. о томъ же въ моей статьѣ о книгѣ г. Кирпичникова, упомянутой выше.

особую главу романистамъ софистическаго направленія. Здѣсь много было сдѣлано до него, но многое предстояло передѣлать, провѣрить: запутаннымъ являлся главный вопросъ, хронологическій, влекущій за собою вопросъ о взаимныхъ вліяніяхъ, о внутреннемъ развитіи романическаго рода; самое міросозерцаніе этихъ эротиковъ представлялось въ какомъ-то тускломъ свѣтѣ: опи—не то просвѣщенные язычники, не то подувѣрше христіане и т. п. Роде обратился къ изслѣдованію частныхъ, и ему удалось установить послѣдовательность романистовъ на основаніи болѣе точныхъ данныхъ, чѣмъ какія до тѣхъ поръ принимались въ расчетъ, и удалить иные устарѣлыя взгляды, которые грозили упрочиться на долго. Особенно пріятно было встрѣтить у него доказательства, вновь возвращающія Ксенофону Эфескому то мѣсто въ хронологіи романистовъ, которое иные отняли у него въ пользу Геліодора.

Обзоръ романистовъ начипается съ Ямвлиха (стр. 360 и слѣд.), котораго Роде относитъ къ половинѣ II вѣка (стр. 258); за нимъ слѣдуетъ Ксенофонтъ (стр. 381 и слѣд.), жившій, по всей вѣроятности, на границѣ II и III вѣковъ (стр. 392), въ обществѣ еще не тропутомъ вліяніемъ христіанскихъ идей (стр. 390); Роде указываетъ на отношенія къ нему Геліодора. Третье мѣсто отведено анонимному роману объ Аполлоніи Тирскомъ, извѣстному намъ лишь въ латинскомъ пересказѣ (стр. 408 и слѣд.): предполагаемый греческій оригиналъ нельзя, по мнѣнію Роде, отнести ко времени ранѣе III вѣка (стр. 424). Перейдя къ Геліодору (стр. 424 и слѣд.), время котораго опредѣляется приблизительно половиной III вѣка (стр. 466), Роде отрицаетъ его тождественность съ сомненнымъ епископомъ Трикки и какіе бы то ни было признаки христіанскихъ идей въ его романѣ: то, что инымъ казалось отблескомъ христіанства, ни что иное, какъ ново-пнеагорейская теологія, извѣстная намъ изъ отрывковъ псевдопнеагорейскихъ писаній, сохраненныхъ Стобеемъ и, встрѣчающаяся у Максима Тирскаго, Плутарха и другихъ философовъ первыхъ двухъ столѣтій нашей эры. Ея основныя черты—высшее, стоящее внѣ міра божество; множество видимыхъ божествъ—свѣтилъ, между ними высшій—Геліосъ; цѣлый сонмъ демоническихъ существъ, вліяющихъ на человѣка то ко благу, то ко вреду. Роде указываетъ въ параллель къ теологіи Геліодора, отзывающейся въ поучительномъ направленіи его романа, на теологію и психологію Аполлонія Тіанскаго. Эта часть изслѣдованія принадлежитъ къ наиболѣе удачнымъ. Въ Ахиллѣ Таціи (стр. 467 и слѣд.) мы встрѣчаемъ впервые романиста-

христіанина (стр. 474), что легко объяснить и временемъ, къ которому его относятъ Роде: половина V вѣка (стр. 472); какъ Геліодоръ подражалъ Ямвлиху и Ксенофонту (стр. 458), такъ Ахиллъ Тацій продолжаетъ філіацію и къ Ямвлиху и Ксенофонту присоединяетъ новый образецъ: Геліодора (стр. 482—3). Харитонъ (стр. 485 и слѣд.) также христіанинъ (стр. 492) и въ свою очередь, зависитъ отъ Ямвлиха, Ксенофонта и Геліодора; еслибъ его отношенія къ Тацію были столь же несомнѣнны, то его слѣдовало бы помѣстить на границѣ V и VI вѣковъ; но кто изъ нихъ подражалъ другому, въ фразамъ и оборотахъ, Ахиллъ Тацій или Харитонъ,—Роде не берется рѣшить (стр. 489). Впрочемъ, при другомъ случаѣ (стр. 521) онъ выражается опредѣленнѣе и смотритъ на Харитона, какъ на послѣдняго изъ романистовъ, стоящихъ на крайней межѣ греческаго культурнаго періода. Если въ обзорѣ Роде Лонгъ помѣщенъ послѣ Харитона (стр. 498 и слѣд.), то лишь потому, что какъ представителя особаго романическаго жанра, пастушескаго, его слѣдовало поставить особо: въ сущности, Лонгъ, можетъ быть, древиѣе Ахилла Тація (стр. 503).

Разбору каждаго романа предшествуетъ краткое изложеніе его содержанія, за которымъ слѣдуютъ свѣдѣнія объ авторахъ и ихъ стилѣ, мотивируется хронологическое мѣсто, отведенное тому или другому произведенію, и т. п. Не имѣя возможности указать на всѣ интересные вопросы, поднятые авторомъ, я ограничусь однимъ изъ нихъ: вопросомъ объ Аполлоніи Тирскомъ.

Начну съ Ксенофонта. Роде характеризуетъ его произведеніе, какъ первый изъ романовъ собственно софистическаго направленія: авторъ его, очевидно, риторъ, но онъ ближе къ Антонію Діогену, чѣмъ къ Геліодору и Тацію; онъ отдаетъ предпочтеніе фактическому интересу разказа передъ стилистическимъ; онъ не любитъ фразы, трубныхъ звуковъ реторики; его изложеніе отличается особенною *сжатостью, неразвитостію*, что одно указываетъ ему мѣсто передъ Геліодоромъ и его наслѣдниками. Сжатость разказа доходитъ нерѣдко до того, что производитъ впечатлѣніе, будто мы имѣемъ передъ собою не романъ, а лишь перечень его содержанія, остовъ разказа, *извлеченіе* изъ болѣе пространной повѣсти. Заявивъ такое предположеніе въ текстѣ (стр. 401), Роде подкрѣпляетъ его въ примѣчаніи нѣкоторыми данными, на которыхъ я не останавливаюсь, и въ результатѣ которыхъ является гипотеза, что самъ Ксенофонтъ могъ быть авторомъ извѣстнаго намъ извлеченія, что, написавъ простран-

ный романъ, онъ же составилъ и epitome. Примѣры такого двойственнаго авторства встрѣчаются въ греческой литературѣ.

Все это важно для хронологіи Аполлонія Тирскаго, какъ устанавливаетъ ее Роде.

Извѣстно, что повѣсть объ Аполлоніи дошла до насъ лишь въ латинскомъ пересказѣ, оригиналъ котораго, по общему признапію, былъ греческій. Этотъ оригиналъ Роде склоненъ отнести ко времени послѣ Ксенофонта (сл. стр. 413 и 424), усматривая между повѣстью и романомъ извѣстныя точки соприкосновенія: сходство въ основныхъ чертахъ разказа, на которое обратилъ вниманіе Мейеръ (сл. стр. 412), пристрастіе къ нѣкоторымъ общимъ оборотамъ рѣчи (стр. 413, прим. 1), наконецъ ту же сжатость, сухость изложенія, какая выше была замѣчена въ Ксенофонтѣ; прибавимъ: въ Ксенофонтѣ-эпитоматорѣ, который, разумѣется, не дастъ намъ полнаго понятія о софистѣ, авторѣ вполне развитаго романа. Всѣ эти наблюденія приготавливаютъ насъ къ заключенію, что авторъ греческой повѣсти объ Аполлоніи принадлежалъ къ представителямъ первой, еще не развитой софистической манеры, къ какимъ относится и Ксенофонтъ (стр. 412 и 417).

Для такого заключенія необходимо убѣжденіе, что латинскій текстъ Аполлонія дѣйствительно сохранилъ основныя черты оригинала и можетъ служить показателемъ его стиля. Но самъ Роде отнимаетъ у насъ это убѣжденіе: иди по слѣдамъ Ризе, онъ открываетъ въ нашей повѣсти два слоя, изъ которыхъ послѣдній принадлежитъ измышленію латинскаго, христіанскаго, и въ извѣстномъ смыслѣ, народнаго пересказчика (сл. стр. 413); выдѣлить изъ-подъ этого наслоенія черты подлинника, то-есть, греческаго софистическаго романа, представлялось ему самому дѣломъ неисполнимымъ (стр. 414). Ясно, что, при такомъ положеніи дѣла, заключенія, основанныя на стилѣ, могутъ быть только гадательными.

Чтобы понять вполне аргументацію Роде, необходимо познакомиться въ краткихъ чертахъ съ содержаніемъ повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ.

I. Въ Антиохіи царитъ царь Антиохъ, живя въ прелюбодѣйной связи со своею дочерью. Чтобы удалить отъ нея жениховъ, онъ предлагаетъ имъ загадки: кто не разрѣшалъ ихъ, тому отрубали голову, по та же участь постигала иногда и отгадчиковъ: головы казненныхъ вывѣшивались надъ вратами дворца во устрашеніе дальнѣйшихъ попытокъ сватовства. Аполлоній Тирскій являлся въ Антиохію и раз-

рѣшаетъ загадки царя, но не только получаетъ отказъ, а ему угрожаютъ и смертью. Ночью онъ тайкомъ удаляется на корабль, между тѣмъ какъ Аптіохъ объявляетъ награду тому, кто представитъ Аполлонія, живаго или мертваго, и посылаетъ за нимъ погоню.

II. Аполлоній принужденъ скитаться: мы видимъ его въ Тирѣ, Тарсѣ; на пути въ Киренейскій Пентаполисъ буря разбиваетъ его корабль; онъ одинъ спасается, живетъ у рыбака; отправившись въ городъ, удивляетъ царя Архистрата и его дочь искусною игрой въ мячъ, мимическими и музыкальными упражненіями. Архистратъ оставляетъ его при дворѣ по просьбѣ дочери, которую Аполлоній обучаетъ музыкѣ. Три вельможные юпоши сватаются за нее: она предпочитаетъ Аполлонія, и Архистратъ соединяетъ ихъ брачными узами. По прошествіи нѣкотораго времени, Аполлоній узнаетъ отъ одного Тирскаго корабельщика, что Аптіохъ и его дочь убиты молніей, и что царская власть уготовлена для него. Аполлоній отправляется вмѣстѣ съ своею супругой, чтобы принять власть; на корабль его жена разрѣшается отъ бремени дочерью, но сама погружается въ такое состояніе онѣмѣнія, что ее считаютъ мертвою и бросаютъ въ море въ крѣпко закупоренномъ ящикѣ. Ящикъ прибило къ берегу у Эфеса; ее готовятся предать сожженію, но ученикъ врача Херэмона замѣтилъ въ пей признаки жизни и оживилъ ее. Она поселяется въ Эфесѣ въ обществѣ дѣвственныхъ жриць Артемиды. Между тѣмъ неутѣнный Аполлоній, прибывъ въ Тарсъ, передаетъ свою дочь Тарсію на воспитаніе Странгвиліону и его женѣ Діонисіи, а самъ отправляется странствовать далѣе, въ Египеть. Діонисія, возненавидѣвшая Тарсію за ея красоту, которая выставила въ яркомъ свѣтѣ безобразіе ея собственной дочери, велитъ своему рабу убить вѣрноподданную ей дѣвушку. Тотъ готовится исполнить это приказаніе на берегу моря, но являются въ время пираты, которые похищаютъ Тарсію и продаютъ ее содержателю публичнаго дома въ Митиленѣ. Здѣсь ей удается, просьбами и слезами, сохранить свою дѣвственность и возбудить особый интересъ въ одномъ изъ именитыхъ людей города, Аоннагорѣ. Между тѣмъ прибылъ въ Тарсъ Аполлоній; Діонисія сообщаетъ ему о скоропостижной смерти его дочери, которой она велѣла поставить памятникъ. Новое горе Аполлонія и новыя странствованія: его корабль, направленный въ Тиръ, занесенъ къ Митиленѣ. Въ то время, какъ корабельщики принимаютъ участіе въ городскомъ праздникѣ пентуналій, приглашенный ими Аоннагоръ узнаетъ о горѣ, постигшемъ ихъ хозяина, спускается къ нему въ тюрьму

корабля и старается его утѣшить, но напрасно; затѣмъ, пораженный созвучіемъ имени Аполлонія съ извѣстнымъ ему именемъ отца Тарсія, онъ посылаетъ за нею, и Тарсія пытается развеселить отца, который не узнаетъ ея: она поетъ передъ нимъ, иносказательно раскрывая свою судьбу, хочетъ развеселить его загадками, которыя онъ разрѣшаетъ; онъ нѣсколько разъ отсылаетъ ее отъ себя, отталкиваетъ; она бросается въ слезы и жалобы на свою участь; тутъ Аполлоній узнаетъ ее. Другое признаніе совершается позже: вѣнцій сонъ открываетъ Аполлонію мѣстопробываніе его жены; вмѣстѣ съ Тарсіей, вышедшей между тѣмъ замужъ за Аѳинагора, онъ ѣдетъ въ Эфесъ, гдѣ находитъ свою жену, и всѣ вмѣстѣ отправляются въ Антиохію, гдѣ Аполлоній принимаетъ наконецъ доставшуюся ему царскую власть.

Въ концѣ повѣсти устраиваетъ еще судьбу второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ, распредѣляя награды и наказанія, совершенно въ стилѣ наивной сказки. Именно сказочный стиль поражаетъ меня наиболѣе при чтеніи Аполлонія Тирскаго, нѣкоторымъ образомъ устраняя его изъ общенія съ повѣствовательными произведеніями, въ родѣ романовъ Ксенофонта, Геліодора и др. Этотъ сказочный, народный стиль поразилъ и Роде; въ какой мѣрѣ принадлежитъ онъ греческому оригиналу повѣсти? Это мы никогда не узнаемъ, отвѣчаетъ онъ (стр. 416); по его мнѣнію, это—дѣло латинско-христианскаго пересказчика: онъ не только внесъ въ разказъ кое-какія христіанскія выраженія, загадки Тарсія ея отцу, заимствованныя изъ сборника стихотворныхъ загадокъ Симфозія, но и существенно измѣнилъ тонъ и стиль всей повѣсти. Общее впечатлѣніе, какое она производитъ въ своей латинской оболочкѣ, напоминаетъ впечатлѣніе народныхъ книгъ нашихъ новѣйшихъ литературъ: тотъ же наивный, безхитростный разказъ, который держится по возможности фактическаго изложенія и говоритъ о самомъ чудесномъ и необыкновенномъ также просто, какъ будто дѣло шло о нещахъ обыденныхъ. • Когда народъ отдается своей фантазіи, чтобы забыть бѣдную, трудовую жизнь, онъ никогда не остается въ тѣсномъ кругу своей действительности: онъ либо возвышается надъ нею силой ироніи, либо прямо стремится въ фантастическій міръ, гдѣ водится съ царевнами и королями; правда — это короли сказочные, такіе простые и благодушные, точно ихъ не тяготитъ денно и ночью золотое бремя вѣнца. Такое именно впечатлѣніе производятъ главные лица повѣсти объ Аполлоніи: добрый, маститый король Архистратъ, его наивная дочь,

самъ Аполлоній, сорящій вокругъ себя золотомъ, точно настоящій сказочный король, и также спокойно отправляющійся торговать; даже въ страшномъ королѣ Антиохѣ есть что-то павно-ограниченное (стр. 414—415).

Но латинскій пересказчикъ Аполлонія не ограничился, по мнѣнію Роде, общимъ измѣненіемъ стили повѣсти: онъ обогатилъ ее новымъ эпизодомъ. Разбирая содержаніе Аполлонія, Роде открываетъ въ немъ двѣ части; изъ нихъ только одна—древняя и существенная: приключенія Аполлонія, начиная отъ появленія его при дворѣ Архистрата до конца; они-то и составляли содержаніе потеряннаго греческаго оригинала. Съ этою основой разказа не имѣетъ ничего общаго другая часть, съ которой начинается дошедшая до насъ латинская повѣсть: появленіе Аполлонія при дворѣ Антиоха и разрѣшеніе загадокъ. Эта часть производитъ впечатлѣніе поздней приставки и не принадлежала оригиналу: ее можно опустить, до такой степени она не существенна для хода всего разказа. И въ самомъ дѣлѣ: греческая сказка (*Hahn*, № 50), на которую указываетъ Роде (стр. 421), воспроизводитъ безъ именъ главныя очертанія повѣсти объ Аполлоніи, не предлагая ничего соотвѣтствующаго эпизоду объ Антиохѣ. Для меня, разумѣется, эта ссылка на греческую сказку—не доказательство; повѣсть объ Аполлоніи принадлежала, какъ извѣстно (сл. стр. 408, прим. 1), къ самымъ распространеннымъ народнымъ книгамъ; существуетъ, между прочимъ, и новогреческій пересказъ, крайнимъ источникомъ котораго была извѣстная намъ латинская повѣсть. Греческая сказка, можетъ быть, ни что иное, какъ передѣлка повѣсти, самостоятельно удалившая нѣкоторые изъ ея эпизодовъ (между прочимъ эпизодъ объ Антиохѣ), на мѣсто которыхъ явились новыя сказочныя мотивы (см. стр. 421). Зависимость сказки отъ народной книги принадлежитъ къ числу обычныхъ явленій народно-повѣствовательной литературы, и ничто не побуждаетъ насъ признавать показаніе греческой сказки за дѣйствительно древнее, отразившее въ себѣ древній подлинникъ Аполлонія. Но предположимъ, вмѣстѣ съ Роде, что эпизодъ объ Антиохѣ—приставной; дальнѣйшее заключеніе будетъ, что эта приставка—дѣло латинскаго пересказчика (стр. 417 и слѣд.). Естественно является вопросъ: что могло побудить его къ этому развитію, такъ мало обогатившему общій ходъ повѣсти? Роде отвѣчаетъ, исходя изъ извѣстной намъ точки зрѣнія, что греческій оригиналъ повѣсти принадлежитъ къ софистическимъ романамъ, въ родѣ, напримѣръ, Ксенофонта: латинско-христіанскому пересказчику было, вѣроятно, необхо-

димо замѣнить какой-нибудь слишкомъ откровенный языческой мотивъ христіанскимъ. Аполлоній страпствуетъ, онъ принужденъ блуждать: это — существенная черта романа. Чтѣ побудило его къ тому? Въ романѣ Ксенофонта блужданія героевъ вызваны изреченіемъ оракула; такъ, или почти такъ, было, вѣроятно, и въ Аполлоніи, авторъ котораго подражалъ Ксенофонту (стр. 419: dieses Dichters nächstes Vorbild). Но чтѣ было дѣлать христіанскому пересказчику съ чисто-языческимъ мотивомъ оракула? Онъ долженъ былъ удалить его и замѣнить другимъ—гнѣвомъ Антиоха; чтобы мотивировать послѣдній, онъ обратился къ сказочному типу отца, любовника своей дочери, удаляющаго жениховъ предложеніемъ трудныхъ загадокъ и преслѣдующаго счастливыхъ разгадчиковъ. Такимъ образомъ созданъ въ старой повѣсти объ Аполлоніи эпизодъ объ Антиохѣ; онъ повадился только для введенія и далѣе не разработанъ вовсе: мы узнаемъ только о смерти Антиоха и его дочери, да еще въ другомъ мѣстѣ жестокой Нептунъ сравнивается съ жестокимъ Антиохомъ.

Иса эта аргументація Роде вызываетъ множество вопросовъ и сомнѣній. Она построена на недоказанномъ предположеніи, что греческій подлинникъ Аполлоніи ничѣмъ не отличался по своему стилю отъ софистическихъ романовъ: съ этой точки зрѣнія, латинская повѣсть дѣйствительно можетъ поразить недостаткомъ цѣльности и вызвать предположеніе объ эпизодическихъ вставкахъ. Другая предвзятая идея Роде, выясняющаяся изъ всего его построения,—та, что латинскій пересказчикъ повѣсти былъ человекъ безталанный и тупой. И въ самомъ дѣлѣ: чтѣ можетъ быть тупѣе приема, къ которому онъ прибѣгнулъ, чтобы удалить мотивъ оракула? Казалось бы, его легко было замѣнить чѣмъ-нибудь очень простымъ: вѣдь, по мнѣнію Роде, надо было только найти поводъ къ странствованіямъ Аполлоніи. Въмѣсто того неумѣлый пересказчикъ обращается къ темѣ, нашедшей богатое развитіе въ литературѣ народной сказки (см. стр. 420, прим.), — къ мотиву отца, ревниво удаляющаго отъ любимой дочери ея соискателей, и не въ состояніи даже увлечься ею на столько, чтобы развить ее и сплотить съ содержаніемъ древней повѣсти. И это — тотъ самый пересказчикъ, который далъ этой повѣсти ея особый колоритъ — народно-сказочной, наивной непосредственности! Въ существованіе такого пересказчика просто не вѣрится.

Попробуемъ подойти къ вопросу съ другой стороны, не ставя а priori повѣсть объ Аполлоніи на одну черту съ софистическими романами. Романы—произведеніе личное, въ нихъ есть задуманная

цѣльность, сознательное единство дѣйствія. Другое дѣло — сказочная тема: она свободно сопоставляетъ нѣсколько дѣйствій, одному отдаваясь всецѣло, другое затрогивая стороною, не обязываясь развить его параллельно, въ связи съ предыдущимъ. Таковою представляется намъ тема повѣсти объ Аполлоніи: съ этой точки зрѣнія царь Антіохъ, какъ и царь Архистратъ, могутъ одинаково принадлежать греческому подлиннику. Неразвитость первой части показываетъ только, что не въ ней лежитъ центръ интереса; но она же объясняется отчасти искаженіемъ, забвеніемъ преданія: вспомнимъ, что мы судимъ объ оригиналѣ по позднему латинскому пересказу. Нѣкоторыя черты искаженія до того ясны, что странно, какъ Роде могъ отнести ихъ на счетъ неумѣлости латинскаго пересказчика (стр. 418). Когда Антіохъ убитъ молніей, мы узнаемъ, что его царство уготовлено Аполлонію; это повторяется не разъ; однажды Аполлоній прямо называетъ Антіохію отцовскимъ наслѣдіемъ. Между тѣмъ ничто въ началѣ повѣсти не приготовляетъ насъ къ этимъ отношеніямъ Аполлонія. Очевидно, въ повѣсти есть пробѣлъ, въ которомъ эти отношенія были разказаны, права Аполлонія на антїохійскій престолъ предусмотрѣны. Если такъ, то появленіе въ разказѣ царя Антіоха теряетъ характеръ кажущейся эпизодичности: онъ не только не постороннее лицо, но и необходимо было въ древнемъ, болѣе цѣльномъ составѣ повѣсти.

Я позволю себѣ обобщить мои заключенія: повѣсть объ Аполлоніи Тирскомъ не что иное, какъ древняя сказочная тема, прошедшая безъ существеннаго измѣненія содержанія, черезъ руки софиста, можетъ быть, какого-нибудь подражателя Ксенофонта. Рука софиста коснулась только ея стили, черты котораго еще видны подъ латинскою оболочкой. Латинскому пересказчику принадлежатъ слѣды христіанства, ему же или переписчику — педомолвки или пропуски, которые дали главный матеріалъ для соображеній Роде. Во всякомъ случаѣ, въ ряду софистическихъ романовъ, Аполлоній долженъ быть поставленъ особо; я даже не вижу достаточныхъ причинъ отнести его къ романамъ спеціально эротическаго содержанія.

Въ заключеніе этой главы не лишне будетъ остановиться на общемъ историко-литературномъ значеніи греческаго романа. Роде (стр. 3) видитъ на немъ явную печать старчества; его оригинальный генезисъ, ограниченный эротическими и географическими темами, вызываетъ его на нѣсколько вопросовъ и сближеній (стр. 247 и слѣд.). Почему греческая героическая сага, въ крайнемъ своемъ развитіи,

не обратилась въ героическій романъ, какъ героическія сказанія романскихъ народовъ перешли въ рыцарскіе романы? Казалось бы, эллинистическая поэзія достаточно подготовила подобное развитіе, прагматизируя старія саги, пропикая ихъ духомъ рыцарской галантности; въ разказѣ такъ называемаго Диктиса, въ героикахъ Филострата мы имѣемъ какъ-бы первые опыты подобныхъ, миеологическихъ романовъ. Тѣсно ограниченный родъ повеллы не могъ способствовать развитію изъ нея романа буржуазнаго; но почему было не развиться психологическому роману изъ темъ эллинистической эротики, перепесенныхъ въ повседневную жизнь? Почему произведеніи греческихъ философско-юмористовъ не вызвали нравоописательнаго романа, какъ, напримѣръ, изъ сходнаго рода Менипповой сатиры вышелъ тотъ удивительный образчикъ стили *ricarresco*, отрывками котораго мы любуемся въ сатирѣ Петронія? Въ Греціи, однакожь, существовали тѣ же условія развитія, что и въ западной части Римской имперіи; осель Лукіана представляетъ всѣ задатки романа *ricarresco*, такія рѣзко очерченныя картины нравовъ, какихъ не встрѣтишь въ слащавомъ идеализмѣ романистовъ-эротиковъ. Легко указать на многіе другіе задатки эллинистической литературы, изъ которыхъ могъ бы развиться романическій жанръ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ производителемъ въ этомъ смыслѣ, кромѣ эротики и литературы баснословныхъ путешествій, которыя и опредѣлили направленіе греческаго романа и навсегда удержали его въ одной и той же узкой колеѣ.

Я ограничусь нѣсколькими замѣтками на эти замѣчанія Роде. Мнѣ кажется несостоятельнымъ сравненіе судебъ греческаго романа съ судьбами западно-европейскаго: изъ словъ Роде напримѣръ, легко заключить, что онъ привязываетъ развитіе послѣдняго на романской почвѣ—къ пародіо-героическому эпосу. Здѣсь, очевидно, произошло не столько смѣшеніе понятій, сколько смѣшеніе названій: прозаическія переложенія *chansons de gestes*, являющіяся въ концѣ жизни эпоса, могли быть названы романами, но не въ томъ значеніи, какое мы даемъ этому слову ¹⁾. Мы скорѣе дадимъ это названіе разказамъ изъ цикла Круглаго Стола, не имѣющимъ ничего общаго съ народнымъ эпосомъ;

¹⁾ Мнѣніе Роде раздѣляетъ и *Bobertag* въ своей *Geschichte des Romans und der ihm verwandten Dichtungsgattungen in Deutschland*, 1-e Abth., 1-er Band, 1-e Hälfte, стр. 37 и слѣд.; и ему прозаическія переложенія старыхъ народныхъ повѣй представляются переходною формою между средневѣковымъ эпосомъ и современными, то-есть, романами.

мы говоримъ также о романахъ изъ цикла Амадисовъ, о романахъ XVI, XVII вѣковъ, которые развиваются не столько подъ народными, сколько подъ посторонними литературными вліяніями. Наконецъ, реальный, буржуазный романъ, непосредственно отражающій народную жизнь, является въ ново-европейскихъ литературахъ такъ поздно, что нельзя искать соответствующей ему фазы въ полной, быть можетъ, исторіи греческаго романа.

Послѣдній представляется намъ продуктомъ старческимъ, и съ этимъ нельзя не согласиться, если подъ старчествомъ литературы опять условно періодъ, надалѣе отстоящій, наиримѣрь, отъ эпической поры, но еще не лишешный извѣстной производительности. Старчество романа — производительно и представляетъ внутреннее, хотя и не быстрое развитіе; на послѣднее указываетъ мѣстами самъ Родс: если, наиримѣрь, Ахиллъ Тацій сложился въ болѣе реалистическому изображенію жизни, чѣмъ его идеалистическіе предшественники (сл. стр. 479), то это — развитіе; то же замѣчается относительно послѣдняго (?) изъ извѣстныхъ намъ древне-греческихъ романистовъ Харитона (стр. и 493 слѣд.): его простое изложеніе и отсутствіе экскурсовъ и увлеченій въ сторону, замѣтно отличаютъ его отъ его сверстниковъ; сравнительно, наиримѣрь, съ Антоніемъ Діогеномъ онъ стоитъ на противоположномъ полюсѣ развитія: между тѣмъ и другимъ прошла вся исторія греческаго романа, достигая съ Харитономъ наибольшей простоты замысла: онъ первый рѣшился построить интересъ разказа на эротической данной и не даетъ особаго значенія тѣмъ риторическимъ, антикварнымъ и географическимъ hors-d'oeuvres, безъ которыхъ не обходились древніе романисты. Рядомъ съ этимъ внутреннимъ развитіемъ шло развитіе внѣшнее; романъ изчерпываетъ разныя направленія: у однихъ онъ по преимуществу эротическо-географическій; Лонгъ разработалъ родъ пасторали, анонимный авторъ Аполлонія Тирскаго беретъ своимъ сюжетомъ народно-сказочную тему. Въ виду этихъ признаковъ жизни и движенія поражаешь нѣсколько тотъ фактъ, что о романахъ и ихъ авторахъ сохранилось такъ мало свѣдѣній въ памяти современниковъ и въ ближайшее къ нимъ время (стр. 3). Въ этомъ забвеніи, быть можетъ, много случайнаго — особенно если вспомнить слѣдующія слова изъ письма императора Юліана, гдѣ онъ говоритъ о книгахъ, которыя подобаешь читать жрецу: *πρέποι δ' ἄν ἡμῖν ἱστορίαις ἐντυγχάνειν, ὅποσαι συνεγράφησαν ἐπὶ πεποιημένοις τοῖς ἔργοις. ὅσα δὲ εἰσὶν ἐν ἱστορίαις εἶδει παρὰ τοῖς ἔμπροσθεν ἀπηγγελημένα πλάσματα παραιτητέον, ἐρωτικάς ὑποθέσεις καὶ πάντα*

ἀπλῶς τὰ τοιαῦτα. Очевидно, замѣчаетъ Роде (стр. 349, прим. 4), эти романы читались образованною публикой,—иначе императоръ не считалъ бы нужнымъ упомянуть о нихъ особо. Если такъ, то ставовитесь попыткой увлеченіе ими Византійцевъ (сл. стр. 2—3 и *passim*): греческіе романы были послѣднимъ словомъ греческой фантазіи; оно тотчасъ же вызвало подражаніе.

Возвращаясь еще разъ къ старчеству греческаго романа, я позволю себѣ предложить вопросъ: если бы мы не знали блестящаго развитія современнаго романа, съ его реальными, психологическими, бытовыми задачами, и наше чтеніе ограничилось Амадисами, Астреей и тому подобными произведеніями, мы несомнѣнно вынесли бы такое же впечатлѣніе старчества. Судьбы европейскаго романа вывели его изъ этого кажущагося старчества; греческому роману выпала иная доля. Это явленіе — не старческое въ смыслѣ безжизненнаго и не обѣщающаго жить, а заторможенное развитіемъ христіанства и судьбами греческой культуры на византійской почвѣ.

II.

Изученіе византійскихъ подражаній греческимъ романамъ не входило въ задачу Роде: онъ говоритъ о нихъ вскользь, затрогивая мимоходомъ и хронологическій вопросъ, не менѣе запутанный здѣсь, чѣмъ у эротиковъ. Известно, напримѣръ, какъ колеблются изслѣдователи въ приуроченіи Евстаѳіа, автора романа объ Исменѣ и Исменіи. Роде (стр. 524) отпоситъ его ко временамъ первыхъ Компенонъ, считая его первымъ въ Византіи обновителемъ романическаго рода. Послѣдній издатель Евстаѳіа, Гильбертъ ¹⁾, опирается на толкованіи двухъ загадокъ Евстаѳіа, предложенномъ Максимомъ Оловоломъ, чтобы ближе опредѣлить время жизни перваго. Въ первой загадкѣ (на слово: Φλῶρος) читается слѣдующее:

τὸ πρῶτον δ' αὖ καὶ κεφαλὴν, ἢ ἔφη,
ἔασον· οὐκοῦν εἰ τὸ πέμπτον ἐξαίρεις
εἰς ὄγκον ἀδρόν, ἐδνικὸν ὄψει γένος

Этимъ стихамъ отвѣчаетъ такое толкованіе Максима:

εἰ ταῦτ' ἑάσεις καὶ τὸ πέμπτον ἐξαίρεις
εἰς μῆκος, εὐθὺς πανστρατὶ τοὺς Ῥῶς ἔχεις.

¹⁾ Eustathii Macrembolitae protonobilissimi de Hysmines et Hysmiuiac amoribus libri XI, rec. J. Hilberg. Accedunt ejusdem auctoris aenigmata cum Maximi Oloboli Protosyncelli solutionibus nunc primum edita. Vindobonae, Hoelder, 1876.

То же въ четвертой загадкѣ (на слово κηρός):

ἔξῃς τὰ τρία γράμματα πρὸς τῷ τέλει,
ἄγχιωσιν ἄδραν προσλάβοντες τοῦ μέσου,
βάρβαρον ἐκφαίνουσιν οἰκέτην Σκῦθην.

Толкованіе Максима:

εἰ δ' ἱερὸν τι κλέμμα συλήσω ξένωσ,
καὶ ταῦτ' ἀπαρχήν, Ρώσιχόν βλέπω γένος.

Названіе „языческаго народа“, данное Руси, позволяеть, по мнѣнію Гильберга, приурочить загадки Евстаѳіа ко времени до 988—989 гг. Съ другой стороны Фотій не поминаеть его въ своей Библіотекѣ, тогда какъ перечисляетъ другихъ эротиковъ: Ямвлиха, Геліодора, Ахилла Таціа. Если вѣрно мнѣніе Гиллера, что Библіотека Фотіа написана была около 850 года, то время Евстаѳіа опредѣлится приблизительно между 850 и 988—989 годами.

Возвращаясь къ книгѣ Роде, прибавимъ, что къ обзору византійскихъ романистовъ онъ присоединяеть и тѣ подражанія и передѣлки, которыя вызваны были въ литературѣ Византіи знакомствомъ съ эпическими произведеніями латинскаго запада (стр. 533—535). Къ Византійцамъ Роде не благоволяетъ: для него они главнымъ образомъ варвары (стр. 530): вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ не приписать имъ значительной роли въ обогащеніи западныхъ литературъ новыми понятствительными сюжетами. Великое движеніе крестовыхъ походовъ, говоритъ онъ (стр. 536 и слѣд.),—возбуждившее на широкихъ пространствахъ все, что было живаго, приведшее съ собою новые потоки жизни, вызвало то удивительное смѣшеніе разнообразныхъ элементовъ, которое, связанное общимъ содержаніемъ чувства и мысли, и составляетъ сущность „романтической“ поэзіи. Въ этомъ смѣшеніи участвовало и христіанство, и рыцарство, народныя преданія и сказки романо-германскихъ и кельтскихъ племенъ, поэзія востока, посредниками которой были Евреи и Арабы, наконецъ — извѣстная доля античнаго элемента, изъ поздней поры: произведенія въ родѣ пародическихъ книгъ объ Александрѣ Великомъ и о Троянскихъ Дѣяніяхъ, въ которыхъ древне-греческіе образы являлись въ туманныхъ, искаженныхъ чертахъ, отражая народное пониманіе древности въ эпоху упадка эллинизма. Не трудно предположить, что измышленія романистовъ софистической и византійской поры значительно повліяли на романтическую, особенно французскую поэзію эпохи крестовыхъ походовъ, и притомъ скорѣе путемъ личнаго, устнаго общенія, чѣмъ литера-

турнымъ ¹⁾. Вольшею частью эти чуждые вымыслы, сознательно или бессознательно перенесенные изъ поздне-греческаго романа, тѣмъ прочно сплелись съ содержаніемъ того или другаго западнаго произведенія, что ихъ почти невозможно выдѣлать въ чистомъ видѣ. Такое неразрывное соединеніе христіанско-рыцарскихъ, восточныхъ элементовъ съ чертами греческаго романа представляетъ, по мнѣнію автора, прелестная повѣсть о Floire и Blancheflor; дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области могутъ открыть иные признаки тайной жизни, которою продолжалъ жить греческій романъ подъ покровомъ романской, рыцарской поэзіи. Особенно интересно было бы указать въ средневѣковой литературѣ переводы или пересказы цѣлыхъ произведеній подобнаго рода. Пока намъ извѣстенъ одинъ только образецъ — повѣсть объ Аполлоніи Тирскомъ; но онъ могъ быть не единственнымъ. Существованіе древнихъ латинскихъ переводовъ облегчало переложеніе на народныя языки; почва для воспріятія была готова, и оно совершалось, если благопріятствовали тому условія.

Такия условія представляла, на примѣръ, Италия: вспомнимъ долгое господство Византіи, существованіе греческаго населенія и языка, живучесть греко-восточной церкви въ южно-итальянскихъ областяхъ, Калабрійскихъ Грековъ, перинхъ, неумѣлыхъ учителей, встрѣченныхъ Европой на пути къ возрожденію. Италия является какъ бы естественною посредницею между западными литературами и завѣтами греческой и византійской фантазіи. Боккаччо обрабатываетъ греческіе сюжеты: седьмая новелла втораго дна Декамерона заимствована изъ эротическаго романа ²⁾; Тезеида, пересказъ повѣсти объ Athis и Prophilias (Decam. X, 8) внушены, быть можетъ, византійскими оригиналами ³⁾. Къ этимъ указаніямъ на греческіе источники Боккаччо Роде присоединяетъ еще новое, на которое я и обращаю вниманіе (сл. стр. 538 и слѣд.). Дѣло идетъ о первой повелѣ пятаго дна Декамерона. Содержаніе ея слѣдующее: У Аристина, имепитаго чловѣка на островѣ Кипрѣ, глухой, неразвитый сынъ Galeo, по прозванію Cimotoe, „что на тамошнемъ языкѣ то же, что наше: дурень“. Живя въ похѣсти своего отца, онъ увидѣлъ однажды въ лѣсу у источника

¹⁾ Объ элементахъ греческаго романа въ разказахъ древне-нѣмецкихъ Spielleute см. статью *Heinzel* въ *Oesterreich. Wochenschrift*, 1872, II, 432 seqq.

²⁾ См. мою вышеупомянутую статью о книгѣ г. *Кирпичникова*.

³⁾ См. стр. 541, прим. 2, и гъ *Воссассіо*, стр. 81—82, прим. 3.

слизую красавицу Эфигенію и ощутилъ къ ней пламенную страсть. Онъ провожаетъ ее домой и самъ переселяется въ городъ къ отцу: его умъ проснулся вмѣстѣ съ сердцемъ, онъ начинаетъ заниматься и въ короткое время становится образованнымъ человѣкомъ. Нѣсколько разъ проситъ онъ у Cipeo, отца Эфигеніи, руку его дочери; по тотъ уже просваталъ ее за Пазимунду, благороднаго юношу съ острова Родоса. Когда Эфигенію везутъ на кораблѣ къ ея жениху, Кимонъ преслѣдуетъ уѣзжающихъ, сбѣляется съ кораблемъ Родосцевъ, и перескочивъ на него одинъ, покидаетъ свою милую. Но буря прибываетъ его корабль не къ Криту, куда онъ направлялся, а къ Родосу, гдѣ Кимонъ и Эфигенія узнапы прибывшими туда ранѣе родосскими корабельщиками. Лизимахъ, который въ этомъ году былъ высшимъ магистратомъ острова, велитъ заключить вѣпныхъ въ тюрьму. По происшествіи нѣкотораго времени, Пазимунда собирается отпраздновать свою свадьбу съ Эфигеніей, а его братъ Ormisda съ Кассандрою. Но въ Кассандру плюбленъ Лизимахъ, и вотъ онъ сговаривается съ Кимономъ: въ то время, какъ молодые сидятъ на пиру, они нападаютъ на брачное общество, каждый изъ нихъ убиваетъ одного изъ жениховъ, покидаетъ любимую дѣвушку, и всѣ вмѣстѣ отправляются въ Критъ на кораблѣ, который держали наготовѣ. Здѣсь происходитъ бракосочетаніе; позднѣе, благодаря посредничеству друзей, Лизимахъ и Кассандра возвращаются въ Родосъ, а Кимонъ съ Эфигеніей — въ Кипръ.

Боккаччо сообщаетъ въ началѣ своей новеллы, что онъ прочелъ ее въ старыхъ исторіяхъ Кипрійцевъ (*si come noi nelle antiche storie de' Cipriani abbiám già letto*); Роде склоненъ истолковать это показаніе въ томъ смыслѣ, что эти „кипрійскія исторіи“ могли быть одного рода съ „эфесскими исторіями“ Ксенофонта, вавилонскими — Явлиха, эіопскими — Геліодора, то-есть, въ сущности—поздне-греческій романъ. И въ самомъ дѣлѣ: весь разказъ Боккаччо отличается романическимъ типомъ греческой, а можетъ быть, и византійской поры. Дѣйствіе происходитъ по времена язычества, боги являются руководящею силой, завистливая фортуна (*la invidiosa fortuna*) отвѣчаетъ Тихэ софистическихъ романовъ. Имена дѣйствующихъ лицъ—искаженные греческія, очевидно, не вымышленны самимъ Боккаччо—онъ не далъ бы имъ столь неправильной формы. *Aristippo*, *Efigenia*, *Lisimaco*, *Cassandra* — понятны сами собою; *Ormisda*, вѣроятно, персидско-эллипское: *Ὀρμισδάς*, *Galeso* = *Γάλατος*, *Cipeo*, можетъ быть *Κόψελος*? Мѣсто дѣйствія — Родосъ и Кипръ (какъ у Осодора Про:

дрома), Критъ и бушующее море: знакомая декорація греческихъ романовъ; характеръ разказа на столько напоминаетъ стиль этихъ романовъ, на сколько отличенъ отъ стили другихъ новеллъ Боккаччо, заимствованныхъ изъ восточныхъ либо французскихъ источниковъ: та же нереальность дѣйствій, слабо задуманная завязка, чрезмѣрная приторность чувствованія и тѣ же типическія приключенія: морское путешествіе, похищеніе невѣсты, которую си отецъ просваталъ за другаго, буря, влюбленный властитель и т. п. Сходство простирается на мелочи, на нѣкоторые излюбленные приемы и положенія: восторженное созерцаніе Кимономъ спящей красавицы напоминаетъ то же положеніе у Лонга и Никиты Евгениана; увидѣвъ ее впервые, Кимонъ считаетъ ее богиней: опять приемъ греческихъ романистовъ (Ксенофонтъ, Харитонъ и др.), какъ и витіеватая рѣчь, въ которой Лизимахъ открываетъ Кимону свое намѣреніе и т. п. Однимъ словомъ вся повелла производитъ впечатлѣніе, какъ будто она извлечена изъ какого-нибудь софистическаго романа. Остается вопросъ: откуда взялъ его Боккаччо? Перевелъ ли онъ ее непосредственно съ какого-нибудь языка, какъ перевелъ почти дословно нѣкоторые разказы изъ Апулеевыхъ *Метаморфозъ*, или источникомъ его былъ пространный романъ, изъ котораго онъ извлекъ свою повеллу? Извѣстно, что онъ нѣсколько знакомъ былъ съ греческимъ языкомъ, собиралъ и даже самъ переписывалъ греческія рукописи. Его учитель, Калабрійскій Грекъ, Леонтій Пилатъ, привлеченный имъ во Флоренцію, могъ быть ему помощникомъ: какъ онъ сообщилъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія для его *De genealogia Deorum*, такъ при его посредствѣ Боккаччо могъ познакомиться и съ содержаніемъ какихъ-нибудь романическихъ *Κοτριάδων* — если не предположить скорѣе, что содержаніе повеллы почерпнуто было изъ устнаго разказа Леонтія Пилата, передававшаго по памяти результаты стараго чтенія.

Это предположеніе Роде было бы очень заманчиво, еслибы не противорѣчила ему хронологія: съ Леонтіемъ Пилатомъ Боккаччо познакомился лишь въ 1360 году, тогда какъ *Декамеронъ* (а стало быть, и повелла о Кимонѣ) законченъ былъ около 1353 года!

Все это, какъ видно, запутанные вопросы, которые предстоитъ разрѣшить въ связи съ общою исторіей византійско-западныхъ повѣствовательныхъ вліяній. Не такова, какъ мы знаемъ, задача Роде: его интересъ изчерпывается хронологическою эпохой греческихъ софистическихъ романовъ; по въ этой области тѣ же вопросы о вліяніяхъ представились изслѣдователю, тѣмъ болѣе запутанные, чѣмъ менѣе

знакома намъ сфера, въ которой эти вліянія совершались. Иныя греческія сказанія древней и позднѣйшей поры находятъ себѣ параллели въ легендахъ востока: какія изъ нихъ первичны, и откуда и въ какую сторону совершилось заимствованіе, если оно было? Отвѣты на то могутъ быть разнообразны. Другой вопросъ: греческое сказаніе находитъ соотвѣтствія въ восточныхъ и европейскихъ; если между ними прошла черта единенія, то какая она? Движеніе совершалось иногда, противъ ожиданій, по кривой, и греческое сказаніе проникло въ Европу уже въ восточной перелицовкѣ. Преслѣдуя свою главную цѣль—опредѣлять условія зарожденія „предшественниковъ“, греческаго романа, Роде счелъ возможнымъ посвятить цѣлый рядъ вставныхъ замѣтокъ вопросу о греко-восточныхъ повѣствовательныхъ вліяніяхъ. И выберу нѣсколько наиболѣе интересныхъ замѣтокъ, группируя ихъ по направленіямъ, въ которыхъ совершалось предполагаемое вліяніе: изъ Греціи на востокъ, либо съ востока на Грецію и далѣе на латинско-славянскій западъ.

I. *Греція—Востокъ*. На стр. 31, говоря о Софокловой Федрѣ, авторъ находитъ въ ней первый образецъ любовной трагедіи, давшій толчекъ къ обработкѣ позднѣйшими трагиками народныхъ эротическихъ преданій. Тотъ же сюжетъ—о любви Федры къ пасыпку Иполиту—дважды былъ обработанъ Еврипидомъ; говоря о позднѣйшей эпохѣ, Павзаній выражаетъ мнѣніе, что эта легенда была извѣстна, преимущественно передъ всѣми другими, даже среди варваровъ, сколько-нибудь научившихся по гречески. Къ чему здѣсь упоминаніе варваровъ? спрашиваетъ по этому поводу Роде, и не прочь предположить, что разказъ о Федрѣ, извѣстный во многихъ греческихъ подражаніяхъ, перенесенъ былъ вмѣстѣ съ другими греческими на востокъ и вызвалъ тамъ разнообразныя повѣсти о любви мачихи къ пасынку, котораго она обвиняетъ передъ отцомъ, и т. п. Сл. напримѣръ, у Фирлуси исторію о Сіавушѣ и Сендабѣ и извѣстную рамку Семи мудрецовъ.

Къ такому же заключенію приходитъ авторъ, разбирая морскія сказки въ разказѣ Одиссея Алкиною (стр. 173—174, прим. 2): восточныя и западныя параллели къ этимъ сказкамъ заставляютъ Роде въ началѣ колебаться: не слѣдуетъ ли объяснить ихъ сходство общностью источника; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о *vorgriechische Phantastik*, но видимо склоняется къ предположенію, что восточныя редакціи по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ сказокъ заимствованы изъ греческихъ: такимъ именно путемъ эпизодъ о Цирцеѣ проникъ въ Маха-

vaṅṣa'u (приключенія Vijaya'i и его спутниковъ у Якнипи Kivṅṇi), басни о Симилегадахъ въ монгольской эпосъ о Богда-Гессеръ-Ханѣ.

Неопредѣленіе представляются восточныя отношенія известной поэтической легенды—о Геро и Леандрѣ (см. стр. 133—137). Авторъ нашелъ дѣйствительныя черты сходства (?) между нею и однимъ персидскимъ мѣстнымъ преданіемъ о „Дѣвичьемъ мостѣ“ черезъ Кызыль-уень (Kuzul-ūzen: Anarḡdos), близко отъ Mianéh: говорятъ, этотъ мостъ велѣла построить царица, обитавшая въ „Дѣвичьемъ замкѣ“ на одной сторонѣ рѣки, чтобъ ее могъ посѣщать съ другаго берега настухъ, который до тѣхъ поръ принужденъ былъ перебираться къ своей милой вплавь. Какъ построили мостъ, такъ прекратились посѣщенія дотолѣ иѣрнаго любовника. Роде не пояснить, въ какой связи представляется ему греческая и персидская саги. Замѣтимъ, что обѣ онѣ—мѣстныя: греческій разказъ примкнулъ къ одинокой башнѣ, стоявшей у Сеста; это было мѣстное преданіе, съ чертами народной сказки, поблѣдпѣвшими въ поэмѣ Музея. У него Геро „γάμων ἀδίδαχτος ἑοῦσα πόρρον ἀπὸ προγόνων παρὰ γείτονι κατὰ θάλασσαν“; она живетъ тамъ „ἐπιγεραῖς βουλήσι τοκήων“. Чѣмъ мотивировано это жестокое рѣшеніе родителей, Музей не говоритъ намъ: онъ, можетъ быть, не давалъ особаго значенія эпической подробности, встрѣчавшейся и въ легендѣ о Геро: дѣвушка, обреченная на одинокое существованіе въ башнѣ, въ теремѣ — довольно обычная черта народной сказки. Поэма Музея сдѣлала сказаніе о Геро и Леандрѣ популярнымъ въ латинскомъ и поздне-греческомъ мѣрѣ: его упоминаютъ, ему подражаютъ, его воспроизводятъ помпейскіе фрески; Овидіевскія Героиды знакомятъ съ его содержаніемъ среднѣвѣковыхъ поэтовъ, а оттуда оно проникаетъ въ народъ: въ этой только связи становятся понятными слова Роде, что это сказаніе, *возрожденное* чувствомъ народа, возстаетъ передъ нами въ грустныхъ звукахъ пѣсенной пѣсни о „двухъ королевскихъ дѣтихъ“. Для меня лично воз-возможность зарожденія народныхъ сказокъ и пѣсенъ изъ литературныхъ мотивовъ стоитъ внѣ всякаго критическаго сомнѣнія; но каждый отдѣльный случай требуетъ повѣрки, особенно, когда дѣло идетъ о *мысленныхъ* сказаніяхъ, каковы приведенныя выше, восточное и греческое. Мѣстная сага рѣдко переносится съ мѣста на мѣсто, и во всякомъ случаѣ трудно приурочивается къ новому окруженію. Сходство между такими мѣстными сказаніями всего естественнѣе объяснить сходствомъ условій, опредѣлившихъ, независимо другъ отъ друга, ихъ возникновеніе. Такъ было, быть можетъ, и въ дан-

номъ случаѣ; интересно было бы опредѣлить, на сколько европейскія пѣсни, которыя привлекъ къ сравненію Роде, посятъ на себя такой же мѣстный отпечатокъ.

Перейду къ другой повѣсти, которую Роде (стр. 52—55) считаетъ греческою, заставляя ее перейти внослѣдствіи изъ Греціи на востокъ и оттуда уже въ литературы новой Европы. Всѣмъ знакомо прелестное сказаніе о тайной любви Антиоха къ своей мачихѣ Стратоникѣ, второй супругѣ его отца, царя Селевка. Подавленная страсть сдѣлала его на столько больнымъ, что онъ слегъ; никто изъ врачей не въ состояніи открыть причины его немощи, только знаменитый Эрасистратъ изъ Кеоса нашелъ, что причина эта—душевная: онъ велитъ всѣмъ придворнымъ красавицамъ пройти черезъ комнату больного; при появленіи любимой Стратоники усиленное сердцебіеніе Антиоха открыло врачу, гдѣ корень недуга. Эрасистратъ принимается за дѣло осторожно и на первый разъ открываетъ Селевку, что его сынъ любитъ его собственную жену, то-есть, жену Эрасистрата. Когда царь начинаетъ умолять его уступить жену больному и такимъ образомъ спасти ему жизнь, Эрасистратъ спрашиваетъ его: способенъ ли онъ самъ поступить такъ въ подобномъ случаѣ, отказаться отъ любимой супруги? Царь отвѣчаетъ утвердительно; тогда врачъ раскрываетъ ему настоящее положеніе вещей, и Селевкъ великодушно уступаетъ Стратонику своему сыну. Самъ по себѣ этотъ разказъ не представляетъ ничего невѣроятнаго, замѣчаетъ Роде,—и его дѣйствительно считали за историческій. Существованіе подобныхъ разказовъ въ восточныхъ и пошедшихъ отъ нихъ средневѣковыхъ европейскихъ редакціяхъ еще не ведетъ къ заключенію, что повѣсть объ Антиохѣ, первоначально фантастическая, была лишь вышшимъ образомъ обращена въ историческую, чрезъ введеніе въ нее историческихъ именъ. Возможно такое предположеніе, что разказъ, привязанный къ имени Эрасистрата, перенесенъ былъ на знаменитаго арабскаго врача Авиценну и сталъ въ этой формѣ популярнымъ на востокѣ, гдѣ вызвалъ пересказы и подражанія, которыя въ свою очередь познакомили съ нимъ Европу, при посредствѣ *Gesta Romanorum*, и позднѣе, Боккаччо. Роде считаетъ вѣроятнымъ, что распространеніе повѣсти совершилось именно въ этомъ кругѣ. Если все сказанное еще не подрываетъ исторической состоятельности новеллы объ Антиохѣ, то сомнѣнія являются съ другой стороны: дѣло въ томъ, что греческіе писатели перенесли тотъ же разказъ на другія личности и въ другія эпохи. Такъ біографія Гиппократъ, ходящая подъ именемъ Сорана, разка-

зываетъ то же самое о Гиппократѣ и Пердиккѣ, сынѣ Македонскаго царя Александра; въ той редакціи разказъ былъ извѣстенъ и Лукіану. Эти странныя разнорѣчія и дѣлаютъ сомнительнымъ историческое содержаніе легенды объ Антиохѣ. Очень вѣроятно, что какъ часто анекдоты, такъ и въ нашемъ случаѣ вымышленная повѣсть привязалась къ историческимъ именамъ, къ памяти двухъ знаменитыхъ врачей, и что изъ двухъ редакцій стала особенно извѣстна, благодаря изложенію талантливаго историка, редакція съ именемъ Антиоха.

2) *Востокъ—Греція.* Богаче и разнообразнѣе представляется въ книгѣ Роде повѣствовательный матеріалъ, въ разное время принесенный въ Грецію съ востока. Прежде чѣмъ обратить вниманіе на эротическія повѣсти собственно греческія, греческіе историки заинтересовались такими же разказами, во множествѣ ходившими среди восточныхъ племенъ. Можно даже предположить, что именно знакомство съ любовною повеллою востока возбудило соревнованіе, обративъ греческую фантазію въ обратоткѣ такихъ же эротическихъ сказаній. Примѣръ, выбранный Роде въ подтвержденіе своего мнѣнія (стр. 44—51 и Nachtrag къ стр. 46—48 на стр. 543—544) настолько характеренъ, что на немъ слѣдуетъ остановиться.

Въ отдѣлѣ своихъ Политій, посвященномъ Массиліи, Аристотель разказываетъ слѣдующее: Фоксецъ Эвксенъ, прибывъ въ Массилію съ нѣкоторыми своими соотечественниками, сдѣлался гостемъ ссѣдника варварскаго царя Пана. Однажды Эвксенъ посѣтилъ его въ то самое время, когда дочь хозяйки должна была выбирать себѣ жениха изъ числа гостей. Явившись послѣ пиря въ покои, гдѣ были мужчины, она передаетъ Эвксену кубокъ, въ знакъ того, что выборъ палъ на него. Отъ этого брака ведетъ свое начало массаліотскій родъ Протіадовъ, названный такъ по имени Прота, сына Эвксена и варварской царевны. Курціусъ находитъ въ этой легендѣ прекрасное символическое выраженіе того расположенія, которое умѣли возбуждать къ себѣ у туземцевъ Греки-пришельцы. Но сомнѣніе въ самостоятельности этого разказа возбуждаетъ другой, извлеченный Атенеємъ изъ свидѣтельствъ Харета Митиленскаго, бывшаго придворнымъ при Александрѣ Македонскомъ. Содержаніе втораго разказа слѣдующее: Гистасиъ царствуетъ надъ Мидіями, а братъ его Зариадриъ надъ странами выше Каспійскихъ воротъ и до Танаиса. Онъ видитъ во снѣ Одатисъ, самую красивую дѣвушку во всей Азіи, дочь Омарта, царившаго надъ Маратами по ту сторону Танаиса. Она, въ свою оче-

редь, видитъ во снѣ Заріадра, который напрасно добывается си руки у отца. Однажды Омаръ устраиваетъ празднество и велитъ дочери выбрать себѣ изъ числа присутствующихъ гостей мужа; избраннику она должна поднести золотую чашу. Одатисъ стоитъ въ слезахъ, когда внезапно входитъ Заріадръ, облеченный въ скиѣскую одежду: узнавъ о предстоящемъ выборѣ, онъ тайкомъ отправился отъ береговъ Танаиса и проѣхалъ 800 стадій. Одатисъ узнаетъ въ немъ того, кого она полюбила въ сповидѣніи, подаетъ ему кубокъ, и онъ упознать ее съ собою. Сходство этого разказа съ массаліотскимъ поразило уже Атенсі; и въ самомъ дѣлѣ: греческая редакція представляется какъ бы слабымъ отзвукомъ азіатской, съ которою легко могли познакомиться фокейскіе корабельщики во время своихъ плаваній по Понту. Что богаче развитая азіатская сага могла произойти изъ краткой греческой, такое предположеніе само собою невѣроятно, и представляется тѣмъ невѣроятнѣе, чѣмъ глубже коренится эта сага въ почвѣ азіатской поэзіи. Въ концѣ своей повѣсти, записанной, по его словамъ—въ историческихъ книгахъ (разумеется, Персовъ), Харетъ прибавляетъ, что она извѣстна и славна между всеми варварами, населяющими Азію, и даже изображена живописью въ храмахъ, дворцахъ и частныхъ домахъ. Мы тѣмъ менѣе можемъ сомнѣваться въ правдивости его показанія, что одинъ эпизодъ изъ Книги Царей Фирдуси знакомитъ насъ съ дѣйствительно восточною параллелью къ разказу Харета. Книга Царей такъ повѣствуетъ о женибѣ: Гуштаспа: Онъ живетъ въ Румѣ, никѣмъ незнаемый. Императоръ Рума устраиваетъ праздникъ, на которомъ дочь его Катлудн должна избрать себѣ жениха. Но она видѣла во снѣ мужа, прекраснѣйшаго надо всеми, и влюбилась въ него. Когда Гуштаспъ является на пиръ, царица узнаетъ въ немъ „юношу сповидѣнія“ и подаетъ ему, въ знакъ выбора, букетъ (въ позднѣйшемъ пересказѣ Мирхонда она бросаетъ ему померанецъ). Въ разказахъ Харета и Фирдуси мы несомнѣнно имѣемъ передъ собою двѣ редакціи одной и той же персидской саги: если у Фирдуси героемъ является Гуштаспъ, то-есть, Nustaspes Харета, тогда какъ у послѣдняго Гистаспъ—братъ героя, Заріадра, то такого рода перестановки довольно обычны въ жизни народнои саги; затѣмъ все остальное на столько сходно, на сколько могутъ быть сходны два разказа, изъ которыхъ одинъ стоитъ особю, другой же увлеченъ въ широкое развитіе цѣлаго эпического цикла. Повѣствованіе Харета (IV вѣка до Р. X.), подтверждая древность соотвѣтствующаго эпизода у Фирдуси, несправедливо заподозрѣнную

Шнигелемъ, становится для насъ особенно интереснымъ, какъ доказательство упорной живучести восточныхъ сказочныхъ мотивовъ. Основныя черты этой древней повѣсти—видѣніе милаго во снѣ и торжественный, публичный выборъ дѣвушкой ея жениха — встрѣчаются перѣдко въ восточныхъ, особливо индѣйскихъ источникахъ. Такъ выборъ жениха — въ известномъ сказаніи о Палѣ и Дамалити въ Магабгаратѣ, въ сказаніи объ Амбѣ (тамъ же), въ одной буддистской баснѣ и въ новѣйшей индустанской повѣсти. Еще чаще попадаетъ поэтический мотивъ—влюбленности черезъ сповидѣніе, грезу. Оба мотива были соединены и далѣе развиты въ одномъ романѣ, который являлся распространіемъ сказочной данной Харета и Фирдуси. Подлинникъ этого романа утраченъ, либо еще не изданъ; къ нему восходятъ, по мнѣнію Роде, три памятника, указывающіе, не смотря на нѣкоторые разногласія, на свое происхожденіе изъ одного первичнаго текста. Памятники эти — два индустанскіе романа: Приключеніи Камруна и *Quissa-i-khawir Schah*, и грузинскій романъ *Miriani*. Ихъ общее содержаніе, особенно чисто сохранившееся въ Камрунѣ, слѣдующее: Герой и героиня живутъ въ разныхъ странахъ, видятъ другъ друга во снѣ и влюбляются другъ въ друга. Герой узнаетъ о мѣстопробываніи своей милой и послѣ разныхъ приключеній пробирается къ ней. Вскорѣ послѣ того отецъ красавицы устраиваетъ выборъ жениха; герой присутствуетъ на немъ по ея приглашенію и выбранъ ею, не смотря на гнѣвъ отца. Всѣ признаютъ сродство этой романической темы съ сагой Фирдуси, но особенно близкое съ формой, какую эта сага получила у Харета: у него, какъ и въ романѣ, то—общее, что герой, наученный сповидѣніемъ, приходитъ издалека, чтобы подвергнуться выбору. Ужъ одно это обстоятельство устраняетъ предположеніе, что редакція романа стоитъ въ непосредственной зависимости отъ Фирдуси; еще невѣроятнѣе дѣлаетъ его санскритскій романъ о Васанадаттѣ, написанный, вѣроятно, до VI вѣка нашей эры. Романъ этотъ также начинается сповидѣніемъ героя и героини, герой также отправляется на поиски; слѣдуетъ выборъ жениха и т. д. Все это приводитъ къ заключенію, что сказаніе это было известно въ Индіи задолго до Фирдуси, и стало быть, не могло создаться тамъ подъ его вліяніемъ. Мы, очевидно, имѣемъ передъ собою очень древній романическій сюжетъ, жившій и до сихъ поръ живущій на востокѣ, повторенный, какъ бы въ слабомъ оттискѣ, въ приведенномъ выше фокейско-массалиотскомъ сказаніи.

Необходимо предположить, что въ исторіи передачи восточныхъ

сказочныхъ вымысловъ греческому западу не послѣднюю, если не исключительную роль играла устная передача. Извѣстно, напримѣръ, что Клесій и Метасенъ почерпали свои свѣдѣнія о чудесахъ Индіи изъ устъ персидскихъ и индійскихъ разказчиковъ, принимая на вѣру ихъ сказки, приурочивая къ землѣ и опредѣленной географіи то, что было порожденіемъ причудливой фантазіи Индуса—пигмеевъ и псиглавецвъ, одпоглазыхъ и т. д. Въ эпоху развитія „этнографическихъ идиллій“, въ которыхъ выразилась внутренняя расторженность, Sehnsucht поваго Эллипа, такіе фантастическіе разказы, принесенные съ востока, дали черты для изображенія причудливыхъ утопій, отводившихъ душу образами небывалой свободы и счастія. Восточный колоритъ чувствуется въ Панхайѣ Эвгемера (стр. 223); въ описаніи блаженнаго острова, открытаго Ямбуломъ, есть черты, напоминающія Цейлонъ, и причудливыя сказки торговыхъ людей, побывавшихъ на востокѣ (стр. 235—239). Съ другой стороны представленія Грека о счастливыхъ Гиперборейцахъ находили себѣ подтвержденіе въ разказахъ Индусовъ объ Uttara-Kuru, странѣ, лежащей будто бы къ сѣверу отъ Гималайя. Это—страна полнаго, ненарушаемаго наслажденія; тамъ нѣтъ ни сильныхъ жаровъ, ни сильной стужи, болѣзнь и печаль неизвѣстны; почва не пыльная и ароматная, рѣки текутъ по золотому дну, увлекая перлы и драгоценныя камни вмѣсто булыжника; деревья производятъ постоянно не только плоды, но и разноцвѣтныя матеріи и одежды; каждое утро вырастаютъ изъ нихъ цвѣтней чудныя красавицы и умираютъ къ вечеру вслѣдствіе проклятія Индры. Это жилище сѣверныхъ (Uttara) Куру, полубоговъ, семи великихъ святыхъ древности и т. д. (стр. 217—218).

Какой-то Амометь обработалъ эти сказанія объ индійскихъ Атакорахъ (=Uttarakuru) въ формѣ фантастическо-правоучительнаго романа. Такого рода литературную обработку нашла себѣ баспословная, этнографическая тема уже въ Индіи. Образчиковъ подобнаго романа могутъ служить, за отсутствіемъ (или неизвѣстностью) индійскихъ памятниковъ, знаменитыя путешествія Синдбада. Обыкновенно ихъ считаютъ сравнительно позднимъ арабскимъ изобрѣтеніемъ; Роде (стр. 179 и слѣд.) доказываетъ, и по нашему мнѣнію совершенно справедливо, что не только отдѣльныя подробности, но самая сущность Синдбадовыхъ путешествій заставляютъ предположить ихъ дальнимъ источникомъ Индію, „ту богатую сказками страну, изъ которой народы востока, и особенно Арабы, заимствовали свои повѣсти и повелія, ставшія извѣстными на западѣ главнымъ об-

разомъ при ихъ посредствѣ⁴. Роль арабскаго посредничества было другое, и на него указываетъ Роде (стр. 183): ничто не мѣшаетъ допустить, говорить онъ, — что уже въ эпоху тѣснаго соприкосновенія съ греко-восточными государствами діадоховъ индійская фантазія обратилась къ созданію такихъ прелестныхъ романовъ о баснословныхъ странствованіяхъ, каковы путешествія Синдбада. Можно даже предположить, что появившійся тогда въ греческой литературѣ жанръ вымышленныхъ путешествій развивался не безъ вліянія восточныхъ образцовъ. И въ самомъ дѣлѣ разказъ Ямбула о своемъ вымышленномъ хожденіи на чудный островъ въ далекомъ южномъ морѣ не представляетъ ли типическихъ чертъ сходства съ приключеніями Синдбада?

И останавлиюсь на одномъ эпизодѣ этихъ приключеній, чтобы указать на то скрещеніе путей, какое перѣдко приходится наблюдать въ исторіи блужданія сказокъ и повѣстей. Выше мы предположили выѣздъ съ Роде, что пѣкоторыя изъ морскихъ сказокъ Одиссеи перешли на востокъ; если къ числу ихъ принадлежитъ и извѣстный эпизодъ о Полифемѣ, то появленіе его въ путешествіяхъ Синдбада, при предположенной зависимости послѣднихъ отъ какого-нибудь древнеиндійскаго подлинника, открываетъ намъ въ перспективѣ индійскій пересказъ Полифема, какъ посредствующее звено между древнегреческимъ и арабскимъ. Европейскіе переводы сказокъ Тысячи и одной ночи, быть можетъ, только возвратили Европѣ ея же сказочную тему, лишь немного измѣненную долгими странствованіями.

Такое же движеніе въ кругѣ, на этотъ разъ въ другомъ направленіи, представляетъ извѣстная народная книга о житіи и дѣланіяхъ Александра Великаго, приписанная псевдо-Каллисѣну. Роде (стр. 184—190) подвергъ разбору паслоенія, заслонившія послѣдовательно первичный текстъ, и пришелъ къ заключенію, что самую древнюю его часть составляютъ — письма Александра Великаго къ Аристотелю и матери, говорившія о баснословныхъ странахъ и диковинныхъ людяхъ совершенно въ стилѣ фантастическихъ путешествій, интересъ къ которымъ возбудился между греческими людьми подъ вліяніемъ востока. Такимъ восточно-греческимъ колоритомъ отличается вообще все повѣствованіе псевдо-Каллисѣна, и легко предположить, что въ первоначальномъ своемъ видѣ этотъ характеръ выступалъ еще рѣзче: Александръ Великій являлся совершенно отрѣзаннымъ отъ своей греческой почвы; отъ историческихъ событій его жизни остались лишь намеки, общіе контуры, которые наполнились совершенно

повымъ, своеобразнымъ содержаніемъ: въ томъ этнографически-смѣшанномъ обществѣ, которое видѣло въ немъ свой идеалъ, Александръ Великій былъ по преимуществу завоевателемъ, устройтелемъ востока; именно въ этомъ значеніи его память и могла быть дорога народамъ Азии и Египта. Извѣстно, что греческій романъ псевдо-Каллисена разными путями проникъ на Европейскій западъ, гдѣ вызвалъ множество переводовъ и пересказовъ. Для западнаго человѣка это была просто богатая тема для амплификацій и приуроченій, въ результатѣ которыхъ Александръ Великій обратился въ типъ феодально-рыцарской фантастики. Другое дѣло на востокѣ: для восточныхъ поэтовъ эта тема была національная; пересказывая на народныхъ языкахъ греческій романъ, развивая и продолжая его по своему, они только возвращали себѣ свое наслѣдіе, старый идеальный типъ, создавшійся на почвѣ греко-восточныхъ отношеній.

Страницы, посвященныя Роде разказу Θεοπομπη (204—207), дадутъ мнѣ поводъ указать на другой случай, перѣдко представляющійся въ исторіи сказочнаго перехода. Это тоже случай скрещенія: дапо извѣстное греческое сказаніе (въ свою очередь, можетъ быть, пришедшее съ востока?), извѣстны нѣкоторые восточныя къ нему параллели и много западныхъ народныхъ или только обнародованныхъ сказаній. Является вопросъ: если между всѣми этими сказаніями есть историческая связь зависимости, то откуда началось движеніе? Стоять ли, напримѣръ, европейскія редакціи въ зависимости отъ греческихъ, или инныя изъ нихъ могли пойти отъ восточныхъ,—при чемъ снова двойится вопросъ, потому что эти послѣднія могутъ быть либо пересказами греческаго оригинала, либо совершенно независимы отъ него и болѣе древними.

Разказъ о Силентѣ и царѣ Мидасѣ очень древній въ Греціи (не раньше Вакхилида fragm. 2): его локализовали то во Фригіи, то, по македонскому повѣрью, въ старо-фригійскихъ областяхъ Македоніи. Послѣднее обстоятельство, замѣчаетъ Роде (стр. 204, прим. 3), — тѣмъ ярче говоритъ въ пользу древности саги, что Македонія была древнѣйшимъ жилищемъ Фригійцевъ, лишь впоследствии переселившихся въ Азію. Я не знаю, какъ помирить это замѣчаніе Роде съ его словами (ibid.), что съ этою сагою Греки познакомились въ очень древнюю пору черезъ фригійское преданіе? Очевидно, разумѣются не македонскіе, а азіатскіе Фригійцы. Если такъ, то основа сказанія была бы восточная.

Вотъ какъ передаетъ его историкъ Θεοπομπη въ восьмой книгѣ

Дѣяній Филиппа Македонскаго: царь Фригій Мидасъ (къ розовому цвѣтнику котораго приурочиваютъ иные слѣдующее дѣйствіе) опоилъ однажды Силена, примѣшавъ вина къ водѣ колодезя, изъ котораго тотъ имѣлъ обыкновеніе пить. На опьянѣвшаго Силена наложили оковы, и проснувшись, онъ могъ освободиться изъ нихъ лишь подъ условіемъ—объявить свои таинственные знанія. Силенъ начинаетъ говорить о печальной судьбѣ человѣка, которой онъ противопоставляетъ, какъ блестящій контрастъ, образъ блаженной страны гдѣ-то на краю земли. По ту сторону океана, говоритъ онъ,—въ которомъ Европа, Азія и Африка плаваютъ небольшими островами, типется на невообразимое пространство единственный на землѣ материкъ. Животныя и люди достигаютъ тамъ громадной величины, люди живутъ вдвое дольше, чѣмъ обыкновенные смертные. Между многими городами отличаются особо два города—Machimos и Eusebes. Въ послѣднемъ люди живутъ въ постоянномъ мирѣ, земля приноситъ имъ свои дары, безъ посѣва, безъ участія плуга и рбочаго вола; часто посѣщаютъ ихъ боги, благодаря ихъ великому благочестію: они живутъ безъ болѣзни и успокоиваются въ смерти весело и съ улыбкой. Machimos—городъ воиновъ, властвующій надъ сосѣдями: и тамъ люди не знаютъ болѣзни и умираютъ обыкновенно въ битвѣ, пораженные камнемъ либо деревянною палицей, потому что желѣзо ихъ не трогаетъ. Они богаты золотомъ и серебромъ, но золото стѣбитъ у нихъ мѣше, чѣмъ у насъ желѣзо. Однажды они отправились на пани острова, но достигнувъ страны Гиперборейцевъ, вернулись всякъ,—столь несчастными показались имъ люди, которыхъ на землѣ считали блаженнѣйшими. Далѣе Силенъ разказываетъ Мидасу о народѣ Мероповъ, жившемъ на томъ же материкѣ; содержаніе этого разказа сохранено Эліаномъ въ извлеченіи, которое онъ сдѣлалъ изъ сочиненія Теопомпа. Въ какихъ отношеніяхъ находились эти Меропы къ обитателямъ Евсева и Махима? Какая связь между именемъ Мероповъ и баснословною страной Теопомпа, называвшеюся по свидѣтельству Аполлодора: *Μεροπίς γῆ*? Мы узнаемъ только, что у Мероповъ была мѣстность, названная Anostos, окруженная двумя рѣками—рѣкой „Веселья“ и рѣкой „Печали“. Плоды деревьевъ, стоявшихъ на берегахъ послѣдней, заставляли вкушавшаго отъ нихъ безконечно плакать, плакать до смерти; кто же вкусилъ отъ плодовъ деревьевъ съ береговъ рѣки Веселья, тотъ съ каждымъ разомъ молодѣлъ, пока не становился подъ конецъ младенцемъ, а далѣе превращался въ ничто.

Древность предложеннаго сказанія засвидѣтельствована, по мнѣнію
часть CLXXXVIII, отд. 2.

Роде (стр. 204, прим. 3), многочисленными сродными разказами о морскихъ старцахъ, пойманныхъ съ цѣлью заставить ихъ прорицать— и болѣе того, аналогическими легендами другихъ индо-германскихъ народовъ о лѣсныхъ людяхъ, которыхъ оноили и держатъ въ оковахъ съ тою же цѣлью—узнать ихъ вѣщую мудрость. Роде указываетъ на старо-французское сказаніе о Мерлинѣ, ссылаясь на Val. Schmidt, Straparola, p. 336 и слѣд. (*gerade dieser Theil der Sage stammt aus Indien: s. Liebrecht und Benfey, in Or. und Occident, I, 341—354, замѣчаетъ авторъ*) и на Kun. Die Herabkunft des Feuers и т. д., стр. 33—36), не задаваясь вопросомъ: какіе были историческіе пути заимствованій и вліяній, объясняющіе сходство такихъ географически-раздѣленныхъ сагъ, каковы греческая, индійская и предполагаемая кельтская? На этотъ вопросъ я пытался отвѣтить, разбирая легенду о Мерлинѣ въ моихъ: Славянскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ и т. п. Сходное сказаніе Теопомпа не ускользнуло отъ моего вниманія, но я не нашелъ достаточно оснований искать „предшественниковъ“ Мерлиновской легенды именно въ этомъ направленіи. Я не отрицаю вліянія греческихъ сюжетовъ на нѣкоторые сюжеты романовъ „Круглаго Стола“, но предполагаю необходимымъ посредство такихъ пересказовъ, которые, сохраняя съ одной стороны память объ образахъ греческой фантазіи, представляли бы своимъ стилемъ и пониманіемъ условія, въ которыхъ не мыслимо литературное вліяніе въ средніе вѣка. Я говорю о пересказахъ византійскихъ, породившихъ латинскія передѣлки. Повѣсть о Мерлинѣ привела меня къ предположенію, что источникомъ его могъ быть извѣстный Соломоновскій апокрифъ: въ немъ я могъ бы признать одинъ изъ тѣхъ посредствующихъ пересказовъ, о которыхъ только что была рѣчь. Къ сожалѣнію, въ исторіи этого посредничества одинъ пунктъ останется на долго темнымъ: апокрифъ о Соломонѣ могъ принять въ себя черты греческаго сказанія о Мидасѣ и Силенѣ, но пельзи забывать, что послѣднее сказаніе въ свою очередь восточнаго происхожденія, фригійскаго; мы не даромъ находимъ къ нему индійскія параллели—и представляемъ себѣ возможность другой альтернативы—непосредственнаго заимствованія апокрифомъ изъ старо-восточнаго сказочнаго фонда. Отношенія Теопомпова сказанія къ его западнымъ параллелямъ напоминаютъ отчасти ту же двойственность, то же скрещеніе путей, какое выше было замѣчено при легендѣ объ Аптіохѣ: въ сущности греческая, она перенесена была на востокъ, и въ восточныхъ пересказахъ снова перешла въ Европу. Иначе—въ легендахъ о пойман-

помъ вѣщемъ старцѣ: восточная (фригійская) сага перепята Греками, приурочивается къ разнымъ мѣстностямъ; позже то же восточное повѣрье находитъ новыя формы и новыя пути вліянія на западъ, отраженіемъ которыхъ служитъ романъ о Мерлинѣ.

Мелкія сравнительно-сказочныя замѣтки, разсѣяныя въ книгѣ Роде, даютъ поводъ къ разнымъ наблюденіямъ, которыя могли бы быть сообщены здѣсь, еслибы то позволили границы настоящаго разбора. Я ограпичусь не многимъ, остановившимъ мое вниманіе.

Разбирая „Достоверныя Исторіи“ Лукіана, Роде (стр. 192 и слѣд.) указываетъ на слѣды восточныхъ сказокъ, проглядывающихъ въ вымышленныхъ путешествіяхъ, надъ авторами которыхъ смѣется Лукіанъ. Таковы сказки о виноградныхъ лозахъ, изъ которыхъ вырастаютъ дѣвушки; о жителяхъ луны съ пустымъ чревомъ, куда заползаютъ дѣти, спасаясь отъ холода; о Лихнополисѣ, гдѣ ночью блуждаетъ множество огней, между прочимъ и свѣточъ Лукіана; объ исполинской рыбѣ, проглатывающей странниковъ, которые выходятъ оттуда по нѣкоторомъ времени, какъ ни въ чемъ не бывало; объ исполинскомъ алкіонѣ, который ударомъ крыла повергаетъ въ пучину корабль; о жителяхъ луны съ подвижными глазами, которые они могутъ вынимать и снова вставлять, когда нужно, терять и даже заимать у другихъ и т. п.

Разборъ греческихъ романовъ даетъ автору поводъ къ объясненію нѣкоторыхъ другихъ сказочныхъ мотивовъ, эпизодически разработанныхъ романистами. Такъ, въ романѣ Явлиха несомнѣнною сказкой отзывается судъ Бохора (стр. 370—371 и прим.). У жрицы Афродиты трое дѣтей: сыновья Евфратъ и Тигръ и дочь Месоотамія, некрасивая собою, но ставшая красавицей по устроенію Афродиты. Трое юношей ухаживаютъ за нею; Бохоръ, лучший изъ судей того времени, рѣшаетъ въ пользу того, кого красавица подарила поцѣлуемъ; другимъ она поднесла вѣнокъ и кубокъ. Спорящіе на томъ не успокоились и убиваютъ другъ друга въ борьбѣ. Роде (какъ и г. Кирпичниковъ въ своей книгѣ о греческихъ романахъ) приравниваетъ къ этому разказу многочисленныя восточныя сказки, гдѣ трое юношей препираются о дѣвушкѣ, которую они вмѣстѣ спасли, ожививъ ее волшебными средствами, либо возбудивъ изъ летаргическаго сна, при чемъ каждый изъ нихъ предъявляетъ въ спорѣ свои права и участіе, принятое въ спасеніи погибшей. Не отрицаю въ общемъ указаннаго сопоставленія, позволю себѣ повторить сказанное мною по поводу этого сравненія при разборѣ книги г. Кирпичникова: въ

судѣ Бохора я вижу сказочную тему, но приложенную къ галаптнымъ отношеніямъ греческаго общества, сильно напоминающимъ стиль трубадуровъ и старыхъ Италіанцевъ. Собственно говоря, сказка забыта, юноши не спасаютъ и не оживляютъ дѣвушку, ихъ невещественныя притязанія основаны (какъ въ одномъ эпизодѣ у Боккаччо) на большемъ или меньшемъ значеніи, которое слѣдуетъ приписать знакамъ ея вниманія. Какъ видно, это не столько сказочный мотивъ, сколько матеріалъ для судейской практики въ какомъ нибудь фантастическомъ *conte d'amour*. Бохоръ Яввлиха, несомнѣнно, никто иной, какъ египетскій король Бокхорисъ, о мудрыхъ рѣшеніяхъ котораго говоритъ Діодоръ. Ему между прочимъ приписывался слѣдующій знаменитый приговоръ: гетера *Thonis* обжаловала человѣка, которому было свидѣніе, будто онъ наслаждался съ нею; гетера искала на томъ человѣкѣ известной суммы въ видѣ вознагражденія; Бокхорисъ рѣшилъ, что такъ какъ все дѣло было не въ дѣйствительности, а во свѣтѣ, то просительницѣ слѣдуетъ удовлетвориться тѣнью требуемой суммы. Сказочная литература этого спа, известнаго и на востокѣ, приведена у Родо; интереснѣе слѣдующее обстоятельство, служащее къ подтвержденію тождественности Бохора и Бокхориса: въ одномъ отрывкѣ Яввлихова романа (дошедшаго до насъ, главнымъ образомъ, въ извлеченіи Фотія) сохранилось указаніе на совершенно тождественный судейскій случай, рѣшеніе котораго, по всей вѣроятности, также приписано было Бохору-Бокхорису.

Такое же сказочное рѣшеніе въ любовномъ дѣлѣ представляеть романъ Ахилла Тація (I. c., стр. 484, прим. 1)—съ тѣмъ отличіемъ, что здѣсь примѣшался мотивъ о женской хитрости. Я коснулся послѣдняго, по поводу одного эпизода въ Арджи-Борджи, въ моихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ, не обративъ вниманія на пѣсколько дальнюю параллель, представленную слѣдующимъ эпизодомъ Ахилла Тація: Терсандръ, вернувшись съ отлучки, подозрѣваетъ свою жену Мелиту въ связи съ Клитофономъ. Онъ подвергаетъ ее божьему суду: Мелита должна погрузиться въ „воду Стикса“, которая доходитъ до горла, если жепщина была невѣрна, а въ противномъ случаѣ, отступаетъ отъ нея; на шеѣ у Мелиты дощечка, съ написанною на ней клятвой, что она не имѣла, въ отсутствіи Терсандра, никакого общенія съ Клитофономъ. Но она спозналаась съ Клитофономъ уже по возвращеніи Терсандра; вода Стикса отступаетъ отъ нея и вмѣстѣ съ тѣмъ — всѣ подозрѣнія мужа. Въ этой обманчивой клятвѣ Родо усматриваетъ первый по времени образъ

чикъ судебной повелли, значительно распространенной на востокъ и западъ. Въ арабской релакціи у Cardonne (*Mélanges de litt. orient.*, 1, 43—46) жена, виновная и заподозрѣнная въ прелюбодѣяннн, должна подвергнуться испытанію водой; на пути къ водоему се обнимаетъ ея любовникъ, переодѣтый, по уговору, юродивымъ; она клянется, что кромѣ мужа и вотъ этого юродиваго, никто болѣе не ласкалъ ее, и спустившись въ воду, не тонетъ. Тотъ же мотивъ встрѣчается въ Арджи-Борджи, индійскомъ переводѣ *Sinhâsana dvatrin-cati*, у Страпаролы, въ Тристанѣ Готфрида Страсбургскаго и въ сѣверной *Grettirs-saga*, вѣроятно, изъ какой-нибудь саги о Тристанѣ. Мудрые судьи и еще болѣе хитрыя жены принадлежатъ къ числу любимыхъ сюжетовъ восточной повѣсти, нерѣдко переносившихся и на западъ. Если Роде поминаетъ (стр. 355, прим. 1) средневѣковой романъ объ Иракліи (*Eacles*) по поводу эпизода объ Евдокіи, женѣ Феодосіи II, то распространяя указаніе на всю первую половину романа, и не прочь предположить восточный источникъ для выведеннаго тамъ примѣра женской изворотливости. И здѣсь, какъ во многихъ подобныхъ случаяхъ, посредницей между Европой и Азіей была Византія: новогреческія параллели къ нѣкоторымъ эпизодамъ *Eacles* во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія.

Но къ тому же востоку относитъ Роде (стр. 534—535, прим. 2) и прототипъ извѣстѣйшаго въ средневѣковой литературѣ разказа— о вѣрной жепѣ, за которою, въ отсутствіе мужа, напрасно ухаживаетъ его братъ, обвиняющій ее невинную и ставящуюся причиной ея изгнанія. Она принуждена блуждать по бѣлу свѣту, отстраняя другія любовныя предложенія—рыцари, преступника, освобожденнаго ею отъ смерти, корабельщика. Подъ конецъ, поселившись въ монастырѣ, она ставится извѣстной даромъ врачеванія: въ числѣ другихъ больныхъ являются къ ней и тѣ лица, которыя, преслѣдуя ее, наказаны были за то тяжкимъ недугомъ. Всѣ они принуждены ей покаяться въ своей винѣ, послѣ чего она снова соединяется съ своимъ супругомъ. Героини подобнаго рода, слегка дифференцированныхъ разказовъ, называется то Флоренціей изъ Рима, то Кресценціей, то Гильдегардой или Оливой. Греческая сказка изъ Инины развиваетъ тотъ же сюжетъ. Можно предположить, замѣчаетъ по этому поводу Роде,— что подобно роману объ Аполлоніи Тирскомъ, повѣсть о добродѣтельной Флоренціи проникла въ Грецію въ стихотворной обработкѣ какого-нибудь французскаго оригинала, и здѣсь сдѣлалась столь по-

пулярною, что обратилась въ сказку, до сихъ поръ живущую въ простонародьи. Я обращаю вниманіе на эту замѣтку Роде, служащую отчасти подтвержденіемъ моей догадки, что въ греческой сказкѣ у Гапа № 50 слѣдуетъ искать не столько свидѣтельства въ пользу древнѣйшаго (предположеннаго Роде) плана Аполлонія, сколько отраженія извѣстнаго намъ латинскаго текста, перешедшаго въ Грецію и изъ народной книги снова обратившагося въ народную сказку.

Впрочемъ, продолжая Роде о добродѣтельной Флоренціи,—повѣсть о ней первоначально восточнаго, вѣроятно — индійскаго происхожденія. Ея мѣсто, въ циклѣ „разказовъ попугая“, къ которому она несомнѣнно принадлежитъ: она встрѣчается уже въ древнѣйшей, доступной намъ формѣ этого сборника (у Нахшеби, Ночь 33-я. см. *Perisch* въ *Zeitschr. d. d. morgenl. Gesch.* XXIX, 1867 г., стр. 536—538), затѣмъ въ турецкомъ Тутинамѣ у *Poesna*, I, 89—108. Вліянію этого сборника, пашедшаго много читателей и переводчиковъ, слѣдуетъ приписать ея популярность и подражанія и передѣлки, которыя она вызвала. Роде указываетъ на арабскія ея редакціи; въ Китай она проникла, по всей вѣроятности, съ буддійскими проповѣдниками, а въ Европу—при посредствѣ Арабовъ.

При томъ зачаточномъ состояніи, въ какомъ находится по сѣ пору наука о народной повѣствовательной литературѣ, псевдонимительно, что всякое рѣшеніе становится о бокъ съ повнымъ вопросомъ и сомнѣніемъ, за которымъ грозно поднимается обычный вопросъ о методѣ. Такъ и въ данномъ случаѣ по поводу невинной Флоренціи. Такой простой, изъ глубины жизни вѣчно поднимающійся мотивъ, какъ исторія невинной, заподозрѣнной жепы, могъ такъ естественно представиться воображенію восточнаго и западнаго челоука, что тотъ и другой могли создать сказанія на эту тему, сходныя по единству пониманія и вмѣстѣ съ тѣмъ независимыя другъ отъ друга фактически. Я не отрицаю, что между какой-нибудь восточною Флоренціей и ея западною параллелью не существуетъ гепетической связи: но эту связь слѣдуетъ доказать подробнымъ анализомъ подробностей, сходствъ и разногласій, и доказать для всякаго отдѣльнаго случая. Роде не имѣетъ этого въ виду: его сравнительно сказочныя параллели въ сущности только приклеены къ главному содержанию работы; онѣ собираютъ матеріалъ и не столько разрѣшаютъ, сколько ставятъ вопросы. Такъ появляя я его задачу, от-

вѣчая его приглашенію. Признаюсь, говоритъ онъ въ концѣ своего предисловія (стр. X),—я желалъ бы видѣть въ числѣ своихъ читателей не только цеховыхъ 'филологовъ, но и изслѣдователей въ болѣе широкой историко-литературной и культурно-исторической области. Такіе изслѣдователи найдутся, и вѣроятно, не менѣе меня, заинтересуются его книгой.

Александръ Веселовскій.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Handbuch der albulgarischen (altkirchenslawischen) Sprache. Grammatik. Texte. Glossar. von A. Leskien, a. o. Professor der slawischen Sprachen an der Universität Leipzig. (Руководство древне-болгарскаго [древне-церковно-славянскаго] языка. Грамматика. Тексты. Глоссарій. Составилъ А. Лѣскинъ, э. о. профессоръ славянскихъ языковъ въ Лейпцигскомъ университетѣ). Weimar. 1871.

До появленія этой книги не было на нѣмецкомъ языкѣ краткаго пособия, пригоднаго для начинающихъ заниматься старославянскимъ языкомъ. Шлейхерова „*Formenlehre der kirchenslawischen Sprache*“ (1852) слишкомъ обширна и слишкомъ научна, и притомъ изложенное въ ней ученіе отчасти отстало въ сравненіи съ новѣйшимъ языковѣдѣніемъ; ограничиваясь же одною только теоретическою стороною, грамматикой, она, для первоначальнаго ознакомленія съ самимъ языкомъ, заставляеть прибѣгать къ другимъ книгамъ. Подобнымъ же недостаткомъ страдаютъ и сочиненія Миклошича: они ограничиваются или однимъ текстомъ (даже безъ словаря), или же однимъ только теоретическимъ изложеніемъ. Кромѣ того, какъ Шлейхеровой „*Formenlehre*“, такъ и большинства подходящихъ сюда сочиненій Миклошича, нѣтъ болѣе въ продажѣ. Настоящій трудъ Лѣскина совершенно удовлетворительно пополняетъ этотъ ощущительный пробѣлъ въ лингвистической литературѣ.

Первая часть этой книги, краткая грамматика (стр. 1 — 72), составлена весьма ясно и толково и вполне достаточна для первоначальнаго ознакомленія съ звуковыми особенностями и формами старославянскаго языка. Кому извѣстно ученіе лингвистовъ Шлейхеровской школы, тотъ самъ составитъ себѣ понятіе какъ о расположеніи матеріала, такъ и о теоретическихъ соображеніяхъ, высказанныхъ въ книгѣ Лѣскина. Поэтому, не распространяясь ни о томъ, ни о дру-

гомъ, выскажу только мои сомнѣнія на счетъ нѣкоторыхъ частныхъ.

Такъ, объясняя произношеніе кирилловскихъ буквъ, Лѣскинъ слишкомъ рѣшительно приписываетъ буквѣ ѣ звукъ долгаго узкаго *e* („langes deutsches etwas nach *i* hinlautendes *e* (*e* fermé)“) (§ 2). Буквѣ л, какъ мнѣ кажется, свойственъ былъ звукъ не нѣмецкаго *l* (§ 2), но, или твердаго польско-русскаго *l* (l) (въ соединеніи съ широкими гласными), или же мягкаго русскаго *l* (l') (въ соединеніи съ узкими, небными гласными, или же тамъ, гдѣ этотъ согласный является результатомъ сліпнія твердаго *l* съ *j*; въ этомъ послѣднемъ случаѣ кирилловская графика употребляетъ для выраженія этого простаго мягкаго звука сочетаніе буквъ *л*). И вообще Лѣскинъ считаетъ непереходно-мягкіе согласные чѣмъ-то, съ славянской точки зрѣнія, вторичнымъ, развившимся только въ новѣйшихъ славянскихъ діалектахъ (§ 27), тогда какъ, напротивъ того, общая исторія звуковъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ даетъ намъ полное право заключать, что эти непереходно-мягкіе согласные свойственны были когда-то всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ въ ихъ древнемъ видѣ, стало быть, и старо-славянскому, и тѣмъ болѣе основному славянскому, и только впоследствии явилась въ разныхъ новѣйшихъ славянскихъ нарѣчіяхъ частная потеря этихъ звуковъ и даже неспособность произносить нѣкоторые изъ нихъ.

О носовыхъ гласныхъ нашъ авторъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Гласные какъ носовой согласный (*ц*, *т*) не могутъ стоять ни въ концѣ словъ ни передъ другими согласными, кромѣ передъ *j* и передъ фонетическимъ *l*, вставленнымъ между *m* (*м*) и *j* (*юна*; *земля*)“. (§ 23). Это вполне вѣрно, но выражено не совсѣмъ точно; ибо, гораздо проще сказать, что подобныя сочетанія гласныхъ съ носовыми согласными невозможны въ старославянскомъ въ концѣ *словъ*; если же носовой согласный принадлежитъ слѣдующему слогу, то ему не возможно слиться съ предшествующимъ, предыдущему слогу принадлежащимъ, гласнымъ. Кромѣ того, сравненіе съ литовскимъ языкомъ преимущественно доказываетъ, что нельзя говорить о происхожденіи старо-славянскихъ носовыхъ гласныхъ изъ сочетанія *ъ* или *ь* съ носовыми согласными (§ 23), и что эти послѣдніе (носовые согласные) только въ соединеніи съ гласными *е* и *о* развились въ носовые гласные: *ѣ* всегда обязано своимъ происхожденіемъ сочетаніямъ *en* (*ен*) или же *em* (*ем*), *ѡ* же—сочетаніямъ *on* (*он*) или же *om* (*ом*). Старославянскихъ носовыхъ гласныхъ, происшедшихъ изъ сочетанія глас-

ныхъ *a, i, ъ, ѣ* съ носовыми согласными, вовсе не существуетъ. Точно также не имѣетъ историческаго основанія выводъ гласныхъ *ou, ѡ* и *ѡ* въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ *ѡ* (§ 23, примѣч.). Оставляя въ сторонѣ *ou*, какъ сомнительное, относительно *ѡ* и *ѡ* можно замѣтить, что вездѣ тамъ, гдѣ они являются замѣнителями обще-индо-европейскихъ сочетаній гласныхъ съ носовыми согласными, литовскій языкъ показываетъ только долгое или же краткое *u* (*y*), и что, слѣдовательно, старославянскіе гласные *ѡ* и *ѡ*, какъ въ тѣхъ, такъ и во всѣхъ вообще случаяхъ, развились не изъ *ѡ*, но *ѡ* изъ долгаго *u* (*y*), *ѡ* же — изъ краткаго *u* (*y*).

Что касается сочетаній *плѣ, блѣ, влѣ, млѣ*, то здѣсь нельзя говорить о вставкѣ *l* между губнымъ согласнымъ и *j* (§ 33, § 23), но только о ямбнѣ согласнаго *j* мягкимъ (небнымъ) *l'* (*лѣ*), или даже о замѣнѣ мягкихъ губныхъ согласныхъ *p', b', v', m'* сочетаніями соотвѣтствующихъ твердыхъ съ мягкимъ *l'*: *pl'* (*плѣ*), *bl'* (*блѣ*) и т. д.

Что слѣдуетъ думать о вставкѣ *n* (*н*) въ *безъ нѣско, на нь, съ ними* и т. д., *до нѣдеже, въ нѣгда* и т. д., *съ-н-ѣмъ* (*сопмѣ*), *отъ-нѣа* (*отпѣа*), *въ-н-нѣти, съ-н-нѣти, съ-н-ѣсти, въ-н-оушити, съ-н-искати* и т. д. (§ 48) (собственно говоря: съ *п-ими, вѣп-кѣгда, съп-ѣмъ, вѣп-нѣти, съп-нѣти, стн-ѣсти, вѣн-оушити, съп-искати* и т. п.), я объяснилъ подробно въ рецензіи на сочиненіе г. Будиловича „Исслѣдованіе древнеславянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова“ (*Журн. Мин. Народн. Прѣсв.* 1872 г., августъ и полбрь).

Объяснять происхожденіе старо-славянскихъ *шт* и *жд* (соотвѣтствующихъ основнымъ группамъ *tj* и *dj*) одною только перестановкою изъ *ти* и *дж* (§ 35), нѣсколько сомнительно, если принять во вниманіе, что въ такомъ же точно видѣ являются въ старославянскомъ смягченія, соотвѣтствующія твердымъ *ск, ст*, гдѣ, конечно, эти *шт* и *жд* развились изъ *шч* (то-есть, *шчи* = *стш* = *стj*) и *ждж* (= *здj*), и что сочетаніе *ск* замѣняется въ старославянскомъ сочетаніемъ *ст* (изъ *сте*) (ср. §§ 35, 38, 44).

Для надлежащаго объясненія перехода *з, т* и *д* въ *с* въ такихъ словахъ, какъ *весло, масло, съ вѣсло* и т. п., *число, ѡсми, ѡслаи*, и т. п., мнѣ кажется необходимымъ выводить ихъ не изъ *вез-ло, маз-ло, шит-ло*, гдѣ-ли и т. д. (§ 32), но изъ *вез-тло, маз-тло, шит-тло, ѡд-тми* и т. д. = *вес-тло, мас-тло, чис-тло ѡс-тми* и т. д., въ которыхъ, наконецъ, *т* передъ *л* должно было исчезнуть; ср. *пласъ* изъ *платъ*, *наль* изъ *падль* и т. п., (§ 41), (ср. *Johannes Schmidt, Beiträge zur vergl. Sprachforschung, VII, 239 - 44*).

Въ формахъ *имаь*, *имать* и т. д. = *имаамь*, *имаатъ* и т. д. (?) не произошло, по моему, никакого ни уподобленія гласныхъ, ни стяженія (*contractio*) (§§ 19, 20; ср. § 92); опѣ образованы приставкою первичныхъ личныхъ окончаній къ основѣ *има*, на подобіе глаголовъ *къ-мь*, *н-мь* или *ла-мь* изъ *нд-мь*, *отъ-мь* изъ *отд-мь*, *да-мь*, изъ *дад-мь* и т. д. (ср. §§ 88—91).

Нашъ авторъ слишкомъ увѣренно считаетъ формы предлоговъ *безъ*, *възъ*, *изъ*, *разъ* и т. п. безотносительно болѣе древними въ старо-славянскомъ языкѣ, нежели *без*, *въз*, *из*, *раз*, и считаетъ эти послѣднія разившимися изъ первыхъ вслѣдствіе исчезновенія конечнаго *ъ* (§§ 7, 32). Между тѣмъ сравненіе съ литовскимъ, а точно также и разсмотрѣніе самого старо-славянскаго, заставляютъ немножко призадуматься, прежде чѣмъ рѣшиться на подобное объясненіе. Такъ напримѣръ, старославянскимъ *из* и *въз* соотвѣтствуютъ въ литовскомъ *iš* и *iš*, въ коихъ мы не видимъ никакого слѣда конечнаго гласнаго. Въ самомъ же старо-славянскомъ языкѣ конечные согласные этихъ предлоговъ, въ сопряженіи съ начальными согласными слѣдую, щихъ словъ, подвергаются звуковымъ законамъ, происходящимъ вообще въ исконныхъ сочетаніяхъ согласныхъ, между которыми нельзя допускать существованія когда-то какого-бы то ни было гласнаго или же полугласнаго. Таковы, напримѣръ, слова и сочетанія словъ: *бешчисльнь* изъ *без-числьнь* (безчисленный), *въштѣти* изъ *въз-штѣти* (начать) (§ 35), *штѣтва* изъ *из-штѣва* (§ 49) и т. п., *ижденѣ* изъ *из-женѣ* (выгоню), *раждеити* изъ *раз-жеити* (разжечь) (§ 35), *ижденѣтъ* (стр. 151) и т. п., *бесловеснь* изъ *без-словеснь* (ἀλόγος), *въсмѣти сѣ* изъ *въз-смѣти сѣ* (засмѣяться), *исхнѣти* изъ *из-схнѣти* (иссохнуть); *растоити* изъ *раз-стоити* (разстоять, быть отдаленнымъ) (§ 44), *бесма* изъ *без-сма* (§ 49), *и-цркъве* изъ *и-цркъве* (изъ церкви) (стр. 113), *бешчисльнь* изъ *без-числьнь*, *рашидѣ* изъ *раз-шидѣ* (разшедшій), *штѣтити* изъ *из-штѣтити* (рядомъ съ *штѣтити* и *штѣтити*) (§ 44), *шидѣ* (стр. 154) и т. п., *въз-д-рости* (возрости), *из-д-рѣити* (высказать), *раз-д-рѣити* (разрѣшить) (§ 47), *бездранѣ* изъ *без-ранѣ* (§ 49), *възрадовали сѣ* (возрадовались) (стр. 150) и т. п., *иже-нѣю* изъ *из-нѣю* (§ 49) и т. п., ср. *об-штѣти* изъ **об-штѣти* (облечь), *обътъ* изъ **об-тътъ* (§ 45) и т. п. Поэтому не совсѣмъ справедливо считать формы *безъ*, *възъ*, *изъ*, *отъ*, *объ* настоящими древними старославянскими, въ противоположность формамъ *без*, *въз*, *из*, *от*, *об*, соблюдаемымъ, напримѣръ, въ Остромировомъ

Евангеліи съ полною послѣдовательностью (стр. 108, 109, 110, 116, 118, 124, 142, 150, 152 и т. д.).

Слова въ родѣ *блгаринъ*, *гражданинъ* и т. п. не теряютъ во множественномъ числѣ слога (слоговъ)—*инъ* (§ 58), ибо этотъ слогъ никогда не былъ свойственъ множественному числу. Означая, по всей вѣроятности, то же, что одинъ (*гражданинъ* = *изъ граждамъ одинъ*), онъ всегда былъ возможенъ только въ единственномъ числѣ.

Не касаясь другихъ пунктовъ грамматической части подлежащаго сочиненія, я намѣренъ болѣе подробно остановиться только надъ системою склоненія, принятою Лѣскинымъ.

Въ общемъ это — система, принятая почти всѣми новѣйшими лингвистами, упроченная же преимущественно Шлейхеромъ и его приверженцами. Но въ частности Лѣскипъ отступилъ отъ общепринятаго раздѣленія, и сколько мнѣ кажется, этихъ отступленій нельзя назвать особенно удачными, не говоря ужъ о томъ, что вся система можетъ быть примѣнена къ славянскимъ языкамъ только съ большими натяжками и иногда въ полный разрѣзъ съ дѣйствительностью. Отступленія Лѣскина состоятъ, между прочимъ, въ отторженіи основъ на *i* отъ прочихъ гласныхъ основъ и въ подведеніи ихъ подъ одну общую категорію вмѣстѣ съ согласными темами, и затѣмъ въ соединеніи въ одно общее цѣлое основъ на долгое *и* (то-есть на *и*) съ основами на краткое *й* (то-есть, на *э*). Вотъ это раздѣленіе склоненія старо-славянскихъ существительныхъ въ книгѣ Лѣскина:

1. Основы на *i* и согласныя основы (темы):

А) основы на *i* (оканчивающіяся въ славянскомъ на *ь*): а) masculina, б) feminina.

В) согласныя основы: а) основы на *s* (оканчивающіяся на *с*), б) основы на *n* (оканчивающіяся на *н*), в) основы на *r* (оканчивающіяся на *р*), г) основы на *t* (оканчивающіяся на *т*).

2. Основы на *и*—:

А) основы на долгое *и* (*и*).

В) " " краткое *й* (*э*).

3. Основы на *a*—:

А) чистыя основы на *a*, безъ *j*: а) masc. и neutr. (основы, оканчиваются въ славянскомъ на *о*), б) fem. (основы, оканчивающіяся въ славянскомъ на *а*).

В) основы на *ja*—: а) masc. и neutr. (оканчиваются въ славянскомъ на *ю*), б) fem. (оканчивающіяся въ славянскомъ на *я*). (§ 50).

Не говоря ужъ о томъ, что вся эта система только навязана ста-

ро-славянскому языку извѣнъ, а вовсе не основана на разсмотрѣніи самого же старо-славянскаго словоизмѣненія, то-есть, дѣйствительныхъ отношеній старо-славянскихъ окончаній къ неизмѣняемымъ основнымъ частямъ старо-славянскихъ существительныхъ, надобно замѣтить, что, даже съ точки зрѣнія самого Лѣскина, — можно усмотрѣть въ его системѣ нѣкоторыя противорѣчія и несообразности. Прежде всего нашъ авторъ заслуживаетъ упрека въ извѣстнаго рода хронологической непослѣдовательности, а именно: темы (основы) на краткое *и* вполне отдѣляются отъ темъ на *а* только на основаніи ихъ приподо-европейскаго различія, тогда какъ въ славянскомъ онѣ совершенно слились между собою; за то тѣ же темы на краткое *и* ставятся рядомъ съ темами на долгое *и*, опять-таки на основаніи предполагаемаго донсторическаго сходства свойственныхъ имъ склоненій. Напротивъ того, темы на *—і* соединяются съ согласными темами только на основаніи вторичнаго спеціально-славянскаго (и пожалуй даже славяно-литовскаго) смѣшенія свойственныхъ имъ окончаній, хотя въ санскритѣ (служащемъ, какъ извѣстно, для Лѣскина и для его научныхъ единоплеменниковъ исходною точкой для классификаціи словоизмѣненій всѣхъ индо-европейскихъ языковъ) темамъ на согласные и темамъ на *і* свойственны два совершенно различныя склоненія; тѣмъ болѣе должно было быть это различіе въ индо-европейскихъ языкахъ. Наконецъ, такъ-называемыя темы на долгое *и* соединены съ темами на краткое *и* и отдѣлены отъ темъ согласныхъ, хотя какъ въ санскритѣ, такъ и въ старо-славянскомъ, свойственное имъ склоненіе гораздо болѣе похоже на склоненіе согласныхъ темъ, нежели на склоненіе темъ на краткое *и* (впрочемъ, они дѣйствительно и являются согласными темами, такъ какъ въ косвенныхъ надежахъ мы встрѣчаемъ въ концѣ этихъ темъ не долгое *и* или же *ы*, но въ санскритскомъ *—ив—*, а въ старославянскомъ *—ъи—*). Еслибы Лѣскинъ придерживался принципа первобытныхъ индо-европейскихъ формъ послѣдовательно, онъ долженъ былъ бы прежде всего отличать гласныя и согласныя темы, подраздѣляя затѣмъ гласныя на три разряда: *а*, *і*, *и*, и для темъ на долгіе гласныя *и* и *і* устанавливая особый разрядъ или же, — что еще лучше, — подводя ихъ подъ одну категорію съ согласными темами. Если для темъ на *и* и *и* Лѣскинъ устанавливаетъ особый разрядъ, то съ такимъ же точно правомъ онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, упомянуть и объ основахъ на долгое *і*, такъ какъ окончаніе *—и (і)* именительныхъ надежей *благими* (доброта), *богыми* (богиня) и т. п. (§ 59) является именно вполне законнымъ славянскимъ

замѣнителемъ долгаго *i*. Особое склоненіе подобнаго рода существительныхъ слилось по большей части съ такъ-называемымъ склоненіемъ на краткое *i* и съ склоненіемъ на *ja*.

Наконецъ, позволительно спросить: что разумѣть Лѣскинъ подъ словомъ „тема“ (основа, „Stamm“) въ отношеніи къ положительно данному состоянію, наиримѣръ, старо-славянскаго языка? На этотъ вопросъ трудно дать вполне ясный и опредѣленный отвѣтъ, и именно вслѣдствіе того, что, не говоря ужь о темахъ на—*a*—, —*i*—, —*u*— и т. п., которыя, для старославянскаго языка по крайней мѣрѣ, являются чѣмъ-то фиктивными и не существующимъ,—въ примѣненіи вообще темъ (основъ) къ старо-славянскому незамѣтно одного опредѣленнаго прочнаго начала. Такъ наиримѣръ, старо-славянскіе замѣнители темъ на краткое *i* и краткое *ij* отождествляются у Лѣскина съ именительнымъ падежомъ, который вѣдь никакъ не служитъ основаніемъ образованія другихъ падежей, такъ какъ въ этихъ послѣднихъ не видно вовсе конечнаго *ъ* и *ь* (замѣнителей краткихъ *u* и *i*),—но являются совершенно другія окончанія, соединяющіяся съ темою, конечный звукъ которой есть согласный. То же самое можно сказать о темахъ на долгое *u* и женскихъ темахъ (основахъ) на—*a*—*i*—*ja*—, вполне тождественныхъ у Лѣскина съ именительнымъ падежемъ. При такъ-называемыхъ основахъ на —*a* и *i*—*ja* муж. и средн. рода именительный падежъ въ роли темы замѣняется тою частью творительнаго, которая остается послѣ отброшенія конечнаго—*мь*; стало быть, старо-славянскіе замѣнители этихъ темъ оканчиваются на *o* или же *к* (—*a*—*o*—, —*ja*—*o*—*к*—). Наконецъ, старо-славянскимъ замѣнителемъ согласныхъ темъ являются настоящія темы.

Лѣскинъ, подобно другимъ лингвистамъ, не хочетъ допустить, чтобы разъ сложившіяся въ индо-европейскихъ языкахъ темы, какъ темы, могли подвергаться фонетическимъ измѣненіямъ, сокращеніямъ и т. д., хотя, впрочемъ, далеко не выдерживаетъ этой своей теоріи. Мы же кажемся, что темы, если только согласиться на ихъ существованіе, подвергаются, какъ и все въ языкѣ, постояннымъ измѣненіямъ, и именно измѣненіямъ двоякаго свойства—чисто фонетическимъ и измѣненіямъ подъ вліяніемъ аналогіи. Благодаря этимъ измѣненіямъ, бывшія когда-то темы на *a*—, *i*—*u*— и т. п. (прочность которыхъ, впрочемъ, не выдержана даже въ санскритскомъ) лишились въ славянскомъ своихъ конечныхъ гласныхъ и развились въ чисто согласныя (болѣе краткія) темы, замѣнители же ихъ—когда-то—конечныхъ гласныхъ, вмѣстѣ съ замѣнителями древнихъ окончаній, служатъ въ славян-

скомъ (какъ то же отчасти имѣетъ мѣсто и во всѣхъ прочихъ индоевропейскихъ) простыми окончаніями, выражающими разныя надежныя отношенія. Это я утверждаю потому, что темы для меня не суть фикціи, витающія въ туманной атмосферѣ праязыка, но живыя части склоняемыхъ и спрягаемыхъ словъ, составляющія необходимое условіе настоящей флексіи до тѣхъ поръ, пока она окончательна не выведется изъ языка, какъ это имѣетъ мѣсто, на примѣръ, въ склоненіи языковъ романскихъ, болгарскаго и всѣхъ вообще индоевропейскихъ на такъ-называемой аналитической степеніи развитія. Объ общиндоевропейскихъ первобытныхъ темахъ на — *а* —, — *и* —, — *і* — и т. п. пужо знать и при изслѣдованіи славянскихъ языковъ, но не для того, чтобы навязывать ихъ этимъ языкамъ безъ всякаго реальнаго основанія, а только для того, чтобы объяснить себѣ многія явленія, которыя безъ этого остались бы совершенно непонятными, — какъ и вообще строя отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ нельзя понять надлежащимъ образомъ, не имѣя, по крайней мѣрѣ, общаго понятія о главныхъ, основныхъ свойствахъ всего этого племени.

Руководствуясь этими началами, я позволю себѣ представить здѣсь нѣсколько другое раздѣленіе старо-славянскихъ существительныхъ по общему характеру свойственныхъ имъ склоненій.

I. *Именительный пад.* ед. ч. = тема + окончаніе (раб-ъ, сын-ъ, дѣл-о, рыб-а, крај-ъ, мѣж-ъ, кон'-ъ, пол'-е, лож-е, пѣниј-е, змиј-а, вол'-а, доуш-а и т. п., богын'-и, пѣт-ъ, кост-ъ и т. п.):

A. Род. пад. ед. ч. не на *і* (*и*):

1. Темы на твердые, согласные съ гласными окончаній *ы*, *о*, *ъ* и т. п.

а. мужскія темы: раб-ъ, сын-ъ и т. п.

б. среднія: дѣл-о и т. п.

в. женскія темы: рыб-а и т. п.

2. Темы на мягкіе, небные согласные съ гласными окончаній *ѣ*, *е*, *ь* и т. п.

а. мужскія: крај-ъ, кон'-ъ мѣж-ъ и т. п.

б. среднія: пол'-е лож-е, пѣниј-е и т. п.

в. женскія: змиј-а, вол'-а, доуш-а и т. п.

B. Родительный пад. единст. ч. на *і* (*и*).

а. мужскія темы: пѣт-ъ и т. п.

б. женскія: кост-ъ и т. п.

II. *Именит. пад. ед. ч. короче основы* (темы) (иногда онъ представляетъ просто сокращеніе основы, иногда же сокращеніе основы

вмѣстѣ съ древнимъ окончаніемъ). Всѣмъ сюда принадлежащимъ существительнымъ свойственъ род. пад. ед. ч. на *с*, чуждое совершенно въ этомъ надежѣ 1-му склоненію.

- A. 1. тема на — ть —, имен. ед. на — ы: цркъы — цркъвъ-е и т. п.
 2. " " — ер —, " " " — и: мати—матер-е и т. п.
 3. " " — ен —, " " " — ы: камы—камен-е и т. п.
 B. 4. " " — ен —, " " " — ѡ: имѡ—имен-е и т. п.
 5. " " — ес —, " " " — о: слово—словес-е и т. п.
 6. " " — ѡт —, " " " — ѡ: жрѣбѡ—жрѣбѡт-е и т. п.

Примѣчанія. 1-е) Склоненія I. A. 1. а и I. A. 2 а являются результатомъ смѣшенія двухъ или даже трехъ прежде различныхъ склоненій. Поэтому необходимо обратить вниманіе на род. ед. муж. *раба*, *сына*, *края* и т. п. въ различіи отъ *сыноу* и т. п. (р. съ *сыни* и т. п.) дат. ед. *рабоу*, *краю* и т. п. въ различіи отъ *сынови* и т. п., (р. съ *сыноу* и т. п.) и въ различіи отъ *рабови*, *кракви* и т. п., творит. ед. *рабоуь*, *краквуь* и т. п. въ различіи отъ *сыньюь*, *доухьюь* и т. п., зват. ед. *рабе*, *вльче* и т. п. въ различіи отъ *сыноу*, *краю*, *мѣжоу* и т. п., мѣстп. ед. *рабѣ*, *вльчѣ* и т. п., *краи*, *мѣжи* и т. п. въ различіи отъ *сыноу* и т. п., им. мн. *раби*, *сыни*, *краи*, *мѣжи*, *конѣ* и т. п. въ различіи отъ *синове*, *рабове*, *конѣве* и т. п., род. мн. *рабѣ*, *мѣжѣ* и т. п. въ различіи отъ *рабовъ*, *конѣвъ* и т. п., дат. мн. *рабоуь*, *сыньюь*, *мѣжюь*, *конѣмъ*, и т. п. въ различіи отъ *рабовоуь*, *конѣвоуь* и т. п., творит. мн. *рабы*, *конѣ* и т. п. въ различіи отъ *сыньюми*, *трьхьюми* и т. п. и въ различіи отъ *рабови*, *конѣви* и т. п., мѣст. мн. *рабѣхъ*, *сынѣхъ*, *конѣхъ* и т. п. въ различіи отъ *сынѣхъ* и т. п., *дворохъ*, *сынохъ* и т. п. и въ различіи отъ *рабовьхъ*, *конѣвьхъ* и т. п., *рабовохъ* и т. п., им. двойств. *раба*, *сыни*, *конѣ* и т. п. въ различіи отъ *сынѣ* и т. п., родит. двойств. *рабоу*, *коню* и т. п. въ различіи отъ *сыноу*, *рабоуоу*, *конѣвоу* и т. д. и т. д. Это разнообразіе формъ для одного и того же падежа свойственно всѣмъ старославянскимъ существительнымъ муж. рода, такъ что въ старославянскомъ степеніи развитіи его нельзя принять основаніемъ при раздѣленіи склоненія этихъ существительныхъ. Дѣло же исторіи языка—объяснить, какимъ образомъ произошло это смѣшеніе.

2) Нѣкотораго рода отступленіе отъ I. A. 2. а представляютъ жен. существительныя съ именит. ед. на *і* (*и*), какъ-то *благинѣ* (*и*) (доброта), *богинѣ* и т. п. Причина этого различія отъ прочихъ существ. жен. съ темою на мягкой согласный заключается въ ихъ особомъ, различномъ отъ другихъ, происхожденіи, объяснить которое

опять-таки дѣло исторіи языка. По это различіе слинкомъ незначительно для того, чтобъ, основываясь на немъ, создавать изъ существ. жен съ именит. ед. па і (и) особую группу. Эти существительныя составляютъ въ нѣкоторомъ смыслѣ переходъ отъ группы I. А. 2 а. къ группѣ I. В. б.

Итакъ, мы видимъ, что на каждомъ шагѣ встрѣчается здѣсь смѣшеніе прежде различныхъ склоненій; поэтому, съ чисто научной точки зрѣнія, нельзя говорить о различныхъ склоненіяхъ существительныхъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, то-есть, какъ о группахъ существительныхъ, имѣющихъ совершенно одинаково образованные надежи, но только можно говорить о разныхъ формахъ отдѣльныхъ надежей.

Вышеприведенное мною раздѣленіе существительныхъ по склоненіямъ чуждо какихъ бы то ни было особенныхъ научныхъ претензій. Но мнѣ кажется, что ему нельзя отказать въ простотѣ и удобопонятности, такъ что оно доступно любому ученику гимназіи, начинающему изучать старо-славянскій языкъ. Мое раздѣленіе не требуетъ знаній обще-индо-европейскихъ основъ (темъ) на а—, —і—, —и— и т. п., которыя, впрочемъ, безъ ознакомленія съ санскритскими склоненіями (конечно, по общепринятому ученію самихъ же санскритскихъ грамматиковъ) являются чѣмъ-то мистическимъ и сверхъестественнымъ. И вообще это раздѣленіе не предрѣшаетъ вопроса о темахъ; на сколько же оно приближаетъ къ нимъ, оно отдѣляетъ ихъ изъ живаго состава положительно данныхъ старославянскихъ словъ. Съ другой стороны, оно все-таки совпадаетъ съ общепринятымъ раздѣленіемъ склоненій индо-европейскихъ языковъ: мое 1-е склоненіе соответствуетъ такъ называемому гласному склоненію (*vocalische Declination*) Шлейхера и другихъ, а мое 2-е склоненіе—такъ-называемому согласному склоненію (*consonantische Declination*). Въ сравненіи съ латинскимъ, мое 1-е склоненіе соответствуетъ латинскому общему склоненію съ родит. пад. ед. ч. на і (обнимающему обыкновенное 1-е, 2-е и 5-е склоненія), а мое 2-е склоненіе — латинскому общему склоненію съ родит. п. ед. ч. на — is (изъ—os,—обыкновенное 3-е и 4-е скло.). Въ греческомъ съ моимъ 1-мъ склоненіемъ можно сопоставить обыкновенныя 1-е и 2-е, соприкасающіяся другъ съ другомъ во многихъ точкахъ, съ моимъ 2-мъ старо-славянскимъ склоненіемъ — обыкновенное 3-е греческое склоненіе (родит. ед. ч. — os).

Возвращаясь къ книгѣ Лѣскина, перехожу ко II-й ея части, то-есть, къ помѣщеннымъ въ ней старо-славянскимъ текстамъ (стр. 73—176).

При печатаніи этихъ текстовъ Лѣскинъ не вездѣ придерживался одного и того же филологическаго метода, и именно одну часть ихъ (стр. 73—108) онъ напечаталъ не согласно съ рукописями, поправляя рукописныя формы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ отступаютъ отъ обще-признанной нормы старо-славянскаго языка, между тѣмъ какъ въ остальныхъ отрывкахъ (стр. 108—176) сохранено правописаніе рукописей, съ раздѣленіемъ только, ради удобства, словъ одно отъ другаго и съ введеніемъ знаковъ препинанія. Хотя первый способъ расходится во многихъ случаяхъ съ фактическимъ состояніемъ памятниковъ, но за то для начинающихъ представляетъ то удобство, что изучаемый ими языкъ предстаётъ передъ ними въ совершенно цѣльномъ и опредѣленномъ видѣ. Къ сожалѣнію, къ старо-славянскому языку этотъ методъ нормализовать памятники не можетъ быть при-мѣненъ съ надлежащею полнотой, уже по тому одному, что относительно нѣкоторыхъ пунктовъ старо-славянской фонетики и даже морфологии мнѣнія ученыхъ расходятся. Но у Лѣскина неудобства подобной, преждевременной, рѣшительной нормализаціи устраниются отчасти тѣмъ, что онъ внизу страницъ подъ текстомъ помѣщаетъ иногда, на подобіе вариантовъ, поправленныя имъ формы и въ томъ видѣ, какъ онѣ записаны въ памятникахъ, и кромѣ того, подъ евангеліемъ изъ Саввиной книги приводитъ варианты изъ Остромірова евангелія. Полнаго одобренія заслуживаетъ отступление отъ Миклошича: между тѣмъ какъ этотъ послѣдній, не обращая вниманія ни на исторію славянскихъ языковъ вообще, ни на правописаніе памятниковъ, въ сочетаніяхъ съ *r* и *l* признаетъ возможнымъ только *ъ* (*ръ*, *ль*), Лѣскинъ строго различаетъ сочетанія съ *ъ* (*ръ*, *ль*) отъ тоже возможныхъ сочетаній съ *ь* (*рь*, *ль*). Но за то сомнительно, слѣдуетъ ли признавать свойственными древне-славянскому языку одни только сочетанія *ръ*, *ль*, *рь*, *ль*, и не вѣроятнѣе ли существованіе въ немъ рядомъ съ только что названными сочетаніями *ър*, *ъл*, *ьр*, *ьл*? (ср. § 25).

Къ отрывкамъ, подвергшимся нормализаціи, принадлежатъ: XXVI и XXVII главы Евангелія св. Матѳея изъ Саввиной книги, перепечатанныя, съ измѣненіями разумѣется, изъ сочиненія И. И. Срезневскаго: „Древніе славянскіе памятники юсоваго письма“ (стр. 73—82),—часть XV гл. св. Луки изъ Остромірова евангелія (стр. 82—83),—отрывокъ изъ Дѣяній апостольскихъ и изъ Исхода изъ Погодинской псалтири, оба также взятые изъ только-что названной книги И. И. Срезневскаго (стр. 84—88),—три довольно большіе отрывка изъ Миклошичевыхъ „*Monumenta linguae palacoslovenicae e codice Sudrasli-*

ensi" (стр. 88—107), и наконецъ, часть „Изборника Святославова“, перепечатанная изъ „Исторической христоматіи“ Буслаева (стр. 107—108).

Какъ образецъ старо-славянскаго языка въ томъ видѣ, какъ онъ передается въ дошедшихъ до насъ памятникахъ, авторъ напечаталъ цѣлое Евангеліе св. Іоанна изъ „Остромірова евангелія“ (стр. 108—167). Это изданіе имѣетъ и въ научномъ отношеніи особенную важность вслѣдствіе того, что авторъ не просто на просто перепечаталъ изданіе Востокова, а внесъ въ обнародованный имъ текстъ тоже поправки тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ Востоковъ, по недосмотру или же по ошибкѣ, отступаетъ отъ рукописи. Эти поправки сообщены Лѣскину А. О. Вычковымъ, тщательно сличившимъ изданіе Востокова съ рукописью, хранящеюся въ Императорской С.-Петербургской публичной бібліотекѣ. Впрочемъ, какъ само собою разумѣется, число этихъ поправокъ самое незначительное, (онѣ сообщены Лѣскинымъ всѣ вмѣстѣ на страницѣ V-й предисловія), но все-таки ими устраняется нѣсколько русизмовъ, вкрапившихся въ изданіе Востокова. Помѣщенные вблизи этой части текстовъ варианты совершенно противоположнаго свойства, нежели варианты первой части: тамъ они состоятъ изъ положительно данныхъ памятниками формъ въ различіе отъ принятыхъ въ текстъ и воссозданныхъ Лѣскинымъ по общей пормѣ старо-славянскаго языка; здѣсь они, напротивъ того, представляютъ нормальныя старославянскія формы въ различіе отъ отступленій, встрѣчаемыхъ въ рукописи и помѣщенныхъ Лѣскинымъ въ самомъ же текстѣ его изданія. Вариантъ *почръпати* (стр. 117) вм. *почръпатъ* (*supinum*) есть, конечно, ошибка.

Помѣщенные на стр. 168 — 173 параллельные тексты: 1) изъ Остромірова Евангелія, изъ Супрасльской рукописи, изъ Саввиной книги изъ Никольскаго Евангелія, 2) изъ Мстиславскаго и Никольскаго евангелій имѣютъ цѣлью представить наглядно діалектическія измѣненія, которымъ подверглись старославянскіе памятники, списанные въ трехъ различныхъ славянскихъ странахъ, въ Россіи, Сербіи и Болгаріи. Глаголическіе отрывки (стр. 174—176) напечатаны только для того, чтобъ ознакомить начинающихъ съ глаголическимъ письмомъ (ср. стр. III—IV).

Въ концѣ книги приложенъ „глоссарій“ (стр. 179—245), который составленъ старательно и вполне удовлетворяетъ первымъ потребностямъ изучающихъ старо-славянскій языкъ, хотя иногда ихъ

можетъ затруднять поставленіе сложныхъ съ предлогами глаголовъ не на особомъ мѣстѣ, а подъ соотвѣтствующіе имъ простыя.

И. Водуанъ-де-Куртень.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ XVII. 1876 г.

Русское Историческое Общество принадлежитъ у насъ къ числу наиболѣе дѣятельныхъ ученыхъ обществъ и дѣятельность его сопровождается самыми полезными результатами. Извѣстно, сколько документовъ огромной важности успѣло уже оно обнародовать въ теченіе своего непродолжительнаго существованія: къ нимъ присоединился въ нынѣшнемъ году еще томъ, о которомъ мы хотимъ сказать теперь нѣсколько словъ, содержащей переписку Екатерины II съ Фальконетомъ и вообще бумаги, относящіяся къ пребыванію этого знаменитаго художника въ Россіи.

Новый томъ изданъ съ тою тщательностью и полнотою, къ которымъ уже пріучили насъ всѣ другія изданія Русскаго Историческаго Общества и, можетъ быть, онъ даже превосходитъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя изъ предшествовавшихъ. Занимавшійся редакціею его, А. А. Половцевъ собралъ обильный и совершенно неизвѣстный до сего времени матеріалъ, въ которомъ первое мѣсто принадлежитъ перепискѣ Императрицы Екатерины съ Фальконетомъ, снабженной почтеннымъ издателемъ подробными и весьма любопытными примѣчаніями; кромѣ этихъ документовъ важны также и приложенія къ нимъ, занимающія не малую часть вышедшаго нынѣ тома; наконецъ, введеніемъ къ нему служатъ этюдъ о Фальконетѣ, о дѣятельности его въ Россіи и объ отношеніяхъ къ нему Императрицы, написанный г. Половцевымъ съ большимъ талантомъ и который, какъ легко убѣдиться въ томъ, требовалъ отъ него продолжительнаго и внимательнаго изученія. Такимъ образомъ удалось ему пролить яркій свѣтъ на одно изъ весьма интересныхъ событій царствованія Екатерины, относительно котораго мы должны были довольствоваться до сихъ поръ отрывочными и скудными извѣстіями.

Въ этюдѣ своемъ г. Половцевъ говоритъ исключительно о томъ, что касается пребыванія Фальконета въ Россіи, не отвлекаясь подробностями, которыя могли бы повредить единству и цѣлости его разказа, а между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ подробностей, содержащіяся въ приложеніяхъ къ изданному нынѣ тому, чрезвычайно

интересны. Это слѣдуетъ, между прочимъ, сказать о намѣреніи воздвигнуть памятникъ Екатеринѣ, возникшемъ тотчасъ послѣ ея воцаренія. Сколько видимъ изъ обнародованныхъ нынѣ бумагъ, инициатива этого дѣла принадлежала Правительствующему Сенату, который считалъ долгомъ озаботиться „о сооруженіи монумента всемилостивѣйшей своей Государыни въ безсмертную славу и въ сохраненіе въ будущіе роды тѣхъ матернихъ щедротъ, кои ея Императорское Величество припятіемъ императорскаго престола всѣмъ ея величества вѣрноподаннымъ изліла, а притомъ имѣи всегда предметомъ вѣчную благодарность за подъемлемыя ея императорскимъ величествомъ неусыпные труды и матернее попеченіе, отъ которыхъ всѣ вѣрноподанные благоденствіемъ наслаждаются, и вѣдал, какъ велико должно быть усердіе и готовность вѣрныхъ сыновъ Россійскихъ видѣть сіе намѣреніе ихъ иждивеніемъ начатое и оконченное такимъ образомъ, чтобы чрезъ то не только самимъ себѣ воображать и во всегдашней памяти имѣть, отъ коликыхъ опи бѣдствій благодѣяніемъ всемилостивѣйшей ихъ монархини избавились, но и какого ихъ отечество преумноженія своей славѣ и благополучію впредь ожидать имѣеть подъ державою столь челоуѣколюбивой и о истинной пользѣ своихъ подданныхъ неусыпно пекущейся монархини“. Всѣ заботы о составленіи проекта монумента и сооруженіи его возложены были сенатомъ на Н. И. Бецкаго. Онъ горячо взялся за дѣло. Въ числѣ другихъ обнародованныхъ документовъ находится подробная его записка, въ которой онъ излагаетъ свои соображенія о томъ, какимъ образомъ лучше исполнить данное ему порученіе. Монументъ, говоритъ онъ, предназначенный увековѣчить возшествіе императрицы на престолъ, долженъ быть конный, ибо „право такихъ монументовъ не дозволяетъ убавить ниже что прибавить, но правду изъяслять потомству, а всѣмъ извѣстно, что ея величество, для утвержденія своего закона и престола, какъ выходъ съ войскомъ изъ С.-Петербурга до Петергофа, такъ и возвратное свое торжественное шествіе въ городъ имѣть изволила верхомъ“. Кромѣ монумента, Бецкій помышлялъ также о медаляхъ и картинахъ. Сюжетомъ для нихъ должны были служить: „уходъ ея величества изъ Петергофа; прибытіе въ Измайловскія казармы; въ Семеновскій полкъ; къ Казанской церкви; видъ Зимняго каменнаго дворца съ балкона; внуть церкви онаго же дворца, гдѣ присяга была; пріѣздъ отъ бывшаго императора трехъ министровъ; выходъ съ арміею изъ С.-Петербурга; паки торжественный входъ; видъ пріѣзда въ Лѣтній дворецъ; какъ ея императорское

величество чрезъ залу того же дворца подъ руки ведена была; представить Неву рѣку, мостъ и берегъ Васильевскаго острова, наполненный народомъ“. Въ академіи Штелипъ, Ломопосовъ, архитекторъ Шумахеръ уже были озабочены составленіемъ моделей монумента; сенатъ постановилъ „назначить на него сумму трехсотъ тысячъ рублей или когда потребуется, то и болѣе, и собрать оную съ дворянъ, расположа для порядочнаго разчета по числу каждаго крестьянъ съ души по три копѣйки и продолжать сей сборъ четыре года, сдѣлавъ оному начало со второй половины 1767 года“. Мысль о памятникѣ, не была однако осуществлена по причинамъ, на которыя нѣтъ никакого указанія въ обнародованныхъ нынѣ документахъ: „вѣроятно, замѣчаетъ г. Половцевъ, согласно волѣ государыни, не было дано хода этому дѣлу, точно также какъ въ 1766 году, когда о томъ ходатайствовали собравшіеся въ Москвѣ депутаты комисіи для составленія уложенія“.

Что касается до проекта воздвигнуть памятникъ Петру, достойный его великой славы, то проектъ этотъ возникъ еще при Елисаветѣ Петровнѣ. Осуществленіе его всецѣло принадлежитъ однако императрицѣ Екатеринѣ, принимавшей въ немъ самое горячее участіе. Исполнителемъ ея предначертаній явился опять-таки Бецкій, а самая работа поручена была французскому художнику Фальконету. Взаимныя отношенія этихъ двухъ лицъ, между которыми императрицѣ нерѣдко приходилось играть роль посредницы, очень живо и мѣтко очерчены г. Половцевымъ. Не можемъ воздержаться, чтобы не выписать здѣсь изъ его статьи мастерскую характеристику Бецкаго:

„Родившись въ Швеціи, проведя молодость въ путешествіяхъ и дипломатической службѣ, бывъ знакомъ съ семействомъ императрицы Екатерины II прежде прибытія ея въ Россію, находясь по сестрѣ своей въ сродствѣ съ Голштинскимъ домомъ, не принадлежа къ числу родовитыхъ русскихъ враговъ всего чужеземнаго, Бецкій съ самаго начала вступленія императрицы на престолъ могъ сдѣлаться и дѣйствительно сдѣлался приближеннымъ, почти домашнимъ членомъ при дворѣ. Выдѣляясь изъ рядовъ молодыхъ, отважныхъ бойцевъ, кинѣвшихъ жаждою славолюбивой дѣятельности, степенный, шестидесятилѣтній Бецкій, всегда готовый прочесть письмо, только что полученное отъ Гримма или г-жи Жофренъ, готовый безмолвно выслушать, безпрекословно исполнить, олицетворяя своимъ обществомъ то временное успокоеніе, въ которомъ нуждаются самые не-

утомимые труженики. Разговоръ о погодѣ, невинная сплетня, журнальная ошибка, безобидная шутка, все это можетъ занимать не однихъ темныхъ людей, а раздѣлить подобное занятіе съ человѣкомъ вполне благовоспитаннымъ, умѣющимъ цѣнить довѣріе, не ищущимъ случая вернуть намекъ или сарказмъ, составляетъ удовольствіе, которымъ сильныя міра не могутъ не дорожить болѣе другихъ. При Петрѣ III Бецкій былъ назначенъ главнымъ директоромъ канцеляріи строеній; когда стало приближаться время вступленія на престолъ императрицы Екатерины, то осторожный генералъ-поручикъ, по выраженію французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Беранже, участвовалъ въ переворотѣ только пожеланіями успѣха, но за то вслѣдъ за тѣмъ, по словамъ того же очевидца, не покидалъ приемной комнаты государыни. На четвертый день послѣ воцаренія, произошла та комическая сцена, разказываемая княгиней Дашковой, когда Бецкій на колѣняхъ умолялъ императрицу признать въ немъ единственнаго виновника ея воцаренія, и императрица, чтобы доказать, что была обязана ему короною, поручила Бецкому заказать корону для коронаціи. Такими шутками однако не всегда можно было отдѣлываться отъ честолюбивыхъ притязаній Александровскаго кавалера; Екатерина чувствовала это, но чувствовала также и то, что дѣла государственныя не по плечу ея невозмутимо пріятному собесѣднику. Одинъ тревожный пламень горячей любви къ отечеству успѣшно освѣщаетъ путь трудящихся на пользу судебъ его. Такіе двигатели своей родины привлекаютъ потомство, одушевляютъ своихъ сотрудниковъ, творятъ вокругъ себя любовь и уваженіе, но никогда не обладаютъ тѣми успокоительными качествами, которыя отличали дѣйствительнаго камергера Бецкаго. Въ небольшомъ ея хозяйствѣ, какъ выражалась впоследствии императрица, разговаривавъ однажды съ Сегюромъ о государственномъ управленіи, — въ небольшомъ хозяйствѣ этомъ могли найдти примѣненіе самыя разнородныя способности. Въѣрняя политику Пашину, арміи Румищеву-Задунайскому, Суворову-Рымникскому, Потемкину-Гавричскому, корабли Орлову-Чесменскому, финансы князю Виземскому, правосудіе Сенату, Екатерина II удѣлила Бецкому призрѣніе несчастныхъ дѣтей, съ судьбою коихъ его связывало собственное его рожденіе, она поручила ему свои сады, дворцы, гдѣ съ каждымъ днемъ ширилась доля искусства и наконецъ выѣрала храмъ художества — академію*.

Г. Половцевъ подробно знакомитъ насъ также съ личностью Фалькопета, не только замѣчательнаго художника, но одного изъ прослѣ-

щепныхъ людей того времени, друга Дидро, паходившагося вообще въ близкихъ сношеніяхъ со многими изъ энциклопедистовъ, съ успѣхомъ занимавшагося литературою. Всѣ эти качества заранѣе обезпечили ему благосклонный пріемъ со стороны Екатерины. Вскорѣ по пріѣздѣ его въ Петербургъ, государыня выражается о немъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ г-жѣ Жофренъ: „M. Diderot m'a fait faire l'acquisition d'un homme, qui je crois n'a pas son pareil, — c'est Falconet. Il va incessamment commencer la statue de Pierre le Grand; s'il y a des artistes, qui l'égalent dans son état, l'on peut avancer je pense hardiment qu'il n'y en a point qui lui soient à comparer par ses sentiments; en un mot il est l'ami de l'âme de Diderot“. Съ тою очаровательною привѣтливостію, секретомъ которой она владѣла вполне, императрица, тотчасъ же по прибытіи Фальконета (опъ пріѣхалъ въ Петербургъ осенью 1766 года, а первое изъ обнародованныхъ пиѣ писемъ къ нему государыни помѣчено 18-го февраля 1767 года) сиѣшитъ показать ему, что видитъ въ немъ человѣка, достойнаго быть ея собесѣдникомъ: она завязываетъ съ нимъ корреспонденцію, которая касалась не порученнаго только ему дѣла, но самихъ разнообразныхъ предметовъ, занимавшихъ ея умъ, — корреспонденцію, касавшуюся одинаково искусства, литературныхъ и философскихъ вопросовъ, а иногда даже политическихъ событій. Въ этихъ письмахъ императрицы, отличающихся непринужденностію и отсутствіемъ всякихъ претензій, мы встрѣчаемъ тѣ же самыя достоинства, которыми отличается вообще все, что выходило изъ подъ ея пера, — тотъ же блескъ, остроуміе, глубину мысли, — и нельзя не быть благодарнымъ за то, что они сдѣлались пиѣ достояніемъ публики. Они служатъ достойнымъ дополненіемъ ко всѣмъ остальнымъ. Съ другой стороны благодаримъ, а также свидѣніемъ, собраннымъ г. Половцевымъ, можно прослѣдить, при какихъ обстоятельствахъ, съ какими препятствіями и затрудненіями совершалась работа, предпринятая Фальконетомъ. Все это было вовсе неизвѣстно до сихъ поръ, но теперь открывается предъ нами во всѣхъ подробностяхъ. Симпатіи наши естественно обращаются къ Фальконету, въ которомъ блестящій талантъ и просвѣщенный умъ соединились съ характеромъ правдивымъ, честнымъ, привыкшимъ дѣйствовать открыто и настойчиво. Столкновенія между нимъ и Бецкимъ были неизбежны, ибо Бецкій относился къ нему нѣсколько начальнически, во всякомъ случаѣ предъ-являлъ такія требованія относительно порученнаго художнику дѣла, которыя обнаруживали лишь его несостоятельность, — Фальконетъ

оскорблялся, приходилъ въ раздраженіе, изливаль свои жалобы въ письмахъ къ императрицѣ. Государыня видимо принимала его сторону. „Побѣждайте препятствія и смѣйтесь надъ всѣмъ остальнымъ; препятствія сотворены для того, чтобы искусные люди отвращали ихъ и тѣмъ умножали свою славу;“ таковы были совѣты и наставленія, которыми она поддерживала художника. Мало по малу однако расположеніе ея къ Фалькопету охладѣваетъ, — иначе и не могло быть, какъ весьма вѣрно замѣтилъ г. Половцевъ: „Государыня, окруженная постоянною войною самолюбій и находившая до сихъ поръ отдохновеніе отъ этой войны въ чуждомъ воюющемъ художникѣ-философѣ, не могла не пожалѣть, что и эти отношенія заразились всеотравляющимъ ядомъ человѣческаго себялюбія; конечно, справедливость была на сторонѣ пришельца; согласно съ этимъ и былъ изречень приговоръ, по обязанности, судьи подчасъ весьма тяжела, особенно въ отношеніи людей, къ памъ близкихъ; чтобы избавиться отъ этой обязанности, можно иной разъ пожертвовать даже и пріятною бесѣдою. Бесѣда однако еще не прекращалась, по тонъ, характеръ писемъ государыни съ этого времени стали болѣе и болѣе измѣниться; прежнія простота, задумчивость, увлеченіе начинаютъ исчезать, уступая мѣсто лаконическому разговору о дѣлахъ, о фактахъ, не отражающихъ тѣхъ безцѣльныхъ впечатлѣній, которыя составляютъ роскошь и прелесть душевной жизни.“

Читатели найдутъ въ разбираемой нами книгѣ подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ обсуждался вопросъ — на какой площади удобнѣе поставить статую Петра Великаго (весьма любопытна помѣщенная въ приложеніяхъ записка по этому предмету Билиштейна); о томъ какъ перевезенъ былъ въ Петербургъ долженствовавшій служить подножіемъ для нея камень, найденный на берегу Финскаго залива, недалеко отъ Петербурга; о томъ какъ Фалькопетъ, не найдя никого, кто могъ бы заняться отливкою статуи, принялся самъ за эту работу и какія неудачи пришлось испытать ему; наконецъ описаніе сцены торжественнаго открытія памятника, происходившаго 7 августа 1782 года. Фалькопетъ не присутствовалъ при этомъ: еще за долго до того, когда кончились всѣ работы, требовавшія непосредственнаго его наблюденія, онъ выѣхалъ изъ Петербурга.

Мы старались показать, какую интересную книгу имѣетъ предъ собою наша публика. Если, касался одного изъ эпизодовъ царствованія императрицы Екатерины, она дополняетъ, содержащимися въ ней

свѣдѣніями, свѣтлый образъ этой государыни, то не менѣе любопытно все то, что говорится въ очеркѣ г. Половцева о состояніи искусства въ Россіи въ описываемую эпоху. У насъ писано объ этомъ очень мало: тѣмъ съ болѣе большимъ удовольствіемъ будутъ прочтены страницы, на которыхъ авторъ упоминаетъ о дѣятельности первыхъ нашихъ художниковъ и о томъ, на какое сочувствіе могли они разчитывать въ средѣ тогдашняго нашего высшаго сословія.

НАША ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Письменные упражненія. Руководство къ веденію и составленію ученическихъ сочиненій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сост. *Н. Гавриловъ*. 2-е изд. С.-Пб. 1875 г.

Г. Гавриловъ давно уже извѣстенъ своими трудами по вопросу объ ученическихъ письменныхъ упражненіяхъ. Первоначально статьи его по этому предмету являлись въ приложеніяхъ къ „Циркулярамъ по Московскому учебному округу“, въ „Педагогическомъ Обзорѣніи“; затѣмъ болѣе обстоятельное изложеніе предмета явилось въ *Журн. Мин. Народн. Просв.*, трудъ г. Гаврилова, составившій отдѣльную книгу, является во 2-мъ исправленномъ изданіи. Пересматривая оба изданія, нельзя не видѣть, что въ послѣднемъ сдѣланы многія и важныя улучшенія; обстоятельство это, свидѣтельствуя о добросовѣстномъ отношеніи автора къ предмету, даетъ надежду, что онъ не остановится на пути улучшеній своего труда и въ послѣдующихъ изданіяхъ.

Разсматриваемая книга г. Гаврилова представляетъ весьма почетное явленіе въ нашей небогатой педагогической литературѣ по вопросу о письменныхъ ученическихъ упражненіяхъ. Авторъ пользовался лучшими иностранными сочиненіями, особенно германскими; не оставаясь пассивнымъ ихъ воспроизводителемъ, онъ провѣрялъ теорію собственною практикой; трудъ его несомнѣнно носитъ слѣды самостоятельной обработки предмета.

Можно сказать, что по полнотѣ изложенія, по обилію руководящихъ правилъ и массѣ обработанныхъ образцовъ, руководство г. Гаврилова не имѣетъ въ нашей педагогической литературѣ соперниковъ. Нападки на него со стороны нѣкоторыхъ педагоговъ, желавшихъ подрывать *самостоятельность* работъ почтеннаго автора, носятъ столь придиричивый характеръ, такъ мало основательны, что не могутъ уронить значеніе этого труда. Что авторъ руководился соб-

часть CLXXXVIII, отд. 3.

степенною практикой и подвергалъ провѣркѣ положенія и выводы современной педагогической мысли, это не подлежитъ сомнѣнію; а что онъ пользовался лучшими изъ иностранныхъ пособій, это составляетъ заслугу. Почтенный авторъ въ началѣ своей книги даетъ подробный перечень пособій по своему предмету, — за это его, конечно, поблагодарятъ наставники; жаль только, что этому перечню не достаетъ хотя краткихъ *критико-библиографическихъ замѣчаній* о сравнительномъ достоинствѣ каждаго изъ пособій. Это особенно полезно было бы для молодыхъ преподавателей, которые съ литературой этого предмета не успѣли еще познакомиться: выписывать всѣ пособия было бы дорого, а лучшія они не могутъ различить по однимъ заглавіямъ.

По содержанию своему трудъ г. Гаврилова, какъ уже сказано, отличается полнотой, затрогиваетъ почти всѣ вопросы относительно веденія и составленія ученическихъ сочиненій, или вѣрнѣе, письменныхъ упражненій. Онъ раздѣляется на 3 главы, изъ которыхъ въ *первой* изложены: а) область и цѣль письменныхъ упражненій; б) степени и виды письменнаго произведенія и в) порядокъ письменныхъ работъ.

Вторая глава заключаетъ въ себѣ: а) заготовленіе матеріала для сочиненія; б) „безъискусственное изображеніе“; в) „искусственное изображеніе“, куда входятъ: уясненіе, возведеніе къ единству и анализъ темы, изображеніе доводовъ, риторическій и логическій способы изображенія доказательствъ, опредѣленіе: понятій.

Третья глава представляетъ раскрытіе „изложенія изображеннаго матеріала“; въ заключеніе даны руководящія правила относительно исправленія сочиненій.

Соединяя теорію съ практикой, авторъ вводитъ въ изложеніе предмета обработку темъ, число которыхъ, по указателю въ началѣ книги, простирается до 56-ти.

Итакъ, задуманъ трудъ г. Гаврилова широко и въ выполненіи его почтенный авторъ не мало приложилъ старанія и усердія; тѣмъ не менѣе онъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Въ изложеніи ихъ мы будемъ слѣдовать порядку самой книги.

Авторъ начинаетъ первую главу опредѣленіемъ *цѣли* всего гимназическаго преподаванія, которое имъ изложено такъ: „Главное назначеніе *всего совокупнаго* гимназическаго преподаванія и *каждаго* предмета въ отдѣльности — обратить въ живой капиталъ учащихся, какъ выражается Дейшгардъ, *субстанцію духа* (?), который вложень благороднѣйшими и образованнѣйшими представителями чело-вѣчества

въ ихъ произведеніяхъ“. Опреѣленіе это и логически и реально нельзя признать состоятельнымъ.

Что такое *субстанція духа*? Ученикъ, положимъ, изучаетъ математику, физику,—чѣмъ и какъ опъ при этомъ усвоитъ *субстанцію*?

Цѣль гимназическаго образованія проще и прямѣе: а) сообщить ученикамъ прочное и вѣрное знаніе предметовъ гимназическаго учебнаго курса; б) научить, по возможности, практическому умѣнью прилагать знанія къ дѣлу, и с) благотворно подѣйствовать на возбужденіе всей духовной жизни учащихся (не умственныхъ только, но и моральныхъ силъ). А „субстанція духа“—нѣчто неуловимое, неслпое, неопреѣленное, какъ и „превращеніе силы въ энергію“, что авторъ считаетъ „въшцомъ гимназическаго образованія“ (ibid.).

На стр. 2 авторъ говоритъ, что у воспитанниковъ „изъ благородныхъ *чувствъ* формируется чистый *нравъ*“. Если подъ „правомъ“ авторъ разумѣетъ *характеръ*, что здѣсь, кажется, только и можно разумѣть, то высказанная имъ мысль психологически не вѣрна. Характеръ слагается не изъ однихъ „благородныхъ чувствъ“ и въ образованіи его гораздо болѣе участвуетъ воля и сознаніе. Если же подъ „нравомъ“ авторъ разумѣетъ нѣчто иное, то приведенная фраза требуетъ поясненія.

Говоря о гимназическомъ образованіи, авторъ называетъ его *космополитическимъ* (стр. 3),—едва ли это вѣрно. Далѣе онъ говоритъ: „Школѣ надлежитъ позаботиться о *національномъ колоритѣ* сообщасмаго ею образованія“ (ibid.). Но *колоритъ* — цвѣтъ, краска (color), относится къ внѣшней сторонѣ предмета; почтенный авторъ забылъ о *духѣ живоумъ*,—будетъ опъ, явится и колоритъ. Забота же „о колоритѣ“—пустая забота.

На стр. 6 авторъ высказываетъ такую мысль: „Дабы свѣдѣнія изъ области эстетики не переставали быть *элементарными* и вмѣстѣ основательными, они должны быть извлекаемы изъ *поэтики* Аристотеля“. Изученіе источниковъ всякой науки и вообще теоріи принадлежатъ не къ элементарному, а къ спеціальному образованію, а потому и нѣтъ основаній согласиться съ почтеннымъ авторомъ въ данномъ случаѣ.

На стр. 7 авторъ защищаетъ посильность для учениковъ темы: „*Не изменили ли въ Шиллеровой Орлеанской Дѣлѣ сцена съ Монгомери?*“ Защита его не отличается состоятельностью и подобныя темы по самой своей формѣ произвольны и неудобны. Конечно, можно о всемъ спрашивать; но гораздо лучше идти положительнымъ

путемъ раскрытія изучаемаго предмета въ его основаніяхъ и частностяхъ, а не путемъ произвольныхъ предположеній, для которыхъ не видно и никакого основанія.

На стр. 11 авторъ, говоря о цѣлости сочиненія, поясняетъ: „а цѣлое есть не что иное, какъ *цѣлесообразно сплоченныя* между собою части.“ Но это механическій взглядъ на „цѣлость“, чисто-внѣшняго характера; въ сочиненіи должна быть цѣлость внутренняя, *органическая*, при чемъ части не „сплочены“, а нераздѣльно соединены съ основною мыслью сочиненія, изъ которой они всѣ и возникаютъ. На слѣд. стр. авторъ разсматриваетъ еще *единство* и *цѣлость*, какъ два особыя свойства сочиненія, между тѣмъ цѣлость представляетъ и *единство* въ разнообразіи.

На стр. 14 авторъ говоритъ, что „сочиненія на родномъ языкѣ служатъ, по ихъ *содержанію* — „приложеніемъ“ и „мѣриломъ“ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, а „по *формѣ* — упражненіемъ въ литературной рѣчи и связномъ *изложеніи*.“ Здѣсь пропускъ: авторъ совершенно опустил изъ виду собственную мысль учащихся, какъ силу, требующую развитія...

И ниже, на стр. 16 авторъ говоритъ, что если брать матеріалъ для сочиненій изъ другихъ предметовъ гимназическаго курса (кромѣ отечественныхъ писателей), то исключительно съ *формальной* цѣлью; но реальная — невидѣлима и здѣсь. Единство обѣихъ цѣлей должно проникать весь гимназическій курсъ.

На стр. 23 говорится, что юноши въ гимназіи „готовятся для университета, библиотеки, кабинета“, — это односторонне. *Non scholae, sed vitae discimus*. Гимназія не только учитъ, но и воспитываетъ; ученыхъ дѣлаетъ не гимназія, а университетъ.

На стр. 26 указывается на тотъ будто бы „общезвѣстный фактъ“, что не получившіе никакого образованія писцы, переписывая дѣловые бумаги „даже пріобрѣтаютъ навыкъ къ составленію бумагъ“. Это невѣрно. Что въ орфографіи этимъ путемъ навывкнутъ можно, это такъ; но переписыванію механическое совершенно отупляетъ смыслъ человѣка и много изъ такихъ „писателей“ не поморщась переписуютъ свой смертный приговоръ и не подозрѣвая, что дѣло идетъ о нихъ (образцомъ подобнаго вліянія механической переписки на человѣка можетъ служить Акакій Акакіевичъ, Гоголя). Авторъ допустилъ въ данномъ случаѣ преувеличеніе.

На стр. 30 даются вопросы для описаній и разказовъ младшему возрасту, но вопросы поставлены произвольно, не видно основанія

ихъ группировки, а равно и причинъ расположенія въ данномъ именно порядкѣ.

На стр. 31 авторъ говоритъ, что „амплификація содѣйствуетъ развитію *творческой силы и воображенія*“; но это неутѣрно. Самъ авторъ поставляетъ это упражненіе въ томъ, чтобы „данныя слова ученикъ развивалъ въ предложеніе или періодъ, а затѣмъ въ цѣлый разказъ.“ Имѣя же дѣло съ „данными (то-есть, чужими) словами“ и вообще съ одними *словами*, ученикъ этимъ путемъ можетъ выработать свободу рѣчи и оборотливость словесную, стиль, а отиудъ не „творческую (?) силу.“ Послѣднее тѣмъ болѣе невозможно, что авторъ настаиваетъ на ограниченіи мысли ученика въ этомъ упражненіи и на стр. 34 требуетъ, чтобы учитель „хорошо ознакомилъ учениковъ съ подлежащимъ описанію предметомъ“ и даже „выяснилъ точку зрѣнія на послѣдній, такъ чтобы мысль ученика вращалась въ точно опредѣленныхъ рамкахъ“, „не переступала указанныхъ границъ“. Гдѣ же тутъ просторъ для „творческой силы и воображенія?“

На стр. 16-й авторъ говоритъ: „Еще въ гимназіи ученикъ можетъ положить начало уразумѣнію нашей духовной жизни, *на сколько это достигается сознаніемъ ощущеній, воспринимаемыхъ изъ міра, живущаго въ пространство и времени*“. „Насколько“ и пр. представляется непонятнымъ для читателя. Уразумѣніе нашей духовной жизни прежде всего относится къ *самосознанію*; вникая, вдумываясь въ себя, всматриваясь въ собственную дѣятельность, въ мотивы, и основанія ея, мы постепенно приходимъ къ уразумѣнію нашей духовной жизни; важное значеніе при этомъ можетъ имѣть психическій анализъ литературныхъ типовъ. Все это всѣмъ извѣстно и понятно; но что такое „сознаніе ощущеній, воспринимаемыхъ изъ міра, живущаго въ пространство и времени“, — непонятно.

На стр. 35-й авторъ перечисляетъ *виды* упражненій, которыя должны начаться въ низшихъ и продолжаться въ среднихъ классахъ. Перечисленію этому недостаетъ послѣдовательности, — упражненія перечислены совершенно произвольно, группируются безъ опредѣленнаго основанія для дѣленія и цѣли, послѣдовательность ихъ не видна и порядокъ ихъ ровно ни на чемъ не основанъ, такъ что съ равнымъ правомъ можно бы комбинировать ихъ и иначе, по личному усмотрѣнію, какъ дѣлаетъ авторъ. Совершенно тотъ же недостатокъ, — отсутствіе основанія для дѣленія, замѣчается въ главѣ „Порядокъ письменныхъ упражненій“ на стр. 36-й и 37-й. „Порядокъ“ этотъ

весьма безпорядочепъ. Напримѣръ, авторъ въ такомъ порядкѣ приводитъ упражненія:

1) Названіе предметовъ, находящихся въ *извѣстномъ пространствѣ* (?).

2) Названіе предметовъ, обнимаемыхъ однимъ общимъ наименованіемъ (можно подумать, что эти предметы уже *въ* пространствѣ, иначе они пойдутъ въ первый отдѣлъ).

3) Названіе сперва *видимыхъ*, потомъ *невидимыхъ* (?) частей предмета.

4) Наименованіе предметовъ, *ощущаемыхъ* (sic) какимъ-либо чувствомъ".

5) *Писаніе дѣйствій* (?), качествъ или признаковъ какого-либо предмета.

6) Простое предложеніе и т. д.

Во всемъ этомъ, очевидно, нѣтъ логическаго основанія для группировки упражненій. Мы готовы допустить обмолвку въ выраженіи, что мы „ощуцаемъ предметы“; къ сожалѣнію, почтенный авторъ послѣдующимъ разъясненіемъ ставитъ читателя въ невозможность допустить здѣсь обмолвку. Именно далѣе говорится: „назвать *предметы* (sic), которые *можно ощущать* зрѣніемъ, обоняніемъ, осязаніемъ и тому *подобное*“ (?). Значитъ, авторъ серьезно увѣренъ, что *предметы можно ощущать*? Далѣе онъ даже указываетъ эти предметы: „указывать, говорить онъ, какими чувствами ощущаются слѣдующіе предметы: жѣлъ, лошадь, перо, холодъ и тому подобное“. Едва ли найдется психологъ, который бы могъ отвѣтить на вопросъ: какими чувствами ощущается напримѣръ, *лошадь*? „Лошадь“ — понятіе, а слѣдовательно, оно только мыслится, но не ощущается; внѣшнимъ чувствамъ доступны только ощущенія, которыя послѣдовательно сочетаясь въ воспріятіи, переходятъ въ представленія, дающія умственный образъ предмета; но внѣшними чувствами ощущать предметъ, невозможно.

На стр. 38-й авторъ говоритъ, что приведенныя упражненія „должны производиться не безъ плана, не случайно“, но самъ онъ плана не даетъ и располагаетъ ихъ случайно, произвольно.

На стр. 47-й авторъ даетъ слѣдующее опредѣленіе періода: „періодомъ называется каждое *искусно* построенное (?) предложеніе, выработанное до извѣстной цѣлости“. Но періодъ можетъ быть и не искусно построенъ, а все будетъ періодъ. Данное опредѣленіе узко. И въ дальнѣйшихъ изъясненіяхъ періода есть неточности.

На стр. 53-й тема: „Слава—дымъ, свѣтъ—судья лукавый“ (Жук.),

по нашему убѣжденію, для учениковъ неудобна. Ни о славѣ, ни о судѣ свѣта и его условіяхъ они точныхъ понятій не могутъ имѣть и въ отвѣтъ наговаряютъ общія фразы съ чужаго голоса — не болѣе.

Тамъ же тема: „Береги здоровье съ молодю, а честь—подъ старость“, тоже неудобна. Это одинъ изъ парадоксовъ, какихъ не мало ходитъ въ видѣ пословицъ. Честь надо беречь не подъ старости только, а всегда, и въ молодости особенно: потерянную честь не возвратишь. Здоровье тоже и въ старости надо беречь.

На стр. 57-й ставится вопросъ, лучше ли давать нѣскольکو темъ на выборъ, или назначать одну тему для всѣхъ учениковъ. Вопросъ этотъ спорный; есть доказательства въ пользу того и другаго. Но нельзя считать, согласно съ мнѣніемъ автора, образцовымъ пріемъ Лааса, который „назначаетъ для приватнаго чтенія на цѣлый семестръ Лессингова Лаокоона и рядомъ съ этимъ даетъ для каждаго по нѣскольکو темъ, которыя бы руководили учениковъ въ чтеніи“. Для такого изученія цѣлаго произведенія у насъ нѣтъ времени; да и основаній для сего нѣтъ въ педагогіи. Затѣмъ взглядъ Пимейера на задаваніе многихъ темъ на выборъ,—одностороненъ. Я полагаю, рѣшеніе этого вопроса всего бы лучше предоставить усмотрѣнію, такту и опытности учителя.

На стр. 61-й тема: „Трудъ—это бальзамъ для крови, источникъ добродѣтели“ слишкомъ вычурно, изысканно выражена, то-есть, страдаетъ тѣмъ, что признается недостаткомъ въ сочиненіи ученика. Простота выраженія составляетъ первое качество темы.

На стр. 62-й тема: „Что такое, по представленію Гомера, *существенное*?“ представляется непосильною для учениковъ, да и неясною по смыслу.

Ст. „Размышленія“ (стр. 64-я и сл.) написана особенно тяжелымъ языкомъ. Хотя и вообще рѣчь г. Гаврилова не отличается легкостью и изяществомъ, по здѣсь отрицательныя ея качества выдаются особенно рѣзко. Неизвѣстно, зачѣмъ понадобился автору отрывокъ изъ Фихте, — онъ ровно ничего не вноситъ въ разъясненіе дѣла, но возбуждаетъ недоумѣніе странною формой изложенія. Не имѣя подъ руками подлиннаго текста, я не знаю, кому приписать эти недостатки, но нахожу всю тираду бесполезною вставкой, къ дѣлу ровно ничего не прибавляющей.—Здѣсь говорится: „хотя человекъ по природѣ *существо представляющее*, но и не болѣе того“. Что съ точки зрѣнія субъективнаго идеализма такое опредѣленіе человека возможно, это такъ; но зачѣмъ оно здѣсь? И что значитъ добавка: „но и не болѣе

того"? Значить ли это, что кромѣ представленій въ человѣкѣ не дано возможности для другихъ формъ проявленія жизни мыслящаго я? Далѣе говоритъ: „Его (человѣка) духъ есть *представляющая машина (?)*, опредѣляемая къ дѣятельности *извнѣ (?)* по извѣстнымъ, находящимся *въ немъ самомъ* законамъ. Можно много знать, много изучать, много читать, много слышать, *но и только* (оригинально это, по и только), и т. д. (стр. 64). Здѣсь что ни шагъ, то „препятствіе“; что ни слово, то загадка. Говорится о „представляющей машинѣ“; но по Фихте я въ первомъ моментѣ *мыслить* себя какъ я; мыслить не значить еще *представлять* тамъ, гдѣ дѣло идетъ о *чистыхъ* понятіяхъ. Полагая себя какъ *не—я*, мыслящее я творить изъ себя объективный міръ въ силу законовъ мысли, причемъ переходитъ въ область самоограниченія; а въ области практической (моральной) я *возстапавливаетъ* абсолютность своихъ опредѣленій къ дѣятельности и, выходя изъ идеи нравственнаго долга, создаетъ систему высшей морали. Итакъ, и по Фихте нельзя сказать, чтобы духъ человѣка былъ только „представляющею машиной“. Да наконецъ, къ чему все это здѣсь? Ужели авторъ не могъ своими словами и соображеніями лучше, проще, нагляднѣе, доступнѣе и ближе къ цѣли, раскрыть значеніе „размышленія“ въ обработкѣ сочиненія?

На стр. 65-й авторъ дѣлаетъ неудачное примѣненіе словъ Спасителя къ учителю, корректирующему ученическія упражненія. Самое изреченіе неправильно попятно (Лук. XI, 46).

На стр. 66-й авторъ употребляетъ терминъ „безыскусственное изобрѣтеніе“ совершенно своеобразно. Онъ его относитъ къ темамъ, имѣющимъ предметомъ переработку готоваго матеріала, то-есть, къ темамъ, извлеченнымъ изъ прочитаннаго сочиненія. Но достаточно взглянуть на расположеніе подобныхъ темъ въ примѣрахъ самого автора, чтобы видѣть всю *искусственность* ихъ расположенія; объ изобрѣтеніи же собственно здѣсь не можетъ быть рѣчи, ибо какое же „изобрѣтеніе“ (*inventio*) тамъ, гдѣ данъ готовый матеріалъ и гдѣ слѣдовательно, вся задача состоитъ въ планѣ, въ расположеніи готоваго матеріала по извѣстнымъ рубрикамъ. Собственно „изобрѣтеніе“, то-есть, открытіе новыхъ мыслей, выведеніе ихъ изъ данной темы по извѣстнымъ даннымъ приемамъ и способамъ (*loci topici*) принадлежитъ темамъ, гдѣ содержаніе составляетъ вопросъ и гдѣ матеріалъ сочиненія вырабатывается самимъ ученикомъ.

На стр. 82-й авторъ такое „искусственное изобрѣтеніе“ приписываетъ только моральнымъ темамъ; по и это не вѣрно. Дастся, на-

примѣръ, тема „Poetae nascuntur, oratores fiunt“,—что въ ней моральнаго? Но она можетъ быть раскрыта путемъ искусственнаго изобрѣтенія. То же надо сказать о темахъ: „Полюза земледѣлія“, „О дружбѣ“, „Время — деньги, знаніе — богатство“, „Знаніе есть сила“ и др. Всѣ подобныя темы удобно могли бы быть названы *отвлеченными*, а подъ этотъ разрядъ подойдутъ и моральныя. Непонятно, что хочетъ сказать авторъ, говоря, что „искусственное изобрѣтеніе обусловливается (?) моральными темами“. Что значитъ здѣсь *обусловливается*? Что примѣненіе пріемовъ исключительно изобрѣтенія къ моральнымъ темамъ возможно, это несомнѣнно, но также несомнѣнно, что моральныя темы возможно обработать и безъ этихъ пріемовъ. Въ чемъ авторъ видитъ *условіе* въ данномъ случаѣ?

На стр. 83-й „Исключительное изобрѣтеніе начинается съ уразумѣнія темы“. Миѣ кажется, что съ уразумѣнія темы вообще начипается всякая письменная работа. По поводу „уразумѣнія“ темы авторъ говоритъ, что не слѣдуетъ „формулировать тему (вѣроятно выражать тему) такъ, чтобы ученикъ съ перваго взгляда *уразумѣлъ ея сущность*“ (вѣроятно, понялъ ея смыслъ), по что „скорѣе нужно изыскивать *замысловатыя формы* (?) лишь бы только онѣ вмѣщали въ себѣ серьезное содержаніе, чѣмъ избѣгать ихъ“. Съ этимъ нельзя согласиться. Если справедливо, что надо приучать учениковъ къ возможной ясности, простотѣ языка, отчетливости выраженія, то изыскиваніе какихъ-то „замысловатыхъ формъ“ для выраженія темы является положительно неумѣстнымъ именно здѣсь. Simplex est veri sigillum; при томъ же совѣтъ автора и потому неудобенъ, что ипой учитель начнетъ изыскивать „замысловатыя формы“ для темы и заберется въ такую тему, что только учениковъ собьетъ съ толку.

На стр. 84-й авторъ говоритъ, что смыслъ пословицы: „Корень ученія горекъ, а плоды его сладки“ таковъ: „Какъ ни трудно первоначальное ученіе, но выгоды хорошаго образованія неисчислимы“. Сказано не точно и мысль пословицы не выдержана; такое объясненіе ученикъ можетъ сдѣлать, но не учитель — руководитель. Тутъ сила мысли въ противоположеніи предикатовъ — горькій и сладкій: корень горекъ, плоды сладки, то-есть, начальное ученіе *трудно*, неприятно, трудно; но пользованіе плодами ученія *сладко*, легко, приятно: у автора же противопоставляются понятія — *трудно* и *неисчислимы*, качество — количеству, что и логически неправильно, и относительно пословицы не точно.

На стр. 85—86-й невѣрно истолковывается тема: „Кто жилъ и

мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей" (Пушкинъ). Разсматривая эту септенцію въ контекстѣ и по связи съ личностью Пушкина, авторъ путемъ натяжекъ даетъ такой смыслъ приведеннымъ словамъ поэта: „Достойны презрѣнія люди праздные, которые, пользуясь неопытностью талантовъ, предназначенныхъ для высшихъ цѣлей, изъ за одной собственной суетности заставляютъ оныя тратиться по пустякамъ" (стр. 86).

Не говоря о крайне неудачной и неискусной формѣ выраженія автора, толкованіе его положительно невѣрно. Почтенный моралист-педагогъ, очевидно, перехитрилъ въ своемъ толкованіи. Дѣло гораздо проще. „Кто *жилъ* и *мыслилъ*", то-есть, кто знаетъ жизнь, самъ испыталъ ее, кто узналъ, сколько въ ней зла, какъ она пуста и какъ мелки и пошлы интересы, которыми она мотивируется; кто узналъ, какъ люди эгоистичны, несправедливы, мелочно-самолюбивы — „тотъ не можетъ *въ душѣ* (то-есть, сохраняя декорумъ, внѣшность уваженія—для себя, для толпы) не презирать людей."—Такъ ли это на дѣлѣ, дѣйствительно ли такова жизнь и таковы люди для тѣхъ, кто *живетъ* и *мыслитъ*, другой вопросъ; но мысль Пушкина до очевидности ясна. Да и по контексту, по связи съ идеей всего романа „Евгеній Онегинъ" другаго толкованія разсматриваемому парадоксальному мнѣнію Пушкина нельзя дать.

На стр. 87 тема: „Часть больше цѣлаго" представляетъ собою нѣчто странное. Лучше было бы это изреченіе опустить, тѣмъ болѣе, что и изъясненія г. Гаврилова ни на шагъ не разъяснили этой темы, представляющей отрицаніе одной изъ математическихъ аксіомъ.

Тамъ же вырванный одиночно стихъ Жуковского „Намъ святыя боги дали усладительный языкъ" представляется для упражненія учениковъ темою неудобною и неудачною. Г. Гавриловъ находитъ, что здѣсь надо объяснить только слово *усладительный*, но въ сущности все предложеніе до того неопредѣленно, что требуетъ особаго толкованія и можетъ быть развѣ по контексту изъяснено: „Намъ", — кому это? Всѣмъ ljudimъ? Но языкъ у cadaго народа свой и есть языки весьма не-усладительные для насъ, но усладительные для тѣхъ, кто говоритъ на нихъ. „Дали" — здѣсь дается неправильное понятіе о происхожденіи языка. Положимъ, въ гимназіяхъ психологіи не предпочитаютъ, но въ любомъ дѣльномъ учебникѣ психологіи прочитавъ статью о языкѣ, ученикъ узнаетъ, что языкъ не дается, а вырабатывается народомъ и медленно совершенствуется.

„Намъ св. боги дали“ — въ сущности метафора, по основное понятіе въ ней невѣрно. Во всякомъ случаѣ странно встрѣтить подобное предложеніе въ числѣ темъ, до того оно въ своемъ отрывочномъ видѣ неопредѣленно. Я полагаю, что слѣдуетъ правиломъ поставить учителю — давать темы ясныя, точно и прямо выраженные. Авторъ, видно, другого мнѣнія.

На стр. 89, говоря о веденіи темы къ единству и *выразимости* основнаго ея понятія, авторъ приводитъ тему: „Блаженъ, кто знаетъ *сладострастие* высокихъ мыслей и стиховъ“. Не говоря о неудачномъ выраженіи этой темы, о чемъ сказано выше, она является неудобною для ученическаго упражненія и по внутреннему содержанию. Писать о „сладострастии высокихъ мыслей и стиховъ“ можетъ лишь тотъ, кто испыталъ это, а что можетъ сказать здѣсь ученикъ, кромѣ какихъ-нибудь общихъ фразъ, навѣянныхъ разъясненіями учителя? Здѣсь же приводится тема, взятая изъ Баратынскаго: „Предразсудокъ! ошъ обломовъ древней правды“. Мысль пародоксальная, выраженная при томъ поэтически-фигурно, для ученика мало вразумительная.

Что же касается темы: „Время терпѣнью, время трудамъ, время ученью, время гульбамъ (Кудряшевъ), то будучи приведенъ авторомъ для показанія „единства темы въ разнообразіи формы“, она страдаетъ недостаткомъ логичности. Именно, здѣсь сопоставляются, какъ равныя: *терпѣнье, трудъ, ученье, гульба*; между тѣмъ *терпѣнье* — качество лица, *трудъ и ученье* — понятія не равныя (второе заключается въ первомъ), слѣдовательно не сопоставляемыя въ одномъ моментѣ дѣленія; *гульба*, противопологаемая труду, ничего общаго не имѣетъ съ терпѣньемъ. При этомъ дѣленіе темы страдаетъ очевидно неполнотою. Если здѣсь нашло себѣ мѣсто одно качество — *терпѣнье*, то почему не могутъ войти сюда же и другія подобныя — *смиренье, настойчивость, умъ* и пр.? Наконецъ, что значитъ: „время терпѣнью?“. Вообще тема эта такова, что еслибы подобное сочетаніе понятій встрѣтилось въ тетради ученика, то учитель долженъ бы отмѣтить его, какъ неправильное. Почтенный авторъ находитъ, что въ основѣ приведенной темы лежитъ слѣдующая „тематическая мысль“: „Естественное (?) препровожденіе времени состоитъ въ смѣнѣ трудовъ удовольствіями“. Но я полагаю, что мысль этой темы шире, ее можно выразить такъ: „Всею свое время“; по крайпей мѣрѣ, присутствіе въ темѣ *терпѣнья* не дастъ права ограничиваться толкованіемъ г. Гаврилова.

На стр. 92, разсуждая о скупости („скупость—не глупость“), авторъ ставитъ вопросъ: „Въ какихъ случаяхъ скупость не унижаетъ человѣческаго достоинства?“ Самый вопросъ показываетъ, что авторъ не ясно представляетъ предметъ и не точно его понимаетъ. „Скупость“ всегда унижаетъ человѣческое достоинство и допустить противное значило бы внести въ *contradictio in adjecto*, значило бы усвоивать злу предикатъ добра. Авторъ, очевидно, въ данномъ случаѣ смѣшиваетъ скупость съ бережливостью или расчетливостью. Въ поставленномъ вопросѣ та же фальшь, что въ выраженіи „благородная гордость“. Если въ обыденномъ языкѣ такіа противорѣчащія сужденія и являются, то вовсе не слѣдъ имъ являться тамъ, гдѣ требуется тонкое различіе понятій, строгое соблюденіе логики, точность въ языкѣ. „Скупость—не глупость“—это житейская мораль, которая въ другомъ случаѣ не стѣсняется сказать: „стыдъ не дымъ, глазъ не ѣсть“. Такія мнѣнія не могутъ служить источникомъ морали; обработка ихъ можетъ быть только отрицательная.

На стр. 99, въ разработкѣ изреченія: „Терпѣніе и трудъ все перетрутъ“, развивая тему „отъ противнаго“, авторъ пишетъ: „Даже и въ библіи вмѣстѣ съ проклятіемъ возлагается на перваго человѣка трудъ въ потѣ лица. Трудящійся человѣкъ—рабъ, чернорабочій, воля. Пословица иначе смотритъ на трудъ“. Выходитъ, библія смотритъ на трудъ неправильно, а пословица—хорошо. Но это только автору такъ кажется, отъ недостаточнаго знанія библейскаго взгляда на трудъ. Первый человѣкъ, по библіи, трудился, воздѣлывая рай и до паденія; грѣхъ привилъ къ труду тяжесть, — то, что прежде природа легко и свободно давала человѣку, теперь онъ долженъ добывать въ потѣ лица, путемъ усилій, утомительной работы. А чтобы „трудящійся человѣкъ“ непременно былъ „рабъ“, или „чернорабочій“, „воля“, это измышляетъ почтенный авторъ; библія же освящаетъ трудъ примѣрами І. Христа, помогавшаго въ трудахъ Іосифу, примѣромъ апостоловъ, работавшихъ для своего пропитанія. „Пословица, говоритъ авторъ, иначе смотритъ на трудъ“; но приводимые имъ далѣе плоды труда и нравственное его значеніе составляютъ лишь слабый парафраза того, что о трудѣ можно найдти въ библіи.

На стр. 104 ставится темой слѣдующее предложеніе Карамзина: „Онъ (Петровъ) любилъ мое младенчество такъ же, какъ я любилъ его мужество.“ Ни по формѣ, ни по содержанію подобная тема не можетъ имѣть мѣста какъ предложеніе для ученическаго сочиненія. Единственное оправданіе автора развѣ въ томъ, что предложеніе это

принадлежить Карамзину. Но ученики не виноваты, что авторъ не умѣетъ выбрать дѣльной темы изъ образцоваго писателя. Въ этомъ отношеніи онъ обладаетъ какою-то странною способностью: онъ набираетъ изъ авторовъ такія изреченія, которыя или по мысли парадоксальны, или по формѣ не изящны. Напр., на стр. 96 приводятся изъ Карамзина такіе стихи: „Безумецъ славы рабъ! Безумецъ, кто судьбу за сей кимвальный звонъ, отдастъ изъ доброй воли спокойствіе души“ и пр. „Кто судьбу за сей кимвальный звонъ отдастъ“, — хуже, кажется, нельзя выразиться. Такихъ мѣстъ въ книгѣ не мало. На стр. 119 приводится изъ Жуковского такая рѣчь: „Читать, съ цѣлю научить себя дѣйствовать въ обществѣ (?) съ другими, есть совершенствоваться...“

Въ ст. о хриѣ (стр. 109) авторъ совершенно излишне даетъ формы переходовъ отъ противнаго къ подобію, къ примѣру, къ свидѣтельству. Нельзя же представлять учителей, для которыхъ пишетъ г. Гавриловъ, до того малосвѣдущими, неумѣлыми, что они не въ силахъ сами связать одной мысли съ другою.

Что касается „примѣра хриѣ“, который даетъ почтенный авторъ-руководитель въ своей книгѣ, то примѣръ этотъ нельзя признать образцовымъ. Образцы хриѣ въ старинныхъ риторикахъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходятъ образцовыя хриѣ г. Гаврилова.

Искусная соразмѣрность частей, важность и вмѣстѣ изящество выраженія, изобрѣтательность въ доказательствахъ, строгая логичность въ мысляхъ, картинность въ образахъ, — все это можно было видѣть и изучать на старинныхъ образцахъ хриѣ. Форма не мѣшала размаху сильной мысли и даже глубокому проявленію чувства. Вспомнимъ знаменитое слово Иннокентія на Великій пятокъ, въ видѣ хриѣ, на тему: „Давайте молиться и плакать“, — это глубоко-трогательная, коротенькая рѣчь, дѣйствительно образцовая, заключающая въ краткости полноту, въ простотѣ и ясности представленій — глубину мысли и чувства, можетъ служить доказательствомъ, что форма хриѣ не стѣсняетъ талантливаго оратора. Такіе образцы дѣйствительно оправдывали значеніе хриѣ. Указывая на художественные образцы, наставники выравъ были говорить: „учитесь писать, какъ пишутъ ораторы, талантливыя и краснорѣчивыя витіи, — стремитесь подражать образцамъ!“

„Примѣръ хриѣ“ г. Гаврилова не даетъ возможности и мѣста для подражанія; въ немъ нѣтъ тѣхъ качествъ, которыми отличались старинныя хриѣ нашихъ талантливыхъ ораторовъ. Написать этотъ при-

мѣръ многословно, водянисто, мѣстами напыщенно, рѣчь автора, какъ и вездѣ, тяжела, не изящна. Употребленіе нѣкоторыхъ вычурныхъ фразъ и не вполне обдуманыхъ выраженій (напр. авторъ говоритъ о времени, „когда человекъ слабеетъ“; встрѣчаются также обороты: „мы быстро окрыляемся надеждой“, „задушевное двустишіе“, и т. под.) указываютъ на необходимость ихъ исправленія. Сравненія автора не выдерживаютъ строгой критики (авторъ сравниваетъ расточиваго свою молодость съ непредусмотрительнымъ земледѣльцемъ, и находитъ между ними *совершенно* сходство, чего на дѣлѣ нѣтъ и нельзя допустить даже при легкомъ обсужденіи сравненія, которое умѣстно было бы развѣ въ ученическомъ опытѣ); примѣры его не убѣдительны; заключительное же двустишіе не вполне соответствуетъ темѣ и на столько не ясно, что требуетъ толкованія.

„Жаркимъ сердцемъ покоримся
Думамъ робкимъ!“ (Баратыпскій).

Что такое „думы робкія“, которымъ должно покоряться горячее, молодое сердце? Заключение должно бы требовать, чтобы, цѣпя время, дорожа молодостью, юноши руководились совѣтами благоразумія, слушались опытности руководителей и слѣдовали указаніямъ ясной, здоровой мысли о томъ, что составляетъ цѣль жизни и назначеніе человека. Авторъ же все сводитъ къ „думамъ робкимъ“. Правда, на стр. 138-й, изъясняя это двустишіе, онъ высказываетъ мысль, что „думы робкія“ значать „умъ, дѣйствующій осторожно, на основаніи размысленія“, но это такъ угодно автору. Робкое — неустойчиво, неуверенно, не смѣло; шагъ робкаго не вѣренъ и „думами робкими“ руководиться нельзя.

Столь же неудаченъ и второй примѣръ хриіа автора, на тему: „обращеніе съ книгою приготовляетъ къ обращенію съ людьми“.

На стр. 122—126 раскрывается тема: „Пипца боговъ и земныхъ обитателей, по Илиадѣ и Одиссеѣ.“ Тема эта представляется не цѣлесообразною. Ужели кромѣ їды, такъ-сказать, чисто-гастрономическаго интереса, не нашлось у Гомера ничего болѣе человѣческаго, благороднаго, живаго для темы? Г. Гавриловъ оправдываетъ эту тему соображеніемъ, что она можетъ служить „контролемъ прочитаннаго“. Но развѣ нельзя сосредоточить „контроль прочитаннаго“ на группировкѣ фактовъ дѣятельности, напр., Одиссея, при чемъ указаны были бы качества лица и сама собою явилась бы его характеристика? Наконецъ, можно бы избрать бытовыя темы (въ эпопеяхъ Гомера для нихъ есть богатый матеріалъ), болѣе содержательныя и интересныя, могуція

имѣть образовательное значеніе и ведущія къ умственной зрѣлости учениковъ, чего никакъ нельзя сказать о предложенной темѣ, представляющей чисто-механическую работу.

На стр. 128—130 авторъ обрабатываетъ предложеніе „яблокъ (см. яблоко) зрѣль (ло)“. Здѣсь встрѣчается такой силлогизмъ: „Плодь зрѣль, если его сокъ достигъ извѣстной пріятности; сокъ яблока достигъ извѣстной (?) пріятности: слѣдовательно (.) яблокъ (ко) зрѣль (о)“. Едва ли на такихъ умозаключеніяхъ можно выучить учениковъ мыслить здраво, строго логически. Первое положеніе, очевидно, произвольно. „Плодь“ можетъ быть вполне зрѣль, и не имѣть „пріятности“, это зависитъ отъ породы плода; дико растущія яблоки и при полномъ созрѣваніи бывають иногда до того кислы, что безъ привычки ихъ не всякій пролотить.

На стр. 137 обрабатывается тема: „Трудъ и удовольствіе“ нельзя сказать, чтобъ удачно. „Трудъ и удовольствіе, говоритъ авторъ, а равно и связь между ними, знакомы (не всегда) учащимся (не всѣмъ) съ дѣтства; даже (?) и въ старшемъ возрастѣ ученики (не всѣ) *предпочитають* удовольствіе работѣ.“ Между первою и второю мыслями приведенной рѣчи нѣтъ соответствія. „Гдѣ же единство темы?“ Спрашиваетъ авторъ, и отвѣчаетъ: „Оба понятія подчинены одному высшему понятію — *занятію*.“ Это не вѣрно. Трудъ вытекаетъ изъ потребности дѣятельности; но въ основѣ наслажденія вовсе не лежитъ безразличное стремленіе — „быть чѣмъ-нибудь занятымъ“, а потребность испытывать пріятныя ощущенія, въ физическомъ и моральномъ смыслѣ. Далѣе найденные авторомъ признаки труда и удовольствія, группируются въ два отдѣла (ряда):

*Трудъ:**Удовольствіе:*

Суровъ и строгъ (?), горекъ, тягостенъ.	Нѣжить, сладостно, пріятно.
Средство къ чему-либо, даже къ удовольствію.	Само для себя служить цѣлью.
Занятіе въ собственномъ смыслѣ.	Забава, наслажденіе.
Подчиненіе достигаемой цѣли (?).	Эгоистическое довольство настоящимъ.
Долгъ, неволя, нужда, необходимость.	„Склонность, свободное избраніе.“

Приведенная группировка признаковъ данныхъ понятій страдаетъ многими недостатками. Она прежде всего безцѣльна, затѣмъ

одинаково неудовлетворительна въ логическомъ и реальномъ отноше-
ніяхъ. Въ логическомъ отношеніи перечень признаковъ явно безпо-
рядоченъ; въ реальномъ страдаетъ неполнотою и односторонностію.
Въ самомъ дѣлѣ, развѣ трудъ не можетъ быть пріятенъ, легокъ, ра-
достенъ; развѣ не возможенъ трудъ по склопности, по свободному вы-
бору? Между тѣмъ авторъ усволяетъ труду лишь качества: „суровъ,
строгъ, горекъ, тягостенъ,“ а мотивами его выставляетъ: „долгъ,
неволю, нужду, необходимость“. Равнымъ образомъ и удовольствіе
развѣ не бываетъ случайно, кратковременно; развѣ оно не имѣетъ
свойство скоро надѣдать и вызывать разочарованіе и т. д.? При
этомъ совершенно не видно, почему авторъ ставитъ одинъ признакъ
за другимъ, какой точки дѣленія опъ держится?

На стр. 141 тема: „Какими средствами ты будешь *отражать*
враговъ, которые *угрожаютъ* (!) тебѣ по выходѣ изъ школы въ
жизни?“ представляется неудобною. Не видно, о какихъ врагахъ идетъ
рѣчь и едва-ли педагогично вносить въ школу вопросъ о борьбѣ,
о враждѣ въ жизни, объ антагонизмѣ общественныхъ силъ.

Тема: „Какое значеніе имѣютъ *уроки исторіи* для учащихся?“
плохо выражена. „Уроки исторіи“—выраженіе обоюдное; можно по-
нимать его въ смыслѣ уроковъ, задаваемыхъ учителемъ исторіи уче-
никамъ для усвоенія, а можно понимать и въ смыслѣ уроковъ, извлекае-
мыхъ изъ хода исторіи размышленіемъ („исторія судитъ мертвыхъ и
дастъ уроки живымъ“).

На стр. 143: „Безпрестанное уединеніе есть путь къ ничтожеству“.
Сказано слишкомъ много. Для праведниковъ безпрестанное уединеніе
служило путемъ къ нравственному совершенству.

На стр. 146: „Слѣдствія непарушимаго благополучія: эгоизмъ,
забвеніе религиозныхъ обязанностей, лѣнь и праздность, безчувствен-
ность и жестокость, холодность къ несчастіямъ другихъ, упрямство
и высокомеріе“. Возможно, конечно, что и при непарушимомъ бла-
гополучіи могутъ имѣть мѣсто исчисленныя явленія; но усвоить ихъ,
какъ необходимые предикаты, категорически, „непарушимуому благо-
получію“, было бы преувеличеніемъ. Возможны здѣсь и явленія, со-
вершенно противныя исчисленнымъ; затѣмъ, нѣкоторыя изъ пере-
численныхъ явленій не имѣютъ видимой связи съ предполагаемою
причиной ихъ: что, напримѣръ, общаго имѣетъ „непарушимаго бла-
гополучіе“ съ „упрямствомъ?“

На стр. 148 авторъ, показывая связь труда и удовольствія, пред-
ставляетъ раскрытіе предмета по пунктамъ (а — с), слѣдовательно,

какъ бы въ нѣкоторомъ порядкѣ, по въ сущности безъ всякой логической связи и послѣдовательности: въ порядкѣ пунктовъ нѣтъ точки дѣленія, нѣтъ основанія для группировки явленій.

Статья: „Какъ нужно пользоваться, при составленіи сочиненій, чтеніемъ?“ (стр. 150—158) оставляетъ желать многого. Собственно вопросъ не выясненъ и не разрѣшенъ, все дѣло ограничивается общими разсужденіями, а примѣръ, предлагаемый авторомъ для образца, какъ пользоваться чтеніемъ, нельзя назвать удачнымъ. Авторъ беретъ „Разговоръ о счастіи“ Карамзина, дабы показать, какъ можно воспользоваться чтеніемъ его при обработкѣ темы о счастіи. Онъ указываетъ, что долженъ ученикъ „отмѣтить“, по не видно, что значить „отмѣтить“. Судя по буквально приводимому отрывку, это значить „выписать“, но едва-ли такое пользованіе чтеніемъ можно признать цѣлесообразнымъ и педагогическимъ. Далѣе, не видно, на какомъ основаніи долженъ ученикъ „отмѣтить“ извѣстное мѣсто. Наконецъ и самыя мѣста, назначенныя для отмѣтки, выбраны неудачно. Это—или неудачныя сравненія („сердце есть младенецъ“ и пр.), или папищенныя, торжественныя описанія („я представляю себѣ здѣшній свѣтъ великолѣпнымъ храмомъ“ и пр.); или наконецъ мнѣнія парадоксальныя, каковы: „корыстолюбіе хорошо (!) въ своемъ источникѣ (?), когда оно есть не что иное какъ предвидѣніе муравьевъ, готовящихъ запасъ на зимнее время“ (какое же здѣсь „корыстолюбіе“? и т. под.

Этимъ неудачнымъ примѣромъ и общимъ разсужденіемъ въ 17 строкъ, въ сущности ничего въ себѣ не заключающимъ, ограничивается все обсужденіе одного изъ весьма важныхъ вопросовъ въ дѣлѣ руководства ученическими упражненіями.

Гораздо удачнѣе примѣръ пользованія чтеніемъ при обработкѣ сочиненія, стр. 165 — 168, на тему о состраданіи; по здѣсь мы встрѣчаемъ одну странность: „чтеніе идущаго къ дѣлу отрывка“ авторъ называетъ методомъ, паравиѣ съ дедуктивнымъ и индуктивнымъ способомъ. „При помощи трехъ указанныхъ, выше, говоритъ авторъ, методовъ изобрѣтенія—дедуктивнаго, индуктивнаго и чтенія идущаго къ дѣлу отрывка, мы приходимъ“ и пр. (стр. 168). Чтеніе можетъ быть приемомъ, но никакъ не *методомъ*.

Обработка темы (на стр. 168 — 172): „что такое смѣшное (комическое)?“ представляетъ нѣчто странное. Въ сущности тема вовсе не рѣшена; авторъ гонорилъ много, но сказалъ мало, принимался за тему по разнымъ приемамъ, по къ опредѣленному результату не пришла.

шелъ. Высказанныя же имъ по поводу темы мысли, вмѣсто чего-либо связнаго, представляютъ рядъ отрывочныхъ, иногда парадоксальныхъ афоризмовъ, не только не способныхъ выяснитъ тему, но только затемняющихъ ее противорѣчiami. Здѣсь встрѣчаются такія мысли: „Смѣшнымъ называется то, что приводитъ нашъ духъ въ возбужденное состояніе, слѣдовательно нарушаетъ его обыкновенное, спокойное состояніе“. Авторъ отсюда дѣлаетъ выводъ, что комическое есть нѣчто необыкновенное и дѣлаетъ его отличіе отъ высокаго. Но это такъ угодно автору. На самомъ же дѣлѣ данное имъ опредѣленіе смѣшнаго крайне неудовлетворительно. Всякое страданіе, все ужасное „приводитъ нашъ духъ въ возбужденное состояніе, нарушаетъ его обыкновенное состояніе“,—говоря словами автора, слѣдовательно, есть смѣшное. Далѣе: „смѣемся мы надъ тѣмъ, что ниже обыкновеннаго; слѣдовательно, всякій вздоръ—нелѣпость?“ (стр. 169). Не говори о странной формѣ выраженія, съ первою мыслью нельзя согласиться, ее трудно и понять. Также нельзя признать вѣрною и ту мысль автора, что „комическій смѣхъ — смѣхъ наивный, беззавѣтный (?), не щекочущій (sic) ни сердца, ни разсудка“. Это опредѣленіе противорѣчитъ самой идеѣ комизма.

Вопросъ: „почему смѣется только одинъ человѣкъ?“ представляеть нѣчто праздное, для темы неудобное; и здѣсь (стр. 171) авторъ повторяетъ, что комическое есть нѣчто „возбуждающее въ насъ беззавѣтный, безцѣльный смѣхъ“, что положительно невѣрно.

Что касается „таблицы категорій“, въ предыдущемъ изданіи помѣщенной въ примѣчаніяхъ, а нынѣ занимающей цѣлыя шесть страницъ текста (стр. 173—179), то мнѣ кажется это вещь положительно бесполезная, ни для учителя, ни для учениковъ ни на что годная. Авторъ назначаетъ ее „для справокъ“, но говоритъ, что „ученики должны освоиться съ нею подъ руководствомъ учителя“: я полагаю, что она отобьетъ лишь охоту у тѣхъ и другихъ обращаться къ ней за справками. Чтобы видѣть нецѣлостность этой таблицы, ее произвольность и отсутствіе въ ней яснаго построения и послѣдовательности, довольно привести эти категоріи въ первомъ ихъ исчисленіи у автора на стр. 173 и 174. Вотъ онѣ: 1) опредѣленіе; 2) родъ; 3) видъ; 4) частное; 5) цѣлое; 6) части; 7) conjugata; 8) adjectantia, 9) actus; 10) subjectum; 11) causa efficiens; 12) causa finalis; 13) effectum; 14) destinatum; 15) мѣсто; 16) время; 17) connexa; 18) contingentia; 19) pronuntiata; 20) имя; 21) comparata, 22) similia; 23) противоположное; 24) disparata.

Эти 24 категоріи, перечисленные безъ всякаго логическаго основанія, дробятся на множество подраздѣленій, видовъ и представляютъ непроходимый лѣсъ терминовъ, не могущихъ ни мало помочь выработкѣ яснаго и отчетливаго сужденія въ учащихся. Таблица категорій составлена по Агриколѣ; но была бы охота, такихъ таблицъ не мало можно найдти и извлечь изъ эпохи средневѣковой схоластики, напримѣръ, Агъ шагна Р. Лулія; — только для чего могутъ служить подобныя вещи? Во всякомъ случаѣ въ семинаріяхъ имъ мѣста нѣтъ.

Въ главѣ о „единствѣ и цѣлости сочиненій“, на стр. 181, встрѣчается такая мысль: „Ученики, *неспособные къ творчеству* (?), никогда не поймутъ закона цѣлости, но они не должны быть принимаемы въ расчетъ“. Но кто же изъ учениковъ „способенъ къ творчеству“? Даровитыя и талантливыя натуры рѣдки, и можно ли ихъ брать мѣркою для запятій, не обращая вниманія на массу? Что значитъ быть „неспособнымъ къ *творчеству*“? И поэтому нельзя понять вещи, когда она можетъ быть разсматривасма, какъ объективный фактъ (въ живыхъ явленіяхъ), можетъ быть разъяснена, показана? Наконецъ, какъ связать высказанную авторомъ мысль съ предыдущею, гдѣ онъ требуетъ выяснитъ этотъ законъ (цѣлости) *нагляднымъ* образомъ, при каждомъ удобномъ случаѣ? Такъ какъ „неспособныхъ къ творчеству“ найдется больше „способныхъ“, то массѣ учениковъ при „каждомъ“ такомъ случаѣ придется слушать то, чего они, по словамъ автора, никогда не поймутъ“. Все это представляется непонятнымъ.

Статья: „Законъ постепеннаго движенія мыслей въ сочиненіи“ (Gradatio), стр. 200 — 214, представляетъ много недостатковъ, какъ въ отношеніи языка, вообще тяжелаго, часто неточнаго и вычурнаго, такъ и въ отношеніи мыслей, иногда не вѣрныхъ, мѣстами парадоксальныхъ.

Въ началѣ статьи авторъ говоритъ, что „изложеніе“ имѣетъ цѣлію „читателя“, слѣдовательно, ставитъ субъективный принципъ; черезъ страницу же (стр. 202) читаемъ такой выводъ: „Такимъ образомъ движеніе мыслей въ сочиненіи *разнообразится* соответственно свойству мыслимаго предмета (это чисто-объективная точка зрѣнія). Правила движенія (?) поэтому не могутъ быть *точны*, но тѣмъ не менше можно дать ученику полезныя наставленія“. Итакъ, здѣсь уже другая точка зрѣнія. При этомъ замѣчательно, что правила развитія

мыслей въ сочиненіи не могутъ быть точны, по признанію автора; тогда что же такое „законъ движенія мыслей“, въ чемъ онъ состоитъ?

На стр. 209 говорится: „Доказательства должны быть размѣщаемы по требованію того же закона постепеннаго движенія“: и каждое изъ нихъ помѣщается тамъ, гдѣ оно имѣетъ наибольшее значеніе, гдѣ оно всего лучше содѣйствуетъ цѣлимъ и назначенію цѣлаго“. Спрашивается, гдѣ же именно? Какимъ цѣлимъ? О какомъ значеніи рѣчь идетъ? Чѣмъ руководиться въ отысканіи этого „тамъ, гдѣ и проч.? Не сводится ли все сказанное къ общей фразѣ: доказательства должны стоять тамъ, гдѣ имъ слѣдуетъ стоять? Это ли авторъ называетъ „закономъ?“

Далѣе авторъ продолжаетъ: „На счетъ примѣненія закона восхожденія къ подробностямъ, то-есть, къ размѣщенію предложеній (гдѣ?) и направленію движенія (чего?), тоже пельзя указать точныхъ правилъ (и это „законъ“ движенія (sic) мыслей!). Пельзя безусловно утверждать даже того, что восхожденіе въ порядкѣ предложеній должно держаться *прямо направленіи впередъ* (курсивъ въ подлинникѣ). Напротивъ, часто случается, что *уклопеніе и повороты назадъ требуются* (курсивъ въ подлинникѣ) самимъ предметомъ и удобствами читателя“. (Стр. 209). Что можно вынести изъ подобныхъ „правиль?“ Пельзя утверждать того, что въ развитіи мыслей надо идти впередъ; случается-де ходить околицами, дѣлать „уклопенія“ и даже „повороты назадъ“,—подобныя „правила“ не только ничего не разъясняютъ, а только затемняютъ дѣло и переносятъ его въ широкую область разныхъ возможностей, которыя лишаютъ автора возможности сказать что-нибудь определенное.

Въ началѣ разсматриваемой статьи авторъ говоритъ, что „расположеніе и самое изложеніе“ мыслей „имѣетъ въ виду читателя“. При этомъ онъ предполагаетъ (исизвѣстно, на какомъ основаніи), что „читатель имѣетъ необходимыя для того подготовительныя свѣдѣнія, но не можетъ самъ развить главной тематической мысли и долженъ быть доведенъ до цѣли“ (стр. 200). Ученикъ беретъ за перо, чтобы довести читателя до этой цѣли, при чемъ, по словамъ автора, „не долженъ прекращать своей работы (!) до тѣхъ поръ, пока цѣль (убѣдить читателей) не будетъ достигнута“. Такъ что, если иной ученикъ не сумѣетъ „довести читателя до цѣли“, то долженъ будетъ, „не прекращая работы“, затянуть ее въ безконечность.

Нельзя согласиться со взглядомъ автора. Ученикъ—учится, а не учитъ. Въ изложеніи главная задача и цѣль—правильное, логическое

раскрытие предмета, достаточно-сильная его аргументация, отчетливое выяснение и решение данного вопроса. Не болѣе.

Стоя на субъективной точкѣ зрѣнія, авторъ говоритъ, что и главный планъ сочиненія, быть можетъ, вполне соответствующій внутренней діалектикѣ мыслимаго предмета, по неудобству читателя при воспріятіи (!), долженъ быть передѣланъ“, именно съ цѣлю сдѣлать предметъ для читателя доступнѣе. Но и съ этимъ нельзя согласиться. Если планъ логически вѣренъ и, говоря словами автора, „вполнѣ соответствуетъ внутренней діалектикѣ мыслимаго предмета“, то eo ipso онъ и наиболѣе пригоденъ для читателя. Строгость логическаго плана ни мало не противорѣчитъ законамъ воспріятія. Въ изложеніи автора представляется неяснымъ, что такое онъ разумѣетъ подъ нѣсколькимъ своеобразнымъ выраженіемъ „по неудобству читателя при воспріятіи“. Чаше всего это „неудобство читателя при воспріятіи“ (говоря словами автора) обуславливается степенью его подготовки, развитіи; но эта степень такъ бываетъ разнообразна и обуславливается такими случайностями, что едва ли возможно и резонно принимать ее за основаніе при обработкѣ сочиненія и соображаться съ нею, особенно же въ ущербъ логикѣ. На стр. 204, авторъ въ примѣрѣ „изъясненія“ приводитъ нѣкоторыя соображенія относительно истины. „Истина сама въ себѣ формальна“ (стр. 205). Это положеніе вѣрно въ логическомъ опредѣленіи истины, но въ себѣ истина вмѣстѣ съ тѣмъ реальна. Логическая схема (формальная) положенія еще не ручается за объективную истинность его.

На стр. 210 (примѣч.) авторъ говоритъ: „Не смотри на невозможность установить точныя правила (въ области „постепеннаго движенія мыслей“, признаваемого авторомъ „закономъ“), онытъ (слѣдовательно, чисто эмпирическое условіе) даетъ нѣкоторыя указанія, способствующія выполненію общихъ требованій закона постепеннаго движенія; выборъ и примѣненіе этихъ указаній долженъ зависѣть отъ личнаго благоразумія“. Авторъ, очевидно, съ понятіемъ о законѣ соединяетъ своеобразное представленіе. Обыкновенно въ понятіе закона прежде всего входитъ неизмѣнность преемства и послѣдовательности явленій, отсюда точность, опредѣленность, при каждомъ данномъ условіи, частныхъ формулъ закона. Таковы законы природы таковы же законы логики. Но авторъ признаетъ закономъ то, что „не даетъ возможности установить точныя правила“, что „руководится опытомъ“ и наконецъ, что „зависитъ отъ личнаго благоразумія“.

Ниже, здѣсь же, авторъ даетъ „указанія“ въ руководство „личному благоразумію“ учителей, для примѣненія „закона постепеннаго движенія мыслей въ сочиненіяхъ“. Кратко смыслъ этихъ указаній можно выразить такъ: „слѣдуетъ въ сочиненіяхъ переходить отъ одной мысли къ другой, отъ разныхъ предметовъ и явленій — къ разнымъ предметамъ и явленіямъ“. Виѣ общаго принципа (а его нѣтъ въ указаніяхъ) всѣ подобныя совѣты и указанія не имѣютъ ровно никакого значенія.

Чтобы видѣть наглядно произвольность „указаній“ автора, достаточно бѣлаго ихъ обзора. Между прочимъ здѣсь встрѣчаются совѣты переходить „отъ незначительнаго къ значительному и важному, отъ малаго къ великому, и на оборотъ“; „отъ дарованій къ ихъ развитію“ (?), „отъ темнаго къ ясному и на оборотъ“ (постоянно встрѣчается „и на оборотъ“); „мы приступаемъ, пишетъ авторъ, къ дѣлу оцупью, пытаемся, потомъ идемъ твердою поступью, увѣренно“; „отъ ожидаемаго переходимъ къ неожиданному, отъ обыкновеннаго къ необыкновенному“ и т. д.

Изложеніе о *приступѣ* почтенный авторъ начинаетъ совершенно безцѣльною полемикой съ противниками „приступовъ“. Здѣсь, между прочимъ, на стр. 215, онъ употребляетъ такое сравненіе: „Если сравнивать сочиненіе съ зданіемъ, то *приступъ въ сочиненіи то же, что въ зданіи фундаментъ*, который залагается *прежде* зданія и на которомъ зданіе зиждется“. Сравненіе неудачное и невѣрно. Если автору понадобилось уже сравненіе, то скорѣе *приступъ* можно сравнить съ входомъ, или фронтонами зданія, но никакъ не съ основаніемъ его; не въ *приступѣ* опора сочиненія. Фундаменту соответствуетъ установленіе основныхъ понятій, точекъ зрѣнія въ сочиненіи и расположеніе ихъ по плану.

Наконецъ, я долженъ указать на нѣкоторые промахи и недостатки, встрѣчающіеся въ расположеніи темъ, приводимыхъ авторомъ какъ образецъ для учителей.

Главный и весьма видный недостатокъ обработки темъ г. Гаврилова это неправильность ихъ расположенія. Приведу факты.

На стр. 183 приводится образцовое расположеніе темы „знаніе — сила“. Авторъ перечисляетъ три причины: знаніе доставляетъ „а) независимость, б) вліятельность и значеніе и с) стремленіямъ чело-вѣка—производительность“. Спрашивается, гдѣ логическое основаніе этого расположенія? — Всѣ ли стороны предмета это дѣленіе исчер-

пиваетъ? Но далѣ авторъ предлагаетъ такое „divisio“: „Знаніе до-
ставляетъ своему обладателю:

а) *Независимость:*

1) Знаніе языковъ облегчаетъ путешествія и увеличиваетъ пользу *оказо*.

2) Знаніе наукъ: исторія, правовѣдѣніе.

б) *Вліятельность и значеніе:*

1) Книгопечатаніе взяло верхъ надъ переписчиками.

2) Образованный всегда властвуетъ надъ необразованнымъ. Европа властвуетъ надъ остальнымъ міромъ.

в) *Производительность*

1) Въ области вѣшной природы: сокращеніе разстояній (каналы, желѣзныя дороги, пароходы).

2) Въ области политической: законы, международныя сношенія.

3) Въ области нравственной: смягченіе нравовъ; гуманныя отношенія между людьми“.

Итакъ, независимость, сообщаемая знаніемъ, ограничивается путешествіемъ и двумя науками — исторіей и правовѣденіемъ: что хотѣлъ сказать авторъ этимъ сопоставленіемъ, непонятно. По обыкновенному понятію, независимъ тотъ, кто свободенъ, свобода же бываетъ вѣшная (по юридическому положенію, по богатству) и внутренняя (истина свободитъ вѣ...), — ни той ни другой авторъ не касается.

Что же сказать о развитіи втораго члена дѣленія, гдѣ частный фактъ: „книгопечатаніе взяло верхъ надъ переписчиками“, сопоставляется съ общимъ началомъ—властвованія образованныхъ надъ необразованными?—Недостатокъ логики въ этомъ сопоставленіи самъ собою очевиденъ. Если уже авторъ хотѣлъ показать, что изобрѣтенія ума получаютъ преобладаніе надъ рутинною эмпирическою дѣйствительностью, тогда рядомъ съ книгопечатаніемъ слѣдовало бы сопоставить и другія подобныя явленія, напримѣръ, желѣзныя дороги взяли верхъ надъ лошадиными почтами; телеграфы взяли верхъ надъ письменною почтовою корреспонденціей; машины взяли верхъ надъ ручною производительностью и т. д.; но авторъ подобные факты почему-то относитъ къ слѣдующему члену. Здѣсь, подъ рубрикою „производительность“, рядомъ съ пароходами сопоставляются: законы, международныя сношенія, смягченіе нравовъ...

Казалось бы, данную тему было гораздо естественнѣе расположить по такому плану: „Знаніе—сила“, ибо оно дѣлаетъ человѣка сильнымъ:

а) Въ отношеніи къ вѣншней природѣ.	б) Въ отношеніи человѣка къ другимъ людямъ.	с) Въ отношеніи человѣка къ самому себѣ (во внутреннемъ самоустроеніи).

Подъ эти три категоріи подходятъ легко, свободно и естественно какъ перечисленные авторомъ частные факты знанія, такъ и многіе другіе, опущенные авторомъ изъ виду, причемъ дѣленіе вытекаетъ изъ одного общаго основанія, что требуется логикой, и заключаетъ въ себѣ члены всѣ равнозначительные.

На стр. 189 на нѣсколько спеціальную тему „образованный солдатъ въ непріятельской землѣ“ авторъ даетъ свое расположеніе, въ которомъ нѣтъ основанія для дѣленія, матеріалъ излагается въ чисто-внѣшнемъ, механическомъ порядкѣ, ибо онъ только и удерживается стоящими въ началѣ каждаго предложенія цифрами: 1, 2, 3 и т. д.

На стр. 190 даются расположенія на тему изъ Сенеки: „Мы получаемъ жизнь не краткую, но сами ее сокращаемъ“: сперва представленъ примѣръ расположенія плохаго, негоднаго; потомъ хорошаго, изготавленнаго какъ образецъ. Авторъ находитъ, что въ рѣшеніи данной темы всего „дѣлесообразнѣе“ ограничиться слѣдующими тремя главными мыслями:

- 1) многіе умышленно подвергаются опасностямъ и погибаютъ въ нихъ;
- 2) вслѣдствіе легкомыслія они доводятъ свое здоровье до крайняго разстройства.
- 3) бесполезная жизнь есть преждевременная смерть“.

Совершенно непонятно, почему избраны именно эти три мысли для расположенія, чѣмъ связаны онѣ между собою, на чемъ основанъ ихъ выборъ?

На стр. 192—194, на довольно странную тему: „достоинъ ли подражанія обычай XVIII вѣка вести дневникъ“, авторъ также даетъ сперва расположеніе негодное, а потомъ образцовое, послѣднее въ такой формѣ:

- А) Польза. 1) „Веденіе дневника пріучаетъ насъ слѣдить за тѣмъ,

как мы распоряжаемся нашимъ временемъ и на что его употребляемъ;

2) давать себѣ строгій отчетъ въ поведеніи и нравственной жизни (?);

3) серьезно, а не легкомысленно относиться ко всѣмъ переживаемымъ событіямъ и приключеніямъ нашей жизни“. Дальше слѣдуетъ „вредъ“ дневника. Гдѣ основаніе для дѣленія приведенныхъ 3-хъ пунктовъ? Въ 1-мъ изъ нихъ мы приучаемся слѣдить за нашимъ временемъ и его употребленіемъ; но развѣ это не значитъ приучаться „давать себѣ строгій отчетъ въ своемъ поведеніи“, что говорится по 2-мъ п.? А кто даетъ себѣ „строгій отчетъ въ своемъ поведеніи“, развѣ тотъ *eo ipso* не приучается „серьезно, а не легкомысленно относиться ко всѣмъ переживаемымъ событіямъ своей жизни“? Итакъ, всѣ три пункта сходятся въ одинъ и всѣ члены заключаются одинъ въ другомъ. Между тѣмъ, еслибы взять за исходную точку самонаблюденіе, то удобно можно было бы показать какую пользу въ этомъ отношеніи веденіе дневника могло бы оказать для нашего развитія умственнаго, нравственнаго, религіознаго и т. д., и построить правильное расположеніе.

На стр. 195, на тему: „какими качествами Периклъ достигъ въ Аѳинахъ преобладающаго значенія“, авторъ даетъ расположеніе, въ которомъ опущена высокая степень умственнаго образованія Перикла.

На стр. 198, на тему: „всякій своего счастья кузнецъ“ дается такое образцовое расположеніе: А. Благополучіе *внутреннее* добывается:

- 1) образованіемъ *ума*, которое достигается: а) старательнымъ и прилежнымъ ученіемъ, б) сознательнымъ употребленіемъ образовательныхъ средствъ;
- 2) образованіемъ *сердца*: а) преодоленіемъ слабостей и порочныхъ склонностей и противопоставленіемъ добродѣтелей, б) уклоненіемъ отъ дурнаго общества.

Образованіе ума и сердца еще не обезпечиваетъ благополучія внутренняго; нравственное развитіе человѣка завершается въ развитіи характера, какъ окрѣпшей въ моральныхъ принципахъ воли. Это очевидное упущеніе. Затѣмъ, что касается до образованія ума и сердца, то средства, перечисленные для этой цѣли авторомъ, не полны, недостаточны и въ отношеніи ума они (а и б) сливаются въ понятіи ученія; а въ отношеніи сердца носятъ чисто отрицательный характеръ. Для ученика, пожалуй, и приведенное расположеніе достачь

точно; но для образца оно неудовлетворительно и не выдерживаетъ строгой критики.

Таковы недостатки, замѣченные нами въ весьма дѣльной и полезной книгѣ г. Гаврилова: авторъ при 2-мъ изданіи своего труда внесъ уже въ него значительныя улучшенія; это даетъ поводъ разчитывать, что онъ будетъ поступать такимъ же образомъ и при дальнѣйшихъ си изданіяхъ.

С. Миропольскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ТРЕТІЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ ОРИЕНТАЛИСТОВЪ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ АВГУСТѢ 1876 ГОДА ¹⁾.

На международных конгрессахъ всѣхъ специальностей, какіе собирались въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, установилось обычаемъ, что по заключеніи засѣданій совѣтъ состоявшагося конгресса назначаетъ страну, гдѣ должно произойти слѣдующее его собраніе. Такимъ образомъ, на второмъ международномъ конгрессѣ ориенталистовъ, происходившемъ въ Лондонѣ въ сентябрѣ 1874 года ²⁾, положено было собраться въ третій разъ въ Россіи. Выѣстъ съ тѣмъ, для устройства этого третьяго конгресса былъ избранъ въ Лондонѣ и комитетъ изъ русскихъ ориенталистовъ, принимавшихъ участіе въ тамошнемъ съѣздѣ.

По всеподданнѣйшемъ докладѣ о томъ г. министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, 24-го марта 1875 года, Высочайше соизволилъ на созваніе третьей сессіи международнаго конгресса ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ; членами же комитета для устройства этой сессіи г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ лицъ, избранныхъ съ этою цѣлью въ Лондонѣ, а именно: 1) ординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ исторіи Востока, тайнаго совѣтника В. В. Григорьсва; 2) ординарнаго

¹⁾ Составлено по свидѣніямъ о конгрессѣ, помѣщеннымъ въ *Bulletin du Congrès international des orientalistes. Session de 1876 à St.-Petersbourg*, въ *Императорскомъ Вѣстникѣ* и въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества* за текущій годъ.

²⁾ Первый конгрессъ ориенталистовъ происходилъ въ Парижѣ въ 1873 году.

профессора того же университета по кафедрѣ армянской словесности, дѣйствительнаго статскаго совѣтника [Ж. П. Патканова; 3) ординарнаго профессора того же университета по кафедрѣ еврейской, сирійской и халдейской словесности, статскаго совѣтника Д. А. Хвольсона, и 4) бывшаго старшаго чиновника для особыхъ порученій при Туркестанскомъ генераль-губернаторѣ, нынѣ главнаго инспектора народныхъ школъ Туркестанскаго края, коллежскаго совѣтника А. Л. Куна. Предсѣдательствующимъ въ этомъ комитетѣ избранъ былъ членами онаго старшій между ними В. В. Григорьевъ ¹⁾). Сверхъ упомянутыхъ лицъ, въ составъ организаціоннаго комитета вошли: бывший вице-директоръ азіатскаго, нынѣ директоръ департамента внутреннихъ сношеній въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, баронъ Э. Р. Остенъ-Сакенъ; ординарный академикъ по части мусульманскихъ литературъ и древностей въ Императорской Академіи Наукъ, тайный совѣтникъ Б. А. Дорпъ; экстраординарный академикъ по той же специальности, дѣйствительный статскій совѣтникъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ; экстраординарный профессоръ по кафедрѣ арабской словесности въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ В. Э. Гиргасъ (казначей); доцентъ по той же кафедрѣ, надворный совѣтникъ баронъ В. Р. Розенъ (секретарь для иностранной переписки), и дѣлопроизводитель Императорской археологической комисіи, надворный совѣтникъ П. И. Лерхъ.

По предначертанію организаціоннаго комитета, на первомъ планѣ въ занятіяхъ конгресса должна была быть Русская Азія, по слѣдующимъ ея отдѣламъ: 1) Сибирь Западная и Восточная; 2) Средняя Азія въ русскихъ предѣлахъ (со включеніемъ независимыхъ владѣній въ западной ея части); 3) Кавказъ; 4) Закавказье. Остальной Востокъ предположено было разсматривать по слѣдующимъ группамъ: 5) Восточный Туркестанъ, Тибетъ, Монголія, Китай и Японія; 6) Индія, Персія и острова Индо-Китайскаго архипелага; 7) Турція и Аравія. Въ каждый изъ этихъ семи отдѣловъ предположено было ввести картографію ея, лингвистику, этнографію, исторію и литературу. Сверхъ того, особые отдѣлы предположено было посвятить:

¹⁾ Лондонскій конгрессъ 1874 года избралъ предсѣдателемъ организаціоннаго комитета С.-Петербургскаго съезда генераль-адъютанта графа И. И. Воронцова-Дашкова; но графъ отказался отъ этого званія и не вступилъ въ составъ дѣйствовавшаго въ Россіи комитета.

8) археологіи съ нумизматикой и 9) религиознымъ и философскимъ ученіямъ Востока. Характеръ занятій конгресса долженъ былъ быть чисто научный, и потому никакія сообщенія или пренія по предметамъ, относящимся къ христіанской религіи или къ современному политическому, административному, торговому и промышленному положенію народовъ и странъ Востока, не могли быть допущены, равно какъ и все выходящее изъ предѣловъ программы занятій съѣзда. Тѣмъ не менѣе, кромѣ ученыхъ, спеціально занимающихся изученіемъ языковъ и литературы Востока, комитетъ счелъ долгомъ пригласить къ участію въ занятіяхъ конгресса всѣхъ лицъ, трудящихся надъ изученіемъ Востока и по распространенію свѣдѣній о немъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, и каковымъ бы то ни было образомъ заинтересованныхъ въ ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ. Согласно съ тѣмъ, въ приглашеніи своемъ комитетъ говорилъ: „Всѣ моряки наши, производившіе описи береговъ и морей Азіи; всѣ офицеры генеральнаго штаба, занимавшіеся съемками тѣхъ или другихъ ея пространствъ; всѣ гражданскіе и военные чиновники, во время службы своей въ Азіи собиравшіе этнографическія, статистическія, историческія и другія о ней свѣдѣнія; всѣ путешествовавшіе въ этой части свѣта; все купечество наше, торгующее съ ея народами,—всѣ такія лица представляются комитету естественными членами ориентальнаго конгресса и призываются содѣйствовать успѣху его запускомъ своихъ знаній и наблюденій“.

Такъ какъ труды по изученію и приведенію въ извѣстность странъ и народовъ Востока, совершенные и совершаемые въ Россіи, недостаточно извѣстны русской публикѣ и тѣмъ болѣе Западной Европѣ, то организаціонный комитетъ счелъ обязанностью своею воспользоваться предстоящимъ конгрессомъ, чтобы предложить лицамъ, работающимъ у насъ надъ изученіемъ Востока въ томъ или другомъ отношеніи, заняться приведеніемъ въ извѣстность трудовъ ихъ предшественниковъ на томъ же поприщѣ. Для распредѣленія предположенныхъ работъ между тѣми, которые изъявляютъ готовность взять ихъ на себя, комитетъ, 8-го мая 1875 года, пригласилъ въ особое на этотъ предметъ собраніе ¹⁾ всѣхъ въ Петербургѣ лицъ, извѣстныхъ основательностью свѣдѣній ихъ объ Азіи и учеными о пей тру-

¹⁾ По благосклонному разрѣшенію князя С. Н. Урусова оно имѣло мѣсто въ одной изъ залъ II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

дами. Около сорока представителей русскаго ориентализма откликнулись на этотъ призывъ, и по изложеніи предсѣдательствовавшимъ цѣли и характера проектированныхъ работъ, одобрили мысль комитета, при чемъ многіе изъ присутствовавшихъ тутъ же изъявили готовность заняться этими работами, то-есть, составленіемъ историко-библиографическихъ обзорннй тѣхъ трудовъ, которые совершены въ нашемъ отечествѣ по части изученія Востока. Такимъ образомъ приняли на себя: а) относительно Сибири: К. С. Старицкій (совмѣстно съ лицомъ, котораго пригласить въ сотрудники)—составленіе картографическаго обзорннй береговъ Азіи отъ Карскаго моря до предѣловъ Манчжуріи и береговъ Сахалина и Японіи; М. И. Венюковъ—составленіе картографическаго обзорннй материка Сибири отъ Уральскихъ горъ до Японскаго моря; П. А. Гельмерсенъ — составленіе этнографическаго обзорннй инородцевъ, обитающихъ въ южной Сибири, — б) относительно Средней Азіи въ русскихъ предѣлахъ: баронъ А. В. Каульбарсъ — картографическое обзорннй этой части Азіи; В. В. Григорьевъ—этнографическое и историко-археологическое обзорннй того же пространства; — в) относительно Закавказья: К. П. Паткановъ—этнографическое и лингвистико-литературное обзорннй Русской Арменіи; А. А. Цагарели—такое же обзорннй по части Грузіи; — г) относительно прочихъ частей Азіи: П. А. Гельмерсенъ — картографическое обзорннй Монголіи; баронъ Ф. Р. Остенъ-Сакенъ — обзоръ русскихъ географическихъ, этнографическихъ и другихъ трудовъ (за исключеніемъ лингвистическихъ и историко-литературныхъ) относительно Китая; И. И. Захаровъ—лингвистико-литературное обзорннй относительно Китая и Манчжуріи; К. Ф. Голстунскій — такое же обзорннй относительно Монголіи; сверхъ того, П. И. Лерхъ—лингвистико-литературное обзорннй Иранской народности и ея вѣтвей; П. И. Савванитовъ—обзорннй русскихъ путешествій въ Палестину и сосѣднія страны, и баронъ В. Р. Розенъ—обзорннй существующихъ въ Россіи коллекцій восточныхъ рукописей, происхожденія этихъ коллекцій и замѣчательнѣйшихъ, въ нихъ рукописей на арабскомъ языкѣ. Предположенныя обзорннй не могли однако быть окончены ко времени открытія конгресса и войдутъ только въ печатное изданіе трудовъ его. Тѣмъ не менѣе, организаціонный комитетъ, желая представить конгрессу плоды русской научной дѣятельности въ сферѣ ориентализма, озаботился собрать и предложить вниманію членовъ довольно богатую коллекцію ученыхъ трудовъ по части Востока (книгъ

и картъ), напечатанныхъ въ Россіи въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ.

Равнымъ образомъ, организаціонный комитетъ счелъ полезнымъ устроить, по случаю съѣзда ориенталистовъ въ Петербургъ, выставку всякаго рода предметовъ восточнаго происхожденія, любопытныхъ въ археологическомъ, археографическомъ, этнографическомъ и литературномъ отношеніяхъ. При этомъ предположено было не трогать специальныхъ коллекцій университетскихъ и столичныхъ, но соединить на этой выставкѣ лишь замѣчательнѣйшіе предметы изъ собраній частныхъ, а равно казенныхъ, въ особенности изъ отдаленныхъ областей, каковы Кавказъ, Туркестанскій край, Сибирь, въ той мѣрѣ, въ какой высшія мѣстныя власти сочтутъ возможною высылку такихъ предметовъ въ С.-Петербургъ. Въ этомъ отношеніи комитетъ встрѣтилъ полное сочувствіе со стороны высшихъ мѣстныхъ начальствъ въ различныхъ частяхъ Русской Азіи: начальства эти не только препроводили въ С.-Петербургъ, для помѣщенія на выставкѣ, различные предметы этнографическаго и археологическаго значенія, но и командировали на конгрессъ типическихъ представителей вѣкоторыхъ азіатскихъ народностей. Устройствомъ выставки завѣдывалъ П. И. Лерхъ.

Наконецъ, организаціоннымъ комитетомъ выработанъ былъ рядъ вопросовъ (въ числѣ 38), которые имѣли быть предложены на обсужденіе конгресса.

Торжественное открытіе третьяго междунаго конгресса ориенталистовъ послѣдовало 20-го августа, въ 1¹/₂ часа, въ большой залѣ С.-Петербургскаго университета. Конгрессъ былъ открытъ предсѣдателемъ организаціоннаго комитета слѣдующею рѣчью на французскомъ языкѣ: „Тсущее время, должно признаться, далеко неблагопріятно для научныхъ занятій: міры европейскій и азіатскій, обуреваемые политическими и религіозными страстями, паходятся въ сильномъ волненіи; всюду кипитъ скрытое раздраженіе. Племя вооружается противъ племени, вѣра возстаетъ противъ вѣры, и въ мѣстностяхъ, гдѣ уже началась война, битва превращается въ бойню. Печальное зрѣлище, доказывающее, что отъ насъ еще очень далеко то благословенное будущее, когда все человѣчество будетъ единымъ стадомъ Единаго Пастыря. Не должно, однакожь, отчаиваться въ этомъ благословенномъ будущемъ. Даже теперь, среди разъяреннаго моря разнуданныхъ страстей, есть одно спокойное убѣжище, куда не смѣютъ проникать страсти, убѣжище, дающее намъ утѣшительную

надежду на болѣе счастливую судьбу. Это убѣжище — наука, и въ этомъ у насъ предъ глазами блестящее доказательство: въ этой залѣ представители нѣсколькихъ соперничающихъ народностей соединяются въ братскомъ обществѣ, имѣющемъ одну, равно дорогую для всѣхъ цѣль—исканіе истины, и употребляющемъ для ея достиженія одно оружіе—мирный, усидчивый трудъ:

Die langsam schafft, doch nie zerstört,

сказалъ великій нѣмецкій поэтъ. Итакъ, мм. гг., мы почитаемъ за счастье встрѣтить васъ, какъ возлюбленныхъ братьевъ. Мы привѣтствуемъ, господа, вашъ пріѣздъ, какъ одно изъ самыхъ утѣшительныхъ для человѣчества предзнаменованій. Сердечно благодаримъ васъ за труды, понесенные вами на пути въ наше отдаленное отечество, и надѣмся, что на мирныхъ берегахъ Невы наши препія и научныя состязанія будутъ имѣть своимъ результатомъ лишь большее скрѣпленіе благородныхъ узъ, соединяющихъ всѣ умы, предавшіе изысканію истины (*рукопесканія*). Зданіе, подъ кровомъ котораго мы собрались, есть одно изъ древнѣйшихъ въ С.-Петербургѣ: оно сооружено, можно сказать, собственными руками Петра Великаго, создатели современной Россіи. Надъ нами царитъ священная тѣнь великаго Государя, который ввелъ насъ въ великую семью западныхъ народовъ, впервые положилъ въ насъ основы европейской культуры и питалъ къ наукѣ столь великое и столь пскрепнсе уваженіе, что на основаніи только одной науки онъ желалъ утвердить величіе и благосостояніе Россіи. Начнемъ же наши труды подъ этими добрыми предзнаменованіями,—и тогда труды эти останутся не безплодными для науки и не бесполезными для человѣчества“.

На эту рѣчь отвѣчалъ делегатъ французскаго правительства, г. Ш. Шеферъ, отъ имени всѣхъ иностранныхъ членовъ конгресса. Выразивъ общую признательность иностранннхъ ученыхъ за то радушное гостепрїимство, съ какимъ они были приняты въ Россіи, онъ присовокупилъ: „Мы знаемъ, что въ теченіе полутора ста лѣтъ Русскіе государи съ неизмѣнною щедростью поощряли науки, имѣющія своимъ предметомъ языки, географію и исторію азійскихъ странъ. Этими щедротами не былъ обдѣленъ и организаціонный комитетъ: намъ предоставлено собрать ихъ плоды, и мы просимъ васъ, г. предсѣдатель, быть истолкователемъ нашей почтительной и живой признательности“.

Послѣ этого обмѣна привѣтствій барономъ Э. Р. Остенъ-Сакенъ

номъ былъ прочитанъ докладъ, о запитяхъ организаціоннаго комитета, а затѣмъ приступлено къ образованію бюро конгресса. Предложенный съ этою цѣлью предварительный списокъ кандидатовъ на должности предсѣдателей и вице-предсѣдателей утвержденъ единогласно. Были избраны: предсѣдателемъ конгресса—В. В. Григорьевъ; предсѣдателями отдѣленій: 1) Сибирскаго—В. П. Васильевъ, 2) Средне-азіатскаго—г. Ш. Шеферъ, 3) Кавказскаго—М. А. Гамазовъ, 4) Закавказскаго—К. П. Паткановъ, 5) крайняго Востока—г. Л. де-Рони (de Rosny), 6) Индѣйскаго—делегатъ голландскаго правительства, г. А. Кернъ, 7) Турецкаго—делегатъ турецкаго правительства, Ахмедъ-Вефикъ-эфенди, 8) археологіи и нумизматики—г. Ж. Оппертъ, и 9) религіозныхъ и философскихъ ученій Востока—делегатъ англійскаго правительства, г. Р. Дугласъ; товарищами предсѣдателей отдѣленій: Сибирскаго—А. П. Словцовъ и К. О. Нейманъ, Средне-азіатскаго—делегатъ голландскаго правительства, г. Ж. де-Гуэ (de Goeje), и В. В. Вельяминовъ-Зерповъ, Кавказскаго—делегатъ англійскихъ обществъ: библейскаго, антропологическаго и филологическаго г. Р. Кюстъ, и А. П. Берже, Закавказскаго—членъ Лондонскаго географическаго общества, Ф. К. Г. Кларкъ и г. Иствикъ, крайняго Востока—Н. И. Захаровъ и профессоръ Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ г. В. Лагусъ, Индѣйскаго—г. Э. Заху и К. А. Коссовичъ, Турецкаго—г. У. Райтъ (W. Wright), археологіи—В. Е. Тизенгаузенъ и делегатъ Саксенъ-Веймарскій и Турингскихъ герцогствъ г. С. Штикель, и религіозныхъ ученій—делегатъ италіанскаго правительства, г. А. де-Губернатисъ, и делегатъ Оксфордскаго университета г. Т. Ченери (Th. Cheneri); секретаремъ конгресса—баронъ Э. Р. Остенъ-Сакенъ, и его помощникомъ—баронъ В. Р. Розенъ¹⁾.

Засѣданіе заключилъ г. Григорьевъ нѣсколькими словами благодарности за избраніе его предсѣдателемъ, которое—какъ онъ выразился—онъ не можетъ приписать своимъ личнымъ заслугамъ, но въ которомъ видятъ выраженіе уваженія къ трудамъ русскаго ориентализма.

Ученныя засѣданія конгресса начались съ 21-го августа и про-

¹⁾ Въ послѣдствіи въ составъ секретаріата вошли еще: делегатъ французскаго правительства г. Р. Деранбуръ (Derembourg), членъ Лондонскаго географическаго общества г. Дельмаръ-Морганъ, г. Іоанниди, В. Д. Смирновъ, В. В. Чарыковъ и М. А. Терентьевъ.

должались по 28-е включительно, происходя частію утромъ, частію же вечеромъ, а иногда и по два раза въ день.

21-го августа утромъ происходило засѣданіе, посвященное Средней Азіи. По открытіи собранія первое слово предоставлено было г. Захау, который представилъ собранію первый выпускъ своего изданія „Хронологія восточныхъ народовъ“ (Chronologie orientalischer Völker), составленной эль-Бируни, и по этому поводу сообщилъ нѣсколько подробностей о знаменитомъ арабскомъ ученомъ, которому принадлежитъ этотъ трудъ.

Затѣмъ В. В. Чарыковъ изложилъ содержаніе своего мемуара о путешествіи въ Узбекистанъ, совершенномъ въ 1669—1672 годахъ посланцомъ царя Алексѣя Михайловича В. А. Пазухинимъ. Онъ успѣлъ проикнуть въ Хиву, Бухару и Балхъ, и составленный имъ статейный списокъ заключаетъ въ себѣ подробный дорожникъ его пути, затѣмъ свѣдѣнія объ экономическомъ и социальномъ положеніи посѣщенныхъ областей и о торгонтѣ русскими невольниками въ Хивѣ, описаніе аудіенцій Пазухина у Хивинскаго хана и Бухарскаго эмира и пр. Донесеніе Пазухина извлечено изъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ вообще хранится весьма богатый запасъ важныхъ документовъ, могущихъ пролить свѣтъ на исторію азіятскихъ народовъ въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ.

Послѣ этого сообщенія англійскій священникъ г. Лонгъ представилъ для напечатанія въ трудахъ конгресса свою записку объ Арійскомъ племени, а г. Макнамара — записку о движеніи холеры изъ Индіи въ Европу, объ на англійскомъ языкѣ.

Далѣе слово дано было г. Опперту. Его сообщеніе касалось тѣхъ не арійскихъ и не семитическихъ языковъ, слѣды коихъ встрѣчаются въ клинообразныхъ надписяхъ. По мнѣнію г. Опперта, въ Иранѣ существовало нѣкогда особое племя, не арійское и не семитическое, которое можетъ быть названо Сузо-Мидійскимъ. Оно цѣлыя вѣка господствовало въ Иранѣ и Хузистанѣ прежде арійскаго господства Персовъ. Одинъ изъ языковъ этого племени—мидійскій; онъ встрѣчается во второмъ разрядѣ Ахеменидскихъ надписей; другой языкъ того же племени употреблялся въ Сузіанѣ, и слѣды его простираются въ періодъ времени отъ 2300 до 560 года до Р. Х. Г. Оппертъ указалъ на отличительные признаки сузо-мидійской группы языковъ, сдѣлалъ о нихъ обстоятельныя грамматическія замѣчанія и прочелъ нѣсколько переводовъ изъ надписей Сузскаго царя Сутрукъ-

Нахунта и его преемниковъ Силгакъ-Кудуръ-Нахарта и Ундасъ-Армана.

Затѣмъ на обсужденіе собранія предложено было девять вопросовъ программы по части Средней Азіи; изъ нихъ даны были объясненія по слѣдующимъ:

(№ 4 программы). „Существовалъ ли до Чингисъ-хана родъ или народъ, носившій имя *Монголовъ*, или *Момоль* есть только династическое названіе, принятое Чингисомъ для основаннаго имъ государства?“

По этому предмету представлена конгрессу записка г. маіора Раверти (изъ Индіи), отсутствующаго, и кромѣ того, дано объясненіе г. Гоуртомъ (Howorth). Для исторіи Монголовъ, сказалъ онъ, — существуютъ два разряда источниковъ—персидскіе и китайскіе. Персы впервые узнали о Монголахъ во время Чингисъ-Хана. Внукъ Гулагу, внука Чингисъ-Ханова, поручилъ Персіянину Рашидъ-эддину написать исторію Монголовъ; Рашидъ писалъ въ XV вѣкѣ, и стало бытъ, могъ знать очень немногое о Монголахъ до временъ Чингисъ-хана: разборъ извѣстій Рашида и другихъ персидскихъ писателей и предложенъ г. Раверти. Что касается китайскихъ источниковъ, то на основаніи ихъ писалъ о происхожденіи Монголовъ берлинскій ученый Шоттъ; изъ китайскихъ историковъ Кина и Китана видно, что названіе Монголь принадлежало племени Шивеи, обитавшему на границахъ Китая. Вопреки мнѣнію В. П. Васильева, полагающаго, что названіе Монгули и Монгу у названныхъ китайскихъ историковъ относится къ Маньчжурамъ и Тунгусамъ, г. Гоуртъ находитъ у Кина и Китана такія свѣдѣнія, которыя могутъ быть относимы только къ народу, позднѣе являющемуся подъ именемъ Монголовъ. Санангъ-Сеценъ говоритъ, что имя это даво имъ Чингисъ-Ханомъ, но и на этого писателя нельзя полагаться въ извѣстіяхъ, заходящихъ глубже XV вѣка: для этой древней эпохи заслуживаютъ довѣрія только свѣдѣнія Китайцевъ.

(№ 18). „Смысль, въ какомъ употребляются теперь европейскими учеными термины *Туранъ*, *туранскій*, соотвѣтствуетъ ли тому, какой имѣли эти термины у древнихъ Персовъ? Не употреблялось ли послѣднимъ слово Туранъ какъ терминъ чисто-географической, съ которымъ не соединялось никакого представленія объ этнографической противоположности Туранскаго населенія съ Иранскимъ?“

(№ 19). „Съ какихъ поръ народы, причисляемые къ Туранскому

племени, въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, стали занимать пространство Средней Азіи на югъ отъ Тянь-шаня? Не населяли ли до того этихъ пространствъ исключительно народы Индо-Европейской семьи (предки Кельтовъ, Германцевъ, Славянъ и т. д.)?”

По этимъ вопросамъ В. В. Григорьевъ представилъ слѣдующія соображенія: Часто случается, что научному термину придается значеніе недостаточно обоснованное, порождающее новую путаницу понятій. Это случилось и съ терминами *Туранъ* и *туранскій*. Персы называли Тураномъ страну, лежащую на сѣверъ отъ Аму-Дарьи, а Ираномъ — страну на югъ отъ этой рѣки. Въ наше время страны на сѣверъ отъ Аму населены народами, кои говорятъ тюркскими нарѣчіями; этотъ фактъ подалъ поводъ къ ошибочному заключенію, что страны тѣ ископи были обитаемы Тюркскими племенами, а слѣдовательно, и Туранъ древнихъ Персовъ былъ страной тюркскою. Но изъ китайскихъ источниковъ видно, что Хива, Бухара, Коканъ и Восточный Туркестанъ были въ древности населены народами, совершенно отличными отъ Тюрковъ, и которыхъ мы называемъ Аріицами. Къ какому же семейству Аріицевъ принадлежали эти народы? Нѣкоторые ученые, и въ томъ числѣ ученый археологъ П. И. Лерхъ, признаютъ, что то была раса, говорившая по персидски; г. же Григорьевъ полагаетъ, что это были предки Славянъ, Германцевъ и Литовцевъ. Только изъ Средней Азіи народы эти могли прійти въ Европу. Неточное употребленіе терминовъ *Туранъ* и *туранскій* происходитъ отъ того, что лингвисты имѣли всегда недостаточныя познанія въ исторіи, а историки, на оборотъ, были мало знакомы съ лингвистикою.

(№ 21). „Гдѣ доказательство, что Мавераннагръ въ концѣ X вѣка по Р. Х. отпять былъ у Саманидовъ ханами Уйгуровъ (какъ принято это вообще въ Европѣ), а не какого-либо другаго тюркскаго народа, и не были ли такимъ народомъ именно Харалухи?“

Сообщеніе по этому вопросу также принадлежало В. В. Григорьеву. По его мнѣнію, и въ настоящемъ случаѣ мы встрѣчаемся съ научнымъ выраженіемъ, недостаточно обоснованнымъ. Уйгуры — народъ, о которомъ говорятъ, не имѣя точнаго о немъ понятія. Существовалъ дѣйствительно народъ этого имени, жившій на восточной оконечности Тянь-шаня. Въ настоящее время, какъ мы знаемъ, эти страны населены мусульманами, говорящими на какомъ-то тюркскомъ нарѣчій; къ какой группѣ тюркскихъ языковъ принадлежитъ оно — это могъ бы опредѣлить только ученый ориенталистъ, но ни одинъ изъ нихъ

не проникалъ еще доселѣ въ древнюю Уйгурию. Во всѣхъ сочиненіяхъ западныхъ ученыхъ о Средней Азіи упоминается, что Мавераннагръ, находившійся подѣ владычествомъ Саманидовъ, въ концѣ X вѣка былъ завоеванъ Тюрками-Уйгурами. Изъ мусульманскихъ источниковъ—единственныхъ, тракующихъ объ этомъ времени,—видно, что Мавераннагръ былъ завоеванъ именно Тюрками, населявшими Кашгаръ и Баласагунъ; а въ этихъ же самыхъ странахъ, по свидѣтельству тѣхъ же арабскихъ источниковъ, господствовалъ тюркскій народъ, называемый Харлухами. Такимъ образомъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія приписывать Уйгурамъ то, что было совершено Харлухами; это все равно, какъ еслибы Полякамъ приписали победы, одержанныя Русскими надъ Монголами.

(№ 22). „Путешествіе по тюркскимъ странамъ (а затѣмъ и по Индіи), описанное на арабскомъ языкѣ въ брошюрѣ „Рисалатъ Абу-Долефъ“, точно ли совершено было въ дѣйствительности, и точно ли Рисалатъ этотъ принадлежитъ арабскому стихотворцу X вѣка Абу-Долефу-Мисару-ибнъ-Мугальчилъ? Или Рисалатъ этотъ—компиляція, составленная вѣмъ-то по устнымъ преданіямъ разныхъ лицъ и лишь для приданія ей авторитета приписанная Абу-Долефу, который, можетъ быть, странствовалъ по Индіи и Средней Азіи, но не оставилъ описанія своихъ странствованій?“

И на этотъ вопросъ отвѣтъ также принадлежалъ В. В. Григорьеву. Въ объясненіяхъ своихъ онъ повторилъ то же мнѣніе, которое было уже высказано имъ печатно въ 1872 году ¹⁾, и по которому „Рисалатъ Абу-Долефъ“ есть не болѣе какъ компиляція, составленная неизвѣстнымъ лицомъ и содержащая въ себѣ много свѣдѣній неточныхъ ²⁾.

¹⁾ См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1872 г., № 9.

²⁾ Остальные четыре вопроса программы по Средней Азіи, прочитанные въ этомъ засѣданіи, суть слѣдующіе: (№ 3). «Видимъ, что почти каждый основатель новой степной монархіи въ Средней Азіи даетъ своимъ подданнымъ кодексъ законовъ: какія были тому причины при извѣстномъ однообразіи степныхъ обычаевъ и образа жизни, и съ какою цѣлью дѣлались такіа кодификаціи?»—(№ 5). «Гдѣ доказательства, что извѣстныя въ Европѣ тюркскія рукописи, писанныя *уйгурскими* письменами, писаны—какъ принято думать—на языкѣ Уйгуровъ, тогда какъ въ періодъ, къ которому рукописи принадлежатъ, уйгурское письмо было въ употребленіи и у другихъ тюркскихъ народовъ?»—(№ 6). «На сколько свѣдѣнія о годовыхъ праздникахъ въ Восточномъ и Западномъ Туркестанѣ, встречающіяся въ китайскихъ династическихъ исторіяхъ, согласуются съ извѣстіями эль-Вируни о календаряхъ хоразмійскомъ и согдійскомъ (а от-

По окончаніи изложенныхъ сообщеній, г. Л. де-Рови представилъ два первые тома трудовъ перваго международнаго конгресса ориенталистовъ въ Парижѣ, О. А. Федченко — альбомъ литографированныхъ видовъ, исполненныхъ ею во время путешествія ея, вмѣстѣ съ покойнымъ супругомъ ея А. П. Федченко, въ Бухару и Кокань съ 1868 по 1871 годъ, и В. В. Чарыковъ — толковый каталогъ хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ документовъ о сношеніяхъ Россіи съ азіатскими государствами съ XV по XVIII вѣкъ включительно; трудъ этотъ, исполненный подъ руководствомъ директора архива, барона Э. А. Бюлера, рекомендованъ председателемъ особому вниманію собранія.

Послѣ этихъ небольшихъ докладовъ возбужденъ былъ вопросъ, относящійся къ организаци конгресса. По статьѣ 16-й устава конгресса всѣ словесныя сообщенія могутъ быть дѣлаемы или на французскомъ языкѣ, или на языкѣ той страны, гдѣ конгрессъ собрался. В. В. Григорьевъ предложилъ допустить на С.-Петербургскомъ съѣздѣ употребленіе и другихъ европейскихъ языковъ. Конгрессъ выразилъ на то свое согласіе, и вслѣдъ затѣмъ г. Лонгъ, прочелъ свою вышеупомянутую записку на англійскомъ языкѣ — объ Арійскомъ племени, его происхожденіи въ Средней Азійи и переселеніи въ Европу и Индію. Содержаніе этого мемуара состоитъ въ слѣдующемъ: Русскіе и англійскіе члены конгресса принадлежатъ къ одному и тому же племени, переселившемуся, 5000 лѣтъ тому назадъ, изъ Средней Азійи въ Европу и Индію. Съ тѣхъ поръ, какъ почти одновременно были основаны Петербургъ и Калькутта, границы русскихъ и британскихъ владѣній въ Азійи постепенно сближались, и нынѣ, къ счастью человечества, находятся на разстояніи не болѣе 300 миль между собою. Единство происхожденія и интересовъ Русскихъ и Англичанъ да возбуждаютъ въ обѣихъ націяхъ соревнованіе въ дѣлѣ распространенія свѣта мира и религіи въ странахъ, бывшихъ колыбелью ихъ собственныхъ предковъ! Затѣмъ г. Лонгъ предложилъ вниманію кон-

части—и тохарестанскомъ), и на сколько эти послѣдніе календари отличаются отъ персидскаго, какъ древняго, время Ахеменидовъ, такъ и позднѣйшаго, времени Сассанидовъ?—(№ 7). «Что намъ извѣстно о согдійскихъ письменахъ? На какихъ памятникахъ сохранились они? Есть ли возможность опредѣлить, хотя приблизительно, эпоху введенія ихъ въ страны по правому берегу Окса? По первымъ тремъ изъ этихъ вопросовъ вовсе не послѣдовало сужденій, а по послѣднему П. И. Лерхъ обѣщавъ дать отвѣтъ въ засѣданіи отдѣленія археологическаго и нумизматическаго.

гресса 13 вопросовъ, рѣшеніе которыхъ представляетъ большія трудности, но которые могли бы значительно разъясниться вслѣдствіе новыхъ открытій въ Египтѣ, Ассиріи и пр., и особенно при совокупныхъ усиліяхъ русскихъ и англійскихъ ученыхъ. Вопросы эти суть слѣдующіе: 1) изъ какой средне-азіатской страны вышли Арійцы? 2) въ какое время? 3) сколько времени они тамъ были? 4) какія были причины ихъ выселенія? 5) какимъ путемъ они шли въ Европу и Индію? 6) какіе предѣлы имѣли страны, занятія ими въ Средней Азіи? 7) по прибытіи ихъ въ Индію, какая часть этой страны была занимаема Туранскими и туземными племенами? 8) предшествовала ли арійская цивилизація цивилизаціямъ ассирійской и египетской, и не было ли между ними связи? 9) какой народъ первымъ пришелъ въ Европу: Греки или Этруски? 10) вскорѣ ли за ними пришли Кельты? 11) послѣдними ли оставили свое общее отечество Славяне? 12) Индусы (Арійцы) пришли ли въ Индію черезъ Гинду-Кушъ? 13) какіе слѣды остались отъ арійскаго переселенія въ бассейны Окса, морей Каспійскаго и Чернаго, на Кавказъ и на Дунай?

Въ заключеніе засѣданія г. Шеферъ обратилъ вниманіе конгресса на вопросъ объ изданіи арабскаго подлинника „Всеобщей Исторіи Табари (X в.) „Ученый міръ“, сказалъ г. Шеферъ, — „давно ожидаетъ этого изданія, настоятельная необходимость котораго вполне сознается вслѣдствіе великой важности этого сочиненія для исторіи обширной части мусульманской Азіи и восточной Европы. Но дѣло это не по силамъ одному ученому или даже цѣлому кружку ученыхъ, такъ какъ сочиненіе Табари должно составить до 20 печатныхъ томовъ и потому потребуетъ значительныхъ издержекъ. Тѣмъ не менѣе изданіе Табари мужественно предпринимается голландскимъ ученымъ г. де-Гус. Предпріятіе это уже встрѣтило очень сочувственный пріемъ въ Петербургѣ; я же предлагаю теперь конгрессу ходатайствовать предъ Императорскимъ Правительствомъ о благосклонной поддержкѣ этого изданія столь высокаго научнаго значенія“. Предложеніе это было принято собраніемъ съ полнымъ сочувствіемъ.

Вечернее засѣданіе 21-го августа было посвящено Кавказу. Оно открылось чтеніемъ только что полученнаго письма г. Э. Ренана, который выражаетъ въ немъ сожалѣніе, что не можетъ принять участіе въ занятіяхъ конгресса. Затѣмъ, въ этомъ засѣданіи два сообщенія были сдѣланы А. П. Берже, и одно — В. В. Григорьевымъ. Г. Берже представилъ рядъ изустныхъ объясненій къ кавказскому отдѣлу выставки. Онъ сказалъ нѣсколько словъ о народной промыш-

ленности на Кавказѣ и объ этнографическихъ предметахъ, выставленныхъ въ кавказскомъ отдѣлѣ. При подборѣ этихъ предметовъ, объяснилъ онъ, — имѣлось въ виду представить такіе, которые сохранили свой самобытный характеръ и не подверглись европейскому вліянію. Таковы въ особенности шелковыя и шерстяныя ткани и мѣдные сосуды; первыя суть мѣстное издѣліе мусульманскихъ населеній Кавказа и отличаются прочностью, гармоніей цвѣтовъ и оригинальностью узора, который всегда составляется изъ ломаныхъ линий; что касается мѣдныхъ сосудовъ, то они сохранили издревле свою форму, и какъ въ этомъ отношеніи, такъ и по украшающимъ ихъ узорамъ, суть произведенія иранскаго духа; мусульманскій обычай омовеній былъ причиною развитія искусства ихъ выдѣлки.

Сообщеніе В. В. Григорьева касалось значенія термина „Кавказское племя“. Терминъ этотъ, сказалъ онъ, — весьма распространенъ въ этнографіи, благодаря Блуменбаху; но онъ породилъ ошибочное мнѣніе, что народы, такъ называемые, вышли съ Кавказа. Между тѣмъ Блуменбахъ избралъ этотъ терминъ только потому, что совершеннѣйшимъ типомъ этой расы въ его краниологической коллекціи былъ черепъ Черкешенки. Кавказъ потому уже не могъ быть колыбелью какого-нибудь народа, что только народы угнетаемые ищутъ убѣжища въ горахъ. По этой причинѣ именно въ горахъ и слѣдуетъ искать остатковъ племенъ исчезающихъ: таковы, напримѣръ, Баски и Албанцы. Но если, такимъ образомъ, Кавказъ не былъ колыбелью Кавказскаго племени, то гдѣ жь его первоначальная родина? Всѣ пынѣшія европейскія народности могли выйти изъ Средней Азіи или черезъ Малую Азію и Греческій архипелагъ, минуя Кавказъ съ юга, или обходя его съ сѣвера. Индо-Европейское племя пришло въ Европу не съ Кавказа, но изъ Средней Азіи, оставивъ Кавказъ въ сторонѣ. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ драгоцѣпныя указанія, основанныя на свидѣльствѣ Геродота. Греческій историкъ дѣйствительно разказываетъ, что за два вѣка до его времени Скиѣи изгнали Киммеріянъ изъ странъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Каспійскаго моря, а въ V вѣкѣ они уже занимали все сѣверное побережье Чернаго моря. Имя Скиѣовъ тутъ скоро замѣнилось именемъ Сарматовъ, также пришедшихъ съ сѣверной стороны Каспійскаго моря. Сарматы, въ свою очередь, уступили мѣсто Аланамъ, которые, слѣдуетъ думать, были послѣднимъ изъ Индо-Европейскихъ народовъ, пришедшихъ изъ Азіи. По мѣрѣ того, какъ Арійскіе народы покидали Азію, ихъ мѣста занимали народы Тюркскіе. Впрочемъ, не всѣ Аріицы ушли изъ

Средней Азии: аборигены Западнаго Туркестана еще доселѣ говорятъ на персидскомъ языкѣ, который даже въ Восточномъ Туркестанѣ уступилъ мѣсто тюркскимъ нарѣчіямъ только въ эпоху болѣе позднюю; съ точки же зрѣнія антропологической племи, населяющее эту страну, остается Арійскимъ.

Въ утреннемъ засѣданіи 23-го августа трактовались вопросы, касающіеся Аравіи, и вообще Семитическаго племени, а также Турціи.

А. Я. Гаркави внесъ докладъ объ одномъ свидѣтельствѣ Масуди касательно древней исторіи Славянъ. Этотъ писатель первый сообщилъ, что Славяне были пѣкогда соединены подъ властію одного царя, по имени Маджекъ (въ вариантахъ: Магакъ, Мага и проч.), происходившаго изъ племени Велинана, и что въ послѣдствіи они раздѣлились. Извѣстіе это перешло и къ другимъ арабскимъ писателямъ. Многіе европейскіе ученые занимались его изтолкованіемъ; по мнѣнію же г. Гаркави, оно можетъ быть правильно объяснено только въ томъ случаѣ, если мы обратимся къ источникамъ, изъ которыхъ черпалъ Масуди. Такъ какъ извѣстно, что часть свѣдѣній Масуди основана на сочиненіяхъ эль-Хоррами, который былъ въ плѣну у Византійцевъ и описалъ Византійскую имперію въ особой, извѣстной Масуди, части своего сочиненія, то и слѣдуетъ обратиться къ византійскимъ авторамъ того времени; изъ послѣднихъ же многіе говорятъ о войнѣ между Византійцами и Славянами и о пораженіи, послѣ долгой борьбы, одного славянскаго вождя, по имени Музокъ, котораго Славяне называли царемъ. Это событіе, нѣсколько украшенное въ повѣствованіи византійскаго патріота или въ славянскомъ преданіи, вѣроятно, и послужило основою для разказа арабскаго писателя. Арабское названіе Славянскаго царя Маджекъ вполне соотвѣтствуетъ Музоку Византійцевъ и славянскому *музскъ*, уменьшительному отъ *музь*. Быть можетъ, эль-Хоррами былъ и въ прямыхъ сношеніяхъ со Славянами въ Константинополѣ: на это можетъ указывать названіе племени, надъ коимъ царствовалъ Маджекъ. Какъ Германцы, такъ и Славяне, называли, между прочимъ, римскихъ колонистовъ въ Давіи Влахами или Волохами; это названіе легко могло измѣниться въ арабскомъ письмѣ въ Велинана.

Г. Дарапуръ представилъ первые листки двухъ издаваемыхъ имъ арабскихъ сочиненій, съ французскимъ переводомъ. Первое есть собраніе мелкихъ произведеній Абул-валидъ ибнъ-Джалпа изъ Кордовы, а второе—„Китабъ“, обширный граматическій трактатъ Сибаванги, сочиненный въ II вѣкѣ Геджиры. При печатаніи послѣдняго сочи-

ненія г. Даранбуръ пользовался, между прочимъ, двумя петербургскими рукописями — изъ Публичной бібліотеки и азійскаго музея Академіи Наукъ; упомянувъ о томъ, онъ счелъ долгомъ выразить признательность русскому правительству за готовность, съ какою оно предоставляет сокровища своихъ общественныхъ хранилищъ въ распоряженіе ученыхъ.

Затѣмъ, послѣ представленія записки г. Ягеля о XXII-й египетской династіи, г. Гоуртъ представилъ конгрессу свой мемуаръ о Хазарахъ на англійскомъ языкѣ и изустно изложилъ его содержаніе, которое состоитъ въ слѣдующемъ: До выхода въ свѣтъ сочиненія Френа „De Chazaris excerpta“, Хазары признавались за Тюрковъ, на основаніи свидѣтельствъ византійскихъ и нѣкоторыхъ арабскихъ писателей, между прочимъ — Истахри, переведеннаго Оуслеемъ. Но Френъ доказалъ, что Оуслей ошибся. По свидѣтельствамъ Масуди, Якута и Ибнъ-Гаукаля, Хазары говорили на языкѣ, совершенно отличномъ отъ персидскаго и турецкаго; эти же три писателя извлекли свои свѣдѣнія изъ донесенія Ибнъ-Фодлана, который былъ посланъ халифомъ въ Камскую Болгарію и былъ въ землѣ Хазарской. Изданіемъ въ свѣтъ этихъ извлеченій изъ Ибнъ-Фодлана Френъ произвелъ полный переворотъ во мнѣніяхъ ученыхъ; даже Клапротъ измѣнилъ свои заключенія по этому предмету; послѣдующіе писатели, каковы: Вивьенъ де Сэнъ-Мартэнъ, Тьерри и др., принимали мнѣніе, что Хазары принадлежали къ одному племени съ Гуннами и Аварями, то-есть, къ племени Угорскому. Но г. Гоуртъ возвращается къ прежнему мнѣнію и въ подкрѣпленіе того, что Хазары были Тюркскаго племени, приводитъ слѣдующія основанія: 1) Титулы у Хазаръ, какъ-то „хаканъ“, „бегъ“, и проч., всѣ имѣютъ тюркское значеніе. 2) Между кочевыми древними жителями южной Россіи Хазары были единственнымъ еврейскимъ племенемъ, и имена, встрѣчающіяся на караимскихъ надгробныхъ памятникахъ, суть, безъ сомнѣнія, имена хазарскія. 3) Арабскіе писатели говорятъ о Кара-Хазарахъ; слово *кара* по турецки значитъ черпый; поэтому Юриандовы *Asatzigi* должны, по видимому, означать Акъ-Хазаровъ. Несторъ также различаетъ Угровъ на Бѣлыхъ и Черныхъ. 4) Въ древности Волга называлась Ра; послѣ же хазарскаго господства она получила названіе Итиль, что по турецки значитъ рѣка. Константинъ Багрянородный говоритъ, что хазарскій городъ Сакель значитъ бѣлый домъ: *киль* значитъ домъ по чувашски, а у Ногайцевъ, Кумыковъ и Кизильбашей означаетъ крѣпость; *Саръ* или *Сари* верѣдко входитъ въ составъ туземныхъ

словъ, какъ напримѣръ: Сари-су, Сари-булакъ, и пр. 5) Хазаровъ смѣнили Куманы, отъ коихъ происходитъ Кумыки, народъ тюркскій; одно изъ племенъ у Кумыковъ называется допынѣ Хедшеръ. 6) Абуль-гази сообщаетъ, что одно туркменское племя, жившее при его отцѣ на старомъ руслѣ Окса, называлось Хизръ. 7) Часть крымскихъ Евреевъ-бараймовъ повынѣ зовется Хазаръ. 8) По сохранившимся извѣстіямъ, управленіе и обычаи у Хазаръ были почти тождественны съ турецкими. 9) Наконецъ, византійскіе писатели Теофанъ и Апастасій постоянно называютъ Хазаръ Турками.

Г. де-Гуе прочелъ записку объ одной арабской рукописи Кембриджской библіотеки, содержащей въ себѣ исторію Абассидовъ, сочиненія эль-Икуби. Произведенію это до сихъ поръ не издано, а между тѣмъ оно имѣетъ важное научное значеніе.

Затѣмъ В. Д. Смирновъ сдѣлалъ сообщеніе объ одной турецкой рукописи изъ библіотеки С.-Петербургскаго университета. Рукопись эта, кромѣ турецкаго заглавія, имѣетъ еще русское: „Мнооологія азійскихъ народовъ“. Къ сожалѣнію, рукопись не полна и безъ даты; но по нѣкоторымъ признакамъ г. Смирновъ относитъ ее къ XVIII вѣку. Она написана на старо-турецкомъ языкѣ и содержитъ въ себѣ рядъ эпическихъ разказовъ, которые въ сущности являются лишь подражаніемъ Шахъ-Намэ и тому подобныхъ мусульманскихъ сказаній. Въ рукописи упоминается много собственныхъ именъ, и между прочимъ Ильи-шаха, которое весьма замѣчательно по созвучію съ именемъ русскаго богатыря Ильи-Муромца. Если сравнить этихъ двухъ эпическихъ героевъ, то между ними не окажется ничего общаго; Ильи-шахъ есть царь Арабскій; онъ живетъ въ Багдадѣ, и Саломонъ зоветъ его своимъ дидей; онъ играетъ, кажется, совершенно пассивную роль, совсѣмъ противоположную съ дѣятельностію русскаго богатыря. Такъ какъ въ рукописи много именъ библейскаго происхожденія, то можно бы предположить, что имя Ильи-шаха замѣняетъ Илію пророка. Но, во первыхъ, библейскія имена воспроизведены въ рукописи въ очень точной формѣ, и вторыхъ, въ ней упоминается Хидръ, съ коимъ мусульмане отождествляютъ пророка Илію. Равнымъ образомъ, имени Ильи-шаха нельзя приписывать и географическаго происхожденія. Съ другой стороны, нельзя объяснить и простою случайностію появленіе имени „Илья“ въ турецкомъ памятникѣ, такъ какъ въ той же рукописи встрѣчается имя „Картусъ“, въ которомъ нельзя не признать видоизмѣненной и переходной формы имени „Кей-Каусъ“, превратившагося въ народныхъ русскихъ произве-

деніяхъ въ „Картаусъ“ и „Картавусъ“. Подобный, хотя и единичный, фактъ наводитъ г. Смирнова на мысль, что это имя не есть исключительная принадлежность русской эпической поэзіи, и что имя русскаго богатыря не явилось одповременно съ появленіемъ самой былины.

Послѣ этого сообщенія г. Захау представилъ свой, совмѣстный съ г. I. Голечкомъ, трудъ: „Eine Berechnung der Entfernung des Sonnen-Apogaeums von dem Frühlingspunkte bei Albiruni“ и по этому поводу распространился о великой пользѣ изученія научной литературы Арабовъ для общей исторіи средне-вѣковой образованности.

Г. Муркосъ (изъ Москвы) прочелъ составленную имъ на русскомъ языкѣ записку, подъ заглавіемъ: „Очеркъ нынѣшняго состоянія народнаго образованія въ Сиріи“. Въ этой запискѣ авторъ говоритъ о двойственномъ направленіи литературы у туземныхъ арабскихъ населеній, происходящемъ отъ совмѣстнаго существованія двухъ господствующихъ религій: чувствуется замѣтное различіе между консерватизмомъ мусульманскихъ жителей и расположеніемъ къ Европѣ христіанъ. Упомянувъ затѣмъ о принимаемыхъ Европейцами и Американцами мѣрахъ къ распространенію просвѣщенія въ Сиріи, авторъ дѣлаетъ очеркъ тамошнихъ школъ, ихъ устройства и употребляемыхъ въ нихъ учебниковъ. Г. Муркосъ въ заключеніе сообщилъ данныя о числѣ школъ въ Сиріи, въ особенности объ училищахъ, устроенныхъ при различныхъ корпораціяхъ. Кромѣ того, онъ представилъ статистическія свѣдѣнія о тамошнихъ ученыхъ и литературныхъ обществахъ, а также о печати и типографіяхъ.

Послѣ этихъ сообщеній собраніе перешло къ обсужденію слѣдующихъ вопросовъ программы, относящихся къ Семитическому племени и Турціи:

(№ 13). „На сколько взаимныя отношенія аравійскихъ колѣнъ во времена, предшествовавшія Магомету, могутъ служить для разъясненія политическаго быта израильскихъ колѣнъ въ періодъ Судей?“

По поводу этого вопроса Д. А. Хвольсонъ указалъ на сходство взаимныхъ отношеній, существовавшее между колѣнами израильскими и арабскими поколѣніями до-Магомстовой эпохи, и настаивалъ на изученіи первыхъ для уразумѣнія послѣднихъ.

Г. Штикель подтвердилъ, съ своей стороны, воззрѣніе г. Хвольсона. Онъ уже примѣнялъ его въ своихъ трудахъ, и именно изученіе огромнаго романа объ Антарѣ дало ему драгоценныя данныя для уразумѣнія многихъ темныхъ мѣстъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Нельзя,

однако, согласиться съ мнѣніемъ г. Хвольсона, что у Израильскаго народа, въ періодъ Судей, не было національнаго чувства: чтобы убѣдиться въ противномъ, достаточно указать на пѣснь Деворры, памятникъ, выдержавшій самыя сильныя нападенія повѣйшей критики.

Это замѣчаніе вызвало, со стороны г. Хвольсона, отвѣтъ, что онъ отнюдь не желалъ отрицать національное чувство у Евреевъ, но утверждалъ только, что оно было мало развито у нихъ.

(№ 15). „Какія именно обстоятельства прекратили вдругъ, въ началѣ XI вѣка, торговлю между мусульманскимъ Востокомъ и сѣверною Европой, процвѣтавшую постоянно въ теченіе VII—X столѣтій?“

В. В. Григорьевъ, давая отвѣтъ на этотъ вопросъ, напомнилъ, что много уже было писано о древней торговлѣ между Среднею Азіей и Европой, производившейся въ средніе вѣка черезъ Россію; но причины ея внезапнаго прекращенія въ XI вѣкѣ все еще не объяснены, хотя вопросъ этотъ интересенъ не только для Русскихъ, но и для другихъ народовъ, живущихъ на берегахъ Балтійскаго моря. Множество восточныхъ монетъ VII—XI вѣковъ, находимыхъ на этомъ пространствѣ, свидѣлствуютъ о широкихъ размѣрахъ этой торговли. Позднѣйшая изъ найденныхъ монетъ относится къ 1011 году, и съ этихъ поръ многовѣковая торговля связи прекращаются. Г. Григорьевъ никогда не могъ найти удовлетворительнаго объясненія этому явленію; но въ послѣднее время г. Хвольсонъ высказалъ предположеніе, имѣющее вѣсъ въ этомъ отношеніи.

Послѣ этого вступленія г. Хвольсонъ самъ разъяснилъ свои соображенія. По его мнѣнію, прекращеніе восточной торговли произошло вслѣдствіе паденія Хазарскаго царства. Хазари, какъ свидѣлствуютъ арабскіе писатели, а также письмо Хазарскаго хакана, жили къ сѣверу отъ Каспійскаго моря, владѣли нижнимъ теченіемъ Волги и защищали устье ея отъ нападений съ запада, то-есть, отъ древнихъ Руссовъ и степныхъ кочевниковъ. Когда же, въ концѣ X вѣка, Святославъ Игоревичъ разрушилъ Хазарское царство, рушилось и благотѣльное вліяніе Хазаръ на торговля отношенія восточной Европы и Средней Азіи.

Г. Григорьевъ представилъ нѣсколько замѣчаній на соображенія г. Хвольсона. Догадка послѣднего, по мнѣнію г. Григорьева, не изчерпываетъ вопроса вполне: на берегахъ Волги и Яика, кромѣ Хазаръ, господство которыхъ было разрушено Руссами, жили и разныя другіе народы, безъ сомнѣнія, враждебныя всякому торговому дви-

женію, а между тѣмъ, въ XVII и XVIII вѣкахъ, цѣлыя караваны безъ затрудненія переходили изъ Хивы и Бухары въ Россію.

По тому же вопросу высказался и г. Гоуартъ: Въ желѣзномъ вѣкѣ, сказалъ онъ, — слѣдуетъ различать три періода; второй изъ нихъ характеризуется присутствіемъ издѣлій изъ золота и византійскихъ монетъ; періодъ этотъ рѣшительно оканчивается, когда Тюркскіе Печенѣги разрываютъ сношенія между Скандинавіей и Византіей: третій періодъ желѣзнаго вѣка отличается множествомъ издѣлій изъ серебра, персидскаго происхожденія, а также куфическихъ монетъ и монетъ мусульманскихъ династій; такіеклады мы находимъ по всѣхъ частяхъ Европы, гдѣ только побывали норманскіе разбойники, начиная отъ береговъ Волги до Ирландіи; берега же Волги были заняты Хазарами, которые, какъ извѣстно, были въ постоянныхъ сношеніяхъ, съ одной стороны, съ Бухарой и Ховарезмомъ, а съ другой — съ Норвегіей. Все пространство отъ Балтійскаго моря до Волги устлано норвежскими курганами съ предметами, свойственными третьему періоду желѣзнаго вѣка, и это несомнѣнно доказываетъ, что Хазары участвовали въ распространеніи этихъ предметовъ.

А. Я. Гаркави также выразилъ согласіе съ догадкою г. Хвольсона, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дополнилъ ее новыми данными. Г. Хвольсонъ находитъ затруднительнымъ объяснить, откуда могли взятъся въ Россіи восточныя монеты, битыя послѣ разрушенія Хазарскаго царства, въ періодъ отъ 969 года по 1011. Но дѣло въ томъ, что по паденіи хазарскаго господства на Волгѣ продолжало еще существовать небольшое Хазарское владѣніе на берегу Чернаго моря, и оно было разрушено Византійцами только въ 1016 году, когда византійскій полководецъ Мопгъ взялъ въ плѣнъ Хазарскаго государя Георгія Цуло и покорилъ его землю.

Въ заключеніе засѣданія, по прочтеніи двухъ вопросовъ программы, которые остались безъ отвѣта со стороны членовъ собранія ¹⁾, баронъ В. Р. Розенъ обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на лекцію восточныхъ монетъ и рукописей, находящуюся въ институтѣ восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и ката-

¹⁾ Вопросы, оставшіеся безъ отвѣта, суть слѣдующіе: (№ 23). «Откуда могли вліяствовать эль-Бируни свои свѣдѣнія о Варяжскомъ морѣ, о которомъ упоминаетъ онъ первый изъ арабскихъ писателей?» — (№ 24). «У извѣстнаго географа арабскаго эль-Бекри, въ объемистомъ сочиненіи его «О странахъ и народахъ», находимъ любопытныя свѣдѣнія о Славянахъ и сосѣднихъ съ ними наро-

логъ которой изготовленъ по случаю конгресса подъ наблюденіемъ М. А. Гамазова.

Въ засѣданіи 23-го августа, вечеромъ, конгрессъ занимался вопросами, относящимися къ крайнему Востоку. Засѣданіе прямо было начато съ чтенія вопросовъ, поставленныхъ программю:

(№ 16). „Къ какому времени относятся древнѣйшія лѣтописи или вообще письменныя историческія сказанія Японцевъ, и на какихъ источникахъ основаны позднѣйшія, извѣстныя намъ, историческія ихъ компіляціи?“

(№ 17). „Долгое существованіе въ Японіи династіи Кіотскихъ микадо, не пользовавшихся никакою политическою властью, и со-вмѣстно съ этою династіею, существованіе нѣсколькихъ династій сіюгуновъ, дѣйствительно правившихъ государствомъ,—есть ли это явленіе, характеризующее только японскую исторію, или встрѣчается оно въ исторіи другихъ средне-азиатскихъ народовъ, какъ резуль-татъ особихъ, свойственныхъ имъ, представленій о „бѣлой“ и „чер-ной“ кости, и какимъ образомъ можно объяснить происхожденіе этихъ представленій?“

Въ отвѣтъ на эти вопросы представлены были двѣ записки г. Маховымъ, и содержаніе ихъ авторъ изложилъ изустно предъ собраніемъ. Относительно лѣтописей г. Маховъ замѣтилъ, что у Японцевъ нѣтъ такихъ памятниковъ большой древности, и что самыя старыя изъ ихъ лѣтописей восходятъ не далѣе VII вѣка. Въ запискѣ по второму вопросу г. Маховъ изложилъ исторически отно-шенія японскихъ микадо и сіюгуновъ.

Къ тѣмъ же предметамъ возвратился и офиціальныи делегатъ Японіи, чрезвычайныи посланникъ и полномочныи министръ при Россійскомъ дворѣ, вице-адмиралъ Эпомото. Онъ заявилъ, что сколько ему извѣстно, два наиболее древнія сочиненія по исторіи Япо-ніи, издавныя по повелѣнію правительства, суть „Нифонъ Кодзюки“ (древняя исторія Японіи), сочиненная при императорѣ Теммеи, около 712 года по Р. Х., и „Нифонъ Шюки“, написанная при императорѣ Теншю, около 720 года. Сверхъ того, существуетъ много произве-

дахъ, извѣстія, передаваемыя со словъ Ибрагима-Ибнъ-Якуба, Еирен, жившаго, по видимому, въ концѣ X вѣка; не встрѣчается ли какихъ-либо свѣдѣній объ этой личности въ средневѣковой литературѣ еврейской или западныхъ Ара-бовъ? Только А. Я. Гаркави заявилъ, что онъ занимался этимъ вопросомъ съ 1868 года, но не нашелъ никакихъ свѣдѣній ни въ арабской, ни въ еврей-ской литературѣ.

деній историческаго содержанія, изложенныхъ въ метрической формѣ, но они отрывочны и не представляютъ ничего цѣльнаго. Что касается значенія сіюгуновъ, то они хоть и управляли государствомъ вмѣсто микадо, но всегда находились въ зависимости отъ сихъ послѣднихъ. Первый сіюгунъ жилъ въ началѣ XI вѣка, но только въ 1180 году императоръ Готоба пожаловалъ одному изъ сіюгуновъ титулъ фельд-маршала всѣхъ японскихъ областей, и съ этихъ поръ установилось преемство въ линіи сіюгуновъ до 1866 года, когда сіюгунъ Кеки возвратилъ свою власть нынѣ царствующему микадо. Такимъ образомъ, правленіе сіюгуновъ продолжалось 680 лѣтъ.

Послѣ этихъ сообщеній собраніе перешло къ обсужденію вопросовъ, поставленныхъ г. Л. де-Рони. Имъ самимъ сдѣланъ былъ докладъ по первому изъ вопросовъ: „Есть ли возможность возстановить, въ интересѣ сравнительнаго языкознанія, языкъ, коимъ говорили Китайцы въ періодъ династіи Ханей, а равно и языкъ, употреблявшійся до этой эпохи?“

Въ объясненіяхъ своихъ г. де-Рони прежде всего обратилъ вниманіе на усилія ученыхъ сгруппировать въ одно цѣлое многочисленныя языки Сѣверной, Средней и Восточной Азіи, не принадлежащіе къ семействамъ языковъ арійскихъ и семитическихъ. Наименованіе Туранцевъ, придаваемое столь различнымъ народамъ, еще не получило значенія точнаго термина, что такъ необходимо въ работахъ по языкознанію, и никто еще не рѣшился взяться за составленіе сравнительной грамматики языковъ, употребляемыхъ многочисленными народами и народцами, коихъ разумѣютъ подъ именемъ Туранцевъ. Всего естественнѣе было бы положить въ основу сравнительныхъ словарныхъ и грамматическихъ работъ языкъ китайскій, которымъ говорятъ и пишутъ нѣсколько сотъ милліоновъ людей. Но столь странный по наружности строй этого языка дѣлаетъ всякую попытку сравненія неточною, неопредѣленною и почти невозможною. Въ самомъ дѣлѣ, какъ примѣнить сравнительный методъ къ языку, въ которомъ каждый корень составляетъ уже слово, гдѣ столько же корней, сколько словъ, и гдѣ всѣ слова односложныя, состоятъ изъ начальнаго согласнаго звука, за коимъ слѣдуетъ звукъ гласный или дwoегласный, и притомъ всѣ малоразнообразны и весьма часто звучать одинаково? Языкъ такого образованія представляетъ поводъ къ самымъ фантастическимъ, не научнымъ сравненіямъ. Притомъ должно признать, что звуковая система китайскаго языка потерпѣла, въ теченіе времени, столь значительныя измѣненія, что и съ этой стороны

было бы крайне неосторожно сравнивать съ современнымъ народнымъ китайскимъ языкомъ (куанъ-гоа) другіе языки крайняго Востока. Если эти послѣдніе и заимствовали слова изъ китайскаго, то въ такое время, когда языкъ Китайцевъ значительно отличался отъ современной ихъ рѣчи. Въ числѣ языковъ, обильно заимствовавшихъ запасъ словъ изъ китайскаго, находится и языкъ японскій, къ которому уже болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ примѣнены фонетическіе знаки, правда—весьма не совершенныя, но во всякомъ случаѣ болѣе удовлетворительныя, чѣмъ китайскія письма. Благодаря этой звукоизобразительной системѣ своего письма Японцы сохранили точное произношеніе китайскихъ словъ, каково оно было въ древнее время, и именно въ тѣ столѣтія, когда въ Китаѣ царствовала династія Ханей. Усилія Японцевъ въ этомъ отношеніи были облегчены еще тѣмъ, что имъ знакомы были и могли быть принимаемы для сравненія языки корейскій и аннамскій. Съ другой стороны, китайская транскрипція индѣйскихъ словъ, внесенныхъ въ Китай вмѣстѣ съ буддизмомъ, дастъ новый матеріалъ для восстановленія древней системы звуковъ китайскаго языка, и такимъ образомъ эта послѣдняя можетъ быть на столько восстановлена, что сдѣлалась бы доступною для сравнительнаго изученія; такъ, напримѣръ, оказывается, что древній китайскій языкъ обладалъ нѣкоторымъ количествомъ двузвучныхъ корней, сходныхъ съ первоначальными элементами языковъ семитическихъ; равнымъ образомъ, достигнуты были значительные результаты на почвѣ сближенія китайскаго языка съ языками татарскими и даже съ японскимъ. По убѣжденію г. де-Рони, хотя народный китайскій языкъ и обладалъ первоначально лишь небольшимъ запасомъ словъ, но ихъ было достаточно для потребностей тогдашней первоначальной культуры писшихъ словъ Китайскаго народа; но рядомъ съ простонароднымъ языкомъ, бѣднымъ въ древности, не богатымъ и вышѣ, возвышался обширный, величественный памятникъ идеографической письменности, которая давала сословію ученыхъ возможность изучать самыя тонкіе вопросы нравственной философіи и вообще всѣхъ отраслей человѣческаго вѣдѣнія. Для объясненія этого факта г. де-Рони допускаетъ гипотезу, исторически впрочемъ не доказанную, что въ глубокой древности китайская письменность развивалась внѣ народнаго соприкосновенія, въ средѣ какой-либо особой касты, которая одна занималась литературой и философійей, и что въ то время, какъ для народа достаточно было одного слова, одного корня—для выраженія какой-либо простѣйшей идеи или практической мысли, китайская письменность

имѣла болѣе или менѣе значительное число идеографическихъ знаковъ—для выраженія на письмѣ всѣхъ оттѣнковъ всевозможныхъ значеній этого слова. Таковъ методъ, употребленный г. де-Рони для возстановленія древняго престопаго говора Китайцевъ, доселѣ потеряннаго для ученыхъ изслѣдователей въ области сравнительнаго языковѣдѣнія. Г. де-Рони тѣмъ болѣе увѣренъ въ плодотворности этого метода, что знаменитый англійскій сипологъ Дж. Эдкинсъ, прибѣгая къ подобному же методу, достигъ замѣчательныхъ результатовъ. Если основательное изученіе японскаго языка въ новѣйшее время обнаружило удивительное лексическое сродство между этимъ языкомъ и нарѣчіями Средней и Западной Азіи, если со временемъ будутъ изслѣдованы всѣ грамматическія сходства, существующія между грамматикою, папримѣръ, древняго японскаго языка и грамматикой языковъ финскихъ, мадьярскаго и тюркскихъ, то уже нельзя будетъ болѣе сомнѣваться въ томъ, что въ очень близкомъ будущемъ лингвистическая родственность народовъ всей сѣверной и средней полосы Азіи станетъ фактомъ, научно доказаннымъ. Г. де-Рони окончилъ свое сообщеніе обращеніемъ къ русскимъ ученымъ, вызывая ихъ принять участіе въ разъясненіи этихъ научныхъ задачъ, и затѣмъ пригласилъ знаменитаго русскаго сиполога В. П. Васильева высказать свое мнѣніе по поводу какъ вышеприведеннаго вопроса о древнемъ типѣ китайскаго языка, такъ и двухъ другихъ, также предложенныхъ г. де-Рони, а именно: „Каковъ характеръ и лингвистическія связи корейскаго языка?“—„Сообщаютъ ли китайскіе историки точныя свѣдѣнія о движеніи первыхъ выселеній Китайцевъ въ бассейнъ Желтой рѣки?“

Отвѣчая на эти вопросы, В. П. Васильевъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „Предложенные г. де-Рони три вопроса имѣютъ столь великую важность, что рѣшиться отвѣчать на нихъ можно лишь послѣ основательнаго ихъ изученія и многообразныхъ изслѣдованій. Я крайне сожалею, что они представились мнѣ только теперь, и потому прошу собраніе быть снисходительнымъ къ тому, что я, совсѣмъ не приготовившись, позволяю себѣ сказать по приглашенію нашего знаменитаго предсѣдателя. Первый вопросъ уже былъ разобранъ самимъ г. де-Рони столь ученымъ и столь яснымъ образомъ, что лишь очень немногое можно прибавить къ только что слышанному. Послѣ Эдкинса, который не былъ счастливъ въ своихъ сближеніяхъ корней китайскаго языка съ корнями языковъ индо-европейскихъ, этотъ вопросъ гораздо успѣшнѣе былъ разобранъ Ште-

големъ въ его трудѣ „Sinico-Agiaca“ (1872 года). Китайцы сами ужь издавна занимаются изслѣдованіями о древнемъ произношеніи китайскихъ словъ и желали бы возстановить говоръ, употреблявшійся во времена, предшествовавшія династии Ханей, а именно во времена Конфуція, который первый письменно изложилъ Ши-Кингъ. Эта классическая книга, благодаря своему метрическому складу, представляетъ, какъ миѣ кажется, болѣе удобную основу для изысканій о древнемъ китайскомъ произношеніи, чѣмъ выводы изъ произношенія у Японцевъ во времена династии Ханей, когда этотъ народъ находился еще въ варварскомъ состояніи“. Затѣмъ г. Васильевъ замѣтилъ, что, по его миѣнію, изслѣдованіе древняго произношенія не приведетъ къ увеличенію числа китайскихъ корней, такъ какъ, съ одной стороны, множество значеній одного и того же односложнаго слова естественно объясняется объемомъ заключающагося въ немъ отвлеченнаго понятія, а съ другой — не всѣ слова одного и того же корня имѣютъ въ концѣ одну и ту же согласную въ фокіенскомъ и кантонскомъ нарѣчіяхъ, послужившихъ основаніемъ для японскаго чтенія. Да и сверхъ того, вообще было бы весьма неудобно принимать за образецъ истиннаго древняго чтенія Китайцевъ нарѣчія провинцій, сдѣлавшихся китайскими позднѣе другихъ.

По отношенію ко второму вопросу, поставленному г. де-Рони, В. П. Васильевъ замѣтилъ, что хотя языкъ корейскій совершенно незнакомъ ему, но что, благодаря корейско-русскому словарю г. Пущилло, онъ пашель въ этомъ языкѣ большое количество словъ, очевидно, китайскаго происхожденія, и притомъ столь же испорченныхъ, какъ и въ японскомъ. Въ одномъ изъ своихъ небольшихъ сочиненій — объ отношеніяхъ китайскаго языка къ языкамъ среднеазиатскимъ — г. Васильевъ, указывая на превращеніе односложныхъ китайскихъ словъ въ многосложныя маньчжурскія, призналъ возможнымъ допустить, что, по внимательномъ изученіи, не только маньчжурскій, но и другіе языки Средней Азии, тюркскіе и монгольскій, могли бѣ оказаться въ такихъ же отношеніяхъ средства съ китайскимъ. Объясненіе этого явленія г. Васильевъ видитъ въ слѣдующемъ: Распри между Китайцами и ихъ сосѣдями происходили не отъ племеннаго различія, а отъ различія въ политическомъ устройствѣ; то была борьба цивилизаціи и варварства, и варвары заимствовали у самой же враждебной имъ китайской цивилизаціи орудія для веденія борьбы. Такъ было и съ Корейцами: извѣстно, что они пришли съ сѣвера и водворились на нынѣшней своей территоріи, держатся въ

отчужденіи отъ другихъ народовъ и не открываютъ никому доступа въ свою страну, а между тѣмъ въ языкѣ ихъ множество китайскихъ словъ, принадлежащихъ притомъ не письменному, а разговорному китайскому языку.

По поводу третьяго вопроса г. де-Рони—о колонизаціи бассейна Желтой рѣки Китайцами, В. П. Васильевъ сослался на составленный имъ очеркъ древней и новой географіи Китая, который помѣщенъ въ приложеніи къ его Китайской хрестоматіи; здѣсь опредѣлены имъ тѣ мѣстности, которыя еще во времена династіи Чунъ-Кью были заселены племенами, не подвластными Китайскимъ государямъ, или ихъ вассаламъ; китайскія владѣнія въ эти времена подходили довольно близко къ Желтой рѣкѣ, но въ началѣ этого періода они еще не достигали ни Тайюанъ-фу, главнаго города провинціи Шапъ-си, ни Пекина, въ окрестностяхъ котораго, по преданію, мифическій Гоангъ-ти совершилъ свои подвиги. Равнымъ образомъ, на югѣ провинція Гопанъ еще не была тогда вполне китайскою. Вообще свѣдѣній о расширеніи предѣловъ Китайскаго государства должно искать въ исторіи леновъ по теченію Желтой рѣки, сочиненіи китайскаго Геродота Се-Ма-Кіана; по и его свѣдѣнія должно принимать съ осторожностью, такъ какъ каждый лень стремился возвести какъ можно глубже въ древность генеалогію своего владѣтельнаго дома. По мнѣнію г. Васильева, расширеніе Китайской имперіи произошло главнымъ образомъ вслѣдствіе ослабленія центральной власти, послѣдовавшаго вскорѣ по перенесеніи столицы съ запада на востокъ (въ Ло-Янъ). Въ это время пограничныя владѣльцы стали особенно ревностно заботиться объ увеличеніи своихъ владѣній на счетъ независимыхъ сосѣдей, не имѣвшихъ между собою никакой общей связи, такъ что вскорѣ пограничныя лены сдѣлались большими независимыми государствами.

Послѣ обсужденія вопросовъ, поставленныхъ г. де-Рони, сдѣланы были слѣдующія сообщенія:

Г. де-Гуе представилъ собранію первый выпускъ японско-англійскаго и японско-голландскаго словарей, составленныхъ д-ромъ І. Гофманомъ, при пособіи Л. Серюрье.

Г. Лагусъ изложилъ содержаніе своего мемуара о первой русской экспедиціи въ Японію, совершенной въ 1792—1793 годахъ подъ начальствомъ лейтенанта Адама Лаксмана, финляндскаго уроженца, и предложилъ сохранить память этого мореплавателя, давъ его имя проливу между островами Кунаширомъ и Матсмаемъ.

Г. Гоуртъ предложилъ, чтобы подготовлены были вопросы для обсуждения на будущемъ конгрессѣ, и формулировалъ слѣдующія желанія: 1) чтобы составленъ былъ словарь языка Солоновъ, происходящихъ, вѣроятно, отъ древнихъ Китаевъ, и 2) чтобы подвергнута была внимательному изученію исторія Тангутовъ.

Наконецъ, А. В. Рачинскій изложилъ очеркъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ народами крайняго Востока въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ по свѣдѣніямъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, упомянулъ имена главныхъ дѣятелей въ этихъ отдаленныхъ экспедиціяхъ, охарактеризовалъ торговые и промышленныя дѣла этихъ путешествій, и въ заключеніе, обратилъ вниманіе собранія на выставку старинныхъ картъ азіатскихъ странъ, которыя хранятся въ архивѣ и по случаю конгресса привезены были въ Петербургъ.

Въ заключеніе засѣданія г. де-Рони представилъ результаты своихъ изысканій о способѣ опредѣленія разстояній и пространственныхъ измѣреній у китайскихъ писателей разныхъ династій. Въ этомъ же сообщеніи было упомянуто о мемуарѣ о фузангѣ, который представилъ г. Брейтшнейдеромъ, врачомъ русской миссіи въ Пекинѣ.

24-го августа утромъ происходило засѣданіе, посвященное Индіи и Персіи. Оно было открыто докладомъ предсѣдательствовавшего г. Керна о представленіи конгрессу слѣдующихъ семи записокъ: Лейтнера — Сравнительная грамматика и словарь языковъ, употребляемыхъ на пространствѣ между Кабуломъ, Вадакшаномъ и Кашмиромъ (на англійскомъ языкѣ); А. Марра — Опытъ о малгашскомъ нарѣчьи или сравнительный очеркъ языковъ яванскаго, малгашскаго и малайскаго; Ө. Бакулина — Замѣтка о путяхъ въ Мешкедъ; барона Тексторъ де-Равизи — О стѣнной надписи въ Удейпорской пагодѣ (въ Малѣ); Дюшато — О предполагаемомъ египетскомъ происхожденіи Китайцевъ (по французски); Раверти — О санскритскихъ словахъ въ языкѣ Пушту. Всѣ эти труды переданы въ издательскую комиссію.

Затѣмъ г. Анджело де-Губернатисъ прочелъ списокъ книгъ, поднесенныхъ конгрессу италіянскими учеными, и вмѣстѣ съ тѣмъ, представилъ собранію свое сочиненіе: „Матеріалы для исторіи востокоевѣдѣнія въ Италіи“. При этомъ почтенный ученый сдѣлалъ краткій обзоръ развитія этой отрасли знаній въ Италіи и болѣе подробно изложилъ свѣдѣнія объ изученіи Индіи, какъ о предметѣ непосредственно относящемся къ занятіямъ отдѣленія. Г. де-Губернатисъ засвидѣтельствовалъ, что въ новѣйшее время востокоевѣдѣніе сдѣлало

въ Италіи значительные успѣхи, назвалъ имена извѣстнѣйшихъ ученыхъ новой италіанской школы и указалъ на тѣ научные центры, которые представляетъ въ этомъ отношеніи современная Италія, а именно Общество востоковѣдѣнія (Societa degli Studi orientali) и Институтъ высшихъ наукъ (Istituto di Studi superiori) во Флоренціи,— учреждения, обѣщающія дать широкое развитіе оріентальнымъ изслѣдованіямъ, которымъ въ былое время Италіанцы едва ли не первые положили начало въ Европѣ. Сообщение г. де-Губерпатиса было принято съ большимъ сочувствіемъ.

Послѣ того г. Залеманъ представилъ описаніе одной рукописи Императорской публичной бібліотеки, которая содержитъ въ себѣ нѣсколько пелеви-зендскихъ трактатовъ, пелеви-пазендскій глоссарій (изданный въ 1870 году г. Гаугомъ), отрывки изъ Авесты, и наконецъ, пелеви-парсійскій глоссарій. Г. Залеманъ заявилъ, что, по его мнѣнію, рукопись эта—персидскаго происхожденія и представляетъ большой интересъ, въ особенности по своимъ орографическимъ отличіямъ. Подробный мемуаръ о ней обѣщанъ г. Залемапомъ для трудовъ конгресса.

Затѣмъ приступлено было къ обсужденію вопросовъ программы, относящихся къ предметамъ спеціальности отдѣленія:

(№ 28). „Достаточно ли содержаніемъ извѣстной аріано-индѣйской надписи царя Пидаси (Асоки?) свидѣтельствуется, что царь этотъ былъ буддистомъ?“

Отвѣчалъ на этотъ вопросъ, г. Кернъ представилъ переводъ части этой надписи и замѣтилъ, что переведенныхъ имъ отрывковъ вполне достаточно, чтобы не сомнѣваться, что царь Пидаси былъ послѣдователемъ Будды.

(№ 37). „Въ послѣднее время высказано было мнѣніе о близкой связи афганскаго языка съ новыми индѣйскими нарѣчіями Синди и Пенджаби. Спрашивается: слѣдуетъ ли эту связь считать коренною, или только слѣдствіемъ позднѣйшаго вліянія индѣйскихъ нарѣчій на языкъ этотъ, несомнѣнно въ такомъ случаѣ иранскаго происхожденія?“

Попытку разрѣшить этотъ вопросъ представилъ М. А. Терентьевъ. Онъ замѣтилъ, что предложенный вопросъ допускаетъ два предположенія, изъ которыхъ, по одному, афганскій языкъ принадлежитъ къ нарѣчіямъ индѣйскимъ, а по другому—къ иранскимъ. Въ Самаркандскую экспедицію 1868 года г. Терентьевъ, благодаря своему положенію при афганской милиціи Искендеръ-хапа (внука Достъ-Мо-

хаммеда), имѣлъ возможность выучиться по афгански и впоследствии составилъ маленькій афганскій глоссарій по тому же плану, какъ и его „Балканскій толмачъ“¹⁾. Основываясь на собранныхъ фактахъ, г. Терентьевъ провелъ сравненіе между языками афганскимъ и персидскимъ и доказывалъ многочисленными примѣрами изъ именъ числительныхъ, мѣстоименій, предлоговъ и глаголовъ, что въ главныхъ частяхъ рѣчи афганскій языкъ находится въ столь же маломъ родствѣ съ персидскимъ языкомъ, какъ и съ русскимъ. Если же въ афганскомъ языкѣ встрѣчается значительное количество персидскихъ существительныхъ, то слова эти приняты въ него для выраженія новыхъ понятий или для названія предметовъ, дотошъ неизвѣстныхъ, и потому не могутъ служить доказательствомъ родства между этими языками, такъ какъ подобныя заимствованія часто встрѣчаются и между языками, не имѣющими между собою ничего общаго. До половины XVIII вѣка Афганистанъ былъ частію Персидской монархіи и отъ времени до времени возвращалъ себѣ независимость, благодаря слабости нѣкоторыхъ Персидскихъ государей. Очертивъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію Афганцевъ въ XVIII вѣкѣ, г. Терентьевъ замѣтилъ, что вслѣдствіе частыхъ сношеній Афганистана съ Персіей, языкъ этого народа по необходимости подчинялся влиянію господствовавшей націи. Съ другой стороны, не менѣе постоянныя сношенія Афганистана съ Индіей должны были содѣйствовать внесенію въ афганскій языкъ и многихъ индѣйскихъ словъ. Сами Афганцы называютъ себя потомками Веніамина, сына Юсифова, то-есть, признаютъ себя Евреями. И дѣйствительно, въ типѣ ихъ есть нѣчто семитическое; его можно назвать древнимъ семитическимъ типомъ, но измѣнившимся подъ влияніемъ типа арійскаго. Вообще г. Терентьевъ полагалъ, что языкъ афганскій слѣдуетъ считать совершенно самостоятельнымъ, а персидскіе и индѣйскіе элементы въ немъ признавать лишь заимствованіями. Таково же, по словамъ г. Терентьева, и мнѣніе академика Б. А. Дорна. Въ заключеніе г. Терентьевъ выразилъ желаніе, чтобы ученые, по возможности, избѣгали, для транскрипціи восточныхъ языковъ, введенія новыхъ знаковъ или буквъ; въ примѣръ такой затруднительной транскрипціи, г. Терентьевъ указалъ на употребленную г. Трумпомъ (Trumpp) въ его афганской грамматикѣ.

¹⁾ Толмачъ-спутникъ русскихъ воиновъ для неизбѣжныхъ распросовъ и переговоровъ. На языкахъ русскомъ, турецкомъ, сербскомъ и греческомъ. С.-Пб., 1867.

На это послѣднее указаніе г. Залеманъ замѣтилъ, что Трумиовъ алфавитъ есть такъ-называемый „образцовый алфавитъ“ (standard alphabet) Лепсіуса, и что для всякаго занимающагося фонетическими изслѣдованіями совершенно необходима точная передача звуковъ языка; обиліе же новыхъ знаковъ въ этомъ алфавитѣ не можетъ быть признано за большое неудобство.

(№ 8). „На сколько можно прослѣдить въ историческихъ памятникахъ народныя имена Сартъ и Таджикиъ, и какія заключенія можно вывести изъ показаній этихъ памятниковъ относительно первоначальнаго и послѣдовательскаго значеній сихъ именъ?“

Соображенія въ отвѣтъ на этотъ вопросъ представлены были также М. А. Терентьевымъ. Нѣкоторые русскіе ученые, сказалъ онъ, — „полагаютъ, что слово „Таджикъ“ имѣетъ корнемъ персидское слово „таджъ“, корона, и потому переводятъ его „коронованная голова“. На самомъ же дѣлѣ слѣдовало бы перевести его словомъ „малая корона“, такъ какъ коронованная голова по персидски будетъ „таджъ-даръ“. По другому мнѣнію, всѣ народы, населявшіе страны къ западу отъ Китая, назывались у Китайцевъ „ази“, а Европейцы получили у нихъ названіе „та-ази“. Предки современныхъ Таджиковъ явились въ Среднюю Азію вмѣстѣ съ завоевателями, и вслѣдствіе того, получили прозвище „та-ази“, измѣнившееся позднѣе въ „Таджикъ“. Что же касается слова „Сартъ“, то по мнѣнію г. Терентьева, это слово имѣетъ значеніе оскорбительное, заключающее въ себѣ понятіе трусости, и было дано завоевателями страны, Таджиками, кореннымъ жителямъ завоеванной страны. Впрочемъ, другіе полагаютъ, что названіе „Сартъ“ китайскаго происхожденія; Китайцы назвали жителей Трансоксианы „сэръ“, отъ слова „сэ“, шелкъ, вслѣдствіе того, что послѣдніе славились какъ искусные шелководы. Въ Средней Азіи есть еще одинъ весьма любопытный народъ, именно — Болоры, сумѣвшіе доселѣ сохранить свою независимость. Мусульмане ихъ называютъ Кафирами, то-есть, невѣрными. Болоры извѣстны еще подъ названіемъ Сиагнушъ, но они сами называютъ себя Болорами отъ слова „боли“, означающаго „слава“ и „слово“. Обычаи Болоровъ весьма любопытны. Намъ весьма мало извѣстно о Болорахъ, вслѣдствіе того, что они строго охраняютъ свои границы противъ всѣхъ обрѣзачевъ, къ какой бы религіи послѣдніе ни принадлежали. Первые свѣдѣнія о Болорахъ встрѣчаются въ одномъ рукописномъ сочиненіи, находящемся въ библиотекѣ русскаго главнаго штаба, но г. Терентьевъ отдалъ предпочтеніе англійскимъ источникамъ, на основа-

віи которыхъ, а именно Гуттона и Маунтстюарта Эльфинстона, онъ и сдѣлалъ очеркъ жизни и правовъ Волоровъ. Въ заключеніе онъ предложилъ конгрессу взять на себя ходатайство передъ правительствами объ оказаніи возможныхъ облегченій для тѣхъ ученыхъ путешественниковъ, которые возьмутся изслѣдовать эти любопытныя страны Средней Азии.

Согласно заявленію гг. Опперта и Керна, собраніе постановило передать предложеніе г. Терентьева на разсмотрѣніе совѣта конгресса.

Тотъ же вопросъ, по которому давалъ объясненіи г. Терентьевъ, далъ поводъ г. Захау выразить въ интересахъ науки желаніе, чтобы различныя нарѣчія средне-азиатскихъ Таджикивъ были подвергнуты научному изслѣдованію со стороны Европейцевъ, посѣщающихъ тѣ края.

На это замѣтилъ П. И. Лерхъ, что первый шагъ во исполненіе желанія г. Захау уже сдѣланъ. Во время экспедиціи генерала Абрамова въ Искендеръ-куль въ 1870 году, А. А. Кунъ имѣлъ случай изучить нарѣчіе, которымъ говорятъ жители нѣсколькихъ селеній, расположенныхъ на берегахъ Ягнау, притока Верхняго Заравшана. Собранныя г. Куномъ матеріалы состоятъ изъ словаря, разговоровъ и сказокъ. Что же касается до передачи звуковъ изучаемыхъ языковъ, то по мнѣнію г. Лерха, въ этомъ отношеніи было бы весьма полезно составить такую полную азбуку, которая могла бы передать всѣ оттѣнки произношенія звуковъ.

Къ тѣмъ же вопросамъ возвратился еще разъ г. Саковъ. Говоря о способѣ письменной передачи звуковъ малоизвѣстнаго языка, онъ замѣтилъ, что примѣненіе къ такимъ языкамъ европейскихъ алфавитовъ слѣдуетъ допускать лишь въ томъ случаѣ, если языкъ вовсе не имѣетъ своей азбуки. Если же алфавитъ есть, то какъ бы неудовлетворительно ни воспроизводились имъ звуки этого языка, этотъ алфавитъ во всякомъ случаѣ долженъ быть удержанъ. Что касается происхожденія названія „Сартъ“, то г. Саковъ предлагалъ произвести его отъ турецкаго прилагательнаго „сертъ“, крѣпкій, могущественный, которое могло быть дано Узбеками Сартамъ въ насмѣшку за ихъ всѣмъ извѣстную трусливость.

На это замѣчаніе возразилъ П. И. Лерхъ, сказавъ, что объясненіе слова „Сартъ“ встрѣчается въ джагатайскомъ словарѣ къ сочиненіямъ Миръ-Али-Шира, гдѣ оно переведено посредствомъ „шехри“, городской обыватель. На этомъ основаніи г. Лерхъ сдѣлалъ предположеніе, что слово „Сартъ“ происходитъ отъ древне-иранскаго

слова „вшатра“, владѣніе, государство (civitas), и что кочевники, обитавшіе по ту сторону Яксарта и въ древности принадлежавшіе, безъ сомнѣнія, къ Иранскому племени, дали своимъ осѣдлымъ сосѣдямъ названіе горожанъ, въ противоположность кочевникамъ, какими были они сами. Послѣ нашествія Тюрковъ въ страны, лежація по Яксарту, названіе „Сартъ“, вѣроятно, было распространено на всѣхъ сосѣднихъ жителей этихъ странъ, каково бы происхожденіе они ни были — тюркскаго, иранскаго, или смѣшаннаго.

Въ томъ же засѣданіи г. Оннертъ предложилъ этимологію словъ „Авеста“ и „Зендъ“. Они принадлежатъ, по его мнѣнію, древне-персидскому языку, коимъ говорили Дарій и Ксерксъ: Авеста происходитъ отъ персидскаго слова „абаста“, законъ, встрѣчающагося въ Беги-стунской надписи, а зендъ — отъ слова „зендъ“, молитва; стало быть, Зороастръ принесть законъ и молитву.

Наконецъ, г. Макнамара выразилъ желаніе, чтобъ ориенталисты обратили вниманіе на разысканіе въ историческихъ памятникахъ свѣдѣній о томъ страшномъ бичѣ, который подъ именемъ холеры причипяетъ столько бѣдствій какъ азіатскимъ, такъ и европейскимъ народамъ. Представленная г. Макнамарою записка по этому вопросу передана въ издательскую комиссію ¹⁾.

Засѣданіе, происходившее 24-го августа вечеромъ, было посвящено Сибири.

По открытіи собранія первое слово предоставлено было А. П. Словцову, который прочелъ очеркъ развитія народнаго просвѣщенія въ Западной Сибири съ начала XVIII вѣка, когда митрополитъ Филосеевъ предпринялъ проповѣдь Евангелія Вогуламъ и Остикамъ, а плѣнные

¹⁾ Кроме приведенныхъ выше вопросовъ программы, въ этомъ засѣданіи прочтаны были еще слѣдующіе, оставшіеся безъ отвѣта: (№ 20). «Около Р. Х. туземцы Западной Индіи покорены были вторгнувшимися туда Сакнами и Гетами (Sse и Jouelti по китайскимъ писателямъ), которые затѣмъ господствовали тамъ въ продолженіе долгаго, по видимому, времени, и нигуда оттуда, сколько извѣстно, изгоняемы не были; спрашивается: существуютъ ли еще въ Индіи потомки этихъ завоевателей, а если существуютъ, то подъ какими народными именами, и чѣмъ это доказывается?» — (№ 36). «Слѣдуетъ ли варяге Заза причислить къ курдскимъ? Если не слѣдуетъ, то какъ можетъ быть объяснено его происхожденіе?» — (№ 38). «Древнія согдійскія и хорезмскія названія лунныхъ станцій, сохранившіяся у эль-Вируни, на сколько тождественны съ названіемъ индійскихъ *накшатра*, и говорятъ ли первыя въ пользу арійскаго, или въ пользу вавилонскаго происхожденія накшатръ?» По вопросу № 36 отвѣтъ предполагалъ дать П. И. Лерхъ, но не могъ этого исполнить по внезапному нездоровью.

Шведи завели школу въ Тобольскѣ, до настоящаго времени, когда предпринимается въ широкихъ размѣрахъ распространеніе образованія среди туземцевъ Сибири.

Далѣе О. А. Федченко представила нѣсколько экземпляровъ сочиненія Д. Н. Анучина подъ заглавіемъ: „Матеріалы для антропологіи восточной Азіи. I. Племя Айповъ“ (М. 1876) и изложила, словами автора, краткое содержаніе его прекраснаго труда, заключающаго въ себѣ подробное этнографическое и антропологическое описаніе этого племени.

Затѣмъ К. Ѡ. Нейманъ прочелъ свою записку о Чукчахъ, въ которую вошли какъ описаніе быта этого народа, численностью своею не превышающаго нынѣ трехъ тысячъ, такъ и очеркъ его сношеній съ Русскими, и наконецъ, покоренія Чукчей послѣдними. Сюда же г. Нейманъ включилъ нѣсколько замѣчаній о Ламутахъ и вымершихъ нынѣ Омокахъ.

Г. Собринъ, Остякъ по происхожденію, сообщилъ о древнихъ идолахъ Остяковъ и Вогуловъ. Въ настоящее время у этихъ народовъ рѣдко встрѣчаются идолы, которые были бы обожяемы всенародно, но удѣлѣвшіе еще сохраняются въ жилищахъ вѣрующихъ. Уничтоженіе идоловъ началось еще во времена Ермака, но особенно много истреблено ихъ Остяками со времени принятія христіанства. До завоеванія Сибири у Остяковъ пасчитывалось восемь главныхъ идоловъ, стоявшихъ для всенароднаго обожанія, а именно: 1) Богиня охоты, 2) Обскій старецъ, богъ рыбы, 3) Мѣдный гусь, богъ птицъ, 4) Главный богъ, 5) Ортикъ, 6) Мастерко, помощникъ Ортика, 7) Эліашъ, служитель боговъ, и 8) Мейко, богъ зла.

Затѣмъ по прочтеніи А. П. Словцовымъ записки о пословицахъ и поговоркахъ Киргизовъ, г. Зиренъ-Джабъ Захаровъ, главный тайша Баргузинскихъ Бурятъ, сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе: „Осмѣливаюсь просить васъ выслушать нѣсколько словъ о Бурятахъ Забайкальской области, въ одномъ изъ округовъ которой я имѣю честь быть главнымъ родоначальникомъ. Буряты Забайкальскаго края принадлежатъ къ Монгольскому племени. Они происходятъ изъ Монголіи, гдѣ доселѣ еще живутъ ихъ соплеменники. Забайкальскіе Буряты держатся буддійской вѣры и ведутъ кочевую жизнь. Они мѣняютъ мѣсто жительства по нѣскольку разъ въ годъ, руководствуясь въ выборѣ его обиліемъ корма для скота. Лѣтомъ живутъ они въ юртахъ, устраиваемыхъ изъ жердей и крытыхъ войлокомъ, а зимой—въ избахъ, па зимовьяхъ, гдѣ у нихъ запасены кормъ скоту. Ихъ главное занятіе состоитъ въ

часть CLXXXVIII, отд. 4.

скотоводствѣ; скоть—главное ихъ богатство и доставляетъ имъ средства къ жизни. Отъ него Буряты пользуются прежде всего молокомъ (они употребляютъ молоко лошадиное, коровье и овечье) и другими молочными произведеніями. Въ послѣднее время Буряты послѣ долгаго сопротивленія начали, по совѣту правительства и благодаря настояніямъ родоначальниковъ, заниматься хлѣбопашествомъ. Они засѣваютъ въ довольно значительномъ количествѣ яровые хлѣба и овесъ. Успѣхи, оказанные Бурятами въ этомъ отношеніи, довольно значительны. Въ началѣ нынѣшняго вѣка они не сѣяли хлѣба и даже не имѣли понятія о самыхъ начальныхъ приемахъ хлѣбопашества. Теперь же, напротивъ того, они оказываются довольно способными земледѣльцами и во многомъ превзошли своихъ предковъ, которые, по преданіямъ, когда впервые увидали муку, назвали ее „хагураи сасунъ“, то-есть, сухой снѣгъ. Въ настоящее время мука составляетъ для нихъ уже не предметъ любопытства, а одинъ изъ необходимѣйшихъ предметовъ потребленія, и они благословляютъ тѣхъ, кто познакомилъ ихъ съ земледѣліемъ. Забайкальскіе Буряты имѣютъ свои „дацаны“ (храмы) и своихъ ламъ. Они знакомы съ монгольской и тибетскою письменностію; священныя книги ихъ написаны вообще на тибетскомъ языкѣ. Съ начала нынѣшняго столѣтія Буряты начали учиться и русскому языку; нынѣ у нихъ заведены на общественный счетъ приходскія училища, и среди нихъ уже встрѣчается довольно знающихъ русскій языкъ, если не совершенно, то все же удовлетвори-тельно. Богослужбные обряды совершаются Бурятами или дома, или въ дацанахъ. У нихъ есть и праздничные дни, въ которые совершается богослуженіе, но работать въ эти дни не воспрещается. Главный народный праздникъ у нихъ есть новый годъ; онъ приходится на первый день новой весенней луны и называется „саганъ сара“, то-есть, бѣлая луна; въ этотъ день, послѣ божественной службы, происходитъ обменъ привѣтствій и подарковъ изъ хадаковъ (бѣлыхъ шелковыхъ лентъ), при чемъ произносятся слова: „саинъ удуръ саинъ былыкъ“, что означаетъ: „въ счастливый день хорошій подарокъ“. Кромѣ этого праздника, Буряты, по старымъ обычаямъ, совершаютъ божественную службу въ степяхъ, для чего насыпаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшие курганы. Такіе праздники бывають преимущественно въ іюлѣ. Послѣ богослуженія начинаются народныя празднества, конскіе бѣга, борьба силачей и стрѣльба въ цѣль. Изъ семейныхъ празднествъ слѣдуетъ упомянуть о празднованіи дня, когда отрокъ вступаетъ въ юношескій возрастъ. Свадебные пиры продолжаются, смотря по со-

стояннiю новобрачныхъ, отъ трехъ до семи дшей. Въ обыкновенные вечера играютъ въ шахматы, а молодые люди забавляются играми или пѣнiемъ. Случается также, что на этихъ вечерахъ старики и старухи разказываютъ сказки изъ народныхъ преданiй. Буряты имѣютъ только одинъ музыкальный инструментъ—двухструнную скрипку, на которой исполняются ими народныя пѣсни“.

Затѣмъ представлены были собранiю слѣдующiя записки: 1) Озеро Калкаманъ — г. Золотова; 2) О возной границѣ Западной Сибири въ прошломъ вѣкѣ—его же; 3) Историческiй очеркъ прежней Омской азиатской школы — его же; 4) Промыслы и рыболовство въ Нарымскомъ краѣ — г. Шестаковича; 5) Этнографическiй очеркъ Самоѣдскихъ родовъ Сибири; 6) О Якутахъ — г. Соловьева.

По окончанiи этихъ сообщенiй, подвергнуты были обсужденiю вопросы программы, относящiеся къ предмету засѣданiя:

(№ 1). „Историческiе источники свидѣтельствуютъ, что Сибирь постоянно, въ теченiе болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, высылала въ Среднюю Азiю народъ за народомъ: какiя обстоятельства содѣйствовали тамъ распложенiю населенiя, и почему съ завоеванiемъ Сибири Русскими распложенiе это и выселенiя оттуда прекратились?“

Разъясненiе этого вопроса припалъ на себя В. П. Васильевъ. „Не выдавая своего мнѣнiя, за непреложную истину“, сказалъ онъ— „я долженъ однако замѣтить, что при изученiи Средней Азiи и отношенiй ея къ Китаю, мнѣ никогда не приходилось выводить изъ историческихъ фактовъ того заключенiя, что Сибирь была разсадникомъ народовъ, то-есть, что народы выходили изъ Сибири. Я былъ того мнѣнiя, что Сибирь служила лишь убѣжищемъ для народовъ, вытѣсняемыхъ съ юга. Съ возникновенiемъ могущественныхъ государствъ на границахъ Китая, обитатели этихъ южныхъ государствъ стали стремиться къ обогащенiю себя на счетъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей или къ ихъ покоренiю, вслѣдствiе чего послѣднiе были принуждены покидать свою страну и поселяться въ Сибири. Исторiя не свидѣтельствуетъ намъ, чтобъ эти народы, возстановивъ свои силы и усилившись союзомъ съ другими народами, предпринимали повне нашествiя. Что же касается до народовъ, о которыхъ можно было бы сказать, что они вышли изъ Сибири, то я помню лишь одинъ примѣръ: я говорю о династiи Тоба (Топракъ?), влѣвавшей падъ Сѣвернымъ Китаемъ и падъ болышею частiю Монголи подъ именемъ Всевъ. Въ исторiи этой династiи упоминается о народѣ Улухеу, и между прочимъ, о томъ, что къ юго-востоку отъ

страны, обитаемой этимъ народомъ, находится каменное зданіе, служившее жилищемъ для предковъ царствующаго дома: описаніе этого зданія весьма не точно, но въ крайнемъ случаѣ можно было бы допустить, что оно находилось въ предѣлахъ нынѣшней Сибири, близъ озера Байкала. Это единственный фактъ, на который можно сослаться въ подтвержденіе того предположенія, что Сибирь была исходнымъ пунктомъ переселенія народовъ. Но и въ этомъ случаѣ слѣдовало бы разумѣть только юго-восточную часть Сибири, Забайкалье, которая была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Монголіей, и которую нельзя не включать въ предѣлы Средней Азии, по крайней мѣрѣ въ древнія времена. Скажутъ, что Дикокаменные Киргизы или Вуряты происходятъ отъ тѣхъ Киргизовъ, которыхъ повстрѣчали русскіе казаки при завоеваніи Сибири; но подобное переселеніе отсюда не можетъ быть принимаемо за явленіе, часто возобновлявшееся, да и произошло оно не отъ усиленія могущества этихъ народовъ, а напротивъ, имѣло характеръ бѣгства побѣжденныхъ. Перебирая въ моей памяти всѣ народы, игравшіе въ историческія времена видную роль въ Средней Азии, я не нахожу ни одного, который вышелъ бы изъ Сибири. Гунны считаются за потомковъ Гіен-юновъ, жившихъ въ сѣверной части собственнаго Китая; различныя племена Сіеп-пи или Ши-вэй, господствовавшіе послѣ нихъ въ Монголіи, происходили отъ Дунгу, то-есть, отъ жителей нынѣшней Маңчжуріи; Тукуи или Турки также считаются потомками Гуцювъ, — во всякомъ случаѣ та часть Алтая, гдѣ Тукуи появились, находится въ предѣлахъ Монголіи; Хэй-хэй, смѣшавшіе Тукуевъ, обитали въ монгольской части бассейна Селенги; затѣмъ являются Киданы и Чурчены, но извѣстно, что они вышли изъ мѣстностей, гдѣ прежде жили Дунгу и Ши-вэй; наконецъ, самая отдаленная часть родины Монголовъ, именно Чингисъ-хана, находилась не очень далеко отъ р. Онопа. Вообще, по моему мнѣнію, Сибирь никогда не была столь населена, какъ пыѣ. Возразятъ, что большая часть ея населенія состоитъ изъ Русскихъ, и что Русскіе были косвенною причиною исчезновенія другихъ народовъ. Но мнѣ кажется, слѣдуетъ поставить Русскимъ въ заслугу, что они одни умѣли такъ устроиться, что ихъ населеніе въ Сибири растетъ, а не уменьшается, какъ то было бы непремѣнно съ другими пришельцами. Мы только что слышали сообщеніе г. Неймана о постепенномъ вымираніи Омоковъ, въ чемъ однако Русскіе нисколько не повинны. Не слѣдуетъ забывать и того, что въ настоящее время исчезновеніе туземцевъ можетъ быть въ значительной степени приписано ихъ об-

русѣнію. Я держусь вообще того мнѣнія, что во время прихода Русскихъ Сибирь была населена уже не аборигенами, а пришельцами съ другихъ сторонъ. Не могу я допустить, чтобы Татарское племя, имѣющее столь отдаленныхъ представителей, каковы Якуты, было племя туземное, или чтобы Тунгусы выселились въ Манчжурію, а не пришли отсюда въ Сибирь. Неужели и Монголовъ слѣдуетъ считать за вѣтвь Сибирскихъ Бурятъ, и послѣдніе не составляютъ ли скорѣе вѣтви Монголовъ? Остаются еще племена Финскія. Съ перваго взгляда можно бы предположить, что они распространились по Сибири съ запада, какъ Русскіе (Чукчи однако пришли съ востока), но есть много причинъ думать, что и ихъ отечествомъ была Средняя Азія“.

(№ 2). „Шаманизмъ, господствующій до сихъ поръ между инородцами Сибири, не обращенными еще въ христіанство, у всѣхъ ли у нихъ одинаковъ, или представляетъ особенности, смотря по тому, къ какой этнографической группѣ принадлежатъ эти инородцы?“

Этотъ вопросъ также былъ разъясненъ В. П. Васильевымъ въ слѣдующихъ словахъ: „Я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно слова „шаманизмъ“. Я ужъ имѣлъ случай замѣтить въ своихъ сочиненіяхъ, что это слово, по моему мнѣнію, тождественно съ китайскимъ словомъ „ша-мынь“, которое въ свою очередь есть искаженное названіе буддистовъ на санскритскомъ языкѣ—„шрамана“. Я не настаиваю на полной справедливости этого объясненія, но тѣмъ не менѣе позволю себѣ изложить основанія, на которыхъ построено мое предположеніе. На сколько мнѣ извѣстно, вообще предпочитаютъ производить слово „шаманъ“ отъ манчжурскаго глагола „самби“, зная, и полагаютъ, что слово „шаманъ“ значитъ приблизительно то же, что русское „знахарь“. Но противъ этого производства можно возразить слѣдующее: въ манчжурскомъ языкѣ мы не встрѣчаемъ другихъ словъ, за исключеніемъ „шаманъ“ (и это слово должно было бы скорѣе имѣть форму „саманъ“), которыя, будучи произведены отъ глаголовъ, имѣли бы окончаніе „манъ“ или „анъ“ для означенія лица. Въ моемъ объясненіи, вѣроятно, поразитъ именно то обстоятельство, какимъ образомъ это слово могло быть занесено въ глушь Сибири изъ столь отдаленной страны, какъ Индія. Но встрѣчаются же, на примѣръ, слова „тайша“, „тзай-санъ“, „шу-генга“ у Волжскихъ Калмыковъ, а между тѣмъ слова эти несомнѣнно китайскаго происхожденія. Правда, они означаютъ у Китайцевъ „канцлеръ, визирь, начальникъ“, а у Бурятъ примѣняются лишь къ мелкимъ родоначальникамъ, но это нисколько не опровергаетъ китайскаго происхожденія

этихъ словъ. У Монголовъ тайшами называются только лица, принадлежащія къ княжескимъ фамиліямъ; но въ настоящее время и у нихъ встрѣчается много тайшей, занимающихъ простые служительскія должности. У Китайцевъ, напротивъ того, титулъ „тай-тзи“ присвоенъ исключительно сыновьямъ богдыхана. Титулъ „лама“ (у Китайцевъ „хо-шангъ“) принадлежалъ въ прошедшія времена только верховному первосвященнику, а теперь и кучеръ ламы, пока носитъ духовное платье, называется ламою. Пониженіе значенія титуловъ — фактъ вездѣ обыкновенный и не требуетъ длинныхъ комментаріевъ. Въ древнія времена буддизмъ часто появлялся между жителями Монголіи и нынѣшней Манчжуріи, но неоднократно и исчезалъ. Тогда распространеніе его шло со стороны Китая, и вотъ почему слово „шаманъ“ явилось въ китайской формѣ. Народы, принявшіе это слово, могли точно также примѣнять его къ духовнымъ лицамъ и другихъ религій, или же эти лица сохранили свой титулъ, не смотря на то, что съ наденіемъ своей религіи избирали себѣ другое запятіе. Но тутъ является вопросъ: откуда происходитъ та сильная вражда, которая существуетъ между шаманизмомъ и ламаизмомъ? Извѣстно, что Буряты, во время покоренія ихъ Русскими, все принадлежали къ шаманизму; ламы же, которыхъ вліяніе, благодаря нашему покровительству, усилилось, часто насильственнымъ образомъ обращали Бурятъ въ буддизмъ. Случалось даже, что послѣдователей шаманизма они сжигали живыми. И это нисколько не удивительно, такъ какъ мы знаемъ, что Тибетъ не разъ былъ опустошаемъ во время борьбы различныхъ буддистскихъ вѣроученій. Буддизму часто случалось прибѣгать и къ шарлатанству, не смотря на его стремленіе предохранить себя противъ догматическихъ ученій. Исторія свидѣтельствуетъ, что одинъ изъ первыхъ распространителей буддизма въ Китаѣ, Фу-ту-чипъ, жившій въ IV вѣкѣ, отличался не проповѣдями, а фокусами (опъ вынималъ, напримѣръ, хлѣбъ изъ своего желудка, и т. п.). Во всякомъ случаѣ нынѣшніе забайкальскіе ламы слывуть за колдуновъ, занимаются, напримѣръ, разыскиваніемъ краденыхъ предметовъ и проч. Мы не извѣстны въ подробности ихъ приемы, но я знаю, что у Тибетцевъ также есть гадатели, передающіе свое знаніе отъ отца къ сыну, и къ нимъ часто прибѣгаютъ въ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Эти прорицатели называются „чойнъ-джонгъ“ (защитники вѣры), на томъ основаніи, что въ нихъ будто бы обитаютъ буддійскія божества. Я позволю себѣ разказать по поводу этихъ прорицателей о томъ, что я самъ видѣлъ во время путешествія нашей духовной миссіи черезъ

Монголію въ 1840 году. Мы только что выѣхали со станціи Дурма, столь извѣстной своими глубокими песками, какъ я замѣтилъ вправо отъ дороги пагоду, которую и отправился осматривать. До моихъ ушей еще издали достигали звуки шумной музыки. Пагода была въ хорошемъ состояніи, и въ ней имѣлось значительное число идоловъ. Въ главномъ зданіи идола были обыкновенной формы, но въ придѣлѣ, откуда слышалась музыка, я увидѣлъ безобразныя божества, называемыя „чойнджупъ“. Въ то же время замѣтилъ въ углу сидящаго неподвижно на треножничѣ чловѣка, котораго сначала принялъ за статую. На немъ былъ надѣтъ остроконечный шлемъ и желтый кафтанъ, украшенный бахромой и лентами; въ правой рукѣ онъ держалъ копьѣ, а въ лѣвой саблю; предъ нимъ курился оміамъ. Не знаю, долго ли продолжалось это дѣйствительное или притворное состояніе восторженности, но только вскорѣ послѣ моего прихода лама началъ кривляться, икать и вскрикивать, ударяя своимъ копьемъ въ идола, спрятаннаго у него позади за занавѣсью. Другіе присутствовавшіе тутъ ламы дали ему успокоительныхъ средствъ, и когда конвульсіи прекратились, по сознаніе еще не возвратилось къ нему, стали шептать ему на ухо вопросы, на которые онъ тихо отвѣчалъ. Черезъ посредство тѣхъ же ламъ ему были предлагаемы вопросы и отъ свѣтскихъ лицъ, которыя до того времени находились за дверьми... Вотъ все, что я видѣлъ. Не стану однако утверждать, что въ разказанномъ мною фактѣ есть нѣчто общее съ шаманизмомъ“.

Въ засѣданіи Закавказскаго отдѣленія, происходившемъ 25-го августа утромъ, сдѣланы были слѣдующія сообщенія:

К. П. Наткановъ предложилъ вниманію конгресса трудъ г. Миансарова: *Bibliographia Caucasica et Transcaucasica*. T. I. St.-P., 1874—1876.

А. П. Берже представилъ рукописный сборникъ пѣсень Азербиджанскихъ Татаръ, живущихъ въ восточномъ Закавказьи, къ югу отъ теченія Кура. Не смотря на то, что языкъ азербиджанскій весьма распространенъ не только въ Закавказьи, но и въ персидскомъ Курдистанѣ, онъ весьма мало извѣстенъ ученымъ, а тѣмъ болѣе и народная словесность Азербиджанскихъ Татаръ. Въ 1868 году г. Берже издалъ въ Лейпцигѣ сборникъ азербиджанскихъ пѣсень подъ названіемъ: „*Dichtungen trans-kaukasischer Sanger des XVIII und XIX Jahrhunderts in Aderbidschanischer Mundart*“, и это была едва ли не первая книга на азербиджанскомъ языкѣ, напечатанная въ Европѣ. Въ ней были собраны поэтическія произведенія многихъ знаменитыхъ

поэтовъ. Большая часть этого изданія разошлась между закавказскими мусульманами въ какіе-нибудь два-три мѣсяца. Такъ какъ этотъ сборникъ былъ далеко не полонъ, то г. Берже, при содѣйствіи мѣстныхъ знатоковъ, приступилъ къ составленію новаго, болѣе полнаго собранія, въ которое вошли не только произведенія авторовъ, уже извѣстныхъ изъ перваго сборника, но и нѣсколькихъ поэтовъ, дотолѣ оставшихся неизвѣстными. Г. Берже присовокупилъ къ своему сборнику біографическія замѣтки объ авторахъ вошедшихъ въ него произведеній и карту распространенія азербиджанскаго нарѣчія.

Г. Боннелъ прочелъ отрывокъ изъ своего обширнаго сочиненія о Скиоахъ-Сарматахъ. Содержаніе этого чтенія было слѣдующее: Десять лѣтъ тому назадъ Мюлленгофъ доказалъ пришлое происхожденіе Скиоовъ Понта Евксинскаго и Сарматовъ, а также тождественность этихъ двухъ народовъ. Онъ предполагаетъ, что этими Иранцами завершилось пришествіе Арійскихъ народовъ въ Европу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, выражаетъ мнѣніе, что съ этой эпохи можно было бы съ большею опредѣленностью намѣтить путь движенія Арійцевъ и ихъ дѣленіе на группы. Въ подтвержденіе взгляда Мюлленгофа г. Боннелъ предположилъ обратить вниманіе на нѣкоторые извѣстія греческихъ и римскихъ писателей, которыя указываютъ на отношенія Скиоовъ-Сарматовъ къ нѣкоторымъ восточнымъ народамъ и къ своимъ сосѣдямъ въ Европѣ. Геродотъ въ двухъ мѣстахъ своей исторіи разсказываетъ, что Скионы приходили въ столкновеніе съ Египтянами: во-первыхъ, въ кн. II, гл. 103, 105 и 110, онъ говоритъ, что Египетскій царь Сезострисъ завоевалъ постепенно страны Западной Азіи и затѣмъ въ Европѣ покорилъ Скиоовъ и Фракійцевъ; во-вторыхъ, въ кн. IV, гл. 1, 11 и 12, онъ повѣствуетъ, что Скионы, преслѣдуя Киммеріанъ, проникли въ страну Мидіанъ, разбили ихъ царя Кіаксара и покорили своей власти всю Западную Азію. Изъ Мидіи они намѣревались проникнуть въ Египетъ, но когда они достигли Сиріи, царь Египетскій Псаметихъ, своими просьбами и дарами, отклонилъ ихъ отъ этого намѣренія и пр. Приведенное извѣстіе о Сезострисѣ подтверждается многими другими древними писателями, и именно Тацитомъ, у котораго, Ann., II, с. 60, читаемъ, что, по свидѣтельству одной гіероглифической надписи въ Оивахъ, царь Гамзесъ (Сезострисъ) покорилъ Ливію, Эѳіонію, Мидію, Персію, Бактріану и Сибію, равно какъ и всѣ страны, обитаемыя Сирійцами, Армянами и ихъ сосѣдями Каппадокійцами до моря Вѳіоніи и Ликіи. Если въ этомъ разказѣ можно предпологать нѣкоторое преувеличеніе, то все же слѣдуетъ вѣрить по-

вѣствованію Геродота, ибо, по сему послѣднему, завоеванія Сезостриса простирались, по видимому, на Скиѳовъ и Фракійцевъ на востокъ отъ Чернаго моря за р. Фазисъ. По всей вѣроятности, Кавказъ составлялъ сѣверную границу покоренныхъ странъ. Упомянемъ тутъ Фракійцы суть, по мнѣнію г. Боппеля, Киммеріане, безъ сомнѣнія, обитавшіе на берегахъ Босфора Киммерійскаго. Большая часть толкователей отождествляетъ Сезостриса съ царемъ Рамзесомъ (Рамессу Міамунъ), царствовавшемъ между 1392 и 1326 гг. до Р. Х. Прочтены два іероглифическіе памятника, къ нему относящіеся: 1) допесеніе писца Пептавра объ одной военной экспедиціи, предпринятой этимъ царемъ на пятнадцатомъ году его царствованія, и 2) мирный договоръ, относящійся къ 21-му году того же царствованія. Памятники эти переведены и объяснены г. Лаутомъ во *Всеобщей Аурбургской газетѣ* 1870 г. Изъ разказа объ экспедиціи видно, что всѣ народы, жившіе на пространствѣ отъ Эгейскаго моря до Тигра, принимали въ ней участіе. Ужь это одно свидѣтельствуетъ о достовѣрности Геродотова разказа. Народъ „Хэта“, названный въ числѣ другихъ покоренныхъ, не суть, по мнѣнію г. Лаута, библейскіе Китимъ или Хетиты, и даже, по видимому, не принадлежали къ Семитическому племени. Другой народъ передней Азіи, до сихъ поръ не опредѣленный съ точностью, суть „Рутэну“, съ коими, равно какъ и съ „Хэта“, воевалъ царь Египетскій Тутмесъ III (1599—1560 гг.). Къ упомянутому вторженію Скиѳовъ въ Сирію относится пророчество Іезекіиля, гл. 38 и 39; пророкъ именуетъ враговъ, угрожающихъ Израилю: Гогъ въ странѣ Магогъ, князь Роша, Мешеха и Фувала, и его союзники Фирасъ (Парасъ?), Хушъ (Хусъ), Футъ (Путь), Гомеръ и Фогарма. Большая часть этихъ народовъ поименована и въ книгѣ Бытія, гл. X, ст. 2—5. Согласно съ мнѣніемъ Тука, г. Боппель отождествляетъ Магога со Скиѳами, Гомера—съ Киммеріанцами, Фогарму съ Армянами и Иверами, Мешеха съ Мосхами, Фувала съ Тибаренами и Фираса съ Персами. Кстати должно замѣтить, что Мордманъ въ пророчествѣ Іезекіиля узналъ описаніе похода царя Багритгура II на Сирію. Но всего важнѣе въ этомъ пророчествѣ кажется г. Боппелю слово Рошъ, означающее какой-то народъ, какъ то доказалъ между прочимъ г. Гаркави въ своихъ „Сказаніяхъ еврейскихъ писателей о Хазарахъ и Хазарскомъ царствѣ“ (С.-Пб. 1875). Эти Рошъ, говоритъ г. Боппель,—должны быть отождествлены съ народомъ „Рѳ“; Византійцевъ. Кроме того, онъ отождествляетъ этихъ „Рѳ“ съ Руссами, которые были призваны изъ Скандинавіи, чтобы княжить надъ Новгородскими Славянами и со-

сѣдними съ ними Финскими племенами. Руссы эти, согласно показанію лѣтописца Переяславля Суздальскаго (М. 1851, стр. 5), должны быть, по мнѣнію г. Воннеля, припимаемы за Готовъ. Дѣлаемое имъ сближеніе между народомъ Рошъ, жившимъ на южномъ склонѣ Кавказа около 600 лѣтъ до Р. Х., и тѣми Руссами, которые появляются въ сѣверной Россіи только въ IX в. по Р. Х., не должно удивлять тѣхъ ученыхъ, которые отождествляютъ "Рѡс" съ Роксаланами. Г. Гаркани, который также придерживается этого мнѣнія, приводитъ цѣлый рядъ авторитетныхъ ученыхъ, большинство которыхъ склоняется въ пользу такого отождествленія. Что касается личнаго мнѣнія г. Воннеля, что имя "Рѡс" содержится въ имени Роксаланъ, и что разумѣемые здѣсь Руссы были Готы, то для подтвержденія его нужно сперва доказать, что Роксаланы были Германцами, или, по крайней мѣрѣ, содержали въ себѣ германскіе элементы. Доказать это въ короткихъ словахъ нельзя, и потому г. Воннель напомнилъ только, что Страбонъ, Плиній и Тацитъ принимали Бастарновъ за народъ германскій, и что Страбонъ называетъ Роксалановъ народомъ бастарнскаго происхожденія ¹⁾.

Послѣ этого сообщенія доложено было о полученіи отъ г. Шмидта, изъ Гевельсберга, трехъ первыхъ печатныхъ листовъ его сочиненія: „Unser Sonnenkörper nach seiner sprachlichen, physikalischen und mythologischen Seite hin betrachtet“. Общее содержаніе этого труда должно состоять въ слѣдующемъ: По мнѣнію г. Шмидта, Египтиис—древнѣйшій изъ народовъ, вазываемыхъ армяно-кавказскими. Гражданственность ихъ началась въ Месопотаміи, перешла оттуда чрезъ Персидскій заливъ въ Аравію и Эѳіопію и утвердилась въ долину Нила; отсюда же Египетскіе цари распространяли се въ Сиріи и Ассиріи, по изгнаніи мидо-иранской династіи Ша-су или Саковъ. Могуцственному вліянію этой цивилизаціи Семиты-Ассирійцы одолжены развитіемъ своей образованности. Военное и религіозное господство ихъ, простиравшееся на юго-востокъ до народовъ Дравидскихъ и до кочевыхъ племенъ Индіи, въ XIII в. до Р. Х. обитавшихъ еще въ южной Сибири, оказало гораздо болѣе сильное вліяніе на умствен-

¹⁾ Это сообщеніе служило отчасти отвѣтомъ на слѣдующій вопросъ программы: (№ 11). «Какъ приурочить точнымъ образомъ, въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, встрѣчающіяся въ египетскихъ надписяхъ XVIII-й и XIX-й династій имена *Рутану* и *Хета*, съ которыми Египетскіе государи этихъ династій носили въ теченіе цѣлыхъ столѣтій?»

ную жизнь Азіятовъ, чѣмъ въ послѣдствіи христіанство Несторіевой секты и буддизмъ. Поразительно, и безъ сомнѣнія, не случайно отмеченное г. Шмидтомъ сходство въ міеологическихъ воззрѣніяхъ армяно-кавказскихъ народовъ и племенъ американскихъ. Основательное сравненіе корней въ языкахъ армяно-кавказскихъ и цивилизованныхъ народовъ древней Америки приводитъ его къ тому же заключенію. Наконецъ, въ имперіи Ахеменидовъ важное значеніе, благодаря своей численности, имѣлъ народъ Аккадскій. Языкъ его есть, по мнѣнію г. Шмидта, второй изъ тѣхъ языковъ, на которыхъ изложена Вегистунская надпись; но грамматическимъ розысканіямъ этого ученаго, языкъ этотъ столь же близокъ къ современному зырянскому и черемисскому, сколько языкъ сузскій къ нарѣчіямъ дравидскимъ. Въ народѣ Аккадскомъ Ахемениды, по всей вѣроятности, находили опору противъ анархическихъ стремленій Арійцевъ и Семитовъ.

Слѣдующее сообщеніе въ описываемомъ засѣданіи принадлежало К. П. Патканову и служило отвѣтомъ на слѣдующій вопросъ программы: (№ 25). „Къ какому вѣку слѣдуетъ отнести составленіе „Географіи“, приписываемой Моисею Хоренскому, судя по изданію этого памятника, какъ сдѣлано оное мекхитаристами въ 1843 году?“

Содержаніе доклада г. Патканова заключалось въ слѣдующемъ: Сочиненіе, приписываемое армянскому историку Моисею Хоренскому, жившему въ V вѣкѣ, получило извѣстность въ ученomъ мѣрѣ, благодаря переводу его сочиненій на латинскій языкъ, изданному въ Лондонѣ въ 1836 г. братьями Уистонами. Въ этомъ изданіи помѣщенъ и переводъ упомянутой географіи. Второй переводъ этой географіи былъ сдѣланъ знаменитымъ французскимъ арменистомъ Сентъ-Мартеномъ, въ приложеніи къ его „Запискамъ объ Арменіи“. Сентъ-Мартенъ прибавилъ къ своему переводу примѣчанія и предисловіе, въ которыхъ подвергъ географію строгой критикѣ, обнаружилъ въ ней болѣе двадцати грубыхъ анахронизмовъ, и на основаніи ихъ, счелъ себя въ правѣ отнести составленіе этой географіи къ 950 году. Въ отвѣтъ на эту критику венеціанскіе мекхитаристы сдѣлали въ 1843 году новое изданіе упомянутой географіи; для этого они сличили до двѣнадцати древнѣйшихъ и наилучше сохранившихсяъ рукописей, вслѣдствіе чего большая часть указанныхъ Сентъ-Мартеномъ анахронизмовъ исчезла. Тѣмъ не менѣе и это новое, пересмотрѣнное и добросовѣстно провѣренное изданіе не соответствовало той задачѣ, которую поставили себѣ мекхитаристы: географія, возстановленная въ своихъ существенныхъ частяхъ почти въ первоначальномъ видѣ, все еще со-

храняла въ себѣ слѣды временъ позднѣе V вѣка. Въ настоящее время всѣ специалисты, въ томъ числѣ Леонъ Алишанъ и г. Кипертъ, согласны въ томъ, что имѣющаяся у насъ географія составлена въ началѣ VII вѣка, или — срокъ самый поздній — около времени перваго нашествія Арабовъ на Арменію, то-есть, около половины того же вѣка. Такимъ образомъ, если она составлена двумя вѣками позднѣе V вѣка, то и не могла имѣть своимъ авторомъ Моисея Хоренскаго: въ этомъ отношеніи Сень - Мартенъ совершенно правъ. По изслѣдованіямъ г. Патканова, авторъ этой географіи — писатель VII вѣка, временъ императора Маврикія и Хозроя Парвиза, Анапія Ширакадзе, который, кромѣ разсужденій о календаряхъ, написалъ еще полную космографію, любопытную съ лингвистической точки зрѣнія тѣмъ, что въ ней сохранены названія знаковъ зодіака и планетъ на языкахъ греческомъ и персидскомъ временъ Сассапидовъ, названія, доказывающія, что уже въ то время существовалъ современный персидскій языкъ. Географія, которую г. Паткановъ отнимаетъ отъ Моисея и возвращаетъ Ананію, также представляетъ до сотни названій животныхъ, растений и другихъ произведеній Востока большею частію на тогдашнемъ персидскомъ языкѣ, и это должно сдѣлать ее еще болѣе любопытною для лингвистовъ; составлена же она вообще, какъ сознается въ предисловіи самъ ея авторъ, по всемірной хорографіи Паппа Александрійскаго, жившаго въ концѣ IV вѣка.

Послѣ этого доклада г. Оппертъ развилъ нѣсколько мыслей о текстахъ клинообразнаго письма на языкѣ древней Арменіи, называемомъ „арменіанскимъ“ и не имѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ, что носитъ названіе языка армянскаго. Это — языкъ совершенно неизвѣстный, который еще не удалось раскрыть ни при помощи другихъ переводовъ, ни посредствомъ сравнительной филологіи. Къ счастью, въ арменіанскихъ текстахъ встрѣчается много идеографическихъ знаковъ, совершенно тождественныхъ съ ассирійскими. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вмѣсто такихъ знаковъ, выражающихъ цѣлыя понятія, стоятъ простыя буквы, онѣ хотя и совершенно четки, но остаются совершенно недоступными для чтенія и уразумѣнія словъ. Г. Оппертъ предложилъ однако небольшой опытъ истолкованія одной изъ надписей, основанный не столько на точныхъ данныхъ филологіи, сколько на догадкахъ по здравому смыслу.

Затѣмъ г. Эрицовъ сдѣлалъ сообщеніе о собраніяхъ армянскихъ рукописей. По мнѣнію его, со времени возникновенія армянской письменности въ V вѣкѣ по Р. Хр., армянскія письмена потерпѣли семь

различныхъ измѣненій. Такъ, въ рукописи, видѣнной имъ въ с. Канлиджѣ, Александропольскаго уѣзда, и отпосающейся къ 693 году, буквы состоятъ изъ правильныхъ квадратовъ, тогда какъ нынѣ армянскія письма весьма близко подходятъ къ готическому шрифту нѣмецкаго письма. Одинъ изъ моментовъ измѣненія письменъ относится къ эпохѣ возстановленія царства Багратидовъ, другой—къ цвѣтущимъ временамъ Киликіи, и т. д. Буквенныя украшенія, встрѣчаемыя въ армянскихъ рукописяхъ, носятъ на себѣ слѣды вліянія искусствъ византійскаго, арабскаго и персидскаго. Вообще переписчики высоко цѣнились у Армянъ, и имена нѣкоторыхъ изъ нихъ даже запесены въ лѣтописи. Сохранилось довольно большое количество армянскихъ рукописей, но много ихъ было и истреблено въ разные времена. Богатѣйшее собраніе армянскихъ рукописей находится въ Эчмиадзинскомъ монастырѣ; тамошняя бібліотека отчасти описана академикомъ М. И. Броси и въ концѣ 1850-хъ годовъ приведена въ порядокъ заботами монастыря; издавпый послѣднимъ каталогъ именуется до 3000 манускриптовъ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщено по нѣскольку сотъ отдѣльныхъ статей. Впрочемъ, по содержанію эти рукописи не имѣютъ слишкомъ большой цѣны. Наиболѣе любопытныя собранія армянскихъ рукописей находятся въ Римѣ и Венеціи; тамъ собраны лучшіе памятники армянской литературы XIII и XIV вѣковъ. Сверхъ того, извѣстны еще собранія армянскихъ рукописей въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ. Въ Россіи собранія ихъ имѣются въ Академіи Наукъ, Императорской публичной бібліотекѣ, при Московскомъ С.-Петербургскомъ, Казанскомъ и другихъ университетахъ, а также при Лазаревскомъ институтѣ въ Москвѣ. Изъ армянской исторіи извѣстно, что Ахпатскій монастырь обладалъ значительнымъ собраніемъ произведеній армянскихъ писателей V вѣка, но не извѣстно, что стало съ этимъ собраніемъ. Въ 1872 году г. Эрицовъ посѣтилъ этотъ монастырь и нашелъ тамъ не болѣе 180 армянскихъ рукописей, притомъ сильно испорченныхъ. Это, быть можетъ, остатки отъ собранія V вѣка. Нѣкоторыя изъ рукописей Ахпатскаго монастыря г. Эрицовъ представилъ собранію.

А. А. Цагарели сдѣлалъ сообщеніе о сборникѣ переводимыхъ имъ грузинскихъ басенъ и сказокъ XVII вѣка. Въ этотъ сборникъ вошло до 150 сказокъ и басенъ, изъ которыхъ только самая малая часть сходна съ извѣстными доселѣ азіятскими и европейскими сказками, остальные же—несомнѣнно туземнаго происхожденія. По мнѣнію докладчика, основательное изученіе грузинскихъ поэтическихъ произве-

деній значительно помогло бы выясненію отношеній между мнѣнчскими мірами Востока и Запада.

Въ заключеніе засѣданія Д. І. Чубиновъ сообщилъ о сборникѣ грузинскихъ законовъ, представляющемъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ изъ бытовой исторіи Грузинъ и много свѣдѣній о феодальной системѣ въ Грузіи.

Во время этого засѣданія была получена В. В. Григорьевымъ телеграмма отъ г. Лессенса, предсѣдателя провинціального конгресса ориенталистовъ, собравшагося въ Марсели. Г. Лессенсъ передалъ въ этой телеграммѣ привѣтствіе отъ имени Марсельскаго конгресса и пожелалъ успѣха С.-Петербургской сессіи. Собраніе приняло эту телеграмму весьма сочувственно, и по предположенію г. Григорьева, немедленно телеграфировало отвѣтъ.

Засѣданіе, происходившее 27-го августа утромъ, было занято общеніями изъ области археологіи и нумизматики.

Первый докладъ былъ сдѣланъ г. Горскимъ-Платоновымъ, который читалъ записку о еврейской рукописи Пятикнижія, принадлежащей Московской духовной академіи. Эта рукопись относится, судя по припискѣ, къ 1142 году христіанскаго лѣтосчисленія. Она написана на кожѣ, въ три столбца, содержитъ въ себѣ 248 листовъ и имѣетъ всѣ гласныя и ударенія. За исключеніемъ нѣсколькихъ листовъ, вся рукопись писана одною рукою. Кромѣ указанной выше приписки, въ концѣ сдѣлана довольно длинная помѣта, въ которой сказано, что рукопись эта была подарена Козловскимъ караимскимъ обществомъ преосвященнѣйшему Гавріилу, архіепископу Херсонскому, во время его пребыванія въ Евпаторіи въ 1845 году. Внизу находится фамилія учителя училища Юсифа Луцкаго, подписавшагося отъ лица всего караимскаго общества. Г. Горскій-Платоновъ позволилъ себѣ обратить вниманіе собранія на эту рукопись съ тою цѣлію, чтобы присутствующіе ученые семитологи высказали о ней свое мнѣніе, и особенно о томъ, дѣйствительно ли по характеру письма, рукопись столь древняя, какъ гласитъ приписка; въ заключеніе доклада, г. Горскій-Платоновъ представилъ фотографическіе снимки съ двухъ листовъ этой рукописи.

Затѣмъ представлены были слѣдующіе мемуары: 1) г. Аспелина—О донсторической цивилизаціи Пермскихъ народовъ и о ихъ торговлѣ съ Востокомъ; 2) г. Камила Рика—Надписи на скалахъ на горѣ Синаѣ, 3) г. Люценка—Еврейскіе надгробные памятники, найденные близъ станціи Сѣнпой на полуостровѣ Тамани.

II. И. Лерхъ прочелъ записку о монетахъ Бухарь-худажовъ или Бухарскихъ князей. На первыхъ экземплярахъ этихъ монетъ, описанныхъ Френомъ, имѣются двѣ надписи, изъ которыхъ одна—куфическими буквами, изображающими арабское имя эль-Мегди, а другая—неизвѣстными, трудно различаемыми письменами. По типу своему монеты эти должны быть признаны за подражаніе монетамъ Варакрена V, Сасанидскаго царя первой половины V вѣка; а на послѣднихъ вмѣсто имени эль-Мегди читается отрывокъ надписи, употреблявшейся на монетахъ сасанидскихъ, и именно—слово *уасн* (изъ слова *Маздауасн*, поклонникъ Мазды) и слово *bage*, божественный. На основаніи этого сближенія г. Лерхъ нашелъ возможность прочесть вышеупомянутую надпись неизвѣстными письменами и объяснилъ собранію самый способъ своего чтенія. Письмена эти г. Лерхъ называетъ согдійскими, и потому докладъ его является отвѣтомъ на вопросъ программы 21-й, уже возбужденный въ засѣданіи 21-го августа.

Г. Шеферъ представилъ собранію только что полученный имъ отъ одного французскаго ученаго: *Histoire de Jerusalem et de l'Hebron, traduit sur le texte arabe par H. Sauvaire.*

Затѣмъ г. Штикель показалъ собранію придуманную имъ подставку особаго рода для храненія монетъ въ музеяхъ и представилъ подробное описаніе этого инструмента.

Послѣ того предсѣдатель засѣданія г. Оппертъ сказалъ нѣсколько словъ въ память о недавно скончавшемся среди ученыхъ розысканій въ Моссулъ, молодомъ финляндскомъ ассиріологѣ Энебергѣ, ученикѣ присутствовавшаго въ собраніи профессора Александровскаго университета Лагуса, и затѣмъ передалъ слово самому г. Лагусу. Онъ избралъ предметомъ своего сообщенія куфическія монеты и другіе предметы восточнаго происхожденія, которые были найдены въ послѣдніе годы въ Финляндіи, и часть которыхъ была помѣщена на выставкѣ при конгрессѣ. Изъ куфическихъ монетъ важнѣйшія, наиболѣе цѣнныя, были найдены на Аладскихъ островахъ, которые по отношенію къ находкамъ восточныхъ древностей имѣютъ для Финляндіи то же значеніе, что островъ Готландъ для Швеціи. Въ половинѣ іюня настоящаго года въ мѣстечкѣ Бердтби найдено болѣе 800 арабскихъ монетъ. Затѣмъ докладчикъ обратилъ вниманіе на найденное въ приходѣ Гауго великолѣпное ожерелье, составленное изъ монетъ, отъ котораго впрочемъ уцѣлѣла только часть. По замѣчанію докладчика, въ Финляндіи вообще довольно часто встрѣчаются вмѣстѣ съ монетами и предметы восточнаго искусства. Въ торговлѣ съ Востокомъ

принимали участіе даже самыя сѣверныя части Финляндіи, доказательствомъ чему служатъ вѣсы, найденныя вмѣстѣ съ нѣсколькими монетами и другими вещами въ Лалландіи, въ приходѣ Куолаярви; кромѣ мѣста, на которомъ сдѣлана эта находка, замѣчательно еще то, что при вѣсахъ было двѣнадцать гирь; а изъ того факта, что вѣсы были малы, можно заключить, что они употреблялись для взвѣшиванія драгоцѣнныхъ металловъ—золота и серебра; эти вѣсы, весьма тщательно описанныя профессоромъ Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ, г. Гельстремомъ, несомнѣнно восточнаго происхожденія. Въ заключеніе г. Лагусъ сказалъ, что благодаря именно этой торговлѣ, арабскіе писатели могли сообщить нѣсколько свѣдѣній о столь отдаленныхъ странахъ, какова Финляндія. Только у Идриси и слѣдовавшихъ за нимъ писателей встрѣчаются свѣдѣнія, полученныя другими путями и изъ другихъ источниковъ.

Докладъ г. Лагуса сдѣланъ былъ на латинскомъ языкѣ. Это обстоятельство дало поводъ г. Штикелю сдѣлать, также по латыни, слѣдующее заявленіе: „Я радуюсь, что г. Лагусъ сказалъ свою рѣчь по латыни. Этотъ бессмертный, хотя и мертвый языкъ, занесенный славнымъ оружіемъ Римлянъ въ песчанія пустыни Африки и въ сердце Азіи, языкъ, который въ теченіе вѣковъ былъ проводникомъ гражданственности и понынѣ составляетъ необходимое условіе всякаго основательнаго образованія, дѣйствительно заслуживаетъ того, чтобъ ему было возвращено то мѣсто, которое онъ нѣкогда занималъ“. Въ заключеніе г. Штикель выразилъ желаніе, чтобы добрый примѣръ г. Лагуса пашель себѣ подражаніе въ другихъ ораторахъ. Слова эти вызвали самыя живыя и продолжительныя выраженія сочувствія.

Затѣмъ г. Либлейнъ прочелъ свое изслѣдованіе о народѣ Хэта, въ отвѣтъ на 11-й вопросъ программы конгресса. Народъ этотъ, упоминаемый въ Библии, извѣстенъ также и по египетскимъ памятникамъ, подъ тѣмъ же почти именемъ. До исхода Евреевъ изъ Египта и до занятія ими Палестины, то-есть, до Аменготена III, который, по мнѣнію г. Либлейна, царствовалъ между 1355 и 1318 годами до Р. Х., и въ царствованіе котораго совершился исходъ, народъ Хэта жилъ въ южной части Палестины, въ окрестностяхъ города Гсброна. Во время нашествія Евреевъ, народъ этотъ былъ побѣжденъ, и часть его покорилась, а другая, большая, выселилась и заняла долину Оронта; тѣснямыя Амореянами, которые также были изгнаны изъ Палестины и покинули ее или ранѣе, или позже Хэта, послѣдніе распространились на сѣверъ до границы Киликіи. На сѣверо-

западъ Сиріи, Хэта утвердились на остаткахъ народа Рутэцу, которые господствовали здѣсь до времени прекращенія XVIII-й египетской династіи (1231 г. до Р. Х.). Въ теченіе XIII и XII вѣковъ Хэта такъ усилились, что играли первую роль въ здѣшнихъ мѣстахъ во время сирійскихъ войнъ Рамзеса II (1180—1114 гг. до Р. Х.) и Ассирійскаго царя Тиглатъ-Пилесара (около 1180 г. до Р. Х.), и о нихъ, какъ о важнѣйшемъ народѣ сѣверной Сиріи, говорится въ Библии въ царствованіе Соломона (I Царств., X, 23) и Израильскаго царя Иеровоама (II Царств., VII, 6).

А. Я. Гаркави сдѣлалъ сообщеніе о странѣ, именуемой въ египетскихъ надписяхъ Теңу, или по чтенію докладчика, Темену; г. Гаркави считаетъ ее тождественною съ Теманскою землею или Іеменомъ въ Аравіи.

Г. Оппертъ сообщилъ о томъ, что ему удалось найти ключъ для чтенія такъ называемыхъ судебныхъ надписей, и объяснилъ значеніе формулъ, содержащихся въ этихъ памятникахъ, которые восходятъ до 2500 до Р. Х. и достигаютъ до времени Домиціана.

Г. Голенищевъ сдѣлалъ два сообщенія изъ области египтологіи: 1) о папирусѣ № 1, хранящемся въ Императорскомъ эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ, гдѣ помѣщены отрывки изъ какого-то правоучительнаго трактата, затѣмъ разказъ объ одномъ событіи изъ времени царя Сенефру, запись о храмовыхъ вкладахъ и два дружескія дѣловыя письма; папирусъ, по мнѣнію докладчика, написанъ во время XX-й династіи; 2) о Меттерниховой колоннѣ, которой изданіе предпринято г. Голенищевымъ.

Послѣ того приступлено было къ обсужденію вопросовъ программы:

(§ 14) „Мопеты мусульманскихъ династій, по даннымъ, заключающимся въ изображенныхъ на нихъ надписяхъ, принято вообще считать историческимъ источникомъ болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ лѣтописи и тому подобные неофіціальныя документы: вполне ли это основательно, и всегда ли можно сказанія послѣднихъ поправлять при помощи первыхъ?“

На этотъ вопросъ данъ былъ только частный отвѣтъ въ примѣру, который указанъ былъ М. А. Терентьевымъ. Онъ напомнилъ, что въ Императорскомъ эрмитажѣ въ настоящее время находится мраморная доска съ надгробною надписью Мохаммедъ-хана Шейбани, привезенная изъ Самарканда. По хронограммѣ въ концѣ надписи можно было бы заключить, что этотъ ханъ умеръ въ 977 году Геджиры,

или въ 1569 году отъ Р. Х. Между тѣмъ положительно извѣстно, что Мохаммедъ-ханъ убитъ въ сраженіи противъ Измаилъ-хана при Мервѣ въ 1510 году, и изъ черепа его былъ сдѣланъ кубокъ по приказанію Измаилъ-хана. Такимъ образомъ надгробная надпись отодринула годъ смерти Мохаммедъ-хана на цѣлыя 59 лѣтъ. Напротивъ того, монеты, съ которыхъ имя Мохаммедъ-хана исчезло въ 1510 г., даютъ показаніе вѣрное. Изъ этого г. Терентьевъ сдѣлалъ выводъ о преимуществѣ монетъ предъ всѣми другими памятниками для хронологическихъ опредѣленій.

Г. Леонъ де-Рони сдѣлалъ переводъ надписи, вырѣзанной на маленькой бронзовой статуэткѣ, представленной на конгрессъ К. Θ. Нейманомъ. Эта статуэтка найдена у сѣверо-восточнаго угла озера Байкала, въ Баргузинѣ, и принадлежитъ тамошнему жителю г. Камнаеву. Эта надпись состояла изъ числа и двухъ рядовъ китайскихъ знаковъ, почти совершенно стершихся. По смыслу надписи г. де-Рони приписываетъ памятнику буддійское происхожденіе.

(№ 31). „Слѣдуетъ ли подъ *Aneriu* египетскихъ надписей разумѣть Евреевъ?“

Д. А. Хвольсонъ, просившій слова по поводу этого вопроса, изложилъ мотивы его, но опредѣленнаго отвѣта на него не далъ; равнымъ образомъ и со стороны другихъ членовъ на вопросъ этотъ не послѣдовало никакихъ разъясненій.

(№ 32). „Въ ассирійскихъ надписяхъ Ассурбаинпала Египеть обозначается одинаково именами *Маянь* и *Музуръ*; въ какомъ отношеніи одно къ другому находятся эти имена?“

По этому поводу говорилъ только г. Оппертъ, заявившій, что имена *Маянь* и *Музуръ* вовсе не тождественны, но что послѣднее всегда означаетъ Египеть.

(№ 33). „Какую политическую цѣль имѣлъ въ виду Шишакъ (Сенъ-Сесонхисъ), основатель XXII-й египетской династїи, когда при походѣ своемъ на Іудею оставилъ въ покоѣ царство Десяти колѣвъ?“

Д. А. Хвольсонъ замѣтилъ, что онъ отчасти отвѣчалъ на этотъ вопросъ въ русскомъ мемуарѣ своемъ: „О вліяніи географическаго положенія Палестины на судьбы этой страны“; здѣсь докладчикъ преимущественно развивалъ ту мысль, что Филистинская земля была нѣчто въ родѣ военной колоніи Египтянъ.

Въ заключеніе засѣданія г. Маховъ представилъ свое сочиненіе о японской монетной системѣ (С.-Иб. 1861 г.).

Засѣданіе отдѣленія религіозныхъ и философскихъ ученій Востока,

происходившее 28-го августа утромъ, открылось представленіемъ слѣдующихъ, внесенныхъ на конгрессъ, мемуаровъ: 1) О реформѣ исламизма, начатой въ III вѣкѣ Геджиры Абдуль-Гасаномъ и Али эль-Ашари и продолженной его послѣдователями, содержаніе котораго было вкратцѣ изложено самимъ авторомъ, г. фонъ-Мерепомъ, 2) о славянскомъ переводѣ Псалтыри, сдѣланномъ въ XVIII вѣкѣ архіепископомъ Московскимъ и Калужскимъ Амвросіемъ Зертисъ-Каменскимъ — соч. г. Горскаго-Платонова, также лично изложившаго содержаніе своего труда, 3) *Outlines of a History of Chinese Philosophy*—Э. Дж. Эйтеля (E. J. Eitel), 4) *Chinese Natural Theology* — Дж. Чалмерса (J. Chalmers). 5) *Beitrag zu der Entstehungsgeschichte der biblischen Chronik de Peschiltra*—Тетермана (Tötterman).

Затѣмъ г. А. де-Губернатисъ изустно изложилъ свой взглядъ на мифологическую связь между сказаніями о сотвореніи міра, потопѣ и возрожденіи и на параллелизмъ, существующій между библейскою и индѣйскою космогоніями.

Г. Оппертъ сообщилъ о клинообразномъ текстѣ, содержащемъ въ себѣ сказаніе о потопѣ. Текстъ этотъ открытъ былъ извѣстнымъ англійскимъ археологомъ Джорджемъ Смитомъ, извѣстіе о копчинѣ котораго, послѣдовавшей 19-го августа, только что было получено. Сказавъ нѣсколько словъ въ память этого ученаго, г. Оппертъ обратился къ памятнику, имъ открытому, и предложилъ, съ своей стороны, новый переводъ и толкованіе текста о потопѣ. Между прочимъ г. Оппертъ высказался противъ отождествленія Идубара съ Немвродомъ, и заявилъ, что, по его мнѣнію, Немвродъ есть не отдѣльное лицо, а олицетвореніе цѣлаго народа.

В. Э. Миллеръ представилъ вниманію собранія свой трудъ, подъ заглавіемъ: *Очерки Арійской мифологіи въ связи съ древнѣйшею культурою. Томъ I. Асвины-Діоскуры*“ (М. 1876), и изложилъ изустно главные результаты своего изслѣдованія. По мнѣнію докладчика, культура ведійской эпохи далеко не можетъ быть названа первобытною, но напротивъ того, представляетъ на себѣ слѣды долговременнаго предшествовавшаго развитія. Разработка этихъ идей составляетъ содержаніе первыхъ главъ сочиненія г. Миллера. Затѣмъ онъ обращается къ разсмотрѣнію мифовъ, содержащихся въ ведійскихъ гимнахъ, и доказываетъ, что они суть только отрывки мифовъ древнѣйшихъ, и не только не могутъ служить къ разъясненію мифовъ другихъ индо-европейскихъ народовъ, но еще отъ нихъ должны получить свое толкованіе. Г. Миллеръ высказываетъ убѣжденіе, что по-

мѣщеніе древнихъ и иногда забытыхъ божествъ на звѣзды одинаково существовало какъ у Индѣйцевъ, такъ и Грековъ и Халдеевъ, и что созвѣздіе Діоскуровъ у Грековъ и созвѣздіе Асвиновъ у Индѣйцевъ отнюдь не свидѣтельствуютъ о первоначальномъ стелларномъ значеніи этихъ божествъ-близнецовъ. Тотъ же типъ, по видимому, встрѣчается въ халдейскомъ зодіакѣ и является въ клинообразныхъ надписяхъ подъ названіемъ Сивапъ, и нѣтъ никакихъ поводовъ къ сомнѣнію въ тождественности близнецовъ халдейскихъ съ близнецами индо-европейскими.

Слѣдующія сообщенія были сдѣланы г. Либлейномъ—объ одномъ египетскомъ саркофагѣ, относящемся ко времени XIII-й династіи и нынѣ сохраняемомъ въ музей Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ; г. Бонцелемъ—о религіи Скивовъ, и г. Науфалемъ о нѣкоторыхъ эконолическихъ вопросахъ съ мусульманской точки зрѣнія, и въ особенности, о теоріи налога на потребителя по понятіямъ арабскихъ мыслителей.

Въ заключеніе говорилъ членъ миссіонерскаго общества г. Крыловъ о практическомъ значеніи переводовъ духовныхъ книгъ на языки народовъ, не знающихъ христіанства. „Вопросъ о переводѣ христіанскихъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на какой-либо изъ восточныхъ языковъ съ цѣлю обращенія идолопоклонниковъ“, сказалъ г. Крыловъ,—„уже не разъ былъ обсуждаемъ. Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду, что третья сессія конгресса ориенталистовъ посвящена главнымъ образомъ изученію русской Азіи, я воспользовался случаемъ предложить слѣдующій вопросъ: книги, предназначенныя къ распространенію между обращающимися сибирскими язычниками, должны ли быть переведены на одинъ изъ литературныхъ восточныхъ языковъ, или на народныя нарѣчія? Монгольскій переводъ этихъ книгъ уже сдѣланъ: это результатъ двадцати-семилѣтнихъ трудовъ покойнаго архіепископа Ярославскаго Николая, и главнымъ образомъ, отца Николая Доржеева, Бурята по происхожденію, бывшего прежде буддѣйскимъ священникомъ. Переведены слѣдующія книги: 1) Службникъ, 2) Требникъ, 3) Ирмологъ, 4) Часословъ, 5) Постная тріодъ, 6) Цвѣтная тріодъ, 7) Службы на господскіе праздники, 8) Общая минея, 9) Октоихъ, 10) Послѣдованіе на день Св. Пасхи, 11) Молитвословъ, 12) Начатки христіанскаго ученія. Эти двѣнадцать книгъ уже отпечатаны; Евангеліе же и Дѣянія Апостольскія лишь окончены переводомъ. Переводимыя книги печатались только по разсмотрѣніи ихъ нашими профессорами монгольской лите-

ратуры гг. Поповымъ и Голстунскимъ. Впрочемъ, изданіе этихъ книгъ не совершенно окончено, а распространеніе ихъ воспрещено вслѣдствіе вмѣшательства миссіонеровъ, утверждающихъ, что переводъ сдѣланъ на языкъ, неизвѣстномъ народонаселенію. Буряты, дѣйствительно, говорятъ на нѣсколькихъ столь различныхъ нарѣчіяхъ, что жители по ту и по другую сторону Байкала не понимаютъ другъ друга. Нѣкоторые изъ этихъ нарѣчій вовсе не имѣютъ письменности, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ переводчикъ по необходимости долженъ былъ пользоваться кореннымъ языкомъ монгольскимъ. Все это доказываетъ, что христіанскія священныя и богослужебныя книги должны быть переводимы на языкъ литературный. Вслѣдствіе того о. Николай Доржеевъ, основательно знакомый съ монгольскимъ языкомъ и нѣсколькими бурятскими нарѣчіями, и счелъ необходимымъ переводить священныя книги на языкъ монгольскій. Въ интересахъ просвѣщенія и распространенія христіанской вѣры между язычниками, я и рѣшился, въ качествѣ члена миссіонерскаго общества, указать на необходимость продолженія изданія и употребленія книгъ на монгольскомъ языкѣ: для Бурятъ лучше имѣть священныя книги на этомъ языкѣ, чѣмъ на славянскомъ, или же чѣмъ вовсе не имѣть ихъ ни на какомъ языкѣ".

Разъясненіе этого вопроса представлено было въ особой запискѣ К. О. Голстунскаго, внесенной имъ на конгрессъ. Заявленіемъ о томъ окончилось засѣданіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ ученые работы конгресса.

Наканунѣ дня, когда происходило это засѣданіе, 27-го августа, вечеромъ, состоялось особое собраніе официальныхъ делегатовъ отъ правительствъ, съ цѣлью условиться о предварительномъ выборѣ мѣста слѣдующаго съѣзда. В. В. Григорьевъ, отъ имени организаціоннаго комитета, предложилъ собраться во Флоренцію, на что италіанскій официальный делегатъ г. А. де-Губернатисъ заявилъ, что италіанскій министръ народнаго просвѣщенія командоръ Коннино уполномочилъ его довести до свѣдѣнія конгресса о полномъ удовольствіи и согласіи италіанскаго правительства на то, чтобы Италія теперь или позднѣе была избрана мѣстомъ собранія конгресса ориенталистовъ. Такъ какъ согласіе италіанскаго правительства было ужь обезпечено, то и предложеніе г. Григорьева было принято единогласно.

31-го августа, въ 2 часа пополудни, собралось заключительное засѣданіе С.-Петербургскаго конгресса. По открытіи его В. В. Григорьевъ сообщилъ слѣдующее: „Совѣтъ третьей сессіи, по рассмотрѣ-

нѣи возбужденныхъ вопросовъ и сдѣланныхъ предложеній, представляетъ собранію слѣдующія заключенія: 1) Слѣдующая сессія соберется въ Италіи, во Флоренціи. 2) Предсѣдательство на пей предлагается г. М. Амари. Организационный комитетъ для содѣйствія знаменитому предсѣдателю будетъ составленъ изъ гг. Дж. Асколи, Дж. Горрезіо, А. Северини, Ф. Лазиніо, А. де-Губернатиса". Собраніе приняло эти заключенія продолжительными рукоплесканіями.

Затѣмъ просилъ слова г. де-Губернатисъ и въ рѣчи на италіянскомъ языкѣ выразилъ тѣ чувства, которыя возбуждастъ въ Италіянцахъ желаніе конгресса собраться на слѣдующую сессию въ Италіи. Въ подтвержденіе своихъ словъ г. де-Губертатисъ прочелъ слѣдующую телеграмму, полученную имъ отъ италіянскаго министра народнаго просвѣщенія командора Коппино: „Радуюсь единодушному избранію города Флоренціи мѣстомъ четвертаго конгресса ориенталистовъ и назначенію предсѣдателемъ знаменитаго Амари, благодарю отъ имени Италіи, въ увѣренности, что Флоренція, по обыкновенію, окажется достойною этой чести“. „Эти немногія, но красиорѣчивыя слова“, присовокупилъ италіянскій делегатъ, — „да будутъ вамъ порукою въ чувствахъ благодарности, съ которыми италіянскіе ученые пріймутъ извѣстіе, что конгрессъ ученыхъ ориенталистовъ вскорѣ оживитъ нашу ученую дѣятельность, которой каждое новое возбужденіе придастъ необыкновенную силу и спорость, и они потщатся сдѣлать труды четвертаго конгресса не безплодными и приготовить вамъ достойный пріемъ... Съ радостнымъ удивленіемъ увидѣли мы“, продолжалъ ораторъ, обращаясь къ русскимъ ученымъ, — „сколько вы уже успѣли совершить и сколько еще обѣщаете намъ предпринять на пользу востоковѣднія. Мы, поэтому, уѣдемъ въ свое отечество съ живѣйшею надеждою на то, что вы по прежнему будете оказывать намъ большія услуги своими изслѣдованіями почти невѣдомой страны, какова Средняя Азія. Въ надеждѣ на ваши плодотворные труды, мы спѣшимъ выразить чувство почтительной благодарности вашему Августѣйшему Государю, который, не смотря на то, что поглощенъ въ настоящее время важными и неотложными государственными дѣлами, тѣмъ не менѣе почтилъ науку, въ лицѣ ея представителей, блистательнымъ гостепріимствомъ, о чемъ каждый изъ насъ, безъ сомнѣнія, сохранитъ всегдашнее воспоминаніе. До свиданія, милостивые государи; мы заключили здѣсь новый плодотворный договоръ международнаго единенія. До свиданія во Флоренціи, куда приглашаю васъ всѣхъ, и гдѣ, надѣюсь, вы легко можете убѣдиться, что Италія сдерживаетъ свои обѣщанія“. Къ этому

г. де-Губернатисъ добавилъ по французски: „Сію минуту я получилъ новую депешу, сообщенную италіянскимъ правительствомъ въ италіянское консульство. Вотъ текстъ этой телеграммы: „Синдикъ Флоренціи благодаритъ конгрессъ за выборъ города. Амари принимаетъ почетное избраніе“. Рѣчь г. де-Губернатиса была принята собраніемъ съ рукоплесканіями.

Послѣ того предсѣдатель конгресса В. В. Григорьевъ докончилъ чтеніе заключеній совѣта конгресса. Послѣдній пунктъ этихъ заключеній былъ слѣдующій:

„3) Русскій постоянный комитетъ будетъ составленъ изъ членовъ организаціоннаго комитета третьей сессіи, съ правомъ замѣщенія другими лицами тѣхъ членовъ, для которыхъ окажется невозможнымъ продолжать въ немъ свое участіе“. Это заключеніе также было принято собраніемъ.

Затѣмъ г. Григорьевъ прочелъ слѣдующее предложеніе г. Аристиды Марра (Marre) относительно употребленія латинскаго языка: „Франція съ давняго времени убѣждена, что ея языкъ понимается вездѣ и всюду, почему изъ всѣхъ европейскихъ народовъ Французы наименѣе знакомы съ иностранными языками. Несомнѣнно, что изученіе французскаго языка является составною частію общаго образованія вездѣ, особенно въ Англіи и Россіи, и много разъ парижское общество видѣло Русскихъ, которые были способны дать намъ уроки во французскомъ языкѣ. Если же нашъ языкъ до такой степени усвоивается большимъ числомъ Русскихъ, Англичанъ и Нѣмцевъ, то у другихъ народовъ замѣчается другое, и статистика показываетъ, что на французскомъ языкѣ въ настоящее время говоритъ менѣе людей, чѣмъ на англійскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ и даже испанскомъ. Слѣдуетъ сознаться, что нашъ языкъ, какъ орудіе распространенія знаній въ современномъ мірѣ, оставляетъ желать многого. Но избѣгаютъ ли этого недостатка языки англійскій, нѣмецкій или русскій? Не думаемъ, чтобы какой-либо изъ этихъ языковъ могъ быть избранъ для этой цѣли предпочтительно передъ другими, и доказывать это было бы бесполезно. Но почему бы латинскій языкъ не могъ быть употребляемъ и теперь, какъ онъ употреблялся еще въ прошедшемъ вѣкѣ славными Альбрехтомъ Галлеромъ и многими учеными, съ которыми онъ былъ въ перепискѣ? Латинскій языкъ, скажутъ намъ,—языкъ мертвый; это правда въ томъ смыслѣ, что на немъ не говоритъ ни одинъ великій народъ; тѣмъ не менѣе европейскимъ ученымъ, собравшимся на этотъ конгрессъ, надлежитъ оживить его, принявъ въ качествѣ

языка дополнительнаго къ своему родному, и всѣ они, къ какой бы народности ни принадлежали, должны бы писать на немъ правильно. Весь Востокъ готовится заимствовать наше европейское просвѣщеніе: онъ приходитъ уже въ движеніе и усваиваетъ наши науки и искусства, такъ что даже наиболѣе запоздавшіе народы крайняго Востока не будутъ послѣдними въ стремленіи по этому пути обновленія. Не будетъ ли полезно и необходимо отнынѣ же сдѣлать латинскій языкъ живою связью между европейскими учеными и ихъ собраніями въ другихъ частяхъ свѣта? Поэтому я предлагаю и имѣю честь представить на разсмотрѣніе и судъ конгресса предложеніе о томъ, чтобы *латинскій языкъ былъ особымъ постановленіемъ рекомендованъ* ученымъ, и въ частности—ориенталистамъ, для употребленія во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло будетъ касаться ученыхъ, историческихъ, филологическихъ и т. п. сочиненій, имѣющихъ интересъ общій, а не частный, касающійся того или другаго народа“.

Вслѣдствіе этого предложенія г. де-Рони представилъ, согласно §§ 19 и 20 устава конгресса, ходатайство, поддержанное многими членами объ измѣненіи § 16 помянутаго устава. Статью эту предположено измѣнить такимъ образомъ: „Устные сообщенія въ засѣданіяхъ конгресса должны быть дѣлаемы на языкахъ французскомъ, латинскомъ, или на языкѣ той страны, въ которой состоялся конгрессъ. Организационный комитетъ, въ случаѣ надобности, опредѣляетъ, при открытіи каждой сессіи, какіе другіе языки могутъ быть употребляемы на засѣданіяхъ“. Такъ какъ это предложеніе уже было одобрено совѣтомъ и принято во вниманіе общимъ собраніемъ конгресса, то оно будетъ, согласно § 20 устава, представлено на утвержденіе будущему конгрессу.

Г. Григорьевъ предложилъ на утвержденіе собранія слѣдующія заключенія различныхъ отдѣленій:

I. Желаніе, выраженное по предложенію М. А. Терентьева отдѣленіемъ Индіи и Персіи объ оказаніи со стороны русскихъ и англійскихъ властей покровительства ученымъ при изслѣдованіяхъ ими средне-азиатскихъ странъ: „чтобы ученые изслѣдователи странъ и народовъ Средней Азіи были снабжены англійскими или русскими паспортами и могли бы пользоваться, со времени ихъ прибытія на территорію обоихъ государствъ, всѣмъ покровительствомъ подлежащихъ властей“.

Это желаніе было приято общимъ собраніемъ конгресса и под-

лежить представлению на утверждение русского Императорскаго Правительства.

2. Желаніе, выраженное по предложению г. Шефера отдѣленіемъ Средней Азіи, относительно изданія первоначальнаго текста Всемирной Исторіи Табари, предпринятаго г. де-Гуе: „чтобы конгрессъ обратился съ ходатайствомъ къ Императорскому Правительству о благосклонной поддержкѣ изданію арабскаго текста Всемирной Исторіи Табари“.

По поводу настоящаго предложенія профессоръ В. В. Григорьевъ замѣтилъ, что предпріятіе г. де-Гуе, въ высшей степени важное для востоковѣдѣнія вообще, представляетъ еще совершенно особый интересъ для Россіи, впервыхъ, потому, что Всемирная Исторія Табари есть одинъ изъ главныхъ источниковъ для исторіи большей части русской Азіи, восточной Россіи и сосѣднихъ ипородцевъ, и ввторыхъ, потому, что первая попытка изданія этого фундаментальнаго сочиненія, сдѣланная полвѣка тому назадъ покойнымъ Козецгартепомъ, встрѣтила въ С.-Петербургѣ самый сочувственный приемъ. Въ спискѣ подписчиковъ, между прочимъ, находится имя знаменитаго графа Н. П. Румянцева. Безсмертный ревнитель науки въ Россіи уже съ 1820 года былъ знакомъ съ персидскимъ сокращеніемъ Табари и сумѣлъ оцѣнить эту лѣтопись какъ важный источникъ для древней русской исторіи. Съ тѣхъ поръ имя Табари сдѣлалось знакомо всѣмъ русскимъ историкамъ.

Общее собраніе, выслушавъ сочувственно это заявленіе г. Григорьева, одобрило желаніе, выраженное отдѣленіемъ Средней Азіи, и постановило представить о немъ на усмотрѣніе Императорскаго Правительства.

Затѣмъ г. Григорьевъ выразилъ иностраннымъ членамъ живѣйшую признательность за то, что они почтили сессію своимъ присутствіемъ и содѣйствіемъ.

Когда всѣ предметы запятій собранія были изчерпаны, слово было предоставлено предѣдателю первой сессіи конгресса ориенталистовъ г. де-Рони, и онъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „Милостивые государи и уважаемые товарищи! Прежде чѣмъ будетъ произнесено закрытіе этой долгой и блистательной сессіи, позвольте мнѣ исполнить лежачую на мнѣ обязанность, преисполняющую меня гордостью и счастіемъ. Я долженъ отъ имени всѣхъ иностранныхъ членовъ конгресса выразить наши чувства признательности организаціонному комитету за просвѣщенную ревность и неунывающую

преданность, выказанную имъ столь достойнымъ русской наукой образомъ, какъ до пачала, такъ и во время нашихъ работъ. Произнести теперь имя нашего знаменитаго предсѣдателя, профессора В. В. Григорьева, и присоединить къ нему имена его ученыхъ сотрудниковъ по организаціонному комитету значитъ—сказать, что мы никогда не забудемъ того столь радушнаго, столь сочувственнаго, столь дорогаго для нашей науки приѣма, какой былъ оказанъ всѣмъ намъ на этомъ великомъ и блестящемъ собраніи ориенталистовъ Россіи. Я не считаю себя въ правѣ въ этомъ собраніи принести Его Императорскому Величеству выраженіе нашей почтительной благодарности за высокое покровительство, которое Онъ соизволилъ оказать третьему съѣзду конгресса, уже обошедшему три изъ самыхъ могущественныхъ столицъ просвѣщеннаго міра. Позволю себѣ однакожь увѣрить васъ, г. предсѣдатель, что если это выраженіе не должно здѣсь исходить изъ нашихъ устъ, то тѣмъ не менѣе оно останется неизгладимо начертаннымъ въ нашей памяти и въ нашихъ сердцахъ⁴.

Этою рѣчью закончилось, въ 2 часа 30 минутъ, заключительное собраніе, и третій конгрессъ ориенталистовъ былъ объявленъ закрытымъ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВЪ 1875 ГОДУ.

Въ теченіи 1875 года въ Императорскую публичную бібліотеку поступило: печатныхъ сочиненій 19.854 въ 25.415 томахъ (въ томъ числѣ принесено въ даръ 6.090 сочиненій въ 6.614 томахъ, и приобрѣтено бібліотекою на собствєнныя средства 4.250 сочиненій въ 7.645 томахъ); рукописей и автографовъ 178, эстамповъ и фотографій 501, географическихъ картъ и плановъ 253, музыкальныхъ пьесъ 594.

Важнѣйшими приобрѣтеніями бібліотеки должно считать слѣдующія:

а) Изъ бібліотеки, оставшейся послѣ доктора Коста, въ Лайбахѣ, поступили всѣ печатныя сочиненія, а также рукописи, имѣющія какое-либо отношеніе къ Россіи и славяновѣдѣнію; этою покупкой Императорская публичная бібліотека пополнила одинъ изъ важныхъ своихъ пробѣловъ, а именпо пунѣ находится въ пей почти полное собраніе всего, что было писано о Далмаціи и Кроаціи.

б) Статсъ-секретаремъ княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ припесанное въ даръ собраніе греческихъ и церковно-славянскихъ рукописей и старопечатныхъ славянскихъ книгъ. Изъ числа рукописей заслуживаютъ вниманія на греческомъ языкѣ: Псалтирь XI вѣка; на церковно-славянскомъ: сборникъ XIII вѣка каноническихъ правилъ, поученій и толкованій св. отецъ; прологъ XIV вѣка; тріодъ постная того же вѣка; мѣсяцъ мѣсячная, январь мѣсяцъ, того же вѣка, со службою на память св. Евстафія, архієпископа Сербскаго; толкованія Іоанна Златоустаго на дѣянія и посланія апостольскія, 1516 года, переведенныя съ греческаго языка на болгарскій „по повелѣнію Іоанна Александра, помазаннаго на царство болгарскаго престола“. Изъ печатныхъ изданій нѣкоторые, по превосходно сохранившимся экземплярамъ, должны быть причислены къ біографическимъ рѣдкостямъ,

какъ напрымѣръ: Служебникъ, напечатанный въ Венеціи въ 1519 г., въ роскошномъ переплетѣ, извѣстнаго парижскаго переплетчика Бозонне (Bauzonnet); Молитвенникъ или Евхологіонъ, напечатанный въ Венеціи около 1538—1540 годовъ, въ типографіи и иждивеніемъ Божицара Вуковича, съ паходящимся въ концѣ книги „чиномъ на братосотвореніе“, котораго нѣтъ въ большей части экземпляровъ этого молитвенника; Та *evangeli swetiga Mateusha*—первый опытъ перевода Евангеліи на языкъ словенскій, исполненный Вергеріемъ и Труберомъ и напечатанный въ 1555 году въ Рейтлингенѣ, куда временно было перенесено изъ Тюбингена нѣсколько станковъ, по случаю появившейся въ этомъ послѣднемъ городѣ моровой язвы.

Сверхъ того пріобрѣтены: а) собраніе восточныхъ рукописей, оставшееся послѣ умершаго профессора Казанскаго университета Эрмана. б) семь писемъ въ Бозѣ почившаго государя императора Николая Павловича, въ бытность его великимъ княземъ, и шесть писемъ великаго князя Михаила Павловича къ Андрею Ивановичу Маркевичу, преподававшему артиллерію великимъ князьямъ и бывшему впоследствии директоромъ 2-го кадетскаго корпуса; эти письма принесены въ даръ библиотекѣ его вдовою Е. А. Маркевичъ; в) собраніе печатныхъ книгъ на русскомъ языкѣ, преимущественно брошюръ и отдѣльныхъ оттисковъ изъ поврежденныхъ изданій, а также рукописей, оставшихся послѣ умершаго члена статистическаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ А. И. Артемьева; изъ рукописей замѣчательнъ лѣтописный сборникъ, или такъ называемая Воскресенская лѣтопись, въ весьма хорошемъ спискѣ XVII вѣка, который не былъ въ виду при изданіи этого сборника Археографическою комиссіей; г) собраніе рукописей и печатныхъ книгъ на турецкомъ языкѣ, преимущественно историческаго содержанія, пріобрѣтенное покупкою въ Копстаптинполѣ, по порученію библиотеки, доцентомъ С.-Петербургскаго университета В. Д. Смирновымъ; д) пятьдесятъ четыре письма извѣстнаго нашего композитора А. С. Даргомыжскаго, нѣсколько автографическихъ сочиненій Гнѣдича, Баратынскаго, Д. В. Дашкова, Сквороды и Батюшкова, которыя дополняютъ или исправляютъ напечатанные тексты.

Въ прошломъ году библиотека окончила печатаніемъ каталогъ библейскихъ рукописей на еврейскомъ языкѣ коллекціи Фирковича и каталогъ самаритянскихъ рукописей Пятикнижія той же коллекціи. Первый изъ этихъ каталоговъ, составленъ сврхштатнымъ бібліотекаремъ А. И. Гаркави и германскимъ ученымъ Г. Штракомъ, а вто-

рой — г. Гаркави. Оба эти замѣчательные труда были встрѣчены сочувственными отзывами со стороны европейскихъ гебранстовъ.

Съ Высочайшаго соизволенія Императорская публичная библіотека принимала въ 1875 году участіе въ Парижскомъ географическомъ конгрессѣ. Выставленное ею собраніе географическихъ картъ и въ числѣ ихъ рукописный портулангъ, признанный учеными самымъ замѣчательнымъ въ своемъ родѣ, заслужили ей общее одобреніе. Библіотека за свое участіе на выставкѣ удостоилась высшей награды.

Что касается пользованія библіотекою, то въ истекшемъ году выдано было для занятій въ библіотекѣ болѣе 11.400 билетовъ; всѣхъ читателей было 118.508, которыми вытребовано для чтенія 132.385 сочиненій въ 220.509 томахъ, 83.389 журналовъ и газетъ и 919 рукописей. Число посѣтителей, обозрѣвавшихъ библіотеку и устроенныя въ ней разнообразныя выставки ея драгоцѣнностей и рѣдкостей, простиралось до 4,560.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1875 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; объ усиленіи учебной дѣятельности студентовъ и о контролѣ надъ ними; присужденіе медалей за сочиненія на заданныя темы; ученые труды преподавателей; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; командировки съ ученою цѣлью; бюджетъ университета; свидѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; движеніе больныхъ въ университетскихъ клиникахъ; общество естествоиспытателей при университетѣ.

Въ Казанскомъ университетѣ состояло въ 1875 году, сверхъ профессора православнаго богословія, слѣдующее число штатныхъ преподавателей: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ — 5, экстраординарныхъ — 1, доцентовъ — 2, лекторовъ — 3, всего 11 лицъ; по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ — 10, экстраординарныхъ — 1, доцентовъ 3, лаборантовъ—4, астрономъ-наблюдатель—1, всего 19 лицъ; по юридическому: ординарныхъ профессоровъ—8, доцентовъ—1, всего 9 лицъ; по медицинскому: ординарныхъ профессоровъ—11, экстраординарныхъ—5, доцентовъ—8, прозекторъ—1, помощниковъ прозектора—4, лаборантовъ — 2, всего 31 лицо. Вообще при университетѣ состояло штатныхъ преподавателей, сверхъ профессора православнаго богословія: ординарныхъ профессоровъ — 34, экстраординарныхъ — 7, доцентовъ—14, прозекторовъ—1, помощниковъ прозектора—4, астрономъ-наблюдатель — 1, лаборантовъ — 6, лекторовъ — 3, всего 71 лицо. Сверхштатныхъ преподавателей состоялъ 1 сверхштатный по предмету психіатріи. Приватъ-доцентовъ было — 11, по всѣмъ четыремъ факультетамъ. Сверхъ того, три профессора Казанской духовной ака-

деміи приглашены были къ временному преподаванію: Красинъ — исторіи римской литературы, Снегиревъ—психологіи и Вердиновъ — каноническаго права. Вакантными были слѣдующія кафедръ: греческой словесности — съ 7-го октября 1870 г., римской словесности— со второй половины 1869 г., исторіи всеобщей литературы, теоріи и исторіи искусствъ, физической географіи и исторіи славянскихъ законодательствъ — всѣ четыре со времени введенія дѣйствующаго устава, 2-я кафедра математики—съ 11-го декабря 1871 года, и каноническаго права—съ 9-го сентября 1869 года.

Въ 1875 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—19, въ томъ числѣ 3 по испытанію на высшія ученые степени и преподавательскіи званія, физико-математическій — 26, въ томъ числѣ 2 публичныхъ, юридическій—20, медицинскій—28. Физико-математическій факультетъ вошелъ въ 1875 году съ ходатайствомъ объ учрежденіи особой профессуры по физиологіи, такъ какъ курсъ этого предмета для медиковъ, который слушается студентами естественнаго разряда, приспособленъ преимущественно къ потребностямъ будущихъ врачей и не можетъ вполне соответствовать требованіямъ натуралистовъ. Профессуру эту факультетъ имѣетъ въ виду замѣстить докторомъ медицины Ворошиловымъ, избраннымъ уже въ званіе экстраординарнаго профессора. Въ медицинскомъ факультетѣ, съ разрѣшенія совѣта университета, введено преподаваніе отдѣльныхъ отъ студентовъ физико-математическаго факультета курсовъ ботаники, зоологіи и минералогіи. Ботанику и зоологію слушаютъ студенты 1-го курса, а минералогію—студенты 2-го курса.

Мѣры для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ занятіями ихъ заключались въ слѣдующемъ: по историко-филологическому факультету, сверхъ переводныхъ испытаній, назначались для перваго курса, въ концѣ перваго семестра, репетиціи изъ факультетскихъ предметовъ; относительно же студентовъ прочихъ курсовъ особенное вниманіе обращено было на письменныя самостоятельныя работы, причемъ отъ cadaго студента требовалась по крайней мѣрѣ одна работа въ теченіе учебнаго года по какому либо изъ факультетскихъ предметовъ. Сверхъ сего, для стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія и другихъ студентовъ, готовящихся къ учительскому званію, въ 3-мъ курсѣ, гдѣ каждый изъ нихъ долженъ заявить факультету свою спеціальность, и въ 4-мъ, ведены были, по примѣру предъидущихъ лѣтъ, особыя практическія занятія: по русской словесности подъ руководствомъ профессора Бу-

лица, по русской исторіи и географіи—подъ руководствомъ профессора Оирсова и доцента Корсакова, по всеобщей исторіи—подъ руководствомъ профессора Осокина, по латинскому языку—приватъ-доцента Гвоздева, по греческому языку—профессора Добровольскаго и приватъ-доцента Ипоземцева. Эти занятія состояли въ ближайшемъ ознакомленіи студентовъ съ литературою означенныхъ предметовъ, какъ учебною, такъ и педагогическою, въ разборѣ студенческихъ работъ и въ чтеніи студентами пробныхъ уроковъ по предметамъ будущихъ ихъ профессій и въ разборѣ таковыхъ со стороны научной и педагогической. Изъ представленныхъ студентами сочиненій весьма удовлетворительными признаны, согласно отзыву профессора Булича—*Владимірова* (2-го курса) „Свадебные обряды и пѣсни Русскаго народа“, *Архангельскаго* (3-го курса) „Данте Алигieri и его Орега піноге, *Львова* (3-го курса) „Вопросъ о происхожденіи народныхъ сказокъ“, *Письмописцева* (4-го курса) „Русскіе духовные стихи“; согласно отзыву профессора Оирсова—*Иювлева* Ивана (4-го курса) „Нѣсколько памятниковъ устной чувашской словесности въ переводѣ на русскій языкъ“, *Миловзорова* „Якское казачество до Пугачевского бунта“, и согласно отзыву приватъ-доцента Гвоздева—*Боченкова* (4-го курса) „Катуллъ и его произведенія“. Въ физико-математическомъ факультетѣ, по примѣру 1874 года, установлены были обязательныя практическія занятія. По чистой математикѣ студенты рѣшали практическія задачи и занимались въ 1-мъ курсѣ практическими упражненіями по аналитической географіи, во 2-мъ курсѣ—по интегрированію функцій одного переменнаго. По механикѣ студенты 3-го и 4-го курсовъ рѣшали задачи изъ области аналитической механики. По астрономіи студенты 2-го курса упражнялись въ рѣшеніи задачъ, а 3-го и 4-го курсовъ—въ производствѣ наблюденій переносными инструментами. По физической географіи студенты упражнялись въ производствѣ магнитныхъ наблюденій. По физикѣ студенты 1-го курса занимались повтореніемъ опытовъ гимназическаго курса этого предмета. Студенты высшихъ курсовъ, кромѣ обязательныхъ занятій, имѣли, подъ руководствомъ профессора Вольтана, спеціальныя занятія, а именно: *Фармаковскій* и *Архангельскій*—занимались проверкою законовъ преломленія и отраженія свѣта, *Макаровъ* и *Болгарскій*—проверкою законовъ Кулопа объ электрическихъ дѣйствіяхъ на разстояніи, *Стпановъ* и *Рожанскій*—ислѣдованіями явленій нагрѣванія подъ дѣйствіемъ электричества, *Полетика*—акустикомъ. По химіи студенты 1-го и 2-го курсовъ и слушатели фармацевтическихъ курсовъ упражнялись въ ана-

литической химіи; студенты 4-го курса имѣли практическія занятія по физической химіи. По минералогіи студенты 1-го курса занимались изученіемъ кристаллическихъ формъ и комбинацій, 2-го курса — микроскопическимъ изслѣдованіемъ минераловъ. По геологіи, студенты 2-го курса упражнялись въ опредѣленіи горныхъ породъ. По зоологіи, студенты 2-го курса практически изучали зоотомію позвоночныхъ животныхъ, 3-го курса — занимались анатоміей и систематикой суставчатоногихъ моллюсковъ и упражнялись въ опредѣленіи породъ животныхъ позвоночныхъ. По ботаникѣ, студенты 1-го курса занимались практическими упражненіями по анатоміи и физиологіи растений, 2-го курса — практическими упражненіями по морфологіи сѣмянныхъ растений, 3-го курса — опредѣленіемъ вліянія свѣта на образованіе формы растенія и морфологіей споровыхъ растений. Контроль надъ занятіями студентовъ, сверхъ того, состоялъ въ полугодичныхъ репетиціяхъ, которыя, по заявленію преподавателей и съ разрѣшенія факультета, замѣнялись особыми практическими занятіями, каковыя производились по химіи, ботаникѣ, астрономіи, аналитической геометріи и интегральному изчисленію. Въ юридическомъ факультетѣ способы контроля надъ занятіями студентовъ заключались, какъ и прежде, въ переводныхъ исптаніяхъ, полугодичныхъ репетиціяхъ и представляемыхъ въ замѣнъ ихъ письменныхъ работахъ. Въ медицинскомъ факультетѣ для изясненіи цѣли приняты были тѣ же мѣры, что и въ 1874 году. Съ разрѣшенія совѣта, въ 1875 году введено для студентовъ медицинскаго факультета преподаваніе отдѣльныхъ отъ студентовъ физико-математическаго факультета курсовъ ботаники, зоологіи и минералогіи. Первыя два предмета слушаютъ студенты 1-го курса, а минералогіи — студенты 2-го курса.

Удостоены награжденія медалями за представленныя сочиненія: золотыми — студентъ IV курса разряда естественныхъ наукъ *Канонниковъ* за сочиненіе по химіи „Полученіе этилэтилкарбинола и діаллилкарбинола“ и медицинскаго факультета: IV курса — *Иванъ Потѣхинъ* за сочиненіе на тему „Повѣрка работъ Шерера, Гофманна и Фойта относительно кислаго броженія мочи“ и V курса — *Владиміръ Никольскій* за сочиненіе на тему „Вліяніе камфоры на животный организмъ.“; серебряная выдана студенту V курса медицинскаго факультета *Іосифу Рясенцову* за сочиненіе на ту же тему, по которой представлено сочиненіе Потѣхина.

Въ 1875 году преподаватели и другіе служащіе при университетѣ

тетѣ издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: ординарные профессора: *Бумичъ* — „Казанскій университетъ въ Александровскую эпоху“ (Учен. Зап. Казан. унив.), *Добротворскій* — „Финско-русскій словарь“ (тамъ же), *Ковальскій* — „Объ опредѣленіи эллиптической орбиты планетъ и проч.“ (тамъ же) и „Sur la détermination de l'orbite à l'aide des observations“ (Bulletin de l'Académie); *Зайцевъ* — въ Annal. d. Chemie und Pharmac., въ Berichte der deutsch. chem. Gesellschaft zu Berlin и въ Журналъ русскаго химическаго общества: а) „О порядкѣ присоединенія и выдѣленія элементовъ іодистаго водорода въ органическихъ соединеніяхъ“, б) вмѣстѣ съ кандидатомъ *Вагнеромъ* „О бромистомъ амиленѣ и амилловомъ гликолѣ изъ діэтикарбинола“, в) „Превращеніе діэтикарбинола въ метил-пренил-карбинолъ“, г) съ кандидатомъ *Грабовскимъ* „О бромистомъ бутиленѣ и бутиловомъ гликолѣ изъ нормальнаго бутильнаго алкоголя“, д) съ кандидатомъ *Канонниковымъ* „Опытъ пригововленія вторичнаго алкоголя съ радикаломъ этиломъ и аллиломъ“, е) съ магистрантомъ *М. Зайцевымъ* „Синтезъ непредѣльнаго алкоголя изъ ряда $C_n H_{2n+2} OH$ “, ж) съ приватъ-доцентомъ *Сорокинымъ* „Синтезъ непредѣльнаго алкоголя изъ ряда $C_n H_{2n+2} OH$ “; *Заленскій* — „Ueber die embryonale Entwicklungsgeschichte der Salpen“ въ Zeitschrift fur wissenschaftl. Zoologie; *Осиновъ* — „Перечень источниковъ Китайскаго права“ (Учен. Зап. Казан. унив.); *Фрезе* — „О предсказаніи въ душевныхъ болѣзняхъ“ (Учен. Зап. Казан. унив.); *Ковалевскій* участвовалъ въ русскомъ переводѣ курса физиологіи Брюкке; *Адамюкъ* напечаталъ „Офтальмологическія наблюденія“ (Учен. Изв. Казан. унив.); *Леваковскій* — напечаталъ „Замѣтку о Polygonum agiculare“ (Учен. Зап. Казан. унив.); экстраординарные профессора: *Сорокинъ* — напечаталъ: „Отчетъ о ботаническихъ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ во время заграничной командировки въ 1873/74 академическомъ году“ и „Руководство къ микологіи“ (Учен. Зап. Каз. унив.), „Bursulla cristallina, un nouveau genre d. Mycomycetes“, „Quelques mots sur le développement d' Aphanomyces stellatus“ и „Hist. d. der d. scleroderma“ (Annal. des scienc. naturel); *Щербакъ* — напечаталъ „Количественный анализъ водъ, употребляемыхъ для питья: а) опредѣленіе солей, извести и магнези, б) легко-окисляющихъ веществъ, в) азотной и азотистой кислоты, г) хлора и д) углекислоты“ (Учен. Зап. Казан. унив.) и „О мѣстѣ образованія щавелевой кислоты въ организмѣ животныхъ и человека“ (Военно-медицин. журналъ); *Левшинъ* редактировалъ переводъ сочиненія Кенига „Спеціальная хи-

пургия", съ присовокупленіемъ къ нему своихъ примѣчаній; *Пашутинъ* — напечаталъ статью „Recherches sur quelques espèces de décompositions putriques“ (Archiv. de physiologie normale et pathologique); доценты: *Смирновъ* — напечаталъ „О сознаніи и безсознательныхъ духовныхъ явленіяхъ“ (Учен. Зап. Казан. унив.); *Бодуэнъ-де-Куртенъ* — напечаталъ: „Опытъ фонетики Резьянскихъ говоромъ“, „Резьянскій катехизисъ, какъ приложение къ „Опытъ Резьянскихъ говоромъ“, съ примѣчаніемъ и словаремъ“, „Rozbior gramatyki polskiej Ksiedza Malinowskiego“, „Anzeigen“ разборъ сочиненій: а) Крыпскаго „О посовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ“, б) Будиловича „Исслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода словъ Григорія Богослова“, в) „Beiträge zur slawischen Dialectologie von Lucian Malinowski“, г) Pol. Historyczny obzor Polski“, д) Поваковича „Физиологія гласа и гласови српскаго језика“, е) Semenowitsch „Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen“, ж) Jirecek „Nákresmluvnice staroceske“, з) Sucheski „Modlitwy Waclawa“, и) Крыпски „Kwestyja jezykowa“, і) Kaluzniacki „Descriptio codicum slovenicorum“ (въ журналѣ Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung); „Критическія и библиографическія замѣтки“ разборъ сочиненій: а) Поваковича „Физиологія гласа и гласови српскаго језика“, б) Jagic „Das Leben der Wurzel de in den slawischen Sprachen“, в) Kaluzniacki „Descriptio codicum slovenicorum“, рецензія на книгу Ивана Паплонскаго „Практическія правила русскаго правописанія и произношенія“ (журналъ Przegląd krytyczny), рецензію на книгу Малиновскаго „Modlitwy Waclawa“ (тамъ же), Краткіе отзывы о сочиненіяхъ: а) Jan Paplonski „Practyczne prawidła poprawnego pisania i crystego wymowiania po rusku“, б) Dr. Jos. Lernec „Der Materialismus und das Slawenthum“, в) Dr. Kurschat „Wörterbuch der lithaunischen Sprache“, г) Dr. Ferd. Grassayer „Landeskunde von Oesterreich-Ungarn“, д) Dr. Kreck „Einleitung in die slawenische Literaturgeschichte“, е) Franz Miklosich „Altslawenische Formenlehre“, ж) Malinowski „Modlitwy Waclawa“, з) Davorin Terstenjak „Slowanski elementi Venetscini“ (еженедѣльникъ Przegląd tygodniowy); „Przyczynek do historyi blagi warszawskiej“ (тамъ же), „Groch na scianę“ (тамъ же), рецензію на книгу: „Modlitwy Waclawa“, wydałi objasnil Lucyjan Malinowski“ (*Журналъ Мин. Нар. Просв.*); *Штукенбергъ* — помѣстилъ въ Матеріалахъ для геологіи Россіи „Отчетъ геологическаго путешествія въ Печорскій край и Тиманскую тундру“; *Глинскій* — напечаталъ: „Новыя изслѣдованія о продухтахъ охлоренія хлористаго этила

и хлористаго этилена и новыя доказательства существованія органическихъ радикаловъ, у которыхъ шарное свободное сродство принадлежитъ одному изъ углеродныхъ атомовъ" и „Чертежи новыхъ снарядовъ для фракціонированныхъ перегонокъ“; *Скворцовъ* — напечаталъ: „Отчетъ о командировкѣ въ С.-Петербургъ“ и „О болѣзненности и смертности дѣтей въ Московскомъ воспитательномъ домѣ“ (Учен. Зап. Казан. универ.), въ журналѣ Здоровье: а) „Санитарныя условія г. Казани“, б) „По поводу опредѣленія въ водѣ органическихъ веществъ“, в) разборъ книги Пескова „Медицинская географія и статистика“, г) разборъ книги Португалова „Краткое руководство по гигиенѣ“, д) „Обзоръ способовъ удаленія нечистотъ изъ населенныхъ мѣстъ“, е) „Нефтяной свѣтильный газъ въ г. Казани“; *Толмачевъ* — напечаталъ докторскую диссертацию „О врожденныхъ заслонкахъ уретры, какъ одной изъ причинъ разстройства мочеиспусканія у дѣтей“; *Флавицкій* — напечаталъ статью „Объ изомеріи амиленовъ изъ амильнаго алкогольнаго броженія“ (Учен. Зап. Казан. универ.); приватъ-доценты: *Смирновъ* — напечаталъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета статью „О магнитныхъ изслѣдованіяхъ въ Россійской имперіи“; *Студенскій* — напечаталъ тамъ же статьи: „Оцѣнка способовъ леченія переломовъ“ и „Ученіе о повязкахъ“; *Песковъ* — помѣстилъ тамъ же статью „О медико-статистическихъ основаніяхъ устройства санитарныхъ станцій“; исправляющій должность хранителя музеевъ *Смирновъ* — напечаталъ въ томъ же изданіи статью „Ботаническія изслѣдованія Аму-Дарьинской экспедиціи“ и магистрантъ *Зайцевъ* — статьи: „О діэтилкарбиолѣ“, „О діаллилацетилевоу калотѣ“.

Совѣтъ Казанскаго университета имѣлъ въ 1875 году 23 засѣданія. Допущены были къ чтенію лекцій въ званіи приватъ-доцента: докторъ медицины *Студенскій* — по десмургіи и ортопедіи, кандидатъ *Васильевъ* — по теоріи вѣроятностей, кандидатъ *Заоскинъ* — по кафедрѣ исторіи русскаго права, магистръ *Сорокинъ* — по кафедрѣ тропомической химіи и докторъ медицины *Котовицковъ* — по діагностикѣ. Утверждены въ степени доктора: *Штукенбергъ* — геогнозіи и палеонтологіи, и лекари *Троицкій* и *Котовицковъ* — медицины; въ степени магистра химіи — кандидатъ Харьковскаго университета *Флавицкій*; возведены въ степень доктора: преподаватель *Петровскій* — славянской словесности и Нижнетагильскій врачъ *Рудановскій* — медицины. Затѣмъ удостоены: степени кандидата: по историко-филологическому факультету — 6, по физико-математическому — 4, по юридическому — 20,

всего 30; званія дѣйствительнаго студента: по историко-филологическому факультету — 5, по физико-математическому — 3, по юридическому — 36, всего 44. По медицинскому факультету удостоено: степени лекаря — 26, званія уѣзднаго врача — 15, провизора — 12, аптекарскаго помощника — 39, повивальной бабки (въ числѣ послѣднихъ удостоено 64 изъ ученицъ повивальнаго класса Казанскаго университета и 34 — изъ другихъ родовспомогательныхъ учрежденій). — Для приготовления къ степени магистра оставленъ при университетѣ кандидатъ юридическаго факультета *Ландышевъ*. — Командированы были за границу съ ученою цѣлю: профессоръ Левшинъ, доценты Ивановъ и Высоцкій, приватъ-доцентъ Смирновъ и исправляющій должность хранителя ботаническаго кабинета Смирновъ.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на 1875 годъ было ассигновано: на содержаніе личнаго состава — 201.866 руб. 60 коп., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы — 81.665 руб. 45 коп., на стипендіи и пособія студентамъ — 30.932 руб., обществу естествоиспытателей — 2.500 руб.; всего 315.464 руб., въ томъ числѣ сверхштатныхъ 27.293 руб. 45 коп. По смѣтѣ спеціальныхъ средствъ доходомъ назначено было всего 31.826 р. 40 к., въ томъ числѣ: сбора за слушаніе лекцій — 11.720 р., процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ — 5.706 руб., съ типографіи университета — 14.400 руб. Израсходовано по спеціальной смѣтѣ — 31.665 руб. 40 коп. Главнѣйшіе изъ сихъ расходовъ были: на содержаніе университетской типографіи — 14.400 руб., на вознагражденіе профессоровъ и другихъ служащихъ, содержаніе кабинетовъ и разныя другіе расходы по усмотрѣнію совѣта — 5.365 руб. 60 коп., на содержаніе студентовъ-стипендіатовъ — 4.591 руб. 69 к.; на вознагражденіе студентамъ за занятія: одного изъ нихъ — при кафедрѣ патологической анатоміи, а другаго при судебной медицинской — 1.060 руб.

Студентовъ къ 1-му января 1875 года состояло на лицо — 463; въ теченіе года вновь поступило — 168, въ томъ числѣ изъ гимназій — 108, изъ духовныхъ семинарій — 58, изъ другихъ заведеній — 2; выбыло — 158, въ томъ числѣ: до окончанія курса — 48, по окончаніи курса — 110; затѣмъ къ 1-му января 1876 г. паходилось на лицо — 478, которые распределены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 40, на юридическомъ — 106 (по разряду юридическихъ наукъ — 84, по разряду наукъ государственныхъ — 22), на физико-математическомъ — 50 (по разряду математическихъ наукъ — 41,

по разряду наукъ естественныхъ—9), на медицинскомъ—282. Посто- роннихъ слушателей къ 1-му января 1875 года состояло—40; въ теченіе года поступило—29, въ томъ числѣ: изъ гимназій—16, изъ другихъ заведеній—23; въ теченіе года вышло 40, въ томъ числѣ: до окончанія курса—17, по окончаніи курса—23; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось 39. Изъ общаго числа 478 студентовъ освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій—50, то-есть, около 10⁰/₀, слушавшихъ за половинную плату—129 человекъ. Стипендіями пользовались 168 студентовъ на сумму 32.222 руб. 85 коп., въ раз- мѣрѣ отъ 142 руб. 85 коп. до 300 руб. вѣлучительно.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Казанскаго университета къ 1-му января 1874 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библиотекѣ числилось: книгъ русскихъ и иностран- ныхъ—36.915 сочиненій въ 76.770 томахъ на сумму 215.295 руб. 60³/₄ коп., періодическихъ изданій русскихъ и иностранныхъ—808 томовъ и 12.438 тетрадей на 39.935 руб. 1³/₄ коп., рукописей 808 нумеровъ, картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей—362 нумера. Въ студентской библиотекѣ: книгъ—3.405 сочиненій, 11.946 тетра- дей и томовъ періодическихъ изданій—133 названія, 503 тетради и тома; рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ—20 листовъ, всего въ библиотекѣ на 26.846 руб. 49¹/₂ коп. Въ астрономической обсерваторіи—85 нумеровъ въ 86 экземплярахъ на 37.599 р. 76 к. Въ кабинетѣ практической механики—12 нумеровъ на 1.124 р. 3¹/₂ к. Въ физическомъ кабинетѣ, физической лабораторіи и метеорологиче- ской обсерваторіи—965 инструментовъ и снарядовъ на 39.013 руб. 54 коп. Въ магнитной обсерваторіи—8 инструментовъ. Въ метеоро- логической обсерваторіи—685 нумеровъ химическихъ матеріаловъ, посуды и мебели на сумму 3.346 руб. 82³/₄ коп. Въ химическомъ кабинетѣ и лабораторіи: книгъ русскихъ и иностранныхъ—13 сочи- неній, въ 43 томахъ, на 199 руб. 2 коп., инструментовъ и снаря- довъ—307 нумеровъ въ 1.136 экземплярахъ на 6.497 руб. 76 коп. шкафовъ и другой мебели—68 нумеровъ въ 158 экземплярахъ на 2.961 руб. 92 коп., разнаго имущества—18 нумеровъ въ 49 экзе- мплярахъ на 179 руб. 37 коп., препаратовъ, реактивовъ и другихъ матеріаловъ—311 нумеровъ на 1.585 руб. 25 коп., разнаго рода по- суды—162 нумера на 1.525 руб. 39¹/₂ коп. Въ минералогическомъ кабинетѣ и лабораторіи: минераловъ въ штукахъ и отдѣльныхъ кри- сталлахъ—4.095 нумеровъ въ 4.512 экземплярахъ на 12.117 руб. 48 коп., кристаллографическихъ моделей—2.230 нумеровъ въ 2.263

экземплярахъ на 697 руб. 14 коп., шлифованныхъ камней — 30 номеровъ въ 274 экземплярахъ на 539 руб. 83 коп., коробокъ, подставокъ для кристалловъ и ярыковъ—16 номеровъ въ 6.075 экземплярахъ на 335 руб. 15 коп., приборовъ и инструментовъ—265 номеровъ въ 463 экземплярахъ на 3.659 руб. 16 коп., разнаго рода посуды — 224 номера въ 1.711 экземплярахъ на 595 руб. 42 коп., химическаго матеріала — 139 номеровъ на 181 р. 43 к., мебели—40 номеровъ въ 69 экземплярахъ на 1.670 руб. 23 коп. Въ кабинетѣ физической географіи: картъ, атласовъ, брошюръ и моделей — 81 номеръ. Въ музей этнографіи, древностей и изящныхъ искусствъ этнографическихъ и археологическихъ предметовъ—1.444 номера на сумми 3.440 руб. 91 коп., книгъ — 579 названій, 1.872 томовъ, брошюръ и картъ, 7 рукописей, всего на 6.855 руб. 67 коп. Въ геологическомъ и палеонтологическомъ кабинетѣ: горныхъ породъ и окаменѣлостей — 7.655 номеровъ въ 9.017 экземплярахъ на 2.771 руб. 15 коп., коробокъ подъ горными породами и окаменѣлостями — 16 номеровъ въ 11.037 экземплярахъ на 292 руб. 87 коп., книгъ, картъ, рисунковъ и моделей — 22 номера въ 36 экземплярахъ на 197 руб. 33 коп., приборовъ и инструментовъ — 44 номера въ 54 экземплярахъ на 1.543 руб. 18 коп., разнаго рода посуды—11 номеровъ въ 25 экземплярахъ на 10 руб. 55 коп., химическаго матеріала—2 номера на 1 руб. 25 коп., мебели — 35 номеровъ въ 99 экземплярахъ на 1.541 руб. 46 коп. Въ ботаническомъ саду: оранжерейныхъ растеній—5.183 номера на 11.850 руб. 19 коп., фруктовыхъ деревцевъ—134 номера на 258 руб., вустарниковъ и травъ — 646 номеровъ на 486 руб. 50 коп. Въ ботаническомъ кабинетѣ: сухихъ растеній—21 номеръ въ 11.189 экземплярахъ на 8.665 руб., инструментовъ и приборовъ—154 номера на 2.129 руб. 55 коп., препаратовъ—184 номера въ 263 экземплярахъ на 130 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ: чучель и животныхъ въ спиртѣ—2.712 номеровъ въ 5.622 экземплярахъ на 14.202 руб. 36 коп. и стѣнныхъ рисунковъ — 8 номеровъ въ 40 экземплярахъ на 63 руб., стеклянныхъ моделей — 7 номеровъ въ 11 экземплярахъ на 19 руб. 50 коп. Въ зоологической лабораторіи: оптическихъ инструментовъ—4 номера въ 5 экземплярахъ на 268 руб. 35 коп., приборовъ и снарядовъ—16 номеровъ въ 35 экземплярахъ на 41 руб. 40 коп., разной посуды—29 номеровъ въ 630 экземплярахъ на 515 руб. 86 коп. Въ зоотомическомъ кабинетѣ препаратовъ — 603 номера въ 604 экземплярахъ на 1.635 р. 79 к., восковыхъ моделей — 16 номеровъ въ 98 экземплярахъ на 123 руб.

45 коп., стѣнныхъ рисунковъ — 35 номеровъ въ 87 экземплярахъ на 205 руб. 95 коп. Въ зоотомической лабораторіи: оптическихъ инструментовъ—12 номеровъ въ 18 экземплярахъ на 974 руб. 55 коп., приборовъ и спарядовъ—56 номеровъ въ 173 экземплярахъ на 188 руб. 89 коп., посуды — 21 номеръ въ 810 экземплярахъ на 164 р. 97 к. Въ медико-химической лабораторіи: приборовъ и инструментовъ—459 номеровъ въ 1.179 экземплярахъ на 5.485 руб. 42 коп., животно-химическихъ препаратовъ—77 номеровъ на 97 р. 6 к., химическихъ препаратовъ и реактивовъ—27 номеровъ на 154 руб. 41 коп., разнаго рода посуды—62 номера въ 2.018 экземплярахъ на 1.073 руб. 94 коп. Въ техническомъ кабинетѣ: образцовъ фабрично-заводскихъ продуктовъ—1.155 номеровъ въ 2.209 экземплярахъ на 855 руб. 36 коп., моделей, машинъ и приборовъ 31 номеръ въ 36 экземплярахъ на 702 руб. 51 коп., приборовъ и инструментовъ—14 номеровъ на 19 руб., технологическихъ стѣнныхъ таблицъ (рисунковъ) — 7 номеровъ въ 59 экземплярахъ на 274 руб. 70 коп., посуды и вещей для помѣщенія образцовъ—7 номеровъ въ 156 экземплярахъ на 26 руб. 31 коп., мебели и разныхъ вещей—15 номеровъ въ 32 экземплярахъ на 656 руб. 80 коп. Въ технической лабораторіи: приборовъ и инструментовъ—156 номеровъ въ 308 экземплярахъ на 2.958 руб. 47 коп., реактивовъ и матеріаловъ—67 номеровъ въ 70 экземплярахъ на 100 руб., разнаго рода посуды и вещей—414 номеровъ въ 5.823 экземплярахъ на 2.391 руб. 91 коп., мебели 23 номера въ 34 экземплярахъ на 315 руб. 55 коп. Въ агрономическомъ кабинетѣ: сухихъ растений—587 номеровъ на 29 руб. 35 коп., моделей и образцовъ—49 номеровъ въ 138 экземплярахъ на 421 руб. 22 коп., приборовъ—4 номера въ 5 экземплярахъ на 26 руб. 24 коп., посуды и разныхъ вещей—5 номеровъ въ 58 экземплярахъ на 30 руб. 54 к., мебели—8 номеровъ въ 16 экземплярахъ на 105 р. 8 к. Въ музеѣ физиологической анатоміи: разныхъ анатомическихъ инструментовъ и приборовъ, анатомическихъ препаратовъ, скелетовъ разныхъ возрастовъ, восковыхъ и гипсовыхъ анатомическихъ препаратовъ, стеклянной посуды разнаго калибра—1.725 номеровъ на сумму 4.015 р. 65 к. Въ музеѣ патологической анатоміи: аппаратовъ и инструментовъ (включая сюда и вообще имущество)—680 номеровъ на 7.668 руб. 24 коп., препаратовъ патолого-анатомическихъ—310 номеровъ на 2.441 руб. 12 коп. Въ фармацевтической лабораторіи и фармакогностическомъ кабинетѣ: собраніе фармакогностическое—314 номеровъ на 384 руб. 26 коп., собраніе фармацевтическихъ препаратовъ—125

номеровъ на 137 руб. 16 коп., собраніе секретныхъ и восточныхъ средствъ—124 номера на 127 руб. 30 коп., собраніе моделей кристаловъ—100 номеровъ на 59 руб. 17 коп., собраніе фармацевтическихъ снарядовъ—125 номеровъ на 717 руб. 75 коп., книгъ—21 сочиненіе на 263 руб. 50 коп., посуды и мебели—663 номера на 450 руб. 70 коп. Судебно-медицинскій кабинетъ: приборовъ и инструментовъ—122 экземпляра на 1.113 руб. 63 коп., животно-химическихъ препаратовъ—24 экземпляра, разнаго рода посуды—1.259 экземпляровъ на 132 руб. 51 коп. Въ фармакологическомъ кабинетѣ: инструментовъ, снарядовъ и приборовъ—161 номеръ на 3.052 руб. 95 коп., книгъ русскихъ и иностранныхъ и картъ—16 номеровъ на 183 руб. 15 коп., химическихъ препаратовъ, реактивовъ и другихъ матеріаловъ—403 номера на 1.674 руб. 63 коп., мебели—20 номеровъ на 527 руб. 20 коп. Въ офтальмологическомъ кабинетѣ: инструментовъ и приборовъ 310 номеровъ на 2.351 руб. 40 коп. Въ кабинетѣ терапевтической факультетской клиники: инструментовъ и металлическихъ вещей—264 номера, стеклянной и фарфоровой посуды—129 номеровъ. Въ кабинетѣ акушерской клиники: аппаратовъ и инструментовъ—285 номеровъ на 2.548 руб. 46 коп., препаратовъ—35 номеровъ на 364 руб. 26 коп. Въ физиологическомъ кабинетѣ: приборовъ и инструментовъ—405 номеровъ въ 889 экземплярахъ на 4.436 руб. 86 коп., посуды—183 номера въ 2.002 экземплярахъ на 874 руб. 33 коп., моделей—3 номера въ 7 экземплярахъ на 50 руб. 68 коп., книгъ—1 сочиненіе въ 36 томахъ на 44 руб. 80 коп., мебели—59 номеровъ въ 151 экземплярѣ на 1.025 руб. 83 коп., матеріаловъ—153 номера на 668 руб. 45 коп. Въ гистологическомъ кабинетѣ: микроскоповъ—21 номеръ на 1.538 руб. 16 коп., лупъ—2 на 33 руб. 30 коп., поляризаціонный аппаратъ—1 цѣнностію въ 30 руб. 26 коп., камералюцида—1 стоимостію 21 руб. 60 коп., вѣсовъ—двое на 160 руб. 25 коп., мелкихъ инструментовъ 214 номеровъ на 240 руб., газовыхъ горѣлокъ—2 стоимостію 10 руб. 60 к., мебели—40 номеровъ на 335 руб. 50 коп. Въ общепатологическомъ кабинетѣ: инструментовъ, снарядовъ и приборовъ—31 номеръ на 249 руб. 63 коп., матеріаловъ—37 номеровъ на 47 руб. 80 коп.

Движеніе больныхъ въ клиникахъ Казанскаго университета представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ факультетской терапевтической клиникѣ, имѣющей 28 кроватей, отъ 1874 года оставалось больныхъ—25; въ теченіе 1875 года поступило—83, изъ нихъ выздо-

ровѣло—68, умерло—15, затѣмъ осталось на излеченіи къ 1-му января 1876 года—28, приходившихъ за совѣтами въ теченіе 1875 года было—1.396. Въ факультетской хирургической клиникѣ, имѣющей 15 кроватей: оставалось отъ 1874 года больныхъ—17, въ теченіе года поступило—81, изъ нихъ выздоровѣло и вышло—76, умерло—12, осталось къ 1876 году—10, приходило за совѣтами—1.074. Въ факультетской акушерской клиникѣ, имѣющей 13 кроватей: отъ 1874 года больныхъ оставалось—10, въ 1875 году поступило—110, изъ нихъ выздоровѣло и вышло—103, умерло—4, осталось въ клиникѣ къ 1876 году—13, приходившихъ за совѣтами было—15. Въ клиникѣ женскихъ болѣзней, имѣющей 12 кроватей: больныхъ отъ 1874 года оставалось—12, въ теченіе года поступило—33, изъ нихъ выздоровѣло и вышло—38, умеръ—1, къ январю 1876 года осталось въ клиникѣ—6, приходившихъ больныхъ было—409. Въ глазной факультетской клиникѣ, имѣющей 10 кроватей: оставалось отъ 1874 года больныхъ—9, въ 1875 году поступило—56, изъ нихъ выздоровѣло и вышло—65, приходило за совѣтами—401. Въ госпитальной терапевтической клиникѣ (25 кроватей): отъ 1874 года оставалось больныхъ—18, въ теченіе 1875 года поступило—168, изъ коихъ выздоровѣло и вышло—121, умерло—49, къ 1-му января 1876 года осталось на излеченіи—16. Въ госпитальной хирургической клиникѣ, имѣющей 25 кроватей: оставалось къ 1-му января 1875 года—32, въ теченіе года больныхъ поступило—218, изъ нихъ вышло за выздоровленіемъ—194, умерло—16, затѣмъ къ 1-му января 1876 года больныхъ осталось—40.

Общество естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ, состоящее изъ 16 почетныхъ, 96 дѣйствительныхъ членовъ и 27 членовъ-сотрудниковъ, имѣло въ 1875 году 12 засѣданій, на которыхъ сдѣланы были слѣдующія сообщенія: В. В. *Зеленскимъ*— „Объ образованіи зародышевыхъ листковъ у моллюсковъ“, Э. Д. *Пельцатомъ*— „Предварительный отчетъ о поѣздкѣ съ зоологическою цѣлю на рѣку Печору“, П. Н. *Крыловымъ*— „Предварительный отчетъ о ботаническихъ изслѣдованіяхъ въ Пермской губерніи“, А. А. *Штукенбергомъ*— „О результатахъ геологическихъ изслѣдованій въ Печорскомъ краѣ“, С. М. *Смирновымъ*— „О результатахъ изслѣдованій флоры Арало-Каспійскаго края“, Н. В. *Сорокинымъ*— „О новомъ слизистомъ грибѣ *Bursulla crystallina*“, К. А. *Армитейномъ*— „Объ окопчаніи нервовъ волосъ“, Н. М. *Мамсовымъ*— „О результатахъ экспедиціи для антропологическаго изслѣдованія Башкиръ“ и „Къ казуистикѣ гипоспа-

дій", К. Ф. *Плене*— „О наблюденіяхъ, производимыхъ въ ботаническомъ саду Казанскаго университета“, Ю. К. *Шеллемъ* — „О флорѣ окрестностей Талицкаго завода, Пермской губерніи“, И. П. *Смирновъ* — „Предварительные выводы изъ пятилѣтнихъ магнитныхъ изслѣдованій въ Россіи“.—Обществомъ напечатаны протоколы засѣданій онаго съ 59-го по 69-й. Въ приложеніяхъ къ протоколамъ помѣщены слѣдующія работы: В. В. *Заленскаго* — „По поводу исторіи развитія салургаса“, В. Н. *Виноградскаго* — „Матеріалы для климатологіи сѣверо-восточной Россіи“ и П. Н. *Крылова* — „О ботанической экскурсіи въ Пермскую губернію“.—Обществомъ снаряжены лѣтомъ 1875 года слѣдующія экспедиціи: а) геологическая по рр. Камѣ и Волгѣ (баронъ Ф. Ф. Розень), б) для собиранія окаменѣлостей Пермской формаціи по р. Вяткѣ (студентъ Кротовъ), в) ботаническая въ Пермскую губернію (П. Н. Крыловъ), г) антропологическая къ Башкирамъ (Н. М. Маліевъ) и д) для магнитныхъ наблюденій (И. М. Смирновъ). Состоящій при обществѣ естествоиспытателей отдѣлъ антропологіи и этнографіи имѣлъ въ продолженіе года 3 засѣданія.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Помѣщаемъ здѣсь свѣдѣнія о нѣкоторыхъ училищахъ Лаишевскаго, Мамадышскаго, Спасскаго, Чистопольскаго, Тетюшскаго и Свіяжскаго уѣздовъ Казанской губерніи.

Въ городѣ Лаишевѣ были осмотрѣны два приходскихъ мужскихъ училища и одно женское. Первое приходское училище содержится городскимъ обществомъ, которое отпускаетъ на жалованье учителю 190 руб., законоучителю 15 руб. въ годъ, учебныя пособія доставляетъ натурою и даетъ помѣщеніе въ собственномъ домѣ. Кромѣ того, законоучитель получаетъ еще отъ земства 60 руб. Помѣщеніе весьма удобное и содержится чисто; учащихся 53, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи 13, въ среднемъ 20 и въ младшемъ 20 (по сословіямъ: духовнаго званія 1, личныхъ дворянъ 4 и мѣщанъ 48). При училищѣ находится 2 бібліотеки: фундаментальная и ученическая, изъ которыхъ въ первой 110 названій въ 410 томахъ, а въ послѣдней 5 названій въ 30 томахъ. Книги ученической бібліотеки состоятъ частію изъ учебниковъ, которые выдаются во временное пользованіе бѣднымъ ученикамъ, а частію изъ сочиненій религіозно-нравственнаго содержанія, выдаваемыхъ ученикамъ для чтенія.

Преподаваніе всѣхъ предметовъ очень удовлетворительно. Учитель, состоя на службѣ съ 1-го мая 1875 года, хотя и не имѣетъ большой опытности, но отличается усердіемъ и любовью къ своему дѣлу. Для втораго приходскаго училища помѣщеніе нанимается городскимъ обществомъ. Содержаніе законоучитель и учитель получаютъ отъ города и земства: первый изъ нихъ 75 руб., а второй отъ города 70 руб. и отъ земства 120 руб. На учебныя пособія земство ежегодно ассигнуетъ 30 руб. Учащихся 29, изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи 7, въ среднемъ 16 и въ младшемъ 6 учениковъ (по сословіямъ: дѣтей мѣщанъ 22, крестьянъ 5 и личныхъ дворянъ 2). Фундаментальной библиотеки нѣтъ и преподаватель пользуется книгами изъ библиотеки перваго приходскаго училища. Въ ученической библиотекѣ находится 5 названій въ 35 томахъ, изъ которыхъ бѣльшая часть состоитъ изъ учебниковъ, выдаваемыхъ бѣднымъ ученикамъ въ пользованіе. Успѣхи; учениковъ по всѣмъ предметамъ курса весьма удовлетворительны законоучитель и учитель — опытные и способные преподаватели, занимаются усердно и училище это начинаетъ заслуживать довѣріе и расположеніе общества.

Женское училище содержится земствомъ, которое отпускаетъ на него 380 р. въ годъ, изъ нихъ 80 р. на наемъ квартиры, 60 р. на жалованье законоучителю и 240 р. на жалованье учительницъ. Ученицъ 53, изъ нихъ 8 въ старшемъ отдѣленіи, 15 въ среднемъ и 30 въ младшемъ. Успѣхи удовлетворительны по всѣмъ предметамъ. Учительница довольно опытна и занимается весьма усердно. Помѣщеніе удобно и содержится въ порядкѣ.

Въ Лаишевскомъ уѣздѣ были осмотрѣны слѣдующія училища: Мысовское, Мансуровское, Рождественское, Астраханское, Нармонское, Карадульское, Егорьевское, Державинское, Чирповское, Карноуховское, Бреховское женское, Зюзинское, Шумковское, Карболнское мужское, Карболнское женское, Шумбутское, Урахчинское, Троицко-Ураевское, Апатншское, Опняковское и Рыбнослободское. Изъ нихъ *Мысовское* открыто въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года земствомъ, которое ассигновало на жалованье законоучителю 60 р., учителю 120 р. и на учебныя пособія 30 р.; помѣщеніе имѣетъ оно наемное отъ мѣстнаго сельскаго общества, довольно удовлетворительное по числу учениковъ, которыхъ при осмотрѣ было 34. Всѣ они, по знаніямъ, составляютъ одно младшее отдѣленіе. Учитель, изъ окончившихъ курсъ въ духовномъ училищѣ, состоитъ въ должности съ начала 1875 года и, судя по его урокамъ, можно ожидать хорошихъ успѣховъ. — *Ман-*

суровское училище временно помѣщается въ домѣ мѣстнаго священника о. Охотина, съ платою отъ общества по 5 р. въ мѣсяцъ; прежде оно помѣщалось въ крайне неудобной квартирѣ, вслѣдствіе чего г. инспекторъ убѣждалъ сельское общество позаботиться объ устраненіи этого недостатка; общество постановило приговоромъ устроить для школы отдѣльный домъ, а временно перевести ее въ домъ священника. Настоящее помѣщеніе ея во всѣхъ отношеніяхъ лучше прежняго, что и дало возможность учителю вновь приять въ нынѣшнемъ году 19 мальчиковъ и 1 дѣвочку. Всѣхъ учащихся, при осмотрѣ, было 43, изъ нихъ старшаго отдѣленія 12 мальчиковъ и 1 дѣвочка, средняго 6 мальчиковъ, а остальные младшаго отдѣленія; всѣ—дѣти крестьянъ и православнаго исповѣданія. Первоначальное обученіе идетъ по звуковому способу бар. Корфа очень успѣшно; удовлетворительно занимаются дѣти и ариѳметикой, но пишутъ ученики двухъ старшихъ отдѣленій не грамотно и не красиво. Это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что въ прежнемъ помѣщеніи трудно было за тѣсною обучать письму, а съ другой тѣмъ, что учитель не сумѣлъ поставить это дѣло правильно: все обученіе письму у него ограничивалось выписываніемъ буквъ по порядку алфавита безъ соблюденія постепенности въ переходѣ отъ легкихъ къ труднымъ буквамъ, и затѣмъ списываніемъ съ книги. Г. инспекторомъ даны были относительно этого надлежащія указанія. Лучше же всего оказались успѣхи по закону Божію: ученики младшаго отдѣленія заучиваютъ молитвы съ голоса, а въ среднемъ и старшемъ отдѣленіяхъ они знаютъ молитвы, сознательно и хорошо разказываютъ событія изъ Священной исторіи. Книгъ достаточно. Содержаніе законоучитель получаетъ въ количествѣ 60 р., а учитель, изъ не окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи,—120 р. отъ земства.—*Рождественское* училище помѣщается въ наемномъ домѣ за 35 руб. въ годъ. Помѣщеніе тѣсно по числу учащихся и потому г. инспекторъ совѣтовалъ обществу пріискать болѣе удобную квартиру. Учениковъ оказалось на лицо 33, а по списку значится ихъ 40; изъ нихъ 10 въ старшемъ отдѣленіи, 12 въ среднемъ и 18 въ младшемъ. Обученіе чтенію идетъ довольно правильно и ученики передаютъ прочитанное со смысломъ; хуже успѣхи ихъ по ариѳметикѣ и письму, что происходитъ отъ малаго знакомства учителя съ методами преподаванія этихъ предметовъ, вслѣдствіе чего образцовые уроки и даны были г. инспекторомъ. По закону Божію званія учениковъ очень удовлетворительны въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ, а со вновь поступившими законоучитель еще не успѣлъ

пройти ничего. Книгъ въ библіотекѣ мало, къ тому же большая ихъ часть по ветхости не годна къ употребленію, вслѣдствіе чего г. инспекторомъ, изъ имѣющихся въ его распоряженіи, выдано было 30 экземпляровъ книгъ для чтенія и предложено наставнику озботиться пополненіемъ библіотеки, такъ какъ земство отпускаетъ ежегодно по 30 р. на этотъ предметъ. Жалованье законоучитель и учитель получаютъ отъ земства и въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ предъидущемъ училищѣ. Учитель, изъ окончившихъ курсъ въ военной прогимназіи, состоитъ въ должности съ 1-го ноября 1874 г.—*Астриханское* училище, въ селѣ того же названія, помѣщается въ церковной сторожкѣ, которая достаточно просторна для наличнаго числа учениковъ, но темна по недостатку оконъ. Мѣстный волостной старшина, къ которому г. инспекторъ обращался съ просьбой объ улучшеніи училищнаго помѣщенія, обѣщался принять необходимыя для того мѣры. Другой недостатокъ упомянутой школы—отсутствіе классной мебели—общество не находитъ возможнымъ устранить, а потому г. инспекторомъ сдѣлано было представленіе о выдачѣ пособія училищу изъ суммъ, ассигнованныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Учащихся по списку значится 36, на лицо было 20, изъ коихъ 6 вновь поступившихъ составляютъ младшее отдѣленіе, а 14 мальчиковъ и 2 дѣвочки—старшее. Успѣхи весьма удовлетворительны только по закону Божію, а по прочимъ предметамъ недостаточны: ученики старшаго отдѣленія читаютъ хотя и бѣгло, но не могутъ передать прочитанное не только послѣдовательно, но и по вопросамъ; пишутъ не красиво. Учительница, весьма усердная, но мало знакомая со способами преподаванія, ведетъ дѣло не вполне правильно; такъ, напри- мѣръ, ученики старшаго отдѣленія, при осмотрѣ, занимались не однимъ дѣломъ, а каждый порознь и учительница обращалась къ каждому изъ нихъ отдѣльно, отчего много времени пропало безъ пользы. Г. инспекторъ старался ознакомить учительницу съ болѣе правильнымъ распредѣленіемъ занятій, для чего и составилъ недѣльное росписание уроковъ. Законоучитель занимается беззедно.—*Шармонское* училище, въ деревнѣ Шармонкѣ, помѣщается въ наемномъ домѣ. Учитель, изъ окончившихъ курсъ въ духовномъ училищѣ, усерденъ и опытенъ и успѣхи учениковъ весьма удовлетворительны; книгъ достаточно.—Для *Карадульскаго* училища помѣщеніе занимаютъ за 40 р. въ годъ жители села Карадульскаго и деревни Караишова, отстоящей отъ села въ 1 верстѣ; только дѣти жителей этихъ двухъ селъ и обучаются въ школѣ. По списку значится ихъ 40, а при осмотрѣ

было 28, изъ нихъ 4 старшаго отдѣленія, 15 средняго и 9 младшаго. Помѣщеніе очень просторно, класная мебель хороша. Учитель, изъ мѣстныхъ крестьянъ, занимается усердно, но такъ какъ онъ еще недавно состоитъ въ должности и не имѣетъ надлежащей подготовки, то не успѣлъ достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ. Впрочемъ, судя потому, что послѣ осмотра школы въ февралѣ истекшаго года онъ значительно улучшилъ преподаваніе на основаніи указаній, данныхъ ему г. инспекторомъ, можно надѣяться, что дѣло пойдетъ у него хорошо. Прежде было замѣчено, на примѣръ, что онъ не обращалъ достаточно вниманія на осмысленное чтеніе и на приученіе учениковъ прилагать ариѳметическія знанія къ рѣшенію практическихъ задачъ; теперь же оказалось, что нѣкоторые изъ учениковъ могутъ передавать прочитанное довольно осмысленно, а равно и рѣшаютъ умственно и письменно несложныя практическія задачи. Менѣе учитель сдѣлалъ по обученію письму: дѣти пишутъ не красиво и подъ диктантъ не могутъ писать безъ значительнаго искаженія словъ, вслѣдствіе чего и было обращено на это особое его вниманіе. По закону Божію свѣдѣнія учениковъ удовлетворительны; книгъ и учебныхъ пособій достаточно. Ариѳметика проходитъ по способу Грубе, изложенному Паульсономъ, а Священная исторія и молитвы по руководствамъ Соколова.—Въ *Егорьевскомъ* училищѣ занятій не было по случаю отъѣзда учительницы въ отпускъ. При прежнемъ осмотрѣ этой школы слышны были жалобы на неаккуратность занятій учительницы, что и было поставлено ей на видъ, но такъ какъ вышѣ жалобы эти возобновились, то по соглашенію съ земскою управою рѣшено было перевести ее въ такое училище, гдѣ инспекторъ и члены училищнаго совѣта будутъ имѣть болѣе возможности наблюдать за ея преподаваніемъ.—*Державинское* училище, въ селѣ того же названія, помѣщается въ наемномъ домѣ съ платою отъ общества по 4 р. въ мѣсяцъ; помѣщеніе удобно, но содержится, по небрежности хозяина и не смотря на всѣ настоянія, весьма неопрятно, о чемъ г. инспекторомъ и заявлено было сельскому старостѣ съ предложеніемъ принять мѣры къ улучшенію школы. Учащихся 33, изъ нихъ 7 старшаго отдѣленія, 14 средняго и 12 младшаго. Учитель, изъ однодворцевъ, получилъ образованіе въ фельдшерскомъ училищѣ и находится въ должности уже болѣе 10 лѣтъ; онъ относится къ своему дѣлу съ любовью, почему и успѣлъ приобрести довѣріе общества. Усиѣхи учащихся удовлетворительны по всѣмъ предметамъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ; особенно ученики старшаго отдѣленія читаютъ весьма пра-

вильно, бѣгло и толково передають прочитанное, пишутъ подъ диктовку быстро и безъ грубыхъ ошибокъ, изъ ариметики хорошо рѣшаютъ задачи надъ цѣлыми числами на всѣ четыре дѣйствія. Кромѣ того, учитель посредствомъ частаго чтенія Евангелія на славянскомъ и русскомъ языкахъ и пѣнія молитвъ и символа вѣры занимается также и закономъ Божиимъ, такъ какъ законоучитель по болѣзни не можетъ посѣщать школу. Книгъ въ училищной библиотекѣ очень недостаточно, почему г. инспекторомъ и выдано было для нея 30 экземпляровъ. Училище въ с. *Чирнахъ* помѣщается въ церковной сторожкѣ, довольно хорошо для него приспособленной. Учащихся 38, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи 7, въ среднемъ 10 и въ младшемъ 21. Читаютъ и пишутъ ученики двухъ старшихъ отдѣленій удовлетворительно, но ариметическія задачи рѣшаютъ механически, не отдавая себѣ отчетъ въ дѣйствіяхъ. Г. инспекторомъ указанъ былъ способъ болѣе правильнаго преподаванія ариметики. Въ младшемъ отдѣленіи обученіе велось сначала по звуковому способу Корфа, но учитель, не будучи хорошо знакомъ съ этимъ способомъ, перешелъ къ звуколагательному и ученики, хотя знаютъ почти всѣ звуки, но слагать ихъ не умѣютъ. Учитель, изъ духовнаго званія, обучался въ уѣздномъ училищѣ, но курса не кончилъ, состоитъ въ должности съ 1-го сентября прошлаго года и, какъ замѣтно, занимается усердно. Законоучитель, мѣстный священникъ, относится къ дѣлу весьма внимательно и учащіеся въ теченіи двухъ и трехъ лѣтъ знаютъ молитвы, съ объясненіемъ содержанія и отдѣльныхъ словъ, и хорошо разказываютъ пройденныя ими событія изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта. Книгъ и учебныхъ пособій достаточно.—*Карноуховское* училище, въ с. того же названія, открыто земствомъ въ прошломъ году по просьбѣ мѣстнаго землевладѣльца П. П. Мертваго, который далъ ему въ своемъ домѣ весьма удобное помѣщеніе, а также для учителя квартиру со столомъ, устроилъ классную мебель и снабдилъ школу учебными пособиями. Учитель, изъ окончившихъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ, трудолюбивъ и довольно опытенъ, занимается усѣбно. Учащіеся раздѣлены имъ на два отдѣленія, изъ которыхъ въ старшемъ 19 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ, а въ младшемъ 10 мальчиковъ и 1 дѣвочка. Въ старшемъ отдѣленіи дѣти читаютъ по книгѣ „Родное слово“ Ушинскаго хотя и не бойко, но съ пониманіемъ, изъ ариметики рѣшаютъ письменно и устно задачи на всѣ четыре дѣйствія въ предѣлахъ до 20. Въ младшемъ отдѣленіи пройдены основательно почти всѣ звуки по руководству „Письмо-чтеніе“ и ученики

весьма правильно пишутъ диктуемія имъ слова. Изъ ариѳметики забираются они умственнымъ счисленіемъ и ознакомлены съ составомъ перваго десятка. Вновь опредѣленный законоучитель началъ свои занятія недавно, а потому познанія учениковъ изъ закона Божія весьма ограничены.—*Зюзинское* училище, въ с. Зюзинѣ, открытое въ 1869 г., помѣщается въ общественномъ домѣ. Помѣщеніе, вообще удобное и просторное, въ истекшемъ году увеличено еще пристройкой квартиры для учителя, на что обществомъ израсходовано 70 р. и мѣстною землевладѣлицей г-жею Безобразовой 30 р. Законоучитель занимается очень усѣбно; мѣже удовлетворительны успѣхи учениковъ по другимъ предметамъ; ибо учитель не знакомъ съ правильною постановкой школьнаго дѣла, хотя и усерденъ: ученики его читаютъ неправильно и безъ всякаго пониманія, пишутъ безграмотно, но довольно красиво, на что видимо обращается особенное вниманіе; изъ ариѳметики съ механизмомъ дѣйствій они знакомы, но прилагать свои знанія къ рѣшенію практическихъ задачъ не могутъ. Г. инспекторъ старался объяснить учителю улучшенные способы преподаванія и указалъ ему на руководства, къ которымъ слѣдуетъ ему обратиться. Учениковъ по списку значится 47, но при осмотрѣ было ихъ 32, изъ коихъ 27 въ старшемъ отдѣленіи, а остальные всѣ—вновь поступившіе; въ числѣ этихъ послѣднихъ находится 6 татаръ-магометанъ, изъ сосѣднихъ деревень.—*Бреховское* женское училище, въ д. Бреховой, открыто въ 1875 г. мѣстною землевладѣлицей г-жею Буличъ, которая на своей землѣ устроила для него весьма удобное помѣщеніе съ квартирою для учительницы, сдѣлала классную мебель, обязалась давать отопленіе и прислугу, а равно приняла на свой счетъ половину жалованья учительницъ, а именно: 120 р. въ годъ; другую же половину, а также сумму на учебныя пособія, въ размѣрѣ 30 р., уплачиваетъ земство. Законоучитель, священникъ сосѣдняго села Зюзина, отстоящаго отъ школы въ 3 верстахъ, занимается преподаваніемъ закона Божія безмездно; учительница, изъ окончившихъ курсъ въ Казанскомъ Родіоповскомъ институтѣ, вполне знакомая со способами преподаванія всѣхъ предметовъ курса, отличается большимъ усердіемъ къ своему дѣлу. Ученицы, пробывшія въ школѣ 8 мѣсяцевъ, читаютъ по незнакомой для нихъ книгѣ правильно и могутъ передать прочитанное своими словами; изъ ариѳметики рѣшаютъ письменно и въ умѣ довольно сложныя задачи на первыя два дѣйствія; пишутъ подъ диктантъ, по крупнымъ линейкамъ, красиво. Обученіе вновь поступившихъ ученицъ ведется по звуковому способу Ушинскаго удовлетвори-

тельно и вообще успѣхи по всѣмъ предметамъ можно назвать весьма хорошими. Ученицъ, постоянно посѣщающихъ эту школу—19. *Шумковское* училище помѣщается въ весьма удобномъ, нарочно для него устроенномъ домѣ. Оно существуетъ съ 1862 года и за все это время преподаваніемъ всѣхъ предметовъ занимался священникъ о. Демьяновъ, которымъ училище и открыто. Учащихся, при осмотрѣ, было 32, изъ которыхъ почти половина дѣти крестьянъ, зараженныхъ расколомъ. О. Демьяновъ успѣшными занятіями и постоянными увѣщаніями достигъ того, что почти всѣ мѣстные раскольники отдають своихъ дѣтей въ училище. Однимъ изъ главныхъ предметовъ въ этой школѣ—церковное пѣніе по нотамъ и ученики постоянно поютъ во время богослуженія на клиросѣ. Знанія дѣтей, проучившихся два года, по закону Божію весьма удовлетворительны; событія изъ священной исторіи разказываютъ они послѣдовательно; молитвы, символъ вѣры, заповѣди, тропари и кондаки знаютъ съ переводомъ на русскій языкъ; читаютъ бойко и сознательно по книгамъ, доступнымъ дѣтскому пониманію, а также и по-славянски читаютъ очень хорошо. Изъ ариѳметики знаютъ четыре дѣйствія и умѣютъ прилагать свои знанія къ рѣшенію практическихъ задачъ. Ученики, поступившіе въ прошломъ году, читаютъ тоже удовлетворительно. Менѣе успѣшны занятія по чистописанію; происходитъ это, какъ объяснилъ о. Демьяновъ, отъ недостатка времени и учебныхъ пособій. Содержаніе училищу отпускаетъ земство въ количествѣ 150 р., изъ нихъ 120 р. на жалованье наставнику и 30 р. на учебныя пособія, а отопленіе даетъ общество; за неимѣніемъ при школѣ сторожа, учителю, по большей части, приходится самому топить печи.—*Карболянское*, мужское училище находится въ Карболянахъ и раздѣляется на два отдѣленія: русское и инородческое; въ обоихъ учителямъ состоитъ мѣстный священникъ о. Рапидовъ, который имѣетъ двухъ помощниковъ: въ русскомъ отдѣленіи діакона Корсунскаго, а въ инородческомъ—крещенаго Татариза изъ окончившихъ курсъ въ Казанской крещено-татарской школѣ. Учащихся 34, изъ нихъ Русскихъ 20 и 14 Татаръ; изъ числа послѣднихъ 13 православнаго исповѣданія и 1 магометанинъ. Первоначальное обученіе ведется по звуковому способу, а книгами для чтенія служатъ: „Родное слово“ и „Дѣтскій міръ“ Ушинскаго; ариѳметика преподается по способу Лева. Успѣхи учениковъ не вполне удовлетворительны, кромѣ закона Божія, какъ въ русскомъ, такъ и инородческомъ отдѣленіяхъ, что преподаватели объясняютъ продолжительностію бышей лѣтней вакансіи. Помѣщеніе удобно. Въ томъ

же селѣ осмотрѣно было женское училище, расположенное въ квартирѣ преподавательницы г-жи Корсупской. Всѣхъ ученицъ оказалось на лицо 6; читають и пишутъ онѣ, а равно рѣшаютъ несложныя задачи изъ ариѳметики удовлетворительно. Содержаніе этой школы отпускается отъ земства въ количествѣ 60 р. въ годъ. Въ приходѣ села Карбоинѣ, въ деревнѣ Темтихъ, существуетъ ипородческа я школа братства св. Гурія. Она помѣщается въ квартирѣ учителя, крестьянина Антона Григорьева, окончившаго курсъ въ крещено-татарской школѣ. Учениковъ по списку значится 21, всѣ изъ крещеныхъ татаръ; на лицо было 8, изъ коихъ 5 вновь поступившихъ и 3 учившіеся въ прошломъ году. Эти послѣдніе по-русски читають, хотя и не бойко, и передають прочитанное на своемъ нарѣчій. Предложенныя имъ на русскомъ языкѣ ариѳметическія задачи на сложеніе и вычитаніе они рѣшали довольно успѣшно, причемъ отвѣты давали тоже на родномъ языкѣ.—*Шумбутское, Троицко-Ураевское, Анатышское и Ошняковское* училища, въ селахъ тѣхъ же названій, содержатся земствомъ и помѣщаются: Шумбутское и Анатышское въ наемныхъ отъ общества домахъ, а Троицко-Ураевское и Ошняковское—въ церковныхъ сторожкахъ. Помѣщенія довольно удобны и содержатся опрятно. Такъ какъ упомянутыя училища существуютъ при одинаковыхъ условіяхъ, то есть, преподавателями здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ одни и тѣ же лица, занимающіеся по одинаковымъ руководствамъ, то и учебная часть одинаково удовлетворительна; ученики старшихъ отдѣленій хорошо разказываютъ событія изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, читають довольно бѣгло по-русски и славянски и пишутъ подъ диктовку безъ грубыхъ ошибокъ. Ариѳметическія задачи на 4 дѣйствія съ простыми и именованными числами рѣшаютъ сознательно. Ученики среднихъ отдѣленій знаютъ молитвы и заповѣди съ объясненіемъ и переводомъ ихъ на русскій языкъ; хорошо разказываютъ содержаніе прочитаннаго, пишутъ четко; изъ ариѳметики рѣшаютъ письменно и въ умѣ задачи на сложеніе и вычитаніе. Въ младшихъ отдѣленіяхъ занятія ведутся по звуковому способу; руководствомъ служатъ: „Письмо-чтеніе“. Учениковъ при осмотрѣ училищъ было: въ Шумбутскомъ—20 мальчиковъ и 9 дѣвочекъ, въ Троицко-Ураевскомъ—42 мальчика, въ Анатышскомъ—36 мальчиковъ, въ Шумковскомъ—28 мальчиковъ, всѣ природные Русскіе, дѣти мѣстныхъ крестьянъ. Содержанія законоучителя получаютъ по 60 р., учителя по 120 р., сверхъ того на учебныя пособія выдается для каждой изъ школъ по 80 р. Въ библіотекахъ училищъ книгъ и

учебныхъ пособій достаточно.—*Урахчинское*, въ селѣ того же названія, помѣщается въ церковномъ домѣ, который во время осмотра исправлялся, а потому занятій не было. Г. инспекторъ могъ осмотрѣть только бібліотеку, и нашелъ, что книгъ въ ней вполнѣ достаточно и выборъ ихъ хорошъ. Учитель, мѣстный причетникъ, знакомъ съ улучшенными способами преподаванія, въ чемъ можно было убѣдиться изъ бесѣды съ нимъ объ его занятіяхъ. Содержаніе получаетъ онъ отъ земства въ количествѣ 120 р. и, сверхъ того, 30 р. на учебныя пособія; законоучителю назначено 60 р. въ годъ. Учениковъ по списку значится 21.

Въ Мамадышскомъ уѣздѣ были осмотрѣны слѣдующія училища: Абдинское, Чаксинское, Никифоровское инородческое, Тавельское, Красногорское, Кирименское, Омарское женское, Покровское и Урманчеевское;—школы братства св. Гурія: Трехъ-соснинская, Шемурбашская и Саврушская; приходскія мужское и женское училища въ городѣ Мамадышѣ и частная женская школа въ с. Красной Горкѣ. Всѣ они помѣщаются на квартирахъ, нанимаемыхъ для нихъ земствомъ, кромѣ городского мужскаго училища, для котораго квартиру нанимаетъ городское общество. Помѣщенія вообще удобны и содержатся опрятно; школы снабжены земствомъ въ достаточномъ количествѣ книгами и учебными пособиями. Преподавателями здѣсь состоятъ лица, ознакомившіяся со способами преподаванія на бывшихъ въ 1873 и 1874 гг. учительскихъ сѣздахъ, или окончившіе курсъ въ Казанской земской учительской школѣ; въ Урманчеевскомъ училищѣ наставникъ окончилъ курсъ Казанской учительской семинаріи. Преподаваніе идетъ вообще правильно: въ младшемъ отдѣленіи, при осмотрѣ г. инспектора, еще продолжался пріемъ вновь поступающихъ учениковъ и потому занятія еще не наладились; въ среднемъ отдѣленіи по закону Вожію ученики знаютъ главнѣйшія молитвы съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Въ Абдинскомъ, Красногорскомъ и городскихъ училищахъ они разказываютъ, кромѣ того, исторію главнѣйшихъ праздниковъ и житіе того святаго, ими котораго носятъ; читаютъ по книгѣ „Родное слово“ Ушинскаго довольно бѣгло, пишутъ подъ диктовку и съ прописей безъ искаженія словъ и пропуска звуковъ, хотя и не достаточно красиво. Изъ ариметики письменно и въ умѣ умѣютъ рѣшать предлагаемыя имъ задачи на всѣ четыре дѣйствія въ предѣлахъ первыхъ трехъ десятковъ. Ученики старшихъ отдѣленій разказывали событія изъ священной исторіи ветхаго завета и объясняли содержаніе изученныхъ ими молитвъ очень удовлетворительно; чита-

ютъ они по незнакомой для нихъ книгѣ со смысломъ, хотя и не со-
всѣмъ бѣгло; пишутъ безъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ. До-
вольно сложныя ариѳметическія задачи съ простыми и именовапными
числами рѣшали они сознательно. Преподаваніе ариѳметики ведется
по способу Евтушевскаго. Къ лучшимъ изъ училищъ относятся го-
родское, *Красногорское* и *Абдинское*. Число учащихся: въ первомъ изъ
нихъ 76, а по списку значится 83; въ женскомъ училищѣ 45, Кра-
сногорскомъ 45, Абдинскомъ 32 мальчика и 6 дѣвочекъ, въ Чакин-
скомъ 24, Тавельскомъ 53, Кирменскомъ 28, Омарскомъ женскомъ
26, Покровскомъ 29 и Урманцевскомъ 28 мальчиковъ и 10 дѣво-
чекъ. Во всѣхъ поименованныхъ школахъ учащіеся раздѣляются на
три отдѣленія.—*Никифоровское* ипородческое училище, въ деревнѣ Ни-
кифоровой, содержится земствомъ и помѣщается въ собственномъ домѣ.
Трехъ-соснинская, *Шемурбашская* и *Саврушская* ипородческія школы
содержатся на средства братства св. Гурія; изъ нихъ Саврушская школа
имѣетъ собственное помѣщеніе, а другія двѣ расположены въ наем-
ныхъ домахъ. При осмотрѣ ихъ, занятія происходили только въ Ни-
кифоровской и Саврушской школахъ, а въ Трехъ-соснинской и Ше-
мурбашской, за отъѣздомъ учителей въ отпускъ, занятій не было.
Учащихся въ Никифоровскомъ училищѣ 22 мальчика и 3 дѣвочки,
въ Саврушскомъ 12 мальчиковъ и 2 дѣвочки; всѣ изъ Татаръ и пра-
вославнаго вѣроисповѣданія. Учителями въ томъ и другомъ училищѣ
ипородцы изъ окончившихъ курсъ въ Казанской крещено-татарской
школахъ. Нѣкоторые изъ учащихся только что поступили въ школы, а
другіе оставались въ нихъ уже болѣе года: эти послѣдніе читаютъ
на родномъ нарѣчій и передаютъ прочитанное довольно удовле-
творительно, по-русски же хотя и читаютъ, но изложить прочитан-
ное по-русски еще не могутъ; поютъ молитвы по славянски и по
татарски хорошо. Особенно слѣдуетъ это замѣтить о Никифоровскомъ
училищѣ, гдѣ учитель, крестьянинъ Иванъ Семеновъ, весьма усердно
занимается съ дѣтми и пользуется расположеніемъ мѣстнаго обще-
ства; родители учениковъ просили г. инспектора исходатайствовать
ему увеличеніе жалованья, что и исполнено было Мамадышскою зем-
скою управой, такъ что, вмѣсто 75 руб., онъ получаетъ теперь до
120 руб. въ годъ.—*Красногорское* женское училище помѣщается въ
домѣ мѣстнаго священника, который занимается преподаваніемъ без-
мездно. При осмотрѣ было здѣсь 15 дѣвочекъ, составлявшихъ одно
отдѣленіе. Успѣхи вообщѣ удовлетворительны, особенно по закону
Божію: молитвы, заповѣди и символъ вѣры ученицы знаютъ хорошо,

и толково разказываютъ событія изъ священной исторіи; супруга о. Лебедева занимается съ ними руководѣлемъ, приучаетъ ихъ кроить и шить. Книгъ и пособій не достаточно, почему г. инспекторъ и ходатайствовалъ передъ земскою управою о выдачѣ означенной школѣ пособія изъ земскихъ суммъ.

Кромѣ выше изчисленныхъ, осмотрѣны были приходскія училища въ г. Чистополь, мужское и женское въ Тетюшахъ, мужское и женское въ Свіяжскѣ и приготовительный классъ при уѣздномъ училищѣ и женское училище въ Спасскѣ. Всѣ эти училища найдены въ удовлетворительномъ состояніи. Чистопольское приходское помѣщается въ весьма удобной наемной квартирѣ съ платою 600 руб. въ годъ. На содержаніе его ассигновано отъ города по 1950 руб. и отъ земства по 500 руб.; учащихся 261, которые раздѣлены на три отдѣленія: изъ нихъ среднее расположено въ двухъ разпыхъ комнатахъ и преподаваніе раздѣлено между двумя учителями. Тетюшское мужское училище имѣетъ удобное помѣщеніе въ домѣ, принадлежащемъ городскому обществу. Учащіеся раздѣлены на три отдѣленія, учителей 2. Оба они, а равно и законоучитель, содержаніе получаютъ отъ города: старшій учитель 200 р. въ годъ, младшій 12 р., законоучитель 36 р. Тетюшское женское училище содержится земствомъ и помѣщается въ паемной квартирѣ съ платою за нее 120 р. въ годъ. Ученицъ 75. Преподаваніемъ занимаются двѣ учительницы, получающія за свои труды—одна 240 р., а другая 141 р., и законоучитель, которому назначено 40 руб. Свіяжскія мужское и женское училища, содержатся на счетъ городского общества; на первое изъ нихъ расходуется 350 р., а именно на жалованье законоучителю 50 рублей, учителю 150 р. и на насмъ и отопленіе квартиры 150 руб., а на второе 200 руб. безраздѣльно отпускается учительницѣ. Учащихся въ мужскомъ училищѣ было 56, а въ женскомъ 41. Спасское женское училище, открытое въ январѣ прошлаго года, помѣщается очень удобно въ общественномъ домѣ и содержится на счетъ города. Ученицъ 36; по познаніямъ онѣ дѣлятся на два отдѣленія. Спасскій приготовительный классъ при уѣздномъ училищѣ помѣщается въ зданіи уѣзднаго училища. Учащихся при осмотрѣ было 26, а по списку 32. Во всѣхъ этихъ училищахъ преподаватели люди опытные и бібліотеки снабжены достаточно учебными пособіями, а потому и состояніе учебной части удовлетворительно. По закону Божію въ старшемъ отдѣленіи ученики хорошо разказывали событія изъ священной исторіи, молитвы произносили сознательно; въ среднемъ отдѣленіи они

знаютъ главнѣйшія молитвы и заповѣди съ переводомъ на русскій языкъ и въкоторыя событія изъ священной исторіи петхаго завѣта. Въ младшемъ отдѣленіи только приступлено къ изученію краткихъ молитвъ. По русскому языку въ старшемъ отдѣленіи ученики хорошо читаютъ и передаютъ прочитанное въ связномъ разказѣ; съ грамматическими правилами знакомятся они по руководству Ушинскаго очень обстоятельно. Въ среднемъ отдѣленіи ученики читаютъ по книгѣ Ушинскаго „Родное слово“ довольно бѣгло; пишутъ подъ диктовку безъ искаженія словъ. Пишутъ учащіеся въ большинствѣ хорошо; при обученіи письму соблюдается постепенный переходъ отъ легкихъ буквъ къ болѣе труднымъ, а затѣмъ переходятъ къ списыванію съ прописей и книгъ. Къ лучшимъ изъ училищъ относятся: Чистопольское, Спасское женское и Тетюшское женское.

Въ Спасскомъ уѣздѣ осмотрѣны были, кромѣ того, слѣдующія земскія училища: Пичкаское, Кураловское, Щербетское и Базяковское. *Пичкаское* помѣщается въ наемномъ домѣ, тѣсномъ по числу учениковъ и недостаточно свѣтломъ, почему г. инспекторъ и просилъ общество о присканіи для него болѣе удобной квартиры. *Кураловское* расположено въ домѣ землепладѣльца г. Молоствова, которымъ училище снабжено мебелью и учебными пособиями, онъ же даетъ ему и отопленіе. Помѣщеніе это вполне удовлетворительно. *Щербетское* и *Базяковское* училища имѣютъ собственные дома. Въ Пичкаскомъ училищѣ при осмотрѣ было 42 мальчика и 2 дѣвочки. Успѣхи не удовлетворительны, ибо учительница мало занималась съ дѣтьми, частью по болѣзни, а частью и по небрежности. Въ настоящее время можно ожидать, что дѣло пойдетъ лучше, такъ какъ вновь назначенный учитель извѣстенъ своимъ усердіемъ. Жалованье ему назначено отъ земства 200 р. и квартира отъ общества. Въ Кураловскомъ, Щербетскомъ и Базяковскомъ училищахъ успѣхи учениковъ удовлетворительны. Въ первомъ 38 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ; во второмъ 39 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ, а въ третьемъ—28 мальчиковъ, всѣ—православнаго исповѣданія. Въ Кураловскомъ и Базяковскомъ преподавателями состоятъ молодые люди изъ окончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ съ жалованьемъ по 200 руб., а законоучителями мѣстные священники съ жалованьемъ по 28 руб. въ годъ. Въ Щербетскомъ законоучителю жалованье въ количествѣ 180 руб. назначено лишь съ сентября прошлаго года, а до того времени онъ занимался безмездно и только иногда получалъ единовременныя пособия. Въ этой школѣ ученики весьма хорошо поютъ и изъ нихъ

составленъ хоръ, который по праздникамъ является въ церковь. Обучение пѣнію привлекаетъ сюда дѣтей изъ многихъ другихъ деревень и обнаруживаетъ вообще значительное вліяніе на исправное посѣщеніе школы учащимися.

— Изъ отчета одного изъ инспекторовъ народныхъ училищъ Кіевской губерніи мы извлекаемъ слѣдующія свѣдѣнія о школахъ, осмотрѣнныхъ имъ въ первой половинѣ текущаго года въ уѣздахъ Тарашанскомъ, Звенигородскомъ, Уманьскомъ и Липовецкомъ.

Въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ были осмотрѣны училища: *Красиловское, Жашковское, Тельжинскія* мужское и женское. Красиловское содержится на счетъ суммы, отпускаемой удѣльнымъ вѣдомствомъ въ количествѣ 712 руб., Жашковское — на средства сельскаго общества съ пособіемъ отъ казны, а оба Тельжинскія на счетъ особаго сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Помѣщенія удобны, за исключеніемъ Красиловскаго, которому не мало вредитъ то обстоятельство, что во время уроковъ дѣти находятся въ двухъ различныхъ комнатахъ и учитель, занимаясь съ одними, вынужденъ оставлять другихъ безъ надзора. Преподавателями въ трехъ первыхъ школахъ состоятъ лица, окончившія курсъ духовной семинаріи, а въ Тельжинской женской — учительница, обучавшаяся въ Фундуклеевской женской гимназіи; всѣ они обладаютъ достаточною опытностью и весьма усердно относятся къ своему дѣлу. Пѣніе преподается только въ Красиловской школѣ — и съ большимъ успѣхомъ.

Эта школа, возникшая лишь въ 1874 году, находится въ селѣ, народонаселеніе коего доходитъ почти до 1.000 душъ обоаго пола, а между тѣмъ учащихся оказалось на лицѣ лишь 53 (48 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ). Это тѣмъ болѣе печально, что школа находится вообще въ весьма удовлетворительномъ состояніи. Въ нынѣшнемъ году назначено къ выпуску 6 учениковъ, которые должны выдержать испытаніе на свидѣтельство, предоставляющее льготу при отбываніи воинской повинности. Даже учащіеся низшихъ группъ оказали значительные успѣхи: они знаютъ главныя молитвы, начинаютъ читать книги славянской и гражданской печати и быстро рѣшаютъ несложныя задачи. Выше было замѣчено, что помѣщеніе Красиловской школы не совсѣмъ удобно, но въ настоящее время думаютъ перевести ее въ другой домъ. Въ *Жашковской* школѣ по списку значится 44 учащихся, а на лицѣ оказалось 34, изъ коихъ 3 дѣвочки (населеніе села Жашкова простирается до 1.600 душъ обоаго пола). Ученые идутъ тутъ не совсѣмъ удовлетворительно, главнымъ образомъ по-

тому, что дѣти не аккуратно посѣщаютъ школу: на каждого изъ учениковъ приходится, среднимъ числомъ, не менѣе 55 пропущенныхъ уроковъ въ годъ. Въ *Тельжинскомъ* мужскомъ училищѣ — болѣе 40 учащихся. Особенно хорошо здѣсь преподаваніе закона Божія: законоучитель, устными бесѣдами, при помощи картинъ, достигаетъ отличныхъ результатовъ. Что касается другихъ предметовъ, то по русскому языку ученики старшей группы читаютъ бѣгло и толково съ указаніемъ на главныя части предложенія, пишутъ подъ диктовку четко, но не безъ ошибокъ; рѣшаютъ задачи на четыре дѣйствія надъ простыми и именоваемыми числами механически, безъ достаточнаго сознанія. Весьма отрадное впечатлѣніе производитъ жепская школа въ селѣ *Тельжинцахъ*: обучается здѣсь 25 дѣвочекъ и по всѣмъ предметамъ обнаруживаютъ онѣ вполне удовлетворительные успѣхи, благодаря главнымъ образомъ стараніямъ и добросовѣстности своей наставницы, г-жи *Шустиновой*.

Что касается до *Звенигородскаго уѣзда*, то мы имѣемъ свѣдѣнія о слѣдующихъ его училищахъ: *Шнолянскомъ* двухклассномъ приходскомъ, *Лысанскомъ*, *Ольшанскомъ*, *Екатеринопольскомъ* мужскомъ и женскомъ и *Новоселицкомъ*: послѣднія пять — одноклассныя. Шнолянское двухклассное приходское училище, въ мѣстечкѣ Шноль, содержится на средства дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. А. Абазы; оно получаетъ ежегодно по 1.500 руб. Помѣщеніе для него можно назвать отличнымъ и вообще школа обставлена какъ нельзя лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Преподавателями состоятъ здѣсь: въ старшемъ классѣ — окончившій курсъ *Кіевской* учительской семинаріи, а въ младшемъ — окончившій курсъ учительской семинаріи въ *Возѣ* почишей великой княгини *Елены Павловны*. Въ истекшемъ году выдержали вполне удовлетворительно испытаніе на свидѣтельство, предоставляющее льготу по воинской повинности, 7 учениковъ; а въ вышшемъ году — 11. Въ старшемъ классѣ учащіеся основательно знаютъ пройденное по всѣмъ предметамъ; вообще свѣдѣнія ихъ въ законѣ Божіемъ, русскомъ и славянскомъ языкахъ, ариметикѣ, геометріи, исторіи и географіи нисколько не ниже познаній обучающихся въ городскихъ училищахъ. Что касается до упомянутыхъ выше одноклассныхъ школъ, то помѣщенія ихъ вообще удобны, за исключеніемъ школъ *Екатеринопольскихъ*, мужской и женской, которыя расположены хотя въ большихъ, но въ сырыхъ и холодныхъ домахъ. Изъ учителей — двое окончили курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, одинъ въ двухклассной начальной школѣ, одинъ вышелъ

изъ 4-го класса гимназіи, а наставница Екатеринопольскаго женскаго училища обучалась въ Кіевской Фундуклеевской гимназіи. Учебная часть поставлена особенно хорошо въ училищахъ Ольшанскомъ и въ двухъ Екатеринопольскихъ: мужское Екатеринопольское могло бы считаться даже примѣрнымъ, если бы внѣшняя его обстановка была болѣе удовлетворительна. Учащихся въ немъ около 60 (по списку значится 70) и по всѣмъ предметамъ обнаружили они очень хорошіе успѣхи. Въ женской Екатеринопольской школѣ дѣти успѣваютъ преимущественно въ русскомъ языкѣ. Школа Новоселицкая значительно улучшилась сравнительно съ прежнимъ, благодаря, главнымъ образомъ, заботливости мѣстнаго мирового посредника, который убѣдилъ крестьянъ построить для нея новый домъ; къ сожалѣнію, ученики далеко неисправно посѣщаютъ классы, хотя учитель весьма усерденъ и ведетъ обученіе толково: дѣти читаютъ у него бѣгло, умѣютъ разказать прочитанное, пишутъ грамотно. Не мало вредитъ и Лысянской школѣ частая уклоненія дѣтей отъ уроковъ.

Въ Умапскомъ уѣздѣ *Шукайводское* одноклассное училище содержится на счетъ сельскаго общества съ пособіемъ отъ министерства народнаго просвѣщенія: всего получаетъ оно 300 руб. Помѣщеніе, съ особою квартирою для учителя, удобно. Преподаватель окончилъ курсъ учительской семинаріи, усерденъ и опытенъ: учащіеся (40 мальчиковъ и 2 дѣвочки) раздѣлены на три группы; въ старшей изъ нихъ они знаютъ молитвы съ объясненіемъ ихъ смысла, хорошо излагаютъ главнѣйшія событія Священной исторіи, пишутъ безъ грубыхъ ошибокъ. Учитель занимается съ дѣтьми и нотнымъ пѣніемъ.

Въ Липовецкомъ уѣздѣ училища *Жорницкое* и *Андрушевское* содержатся оба на средства сельскихъ обществъ съ пособіемъ отъ казны. Помѣщенія ихъ удобны, -- особенно слѣдуетъ это сказать о второмъ изъ нихъ. Въ Жорницкой школѣ успѣшный ходъ по всѣмъ предметамъ и удовлетворительныя познанія учащихся доказываются тѣмъ, что хотя школа эта существуетъ только два года, она еще въ прошломъ году подготовила нѣсколько учениковъ къ выпуску. Что касается до Андрушевской школы, то она учреждена недавно и было бы преждевременно дѣлать о ней какія-либо заключенія. Впрочемъ, преподавателемъ въ ней состоитъ человѣкъ весьма способный; число учащихся простирается до 40.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

14-го (26-го) октября 1876 года.

Нынѣшнее письмо свое я намѣренъ исключительно посвятить разбору появившихся въ послѣднее время различныхъ книгъ, такъ какъ въ теченіе ваканцій не произошло ничего особенно интереснаго въ административной области нашего народнаго просвѣщенія. Факультетскія лекціи возобновляются лишь съ 1-го ноября; занятія въ лицейхъ открылись въ октябрѣ обыкновеннымъ порядкомъ. Что касается трехъ католическихъ университетовъ въ Лиллѣ, Реннѣ и Авжерѣ, то уже и теперь извѣстно, что клерикальная партія дѣлаетъ все возможное съ цѣлью расширить и обогатить ихъ. Министерство народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, не останется въ бездѣйствіи; именно въ настоящую минуту г. Ваддингтонъ путешествуетъ по южной Франціи, останавливаясь преимущественно въ тѣхъ городахъ, гдѣ онъ намѣренъ учредить новыя университеты. Бордо и Тулузу онъ уже посѣтилъ, и затѣмъ отправился въ Монпелье. Впрочемъ, относительно университетовъ официально еще ничего не рѣшено и потому, за неизмѣнимъ достовѣрныхъ свѣдѣній, я займусь новостями литературными и педагогическими, свидѣтельствующими о дѣятельности нашего ученаго міра. Я уже упоминалъ прежде о сокращенномъ изданіи Словаря Литтре—этого почтеннаго труда, лучше котораго едва ли что-либо появлялось у насъ въ этомъ родѣ; теперь вышло новое его изданіе, еще болѣе сокращенное—всего одинъ томъ въ 900 стр., напечатанное въ двухъ колоннахъ. Называется оно „Petit Dictionnaire universel“ и заключаетъ въ себѣ части міеологическую, историческую, біографическую и географическую, которыхъ нѣтъ въ большомъ словарѣ. Оно отличается, между прочимъ, чрезвычайною своею дешевизною и редактировано г. Божаномъ (Beaujean), постояннымъ сотрудникомъ Литтре, тѣмъ самымъ, который редакци-

ровалъ и словарь in 8°. При всѣхъ огромныхъ достоинствахъ труда г. Литтре, есть въ немъ и слабая сторона—а именно часть этимологическая. Одинъ извѣстный оріенталистъ, которому, между прочимъ, принадлежитъ переводъ романа Аптара, г. Марсель Девикъ, изляси пополнить этотъ отдѣлъ: на дняхъ появился его „Этимологическій словарь“ (I т. въ 277 стр.), заключающій въ себѣ французскія слова, корни коихъ нужно искать въ языкахъ восточныхъ (арабскомъ, персидскомъ, турецкомъ, еврейскомъ и малайскомъ). Г. Девикъ ограничился, впрочемъ, только мусульманскими нарѣчіями, надъ которыми господствуетъ языкъ арабскій, находящійся въ столь тѣсной связи съ языкомъ еврейскимъ. Нѣчто подобное этому словарю уже существуетъ въ нашей литературѣ. Въ 1866 г. Пиганомъ (Pihan) изданъ былъ этимологическій словарь французскихъ словъ происхожденія арабскаго, персидскаго и турецкаго, трудъ, не выдерживающій, впрочемъ, строгой критики, такъ какъ авторъ, большой невѣжда во всемъ, что касается романской этимологій, надѣлалъ много крупныхъ ошибокъ. Г. Марсель Девикъ пользовался преимущественно трудами г. Дози и г. Энгельманна. Въ словарѣ своемъ онъ объясняетъ происхожденіе почти 1000 французскихъ словъ, изъ которыхъ три четверти, при посредствѣ или безъ посредства языковъ испанскаго и португальскаго, провансальскаго и италянскаго, произошли отъ арабскаго языка. Подобно г. Литтре, на ряду съ французскимъ словомъ онъ помѣстилъ однородные термины другихъ романскихъ нарѣчій. Двойной и весьма полный указатель европейскихъ словъ и словъ восточныхъ языковъ находится въ концѣ книги, которая, безъ сомнѣнія, окажется крайне полезною для всѣхъ занимающихся исторіею романскихъ или восточныхъ нарѣчій.

Нѣсколько времени тому назадъ я извѣщалъ васъ, что Школа восточныхъ языковъ намѣревается издать цѣлый рядъ специальныхъ сочиненій. Начало этому теперь уже положено. Авторомъ перваго появившагося нынѣ труда былъ самъ директоръ школы г. Шарль Шефферъ, секретарь-переводчикъ правительства, одинъ изъ представителей Франціи на Петербургскомъ конгрессѣ оріенталистовъ. Онъ издалъ текстъ и переводъ исторіи центральной Азіи (Афганистана, Бухары, Хивы и Кокана) Миръ-Абдуль-Керима (1746—1818 г.). Первый томъ заключаетъ въ себѣ персидскій текстъ, напечатанный въ Булахѣ, а второй—французскій переводъ съ примѣчаніями и картою центральной Азіи. Рукопись, которою руководился г. Шефферъ, была приобретена имъ при распродажѣ библиотеки Арифа-бей, бывшаго нѣ-

когда церемоніймейстеромъ Константинопольскаго двора. Г. Шефферъ панечалъ ее со всѣми ея неточпостями и даже съ орфографическими, граматическими и синтаксическими ошибками; къ переводу своему онъ приложилъ историческій и библиографическій толкователь. Тому же ученому принадлежитъ другой трудъ — повѣствованіе Ризы-Гулихана объ его посольствѣ. Персидскій текстъ печатаѣтъ опять таки въ Булахѣ, а французскій переводъ на дняхъ появился въ Парижѣ.

Въ прошломъ году я упоминалъ о конгрессѣ любителей американскихъ древностей, происходившемъ въ Нанси. Конгрессу этому предстоитъ повториться на будущій годъ въ Люксембургѣ, а пока появился въ двухъ томахъ отчетъ о прошлогоднихъ его засѣданіяхъ. Статьи, вошедшія въ него, далеко не одинаковы по достоинству и доказываютъ только, что авторы ихъ по большей части — дилетанты. Большая часть статей посвящена разсмотрѣнію вопроса, посѣщали ли когда нибудь Финикіянѣ Америку, а нѣкоторые авторы даже разбираютъ самыя надписи, будто бы принадлежащія Финикіянцамъ и найденныя въ Америкѣ. Вообще къ этимъ изслѣдованіямъ пужно относиться очень скептически, по нельзя не порадоваться сочувствію нашихъ ученыхъ къ провинціальнымъ конгрессамъ въ департаментахъ. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время въ Арлѣ происходилъ конгрессъ археологовъ, въ Марселѣ конгрессъ французскихъ ориенталистовъ; въ прошломъ мѣсяцѣ въ Клермонѣ происходило собраніе французской ассоціаціи для преусиленія наукъ. Труды этой ассоціаціи, находящейся нынѣ въ блестящемъ положеніи, ибо она располагаетъ капиталомъ въ 200.000 фр., преимущественно посвящены наукамъ естественнымъ, географическимъ, антропологии и лингвистикѣ. Общество, о которомъ я говорю, было признано въ прошломъ году, декретомъ президента республики, учрежденіемъ, заслуживающимъ поддержки со стороны правительства (*etablissement d'utilité publique*); на засѣданіяхъ его присутствовали нынѣ делегаты Швейцаріи, Италіи, Бельгіи, Голландіи, Англии, Испаніи и Португаліи; подробные отчеты свои оно намѣрено издавать съ будущаго года, хотя довольно обстоятельныя свѣдѣнія объ его трудахъ уже были печатаемы въ *Revue scientifique de la France et de l'étranger*.

Возвращаясь къ вышедшимъ въ послѣднее время книгамъ. Событія, совершающіяся на Востокѣ, возбуждаютъ, конечно, въ публикѣ желаніе ближе ознакомиться съ Сербією и славянскими племенами вообще. Впрочемъ, многія изъ появившихся по этому предмету сочиненій могутъ разчитывать лишь на временный успѣхъ; такова, на-

примѣръ, недавно вышедшая книга подъ заглавіемъ: „Voyage sentimental dans les pays Slaves“ Кирилла (Cyrille—очевидно псевдонимъ). Можетъ быть, она принадлежитъ перу какого-нибудь второстепеннаго дипломата, которому официальное положеніе его не дозволило выставить на ней свое имя. Сербскій языкъ, очевидно, знакомъ ему хорошо, а также и самая страна пзвѣстна ему лучше, чѣмъ обыкновенному путешественнику. Тотчасъ можно замѣтить, что книга написана ревностнымъ католикомъ, который прежде всего старается выставить на видъ свои религіозныя убѣжденія. Отрывки изъ дневника автора о путешествіи его по Далмаціи, Черногоріи, Герцеговинѣ, Сербіи и Чехіи, несмотря на нѣкоторыя неточности, свидѣтельствуютъ, что упомянутыя области были изучены имъ старательно: вообще книга читается съ удопольствіемъ. Другое сочиненіе, озаглавленное „Сербія и Черногорія“, принадлежитъ перу весьма молодаго публициста — г. Рейпахъ; написанное какъ-будто въ виду интереса дня, оно отличается въ сущности довольно оригинальнымъ происхожденіемъ. Въ Парижѣ, кромѣ ученыхъ обществъ, существуютъ еще общества, носящія скромное названіе „конференцій“, на которыя сходятся молодые люди, посвятившіе себя занятіямъ юридическими науками, литературою и исторіею. Одно изъ такихъ обществъ, а именно „Конференція Токвилля“, возымѣло мысль предложить для разработки своимъ членамъ тему „о племенахъ восточной Европы“. Ожидалось собственно нѣчто въ родѣ краткаго очерка историческаго и политическаго состоянія Венгріи, Богеміи и южныхъ Славянъ, — вмѣсто этого представлены были довольно обширныя сочиненія, хорошо написанныя. Г. Рейпахъ занялся, между прочимъ, южными Славянами и трудъ его появился еще годъ тому назадъ, когда восточный вопросъ далеко не принималъ такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ теперь; слѣдовательно, это трудъ чисто ученый, хотя въ немъ и проглядываетъ, что авторъ еще человѣкъ молодой и мало опытный въ литературѣ; онъ не умѣлъ отдѣлаться отъ многихъ предрассудковъ, столь сильно укоренившихся у насъ, но съ другой стороны добросовѣстно воспользовался всѣмъ, что было у него подъ рукою. Вообще сочиненіе его дѣльнѣе многихъ другихъ, появляющихся у насъ по этому предмету, и въ настоящее время, въ виду интереса, съ которымъ общество слѣдитъ за событіями въ Сербіи, оно уже выдержало два изданія. Впрочемъ, судьбами восточныхъ Славянъ заняты нынѣ одинаково всѣ литературы. Въ Брюсселѣ, напримѣръ, только что вышло очень обстоятельное по этому поводу сочиненіе „La Re-

péninsule Gréco-Slave, son passé et son avenir“: авторъ ея г. Крусъ, офицеръ генеральнаго штаба. Книгопродавецъ Гашеттъ издаеть на дняхъ переводъ „Исторіи Болгаръ“ весьма талантливаго писателя Константина Сиречка, напечатанной въ Прагѣ. Скоро выйдетъ также книга г. Шарля Приарта „Путешествіе въ Истрію и Далмацію“; слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ произведеніи, касающемся восточной Европы, озаглавленномъ: „De Paris à l'île des serpents à travers la Roumanie, la Hongrie et les bouches du Danube“; принадлежитъ оно, сколько мнѣ извѣстно, одному довольно извѣстному дипломату, долгое время занимавшему значительный постъ въ Румыніи. Трудъ этотъ посвященъ преимущественно изученію Молдавіи, Валахіи и Буковины,—странъ, которыя авторъ посѣщалъ неоднократно и съ языкомъ конхъ оны хорошо знакомъ; глава о Бессарабіи должна особенно заинтересовать русскихъ читателей.

Что касается археологій, то къ числу наиболѣе замѣчательныхъ сочиненій, появившихся въ послѣднее время, принадлежитъ: „Archéologie celtique et gauloise, mémoires et documents relatifs aux premiers temps de notre histoire nationale“ г. Александра Бертрана, директора великолѣпнаго музея галло-римскихъ древностей, который былъ основавъ въ С. Жерменѣ (близъ Парижа) императоромъ Наполеономъ III. Г. Бертранъ—одинъ изъ издателей *Revue archéologique* и постоянный представитель Франціи на всѣхъ антропологическихъ и археологическихъ конгрессахъ; самыя важныя раскопки во Франціи происходили всегда подъ его надзоромъ. Очерки, собранныя и изданныя имъ въ вышеупомянутой книгѣ, относятся къ 1861—1876 гг. и были уже напечатаны частью въ *Revue archéologique*, а частью въ нѣкоторыхъ изъ отчетовъ нашихъ ученыхъ обществъ. Г. Бертранъ собралъ ихъ не въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ они появлялись въ печати, а въ порядкѣ историческомъ. Трудъ его дѣлится на слѣдующія части: первобытные обитатели Галліи (доисторическія времена); Кельты; Галлы. Въ приложеніи помѣстилъ онъ нѣсколько историческихъ и статистическихъ документовъ. Книга украшена рисунками; лучшими изъ статей, вошедшихъ въ нее, слѣдуетъ считать статьи „О троглодитахъ въ Галліи“, „О первыхъ Кельтскихъ племенахъ“, „О Галатахъ Малой Азіи“. Въ приложеніи особенно замѣчателенъ списокъ пещеръ, расположенный по департаментамъ, и списокъ дольменовъ, расположенный точно также. Оба эти списка съ сопровождающею ихъ картой необходимы каждому занимающемуся кельтскою археологіею. Ученый хранитель С. Жер-

менскаго музея оказываетъ наукѣ истинную услугу издавіемъ своихъ трудолюбивыхъ изслѣдованій. Читая ихъ, дивисься, что донныѣ во Франціи не было спеціальной кафедры кельтской археологіи, которая только теперь наконецъ учреждена. Не далѣе какъ въ октябрѣ нынѣшняго года министръ народнаго просвѣщенія, самъ глубокой знатокъ археологіи, согласился учредить въ Школѣ высшихъ наукъ кафедру кельтскихъ нарѣчій, предоставивъ ее г. Гедозу (Gaidoz), главному редактору *Revue Celtique*.

Сотоварищъ гг. Бертрана и Гедоза, г. Шарль-Эмиль Рюэль, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ эллинистовъ и археологовъ, извѣщаетъ о выходѣ въ свѣтъ новаго сочиненія „Bibliographie générale de la Gaule, répertoire systématique et alphabétique des ouvrages, mémoires et notices concernant l'histoire, la topographie, la religion, le language et les antiquités de la Gaule jusqu'à la fin du V-ème siècle“. Трудъ этотъ составленъ подъ руководствомъ комисіи, занимающейся топографіею Галліи (учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія) и еще въ рукописи увѣнчанъ былъ преміею Академіи надписей и изящной словесности. Онъ будетъ состоять изъ четырехъ выпусковъ, представитъ перечень отъ 9 до 10.000 заглавій монографій, замѣтокъ, спеціальныхъ изслѣдованій съ указателемъ критическихъ статей, вызванныхъ этими сочиненіями. Указатель доведенъ до 1870 г.; онъ не можетъ, конечно, не заинтересовать ученыхъ, занимающихся исторіею древней Галліи. Изданіе упомянутой книги принадлежитъ книгопродавцу Шампиону, который печатаетъ въ то же время огромный словарь древне-французскаго языка, составленный нѣкогда Лакюрномъ де-С. Палэ.

Въ свое время извѣщала я васъ о появленіи новаго журнала — *Revue historique*, редактируемаго г. Мопо. Этотъ историческій сборникъ, не смотря на конкуренцію *Revue des questions historiques*, окончилъ первый годъ своего существованія съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Извѣщаютъ еще о новомъ сборникѣ того же рода — *Revue géographique*, подъ редакціей профессора Л. Драпейрона, вѣроятно извѣстнаго русской публикѣ своею монографіею объ Иракліѣ и Византійской имперіи. Послѣ географическаго конгресса, происходившаго въ Парижѣ въ прошломъ году, г. Драпейронъ ревностно принялся за географію. Предпринятое имъ обзорнѣе будетъ выходить съ начала 1877 г. ежемѣсячно, выпускали изъ 6 листовъ каждый.

Г. Дюрюи неутомимо работаетъ надъ своею „Римскою исторіею“: на дняхъ выпустилъ онъ V-й ея томъ, посвященный исключительно

состоянію имперіи въ первые два вѣка по Р. Х., — муниципальному управленію, провинціямъ, семейной жизни, общественнымъ правамъ и т. д. Въ приложеніи помѣщены изслѣдованія его о *humiliores* и *honestiores*, и о *tribuni militum a populo*.

Послѣ смерти академика и декана словеснаго факультета г. Патена (Patin) не осталось никакихъ рукописей, но друзья и почитатели его вознамѣрились издать сборникъ различныхъ его статей подъ заглавіемъ „Discours et mélanges littéraires, въ который вошли отчасти и академическія его рѣчи. Г. Патенъ былъ непремѣннымъ секретаремъ Французской академіи, другими словами, официальнымъ ея ораторомъ; онъ отличался обширнымъ образованіемъ и, какъ критикъ, замѣчательнымъ остроуміемъ. Собраніе его произведеній будетъ интересно для тѣхъ, кто захочетъ составить себѣ понятіе о нашемъ академическомъ краснорѣчіи; въ книгѣ, о которой я говорю, г. Патенъ разсуждаетъ о Бернарденѣ де-С. Пьерѣ, Лесаажѣ, де-Ту, Боссюэть, Ролленѣ, Ксавье де-Местрѣ.

Весьма интересно, съ педагогической точки зрѣнія, появившіяся на дняхъ сборникъ (въ трехъ томахъ) подъ заглавіемъ: „Recueil des sujets de compositions donnés depuis 1821 jusqu'en 1875 au concours d'agrégation de l'enseignement secondaire“. Уже прежде случалось мнѣ говорить о томъ, что подразумѣваемъ мы подъ „examens d'agrégation“: это — испытанія, которымъ должны подвергаться преподаватели лицеевъ, желающіе воспользоваться всеми выгодами своего званія; другіе преподаватели, такъ называемые „professeurs simples licenciés“, лишены этихъ выгодъ. Упомянутые экзамены бываютъ различнаго рода: экзамены по философіи, экзамены по словесности (для высшихъ классовъ съ риторики и до 3-го), грамматики (для низшихъ классовъ начиная съ IV до VI), по исторіи и географіи — и наконецъ, для преподаванія въ среднихъ спеціальныхъ школахъ, соответствующихъ отчасти германскимъ реальнымъ училищамъ; на всѣхъ этихъ экзаменахъ требуются или устные отвѣты, или письменныя сочиненія. Прослѣдить всю серію такихъ письменныхъ упражненій, начиная съ 1821 г. до настоящаго времени, не безынтересно, ибо это даетъ возможность судить, чѣмъ были въ различное время наши кандидаты на учительскія должности, а слѣдовательно, въ какомъ состояніи находилось самое преподаваніе въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, сборникъ представляется далеко не лишнимъ: мы обязаны имъ одному чиновнику министерства народнаго просвѣщенія, имѣвшему подъ рукою много любопытныхъ

часть CLXXXVIII, отд. 4.

документовъ. Первый томъ посвященъ экзаменамъ изъ словесности, философіи, исторіи и географіи, съ приложеніемъ правилъ, которыя установлены для нихъ.

Скажу въ заключеніе нѣсколько словъ еще объ одной новой книгѣ: „Manuel des salles d'asiles“ г-жи Монтормонъ, инспектрисы этихъ заведеній. Въ книгѣ помѣщены, между прочимъ, всѣ министерскія распоряженія и постановленія относительно пріютовъ, а затѣмъ сообщаются подробныя свѣдѣнія, какъ организованы они въ матеріальномъ и педагогическомъ отношеніи и приложена программа ихъ учебныхъ занятій. Книга составлена отчасти на основаніи замѣтокъ г-жи Шевро-Лемерсье, которая была у насъ первою инспектрисою пріютовъ.

Въ послѣднее время похоронили мы двухъ замѣчательныхъ писателей—гг. Ассеза (Assczat) и Деуа (Dequois), составившихъ себѣ извѣстность весьма почтенными трудами. Ассеза умеръ, не успѣвъ окончить своего роскошнаго изданія Дидеро, которое онъ намѣревался снабдить подробною исторіею философіи въ XVIII вѣкѣ; Деуа скончался только что окончивъ печатаніе III тома изданія Мольера, самаго безукоризненнаго и полнаго изъ существовавшихъ до сихъ поръ. Два года тому назадъ издалъ онъ весьма интересную книгу „О театрѣ при Молиерѣ“; кромѣ того, онъ оставилъ послѣ себя еще нѣсколько любопытныхъ сочиненій: „Les lettres et la liberté“ (сборникъ статей, напечатанныхъ въ *Revue des deux Mondes*), „Le vandalisme révolutionnaire“, переводы латинскихъ сатириковъ и краткую исторію англійской революціи. Деуа служилъ при университетской библіотекѣ. Нѣсколько ранѣе его скончался другой извѣстный французскій писатель Жоржъ Абу, превосходно издавшій Вольтера: такимъ образомъ нынѣшній годъ унесъ уже въ могилу нѣсколькихъ добросовѣстныхъ и свѣдущихъ издателей нашихъ классическихъ авторовъ.

Л. Л—ръ.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОБЪ ОТНОШЕНИИ ВИДОВЪ РУССКАГО ГЛАГОЛА КЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ВРЕМЕНАМЪ.

«Οἶμαι ἔγωγε χρῆναι πάντας ἡμᾶς φιλονεικῶς ἔχειν πρὸς τὸ εἰδέναι τὸ ἀληθές τί ἐστί περὶ ὧν λέγομεν καὶ τί ψεῦδος· κοινὸν γὰρ ἀγαθὸν ἅπασι φανερὸν γενέσθαι αὐτό. δίδειμι μὲν οὖν τῷ λόγῳ ἐγὼ ὡς ἂν μοι δοκῆ ἔχειν· εἰάν δέ τῃ ὑμῶν μὴ τὰ ὄντα δοκῶ ὁμολογεῖν ἑμαυτῷ, χρῆ ἀντιλαμβάνεσθαι καὶ ἐλέγχειν· οὐδὲ γάρ τοι ἔγωγε εἰδῶς λέγω ἢ λέγω, ἀλλὰ ζητῶ κοινῇ μεθ' ὑμῶν, ὥστ' εἴάν τι φαίνηται λέγων ὁ ἀμφισβητῶν ἐμοί, ἐγὼ πρῶτος συγ-
χωρήσομαι». (Plato Gorg. 505. E. — 506. A.).

«Мы все должны, думаю, другъ предъ другомъ стараться узнать, что въ предметъ нашей рѣчи составляетъ истину и что ложь; ибо въ этомъ, очевидно, общій интересъ всѣхъ. Я, пожалуй, раскрою предметъ въ своей рѣчи, какъ о немъ думаю; но если кому-нибудь изъ васъ покажется, что и неправильно разсуждаю, вы, пожалуйста, возражайте и опровергайте меня; ибо все, что я говорю, говорю нѣдѣ не какъ знатокъ, а только изслѣдую выѣтъ съ вами; такъ что если оппонентъ скажетъ что-нибудь дѣльное, я первый уступлю ему».

«Qui bene distinguit, bene docet».

«Кто хорошо различаетъ, хорошо учитъ».

(Старая дидактическая поговорка).

Предлагаемыя мною указанія на соотвѣтствіе видовъ русскаго глагола греческимъ временамъ, составленныя въ формѣ правилъ для перевода видовъ русскаго глагола на греческій языкъ, имѣютъ двоякую цѣль: во первыхъ, пополнить пробѣлы существующихъ донынѣ на русскомъ языкѣ переводныхъ учебниковъ греческаго сиптаксиса. Учебники эти или вовсе не касаются (Кюперъ - Коссовичъ и Зейфертъ-Вѣлицкій), или лишь весьма недостаточно (Крюгеръ-Мы-

совскій) и притомъ часто невѣрно (Курціусъ, Кремеръ и Миловидовъ), или только поверхностно (Кохъ, Григоревскій) главнаго предмета настоящей статьи, именно *видоваго отличія греческаго praesens и imperfectum отъ аориста*, которое вполне соотвѣтствуетъ *отличію русскаго* (такъ называемаго) *продолженнаго* (или несовершеннаго) *вида* отъ (такъ называемаго) *однократнаго* (или совершеннаго), а также не обращаютъ должнаго вниманія на отношеніе прочихъ греческихъ временъ къ тому и другому русскому виду. Между тѣмъ въ учебникѣ греческаго синтаксиса, написанномъ на русскомъ языкѣ и назначенномъ для русскихъ учениковъ, этотъ предметъ долженъ бы составлять самую видную, существенную часть его, которая, представляя весьма занимательное явленіе соотвѣтствія другъ другу двухъ богатыхъ отраслей индоевропейской семьи языковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ способна значительно уяснить ученикамъ значеніе и облегчить пониманіе и употребленіе греческихъ временъ путемъ сравненія со вполне аналогическими свойствами ихъ роднаго языка. Къ болѣе самостоятельной обработкѣ этой части греческаго синтаксиса въ русскомъ учебникѣ могло побудить переводчиковъ нѣмецкихъ руководствъ — если не само по себѣ бросающееся въ глаза сходство греческаго и русскаго, или вообще славянскаго глагола въ видовомъ отношеніи, — то по крайней мѣрѣ явный намекъ самого г. Курціуса, Нѣмца, въ его „Erläuterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik“, стр. 181 и 182, гдѣ онъ говоритъ: „Различіе видовъ (Zeitarten) основывается на нѣкоторомъ чутьѣ языка (Sprachinstinkt), которое можно приобрѣсти лишь тѣмъ, если будемъ переноситься въ область ихъ воззрѣнія (in die Anschauung derselben versetzen), чему подобіе или картинный способъ выраженія на родномъ языкѣ содѣйствуетъ болѣе, чѣмъ всякая логика. Между живыми языками въ *славянскихъ* находимъ совершенно сходныя, тонкія различенія видовъ; вслѣдствіе чего природному Славянину весьма легко усвоить употребленіе аориста и его различіе отъ формъ основы настоящаго времени“.

Вторая цѣль этихъ „Правилъ“: служить въ нѣсколько сокращенномъ, противъ нынѣшняго, объемѣ дополненіемъ къ приготовленному мною въ печати *Русско-греческому словарю* ¹⁾ гимназическаго курса,

¹⁾ Замѣчательны слова Г. Курціуса въ приведенной книгѣ, стр. 186: «*Различіе видовъ въ греческомъ языкѣ въ лексикальномъ отношеніи почти совсѣмъ еще не затронуто, не смотря на то, что для равнообразнаго употребленія глагола оно также важно, какъ различіе между дѣйствительнымъ и возвратнымъ залогами, на которое обращается самое тщательное вниманіе.*»

приспособленному преимущественно къ составленному мною, при содѣйствіи Н. И. Баталина, и поступившему уже въ продажу „Сборнику матеріаловъ для перевода съ русскаго языка на греческій“ (для высшихъ классовъ гимназій) въ 3 частяхъ, — въ которомъ, между примѣчаніями, находятся ссылки, кромѣ грамматикъ, и на эти „Правила“ съ тою цѣлью, чтобы дать ученику удобопонятныя указанія для перевода въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ нынешнія грамматики оставляютъ его въ недоумѣніи по главнымъ вопросамъ греческаго синтаксиса вообще, а перевода съ русскаго языка — въ особенности.

Составленіе упомянутаго „Сборника“, соединенное съ переводомъ значительнаго количества фразъ и статей съ греческихъ подлинниковъ, кромѣ изученія авторовъ и греческихъ грамматикъ, послужило мнѣ главнымъ матеріаломъ для наблюденій случаевъ соотвѣтствія и несоотвѣтствія другъ другу названныхъ двухъ языковъ въ видовомъ отношеніи, на основаніи которыхъ и составлены выводы настоящаго труда. Другихъ источниковъ, особенно статей, которыми можно бы воспользоваться для этого сравненія русскаго и греческаго видоваго отличія, до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, не имѣется, кромѣ отдѣльныхъ случайныхъ замечаній, высказанныхъ безъ основательнаго научнаго разбора. Статья г. С. Шафранова „Объ употребленіи временъ греческаго глагола у аттическихъ писателей, преимущественно у Ксенофонта“, помѣщенная въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ „Отдѣлѣ классической филологіи“ (декабрь, 1874 г.) и составляющая, по его словамъ, лишь первую часть работы, еще вполне не напечатанной, содержитъ только сводъ ученій объ этомъ предметѣ извѣстѣйшихъ нѣмецкихъ филологовъ съ немногими, далеко не исчерпывающими этого вопроса примѣчаніями, большею частію въ формѣ отвлеченнаго разсужденія о значеніи греческихъ временъ, безъ сообщенія при этомъ положительныхъ выводовъ въ родѣ настоящаго опыта.

Въ предлагаемыхъ здѣсь „Правилахъ“ я слѣдую раздѣленію видовъ русскаго глагола, указанному Ѳ. И. Бусласвымъ въ его „Исторической грамматикѣ русскаго языка“, § 181; причемъ я, однако, часто находилъ удобнымъ для краткости соединить виды 1-го и 3-го отдѣловъ его (именно: *продолженный* и несравненно рѣже, а въ книжномъ языкѣ, — который здѣсь главнымъ образомъ имѣется въ виду, — почти исключительно въ одномъ прошедшемъ времени встрѣчающійся *множественный* видъ) подъ общимъ названіемъ *продолженнаго*. Позволяя

себѣ такое отступленіе, я соображался съ тѣмъ обстоятельствомъ, что, какія бы ни выставлялись другія болѣе точныя раздѣленія и подраздѣленія видовъ русскаго и вообще славянскаго глагола и подъ какими бы то ни было названіями, во всякомъ случаѣ каждое ихъ раздѣленіе, думаю, должно основываться на двухъ главныхъ раздѣлахъ, изъ которыхъ первый (называемый мною въ „Правилахъ“ *продолженнымъ*) обнимаетъ всѣ глаголы, имѣющіе въ формѣ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія и значеніе настоящее (напримѣръ: даю, бросаю, дѣлаю, говорю, двигаю, и вышедшее изъ употребленія настоящее многократнаго вида: говариваю, двигиваю), а второй (по г. Буслаеву: *однократный* и совершенный, въ „Правилахъ“ для краткости просто: *однократный*) содержитъ глаголы, соединяющіе съ формою настоящаго времени изъявительнаго наклоненія значеніе будущаго (напримѣръ: дамъ, брошу, сдѣлаю, скажу, двину). На этихъ двухъ главныхъ разрядахъ русскихъ видовъ и основаны выводы настоящаго моего труда.

На вопросъ „существуютъ ли въ греческомъ языкѣ виды, подобныя видамъ русскаго глагола?“ можно на основаніи моихъ выводовъ отвѣчать утвердительно. Дѣло въ томъ, что значеніе формъ греческаго аориста, не только болѣе древняго II (сильнаго), представляющаго чистую глагольную основу, но и I (слабаго), болѣе новаго происхожденія, вполне соотвѣтствуютъ однократному (совершенному) виду русскихъ глаголовъ (*verba perfectiva*); напротивъ, формы греческихъ временъ *praesens* и *imperfectum*, образуемыя отъ (большею частію распространенной) основы настоящаго времени (см. грам. Курціуса § 245) по значенію своему равняются формамъ русскихъ глаголовъ продолженнаго (несовершеннаго и многократнаго) вида (*verba imperfectiva*); напримѣръ, *λείπειν* оставить, *ἔλειπεν* оставилъ; — *λείπειν* оставлять, *ἔλειπεν* оставлялъ. Эта видовая разница глаголовъ, кажется, древнѣйшая и первобытная въ обоихъ языкахъ, а временный отгѣнокъ значенія ихъ, съ которымъ теперь первая перекрещивается и сливается въ одно, есть уже результатъ послѣдующаго, болѣе новаго развитія того и другаго языка. Доказательствомъ этому, между прочимъ, можетъ служить и то обстоятельство, что въ греческомъ языкѣ для означенія прошедшаго времени вообще нѣтъ другаго средства, какъ приращеніе (*augmentum*), и что поэтому прошедшее (прошлое) время выражается собственно лишь въ тѣхъ формахъ, гдѣ есть приращеніе, то-есть, въ *imperfectum*, *plusquamperfectum* и въ *indicativ-ѣ* аориста, стало быть, вообще только въ изъявительномъ

наклоненіи (см. Curtius „Erläuterungen“, стр. 178). При этомъ однако не слѣдуетъ упускать изъ виду то важное для сравненія обоихъ языковъ обстоятельство, что: 1) съ одной стороны греческому языку (аттическаго нарѣчія) не достаетъ одного разряда русскаго II вида, именно учащательнаго (повторительнаго или многократнаго, который впрочемъ и въ русскомъ книжномъ языкѣ рѣдко употребляется) — за исключеніемъ весьма немногихъ остатковъ, кажется, только: φορεῖν φορεῖται и φάσκειν (см. § 5 „Правилъ“), — и кромѣ того греческій языкъ не развилъ или, что болѣе вѣроятно, рано лишился видоваго различія въ будущемъ времени, такъ что: „сдѣлаю“ и „буду дѣлать“ = одному ποιῶ; „дамъ“ и „буду давать“ = δώσω; 2) съ другой же стороны русскій языкъ не обладаетъ особымъ, весьма важнымъ видомъ для выраженія вида греческаго perfectum (т. е. латинскаго — такъ называемаго — perfectum logicum), выражая его, наравнѣ съ аористомъ, однимъ и тѣмъ же однократнымъ (или „совершеннымъ“), то-есть, аористическимъ видомъ, по смыслу, конечно, близкимъ къ нему, такъ какъ во многихъ случаяхъ выражаетъ окончаніе или достиженіе цѣли дѣйствія (такіе глаголы суть именно глаголы 3 разряда I вида по раздѣленію слѣдующей далѣе таблицы).

На этомъ основаніи представляются неудобными названія русскихъ видовъ „совершенный, perfectivum“ и „несовершенный, imperfectivum“, такъ какъ первое ближе и вѣрнѣе выражаетъ значеніе вида греческаго perfectum (см. слѣд. „примѣчанія къ обзору видовъ“ № 4, и § 16, 1 „Правилъ“), а второе неудобно какъ по своему отрицательному значенію, такъ и по особому отношенію къ одному только времени, называемому въ грамматикахъ „прошедшимъ несовершеннымъ“ (imperfectum). Употребляемая на ряду съ этими названіями „однократный“ и „продолженный“ я предпочелъ удержать въ „Правилахъ“, — несмотря на то, что (по примѣру опыта прилагаемой таблицы) можно подобрать другія, болѣе соотвѣтствующія обширному значенію видовъ, — соблюдая единство научной терминологіи и съ тою цѣлью, чтобы не сбивать новыми выраженіями, не принятыми еще наукою, читателей, особенно же учениковъ, привыкшихъ къ упомянутымъ терминамъ на урокахъ русскаго языка.

Въ прилагаемой ниже таблицѣ, представляющей „обзоръ видовъ русскаго и греческаго глагола“, къ которой присоединяются примѣчанія, объясняющія ее и служащія основаніемъ выводовъ слѣдующихъ затѣмъ „Правилъ“, я представляю опытъ раздѣленія видовъ русскаго и греческаго глагола, какое, по моему, болѣе соотвѣтствуетъ

ихъ собственному и, повидимому, первобытному значенію, которое однако въ современномъ русскомъ языкѣ часто уже не соблюдается со всею послѣдовательностью и понемногу сглаживается, а отчасти и смѣшивается, особенно въ книжномъ языкѣ, или, какъ говоритъ г. Буславевъ въ своей Ист. грам. р. яз. § 181, стр. 127: „Глаголы, нынѣ употребляемые въ книжной и образованной рѣчи, суть отрывочные остатки обширной системы видовъ, развитой въ большей цѣлости въ историческомъ теченіи языка и частью сохранившейся въ областныхъ городахъ“.—Предлагаемая мною въ таблицѣ „обзора видовъ русско-греческаго глагола“ распредѣленія и названія видовъ во многихъ отношеніяхъ отступаютъ какъ отъ раздѣленія ихъ Ѡ. И. Буславевымъ (§ 181, Ист. гр.), такъ и отъ указаній Ф. Миклошича въ синтаксисѣ его „Сравнительной грамматики славянскихъ языковъ“, стр. 274—294. Знающіе одно и другое, сравнивъ съ ними все содержаніе моего труда, думаю, найдутъ вмѣстѣ со мною неосновательнымъ мнѣніе послѣдняго (стр. 290): „Entfernter (als das altdeutsche in dieser Erscheinung) vom slavischen ist das griechische“. Сходство въ видовомъ отношеніи между славянскимъ и древне-нѣмецкимъ языкомъ Миклошичъ считаетъ большимъ, чѣмъ между первымъ и греческимъ, единственно на томъ основаніи, что въ древне-нѣмецкомъ языкѣ есть *немногіе* (имѣ исчисляемые) слѣды употребленія настоящаго времени *предложенныхъ глаголовъ* („praefixirte Verba“) съ значеніемъ будущаго времени,—чего въ греческомъ языкѣ дѣйствительно не встрѣчаемъ. Однако, даже не смотря на сказанное въ 10-мъ примѣчаніи къ таблицѣ „обзора видовъ“, нельзя, думаю, не убѣдиться въ томъ, что указанное мною здѣсь поразительное сходство не только ограниченнаго числа тѣхъ или другихъ, а вообще всѣхъ глаголовъ обоихъ языковъ по двумъ главнымъ видамъ имѣетъ гораздо болѣе вѣса, чѣмъ упомянутое частное сходство древне-нѣмецкаго языка съ греческимъ въ видовомъ обозначеніи.

Такъ какъ, черезъ сравненіе видовъ русскаго глагола съ греческими временами, вся глава греческаго синтаксиса „объ употребленіи времени“ можетъ получить значительно измѣненный способъ изложенія, сообщаемый ей видами русскаго глагола какъ исходною точкою зрѣнія, то я для полноты предмета объялъ въ настоящихъ „Правилахъ“ употребленіе всѣхъ греческихъ временъ по всѣмъ наклоненіямъ какъ простыхъ (независимыхъ), такъ и сложныхъ (зависящихъ) предложений, такъ чтобы они представляли вмѣстѣ съ тѣмъ опытъ сравнительнаго удобопонятнаго изложенія ученія

объ употребленіи греческихъ временъ, какое (конечно, въ сокращенномъ противъ нынѣшняго видѣ) желательно для греческой грамматики, написанной для русскихъ учениковъ. При этомъ признанъ самымъ удобнымъ и даже необходимымъ такой *порядокъ изложенія*, чтобы сначала изъ греческихъ временъ обсуждать и подробно разбирать только четыре времени, именно аористъ съ одной, и *praesens-imperfectum* съ другой стороны (соответственно двумъ главнымъ видамъ русскаго глагола), и *безвидовое* греч. *futurum* (I и II), оставляя пока въ сторонѣ прочія три времени: *perfectum*, *plusquamperfectum* и *futurum* III, которыя затѣмъ разсматриваются *отдѣльно* и сравниваются съ извѣстными уже предшествующими временами. Такимъ образомъ, въ изслѣдованіе мое введена система во избѣжаніе разбросанности матеріала. Кромѣ того, считаю необходимымъ прибавить слѣдующее предварительное замѣчаніе. Во всемъ моемъ изслѣдованіи, очевидно, можно было имѣть въ виду одинъ только способъ перевода на русскій языкъ, такъ называемый буквальный, съ тѣмъ, конечно, необходимымъ условіемъ, чтобы онъ строго соблюдалъ законы русскаго языка, не выходя изъ предѣловъ русской грамматики и оборотовъ, допускаемыхъ общепринятымъ русскимъ слоюзомъ. Ибо если дать переводу полную волю и переводить, напримѣръ, одинъ греческій глаголъ цѣлымъ составнымъ выраженіемъ или описательнымъ оборотомъ, то, конечно, случаи несоответствія русскихъ видовъ извѣстнымъ греческимъ временамъ превзойдутъ число приведенныхъ мною „отступленій“. Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое составное выраженіе или описательный оборотъ сглаживаетъ видовой отгѣнокъ греческаго времени, или, соединяя два глагола двухъ русскихъ видовъ въ одно составное выраженіе, ставитъ насъ въ недоумѣніе на счетъ греческаго перевода, — тамъ часто стѣснитъ только ту же мысль выразить однимъ подходящимъ глаголомъ, чтобы обнаружить сглаженный отгѣнокъ вида, общій русскому языку съ греческимъ. Напримѣръ, если въ примѣрахъ, приведенныхъ въ § 14 „Правилъ“: *сталъ принуждать, сталъ убѣждать, склоняли, начали* или *стали бросать*, или съ обратнымъ отношеніемъ видовъ: *старался, пытался принудить, убѣдиль, склонилъ*, выразить простыми глаголами „*принуждалъ, убѣждалъ, склонялъ, бросали*“, — то и получается греческое *imperfectum* (*conatus*): ἐβιάζετο, ἔπειθε или ἀνέπειθε, ἔβαλλον. — Такъ же Жен. Мем. I. 2. 16: Κριτίας καὶ Ἀλκιβιάδης ἀποκηδύρανε Σωκράτους ἐπαρτέτην τὰ πολιτικά: Критій и Алкивіадъ, покинувъ Сократа, *предались* политической дѣятельности, или: *стали*

заниматься политикой (=занимались).— Кроме того, встрѣчаются иногда случаи, гдѣ смысл самаго глагола или связи рѣчи допускаетъ въ обоихъ языкахъ какъ одинъ, такъ и другой видъ (то praesens-imperfectum, то аористъ), такъ что въ такомъ случаѣ аористъ можно переводить русскимъ продолженнымъ (несовершеннымъ или II) видомъ, а наоборотъ imperfectum или praesens однократнымъ (совершеннымъ или I видомъ. Напр. Her. I. 16. Σαδωάτης ἐβασίλευε (но бываетъ и ἐβασίλευε) ἔτεα δωδέκα: Садіать *процарствовалъ* (по смыслу допускаетъ и „царствовалъ“) 12 лѣтъ. Или Thuc. VIII. 1. 3: ἐδόχε (могло-бы быть и ἔδοξε) ὑρῆναι μὴ ἐνδιδόναι (могло бы быть и ἐνδοῦναι), ἀλλὰ παρασκευάζεσθαι (можно бы поставить и παρασκευάσασθαι) καὶ ναυτικόν: (Аоннианъ) *казалось* (или: *показалось*) необходимымъ не *уступать* (или не уступить), а *готовить* (или приготовить) также флотъ. Сравни Dem. I. 16: πρῶτον... τριήρεις πεντήκοντα παρασκευάσασθαι φημι δεῖν (по моему прежде всего нужно *приготовить* — снарядить — 50 триеръ). Больше примѣровъ представляетъ § 2 прим. 4. и § 12 „Правиль“, особенно γ (глаголы чувства и ощущенія).

Не смотря на такое колебаніе въ нѣкоторыхъ трудно-уловимыхъ случаяхъ, допускающихъ переводъ тѣмъ или другимъ видомъ безъ нарушенія смысла (которые—на сколько можно—я тоже попытался ближе опредѣлить въ § 12. „Правиль“) тѣмъ не менѣе для значительнаго большинства случаевъ можно представить нѣсколько вполне опредѣленныхъ правилъ соответствія и отступленій, то есть несоответствія видовъ русскаго глагола известнымъ греческимъ временамъ. Опытъ ихъ изложенія составляетъ предметъ 18-ти §§ „Правиль“.

ГРЕЧЕСКАГО

ИДЪ.

ь (знакъ: линия —)
иющій, имперфективный).
о времени и значеніе настоящее; *verba*
и *imperfectum*.
; датель *ἐκείναι*; -бы *ποιῶν, ποιοῦν.*)

щадь

нный).

комъ языкѣ обыкновенно
ельнаго) значенія, *verba*
s, *vollendete Zeitart*.

b) Прерывные.

verba interruptiva fragmentaria

Примѣчанія къ таблицѣ „обзора видовъ русскаго и греческаго глагола“.

1. Основное и самое обширное значеніе греческаго аориста, — и славянскаго (русскаго) I *краткаго вида*, по всѣмъ его наклоненіямъ, изъ котораго можно вывести и другіе отгѣнки его значенія (см. № 3 и „Прав.“ § 2), повидимому, состоитъ въ томъ, что онъ представляетъ дѣйствіе *собирательно, сожмнуто, въ совокупности, суммарно, въ сжатомъ видѣ*, то-есть, *обозрѣваетъ* дѣйствіе; между тѣмъ какъ греческія *praesens* и *imperfectum* и славянскій (русскій) II *протяженный видъ* представляютъ дѣйствіе въ *протяженномъ, растянутомъ, развернутомъ, раскрытомъ видѣ*, въ его *продолженіи* и *развитіи*, то-есть, *разсматриваютъ* или *развиваютъ* его ¹⁾. Поэтому опредѣленіе значенія аориста у Крюгера (аттич. синтаксисъ § 53, 6), которое примѣнимо и къ русскому I краткому виду, особенно 3 разряда (а здѣсь преимущественно къ глаголамъ, означеннымъ въ таблицѣ звѣздою), кажется, точнѣе и вѣрнѣе всѣхъ опредѣленій другихъ грамматикъ: „Какъ форма, которая собственно означаетъ вступленіе (наступленіе, „das Eintreten“) въ — прошедшую — дѣйствительность, аористъ сдѣлался самымъ абсолютнымъ временемъ прошедшаго, будучи примѣняемъ даже къ продолженнымъ (длитель-

¹⁾ Напр. формы: *дать, взять, купить, сдѣлать* (далъ, взялъ, купилъ, сдѣлалъ) *δοῦναι, εἶλεῖν, πρῆσθαι, ποιῆσαι* (ѣдохъ, ѣле, ѣпріаго, ѣпоіае) обозначаютъ не только то, что дѣйствіе случилось однократно, но что оно *вообще* произошло, или произошло, продолжительно ли, даже многократно, или непродолжительно. (Вотъ неудобство названія этого вида «однократнымъ»!) О комъ говорю, что «далъ», или «взялъ», или «купилъ», или «сдѣлалъ», тотъ могъ давать, брать, покупать, дѣлать что-нибудь по частямъ, въ нѣсколько пріемовъ, или сразу. Ср. различіе: *осмотрѣть, обозрѣть* — *осматривать, обозрѣвать*. Черезъ «осмотрѣлъ, обозрѣлъ Москву» выражаю суммарно, что онъ вообще это сдѣлалъ или дѣлалъ, происходило ли его *обозрѣніе* или *осмотрѣніе* сразу (напр. съ Ивана Великаго) или по частямъ, ѣздя и останавливаясь по городу; — напротивъ, чрезъ «осматривалъ, обозрѣвалъ Москву» съ умысломъ, нарочно обращаю вниманіе на *подробное* обозрѣніе (собств. — *sit venia verbo* — *обозрѣваніе*) и осматриваніе, или на *частое* обозрѣваніе и осматриваніе отдельныхъ частей города, улицъ, храмовъ, достопримѣчательностей, ходя или ѣздя по городу, туда и сюда; или же на *долговременное*, или *частое* осматриваніе его съ того же Ивана Великаго.

нымъ) событіямъ („dauernde Vorgänge“); но онъ не выражаетъ ихъ въ раскрытіи (не раскрываетъ ихъ, „entfaltet nicht“), а представляетъ въ *сокращенномъ* видѣ (собираетъ ихъ, „zusammenfasst“). Въ противоположность *имперфекту*, аористъ сдѣлался преимущественно повѣствовательнымъ временемъ, представляя событіе въ его *сосредоточенномъ* проявленіи („als concentrirte Erscheinung“). (См. § 12, II). На этомъ основаніи, думаю, можно русско-греческій I видъ (краткій аористическій, въ русскихъ грамматикахъ названный „совершеннымъ“ или „однократнымъ“) съ одной, а II видъ (протяженный, praesens-imperfectum, въ русскихъ грамматикахъ названный „несовершеннымъ“ или „продолженнымъ“ и „многократнымъ“), съ другой стороны, характеризовать и различить названіями: *сожнутый*, или *сжатый* (πυκνὸν εἶδος)—*растянутый* (ἀναπτύκτων εἶδος, по примѣру фалапги ¹⁾; *свернутый*, *свитый*—*развернутый*, *развитый*; *обозрѣвающий* (species conspectiva)—*разсматривающій* (species dispectiva), или просто *краткій*—*долгий* или *протяженный* (протяжный). Этимъ, и преимущественно послѣднимъ двумъ выраженіямъ соотвѣтствуетъ очень часто и *фонетическій* составъ формъ обоихъ видовъ (при чемъ однако изъ греческихъ аористовъ можно приять въ соображеніе лишь одинъ II, сильный, какъ древнѣйшую, первобытную форму аориста, — а I, слабый, только отчасти). Именно глаголы I (*краткою*) *вида* въ обоихъ языкахъ имѣютъ въ основѣ *слабья*, *лекія*, краткія *гласныя*, а глаголы II (*протяженною*) *вида* — болѣе *сильныя*, *тъскія*, *долгія*, происшедшія чрезъ подъемъ (усиленіе или распространеніе) основной гласной, съ тою разницею, что въ греческомъ языкѣ это бываетъ обыкновенно среди основы, которая при глаголахъ I *вида* (то-есть, въ аористѣ) является краткою, а при глаголахъ II *вида* (то-есть, въ praesens-imperfect-ѣ) распространенною чрезъ усиленіе гласной или прибавленіе согласной; въ русскомъ же языкѣ такое усиленіе встрѣчается то въ корнѣ, то въ окончаніи, или въ томъ и другомъ случаѣ. Напримѣръ:

аор. II.

λειπ-εἶν — λείπ-ειν;

φαν-ῆναι — φάνεσθαι;

оставить—оставлять;

явиться — являться;

¹⁾ Сравни выраженія: πυκνή φάλαγξ (*сожнутая фаланга*): Хел. Анаб. II. 3. 3. и ἀναπτύσσειν τὴν φάλαγγα (*растягивать, развертывать, расширять фалангу*): Хел. Сугор. VII. 53; ἀναπτύσσειν τὸ χέρας (*крыло*): Хел. Анаб. I. 10. 9.

(ἀπο)θαν-εῖν — (ἀπο)θνῆ-σκειν; βαλεῖν — βάλλειν;
 (γ-)μερ-εῖν — (γ-)μιράειν; брос-ить — брос-ать;
 ἔρε-σθαι — ἔρω-τᾶν; πιθ-εῖν — πεῖθ-ειν;

(Ном. πέπιθον, ἐπιθόμην)

спро-сить — спраш-ивать; (γ-)бѣд-ить — (γ-)бѣжд-ать;
 σχ-εῖν — (σ)έχ-ειν; τυχ-εῖν — τυχαίν-ειν;
 вв-л-ть — им-ѣть; (до-)стиг-ть — (до-)стиг-ать;
 (чь)

аог. I.

хрῶπ-σαι — χρῶπτ-ειν; θάπ-σαι — θάπτ-ειν.
 ψ ψ
 скр-ть — скр-ивать; (по)кр-сти — (по)кр-ебать.

Такая фонетическая разница, представляющая подробное соответствие этих двухъ языковъ, является у нѣкоторыхъ глаголовъ также внутри одного II (протяженнаго) вида для отличія его разрядовъ между собой; какъ:

II вида: $\left\{ \begin{array}{l} \text{φέρ-ειν нести (разр. 4) — φορ-εῖν нос-ить (разр. 5) —} \\ \text{наш-ивать (разр. 6).} \\ \text{ἰ-έναι ид-ти (разр. 4) — φοι-τᾶν ход-ить (разр. 5) —} \\ \text{жаж-ивать (разр. 6).} \end{array} \right.$

Различіе 3 главныхъ видовъ и ихъ отдѣльныхъ разрядовъ можно характеризовать также нѣкоторыми нарѣчіями или глаголами, выражающими вкратцѣ ихъ общее значеніе, — или представить наглядно, то точкою, то линіей, то плоскостью. Это математическое обозначеніе и названія отдѣльныхъ разрядовъ видовъ, указанныя въ таблицѣ, большею частію составлены мною самимъ, отчасти же заимствованы (однако, съ нѣкоторыми особыми приспособленіями) изъ „Vergleichende Syntax der slav. Spr.“ Ѡ. Миклошича, стр. 274—287, и Курціуса „Erläuterungen zu meiner griech. Schulgram.“ къ главѣ 20 „Tempuslehre“.

Для лучшаго уясненія основнаго — по всему вѣроятію — значенія трехъ (4, 5, 6) разрядовъ II вида (протяженнаго) могутъ служить слѣдующіе примѣры:

II. 6.	II. 5.	II. 5.	II. 4.
хаживать = часто	ходить	ходить = часто	(идти).
(нѣсколько		(нѣсколько	
разъ).		разъ).	
нашивать = „	носить	носить = „	(нести).
важивать = „	водить	водить = „	(вести).
брасывать = „	бросать	бросать = „	бросить.
			(I вида).

или:

II. 6: хаживать.						II. 6: брасывать.					
II. 5: ходить			ходить	ходить			бросать		бросать	бросать	
идти	идти	идти	идти	идти	идти	идти	идти	идти	идти	идти	идти
идти	идти	идти	идти	идти	идти	идти	идти	идти	идти	идти	идти
II. 4.						I вида.					

Изъ этого выходитъ, что разрядъ II 5. составляетъ умноженіе (учащеніе) разряда II. 4. или вида I (всѣхъ 3 разрядовъ его), то-есть, первую степень (1, Potenz); а разрядъ II, 6. составляетъ умноженіе (учащеніе) разряда II, 5., то-есть, вторую степень (2, Potenz) разряда II, 4. и I вида (всѣхъ 3 разрядовъ его).

Приведенныя въ той же таблицѣ названія видовъ и ихъ разрядовъ сами по себѣ ясно показываютъ, какое основное значеніе имъ приписано. Другія приводимыя въ грамматикахъ значенія видовъ, какъ-то: наглядности (конкретности) и отвлеченности (абстрактности) или способности и подобныя тому (см. г. Бусл. Ист. грам. русск. яз. § 181) уже второстепенны и развились изъ указанныхъ въ таблицѣ первостепенныхъ и основныхъ значеній. Понятія *пространства* и *времени*, существенно связанныя съ самымъ понятіемъ всякаго дѣйствія, съ присущими обоимъ свойствамъ *краткости* и *протяженности* (или продолжительности), *безпрерывности* и *прерывности* — которыя положены въ основаніе распредѣленія видовъ и ихъ разрядовъ въ предлагаемой таблицѣ — суть, безъ сомнѣнія, принадлежность древнѣйшей, первобытной эпохи творчества и образованія языка вообще, потому что онѣ непосредственно поддаются чувствамъ (Sinne), этимъ первымъ, древнѣйшимъ основателямъ и образователямъ языка. Напротивъ, понятія отвлеченныя (душевныя), въ родѣ упомянутыхъ наверху, составляютъ уже плодъ болѣе поздняго развитія языка и бо-

лѣе образованнаго рефлектирующаго духа, — въ чемъ, кажется, всѣ лингвисты согласны.

2. Самый главный и первобытный видъ, бывший, по всему вѣроятію, единственнымъ въ древнѣйшую эпоху развитія языка—это I *краткій* (*аористическій*) видъ въ глаголахъ первообразныхъ (первой формациі), то-есть, такихъ, которые, какъ въ русскомъ, такъ и въ греческомъ языкѣ, состоятъ изъ одной чистой (нераспространенной, нерастяженной) основы и не сложны съ предлогами; между тѣмъ какъ того же вида глаголы, сложные съ предлогами, очевидно, относятся уже къ значительно позднѣйшей формациі; на примѣръ *да-тъ* и *λεῖπε-εἶν*. По своей общности значенія (собирательности, обзорѣнія) этотъ же видъ способенъ выражать дѣйствіе *также отвлеченно* (на примѣръ, *дать, взять, сдѣлать*); между тѣмъ какъ II *видъ, протяженный* (продолженный), напротивъ, болѣе *наглядно* представляетъ глаголъ въ его *развитіи*, и поэтому какъ по формѣ, такъ и по значенію является *протяженнымъ, растянутымъ, распространеннымъ, продолженнымъ*; на примѣръ, *дави-тъ, λείπειν*. (Буслаевъ, Ист. гр. р. яз. § 181, стр. 126, понимаетъ это отношеніе обратно).

3. *Краткій* (сокнутый, сжатый) или I *видъ* выражаетъ въ отдѣльности или *начало, начатокъ* (*начинательные, наступательные* глаголы; въ прилагаемой таблицѣ разрядъ 1, обнимающій русскіе глаголы I вида, болшею частію сложные съ предлогомъ *за* — и *по* — или же *концы*, достиженіе дѣйствія (*окончательные, достигательные* или *копечные* глаголы, болшею частію сложные съ разными предлогами), то-есть, означаетъ или *первую* (начинательную) или *последнюю* (конечную) точку линіи (развитія дѣйствія); а такъ какъ внутри этихъ двухъ границъ, по необходимости, заключается всякое дѣйствіе (или состояніе), то и получается ими смыслъ *собирательной сосредоточенности* (см. предид. № 1 примѣчаній) (особенно у русскихъ глаголовъ, обозначенныхъ въ таблицѣ звѣздой), обзорѣвающей будто *однимъ* взоромъ весь подлежащій (разрядъ 1: *запѣть, заговорить*) или оставленный за собою путь (разрядъ 3: *спѣть, договорить, (вы)сказать*; — напротивъ, видъ II, выражающій продолжительность, развитіе дѣйствія: *пѣть, говорить*). См. § 12, II. Первымъ изъ упомянутыхъ значеній (начинательнымъ) соотвѣтствуетъ этотъ I видъ русскихъ глаголовъ такому же значенію греческаго аориста (см. № 7, примѣчаній къ таблицѣ и § 2 и 13 „Правилъ“); вторымъ (копечнымъ, окончательнымъ, достигательнымъ) значеніемъ, соотвѣтствуетъ такому же значенію окончательности (или конца дѣйствія) греческаго

аориста и вмѣстѣ съ тѣмъ, наравнѣ съ аористомъ, весьма близко подходитъ къ значенію греческаго III вида perfecta. — У глаголовъ 2 разряда I вида, выражающихъ *миновенность* дѣйствія, упомянутыя двѣ точки (начинательная и конечная), такъ сказать, совпадаютъ. На основаніи указанныхъ въ 1—3 значеній русско-греческаго I *краткаго* или *аористическаго* вида становится яснымъ само названіе его „краткимъ“, которое именно по обширности своего значенія удобнѣе всѣхъ другихъ, такъ какъ атрибутъ „краткій“ опредѣляетъ какъ *пространство*, такъ и *время*, какъ *начало*, такъ и *миновеніе* и *конецъ*, а также — что особенно важно — наравнѣ съ нарѣчіемъ „вкратцѣ“ употребительно въ смыслѣ *сжатости*, *сокращенія* и *собирательнаго обозрѣнія*.

4. III видъ греческаго perfectum (*завершенный, законченный*) отличается отъ русскихъ глаголовъ I вида 3 разряда, т. е. окончательнаго (или достигательнаго) значенія, тѣмъ, что *perfectum* по всѣмъ своимъ наклоненіямъ выражаетъ одну реальную, фактическую законченность, завершеніе дѣйствія, имѣющаго уже свой наличный результатъ, или уже достигнутую цѣль, — между тѣмъ, какъ названный русскій видовой разрядъ (I. 3.) означаетъ такую фактическую, реальную законченность (но безъ *особаю*, *явнаго* означенія существующаго уже *результата* дѣйствія) собственно только своимъ изъяснительнымъ наклоненіемъ и причастіемъ (дѣеипричастіемъ и причастіемъ) прошедшаго времени, особенно глаголовъ, сложныхъ съ предлогами, означающими уже сами по себѣ такое завершеніе, напримѣръ, *сдѣлалъ* (πεποίηκε), *от-далъ* (δέδωκε), *на-писалъ*, *до-писалъ* (ἔγραψε), *вы-сказалъ* (ἔφηκε); *сдѣлавъ*, *отдавъ*, *на-дописавъ*, *высказавъ*, или *-вши*. Остальными же своими наклоненіями (сдѣлать, сдѣлаю, сдѣлай и т. д.) выражаетъ болѣе только мыслимую, чѣмъ фактическую завершенность и лишь указываетъ на достиженіе цѣли, т. е. обозначаетъ ими собственно только достижимость ея¹⁾. Поэтому, напримѣръ, можно соединить: *хочу*, *намѣреваюсь*, *могу сдѣлать* (и: дѣлать); но по гречески только βούλομαι (ἐθέλω), μέλλω, δύναμαι ποιεῖν, ποιῆσαι, ποιήσαι, а никогда πεποιήσθαι (см. § 9, прим. 1 и § 16. 1, прим. 1). По этой причинѣ, для болѣе точнаго выраженія такой фактической, реальной законченности, греческое perfectum часто переводимъ русскимъ *настоящимъ* време-

¹⁾ Напримѣръ, «схватить птицу» εἰλεῖν τὸν ὄρνιθα (могу также сказать о птицѣ, сидящей еще на деревѣ); напротивъ, ἤρπικέναι τὸν ὄρνιθα — (только): *взять* ее (дѣйствительно) уже схваченную, пойманную, въ рукахъ.

немъ (см. § 17, таблицу и прим. 1). Доказательствомъ того, что русскій 3 разрядъ I вида (или обыкновенно такъ называемые глаголы „совершеннаго“ вида) не тождественъ съ греческимъ завершннымъ видомъ (*perfecta*), служитъ также разнообразіе переводы послѣдняго на русскомъ языкѣ, указанное въ § 16, 1 „Правилъ“, съ приведенными тамъ примѣрами, особенно такими, въ которыхъ на ряду съ *perf.* встрѣчается аор., какъ *Isocr.* 8. 19 и *Simonid.* 7. 251 (смотри въ § 16. 1 конецъ). Кромѣ того, это различіе явствуетъ также изъ того обстоятельства, что *coniunctivus perfecti* вообще крайне рѣдокъ и, кажется, вовсе не встрѣчается въ 3 формѣ (по *Curtius'у* § 545 и 546. b.) условнаго предложенія, выражающей одно *ожиданіе* (то-есть, нѣчто не фактическое, не реальное), а также рѣдокъ того же времени *optativus*, выражающей *желаніе*, а въ соединеніи съ *ἄν*, *возможность*; эти оба понятія несогласны съ фактическимъ значеніемъ реальной завершенности, присущей *perfect'у*. Русскіе глаголы 3 разряда I вида (такъ называемаго „совершеннаго“), показывая болѣе на *достиженіе* (или достигаемость) цѣли, или же на конецъ *дѣйствія*, не выражаютъ съ особеннымъ удареніемъ такого законченія, или завершенія дѣйствія, которое соединено уже съ *наличнымъ результатомъ*, и поэтому могутъ выражать также упомянутыя три значенія *ожиданія*, *желанія* и *возможности*. На томъ же основаніи греческое *perfectum* не годится для выраженія *недѣйствительнаго* условія (противоположность дѣйствительности), т. е. 2 формы (по Курціусу, § 537—544) условнаго періода, которая по этой причинѣ ограничивается (такъ называемыми) историческими временами. Напротивъ, по русски какъ въ 3, такъ и во 2 формѣ условныхъ предложеній ставимъ безъ препятствія глаголы 3 разряда I вида (такъ называемые „совершенные“). За то въ 1 формѣ (по Курціусу, § 536) условныхъ предложеній, выражающей рѣшительное, несомнѣнное сужденіе, греческое *perfectum*, на ряду съ *praesens*, встрѣчается часто (напр. *εἴ πῃ ἄλλη σοὶ δέδοχται, δίδασκέ με*. *Curt.* § 536).

Подобно тому, какъ II (протяженный) греческо-русскій видъ имѣетъ три временныхъ отгѣнка или степени (*Zeitstufe*): настоящее время (*praesens*: дѣлаю, ποιῶ), прошедшее (*imperfectum*: дѣлалъ, ἐποίουν) и будущее (*futurum*: буду дѣлать, ποιήσω), обладаетъ и III (*завершенный*) греческій видъ тремя временами, именно:

1. *praesens'у* II вида соотвѣтствуетъ *perfectum* III вида (πεποίηκα).
2. *imperfect'у* II вида соотвѣтствуетъ *plusquamperfectum* III вида (ἐπεποίηκειν).

3. *futurum*'у II вида соотвѣтствуетъ *futurum exact.* или III вида (πεποήσομαι).

Напротивъ, *видъ I (краткій)* имѣетъ только два *временныхъ* отгѣнка (Zeitstufe): прошедшее время (аористъ: я сдѣлалъ, ἐποίησα) и будущее (*futurum*: я сдѣлаю, ποιήσω). Будущее I вида имѣетъ стличную отъ будущаго II вида форму только въ русскомъ (и вообще славянскомъ) языкѣ. (См. таблицу „обзора видовъ“).

Понятіе завершения (законченности) дѣйствіи выражается во всѣхъ perfect'ивныхъ временахъ черезъ *удвоение* (reduplicatio), а именно: время настоящаго его существованія (perfectum) — чрезъ личныя окончанія praesens'a, прошедшаго его существованія (plusquamperfectum) — чрезъ приращеніе и личныя окончанія (то и другое) историческихъ временъ (imperf. и aor.), будущаго его существованія (*futurum* III) — чрезъ признакъ будущаго времени σ.

5. Выраженіе: „однократный“ для русскаго и греческаго I вида (или только одного его разряда) неудобно какъ на основаніи сказаннаго уже выше, такъ и по той очевидной причинѣ, что однократными глаголами можно назвать какъ глаголы всѣхъ трехъ разрядовъ I вида, т. е. глаголы *краткой однократности*; такъ и глаголы II вида 4 разряда — продолжительной, длительной однократности, такъ какъ, на примѣръ, не только мгновенное, но и продолжительное непрерывное дѣйствіе — однократно (на примѣръ, „принести“ и „нести — несутъ“ — оба однократны, однако первое I-го, второе II-го вида). Неудобство выраженій „совершенный“ (perfectiv) явствуетъ изъ сказаннаго выше 11 и въ § 16, 1. предв. прим.

6. Русскіе глаголы всѣхъ трехъ разрядовъ II (протяженнаго) вида, соединяясь съ предлогомъ, дѣлаются по значенію: 1) глаголами обыкновенно ближайшаго предъидущаго разряда того же II главнаго вида, если они разряда 5 или 6, — а если они длительнаго (4) разряда, то переходятъ въ одинъ изъ разрядовъ, большею частью 3 I краткаго вида; — по 2) часто чрезъ сложеніе съ предлогомъ выражаютъ только отгѣнокъ *направленія* дѣйствія того же вида или видоваго разряда; — или же 3) какъ первое, такъ и другое. Напротивъ, греческіе глаголы отъ присоединенія къ нимъ предлога нисколько не измѣняютъ вида простаго глагола, а придаютъ ему только отгѣнокъ *направленія* дѣйствія, или же выражаютъ его опредѣленнѣе, точнѣе простаго глагола. (Нѣсколько примѣровъ приведено въ началѣ „Правиль“ предвар. прим. 2, и въ таблицѣ „Обзора видовъ русскаго и греческаго глагола“). Ср. слѣдующіе русскіе глаголы: къ 1) во-

дять (5 разр.)—проводить, заводить (4 разр.); сматривать (6 разр.)—посматривать (5 разр.); — смотрѣть, писать, слышать, ставить (4 разр.); — посмотрѣть, написать, услышать, поставить (3 разр.);—къ 2): давать и выдавать, придавать; видѣть и предвидѣть (всѣ II вида 4 разр.); къ 3): вести (4 разр.) — привести (3 разр.), — брать (4 разр.)—выбрать (3 разр.); писать (4 разр.) — вписать (3 разр.). (Въ Ист. грам. г. Буслаева вліяніе предлоговъ на перемѣну значенія простаго глагола изложено не сполна и только по отношенію къ видовою перемѣнѣ въ § 89 на стр. 216—217).

7. Вслѣдствіе постепеннаго ослабленія границъ и соединеннаго съ этимъ смѣшенія подраздѣленій (разрядовъ) *одного* вида у многихъ глаголовъ, которые, по всему вѣроятію, первоначально рѣзко отличали значеніе своихъ отдѣльныхъ формъ по видовымъ разрядамъ, происходитъ то явленіе въ современномъ русскомъ языкѣ, что отдѣльные разряды обонихъ его главныхъ видовъ въ очень многихъ случаяхъ не имѣютъ точно опредѣленныхъ и строго соблюдаемыхъ границъ между собой, такъ что (какъ видно отчасти и изъ таблицы „Обзора видовъ“) часто одна и та же русская форма глагола употребляется въ значеніи *двухъ ближайшихъ*, пограничныхъ разрядовъ *одного и того же* вида. И здѣсь является то свойство живаго языка, которое замѣчаемъ въ живыхъ нарѣчіяхъ одного и того же народа, что одно переходитъ въ другое, пограничное, незамѣтно, не имѣя опредѣленныхъ, точно отдѣляющихъ одно отъ другаго границъ. Соединеніе двухъ главныхъ видовъ I и II въ одномъ и томъ же русскомъ глаголѣ представляютъ лишь очень немногіе глаголы (какъ: обѣщать), упомянутые въ § 9 „Правилъ“, которые по формѣ и по собственному значенію вида II, но ставятся также вмѣсто рѣже употребляемыхъ или совсѣмъ вышедшихъ изъ употребленія формъ одного корня I вида. Въ противоположность русскимъ разрядамъ того и другаго вида — греческій языкъ или вовсе не развилъ, или рано лишился способности особыми формами означать отгѣнки русскихъ разрядовъ I вида, такъ что онъ всѣ эти три русскихъ разряда выражаетъ одною и тою же формою аориста (предлоги греческаго языка—по предыдущему № 5—вообще не выражаютъ видоваго отгѣнка). Напримѣръ, гречес. βασιλεύει царствуетъ, βασιλεύειν царствовать; imperfect. ἐβασιλεύον царствовалъ; part. βασιλεύων царствуя, царствующій (praes.); царствовавъ, -вши, -вшій (imperf.) Thus. I. 137. 3. Ἄρταξέρῃην τὸν Ἑβραίου νεωστὶ βασιλεύοντα=царствующаго или царствовавшаго (который царствовалъ) съ недавняго времени. *Aoristus* (см. § 13, № 12)

ἐβασίλευσε, βασιλεύσαι, значить: 1) *воцарился* (*воцариться*), или: *сдѣлался* (*сдѣлаться*) *царемъ*, *вступилъ* (*вступить*) на престолъ, *завладѣлъ* (*завладѣть*) престоломъ (царствомъ), *достигъ* (*достичь*) царства власти; *получилъ* (*получить*) царство (власть),—то-есть, I (*краткаю*) *вида* I разряда *начинательнаго* значенія. Примѣры: Her. I. 13: συνέβησαν ἐς τωὸτὸ... ἦν μὲν δὴ τὸ χρηστήριον ἀνέλιξεν μιν βασιλέα εἶναι Δουδῶν, τὸν δὲ βασιλεύειν (=предъид. βασιλέα εἶναι и τὴν βασιληίην ἔχειν II. 2), ἦν δὲ μή, ἀποδοῦναι ὀπίσω ἐς Ἡρακλείδαν τὴν ἀρχήν ἀνείλε τε δὴ τὸ χρηστήριον καὶ ἐβασίλευσε οὕτω Γύγης: они согласились въ томъ, что если оракулъ рѣшилъ, чтобы ему *быть царемъ* Лидійскимъ, то пусть *царствуетъ* (царствовать ему); въ противномъ же случаѣ, онъ долженъ *власть* отдать назадъ Гераклидамъ. Оракулъ рѣшилъ (первое) и Гигесъ *сдѣлался царемъ* (воцарился, вступилъ на престолъ). Здѣсь (и II 174.) ἐβασίλευσε=ἔσχε (см. „Прав.“ § 13, № 2. и 11.) τὴν βασιληίην (καὶ ἐκρατόνθη) въ началѣ той же 13 главы I. кн. и въ 12 гл., или = βασιλεύς ἐγένετο той же книги 7. 1., или=ἐξεδέξατο (τὴν βασιληίην) 26. и 16. Такъ же ἐπεῖτε ἦρξε (ἄρχω, см. § 13, № 1.) 14. 3. и Thus. I. 77. 6, VI. 55. 1, послѣ того какъ вступилъ во власть, достигъ власти, получилъ власть, *завладѣлъ* престоломъ=ἐβασίλευσε=ἔσχε τὴν ἀρχήν, по I. 7. 2, и τὴν τυραννίδα ἔσχε по 14. 1. Такъ и partic. aor. βασιλεύσας (I. 15 и II. 2. 1.) и τυραννεύσας (14. 1.) сдѣлавшись, -иѣся, *царемъ*, *тираномъ*, *властителямъ*, и infin. βασιλεύσαι (тамъ же, II. 2. 1. II. 129. 1. и II. 137. 1.): πρὶν ἢ Ψαμμίτιχον σφείων βασιλεύσαι: прежде чѣмъ Псамметихъ *сдѣлался* *царемъ*. Въ такомъ же значеніи II. 137. 1. въ отличіе отъ слѣдующаго: ἐπὶ τούτου βασιλεύοντος: *когда* онъ *царствовалъ* (во время его царствованія) и βασιλεύειν ἐπ' ἔτεα πεντήκοντα (*царствовалъ* — какъ говорятъ — *лѣтъ* 50). Thus. I. 14. 1: Δαρείου, δε μετὰ Καμβύσην Περσῶν ἐβασίλευσε (который вступилъ на престолъ, воцарился послѣ Камбиза), и II. 15. 2: ἐπειδὴ δὲ Θησεὺς ἐβασίλευσε (когда Тезей сдѣлался царемъ, воцарился) διεκόσμησε τὴν χώραν.

Но и 2)=*процарствовалъ* (процарствовать), то-есть, I (*краткаю*) *вида*, 3 разряда, *окончательнаго* значенія. Примѣры: Herod. I. 16: Ἄρδος δὲ βασιλεύσαντος ἐνὸς δέοντα πενήκοντα ἔτεα ἐξεδέξατο (разум. τὴν βασιληίην II. 127) Σαδουάττης ὁ Ἄρδος, καὶ ἐβασίλευσε ἔτεα δωδέκα: Послѣ того, какъ Ардій *процарствовалъ* 49 лѣтъ, наслѣдовалъ (получилъ, принялъ) царство Садіатъ, сынъ его, и *процарствовалъ* 12 лѣтъ. Такъ и 14: οὐδὲν μέγα ἔργον ἀπ' αὐτοῦ ἄλλο ἐγένετο βασιλεύσαντος δυοῖν δέοντα τεσσαράκοντα ἔτεα: хотя *процарствовалъ* 38 лѣтъ.

Такъ же: II. 127. 1. и 2: βασιλεύσαι (ἔλεγον αὐτὸν) πεντήκοντα ἔτεα: говорили, что онъ *процарствовалъ* 50 лѣтъ. Точно также аог. ἦρξε (ἄρχω) *провладѣлъ*, *провладычествовалъ*. Dem. Ol. III. 24: (οἱ ἡμέτεροι πρόγονοι) πάντε μὲν καὶ τετταράκοντα ἔτη τῶν Ἑλλήνων ἦρξαν ἐκόντων: наши предки 45 лѣтъ *провладѣли* (*провладычествовали*; по смыслѣ допускаетъ также: ἦρχον владѣли, владычествовали) надъ Эллинами съ ихъ согласіи. См. Her. I. 107: Κοζάρης, βασιλεύσας (процарствовалъ) τσεεράκοντα ἔτεα σὺν τοῖσι Σκῦβαι ἦρξαν (провладычествовали) τελευτᾷ. Такъ же part. аог. Her. I. 7. 2: ἄρξαντες ἐπὶ δύο τε καὶ εἴκοσι γυνεᾶς ἀνδρῶν (провладѣвъ 22 поколѣній), и I. 86: ἄρξαντα. См. „Прав.“ § 12. II. *Во II видѣ* древній языкъ, древне- и ново-іоническій, Гомера и Геродота, сохранилъ болѣе слѣдовъ видовыхъ разрядовъ (имѣя цѣлый классъ *учащательныхъ* глаголовъ со вставкою -σх-), чѣмъ новѣйшій аттический, ограничившійся, кажется, только тремя остатками учащательнаго (повторительнаго или многократнаго) разряда: φοιτᾶν, φορεῖν и φάσκειν (см. § 5. 2.).

8. Кромѣ того, изъ той же таблицы „Обзора видовъ“ видно, что одни русскіе глаголы развились, или, по крайней мѣрѣ, сохранились въ языкѣ только въ двухъ, другіе въ трехъ, третьи, весьма немногіе, въ четырехъ, но, кажется, ни одинъ—по крайней мѣрѣ въ несложной формѣ—въ пяти или даже во всѣхъ шести разрядахъ обихъ видовъ, что обуславливается отчасти кореннымъ внутреннимъ значеніемъ глагола, не нуждающимся или вовсе не допускающимъ того или другаго разряда видовъ, отчасти же оскудѣвіемъ языка (въ формальномъ отношеніи) то самого отъ себя, то по вліянію чужихъ языковъ. Не менѣе замѣтно и то, что подлинный, первоначальный отбѣнокъ разницы въ значеніи одного глагола по разнымъ разрядамъ видовъ, особенно II главнаго вида, въ современномъ русскомъ языкѣ у многихъ глаголовъ уже значительно ослабленъ и сглаженъ и все болѣе и болѣе ослабѣваетъ и сглаживается, между тѣмъ какъ церковно-славянскій языкъ и нынѣ живыя славянскія нарѣчія пока вѣрнѣе сохраняютъ подлинную разницу видовыхъ разрядовъ (такъ напримѣръ, русскій глаголъ женить, -тъся, обихъ главныхъ видовъ I и II; напротивъ въ церковно-славянскомъ и словацкомъ нарѣчіи только II вида, а для I есть: оженить, ожениться. Такъ, русскій языкъ ограничилъ многократные глаголы однимъ прошедшимъ временемъ (изъяв. наклон.), между тѣмъ, какъ напримѣръ, въ словацкомъ и чешскомъ нарѣчіихъ спряженіе ихъ по всѣмъ временамъ въ полномъ ходу, наравнѣ съ другими глаголами.

9. Изъ сопоставленія нѣкоторыхъ латинскихъ видоизмѣненій одного и того-же глагола (являющихся, впрочемъ, только среди II главнаго вида) видно, что и въ латинскомъ языкѣ удержались слѣды первоначальнаго, по всей вѣроятности, болѣе развитаго и обширнаго различія видовъ, подобно греческому и славянскому языкамъ.

10. Слѣды употребленія греческой аористической основы въ формѣ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія съ значеніемъ будущаго времени, подобно формѣ настоящаго времени славянскихъ глаголовъ I *краткаго вида* въ значеніи *будущаго*, — чѣмъ главнымъ образомъ отличается славянскій I видъ отъ греческаго аористическаго вида и превосходитъ его — представляютъ, кажется, нѣкоторыя греческія futura, не имѣющія (по выраженію грамматикъ) этимологическаго „характера времени“, какъ: χέω (χέομαι), ἔσομαι, πίομαι и εἶμι (пойду), хотя они впоследствии ставились въ значенія будущаго обоихъ видовъ. Не есть-ли такъ называемое греч. futurum II или contractum (atticum) плавныхъ (и другихъ) глаголовъ — βαλῶ, φανῶ, κτενῶ, φθερῶ, ἐρῶ, νεμῶ; — τελῶ, βιβῶ, ἐλῶ, κομῶ; Curt. грам. § 262—265; *особенно же conjunctivus aoristi II.* (ποι φύγω; ποι τράπωμαι; τί φάγω; τί πίω; εἶπωμεν ἢ σιγῶμεν ἢ τί δράσομεν (Eur. Ion. 788) — замѣть сопоставленіе съ fut. и сравни σκοπεῖ δὴ, τί δράσομεν (=обыкн. copii dubitat.) Plato Phileb. 19 B — οὐ γὰρ πῶ τοίους ἴδον ἀνέρας οὐδὲ ἴδωμαι II. I. 262 — въ противополож. предъидущ. аор. ¹⁾ — (собственно тоже ничто другое, какъ *форма настоящаго времени глаголовъ I краткаго вида съ значеніемъ будущаго* (=брошу, покажу, убью, погублю, скажу и т. д.)? — На этотъ разъ я не рѣшусь вполне утверждать, и тѣмъ менѣе отрицать этого, такъ какъ вопросъ этотъ, не объясненный пока достаточно греческими этимологами, а съ сравнительной точки зрѣнія славянскаго глагола едва затронутый, требуетъ тщательнаго этимологическаго и синтаксическаго изслѣдованія. ²⁾ —

¹⁾ Сравни II. I. 135 sq. сопоставленіе формъ: (fut. и copii aor.) δάσσοι — δάσσειν — ἔλωμαι — ἄξω — κελώσεται — ἴκωμαι — μεταφρασόμεθα — ἔρυσσομεν — ἀγείρομεν — βείρομεν — βήσομεν — ἰλάσσειν. — Od. XII. 383: δύσομαι εἰς Αἴθια καὶ ἐν κελύεσσι φασίνω.

²⁾ По нынѣшней теоріи (Curt. синт. § 262. прим., 263. 1 и 3; Кохъ § 51. 2) мы для образованія fut. II. (contractum и atticum) довольно страннымъ образомъ вынуждены заставлять ученика прибавлять къ основѣ (φαν)-ε-(φανέ-ω), потомъ вставлять σ (фанε-σω) только для того, чтобы сейчасъ-же и выбросить его и сократить оставшееся έω въ ω: φανῶ. — (Подробною обработкой этимологическаго и синтаксическаго значенія греческаго conjunctiv'a и предполагаю заняться

Рѣдкія praesentia, которымъ Крюгеръ (атт. синт. § 53. 4. 8) приписываетъ значеніе будущаго времени, можно всѣ удобно понимать то какъ собственныя praesentia, то въ родѣ *praesens historicum* по отношенію къ будущему (не къ прошедшему, какъ обыкновенно) времени. Xen. An. I. 3. 7: πορεύεσθαι; VII. 1. 31: ἀεργόμεθα, VII. 3. 8: πορεύομεθα; Cyp. VII. 1. 20: παρέρχομαι; Thuc. I. 121. 3: ἀλίσκονται; VI. 40. 2: ἔρχονται VI. 91. 3: ἔχεται. Здѣсь Алкивіадъ говоритъ Лакедемонянамъ: εἰ αὐτῆ ἢ πόλις ληφθήσεται, ἔχεται καὶ ἡ πᾶσα Σικελία καὶ αὐτὸς καὶ Ἰταλία: если мы возьмемъ (если нами будетъ взятъ) этотъ городъ (Сиракузы), то вся Сицилія, а сейчасъ же и вся Італія, наша (находится, есть=будетъ) въ нашихъ рукахъ. Plat. Phaedr. 241. E: ἀπέρχομαι (ср. грам. Курц. §. 488).

11. Употребленіе формы настоящаго времени изъявительнаго склоненія *русскихъ* и вообще *славянскихъ* глаголовъ I (краткаго) вида въ значеніи будущаго времени можно, кажется, объяснить слѣдующимъ образомъ: такъ какъ форма настоящаго времени глаголовъ I главнаго вида должна бы собственно означать дѣйствіе въ настоящемъ времени и возникающее и вмѣстѣ кончающееся, мгновенное (моментальное), то есть, такое, которое только что наступило, уже и кончается, перестаетъ и проходитъ: то при ней *будущее* время съ *прошедшимъ* соприкасаются столь близко, что ихъ отдѣляетъ лишь одно самое быстрое, почти незаимѣчаемое мгновеніе; поэтому и названные *глаголы I (краткаго) вида* способны *формою своего настоящаго времени* выражать будущее, а въ живомъ разказѣ и *прошедшее* время (см. „Прав.“ § 1. прим.—наравнѣ съ настоящимъ временемъ глаголовъ II. вида—то есть praes. historicum другихъ языковъ), но не означаютъ настоящаго времени. На этомъ основаніи и понятпо, что русское *дѣспричастіе формы настоящаго времени*, глаголовъ краткаго (I) вида также не выражаетъ настоящаго времени, а наравнѣ съ *дѣспричастіемъ (и причастіемъ) прошедшаго времени* отъ глаголовъ *краткаго (I) вида* (напр. приди=пришедши; увиди=увидѣвъ, —вши; приведа=приведши) имѣетъ значеніе *предшествованія* своего дѣйствія (которое можетъ быть представляемо вообще только въ *прошедшемъ* и въ *будущемъ* времени) дѣйствию главнаго глагола обоихъ видовъ, въ какомъ бы времени послѣдній ни стоялъ

въ непродолжительномъ времени; затѣмъ послѣдуютъ статьи объ остальныхъ болѣе важныхъ частяхъ синтаксиса, и наконецъ, опытъ сравнительнаго изложенія греческо-русскаго синтаксиса).

(въ настоящемъ ли, — тогда соединенное съ нимъ дѣспричастіе относится по необходимости тоже къ *минушему* уже или *прошедшему* времени, — или въ прошедшемъ, или въ будущемъ); напр.

придя=при- шедши или увидя = увидѣвъ	}	онъ дѣлаеть... ἐλθὼν или ἰδὼν ποιῶ „ дѣлать, сдѣлать... ἐλθὼν или ἰδὼν ἐποίησεν ἐποίησεν будеть дѣлать, сдѣлаеть ἐλθὼν или ἰδὼν ποιήσει; = послѣ того какъ придетъ или увидитъ.	}	придя=прош. врем.: послѣ того какъ <i>пришелъ</i> или <i>увидѣлъ</i> .
---	---	--	---	---

(см. § 3. съ примѣрами).

12. Такъ, какъ греческій *аористъ*, совпадая по значенію съ краткимъ (I) видомъ русскихъ глаголовъ, и имѣя (по № 1 примѣчаній въ „обзоре видовъ“), наравнѣ съ послѣднимъ, способность означать дѣйствія (даже продолжительныя) *собираемою*, сомкнуто, въ *краткомъ*, сжатомъ видѣ (представляемомъ точкою): то на этомъ основаніи становится яснымъ, что *греческое participium aoristi*, подобно русскому дѣспричастію настоящаго и прошедшаго времени (и причастію послѣдняго) глаголовъ (I) краткаго вида (см. предыд. № 11), выражаетъ *одно предшествованіе* дѣйствія своего глагола дѣйствію главнаго глагола (какого бы ни было времени), а именно предшествованіе *не только краткою* (часто только мгновеннаго), но даже *протяженною* (продолженнаго) дѣйствія (представленнаго сомкнутымъ — для краткаго обозрѣнія — какъ будто въ одну точку). Именно: при главномъ глаголѣ прошедшаго времени *participium aoristi* выражаетъ предшествованіе въ прошедшемъ, при главномъ глаголѣ будущаго времени — въ будущемъ времени (= лат. fut. exact.), а при главномъ глаголѣ настоящаго времени предшествованіе дѣйствія *participii aoristi* естественнымъ образомъ падаетъ также въ прошедшее уже время.

Этимъ же значеніемъ *предшествованія* удобно объясняется также употребленіе *participium aoristi* при *аористъ же главною глагола*, и, очевидно, вовсе лишне, съ вѣмецкими грамматиками (Крюгеромъ, Акепомъ, Курціусомъ, Кохомъ и Кюперомъ), допускающими это значеніе въ большинствѣ случаевъ, для объясненія не весьма значительнаго числа остальныхъ, искать смысла „одновременности“, (присущей *одному participium praesentis*, см. § 3. а), или „совпаденія двухъ моментальныхъ дѣйствій или же двухъ точекъ“ („Coincidenz zweier Punkte“, Акен „Grundzüge der Lehre vom Tempus und Modus“ стр. 8). При болѣе точномъ разборѣ всѣхъ примѣровъ, приводимыхъ названными учеными, и при сличеніи ихъ съ русскимъ переводомъ,

можно убѣдиться въ томъ, что и они *всѣ безъ исключенія* имѣютъ указанное мною значеніе *предшествованія*, а не *одновременности* или совпаденія двухъ дѣйствій.

Курціусъ, объясняя употребленіе part. aor. въ „Erläuterungen zu meiner griech. Schulgrammatik“, стр. 187—189, говоритъ: „Преимущественно при предикативномъ употребленіи partic. aoristi на ряду съ другимъ аористомъ не можетъ быть рѣчи о предшествованіи (Vorvørgangenhait), напримѣръ εὖ ἐποίησας ἀναμνήσας με (Plato Phaedo. p. 60, C). Когда Herod. V. 24 пишетъ εὖ ἐποίησας ἀπικόμενος, то тутъ особенно ясно, что εὖ ποιῆσαι не случилось („nicht stattfand“) *послѣ* ἀφικέσθαι, но именно состояло въ прибытіи („eben im Kommen bestand“), подобно тому, какъ и въ изреченіи λάθε βιώσας оба дѣйствія находятся на одной степени времени („auf einer Zeitstufe liegen“). Однако:

1-й примѣръ = ты хорошо сдѣлалъ, *напомнишь* мнѣ это (=что напоминалъ мнѣ это); значить: онъ прежде долженъ былъ напомнить ему, чѣмъ это могло быть хорошо сдѣлано, чѣмъ можно было сознать, что это сдѣлано хорошо.

2-й примѣръ = ты хорошо сдѣлалъ, *приди* (пришедши), то-есть, что пришелъ; значить: онъ прежде долженъ былъ придти, чѣмъ это могло быть сдѣлано хорошо. То обстоятельство, что на латинскомъ языкѣ въ этихъ случаяхъ ставятся также два perfecta, а не plusquamperfectum (bene fecisti, quod venisti, а не quod veneras) не имѣетъ большаго значенія, какъ то, что Нѣмцы, ставя также два одинаковыхъ прошедшихъ времени, представляютъ себѣ эти два дѣйствія тоже одновременными, такъ какъ ни латинскій, ни нѣмецкій языки не обладаютъ аористомъ, и вообще отличіемъ видовъ, присущимъ греческому и русскому (славянскому) языкамъ. Нѣмецкихъ ученыхъ заставляеть видѣть здѣсь одновременность ихъ собственный языкъ, описывающій такой part. aor. даже черезъ „indem“...

3-й примѣръ переводитъ Курціусъ, грам. § 591, в. lebe im verborgenen; по русски будетъ буквально: *скройся вступишь въ жизнь* (получивъ жизнь), слѣдовательно: живи скрыто; βιώσας aor. начинательнаго, наступительнаго значенія, подобно ἀρξας, βασιλεύσας, получивъ власть, яступивъ во власть, на престолъ, воцарившись (см. № 7-й примѣчаній къ „обзору видовъ“ и § 13 „Правилъ“ № 1 и 2). Въ этихъ примѣрахъ part. aor. означаетъ такое же предшествованіе, какъ въ приведенныхъ въ грам. Курц. § 497 прим. γελάσας εἶπε, risu oborto dixit: *засмѣявшись* сказалъ; τότε μοι χάρισαι ἀποκρινάμενος (Plato

Gorg. 516): сдѣлай мнѣ одолженіе, *ἀποτίμησ' ἔμοιγε* мнѣ (отвѣтомъ); значить: *ποσὴ* и *ἐπιδοσθεῖς* отвѣта онъ сдѣлаетъ мнѣ одолженіе.

Крюгеръ, атт. синт. § 53, 6, 8, и 56, 8, 1, приводитъ, кромѣ разобранныхъ уже, между прочимъ, слѣдующіе примѣры: 1) πολλὰς τῶν πολέμιων ναῦς ἔλαβον τριηραρχήσαντες (Lys. 12, 38); 2) Ξενοφῶντα ὠνήσατε οὐχ ἑλόμενοι (An. VI, 132)—для подтвержденія того, что part. aor. означаетъ „insofern *Gleichzeitiges*, als es ausdrückt, *wodurch*, *worin* eben die Handlung des Aorists sich äussert,—*ohne den Begriff des Vorzeitigen*“. Въ такомъ же смыслѣ говоритъ Кохъ (Грамм. § 101. прим. I), что здѣсь „die Nebenhandlung in einem ursächlichen Verhältnisse zur Haupthandlung steht: dadurch dass, insofern als“, и что здѣсь „der Begriff des *vorher durchaus nicht* zum Part. Aor. passt“, приводя еще примѣры: 3) Παῖδα κατέχευε ζυγήη πατάξας (Xen. An. IV, 8, 25); 4) Οὐ καταγέλαστος ἔστι ἐκ τῆς πόλεως ἐξελθὼν (Plato Crit. 53 A) и 5) Ἐν ταῖς μάχαις πολλάκις τὸ ἀποθανεῖν ῥᾶον ἂν τις ἐκφόγοι καὶ δπλα ἀφείς καὶ ἐφ' ἰκετείαν τραπόμενος τῶν διωκόντων. (Plato Apol. 39, A). Однако вѣдь именно *причина* (Ursache, т. е. „*wodurch*“, „*dadurch dass*“) *causa praecedens* вызываемому ея *ποσὴ* или *ἐπιδοσθεῖς* (Wirkung), и не одновременно съ нею! Русскій буквальный переводъ доказываетъ, что какъ эти, такъ и всѣ остальные приводимыя тремя названными учеными примѣры какъ нельзя лучше подтверждаютъ мои, а не ихъ слова: 1-й примѣръ = они взяли много неприятельскихъ кораблей, *сдѣлавшись* *триерархами* (а не: „будучи триерархами“, какъ, очевидно, понимаетъ partic. aor. τριηραρχήσας Klüger; словари тоже не упоминаютъ объ этомъ аористическомъ значеніи глагола τριηραρχεῖν), — по примѣру βασιλεύσας, τυραννέσας, βουλεύσας, ἄρξας *сдѣлавшись* царемъ, тиранномъ, совѣтникомъ, получивъ власть, достигши власти (см. № 7, примѣч. къ „обз. видовъ“, и „Прав.“ § 13). 2) = Ксенофону вы оказали услугу (Ксенофонта вы *одолжили*), не *выбравъ* его, то-есть, тѣмъ (и вслѣдствіе того), что вы не выбрали Ксенофонта, вы *одолжили* его. 3) Убилъ мальчика, *поразивъ* его саблею. (Могъ ли онъ убить мальчика, не поразивъ его прежде?—Странно, какъ этого не замѣтилъ Кохъ, который поставилъ этотъ примѣръ даже на первомъ мѣстѣ!) 4) Ты не будешь смѣшнымъ (предметомъ насмѣшки), *выйдя* (вышедши) изъ города. 5) Въ сраженіяхъ часто легко можно уйти отъ смерти, *бросивъ* оружіе и *обратившись* съ мольбами къ преслѣдующимъ.—Во всѣхъ этихъ примѣрахъ предшествованіе дѣйствія partic. aor. дѣйствію главнаго глагола—тоже въ аористѣ—ясно.

То же самое предшествованіе означается (вопреки противному утверженію названныхъ ученыхъ) глаголами ἔφθασα и ἔλαθον при аог. главнаго глагола; на примѣръ, ἔφθασαν καταλαβόντες τὰ ἄκρα: они предупредили (насъ), занявъ вершины=тѣмъ, что прежде заняли,— занятіемъ вершинъ. Xen. Anab. I. 3. 14.—ἔλαθον ἀποδράς καὶ ἀπεσώθη (Xen. Hell. I. 3. 23): *убѣжавъ*, онъ остался скрытымъ и спасся (его бѣгство, — то, что онъ убѣжалъ, — осталось скрытымъ; долженъ же былъ сперва убѣжать, прежде чѣмъ замѣтили, что его больше нѣтъ, что онъ убѣжалъ). R. Kühner „Ausf. Gram. d. griech. Synt.“ II. 1. стр. 161, говоритъ: „Beide (Part. praes. und Part. aor.) drücken eine Nebenhandlung als mit der durch das Verbum finitum bezeichneten Haupthandlung *zusammenfallend* (и aorist.?) aus, gleichviel ob die Haupthandlung in der Gegenwart oder in der Vergangenheit oder in der Zukunft stattfindet, als: δακρύσας oder δακρύων (δάκρυ χέων) λέγω, ἔλεξα, λέξω. Durch den Aorist wird Nebenhandlung (!) mehr in den Vordergrund (!) gestellt, durch das Praesens die Nebenhandlung (!) als solche, als Nebenumstand (!) bezeichnet“. Вотъ ужъ произволь, вотъ разица, столь тонкая, что ея даже не видать! Приводимый Кюнеромъ изъ II. A. 349. sq. примѣръ: Ἀχιλλεὺς δακρύσας: *заплакавши*, то-есть, послѣ того, какъ заплакалъ, чѣмъ, какъ вообще часто такимъ *partic. aor.*, не исключается, а только не обозначается, что начатое *δηϊστικὸς* могло продолжаться, — (здѣсь: что онъ продолжалъ плакать также въ продолженіе своей рѣчи)—далѣе: ἐτάρων ἄραρ ἔςετο (сѣлъ imperf. и аог. вѣстѣ, см. § 12. II. прим. 3.) νοσφί λιασθεῖς (*удалившись*)... ὀρόων (*смотря, глядя, и смотрѣль, глядѣль*) ἐπ' ἀπειρόνα πόντου. Сравни затѣмъ (послѣ молитвы его) A. 357: ὡς φάτο δάκρυ χέων (такъ сказалъ, говорилъ, — *проливая* слезы). Здѣсь, какъ нельзя лучше, подтверждается значеніе *предшествованія* part. aor. и *одновременности* part. praes. Но Кюнерь объясняетъ оба по своему произволу: Zuerst δακρύσας die Nebenhandlung hervorhebend (!), dann ὀρόων, beschreibend, ausmalend, δάκρυ χέων in der Wiederholung die Nebenhandlung in den Hintergrund stellend. Вотъ къ какимъ черезъ-чуръ искусственнымъ, и почти смѣшнымъ, толкованіямъ прибѣгаютъ нѣмецкіе ученые за неимѣніемъ на своемъ языкѣ видоваго отличія глаголовъ, а вслѣдствіе того и непониманіемъ его! — Такъ и Xen. Cyr. I. 4. 13: καλῶς ἐποίησας προεπών: ты хорошо сдѣлалъ, что сказалъ это впередъ (=сказавъ это впередъ) — объясняется по приведеннымъ выше подобнымъ примѣрамъ. Далѣе Thuc. I. 101. 3: Θάσαιοι δὲ τρίτη ἔπει πολιορκούμενοι ἀμολόγησαν Ἀθηναίους ταῖχος τε καθελόντες καὶ ναῦς πα-

παρόντες χρήματα τε ὅσα ἔδει ἀποδοῦναι αὐτίκα ταξάμενοι καὶ τὸ λοιπὸν φέρειν, τὴν τε ἤπειρον καὶ τὸ μέταλλον ἀφέντες: Θазосцы въ третій годъ осады (=осаждаемые третій годъ) согласились на сдачу Аѳяпанамъ такъ, чтобы, *срывать* свои стѣны и *выдавши* имъ свои корабли, отдать имъ деньги, сколько нужно, *заплатить* одну часть тотчасъ же, а остальныя вносить впродъ, *отказавшись* также отъ материка и рудниковъ. Kühner, приводя это мѣсто только до слова παρόντες, прибавляетъ: „das Niederreißen der Mauer und das Ausliefern der Schiffe werden als mit der Kapitulation (ῥολόγησαν) zusammenfallend, in derselben liegend bezeichnet“, что именно негѣрно, такъ какъ (partic. aor.) καθελόντες и ἀποδόντες не относятся къ ῥολόγησαν, а къ слѣдующему ἀποδοῦναι, почему и запятую послѣ παρόντες надо уничтожить (а поставить ее, или двосточіе, лучше предъ ταῖχος). Всѣ partic. aor. въ этомъ примѣрѣ удобнѣе и вѣрнѣе всего понимать въ значеніи *предшествованія* ихъ дѣйствию дѣйствию глагола (τὸ λοιπὸν) φέρειν. Подобно тому II, VII, 225: ἀπαλῆσας δὲ προσήδα: *погрозивъ, пригрозивъ*, не угрожая) онъ говорилъ ему. Не менѣе странно примѣчаніе (Anmerkung 4) Кюнера на страницѣ 163, сличенное съ приведенными уже толкованіями его: „dass das part. aor. in der Regel von einer Handlung gebraucht wird, welche *vor der durch das Verbum finitum* ausgedrückten stattgefunden hat, als: ταῦτ' εἰπὼν ἀπέβη (*сказавъ* это, онъ ушелъ), haec quum dixisset, abiit, ergibt sich von selbst aus dem Zusammenhange der Rede, da die durch das Particip. ausgedrückte *Nebenhandlung gemeiniglich (!)* eine solche ist, welche *vor der Haupt-handlung* eingetreten ist.

Языкъ, какъ греческій, такъ и русскій, въ подобныхъ случаяхъ, несомнѣнно понимаетъ part. aoristi (дѣепричастіе настоящаго и дѣепричастіе — и причастіе—прошедшаго времени I краткаго вида), какъ дѣйствию *предшествующее* другому главному дѣйствию. Если же хочеть выразить одновременность или совпаденіе двухъ дѣствий, то ставитъ *partic. praesentis* (или imperfecti, то-есть, причастіе и дѣепричастіе настоящаго времени II. протяженнаго вида) какъ при imperf., такъ и при aorist-ѣ главнаго глагола; напримѣръ, Сур. VII. 4. 12: Κροῖσο; διδοῦς τῆ Κόρη τὰ γράμματα εἶπε... Крезъ, *передавая* Киру списокъ, *сказалъ*; а далѣе тамъ же 13: καὶ ὁ Κύρος ἔλεξεν· ἀλλὰ σὺ μὲν καλῶς ἐποίησ, ὡ Κροῖσε προνοῶν; а Киръ *сказалъ*: ты хорошо дѣлалъ (поступалъ), Крезъ, *заботясь* объ этомъ впередъ, тѣмъ, что заботился объ этомъ (въ то время, какъ или когда заботился), хотя можно переводить и: ты хорошо сдѣлалъ, что позаботился объ этомъ

впередъ, и по гречески могло бы быть: εὖ ἐποίησας προνοήσας, такъ какъ существенной разницы здѣсь, — какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, — нѣтъ, выразимъ ли *заботу* предшествующею или одновременною съ исполненіемъ предмета ея. Этимъ объясняется уомянутый выше латинскій и нѣмецкій переводъ греческаго Part. aor. будто въ значеніи одновременности.

Далѣе, тамъ же: καὶ ἅμα ταῦτα λέγων ἔδωκε τὰ γράμματα τοῖς φίλοις: и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это говорилъ (=говорилъ это), *передалъ* списки друзьямъ. Или Xen. Hiero 11. 14: πάντας πειρῶ νικᾶν εὖ πράττων: старайся *побѣждать* всѣхъ, *оказывая* имъ благодѣянія (или: *благодѣтельницаствуя* имъ) и Her. I. 79: Κύρος βουλευόμενος εὗρισκε πρῆγμα οἱ εἶναι....: Киръ, *оудумывая*, *находилъ* (хотя смыслъ допускаетъ и: *нашелъ*, εὔρε). Прекрасный примѣръ представляетъ также Dem. 21, 191: καὶ γὰρ ἂν ἄθλιος ἦν, εἰ τοιαῦτα παθὼν καὶ πάσχων ἡμέλουν, ὧν περὶ τούτων ἐρεῖν ἔμελλον πρὸς ἡμᾶς: я былъ бы жалкимъ человѣкомъ, если я, *пострадавъ* такимъ образомъ и (еще) *страдаю*, пренебрегалъ бы тѣмъ, что я намѣревался сказать вамъ объ этомъ.

Другіе примѣры part. aor. при aor. и futur. главнаго глагола, гдѣ предшествованіе также несомнѣнно: Ilias 1. 85: θαρσῆσας μάλα εἰπέ ободрившись, осмѣлившись (=смѣло) скажи = 92: θάρσῃσε καὶ ἠῦδα; напротивъ V. 124: θαρσῶν μάχεσθαι: имѣя бодрость, смѣлость, сражайся. I. 148: τὸν δ' ἄρ' ὑπόδρα ἰδὼν προσέφη.... посмотрѣвъ—сказалъ; I. 201: καὶ μιν φωνήσας ἔπεα πτερόεντα προσηύδα: обратившись къ нему съ рѣчью—сказалъ (говорилъ); напротивъ: I. 215 и 285: τὴν δ' ἀπαμβόμενος προσέφη.... ей отвѣчая (одновременность) сказалъ.... I. 299: ἀφέλεσθέ γε δόντες: вы отняли—данши (прежде); I. 330: ἰδὼν γήθησεν: увидѣвъ — обрадовался; I. 331 — 332: ταρβήσαντε καὶ αἰδομένω στήτην: смутившись и уважая—стали предъ нимъ; I. 381: εὐξαμένου ἤκουσεν: опъ выслушалъ его молитву (=послѣ того, какъ Ахиллесъ помолился, Аполлонъ исполнилъ предметъ его молитвы); I. 401: ἐλθοῦσα ὑπέλοσσο; I. 594: κομίσαντο πεσόντα; V. 23: σώσσε νυκτὶ καλόψας; V. 119: ἔβαλε φθάμενος; V. 144: ἔλεν — βαλὼν; V. 617: δοῦπησεν δὲ πεσὼν (прежде упалъ, чѣмъ произвелъ стукъ); VI. 393: ἦλθε θεούσα: пришла прибѣжавши; VI. 247: ἀπέλοσε λαβὼν (ἄποινα). — Part. aor. при будущемъ главнаго глагола: II. I. 139: ἄξω ἐλὼν (=αἰρήσω καὶ ἄξω), V. 646: δηθέντα περήσειν; V. 653—654: δαμέντα δώσειν. Lys. II. 40: διήνεγκαν—ἐκλιπόντες, ἐμβάντες, ἀντιτάξαντες; 41: ἐπέδειξαν—νικήσαντες; Her. I. 132: διαμιστόλας—ἐψήρη; ὑποπάσας—ἔθηκε (aor. gnom. см. § 15. прим. 1);—

Хер. Анаб. III. 1. 6: ἐλθὼν—ἐκρήρατο; и Суг. I. 3. 17. (приведено въ примѣрахъ къ § 1 — 3: № 17) ἐκδύσας—ἡμφίβρασε и ἐνέδο, напротивъ: δικάζων ἔγνων. Такъ же: Суг. VIII. 4. 1. θύσας ἐστιῶν — ἐκάλυσε (приведен. тамъ же № 19).

Изъ полученнаго здѣсь вывода относительно греческихъ и русскихъ причастій видно, какой *счетъ можетъ вообще пролить сравненіе и сопоставленіе видовъ русскаго глагола со всеми формами греческихъ временъ на уясненіе значенія послѣднихъ.*

Э. Черный.

(Продолженіе будетъ.)

КЪ ВОПРОСУ О ГРЕЧЕСКИХЪ ГЛАГОЛЬНЫХЪ ФОРМАХЪ.

По поводу сочиненія *Георга Курціуса*: «Das Verbum der griechischen Sprache seinem Bau nach dargestellt». Erster Band (Leipzig, 1873).

О книгѣ Г. Курціуса я помѣстилъ рядъ замѣтокъ въ *Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*, XX, стр. 481—520 (*Mélanges Gréco-Romains* IV, стр. 1—57). На замѣчанія эти, Курціусъ въ изданныхъ имъ „*Studien zur Griechischen und Lateinischen Grammatik*“, томъ VIII, стр. 316—334, помѣстилъ возраженіе, о которомъ опять-таки я подробно говорилъ въ *Bulletin* XXI, стр. 148—169 (= *Mélanges Gréco-Romains* IV, стр. 58—89). Предполагая, что сочиненіе Курціуса и у насъ найдетъ многочисленныхъ читателей, и будучи убѣжденъ, что въ греческомъ языкѣ глаголъ составляетъ въ высшей степени трудную часть этимологии, такую часть, овладѣть которою вполне едвали кому удастся, я считаю не лишнимъ изложить здѣсь существенное содержаніе двухъ вышеупомянутыхъ моихъ сочиненій, причемъ, въ интересахъ читателей этого журнала, кое-что изъ прежде уже высказаннаго мною буду опускать, а иное подробнѣе пояснять или пополнять новымъ матеріаломъ. Замѣчу, наконецъ, что я нарочно обратилъ вниманіе только на ту сторону сочиненія Курціуса, о которой, на основаніи собственныхъ изслѣдованій, считаю себя призваннымъ высказать самостоятельное сужденіе.

Въ теченіе многихъ лѣтъ Г. Курціусъ усердно и не безуспѣшно старался сдѣлать доступными результаты сравнительной грамматики для такъ-называемыхъ классическихъ филологовъ, то-есть, для тѣхъ, которые ограничиваются изученіемъ греческаго и латинскаго языковъ или одного изъ нихъ: нельзя не быть ему благодарнымъ за это, ибо во многихъ случаяхъ лишь посредствомъ сравненія родственныхъ

языковъ можно составить вѣрное сужденіе объ извѣстныхъ явленіяхъ языка. Уже давно (1846 г.) избралъ онъ предметомъ спеціального изслѣдованія образованіе временъ и наклоненій въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, но въ упомянутомъ нами сочиненіи ограничивается лишь тѣмъ языкомъ, изученію коего онъ, по его словамъ, преимущественно посвятилъ себя. Цѣль его—представить въ извѣстной полнотѣ отдѣльныя явленія формъ греческаго глагола, не смущаясь тѣмъ неудобствомъ, что иные отдѣлы книги вслѣдствіе этого принимаютъ характеръ сборниковъ. Для правильнаго пониманія формъ языка (какъ справедливо замѣчаетъ Курціусъ на стр. IV) очень важно знать въ какомъ объемѣ и въ какихъ періодахъ литературы онѣ встрѣчаются. Списки греческихъ глагольныхъ формъ, составленные разными лицами, не пополнили пробѣла, по мнѣнію Курціуса, „вслѣдствіе того, что они были предприняты съ совершенно иныхъ точекъ зрѣнія“, а по моему мнѣнію, врядъ ли до сочиненія Вейча (Veitch) „Greek verbs irregular and defective“ была сдѣлана значительная попытка въ нѣкоторой полнотѣ и, опираясь на важнѣйшіе авторитеты, принести встрѣчающіяся въ литературѣ формы греческихъ глаголовъ.

Впрочемъ, съ цѣлью избѣжать легко возможнаго, но невѣрнаго предположенія, будто книгу Курціуса преимущественно слѣдуетъ рекомендовать тѣмъ, кто желаетъ убѣдиться, въ какомъ объемѣ и у какихъ писателей встрѣчаются извѣстные греческіе глаголы, мы замѣтимъ, что сообщаемое авторомъ объ этомъ предметѣ заимствовало имъ болѣею частью изъ упомянутой нами монографіи Англичанина Вейча, третье изданіе ¹⁾ коей, появившееся въ 1871 году въ Оксфордѣ, далеко превосходитъ, полнотою собраннаго матеріала, всѣ подобныя сборники. Къ сожалѣнію, Вейчъ, остановившись только на неправильныхъ и недостаточныхъ глаголахъ, нѣкоторые глаголы намѣренно не помѣстилъ въ своемъ алфавитномъ спискѣ, хотя въ греческомъ языкѣ каждый глаголь имѣлъ, такъ-сказать, свою особую судьбу и долженъ быть подвергнутъ особымъ наблюденіямъ, чтобы можно было знать, какія формы въ какое время и въ какомъ значеніи употреблялись. Вслѣдствіе этого, едвали могутъ быть разграничены глаголы правильные и неправильные, такъ какъ и полные и недостаточные, а потому существенно необходимо при такомъ сводѣ,

¹⁾ Четвертое изданіе, о которомъ на стр. IV говоритъ Курціусъ, еще не появилось.

каковъ данъ Вейчемъ, принимать въ расчетъ всѣ греческіе глаголы.

Съ своей точки зрѣнія, Курціусъ не считалъ нужнымъ сообщать особенности отдѣльныхъ греческихъ глаголовъ на столько, чтобы можно было, на основаніи его книги, считать познанія наши значительно разширенными по части тѣхъ глагольныхъ формъ, которыя были употреблены или избѣгаемы Греками въ извѣстныхъ эпохи или въ извѣстныхъ родахъ литературы. Такъ какъ Курціусъ посвятилъ себя сравнительному языкознанію, то, повидимому, корни и основы глаголовъ, также какъ и болѣе или менѣе старинныя формы, образовавшіяся изъ этихъ корней, или могуція изъ нихъ образоваться, занимаютъ его гораздо болѣе, чѣмъ законы или уклоненія языка, коимъ были подчинены отдѣльные глаголы въ теченіе того времени, отъ котораго дошли до насъ письменныя памятники.

Именно то въ греческихъ глаголахъ, что можетъ подлежать точному изслѣдованію и воишь заслуживаетъ подобаго изслѣдованія, разработано Курціусомъ далеко не съ надлежащею основательностью. Сомнѣваюсь поэтому, чтобы книга его была въ состояніи оказать существенныя услуги людямъ, спеціально занимающимся греческимъ языкомъ.

Если, на примѣръ, по поводу глаголовъ съ „скрытымъ $\sigma\omega$ “, стр. 281, мы читаемъ: „ $\dot{\epsilon}\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota$, von Homer an (N 256) gemisingrischisch. Vgl. Grundz. 3.654“, то указаніе, что буква χ въ словѣ $\dot{\epsilon}\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota$ произошла отъ $\sigma\chi$, можетъ быть весьма важно для занимающагося сравнительнымъ языкознаніемъ, но каждый эллинистъ съ полнымъ правомъ могъ бы ожидать, чтобы ему, по крайней мѣрѣ посредствомъ ссылки на примѣчаніе Эльмслея къ Eur. Heracl. 210, было пояснено здѣсь, что соотвѣтствующія изъявительному падеженію настоящаго времени производныя формы глагола $\dot{\epsilon}\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota$: Coni. $\dot{\epsilon}\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota$, Opt. $\dot{\epsilon}\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota\tau\upsilon$, Imper. $\dot{\epsilon}\rho\chi\omicron\upsilon$, Inf. $\dot{\epsilon}\rho\chi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$, Part. $\dot{\epsilon}\rho\chi\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$, Imperf. $\dot{\eta}\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota\tau\upsilon$, очень рѣдко попадаются у аттиковъ, а въ тѣхъ пемпогихъ мѣстахъ, гдѣ мы ихъ встрѣчаемъ, по всей вѣроятности онѣ произошли отъ искаженій текста. Дѣло въ томъ, что, по наблюденію Эльмслея, у аттиковъ формѣ Present. Ind. $\dot{\epsilon}\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota$ соотвѣтствуютъ слѣдующія формы: Coni. $\dot{\iota}\omega$, Opt. $\dot{\iota}\omicron\mu\alpha\iota$, Imp. $\dot{\iota}\theta\iota$, Inf. $\dot{\iota}\epsilon\nu\alpha\iota$, Part. $\dot{\iota}\omicron\nu$, Imperf. $\dot{\eta}\alpha$.

Тамъ, гдѣ у аттическаго писателя встрѣчается $\dot{\eta}\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota\tau\upsilon$, оно вездѣ происходитъ не отъ $\dot{\epsilon}\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota$, а отъ $\dot{\alpha}\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota$. Примѣры, приведенныя Эльмслеемъ, противорѣчающіе господствующему употребленію, можно было бы еще болѣе пополнить и притомъ такими, гдѣ уже самый

смыслъ свидѣтельствуеетъ противъ шокирующей формы, какъ на примѣръ: Plat. Leg. II, p. 654 E: ψυχῆς ἐν πόνοις ἐρχομένης; II. Stephanus возстановилъ здѣсь ἐχομένης, или Lys. 16, 19: μικρὸν διαλεγόμενοι καὶ κοσμίως περιερχόμενοι; въ этомъ мѣстѣ Добрѣ совершенно вѣрно замѣнилъ неслѣбноε περιερχόμενοι словомъ ἀμπεχόμενοι. Также и между мѣстами, приведенными Эльмслеемъ, нѣкоторыя, какъ можно доказать, принадлежатъ къ сомнительнымъ, на примѣръ: Thucyd. IV, 121, 1: ἰδίᾳ δὲ ἐταίνιουν τε καὶ προσήρχοντο ὥσπερ ἀθλητῆ. Класенъ, слѣдую Буттману, хочетъ форму προσήρχοντο произвести отъ προσάρχομαι, глагола въ высшей степени сомнительнаго; Кобетъ указываетъ на Pollux 3, 152: Ξενοφῶν γὰρ εἶρηκεν „ἐταίνιουν τε καὶ προσήσαν ὥσπερ ἀθλητῆ. На основаніи этой цитаты, мы можемъ признать, что у Фукидида рукописное προσήρχοντο должно быть замѣнено словомъ προσήσαν или скорѣе словомъ προσῆσαν, ибо лишь эта (произведенная отъ іоническаго ἦσαν) форма основывается на надежныхъ доказательствахъ.

Далѣе, на стр. 312, мы читаемъ: „πλήσσω, schon Od. σ 231, von da allgemein“; вмѣстѣ съ тѣмъ Курціусъ высказываетъ предположеніе, что корень этого глагола первоначально оканчивался не на γ, а на κ. Тутъ опять обойдена полнымъ молчаніемъ такая особенность глагола πλήσσω, которая, въ глазахъ каждаго изучающаго греческій языкъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Od. σ 231 мы читаемъ: ἐκ γὰρ με πλήσσοσαι παρήμενος ἄλλοθεν ἄλλος, то-есть, мы находимъ здѣсь не простой глаголь πλήσσω, а сложный ἐκπλήσσω. Простой глаголь πλήσσω (или πλήττω) въ Pfaes. и въ Imperf., какъ дѣйствительной такъ и страдательной формы, вообще не истрѣчается до Аристотеля. Поэтому грамматикъ Ріанъ очевидно заблуждался, предлагая, Od. ι 491, писать ἄλα πλήσσοντες вмѣсто ἄλα πρήσσοντες. Не болѣе основанія имѣлъ и Баумейстеръ, въ текстѣ своего спеціальнаго изданія Ватрахомиахин, поставить въ стихѣ 237 οὐ μ' ὀλίγον πλήσσει Μεριδάρπαξ тамъ, гдѣ въ рукописи читается οὐ μικρὸν (нѣкоторыя μικρά) με πλήσσει или οὐ μικρὸν μ' ἐπλήξε; смыслъ требуетъ ἐκπλήσσει (поэтомъ, можетъ быть, было написано: οὐ μικρ' ἐκπλήσσει). Не менѣе ошибочно было предположеніе Швейггейзера κοινῶσις πλήττειν относительно Аристофонта (Com. 3 p. 357) у Ath. VI p. 238 C. Наконецъ, ошибался и самъ Бентлей, желая, Ag. Vesp. 1490, рукописное πτήσσει Φρόνιχος обратить въ πλήσσει Φρόνιχος. Если Курціусъ обходитъ это молчаніемъ въ книгѣ о греческомъ глаголь, гдѣ отдѣльными явленіями языка должны быть разобраны съ до-

статочною полнотою, то это объясняется лишь тѣмъ, что онъ, какъ специалистъ по сравнительному языковеденію, писалъ для людей, занимающихся, подобно ему, этою наукою, мало принимая, въ одинаковой степени, въ соображеніе требованія классической филологіи.

Такъ какъ я не занимался сравнительнымъ языковеденіемъ, то и не берусь судить о достоинствахъ книги Курціуса. Рѣшаюсь, однако, разсмотрѣть нѣкоторые отдѣльные пункты первой части его книги о греческомъ глаголѣ, входящіе въ область моихъ спеціальныхъ изслѣдованій. Можетъ быть, нижеслѣдующія замѣчанія окажутся полезными для людей, желающихъ составить себѣ понятіе объ означенномъ трудѣ; во всякомъ случаѣ онѣ докажутъ, что изслѣдованія о греческомъ глаголѣ еще далеко не закончены. Въ замѣчаніяхъ своихъ я буду придерживаться порядка, въ которомъ расположенъ матеріалъ самимъ авторомъ.

На стр. 54 и сл. Курціусъ говоритъ, что ἐθέλεισθα или ἐθέλησθα у Теоокрита образовано совершенно одинаково какъ ἔχεισθα у Сапфо, но что оно должно быть скорѣе огнесено къ „невѣрнымъ изобрѣтеніямъ ученыхъ“. Затѣмъ, онъ продолжаетъ: „Letzteres gilt ohne Zweifel für gelegentlich in den Handschriften auftauchende Formen wie ἦσθας, οἶσθας, ersteres z. B. im Ven. A E 898, aber verworfen von Aristarch (Ariston. zu A 85 vgl. La Roche Homer. Textkritik 320 ff.). Dennoch hat Nauck (Westphal, Method. Gr. 1,103) dieser Formen sich wieder angenommen und sie sogar in den Euripides einzuführen gesucht. Um sie zu billigen, müsste man sich zu dem Grundsatz bekennen: credo quia absurdum est“. О попыткѣ моей внести въ текстъ Эврипида ἦσθας и οἶσθας Курціусъ узналъ изъ не точно цитированной имъ книги Вестфали, но, какъ видно, не заглянулъ въ мое сочиненіе подъ заглавіемъ Euripideische Studien II, стр. 71—74, гдѣ я подробно изложилъ руководившія мною соображенія, упоминая также и о томъ, что можетъ быть не безъ основанія возражено противъ этихъ формъ. Дѣйствительно, формы ἦσθας и οἶσθας мы должны считать неправильными или (какъ я выразился въ Eur. Studien) ошибками противъ языка; я и теперь твердо стою на томъ, что было высказано мною прежде, а именно, что каждый языкъ допускаетъ извѣстныя ошибки, то-есть, производитъ формы, нарушающія его законы, формы, которыя или основываются на недоразумѣніи или образовались по невѣрной аналогіи, словомъ формы, которыя берутъ верхъ надъ законами грамматики. Подтверждать это примѣрами считаю излишнимъ, ибо самъ Курціусъ въ разбираемой нами книгѣ не отри-

дасть извѣстныхъ заблужденій языка. Между тѣмъ формы ἦσθας и οἶσθας имѣютъ гораздо болѣе твердыя основы чѣмъ полагасть Курціусъ. Онѣ вовсе не встрѣчаются лишь изрѣдка въ рукописяхъ, но, съ одной стороны, для нихъ существуютъ прямыя свидѣтельства древнихъ грамматиковъ ¹⁾, а съ другой во многихъ мѣстахъ рукописей существуютъ для нихъ какъ прямыя, такъ и косвенныя доказательства (рѣже для ἦσθας, гораздо чаще для οἶσθας). На эти, указанные мною въ Eur. Studien факты, Курціусъ не могъ обратить вниманія только потому, что почти ничего не зналъ о нихъ. Только обезсиливъ приведенные мною доводы за ἦσθας и οἶσθας, онъ можетъ упрекнуть меня въ томъ, что я легко отношусь къ свидѣтельствамъ древнихъ грамматиковъ; если же ему это не удастся, то ему предстоитъ или открыто или тайнѣ признаться въ своей опрометчивости ²⁾.

На стр. 78 мы читаемъ слѣдующее, въ разныхъ отношеніяхъ весьма характеристичное для Курціуса мѣсто:

„Nauck und Cobet sind nach ihrer Art geneigt jeden für einen Schwachkopf zu halten, der ihnen nicht sofort zugibt, dass die 2 Du. auf τον oder σθον ein reiner Schwindel, pure Erfindung jener viel gescholtenen Alexandriner sei, auf deren Dummheit zu schelten vielen Philologen noch immer als Grossthat erscheint, während sie doch andererseits nicht aufhören fortwährend die gesammte griechische Sprache nur durch Alexandrinische Brillen zu betrachten“. И тамъ же: „Es ist dies nicht der einzige Fall, in welchem die weitere Umschau der neueren Sprachwissenschaft die Lehren der Alexandriner bestätigt und die mit unzureichendem Material und ohne jede Rücksicht auf den Bau der Sprache aufgestellten, wenn auch noch so zu-

¹⁾ Сравни Eust. Od. p. 1773,27: τὸ δὲ «οἶσθα γὰρ οἶος θυμός» ἐλέγχει Ζηνόδοτον καὶ τοὺς κατ' αὐτὸν κακῶς γράφοντας τὸ οἶσθας παρὰ τῷ ποιητῇ· ἐν τέλει μὲν γὰρ στίχου ἢ καὶ ἐπιφορᾷ φωνήεντος εἶη ἂν γενέσθαι συγχωρηθεῖσαν τοιαύτην γραφὴν, ἐνταῦθα δὲ οὐκ ἂν γένοιτο διὰ τὸ καχομέτρητον. Αἴλιος μέντοι Διονόσιος γράφει: οἶσθα καὶ τὸ οἶσθας ἄμφω Ἑλληνικά (лучше Ἀττικά, какъ уже замѣчено Пирсономъ [Pierson]), καθὰ καὶ ἦσθα καὶ ἦσθας. Ἐπαξ δὲ, φασί, παρ' Ὀμήρῳ τὸ οἶσθα ἐν τῷ (Od. α 337) «πολλὰ γὰρ ἄλλα βροτῶν θελκτῆρια οἶσθας». Phot. Lex. p. 323, 18 и Свиды: οἶσθα· ἀντὶ τοῦ οἶσθας. λέγεται καὶ χωρὶς τοῦ Σ. μετὰ δὲ τοῦ Σ ποτὲ ἢ διὰ μέτρον ἢ διὰ τὸ μὴ συγχροῦσαι φωνήεντα. Γезиχій: οἶσθας· οἶσθας, ἐκατέρως Ἀττικοί. Choroeb. in Theod. p. 592,21: εὔρηται δὲ καὶ μετὰ τοῦ Σ οἶσθας, ὡς παρὰ Κρατινῶ ἐν Μαλθακοῖς.

²⁾ Въ своемъ возраженіи Курціусъ ни единымъ словомъ не затрогиваетъ этого вопроса; изъ чего, кажется, слѣдуетъ заключить, что онъ не могъ опровергнуть имѣющіяся для ἦσθας и οἶσθας свидѣтельства.

versichtlichen Urtheile neuerer Kritiker widerlegt und in welchem die vergleichende Grammatik selbst für die Texteskritik sich nicht unfruchtbar erwiesen hat“. Что сравнительная грамматика для критики текста древнѣйшихъ греческихъ поэтовъ—предметъ большой важности, это для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю, и еще прежде, до появленiя книги Курциуса о греческомъ глаголѣ, высказывался и въ этомъ смыслѣ ¹⁾). Кто не раздѣляетъ со мной такого мнѣнiя (сюда надо причислить, конечно, большинство исключительно классическихъ филологовъ), тому остается мнѣ лишь рекомендовать основательное изслѣдованiе Лео Мейера. Благодаря этому ученому, мы знаемъ, что невозможны формы въ родѣ αἰτιῶνται; до него объясняли ихъ, придерживаясь александрийскихъ грамматиковъ, на основанiи слитныхъ формъ какъ αἰτιῶνται, утверждая что ω растягивается въ οω; именно Мейеръ сдѣлалъ крайне вѣроятнымъ, что вмѣсто αἰτιῶνται слѣдуетъ скорѣе писать αἰτιῶνται, форму, занимающую середину между αἰτιῶνται и αἰτιῶνται, подобно тому какъ σός обратилось сперва въ σός, а потомъ (уже послѣ Гомера) въ σός ²⁾). Объ

¹⁾ Ср. *Bulletin* XVII стр. 180 сл.—*Mélanges Gréco-Romains*, III, стр. 209 сл.: «Hunderte von Fehlern, welche die Kurzsichtigkeit der Alexandrinischen Grammatiker in den Homerischen Text gebracht hat, können erkannt und geheilt worden nicht durch Vergleichung von so und so viel Homerischen Handschriften, nicht aus Homerischen Citaten bei griechischen und römischen Schriftstellern, nicht von den in Alexandrinischen und Byzantinischen Vorurtheilen aufgewachsenen zünftigen Philologen, sondern einzig und allein auf Grund der Erfahrungen und der Methode, welche durch die Sprachvergleichung uns geboten werden».

²⁾ Если бы вообще была возможна форма αἰτιῶνται вмѣсто αἰτιῶνται, то слѣдовало бы ожидать (о чемъ я говорилъ уже въ предисловіи къ *Odyss.* I p. XIV) вмѣсто αἰτιῶμαι такимъ же образомъ αἰτιῶμαι, форму, нигдѣ не встрѣчающуюся. Дѣйствительно позднѣйшіе поэты обращали иногда первоначальное αἰται или αἰται въ αἰται или αἰται. Ср. *Orac. Sibyll.* 5, 125: ὅσα σοι κακὰ μηχανάται πόντος ἀπ' αὐτομάτου ἐπιβάς. 5, 171: οὐκ ἔγνωσ τί θεός δύναται, τί δὲ μηχανάται. *Orphic.* fr. 2, 12: οὐδέ τις αὐτὸν εἰσοράα ψυχῶν θνητῶν, κῆ δ' εἰσοράαται. *Orphian.* *Cyng.* 3, 67: εἶδα δ' ἀμφοτέροισιν ὁμοία δαιδάλλονται νόσφι μόνης οὐρῆς: ἧ δ' ἔμπαλιν εἰσοράαται. *Tzetz.* *Hom.* 372: ὠχρίων δ' ὀράαται: ὑπαὶ νεφῶν ἐριδούπων. *Nicanter Alex.* 221: ὡς ὁ νόου λύσση ἐσφαλμένα βρυχανάαται. — *Secundus Anth.* *Pal.* 9, 301: τίπτε τὸν ὀχρητὴν βραδύπουον ὄνον ἄμμιγ' ἐν ἵπποις γυρὸν ἀλωειναῖς ἐξελάατε δρόμον; *Quint. Smyrn.* 1, 420: ἧ οὐχ ὀράαται γυναῖκα μέγ' αἰζῶν προφέρουσαν ἀγχεμάχων. Такія протяженiя мы должны называть ошибочными; онѣ опирались бы на очень сильный авторитетъ, если бы въ новѣйшихъ изданiяхъ (Шёманна, Кёхли-Кинкеля и Флаха) правильно стояло господствующее чтенiе у Гезиода *Op.* 241:

этихъ чрезвычайно важныхъ своихъ открытіяхъ Лео Мейеръ говоритъ очень скромно, не выставляя на видъ классическимъ филологамъ „болѣе обширныхъ взглядовъ новѣйшей науки о языкѣ“, и я полагаю, что какъ классическіе филологи настоящаго времени имѣютъ полное основаніе учиться у занимающихся сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, такъ и эти послѣдніе не должны были бы забывать, чѣмъ обязаны они трудолюбію своихъ товарищей филологовъ. Безъ сомнѣнія еще многія унаслѣдованныя нами отъ александрійскихъ грамматиковъ ошибки будутъ устранены при дальнѣйшемъ развитіи сравнительнаго языкознанія; напротивъ, очень рѣдко будетъ случаться, что эта наука будетъ защищать противъ новѣйшихъ критиковъ ученія, преподаваемыя александрійскими грамматиками на основаніи крайне неудовлетворительнаго знанія одного только языка. А что и теперь еще многіе филологи считаютъ великимъ подвигомъ порицать тупоміе Александрійцевъ, этого я не могу не оспаривать. Напротивъ, между классическими филологами съ давнихъ поръ и до сего времени было очень мало такихъ, которые къ ученіямъ александрійскихъ грамматиковъ относились бы недовѣрчиво или скептически.—Большая часть ихъ черезъ чуръ мало обращала вниманіе на изученіе греческихъ грамматиковъ; рѣдкіе между ними, внимательно относившіеся къ этой отрасли литературы, почти безъ исключенія превозносили лишь свѣтлыя стороны Александрійцевъ, не видя ихъ ошибокъ или памфлетно о нихъ умалчивая. Если же нѣкоторые филологи утверждаютъ, что у Александрійцевъ много ошибокъ, то это еще не есть порицаніе; было бы несправедливо требовать, чтобы Александрійцы не впадали ни въ какія заблужденія въ попыткахъ своихъ изучить непонятный для нихъ во многихъ отношеніяхъ языкъ; поэтому ошибки ихъ извинительны. Но снисходительность къ нимъ не должна прости-

Πολλάκι καὶ ἑμπασα πόλις κακοῦ ἀνδρὸς ἀπήυρα,
Ὅστις ἀλιτρίνει καὶ ἀτίεθαλα μηχανάται.

По всему вѣроятію этимъ мѣстомъ были вызваны вышеприведенныя ошибочныя протяженія подобно тому, какъ ученые поэты обыкновенно механически употребляли въ своихъ поэмахъ невѣрно сохранявшіяся формы. Ораторъ Эсхинъ, *Περὶ παραπρεσβείας* § 158, цитируетъ вышеприведенный стихъ Гезіода въ слѣдующемъ видѣ:

ὅς κεν ἀλιτρίνῃ καὶ ἀτίεθαλα μηχανάται.

Если повтой цитатѣ мы съ Геттлингомъ возстановимъ у Гезіода сослагательное наклоненіе, то протяженіе предпоследняго слога въ *μηχανάται* (вмѣсто *μηχανήται*) будетъ вполне оправдано.

раться такъ далеко, чтобы одобрять ихъ промахи или слѣпо подражать имъ. На это указываетъ также и Курциусъ, утверждая, что многіе филологи „не перестаютъ смотрѣть на греческій языкъ только сквозь очки Александрійцевъ“. Помимо содержащагося въ этихъ словахъ преувеличенія, совершенно вѣрно, что мы на каждомъ шагу сознательно и бессознательно находимся въ зависимости отъ Александрійцевъ, часто весьма основательно придерживаемся ихъ, но не рѣдко также даемъ себя обманывать ихъ ложными теоріями.

Было бы съ другой стороны большимъ самообольщеніемъ, если бы Курциусъ вообразилъ, что свѣтомъ сравнительнаго языковѣдѣнія онъ застраховалъ себя отъ соблазна подобныхъ теорій: вообще всѣ мы должны забыть многое изъ заимствованнаго нами отъ Александрійцевъ ¹⁾.

¹⁾ Мнѣ казалось цѣлесообразнымъ повторить здѣсь вышеизложенное, несмотря на то или именно потому что Курциусъ въ возраженіи своемъ (стр. 324) утверждаетъ, будто я совсемъ не понималъ его и будто его порицанію имѣло другой смыслъ: «Mit den Alexandrinischen Brillen meinte ich, was bei einigem Nachdenken sich leicht erkennen liess, nicht im entferntesten die Abhängigkeit unserer Kenntniss des Griechischen von der gelehrten Arbeit eines Aristophanes, Aristarch und ihrer Nachfolger, die anzufechten mir nicht in den Sinn kommt, sondern die Anschauungsweise dieser Männer, ihre Meinungen über die Sprachformen und deren Verhältniss zu einander u. s. w., kurz die rein theoretische Seite der antiken Grammatik»; что объясняется слѣдующимъ перечисленіемъ: «völlig sinnlose Ausdrücke, die uns von namhaften Gelehrten fortwährend aufgetischt werden, wie synkopirter Aorist, aufgelöste Formen, verkürzte Formen der 3. Plur. (z. B.—εν neben—ῆσαν) oder der Perfecta und Plusquamperfecta (ἔστασι, ἔστασαν), aeolisches Digamma, εἰ als Bindevocal des Plusquamperfects». Стало бытъ, только исключительно или преимущественно извѣстные термины возбуждаютъ неудовольствіе въ Курциусѣ? Странно, ибо терминъ вещь не важная. Терминологія и другихъ наукъ во многихъ случаяхъ бессмысленна; такъ напримѣръ, астрономы гонорятъ о восходѣ и заходѣ солнца, несмотря на то, что выраженія эти вовсе не соответствуютъ сущности дѣла. Неудовлетворительность нашихъ грамматическихъ терминовъ простирается гораздо далѣе, чѣмъ полагаетъ Курциусъ; онъ совершенно справедливо не одобряетъ выраженія «волическая» дигамма, ибо звукъ, называемый волическимъ, отнюдь не принадлежитъ лишь одному волическому нарѣчію; но развѣ названіе «дигамма», безпрестанно употребляемое Курциусомъ, не столь же бессмысленно, какъ если бы кто вмѣсто *Mu* вздумалъ бы употребить названіе *Dilabda*. Съ какой стати вообще вздумалъ говорить Курциусъ о грамматической терминологіи, когда дѣло идетъ вовсе не объ ѳонѣ, а о нѣкоторыхъ формахъ двойственного числа греческаго глагола? Зачѣмъ не выразился онъ яснѣе о не правящейся ему грамматической терминологіи? Зачѣмъ употребилъ такое выраженіе, которое нельзя было понять иначе какъ я его понималъ? Наша грама-

Перехожу наконецъ къ спорному вопросу, которымъ и было вызвано упомянутое выше разсужденіе Курціуса, и къ моему взгляду на этотъ вопросъ. Въ своемъ сочиненіи, Eur. Studien II, стр. 57, я сказалъ, что Эльмслеи сдѣлалъ очень вѣроятнымъ то, что у аттиковъ второе и третье лицо двойственнаго числа дѣйствительнаго залога въ изъявительномъ наклоненіи историческихъ временъ имѣли одно и то же окончаніе $\tau\upsilon$. Я вовсе не требовалъ, чтобы съ этимъ тотчасъ же или вообще согласились, и не употребилъ ни одного выраженія, по которому можно было бы заключить, что всякаго не соглашающагося съ мнѣніемъ Эльмслея считаю „тупоумнымъ“; не встрѣчается умска и ни малѣйшаго порицанія какого-либо александрійскаго грамматика. Изъ этого можно видѣть, какъ странно истолковываетъ Курціусъ мои слова. Данныя, приведенныя Эльмслеемъ для подтвержденія его взгляда, достаточно извѣстны. Грамматиками $\epsilon\acute{\iota}\chi\epsilon\tau\omicron\nu$ считается за второе, а $\epsilon\acute{\iota}\chi\epsilon\tau\upsilon$ за третье лицо двойственнаго числа, между тѣмъ какъ изъ аттическихъ поэтовъ видно, что и второе лицо также гласило $\epsilon\acute{\iota}\chi\epsilon\tau\upsilon$, ибо сохранившееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окончаніе втораго лица у поэтовъ оправдывается разбѣромъ. Съ другой стороны, въ пользу $\epsilon\acute{\iota}\chi\epsilon\tau\omicron\nu$ говоритъ лишь колебаніе нашихъ рукописей, которыя въ подобнаго рода вопросахъ врядъ ли могутъ имѣть рѣшительное значеніе. Большая часть новѣйшихъ критиковъ присоедилилась къ воззрѣнію Эльмслея. Если Курціусъ полагаетъ, что $\omicron\nu$ не должно быть измѣнено потому только, что за него говоритъ большинство сохранившихся мѣстъ, то онъ прибѣгаетъ къ совершенно неумѣстному приему, а именно указываетъ на количество доказательствъ, вмѣсто того чтобы взвѣшивать ихъ качество. Воззрѣніе свое въ концѣ концовъ онъ формулируетъ такъ: „въ двухъ различныхъ періодахъ Греки колебались относительно употребленія формъ двойственнаго числа, а именно въ

.....

.....
 греческая терминологія по большей части заимствована изъ латинскаго языка; а греческіе термины, переведенные латинскими грамматиками, происходят по большей части отъ стоическихъ философовъ, то-есть, возникли еще до Аристофана Византійскаго, слѣдовательно слишкомъ странно утверждать, что употребляя обыкновенные грамматическіе термины, мы «смотримъ на греческій языкъ черезъ очки Александрійцевъ». Наконецъ, хотя мы и знаемъ кое-что объ эвдегической и критической дѣятельности Аристофана Византійскаго и Аристарха, однако никто еще доселѣ не выяснилъ, сколько намъ извѣстно, «воззрѣній ихъ на формы языка и отношенія ихъ другъ къ другу». «Чисто теоретическая сторона грамматики» у древнѣйшихъ александрійскихъ ученыхъ кажется мало была развита, или же мы очень мало знаемъ о томъ, что Аристофанъ Византійскій и Аристархъ сдѣлали для чисто теоретической стороны грамматики.

болѣе раннее время перевѣсь имѣло окончаніе *τον*, а въ аттическомъ варіантѣ сдѣлавшееся неизмѣннымъ закономъ различіе второстепенныхъ формъ отъ первостепенныхъ въ 3-мъ лицѣ двойственного числа произвело то, что подобное же различіе ошибочно допускали также и во 2-мъ лицѣ двойственного числа“. Стало быть 2-е лицо двойственного числа въ историческихъ временахъ оканчивается то на *τον*, то на *την*, такъ какъ оба окончанія встрѣчаются въ рукописяхъ и такъ какъ Греки сами не знали, которое изъ нихъ вѣрно? Если сравнительное языкованіе приводитъ лишь къ подобнымъ выводамъ, то нельзя сказать, чтобы оно въ данномъ случаѣ много подвинуло насъ впередъ.

Невѣрныя образованія позднѣйшаго греческаго языка, *παπριμῆρ*, *καυχᾶσαι*, *κοιμᾶσαι*, *πλανᾶσαι* вмѣсто *καυχᾶ*, *κοιμᾶ*, *πλανᾶ*, о которыхъ трактовалъ Контосъ въ *Δόγιος Ἐρμῆς* I стр. 14, Курціусъ (стр. 86) хочетъ также приписать аттической комедіи, ссылаясь на *Antiatt.* p. 98, 28: *ἡχροᾶσο* ἀντὶ τοῦ ἡχροῶ. *Ἀντιφάνης Ἐπιδῶροφ.* Это мѣсто лишено всякой доказательной силы, ибо ничто не мѣшаетъ намъ предположить, что Антифанъ употребилъ *Plusquamperf.* *ἡχροᾶσο*, принятое грамматиками за *Imperf.* и вслѣдствіе того получившее невѣрное удареніе. Въ пользу такого объясненія уже прежде высказался Кобетъ, V. L. p. 325, ср. *Meincke Com. V* p. CLXV. Что же касается другаго замѣчанія у *Antiatt.* p. 77, 22: *ἄχροᾶσαι* οὐ ἀντὶ τοῦ *ἄχροᾶ* ἢ *ἄχροῦσαι*, я ничего не могу сказать относительно его; вѣроятно однако, что и здѣсь дѣло въ ошибкахъ какого нибудь грамматика.

На стр. 97 и сл. Курціусъ разсуждаетъ о первомъ лицѣ двойственного числа среднего залога. Для этого лица, какъ уже замѣтилъ Эльмслей, отъ эпохи доалександрійской сохранилось не болѣе трехъ примѣровъ съ окончаніемъ *μεθον*, а именно *περιδῶμεθον*, II. Ψ 485, *λελείμεθον* *Soph. El.* 950, *ὀρμῶμεθον* *Soph. Phil.* 1079. Всѣ эти примѣры таковы, что стихъ допускаетъ также *περιδῶμεθα*, *λελείμεθα*, *ὀρμῶμεθα*, на основаніи чего Эльмслей сомнѣвается, существовало ли окончаніе двойственного числа *μεθον* у древнихъ Грековъ. Иначе судить Курціусъ, который по поводу означеннаго вопроса создаетъ новый критическій приѣмъ (стр. 98): „vernünftige Kritik wird in singulären Formen, wenn sie nicht gegen die Analogie sind, immer geneigt sein etwas alterthümliches zu erblicken“. О справедливости этого принципа мы спорить не будемъ, тѣмъ болѣе что Курціусъ не счелъ за нужное упомянуть, какой аналогіи слѣдуетъ окончаніе *μεθον*. Если же мы возьмемъ во вниманіе свидѣтельство трехъ упомянутыхъ

мѣсть, то оказывается, что въ каждомъ изъ нихъ окончаніе *μεδον* сомнительно: II. Ψ 485 существуетъ древній вариантъ *περιδόμεδα* (такъ Schol. Ar. Ach. 771. Eq. 791. Nub. 644. Hesych. s. v. *δαῖρο*), EI. 950 въ Мюнхенской рукописи стоитъ *λελαίμεδα*, Phil. 1079 *ὀρμώμεδα* въ одной Флорентинской рукописи. Сужденіе объ этихъ двухъ мѣстахъ, встрѣчающихся у Софокла, связано съ вопросомъ, составляетъ ли *codex Laurentianus A* единственный источникъ текста Софокла. Этотъ вопросъ интересуеетъ меня уже много лѣтъ и я считаю себя въ правѣ, на основаніи внимательнаго изслѣдованія, утверждать, что при критикѣ текста Софокла не слѣдуетъ руководиться только упомянутою рукописью ¹⁾. Поэтому я и не могу не утверждать, что для двойственнаго окончанія *μεδον* не сохранилось ни одного надежнаго свидѣтельства отъ доалександрійской эпохи. Вслѣдствіе всего этого по моему мнѣнію критика „благоразумная“, то-есть, осторожная и принимающая лишь то, что основано на надежныхъ свидѣтельствахъ, должна высказаться за окончаніе *μεδα* въ трехъ вышеозначенныхъ мѣстахъ; окончаніе же *μεδον*, какъ не достаточно подтвержденное, она до поры до времени не можетъ допустить. Это подкрѣпляется еще однимъ чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ, на которое, какъ я вижу къ удивленію своему, Курциусъ вовсе не обратилъ вниманія, а потому я невольно упоминаю о немъ, хотя и неохотно касаюсь чуждаго мнѣ поприща. Въ санскритскомъ языкѣ между окончаніями 1-го лица двойственнаго числа и 1-го лица мпожественнаго числа существуетъ разница; но разница эта такого рода, что въ греческомъ она исчезаетъ; въ греческомъ выходитъ одно и то же окончаніе для обоихъ чиселъ, а именно окончаніе *μεδα*. Стало быть выводъ, къ которому пришелъ Эльмслей, не зная санскритскаго языка, единственно на основаніи старательнаго изученія греческихъ писателей,—а именно, что окончаніе *μεδον* есть изобрѣтеніе александрійскихъ грамматиковъ,—поразительнымъ образомъ подтверждается и сравнительнымъ языковеденіемъ, ибо сомнительное для Эльмслея окончаніе *μεδον* на основаніи санскритскаго языка оказывается невозможнымъ. Если возникнетъ при этомъ вопросъ, какимъ же образомъ могло быть придумано окончаніе *μεδον*, то мнѣ невозможно дать удовлетворительный на него отвѣтъ. Достоверно только, что ошибка первоначально сдѣланная лишь въ одномъ мѣстѣ, позднѣе, по составленіи ошибочной

¹⁾ Главнѣйшія основанія, на которыхъ основывается мое мнѣніе, я развилъ въ *Jahrb. f. Philol.* 1862, стр. 160—171.

парадигмы глагола, совершенно произвольно была перенесена и на пѣкоторые другія, точно также какъ и повѣншіе ученые хотѣли приписать посредствомъ копѣктуры нѣкоторымъ древнимъ поэтамъ ни на чемъ не основанное окончаніе μέθον ¹⁾.

На стр. 130 Курціусъ говоритъ о глаголахъ, начинающихся съ буквы υ: „Von Verben mit υ gibt es in den Homerischen Gedichten nicht ein einziges Beispiel einer augmentirten Form, auch in der spä-teren Sprache muss man sie mit der Laterne suchen. Nur zwei sichere weiss ich vorzubringen: Aesch. Prom. 558 καὶ λέχος σὸν ὑμεναίου, Anthol. VI. 265 Νοσίδος ὕφανευ Θεοφιλὶς ἂ Κλεόχας. Denn ὕβριζες Eur. Tro. 1020 kann nicht mitzählen, da auch das Stammwort ὕβρις bisweilen mit langer erster Silbe vorkommt“. Съ мнѣніемъ, будто у Эврипида, Tro. 1020: ἐν τοῖς Ἀλεξάνδρου γὰρ ὕβριζες δόμοις, форму ὕβριζες можно признать за форму, лишенную приращенія, и готовъ согласиться, если Курціусъ укажетъ соотвѣтствующія формы изъ трагедіи или комедіи, гдѣ υ первого слога коротко ²⁾. Однако подобное указаніе наврядъ ли ему удастся, ибо глаголы, начинающіеся съ υ, относительно приращенія никакъ не занимаютъ исключительнаго мѣста и во всѣхъ этихъ глаголахъ приращеніе не встрѣчается только у тѣхъ поэтовъ, которые вообще опускаютъ его. Между многочисленными примѣрами формъ глагола ὕβριζω, имѣющихъ приращеніе, о которыхъ Курціусъ могъ бы и долженъ былъ бы упомянуть (у одного лишь Эврипида находится ихъ по крайней мѣрѣ двѣнадцать), начальная гласная даже тамъ, гдѣ размѣръ этого не допускаетъ, всегда долга съ тою же точно необходимостью какъ первый слогъ въ формахъ ἤχθετο или ἤγευ. То же самое можно сказать и о формахъ ὕφρηα у Эврипида и Аристофана, ὕφασμένος у Антифана, ὕμνησα и ὕμνησα у Эукидида, ὕβριζει у Демосеена, и о др. Начальная гласная въ ὕβριζω и въ

¹⁾ Сюда относится все то, что упоминаетъ Эльмслей, (ad. Ag. Ach. 733) «in Ag. Plut 447 contra omnes libros, quantum scimus, post ἀπολιπόντε Fracinus φουξοῦμεθον invexit». II. K. 70 Бентлей хотѣлъ поставить αὐτῶ περ ποσειδέων. Soph. Oed. R. 1055 требовалъ Морицъ Шмидтъ (Philol. XVII стр. 415) ἐφίρεσθον. Само собою разумѣется, ни одно изъ этихъ измѣненій я одобрить не могу.

²⁾ Единственное мѣсто, которое могло бы быть припедено въ пользу этого, находится, сколько мнѣ извѣстно, у Eur. Iph. Taur. 54: τριῶσ' ὕβρινον αὐτόν. Такъ читается въ рукописяхъ; впрочемъ, уже прежде Мусгрэвъ сдѣлалъ здѣсь слѣдующую поправку: τριῶσ' ὕβρινεῖν αὐτόν (гдѣ Inf. ὕβρινεῖν соотвѣтствуетъ предшествующимъ формамъ χαθεῖναι λαθεῖν), и всѣ новѣйшіе издатели справедливо одобрили емеңдацію Мусгрэва, предполагая, что при рукописномъ чтеніи ὕβρινον слѣдовало бы допустить ошибочный спондей во второй стопѣ стиха.

ὄβρισα у аттиковъ различаются точно также, какъ въ ἐλπίσω и въ ἤλπισα или въ ὀτρύνω и въ ᾤτρωνα. Что при Е и О для обозначенія краткости и долготы гласной употребляются различные знаки, не имѣетъ значенія, какъ можно убѣдиться уже изъ того, что короткое и долгое Е также какъ и короткое и долгое О писались прежде у Грековъ одинаково, не смотря на различное произношеніе. Впрочемъ, хотя доселѣ мнѣ и не приходила мысль наблюдать, какъ часто короткое о дѣлается долгимъ вслѣдствіе приращенія, однако я могу къ двумъ указаннымъ Курціусомъ примѣрамъ прибавить еще нѣсколько другихъ. Ag. Lys. 400: αἱ τὰλλα θ' ὄβριχαι καὶ τῶν καλπίδων. Men. Com. 4 p. 182: νῦν πῖθι, νῦν ἀφύβρισον. ἦν ἀφύβριχα ¹⁾. Com. anop. 4 p. 684: οὐχ ὑγίαινε, δέσποτ' ἐκ μὲν γὰρ κόπου. Ag. Vesp. 1502: θρασυτα καὶ μεθύση τις ὀλάχτει κοῦον. Batrachom. 182: πέπλον μου κατέτρωξαν, δὴ ἐξόφρηκα καροῦσα. Men. Com. 4 p. 111: αὐτῆ συνόφαινε ῥοπαρῶς διακαμένη. Ammianus Anth. Pal. 11, 14: ἦν οὐδεὶς ὄφηνεν, ἀπέπρισε δ', ἡ πελεκήσας. Arethas Anth. Pal. 15, 32: ἡμετέρης ἔνθ' ὄφηνον γενετῆρας ἄπασι (гдѣ слѣдуетъ ὄφηνον измѣнить въ ὄφηναν). Чѣмъ же объяснить, что Курціусъ, хотя и „искалъ съ фонаремъ“, не примѣтилъ ни одного изъ этихъ мѣстъ?

На стр. 135 мы читаемъ, что отращеніе къ тяжелымъ двугласнымъ вызвало даже у аттиковъ такія формы какъ αἰαινον, εἰχαζον (рядомъ съ ἦχαζον), εῦρον; здѣсь же помѣщено примѣчаніе: „Vgl. Lobeck ad Phryn. p. 140 und gegen Elmsley's pedantische Gleichmacherei (ad Med. 190) ad Ai. v. 120. Zu diesem Verse bemerkt Dindorf, dass das Augment in εῦρον dem La. des Sophokles völlig fremd sei. Epigraphi-

¹⁾ Чтобы никто не подумалъ, что у Ag. Lys. 400 и Men. Com. 4, p. 182 долгое о въ ὄβριχαι и въ ἀφύβριχα можетъ быть обусловлено послѣдующими согласными, я замѣчу, что въ такихъ формахъ какъ ὄβρις или ὄβριςω о у трагиковъ составляетъ обоюдный слогъ, между тѣмъ какъ въ комедіи оно можетъ быть лишь короткимъ, если не пародируются слова какого нибудь изъ прежнихъ повтовъ. Впрочемъ, Курціусъ не считаетъ ὄβριχαι у Аристофана и ἀφύβριχα у Менандра примѣрами доказывающими удлинненіе короткаго о посредствомъ приращенія, ибо «Perfect не имѣетъ ничего общаго съ приращеніемъ» (возраженіе стр. 325). Но въ ὄβριςω о подвергается въ Perfect. во всякомъ случаѣ совершенно такому же измѣненію какъ и въ Imperf. и Ind. Aor.; подобное же отношеніе бываетъ при большей части глаголовъ, начинающихся съ гласной и при нѣкоторыхъ, начинающихся съ согласной. Вслѣдствіе этого, кажется, Perf. все таки имѣетъ нѣчто общее съ приращеніемъ, и самъ Курціусъ въ Griech. Verbum I, стр. 114 — 126, въ томъ мѣстѣ, гдѣ трактуетъ о приращеніи, почти вездѣ приводилъ Perf., какъ скоро представлялся къ тому случай.

ches Material bietet Wecklein *Surae epigraphicae* 33". Эльмслей былъ, какъ извѣстно, первокласснымъ критикомъ, знатокомъ аттицизма, какого наврядъ ли можно найти, наконецъ, самымъ тонкимъ и внимательнымъ изслѣдователемъ между всѣми филологами, когда либо занимавшимися греческою литературой. Что онъ исполнилъ вѣрно высказался противъ формы *εἶρον* у Софокла и у Эврипида, съ этимъ согласенъ Дипдорфъ, согласенъ также и я. Авторитетъ кодекса *L.* касательно Софокла маловаженъ при выборѣ между *εἶρον* и *ἡῖρον*. Указаніе на *Lob. ad Phryn.* стр. 140 и *ad Soph. Ai.* 120 не имѣетъ рѣшительно никакого значенія, ибо Лобекъ говоритъ только о колебаніи рукописей между *εἶρον* и *ἡῖρον*, но не приводитъ ничего, что могло бы рекомендовать ту или другую форму. Рѣшеніе вопроса зависитъ исключительно отъ неискаженныхъ свидѣтельствъ, то-есть, надписей. Вмѣсто того, чтобы оборотомъ: „*Epigraphisches Material bietet Wecklein*“ скрыть выработанныя наукою данныя, Курціусу слѣдовало бы сказать, что на основаніи до сихъ поръ извѣстныхъ аттическихъ надписей, мы не можемъ вмѣстѣ съ Эльмслеемъ не считать не аттическими такія формы какъ *εἶρον*, *εἶρηαι* и т. д. Веклейнъ, по крайней мѣрѣ, пришелъ къ слѣдующему результату: „*nulla potest esse dubitatio quin veteres Attici in εἰρίζω et similibus verbis auctam formam, certe usque ad Olym. 106, adhibuerint*“. Неужели слѣдуетъ видѣть только „*pedantische Gleichmacherei*“ въ стараніяхъ нашихъ найти въ надежныхъ источникахъ такія данныя, которыя служили бы противовѣсомъ господствующему въ рукописяхъ производу?

О нѣкоторыхъ формахъ глагола *εἶμι* мы находимъ у Курціуса чрезвычайно странныя сужденія. На стр. 146 и сл. онъ говоритъ: „*Das aus εἰμένυ oder zunächst wohl aus einem vorauszusetzenden aeolisirenden *εἰμνυ verkürzte εἰμένυ kennt Herodian (περὶ ῥων. λέξ. II 930 Lenz) und belegt es mit einer anderweitig dem Kallimachos beigelegten Stelle. Dennoch will man es trotz guter Ueberlieferung und durchaus befriedigendem Sinn Soph. El. 21 jetzt nicht dulden. Mir scheint das thörichte Gleichmacherei zu sein*“. Я не въ состояніи отыскать въ этихъ словахъ ничего такого, что могло бы служить оправданіемъ формы *εἰμένυ* у Софокла, ибо злоупотребленіе, допущенное Каллимахомъ, ничего не доказываетъ относительно Софокла, а свидѣтельство Геродіана, приводящаго только *εἰμένυ* изъ Каллимаха, а не изъ Софокла, говоритъ не за, а противъ сохранившагося чтенія въ *El. 21*. Что подразумѣваетъ Курціусъ подъ „*gute Ueberlieferung*“, я не понимаю; если онъ полагаетъ что въ *Laur. A.* или въ какой либо другой изъ

доселѣ извѣстныхъ рукописей Софокла текстъ этого поэта сохранился вѣрно, то я утверждаю, во первыхъ, что это далеко не такъ, а во вторыхъ, что даже самая лучшая рукопись никоимъ образомъ не содержитъ вездѣ безошибочный оригиналъ¹⁾. Не могу также согласиться съ тѣмъ, будто смыслъ упомянутаго мѣста въ Софоклѣ вполне удовлетворителенъ; относительно этого достаточно указать на 6-е изданіе Шпейдевина. Что руководило Софокломъ вмѣсто господствующаго ἐσμέν поставить одинъ разъ ἐμέν, это—вопросъ, который Курціусъ, вѣроятно, себѣ никогда не задавалъ и отвѣчать на который ему во всякомъ случаѣ было бы не легко: стремленіе къ разнообразію и требованія разнѣбра едва ли могутъ считаться тутъ удовлетворительною причиною. Совершенно основательно, поэтому, всѣ безъ исключенія филологи не признають γ̃ Софокла ἐμέν, и напрасно Курціусъ, ради защиты плохо засвидѣтельствованной формы, ссылается на рукописи Софокла, о доброкачественности коихъ онъ очевидно не освѣдомился достаточно.

Гораздо поразительнѣе то, что говорится о ἔσαν на стр. 148 и 151. Въ первомъ изъ этихъ мѣстъ издатель замѣчаетъ: „ἔσαν beruht ausschliesslich auf einem Citat des Artemidorus aus Alcaeus (fr. 91 B.) Ἄρχαδες ἔσαν βαλανηφάγοι, das möglicherweise, worauf wir zurückkommen, anders zu fassen ist“; во второмъ онъ ставитъ ἔσαν въ связь съ ἔδμεναι: „vielleicht gehört das S. 148 besprochene ἔσαν (Ἄρχαδες ἔσαν βαλανηφάγοι Alc. fr. 91) hierher, worauf die Worte des anführenden Artemidor: ταύτης γὰρ τὸν καρπὸν ἤσθιον οἱ Ἄρχαδες führen“. Форма ἔσαν вмѣсто ἤσαν совсѣмъ не такъ рѣдко встрѣчается, какъ полагаетъ Курціусъ: въ видѣ варианта мы находимъ ее въ Од. ξ 224, между тѣмъ какъ у Pind. Nem. 9, 17, она, кажется, основывается только на копсѣктурѣ. У Pind. Ol. 9, 53 стоитъ ἔσαν въ новѣйшихъ

· 1) Въ возраженіи (стр. 319 сл.) Курціусъ объясняетъ, что слово «хорошій», примененное имъ къ рукописямъ, имѣетъ относительный смыслъ, что въ такомъ трудѣ, каковъ его Griech. Verbum подъ словами «gute Ueberlieferung» онъ не могъ подразумѣвать ничего инаго, кромѣ чтенія лучшихъ существующихъ рукописей. Но если всѣ рукописи Софокла сильно интерполированы и въ высшей степени ошибочны, то я не понимаю, по какому праву Курціусъ выражается «gute Ueberlieferung»? Заключающійся въ словахъ «trotz guter Ueberlieferung» доводъ касательно ошибочной формы ἐμέν оказывается поэтому ни болѣе ни менѣе какъ пустой фразой. Не вѣрно также и замѣчаніе Курціуса (стр. 322), будто схолиасту, написавшему примѣчаніе на Soph. El. 21 известна форма ἐμέν; принимающійся въ соображеніе при критикѣ текста Софокла схолиа рѣшительно ничего не знаютъ о варварской формѣ ἐμέν вмѣсто ἐσμέν.

изданійхъ, гдѣ лучшія рукописи предлагаютъ ἔσαν, и ἀπέσαν (съ этимъ удареніемъ) имѣеть Tzetzes Posth. 214.

Сказанное Курціусомъ объ Артемидорѣ слѣдуетъ отнести къ одному изъ интерполаторовъ Артемидора, какъ видно изъ перваго критическаго изданія этого писателя, изданія, которымъ мы обязаны Руд. Герхеру. Не могу также считать доказаннымъ и то, будто слова Ἀρκάδες ἔσαν βαλανηφάγοι принадлежатъ Алкею: авторомъ называется не Ἀλκαῖος, а ὁ ἀρχαῖος ¹⁾. Впрочемъ, это маловажно. Но то что Курціусъ желаетъ отождествить ἔσαν съ ἔδμεναι, превышаетъ всякое вѣроятіе. Не знаю, принимаетъ ли онъ βαλανηφάγοι за равносильное слову βάλανου; или какимъ образомъ думаетъ онъ перевести слова Ἀρκάδες ἔσαν βαλανηφάγοι (которые обыкновенно понимали: „Аркадцы были ѣдоки желудей“); на „приводящаго же Артемидора“ онъ не имѣлъ права возложить отвѣтственность за свое толкованіе, ибо объясненія ἦσθιον, какъ всякій видитъ, слѣдуетъ отнести не къ ἔσαν, а ко второй части слова βαλανηφάγοι. ²⁾.

¹⁾ Кроме того, и считаю крайне невѣроятнымъ, чтобы такому писателю какъ Артемидоръ, или интерполатору его, извѣстенъ былъ отрывокъ изъ Алкея, въ другихъ мѣстахъ не сохранившійся. Съ цѣлью доказать, что Аркадцы назывались «питающимися желудями», естественнѣе было бы автору сослаться на то свидѣтельство, которымъ пользуются въ подобномъ случаѣ многіе другіе писатели, а именно на извѣстный стихъ оракула (у Геродота I, 66), πολλοὶ ἐν Ἀρχαδίῃ βαλανηφάγοι ἄνδρες ἴσαν. Не берусь утверждать, но считаю вѣроятнымъ, что интерполаторъ Артемидора имѣлъ въ виду этотъ стихъ. Вмѣсто сохранившагося καὶ ὁ ἀρχαῖος φησὶν Ἀρκάδες ἔσαν βαλανηφάγοι я бы предпочелъ: καὶ (или ὡς) ὁ ἀρχαῖος φησὶ χρησμός: ὅτι Ἀρκάδες ἴσαν ἄνδρες βαλανηφάγοι. Если замѣтка, относящаяся къ Аркадцамъ, питающимся желудями, была прибавлена на полѣ рукописи,—какъ мы должны предположить, подозрѣвая интерполяцію, то опущеніе нѣкоторыхъ словъ (какъ χρησμός: ὅτι) не можетъ удивлять насъ. Курціусъ, вслѣдствіе моихъ замѣчаній, повидимому сомнѣвается теперь въ вѣрности догадки: Ἀλκαῖος; въ возраженіи своемъ (стр. 326) онъ цитируетъ: καὶ ὁ Ἀρχαῖος φησὶν Ἀρκάδες ἔσαν βαλανηφάγοι. На какомъ основаніи онъ обращаетъ имя прилагательное ἀρχαῖος въ имя собственное Ἀρχαῖος, мнѣ не понятно: авторъ Ἀρχαῖος обозначенный имъ посредствомъ члена, какъ весьма извѣстный, мнѣ совершенно незнакомъ.

²⁾ Замѣчательно и то, что Курціусъ въ возраженіи (стр. 327) сообщаетъ о своихъ комбинаціяхъ относительно словъ Ἀρκάδες ἔσαν βαλανηφάγοι: «Was mich zu meiner Vermuthung brachte, war ausser der Unwahrscheinlichkeit, dass die ausserordentlich häufige 3 Pl. Impf. von der Wurzel ἐσ ein einzigesmal (?) ἔσαν gelautet habe, die wenig poetische Form des Gedankens: die Arkader waren Eichelesser. Das wäre ja reine Prosa, die man doch bei einem Dichter nicht gerade vermutet!». Прежде имъ руководилъ «приводящій Артемидоръ»; но послѣ того

Форму ἤστε (eratis) оправдываетъ Курціусъ, на стр. 148, двумя мѣстами Аристофана, приведенными уже Вейчемъ (стр. 201), и замѣчаетъ, что Аревсъ въ Theocr. 1, 66, на основаніи нѣкоторыхъ рукописей, поставилъ ἤστε. Нѣкоторыя другія свидѣтельства представляетъ Lex. Vindob. стр. 98 и сл.; здѣсь же находятся доказательства, что переписчики неизвѣстную имъ форму ἤστε охотно измѣняли въ ἤτε.

На стр. 150 приведено изъ Soph. Trach. 645 σούται, несмотря на то, что уже Бломфильдъ устранилъ эту педоказанную форму посредствомъ вѣрной эмэндаціи σοῦται. То, что такія формы какъ ἀλοῦμαι, λοῦται, λοῦμενος произошли, какъ полагаетъ, кажется, Курціусъ, вслѣдствіе сокращенія изъ ἐλοῦμαι, λοῦεται, λοῦμενος, вовсе не признаю всѣми; напротивъ, не подлежитъ сомнѣнію, что формы эти слѣдуетъ отнести къ λόω, какъ то предполагаютъ Буттманъ и Лескинъ. Что Софоклъ могъ сказать προσπορευόμενας вмѣсто προσπορευόμενας — было необдуманное предположеніе со стороны Мейнеке, Oed. Col. p. 183. Приведенное имъ изъ Архилоха ἐξαλειόμενος стоитъ вмѣсто ἐξαλειόμενος, такъ же какъ и въ недавно найденномъ стихотвореніи Θεокрита δεόμενον основывается, кажется, не на δεόμενον, а на δεόμενον. Труднѣе произнести сужденіе о Theocr. 14, 51: μῦς, φαντί, Θωόνιχε, γεόμεθα πίσσας, гдѣ γεόμεθα, какъ предполагаютъ, употреблено или вмѣсто γεόμεθα или вмѣсто γεγεόμεθα. Въ Orph. Argon. 1359 χάλκειον τρίγυαντα δοχεόμενοι стоитъ, кажется, вмѣсто δοχευόμενοι; впрочемъ подлежитъ сомнѣнію, вѣрно ли теперешнее чтеніе.

Къ Гомеровскому στεῦται Курціусъ относитъ (стр. 150) „stóein, steif stehen“. До сихъ поръ думали, что stóein = erigere, а ἐστοχέαι = erectum esse. Такъ учатъ наши словари, и я не предполагаю, чтобы Курціусъ вслѣдствіе новыхъ наблюденій могъ прійти къ иному результату ¹⁾).

какъ ему измѣнилъ вѣтъ союзникъ, онъ сталъ ссылаться на свое поэтическое чутье. Попытаемся принять его объясненіе: «die eichelessenden Arkader assen» — но что же именно? «Natürlich müsste für den Fall, dass ich Recht hätte, angenommen werden, dass etwas ausgefallen sei, und der Vers wäre etwa so zu ergänzen: [ἄ ποτ'] Ἀρχάδες ἔσαν βαλανηφάγοι. Не будемъ задавать вопросъ, къ какому «меню» поэтъ Ἀρχαῖος отнесъ многозначачее словечко ἄ, такъ какъ Курціусъ довольствуется намекомъ на «eine für den verwöhnten Gaumen schwer genießbare Speise»; даже вопросъ, ближе касавшійся филолога, слѣдуетъ ли ἔσαν, если оно принадлежитъ къ ἔδμεναι, принять за Imperf. или за Aor., едва-ли можетъ насъ интересовать.

¹⁾ Въ возраженіи своемъ, стр. 318, Курціусъ говоритъ: «die Subtilitäten über

На стр. 159 мы читаемъ: „δέχ-νo-μαι ganz späte Nebenform von δέχομαι. Parthenios Bekk. Anecd. 1385 (вѣрнѣе 1383) b, Orphica Lith. 692 nur im Imperativ δέχουσο überliefert“. Для формы Imperativ. δέχουσο Мейнке привелъ (Anal. Alex. p. 263) много доказательствъ, къ которымъ легко можно было бы присоединить еще и другія. Дѣйствительно, эта форма — преобладающая; впрочемъ, кромѣ множественнаго числа Имр. δέχουσα (Orph. Lith. 4. Christ. pat. 1307) встрѣчается также Indicat. δέχονται Anth. Pal. 9, 553. Quintus Smyrn. 13, 285. ἐπιδέχονται. Nonnus Metaphr. 3, 157. δέχονται Oppian. Hal. 4, 324. Agathias Anth. Pal. 5, 302. Maneth. 6, 212. Greg. Naz. vol. 2 p. 54 C p. 140 B; Infinit. δέχουσα Oppian. Hal. 5, 515. Gregor. Naz. vol. 2 p. 69 B; Part. δεχόμενος Palladas Anth. Pal. 10, 75. Oppian. Cyneg. 2, 147. 3, 81. Maneth. 6, 80. 162. Colluth. 217. Paulus Silent. descr. S. Soph. 426. descr. m. eccl. 2, 10. 497. Anth. Pal. 5, 232; Johannes Geom. Hymn. 4, 28; Imperfect. ἐδέχοντο Nonnus Dionys. 9, 299. 15, 13. Orpheus Argon. 566, δέχοντο Anth. Plan. 270.

На стр. 170: „auch πρία-μαι ist offenbar verwandt“ (съ πέρνημι). Форма πρίαμαι, если не принимать въ разчетъ ошибочныхъ предположеній невѣжественныхъ граматиковъ, никогда, сколько мнѣ извѣстно, не существовала: Inf. πρίασαι соотвѣтствуетъ Ind. ἐπρίαμην ¹⁾.

die Gebrauchsunterschiede zwischen den Tempora von στόω überlasse ich getrost philologischen Feinschmeckern». Если я утверждаю, что στόαι = ἐρίγε, ἐστοχεῖν = erectum esse, а στόω и ἐστοха относятся другъ къ другу какъ ἴστημι къ ἐστήα или какъ Praes. Activi къ Perf. Passivi, то дѣло идетъ о довольно очевидной «тонкости». Курціусъ не могъ опровергнуть моего мнѣнія, а потому было бы лучше съ его стороны сознаться въ своей опрометчивости.

¹⁾ Курціусъ возражаетъ (стр. 326), что эта, въ каждой грамматикѣ упоминаемая истина не ускользнула отъ его вниманія, и указываетъ на стр. 174 своей книги, гдѣ значится: «πρία. πρίατο а 430 = о 483. Die Form (πρίατο) gilt bei den Attikern nebst πρίσμαι, πρίαμην, πρίασο, πρίασαι, πρίαμενος als Aorist zum Präsens ὄνειραι, gehört aber zu den Aoristen, die zu dieser Geltung nur durch den Gegensatz zu anderen Formen gelangten». Смыслъ этихъ словъ не ясенъ: если однако, какъ утверждаетъ Курціусъ, у аттиковъ πρίατο имѣть значеніе аориста, то, повидимому, онъ не считаетъ Гомеровское πρίατο за аористъ, и если πρίατο получило значеніе аориста только въ противоположность другимъ формамъ, то оно должно быть, собственно говоря, другимъ временемъ. Но какой бы смыслъ ни имѣли приведенныя мною неясныя слова, и все таки совершенно основательно могъ не одобрить форму πρίαμαι. Курціусъ же, когда писалъ свое возращеніе, забывъ, что ошибочную форму πρίαμαι упоминаетъ онъ также и въ своихъ Grundzüge der Etymologie на стр. 238 перваго, на стр. 246 втораго, на стр. 256 третьаго и на стр. 273 и 274 четвертаго изданій. Откуда у него столь странный

Упомянутое на той же стр. $\kappa\lambda\acute{\alpha}\theta\omega$ сохранилось, правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но, можетъ быть, вездѣ оно должно быть замѣнено формой $\kappa\lambda\acute{\alpha}\theta\omega$: ср. мое замѣчаніе въ *Bulletin XII* стр. 510 сл. = *Mélanges Gréco-Romains*, III стр. 50 сл.

На стр. 183: „Der Vocal (α аориста $\epsilon\delta\rho\alpha\nu$) in $\acute{\alpha}\pi\epsilon\delta\rho\alpha\mu\epsilon\nu$, $\acute{\alpha}\pi\omicron\delta\rho\alpha\nu\alpha\iota$ u. s. w. ist stets lang, nur Anthol. XII 202 $\acute{\alpha}\pi\epsilon\delta\rho\alpha\mu\epsilon\nu$.“ Въ томъ мѣстѣ, которое цитируетъ Курціусъ, встрѣчается не $\acute{\alpha}\pi\epsilon\delta\rho\alpha\mu\epsilon\nu$, а $\epsilon\delta\rho\alpha\mu\epsilon\nu$ съ краткимъ α : по это $\epsilon\delta\rho\alpha\mu\epsilon\nu$ не 1-е лицо множественнаго числа отъ $\epsilon\delta\rho\alpha\nu$, а 3-е лицо единственнаго числа отъ $\epsilon\delta\rho\alpha\mu\omicron\nu$, то-есть, краткость буквы α въ этой формѣ вполне оправдана и положительно необходима.

пристрастіе къ выдуманному Graes. $\kappa\rho\iota\alpha\mu\alpha\iota$? Лишь когда онъ объяснитъ это, мы будемъ въ состояніи судить, на сколько была ему известна «въ каждой школьной грамматицѣ упоминаемая истина».

А НѢУКЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П О П Р А В К А.

Въ отдѣлѣ классической филологіи октябрьской книжки, стр. 96, строка 9 снизу, вкралась слѣдующая опечатка: „не люди вели себя вольно, а сами“ и т. д. Нужно читать: „люди вели себя вольно, а не..... Фесценнины“.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Сего 1-го ПОЯВРЯ вышла и разослана подпичникамъ XI-я,
ПОЯВРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе книги: I. Екатерина II и князь Потемкинъ, 1790 г. — II. Екатерина II и Густавъ III, король шведскій, 1789—1792 гг. — III. Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія. — IV. Кн. Платонъ Zubовъ, биографическій очеркъ (продолженіе). — V. Удаленіе ректора. Харьковскаго уни-верситета Т. О. Осиповскаго въ 1820 г. — VI. Война Россіи съ Турціей въ 1828 г.: переписка императора Николая Павловича, кн. Меншикова и Киселева. — VII. Воспоминанія Людмилы Ивановны Рикордъ о пребываніи въ Константинополѣ, 1830 г. — VIII. Холерный бунтъ въ 1831 г., разсказъ очевидца А. К. Гриббе. — IX. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ, 1835—1842 гг. — X. Композиторъ М. И. Глинка, разсказъ изъ воспоминаній Л. А. Гейденрейха. — XI. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: историческіе матеріалы и замѣтки. — XII. Библиографическій листокъ новыхъ русско-историческихъ книгъ.

Приложенія: I. Портретъ графа Аракчеева, исполненъ на мѣди, гелиографическій снимокъ съ гравюры Уткина и П. Каталогъ изданій археографической комисіи.

Подписка на „Русскую Старину“ 1876 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами 8 руб. съ пересылкой.

Гг. иногородные подпичники имѣютъ высылать свои требованія адресу такъ: въ С.-Петербургѣ, въ редакцію журнала „Русская Старина“, Надеждинскій, д. № 42, кв. № 12.

Городскіе подпичники „Русской Старины“ обращаются въ контору сего журнала: въ С.-Петербургѣ, на Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, д. № 46.

Отдѣленія Главной Конторы «Русской Старины» въ Москвѣ, при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева и Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Открыта подписка на „Русскую Старину“ 1877 г. Цѣна за 12 книгъ съ портретами при каждой книгѣ 8 руб. съ пересылкой.

Въ редакціи и въ ея конторахъ можно получить третье, значительно исправленное, изданіе «Русской Старины» 1870 г. (годъ первый), 12 книгъ въ трехъ большахъ томахъ, съ выѣтками, снимками и портретами. Цѣна 8 руб. съ пересылкой (осталось не много экземпляровъ).

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Объ отиошеніи видовъ русскаго глагола
къ греческимъ временамаъ Э. ЧЕРНАГО.

Къ вопросу о греческихъ глагольныхъ
формахъ. А. НАУКА.

РЕДАКТОРЪ Е. ФЕОКТИСТОВЪ.

(Вышла 1-го ноября)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрести въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875-й (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАВРЬ.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXXVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1876

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Вавилоно-Ассирійскія клинообразныя надписи Н. А. АСТАФЬЕВА.
Изъ путешествія по Индіи И. П. МИНАЕВА.
Греко-Скиѣскій міръ на берегахъ Понта Пл. БУРАЧКОВА.
О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью Н. ТИХОМИРОВА.

Критическія и библиографическія замѣтки:

- Introduction à l'étude de la science du langage, par Domenico Pezzi, traduit de l'italien sur le texte, entierement refondu par l'auteur, par V. Nourisson. (Введеніе въ науку о языкѣ. Сочиненіе Доменико Пещи. Переводъ съ текста, совершенно передѣланнаго авторомъ, В. Нуриссона).
Bibliothèque des sciences contemporaines: II. La Linguistique par Abel Hovelacque. Библиотека современныхъ наукъ: II. Лингвистика. Сочиненіе А. Говеллака).
Die Sprachenwelt in ihrem geschichtlich-literarischem Entwicklungsgange zur Humanität... bearbeitet von Dr. H. A. Manilius. (Міръ языковъ въ его историко-литературномъ движеніи къ чело-вѣчности. Соч. д-ра Г. А. Манилиуса). И. П. МИНАЕВА.
Замѣтка по поводу статьи г. Е. Барсова „Очеркъ литературы Слова о Полку Игоревѣ“ М. КОЛОСОВА.

Наша педагогическая литература

Отчетъ о двѣнадцатомъ присужденіи награды графа Уварова

Педагогическая корреспонденція. Изъ средней Германіи. Г. Ш.

Африканская географическая конференція въ Брюсселѣ

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ.

Отдѣлъ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ. (См. на 3-й стр. обѣтки.)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛXXXVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90--1.

1876.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

14. (16-го августа 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Вятской мужской гимназіи.*

Должностныя лица и граждане Вятской губерніи, въ память особлхъ трудовъ и заботливости о благосостояніи губерніи, оказавшихъ бывшимъ Вятскимъ губернаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Чарыковымъ, собрали по добровольной подпискѣ капиталъ въ *одну тысячу пятьдесятъ руб.* съ тѣмъ, чтобы на проценты съ оного учреждена была при Вятской мужской гимназіи одна стипендія имени Чарыкова.

Вслѣдствіе сообщенія о семъ министра внутреннихъ дѣлъ и отзыва попечителя Казанскаго учебнаго округа, и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ какъ па принятіе помянутаго капитала, такъ и на учрежденіе па проценты съ оного при означенной гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ ся: „стипендія тайнаго совѣтника Чарыкова“.

15. (9-го сентября 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ начальномъ народномъ училищѣ.*

Управляющій Харьковскимъ учебнымъ округомъ представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія ходатайство Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности объ учрежденіи при содержимомъ отъ общества начальномъ народномъ училищѣ въ г. Харьковѣ стипендіи имени бывшего председателя Изюмскаго окружнаго суда Антопа Ивановича Малиповскаго, въ память его полезной

служебной дѣятельности, на счетъ 406 руб., собранныхъ для сего по подпискѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

16. (27-го сентября 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Саратовской мужской гимназій.*

Присяжный повѣренный Саратовскаго судебного округа Лызловъ, по довѣрію наслѣдниковъ ротмистра Петра Жедринскаго, маіора Григорія Никифоровича, капитана Виктора Ивановича и коллежскаго секретаря Михаила Ивановича Жедринскихъ, представилъ директору Саратовской мужской гимназій билетъ Саратовскаго общественнаго банка за № 4662 въ одну тысячу руб., съ тѣмъ чтобы на проценты съ этого капитала учреждена была при названной гимназій одна стипендія имени ротмистра Жедринскаго, для выдачи оной, по избранію педагогическаго совѣта гимназій, одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ ея въ уплату за право ученія и на учебныя пособія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, основанному на представленіи попечителя Казанскаго учебнаго округа, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго капитала, такъ и на учрежденію на проценты съ онаго при Саратовской гимназій одной стипендіи, съ наименованіемъ ея: „стипендія Петра Никифоровича Жедринскаго“.

17. (27-го сентября 1876 года). *О взносѣ платы въ пользу экзаменаторовъ при испытательныхъ комитетахъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Высочайше соизволилъ разрѣшить установить въ пользу экзаменаторовъ при испытательныхъ комитетахъ взносы въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ подвергающихся испытанію на званіе воспитателя гимназій и прогимназій, учителя новыхъ языковъ, учителя уѣзднаго училища, домашняго учителя и домашней учительницы по десяти рублей съ cadaго; съ испытуемыхъ на званіе учителя и учительницы городского и сельскаго приходскаго или начальнаго народнаго училища и частной начальной учительницы, аптекарскаго ученика, на первый классный чинъ—по три рубля съ cadaго, съ тѣмъ, чтобы лица не-

достаточнаго состоянія, по усмотрѣнію и съ разрѣшенія попечителей учебныхъ округовъ, вовсе были освобождены отъ такого взноса. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что на нѣкоторыя изъ поименованныхъ званій, независимо отъ испытательныхъ комитетовъ, производятся экзамены въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и другихъ заведеніяхъ, Высочайше повелѣно: обязать испытуемыхъ и въ сихъ заведеніяхъ вносить въ пользу экзаменаторовъ вышеозначенной платы, съ предоставленіемъ права освобожденія отъ оной подлежащимъ начальствамъ.

18. (22-го октября 1876 года) *О распространіи на служащихъ министерства въ Туркестанскомъ краѣ правъ и преимуществъ службы чиновъ военно-народнаго управленія въ томъ краѣ.*

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, въслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія о распространеніи на служащихъ по вѣдомству сего министерства въ Туркестанскомъ краѣ правъ и преимуществъ службы чиновъ военно-народнаго управленія въ томъ краѣ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ:

1) Впредь до пересмотра въ государственномъ совѣтѣ существующихъ нынѣ правъ и преимуществъ службы въ Туркестанскомъ краѣ, предоставить, въ видѣ временной мѣры, служащимъ въ поименованномъ краѣ чинамъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія установленныя для службы въ Сибири права и преимущества, съ присовокупленіемъ еще, примѣняясь къ преимуществамъ, присвоеннымъ службѣ по военно-народному управленію въ Туркестанскомъ краѣ, нижеслѣдующихъ льготъ:

а) Служація по упомянутому вѣдомству лица могутъ пользоваться, не болѣе, впрочемъ, одного раза въ теченіе трехъ лѣтъ, четырехмѣсячнымъ отпускомъ, съ сохраненіемъ содержанія;

б) при оставленіи службы въ Туркестанскомъ краѣ, по выслугѣ пятилѣтняго срока, лица эти получаютъ прогоны въ обратный путь до мѣста новаго назначенія или жительства въ отставку и пособіе въ размѣрѣ полугодоваго жалованья, по послѣдней занимаемой должности;

и в) лицамъ этимъ служба въ Туркестанскомъ краѣ должна быть зачитаема для полученія пенсіи пять лѣтъ за семь.

2) Вновь предоставляемыя чинамъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ Туркестанскомъ краѣ особыя преимущества

присвоить всѣмъ, находящимся нынѣ на службѣ въ томъ краѣ за все время ихъ службы въ мѣстныхъ Туркестанскаго края учрежденіяхъ упомянутаго вѣдомства. Право же на полученіе обратныхъ прогоновъ и полугодоваго, по послѣдней должности, оклада жалованья предоставить лишь тѣмъ, кои, по выслугѣ пяти лѣтъ, оставляютъ службу въ Туркестанскомъ краѣ, по послѣдованіи Высочайшаго соизволенія на дарованіе означенныхъ выше преимуществъ.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

27-го сентября 1876 года. (№ 10). *Назначается:* директоръ Керченской Александровской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Падренъ-де-Карне* — окружнымъ инспекторомъ Одесскаго учебнаго округа.

Утверждаются на три года: въ званіи камергера, статскій совѣтникъ *Себряковъ*, полковникъ *Орловъ* и Маріупольскій 1-й гильдіи купецъ *Чебанско* — почетными попечителями гимназій: первый — Усть-Медвѣдицкой, второй — Новочеркасской и послѣдній — Маріупольскій.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: доценту Императорскаго Московскаго университета *Стороженко* — на полтора мѣсяца, съ 15-го августа 1876 года.

Командируется за границу съ ученою цѣлю: помощникъ директора Императорской публичной бібліотеки, тайный совѣтникъ *Бичковъ* — на два мѣсяца.

Сверхштатный учитель Московской четвертой гимназій, коллежскій ассесоръ *Кулаковскій* — на годъ, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему двухъ мѣсячнаго отпуска за границу съ 1-го сентября 1876 года.

Увольняется, согласно прошенію: ректоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, заслуженный ординарный профессоръ сего университета, тайный совѣтникъ *Рьдкинъ* — отъ должности ректора упомянутаго университета (Высоч. повел. 9-го сентября 1876 года).

Продолжается срокъ отпуска въ Россію: директору Московской второй гимназій, дѣйствительному статскому совѣтнику *Сосфенову* — на два мѣсяца, по болѣзни (Высоч. повел. 9-го сентября 1876 года).

12-го октября 1876 года. (№ 11). *Назначаются:* дѣлопроизводители VI класса департамента народнаго просвѣщенія: статскій совѣт-

никъ *Гауриловъ* и коллежскій совѣтникъ *Юльявскій*—дѣлопроизводителями V класса сего департамента.

Командируется за границу съ ученою цѣлію: кандидатъ Императорскаго Московскаго университета *Анушинъ*—на два съ половиною года

Продолжается срокъ отгулка за границу: учителю Ярославской гимназіи *Шабловскому*—на четыре мѣсяца, по болѣзни.

III. ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя супруги оренбургскаго генераль-губернатора Олимпиады Кирилловны Крыжановской.

Олимпиада Кирилловна! Постоянная, въ продолженіе многихъ лѣтъ, заботливость ваша объ Оренбургской женской гимназіи, попеченіе объ удовлетвореніи ея нуждъ и искреннее участіе, принимаемое вами какъ въ воспитательницахъ, такъ и въ воспитанницахъ ея, не только упрочили существованіе этого полезнаго учебнаго заведенія, но и содѣйствовали распространенію женскаго образованія во всемъ Оренбургскомъ краѣ. Отдавая полную справедливость вашимъ заслугамъ, Мнѣ пріятно выразить вамъ за оныя искреннюю Мою признательность.

На подлинномъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою написано: „МАРІЯ“.

16-го октября 1876 г. Въ Ливадіи.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

14. (15-го мая 1876 года). *Положеніе о стипендіяхъ коллежскаго совѣтника Марка Николаевича Комнено-Варваца при Таганрогской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Стипендіи имени коллежскаго совѣтника Марка Николаевича Комнено-Варваца, числомъ десять, учреждаются съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 23-й день февраля 1876 г., при Таганрогской гимназіи на проценты съ пожертвованнаго этой гимназіи

коллекскимъ совѣтникомъ Комнено-Варваци, на вѣчное время, капитала въ 10 тысячъ руб., обращеннаго въ 5% билетъ государственнаго банка 1 выпуска за № 855.

2) Означенный билетъ, причисленный къ спеціальнымъ средствамъ Таганрогской гимназіи и хранящійся въ Таганрогскомъ расходномъ отдѣленіи, долженъ служить исключительно для цѣли учреждаемыхъ стипендій, а потому не можетъ быть израсходованъ ни на какія постороннія цѣли.

3) Стипендіи эти, въ размѣрѣ 50 руб. въ годъ каждый, присуждаются 10-ти достойнѣйшимъ изъ бѣднѣйшихъ воспитанникамъ гимназіи, безъ различія классовъ, въ коихъ они обучаются, для покрытія платы за ученіе и для приобрѣтенія учебныхъ пособій стипендіатами и выдаются стипендіатамъ по полугодно впередъ, въ началѣ учебнаго и гражданскаго года.

4) Стипендіями должны пользоваться преимущественно дѣти мѣстныхъ жителей православнаго вѣроисповѣданія, а затѣмъ уже иногородцы. Въ случаѣ еслибы не оказалось нуждающихся воспитанниковъ изъ мѣстныхъ жителей, то стипендіями могутъ пользоваться и иногородные.

5) Право выбора стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи, при участіи въ обсужденіи этихъ выдачъ таганрогскаго городского головы, или заступающаго его мѣсто.

6) Выдача стипендій прекращается въ слѣдующихъ случаяхъ: а) по окончаніи стипендіатами курса наукъ въ гимназіи, б) въ случаѣ выбитія ихъ изъ гимназіи, с) въ случаѣ неодобрительнаго ихъ поведенія и д) когда улучшеніе матеріальныхъ средствъ стипендіатовъ дастъ имъ возможность продолжать ученіе безъ помощи стипендій.

7) Въ случаѣ если стипендіатъ остается въ томъ же классѣ на второй годъ, то продолженіе или прекращеніе ему стипендіи представляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

15. (15-го мая 1876 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Ивана Амирова при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ учреждаются, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 1-го августа 1873 г., двѣ стипендіи имени статскаго совѣтника Ивана Амирова на по-

жертвованный имъ въ пятнадцать тысячъ руб. капиталъ, положенный на храненіе въ московское отдѣленіе государственнаго банка.

2) Назначеніе стипендіатовъ зависитъ отъ воли жены покойнаго статскаго совѣтника Ивана Аморова, а послѣ его смерти отъ высшаго Армянскаго духовнаго начальства въ Тифлисѣ.

3) На стипендіи эти выбираются дѣти бѣдныхъ родителей, армяно-григоріанскаго исповѣданія, уроженцы Закавказскаго края, преимущественно города Тифлиса.

4) На содержаніе сихъ двухъ воспитанниковъ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ ежегодно отчисляется изъ процентовъ на пожертвованный капиталъ по триста пятидесяти руб. на каждаго стипендіата, а имѣющаяся оставаться за симъ сумма употребляется, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, на единовременныя пособія стипендіатамъ, по выходѣ ихъ изъ института.

5) Стипендіаты статскаго совѣтника Ивана Аморова относительно приѣма въ институтъ и прохожденія ими гимназическаго курса подчиняются всѣмъ правиламъ, которыя существуютъ по уставу сего заведенія.

6) По окончаніи гимназическаго курса, стипендіатамъ предоставляется право, если они пожелаютъ, продолжать свое образованіе въ университетѣ или другомъ высшемъ учебномъ заведеніи, при чемъ, согласно 4-го пункта сего положенія, ежегодно каждому изъ нихъ выдается по триста пятидесяти руб.

7) Если стипендіи одна или обѣ, по какому либо случаю будутъ вакантными, то изъ процентныхъ денегъ, имѣющихся образоваться по сему случаю или при иномъ случаѣ, выдаются пособія на путевыя издержки стипендіатамъ при первоначальномъ отправленіи ихъ изъ Закавказскаго края въ Москву.

8) Поступившій въ университетъ или другое высшее учебное заведеніе пользуется стипендіею статскаго совѣтника Ивана Аморова только при условіи хорошаго ученія и отличнаго поведенія, о чемъ ежегодно долженъ представить начальству Лазаревскаго института восточныхъ языковъ удостовѣреніе отъ того заведенія, въ которомъ онъ находится.

9) Стипендіаты, пробывшіе, по уважительнымъ причинамъ, два года на одномъ курсѣ и послѣ сего неудостоспѣные перевода въ высшій курсъ, лишаются права на стипендію.

10) Жена покойнаго статскаго совѣтника Аморова, а послѣ ея смерти высшее Армянское духовное начальство въ Тифлисѣ поль-

зуются правомъ получать отъ пачальства Лазаревскаго института восточныхъ языковъ необходимыя свѣдѣнія, касающіяся до учрежденій стипендій.

16. (15-го мая 1876 г.). *Положеніе о стипендіяхъ гвардіи ротмистра Федора Ивановича Вадковскаго.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 23-й день февраля 1876 года, на проценты съ капитала, пожертвованнаго гвардіи ротмистромъ Федоромъ Ивановичемъ Вадковскимъ, въ количествѣ 5.000 р., учреждаются при Елецкой гимназій пять стипендій его имени.

2) Означенный капиталъ, составляя собственность Елецкой гимназій, вносится, на вѣчное время, въ Елецкій городской общественный банкъ, или другое кредитное учрежденіе, по усмотрѣнію начальства Московскаго учебнаго округа.

3) Выдача стипендій производится на руки родителей, опекуновъ или тому лицу, на содержаніи котораго стипендіатъ находится, или же на руки самому воспитаннику, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта. Стипендіатъ долженъ отличатьсѣ хорошими успѣхами и отличнымъ поведеніемъ.

4) Право выбора стипендіатовъ предоставляется жертвователю, а послѣ его смерти—Елецкому земскому собранію.

5) Стипендіатами назначаются воспитанники Елецкой гимназій преимущественно изъ младшихъ классовъ изъ бѣднѣйшихъ семействъ, безъ различія сословій.

6) Въ случаѣ исключенія воспитанника по опредѣленію педагогическаго совѣта за какой-либо проступокъ или въ случаѣ его смерти и выхода изъ гимназій, стипендія переходитъ на другаго воспитанника, по назначенію жертвователя или земскаго собранія (§ 4).

17. (1-го іюля 1876 г.). *Положеніе о стипендіи О. И. Коммиссарова-Костромскаго, учрежденной при Курской мужской гимназій, въ память событія 4-го апрѣля 1866 года.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

Въ память событія 4-го апрѣля 1866 года штатные смотрители, закопоучители и учителя уѣздныхъ и приходскихъ училищъ Курской губерніи собрали, посредствомъ ежегодныхъ пожертвованій, капиталъ

на учрежденіе изъ процентовъ съ онаго при Курской мужской гимназіи одной стипендіи имени О. П. Коммиссарова-Костромскаго, съ предоставленіемъ педагогическому совѣту гимназіи замѣщать эту стипендію лучшимъ и даровитѣйшимъ ученикомъ, окончившимъ курсъ въ одномъ изъ уѣздныхъ училищъ Курской губерніи изъ дѣтей училищныхъ чиновниковъ, а въ случаѣ неимѣнія таковыхъ кандидатовъ— изъ дѣтей временно-обязанныхъ крестьянъ, на что и вослѣдовало, въ 29-й день августа 1866 года Высочайшее соизволеніе.

Основанія стипендіи и условія замѣщенія ея слѣдующія:

1) Капиталъ, изъ процентовъ котораго образуется стипендія, составляетъ въ настоящее время 1.800 руб., заключающіеся въ 5% билетахъ государственнаго банка; проценты же, составляющіе стипендію,— 90 руб. Въ будущемъ предполагается увеличить пожертвованіями стипендіальный капиталъ до 2.400 р., и размѣръ стипендіи до 120 рублей.

2) Директоръ народныхъ училищъ Курской губерніи, по собраніи надлежащихъ свѣдѣній, сообщаетъ начальству Курской мужской гимназіи списокъ даровитѣйшихъ учениковъ, успѣшно окончившихъ курсъ уѣздныхъ училищъ изъ дѣтей чиновниковъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, для зачисленія въ означенные стипендіаты, въ случаѣ поступленія ихъ въ гимназію для дальнѣйшаго ученія.

3) Если не будетъ въ какомъ-либо училищѣ таковыхъ кандидатовъ, въ списокъ вносятся такіе же ученики, изъ дѣтей временно-обязанныхъ крестьянъ, но не иначе, какъ по формальному свидѣтельству о дѣйствительной бѣдности ихъ.

4) На будущее время тѣмъ же порядкомъ доставляются списки кандидатовъ каждый разъ по открытіи вакансіи стипендіата, о чемъ немедленно дѣлается сообщеніе отъ гимназіи директору народныхъ училищъ.

5) По преобразованіи уѣздныхъ училищъ въ училища городскія, въ списокъ кандидатовъ вносятся, на основаніи ст. 38. Высочайше утвержденаго, въ 31-й день мая 1872 года, положенія о сихъ училищахъ, даровитѣйшіе ученики, изъ тѣхъ же семействъ, успѣшно прошедшіе курсъ первыхъ четырехъ лѣтъ городского училища.

6) По выдержаніи кандидатами пріемнаго испытанія въ гимназіи, списокъ ихъ, по дополненіи его именами лучшихъ учениковъ той же категоріи, уже обучающихся въ гимназіи, хотя бы и не изъ обучающихся въ уѣздныхъ училищахъ, вносится въ засѣданіе педагогическаго совѣта для избранія въ стипендіаты достойнѣйшаго изъ кан-

дидатовъ. При чемъ дѣти лицъ, участвовавшихъ въ образованіи стипендіальнаго капитала, имѣютъ преимущество предъ другими кандидатами, затѣмъ сироты предъ сыновьями отставныхъ чиновниковъ, а послѣдніе — предъ сыновьями состоящихъ на службѣ чиновниковъ-жертвователей. При равенствѣ правъ нѣсколькихъ кандидатовъ, избраніе производится по жребію.

7) Ученики изъ дѣтей временно-обязанныхъ крестьянъ имѣютъ право на полученіе стипендіи лишь въ томъ случаѣ, когда вовсе не будетъ кандидатовъ изъ дѣтей училищныхъ чиновниковъ.

8) Въ засѣданіе педагогическаго совѣта гимназій, въ которомъ производится избраніе стипендіата, приглашается, съ правомъ голоса, и директоръ народныхъ училищъ Курской губерніи, какъ представитель подвѣдомственныхъ ему училищныхъ чиновниковъ.

9) Объ избранномъ въ стипендіаты сообщается для свѣдѣнія училищамъ чрезъ директора народныхъ училищъ.

10) Избранному назначается стипендія, въ опредѣленномъ размѣрѣ отъ 90 до 120 руб. въ годъ, которою онъ пользуется до окончанія курса ученія въ гимназій, если не потеряетъ на то права по своему поведенію, которое должно быть не ниже хорошаго (4) и по успѣхамъ въ ученіи, которые вообще должны быть не ниже удовлетворительныхъ (3), то-есть, дающихъ право на переводъ въ слѣдующій классъ.

11) По переводѣ стипендіата въ одинъ изъ высшихъ классовъ, если онъ, съ разрѣшенія начальства гимназій, будетъ заниматься обученіемъ въ частныхъ домахъ, выдача стипендіи ему пріостанавливается до окончанія курса ученія въ гимназій, и изъ этого сбереженія выдается ему одновременное пособіе при вступленіи въ высшее учебное заведеніе, въ размѣрѣ дѣйствительной экономіи, но во всякомъ случаѣ не свыше 180 рублей.

12) Неудостосніе къ переводу изъ класса въ классъ оставляетъ за ученикомъ право на стипендію лишь въ томъ случаѣ, если причиною того была продолжительная болѣзнь ученика или другія особенно уважительныя обстоятельства семейныя. Во всякомъ случаѣ такое списожденіе можетъ быть оказано стипендіату не болѣе двухъ разъ въ теченіе гимназическаго курса.

13) Выдача стипендіи производится на руки родителямъ или опекунамъ стипендіата, по полугодіямъ впередъ, по купонамъ билетовъ государственнаго банка, которые хранятся въ Курскомъ губернскомъ казначействѣ. Впрочемъ, въ случаѣ необходимости, по соглашенію

начальства гимназіи съ директоромъ народныхъ училищъ, стипендіальное пособие можетъ быть употреблено и непосредственно на снабженіе стипендіата всѣмъ необходимымъ для учащагося, какъ-то: учебными пособиями, одеждою, бѣльемъ и т. д.

14) Изъ остатковъ отъ стипендіальныхъ выдачъ производится единовременное пособие окончившему курсъ ученія въ гимназіи, стипендіату при вступленіи его въ высшее учебное заведеніе, но выдача эта не должна превышать 180 руб.

15) Такъ какъ часть стипендіальнаго капитала заключается въ билетѣ 2-го внутренняго займа съ выигрышами, то, если падеть на этотъ билетъ выигрышъ, таковой долженъ быть употребленъ по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи, на увеличеніе числа или размѣра стипендій въ мужской гимназіи для дѣтей училищныхъ чиновниковъ Курской губерніи; если же выигрышъ будетъ значительный, то сверхъ сего, также для учрежденія, нѣсколькихъ стипендій при Курской Маріинской женской гимназіи для дочерей тѣхъ же чиновниковъ.

18. (8-го іюля 1876 г.). *Положеніе о стипендіяхъ, учрежденныхъ вдовою инженеръ-капитана Варварою Михайловною Своевою при первой Московской гимназіи.*

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1. Умершая 3-го сентября 1874 года вдова инженеръ-капитана Варвара Михайловна Соева завѣщала, 25-го августа 1873 года, нотаріальнымъ порядкомъ, на вѣчныя времена, двадцать тысячъ рублей серебромъ, закладными листами земскаго Херсонскаго банка, для учрежденія, послѣ ея смерти, четырехъ стипендій, въ первой Московской гимназіи.

2. Стипендіи учреждаются изъ процентовъ съ означеннаго капитала и именуются, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 26-го мая 1876 г., стипендіями „вдовы инженеръ-капитана Варвары Михайловны Своевой“.

3. Начальство первой Московской гимназіи, согласно завѣщанію, (7-й пунктъ завѣщанія) „можетъ, если найдетъ выгоднымъ по измѣнившимся обстоятельствамъ, перемѣнить закладные листы Херсонскаго земскаго банка на процентныя бумаги другихъ государственныхъ или частныхъ кредитныхъ учрежденій, но съ тѣмъ, чтобы

вповь пріобрѣтенныя бумаги приносили-бы не менѣе пяти съ половиною процентовъ и представляли бы не меньшее обезпеченіе“.

4. Выборъ стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту первой Московской гимназіи (6-й пунктъ завѣщанія).

5. При назначеніи стипендій, педагогической совѣтъ долженъ руководствоваться слѣдующими условіями завѣщанія: а) стипендіатами должны быть исключительно бѣдные воспитанники русскаго происхожденія, б) стипендіи назначаются преимущественно такимъ воспитанникамъ гимназіи, которые по своимъ успѣхамъ будутъ въ состояніи окончить курсъ университетскаго образованія (2-й пунктъ завѣщанія).

6. Въ виду послѣдняго условія, педагогической совѣтъ 1-й Московской гимназіи пашель цѣлесообразнымъ стипендіи предоставлять ученикамъ гимназіи, достигшимъ, по крайней мѣрѣ, 3-го класса, при чемъ, при исполнѣнн удовлетворительныхъ успѣхахъ по всѣмъ предметамъ, баллъ за поведеніе назначаемаго на стипендію ученика не долженъ быть ниже четырехъ (4).

7. Для сохраненія за собою разъ полученной стипендіи, необходимо удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: воспитанникъ долженъ имѣть по поведенію отмѣтку не менѣе 4-хъ, а успѣхи въ занятіяхъ должны быть не менѣе тѣхъ, которыя требуются для перевода въ высшій классъ.

8. Оставленіе ученика въ томъ же классѣ не лишаетъ его стипендіи, если, по убѣжденію педагогическаго совѣта, оно произошло не отъ недостатка прилежанія, но отъ причинъ отъ него независящихъ, какъ напримѣръ: болѣзнь и т. п.

9. Стипендіатъ лишается стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта, если отмѣтки его по поведенію и успѣхамъ понизятся ниже указанныхъ въ § 7, или если онъ пріобрѣтетъ средства, дѣлающія для него ненужнымъ пособіе гимназіи.

10. Избранные педагогическимъ совѣтомъ стипендіаты помѣщаются въ число воспитанниковъ пансіона 1-й Московской гимназіи, и проценты съ завѣщаннаго Своею капитала причисляются къ спеціальнымъ средствамъ пансіона. Въ видѣ исключенія, съ особаго разрѣшенія педагогическаго совѣта, стипендіатъ можетъ быть и приходящимъ ученикомъ гимназіи; въ такомъ случаѣ стипендія, за удержаніемъ платы за ученіе и опредѣленнаго двухъ-процентнаго вычета, выдается помѣсячно родителямъ или родственникамъ стипендіата.

19. (30-го іюля 1876 г.). *Положеніе о стипендіи имени генераль-майора Александра Васильевича Гульевича, въ Астраханской мужской гимназій.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. Право на зачисленіе на эту стипендію имѣютъ: а) дѣти офицеровъ и классныхъ чиновниковъ, лишившіяся своихъ родителей, и б) дѣти бѣдныхъ родителей-офицеровъ и класныхъ чиновниковъ; за неимѣніемъ же таковыхъ,—дѣти отличныхъ по службѣ урядниковъ и казаковъ.

§ 2. Пожертвованный на стипендію капиталъ, заключающійся въ билетахъ государственнаго банка, въ количествѣ тысячи-двухъ сотъ рублей, хранится въ Астраханскомъ отдѣленіи государственнаго банка.

§ 3. Взносъ изъ процентовъ съ этого капитала денегъ за обученіе стипендіата и снабженіе его учебными пособиями, а также выдача ему въ пособіе остатковъ отъ годовыхъ процентовъ, лежатъ на обязанности войсковаго правленія Астраханскаго войска.

§ 4. Наблюденіе за правильностью употребленія процентовъ съ капитала возлагается на наказнаго атамана Астраханскаго казачьяго войска; отъ него зависитъ непосредственно и назначеніе стипендіата.

§ 5. Родители, опекуны или попечители дѣтей, имѣющихъ по § 1 право на зачисленіе въ стипендіаты, обращаются съ прошеніями о томъ къ наказному атаману и представляютъ слѣдующіе документы: а) копіи съ послужныхъ списковъ отцовъ, а отставныхъ—указы объ отставкѣ; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи; в) медицинское—о состояніи здоровья и привитіи оспы, и г) о дѣтяхъ бѣдныхъ родителей и круглыхъ сиротахъ—удостовереніе начальника отдѣла.

§ 6. Вторичное назначеніе стипендіи одному и тому же семейству допускается лишь въ томъ случаѣ, когда не будетъ другихъ желающихъ.

§ 7. Начальство гимназій сообщаетъ наказному атаману свѣдѣніе объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата, въ установленные для сего сроки.

§ 8. Выдача стипендіи прекращается: а) смертью стипендіата; б) окончаніемъ курса; в) выгнѣіемъ изъ заведенія по какимъ бы то ни было причинамъ; и г) при неудовлетворительныхъ успѣхахъ и неодобрительномъ поведеніи стипендіата.

§ 9. Однажды потерявшій право на выдачу стипендіи ни въ какомъ случаѣ не можетъ воспользоваться таковою вторично, безъ особливо уважительныхъ къ тому причинъ.

20. (11-го сентября 1876 года). *Программы предметовъ учебнаго курса женскаго графа Д. Н. Блудова училища въ г. Острогъ.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

А. ПО ЗАКОНУ БОЖІЮ.

I классъ 1-й годъ.

а) Объясненіе молитвъ и важнѣйшихъ праздниковъ христіанской церкви и б) священная исторія Ветхаго Завѣта.

2-й годъ.

Священная исторія Новаго Завѣта.

II классъ 1-й годъ.

Ученіе о Богослуженіи христіанской православной церкви (по руководству Рудакова).

2-й годъ.

Пространный катихизисъ 1-я и 2-я части (по Филарету).

III классъ 1-й годъ.

Пространный катихизисъ 3-я часть и исторія христіанской церкви часть 1-я (по руководству Рудакова).

2-й годъ.

Исторія христіанской церкви часть 2-я (по тому же руководству)

IV классъ.

Повтореніе всего пройденнаго.

Б. ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И СЛОВЕСНОСТИ.

I классъ 1-й годъ.

а) Разборъ отдѣльныхъ предложеній (части предложенія: подлежа-

жащее, сказуемое, опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя слова).

- б) Различіе частей рѣчи.
- в) Падежи, склоненіе, времена глаголовъ и наклоненія.
- г) Славянское чтеніе съ переводомъ.

2-й годъ.

- а) Этимологія подробно.
- б) По славянскому языку тоже, что 1-й годъ.

II классъ 1-й годъ.

- а) Звуки (буквы и измѣненія ихъ).
- б) Разложеніе рѣчи на предложенія главныя, придаточныя и равносильныя.
- в) Согласованіе и управленіе словъ.

2-й годъ.

Синтаксисъ сложнаго предложенія подробно (различныя виды предложеній, сочиненіе и подчиненіе предложеній).

III классъ 1-й годъ.

Основаніе теоріи словесности, различіе главныхъ родовъ и видовъ прозы и поэзіи и опредѣленіе ихъ.

2-й годъ.

Ознакомленіе съ избранными произведеніями русской литературы (былины, Несторъ, Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Крыловъ, Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь).

IV классъ.

Повтореніе пройденнаго, письменныя упражненія, сочиненія.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

II классъ 2-й годъ (2 урока).

I. О славянскихъ письменахъ.

Славянская азбука, ея происхожденіе, значеніе славянскихъ буквъ, какъ цифръ, титла, ихъ виды, надстрочные знаки, ихъ употребленіе
часть СЛХХХVIII, отд. 1.

въ древнемъ и новомъ періодѣ славянскаго языка, строчные знаки въ древнихъ памятникахъ и печатныхъ книгахъ.

II. Этимологія.

А. О звукахъ и буквахъ.

- а) Гласные звуки славянскаго языка (гласные твердые и мягкіе, буквы простыя и ютированныя);
- б) согласные (раздѣленіе согласныхъ по органамъ произношенія и свойственная имъ смягчаемость);
- в) законы благозвучія (усиленіе звуковъ, способы его, зіяніе, сочетаніе согласныхъ между собою и съ гласными);
- г) особенности въ сочетаніи звуковъ въ старо-славянскомъ языкѣ, и какія изъ особенностей слогаобразованія старославянскаго языка удержались въ новомъ періодѣ.

III классъ 1-й годъ (2 урока).

Б. Части рѣчи и формы ихъ.

- а) Сходство славянскихъ частей рѣчи съ русскими по ихъ природѣ и количеству;
- б) формы частей рѣчи общія съ русскими и особенныя, и какія изъ особенныхъ не удержались въ новомъ періодѣ.

В. Глаголь.

- а) Сходство славянскаго спряженія съ русскимъ;
- б) спряженіе вспомогательныхъ глаголовъ;
- в) спряженіе дѣйствительнаго залога;
- г) архаическое спряженіе и исчисленіе глаголовъ къ нему отпоящихся;
- д) спряженіе страдательнаго залога.

Г. Имя существительное.

- а) Общія склоненія именъ существительныхъ и
- б) особенныя (склоненіе именъ существительныхъ на *ь* и нарцаемыхъ).

Д. Мѣстоименіе.

- а) Раздѣленіе мѣстоименій по родовымъ примѣтамъ;

б) склоненіе мѣстоименій безъ родовыхъ и съ родовыми примѣтами.

Е. Имя прилагательное.

а) Раздѣленіе прилагательныхъ по окончаніямъ на полныя и неполныя;

б) склоненіе прилагательныхъ и причастій одночленныхъ и двучленныхъ;

в) прилагательныя сравнительной степени и

г) имена числительныя.

III классъ 2-й годъ (2 урока).

Синтаксисъ.

А. Простое предложеніе.

Сходство славянскаго языка съ русскимъ въ образованіи предложенія и особенности его въ сравненіи съ русскимъ относительно частей и формъ рѣчи для выраженія членовъ предложенія.

Б. Сложное предложеніе.

а) Виды сложнаго предложенія: аа, слитное и бб, составное,

б) сходство и различіе славянскаго языка съ русскимъ въ образованіи сложно-слитнаго и сложно-составнаго предложеній.

В. Расположеніе словъ.

Сходство и отличіе славянскаго словорасположенія отъ русскаго.

Чтеніе и разборъ отрывковъ изъ Остромирова Евангелія по „Изборнику“ Перевлѣскаго.

VI. ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.

I классъ 1-й годъ.

О славянскихъ племенахъ, ихъ бытъ, нравы и религія.

О равноапостольныхъ учителяхъ славянскихъ: Кириллѣ и Мефодіи.

Основаніе русскаго государства.

Олегъ, Игорь, Ольга, Святославъ.

Владиміръ, Ярославъ. Житіе Бориса и Глѣба.

Основаніе Киево-Печерской лавры. Несторъ и его лѣтописи. По-

нѣтіе о томъ, что называется лѣтописью, книжное сказаніе, былины.

Владиміръ Мономахъ.

Александръ Невскій и Даніилъ Галицкій.

Іоаннъ Калита. Синоубья Калиты. Митрополиты Московскіе: Петръ и Алексій. Гедиминъ и Ольгердъ Литовскіе мученики.

Димитрій Донской. Сергій Радонежскій. Князья Острожскіе Даніилъ и Ѳеодоръ. Литовско-русское княжество.

Іоаннъ III Васильевичъ. Князья Острожскіе: Василій, Иванъ, Константинъ.

Василій III Іоанновичъ.

2-й годъ I-го класса.

Царь Іоаннъ IV Грозный. Ермакъ. Князь Острожскій Константинъ.

Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ. Борисъ Годуновъ. Димитрій Самовванецъ.

Василій Іоанновичъ Шуйскій, Михаилъ Скопинъ - Шуйскій, Владиславъ. Князь Острожскій Янушъ. Анна-Алоиза Ходкевичъ. Патріархъ Гермогенъ и Проконій Ляпуновъ. Мининъ и Пожарскій.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, Сусанинъ. Патріархъ Филаретъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ, Морозовъ, Патріархъ Никонъ, Богданъ Хмѣльницкій, Матвѣевъ. Царица Наталья Кирилловна Нарышкина.

Императоръ Петръ Великій, царевна Софія, измѣнникъ Мазепа, царевичъ Алексѣй, Меншиковъ, Долгорукій и Наталья Борисовна (особенно какъ примѣръ супружескихъ добродѣтелей и писательницы).

Императрица Анна Іоанновна и Биронъ.

Императрица Елисавета Петровна, Ломоносовъ.

Императоръ Петръ III. Императрица Екатерина II. Пугачевъ. Суворовъ. Завоеваніе Крыма, побѣда надъ послѣдними татарами, достигшими даже Волыни. Раздѣлъ Польши.

Императоръ Александръ I Павловичъ. Адрианополюскій миръ, соединеніе уніатовъ. Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко и графъ Димитрій Николаевичъ Блудовъ; возстаніе Польши; первая желѣзная дорога въ Россіи: Севастополь, Корпиловъ, Нахимовъ и друг.; первыя сестры милосердія Крестовоздвиженской общины.

Важнѣйшія событія настоящаго царствованія: освобожденіе крестьянъ, судебныя реформы, желѣзныя дороги и телеграфы. Польское возстаніе. Муравьевъ. Туркестанскій край.

Для воспитанницъ I-го класса принять учебникъ по Русской исторіи А. Шуфа.

II классъ 1-й годъ.

Систематическій курсъ отечественной исторіи до торжества монархій на Руси и завоеваній на Востокъ.

Доисторическое время: кочевые народы: Скифы, Гунны и Авары. Славяне: ихъ наружность, одежда, пища, жилище, бытъ и занятія.

Древняя Русь. Движеніе Славянъ съ береговъ Дуная; Славяне: Поляне, Древляне, Кривичи и другіе сосѣди ихъ: Финны, Козары и Норманны. Нравы Славянъ, религія, правленіе, языкъ и грамота.

Просвѣтителѣ Славянъ св. Кириллъ и Меодій.

Привзаніе Рюрика съ братьями и общія черты дѣятельности первыхъ князей Русскихъ. Книженіе Олега: его завоеванія; женитьба Игоря, походъ на Царь-градъ, миръ съ Греками и смерть Олега. Княженіе Игоря Рюриковича, бунтъ Древлянъ, появленіе Печенѣговъ, нападеніе Игоря на Грецію, договоръ съ Греками и убіеніе Игоря. Правленіе Ольги: месть за смерть мужа, сближеніе съ народомъ, судъ и расправа, крещеніе ея, нападеніе Печенѣговъ на Кіевъ, кончина Ольги. Княженіе Святослава Игоревича: первые военныя дѣйствія, покореніе Вятичей, взятіе Бѣлой Вежи, завоеваніе Болгаріи, первые удѣлы въ Россіи, война съ Цимисхіемъ, договоръ съ Греками, кончина Святослава, Книженіе Ярополка I-го Святославича, убіеніе Люта, бракъ Владиміра.

Княженіе Владиміра I Святославича: его завоеванія, принятіе христіанской вѣры, крещеніе Кіевлянъ, борьба христіанства съ язычествомъ, Владиміръ христіанинъ, Княженіе Святополка I Ярославича: убіеніе Бориса и Глѣба и борьба съ Ярославомъ.

Княженіе Ярослава I Владиміровича: голодъ въ Суздальѣ, битва у Листвена, завоеванія въ Польшѣ, послѣдній набѣгъ Печенѣговъ на Русскую землю, походъ на Грековъ, Русская Правда, завѣщаніе Ярослава дѣтямъ.

Княженіе Изяслава Ярославича, борьба его съ Родичами, оспованіе монастырей, Антоній и Θεодосій, лѣтописецъ Несторъ.

Княженіе Всеволода Ярославича и Святополка II Изяславича, война съ Половцами, съѣздъ въ Любечѣ, ослѣпленіе Василька, битва при Салѣ, Книженіе Владиміра Мономаха: мятежъ въ Кіевѣ, законъ о ростахъ, усмиреніе Половцевъ, Торковъ и Берендеевъ, дѣла съ Гре-

ками, усмиреніе Новгорода, изгнаніе Ярослава Святополковича, поученіе Мономаха.

Княженіе Мстислава I Владиміровича, Ярополка II, Всеволода II Ольговича, борьба съ Владиміромъ Галицкимъ.

Княженіе Игоря Ольговича, Изяслава Мстиславича, Ростислава, Юрія Долгорукаго, Изяслава Давыдовича, усиленіе Галицкаго княжества и борьба съ Ярославомъ Остомысломъ, Княженіе Ростислава Мстиславича, Мстислава II Изяславича.

Княженіе Андрея Боголюбскаго, возвышеніе Владиміра на Клязьмѣ борьба съ Мстиславомъ Храбрымъ и кончина Великаго князя.

Княженіе Михаила Георгіевича и Всеволода III, борьба съ Глѣбомъ Рязанскимъ, ослѣпленіе Мстислава и Ярополка Ростиславичей, борьба съ Новгородомъ, война съ Половцами, походъ Игоря Святославича Сѣверскаго, кончина Ярослава Остомысла, безпорядки въ Галичѣ, Романъ Волинскій, объединеніе Волини и Галиціи, Мстиславъ Удалой, Ливонскій орденъ.

Княженіе Юрія II Всеволодовича, Липецкая битва, Княженіе Константина Всеволодовича, смуты въ Галичѣ. Княженіе Георгія II Всеволодовича, смуты въ Новгородѣ и подчиненіе Галича Мстиславу Удалому.

Нашествіе татаръ, Темучинъ, битва при Калкѣ; нашествіе Батю, Рязанскій погромъ, Евпатій Коловратъ, паденіе Владиміра, сраженіе при рѣкѣ Сити, оборона Козельска.

Княженіе Ярослава II Всеволодовича, Даниль Романовичъ, Король Галицкій, опустошеніе южной Россіи, разореніе Кіева, западныя враги Россіи: Литва, и Нѣмцы, главный племена Литовцевъ. Александръ Невскій, Ледовое побоище, пораженіе Литвы.

Великое княженіе Александра: борьба съ Андреемъ за великокняжеское достоинство, вражда Ярослава, опустошеніе Шведскаго поморья, распря великаго князя съ сыномъ Василюемъ и смуты Новгородскія. Княженіе Ярослава и Василя Ярославичей.

Судьба Юго-западной Россіи послѣ Татарскаго нашествія: сближеніе Данила съ Западомъ, необходимость подчиниться Батю, Татары разрушаютъ могущество Галицко-Волинскихъ княжествъ, война съ союзниками Галицкихъ князей, ослабленіе и раздробленіе Галицкаго княжества. Борьба между сыновьями Александра Невскаго.

Борьба между Москвою и Тверью до смерти князя Юрія Даниловича Московскаго, дѣла Новгородскія, побѣды надъ Татарами, кончина Михаила Тверскаго. Княженіе Георгія Даниловича, Дмитрія и

Александра Михайловичей: война съ Шведами, миръ въ Орѣховѣ, убіеніе Георгія и Димитрія, истребленіе Монголовъ въ Твери, мщеніе Ханское, Литовцы завоеватели, Гедиминъ.

Княженіе Іоанна Давыловича Калиты: перенесеніе митрополіи въ Москву, собраніе Руси, вторая борьба Твери съ Москвою. Событія при сыновьяхъ Іоанна Калиты: Симеонъ Іоанновичъ Гордый, Ольгердъ, дѣла Псковскія и Новгородскія, война съ Магнусомъ, Псковъ, братъ Новгорода, митрополиты Московскіе Петръ и Алексій.

Княженіе Димитрія Константиновича и Димитрія Донскаго: стѣсненіе князей удѣльныхъ, нашествіе Литвы, борьба съ Тверскимъ и Суздальскимъ князьями; нашествіе Монголовъ, побѣда на берегахъ Вожи, успѣхи въ войнѣ съ Литвою, нашествіе Мамаю, Куликовская битва, нашествіе Тохтамыша, взятіе и разрушеніе Москвы, Ягелло, условія соединенія Литвы съ Польшею, Литовско-русскія стремленія къ независимости отъ Польши, состояніе православія въ Литвѣ, бракъ Ягелло и Ядвиги, мѣры противъ соединенія Литвы съ Польшею, крещеніе Литвы, нарушеніе условій союза, Скиргелло, борьба и примиреніе Витовта съ Ягелло, вражда и примиреніе великаго князя съ Владиміромъ Андреевичемъ, ересь стригольниковъ, крещеніе Перми.

Княженіе Василя Димитріевича, раззореніе Вятки, присоединеніе Нижне-Новгорода и Суздаля къ Москвѣ, нашествіе Тамерлана, новыя возстанія въ Литовскомъ княжествѣ, взятіе Смоленска, свиданіе великаго князя съ Витовтомъ, походъ Витовта на Москву, Эдигей, разрывъ съ Литвою, Свидригайло и князь Теодоръ Острожскій, пораженіе при Грумвальденѣ, Городельскій сеймъ; разъединеніе Литовцевъ и Русскихъ, стремленіе Чехіи къ восточному православію.

Княженіе Василя Васильевича Темнаго: борьба съ Юріемъ Галицкимъ, съѣздъ въ Литвѣ, Свидригайло, князь Теодоръ Острожскій, Сигизмундъ, судъ въ Ордѣ, Казанское царство, соборъ Флорентійскій, коварство Шемяки и его правленіе, послѣдніе годы княженія Василя Темнаго, Крымское царство.

Княженіе Іоанна III Васильевича: походъ Ахмата къ Москвѣ, походъ на Казань, война съ Новгородомъ, вторичное нашествіе Ахмата, бракъ съ Софіею Палеологомъ, преніе легата папскаго о вѣрѣ, слѣдствія Іоаннова брака для Россіи, союзъ съ Менгли-Гиреемъ, покореніе Новгорода, сверженіе ига Татарскаго, бракъ сына Іоаннова съ Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавскаго, завоеваніе Твери, подчиненіе Казани, покореніе Вятки, Литовскія дѣла, бракъ Елены съ Александромъ, война съ орденомъ, вѣнчаніе на царство Димитрія,

ересь Жидовская, изданіе судебника, разрывъ съ Литвою, Константинъ князь Острожскій, битва на берегахъ Ветроши, истребленіе Кипчакской орды, пабѣги Крымцевъ на Литовскія владѣнія, вражда Стефана Молдавскаго къ Польшѣ, осада Смоленска.

Княженіе Василя III Іоанновича: посольство, война съ Сигизмундомъ и Александромъ; взятіе Смоленска, Оршанская битва, приступъ Константина Острожскаго къ Опочкѣ, война съ Крымомъ и Казанью, присоединеніе Пскова и Сѣверныхъ княжествъ.

2-й годъ II-го класса.

Продолженіе систематическаго курса перваго года до эпохи преобразования Россіи:

Іоаннъ IV Васильевичъ: регентство великой княгини Елены, правленіе боярское, воспитаніе Іоанна и его первыя самостоятельныя дѣйствія, отношенія къ Казани, вѣнчаніе на царство, бракъ съ Анастасіей Романовною, пожаръ Москвы, перемѣна въ дѣлахъ правленія, изданіе новаго Судебника, Стоглавый соборъ, самоуправленіе общинъ, заботы о просвѣщеніи Россіи, распоряженіе относительно мѣстничества, Стрѣльцы, враги Россіи на Востокѣ, покореніе Казани, Люблинская Упія, сношенія князя Константина Острожскаго съ патриархомъ и его дѣятельность, князь Курбскій, разрывъ Іоанна съ Сильвестромъ и Адашевымъ, паденіе Ливонскаго Ордена, война съ Польшею, опричнина, война съ Крымомъ и Турцією, несчастная война съ Іаторіемъ и Шведами, покореніе Сибири.

Царствованіе Θεодора Іоанновича, утвержденіе въ Сибири, сношенія съ Англією и Литвою, правленіе Годунова и его борьба съ Шуйскимъ, сношенія съ Польшею, учрежденіе патриаршества, убіеніе царевича Димитрія, пашествіе хана Козы-Гирея, война Шведская, отношенія къ Крыму и Турціи, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, сношенія съ Австрією и Англією, іезуиты въ Литвѣ и мысль объ Уніи, причины, заставившія нѣкоторыхъ епископовъ желать Унію, подчиненіе епископовъ папѣ, Брестскій соборъ, борьба православныхъ съ католиками, Янушъ Острожскій. Царствованіе Бориса Годунова, его избраніе и дѣятельность въ первые годы, начало смуты, мѣры противъ Лжедмитрія, вступленіе Лжедмитрія въ Московскіе предѣлы.

Царствованіе Θεодора, Лжедмитрія, Василя Шуйскаго, обнародованныя грамоты, дѣла съ Литвою, мятежи въ Москвѣ, волненіе въ Сѣверской области, появленіе втораго Самозванца, борьба съ Волотниковымъ, Лжепетръ, осада Калуги и Тулы, явленіе новаго Лжеди-

митрія, взятіе Тулы, Тушинскій воръ, борьба Москвы съ Тушиномъ, осада Троицкой лавры, усѣхи Тушинцевъ на сѣверѣ, возстаніе въ Москвѣ, подвиги Скопина Шуйскаго, три самозванца, мятежь, побѣда надъ Сапѣгою, вступленіе Польскаго короля въ предѣлы Московскаго государства и его слѣдствія, освобожденіе Лавры, сверженіе Шуйскаго.

Междоусобице, совѣтъ князя Мстиславскаго, переговоры съ Жолкѣвскимъ, присяга Владиславу, вступленіе Поляковъ въ Москву, отъѣздъ Жолкѣвскаго, самовластіе Сигизмунда, непріятельскія дѣйствія Делгарди, смерть Лжедмитрія, общее возстаніе противъ поляковъ, причины неудачи перваго ополченія, сожженіе Москвы, заточеніе Филарета и Голицына, взятіе Смоленска, смерть Липунова, взятіе Новгорода, появленіе третьяго Самозванца, Троицкія грамоты, Мининъ и Пожарскій, очищеніе Китай-города и Кремля отъ Поляковъ, неудачный походъ Сигизмунда противъ Москвы.

Царствованіе Михаила Ѳеодоровича: его избраніе, подвигъ Сусанина, царское вѣщаніе, печальное положеніе государства, возстановленіе порядка и спокойствія, очищеніе государства отъ непріятелей, война съ казаками, преслѣдованіе Лисовскаго, борьба съ сосѣдями, война съ Польшею и Деулинское перемиріе, патріархъ Филаретъ и его значеніе, дѣятельность Михаила Ѳеодоровича и Филарета для возстановленія опустошеннаго государства, бракъ съ Евдокією Лукіановною Стрѣшневою, вторая Польская война, взятіе Азова казаками, распространеніе Русскихъ владѣній въ Сибири.

Царствованіе Алексѣя Михайловича, бракъ его съ Милославскою, правленіе Морозова, безпорядки въ Псковѣ и Новгородѣ, финансовыя затрудненія, соборное уложеніе, патріархъ Никонъ, Богданъ Хмѣльницкій и возстаніе Малороссіи, возстаніе казаковъ и крестьянъ, торжество Хмѣльницкаго, вторая война съ Польшею, подданство Малороссіи, исправленіе богослужебныхъ книгъ, начало раскола, заботы объ устройствѣ церкви, война съ Польшею, война съ Швеціею за Польшу, смуты въ Малороссіи по смерти Хмѣльницкаго, Гадячскій договоръ, война съ Польшею, ссора Никона съ Алексѣемъ Михайловичемъ и лишеніе его патріаршескаго званія, противодѣйствіе Выговскому, продолженіе войны съ Польшею и борьба съ Малороссіею, призваніе Никона на судъ, неудачи въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, смуты, судъ надъ Никономъ, Соловецкое возмущеніе, Андрусовскій договоръ, бунтъ Разина, продолженіе смутъ Малороссійскихъ; подготовка къ преобразованію въ царствованіе Алексѣя Михайловича, бояринъ Мат-

вѣвѣвъ, Ртищевъ, продолженіе бунта Разина, бракъ Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, война Турецкая и копчина царя Алексѣя Михайловича.

Царствованіе Θεодора Алексѣевича: перемѣна при дворѣ въ началѣ царствованія, война и перемиріе съ Турціею, уничтоженіе мѣстничества, Славяно-Грско-Латинская Академія. Общій обзоръ внутренняго состоянія Московскаго государства.

III классъ 1-й годъ.

Двоевластіе: избраніе въ цари Петра Алексѣевича, царица Наталья и царица Софія; раскольничье движеніе и стрѣлецкій бунтъ, внутренній распоряженія Софіи, миръ съ Польшею, крымскіе походы, перчинскій договоръ, дѣтство и воспитаніе царя Петра, низверженіе Софіи.

Царствованіе Петра Великаго, его дѣятельность въ первыя пять лѣтъ по удаленіи Софіи, азовскіе походы, первое путешествіе Петра въ чужіе края, бунтъ стрѣльцовъ, нововведенія въ Россіи, великая Сѣверная война, пораженіе подъ Нарвою, основаніе Петербурга и Кронштадта, завоеванія въ Остзейскомъ краѣ, движеніе Карла на Россію, булавинскій бунтъ, сраженіе при Лѣсной, измѣна Мазепы, полтавскій бой и его значеніе; царевичъ Алексѣй Петровичъ, бракъ Петра съ Екатериною Алексѣевною; учрежденіе сената, изгнаніе іезуитовъ; прутскій походъ; продолженіе Сѣверной войны; вторичное путешествіе царя за границу, учрежденіе коллегій, св. синода, вмѣсто патриаршества, табель о рангахъ; Ништадтскій миръ, персидскій походъ, сопротивленіе реформамъ, копчина Петра.

Царствованіе императрицы Екатерины I и Петра II.

Царствованіе Анны Иоанновны, замыслы верховниковъ, Биронъ, Мишихъ, возвращеніе Персіи, завоеванной Петромъ, возведеніе Августа на польскій престолъ, союзъ Россіи съ Австріею и объявленіе войны султану, доимочная и тайная канцелярія, преслѣдованіе Долгорукихъ, Волицскаго и Θεофилакта Лопатинскаго, война съ Турціею, взятіе Азова.

Правленіе Бирона и Анны Леопольдовны.

Царствованіе Елисаветы Петровны: удаленіе Іоанна Антоновича въ Шлиссельбургскую крѣпость и ссылка Мишиха и Остермана, престолонаслѣдіе и главныя дѣйствующія лица въ царствованіе Елисаветы: Разумовскій, Бестужевъ-Рюминъ, движеніе противъ иноземцевъ, шведская война, бракосочетаніе Петра Θεодоровича съ Екатериною,

Шуваловы, заселеніе южныхъ областей Россіи Сербами, основаніе Московскаго университета, Ломоносовъ, заемный государственный банкъ, учрежденіе публичнаго театра въ Петербургѣ, Сумароковъ; Семилѣтняя война: сраженіе при Гроссъ-Эгерндорфѣ, при Росбахѣ, при Лейпцигѣ, при Цорндорфѣ, при Кунерсдорфѣ.

Царствованіе Петра III Ѳедоровича.

Царствованіе Екатерины II; освобожденіе крестьянъ, живущихъ на монастырскихъ и церковныхъ земляхъ, мѣры для улучшенія состоянія Польши при Августѣ III, Георгій Конисскій, Гервасій Переяславльскій и Мельхиседекъ Яворскій, гайдамацкое возстаніе и его неудачи, Чарторижскій и Станиславъ Понятовскій, проекты, реформы правленія, вмѣшательство Пруссіи въ дѣла Польши, требованіе Россіи уничтоженія реформъ Чарторижскаго, вопросъ о диссидентахъ, коммисія депутатовъ о составленіи уложенія, Наказъ, взглядъ Екатерины на пытку, финансы — введеніе ассигнацій; первая турецкая война, Румянцевъ Задунайскій; основаніе воспитательнаго дома въ Петербургѣ, завоеваніе Крыма и продолженіе второй турецкой войны, чума; конфедерачія въ Барѣ, первый раздѣлъ Польши и миръ съ Турціею, соединеніе Барской конфедерачіи съ Радомской, ненависть къ Станиславу и заговоръ противъ него, спокойныя времена Польши, стремленіе къ улучшениямъ, объединеніе партій; возмущеніе Пугачева, Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, учрежденія о губерніяхъ; Потемкинъ, устройство Новороссіи, уничтоженіе Запорожья, вооруженный нейтралитетъ, коммисія объ учрежденіи народныхъ училищъ, присоединеніе Крыма, учрежденіе академіи, частныхъ типографій, городское положеніе; поѣздка императрицы въ Новороссію и Крымъ; Суворовъ, вторая турецкая война и шведская; новыя реформы польскаго правленія, конституція 3-го мая, ея противорѣчіе интересамъ народа и дипломатія того времени, волынское народное движеніе, вмѣшательство Россіи и Польши, второй раздѣлъ Польши, Гродненскій сеймъ, возстаніе Польши подъ предводительствомъ Костюшко, третій раздѣлъ Польши, отношенія къ революціонной Франціи, персидская война; литературная дѣятельность императрицы.

Царствованіе Павла Петровича, его внутреннія распоряженія: законъ о порядкѣ престолонаслѣдія, открытіе духовной академіи въ Петербургѣ и Казани, основаніе институтовъ Екатерининскаго и Маріинскаго, университета въ Дерптѣ и медико-хирургической академіи въ Петербургѣ и Москвѣ, установленіе строгой цензуры; борьба Россіи съ Франціею: причины войны, поведеніе Австріи и Пруссіи, союзъ

пяти державъ противъ Франціи, дѣйствія турецко-русской эскадры, Суворовъ и его походъ въ Италію: побѣда надъ Моро и Маكدональдомъ, неприятности отъ австрійскаго правительства, побѣды при Нови и походъ въ Швейцарію, разрывъ Россіи съ Австріею и Англіею, миръ съ Франціею и приготовленіе къ войнѣ съ Англіею.

Царствованіе императора Александра I: отмѣна тайной экспедиціи, учрежденіе министерствъ, Адамъ Чарторижскій, его управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія и вліяніе въ западномъ краѣ на воспитаніе; Сперанскій, государственный совѣтъ, финансы, двѣ первыя войны съ Франціею, Тильзитскій миръ, завоеваніе Финляндіи, войны съ Швеціею, Турціею и Персіею, отечественная война: причины войны, союзъ съ Австріею, нашествіе Наполеона, патриотизмъ Русскаго народа, планъ войны, оборона Смоленска, попытка Наполеона къ примиренію, Барклай-де-Толли, сраженіе при Бородинѣ, отступленіе Кутузова, Наполеонъ въ Москвѣ, народное ополченіе и партизаны, гибель великой арміи, низверженіе Наполеона, сраженіе при Лейпцигѣ, взятіе Парижа, отреченіе Наполеона, слава Александра Благословеннаго, униженіе и смерть Наполеона; заграничная война, Вѣнскій конгрессъ и Ватерлоо, священный союзъ и конгрессы: Тропавскій, Лайбахскій и Веронскій; дѣла польскія; возстаніе Грековъ и кончина императора Александра.

Царствованіе императора Николая I: вопросъ о престолонаслѣдіи, смута 14-го декабря, внутреннія распоряженія правительства; персидская война; Паскевичъ Эриванскій, Туркманчайскій миръ; война турецкая; возстаніе въ Польшѣ 1830 г., учредительная хартія, партіи въ Польшѣ, заговоръ, мятежъ въ Варшавѣ, усмиреніе Польши дѣятельность Юсифа Сѣманко, воссоединеніе униатовъ; учрежденіе университета св. Владиміра въ Кіевѣ, отношенія къ Турціи, венгерская война. Обзоръ событій послѣднаго времени: восточная война, осада Севастополя, Корниловъ, Нахимовъ, Лазаревъ и другіе, первая сестра милосердія, Крестовоздвиженская община.

Александръ II: конецъ Крымской войны, покореніе Кавказа, Туркестанскій край, реформы: отмѣна крѣпостнаго права и труды графа Блудова по этому вопросу, польское возстаніе, попытка на вмѣшательство Европы въ польское дѣло и ея несостоятельность; новое гласное судопроизводство, положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, уничтоженіе монополій, желѣзныя дороги, военная повинность, заботы объ образованіи, отечественная исторія и взглядъ на нее новѣйшихъ историковъ Соловьева и Костомарова.

Для воспитанницъ II и III класса принять учебникъ по русской исторіи *Рождественскаго*.

III классъ 2-й годъ.

Состояніе страны, извѣстной теперь подъ именемъ Россіи до половины IX в. по Р. Х.

Призваніе Рюрика съ братьями и общія черты дѣятельности первыхъ князей Русскихъ.

Княженіе Олега, Игоря Рюриковича, Ольги и Святослава Игоревича.

Усобицы между сыновьями Владиміра и княженіе Ярослав Владиміровича.

Событія при внукахъ Ярослава I Владиміровича.

Событія отъ смерти Владиміра Мономаха до взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго.

Отъ взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго до кончины Михаила Юрьевича.

Княженіе Всеволода III.

Событія отъ кончины Всеволода III до нашествія Татаръ.

Нашествіе Татаръ.

Внутреннее состояніе русскаго общества отъ половины IX до половины XIII вѣка: 1) общій взглядъ на событія описаннаго времени, 2) значеніе князя, 3) дружина и войско, 4) города, 5) торговля, 6) сельское народонаселеніе, 7) законодательство, 8) церковь, 9) просвѣщеніе.

Отъ Батыева нашествія до кончины Александра Невскаго.

Княженіе братьевъ Невскаго: Ярослава и Василя.

Судьба юго-западной Россіи послѣ татарскаго нашествія.

Борьба между сыновьями Александра Невскаго.

Борьба между Москвою и Тверью до смерти князя Юрія Даниловича Московскаго.

Іоаннъ Даниловичъ Калита.

Событія при сыновьяхъ Іоанна Калиты.

Княженіе Василя Дмитріевича.

Княженіе Василя Васильевича Темнаго.

Внутреннее состояніе русскаго общества отъ половины XIII до половины XV вѣка: 1) главныя явленія означеннаго времени, 2) татарское вліяніе, 3) дружина, 4) города, 5) сельское народонаселеніе, 6) казаки, 7) торговля, 8) богатство народа и его домашній бытъ,

9) церковь, 10) состояніе нравственности народной, 11) просвѣщеніе.

Княженіе Іоанна III Васильевича: 1) покореніе Новгорода и Вятки, 2) власть Іоанна въ Рязани, 3) покореніе Твери, 4) присоединеніе удѣла Верейскаго, 5) отношенія Іоанна къ роднымъ братьямъ, 6) бракъ Іоанна на греческой царевнѣ и слѣдствія этого брака, 7) спаденіе татарскаго ига, 8) союзъ Москвы съ Крымомъ, 9) подчиненіе Казани и завосаніе Перми, 10) войны съ Литвою и Ливонією, 11) отношенія Москвы къ другимъ государствамъ Европейскимъ, 12) кончина и завѣщаніе Іоанна III, 13) внутренняя дѣятельность: а, вызовъ иностранныхъ мастеровъ, б, изданіе Судебника, 14) дѣла церковныя.

Княженіе Василя Іоанновича: 1) отношенія Василя къ боярамъ и дѣло о разводѣ, 2) войны съ Литвою, 3) войны съ Крымомъ и Казанью, 4) присоединеніе Пскова, Рязани и Сѣверскихъ княжествъ.

Царствованіе Іоанна IV Васильевича: 1) правленіе великой княгини Елены, 2) правленіе боярское, 3) воспитаніе Іоанна и его первыя самостоятельныя дѣйствія, 4) принятіе царскаго титула и женитьба Іоаннова, 5) пожары московскіе, 6) покореніе Казани, 7) покореніе Астрахани, 8) отношенія къ народамъ прикавказскимъ и Крыму, 9) война съ Швецією и Ливонією, 10) разрывъ Іоанна съ Сильвестромъ и Адашевымъ, 11) отъѣздъ князя Курбскаго и его слѣдствія, 12) Опричина, 13) война съ Ливонією и Польшею, 14) войны съ Крымомъ и Турцією, 15) война съ Баторіемъ и Шведами, 16) сношенія съ Англією, 17) Строгановы и Ермакъ, 18) кончина Іоанна IV, 19) распоряженія внутреннія Іоанна IV: распоряженія его относительно мѣстничества и военнаго устройства, 20) относительно городскаго и сельскаго народонаселенія, 21) дѣла церковныя, 22) изданіе новаго Судебника, 23) литература и книгопечатаніе.

Царствованіе Феодора Іоанновича: 1) смуты въ началѣ царствованія Феодора, 2) правленіе Бориса Годунова и его борьба съ Шуйскими, 3) сношенія съ Польшею, 4) война шведская, 5) сношенія съ Австрією и Англією, 6) отношенія къ Крыму, Турціи, Персіи и Грузіи, 7) утвержденіе въ Сибири, 8) закрѣпленіе крестьянъ, 9) учрежденіе патріаршества, 10) убіеніе царевича Димитрія и смерть царя Феодора.

Царствованіе Бориса Годунова: 1) избраніе на престолъ Годунова, 2) сношенія царя Бориса съ державами Европейскими и Азіатскими, 3) окончаніе борьбы съ Кучумомъ Сибирскимъ, 4) распор-

женіе Бориса относительно крестьянъ и просвѣщенія, 5) начало смуты; доносы и оналы, 6) голодъ и разбои, 7) появленіе самозванца, 8) успѣхи самозванца въ Польшѣ, 9) мѣры Годунова противъ Лжедмитрія, 10) вступленіе Лжедмитрія въ московскіе предѣлы, 11) смерть Бориса, провозглашеніе Лжедмитрія царемъ.

Царствованіе Лжедмитрія I.

Царствованіе Василя Шуйскаго: 1) причины новыхъ смуть, 2) возстаніе южныхъ областей въ пользу самозванца, 3) борьба Шуйскаго съ Болотниковымъ и появленіе втораго самозванца, 4) Лжедмитрій 2-й въ Тушинѣ, 5) успѣхи Тушинцевъ на сѣверѣ, 6) возстаніе народа на сѣверѣ противъ Тушинцевъ, 7) борьба Москвы съ Тушиномъ, 8) движеніе князя Скопина Шуйскаго, 9) вступленіе польскаго короля въ предѣлы Московскаго государства и слѣдствія этого вступленія для Тушипа, 10) торжество Скопина и смерть его, 11) сведеніе царя Василя съ престола.

Междуцарствіе: 1) провозглашеніе царемъ королевича Владислава; 2) посольство Филарета Никитича и князя В. Голицына къ королю; вступленіе Поляковъ въ Москву; отъѣздъ Жолкѣвскаго и переговоры великихъ пословъ съ панами подъ Смоленскомъ; 3) поведеніе Салтыкова и Андропова въ Москвѣ, возстаніе восточныхъ народовъ противъ Владислава и смерть втораго Лжедмитрія; 4) первое общее движеніе противъ Поляковъ; 5) причины неудачи перваго ополченія; 6) сожженіе Москвы; 7) заточеніе Филарета и Голицына и взятіе Смоленска; 8) смерть Ляпунова; 9) взятіе Новгорода Шведами и появленіе третьяго Самозванца; 10) Троицкія грамоты; 11) Мининъ и Пожарскій; 12) Пожарскій въ Ярославлѣ; 13) Пожарскій въ Москвѣ; 14) очищеніе Китай-города и Кремля отъ Поляковъ; 15) неудачный походъ короля Сигизмунда противъ Москвы и избраніе въ цари Михаила Феодоровича Романова.

Царствованіе Михаила Феодоровича: 1) посылка въ Кострому за Михаиломъ и подвигъ Сусанина; 2) царское вѣнчаніе Михаила и война съ Заруцкимъ; 3) война съ казаками; 4) пойна и безуспѣшные переговоры съ Польшею; сношеніе съ Австрією; 5) сношенія съ Турцією и Персією; война и миръ съ Швецією; 6) война съ Польшею и Деулинское перемиріе; 7) патриархъ Филаретъ Никитичъ и его значеніе; 8) сношенія съ Швецією, Англією и Францією; 9) вторая Польская война; 10) взятіе Азова казаками; 11) дѣятельность Михаила и Филарета для возстановленія опустошеннаго государства; 12) иностранные промышленники; 13) сельскіе жители; распростра-

пеніе русскихъ владѣній въ Сибири; 14) исправленіе книгъ; 15) просвѣщеніе и литература.

Состояніе Западной Россіи въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка: 1) іезуиты въ Литвѣ и мысль объ униі; 2) братства; 3) причины, заставившія нѣкоторыхъ епископовъ желать униі; 4) епископы подчиняются папѣ; 5) Брестскій соборъ 1596 г.; 6) борьба православныхъ съ униятами и католиками; распространеніе просвѣщенія; 7) казаки и ихъ возстанія противъ польскаго правительства.

Царствованіе Алексѣя Михайловича: 1) правленіе Морозова; 2) Никонъ; 3) уложеніе; 4) мятежи въ разныхъ городахъ и патриаршество Никона; 5) Богданъ Хмѣльницкій и присоединеніе Малороссіи; 6) война съ Польшею; 7) война съ Швеціею; 8) смуты въ Малороссіи по смерти Богдана Хмѣльницкаго и вторая война съ Польшею; 9) расколъ и паденіе Никона; 10) Соловецкое возмущеніе; 11) бунтъ Разина; 12) смуты малороссійскія, война турецкая и кончина царя Алексѣя; 13) подготовка къ преобразованію въ царствованіе Алексѣя Михайловича; Симеонъ Полоцкій; 14) Ордынъ Нащокинъ; 15) Матвѣевъ; 16) Ртищевъ.

Царствованіе Θεодора Алексѣевича: 1) перемѣны при дворѣ въ началѣ царствованія; 2) война и перемиріе съ Турками; 3) уничтоженіе мѣстничества; 4) Славяно-Греко-Латинская академія.

Общій обзоръ внутренняго состоянія Московскаго государства; 2) отношенія его къ востоку и западу; 3) правленіе; 4) дѣяки; 5) приказы; 6) государственные доходы; войско; 7) города и села; 8) церковь; 9) нравы и обычаи.

IV. Классъ.

Дюовластію: 1) избраніе въ цари Петра Алексѣевича; 2) царица Наталья и царевна Софія; 3) Стрѣлецкій бунтъ; 4) раскольничье движеніе; 5) гибель Хованскаго; 6) внутреннія распоряженія Софіи; 7) миръ съ Польшею; 8) крымскіе походы; 9) Перчинскій договоръ; 10) дѣтство и воспитаніе царя Петра I; 11) низверженіе Софіи.

Царствованіе Петра Великаго: 1) дѣятельность Петра въ первые пять лѣтъ по удаленіи Софіи; 2) Азовскіе походы; 3) кораблестроевіе кумпанствами; 4) снаряженіе великаго посольства; 5) заговоръ Циклера; 6) поѣздка Петра за границу; 7) Стрѣлецкій бунтъ; 8) возвращеніе Петра изъ за границы; 9) бритье бородъ и перемѣна платья; 10) стрѣлецкій розыскъ; 11) Паткуль; 12) начало Сѣверной войны, пораженіе подъ Нарвою; 13) успѣхи Русскихъ въ Ливоніи; основаніе

Петербурга; 14) дѣйствія Карла въ Польшѣ; бунтъ въ Астрахани; затруднительное положеніе Петра; Альтранштадтскій миръ; 15) Карлъ приближается къ русскимъ границамъ; Булавинскій бунтъ; 16) сраженіе при Добромъ и Лѣсномъ; измѣна Мазепы; 17) Полтавская битва и успѣхи Русскихъ въ прибалтійскихъ областяхъ; 18) война турецкая; 19) продолженіе Сѣверной войны; разладъ Петра съ союзниками; путешествіе его во Францію; 20) окончаніе Сѣверной войны 21) война персидская и кончина Петра Великаго.

Внутренняя дѣятельность Петра Великаго: 1) въ отношеніи къ церкви; 2) чины; 3) городскіе жители; 4) сельское народонаселеніе; 5) иностранцы; 6) законодательство; 7) управленіе; 8) войско; 9) финансы; 10) полиція; 11) промышленность и торговля; 12) просвѣщеніе; 13) нравы и обычаи; 14) важнѣйшіе дѣятели Петровскаго времени; 15) престолонаслѣдіе.

Царствованіе императрицы Екатерины I.

Царствованіе Петра II Алексѣевича: 1) Мепъниковъ; 2) Долгорукіе; 3) дѣла внѣшнія; 4) дѣла внутреннія; 5) Малороссія.

Царствованіе Анны Іоанновны: 1) политика верховниковъ; 2) паденіе верховниковъ; 3) нѣмецкая партія; 4) бѣдствія Бироновскаго времени; 5) внутреннія распоряженія правительства; 6) дѣла внѣшнія; 7) Биронъ правитель и кончина императрицы.

Правленіе Бирона и Анны Леопольдовны.

Царствованіе Елисаветы Петровны: 1) лейбъ-компанія; 2) престолонаслѣдіе и главныя дѣйствующія лица въ царствованіе Елисаветы; 3) дѣла внѣшнія; 4) внутреннія распоряженія.

Царствованіе Петра III Осодоровича.

Литература отъ Петра II до Екатерины II: 1) общій характеръ; 2) Ломоносовъ; 3) труды по русской исторіи; 4) Сумароковъ; 5) театръ.

Царствованіе императрицы Екатерины II: 1) внутреннее неустройство; 2) дѣла курляндскія; 3) волненія въ Польшѣ; 4) первал турецкая война; 5) первый раздѣлъ Польши и миръ съ Турціею 6) чума и бунтъ Московскій; 7) Пугачевъ; 8) вооруженный нейтралитетъ; 9) присоединеніе Крыма; 10) войны -- вторая турецкая и шведская; 11) перемѣны въ Польшѣ и второй раздѣлъ ея; 12) третій раздѣлъ Польши; 13) отношенія къ революціонной Франціи; 14) персидская война.

Внутренняя дѣятельность императрицы Екатерины II: 1) общій характеръ и наиболѣе вліятельные люди; 2) наказъ къ сочиненію новаго Уложенія; 3) обращеніе къ сенату; указъ о взяточничествѣ;

повые штаты; ордена; 4) учрежденія для управленія губерній; 5) финансы; 6) дворянство; 7) города; 8) сельское народонаселеніе; иностранные колонисты; 9) уничтоженіе гетманства и запорожья; 10) мѣры относительно духовенства; 11) мѣры относительно раскола; 12) мѣры для умноженія и сохраненія народонаселенія; 13) мѣры для народнаго воспитанія; 14) литературная дѣятельность Екатерины II; 15) общій характеръ литературы Екатерининскаго времени; 16) Сумароковъ, Фонъ-Визингъ, Державинъ; 17) историческіе труды.

Царствованіе императора Павла Петровича: 1) миролюбивое расположеніе императора; 2) причина войны съ Франціею; 3) политики Австріи и Пруссіи; 4) союзъ пяти державъ противъ Франціи; 5) дѣйствія турецко-русской эскадры; 6) Суворовъ; 7) торжество Суворова въ Италіи надъ Моро и Макдональдомъ; 8) непріятности Суворову отъ австрійскаго правительства; 9) дѣйствія Русскихъ въ южной Италіи; 10) побѣда при Нови и походъ Суворова въ Швейцарію; 11) разрывъ Россіи съ Австріею и Англіею; 12) миръ съ Франціею и приготовленія къ войнѣ съ Англіею; 13) внутреннія дѣятельности императора Павла.

Царствованіе императора Александра I: 1) двѣ первыя войны съ Франціею; 2) война шведская; 3) война турецкая и персидская; 4) причины третьей французской войны; 5) Барклай-де-Толли и Багратіонъ; 6) пожертвованія Русскихъ въ отечественную войну; 7) Смоленскъ; 8) Кутузовъ; 9) Бородино; 10) оставленіе Москвы Русскими и занятіе ея Французами; 11) Кутузовъ въ Тарутинѣ; партизаны и народная война; 12) выходъ Французовъ изъ Москвы; 13) битва при Малоярославцѣ и бѣдственное отступленіе Французовъ по Смоленской дорогѣ; 14) переправа черезъ Березину и очищеніе Россіи отъ враговъ; 15) заграничная война 1813 года; 16) война 1814 г.; 17) Вѣнскій конгрессъ и Ватерлоо; 18) священный союзъ и конгрессы: Троннавскій, Лайбахскій и Веронскій; дѣла польскія; возстаніе Грековъ и кончина императора Александра I.

Внутреннія дѣятельности императора Александра I: 1) административныя преобразованія; 2) мѣры относительно народнаго образованія.

Царствованіе императора Николая I: 1) возшествіе на престолъ; 2) война съ Персіею; Туркманчайскій миръ; 3) образованіе Герцескаго королевства: положеніе христіанъ въ Турціи и возстаніе Грековъ; борьба за независимость; наваринскій бой; 4) турецкая война; адрианопольскій миръ; 5) положеніе Сербовъ подъ игомъ Турокъ; возста-

ніе Сербоиъ; Кара-Георгій; Милошъ Обреновичъ; содѣйствіе Россіи къ возникновенію Сербскаго княжества; 6) возстаніе въ Польшѣ: учредительная хартія, партіи въ Польшѣ; заговоръ и мятежъ въ Варшавѣ; усмиреніе Польши; 7) возстаніе Венгровъ; венгерскій походъ; 8) возсоединеніе уніатовъ; 9) составленіе Полнаго Собранія и Свода законовъ; 10) мѣры относительно народнаго образованія.

Событія послѣдняго времени: 1) Восточная война: причины и поводъ къ ней; осада Севастополя; 2) продолженіе Восточной войны въ царствованіе императора Александра II: 1) занятіе Севастополя; взятіе Карса; 2) Парижскій миръ; 3) покореніе Кавказа; 4) занятіе Туркестанской области; 5) Приамурскій край; 6) мятежъ въ Польшѣ; 7) отмѣна важнѣйшихъ постановленій Парижскаго мира; 8) общій характеръ русской литературы первой половины XIX вѣка; 9) Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь; 10) труды по отечественной исторіи въ первой половинѣ XIX вѣка; 11) реформы императора Александра II: отмѣна крѣпостнаго права; отмѣна тѣлесныхъ наказаній; земскія учрежденія; новые суды; главнѣйшія правительственныя распоряженія для развитія образованія, торговли, промышленности, финансовъ и по общей воинской повинности.

При изученіи русской исторіи въ III-мъ (2-го года) и IV-мъ классахъ въ руководство припятъ учебникъ русской исторіи *С. Соловьсва*.

Г. ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

I классъ 2-й годъ.

Понятіе объ исторіи и біографіи. Когда начинается всеобщая исторія и какъ она раздѣляется. вспомоgetельныя науки исторіи. Что такое эра? Что такое эпоха?

Начало міра, людей и первыхъ государствъ.

Исторія Евреевъ: потомки Ноя, Авраамъ, Евреи въ Египтѣ, странствованіе ихъ по Аравіи и смерть Моисея, завоеваніе Хапаана, према судей и начало царской власти, торговыя сношенія съ Финикіей; раздѣленіе и упадокъ.

Финикиане, ихъ колоніи, основаніе Кароагена, открытія и изобрѣтенія, торговля и сношенія съ Евреями.

Египтяне, ихъ страна, дѣленіе на касты, религія, памятники, царствованіе Сезостриса, завоеваніе Египта Персами.

Ассиріяне и Вавилоняне, разказы о Пилѣ и Семирамидѣ, Сардапалѣ и Арбакѣ.

Персы, Киръ, его война съ Крезомъ, покореніе Арменіи, Малой Азіи и Вавилона, возвращеніе Іудеевъ изъ Вавилонскаго плѣненія, смерть Кира.

Греки, мионическое время Греціи: Геркулесъ и Тезей, Ізонъ и Аргонавты, герои Троянской войны: Ахиллъ и Гекторъ, Пріамъ, взятіе Трои.

Историческое время Греціи: Ликургъ, сословія въ Спартѣ, правленіе по законамъ Ликурга, цари, воспитаніе, образъ жизни и обычая, смерть Ликурга.

Кодръ, архонты, Солонъ, арсоначъ, правленіе въ Афинахъ, воспитаніе, смерть законодателя.

Греко-персидскія войны: Мильтіадъ, сраженіе при Маратонѣ, Леонидъ и Оемистоклъ: битва при Фермопилахъ и Саламинѣ. Олимпійскія игры, Аристидъ.

Периклъ, Алкивиадъ, Сократъ.

Александръ Македонскій.

Римляне: страна, народъ и вѣра.

Время царей: Ромуль и Ремъ; разрушеніе Альбы-Лонги. Анкъ Марцій, Тарквиній Древній, Сервій Туллій, Тарквиній Гордый.

Пуническія войны: первая пуническая война — Дуилий и Регулъ; вторая пуническая война—Аннибалъ; третья пуническая война—Сципіонъ Африканскій младшій.

Юлій Цезарь и Августъ.

Константинь Великій.

Большое переселеніе народовъ, Аттила; паденіе Западной Римской имперіи.

Распространеніе христіанства между Германцами: крещеніе Франковъ, Англосаксовъ.—Григорій и блаженный Августинъ, Волифацій.

Византійская имперія: Юстинъ и Юстиніанъ, Велизарій и Вандалы, Софійская церковь, война Ираклія съ Хозроемъ, возвращеніе Св. Креста.

Магометъ, его ученіе и завоеванія.

Карлъ Великій, его коронованіе, покровительство просвѣщенію и желаніе сблизиться съ Византіею; Григорій VII и Генрихъ IV. Первые крестопосцы; пилигримы; св. мѣста во власти Турокъ, Петръ Амьенскій, соборъ въ Клермонѣ, походъ Петра Пустыпника, Готфридъ Бульонскій, взятіе Антиохіи осада, Іерусалима, избіеніе мусульманъ, Готфридъ король.

Открытія и изобрѣтенія на западѣ Европы въ XV вѣкѣ: путь въ

Индію до XV вѣка, Колумбъ въ Португаліи, въ Испаніи и на морѣ, Сантъ-Сальвадоръ, триумфъ Колумба, клевета на него, униженіе и смерть.

Церковные реформаторы: злоупотребленіи папъ; Гусъ проповѣдникъ, партіи въ Чехіи, Гусъ на Констанскомъ соборѣ, осужденіе Гуса и его смерть. Лютеръ, его дѣтство, пребываніе въ монастырѣ, участіе къ нему Фридриха Мудраго, индульгенціи, начало реформаціи, церковь лютеранская, свойства Лютера. Кальвинъ.

Фридрихъ Великій.

Наполеонъ, его дѣтство, начало его дѣятельности, начальство надъ альпійской арміей; Суворовъ въ Италиі, сраженіе при Требін, Суворовъ въ Швейцаріи и его смерть. Наполеонъ консулъ и императоръ, униженіе Германіи, могущество Наполеона, отношенія его къ императору Александру I, великая армія, Барклай-де-Толли, дѣйствіи Александра I, сраженіе при Вородинѣ, отступленіе Кутузова, Наполеонъ въ Москвѣ, народное ополченіе и партизаны, гибель великой арміи, сраженіе при Лейпцигѣ, взятіе Парижа и низложеніе Наполеона, слава Александра, униженіе и смерть Наполеона.

По всеобщей исторіи въ I-мъ классѣ принятъ учебникъ *Овсянникова*.

II классъ 1-й годъ.

Подробное систематическое преподаваніе древней исторіи до исторіи Рима, а именно:

Историческія племена и народы древняго міра: народы семитическаго племени: Вавилоно-Ассирійне, мѣстность, выгодное положеніе Вавилона въ торговлѣ, очеркъ исторіи Вавилоно-Ассирійскаго государства, гражданственность Вавилонитъ и Ассирійитъ.

Исторія Финикійитъ и Кароагепанъ.

Евреи, описаніе страны, народа, ихъ родоначальники, цари, раздѣленіе и упадокъ.

Египтяне: мѣстность, древнѣйшая исторія государства: Менесъ, Гиксы, Ромазесъ II Міамунъ, господство Ефіоплянъ, Псамметихъ, Нехао, Априсъ и Амазисъ, Псаменитъ, гражданственность древнихъ Египтянъ.

Народы арійскаго племени: Иранцы, краткій очеркъ исторіи Ирана. Индусы, краткій очеркъ исторіи Индіи и гражданственность древнихъ Индусовъ. Персы, ихъ мѣстность, правленіе Кира, Камбиза.

Лжесмердиса и Даріа Гистасна; время упадка и гражданственность Персовъ.

Пародъ Монгольскаго племени: Китайцы, ихъ страна, краткій очеркъ исторіи и особенности гражданственности Китая.

Исторія Греціи и Македоніи:

Географическій обзоръ греческаго материка, характеръ и происхожденіе греческаго народа, предапія объ Элинахъ, выходцы: Ксандронъ, Данай, Кадмъ, Пелопсъ, Орфей. Героическія времена Греціи: Персей, Геркулесъ, Тезей, Язонъ, походъ Аргонавтовъ, Фиванскія войны, Троянская война; сцены изъ Иліады: свадьба Пелса и Фетиды, Греки въ Авлидѣ, битва передъ Троей, Ахиллесъ и его распри съ Агамемнономъ, прощаніе Гектора съ Андромахой, борьба Ахилла съ Гекторомъ, Ахиллъ и Пріамъ, взятіе Трои; странствованіе Одиссея и возвращеніе на родину. Гражданственность первобытной Греціи.

Историческая Греція: Ликуртъ и его учрежденія: сословія, раздѣлъ земель, занятія и образъ жизни, воспитаніе, воинственность, и обращеніе съ Илотами.

Покореніе Мессеніи.

Атика: Аонины, правленіе, Кодръ, законы Дракона; Солонъ, его законы: облегченіе должниковъ, раздѣленіе граждапъ по имуществу, государственное управленіе, занятія Аонианъ, воспитаніе дѣтей, состояніе рабовъ. Пизистратъ, Клисоенъ.

Обзоръ второстепенныхъ государствъ Греціи. Колоніи Малоазійскія, восточныя и западныя.

Войны Персовъ съ Греками: возстаніе Малоазійскихъ колоній, неудача Мардонія, походъ Датиса и Артаферна, Мильтіадъ, битва при Марафонѣ, неудачный походъ Мильтіада и его смерть.

Аристидъ и Семистоклъ, ихъ соперничество. Нашествіе Ксеркса, битва при Оермоніахъ, Саламинъ, Платей и Микалъ.

Возвышеніе Аонца, паденіе Павзанія. Кимонъ.

Время Перикла въ Аонцахъ. Личность Перикла, его частная жизнь и дѣятельность, мѣры въ пользу демократіи, состояніе искусствъ и наукъ.

Пелопонезская война. Клеонъ и Пикій. Алкивиадъ и его политическая дѣятельность.

Спартанская гегемонія и возстаніе противъ нея. Правленіе 30 тирановъ и возстаніе Аонцевъ противъ спартанской власти. Огуступле

десяти тысячъ Грековъ, походъ Агезилая. Коринская война. Анталкидовъ миръ.

Борьба Ояпацевъ за независимость Греціи отъ спартанской гегемоніи, дѣятельность Пелопида и Эпамияпода.

Сократъ и его ученіе, философскія школы и софисты. Послѣдователи Сократа: Платонъ, Аристотель и друг. Диогенъ.

Македонія: Филиппъ, его дѣятельность, Священная Фокидская война, Демосоевъ. Паденіе греческой независимости.

Александръ Великій, усмиреніе возставій, покореніе Персидскаго царства, походъ въ Индію, смерть Александра. Судьба Македоніи.

2-й годъ.

Систематическое преподаваніе исторіи Римлянъ.

Географическій обзоръ Италиі, происхожденіе римскаго народа. Этруски, Латины, Сабини.

Основаніе Рима, учрежденія Ромула, похищеніе Сабинокъ, смерть Ромула.

Избраніе Нумы, его характеръ и учрежденія. Туль Гостилій, паденіе Альби-Лонги.

Анкъ Марцій, Тарквиній Прискъ, что сдѣлалъ онъ для Рима, его смерть.

Сервій Туллій, патриціи и плебеи, реформы: трибы, цензуриі, собранія: цензуриатскія, куриатскія и трибунискія, смерть Сервія.

Тарквиній Гордый. Начало республики, борьба съ Тарквиніемъ, Брутъ, Валерій Попликола, Порсена, Горацій Коклесь, Муцій Сцевола.

Возстаніе плебеевъ противъ долговаго права и учрежденія трибуната, Мененій Агриппа, Кай-Марцій Коріоланъ.

Споры за участіе въ общественномъ полѣ и за общіе законы: Спуриі Кассій, Терентилъ Арса, Цинциннатъ, децемвиры.

Споры за право браковъ и консульскую власть и избраніе цензоровъ. Война съ Веентинцами, Камиллъ въ качествѣ диктатора, Галлы въ Римѣ.

Уравненіе въ правахъ плебеевъ съ патриціями, Манлій—покровитель и другъ бѣдныхъ. Лициніевы законы.

О Самнитскихъ войнахъ: характеръ Самнитянъ, мѣсто ихъ жительства и занятія, Валерій Корвъ и Корнелій Коссъ. Латинская война, Титъ Манлій, Торкватъ и Децій Мусъ; условія мира. Вторая Самнитская война: Фабій Максимъ и Децій Мусъ.

Тарентская война: городъ Тарентъ, нравы жителей, Пирръ и Кипнасъ, Фабрицій, битва при Аскудумъ, Марій Курій, сраженіе при Бепевентъ.

Первая Пуническая война: построеніе флота, побѣда, одержанная Дуилиемъ, Регулъ и миръ.

Вторая пуническая война, покореніе сѣверной Италіи, Аннибалъ, его походъ на Италію, Фабій Максимъ, переходъ черезъ Альпы, Корнелій Сципіонъ при Роданъ, сраженіе при Тицинъ, Гребіи, переходъ черезъ Арпо, пораженіе Фламинія при Тразименскомъ озерѣ и дѣйствія Фабія Максима, хитрость Кароагенианъ, Павелъ Эмилиі и Варровъ, битва при Каннахъ, побѣда Римлянъ при Нолъ, взятіе Сиракузъ и смерть Архимеда, Асдрубалъ, Сципіонъ Африканскій, взятіе новаго Кароагена, побѣда Сципіона въ Африкѣ, возвращеніе Аннибала, битва при Замъ, условія мира, преобразованія въ устройствѣ и управленіи Кароагена; судьба Аннибала.

Покореніе Македоніи и Греціи и уничтоженіе Сирійскаго царства.

Третья Пуническая война. Покореніе Испаніи.

Состояніе римской республики въ концѣ II вѣка и отношенія къ ней покоренныхъ народовъ: объемъ права Италійцевъ и провинцій, Греческое и восточное вліяніе, оптиматы и пролетаріи, охранительная и преобразовательная партія. Тиберій и Кай-Гракхи.

Упадокъ республиканскаго управленія въ Римѣ, возвышеніе Маріа. Югуртинская война, Кимвры и Тевтоны, Сулла, союзническая война, война съ Митридатомъ Великимъ.

Помпей Великій, война съ рабами и неполюниками или съ гладиаторами, съ морскими разбойниками, вторая война съ Митридатомъ.

Востокъ и его вліяніе, заговоръ Катилины, Цицеронъ, возвращеніе Помпея въ Римъ.

Возвышеніе Юлія Цезаря, первый триумвиратъ, покореніе Галліи, борьба съ Помпеемъ, Александрійская война, Катонъ Утичскій, диктаторство Цезаря, его смерть. Антоній и Октавианъ, второй триумвиратъ.

Августъ, его власть, образъ жизни, мѣры для упроченія власти въ Римѣ, заботы о провинціяхъ, постройки, война, семейныя отношенія Августа.

Тиберій, Кай Калигула; избраніе Клавдія, его правленіе, вліяніе Мессалины, заговоръ, бракъ съ Агриппиною и его смерть.

Неронъ, его характеръ, отношенія къ матери, образъ его жизни,

женитьба на Октавіи, ея смерть, убійство Сенеки и Помпеи, гоненіе на христіанъ, возстаніе Гальбы, бѣгство Нерона и его смерть. Оттонъ, Гальба и Вителлій.

Веспасіанъ, польза его правленія, постройки, образъ жизни, смятеніе гальскихъ легионовъ, подчиненіе Риму Британіи, усмиреніе Евреевъ, разрушеніе Іерусалима. Титъ, его характеръ, бѣдствія въ его правленіи. Геркуланъ и Помпей. Домиціанъ. Нерва. Траянъ, Адрианъ, Антонинъ Пій, Маркъ Аврелій.

Вѣкъ разстройства имперіи и своеволіи войска: состояніе общества. Коммодъ. Септимій-Северъ. Каракала. Эліогабалъ. Александръ-Северъ. Авреліанъ. Діоклетіанъ и его соправители, гоненіе на христіанъ.

Константинъ Великій, война съ Максенціемъ, перенесеніе столицы, украшеніе города, содѣйствіе его матери Елены къ распространенію христіанства, новое устройство имперіи, семейная жизнь Константина, принятіе христіанства, его кончина. Юліанъ Отступникъ. Феодосій Великій и раздѣленіе имперіи.

При преподаваніи древней исторіи во II-мъ классѣ какъ руководство принять учебникъ *Нессельта* и *Илювайскаю*.

III-й классъ 1-й годъ.

Курсъ средней исторіи.

Объемъ, общій характеръ и раздѣленіе средней исторіи.

Первоначальныя племена и народы средних вѣковъ. Народы Романскаго племени, Германскаго и Славянскаго.

О Кельтахъ первоначальныхъ жителей Европы, ихъ дѣленіе на кланы, друиды, религія, столкновенія съ Римлянами.

Германцы до великаго переселенія народовъ: характеръ страны, образъ жизни, марка вира, литы, рабы, марковое собраніе, графы и маркграфы, геллейтъ гау, гауграфы, герцоги, эдиллинги, фрилинги, конунги, ордаліи, религія, положеніе женщинъ и столкновенія Германскихъ народовъ съ Римлянами и дѣленіе на мелкія племена, независимыя другъ отъ друга.

Великое переселеніе народовъ: Гунны, движеніе Остъ-Готоовъ и Вестъ-Готоовъ, Аларихъ, его походъ на Грецію и Италию, Стиликонъ, отступленіе отъ Рима и смерть Алариха; Атаульфъ и Валлія, основаніе вестъ-готескаго королевства, вандалскаго государства, бургундскаго королевства и семи англо-саксонскихъ государствъ; Аттила, его походъ на Восточную и Западную Римскую имперію, походъ на Галлію,

Женева, движеніе его къ Орлеану, Каталаупская битва, вторичный походъ въ Италію, посольство о мирѣ и смерть Аттілы.

Паденіе Западной Римской имперіи и государства, образовавшагося на ея развалинахъ.

Остѣ-готское государство: Одоакръ и Теодорикъ Великій, его правленіе, покровительство просвѣщенію, торговлѣ и промышленности, религиозная отдѣльность Готовъ отъ Италианцевъ, смерть Боэція и Симмаха, Амалазунта, походъ Велизарія въ Италію, борьба остѣ-готскихъ королей: Теодата, Витигеса, Тотилы и Тейлса; основаніе эксархата Нарзесомъ.

Лонгобардское государство: Лонгобарды въ Италіи, Альбоинъ и Лутари.

Государство Франковъ: первоначальные жители пнѣшней Франціи; Хлодвигъ, крещеніе Франковъ, слѣдствіе католичества, побѣда надъ Гундебольдомъ, соединеніе франкскихъ племенъ. Междоусобія Меровинговъ, распаденіе франкскаго государства при первыхъ пріемникахъ Хлодвига. Маюрдомы. Пипинъ Ланденскій, Пипинъ Геристальскій, Карлъ-Мартель и Пипинъ Короткій.

Карлъ Великій: войны съ Лонгобардами, Саксонцами и Славянами, покореніе испанскихъ Аравитянъ, война съ Аварями, коронованіе Карла; его учрежденія, личность, смерть и погребеніе Карла.

Распаденіе монархіи Карла Великаго: Людовикъ Благодетельный, его борьба съ сыновьями, раздѣленіе Карловой монархіи по Вердюнскому договору, слабость Кармовинговъ, Карлъ Толстый.

Феодализмъ, его происхожденіе, аллодіальная и ленная система, общій видъ феодальнаго государства, сословная рознь, упадокъ провинціи; происхожденіе и основы рыцарства, воспитаніе и занятіе рыцаря, значеніе рыцарства и состояніе женщины въ средніе вѣка.

Исторія государствъ, образовавшихся изъ имперіи Карла Великаго: исторія Франціи: Карлъ Простоватый, воцареніе династіи Капетинговъ: Гуго-Капетъ. Робертъ. Генрихъ I и Филиппъ I.

Исторія Италіи: паденіе независимости Ломбардіи и переходъ императорскаго достоинства къ нѣмецкимъ королямъ. Паденіе власти византійскихъ императоровъ въ южной Италіи и основаніе въ ней нормандскаго герцогства. Возвышеніе папской власти.

Исторія Германіи: распространеніе христіанства Бонифаціемъ, Арнульфомъ, Людовикъ-Дитя, Конрадъ. Короли саксонской династіи: Генрихъ I. Птицеловъ, три Оттона, Генрихъ II. Франконскій домъ: Кон-

радъ II, Генрихъ III, Генрихъ IV, борьба съ Саксами—съ Григоріемъ VII, Генрихъ V. Вормскій копкордатъ.

Исторія Англіи: гептархія, введеніе христіанства, Эгбертъ, борьба съ Датчанами, Альфредъ Великій, вражда Норманновъ противъ христіанской вѣры, построение флота, пораженіе Англо-Саксовъ, бѣдствіи короля, его освобожденіе, мировыя учрежденія и государственное хозяйство. Эдмундъ. Канутъ Великій. Эдуардъ Исповѣдникъ. Вильгельмъ Завоеватель и его наследники.

Исторія Восточной Римской имперіи: характеръ византійской исторіи и пункты, въ которыхъ сосредоточивался главный интересъ ея; Аркадій и его преемники, Юстиніанъ Великій, вѣщнія предпріятія, Феодора и партія цирка, изданіе законовъ, преемники Юстиніана, Гераклій, иконоборство. Македонская династія, сношенія съ Русскими и раздѣленіе церквей.

Исторія Аравіянъ: Аравія и ея жители, Магометъ и его ученіе; первые халифы, процвѣтаніе халифата при Аббасидахъ: Аль-Мансуръ, Гарунъ-аль-Рашидъ, Аль-Мамунъ; распаденіе халифата, Маавры Газневиды, Турки Сельджукскіе.

Крестовые походы: причины крестовыхъ походовъ, святая земля, Петръ Пустынникъ, соборъ въ Піаченцѣ и Клермонѣ, первый походъ, главные вожди, Готфридъ Бульонскій, взятіе Антиохіи, осада Іерусалима, Готфридъ король, королевство Іерусалимское; Бернгардъ; второй походъ, третій походъ и Ричардъ — Львиное Сердце; четвертый походъ и Латинская имперія, исходъ крестовыхъ походовъ и слѣдствія.

Франція: возстаніе противъ средневѣковой западной церкви и папства въ XII и XIII вѣкахъ (Абеляръ и Альбигойцы); споръ короли Филиппа IV Красиваго съ папою Бонифациемъ VIII и перенесеніе папскаго престола изъ Рима въ Авиньонъ; борьба монархіи съ феодализмомъ: городскія общины; французско-англійская война за наследство, возобновленіе войны при Генрихѣ V Англійскомъ, Орлеанская Дѣва, торжество монархіи во Франціи.

Англія: Плантагенеты, борьба англійскихъ королей съ духовенствомъ, начало представительнаго правленія въ Англіи, войны Вѣлой и Алой Розы, войны съ Ирландіею, Валлисомъ и Шотландіею.

Германія: Гогенштауфены и Вельфы, Фридрихъ Барбаросса, Генрихъ VI, Фридрихъ II и паденіе Гогенштауфеновъ.

Междоусобице: кулачное право, тайное судилище, ганзейскій союзъ; первые Габсбурги и швейцарскій союзъ, Рудольфъ Альбрехтъ I, Вильгельмъ Телль, Леопольдъ Австрійскій. Люксембургскій домъ: Генрихъ

VII, Людовикъ Баварскій, Карлъ VI и Золотая булла, Венцеславъ, Рупрехтъ Пфальцскій, Сигизмундъ, великій расколъ и Гусситское движеніе, Альбрехтъ II Австрійскій, Фридрихъ III и Максимилианъ I.

Вольные города Италіи: Миланъ, Венеція и Генуя, Флоренція и Папская область: монашескіе ордена, упадокъ папства, Коло-ди-Ріензи.

Пиренейскій полуостровъ: Мавры въ Испаніи, Аррагонія и Кастилія; начало королевствъ Испанскаго и Португальскаго. Фердинандъ Католикъ, паденіе Гренады, инквизиція.

Государства Скандинавіи въ средніе вѣка: Скандинавы, знаменитые конунги, образованіе трехъ государствъ, Вальдемаръ II, Биргеръ, Гаральдъ Смѣлый, Кальмарская унія.

Исторія Славянскихъ государствъ: Дунайскіе Болгары, царствованіе Симеона и Петра, паденіе Болгарскаго царства, возстаніе Болгаръ и правленіе Самуила, Гавриилъ Радоміръ, Іоаннъ Владиславъ; второе паденіе Болгарскаго царства, паденіе верховной власти Византіи. Сербы, св. Савва, Стефанъ Нѣманъ, Стефанъ II Первовѣнчанннй, Стефанъ IV Душанъ, Османскіе Турки и Коссовская битва. Черногорія.

Чехо-Моравы, Великоморавская держава, династія Пшемисловичей, Гусситская эпоха и Георгій Подибрадъ. Поляки, династія Пястовъ, Ягеллоны. Полабскіе Славяне. Исторія Венгріи. Византійская исторія послѣ крестовыхъ походовъ.

2-й годъ III-го класса.

Курсъ новой исторіи:

Переходъ изъ средневѣковой жизни въ новую. Эпоха изобрѣтеній и открытій: бумага, книгопечатаніе — Гуттенбергъ, компасъ Флавіо Джойо, огнестрѣльные снаряды — Рожеръ Бэконъ, Варгольдъ Шварцъ; открытія Португальцевъ — Генрихъ Мореплаватель, Діацъ, Васко-де-Гама (Кобраль, Альбюкеркъ); открытія и колоніи Испанцевъ: Колумбъ и его четыре путешествія въ Новый Свѣтъ, Магеллашъ, Ф. Кортесъ, Пизарро, Альмагро; управленіе испанскихъ колоній, судьба негровъ, Ласъ-Казасъ; слѣдствіе открытія земель.

Возрожденіе наукъ и искусствъ: изученіе классическихъ памятниковъ; Ломбардская школа, Леонардо-де-Винчи и Корреджіо; Флорентинская школа — Микель-Анджело-Буонаротти; Венеціанская школа — Поль Веронези; Римская школа — Рафаэль Савціо.

Гуманисты: Рейхлигъ, Эразмъ Роттердамскій и Ульрихъ-фонъ-Гуттенъ.

Дѣленіе новой исторіи.

Реформація въ Германіи: личность реформатора, споръ объ индульгенціяхъ и постепенное отпаденіе Лютера отъ старой церкви, Вормскій сеймъ и переводъ библии, возстаніе рыцарей и крестьянскія войны; распространеніе реформации посредствомъ мѣстныхъ властей и посылки къ соглашенію церквей, религіозно-политическая война съ протестантами.

Возрожденіе католицизма въ Германіи и новая борьба его съ протестантизмомъ: Лойола, основаніе ордена іезуитовъ. Тридцатилѣтняя война: Рудольфъ II, унія и лига, Матіасъ и возстаніе Чеховъ; первый періодъ: Фердинандъ II, Фридрихъ V. Тилли и Валленштейнъ, реституціонный эдиктъ; второй періодъ: Густавъ Адольфъ, раззореніе Магдебурга, пораженіе Тилли, Люценская битва и смерть Густава, убіеніе Валленштейна; третій періодъ: участіе Французовъ въ войнѣ, Фердинандъ III, Вестфальскій миръ и слѣдствіе войны.

Исторія Франціи: борьба за Италію, Карлъ VIII, походъ въ Италію и слѣдствіе его, Людовикъ XII, Франсуа I.

Состояніе Франціи въ началѣ XVI вѣка: личность реформатора Кальвина, религіозныя движенія при Франсуа I. Генрихъ II и Францискъ II, Гизы, религіозныя войны при Карлѣ IX и Генрихѣ III. Варооломеевская ночь, Генрихъ III, осада Парижа.

Возвышеніе неограниченной монархіи во Франціи: Генрихъ IV Бурбонъ, успокоеніе Франціи (Наутскій эдиктъ), Сюлли, смерть Генриха IV. Людовикъ XIII, Марія Медичи, Ришелье, его политика, Мазарини, Фронда.

Англія во времена Тюдоровъ и Стюартовъ: Генрихъ VII, Генрихъ VIII (Вольсей); введеніе реформации, епископальная церковь, Марія Тюдоръ, Елисавета, Марія Стюартъ и реформація въ Шотландіи, судьба Маріи, непобѣдимая армада.

Стюарты и революція: положеніе партій при Іаковѣ I, борьба Карла I съ парламентомъ, междоусобная война, Кромвелль, протекторатъ и республика.

Исторія испанской монархіи: политика Филиппа II, Эскуриальъ, инквизиція, Дон-Карлосъ; Мориски.

Политическо-религіозная война Нидерландовъ: Нидерланды до Филиппа II, испанскій терроризмъ и борьба за независимость; состояніе Испаніи и Португаліи въ половинѣ XVII вѣка.

Исторія Скандинавскихъ государствъ: распаденіе Кальмарской уніи, Христіанъ II, Стокгольмская кровавая баня, Густавъ Ваза; реформація въ Швеціи, Даніи и Норвегіи.

Исторія Франціи въ царствованіе Людовика XIV: личность короля и понятіе его о государствѣ; установленіе политической централизаціи, установленіе религіознаго единства, административная централизація (Лувуа, Фуке, Кольберъ) и покровительственная система. Стремленіе къ политическому господству и распространеніе абсолютной монархіи въ Европѣ: первая коалиція, Нимвегенскій миръ, вторая коалиція, Рисвикскій миръ. Война за Испанское наслѣдство: третья коалиція, Мальборо и принцъ Евгенийъ, Гохштедтская битва, дѣла въ Испаніи, истощеніе Франціи, перемѣна англійской политики, Утрехтскій миръ. Дворъ Людовика.

Разложеніе старой монархіи при Людовикѣ XV, Бурбонъ и Флері, господство женщинъ, Помпадуръ и Шуазель, Дюббари и Герцогъ Д. Эгильонъ, состояніе Франціи: судопроизводство, подати, буржуазія.

Англія при послѣднихъ Стюартахъ: Карлъ II, отношеніе къ Франціи и Голландіи (Кабаль), споръ о престолонаслѣддіи (виги и тори), Іаковъ II, революція 1688 года.

Конституціонная Англія: Вильгельмъ и Анна, правленіе дома галловерскаго: Георгъ I и II, Вальполь, парламентскіе подкупы, министерство Картерета и Ньюкестля, предпріятіе Карла Эдуарда, Питтъ, Георгъ III; остъ-индская компанія. Сѣверо-американская революція: Франклинъ, Георгъ Вашингтонъ, вмѣшательство Франціи, Парижскій миръ, республика Соединенныхъ Штатовъ.

Исторія Германіи отъ Вестфальскаго мира до французской революціи: исторія Пруссіи, Фридрихъ Вильгельмъ I, Фридрихъ Вильгельмъ II Великій: война за Австрійское наслѣдство, Семилѣтняя война; дипломатическая дѣятельность Фридриха Великаго; правительственная, частная жизнь.

Исторія Австріи: Іосифъ II, его реформы и внѣшнія предпріятія.

Исторія Испаніи: Филиппъ V и планъ Альберони; Карлъ III и монархическіе реформаторы въ Испаніи, Аранда и удаленіе іезуитовъ, Исторія Португаліи, Помбаль.

Исторія Итальянскихъ государствъ.

Исторія Швеціи отъ смерти Густава Адольфа до реформы Карла XI: Христина, Карлъ X; отъ реформы Карла XI до реформы Густава III, реформы Густава. Исторія Даніи.

Французская революція: Людовикъ XVI, перемѣны въ министерствѣ, Тюрго, Неккеръ; времена національнаго и законодательнаго собранія, Конвентъ, Терроръ, Директорія. Наполеонъ Бонапартъ, его походъ въ Италію и Египетъ: Суворовъ въ Италіи, возвращеніе Наполеона. 18 брѹмера 1799 г.

Времена первой французской имперіи: административная дѣятельность Бонапарта, дѣйствія Моро въ Германіи, Амьенскій миръ, Люневильскій миръ; Соле-Наролсон, заговоръ Пишгрю и Кадудалл, казнь герцога Энгіенскаго. Наполеонъ—императоръ, третья коалиція побѣды при Ульмѣ и Аустерлицѣ, Рейпскій союзъ, Прусская кампанія, паденіе Пруссіи, Тильзитскій миръ, Эрфуртскій договоръ, континентальная система, дѣла испанскія, война съ Австрією и Вѣнскій миръ, реформы въ Пруссіи, Германское движеніе, состояніе Франціи. Походъ въ Россію, война за освобожденіе Германіи, Лейпцигская битва, взятіе Парижа, отреченіе Наполеона и возстановленіе Бурбоновъ, сто дней, Вѣнскій конгрессъ, Священный союзъ.

Времена реставраціи: Людовикъ XVIII и реакціи роялистовъ во Франціи; революція въ Испаніи и Португаліи, революція въ Италіи конгрессъ Лайбахскій и Веронскій. Возстаніе Грековъ, борьба за независимость, Наваринскій бой; восточный вопросъ. Карлъ X и Іюльская революція. Людовикъ Филиппъ. Революціонныя движенія въ Германіи, Пруссіи, Австріи, Чехіи, событія въ Англіи. Перечень политическихъ событій.

При преподаваніи курса средней и новой исторіи въ руководство приняты учебникъ Шульгина.

Въ IV классѣ повтореніе всего курса всеобщей исторіи.

Д. ПО ГЕОГРАФІИ.

І классъ 1-й годъ.

Начальныя свѣдѣнія изъ математической и физической географіи, общія свѣдѣнія о населеніи земнаго шара. Краткое описаніе главнѣйшихъ государствъ Европы, Азіи, Африки и Америки.

2-й годъ.

Общее обозрѣніе Россіи въ отношеніяхъ: физическомъ, этнографическомъ и политическомъ, съ указаніемъ направленія народпой дѣятельности въ разныхъ частяхъ Россіи соотвѣтственно физическимъ ихъ особенностямъ и свойствамъ.

II классъ 1-й годъ.

Частное обозрѣніе Россіи по губерніямъ и областямъ въ отношеніяхъ: физическомъ, этнографическомъ и промышленномъ.

2-й годъ.

Обозрѣніе Австраліи, Америки, Африки и Азіи въ тѣхъ же отношеніяхъ.

III классъ 1-й годъ.

Описаніе Европы въ физическомъ, этнографическомъ, культурномъ, торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ.

2-й годъ.

Окончаніе, что окажется непройденнымъ и повтореніе пройденнаго.

Въ руководство при преподаваніи всеобщей географіи принять учебникъ К. Смирнова; по географіи Россіи—Е. Лебедева.

Е. ПО АРИΘМЕТИКЪ.

I классъ 1-й годъ.

Четыре дѣйствія надъ отвлеченными небольшими числами; рѣшеніе самыхъ простыхъ умственныхъ задачъ.

2-й годъ.

Умственное счисленіе, 4 дѣйствія надъ отвлеченными числами, рѣшеніе болѣе трудныхъ умственныхъ задачъ; рѣшеніе простыхъ письменныхъ задачъ, относящихся къ цѣлымъ числамъ.

II классъ 1-й годъ.

Четыре дѣйствія надъ именованными числами, рѣшеніе болѣе трудныхъ письменныхъ задачъ, относящихся къ цѣлымъ отвлеченнымъ и именованнымъ числамъ.

Понятіе о дробяхъ.

2-й годъ.

Объ обыкновенныхъ дробяхъ: 4 дѣйствія надъ ними, рѣшеніе умственныхъ задачъ на дроби

III классъ 1-й годъ.

Рѣшеніе письменныхъ задачъ на дроби.

Дроби десятичныя.

2-й годъ.

Понятіе о пропорціяхъ. Приложение ихъ къ рѣшенію задачъ на тройныя правила, рѣшеніе задачъ на тройныя правила способомъ приведенія къ единицѣ.

IV классъ.

Повтореніе пройденнаго.

Ж. ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

III классъ 2-й годъ и IV классъ.

Понятіе объ устройствѣ вселенной и о землѣ, какъ части ея, составъ и строеніе твердой части земнаго шара, рельефъ суши, вулканическія явленія и землетрясенія. Вода, ея свойства, формы водяныхъ вмѣстителей, морскія теченія, приливъ и отливъ. Атмосфера, ея свойства, температура, давленіе, вѣтры, водяные и электрическіе метеоры.

3. ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ.

I классъ 1-й годъ.

Чтеніе и письмо. Легкій устный и письменный переводъ съ французскаго языка на русскій и заучиваніе легкихъ стихотвореній.

2-й годъ.

Чтеніе съ переводомъ съ французскаго языка на русскій и съ русскаго на французскій.

Диктантъ и ознакомленіе съ грамматическими правилами, а именнo: понятія о частяхъ рѣчи, предложеніи, подлежащемъ и сказуемомъ и спряженіе вспомогательныхъ глаголовъ.

II классъ 1-й годъ.

Чтеніе и рассказы изустные и письменные.

Диктантъ и разборъ грамматическій.

часть CLXXXVIII, отд. 1.

2-й годъ.

Преподаваніе въ систематическомъ порядкѣ этимологін. Диктантъ и письменныя упражненія.

III классъ 1-й годъ.

Синтаксисъ, письменныя упражненія и чтеніе съ переводомъ отрывковъ изъ христоматіи.

2-й годъ.

Знакомство съ классическими произведеніями французской литературы, изустные и письменные переводы съ русскаго языка на французскій, какъ упражненія главнымъ образомъ въ приложеніи пройденныхъ грамматическихъ правилъ.

И. ПО ИСТОРИИ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Только въ III и IV классахъ).

III классъ 1-й годъ.

Литературы древнія: индійская, еврейская, персидская, греческая и латинская.

III классъ 2-й годъ.

Литературы новыя: италіанская, французская, португальская, испанская, нѣмецкая, англійская, шведская, датская, чешская, польская и сербская. Очерки изъ литературъ имѣютъ цѣлью ознакомленіе по возможности съ мыслию и коренными воззрѣніями народовъ, а главное, съ положительными идеалами ихъ жизни, достойными подражанія.

IV классъ.

Чтеніе переводовъ, письменныя упражненія на основаніи матеріала, даваемого очерками, и окончаніе того, что остается непройденнымъ.

ПРОГРАММЫ БРАТСКОЙ ШКОЛЫ.

Младшій столъ.

- а) Чтеніе и объясненіе прочитаннаго.
- б) Умѣнье раздѣлить слово на слоги и отличать гласныя буквы отъ согласныхъ.
- в) Славянское чтеніе Евангелія, рассказъ читаннаго.

- г) Объясненіе трудныхъ словъ, толкованіе смысла.
- д) Умѣнье считать и писать до 100 и производить 4 ариометическія дѣйствія надъ этими числами.
- е) Чтеніе и списываніе съ книги по французски.
Заучиваніе словъ.
Молитвы утреннія и вечернія.

Старшій столъ.

- а) Славянское чтеніе по Евангелію, разсказъ прочитаннаго, переводъ на русскій языкъ. Цифры славянскія;
- б) Чтеніе русское, толковое объясненіе прочитаннаго;
- в) Умѣнье писать подъ диктовку безъ грубыхъ ошибокъ;
- г) Умѣнье отличать части предложенія какъ главныя, такъ и второстепенныя, отличать главное предложеніе отъ придаточнаго; знаки препинанія;
- д) Краткое понятіе о всѣхъ частяхъ рѣчи;
- е) Письменныя упражненія;

По ариометикѣ: счетъ до ста, упражненіе на 4 ариометическія дѣйствія и умственное счисленіе;

По исторіи: житіе св. Кирилла и Меодія и другихъ святыхъ по книгѣ, изданной Братствомъ; разсказы изъ священной исторіи.

По французскому языку: диктовка, слова и переводы изъ Марго (30 параграфовъ).

ТАБЛИЦА

недѣльныхъ уроковъ въ Острожскомъ женскомъ графа Д. Н. Блудова училищѣ.

ПРЕДМЕТЫ.	Классы: пер- вый.		Второй.		Третій.		Чет- вер- тый.	Всего.
	Первый годъ.	Второй годъ.	Первый годъ.	Второй годъ.	Первый годъ.	Второй годъ.		
Закопъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	14
Славяпскій языкъ и чтене	2	2	—	2	2	1	1	10
Русскій языкъ	6	5	5	4	2	2	1	25
Русская исторія	3	3	3	3	3	3	2	20
Географія	2	2	2	2	2	2	—	12
Ариѳметика	2	2	2	2	2	2	2	14
Французскій языкъ . .	4	3	3	3	3	3	2	21
Исторія всеобщая . . .	—	3	3	3	3	3	2	17
Теорія словесности . .	—	—	—	—	2	—	—	2
Русская литература . .	—	—	—	—	—	2	2	4
Очерки изъ всеобщей литературы	—	—	—	—	2	2	—	4
Физическая географія и очерки изъ физики.	—	—	—	—	—	2	2	4
Педагогика (методика).	—	—	—	—	—	2	2	4
Чистописаніе	2	1	2	1	—	—	—	6
Пѣвнѣ	2	2	2	2	2	2	—	12
Руководствіе	2	2	3	3	2	2	—	14
Итого	27	27	27	27	27	28	18	182

22. (25-го сентября 1876 г.). *Правила о стипендіи генераль-адъютанта Хруцова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго, просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. Жители Томской губерніи, въ ознаменованіе исполнившагося 11-го ноября 1875 г. 50-ти лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ бывшаго генераль-губернатора Западной Сибири, генераль-адъютанта Хруцова, собрали между собой, по добровольной подпискѣ, капиталъ въ *шесть тысячъ рублей*, на учрежденіе при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета одной стипендіи имени генераль-адъютанта Хруцова.

§ 2. На проценты съ сего капитала учреждается при Московскомъ университетѣ стипендія въ 300 руб., которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 9-го апрѣля 1876 г., именуется стипендіею генераль-адъютанта Хруцова.

§ 3. Стипендія эта назначается студентамъ медицинскаго факультета недостаточнаго состоянія изъ уроженцевъ Западной Сибири, окончившимъ курсъ въ Томской гимназіи и отличающимся хорошими поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 4. Право избранія стипендіата предоставляется медицинскому факультету, и избранный факультетомъ стипендіатъ утверждается совѣтомъ университета.

§ 5. Если окажется нѣсколько претендентовъ на стипендію, то она предоставляется студенту, имѣющему на испытаніи въ среднемъ выводѣ бѣльшій баллъ: при тождественности балла, предпочтеніе дается студенту высшаго курса, при совершенномъ же равенствѣ достоинствъ претендентовъ стипендія назначается по жребію.

§ 6. Студентъ лишается стипендіи, если останется на курсѣ на второй годъ или будетъ замѣченъ въ неодобрительномъ поведеніи.

23. (13-го ноября 1876 года). *Программы и учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ учительскихъ институтахъ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія, въ видѣ опыта, на три года, 13-го ноября 1876 года).

Учебный планъ и программа закона Божіа.

Въ курсъ закона Божія въ учительскомъ институтѣ входятъ: священная исторія ветхаго и новаго завѣта, церковная исторія — всеобщая

и русская, учение о богослуженіи православной церкви и собственно законъ Божій, или катихизисъ.

При преподаваніи священной исторіи главное вниманіе должно быть обращено на тѣ событія, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ устроенію Царства Божія на землѣ. Поэтому о событіяхъ, имѣющихъ второстепенное значеніе по отношенію къ этой главной цѣли преподаванія священной исторіи, должно быть сказано или коротко, или вовсе умолчено, напримѣръ, о войнахъ царей іудейскихъ и израильскихъ съ мелкими сосѣдними народами. Преподаваніе священной исторіи сопровождается чтеніемъ въ классѣ Библии, при чемъ преподаватель объясняетъ какъ смыслъ читаемаго, такъ и слова и обороты рѣчи, трудные для пониманія учениковъ. Такое непосредственное, ближайшее знакомство учениковъ съ Библіей, особенно съ Евангеліемъ, посредствомъ собственнаго чтенія, весьма полезно въ томъ отношеніи, что сначала образуетъ въ ученикахъ навыкъ къ чтенію слова Божія, а потомъ вселяетъ въ нихъ и самую любовь къ такому чтенію; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно способствуетъ усвоенію учениками церковнославянскаго языка. Всѣ событія священной исторіи должны быть представлены въ надлежащей связи, чтобы тѣмъ удобнѣе было видно устроеніе царства Божія на землѣ. Для лучшаго усвоенія учениками священноисторическихъ событій, слѣдуетъ указывать имъ на географическую картѣ мѣста событій, опредѣляя при этомъ и время, въ которое событія совершились. Такая помощь географіи и хронологіи весьма полезна и въ томъ отношеніи, что впоследствии дастъ ученикамъ возможность поставить событія священной исторіи въ связь съ современными событіями гражданской исторіи.

Что касается преподаванія церковной исторіи, какъ всеобщей, такъ и русской, то, имѣя въ виду съ одной стороны обиліе историческаго содержанія, а съ другой—краткость, и потому недостаточность времени для всесторонняго и полнаго изученія его, предположено при преподаваніи ограничиваться только важнѣйшими событіями всеобщей церковной исторіи и исторіи русской церкви, но такъ, чтобы ученики при этомъ ясно видѣли судьбы Божіи въ церкви для сохраненія истины и спасительнаго дѣйствія ея на родъ человѣческій. При изложеніи церковной исторіи, должно быть указано на связь и значеніе событій, съ приведеніемъ, гдѣ слѣдуетъ, географическихъ и хронологическихъ данныхъ.

Такъ какъ ученики учительскихъ институтовъ готовятся быть воспитателями дѣтей не въ далекомъ будущемъ, то, при объясненіи

имъ богослуженія, для всесторонней полноты онаго, предположено не только изложить обрядовую сторону и изъяснить смыслъ богослуженія, но и ввести учениковъ въ самый духъ его и дать имъ основу и расположеніе къ разумному и благочестивому исполненію молитвенныхъ дѣйствій. Для того, чтобы вѣрнѣе достигнуть этой цѣли, предположено ввести учениковъ въ непосредственное и ближайшее знакомство со всѣми видами богослуженія посредствомъ личнаго участія каждаго изъ нихъ въ чтеніи и пѣніи вечерни, утрени, часовъ и литургій—Златоустаго, Василия Великаго и преждеосвященныхъ даровъ, наблюдая при этомъ, чтобы отправленіе учениками чтенія и пѣнія было отнюдь не машинальнымъ, а выражало бы разумное благоговѣнное истинное служеніе Богу.

Наконецъ, при преподаваніи катихизиса, необходимо обратить вниманіе на то, чтобы отвлеченныя догматическія истины были охотно изучаемы и легко усвоены учениками. Для достиженія этой цѣли слѣдуетъ, во первыхъ, не обременять учениковъ требованіемъ заучиванья многихъ молитвъ священнаго писанія для подтвержденія извѣстнаго догмата вѣры, а ограничиваться однимъ текстомъ, болѣе другихъ яснымъ и болѣе опредѣленнымъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ученики вполнѣ понимали оный; во вторыхъ, — указывать на исторію догматовъ, на факты, послужившіе поводомъ къ опредѣленію извѣстныхъ догматовъ на соборахъ. При такомъ сопоставленіи историческихъ данныхъ съ теоретическимъ изложеніемъ догматовъ, ученики лучше заинтересуются отвлеченнымъ предметомъ и легче усвоятъ изученіе катихизиса; и въ третьихъ,—указывать на приложимость догматовъ къ жизни. При этомъ необходимо объяснять ученикамъ, что нравственная жизнь обуславливается нашими теоретическими убѣжденіями, особенно религиозными, и что сложившаяся, вслѣдствіе этихъ убѣжденій, наша нравственная дѣятельность служитъ основаніемъ для опредѣленія нашей судьбы въ будущей жизни. Показаніе такой приложимости догматовъ къ нашей жизни—настоящей и будущей—не можетъ не возбудить въ ученикахъ живѣйшаго интереса къ изученію катихизиса.

Вообще при преподаваніи закона Божія, законоучителемъ должны быть приняты къ руководству и исполненію всѣ указанія, какія сдѣланы въ учебныхъ планахъ тѣхъ же предметовъ для мужскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

Согласно этимъ указаніямъ, въ учительскомъ институтѣ должны быть въ три года преподаваны ученикамъ по закону Божію: простран-

ный катихизисъ, священная исторія церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной, ученіе о богослуженіи христіанской православной церкви и церковная исторія христіанской православной церкви вообще и церкви отечественной въ особенности.

Пространный катихизисъ.

Предварительныя понятія о катихизисѣ.

О Божественномъ откровеніи, о священномъ преданіи и священномъ писаніи.

О священныхъ книгахъ ветхаго и новаго завѣта.

О вѣры.

О символѣ вѣры вообще и о происхожденіи его.

О членахъ символа вѣры—первомъ, второмъ, третьемъ, четвертомъ, пятомъ, шестомъ, седьмомъ, восьмомъ, девятомъ и десятомъ.

О таинствахъ: крещеніи и муропомазаніи.

О таинствахъ: причащеніи, покаяніи, священствѣ, бракѣ и елеосвщеніи.

Объ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ членахъ символа вѣры.

О надеждѣ.

Понятіе о христіанской надеждѣ. О молитвѣ вообще и о молитвѣ Господней. Раздѣленіе ея: призываніе, прошеніе и славословіе.

О любви.

О связи между вѣрою и любовію. О законѣ Божіемъ и заповѣдяхъ. О раздѣленіи заповѣдей на двѣ скрижали: о первой, второй, третьей, четвертой, пятой, шестой, седьмой, восьмой, девятой и десятой заповѣдяхъ.

Священная исторія ветхаго завѣта.

Исторія церкви отъ сотворенія міра до потопа.

Сотвореніе міра и человѣка. Жизнь прародителей въ раю. Грѣхопаденіе прародителей и послѣдствія грѣхопаденія.

Судъ Божій надъ грѣшниками и обѣтованіе о Спасителѣ.

Кайвъ, Авель и Сиовъ. Смѣшеніе племенъ.

Исторія церкви отъ потопа до Моисея.

Всемирный потопъ, Спасеніе Ноя съ семействомъ и жертвопри-

пошеніе его по выходѣ изъ ковчега. Дѣти Ноя и его пророчество о судьбѣ ихъ. Столпотвореніе Вавилонское, разсѣяніе народовъ и появленіе идолопоклонства.

Патріархи народа Еврейскаго.

Призваніе Авраама и переселеніе его въ землю Хаанапскую; разлученіе его съ Лотомъ; освобожденіе Лота изъ плѣна. Мелхиседекъ. Завѣтъ Божій съ Авраамомъ. Агарь. Явленіе Аврааму Бога у дуба Мамврійскаго. Казнь Содома и Гоморры. Рожденіе Исаака и принесеніе его въ жертву Богу. Супружество Исаака; Исавъ и Иаковъ. Удаленіе Иакова въ Месопотамію; видѣніе имъ лѣствицы; пребываніе его у Лавана и возвращеніе въ Палестину.

Дѣти Иакова. Произшествіе съ Іосифомъ въ Египтъ; переселеніе Иакова съ семействомъ въ Египетъ; пророческое благословеніе Иакова дѣтямъ. Іовъ.

Исторія церкви отъ времени Моисея до Саула.

Состояніе Евреевъ въ Египтъ по смерти Іосифа. Рожденіе и воспитаніе Моисея; удаленіе его изъ Египта; явленіе ему Бога въ кущи; чудеса его предъ Фараомомъ и казни, поразившія Египтянъ. Пасха и выходъ Евреевъ изъ Египта. Переходъ ихъ чрезъ Черное море.

Чудесныя событія на пути къ Синаю. Синайское законодательство. Устройство скинии, священства и богослуженія. Непокорность Евреевъ и осужденіе ихъ на 40-лѣтнее странствованіе. Чудесный жезлъ Аароновъ. Мѣдный змѣй. Смерть Аарона и Моисея.

Исусъ Навинъ. Переходъ чрезъ Іорданъ; взятіе Іерихона; побѣда Иисуса Навина надъ союзными Хаанаанейскими царями и раздѣленіе земли обѣтованной.

Исторія судей.

Понятіе о судьяхъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Гедеонъ, Іеофай, Сампсонъ, первосвященникъ Ілій и Самуилъ. Исторія Руои.

Исторія церкви отъ Саула до плѣненія Вавилонскаго.

Избраніе и помазаніе Саула на царство. Непослушаніе Саула и отверженіе его Богомъ. Помазаніе Давида на царство. Побѣда его надъ Голиафомъ; гоненія противъ него Саула и смерть Саула.

Воцареніе Давида. Завоеваніе Іерусалима и перенесеніе туда ковчега. Побѣда Давида надъ сосѣдними народами. Преступленіе Давида и раскаяніе. Бѣдствія въ его царствованіе. Соломонъ; его

мудрость; построение и освящение храма; слава царствования Соломона, слабости его и судъ Божій надъ нимъ.

Раздѣленіе царства Еврейскаго на Іудейское и Израильское. Краткій обзоръ исторіи царства Израильскаго. Замѣчательнѣйшіе изъ царей Израильскихъ: Іеровоамъ и Ахавъ. Паденіе царства Израильскаго.

Краткій обзоръ исторіи царства Іудейскаго. Замѣчательнѣйшіе изъ царей Іудейскихъ: Ровоамъ, Іосафатъ, Ахазъ, Езекиа и Іосія. Паденіе царства Іудейскаго.

Пророки.

Понятіе о Пророкахъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Ілія и Елисей. Ісаія, Іеремія, Іона, Іезекіиль.

Исторія Товита.

Исторія церкви отъ переселенія Евреевъ въ Вавилонъ до Рождества Христова.

Состояніе Іудеевъ во время плѣна Вавилонскаго. Пророкъ Даниилъ и три отрока. Гордость Навуходоносора и наказаніе его. Валтасаръ и паденіе царства Вавилонскаго. Возвращеніе Іудеевъ изъ плѣна; построеніе втораго храма въ Іерусалимѣ; подвиги Эсдры и Нееміи. Исторія Эсэири и Мардохея. Александръ Македонскій въ Іерусалимѣ; построеніе храма Самарійскаго; переводъ священнаго писанія. Гоненіе Ангіюха Епифана. Подвиги Маккавеевъ.

Начало Римскаго владычества. Царствованіе Ирода. Религіозныя секты.

Священная исторія поваго завѣта.

Исторія рожденія и первыхъ лѣтъ земной жизни Іисуса Христа до начала открытаго служенія Его спасенію рода человѣческаго.

Предсказаніе о рожденіи Іоанна Крестителя. Пресвятая Дѣва Марія и благовѣщеніе ей о рождествѣ Іисуса Христа. Посѣщеніе Пресвятою Дѣвою Елисаветы. Рожденіе Іоанна Крестителя.

Рождество Іисуса Христа. Поклоненіе Ему Вифлеемскихъ пастырей и восточныхъ мудрецовъ. Вѣгство Іосифа съ Богомладенцемъ и Матерью во Египетъ и возвращеніе его въ землю Израилеву. Срѣтеніе Іисуса Христа во Храмѣ Сумеономъ. Отрокъ Іисусъ во храмѣ. Проповѣдь Іоанна Крестителя. Крещеніе Іисуса Христа. Испытаніе его въ пустынѣ. Свидѣтельство Іоанна Крестителя объ Іисусѣ Христѣ. Первые ученики Іисуса Христа.

Первое чудо въ Канѣ Галилейской.

Первый годъ служенія Христова.

Изгнаніе торгующихъ изъ храма. Бесѣда Иисуса съ Никодимомъ. Бесѣда Иисуса Христа съ Самарянкою. Исцѣленіе сына царедворца въ Канѣ. Проповѣдь Иисуса Христа въ Назаретѣ. Чудесный ловъ рыбы въ Геннисаретскомъ озерѣ.

Исцѣленіе расслабленнаго въ Капернаумѣ.

Призваніе Левія.

Второй годъ служенія Христова.

Исцѣленіе расслабленнаго при овчей купели.

Исцѣленіе сухорукаго и ученіе о субботѣ.

Избраніе двѣнадцати Апостоловъ.

Нагорная проповѣдь: ученіе о путяхъ блаженства.

Объясненіе заповѣдей въ совершеннѣйшемъ смыслѣ.

О милостивѣ, молитвѣ и постѣ.

Исцѣленіе слуги сотника въ Капернаумѣ.

Воскресеніе сына вдовы Наинской.

Иисусъ Христосъ въ домѣ Симона фарисея.

Притчи. о сѣятелѣ, о сѣмени и плевелахъ и о зернѣ горчичномъ. Укрощеніе бури. Изгнаніе легіона бѣсовъ. Исцѣленіе кровоточивой жепщины и воскрешеніе дочери Іаира. Отправленіе двѣнадцати апостоловъ на проповѣдь и наставленіе имъ Иисуса Христа. Смерть Іоанна Крестителя. Чудесное насыщеніе 5,000 человекъ народа пятью хлѣбами. Хожденіе Иисуса Христа по водамъ. Бесѣда Иисуса Христа о таинствѣ Причащенія въ Капернаумской синагогѣ.

Третій годъ служенія Христова.

Исцѣленіе дочери Хананеянки. Исповѣданіе Петра. Предсказаніе Господа о своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи и ученіе о крестѣ Его послѣдователей. Преображеніе Господне. Исцѣленіе бѣсповатаго глухонѣмаго отрока. Чудесное полученіе монеты для подаянія на храмъ. Наставленіе о смиреніи и незлобіи. Притча о милосердномъ царѣ и безжалостномъ должникѣ. Помилованіе жены грѣшницы. Исцѣленіе слѣпорожденнаго. Притча о милосердомъ Самарянцѣ. Посѣщеніе Марой и Маріи Господомъ. Притча о любознательномъ богачѣ и рабахъ, ожидающихъ господина. Притча о званыхъ на вечерю. Притча объ овцѣ пропавшей и о блудномъ сынѣ. Притча о богатомъ и Лазарѣ. Исцѣленіе десяти прокаженныхъ. Притча о несправедливомъ судіѣ. Притча о мытарѣ и фарисеѣ. Благословеніе

дѣтей. Наставленіе богатому юпошѣ. Притча о равной наградѣ работникамъ въ виноградникѣ. Путешествіе Иисуса Христа въ Іудею. Предсказаніе Иисуса Христа о своей смерти въ Іерусалимѣ и просьба Саломіи. Обращеніе Закхея. Воскрешеніе Лазаря. Вечери въ дому Симона прокаженнаго.

Исторія послѣднихъ дней земной жизни Иисуса Христа. Торжественный входъ Иисуса Христа въ Іерусалимъ. Проклятіе Иисусомъ Христомъ смоковницы. Притча о непослушномъ сынѣ и раскаявшемся. Притча о злыхъ виноградаряхъ. Притча о бракѣ царскаго сына. Ученіе Иисуса Христа объ обязанности подданныхъ платить дань, о воскресеніи мертвыхъ и главнѣйшихъ заповѣдяхъ. Похвала усердію вдовицы. Предсказаніе Господа о разрушеніи Іерусалима и о второмъ Его пришествіи. Притча о дѣвахъ, ожидающихъ жениха, и о талантахъ. Изображеніе страшнаго суда. Предательство Іуды. Тайная вечера; умовеніе погъ, совершеніе ветхозавѣтной пасхи и установленіе таинства св. Причащенія. Предсказаніе Петру объ отреченіи его. Краткое содержаніе прощальной бесѣды Иисуса Христа съ учениками. Молитва Иисуса Христа въ саду Геосимапскомъ. Судъ надъ Иисусомъ Христомъ у первосвященниковъ іудейскихъ Анны и Каиаффы. Отреченіе Петра; его раскаяніе и погибель Іуды. Иисусъ Христосъ на судѣ Пилата. Бичеваніе. Осужденіе Иисуса Христа на смерть. Шествіе къ Голгоуѣ и распятіе. Крестныя страданія Иисуса Христа. Смерть его и погребеніе.

Исторія пребыванія Христова на землѣ отъ воскресенія до вознесенія Его на небо.

Воскресеніе Христова, Марія, Петръ и Іоаннъ у гроба Иисусова. Явленіе воскресшаго Господа Маріи Магдалинѣ. Явленіе Господа двумъ Еммаусскимъ ученикамъ. Явленіе Господа апостоламъ въ Іерусалимѣ. Явленіе Господа въ восьмой день по воскресеніи. Явленіе Господа при морѣ Тиверіадскомъ. Явленіе Господа на горѣ Галилейской и Его послѣднія повелѣнія апостоламъ. Воснесеніе Господне.

Ученіе о богослуженіи христіанской православнои церкви.

Предварительныя понятія.

Пованіе о богослуженіи. Происхожденіе богослуженія. Храмы, его происхожденіе, внѣшній видъ и внутреннее расположеніе. Священные предметы: св. крестъ, св. иконы, св. одежды, св. сосуды. Обряды, наиболѣе употребительныя при богослуженіи: крестное знаменіе, по-

клоненіе, колѣнопреклоненіе, благословеніе священподѣйствующаго, кажденіе и возженіе свѣчей.

Богослуженіе православной церкви воскресное и праздничное.

Священныя воспоминапія въ дни седмицы. Понятіе о праздникахъ; раздѣленіе ихъ. Воспоминапія, соединяемыя съ двенадцатыми праздниками. Виды суточнаго Богослуженія: вечерня, утренья, часы: первый, третій, шестой и девятый. Понятіе о нихъ и общій ихъ смыслъ.

Всенощное бдѣніе.

Начало всенощнаго бдѣнія и предначинательный псаломъ. Великая и малая ектенія. Пѣніе стиховъ: Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя. Вечерпій входъ. Пареміи. Ектенія—сугубая и просительная. Литія и благословеніе хлѣбовъ. Понятіе о шестопсалміи. Понятіе о каензмахъ. Величаніе. Чтеніе Евангелія, цѣлованіе оваго или праздничной иконы и помазаніе благословеннымъ елеемъ. Понятіе о канонѣ. Великое славословіе. Различіе вседневной вечерни и утрени отъ вечерни и утрени во всенощномъ бдѣніи. Литургія. Понятіе о ней. Установленіе таинства св. причащенія и происхожденіе литургіи.

Литургія св. Іонна Златоустаго.

Главныя части литургіи.

Проскомидія.

Понятіе о проскомидіи. Вещество таинства св. причащенія. Образъ совершенія проскомидіи.

Литургія оглашенныхъ.

Понятіе о литургіи оглашенныхъ; начало и составъ ея. Псалмы изобразительныя и антифоны. Входъ съ Евангеліемъ. Пѣніе трисвятаго. Чтеніе апостола и свангелія. Ектепін и окончаніе литургіи оглашенныхъ.

Литургія вѣрныхъ.

Понятіе о литургіи вѣрныхъ и главныя дѣйствія, ея составляющія. Херувимская пѣснь. Великій входъ. Приготовленіе къ освященію даровъ. Просительная ектенія, внушеніе мира и любви, исповѣданіе символа вѣры; возбужденіе вѣрующихъ къ достойному предстоанію при совершеніи евхаристіи. Возгласы и отвѣты, предшествующіе и сопровождающіе евхаристическую молитву. Возношеніе даровъ

и освященіе ихъ. Воспоминаніе членовъ Церкви небесной и земной. Приготовленіе къ причащенію. Причащеніе священнослужителей. Явленіе св. даровъ для причащенія мірянъ. Послѣднее явленіе св. даровъ. Благодареніе по причащеніи, взаимная молитва, раздаяніе антидора и отпускъ. Краткія свѣдѣнія о литургіи Василія Великаго, дни совершенія ея и отличіе ея отъ литургіи св. Іоанна Златоустаго.

Богослужебныя особенности праздниковъ: Рождества Христова, Богоявленія, Преображенія Господня, Входа Господня въ Іерусалимъ, Пасхи, Пятидесятницы и Воздвиженія креста Господня.

Богослуженіе великопостное.

Понятіе о великомъ постѣ. Приготовительныя къ нему недѣли. Особенности богослуженія великопостнаго. Часы, литургія преждеосвященныхъ даровъ; составъ, порядокъ и особенности ея. Понятіе о страстной седмицѣ. Священныя воспоминанія, соединяемыя съ великимъ четвергомъ, пяткомъ и субботою, и особенности богослуженія въ каждый изъ сихъ дней.

Исторія христіанской православной церкви вообще.

Сшествіе св. Духа на апостоловъ и первые успѣхи Христовой вѣры въ Іерусалимѣ. Распространеніе церкви между Іудеями въ Іерусалимѣ и Самаріи. Обращеніе Савла. Распространеніе церкви между язычниками въ Кесаріи и Антиохіи. Путешествіе св. апостола Павла и соборъ апостольскій въ Іерусалимѣ. Благовѣстническіе труды прочихъ апостоловъ. Распространеніе христіанства во II и III вѣкахъ. Гоненіе христіанъ отъ Іудеевъ. Паденіе Іудеевъ. Важнѣйшія гоненія на христіанъ отъ язычниковъ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ. Обращеніе Константина Великаго и дѣйствія его на пользу церкви. Послѣдняя борьба язычества съ христіанствомъ при Юліанѣ и окончательное торжество христіанства надъ язычествомъ при Θεодосіи Великомъ. Краткая исторія вселенскихъ соборовъ. Устройство церковнаго управленія. Отпаденіе Западной церкви отъ Восточной.

Исторія русской церкви въ особенности.

Распространеніе христіанства между славянскими народами Кирилломъ и Меодіемъ. Начало христіанской вѣры въ Россіи и утвержденіе ея при св. князѣ Владимірѣ и послѣ него. Устройство церкви Русской и управленіе ею. Митрополитъ; значеніе его въ Русской

церкви, отношеніе его къ патріарху Константинопольскому, отношенія къ князьямъ и епископамъ. Замѣчательнѣйшіе митрополиты. Кіевопечерская лавра. Состояніе церкви русской во времена владычества Татаръ: отношенія Татаръ-язычниковъ и Татаръ-магометанъ къ церкви. Св. мученики церкви Русской въ ордѣ. Распространеніе христіанства на сѣверѣ: просвѣщеніе Перми св. Стефаномъ. Перенесеніе каѳедры митрополіи изъ Кіева во Владиміръ и потомъ въ Москву. Раздѣленіе русской митрополіи. Отношенія митрополитовъ сѣвернаго и южнаго къ патріарху. Состояніе Русской церкви по сверженіи ига Татаръ. Состояніе митрополіи сѣверной и южной. Противодѣйствіе цализму. Низложеніе Исидора. Св. Іона, митрополитъ Московскій. Ересь жидовствующихъ. Заслуги преподобнаго Іосифа для церкви. Чинъ богослуженія и богослужебныя книги; потребность ихъ исправленій. Соборы съ сею цѣлю при Іоаннѣ Грозномъ. Просвѣщеніе христіанствомъ Казани и Астрахани. Св. Филиппъ. Патріаршество въ Россіи. Права и управленіе патріарха и его отношеніе къ епископамъ. Патріархи Іовъ и Гермогенъ. Заслуги Сергіевской лавры во времена самозванцевъ. Патріархъ Филаретъ. Патріархъ Никонъ. Его труды въ исправленіи богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. Судъ надъ патріархомъ Никомъ. Открытое появленіе раскола въ церкви Русской. Представители расколоученія и защитники его. Учрежденіе святѣйшаго синода. Состояніе православія на юго-западѣ.

Изъ рекомендованныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія учебниковъ, должны быть приняты въ употребленіе въ учительскихъ институтахъ: при изученіи катихизиса,—катихизисъ митрополита Филарета, а при изученіи исторій—священной и церковной и богослуженія православной церкви — „Священная и церковная исторія“ протоіерея Рудакова и его же „Объясненіе Богослуженія Православной Церкви“.

Вспомогательными же руководствами по преподаванію закона Божія должны служить богословскія и церковно-историческія сочиненія знаменитыхъ пастырей Русской церкви: Макарія митрополита Литовскаго, Филарета архіепископа Черниговскаго, Иннокентія епископа Пензенскаго и Филарета, митрополита Московскаго.

Въ отношеніи распредѣленія вышеизложеннаго матеріала по времени слѣдуетъ держаться такого порядка:

Въ первый учебный годъ.

Изъ катихизиса должно пройти всю первую часть.

Изъ священной исторіи — всю священную исторію ветхаго и новаго завѣта.

Изъ ученія о богослуженіи—предварительныя понятія о богослуженіи вообще и въ частности объясненіе всеобщаго бдѣнія.

Въ второй учебный годъ.

Изъ катихизиса — вторую и третью части.

Изъ ученія о богослуженіи—объясненіе литургій: Святаго Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и Григорія Богослова, а также богослужебныхъ особенностей нѣкоторыхъ праздниковъ и великаго поста.

Изъ исторіи христіанской православной церкви—исторію первенствующей церкви отъ сошествія Св. Духа на апостоловъ до отдѣленія западной церкви отъ восточной включительно, а также всю исторію отечественной церкви въ связи съ важнѣйшими событіями происшедшими въ Восточной и Западной церквахъ.

Въ третій же учебный годъ ученики должны заняться повтореніемъ всего предъидущаго.

Что касается метода преподаванія закона Божія, то о немъ нужно сказать слѣдующее:

1. Такъ какъ все, что будетъ преподаваемо ученикамъ учительскаго института по предмету закона Божія, болѣе или менѣе имъ уже извѣстно, и составитъ ни что иное, какъ повтореніе прежде ими изученнаго; то методъ преподаванія закона Божія былъ бы желателенъ болѣе собесѣдовательный, чѣмъ строго научный. Польза отъ этого метода та, что при употребленіи его, ученики съ бдѣльшимъ усердіемъ и охотою займутся повтореніемъ.

2. Такъ какъ ученики института предназначаются быть пасторами и руководителями дѣтей; то законоучитель тогда исполнитъ прямой свой долгъ, если при преподаваніи закона Божія поселитъ и укрѣпитъ въ нихъ чувство истиннаго христіанскаго благочестія, чтобы впослѣдствіи они могли не только словомъ, но и примѣромъ вести своихъ юныхъ учениковъ по пути умственнаго и нравственнаго усовершенствованія.

3. Чтобы расположить учениковъ — полюбить слово Божіе, для этого весьма полезно было бы заставлятъ ихъ, при изученіи священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, прочитывать, по возможности въ классѣ, историческія событія по библейскому церковно-славянскому тексту и потомъ разказывать прочитанное и законоучителемъ объясненное правильнымъ русскимъ языкомъ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ПРЕПОДАВАНІИ ПЕДАГОГИКИ.

Цѣль преподаванія педагогики въ учительскихъ институтахъ состоитъ въ сообщеніи воспитанникамъ главныхъ основаній и правилъ учебно-воспитательнаго дѣла въ примѣненіи къ городскимъ училищамъ.

На основаніи сказаннаго, въ курсъ педагогики должны войти вопросы о воспитаніи физическомъ и школьной гигиенѣ, и о воспитаніи духовномъ; изложеніе главныхъ основаній дидактики; ученіе о методахъ; методика учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ городскихъ училищахъ; ученіе о школьной дисциплинѣ; уясненіе учебнаго плана городскихъ училищъ и законоположеній, касающихся названныхъ училищъ и, наконецъ, нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи педагогики. Изъ перечисленныхъ отдѣловъ педагогики изложеніе методики каждаго изъ предметовъ, преподаваемыхъ въ городскихъ училищахъ, предоставляется преподавателямъ института соотвѣтственно ихъ специальности; остальные же отдѣлы излагаются однимъ лицомъ особо.

Въ виду небольшого числа уроковъ, назначенныхъ Положеніемъ объ учительскихъ институтахъ на преподаваніе педагогики, и особенно въ виду новости этого учебнаго предмета для воспитанниковъ института, изложеніе курса педагогики должно носить характеръ элементарный и должно быть приспособлено къ краткимъ руководствамъ, которыя могли бы быть даны въ руки ученикамъ. Такими руководствами на первое время, впродъ до появленія болѣе удовлетворительныхъ, могли бы быть руководства Роцина, Лядова, Юркевича и Воронцоваго.

При изложеніи вообще всего курса педагогики, преподаватель долженъ особенно позаботиться о томъ, чтобы этотъ теоретическій курсъ сблизить съ учебно-воспитательною практикою; въ этихъ видахъ, педагогическія положенія должны сопровождаться возможно большимъ указаніемъ случаевъ примѣненія таковыхъ къ воспитанію и обученію. Изложеніе свѣдѣній изъ области психологіи и логики должно быть элементарно и основано на примѣрахъ, заимствованныхъ или изъ опыта самонаблюденія воспитанниковъ, или опираться на матеріалъ учебный, извѣстный уже питомцамъ.

При ограниченности времени, назначеннаго въ институтахъ на курсъ педагогики, изложеніе курса исторіи педагогики, конечно, не можетъ быть обязательнымъ; но, при болѣе благопріятномъ составѣ

воспитанниковъ, было бы нелишне, въ видахъ расширенія педагогическаго круговора воспитанниковъ и воодушевленія ихъ къ своему призванію, познакомиться ихъ съ дѣятельностію хотя такихъ педагоговъ, которые особенно содѣйствовали улучшенію обученія и воспитанія.

Чтобы воспитанники института могли болѣе извлекать пользы изъ посѣщенія уроковъ учителей городскаго училища, необходимо, чтобы отдѣлы о воспитаніи умственномъ, равно какъ отдѣлы о педагогическихъ методахъ, были изложены уже во II-мъ классѣ, хотя въ краткомъ видѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ.

По причинѣ отсутствія въ нашей педагогической литературѣ педагогическихъ сочиненій, подлежаще примѣненнымъ къ учебно-воспитательному дѣлу какого бы то ни было рода учебныхъ заведеній, было бы не бесполезно преподавателямъ педагогики въ учительскихъ институтахъ, въ видахъ опредѣленія мѣры и качества фактовъ педагогическихъ, имѣть въ виду, по крайней мѣрѣ, на первое время и особенно при изложениіи отдѣловъ о воспитаніи духовномъ, такое нѣмецкое руководство по педагогикѣ, примѣнимое къ учительскимъ семинаріямъ оправдана уже при нѣмецкой практикѣ. Изъ не малаго числа курсовъ по педагогикѣ, употребляемыхъ въ видѣ руководствъ въ учительскихъ семинаріяхъ Германіи, заслуживаетъ особаго вниманія „Praktische Erziehungs- und Unterrichtslehre für Seminare und Volksschullehrer von Schütze“, припоятое въ видѣ руководства въ Саксонскихъ учительскихъ семинаріяхъ.

Программа педагогики.

Введеніе.

Опредѣленіе педагогики. Цѣль воспитанія; источники педагогики, какъ науки.

Физическое воспитаніе.

Естественныя средства для правильнаго физическаго воспитанія: пища, опрятность, воздухъ, движеніе и покой. Искусственныя средства: цѣлесообразное развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ; гимнастика; самообладаніе и свобода отъ страстей. Школьная гигиена: главныя условія здороваго жилища; классная комната; классные столы. Обычныя дѣтскія болѣзни.

Умственное воспитаніе.

Чувственное познаніе. Ощущеніе. Чувственное воспріятіе. Представленіе и отличіе его отъ чувственнаго воспріятія. Память. Припоминаніе или воспроизведеніе представленій. Законы ассоціацій. Воображеніе. Разсудокъ, или разсудочное познаніе. Разсудокъ, какъ способность для образованія понятій. Разсудокъ, какъ способность для составленія сужденій. Разсудокъ, какъ способность для умозаключеній. Разумъ, или высшее мышленіе. Разумъ, какъ способность, направляющая человѣка къ высшему разумѣнію. Разумъ, какъ сила творящая (фантазія). Особенныя способности, талантъ и геній. Правила развитія познавательныхъ силъ въ періодъ обученія.

Нравственное воспитаніе.

Задача нравственнаго воспитанія. Чувствованія. Виды чувствованій. Чувства чести, стыда и страха; чувство истины, чувство эстетическое и религіозное. Значеніе названыхъ чувствъ и цѣлесообразное развитіе ихъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Желательная способность. Истинность, произволь и свободная воля, какъ проявленіе желательной способности. Средства развитія и укрѣпленія воли. Похвала, порицаніе, награды и наказанія, — какъ педагогическія мѣры для сообщенія надлежащаго направленія волѣ воспитанниковъ. Значеніе привычки и примѣра при нравственномъ воспитаніи.

Главныя свѣдѣнія изъ дидактики и методики.

Начало, цѣль и средства обученія; связь воспитанія и обученія. Обученіе спеціальное и общеобразовательное. Предметы обученія формальныя, матеріальныя и религіозныя. Обученіе какъ искусство. Методы общенаучныя и педагогическія. Формы обученія. Основныя дидактическія правила.

Школьная дисциплина.

Цѣль школы. Необходимость въ ней дисциплины; сущность школьной дисциплины. Качества учителя, обуславливающія школьную дисциплину.

Ознакомленіе воспитанниковъ съ учебнымъ планомъ городскихъ училищъ и съ законоположеніями, касающимися городскихъ училищъ и учителей этихъ училищъ.

Планъ и программы преподаванія русскаго языка съ церковно-славянскимъ чтеніемъ.

Такъ какъ въ учительскіе институты поступаютъ молодые люди съ знаніемъ предметовъ въ объемѣ программы городскихъ училищъ, то мнѣншмъ того, чего можно требовать отъ нихъ по русскому языку состоитъ въ слѣдующемъ: 1) въ умѣннн правильно и связно излагать свои мысли, какъ въ устномъ пересказѣ, такъ и на письмѣ; 2) въ свободномъ чтеніи славянскаго текста Библіи и вѣрномъ пониманіи его, за исключеніемъ словъ, требующихъ особеннаго объясненія; 3) въ умѣннн правильно произносить стихи и перекладывать ихъ въ прозаическую рѣчь.

Кромѣ этого необходимы слѣдующія познанія изъ грамматики: а) изъ этимологіи: раздѣленіе буквъ, раздѣленіе состава словъ на слоги и буквы, на корень и окончаніе; различеніе словъ по составу на коренныя и производныя; различеніе частей рѣчи и опредѣленіе ихъ, склоненіе и спряженіе; б) изъ синтаксиса: разборъ простаго предложенія съ частями его главными и второстепенными; в) изъ орфографіи всѣ необходимыя правила, за исключеніемъ рѣдко встречающихся частностей.

Учительскій институтъ, слѣдуя своей задачѣ, долженъ расширить эти познанія, дать имъ болѣшую основательность и вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить воспитанникамъ навыкъ въ методѣ преподаванія. Для этой цѣли представляется необходимымъ, по преподаванію русскаго языка, пробѣдти слѣдующее: 1) подробный систематическій курсъ этимологіи русскаго языка, въ сравненіи его съ древнимъ и новымъ церковно-славянскимъ, на сколько это необходимо для сознательнаго уразумѣнія законовъ образованія формъ русскаго языка; 2) полный анализъ всѣхъ синтаксическихъ формъ, начиная съ простаго предложенія и кончая періодомъ; 3) общія понятія о главнѣйшихъ формахъ произведеній русской словесности съ краткими историческими свѣдѣніями о важнѣйшихъ писателяхъ.

Рядомъ съ теоретическимъ преподаваніемъ указанныхъ предметовъ должны быть даваемы воспитанникамъ практическія упражненія съ цѣлію приложенія въ нихъ къ дѣлу изучаемыхъ законовъ и правилъ и для выправки самаго слога учащихся.

Теоретическое приготовленіе заканчивается на 2-мъ году институтскаго курса (во 2-мъ классѣ).

Въ 3-мъ году (въ третьемъ классѣ) дѣлается бѣглое повтореніе

всего пройденнаго и воспитанники почти исключительно занимаются практическими упражненіями въ преподаваніи въ имѣющемся при институтѣ городскомъ училищѣ.

Но прежде чѣмъ приступить къ прохожденію курса русскаго языка по институтской программѣ, первоначально необходимо бѣгло повторить курсъ городского училища, такъ какъ поступающіе въ первый классъ института слишкомъ не равны по развитію и приготовительному обученію. Въ такомъ случаѣ повтореніе по училищной программѣ будетъ вѣрнѣйшимъ средствомъ къ уравновѣшенію знанія воспитанниковъ и точнѣйшей провѣркѣ его (что также весьма важно для преподавателя) и вмѣстѣ послужитъ непосредственною подготовкой къ институтскому курсу, который долженъ составить прямо органическое продолженіе курса училищнаго,

Поэтому въ I-мъ классѣ въ теченіе перваго полугодія (5 уроковъ въ недѣлю) долженъ быть пройденъ курсъ русской грамматики по нижеслѣдующей программѣ:

1) Понятіе о главныхъ частяхъ предложенія, словахъ объяснительныхъ, дополнительныхъ, опредѣлительныхъ и обстоятельственныхъ. 2) Составъ словъ, корень, окончаніе, приставка; первообразныя слова и производныя; простыя и сложныя, слоги и буквы: гласныя, согласныя и полугласныя. 3) Части рѣчи и ихъ измѣненія: родъ, число и падежъ въ склоняемыхъ частяхъ рѣчи; степени сравненія въ именахъ прилагательныхъ; имена существительныя: собственныя, нарицательныя и собирательныя; имена прилагательныя: качественныя и относительныя; мѣстоименія: личныя (склоненіе ихъ), возвратныя, относительныя и др.; числительныя: количественныя и порядковыя (склоненіе и правописаніе ихъ); залого, виды, наклоненія, времена, лица и числа въ глаголѣ; причастіе, какъ отглагольное прилагательное; устѣченное и полное окончаніе прилагательныхъ и причастій страдательныхъ; окончанія производственныхъ, отличительныя и относительныя; существительныя увеличительныя, уменьшительныя, ласкательныя; частицы рѣчи. 4) Главныя правила орѳографіи въ связи съ сообщенными свѣдѣніями изъ этимологіи. 5) Понятіе о простомъ и сложномъ предложеніи, главномъ и придаточномъ (полномъ и сокращенномъ). 6) О знакахъ препинанія. 7) Церковно-славянское чтеніе избранныхъ статей изъ Библии, съ переводомъ на русскій языкъ.

Способъ прохожденія повторительнаго курса долженъ быть таковъ. Преподаватель по каждому уроку даетъ воспитанникамъ рядъ вопро-

совъ въ родѣ программы, по которымъ они должны приготовить отвѣты. Составляемыя правила и объясненія у каждого воспитанника должны быть подкрѣпляемы его собственными примѣрами, взятыми изъ живой рѣчи или изъ имѣющагося подъ руками учебнаго пособія (напримѣръ, хрестоматіи Басистова). Въ классѣ преподаватель провѣряетъ работы воспитанниковъ, предлагая для разбора примѣры и образцы, по которымъ они должны выводить предварительно обдуманныя ими правила. Последній урокъ каждой недѣли посвящается церковно-славянскому чтенію. Преподаватель отмѣчаетъ мѣста изъ славянской Библии, которыя воспитанники разбираютъ по всеѣмъ грамматическимъ вопросамъ, пройденнымъ въ предшествующіе уроки, и отличаютъ при этомъ особенности грамматики церковно-славянской. Такого рода разборъ, сопровождаемый строгимъ дословнымъ переводомъ славянскаго текста на русскій языкъ, излагаемый всегда письменно, долженъ служить средствомъ для постоянной провѣрки успѣховъ воспитанниковъ въ повтореніи грамматики.

При повторительномъ курсѣ даются слѣдующія письменныя упражненія въ классѣ: а) письмо подъ диктантъ съ синтаксическимъ разборомъ написаннаго, который долженъ служить оправданіемъ сдѣланной разстановки знаковъ въ упражненіи; б) изложеніе содержанія прочитанной въ классѣ преподавателемъ статьи для домашнихъ занятій и в) собственныя сочиненія воспитанниковъ, состоящія изъ описаній, рассказовъ и писемъ.

Во второе полугодіе (5 уроковъ въ недѣлю) должно быть приступлено къ подробному курсу этимологіи грамматики, со включеніемъ въ нее этимологіи языка церковно-славянскаго. Церковно-славянской языкъ въ этомъ случаѣ долженъ занять мѣсто не болѣе какъ только служебное. Онъ долженъ быть преподаваемъ сравнительно съ русскимъ и притомъ на столько, на сколько это нужно, чтобы учащійся сознательно уразумѣлъ законы образованія формъ русскаго языка и основанныя на законахъ правила практическаго употребленія формъ, особенно въ правописаніи.

Нижеслѣдующая программа составлена примѣнительно къ учебнику русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, Ѳ. Буслеева, которымъ и должны пользоваться воспитанники, какъ пособіемъ при урокахъ.

1. Исторія славянской и русской азбуки; а) время изобрѣтенія славянской азбуки и первоначальное начертаніе ея; позднѣйшая сла-

вянская азбука—(теперь у насъ употребляемая), глаголица; б) образованіе русской азбуки.

2. О звукахъ: а) виды членораздѣльныхъ звуковъ, выражаемыхъ славянскими и русскими буквами въ отношеніи ихъ образованія; б) раздѣленіе гласныхъ буквъ, по качеству звуковъ, на твердыя и мягкія; в) раздѣленіе согласныхъ, по характеру произношенія, на твердыя и плавныя; г) недостаточность нашей славянской азбуки для выраженія звуковъ того и другаго языка; значки въ славянскомъ письмѣ; д) благозвучіе, какъ необходимая потребность языка и средства для удовлетворенія ему въ напемъ и церковно-славянскомъ языкѣ; е) измѣненіе гласныхъ и согласныхъ звуковъ при словообразованіи и словоизмѣненіи въ древнемъ церковно-славянскомъ и русскомъ языкѣ: усиленіе, подъемъ, смягченіе и проч.

3. Составныя части слова и раздѣленіе ихъ (этимологическое и просодическое); выводъ отсюда правилъ орфографіи и стихосложенія.

4. Образованіе и измѣненіе частей рѣчи (общее попятіе о нихъ): а) спряженіе глаголовъ съ указаніемъ общихъ основаній, по которымъ глаголы дѣлятся на спряженія; б) склоненіе мѣстоименій; в) склоненіе существительныхъ (при чемъ объясняются основанія дѣленія на склоненія, а при склоненіи разносклоняемыхъ ихъ образованіе); г) склоненіе прилагательныхъ (при чемъ объясняется образованіе степеней сравненія); д) склоненіе именъ числительныхъ и составъ ихъ; е) неизмѣняемыя части рѣчи: предлогъ, союзъ, междометіе; ж) образованіе словъ сложныхъ и измѣненіе ихъ.

Повѣрка знаній при изученіи вышесказаннаго должна состоять не въ теоретическихъ отиѣтахъ учениковъ изъ грамматики, а въ разборѣ образцовъ.

При разборѣ каждой формы языка, воспитанникъ долженъ объяснить:

а) ея этимологическій составъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ;

б) соответствующую ей форму въ языкѣ русскомъ.

Письменные классныя упражненія за это полугодіе должны состоять: 1) въ этимологическомъ разборѣ небольшого отрывка изъ Остромирова евангелія, съ переводомъ на новый русской языкъ; 2) въ изложеніи содержанія прочитанной въ классѣ преподавателемъ статьи; домашнія же: 1) въ разсужденіи по теоретическимъ вопросамъ изъ проходимаго отдѣла грамматики, на основаніи объясненій, со-

общенныхъ преподавателемъ на ближайшихъ урокахъ; 2) въ этимологическомъ разборѣ отрывка изъ Остромирова евангелія, сличеніи остромировскаго текста въ этомъ отрывкѣ съ новымъ церковно-славянскимъ и русскимъ текстами и указаніи этимологическихъ особенностей каждаго изъ нихъ и 3) въ самостоятельныхъ сочиненіяхъ воспитанниковъ, которыя должны состоять изъ разказовъ, описаній и писемъ.

На урокахъ по русскому языку въ первомъ классѣ института могутъ быть разобраны слѣдующіе образцы словесности:

Рейнскій водопадъ—Карамзина (сравнительно съ Рейн. вод. Жуковскаго).

Садъ Плюшкина—Гоголя.

Лѣсъ—Аксакова.

Путешествіе въ Эрзерумъ—Пушкина.

Апзерскій скитъ—Максимова.

Старосвѣтскіе помѣщики—Гоголя.

Покореніе Казани—Карамзина.

Битва на Куликовомъ полѣ—Карамзина.

О счастливѣйшемъ времени жизни—Карамзина.

Полтавскій бой—Пушкина (сравнительно съ историческимъ разказомъ Соловьева).

Встрѣча съ Екатериной II—Пушкина.

Басни Крылова—Мартышка и очки, Квартетъ, Свинья подъ дубомъ.

Вѣсы—Пушкина.

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ—Пушкина (сравнительно съ лѣтописнымъ разказомъ).

Ужъ какъ палъ туманъ.....

Лѣсъ—Кольцова.

Опять на родинѣ—Пушкина.

Когда волнуется желтѣющая нива—Лермонтова.

Пророкъ—Пушкина (сравн. съ Пророкомъ—Лермонтова).

Учебники и пособія: элементарная грамматика Гонорова; учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, Ѡ. Буслаева; хрестоматія Галахова (1-й и 2-й т.). Пособіе при изученіи образцовъ русской литературы, А. Попова.

Классъ второй (пять уроковъ).

Главное вниманіе въ грамматическомъ курсѣ II класса должно быть обращено на изученіе синтаксиса въ слѣдующемъ объемѣ:

Общія понятія о составѣ предложенія. Предложеніе простое, предложеніе сложное, по способу подчиненія и сочетанія. Періодъ простой и сложный; синтаксическое употребленіе частей рѣчи (каждой въ отдѣльности).

Словосочиненіе въ предложеніи простомъ. Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ, опредѣленія съ опредѣляемымъ. Управление: значеніе падежей; значеніе и управленіе предлоговъ и предложныхъ нарѣчій. Управляющія части рѣчи; словосочиненіе въ сложномъ предложеніи.

Подчиненіе одного предложенія другому. Придаточное предложеніе полное: а) употребленіе вопросительныхъ и относительныхъ мѣстоименій и нарѣчій; б) повелительное наклоненіе въ смыслѣ условномъ; в) союзы.

Придаточное предложеніе сокращенное: а) причастіе и дѣспричастіе; б) неопредѣленное наклоненіе.

Сочетаніе предложій равносильныхъ. Три способа сочетанія равносильныхъ предложій: соединительное, противительное, раздѣлительное.

Переходъ сочетанія въ подчиненіе и обратно: 1) предложеніе внословное; 2) предложеніе сравнительное.

Способъ отдѣленія словъ и предложій на письмѣ: 1) раздѣльное и слитное начертаніе словъ; 2) знаки препинанія.

Письменные работы, имѣющія своимъ назначеніемъ уясненіе грамматическихъ формъ, могутъ быть во 2-мъ классѣ тѣ же, какія означены въ программѣ 1-го класса; но для болѣе основательнаго ознакомленія съ формами роднаго языка ученики должны отчасти упражняться въ разборѣ не только текста Остромирава евангелія, но также былиннаго и лѣтописнаго языка.

По разбору образцовъ словесности могутъ быть разучены:

Былины объ Ильѣ Муромцѣ: поѣздка Ильи Муромца въ Кіевъ, освобожденіе Кіева Ильѣй Муромцемъ.

Отрывки изъ Несторовой лѣтописи: княженіе Ольги и Святослава, первые христіанскіе мученики въ Россіи, крещеніе Руси — сравнительно съ текстомъ исторіи Карамзина.

Ода Ломоносова на день восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы.

Фелица — Державина.

Недоросль — Фонъ-Визина.

О любви къ отечеству и народной гордости — Карамзина.

Предисловіе къ Исторіи государства Россійскаго — Карамзина.

2-я гл. XI т. Исторіи Карамзина.

Пѣвецъ въ стагѣ русскихъ воиновъ — Жуковскаго.

Басни Крылова: Осель и Соловей, Гуси, Лжець.

Поэту, Чернь — Пушкина.

Скупой рыцарь — Пушкина.

Борисъ Годуновъ — Пушкина.

Горе отъ ума — Грибоѣдова.

Тарасъ Бульба — Гоголя.

VI-я глава Мертвыхъ душъ — Гоголя.

Гевизоръ — Гоголя.

О нравственныхъ причинахъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 года — митрополита Филарета.

Два слова въ Великій Пятокъ — преосвященнаго Иннокентія.

Къ разбору указанныхъ образцовъ должны быть приурочены биографическія свѣдѣнія о писателяхъ и историко литературныя замѣтки объ ихъ произведеніяхъ, разученныхъ класснымъ образомъ.

Кромѣ того въ курсѣ втораго класса должны быть дополняемы свѣдѣнія воспитанниковъ о главнѣйшихъ родахъ и видахъ словесныхъ произведеній.

Письменные работы воспитанниковъ сего класса должны имѣть характеръ болѣе самостоятельный, чѣмъ въ первомъ классѣ. Самое видное мѣсто — въ ряду письменныхъ упражненій — должны занять самостоятельные разборы статей, назначенныхъ преподавателемъ и сочиненія въ формѣ разсужденій на заданныя преподавателемъ темы — сначала по плану, выработанному въ классѣ, а впослѣдствіи — по плану, придуманному самими воспитанниками.

Учебники и пособія остаются тѣ же, какіе означены въ программѣ перваго класса, за исключеніемъ, „Элементарной грамматики“ Гонорова.

Классъ третій (два урока).

Систематическое повтореніе грамматики по учебнику Вуслаева.

По словесности, для болѣе цѣльнаго ознакомленія съ главнѣйшими формами словесныхъ произведеній въ ихъ исторической обстановкѣ, воспитанники должны изучать, подъ руководствомъ преподавателя, необходимыя отдѣлы изъ руководства Стоюнина къ теоретическому и историческому изученію русской литературы и, кромѣ того, разобравшы въ первыхъ двухъ классахъ образцы словесности, отдавалъ въ томъ отчетъ преподавателю.

ПРОГРАММА МАТЕМАТИКИ.

ПЕРВЫЙ КЛАССЪ (семь уроковъ въ недѣлю).

Арифметика.

1. Повтореніе (посредствомъ рѣшенія устныхъ и письменныхъ задачъ) четырехъ дѣйствій съ цѣлыми числами и дробями и вычисленіе двухъ пріемовъ рѣшенія задачъ: синтетическаго (отъ данныхъ къ искомому) и аналитическаго (отъ искомага къ даннымъ).

2. Понятіе о величинѣ. Величины однородныя и разнородныя. Измѣреніе величинъ. Понятіе о единицѣ. Понятіе о числѣ, какъ результатѣ измѣренія и счета. Числа цѣлыя и дробныя, отвлеченныя и именованныя.

3. Нумерація. Различныя системы нумераціи. Преимущества и недостатки десятичной системы нумераціи относительно другихъ системъ, основанныхъ на томъ же законѣ, какъ и десятичная. Распространеніе десятичной системы нумераціи на десятичныя дроби.

4. Сложеніе и вычитаніе цѣлыхъ чиселъ и десятичныхъ дробей. Случай приложенія этихъ дѣйствій къ рѣшенію задачъ.

5. Измѣненіе суммы и разности отъ измѣненія слагаемыхъ и уменьшаемаго съ вычитаемымъ. Неизмѣняемость суммы отъ перестановки слагаемыхъ. Приложеніе выведенныхъ свойствъ суммы и разности къ частнымъ случаямъ сложенія и вычитанія (напримѣръ, $573 - 385 = 573 - 400 + 15$).

6. Опредѣленіе умноженія. Умноженіе однозначныхъ чиселъ. Пифагорова таблица. Умноженіе чиселъ и десятичныхъ дробей на однозначныя числа и на числа, изображаемыя единицею съ нѣсколькими нулями. Умноженіе на многозначныя числа. Число цифръ произведенія. Случай приложенія умноженія къ рѣшенію задачъ.

7. Опредѣленіе дѣленія. Дѣленіе двузначныхъ и однозначныхъ чиселъ на однозначныя. Дѣленіе многозначнаго числа и десятичной дроби на однозначныя числа и на числа, изображаемыя единицею съ нѣсколькими нулями. Число цифръ частнаго при дѣленіи цѣлыхъ чиселъ. Дѣленіе многозначнаго числа на многозначное.

8. Неизмѣняемость произведенія отъ перестановки множителей. Измѣненія произведенія и частнаго, происходящія отъ измѣненій сомножителей, а также дѣлимаго и дѣлителя. Приложеніе выведенныхъ свойствъ произведенія и частнаго къ частнымъ случаямъ умно-

женія и дѣленія цѣлыхъ чиселъ. Умноженіе и дѣленіе десятичныхъ дробей.

9. Мѣры, употребляемыя въ Россіи. Метрическая система мѣръ. Преимущества ея передъ другими. Раздробленіе и превращеніе именованныхъ чиселъ. Четыре дѣйствія съ составными именованными числами.

10. Понятіе о кратныхъ числахъ и дѣлителяхъ, объ общемъ наименьшемъ кратномъ и общемъ наибольшемъ дѣлителѣ. Признаки дѣлимости на 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11 и 25. Повѣрка четырехъ дѣйствій посредствомъ 9 и 11.

11. Теоремы, на которыхъ основано отысканіе общаго наибольшаго дѣлителя по способу послѣдовательнаго дѣленія. Отысканіе общаго наибольшаго дѣлителя по этому способу для двухъ и нѣсколькихъ чиселъ. Свойства общаго наибольшаго дѣлителя нѣсколькихъ чиселъ и частныхъ отъ дѣленія этихъ чиселъ на общаго наибольшаго дѣлителя. Доказательство теоремы: всякое число, которое дѣлитъ произведеніе двухъ множителей и будетъ первымъ съ однимъ изъ нихъ, раздѣлитъ другой сомножитель.

12. Отысканіе наименьшаго кратнаго числа для двухъ и нѣсколькихъ чиселъ помощію общаго наибольшаго дѣлителя.

13. Понятіе о первоначальномъ числѣ. Число первоначальныхъ чиселъ. Признаки, по которымъ можно судить, есть ли данное число первоначальное. Составленіе таблицы первоначальныхъ чиселъ. Рѣшеніе этого вопроса, предложенное Эратосфеномъ.

14. Теоремы: 1) всякое первоначальное число, дѣлящее произведеніе нѣсколькихъ множителей, дѣлитъ по крайней мѣрѣ одного изъ этихъ множителей; 2) слѣдствія изъ этой теоремы для степеней чиселъ; 3) всякое число, первое съ множителями какаго нибудь произведенія, будетъ первымъ и съ произведеніемъ; 4) обратная теорема. Признаки дѣлимости чиселъ на произведенія двухъ взаимно-первыхъ чиселъ 6, 15, 18 и т. д.

15. Теоремы: 1) всякое непервоначальное число есть произведеніе первоначальныхъ чиселъ; 2) всякое непервоначальное число можетъ быть разложено на первоначальныхъ дѣлителей только однимъ способомъ. Разложеніе чиселъ на первоначальныхъ множителей.

16. Теорема, на которой основано отысканіе точныхъ дѣлителей чиселъ. Отысканіе всѣхъ дѣлителей. Составленіе общаго наибольшаго

дѣлителя и наименьшаго кратнаго числа для нѣсколькихъ чиселъ, помощію разложенія ихъ на первоначальныя множители.

17. Теорема Фермата и основанное на этой теоремѣ отысканіе общаго признака дѣлимости чиселъ. Признаки дѣлимости на 7, 13 и другія числа.

18. Попытiе о дроби, какъ совокупности равныхъ частей единицы, и какъ частнаго отъ дѣленія числителя на знаменателя. Раздѣленіе дробей по отношенію величины ихъ къ единицѣ. Обращеніе смѣшаннаго числа въ неправильную дробь и исключеніе изъ неправильной дроби цѣлаго числа. Увеличеніе и уменьшеніе дробей въ цѣлое число разъ. Свойства дробей, на которыхъ основано сокращеніе дробей, и приведеніе ихъ къ общему знаменателю. Измѣненіе дроби отъ прибавленія къ числителю и знаменателю одного и того же числа, а также и отъ вычитанія изъ числителя и знаменателя одного и того же числа.

19. Сокращеніе дробей и приведеніе дробей къ общему наименьшему знаменателю.

20. Четыре дѣйствія съ дробями и съ дробными имепованными числами. Приложеніе выведенныхъ правилъ дѣйствій къ десятичнымъ дробямъ.

21. Обращеніе обыкновенныхъ дробей въ десятичныя. Конечныя и бесконечныя десятичныя дроби. Признаки обращенія обыкновенныхъ дробей: а) въ конечную десятичную, в) въ чистую періодическую и с) въ смѣшанную періодическую. Обращеніе въ обыкновенныя десятичныхъ дробей: а) конечныхъ, б) чистыхъ періодическихъ и с) смѣшанныхъ періодическихъ.

22. Непрерывныя дроби. Обращеніе простыхъ дробей въ непрерывныя и непрерывныхъ въ простыя. Нахожденіе приближенныхъ величинъ несократимой дроби. Приложеніе непрерывныхъ дробей къ приближенному вычисленію.

23. Ариметическое и геометрическое отпощенія. Главнѣйшія свойства ариметической и геометрической пропорціи.

24. Рѣшеніе задачъ на тройное правило, правило товарищества и другія, по способу приведенія къ единицѣ и по способу пропорцій. При общемъ и окончательномъ повтореніи ариметики долженъ быть принятъ порядокъ изложенія, согласный съ тою системою, по которой расположено курсъ ариметики въ городскихъ училищахъ.

Алгебра.

1. Составъ задачи: данныя условія и искомое. Значеніе этихъ

частей задачи. вспомогагельныя неизвѣстныя въ задачѣ и разложеніе сложной задачи на рядъ простыхъ задачъ, требующихъ для своего рѣшенія только одного дѣйствія.

2. Обобщеніе задачъ. Значеніе общей задачи. Общее число и его обозначеніе буквой. Формула. Составленіе формулъ изъ задачъ и рѣшеніе задачъ по формуламъ.

3. Алгебраическія упрощенія: коэффициентъ и показатель. Приведеніе подобныхъ членовъ. Употребленіе скобокъ. Вычисленіе сложныхъ формулъ. Составленіе задачъ, рѣшеніе которыхъ приводится къ даннымъ формуламъ.

4. Разборъ формулы: $y = a - b$ и задачъ, которыя къ ней приводятся. Отрицательныя числа. Значеніе отрицательныхъ рѣшеній въ задачахъ. Обобщеніе задачъ при помощи отрицательныхъ чиселъ.

5. Дѣйствія съ отрицательными числами въ связи съ задачами.

6. Дѣйствія надъ одночленами.

7. Рѣшеніе задачъ посредствомъ уравненій. Отличіе уравненія отъ формулы. Рѣшеніе опредѣленныхъ уравненій съ одною неизвѣстною.

8. Рѣшеніе опредѣленныхъ уравненій съ двумя и многими неизвѣстными.

9. Общій видъ арифметической и геометрической пропорцій; ихъ свойства. Среднія арифметическія и среднія геометрическія величины. Свойство ряда равныхъ отношеній.

Геометрія.

Приготовительный курсъ геометріи.

1. Бесѣды о геометрическихъ тѣлахъ: кубъ, призмъ, пирамидъ, цилиндръ, конусъ и шаръ. Выводъ изъ этихъ бесѣдъ основныхъ геометрическихъ понятій: тѣло, поверхность, линія и точка, и другихъ наиболее важныхъ; уголь, фигура и т. п. Черченіе тѣлъ.

2. Прямая линія и ея свойства. Черченіе прямыхъ линій. Сравненіе прямыхъ линій. Сложеніе и вычитаніе прямыхъ; умноженіе и дѣленіе прямой линіи на отвлеченное число. Измѣреніе прямыхъ линій.

3. Взаимное положеніе двухъ прямыхъ линій. Понятіе объ углахъ. Сравненіе угловъ, сложеніе и вычитаніе угловъ; умноженіе и дѣленіе угла на отвлеченное число. Измѣреніе угловъ. Смежныя углы. Независимость величины прямого угла. Прямой уголь, какъ мѣра угловъ. Острые и тупые углы. Свойство смежныхъ угловъ. Противуположныя углы и ихъ свойство.

4. Перпендикуляръ и наклонныя линіи. Свойство наклонныхъ, равноудаленныхъ отъ основанія перпендикуляра и неравноудаленныхъ отъ основанія перпендикуляра. Обратныя теоремы. Перпендикуляръ есть кратчайшее разстояніе отъ точки до прямой. Свойство точекъ перпендикуляра, поставленнаго изъ середины прямой. Обратная теорема.

5. Окружность и прямыя линіи въ ней. Взаимное положеніе двухъ окружностей. Число точекъ пересѣченія двухъ окружностей. Условія пересѣченія двухъ окружностей, касанія ихъ и нахожденія одной внѣ другой, или одной внутри другой.

6. Рѣшеніе задачъ: 1) найти точки, которыя находились бы въ равныхъ разстояніяхъ отъ данной точки; 2) найти точку, которая отъ двухъ данныхъ точекъ находилась бы въ заданныхъ разстояніяхъ (условія возможности рѣшенія, число рѣшеній); 3) изъ середины данной прямой поставить къ ней перпендикуляръ; 4) изъ данной точки на данной прямой поставить къ ней перпендикуляръ.

7. Прямоугольникъ. Условія равенства прямоугольниковъ. Построеніе прямоугольника, равнаго данному. Отношеніе площадей прямоугольниковъ съ различными высотами и основаніями (случай соизмѣримости).

8. Измѣреніе площадей. Квадратъ, какъ мѣра площадей. Площадь прямоугольника и квадрата. Равнозвѣрные прямоугольники. Подобіе прямоугольниковъ. Попятіе о масштабѣ и планѣ.

9. Прямой прямоугольный параллелепипедъ. Условія равенства прямыхъ прямоугольныхъ параллелепипедовъ. Отношеніе прямыхъ прямоугольныхъ параллелепипедовъ, имѣющихъ различныя основанія и высоты (случай соизмѣримости). Кубъ, какъ мѣра объемовъ. Объемъ прямого прямоугольнаго параллелепипеда и куба.

Теоретическій курсъ геометріи.

10. Попятіе объ аксіомѣ, теоремѣ и доказательствѣ теоремъ. Различные способы доказательствъ.

11. Треугольникъ. Разныя виды треугольниковъ. Свойство сторонъ треугольника. Три случая равенства треугольниковъ. Зависимость между сторонами и углами треугольника. Равенство прямоугольныхъ треугольниковъ.

12. Параллельныя линіи. Углы, образуемые двумя параллельными съ сѣкущею. Свойства этихъ угловъ. Условія параллельности двухъ прямыхъ. Свойства двухъ прямыхъ, параллельныхъ третьей. Свойства

отрѣзковъ параллельныхъ ливій, заключенныхъ между параллельными. Свойства угловъ съ взаимно параллельными и съ взаимно перпендикулярными сторонами. Свойства угловъ треугольника.

13. Число точекъ пересѣченія окружности съ прямою. Свойство касательной относительно радіуса, проведеннаго въ точку касанія. Обратная теорема. Зависимость между дугами и стягивающими ихъ хордами. Свойство радіуса, перпендикулярнаго къ хордѣ. Обратная теорема. Зависимость между величиною хорды и разстояніемъ ея отъ центра.

14. Зависимость между центральными углами и соотвѣтствующими имъ дугами. Измѣреніе центральныхъ угловъ, вписанныхъ, имѣющихъ вершину внутри круга, имѣющихъ вершину внѣ круга, образованныхъ хордою и касательною, и описанныхъ угловъ.

15. Многоугольники. Число діагоналей. Суммы внутреннихъ и внѣшнихъ угловъ многоугольника. Правильные многоугольники.

16. Четыреугольникъ. Параллелограммъ. Свойства его сторонъ, угловъ и діагоналей. Различные виды параллелограммовъ и ихъ свойства. Трапеція и ея свойства.

17. Отношеніе площадей прямоугольниковъ съ разными высотами и основаніями (случай несоизмѣримости). Площади параллелограмма, треугольника, трапеціи и многоугольника. Пиагорова теорема.

18. Свойство двухъ параллельныхъ линій, пересѣкающихся стороны угла. Обратная теорема. Слѣдствія этихъ теоремъ. Пропорціональныя линіи. Свойство линіи, параллельной одной изъ сторонъ треугольника. Слѣдствія этой теоремы. Обратная теорема. Свойство линіи, дѣлящей по-поламъ уголъ треугольника.

19. Подобные треугольники. Свойства сходственныхъ сторонъ треугольниковъ. Условія подобія треугольниковъ. Свойство перпендикуляра, проведеннаго изъ вершины прямого угла на гипотенузу. Слѣдствія этой теоремы. Выраженіе квадратовъ сторонъ, лежащихъ противъ тупаго и противъ остраго угла треугольниковъ. Отношеніе площадей подобныхъ треугольниковъ и треугольниковъ, имѣющихъ по равному углу.

20. Подобіе многоугольниковъ. Отношеніе периметровъ и площадей подобныхъ многоугольниковъ. Распространеніе Пиагоровой теоремы на многоугольники.

21. Пропорціональныя линіи въ кругѣ. Свойство перпендикуляра, опущеннаго изъ какой нибудь точки окружности на діаметръ. Свойство отрѣзковъ двухъ пересѣкающихся хордъ. Свойство сѣкущихъ,

проведенныхъ изъ одной вѣршней точки. Свойство сѣкущей и касательной, проведенныхъ изъ одной точки внѣ круга.

Второй классъ (первое полугодіе) (шесть уроковъ).

Алгебра.

1. Дѣйствія надъ многочленами и рѣшеніе опредѣленныхъ буквенныхъ уравненій 1-й степени.

2. Степень и корень. Теоремы, на которыхъ основано возвышеніе въ степень одночленовъ. Возвышеніе одночленовъ въ степени. Знаки четныхъ и нечетныхъ степеней. Возвышеніе въ квадратъ и кубъ многочленовъ и чиселъ.

3. Извлеченіе корней изъ одночленовъ. Теоремы, на которыхъ основано извлеченіе корней. Знаки корней четныхъ и нечетныхъ степеней. Понятіе о мнимой величинѣ. Извлеченіе квадратнаго корня изъ многочленовъ.

4. Извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней изъ цѣлыхъ чиселъ и изъ дробей простыхъ и десятичныхъ. Корни изъ неполныхъ степеней. Извлеченіе корней съ заданною точностію.

5. Квадратныя уравненія. Рѣшеніе полныхъ и неполныхъ квадратныхъ уравненій. Свойство корней полного квадратнаго уравненія.

6. Изслѣдованіе формулъ рѣшенія опредѣленныхъ уравненій 1-й степени съ одною и съ двумя неизвѣстными въ связи съ задачами, рѣшающимися помощію этихъ уравненій.

7. Изслѣдованіе формулы рѣшенія квадратнаго уравненія съ одною неизвѣстною. Условія для дѣйствительныхъ, мнимыхъ и равныхъ корней.

8. Рѣшеніе уравненій высшихъ степеней, приводимыхъ къ уравненіямъ 2-й степени.

9. Неравенства и ихъ свойства.

10. Рѣшеніе неопредѣленныхъ уравненій 1-й степени съ двумя неизвѣстными въ цѣлыхъ и положительныхъ числахъ.

Геометрія.

1. Повтореніе статьи о пропорціональныхъ линіяхъ и подобіи фигуръ.

2. Многоугольники, вписанные въ кругъ и описанные около него. Рѣшеніе относящихся сюда задачъ. Около всякаго правильнаго многоугольника можно описать окружность. Обратная теорема. Отношеніе периметровъ и площадей правильныхъ подобныхъ многоугольниковъ, часть СLXXXVIII, отд. 1.

вписанныхъ въ кругъ и описанныхъ около него. Опредѣленіе по данному правильному вписанному многоугольнику такого же описаннаго и вписаннаго, имѣющаго вдвое болѣе сторонъ.

3. Теоремы о предѣлахъ, на которыхъ основано опредѣленіе длины окружности и площади круга. Отношеніе окружностей и площадей двухъ круговъ. Отношеніе окружности къ діаметру. Возможность его опредѣленія. Длина окружности и площадь круга.

4. Плоскость. Условія, опредѣляющія положеніе плоскости. Пересѣченіе двухъ плоскостей и плоскости съ прямою лініею.

5. Перпендикулярныя и наклонныя лініи къ плоскости. Условія перпендикулярности лініи къ плоскости. Число перпендикуляровъ къ плоскости, проведенныхъ изъ одной точки. Свойства перпендикуляра и наклонныхъ, проведенныхъ изъ одной точки къ одной плоскости. Свойства прямой, наклонной къ плоскости, относительно проекціи этой прямой на той же плоскости.

6. Условія параллельности двухъ прямыхъ въ пространствѣ. Условіе параллельности прямой къ плоскости. Свойство сѣченій двухъ параллельныхъ плоскостей третьою. Условіе параллельности двухъ плоскостей. Обратная теорема. Свойство угловъ съ параллельными сторонами въ пространствѣ. Свойство отрѣзковъ двухъ ліній, заключенныхъ между тремя параллельными плоскостями.

7. Двугранные углы. Лінейные углы двугранныхъ угловъ. Зависимость между лінейными и двугранными углами. Условіе перпендикулярности двухъ плоскостей. Обратная теорема.

8. Многогранные углы. Вершина, ребра и плоскіе углы многогранныхъ угловъ. Свойство плоскихъ угловъ трехграннаго угла. Свойство плоскихъ угловъ многограннаго угла. Условіи равенства трехгранныхъ угловъ.

9. Многогранныя тѣла. Призма. Параллелепипедъ. Кубъ. Свойство противоположныхъ граней параллелепипеда и его діагоналей. Боковая поверхность призмы. Пирамиды. Свойство сѣкущей плоскости, параллельной основанію пирамиды. Свойство площадей сѣченій двухъ пирамидъ, имѣющихъ одинаковыя высоты и равномѣрные основанія, лежація въ одной плоскости, плоскостію, параллельною основанію. Боковая поверхность правильной, полной и усѣченной пирамиды. Правильные многогранники.

10. Теоремы, на которыхъ основано опредѣленіе объема прямого прямоугольнаго параллелепипеда (случай несоизмѣримости). Объемъ прямоугольнаго параллелепипеда. Теоремы, на которыхъ основано

опредѣленіе объемовъ параллелепипеда и призмы вообще. Объемъ параллелепипеда и призмы. Теоремы, на которыхъ основано опредѣленіе объема пирамиды. Объемы полной и усѣченной параллельно основанію пирамиды. Объемъ усѣченной призмы.

11. Тѣла вращенія: прямыя круговыя цилиндръ и конусъ; шаръ. Свойства ихъ. Поверхности и объемы этихъ тѣлъ. Поверхности шароваго пояса и сегмента. Объемъ сферическаго сектора.

12. Отношеніе поверхностей и объемовъ подобныхъ многоугольниковъ, а также подобныхъ конусовъ и цилиндровъ. Отношеніе поверхностей и объемовъ шаровъ.

13. Отношеніе поверхностей шара и описанныхъ около него цилиндра и равносторонняго конуса. Отношеніе объемовъ этихъ тѣлъ.

14. Наиболѣе употребительныя кривыя и ихъ главныя свойства.

15. Практическія примѣненія геометріи къ дѣйствіямъ на полѣ цѣпью, кольями и углоубрными инструментами. Ознакомленіе учащихся съ главнѣйшими землеубрными инструментами. Основныя понятія о съемкѣ плановъ и нивелированіи.

Курсъ сопровождается рѣшеніемъ возможно большаго числа задачъ на построеніе и вычисленіе.

Во второмъ полугодіи объясняются главныя основанія методики ариѳметики и геометріи, въ связи съ образцовыми уроками преподавателя и пробными уроками воспитанниковъ, если для этихъ послѣднихъ окажется достаточно свободнаго времени.

Третій классъ (три урока).

Изученіе теоретическихъ и практическихъ учебниковъ ариѳметики и геометріи.

Повтореніе курса алгебры, сопровождаемое рѣшеніемъ наиболѣе трудныхъ задачъ, относящихся ко всѣмъ пройденнымъ отдѣламъ математики.

Методика ариѳметики и геометріи, въ связи съ образцовыми уроками воспитанниковъ въ объемѣ программы на званіе городского учителя.

Ознакомленіе воспитанниковъ съ замѣчательными книгами и статьями, относящимися къ начальному преподаванію математики,

Руководствами могутъ служить: ариѳметика и алгебра Малипина и Вуренина, алгебра Сомова, собраніе ариѳметическихъ задачъ Малипина и Вуренина, геометрія Давидова, геометрія Буссе. Практиче-

ская геометрія, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Векелю, сост. А Дмитриевымъ.

ПРОГРАММА ИСТОРИИ.

Курсъ перваго класса (три урока).

Древняя исторія (всеобщая).

Индусы. Касты. Вѣра.
 Финикияне. Открытія и колоніи.
 Ассирія и Вавилонъ, Семирамида. Навуходоносоръ.
 Египеть. Вѣра. Касты. Памятники.
 Сезострисъ. Псаметихъ.
 Персія. Вѣра. Киръ. Камбизъ.
 Греція. Страна. Вѣра. Оракулы. Общественныя игры.
 Мионическое время. Геркулесъ. Троянская война.
 Историческое время. Нашествіе Дорянъ.
 Спарта. Ликургъ, его законодательство и слѣдствія онаго.
 Аѳины. Солонъ, его законодательство и слѣдствія онаго.
 Персидскія войны. Греческія колоніи. Нашествіе Дарія Гистасна
 Мараонъ. Нашествіе Ксеркса.
 Фермопилы. Саламинъ. Платей.
 Цериклъ и его дѣятельность.
 Пелопонезская война. Алкивиадъ. Пелопидъ и Эпаминондъ.
 Македонія. Филиппъ. Демосѳенъ. Херонейская битва.
 Александръ Македонскій. Возстаніе Греціи. Покореніе Персіи,
 Фивикін, Іудей, Египта. Походъ въ Индію.
 Внутренняя дѣятельность Алексавдра. Распаденіе его монархіи.
 Римъ. Страна. Начало Рима.
 Первые преемники Ромула.
 Сервій Туллій и его раздѣленіе народа. Тарквиній Гордый и на-
 чало республики.
 Отшествіе па священную гору. Трибуны.
 Децемвиры. Нашествіе Галловъ.
 Уравненіе правъ. Покореніе Італіи.
 Пуническія войны.
 Перемѣна правовъ. Гракхи.
 Марій и Сулла. Крассъ. Помпей. Заговоръ Катилины.
 Юлій Цезарь. Первый триумвиратъ. Покореніе Галліи. Фарсаль.
 Смерть Юлія Цезаря.

Антоній. Октавіанъ. Второй триумвиратъ.

Августъ и его дѣятельность. Тевтобургскій лѣсъ.

Первые преемники Августа.

Веспасіанъ. Разрушеніе Іерусалима. Титъ.

Домиціанъ.

Преемники его. Маркъ Аврелій.

Господство солдатъ.

Смутный періодъ. Внѣшнее и внутреннее состояніе Рима.

Диоклетіанъ и его раздѣленіе государства.

Междоусобія.

Константинъ Великій. Признаніе христіанской вѣры господствующею. Перенесеніе столицы и значеніе сего. Другія мѣры Константина Великаго для благоустройства государства. Феодосій Великій. Распаденіе Римской имперіи на западную и восточную. Паденіе западной.

Средняя исторія (всеобщая).

Начало Средней исторіи. Христіанство.

Великое переселеніе народовъ. Паденіе западной Римской имперіи.

Германцы. Страна, обычаи, религія.

Образованіе Франкскаго государства. Клодвигъ. Распаденіе на Австразію и Нейстрію. Палатные меры. Карлъ Мартель. Пипинъ Короткій. Начало Папской области.

Карлъ Великій. Его войны и внутренняя дѣятельность. Распаденіе его монархіи.

Феодализмъ.

Образованіе Англійскаго государства. Набѣги Нормановъ. Альфредъ Великій. Вильгельмъ Завоеватель.

Магометъ. Распространеніе магометанства и арабскаго владычества.

Борьба королевской власти съ феодализмомъ.

Германія. Отгонъ Великій.

Франція. Дѣятельность Капетинговъ. Людовикъ IX.

Англія. Генрихъ II. Тома Бекетъ. Іоаннъ Безземельный.

Борьба свѣтской власти съ духовною. Германія. Генрихъ IV и Григорій VII.

Крестовые походы. Причины и слѣдствія ихъ.

Латинская имперія. Духовно-рыцарскіе ордена. Гвельфы и Гибеллины.

Фридрихъ Барбаросса. Фридрихъ II Гогенштауфенъ.

Франція. Филиппъ Красивый и Бонифацій VIII.

Упадокъ феодализма и папства. Англія. Война между Англіей и Франціей. Жанна д'Аркъ. Война Алой и Бѣлой Розы.

Германія. Состояніе ея. Габсбурги. Швейцарія. Великій расколъ церкви. Русь.

Испанія. Фердинандъ Католикъ и Изабелла. Ихъ дѣятельность для сплоченія государства.

Войны съ Маврами. Инквизиція.

Византія и Славяне. Страна Славянъ. Вѣра и обычаи ихъ. Племена. Движеніе въ Византійскую имперію.

Юстиніанъ Великій и его дѣятельность.

Образованіе славянскихъ государствъ. Распространеніе христіанства между славянскими народами. Кирилль и Меѳодій. Славянская азбука.

Раздѣленіе церквей

Борьба Славянъ съ Пѣмцами и Турками. Флорентинская унія. Паденіе Византіи.

Русская исторія.

Восточная Европа въ половинѣ IX ст. Страна. Древнѣйшая исторія. Племена. Обычаи и религіи Славянъ.

Варяги. Первые князья-завоеватели. Введеніе христіанства. Русская Правда.

Развитіе удѣльно-вѣчевой системы. Борьба между сыновьями Ярослава. Святославичи. Съѣздъ въ Любечѣ. Ослѣпленіе Василька. Мономахъ. Мономаховичи и Ольговичи. Борьба между Изяславомъ II и Юріемъ Долгорукимъ.

Андрей Боголюбскій.

Суздальская земля. Волынъ и Галиція. Новгородъ. Ливонскій орденъ Монгольское иго.

Русь сѣверо-восточная. Александръ Невскій. Его войны со Шведами и Ливонцами. Отношенія его къ Татарамъ.

Русь юго-западная. Даниль. Галиція отходитъ къ Польшѣ, Волынъ къ Литвѣ. Соединеніе Литвы съ Польшою. Люблинская унія. Русь сѣверо-восточная собирается около Москвы. Начало Москвы. Даниль. Борьба между Тверью и Москвою. Иоаннъ Калита. Сыновья его.

Дмитрій Донской. Его дѣятельность внутренняя и отношенія къ Татарамъ. Значеніе Куликовской побѣды.

Василій I. Присоединеніе удѣловъ. Нашествіе Тамерлана и Эдигея. Василій Темный.

Іоаннъ III. Паденіе Новгорода и присоединеніе удѣловъ. Уничтоженіе ига. Бракъ съ Софьею Палеологъ и слѣдствія оваго.

Василій III. Присоединеніе послѣднихъ удѣловъ. Война съ Литвою и Татарами. Внутренняя его политика.

Курсъ втораго класса (два урока).

Новая исторія (всеобщая).

Изобрѣтеніе бумаги. Книгопечатаніе. Порохъ. Компасъ. Открытіе Америки. Слѣдствія этихъ открытій и изобрѣтеній.

Состояніе просвѣщенія въ западной Европѣ. Медицины. Гуманисты.

Итальянскія войны и слѣдствія ихъ. Папы. Реформація въ Германіи. Индульгенци. Лютеръ. Борьба съ папствомъ.

Возстаніе рыцарей и крестьянъ. Аугсбургское исповѣданіе. Шмалькальденскій союзъ. Морицъ Саксонскій. Аугсбургскій религиозный миръ. Кальвинъ. Цвингли.

Католическая реакція. Іезуиты. Филиппъ II. Нидерландскія дѣла.

Реформація въ Англіи. Генрихъ VIII. Елизавета. Стюарты.

Реформація во Франціи. Варооломеевская ночь. Генрихъ IV.

Реформація въ Швеціи и Даніи. Стокгольмская кровавая баня. Густавъ Ваза.

Тридцатилѣтняя война и слѣдствія оной. Революція въ Англіи. Реставрація Стюартовъ. Вильгельмъ Оранскій.

Людовикъ XIII. Ришелье. Мазарини. Людовикъ XIV и его внѣшняя и внутренняя политика. Пруссія. Происхожденіе и возвышеніе ея. Фридрихъ Великій. Война за австрійское наслѣдство. Марія Терезія. Семилѣтняя война. Вмѣшательство Россіи. Эпоха правительственныхъ реформъ въ Европѣ. Реформы Фридриха II, Іосифа II, Густава III. Уничтоженіе ордена іезуитовъ. Образованіе республики Соединенныхъ Штатовъ въ сѣверной Америкѣ.

Французская революція.

Наполеонъ I. Вѣнскій конгрессъ. Священный союзъ.

Русская исторія.

Іоаннъ IV. Реформы. Казни. Завоеванія на востокъ. Борьба за Ливонію.

Федоръ Іоанновичъ. Годуновъ. Прикрѣпленіе крестьянъ. Убіеніе Дмитрія.

Смутное время. Борисъ Годуновъ и его дѣятельность. Лжедмитрій I. Василій Шуйскій. Лжедмитрій II. Междуцарствіе. Мининъ и Пожарскій.

Михаилъ Феодоровичъ. Его внутренняя и внѣшняя дѣятельность.

Алексѣй Михайловичъ. Смуты. Внутренняя и внѣшняя его дѣятельность. Никонъ.

Юго-западная Русь подъ владычествомъ Польши. Братства. Унія. Малороссійское казачество. Запорожье. Казацкія возстанія. Богданъ Хмѣльницкій и присоединеніе Малороссіи къ Россіи. Борьба Россіи за Малороссію. Апдрусовскій миръ. Смуты въ Малороссіи.

Феодоръ Алексѣевичъ. Бахчисарайскій договоръ. Уничтоженіе мѣстничества. Стрѣльцкій бунтъ. Правленіе и паденіе царевны Софіи.

Петръ Великій. Азовскіе походы. Путешествіе за границу. Великая сѣверная война и ея слѣдствія. Реформы Петра, ихъ значеніе и слѣдствія. Дѣла семейныя. Сотрудники Петра Великаго.

Екатерина I и Петръ II. Меншиковъ и Долгорукіе.

Анна Іоанновна. Биронъ. Внутренняя и внѣшняя дѣятельность правительства. Паденіе Бирона. Іоаннъ Антоновичъ. Елисавета Петровна. Характеръ ея царствованія. Дѣла внутреннія и внѣшнія. Петръ III.

Екатерина II. Войны и реформы ея. Главныя дѣятели ея царствованія.

Павель I. Суворовъ.

Александръ I. Войны. Нашествіе Наполеона. Внутренняя дѣятельность.

Николай I. Войны. Крымская война. Внутренняя политика.

Александръ II. Главнѣйшія реформы: отмѣна крѣпостнаго состоянія и тѣлеснаго наказанія, земство, новые судебныя уставы, образовательное движеніе.

По русской исторіи—учебникъ Пловайскаго.

Курсъ третьяго класса (одинъ урокъ).

Повтореніе всего пройденнаго въ предшествовавшихъ классахъ.

Чтеніе лѣтописей, мемуаровъ и историческихъ сочиненій для уясненія понятія объ исторіи, какъ наукѣ, и ея первоначальныхъ формахъ—лѣтописи, мемуарахъ и собственно исторіи.

Практическія занятія могутъ заключаться въ составленіи харак-

теристикъ лицъ, или событій по тому или другому прочитанному историческому произведенію,—отчетовъ о какомъ либо прочитанномъ памятникѣ и собственныхъ сочиненій воспитанниковъ на какую-либо историческую тему, при пользованіи указанными пособіями.

Кромѣ повторенія пройденнаго въ предшествовавшихъ классахъ, другія занятія, предположенныя для третьяго класса, допускаются лишь по мѣрѣ времени и возможности.

ПРОГРАММА ГЕОГРАФІИ.

Первый классъ (2 урока въ недѣлю).

Кажущійся и дѣйствительный видъ земли. Горизонтъ и страны свѣта. Кажущаяся неподвижность земли и кажущееся движеніе свѣтилъ небесныхъ. Неподвижныя звѣзды, планеты и кометы. Разстояніе небесныхъ тѣлъ отъ земли.

Небесный глобусъ. Круги на земномъ шарѣ. Географическая широта и долгота. Понятіе объ опредѣленіи широты и долготы мѣста.

Земной глобусъ. Годовое движеніе земли около солнца. Объясненіе временъ года. Календарь Юліанскій и Григоріанскій. Движеніе луны около земли. Объясненіе фазъ луны. Понятіе о затмѣніяхъ.

Распределеніе земной поверхности между сушию и водою. Распределеніе суши. Материки и острова.

Части свѣта. Пространство частей свѣта. Важнѣйшіе острова. Раздѣленіе водной поверхности. Пространство океановъ. Наружное очертаніе суши. Полуострова и мысы. Наружное очертаніе водной поверхности. Важнѣйшіе заливы, бухты, губы, проливы.

Устройство поверхности суши. Важнѣйшіе низменности, плоскогорья, горы, дѣпи и узлы горъ. Воды суши. Ключи, рѣки и озера. Рѣки и озера во всѣхъ частяхъ свѣта.

Свѣдѣнія изъ физической географіи. Океанъ (глубина, морское дно, свойство морской воды, движеніе воды въ океанѣ).

Воздухъ. Свойство воздуха. Движеніе воздуха. Атмосферныя осадки. Климатъ.

Австралія. Составъ и положеніе. Новая Голландія. Географическое положеніе и береговое очертаніе. Свойства границъ. Величина. Устройство поверхности. Минеральныя произведенія. Орошеніе, климатъ, флора и фауна. Народонаселеніе. Природа большихъ острововъ Океаніи и главныхъ группъ мелкихъ острововъ. Политическое обозрѣніе. Колоніальныя земли. Самостоятельныя государства.

Африка. Положеніе и границы. Величина. Устройство поверхности. Минеральныя богатства. Орошеніе, климатъ, флора и фауна. Народонаселеніе. Политическое обозрѣніе. Народы и государства негрскаго племени. Народы и государства кавказскаго племени.

Египетъ. Положеніе и границы. Величина. Поверхность. Почва. Орошеніе. Климатъ и флора. Народонаселеніе. Промышленность. Образъ правленія и города. Владѣнія европейцевъ въ Африкѣ.

Америка. Положеніе и границы. Величина. Устройство поверхности. Минеральное богатство. Орошеніе. Климатъ, флора и фауна. Народонаселеніе. Политическое обозрѣніе.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Границы. Пространство. Устройство поверхности и орошеніе. Климатъ и растительность. Народонаселеніе. Промышленность. Государственное устройство. Города. Постороннія владѣнія Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Колоніальныя земли въ Сѣверной Америкѣ.

Средняя Америка. Мексика. Центральная Америка и Вестъ-Индія. Южная Америка. Бразильская имперія. Гренадская республика. Венесуэла. Эквадоръ. Перу. Чили. Боливія. Аргентинскій союзъ. Парагвай. Урагвай. Патагонія. Колоніальныя земли.

Азія. Положеніе и границы. Величина. Устройство поверхности. Минеральное богатство. Орошеніе. Климатъ. Флора и фауна. Народонаселеніе. Политическое устройство.

Китайская имперія. Границы, составъ и величина. Поверхность. Орошеніе. Климатъ, флора и фауна. Народонаселеніе. Промышленность и города.

Японская имперія. Составъ, величина и природа ея. Народонаселеніе. Промышленность и города.

Остъ-Индія. Поверхность, орошеніе, климатъ, флора и фауна. Народонаселеніе. Политическое обозрѣніе. Земли туземцевъ и владѣнія Европейцевъ.

Иранъ. Природа и народонаселеніе. Государства и города въ нихъ. Туранъ. Природа и народонаселеніе. Государства и города въ нихъ.

Аравія. Природа и народонаселеніе. Дѣленіе Аравіи и города. Азіятская Турція. Природа и народонаселеніе. Провинціи и города.

Европа. Положеніе и границы. Устройство поверхности. Орошеніе. Климатъ, растенія и животныя. Народонаселеніе.

Швеція и Норвегія. Границы. Устройство поверхности. Орошеніе. Климатъ и растительность. Пространство и народонаселеніе. Государственное устройство и города. Колоніи.

Королевство Данія и остальные государства Европы должны разсматриваться съ тѣхъ же сторонъ какъ Швеція и Норвегія. Большее вниманіе должно быть обращено на государства, между жителями которыхъ встрѣчается славянскій элементъ, а также на Англию и Францію.

Второй классъ (2 урока въ недѣлю).

Географія Россійской имперіи. Границы и пространство. Значеніе границъ сухопутныхъ и морскихъ.

Европейская Россія. Устройство поверхности. Равнины и плоскія возвышенности; горы: Уральскія, Кавказскія, Таврическія и Финляндскія.

Орошеніе. Озера, рѣки, искусственныя водяныя сообщенія.

Климатъ. Народонаселеніе. Составъ народонаселенія. Религія.

Административное раздѣленіе Россіи. Сѣверное пространство. Архангельская губернія. Города. Вологодская губернія. Города. Олонецкая губернія. Города.

Прибалтійское пространство. Общій очеркъ.

Великое княжество Финляндское. Города

С.-Петербургская губернія. Города. Новгородская губернія. Города. Исковская губернія. Города.

Остзейскій край. Города. Низменное пространство. Общій очеркъ.

Города губерній: Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской, Виленской, Ковенской.

Привислянскій край. Города.

Мануфактурно-промышленное пространство. Общій очеркъ. Губерніи: Смоленская, Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Владимірская, Московская, Калужская, Тульская, Рязанская.

Горнозаводское пространство. Общій очеркъ. Промышленность. Города губерній: Казанской, Вятской, Пермской, Уфимской, Оренбургской.

Земледѣльческое пространство. Общій очеркъ. Промышленность. Торговля. Ярмарки. Города губерній: Подольской, Волинской, Кіевской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Курской, Орловской, Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Симбирской, Самарской, Саратовской.

Степное пространство. Общій очеркъ. Промышленность. Города области Бессарабской, губерній—Херсонской, Таврической, Екатеринославской, Астраханской, Ставропольской, Земли войска Донскаго.

Кавказскій край. Общій очеркъ. Промышленность. Города области

Кубанской, Терской, Дагестанской и губерній: Тифлисской, Кутаисской, Эриванской, Елисаветопольской и Бакинской.

Сибирь. Общій очеркъ. Горы. Климать. Рѣки. Промышленность. Народонаселеніе. Города губерній: Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской и областей: Семипалатинской, Якутской, Забайкальской, Амурской, Приморской.

Киргизскій край. Общій очеркъ. Горы и степи. Промышленность. Народонаселеніе. Города областей: Уральской, Тургайской, Акиолинской, Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской.

Руководства: по всеобщей географіи—учебникъ Смирнова и географическій атласъ Лимберга, а по географіи Россіи—учебникъ Лебедева и атласъ Кузнецова.

Примѣчаніе. Остающійся свободнымъ урокъ по географіи будетъ употребленъ на методику этого предмета, а можетъ быть на методику и исторіи, коль скоро преподаватели найдутъ невозможнымъ повторять относительно-обширный курсъ исторіи и изложитъ методику ея въ урокъ, назначенный исключительно для исторіи.

ПРОГРАММА ФИЗИКИ.

Первый классъ (два урока).

Вступленіе. *Тяжесть.* Центръ тяжести. Вѣсъ. Рычагъ. Вѣсы. Удѣльный вѣсъ и плотности. Упругость воздуха. *Теплота.* Передача теплоты. Термометръ. Расширеніе тѣлъ отъ теплоты. Растяжимость, сжимаемость. Сквашность. Теченія въ жидкостяхъ. Плотность воды. Плавленіе. Скрытая и свободная теплота. Испареніе. Кипѣніе. Зависимость точки кипѣнія. Папиновъ котель. Сфероидальное состояніе воды. Удѣльная теплота и теплоемкость. Источники теплоты.

Химическія явленія.

Магнетизмъ. Магнитныя и парамагнитныя тѣла. Полюсы. Намагничиваніе. Объясненіе магнитнаго состоянія. Земной магнетизмъ. Наклоненіе и отклоненіе. Магнитный меридіанъ.

Электричество. Электризованіе передачей. Проводники. Положительное и отрицательное электричество и ихъ взаимодѣйствіе. Распределеніе по поверхности. Напряженіе и возбужденіе. Свободное и несвободное электричество. Выводы изъ электрическаго возбужденія. Электроскопъ. Электрофоръ. Лейденская банка. Электрическая машина. Опыты. Гроза.

Гальванизмъ. Вольтова батарея. Ближайшее изслѣдованіе Вольтовой цѣпи. Гальванической снѣтъ и теплота. Физиологическое дѣйствіе тока. Химическое дѣйствіе тока. Постоянно дѣйствующая батарея. Вольтаметръ. Техническое примѣненіе тока. Вліяніе тока на магнитную стрѣлку. Электромагнитизмъ. Телеграфъ. Индуктивные токи. Термо-электричество.

Второй классъ (два урока).

Равновѣсіе и движеніе. Движеніе вообще. Инерція. Сила. Равнодѣйствующая и составляющія силы. Сочетаніе силъ, имѣющихъ общую точку приложенія. Равновѣсіе тяжелаго тѣла.

Машина. Воротъ. Блокъ. Наклонная плоскость. Клинь. Винтъ. Работы силы. Движеніе равноѣрное и равноѣрно-ускоряющееся. Сочетаніе равноѣрныхъ движеній.

Измѣреніе двигающихъ силъ. Свободное паденіе. Движеніе брошенныхъ тѣлъ. Центральное движеніе. Законы и дѣйствія центробѣжной силы. Маятникъ. Законы его движенія. Сложный маятникъ. Препятствія движенію.

Дѣйствіе молекулярныхъ силъ. Молекулярныя силы. Различное снѣпленіе твердыхъ тѣлъ. Ударъ твердыхъ тѣлъ. Крѣпость. Снѣпленіе. Волосность. Кристаллизаціи.

Капельножидкія тѣла. Особыя свойства ихъ. Равноѣрное распространеніе давленія. Свободная поверхность. Давленіе жидкости на дно сосуда. Равновѣсіе жидкости, при дѣйствіи одной силы тяжести. Боковое давленіе. Сообщающіеся сосуды. Гидравлическій прессъ. Архимедовъ законъ. Плавающія тѣла. Опредѣленіе плотности тѣлъ гидростатическими вѣсами. Ареометры.

Воздухообразныя тѣла. Измѣреніе давленія воздуха. Барометръ. Законы упругости. Приборы. Воздушный насосъ. Потери вѣса тѣлъ въ воздухѣ. Смѣшеніе различныхъ газовъ. Упругость паровъ. Паровая машина.

Атмосферныя явленія, зависящія отъ теплоты, какъ-то: средняя температура мѣста; зависимость ея отъ географическаго положенія мѣста и отъ высоты надъ уровнемъ моря; вѣтры правильные и неправильные; объясненіе пассатныхъ вѣтровъ; роса, иней, туманъ, облака, тучи, дождь, снѣгъ и градъ.

Звукъ. Колеблющіяся тѣла. Волнообразное движеніе. Круговыя волны. Звукъ. Роды звука. Высота тона. Гамма. Звучащія струны. Звучащія бруски и пластинки. Духовые инструменты. Сила звука. Ре-

зонакъ. Скорость распространенія звука. Отраженіе звука. Отголосокъ. Эхо.

Третій классъ (одинъ урокъ).

Суть. Прямолинейное распространеніе свѣта. Темная камера. Тѣнь. Скорость распространенія свѣта. Сила освѣщенія. Фотометръ.

Отраженіе свѣта. Плоское зеркало. Сферическое зеркало. Понятіе о фотографіи. Разсѣянiе свѣта. Сумерки. Поглощеніе и преломленіе свѣта. Полное отраженіе.

Преломленіе свѣта въ пластинкахъ и призмахъ. Линзы. Чечевицы. Выпуклая чечевица. Вогнутыя стекла. Сферическое уклоненіе. Хроматическая абберрація или цвѣтное разложеніе. Смѣшанные и дополнительные цвѣта. Естественный цвѣтъ тѣль. Радуга. Хроматическое уклоненіе. Ахроматизмъ.

Человѣчскій глазъ. Прямое, простое и двойное зрѣніе. Условія яснаго зрѣнія. Аккомодация. Близорукость и дальнорукость. Микроскопъ. Зрительная трубка. Камера-обскура и камера-люцида. Тепло-роль лучистый.

Во время курса воспитанники должны быть, по возможности, упражняемы въ рѣшеніи задачъ, составляющихъ примѣненіе физическихъ законовъ.

Руководствомъ къ преподаванію физики можетъ служить „Курсъ физики для женскихъ учебныхъ заведеній“ *Малинина*, а пособіемъ „Учебникъ Физики“ *Красвича*, или „Начальная физика въ объемѣ гимназическаго преподаванія“ *Любимова*, или „Руководство къ физикѣ въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній“ *Полюкотицкаго*.

ПРОГРАММА ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.

(Два урока въ первомъ классѣ и три во второмъ).

При преподаваніи естествовѣдѣнія больше всего нужно стараться избѣгать катехитическаго приѣма, по самому существу своему весьма удобнаго для малолѣтнихъ дѣтей, по могущаго принести даже вредъ взрослымъ молодымъ людямъ, получившимъ извѣстную научную подготовку, отучая ихъ отъ самостоятельнаго мышленія и заставляя ожидать вопросовъ учителя. Особенно въ отношеніи естественныхъ наукъ; имѣющихъ весьма строгія формы, катехитическое изученіе никакъ не можетъ замѣнить систематическаго. Пужно чтобы будущіе учителя строго различали приѣмы и порядокъ самой науки, и приѣмы и порядокъ преподаванія ея въ элементарныхъ школахъ. Учитель долженъ

знать гораздо больше учениковъ; цѣль элементарнаго преподаванія только тогда будетъ для него ясна, когда онъ сколько-нибудь знакомъ съ наукою въ ея чистой формѣ. Не имѣя понятія объ этой формѣ, онъ въ своей катехизизаціи будетъ безъ цѣли и безъ связи перебирать всевозможные предметы, что составляетъ обыкновенный недостатокъ, такъ-называсямаго, нагляднаго преподаванія.

При преподаваніи естественныхъ наукъ въ учительскихъ институтахъ нужно имѣть въ виду двѣ, ясно различаемыя цѣли: вопервыхъ, знакомство съ систематическимъ видомъ науки, и вовторыхъ, знакомство съ приемами ея элементарнаго или приготовительнаго изученія. Согласно съ этимъ, указываются ниже руководства, которыми приблизительно могутъ быть опредѣлены приемы и самый объемъ преподаванія естественныхъ наукъ въ учительскихъ институтахъ, а именно:

I. Элементарное изученіе.

1) По зоологіи: *Д. Михайлова*, Приготовительный курсъ зоологіи. *К. Сентъ-Илера*, Элементарный курсъ зоологіи.

2) По ботаникѣ: *Н. Раевскаго*, Приготовительный курсъ ботаники.

3) По минералогіи нѣтъ удовлетворительнаго руководства. Книга *А. Герда*, „Первые уроки минералогіи“ можетъ служить указаніемъ по выбору и объему предметовъ, но по выполненію представляетъ большіе недостатки.

II. Систематическое изученіе.

1) По зоологіи: *Д. Михайлова*, Курсъ естественной исторіи (Введеніе. Краткая зоологія).

2) По ботаникѣ: *Н. Раевскаго*, Систематическій курсъ ботаники.

3) По минералогіи: *Квентедта*, Начальныя основанія минералогіи, *Матушевскаго*, „Краткій очеркъ минералогіи“.

4) По физиологіи: *Бока*, „Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и холя“.

Что касается до подробностей преподаванія естествовѣдѣнія, то оно можетъ быть сообразовано съ нижеслѣдующей примѣрной программой:

Минералогія.

О кристаллахъ. Законъ симметріи. Геміэдрія. Оси. Двойники.

Химическіе признаки минераловъ. Простыя тѣла и законы ихъ соединенія между собою. Изоморфизмъ и диморфизмъ.

Физическіе признаки минераловъ. Цвѣтъ и отношеніе минераловъ къ свѣту. Твердость, сцѣпленіе, удѣльный вѣсъ.

Силикаты: кварцы, полевые шпаты, слюды, роговая обманка, гранаты, драгоценные камни, солевидные камни и руды.

Самородные металлы.

Кислородныя и сѣрнистыя руды.

Горючія вещества.

Ботаника.

Химическій составъ растеній.

Клѣточка: ея строеніе, размноженіе, развитіе и различныя формы.

Составъ растеній изъ клѣточекъ: сѣменные и споровыя растенія.

Сѣмена растеній: ихъ строеніе и развитіе.

Стебель.

Корень.

Почки и листья.

Цвѣтокъ, плодъ и сѣмя.

О жизни растеній.

Система растеній.

Грибы, мхи, папоротники, злаки, пальмы, хвойныя, сережчатныя, сляжпоцвѣтныя, губоцвѣтныя, пасленовыя, зонтичныя, крестоцвѣтныя, тыквенныя, мальвовыя, померанцовыя, розоцвѣтныя, бобовыя.

Зоологія.

Позвоночныя животныя.

Млекопитающія: мартышка, летучая мышь, кроль, собака, кошка, мышь, лошадь, корова и китъ.

Птицы: орелъ, сова, воробей, касатка, дятель, пѣтухъ, журавль, утка.

Пресмыкающіяся: черепаха, ящерица, ужъ, лягушка, тритонъ.

Рыбы: окунь, щука, лосось, лещъ, стерлядь, минога.

Суставчатныя животныя.

Насѣкомыя: майскій жукъ, пчела, бабочка, бапустаица, шелкопрядъ, муха, клопъ, кузнечикъ (саранча), вошь.

Пауки: крестовникъ, скорпионъ, зудень.

Раки: ракъ рѣчной, крабъ, мокрица.

Мякотельныя.

Головоногія: каракатица.

Явноголовыя: улитка

Безголовыя: устрица.

Черви.

Кольчатыя: пиявка.

Глисты: солитеръ.

Лучистыя

Иглокожія: морская звѣзда и морской ежъ.

Акалефы: медуза.

Полипы: гидра, красный коралль.

Простѣйшія: инфузоріи, корненожка, губки.

Физиологія человѣка.

Растительная и животная жизнь человѣка.

Питаніе. Органы и процессъ пищеваренія.

Органы и процессъ кровообращенія.

Органы и процессъ дыханія.

Выдѣленія.

Обмѣнъ веществъ въ человѣческомъ тѣлѣ.

Нервная система и органы чувствъ.

Мышцы, кости.

Средняя продолжительность жизни, возрасты и темпераменты человѣка.

Впрочемъ самый порядокъ преподаванія по этой примѣрной программѣ долженъ быть другой, именно: сперва слѣдуетъ проходить зоологію и ботанику, потомъ минералогію и сидѣнія изъ физиологіи.

Каждая изъ трехъ частей естественной исторіи можетъ быть сначала преподаваема по приготовительному или элементарному способу; но большая часть времени должна быть посвящена систематическому изученію. Если въ одной изъ частей (въ зоологіи или въ ботаникѣ, смотря по выбору учителя) будетъ пройденъ предварительный курсъ, то въ другой почти нѣтъ надобности проходить такой курсъ; можно ограничиться двумя — тремя примѣрами. Минералогія всего менѣе удобна для того, чтобы на ней знакомить учащихся съ элементарнымъ преподаваніемъ.

Наконецъ, преподаваніе должно быть сопровождаемо тщательными демонстраціями изучаемыхъ предметовъ, какъ необходимымъ условіемъ того нагляднаго преподаванія, къ которому готовится воспитанники учительскихъ институтовъ.

часть СЛХХХVIII, отд. 1.

7

ПРОГРАММА ЧИСТОПИСАНІЯ.

При преподаваніи чистописанія главною цѣлью должно быть ознакомленіе воспитанниковъ съ методою преподаванія. Чтобы преподавать успѣшно по какой бы то ни было методѣ, необходимо прежде усвоить ее совершенно самому себѣ. Въ настоящее время метода обученія письму подъ тактъ, какъ средство къ достиженію скорописнаго почерка, принята почти всѣми лучшими каллиграфами; очень полезенъ также при этомъ генетическій способъ преподаванія, состоящій въ опредѣленіи составныхъ частей буквъ и постепеннаго перехода отъ буквъ простой формы къ буквамъ болѣе сложнымъ. Чтобы дать возможность воспитанникамъ познакомиться совершенно съ этими способами преподаванія, необходимо начать съ самыхъ первоначальныхъ правилъ, какъ-бы съ учениками, только что начинающими учиться, то-есть, объяснивъ какъ должно сидѣть и правильно держать перо, заставить чертить подъ тактъ различныя упражненія карандашомъ, способствующія къ свободному движенію руки и гибкости пальцевъ, при чемъ главное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы учащіеся какъ можно лучше познакомились съ тактомъ и приспособили его для преподаванія другимъ.

ПЕРВЫЙ КЛАССЪ.

Курсъ чистописанія этого класса состоитъ въ письмѣ крупнаго почерка, изученіи формъ строчныхъ и прописныхъ буквъ и употребленіи ихъ въ словахъ и короткихъ изреченіяхъ.

Преподаватель начинаетъ курсъ общимъ обзоромъ всѣхъ отдѣльныхъ частей, входящихъ въ составъ какъ строчныхъ, такъ и прописныхъ буквъ, то-есть, чертъ: прямыхъ, *III*, закругленныхъ сверху *ттт*, снизу *ши*, сверху и снизу *и*, полуоваловъ правыхъ *эээ*, лѣвыхъ *ссс*, оваловъ съ утолщеніемъ слѣва и справа *оо*, волосныхъ чертъ *///*, тачекъ, *рр*, пламевидныхъ *ф**ф*, волнистыхъ линий: плоскихъ *—* глубокихъ и петель.

Для развитія руки въ началѣ курса, послѣ упражненій карандашомъ, преподаватель заставляетъ писать перомъ подъ тактъ упражненія, состоящія изъ вышеозначенныхъ составныхъ частей буквъ, по тетрадамъ, разлиневаннымъ наклонными линиями, для опредѣленія наклона всѣхъ буквъ вообще и для правильной разстановки оныхъ.

По усмотрѣнію преподавателя, упражненія эти проходятся во столько уроковъ, сколько онъ найдетъ нужнымъ, чтобы ученики приобрѣли

навыкъ для писанія впоследствии болѣе сложныхъ формъ цѣлыхъ буквъ.

При упражненіи въ самыхъ буквахъ, преподаватель разлиневываетъ доску горизонтальными и наклонными линіями, сообразно съ тѣмъ, какъ это дѣлаютъ ученики на своихъ тетрадяхъ, и каждая изучаемая буква въ началѣ урока разлагается на доскѣ на составныя части, которыя еще разъ подробно объясняются и затѣмъ буква пишется уже въ полномъ составѣ. Эти объясненія отдѣльныхъ составныхъ частей буквъ повторяются при переходѣ къ каждой новой буквѣ.

Строчныя и прописныя буквы изучаются въ генетическомъ порядкѣ, то-есть, сперва проходятся самыя простыя и за ними слѣдуютъ постепенно болѣе сложныя.

Строчныя буквы по генетическому порядку раздѣляются на слѣдующія группы:

а) Группа прямыхъ, внизу загнутыхъ чертъ:

і, и, ѳ, ш, щ, л, м, н.

б) Группа чертъ, закругленныхъ сверху и снизу:

з, п, т, р, у.

в) Группа изъ полуоваловъ и оваловъ:

1) съ нажимомъ на лѣвой сторонѣ:

е, с, о, в, а, д, ю, б, я, в, ѳ, ч, ѣ, в.

2) съ нажимомъ на правой сторонѣ:

э, з, к.

3) съ нажимомъ на обѣихъ сторонахъ:

х, ж, ф.

По изученіи буквъ по группамъ, слѣдуетъ начинать писать слова, придерживаясь той же послѣдовательности, какъ и въ буквахъ, то-есть, начиная съ такихъ словъ, въ составъ которыхъ входятъ самыя простѣйшія буквы, напримѣръ: *нить, шить* и т. п.; послѣ этихъ словъ можно писать: *писаніе, счастье, аттестатъ* и другія слова, гдѣ уже встрѣчается круглый штрихъ и наконечъ, слова, состоящія изъ различныхъ буквъ, выходящихъ изъ линейки вверхъ и внизъ, напримѣръ: *образованіе* и т. п.

Прописныя буквы раздѣляются по генетическому порядку на слѣдующія группы:

а) Группа, состоящая изъ оваловъ или частей ихъ:

1) съ нажимомъ на лѣвой сторонѣ:

С, О, Ѳ, Е, Я, Ъ.

2) съ нажимомъ на правой и лѣвой сторонѣ:

Х, Ж, Ф, Э, З.

б) Группа, имѣющая основныя черты основныхъ буквъ *И* и *Г*.

Ц, Ш, Щ, Ч, Л, М, А.

в) Группа, имѣющая основною чертою пламевидную линію въ соединеніи съ оваломъ и волнистою линіей:

І, И, Н, Ю, К, У, Д, Р, В, І', П, Т.

Прописныя буквы, подобно строчнымъ, при изученіи сперва разлагаются на составныя части и потомъ уже пишутся въ полномъ составѣ.

По изученіи прописныхъ буквъ, необходимо заставлятъ писать ихъ вмѣстѣ съ строчными, составляя различныя слова.

Цифры, дѣлящіяся, по основнымъ чертамъ, на состоящія изъ прямыхъ чертъ или оваловъ и полуоваловъ, проходитса въ слѣдующемъ генетическомъ порядкѣ:

1, 4, 7, 0, 6, 9, 2, 3, 5, 8.

Второй классъ.

Курсъ чистописанія этого класса состоитъ въ письмѣ крупнымъ почеркомъ, какъ и въ первомъ классѣ, и въ переходѣ къ письму средней величины.

Буквы проходятся не въ генетическомъ, а въ азбучномъ порядкѣ и пишутся не отдѣльно, какъ въ первомъ классѣ, но выбирается слово, которое начиналось бы съ изучаемой буквы, и пишется нѣсколько разъ крупнымъ, а потомъ среднимъ почеркомъ; слѣдующія же за этимъ изреченія и пословицы пишутся только почеркомъ средней величины.

Третій классъ.

Курсъ чистописанія третьяго класса заключается въ повтореніи письма средней величины и особенно въ упражненіяхъ въ письмѣ мелкомъ и скорописномъ.

Упражненія состоятъ изъ короткихъ фразъ и изреченій, которыя пишутся сначала среднимъ почеркомъ, а потомъ мелкимъ подъ диктовку, или съ книгъ.

ПРОГРАММА РИСОВАНІЯ И ЧЕРЧЕНІЯ.

При преподаваніи этихъ предметовъ также главное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы познакомить учащихся съ ме-

тодою преподаванія. Прежде всего преподаватель долженъ уяснить воспитанникамъ пользу преподаванія этихъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ, не предназначенныхъ собственно къ спеціальному изученію искусствъ, разсвѣять сомнѣнія въ пользѣ ихъ изученія и въ общеобразовательномъ ихъ значеніи.

Рисованіе, какъ изученіе живой формы и какъ умѣніе передавать мысли не словами, а формами, есть одна изъ сторонъ знанія вообще; оно требуетъ такой же дѣятельности ума, какъ и науки, признанныя необходимыми для элементарнаго образованія. Нельзя требовать отъ каждаго ученика строгаго художественнаго исполненія какого нибудь сложнаго предмета, такъ какъ безъ особеннаго таланта и способностей нельзя быть замѣчательнымъ спеціалистомъ въ чемъ бы то ни было; между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что знаніе необходимыхъ первоначальныхъ правилъ и основныя положенія всякой науки доступны среднему уровню человѣческихъ способностей и поэтому знаніе главнѣйшихъ изъ нихъ обязательно для всякаго.

Черченіе и рисованіе должны начинаться съ изображенія проводочныхъ линій, угловъ, геометрическихъ фигуръ и тѣлъ, съ нагляднымъ объясненіемъ перспективы, за которымъ слѣдуетъ рисованіе съ геометрическихъ фигуръ, сдѣланныхъ изъ картона или дерева и съ гипсовыхъ орнаментовъ, при чемъ дается понятіе объ ордерахъ архитектуры; оканчиваться же должно изученіемъ частей и маски головы и пейзажа.

Въ частности по классамъ рисованіе и черченіе должны быть преподаваемы по слѣдующей программѣ.

Первый классъ.

Черченіе отъ руки угловъ, геометрическихъ фигуръ и тѣлъ, сдѣланныхъ изъ проволоки и приспособленныхъ къ преподаванію, то-есть, къ тому, чтобы можно было по произволу повышать, понижать, наклонять и поворачивать модель. Съ помощію такихъ моделей, помѣщенныхъ на гладкомъ фонѣ, глазъ начинающаго долженъ освоиться на фактъ съ явленіемъ перспективныхъ сокращеній и ученики должны приобрѣсти навыкъ чертить проводочныя геометрическія тѣла, развитъ въ себѣ знакомство съ тѣмъ основнымъ закономъ перспективы, что дальнія стороны всякаго предмета меньше ближайшихъ. Курсъ этого класса долженъ оканчиваться геометрическими тѣлами изъ картона или дерева, при чемъ, если останется время, можно дать воспи-

танпикамъ рисовать съ гипсовыхъ моделей не очень сложные архитектурные орнаменты и отдѣльныя части лица.

Передъ экзаменомъ полезно заставлять учениковъ чертить на классной доскѣ ту или другую проволочную фигуру на память. Упражненія такого рода въ сущности и составляютъ экзаменъ.

Второй классъ.

Рисованіе геометрическихъ тѣлъ изъ картона или дерева, среди которыхъ все болѣе и болѣе попадаются орнаменты и отдѣльныя части лица, такъ какъ рисунокъ глаза или уха нисколько не труднѣе какого либо орнамента. Послѣ нѣсколькихъ уроковъ можно заставить воспитанниковъ тушевать изображаемые ими предметы, ограничиваясь тушевкой одной только тѣни, такъ какъ пачинающій никогда ясно не видитъ полутоновъ, особенно легкихъ. Курсъ второго класса оканчивается рисованіемъ орнаментовъ, частей лица и предметовъ, схожихъ съ ними по своей несложности; здѣсь же слѣдуетъ разказать къ какому ордеру принадлежатъ различныя архитектурныя украшенія.

Третій классъ.

Рисованіе сложныхъ орнаментовъ, масокъ, рукъ, ногъ и головы съ гипсовыхъ слѣпковъ. Этюды пейзажей: камни, стволы деревьевъ, трава, листья и тому подобное и, если позволить время, то можно дать рисовать цѣльные пейзажи съ лучшихъ оригиналовъ, или съ фотографій. Въ концѣ курса нѣсколько уроковъ должны быть употреблены на объясненіе общихъ законовъ перспективы.

Что касается черченія во второмъ и третьемъ классахъ, то преподаватель въ томъ или другомъ изъ этихъ классовъ и въ то или иное время, по своему усмотрѣнію, долженъ ознакомить воспитанниковъ съ главнѣйшими пріемами составленія чертежей при помощи линейки и циркуля.

Съ геометрическимъ же черченіемъ, чтобы не спутать математическихъ понятій учащихся, слѣдуетъ знакомить ихъ по соглашенію съ преподавателемъ математики.

Распределеніе общаго числа уроковъ, опредѣленнаго положеніемъ на рисованіе, черченіе и чистописаніе,—въ частности между каждымъ предметомъ, предоставляется педагогическому совѣту института.

24. (13-го ноября 1876 г.). *Инструкція касательно объема и метода преподаванія учебныхъ предметовъ въ учительскихъ институтахъ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія, въ видѣ опыта на три года, 13-го ноября 1876 года).

1. Учительскіе институты, на основаніи 1-й статьи Высочайше утвержденнаго 31-го мая 1872 г. Положенія объ учительскихъ институтахъ, имѣютъ цѣлю приготовленіе учителей для городскихъ училищъ.

2. Курсъ ученія въ учительскихъ институтахъ продолжается три года и раздѣляется на три послѣдовательные класса (ст. 42 Полож. объ учит. инст.).

3. Въ учительскихъ институтахъ преподаются: а) законъ Божій; б) педагогика; в) русскій языкъ и церковно-славянское чтеніе (съ переводомъ на русскій языкъ и съ грамматическими объясненіями); г) ариѳметика и начальная алгебра; д) геометрія; е) исторія русская и всеобщая; ж) географія русская и всеобщая; з) естественная исторія и физика; и) черченіе и рисованіе; і) чистописаніе; к) пѣніе и л) гимнастика (ст. 43 Пол. объ учит. инст.).

4. Воспитанники третьяго класса учительскихъ институтовъ, въ видахъ пріобрѣтенія навыка въ начальномъ преподаваніи, преподаютъ сами въ городскомъ училищѣ, подъ руководствомъ учителей этого училища и преподавателей института.

5. Въ учительскіе институты, согласно ст. 40 Высочайше утвержденнаго 31-го мая 1872 г. Положенія о городскихъ училищахъ, имѣется въ виду принимать преимущественно молодыхъ людей, не только успѣшно окончившихъ полный курсъ ученія въ этихъ училищахъ, но и занимавшихся еще не менѣе одного года при училищѣ подъ руководствомъ учителя. Но въ настоящее время, впродъ до преобразованія уѣздныхъ училищъ въ городскія, въ учительскіе институты принимаются молодые люди по окончаніи курса въ уѣздныхъ училищахъ и по выдержаніи вступительнаго экзамена въ институтѣ по программѣ, вмѣстѣ съ симъ изданной министерствомъ народнаго просвѣщенія (на основаніи ст. 12 п. в. Пол. объ учит. инст.) во всеобщее свѣдѣніе.

Примѣчаніе. Поступающіе въ учительскій институтъ должны получить на вступительномъ экзаменѣ одну изъ высшихъ отмѣтокъ по русскому языку, ариѳметикѣ и геометріи.

6. Преподаваніе въ учительскихъ институтахъ ведется по ниже-

приложеннымъ программамъ, утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, на основаніи ст. 12 Положенія объ учительскихъ институтахъ, указанной въ § 5 инструкціи.

7. Программы по наукамъ, предназначаемыя для учительскихъ институтовъ, могутъ быть, въ случаѣ нужды, сокращаемы по опредѣленію педагогическаго совѣта института.

8. При опредѣленіи размѣровъ, въ которыхъ должны быть пройдимы отдѣльныя части наукъ и особенно исторія, географія, естественная исторія и физика, принимаются въ соображеніе программы городскихъ училищъ, и поэтому тѣ отдѣлы, которые входятъ въ названныя программы, проходятся болѣе обстоятельно, по сравненію съ тѣми, которые или вовсе не внесены въ программы городскихъ училищъ, или же предназначены къ изученію въ краткомъ видѣ.

9. При опредѣленіи метода преподаванія наукъ въ учительскихъ институтахъ, кромѣ свойства учебнаго предмета и степени развитія воспитанниковъ, принимается въ соображеніе необходимость прежде всего расширить и дополнить свѣдѣнія воспитанниковъ по предметамъ городскихъ училищъ. Поэтому самому методу догматическій, соединяемый съ частыми повторительными вопросами и съ разъясненіями самихъ воспитанниковъ, долженъ преобладать въ институтѣ надъ методомъ катехизическимъ, употребленіе котораго, главнымъ образомъ, должно быть отнесено къ III классу, когда воспитанники знакомятся съ методикою учебныхъ предметовъ; въ I же и II классахъ катехизическій методъ долженъ быть допускаемъ только время отъ времени, для ознакомленія съ способностями воспитанниковъ къ преподаванію и притомъ въ такихъ частяхъ предмета, содержаніе коихъ имъ воопшѣ уже извѣстно.

10. При опредѣленіи объема и метода преподаванія въ учительскихъ институтахъ искусствъ, необходимо сообразоваться также со степенью подготовки воспитанниковъ въ названныхъ искусствахъ, съ свойствомъ самого искусства и съ объемомъ преподаванія названныхъ искусствъ въ городскихъ училищахъ.

11. Теоретическое ознакомленіе съ методикою учебныхъ предметовъ, равно какъ и практическія занятія воспитанниковъ въ городскомъ училищѣ, назначаются для третьяго класса. При преподаваніи методики каждаго учебнаго предмета имѣется въ виду: а) объясненіе значенія, состава и объема курса того или другаго предмета въ городскомъ училищѣ; б) уясненіе и оцѣнка наиболѣе употребительныхъ приемовъ обученія каждому изъ предметовъ; в) ознакомленіе

съ наглядными пособіями и съ употребленіемъ ихъ; г) чтеніе, а если необходимо и разучиваніе учебниковъ, употребляемыхъ въ городскихъ училищахъ.

Примѣчаніе 1. При теоретическомъ курсѣ методики воспитанники должны быть ознакомлены съ лучшими статьями, излагающими методъ преподаванія того или другаго предмета.

Примѣчаніе 2. По отношенію къ методикѣ искусствъ, берутся также въ соображеніе вышеуказанныя требованія, сообразно, конечно, свойству предмета.

12. Практическія занятія и упражненія воспитанниковъ въ преподаваніи состоятъ, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: а) въ предварительномъ посѣщеніи воспитанниками уроковъ учителей городского училища; отчеты объ этихъ урокахъ (устные или письменные) воспитанниковъ обсуждаются въ особыхъ педагогическихъ совѣщаніяхъ, подъ предсѣдательствомъ директора и въ присутствіи преподавателей соотвѣтствующихъ предметовъ въ учительскомъ институтѣ и учителей городского училища; б) въ составленіи воспитанниками, подъ руководствомъ соотвѣтствующихъ преподавателей, конспектовъ отдѣльныхъ уроковъ для преподаванія въ городскомъ училищѣ; в) въ преподаваніи этихъ уроковъ въ городскомъ училищѣ, въ присутствіи преподавателя соотвѣтствующаго предмета въ институтѣ, учителя городского училища и директора. Данные воспитанниками уроки обсуждаются въ особыхъ педагогическихъ совѣщаніяхъ, въ которыхъ принимаютъ участіе и воспитанники, присутствовавшіе на урокахъ своего товарища въ городскомъ училищѣ.

Примѣчаніе. Для пріобрѣтенія достаточнаго навыка въ началномъ преподаваніи и въ веденіи классной дисциплины каждый воспитанникъ долженъ дать возможно большее число уроковъ въ городскомъ училищѣ и по всемъ предметамъ; преимущественно же по обученію чтенію, письму, объяснительному чтенію съ грамматическимъ разборомъ и по ариметикѣ.

25. (13-го ноября 1876 года). *Программа вступительнаго въ учительскіе институты экзамена.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія, въ видѣ опыта, на три года, 13-го ноября 1876 года).

По закону *Вожію* испытуемые должны экзаменоваться по программѣ, составленной испытательнымъ комитетомъ при учебномъ округѣ.

По *русскому языку*. Отъ поступающихъ требуется знаніе русской грамматики въ объемѣ учебника Говорова или другаго, принятаго въ томъ учебномъ округѣ, гдѣ производится экзаменъ.

Экзаменуемому предлагается прежде всего написать изложеніе содержанія прочитанной статьи, затѣмъ слѣдуетъ диктантъ. По окончаніи письменныхъ работъ, экзаменуемому предлагается разобрать нѣсколько строкъ преимущественно Карамзинской рѣчи въ синтаксическомъ и этимологическомъ отношеніяхъ. Теоретическіе вопросы изъ грамматики предлагаемы быть не должны.

ПРОГРАММА ПО ИСТОРИИ.

1) Началъ Руси. Восточные Славяне. Первые русскіе князья. Владиміръ Святой и принятіе христіанства.

2. Раздѣленіе Руси на удѣлы: удѣльная система и Ярославъ I. Владиміръ Мономахъ. Владиміро-Суздальское княжество. Андрей Боголюбскій. Новгородъ.

3. Времена монгольскаго ига: Татарское нашествіе. Монгольское иго. Александръ Невскій. Даниилъ Галицкій. Литовское княжество.

4. Возвышеніе Москвы. Московское княжество. Иоаннъ Калита. Дмитрій Донской и Куликовская битва. Преемники Донскаго.

5) Уничтоженіе удѣловъ и укрѣпленіе монархической власти. Иоаннъ III. Покореніе Новгорода. Сверженіе ига и сношенія съ западной Европой. Василий III и уничтоженіе удѣловъ. Иоаннъ Грозный. Покореніе Казани. Эпоха казней. Завоеваніе Сибири.

6. Прекращеніе Рюриковой династіи и смутное время. Феодоръ Иоанновичъ. Борисъ Годуновъ. Лжедмитрій и избраніе Михаила.

7. Династія Романовыхъ. Михаилъ Феодоровичъ. Патріархъ Филаретъ. Алексѣй Михайловичъ. Соборное уложеніе. Присоединеніе Малороссіи. Никоиъ. Феодоръ Алексѣевичъ. Мятежъ стрѣльцовъ. Правленіе Софіи Алексѣевны.

8. Петръ Великій. Азовскіе походы. Путешествіе за границу. Перемена въ обычаяхъ. Правительственныя преобразованія. Великая Сѣверная война и основаніе Петербурга. Сподвижники Петра Великаго.

9. Преемники Петра Великаго. Екатерина I. Петръ II. Анна Иоанновна и Биронъ. Елисавета Петровна (Ломоносовъ).

10. Екатерина II. Петръ III и Екатерина II. Потемкинъ. Суворовъ. Возвращеніе западно-русскихъ областей. Внутреннія дѣла. Пугачевъ.

11. Павелъ I и Александръ I. Павелъ I. Походъ Суворова. Александръ I. Нашествіе Наполеона. Отечественная война.

12. Новѣйшія событія. Николай I. Турецкая война. Возстаніе въ Польшѣ. Крымская война. Императоръ Александръ II. Великія реформы.

Примѣчаніе. Отъ испытываемаго требуется знаніе только тѣхъ годовъ, которые указаны въ хронологической таблицѣ, находящейся въ концѣ руководства, каковымъ можетъ служить руководство къ русской исторіи Иловайскаго (средній курсъ), или другое, принятое въ округѣ.

ПРОГРАММА ПО ГЕОГРАФІИ.

А. Общія свѣдѣнія изъ математической и физической географіи.

1. Кажущійся и дѣйствительный видъ земли. Величина земли. Страны свѣта. Движеніе земли суточное и годовое. Полюсы. Параллельные круги. Экваторъ. Меридіаны. Долгота и широта. Полушарія. Полярные круги. Тропики.

2. Раздѣленіе суши: материки и части свѣта; острова. Наружныя очертанія суши. Важнѣйшіе изъ полуострововъ, острововъ, перешейковъ и мысовъ. Раздѣленіе водной поверхности: океаны. Наружныя очертанія водной поверхности. Важнѣйшія изъ морей, заливовъ и проливовъ. Устройство поверхности суши. Замѣчательнѣйшія изъ плоскогорій, низменностей, горныхъ цѣпей и долинъ. Приливы и отливы. Морскія теченія. Вѣтры. Воды суши: дождь и снѣгъ (снѣговая линія). Ключи, рѣки и озера. Важнѣйшія изъ рѣкъ и озеръ. Понятіе о климатѣ. Климатическіе поясы. Главныя племена человѣческаго рода.

Примѣчаніе I. Отъ испытываемаго требуется указаніе географическихъ дапныхъ на глобусѣ, или на картахъ полушарій.

Примѣчаніе II. Отвѣты на предъидущіе вопросы можно найти въ слѣдующемъ руководствѣ: Учебная книга географіи К. Смирнова. Общія свѣдѣнія. Курсъ низшихъ учебныхъ заведеній.

Б. Географія Россійской Имперіи.

Географическое положеніе, границы. Пространство. Обзорніе морей: 1) Сѣвернаго океана; 2) Балтійскаго моря; 3) Чернаго моря; 4) Каспійскаго моря; 5) Восточнаго океана.

Поверхность Европейской Россіи.

1. Горы: Уральскія, Кавказскія. Таврическія и Финлидскія.

2) Возвышенности по внутренности Европейской Россіи: сѣверная, сѣверозападная и центральная, возвышенность Южной Россіи.

3. Покатости и ихъ бассейны; а) покатость сѣверная (сѣверная Двина); в) покатость сѣверозападная (страна великихъ озеръ и ея рѣчныя системы, Западная Двина, Нѣманъ и Висла); с) покатость южная (система Днѣпра и Дона); 1) покатость юговосточная (система Волги).

Искусственныя водныя сообщенія.

Равнины Европейской Россіи: а) сѣверная равнина, б) внутренняя равнина и ея части, с) южная равнина.

Равнины и плоскости Кавказскаго края.

Описаніе поверхности Сибири: 1) общая покатость Сибири; 2) сибирскія горы; 3) системы сибирскихъ рѣкъ (Оби, Енисея, Лены, Амура и Байкальскаго озера), 4) видъ и свойства равнинъ Сибири.

О климатѣ Россіи.

1) Климатъ Европейской Россіи. Раздѣленіе Европейской Россіи на климатическія полосы. 2) Климатъ Сибири.

Народонаселеніе: 1) Народонаселеніе, разсматриваемое въ этнографическомъ отношеніи. 2) Различіе жителей: а) по языкамъ и вѣроисповѣданіямъ, б) по образу жизни и промысламъ.

Административное дѣленіе Россійской Имперіи. Губерніи и области. Главныя города.

Отъ испытуемаго требуется знакомство съ картами Европейской Россіи и Сибири и указаніе на нихъ важнѣйшихъ географическихъ данныхъ.

Руководство: Краткій учебный курсъ географіи Россійской Имперіи Я. Кузнецова. Изданіе VIII, 1872 г., или другое, принятое въ округѣ.

ПРОГРАММА ПО МАТЕМАТИКѢ.

а) Ариѳметики.

1. Десятичная система нумераціи.
2. Сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе цѣлыхъ чиселъ.
3. Измѣненіе суммы, разности, произведенія и частнаго.
4. Раздробленіе, превращеніе и четыре дѣйствія съ составными именованными числами.
5. Признаки дѣлимости чиселъ на 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10.
6. Отысканіе общаго наибольшаго дѣлителя и наименьшаго кратнаго помощію разложенія чиселъ на первоначальныхъ множителей.
7. Дробь, ея происхожденіе и изображеніе. Увеличеніе и умень-

шеніе дробей въ цѣлое число разъ. Отысканіе частей числа и по частямъ цѣлаго.

8. Свойство дробей, на которыхъ основано сокращеніе ихъ и приведеніе къ общему знаменателю. Сокращеніе дробей, приведеніе ихъ къ общему знаменателю. Сложеніе и вычитаніе дробей.

9. Умноженіе и дѣленіе дробей.

10. Десятичныя дроби, увеличеніе и уменьшеніе ихъ въ 10, 100 и т. д. разъ. Приведеніе десятичныхъ дробей къ общему знаменателю.

11. Сложеніе вычитаніе, умноженіе и дѣленіе десятичныхъ дробей.

12. Обращеніе обыкновенныхъ дробей въ десятичныя.

Признаки обращенія обыкновенныхъ дробей: а) въ чистую періодическую, б) въ конечную десятичную и с) въ смѣшанную періодическую.

13. Обращеніе періодическихъ дробей въ обыкновенныя.

14. Рѣшеніе задачъ на всѣ четыре дѣйствія и на правила: тройное, процентовъ, товарищества и смѣшенія по способу приведенія къ единицѣ.

Теоретическихъ отвѣтовъ по отдѣльнымъ рубрикамъ программы требоваться не должно. Экзаменующійся долженъ будетъ на рѣшеніи задачъ показать усвоеніе имъ курса по изложенной программѣ. При этомъ въ письменныхъ задачахъ должно быть обращено вниманіе на умѣнье—хорошо располагать задачу и вычисленія, а равно и на скорость и вѣрность самыхъ вычисленій; въ задачахъ устныхъ—на умѣнье производить скоро и вѣрно устные вычисленія. Кроме того отъ каждаго экзаменующагося, при рѣшеніи задачъ, необходимо должно требоваться: 1) отчетливое объясненіе плана рѣшенія задачи, 2) указаніе для отысканія какой величины производится каждое дѣйствіе въ задачѣ и почему для опредѣленія каждой величины надо произвести то или другое дѣйствіе, 3) объясненіе нѣсколькихъ вопросовъ изъ предложенной программы, относящихся къ какому либо дѣйствію задачи и касающихся его значенія, опредѣленія и вывода правила для его производства.

Учебникъ А. Маливина и К. Вуренина.

Задачники тѣхъ же авторовъ и Евтушевскаго.

Равнымъ образомъ руководствами могутъ служить и другія, принятые въ округѣ.

в) *Геометрія.*

1. Понятіе о тѣлѣ, поверхности, линіи и точкѣ. Различнаго рода поверхности и линіи.

2. Свойство прямой линіи. Черченіе прямыхъ линій. Сложеніе и вычитаніе прямыхъ линій. Понятіе объ окружности и черченіе ея.

3. Уголъ; сравненіе, сложеніе и вычитаніе угловъ. Смежныя, прямые, острые и тупые углы. Измѣреніе угловъ дугами. Свойство смежныхъ угловъ. Вертикальные углы и ихъ свойство. Построеніе угла равнаго данному. Линіи перпендикулярныя и наклонныя. Построеніе перпендикуляровъ.

4. Параллельныя линіи. Углы, образуемые параллельными линіями съ сѣкущей и ихъ свойства. Черченіе параллельныхъ линій.

5. Понятіе о фигурѣ. Треугольникъ. Свойства его сторонъ и угловъ. Раздѣленіе треугольниковъ по сторонамъ и угламъ. Три случая равенства треугольниковъ. Зависимость между углами и сторонами въ одномъ и томъ же треугольникѣ. Построеніе треугольника по тремъ даннымъ частямъ его.

6. Многоугольники. Виды ихъ. Различныя виды параллелограмма и ихъ свойства.

7. Окружность. Радіусъ, діаметръ, хорда, сѣкущая и касательная. Свойства хордъ, стягивающихъ равныя и неравныя дуги. Свойство перпендикуляра, опущеннаго изъ центра на хорду. Отысканіе центра круга. Проведеніе окружности черезъ три точки. Свойство радіуса, проведеннаго въ точку касанія. Проведеніе касательной черезъ точку на окружности. Измѣреніе угловъ, вписанныхъ въ кругѣ. Проведеніе касательной къ окружности черезъ вѣшнюю точку. Вычисленіе длины окружности или части ея по данному радіусу и обратно.

8. Понятіе о подобіи фигуръ. Подобныя треугольники. Свойство сходственныхъ сторонъ подобныхъ треугольниковъ. Построеніе треугольника, подобнаго данному. Устройство масштаба.

9. Площадь фигуры; фигуры равныя и равновеликія. Единицы для измѣренія площадей. Площади: квадрата, прямоугольника, параллелограмма, треугольника, трапеціи, многоугольника и круга. Отношеніе площадей подобныхъ треугольниковъ и другихъ фигуръ. Теорема Пифагора. Сложеніе и вычитаніе квадратовъ.

10. Линіи перпендикулярныя и параллельныя плоскости. Двугранные, трехгранные и многогранные углы.

11. Многогранныя тѣла: пирамиды и призмы. Тѣла вращенія: цилиндръ, конусъ и шаръ.

12. Поверхности: правильной пирамиды, полной и усѣченной параллельно основанію, прямой призмы, цилиндра, конуса и шара.

13. Объемъ тѣла. Тѣла равныя и равновеликія. Единицы для измѣренія объемовъ. Объемы: куба, параллелепипеда, призмы, треугольной и многоугольной пирамиды, цилиндра, конуса и шара.

Каждому экзаменуемому должно быть предложено нѣсколько вопросовъ изъ различныхъ отдѣловъ программы. Въ отвѣтахъ особеннаго вниманія должны заслуживать точность изложенія теоремъ и умѣнье примѣнять ихъ къ рѣшенію задачъ, вычисленіе и легкія задачи на построеніе.

Учебникъ: Курсъ наглядной геометріи А. Малинина, или другой, припавшій въ округѣ.

26. (6-го октября 1876 г.). *Положеніе о стипендіи Петра Никифоровича Жедринскаго, Высочайше утвержденной 27-го сентября 1876 года при Саратовской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1. Въ Саратовской гимназіи учреждается одна стипендія на счетъ процентовъ съ капитала въ 1000 рублей, представленнаго присяжнымъ повѣреннымъ Лызловымъ, по довѣрію наследниковъ ротмистра Петра Никифоровича Жедринскаго: маіора Григорія Никифоровича, капитана Виктора Ивановича и коллежскаго секретаря Михаила Ивановича Жедринскихъ.

2. Стипендія эта именуется „стипендія Петра Никифоровича Жедринскаго“ и предоставляется одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ сей гимназіи русскаго происхожденія для уплаты за право ученія и пріобрѣтенія учебныхъ пособій.

3. Деньги, представленныя Лызловымъ, тысяча рублей, заключаются въ билетъ Саратовскаго общественнаго банка за № 4662 и хранятся въ Саратовскомъ губернскомъ казначействѣ въ спеціальныхъ средствахъ Саратовской гимназіи.

4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Саратовской гимназіи изъ учениковъ оной, отличающихся какъ успѣхами въ наукахъ, такъ и хорошимъ поведеніемъ.

27. (8-го октября 1876 г.). *Циркулярное предложеніе и. попочителѣямъ учебныхъ округовъ объ учрежденіи въ пользу экзаменаторовъ при испытательныхъ комитетахъ денежныхъ взносовъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, въ 27-й день минувшаго сентября, Высочайше соизволилъ разрѣшить уста-

повить въ пользу экзаменаторовъ при испытательныхъ комитетахъ взносы въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ подвергающихся испытанію на званіе воспитателя гимназіи и прогимназіи, учителя повныхъ языковъ, учителя уѣзднаго училища, домашняго учителя и домашней учительницы по *десяти* руб. съ cadaго; съ испытуемыхъ на званія учителя и учительницы городскаго и сельскаго приходскаго или начальнаго народнаго училища и частной начальной учительницы, аптекарскаго ученика, на первый классный чинъ—по *три* рубл. съ cadaго, съ тѣмъ, чтобы лица недостаточнаго состоянія, по усмотрѣнію и съ разрѣшеніи попечителей учебныхъ округовъ, вовсе были освобождены отъ такого взноса. Въѣсть съ тѣмъ, въ видѣ того, что на нѣкоторыя изъ поименованныхъ званій, независимо отъ испытательныхъ комитетовъ, производится экзамены въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и другихъ заведеніяхъ, Высочайше повелѣно: обязать испытуемыхъ и въ сихъ заведеніяхъ взносомъ въ пользу экзаменаторовъ вышеозначенной платы, съ предоставленіемъ права освобожденія отъ оной подлежащимъ начальствамъ.

Имѣю честь увѣдомить объ этомъ ваше превосходительство, для надлежащаго распоряженія.

24. (30 го октября 1876 г.). *Уставъ Кіевскаго юридическаго общества, состоящаго при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра* (Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Цѣль Кіевскаго юридическаго общества состоитъ въ разработкѣ отечественнаго права, въ установленіи между юристами, какъ теоретиками, такъ и практиками, связи и въ доставленіи имъ возможности находить, какъ поддержку въ ихъ работахъ, такъ и среду для ихъ заявленій и обсужденій.

§ 2. Кіевское юридическое общество состоитъ при университетѣ Св. Владиміра.

§ 3. Членами общества могутъ быть лица, получившія юридическое образованіе, или заявившія себя печатными сочиненіями по какой нибудь отрасли права, а равно и лица судебного вѣдомства. Подписавшіе первоначальный проектъ устава общества считаются первыми его членами.

§ 4. Члены избираются въ общемъ собраніи, посредствомъ баллотировки, простымъ большинствомъ. Предложеніе о принятіи кого нибудь въ члены должно быть сдѣлано по крайней мѣрѣ двумя членами.

§ 5. Каждый членъ вноситъ ежегодно, въ началѣ года, въ кассу общества не менѣе десяти руб. и считается членомъ онаго, пока внесетъ свой членскій взносъ.

§ 6. Общество собирается не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня и іюля), въ дни и часы, какіе признаны будутъ удобными по общему соглашенію. Засѣданія общества происходятъ въ зданіи университета, въ помѣщеніи, назначенномъ для сей цѣли университетскимъ начальствомъ.

§ 7. О всѣхъ вопросахъ, составляющихъ предметъ общихъ разсужденій, будетъ ли вопросъ относиться къ управленію дѣлами общества, или къ ученымъ занятіямъ его, ведется секретаремъ краткая записка, или протоколъ.

§ 8. Краткія записки эти печатаются въ одномъ изъ повременныхъ изданій, по избранію общества.

§ 9. Если средства общества дозволить, то оно издастъ свои труды въ видѣ записокъ, или можетъ основать юридическій журналъ, съ дозволенія подлежащей власти. Общество имѣетъ свою бібліотеку, заведываніе которою поручается одному изъ членовъ.

§ 10. Управление дѣлами общества сосредоточивается въ лицѣ предсѣдателя и секретаря, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и казначей общества. При дальнѣйшемъ развитіи дѣятельности общества, къ нимъ можетъ быть присоединено отъ 3 до 5 членовъ. Предсѣдатель и секретарь, а также и означенные члены, избираются ежегодно въ общемъ собраніи, посредствомъ баллотировки, простымъ большинствомъ, но тѣ же лица могутъ быть избираемы въ означенныя должности и въ слѣдующіе годы.

§ 11. Предсѣдатель созываетъ членовъ въ собраніе и руководитъ преніями. За отсутствіемъ предсѣдателя, мѣсто его занимаетъ тотъ членъ, котораго выберутъ на то засѣданіе.

§ 12. Всѣ сношенія общества съ другими обществами, правительственными учрежденіями и лицами, совершаются чрезъ предсѣдателя и секретаря, на обязанности которыхъ лежитъ дѣлопроизводство и вообще администрація общества. Общество имѣетъ свою печать, но безъ правъ на безплатную почтовую корреспонденцію.

§ 13. Каждый членъ общества можетъ вносить свои предложенія или непосредственно въ общество, въ такомъ случаѣ внесенное предложеніе можетъ быть обсуждаемо только въ слѣдующемъ засѣданіи, или чрезъ предсѣдателя, который въ призывной новѣсткѣ, въ числѣ

другихъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, упоминаеть и о внесенномъ предложеніи.

§ 14. Въ общемъ собраніи, въ концѣ года, читается отчетъ о дѣятельности общества за истекшій годъ и о тѣхъ предположеніяхъ, которыя общество принимаетъ съ цѣлію дальнѣйшаго развитія дѣятельности общества.

§ 15. Въ засѣданіяхъ общества, въ которыхъ читаются труды членовъ и въ которыхъ обсуждаются научные вопросы, могутъ присутствовать и гости *временные*, введенные членами, или *постоянные* по выданнымъ председателемъ билетамъ.

§ 16. Измѣненія и дополненія сего устава могутъ быть сдѣланы по постановленію общаго собранія и съ утвержденія подлежащей власти.

У. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

2-го октября 1876 года. (№ 19). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ государственнаго права *Кашица*—деканомъ юридическаго факультета сего университета, по 4-е октября 1878 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Касинъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ патологической анатоміи, съ 1-го августа 1876 года.

Первый прозекторъ Императорскаго Дерптскаго университета докторъ *Розенбергъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ эмбриологіи, гистологіи и сравнительной анатоміи, съ 24-го сентября 1876 года.

Оставаются на службѣ на пять лѣтъ: директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лаврозовскій* и директоръ Омской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Вирсъ*, оба съ 17-го августа 1876 года.

Командируется съ педагогическою цѣлію: заслуженный преподаватель Харьковскаго реальнаго училища *Зибель*, на мѣсяць, въ С.-Петербургъ и Москву.

Продолжается срок отпуска за границу: учителю первой Харьковской гимназіи *Тацлю*—на мѣсяць, по болѣзни.

Увольняются, согласно прошеньямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Голевинскій*—отъ должности декапа юридическаго факультета сего университета.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Орбинскій*—отъ сей должности.

Дозволяется носить въ отставку мундирной полукафтанъ, носимый должностн присвоенный: бывшему директору народныхъ училищъ Воронежской губерніи, коллежскому совѣтнику *Кулаженскому*.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: мировому посреднику 2-го участка Оренбургскаго уѣзда *Цюлковскому*—за усердіе въ дѣлу народнаго образованія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книгу *„Историческая Хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Составилъ И. І. Гуревичъ. Т. I. Спб. 1876 г. Цѣна 2 р. 50 коп.“*—рекомендовать, какъ учебное пособіе, также для ученическихъ бібліотекъ и для выдачи ученикамъ старшихъ классовъ въ видѣ награды.

2) Книгу: *„Исторія Греціи и Рима“* (курсъ систематическій). Примѣнительно къ примѣрной программѣ для VIII класса гимназій, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія. Состав. *И. І. Гуревичъ*, преподаватель С.-Петербургскаго учительскаго института, 3-й классической гимназіи, 2-го Константиновскаго и Михайловскаго артиллерійскаго военныхъ училищъ. Спб. 1876 г. Цѣна 1 р. 25 к.—одобрить какъ руководство для преподаванія древней исторіи въ VIII классѣ гимназій.

3) Книги: I. *„Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній въ переводѣхъ русскихъ писателей, издаваемый подъ редакціей А. Н. Чудинова“*. Томъ I. *„Произведенія народнаго творчества древнихъ Скандинавовъ. Шведскіе поэты“*. II. *Темеръ*. Воронежъ, 1875 г.

II. „Филологическія записки“, издаваемыя А. Ховинскимъ. Выпуски: 1, 2, 3. Воронежъ, 1876 г.—одобрить первую изъ означенныхъ книгъ для приобрѣтенія въ основныя и ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а послѣднюю—въ основныя бібліотеки тѣхъ же учебныхъ заведеній.

4) Книги: „Древніе классики для русскихъ читателей“:

I. Гомеръ. *Иліада*, въ изложеніи Лукаса Коллинза. Переводъ съ англійскаго, Ф. Резенера. С.-Пб., 1876 г.

II. Гомеръ. *Одиссея*, въ изложеніи Лукаса Коллинза. Переводъ съ англійскаго, Ф. Резенера. С.-Пб. 1876 г.

III. Юлій Цезарь. *Комментаріи*, въ изложеніи Антони Троллопа. Перев. съ англійскаго, С. К. Брюмовой (Кавелиной). С.-Пб., 1876 г.

IV. *Ксенофонтъ*, въ изложеніи Александра Гранта. Перев. съ англійскаго, подъ редакціей М. В. Прагова. С.-Пб., 1876 г.

V. *Виргилій*, въ изложеніи Лукаса Коллинза, подъ редакціей профессора С.-Петербургскаго университета П. Помяловскаго. С.-Пб. 1876 г.

VI. *Платонъ*, въ изложеніи Клифтона Коллинза. Перев. съ англійскаго, Ф. Резенера. С.-Пб. 1876 г., изданіе В. Ковалевскаго — одобрить первыя пять изъ этихъ книгъ для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а послѣднюю—для ученическихъ бібліотекъ высшихъ классовъ тѣхъ же учебныхъ заведеній.

5) Книгу: „Классная русская хрестоматія для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній“, составленная Владиміромъ Стоюнинымъ. С.-Пб., 1876 г. Цѣна 70 коп.—одобрить, какъ учебное пособіе для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній.

6) Книги: I. „Учебникъ физики“. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній со многими политипажами и литографированной таблицей. Составилъ К. Кривичъ. Изд. 5-е, исправленное и дополненное. С.-Пб., 1876 г. — внести въ списокъ книгъ, одобренныхъ ученымъ комитетомъ въ видѣ руководствъ для гимназій.

II. „Основанія физики“. Со многими политипажами въ текстѣ. Составилъ К. Кривичъ. Изд. 5-е, пересмотрѣнное и дополненное. С.-Пб., 1876 г.—внести въ списокъ книгъ, одобренныхъ комитетомъ въ видѣ руководствъ для женскихъ гимназій.

7. Книжки, подъ заглавіемъ: „Элементарный курсъ географіи“ Москва. Составилъ С. Пикитинъ. Выпускъ I „Отчизновѣдніе для Москвы“, 1874 г. Цѣна 40 коп.—Выпускъ II. „Отчизновѣдніе для С.-Петербурга“, 1875 г. Цѣна 50 коп.—Выпуски III и IV. „Отчиз-

новѣдѣніе и міровѣдѣніе", 1875 г. Цѣна 50 коп.—Выпускъ V. „*Замѣтки для преподавателей*“, 1875 г. Цѣна 35 коп. — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ.

8) Книгу: „*Составъ, формы и разряды словесныхъ произведеній, примѣнительно къ практическому преподаванію словесности*“, изложеніе В. Классовскимъ. С.-Пб., 1876 г. — одобрить, какъ учебное пособіе при изученіи словесности.

9) Книги: I. „*Краткая нѣмецкая грамматика*“. Сост. Эмилій Керковіусъ. Изд. 3-е, значительно умноженное. Лейпцигъ, 1874 г. Цѣна 40 коп.—одобрить, въ качествѣ учебнаго руководства, для употребленія при изученіи нѣмецкаго языка въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и въ реальныхъ училищахъ.

II. „*Словарь употребительнѣйшихъ словъ и выраженій въ русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ*“. Сост. Дмитрій фонъ-Мевель. Рига, 1876 г., — одобрить, въ качествѣ учебнаго пособія, для употребленія при первоначальномъ обученіи русскому языку въ тѣхъ школахъ, гдѣ учебные предметы преподаются на нѣмецкомъ языкѣ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Изданіе: „*Стѣнной зоологическій атласъ Лейтсмана*“. Таблицы 1—8—одобрить для употребленія въ реальныхъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ.

2) Составленные священникомъ В. Михайловскимъ брошюры: 1) „*Жизнь св. апостола Павла*“. С.-Пб., 1872 г. 2) „*Жизнь св. апостола Петра*“. С.-Пб., 1872 г. 3) „*Жизнь св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова*“. С.-Пб., 1872 г. Цѣна 10 коп. 4) „*Житіе и страданіе св. великомученицы Варвары*“ (память ея 4-го декабря). С.-Пб., 1873 г. Цѣна 7 коп. 5) „*Житіе и страданіе св. великомученицы Екатерины*“ (24-го ноября) С.-Пб., 1872 г. 6) „*Св. мученица Перепетуга и св. Сатиръ*“. С.-Пб., 1872 г. 7) „*Житіе святителя Николая, Мирлицкаго чудотворца*“. С.-Пб., 1872 г. 8) „*Житіе преподобнаго Арсенія Великаго*“. С.-Пб., 1872 г. 9) „*Житіе преподобныхъ Меодія и Кирилла, просвѣтителей Славянъ*“. С.-Пб., 1872 г. 10) „*Св.*

Тихонъ епископъ Воронежскій и Задонскій". Съ изображеніемъ святи- теля. С.-Пб., 1873 г. Цѣна 10 коп. 11) „Св. Равноапостольный князь Владиміръ". С.-Пб., 1873 г. Цѣна 10 коп. и 12) „О пьянствѣ". С.-Пб., 1873 г. Цѣна 5 коп. — признать возможнымъ допустить въ библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

3) Составленную В. Водовозовымъ книгу подъ заглавіемъ: „*Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ*". Часть I. Изд. 9-е. С.-Пб., 1876 г. Цѣна 45 коп., признать возможнымъ, согласно данному на 8-е изданіе одобренію, допустить въ библіотеки народныхъ школъ.

4) Составленную И. Фроловымъ книгу, подъ заглавіемъ: „*О земледѣліи средней полосы Россіи*". С.-Пб., 1875 г., признать возможнымъ рекомендовать для библіотекъ народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать, съ начала 1876—1877 учебнаго года, плату за ученіе въ годъ въ Кишиневской гимназій—по *двадцати шести рублей* въ приготовительномъ и по *сорока рублей* въ гимназическихъ классахъ, въ Херсонской прогимназій—по *тридцати пяти рублей*, въ Николаевскомъ реальномъ училищѣ—по *сорока рублей*, въ Кіевской 1, гимназій—по *двадцати рублей*, въ Кременчугскомъ реальномъ училищѣ—по *тридцати рублей* и въ Казанской 3-й гимназій по *двадцати рублей* въ приготовительномъ и по *тридцати рублей* въ гимназическихъ классахъ съ каждаго ученика.

— 23-го минувшаго августа въ Новгородскомъ реальномъ училищѣ открыты I и II классы и того же числа началось въ ономъ и ученіе. Всѣхъ прошеній о приѣмѣ въ училище дѣтей подано было 84, изъ коихъ принято 68 человекъ. Общее число учащихся въ этомъ училищѣ по классамъ нынѣ слѣдующес: въ I классѣ—42, во II—18, въ III—17, во IV—19 и въ V—13.

— Открыты слѣдующія двухклассныя начальныя училища министерства народнаго просвѣщенія въ Уманскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи с. Маньковѣ 8-го сентября, м. Шаулихѣ—9-го сентября и с. Крачковскомъ—10-го сентября.

— Управляющимъ Московскимъ учебнымъ округомъ разрѣшено, на основаніи § 13 Инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, открыть въ с. Дѣдиновѣ, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи, вмѣсто существующаго въ томъ же селѣ приходскаго училища, двухклассное мужское училище министерства народнаго просвѣщенія на мѣстныя средства безъ всякаго пособія отъ казны.

— Управляющимъ Харьковскимъ учебнымъ округомъ разрѣшено учредить, на основаніи § 13 Инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія 4-го іюня 1875 г. въ г. Вѣлопольѣ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, двухклассное народное училище вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, вмѣсто существовавшаго доселѣ начальнаго училища на средства Вѣлопольскаго городского общества.

— 17-го минувшаго августа преобразовано одноклассное училище вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ м. Грушевкѣ, Херсонской губерніи, въ двухклассное, при 80-ти учащихся дѣтей обоего пола.

— Управление Дерптскаго учебнаго округа, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 23-го февраля сего года, окончательно переведено изъ Риги въ Дерптъ, съ 1-го минувшаго сентября.

— Департаментомъ народнаго просвѣщенія передано комиссіонеру сего департамента, книгопродавцу Глазунову, въ С.-Петербургѣ, на комиссію, для продажи, *сорокъ* печатныхъ экземпляровъ Списка лицамъ, служащимъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія на 1876—1877 учебный годъ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 16-й день августа сего года, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Суражской прогимназіи портретовъ г. министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго, и попечителя Кіевскаго учебнаго округа, генералъ-лейтенанта Антоновича.

— Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, въ 22-й день октября Высочайше соизволилъ на открытіе въ г. Казани, въ августѣ 1877 г., общаго съѣзда археологовъ, подъ названіемъ 4-го археологическаго съѣзда, съ археологическою выставкою, для коихъ уже разрѣшенъ г. министромъ народнаго просвѣщенія предварительный комитетъ.

— Управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. това-

рищъ министра, предложеніемъ отъ 8-го октября 1876 г. за № 10974 разрѣшилъ начальству Московскаго учебнаго округа учредить при физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета кафедру антропологии, съ производствомъ лицу, имѣющему запитъ эту кафедру, содержанія изъ процентовъ отъ капитала, пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ фонъ-Меккомъ.

— Г. министр народнаго просвѣщенія, предложеніемъ отъ 30-го октября сего года за № 11913 г. попечителю Варшавскаго учебнаго округа, утвердилъ, съ огражденіемъ неприкосновенности правъ третьихъ лицъ, двѣ суммы, по 6.000 руб. каждая, отказанныя формально опубликованнымъ домашнимъ духовнымъ завѣщаніемъ Александра Стемпинскаго, отъ ¹⁵/₂₇ января 1876 г., на учрежденіе двухъ стипендій: одной—для ученика Варшавской гимназіи и другой—для студента Варшавскаго университета изъ фамиліи Стемпинскихъ, по недостатку же таковыхъ,—для бѣдныхъ, прилежныхъ и благоправныхъ учениковъ.

— 11-го сентября сего года его величество императоръ Бразильскій осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Новороссійскій университетъ. Въ университетѣ, встрѣченный попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, ректоромъ и нѣкоторыми профессорами, его величество осмотрѣлъ библіотечку, музей и всѣ кабинеты университета.

— Послѣ осмотра университета его величество посѣтилъ Одесское коммерческое училище, гдѣ изволилъ присутствовать и на урокахъ. Уроки преподавались на французскомъ языкѣ, послѣ доклада его величеству о томъ, что ученики училища основательно знаютъ французскій языкъ и говорятъ на немъ свободно.

— Вслѣдствіе представленія начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать, съ начала 187⁶/₇ учебнаго года, плату за ученіе въ Вологодскомъ реальномъ училищѣ по пятнадцати руб. въ годъ съ каждаго ученика.

Открытіе училищъ.

— 14-го сентября 1876 г. въ городѣ Ялтѣ, послѣ молебствія, въ присутствіи начальника Таврической губерніи и представителей различныхъ ведомствъ и обществъ, открыты мужская и женская прогимназіи, изъ коихъ въ первую принято учениковъ: въ приготовительный классъ—14, въ I—18 и во II—6, а всего 38 учениковъ.

— Того же числа, по совершеніи преосвященнымъ Паоанаиломъ, епископомъ Новомиргородскимъ, викаріемъ Херсонской епархіи, благодарственнаго молебствія съ водосвятіемъ и провозглашеніи многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, открыто въ городѣ Херсонѣ реальное училище въ составѣ III, IV и V классовъ, изъ коихъ въ III классъ принято 38, въ IV—27 и въ V—23, а всего 88 учениковъ.

— 19-го сентября послѣдовало открытіе шестикласснаго реального училища въ городѣ Полтавѣ. Въ I-й классъ этого училища поступило 40, а во II—31, всего же 71 ученикъ.

— 14-го сентября сего года послѣдовало открытіе мужской прогимназіи въ городѣ Алатырѣ, въ приготовительный классъ которой принято 7, въ I—12 и во II—3 ученика, а 3-го октября открыта мужская же прогимназія въ Сергіевскомъ посадѣ, въ которую приято 36 учениковъ, а именно: въ приготовительный классъ 13, въ I—15 и во II—8.

— 15-го сентября сего года, по совершеніи молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, открыта мужская гимназія въ гор. Мариуполѣ въ составѣ приготовительнаго и первыхъ четырехъ классовъ, въ которые принято: въ приготовительный—50, въ I—40, во II—39, въ III—13 и въ IV—16, всего же 158 учениковъ, а 26-го того же сентября открыта мужская прогимназія въ г. Вознесенскѣ, въ составѣ приготовительнаго и первыхъ двухъ классовъ.

— 30-го августа сего года произошло открытіе Вологодскаго реального училища, въ присутствіи духовенства, представителей города, родителей и родственниковъ принятыхъ учениковъ и большого стеченія публики. Торжество открытія началось чтеніемъ отчета, въ концѣ котораго директоръ училища объявляя училище это открытымъ въ пятиклассномъ составѣ съ химико-техническимъ отдѣленіемъ. По совершеніи затѣмъ мѣстнымъ архіереемъ молебствія, законоучителемъ училища сказано было соответствующее слово, послѣ котораго вице-губернаторъ въ краткой рѣчи обратился къ ученикамъ и ихъ родителямъ, призывая ихъ къ усердному труду на радость себѣ и на пользу отечеству, и провозгласилъ, вслѣдъ затѣмъ, трехкратное ура во здравіе Государя Императора. Окончилось торжество провозглашеніемъ здоровья Вологодскому городскому головѣ, которому принадлежитъ первая мысль объ открытіи училища, въ осуществленіи

коей онъ принималъ весьма дѣятельное участіе, и пожелаемъ директору училища полнаго успѣха въ выполненіи его обязанностей.

По предварительному испытанію поступило во II классъ Вологодскаго реальнаго училища 41 учен., въ III же классъ—14 учениковъ по экзамену и 4 ученика безъ экзамена, изъ гимназій.

— 30-го августа 1876 г., открыто четырехклассное реальное училище въ г. Вольскѣ (Саратовской губерніи). По предварительному испытанію принято въ училище: въ IV классъ — 7 учен. и въ V — 11 учениковъ; кромѣ того, директоръ училища имѣетъ въ виду еще нѣсколько заявленій отъ желающихъ поступить въ это училище.

— 14-го сентября сего года, по совершеніи молебствія съ водоосвященіемъ и провозглашеніи многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, открыта въ Ростовѣ на Дону мужская прогимназія въ составѣ приготовительнаго и первыхъ трехъ классовъ при 68 ученикахъ, изъ коихъ въ приготовительный классъ принято 27, въ I—33, во II—5 и въ III—3 ученика.

— 14-го сентября сего года, послѣ молебствія съ водоосвященіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, открыта четырехклассная мужская прогимназія въ городѣ Евпаторіи (Таврической губерніи) въ составѣ приготовительнаго и первыхъ трехъ классовъ. По предварительному испытанію принято: въ приготовительный классъ — 15, въ I — 18, во II — 7 и въ III — 3, а всего 43 ученика.

— 27-го сентября сего года, послѣ благодарственнаго молебствія, открыта г. министромъ народнаго просвѣщенія, въ бытность его сіятельства въ то время въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ, мужская четырехклассная прогимназія въ городѣ Стерлитамакѣ (Уфимской губерніи).

— 21-го минувшаго сентября, по предварительномъ осмѣненіи всѣхъ классныхъ и жилыхъ помѣщеній во вновь отстроенномъ зданіи для Свислочской учительской семинаріи, Гродненской губерніи, послѣдовало открытіе сей семинаріи при 57 ученикахъ, изъ коихъ 20 казенныхъ стипендіатовъ и 37 своекоштныхъ.

— 13-го минувшаго сентября открыта въ г. Казани татарская учительская школа, при 9 воспитанникахъ, изъ коихъ стипендіатовъ: казенныхъ 6, казанскаго земства 1 и своекоштныхъ 2.

Открыты слѣдующія училища, *двухклассныя*: 26-го сентября въ с. Паданахъ, Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губ., при 27 мальчикахъ, 14-го сентября въ слободѣ Алексѣевкѣ, Корочанскаго уѣзда Кур-

ской губ., при 64 учащихя, 28-го сентября въ с. Грозномъ, Тимскаго уѣзда той же губерніи, при 56 учащихя, 1-го октября въ с. Вожгалскомъ, Вятской губ., при 42 учащихя, 19-го сентября въ с. Береговыхъ Сыресяхъ, Ардаговскаго уѣзда, Симбирской губ., при 35 учепикахъ, 25-го сентября въ дер. Новыхъ Чувашскихъ Чукалахъ, Буинскаго уѣзда той же губерніи, при 37 учащихя инородцахъ, 17-го октября въ с. Дѣдиновѣ, Зарайскаго уѣзда Рязанской губ., при 120 учепикахъ, 1-го октября въ Дентовкѣ, Коногонскаго уѣзда Черниговской губ., 26-го октября въ м. Лѣтвахъ, Остерскаго уѣзда той же губерніи; *одноклассныя*: 3-го октября въ с. Мироновѣ, 5-го октября въ с. Коропышахъ, 8-го октября въ м. Медвинѣ, Каневскаго уѣзда Кіевской губ., 12-го октября въ с. Вишли, Мужскаго уѣзда С.-Петербуржской губ., при 60 учащихя, 20-го сентября Великославинское, Кирилловскаго уѣзда Новгородской губ., при 35 учащихя, 1-го октября въ м. Голенкѣ, Коногонскаго уѣзда Черниговской губ., 28-го октября въ с. Сваромѣ, Остерскаго уѣзда той же губерніи, и 18-го октября въ с. Четулештахъ, Сорокскаго уѣзда Бессарабской губ., при 25 учащихя.

БАВИЛОНО-АССИРІЙСКІЯ КЛИНООБРАЗНЫЯ НАДПИСИ.

Исторія чтенія ихъ и ихъ историческое значеніе.

Въ настоящее время чтеніе надписей пріобрѣтаетъ все бѣльшую и бѣльшую важность для исторической науки, проливая новый свѣтъ на событія уже извѣстныя, подтверждая и разъясняя такія, которыя относились доселѣ къ области вымысла, а иногда раскрывая передъ нами совершенно новыя страницы исторіи. Такъ найдены были и прочтаны многія древне-греческія надписи; чтеніе іероглифовъ египетскихъ сдѣлало чрезвычайныя успѣхи; читаются надписи сассанидскія, финикійскія; но самый богатый вкладъ въ нашу науку внесень былъ *клинообразными вавилоно-ассирійскими надписями.*

Въ ряду замѣчательныхъ открытій нашего времени не послѣднее мѣсто занимаетъ открытіе въ 1842 году близъ г. Мосула, на берегу Тигра, развалинъ древней Ниновіи: оно составило настоящую эпоху для изученія древнѣйшей исторіи передней Азіи. Произведенными здѣсь раскопками обнаружены развалины царскихъ дворцовъ съ барельефными изображеніями дѣяній Ассирійскихъ царей и множествомъ клинообразныхъ надписей. Этими, странной формы, надписями покрыты не только стѣны дворцовъ, барельефы и колоссальныя статуи символическихъ животныхъ, но и простыя кирпичи, во множествѣ валяющіеся въ мусорѣ развалинъ. Кирпичи и такъ называемыя „призмы“, или многогранныя „цилиндры“ глиняныя съ подобными же надписями стали находить и посреди развалинъ древяго Вавилона, давно уже извѣстныхъ, но на которыя, по этому случаю, также обратили теперь вниманіе. Не было сомнѣнія, что эти надписи скрывали въ себѣ богатый историческій матеріалъ; но долго попытки ученыхъ проникнуть въ смыслъ этихъ таинственныхъ письменъ обѣщали, по видимому, мало успѣха. Пастойчивый трудъ преодолѣлъ, однакожъ, всѣ препятствія и въ послѣднее десятилѣтіе чтеніе клинообразныхъ

надписей сдѣлало, по истинѣ, изумительные успѣхи. Возникла цѣлая наука — *Ассириологія*, которая имѣетъ уже свою, довольно богатую, литературу. Стали даже появляться „Руководства въ исторіи Востока“ по этимъ новымъ данностямъ ¹⁾).

„Клинообразное“ письмо названо такъ по формѣ своихъ письменныхъ знаковъ, представляющихъ подобіе клиньевъ расположенныхъ параллельно, перпендикулярно или наклонно, скученно или врозь. Клинообразное письмо не похоже ни на какое другое, намъ извѣстное, съ которымъ можно было бы его сравнить, и чтеніе его сопряжено было съ большими трудностями, нежели чтеніе египетскихъ іероглифовъ. Подобно іероглифамъ, письменные знаки эти суть образное письмо, но еще болѣе сокращенное, такъ что изрѣдка только въ клинообразномъ знакѣ можно узнать изображаемый предметъ.

Исторія чтенія клинообразнаго письма вообще и вавилоно-ассирийскихъ надписей въ частности представляетъ высокій научный интересъ, какъ торжество терпѣнія и ума человѣческаго надъ трудностями, казавшимися непреодолимыми. Надѣмся поэтому, что читатель не посѣтуетъ на насъ за нѣсколько обстоятельное изложеніе этого предмета.

Извѣстно, что Персидскіе цари, чтобы увѣковѣчить память о своихъ подвигахъ, имѣли обыкновение начертывать повѣствованіе о нихъ на каменныхъ столбахъ, даже на скалахъ, и притомъ на главныхъ языкахъ подвластныхъ имъ народовъ. Такъ между прочимъ Геродотъ (IV, 87) говоритъ, что Дарій Истаспъ, отправляясь въ походъ на Скивовъ, воздвигъ на берегу Восоора двѣ колонны изъ бѣлаго камня и велѣлъ начертать на одной изъ нихъ по-ассирийски, а на другой по-гречески имена народовъ, составлявшихъ его армію. Геродотъ самъ еще видѣлъ обломокъ одной изъ нихъ „весь покрытый ассирийскими письменами“ (*ἄσσορια γραμμάτων*. *Herod. IV, 87*); онъ нашелъ его уже въ храмѣ Бахуса, въ Византіи, куда эти колонны перенесены были послѣ неудачнаго похода Дарія на Скивовъ. Еслибы эти колонны съ надписями сохранились, то оказали бы для чтенія клинообразнаго письма ту же услугу, какъ и знаменитый Розетскій камень для чтенія іероглифовъ: по собственнымъ именамъ этихъ надписей, помощію

¹⁾ Особеннаго вниманія заслуживаютъ: *Manuel de l'histoire ancienne de l'Orient jusqu'aux guerres médiques* par Franç. *Lenormant*, 3 v. Paris, 1869.—*Histoire ancienne des peuples de l'Orient* par G. *Maspero*. Paris, 1875.

греческаго текста, можно было бы найти буквы клинообразнаго алфавита.

Ключъ къ чтенію вавилоно-ассирійскихъ письменъ найденъ былъ инымъ путемъ, болѣе труднымъ, но за то доставившимъ случай человѣческому уму одержать одну изъ его величайшихъ побѣдъ.

Задолго до открытія, въ такомъ обиліи, Ниневійскихъ и Вавилонскихъ надписей, подобныя же клинообразныя надписи видѣли европейскіе путешественники въ разныхъ мѣстахъ древней Персидской монархіи: на развалинахъ дворцовъ Персеполя и Сузъ, на вырытыхъ въ скалѣ гробницахъ Накси-Рустамъ (близъ Персеполя), одна изъ которыхъ оказалась гробницею Дарія Истаспа; на Бегистанской скалѣ (близъ г. Керманшаха), въ ущельи Эльвендъ (близъ г. Гамадана, древ. Экватана), на Ванскихъ утесахъ. — Персепольскія надписи первыя обратили на себя вниманіе путешественниковъ, поразивъ ихъ своею странною формою, столь не похожею на всѣ извѣстныя дотожд письма ¹⁾.

Еще въ началѣ XVII-го столѣтія испанецъ Гарція де-Сильва де-Фигуэроа и италіанецъ Піетро делла-Валле почти одновременно посѣтили развалины Персеполя и первые указали на ихъ надписи; причемъ делла-Валле скопировалъ, для образца, пять этихъ невѣдомыхъ письменныхъ знаковъ, и въ письмѣ своемъ изъ Шираза къ ученому другу своему Маріо Скипано, отъ 21 октября 1621 г., первый высказалъ предположеніе, впоследствии подтвердившееся, что клинообразное письмо писалось слѣва на право. „Но никто не можетъ сказать“, замѣчаетъ онъ, — „что это за письменные знаки и на какомъ они языкѣ“.

Полвѣка спустя видѣлъ и обстоятельно описалъ Персепольскія надписи знаменитый французскій путешественникъ Шарденъ, замѣтивъ между прочимъ, что на вырванныхъ въ каменѣ письменныхъ знакахъ сохранились еще слѣды позолоты. Въ 1693 г. агентъ Ост-индской компаніи въ Персіи, Флауеръ (Flower) скопировалъ и прислалъ въ Европу образчикъ того же клинообразнаго письма.

Первыя образцы Персепольскихъ клинообразныхъ надписей встрѣчены были съ недоумѣніемъ въ ученномъ мірѣ: знаменитый англійскій ориенталистъ XVII столѣтія Томасъ Гейдъ (Hurd), авторъ исторіи религіи древнихъ Персовъ, не призналъ ихъ даже за надписи, но счелъ ихъ просто за скульптурныя украшенія, не находя въ нихъ

¹⁾ См. *J. Méhant—Les écritures cunéiformes*, 2-e ed. Paris. 1864. p. 48 и сл.

повторенія тѣхъ же самыхъ знаковъ, что неизбѣжно во всякомъ письменномъ текстѣ.—Для рѣшенія вопроса недоставало лишь точнаго и полнаго снимка Персепольскихъ клинообразныхъ знаковъ.

Въ 1765 г. посѣтилъ развалины Персеполя датскій путешественникъ Карстенъ Нибуръ, отецъ извѣстнаго историка, и съ величайшимъ тщаніемъ скопировалъ клинообразные знаки вырѣзанные на трехъ плитахъ, вѣланныхъ въ косяки дверей одного изъ разрушенныхъ зданій. Теперь не могло уже быть сомнѣнія что это—надписи, а не скульптурныя украшенія. Нибуръ могъ даже замѣтить, что здѣсь собственно три надписи, написанныя тремя различными клинообразными шрифтами и что подобныя же тройственныя надписи встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ осматрѣнныхъ имъ развалинъ. Но, спрашивается, на какомъ языкѣ эти надписи, и что это за письменные знаки — монограммы, слоги или простыя буквы? Все, что можно было подмѣтить на первый разъ, это то, что текстъ первой плиты слѣва представлялъ систему знаковъ болѣе простую, на второй плитѣ она представляется болѣе сложною, и самую сложною на третьей плитѣ.

Обратясь къ болѣе простой изъ трехъ системъ, Нибуръ опредѣлилъ 42 различныхъ клинообразныхъ знака, впоследствии найденныхъ и въ другихъ болѣе значительныхъ надписяхъ, что подтвердило правильность составленной имъ таблицы знаковъ. Такимъ образомъ сдѣланъ былъ важный шагъ къ изученію этихъ невѣдомыхъ письменъ. Эти 42 клинообразныхъ знака не составляютъ ли столько же буквъ азбуки? Но какой азбуки? и какой это языкъ?

Въ 1798 г. ученый оріенталистъ Тихсенъ первый сдѣлалъ важное дополненіе къ замѣчаніямъ Нибура. Онъ понялъ, что встрѣчаемый въ текстѣ первой системы надписей діагональный клинъ могъ служить для отдѣленія словъ: число знаковъ между двумя такими клиньями никогда не превышало десяти; такимъ образомъ эти группы знаковъ могли означать слова, а самые знаки — представлять буквы.

Два года спустя Датчанинъ Мюнтеръ подтверждалъ это предположеніе, присоединивъ къ нему еще замѣчаніе, что между діагональными клиньями не только повторяются иногда тѣ же самыя группы знаковъ, но что они представляютъ и нѣкоторыя варіаціи въ окончаніяхъ, что указываетъ, по видимому, на граматическія флексіи. Примѣнія къ этимъ предполагаемымъ окончаніямъ граматическія

флексіи знакомыхъ языковъ Зенда и Пельгви ¹⁾, Мюнтеръ пытался опредѣлить произношеніе нѣкоторыхъ буквъ клинообразнаго письма, но малоуспѣшно: изъ двѣнадцати его буквъ, двѣ только (А и В) оказались опредѣленными правильно.

Первый рѣшительный и вѣрный шагъ сдѣлало чтеніе клинообразнаго письма въ 1802 г., благодаря гениальному остроумію германскаго ученаго Георга Фридриха Гротефенда, — и это тѣмъ замѣчательнѣе, что Гротефендъ, какъ онъ самъ говоритъ, „не имѣлъ глубокихъ свѣдѣній въ восточныхъ языкахъ“ ²⁾: его спеціальностью была классическая филологія! Его предшественники пытались разобрать отдѣльныя буквы; Гротефендъ прямо приступилъ къ чтенію цѣлой фразы, съ помощію археологіи и исторіи, и сдѣлалъ первый удачный переводъ, положившій начало чтенію клинообразнаго письма.

Онъ предположилъ, во первыхъ, что тройственные надписи Персепольскія, скопированныя Нибуромъ, заключаютъ въ себѣ одинъ и тотъ же текстъ, но на трехъ различныхъ языкахъ. Такимъ образомъ онъ первый выставилъ гипотезу триназычныхъ надписей, вполне подтвердившуюся. Такъ какъ языки этихъ надписей еще были неизвѣстны — хотя и предполагалось, что первая надпись на языкѣ древне-персидскомъ, вторая на мидійскомъ, а третья на ассирійскомъ, то онъ назвалъ пока эти надписи просто первою, второю и третьею, начиная съ менѣе сложной системы знаковъ и кончая болѣе сложною. Затѣмъ онъ подвергъ изслѣдованію первую изъ нихъ. Онъ принялъ гипотезу Тихсена и Мюнтера, что діагональный клинъ здѣсь отдѣляетъ слова, а основываясь на аналогіи сассанидскихъ надписей, переведенныхъ Сильвестромъ де-Саси, онъ вмѣстѣ съ Тихсеномъ и Мюнтеромъ предположилъ, что группа изъ семи знаковъ, часто повторяющаяся, заключаетъ въ себѣ *царскій титулъ*, а именно весьма обыкновенный титулъ иранскій, употребляемый и понынѣ: Шахеншахъ — „царь царей“. Далѣе, въ вышеупомянутыхъ сассанидскихъ надписяхъ встрѣчаются и другія еще формулы, повидимому издавна бывшія въ употребленіи на Востокѣ, и присутствіе коихъ въ клинообразныхъ персидскихъ надписяхъ представлялось весьма вѣроятнымъ, напиримѣръ: „такой-то царь царей, сынъ такого-то царя“. Руководимый этою

¹⁾ Литературный персидскій языкъ при Сассанидахъ, изъ коего произошелъ нынѣшній персидскій языкъ.

²⁾ См. его статью о клинообразныхъ письменахъ во 2 томѣ сочиненіи Герена: О политикѣ и торговлѣ древнихъ народовъ, 4-е изд.

мыслию, и зная уже часто повторяющееся выраженіе: „царь царей“, Гротефендъ сталъ сличать двѣ Нибуровскія надписи первой системы. Нѣкоторыя группы знаковъ обращали здѣсь на себя особенное вниманіе. Обозначимъ ихъ буквами *A*, *B*, *C*. Въ началѣ *первой* надписи стояла группа *A*, далѣе—извѣстный уже титулъ „царь царей“ и группа *B*. Въ началѣ *второй* надписи стояла группа *B*, затѣмъ — титулъ „царь царей“ и группа *C*.

Гротефендъ вывелъ заключеніе, что вышеозначенныя группы знаковъ суть имена собственныя, и что между ними есть генерическая связь; а именно, что *A* есть сынъ *B*, а *B* есть сынъ *C*. И что такъ какъ за группою *C* (второй надписи) не стоитъ слово „царь“, стоящее за группою *B* первой надписи, то группа *C* заключаетъ имя лица, которое *не* царствовало и слѣдовательно группа *B* выражаетъ имя основателя династіи. Проблема такимъ образомъ можетъ быть формулирована, въ первой надписи, такъ: *A. царь царей, сынъ B. царя...* а во второй надписи: *B. царь царей, сынъ C...* Прежде всего нужно найти имена собственныя, соотвѣтствующія буквамъ *A*, *B* и *C* проблемы. Изысканіями предшествовавшихъ ученыхъ доказано уже было, что персепольскія сооруженія, лежащія теперь въ развалинахъ, должны быть отнесены ко времени царей Ахеменидовъ. Оставалось найти, имена какихъ именно царей соотвѣтствовали даннымъ проблемы. Между Ахеменидами встрѣчаемъ мы двухъ основателей династій, — Кира и Дарія. Имя Кира для группы *B*, очевидно, не подходило: группа знаковъ представлялась слишкомъ длинною для выраженія такого короткаго имени, а съ другой стороны извѣстно, что отецъ и сынъ Кира носили одно и то же имя — Камбизъ, и такимъ образомъ группы *A* и *C* должны бы быть одинаковы, но они состояли изъ различныхъ знаковъ. Оставалось теперь только предположить, что группа *B* выражала Дарія, что совершенно соотвѣтствовало историческимъ даннымъ проблемы.

Такимъ образомъ начало первой надписи Гротефендъ прочелъ такъ:

Ксерксъ, царь шрей, сынъ Дарія царя...

а начало второй такъ:

Дарій, царь царей, сынъ Гистасна...

Но этимъ не все было сдѣлано. Оставалось еще найти транскрипцію этихъ именъ въ оригинальной ихъ формѣ, то-есть, узнать, какъ произносились они древними Персами. Для транскрипціи имени Дарія, Гротефендъ обратился сначала къ греческой формѣ этого имени

Δαρεῖος, которое Персы, по словам Страбона, произносили Δαριαύης. Примѣняясь къ духу персидскаго языка, Гротевендъ написалъ это имя: Darjavesch, Dârheus'h или Darjeusch.

Для опредѣленія въ именахъ „Ксерксъ“ и „Гистаспъ“ звуковъ древне-персидскаго языка, онъ обратился къ родственному языку зендскому, и при помощи священныхъ книгъ Зендавесты, изданныхъ въ 1771 г. Анкетиль-Диперрономъ, съ приложеніемъ перевода и словаря, — рядомъ остроумныхъ соображеній пришелъ къ заключенію, что имена эти по древне-персидски произносились:

Khscharscha
и Geschasp или Wistasp.

Послѣдующія изслѣдованія, съ незначительными лишь поправками, подтвердили правильность предложеннаго Гротевендомъ чтенія вышеозначенныхъ трехъ именъ. Въ настоящее время они читаются такъ:

Dâr(a)yavus
Khschayarscha
V(i)sta(s)pa ¹⁾.

Такимъ образомъ, благодаря остроумнымъ соображеніямъ Гротевенда, найдены были 12 буквъ клинообразнаго письма первой системы. Свои открытія онъ сообщилъ ученому міру въ 1802 г. въ Геттингенской литературной газетѣ. Затѣмъ въ 1824 г., дополнивъ свое изслѣдованіе нѣкоторыми замѣчаніями, помѣстилъ его въ приложеніи ко 2-му изданію сочиненія Герена: „Идеи о торговлѣ и политикѣ важнѣйшихъ народовъ древняго міра“.

Первый, самый трудный шагъ былъ сдѣланъ.

Въ 1826 г. профессоръ Копенгагенскаго университета Раскъ къ найденнымъ 12 буквамъ присоединилъ еще двѣ (M и N). Въ 1836 г. Боинскій профессоръ Лассенъ и французскій ученый Бюрнуфъ одновременно издали свои изслѣдованія о клинообразномъ письмѣ, разобравъ, первый изъ нихъ — надписи персепольскія, а второй — гамаданскія. Результатомъ изслѣдованій этихъ двухъ ученыхъ было опредѣленіе еще 12-ти буквъ; постепенно найдены такимъ образомъ были всѣ 34 буквы алфавита первой системы клинообразныхъ надписей ²⁾.

Примѣненіе найденнаго алфавита къ другимъ клинообразнымъ надписямъ первой системы доказало правильность его. Вѣрность най-

¹⁾ (м. Inscriptiones Palaeopersicae, изд. проф. Коссовичемъ въ 1872 г.

²⁾ См. Inscriptiones Palaeopersicae. Litterarum enuntiatio p. 3—5.

депнаго алфавита замѣчательнымъ образомъ подтвердилась также на имени „Ксеркса“ въ четырехъязычной надписи на египетской вазѣ графа Келюса, гдѣ рядомъ съ извѣстными намъ трезычными клинообразными надписями, заключающими въ себѣ имя этого царя, стоитъ того же содержанія надпись іероглифическая, прочитанная Шампиономъ-младшимъ. Въ ней имя Ксеркса прочитано: Кшгарша, что очень близко къ клинообразному чтенію — Хшіарша ¹⁾.

Въ то самое время, какъ въ Европѣ производились эти изслѣдованія, англійскій путешественникъ Генри Раулинсонъ на мѣстѣ изучалъ клинообразное письмо. Находясь въ 1835 г. близъ западной границы Персіи, онъ самъ скопировалъ трезычныя Гамаданскія надписи (тѣ самыя, которыя въ то же самое время изслѣдовалъ Бюрнуфъ), и, слѣдуя способу Гротефенда, о которомъ онъ только слышалъ, по составленнаго Гротефендомъ алфавита не имѣлъ подъ рукою, онъ самъ прочелъ въ этихъ надписяхъ имена *Дарія*, *Ксеркса* и *Гистаспа* а затѣмъ, въ другихъ надписяхъ (Бегистанскихъ) прочелъ еще нѣсколько новыхъ именъ, такъ что могъ самостоятельно опредѣлить 18 буквъ алфавита первой системы клинообразнаго письма, прежде чѣмъ познакомился (въ 1836 г. въ Тегерапѣ) съ работами ученыхъ въ Европѣ по этому предмету ²⁾.

Труды Раулинсона, равно какъ и послѣдующія изысканія Гинкса Опперта и др., окончателно убѣдили, что языкъ первой системы клинообразныхъ надписей есть *арійскій* или *древнеперсидскій* — нарѣчіе родственное веду, санскриту и первообразъ нынѣшняго персидскаго языка ³⁾.

Коль скоро арійскій текстъ былъ прочитанъ, то онъ сдѣлался для остальныхъ двухъ системъ трезычныхъ надписей тѣмъ же, чѣмъ былъ греческій текстъ извѣстнаго Розетскаго камня для чтенія іероглифовъ. Не трудно было найти во второмъ и третьемъ столбцѣ этихъ надписей группы знаковъ, соотвѣтствующія собственнымъ именамъ арійскаго текста, — тѣмъ болѣе, что они обозначались перпендикулярными клиньями ⁴⁾. Предстояло опредѣлить произношеніе этихъ знаковъ и языкъ самыхъ надписей. Занились сначала второю системою, какъ менѣе сложною. Изслѣдованіями цѣлаго ряда спеці-

¹⁾ См. *ibid.* Inscriptio super vaso Comitum Caylus.

²⁾ См. *Ménant* — *Les écritures cunéiformes*, 2-e ed. p. 97.

³⁾ *Ménant*, p. III. 115.

⁴⁾ *Ibid.* 129. 146.

алистовъ было дознано, что: 1) знаки этой системы представляют не буквы, но слоги, а иногда и цѣлыя понятія (идеогаммы) и 2) языкъ этихъ надписей принадлежитъ къ семейству *татаро-финскихъ* нарѣчій, на которыхъ говорили народы, извѣстные въ древности подъ общимъ названіемъ Тураійцевъ или Скивовъ ¹⁾.

Чтеніе первой и второй системы трехъязычныхъ надписей было только необходимымъ подготовленіемъ къ чтенію третьей системы, несравненно важнѣйшей для исторической науки, ибо трехъязычныхъ клинообразныхъ надписей очень мало найдено, тогда какъ писемъ третьей системы написаны всѣ надписи, въ такомъ обиліи находимыя на развалинахъ Вавилона и Ниневіи, въ чемъ легко было убѣдиться чрезъ сравненіе третьяго столбца трехъязычныхъ надписей съ надписями вавилопо-ассирійскими. Оставалось найти элементы вавилоно-ассирійскаго письма. — Персидскій текстъ трехъязычныхъ надписей оказалъ здѣсь существенную услугу: помощію его легко найдены были въ ассирійскомъ текстѣ группы знаковъ, соотвѣтствовавшихъ именамъ Хшаіарша, Дараіавусъ и пр., тѣмъ болѣе что здѣсь, какъ и въ тураійскомъ письмѣ, начало именъ собственноныхъ обозначено перпендикулярнымъ клиномъ, далѣе найдены были группы знаковъ, соотвѣтствующія титуламъ персидскимъ: „царь“, „царь царей“, „великій“ и пр. Когда опредѣлены были группы соотвѣтствующія именамъ и титуламъ, то затѣмъ могли быть опредѣлены и остальные группы знаковъ, соотвѣтствующія промежуточнымъ словамъ персидскаго текста; наконецъ чрезъ сличеніе всѣхъ извѣстныхъ трехъязычныхъ надписей тождественныя имена и слова ассирійскихъ текстовъ взаимно повѣрялись.

Таковъ былъ простой и дѣйствительный методъ, принятый для разбора ассирійскаго текста трехъязычныхъ надписей.

Особенно важную услугу въ этомъ отношеніи оказала большая Бегистанская трехъязычная надпись, заключающая въ себѣ болѣе ста собственноныхъ именъ—лицъ, странъ, городовъ, крѣпостей. На сѣверъ отъ г. Керманшаха (въ персидскомъ Курдистанѣ) въ нѣсколькихъ верстахъ разстояніи, возмываются Бегистанскія скалы; на отвѣсной почти сторонѣ одной изъ нихъ—барельефная сцена, съ цѣлыми страницами надписей клинообразныхъ. Барельефная сцена была предметомъ разныхъ толкованій, пока прочитанный текстъ надписей не объяснилъ ея настоящаго смысла. Сцена эта изображаетъ цари Даріи

¹⁾ *Ménant*, p. 127—137.

Гистаспа, наступавшаго ногою на лежащаго навзпичь Лжесмердиса. („Бардія“—по древне-персидски); далѣ стоятъ одинъ за другимъ девять другихъ царей-самозванцевъ, съ веревкою на шеѣ, со связанными назадъ руками. Сзади царя два воина, а надъ нимъ символическое изображеніе Ормузда. Изображеніе и надписи помѣщены на входящемъ углѣ скалы, на значительной высотѣ, что, конечно, содѣйствовало сохраненію ихъ. Надписи, подобно персепольскимъ, трезычныя. Персидскій текстъ былъ скоро прочитанъ: онъ вполнѣ приведенъ, вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ, въ извѣстномъ изданіи профессора К. А. Коссовича „Inscriptiones Palaeo-persicae“¹⁾. Въ началѣ, Дарій, говоря въ первомъ лицѣ, перечисляетъ имена своихъ 8 предковъ изъ царственнаго рода Ахеменидовъ. Онъ царь—по волѣ Лурмазды (Ормузда); далѣ называетъ наслѣдованныя имъ области, числомъ 23, „платившія ему подать и повиновавшіяся его повелѣніямъ“. Покорныхъ подданныхъ онъ хранилъ, непокорныхъ наказывалъ. Затѣмъ разказываетъ, что сдѣлано имъ со времени поцаренія его. Сначала идетъ длинная рѣчь о Лжесмердисѣ, и какъ онъ (Дарій) умертвилъ его вмѣстѣ съ соучастниками его, — „при помощи Аурамазды“; далѣ подробно разказывается о возстаніи и усмиреніи Вавилона и болѣе сжато объ усмиреніи возстаній въ Персидѣ, Мидіи, Сузіанѣ, Ассиріи, Арменіи, Парѣи, Маргіанѣ, Саттагидѣ и Сакіи: девять лжецарей побѣдилъ онъ въ 21 битвѣ. Дарій оканчиваетъ свой разказъ, призывая Аурамазду въ свидѣтели, что во всемъ, имъ сказанномъ нѣтъ неправды; дѣла предковъ его нельзя сравнивать съ его дѣлами, совершенными „съ помощію Аурамазды“. Затѣмъ, обращаясь къ читателю, Дарій предлагаетъ ему не скрывать отъ народа содержанія начертаннаго, но потщиться истолковать ему оное, обѣщая за то милость Аурамазды, многочисленное потомство и долгую жизнь,—грози, въ противномъ случаѣ карю Аурамазды. Еще разъ обращаясь къ низложенію Лжесмердиса, чему приписывалось, очевидно, особенно важное значеніе, Дарій называетъ 6 своихъ пособниковъ въ этомъ дѣлѣ: Виндафрану (Итафернесъ) Утану (Отанесъ), Гаубаруву (Гобріасъ), Видарну (Гидарнесъ), Багабухшу (Мегабизъ) и Ардуманиса (Ардуманисъ).

Кромѣ того, подъ изображеніями десяти побѣжденных самозванцевъ, краткія надписи въ такомъ родѣ:

¹⁾ Стр. 5—58, изд. 1875. Petropol.

„Это Гаумата (Кометесь), который, будучи магомъ, лгалъ, говоря: я Бардіа (Смердись), сынъ Кира, я царь“.

Таково краткое содержаніе этой замѣчательной дѣтописи царствованія Дарія, начертанной на скалѣ.

Но независимо отъ своего важнаго историческаго значенія, Бегистанскія надписи оказали существенную услугу въ дѣлѣ чтенія ассирійскаго клинообразнаго письма. Мы уже замѣтили, что надписи эти—трехъязычныя, и что въ нихъ заключается около ста собственныхъ именъ. Помощію извѣстнаго уже персидскаго текста найдены были въ ассирійскомъ текстѣ группы знаковъ, соотвѣтствующія собственнымъ именамъ персидскаго текста; продолжая затѣмъ работу по знакомому уже методу, открыли наконецъ элементы ассирійскаго письма. Но прежде еще, чѣмъ изданы были Бегистанскія надписи, гениальному Гротефенду удалось уже прочесть ими Навуходоносора, въ большой Навуходоносоровой надписи о вавилонскихъ сооруженіяхъ, хранящейся въ музеѣ Остѣндской компаніи въ Лондонѣ ¹⁾ и на вавилонскихъ кирпичачъ, добытыхъ въ развалинахъ дворца.

Дворцы вавилоно-ассирійскихъ царей не походили на современные намъ: всѣ стѣны ихъ, внутри и снаружи, покрывались барельефами и надписями, изображавшими дѣянія царствующаго государя; и потому каждый царь строилъ себѣ собственный дворецъ, который дѣлался какъ бы открытою каменною книгою, на страницѣ коей заносились, рѣзцомъ ваятеля или писца, подвиги царствующаго монарха, по мѣрѣ совершенія ихъ; особенно поражаетъ обиліе надписей, самые барельефы и статуи покрыты ими; на каждомъ даже кирпичѣ зданія оттиснуто имя цари-строителя, — такъ заботились цари вавилоно-ассирійскіе передать потомству память о себѣ ²⁾. На подобныхъ-то кирпичачъ Гротефенду удалось прочесть, или, вѣрнѣе, угадать имя „Навуходоносора“. Его догадка подтвердилась и была первою ступенью къ чтенію вавилоно-ассирійскихъ письменъ.

Изъ всѣхъ клинообразныхъ системъ ассирійская оказалась самою сложною и трудною. Послѣ долгихъ изслѣдованій и колебаній дозволено наконецъ, что ассирійское письмо есть силлабическое, то-есть,

¹⁾ Въ этой же надписи Навуходоносоръ говоритъ, что онъ обнесъ Вавилонъ стѣною, причѣмъ дуетъ объемъ ея именно такой, какъ опредѣляетъ его Геродотъ. (См. *Ménant*, *Inscrip. cunéif.* 2-е ed. p. 188).

²⁾ *Ménant*, p. 145, 188, 198. *Le normant-Manuel d'Hist. Ancienne de l'Orient* II, 153.

что звуки его выражаются не буквами, а слогами. Напримѣръ слово „царь“ по ассирійски пишется:

ša ag gi
а произносится:
sar¹⁾.

Чтеніе весьма затрудняется еще тѣмъ, что инныя слова нерѣдко написаны идеографически — очевидные слѣды іероглифическаго происхожденія клинообразнаго письма. Такъ въ молитвенныхъ формулахъ имена боговъ большею частью написаны *идеограммами*, то-есть, знаками, коихъ силлабическое произношеніе выражало имя бога на аккадійскомъ (древнѣйшемъ вавилонскомъ) нарѣчій; Ассиріяне же произносили это имя по-своему. Напримѣръ имя бога *Небо* пишется обыкновенно *An-ak* по аккадійски, — Ассиріяне же читали его *Nabium* на своемъ языкѣ (см. Nemrod et les écritures cunéiformes p. J. Grivel въ Transactions of the society of Biblical Archaeology, Vol. III, 1874, p. 138). Кромѣ того, замѣченъ былъ *полифонизмъ* нѣкоторыхъ знаковъ, то-есть, тотъ же знакъ надобно было произносить иногда такъ, а иногда иначе²⁾.

Эти обстоятельства, пока они не выяснились, ставили часто въ тупикъ изслѣдователей клинообразнаго письма, возбуждая, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ученое міръ, недовѣріе къ ихъ искусству. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи дознано было, что шрифтъ вавилонскій нѣсколько отличается отъ ассирійскаго и что каждый изъ нихъ, кромѣ того, имѣетъ двѣ формы — древнѣйшую и новѣйшую. Наконецъ, въ примѣненіи къ ежедневному употребленію, новѣйшая форма письма принимаетъ сокращенную форму скорописи.

Не менѣе затрудненій представляло опредѣленіе невідомогаго языка этихъ надписей. Мнѣнія ассиріологовъ объ этомъ предметѣ долго раздѣлялись, пока наконецъ не пришли къ убѣжденію, что большая часть вавилоно-ассирійскихъ надписей — на семитическомъ нарѣчій, нѣкоторые же (древнѣйшія) — на халдейскомъ языкѣ, принадлежащемъ къ группѣ туранійскихъ, то-есть, финскнхъ нарѣчій³⁾. Такимъ образомъ помощію родственныхъ нарѣчій (семитическихъ

¹⁾ См. Ménant, Inscrip. cunéif. 2-e ed. p. 274.

²⁾ Lenormant, ib. 167.

³⁾ Lenormant, ib. p. 153—158, 174; его же—Les premières civilisations, 1874. II, 19.—Maspero, Hist. ancienne, 1875 г. p. 584.

арабскаго и финнскихъ) открылась возможность понимать самый смыслъ вавилоно-ассирійскихъ клинообразныхъ надписей.

Первыя попытки въ этомъ отношеніи, при чрезвычайныхъ затрудненіяхъ, какія представляло самое чтеніе надписей, были шатки, иногда гадательны: одну и ту же надпись одинъ объяснялъ такъ, другой иначе. Иной, послѣ болѣе тщательнаго изученія текста самъ отказывался отъ собственнаго своего первоначальнаго толкованія. Подобныя противорѣчія и шаткость переводовъ естественно внушали къ нимъ недовѣріе, которое стало распространиться и на всю науку ассиріологовъ; но послѣдніе продолжали свою работу съ неслабѣвающимъ рвеніемъ, побуждаемые высокимъ интересомъ своей задачи,— и истолкованіе клинообразныхъ надписей, шагъ за шагомъ, стало дѣлать дѣйствительныя успѣхи, какъ это блистательно было обнаружено двумя сдѣланными опытами.

Въ мартѣ 1857 года Фоксъ Тальботъ, занимавшійся разборомъ клинообразныхъ надписей, получилъ отъ Британскаго музея литографическій снимокъ длинной надписи съ одного изъ ниневійскихъ цилиндровъ, хранившихся въ музеѣ; переведя эту надпись, онъ послалъ свой переводъ въ запечатанномъ конвертѣ въ лондонское королевское азіатское общество съ предложеніемъ вызвать другіе самостоятельныя переводы этой надписи, чтобы затѣмъ, чрезъ сличеніе нѣсколькихъ, независимо другъ отъ друга сдѣланныхъ, переводовъ опредѣлить состояніе новой науки—ассиріологіи. Общество охотно приняло это предложеніе и разослало литографическія копіи съ надписи находившимся тогда въ Лондонѣ ассиріологамъ Генри Раулинсону, Гинксу и Опперту, охотно принявшимъ участіе въ этомъ интересномъ конкурсѣ. Чрезъ мѣсяць переводы ихъ были окончены и, согласно условію, въ запечатанныхъ конвертахъ присланы въ общество. 25-го мая вскрыты были конверты и переводы сличены: въ цѣломъ и существенномъ они оказались сходными, многія мѣста всѣми четырьмя переводчиками переведены были тождественно, — разница заключалась лишь, мѣстами, въ отгѣвкахъ выраженій и въ переводѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ. Разобранная надпись оказалась лѣтописью первыхъ годовъ царствованія ассирійскаго царя Тиглат-Пилесара I¹⁾, царствовавшего въ половинѣ XII столѣтія.

Второй опытъ былъ еще убѣдительнѣе. Въ анналахъ Сарданапала (VII ст.) Раулинсонъ вычиталъ, что у истока восточнаго Тигра

¹⁾ *Ménant*, 2-e ed. 240—242.

Сардапалъ велѣлъ высѣчь въ скалѣ свое изображеніе, рядомъ съ бывшимъ уже тамъ изображеніемъ древняго царя Тиглат-Пилесара. Случилось, что въ той мѣстности (въ Арменіи) находился тогда англійскій путешественникъ Джонъ-Тэлоръ; Раулинсонъ попросилъ его отыскать названныя изображенія,—и дѣйствительно, въ пещерѣ, изъ коей вытекаетъ восточный Тигръ, Тэлоръ нашелъ изображеніе царя Тиглат-Пилесара, какъ удостовѣряла въ томъ надпись съ боку, а рядомъ—изображеніе Сардапала ¹⁾.

Замѣтимъ кстати, что еще въ началѣ нынѣшняго года извѣстный авторъ исторіи Египта по іероглифическимъ надписямъ, Генрихъ Бругшъ, долго не довѣрявшій успѣхамъ ассириологии, отдалъ имъ наконецъ справедливость: „Откровенно, хотя неохотно сознаюсь“, говоритъ онъ, „что долго питалъ я тайное недовѣріе къ изслѣдованіямъ въ области ассирійскихъ клинообразныхъ письменъ. Мнѣ все казалось, что потребно еще продолжительное изученіе этого предмета, прежде, чѣмъ быть въ состояніи представить вполне достовѣрные переводы надписей,—когда попалась мнѣ на глаза статья извѣстнаго ассириолога Данила Гэ (Haigh), напечатанная въ одномъ изъ выпусковъ „Журнала для ассириологии“ за 1871 г., гдѣ разбирался отрывокъ изъ Ассурбапаловой (Сардапаловой) лѣтописи: дѣло шло о походахъ этого ассирійскаго царя на Египеть, причѣмъ приводились названія египетскихъ вассальныхъ царей и городовъ. Г. Гэ пробовалъ сравнить эти имена, написанныя отчасти полифоническими знаками, съ соответственными египетскими именами. Это возбудило мое любопытство и, повѣряя и продолжая сравненіе, я, къ изумленію моему, нашелъ всѣ почти египетскія имена (37 изъ 45) ассирійскаго текста въ соответствующей имъ египетской формѣ и въ той же исторической связи“. Затѣмъ онъ сопоставляетъ эти имена въ ихъ ассирійской, египетской и греческой формахъ. „Такое очевидное согласіе въ чтеніи 37 именъ въ іероглифическихъ и клинообразныхъ надписяхъ“, заключаетъ Бругшъ, „вполнѣ убѣдило меня въ вѣрности принятаго метода для разбора послѣднихъ“ ²⁾.

Настоящую эпоху въ чтеніи клинообразныхъ письменъ составило открытіе цѣлой библіотеки Ниневійской, давшей не только богатый письменный матеріалъ, но и средства къ чтенію его. Какъ извѣстно,

¹⁾ *Wattenbach*, *Ninivie u. Babylon. Zwei Vorträge*. 1868. p. 10—11.

²⁾ См. его библиографическую статью по поводу 2-го изд. его *Исторія Египта* въ *Göttingische gelehrte Anzeigen*, 5 Januar 1876, S. 19—22.

Лэярдомъ были открыты, въ холмѣ Куянджикъ, на мѣстѣ древней Пиневин, остатки дворца Ассурбанипала (Сардапапала) IV, послѣдняго изъ завоевателей ассирійскихъ (667---647 г.). Въ одной изъ залъ найдена была цѣлая библіотека, состоявшая изъ квадратныхъ кирпичныхъ плитокъ, покрытыхъ съ обѣихъ сторонъ мелкимъ и сжатымъ клинообразнымъ письмомъ. Всѣ плитки оказались пореномерованными, составляя такимъ образомъ, „листы“ книгъ, лежавшіе, вѣроятно, столбиками на полкахъ библіотеки. Къ сожалѣнію, большая часть этихъ плитокъ найдены разбитыми, къ тому же, рабочіе Лэярда, бывшіе въ то время одни, свалили эти обломки въ большія корзины, и въ такомъ-то беспорядочномъ видѣ доставлены они были (числомъ до 10.000) въ Британскій музей¹⁾.

Нужно было теперь, по возможности, возстановить разбитыя плитки и привести ихъ въ первоначальный порядокъ. Два молодыхъ ассириолога, Коксъ и Смитъ, одинъ за другимъ, съ энергіею занялись этимъ въ высшей степени труднымъ дѣломъ, требовавшимъ столько же знаній, сколько и терпѣнія. За то труды ихъ вознаграждены были блистательнымъ результатомъ. По приведеніи части плитокъ въ порядокъ, оказалось, что они заключали въ себѣ къ сожалѣнію въ фрагментахъ (такъ какъ далеко не всѣ плитки библіотеки были найдены²⁾) цѣлую литературу ассирійскую изъ разнаго рода сочиненій — по грамматикѣ, исторіи, законовѣдѣнію, міѳологіи, естествознанію, астрономіи, астрологіи. Благодаря трудамъ ассириологовъ, мы ближе можемъ познакомиться съ этою интересною библіотекою, которая можетъ намъ дать понятіе о степени образованности древнихъ Ассирійцевъ. Судя по надписи одной изъ плитокъ, библіотека эта назначалась Сардапапаломъ для всеобщаго употребленія. Огромное большинство ея плитокъ, хранящихся нынѣ въ Британскомъ музеѣ, заключаютъ въ себѣ фрагменты обширной грамматической энциклопедіи, разрѣшающей трудности какъ чтенія, такъ и пониманія клинообразнаго письма,—трудности даже для самихъ Ассирійцевъ!

Эта грамматическая энциклопедія состоитъ изъ семи частей:

¹⁾ *Lenormant*, Manuel d'II. A. II, 114. 126. Его же—*Les premières civilisations*, II, 15 и сл.

²⁾ Дж. Смитъ, изслѣдовавшій развалины Сардапапалова дворца въ началѣ 1874 г., полагаетъ что въ мусоръ разваливъ скрывается еще, быть можетъ, 20.000 плитокъ съ надписями; самъ онъ нашелъ болѣе 2.000 новыхъ плитокъ или обломковъ съ надписями (см. *Transactions of the Society of biblical archeology*, V. III. 1874. p. 455. 463, — отчетъ Смита о его путешествіи).

1) Словарь халдео-туранійскій, съ объясненіемъ словъ по ассирійски. Онъ долженъ былъ служить пособіемъ при чтеніи ученыхъ и религіозныхъ трактатовъ халдейскихъ, а равно и коренныхъ законовъ гражданскихъ, писавшихся, въ оригиналѣ, также по халдейски.

2) Словарь синонимовъ ассирійскаго языка.

3) Ассирійская грамматика, съ примѣрами спряженій.

4) Таблица знаковъ клинообразнаго письма съ обозначеніемъ ихъ идеографическаго и фонетическаго значенія.

5) Другая таблица тѣхъ же знаковъ съ указаніемъ іероглифовъ, отъ которыхъ они произошли.

6) Словарь особенныхъ выраженій, большею частью идеографическихъ, встрѣчаемыхъ въ древнѣйшихъ надписяхъ. Эти надписи представляли, такимъ образомъ, для Ассирійцевъ археологическій интересъ. Цари ниневійскіе и вавилонскіе позднѣйшаго времени, какъ извѣстно, при возобновленіи храмовъ, тщательно отыскивали надписи ихъ древнихъ основателей. Въ подобныхъ спискахъ съ древнѣйшихъ надписей встрѣчаются иногда пробѣлы, обозначающіе неразобранныя слова оригинала.

7) Таблицы примѣровъ грамматическихъ конструкцій и равнозначащихъ выраженій,—идеографическихъ и фонетическихъ.

Новѣйшіе ученые воспользовались этими драгоценными пособіями точно такъ же, какъ пользовались ими нѣкогда ассирійскіе ученые—и чтеніе клинообразныхъ писемъ пошло съ этого времени быстрыми шагами впередъ.

Послѣ филологіи, второе мѣсто въ Сарданапаловой библіотекѣ отведено было математикѣ и астрономіи. Судя по фрагментамъ нѣсколькихъ арифметическихъ трактатовъ, можно подумать, что Ниногоръ—изъ Месопотаміи заимствовалъ свою знаменитую таблицу умноженія. Многія плитки заключаютъ въ себѣ астрономическія наблюденія: таблицы восходовъ Венеры, Юпитера, Марса, фазовъ луны; вычисленіе суточного движенія луны, предсказаніе лунныхъ и солнечныхъ затмѣній. Оказывается, что многое въ современной астрономіи имѣетъ свое начало въ халдео-ассирійской цивилизаціи, наприкладъ раздѣленіе эклиптики на двѣнадцать равныхъ частей п, по видимому, самые знаки зодіака, раздѣленіе круга на 360 градусовъ, градуса на 60 минутъ, минуты на 60 секундъ; раздѣленіе сутокъ на 24 часа, часа на 60 минутъ, минуты на 60 секундъ. Вообще у Ассирійцевъ единицею мѣры принята была цифра 12, съ ея дѣленіями и умноженіями. Ассиріянамъ принадлежитъ изобрѣтеніе Гномона (сол-

печныхъ часовъ). Отъ нихъ ведетъ свое начало посвященіе семи дней недѣли семи планетамъ, которымъ поклонялись какъ божествамъ. Бѣольшая часть мѣръ изъ Месопотаміи перешла въ переднюю Азію, а оттуда и въ Грекамъ, съ сохраненіемъ даже самыхъ названій, конечно въ измѣненной формѣ; такъ греческія *μυα* и *ὀβολός* суть эллинизированные ассирійскія названія.

Иныя плитки заключаютъ въ себѣ фрагменты законовъ, договоры между частными лицами или административныя распоряженія. Найдены обломки плитокъ съ таблицами эпонимовъ, то-есть, ежегодно избираемыхъ сановниковъ, на подобіе афинскихъ архонтовъ и римскихъ консуловъ, по именамъ коихъ считались годы ¹⁾. Онѣ заключаютъ, почти безъ перерыва, пространство времени въ два съ половиною столѣтія, а именно отъ 999 до 666 г. до Р. X. Эти таблицы эпонимовъ найдены въ четырехъ экземплярахъ: въ двухъ изъ нихъ выставлены лишь имена эпонимовъ каждаго царствованія; въ другихъ же двухъ экземплярахъ прибавленъ и драгоценный для насъ перечень главныхъ событій каждаго года. Одна плитка, притомъ нѣсколько попорченная, представляетъ единственный, уцѣлѣвшій, обломокъ краткой исторіи Ниневіи и Вавилона,—настоящаго „руководства“, въ коемъ событія Ниневіи и Вавилона, ихъ политическія и дипломатическія сношенія въ разныя эпохи, помѣщены параллельно.

Далѣе встрѣчаются фрагменты мѣологическаго содержанія: эпитеты и атрибуты боговъ, мѣстонахожденія главныхъ храмовъ и, что особенно важно, свѣдѣнія о чуждыхъ божествахъ, и также отрывки изъ сборника священныхъ гимновъ.

Найдены драгоценныя отрывки какъ бы географическаго словаря, гдѣ перечислены страны, города, горы, рѣки, извѣстные Ассиріянамъ, собственныя имена, бывшія у нихъ въ употребленіи и, наконецъ статистическія свѣдѣнія объ административной іерархіи, о различныхъ провинціяхъ, входившихъ въ составъ монархіи, съ обозначеніемъ ихъ естественныхъ произведеній и доходовъ. Многія плитки заключаютъ въ себѣ уцѣлѣвшіе списки завоеванныхъ городовъ Малой Азіи, Сиріи, Палестины, Аравіи, Египта, съ указаніемъ платимыхъ ими податей—деньгами или натурою, преимущественно хлѣбомъ. Найдены еще любопытный списокъ важнѣйшихъ соору-

¹⁾ *Лилму*—назывались эти сановники у Ассиріянъ. (См. *Ménant, Annales des rois d'Assyrie. 1874 p. 3.*

женій въ Вавилоніи и Халдеи, какъ то храмовъ, пирамидъ и крѣпостей.

И естественная исторія была Ассиріянамъ не безызвѣстна. Въ Сарданапаловой библіотекѣ встрѣчаются плитки со списками извѣстныхъ растений и минераловъ, деревъ, употреблявшихся для постройки или мебелировки зданій, металловъ и камней, нужныхъ для архитектора или скульптора. Особенно интересенъ списокъ извѣстныхъ Ассиріянамъ разныхъ животныхъ, расположенный по родамъ и семействамъ, причѣмъ каждое животное обозначено двумя названіями—общенароднымъ и ученымъ.

Только медицины, какъ науки, не найдено въ Сарданапаловой библіотекѣ никакихъ слѣдовъ. Эта наука, повидимому, чужда была халдео-ассирійской цивилизаціи. Дѣйствительно, Геродотъ, описывая обычаи и нравы Вавилонянъ, отмѣчаетъ какъ особенность, то, что у нихъ не было врачей, но что больныхъ выносили на площадь, гдѣ каждый прохожій обязанъ былъ подойти къ больному, распросить его, и если онъ самъ имѣлъ или видѣлъ подобную болѣзнь, то подавалъ совѣтъ, какое средство употребить противъ болѣзни ¹⁾.

Впрочемъ медицина здѣсь смѣшивалась съ магіею, столь распространенною у Халдео-Ассиріянь. Большею частью они, повидимому, не употребляли иныхъ средствъ, кромѣ заклинаній и причитаній, такъ какъ болѣзни приписывались вліянію злыхъ духовъ. Не мало найдено было плитокъ и амулетовъ съ подобными заклинаніями и причитаніями, среди коихъ съ удивленіемъ прочитаны столь употребительныя въ средневѣковой магіи восклицанія при заклинаніяхъ: *илка, илка! беша, беша!* смыслъ коихъ былъ доселѣ неизвѣстенъ. (Оказывается, что эти слова чисто ассирійскія и означаютъ: „прочь, прочь! злой, злой!“ Вмѣстѣ съ халдейскими магами, они проникли въ Римскую имперію, въ эпоху ея упадка, и затѣмъ передавались адептами магіи изъ рода въ родъ какъ таинственные слова, имѣющія могущественное вліяніе на духовъ тьмы.

Этотъ краткій обзоръ Сарданапаловой библіотеки даетъ намъ понятіе о томъ, чѣмъ была древнеассирійская цивилизація. Мы заимствовали его изъ Древней исторіи Востока Франсуа Ленормана, изданной въ 1869 году ²⁾.

¹⁾ Геродотъ, I, 197.

²⁾ Manuel d'histoire ancienne de l'Orient jusqu'aux guerres mediques, par Francois Lenormant, v. II, p. 169—175.

Въ 1873 г. этотъ ученый и дѣятельный ассириологъ такъ характеризовалъ успѣхи чтенія клинообразныхъ писемъ за послѣднее время:

„Еще десять лѣтъ тому назадъ считалось торжествомъ, когда удавалось прочесть имя новаго царя въ надписяхъ ассирійскихъ, точно установить преимущество нѣсколькихъ царей или въ текстахъ, не совершенно понятыхъ, найти нѣсколько географическихъ указаній, которыя могли бы дать понятіе объ объемѣ завоеваній того или другаго царя. Но теперь мы уже значительно подвинулись впередъ. Мы имѣемъ полный списокъ царей отъ четырнадцатаго до седьмаго столѣтій до Р. X.; главнымъ событіемъ въ ихъ связи и послѣдовательности прочно установлены; хронологія, за исключеніемъ не многихъ лишь сомнительныхъ годовъ, окончательно выяснена. Въмѣстѣ съ тѣмъ и изученіе языка (благодаря въ особенности трудамъ Опперта) шло быстрыми и вѣрными шагами: грамматика установилась, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ своихъ частяхъ; лексиконъ въ весьма значительной степени обогатился. Конечно, при переводѣ какаго-нибудь длиннаго ассирійскаго документа встрѣчаются еще, тамъ и сямъ, противорѣчія, ошибки, которыя исправятся впоследствии съ успѣхами науки—не встрѣчаются ли они и при толкованіи греческаго текста?—но съ каждымъ днемъ возможность этихъ ошибокъ уменьшится; онѣ касаются не общаго смысла рѣчи, но лишь нѣкоторыхъ трудныхъ фразъ. Уже и теперь можно представить подлинные переводы вавилонскихъ и ниневійскихъ текстовъ, столь же точные и достовѣрные, какъ и переводы книгъ санскритскихъ и китайскихъ“.

Этотъ обзоръ успѣховъ ассириологіи читаемъ мы въ предисловіи къ интересной монографіи Ленормана—„Вавилонскій патриотъ VIII столѣтія до Р. X. Меродахбаладанъ“, составленной исключительно по клинообразнымъ надписямъ и напечатанной въ 1873 г. ¹⁾.

Въ слѣдующемъ 1874 году другой французскій ученый Мепанъ могъ уже издать „Лѣтописи ассирійскихъ царей“, переведенныя на французскій языкъ съ ассирійскаго текста ²⁾. Написанныя по повелѣнію самихъ царей ассирійскихъ, онѣ заключаютъ въ себѣ событія

¹⁾ Un patriote Babylonien du VIII siècle avant notre ère. Merodachbaladan. p. Fr. Lenormant.—въ сго: Les premières civilisations. 1874. v. II, p. 204, 205. (Перепечатка изъ «Correspondant» mai et juin 1873).

²⁾ Annales des rois d'Assyrie, traduites et mises en ordre sur le texte Assyrien par Joachim Méhan, Paris 1874.

отъ начала XVIII до исхода VII столѣтій до Р. Х.,— что позволяетъ намъ прослѣдить исторію возвышенія ассирійской монархіи почти отъ начала ея до ея паденія. Лѣтописи ассирійскія бросаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣтъ и на древнѣйшую исторію всей передней Азіи, доселѣ остававшуюся намъ почти неизвѣстною.

Названный нами выше ученый Джорджъ Смитъ, разбирая и принося въ порядокъ плитки Сардананаловой библіотеки, нашелъ фрагменты цѣлой эпопеи вавилонской о подвигахъ древняго героя, имя коего не могло еще быть прочитано, такъ какъ оно выражено идеограммою.

Полагаютъ, по нѣкоторымъ признакамъ, что подъ этою идеограммою скрывается, быть можетъ, имя библейскаго „сильнаго звѣролова“ Нимрода, преданіе о которомъ входило, какъ теперь извѣстно, въ циклъ вавилово-ассирійскихъ легендъ. Такъ Ассурбанипаль (Сардананалъ), въ одной изъ своихъ надписей, городъ Ресенъ, построенный, по свидѣтельству Библіи, Нимродомъ, называетъ „городомъ звѣролова“. Мы должны сдѣлать здѣсь оговорку. Въ русскомъ переводѣ книги Бытія (X, 9—12) сказано: „Царство его (Нимрода) началъ составляли: Вавилонъ, Эрехъ, Аккадъ и Халне, въ землѣ Сенааръ. Изъ этой земли вышелъ Асуръ и построилъ Ниневію, Реховоиръ, Калахъ и Ресенъ“. По смыслу еврейскаго оригинала можно перевести это мѣсто и такъ: „изъ сей земли (то-есть, Сенаара) вышелъ (Нимродъ) *въ Ассуръ*“, то-есть, въ Ассирію и построилъ тѣ четыре города (въ томъ числѣ—Ресенъ),—такъ какъ по духу семитическихъ нарѣчій одно и то же имя *Ассуръ* служило для обозначенія лица, происшедшаго отъ него народа и занимаемой послѣднимъ области. Второй переводъ представляется даже болѣе точнымъ, нисколько не опровергая существованія Асура, какъ историческаго лица;—такъ какъ въ той же X главѣ (ст. 22) вл. Бытія Асуръ названъ вторымъ изъ шести сыновей Сима, и слѣдовательно, какъ *сынъ* старшаго сына Ноева, онъ могъ поселиться съ своимъ родомъ въ странѣ названной по его имени, прежде прибытія сюда Нимрода, *внука* Хамова, который „изъ Сенаара, гдѣ было начало его царства, вышелъ въ Ассирію“ уже какъ завоеватель. Самое выраженіе „начало его царства“ указываетъ на дальнѣйшее разширеніе его путемъ завоеваній. Нимродъ является такимъ образомъ противникомъ азіатскихъ завоевателей. Замѣчательно, что герой эпопеи названъ царемъ четырехъ городовъ, изъ коихъ два, по крайней мѣрѣ, Вавилонъ и Эрехъ, входятъ въ числѣ тѣхъ четырехъ городовъ, которые, по свидѣтель-

ству Библии, составляли „царство Нимрода вначалѣ“ ¹⁾. Во всякомъ случаѣ рѣчь идетъ о лицѣ, жившемъ въ XVII ст. или ранѣе. Въ этой вавилонской эпопеѣ, относящейся слѣдовательно ко времени до Моисея, включено любопытное повѣствованіе о потопѣ, сходное съ вавилонскою легендою Бероза и живо напоминающее библейскій разказъ.

Безсмертный старецъ Сисиоръ, извѣстный и изъ легенды Бероза, такъ, между прочимъ, разказываетъ здѣсь герою эпопеи о потопѣ, въ которомъ онъ (Сисиоръ) былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

„Мнѣ внимающему онъ (богъ) сказалъ: Сдѣлай себѣ большое судно въ (столько-то) локтей длины, (столько-то) ширины и высоты. Я истреблю грѣшниковъ. Возьми съ собою сѣмя жизни всѣхъ животныхъ для сохраненія ихъ“. Я понялъ, и сказалъ Господу моему: Господь мой, что ты повелѣлъ, я исполню...

„Все, что было у меня сѣмени жизни я собралъ и ввелъ въ судно, — домочадцевъ моихъ мужскаго и женскаго пола, домашнихъ и дикихъ животныхъ.

„Самасъ (богъ солнца) сказалъ: я пошлю дождь съ неба обильно. Войди въ судно и запри дверь“.

„Онъ произвелъ наводненіе и сказалъ, говори почью: я пошлю дождь съ неба обильно“.

„Въ день, назначенный имъ, я устранился, я вопель внутрь судна и заперъ дверь.

„Утромъ поднялась яростная буря, широко простираясь отъ края горизонта. Бинъ ²⁾ (богъ бури) загремѣлъ посреди неба. Духи-разрушители понесли по горамъ и долинамъ, опустошая землю. Наводненіе Бина достигло неба, блестящая земля обратилась въ пустыню; смыло поверхность земли. Оно (наводненіе) истребило все живущее съ лица земли. Братъ не увидѣлъ болѣе брата. Оно пощадило народа.

„Я носился по морю. Всякій творившій зло и все племя человеческое, обратившееся ко грѣху, — какъ тростникъ носился по водѣ тѣла ихъ.

„На двѣнадцать локтей оно (судно) поднялось надъ поверхностью земли.

¹⁾ Кн. Бытія, X, 9—12.—*Lenormant*, Le déluge et l'épopée babylonienne, в. его Premières civilisations v. II, p. 19—21.

²⁾ Или «Вуль», по другому чтенію.

„На горѣ Низиръ остановилось судно.¹⁾ „На седьмой день я выпустилъ голубя. Онъ полетѣлъ; искалъ, но не нашелъ мѣста покоя, и возвратился. Я выпустилъ ласточку. Она полетѣла, искала, но не нашла мѣста покоя, и возвратилась. Я выпустилъ ворона. Онъ полетѣлъ, увидѣлъ трупы на водахъ, клевалъ ихъ, отлетѣлъ далеко и не возвратился. Я выпустилъ животныхъ на всѣ четыре вѣтра. Я совершилъ возліаніе, я воздвигъ жертвенникъ на вершинѣ горы“²⁾.

Появленіе въ Лондонѣ, въ 1872 г., англійскаго перевода этой эпонеи съ ея разказомъ о потопѣ произвело сильное и весьма понятное впечатлѣніе въ странѣ, столь интересующейся всѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ Библіи, и имя Смита сразу приобрѣло знаменитость. Большой англійскій журналъ *Daily Telegraph*, соревнующемуся американскому *New-York Herald*, отправившему Стэнли отыскивать Ливингстона, послалъ въ концѣ 1873 г. на свой счетъ Смита, производить раскопки въ Ассиріи и Халдеи; результатомъ трудовъ этого ученаго была находка на мѣстѣ Сарданапалова дворца многихъ новыхъ плитокъ съ надписями (свыше 2.000) въ томъ числѣ еще нѣсколько фрагментовъ о потопѣ³⁾. Плоды своихъ послѣднихъ изысканій, Джорджъ Смитъ издалъ въ настоящемъ году подъ заглавіемъ: „Халдейское повѣствованіе о Бытіи, заключающее въ себѣ фрагменты разказовъ о твореніи, о грѣхопадѣніи, потопѣ, Вавилонскомъ столпотвореніи, Нимродѣ, времени патриарховъ и пр., заимствованныхъ изъ клинообразныхъ надписей“⁴⁾.

Наконецъ въ нынѣшнемъ же году появилась „Ассирійская хрестоматія“, составленная Фридрихомъ Деличемъ и заключающая въ себѣ наиболѣе любопытные отрывки ассирійской письменности въ

¹⁾ Горы Низиръ, какъ видно изъ другихъ надписей, находились въ Арменіи (см. *Lenormant*, *Prem. civilis*. II, 40).

²⁾ См. *Chaldean account of the Deluge etc. by G. Smith*. London. 1872. 1 v. 3—4. Fr. *Lenormant*, *Prem. civilis*. 1874. v. II. *Le déluge et l'épopée babylonienne* p. 8. 32—42.

³⁾ *Lenormant*, *Prem. civilis*. II, 4. *Transactions of the Society of Biblical Archaeologie*, vol. III London. 1874. p. 446—464, account of recent excavations and discoveries made on the site of Nineveh. By *George Smith*.

⁴⁾ *The chaldean account of Genesis, containing the description of the creation, the fall of man, the deluge, the tower of Babel, the times of Patriarches and Nimrod; babylonian fables and legends of the Gods; from the cuneiform inscriptions. By George Smith*. London. 1876. — Въ сентябрѣ этого года Д. Смитъ скончался на возвратномъ пути изъ своего путешествія по Востоку.

подлинникѣ, съ присоединеніемъ необходимыхъ пособій для чтенія текста, — объясненія произношенія, болѣе употребительныхъ идеограммъ и т. п. ¹⁾), — чѣмъ открыть легкій доступъ къ ассирійскимъ клинообразнымъ надписямъ, разбѣяннымъ доселѣ въ разныхъ дорогахъ изданіяхъ.

На этомъ мы остановимся. Мы желали лишь указать на одно изъ замѣчательнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ открытій нашего времени и важное значеніе его для исторіи Востока вообще и для ветхозавѣтныхъ событій, быть можетъ, въ особенности. Въ клинообразныхъ надписяхъ встрѣчаются многочисленныя указанія на мѣста, лица, событія, упоминаемыя въ Библии. Отсюда сама собою являлась мысль сличить историческую часть Библии съ данными клинообразныхъ надписей, тамъ гдѣ къ тому представлялась возможность. Первый значительный опытъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ Эбергардомъ Прадеромъ, по строго-научной системѣ, въ изданномъ имъ, въ 1872 году, трудѣ: „Клинообразныя надписи и Ветхій Заветъ“ ²⁾). Оказалось, что въ цѣломъ клинообразныя надписи подтверждаютъ, поясняютъ, мѣстами дополняютъ библейскій разказъ.

Съ тѣхъ поръ прочитаны были новыя надписи, имѣющія прямое отношеніе къ первымъ главамъ книги Бытія, о чемъ сейчасъ упомянуто было нами.

При быстрыхъ успѣхахъ, какія дѣлаетъ ассиріологія, можно надѣяться, что съ каждымъ годомъ запасъ прочитанныхъ надписей будетъ умножаться; и тогда, быть можетъ, историческая часть Библии, подвергающаяся въ настоящее время нападкамъ, предстанетъ въ новомъ свѣтѣ, совершенно неожиданно подтвержденная древнимъ свидѣтельствомъ вавилоно-ассирійскихъ письменъ.

Нельзя не пожелать этого въ интересахъ истины. Вотъ что придаетъ изученію вавилоно-ассирійской письменности, по нашему мнѣнію, высокій современный интересъ.

¹⁾ Assyrische Lesestücke nach den Originalen revidirt, theils zum ersten Male herausgegeben von Dr Friedl. *Delitzsch*. Leipzig, 1876. 66 s. in 4-o.

²⁾ Die Keilinschriften und das Alte Testament, von *Eberhard Schrader*. Giessen. 1872.

Н. Астафьевъ.

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ИНДІИ.

Брахмансты.

I.

Брахманизмъ, новая индійская секта действъ, возникла въ началѣ настоящаго столѣтія въ Бенгаліи среди лицъ, получившихъ европейское образованіе, знакомыхъ съ англійскою литературою и ученіемъ корана. Исторія ея начинается съ Рамъ-маханъ-роя (1774—1833 гг.), брахмана высоко образованнаго и богато одареннаго отъ природы. Онъ родился въ области Бурдванъ, въ городѣ Радханагарѣ. Отецъ его, человекъ очень богатый и занимавшій официальное положеніе при мусульманскихъ властителяхъ, задумалъ дать сыну такое образованіе, какое тогда требовалось въ Индіи отъ туземцевъ, желающихъ поступить на правительственную службу. Съ этою цѣлью молодой Рамъ-маханъ-рой былъ отправленъ въ Патну, для изученія арабскаго и персидскаго языка. Здѣсь, читая коранъ, Аристотеля и Евклида въ арабскихъ переводахъ, онъ сталъ задумываться о смыслѣ окружавшаго его идолопоклонства. Позднѣе отецъ послалъ его въ Бенаресъ изучать санскритскій языкъ; изученіе священной индійской литературы дало результаты, совершенно неожиданные отцомъ и всею семьею. На шестнадцатомъ году Рамъ-маханъ-рой выступилъ съ полемическимъ трактатомъ противъ родной религіи. Эта выходка глубоко оскорбила отца, строгаго Индуса; между нимъ и сыномъ произошло охлажденіе, онъ запретилъ сыну возвращаться домой. Рамъ-маханъ-рой отправился путешествовать. Четыре года странствій онъ употребилъ на ближайшее ознакомленіе съ различными религіями, извѣздилъ всю сѣверную Индію и заходилъ даже въ Тибетъ. Наконецъ, настоянія матери убѣдили отца; старикъ простилъ сына и призвалъ его къ себѣ. На двадцать-второмъ году Рамъ-маханъ-рой сталъ

учиться англійскому языку, которымъ впоследствии владѣлъ въ совершенствѣ; его важнѣйшіе трактаты написаны по-англійски. Вскорѣ по возвращеніи домой онъ поступилъ на службу Остъ-Индской компаніи, на которой и состоялъ до 1814 года. Въ этомъ году онъ оставилъ службу и переѣхалъ въ Калькутту, гдѣ предавался осуществленію своихъ завѣтныхъ плановъ. Въ Калькуттѣ онъ прожилъ до 1831 года; здѣсь написаны имъ были важнѣйшія изъ его сочиненій, какъ по религіознымъ, такъ и по социальнымъ вопросамъ.

Въ это время Англичане задумали уничтожить извѣстное индусское установленіе, *сати*, то-есть, сожиганіе вдовъ; реформа эта встрѣтила сильную оппозицію въ мѣстномъ обществѣ, и особенно между брахманами. Рамъ-маханъ-рой, человѣкъ независимый по своему положенію и богатству, не состоя уже болѣе на службѣ англійскаго правительства, объявилъ себя его сторонникомъ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, появившемся еще до уничтоженія жестокаго обычая, онъ пишетъ, обращаясь къ защитникамъ сожиганія вдовъ. слѣдующее: „Недостатки, которые вы приписываете женщинамъ, не природою вкоренены въ ихъ характеръ, а потому было бы весьма преступно, вслѣдствіе одной предосторожности, осуждать этотъ полъ на смерть. Приписывая женщинамъ всякаго рода неприличное поведеніе, вы, дѣйствительно, съ успѣхомъ убѣдили индійское общество, смотрѣть свысока на нихъ, какъ на существа презрѣнныя и зловредныя, и оттого онѣ были подвержены постояннымъ бѣдствіямъ. По этому поводу я имѣю сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Вообще женщины физически слабы и менѣе энергичны, нежели мужчины; вслѣдствіе того, мужчины общины, воспользовавшись ихъ тѣлесною слабостью, стали отрицать у женщинъ тѣ высокія достоинства, на которыя онѣ имѣютъ притязанія по природѣ; и затѣмъ они были готовы говорить, что женщины, по своей природѣ, не способны пріобрѣсти эти способности. Но по зрѣломъ обсужденіи вопроса, легко удостовѣриться, согласуется или нѣтъ ваше обвиненіе съ истинной. Что касается до ихъ низшаго пониманія, когда вы честно давали имъ случай выказывать природныя способности? Какъ же вы можете обвинять ихъ въ недостаткѣ пониманія? Если лицо, которому передавалось знаніе и мудрость, не можетъ обнять и удержать всего того, что ему передавалось, такое лицо мы можемъ считать недостаточно умнымъ; но такъ какъ вообще вы лишаете женщинъ воспитанія и познанія, а потому, по справедливости, вы не можете объявлять ихъ низшими. Вы обвиняете ихъ въ недостаткѣ

рѣшительности, и я очень удивленъ этимъ; ибо не безпрестанно ли видимъ мы въ странѣ, гдѣ слово „смерть“ заставляетъ содрогаться мужчину, женщина, отъ крѣпости духа, предлагаетъ себя на сожженіе вмѣстѣ съ тѣломъ ся умершаго мужа; и все-таки вы обвиняете этихъ женщинъ въ недостатокѣ рѣшительности!“ (The last days in England of the Rajah Rammohun Roy. Calcutta. 1866), стр. 87. Эта важная реформа и многія другія были проведены правительствомъ не безъ содѣйствія Рамъ-маханъ-роя. Къ нему обращалось ость-индское правительство постоянно за разъясненіями по разнымъ вопросамъ, какъ въ Индіи, такъ и въ Англіи, куда онъ поѣхалъ въ 1831 году, и гдѣ умеръ въ 1833 году, въ Бристолѣ.

Рамъ-маханъ-рой, находясь постоянно въ сношеніяхъ съ Англичанами, поддерживая правительство во всѣхъ прогрессивныхъ начинаніяхъ, остался при всемъ томъ Индусомъ, не сдѣлался христіаниномъ, не лишился своей касты и не порвалъ связей съ роднымъ обществомъ, въ которомъ у него было болѣе враговъ, нежели друзей. Онъ стоялъ на рубежѣ между старымъ и новымъ и искалъ оправданія и поддержки своимъ новымъ начинаніямъ въ древнихъ индійскихъ книгахъ. Эта смѣсь новаго, не индійскаго, съ старыми предразсудками поражала его современниковъ; онъ писалъ, напримѣръ, слѣдующее: „Изъ личнаго опыта я выношу убѣжденіе, что чѣмъ болѣе будетъ общенія между нами и Европейцами, тѣмъ болѣе будетъ успѣха въ литературныхъ, общественныхъ и политическихъ дѣлахъ“ (ibid., стр. 99). Но въ то же время онъ держался нѣкоторыхъ предписаній касты: ни разу не пообѣдалъ съ Европейцемъ, хотя и сживалъ за обѣдами Европейцевъ. Стараясь всею душой о распространеніи деизма въ Индіи, онъ завелъ въ своемъ домѣ общество Брахмасабха (божье общество); въ этомъ обществѣ изучались, между прочимъ, и веды, но въ отдѣльной комнатѣ и въ присутствіи однихъ брахмановъ, остальные члены общества не допускались туда; можетъ быть, это и было причиною того, что брахмансты такъ долго искали въ ведахъ деизма.

Рамъ-маханъ-рой не написалъ ни одного сочиненія, въ которомъ излагались бы его вѣрованія вполне и систематично; но онъ издалъ многіе переводы древнихъ санскритскихъ философскихъ трактатовъ (упанишадъ) съ болѣе или менѣе обширными предисловіями и напечаталъ нѣсколько антологій, напримѣръ: „Selections from several books of the Vaidanta“. Такой родъ сочиненій всего ближе подходилъ къ его задачѣ, какъ онъ ее понималъ: „Ни въ одномъ изъ моихъ сочи-

неній или въ словесныхъ разсужденіяхъ“, говоритъ онъ, — „я не притязалъ на преобразование или открытіе ученія о единствѣ Бога, а также не принималъ я названіе реформатора или открывателя; чуждый такимъ притязаніямъ, въ каждомъ обнародованномъ мною трудѣ и настаивалъ, что ученіе о единствѣ Бога есть настоящій хиндуизмъ, какъ эта религія понималась нашими предками, и какъ она извѣстна и въ настоящее время многимъ ученымъ брахманами“ (A Defence of Hindoo Theism, стр. 2). Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій, онъ утверждаетъ, что не только веды, но и пураны, тантры суть „састры“, то-есть, книги священныя, и ихъ изреченія для него имѣютъ значеніе авторитета. Онъ деиствъ, потому что, по его словамъ, „тексты ведъ единогласно доказываютъ божественность того существа, которое внѣ пониманія и превыше всякаго описанія“ (Preface to the translation of the Ishopanishad, стр. 1). Правда, „веды, пураны, тантры очень часто утверждаютъ множество боговъ и богинь... но эти мѣста пужно понимать въ иносказательномъ смыслѣ“ (ibid., стр. 4)... „Я“, говоритъ онъ о себѣ, — „былъ первый указавшій безсмысленность идолопоклонства и настаивавшій на необходимости чистаго божественнаго служенія, предписываемаго ведами, смрити и пуранами“.

Сильно нападая на идолопоклонство своихъ соотечественниковъ, Рамъ-маханъ-рой рисовалъ мрачными красками ихъ современную религію: „Индійцы нашего времени крѣпко вѣрятъ въ дѣйствительное существованіе многочисленныхъ боговъ и богинь, изъ коихъ каждый обладаетъ полною и независимою мощью въ своей области; для умиловленія ихъ, а не истиннаго Бога, воздвигаются храмы, свершаются обряды... На образъ боговъ они взираютъ не только какъ на средство возвысить умъ до уразумѣнія этихъ предполагаемыхъ существъ; образъ суть сами по себѣ предметы почитанія; ибо всякій Индусъ, купившій на базарѣ идола, или создавшій его своими руками, или заставившій подъ своимъ наблюденіемъ соорудить таковой, не уклонится отъ обычая свершать обряды, называемые *Prākṣ-pratishthā* или „дарованіе дыханія“; чрезъ эти обряды, онъ вѣруеть, природа идола становится отличною отъ матеріала, изъ котораго онъ былъ созданъ; идолъ не только оживаетъ, но и начинаетъ обладать сверхъестественными силами. Чрезъ короткое время послѣ того, если идолъ мужскаго пола, его женятъ на идолѣ женскаго пола, съ торжественностью и великолѣпіемъ не меньшими, чѣмъ при празднованіи брака собственныхъ дѣтей. Тайственный процессъ этимъ за-

канчивается; богъ и богиня начинаютъ считаться полновластными заправителями судебъ и постоянно пользуются пламеннымъ обожа-ніемъ. Въ то же самое время поклонникъ образовъ приписываетъ имъ за одно природы человѣка и сверхъестественныхъ существъ. Заботясь о ихъ предполагаемыхъ потребностяхъ, какъ живыхъ существъ, каждое утро и вечеръ, онъ видимо кормитъ или предполагаетъ, что кормитъ ихъ; какъ въ жаркое время онъ заботливо опахиваетъ ихъ, такъ въ холодное, одинаково внимательный къ ихъ удобствамъ, днемъ прикрываетъ идола теплыми одѣянiями, а на ночь кладетъ въ уютную кровать. Суевѣріе еще не здѣсь находитъ свой предѣлъ: о дѣйствiяхъ, рѣчахъ идоловъ, объ принятiи ими различныхъ формъ и цвѣтовъ важно разказываютъ брахманы, оболщенные же поклонники. крѣпко, со всѣми знаками почтенiя, вѣруютъ въ это (*ibid.*, стр. 8). „Много ученыхъ брахмановъ вполне сознаютъ безразсудство идолопоклонства и очень хорошо знаютъ природу болѣе чистаго богопочитанiя. Но такъ какъ въ обрядахъ, церемонiяхъ и празднествахъ они обрѣтаютъ источникъ своихъ удобствъ и богатства, то не только не упускаютъ случая защищать идолопоклонство отъ нападковъ, но и поддерживаютъ и распространяютъ его всѣми силами, скрывая отъ остальнаго народа знанiе писанiя“ (*ibid.*, стр. 6).

Его изданiя, не смотря на свою малую притязательность, производили сильное впечатлѣніе и сразу вызвали сильную оппозицію, подъ знамя которой соединились всѣ доселѣ разъединенные члены индiйскаго общества. Его не столько старались опровергать, сколько запугать; были даже покушенiя на его жизнь. Родственники удалились отъ него; мать, плохо понимая его замыслы, ушла въ Пури, гдѣ и умерла, скорбя о пропавшей душѣ любимаго сына, который слылъ между Индусами нигилистомъ (настика), человѣкомъ безбожнымъ, стремящимся къ разрушенiю религiи и всего того, во что твердо должно вѣровать; а между тѣмъ онъ не отказывался отъ брахманизма, и не хотѣлъ его разрушенiя, — онъ желалъ только, чтобъ его сограждане возвратились къ ихъ же родному, но болѣе древнему ученiю. Не менѣе, едва ли не болѣе раздражены были противъ него мѣстные миссіонеры. Рамъ-маханъ-рой, не бывъ христiаниномъ, но зная еврейскій и греческiй языки, прочелъ и Библию, и Евангеліе въ подлинникахъ. Какъ результатъ своихъ запятiй Священнымъ Писанiемъ, онъ издалъ въ 1820 году: „The precepts of Jesus the Guide to Peace and Happiness“. Эта книга вызвала яростныя нападки со стороны христiанскихъ проповѣдниковъ, хотя брахманъ и относился съ глубокимъ и пол-

нымъ уваженіемъ къ практической сторонѣ христіанства, высоко чтили нравственное содержаніе Библіи и не сомнѣвался, что Библія есть одинъ изъ возвышеннѣйшихъ, чистѣйшихъ кодексовъ. И такихъ воззрѣній онъ держался до конца жизни.

У него были однакожь и послѣдователи, люди, раздѣлявшіе его воззрѣніе на религиозное состояніе Индіи. Изъ нихъ и образовалось въ 1828 году „божье общество“. Это общество собиралось еженедѣльно по средамъ, вечеромъ. Тутъ читались и объяснялись древнія ведантическія (философскія) произведенія; произносились проповѣди на бенгальскомъ языкѣ. Происходили пренія по вопросамъ религиознымъ и нравственной философіи. Собранія были открыты для людей всѣхъ религій и всякій разъ заканчивались пѣніемъ гимновъ, сочиненныхъ самимъ Рамъ-маханъ-роемъ или его друзьями. Общество занималось также изданіемъ небольшихъ сочиненій по вопросамъ религіи и нравственной философіи; печатало древнія санскритскія философскія (ведантическія) произведенія. Дѣятельность общества хотя и оставалась въ этихъ узкихъ предѣлахъ, но возбуждала сильное негодованіе между Индусами-старовѣрами; ихъ раздражало, что судры и млечхи слушаютъ слова святаго писанія и вмѣстѣ съ брахманами призываютъ святое имя Брахмы и молятся ему. Непріязнь старовѣровъ къ Рамъ-маханъ-рою усилилась еще болѣе, когда онъ высказался, что отъ чтенія Библіи въ туземныхъ школахъ онъ ожидаетъ много добра для своихъ соотечественниковъ и не видитъ въ этомъ никакого зла.

Въ юные годы умъ его былъ пораженъ зломъ, проистекающимъ отъ слѣпой и слишкомъ большой вѣры; въ пору полной зрѣлости онъ видѣлъ, какъ въ Бенгаліи находилась партія юныхъ скептиковъ, отказавшихся отъ старой вѣры и не замѣнившихъ ее никакою новою; ихъ онъ чуждался болѣе, нежели самихъ суевѣрныхъ старовѣровъ, считая принципы юной Бенгаліи пагубою для всякой нравственности.

Десять лѣтъ по смерти Рамъ-маханъ-роя „божье общество“ перестало существовать, не дѣлая никакихъ успѣховъ; это было самое глухое время его жизни; оно поддерживалось на пожертвованія друзей покойнаго учителя, но въ его средѣ не было животворящей силы, и казалось, ему суждено умереть раннею смертію. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ главѣ общества не стали новыя способнѣе дѣятели. Изъ нихъ особенно выдаются двое и оба они — Дебендра Натхъ Тагоръ и Кешабъ-Чандеръ Сенъ—до сихъ поръ живы.

Дебендра Натхъ Тагоръ родился въ 1818 году и принадлежитъ

къ кастѣ Нирали Брахмановъ ¹⁾). Отецъ его Дварканатъ Тагоръ былъ извѣстенъ въ индійскомъ обществѣ и торговомъ мірѣ подъ именемъ восточнаго Креза. Молодой Дебендра воспитывался среди великой роскоши. О юныхъ годахъ своей жизни и своемъ обращеніи онъ самъ повѣствуетъ въ одной проповѣди; она начинается такъ: „Если въ этомъ храмѣ Бога есть кто-либо, жаждущій праведности и истинной мудрости, если здѣсь есть кто-либо искренно и ревностно ищущій спасенія, тому я говорю: прими спасительныя истины „божія закона“ (брахма Дхарма)..... Я проповѣдую не сухую доктрину, выработанную изъ книгъ, а живую истину, выработанную среди торжественной дѣйствительности моего собственнаго опыта. Я объявляю то, что глубоко чувствую, а не то только, что я знаю. Для меня это — искренное убѣжденіе, а не холодный, безжизненный богословскій догматъ; для меня это — верховная истина всей моей духовной жизни, а не логическій выводъ изъ моихъ умственныхъ исканій. Изъ внутреннѣйшей глубины сердца я говорю: если вы ищете спасенія, идите и пріймите чистую вѣру „божія закона“. Софизмы не могутъ потрясти, антогонизмъ міра не можетъ уничтожить этой драгоценной тайны моей жизни..... Вся моя исторія представляетъ поразительное свидѣтельство о спасительномъ дѣйстви чистоты вѣры. Рожденный отъ богатыхъ родителей, воспитанный въ домѣ полномъ всякаго избытка, среди царственной роскоши, пышности и великолѣпія, я выросъ безъ всякой мысли о Богѣ. Свѣтъ обильно изливалъ на меня свои почести и блага. Когда я искалъ удовольствія, неизчислимые наперсники стремились на мою службу; если меня смущало желаніе, на его удовлетвореніе текли деньги, какъ непрерывный морской приливъ; когда я жаждалъ роскоши, тысячи средствъ и способовъ, подчиненныхъ царственному имуществу или изыскиваемыхъ силою, мгновенно являлись къ моимъ услугамъ. Рѣдко я видывалъ препятствіе между желаніемъ и пользованіемъ. Мнѣ нужно было только издать приказъ, выразить желаніе, и являлось немедленное удовлетвореніе. Изобиліе и покой припесли съ собою искушенія, и мое слабое сердце стало ихъ добычей. Я заботился только о наслажденіи настоящими мгновеніями и мало думалъ о томъ, что будетъ за тѣмъ. Свѣтъ очаровалъ меня своими прелестями, и я служилъ ему

¹⁾ Объ этой кастѣ см. Memoir of Dwarkanath Tagore. Calcutta. 1870, стр. 3. Одинъ изъ предковъ фамиліи женился на царевнѣ изъ касты судра. Отъ этого брака и произошла новая каста.

какъ рабъ. Я предался чувственности и не внималъ святимъ внутреннимъ увѣщаніямъ. Я отрѣшилъ совѣсть отъ ея высокаго служенія и на ея мѣсто возвелъ свою причудливую волю. Въ лихорадочномъ возбужденіи моего свѣтскаго поприща я распутно и несдержанно презиралъ религію, нравственность и не внималъ имъ. Опьяненный удовольствіями плоти, не внималъ духовнымъ потребностямъ, мертвъ для совѣсти и Бога, такъ я прожилъ пять лѣтъ, съ шестнадцатаго года по двадцатый. И было угодно Господу открыть мнѣ свою любящую доброту чудеснымъ и неизъяснимымъ образомъ. Совершенно случайно было вмѣшательство Промысла въ спасеніе моеѣ души, и вполнѣ не приготовленъ былъ я къ этой благовременной помощи. Однажды, въ пору семейнаго бѣдствія, когда я, изнемогая и сѣтуя, лежалъ въ уединеніи, Господь Славы открылъ Самого себя въ моемъ сердцѣ; такъ всецѣло очаровалъ Онъ меня и смягчилъ мое сердце и душу, что нѣкоторое время я продолжалъ быть восхищеннымъ—погруженнымъ въ потокъ небснаго сіянія. Мїръ виѣшній и мїръ внутренній, казалось, оба купались въ сладостномъ и ясномъ потоцѣ небснаго блеска..... Долго я пребывалъ въ этомъ блаженномъ экстазѣ, широко упиваясь сладостью божественнаго общенія; ни временныя заботы, ни безпокойства не осмѣливались прервать этого сладкаго блаженства. Но радость была проходящая. Воспарившее сердце и переполненная душа постепенно осѣдали. И еще разъ я очутился въ моемъ уединенномъ и печальномъ положеніи; блуждающими взорами взглянулъ я на пасмурный мїръ кругомъ.... Такъ началась въ моеѣ душѣ великая борьба ради прогресса.... Дни, недѣли, мѣсяцы, годы проходили,—моѣ душа продолжала быть сценою непрерывной борьбы между страстями и совѣстью, между мракомъ и свѣтомъ, между мїромъ и Богомъ..... Съ Его святою помощію я вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы и испытанія, преодолѣлъ искушенія, осаждавшія мой путь, очистилъ душу отъ неправды, накопившейся за прошлую жизнь.... Божій законъ (Брахма Дхарма), какъ добрая мать, наполнилъ мой умъ спасительными истинами, мое сердце любовью къ Богу, и помогъ мнѣ исполнять, многообразныя жизненныя обязанности... Я повторяю поэтому вразумительно, поддерживаемый поразительнымъ свидѣтельствомъ собственнаго опыта: да приметъ тотъ, кто ищетъ спасенія, истинную и спасительную вѣру Божія закона¹⁾).

¹⁾ *The Theistic Annual*, January, 1872.

Къ „божьему обществу“, нынѣ называемому Брахма самажъ. Д. Н. Тагоръ присоединился только въ 1842 году. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, именно въ октябрѣ 1839 года, онъ учредилъ „общество для познанія истины (Tattvabodhini sabhâ). Цѣль этого общества была такова: поддержать дѣятельность умершаго Рамъ-маханъ-роя, то-есть, стараться о постепенномъ распространеніи между туземцами монотеистическаго богопочитанія, предписываемаго первоначальными индійскими писаніями. Общество собиралось еженедѣльно въ домѣ Дебендра Натха; при этомъ произносились проповѣди; сверхъ того, были и мѣсячныя собранія, на которыхъ, кромѣ произнесенія молитвъ, читались и объяснялись Упанишады. При обществѣ учреждена была школа; она просуществовала нѣсколько лѣтъ и была закрыта, за недостаткомъ средствъ на ея содержаніе. Въ 1843 году общество соединилось съ прежде основаннымъ „божьимъ обществомъ“; мѣсячныя собранія обоихъ обществъ происходили одновременно и въ одномъ мѣстѣ; но „общество для познанія истины“ продолжало отдѣльно свою издательскую дѣятельность; издавало ежемѣсячный журналъ (*Tattvabodhini Patrika*), печатало Упанишады и новыми изданіями сочиненія Рамъ-маханъ-роя. Въ обоихъ обществахъ не было пока опредѣленной организаціи; члены занимались ведантическою философіей и ничѣмъ не отличались, какъ отдѣльная, самостоятельная секта. Необходимость выяснить и формулировать то, чтò составляло особенность общества какъ секты, чувствовалась всѣми членами, и Д. Н. Тагоръ взялся написать и дѣйствительно приготовилъ „брахманическій завѣтъ“; онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ заповѣдей, предписывающихъ отказаться отъ идолопоклонства, чтить единого Бога и жить добродѣтельно. Въ декабрѣ 1843 г. Дебендра Натхъ Тагоръ и двадцать его друзей торжественно исповѣдывали свою вѣру, согласно съ этимъ завѣтомъ; они и образовали ядро брахманической общины; въ 1847 году число принявшихъ завѣтъ возросло уже до 767.

Вскорѣ послѣдовало другое важное измѣненіе въ молодомъ обществѣ; брахманисты и ранѣе ихъ Рамъ-маханъ-рой постоянно толковали о ведахъ, какъ о непогрѣшимомъ словѣ Бога. Неизвѣстно, на сколько Рамъ-маханъ-рой зналъ веды; относительно же новыхъ членовъ общества не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они не только не читали ведъ, но даже не видѣли полнаго ихъ собранія, такъ какъ такого не имѣлось въ то время въ Калькуттѣ. Въ 1845 г. общество отправило четырехъ пандитовъ въ Бенаресь; имъ предписано было описать четыре веды и изучить ихъ. Пандиты выполнили это пору-

ченіе добросовѣстно и привезли въ Калькутту всѣ четыре веды вполне; немного нужно было брахманамъ читать, чтобы убѣдиться, что ихъ ученіе прямо противоположно тому, что содержится въ ведахъ; но общество отказалось отъ ведъ не вдругъ и не безъ внутренней борьбы; многіе члены и послѣ знакомства съ ведами утверждали, что веды — непогрѣшимое слово Божье; но наконецъ истина взяла верхъ: на мѣсто ведъ общество признало четыре основныхъ члена теистической вѣры (brahmi dharma). Всякій вступающій въ это общество долженъ былъ приять ихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того (въ октябрѣ 1850 г.) Дебендра Патхъ Тогоръ издалъ Брахма Дхарма, то-есть, Божій законъ; эту книгу калькуттское „Божье общество“ считаетъ полнымъ изложеніемъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ зиждется ихъ вѣра; она состоитъ, кромѣ четырехъ правилъ завѣта, еще изъ изреченій, тщательно избранныхъ въ упанишадахъ и въ другихъ позднѣйшихъ санскритскихъ сочиненіяхъ. Въ 1859 г. „общество для познанія истины“ прекратило свое существованіе; все его имущество — бібліотека, типографія, журналъ, было передано въ „Божье общество“.

Другой изъ выдающихся современныхъ дѣятелей той же секты, Кешабъ-Чаудеръ Сень родился въ 1838 г. и принадлежалъ къ кастѣ Вайдья, врачей. Его дѣдъ, говорятъ, былъ въ близкихъ и даже дружескихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ оріенталистомъ Вильсономъ, но при этомъ оставался строгимъ Вишнуитомъ, и такова же была вся семья, въ которой родился К. Ч. Сень. Дома онъ росъ среди правдивѣйшихъ индусскихъ идей и въ душевной атмосферѣ обрядовъ, переполняющихъ, какъ извѣстно, всю жизнь старовѣра-Индуса. Затѣмъ онъ пошелъ въ калькуттскую Presidency College, гдѣ подъ влияніемъ англійской литературы и наукъ отрѣшился отъ стараго, научился отрицать складъ родной жизни и не вынесъ никакихъ положительныхъ убѣжденій. Но его собственнымъ словамъ, такое настроеніе владѣло и тяготѣло надъ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не присталъ въ 1858 году, къ „Божьему обществу“.

Между тѣмъ „Божье общество“ сдѣлало значительные успѣхи; новые послѣдователи считались сотнями, въ различныхъ частяхъ Бенгаліи открыты были отдѣлы общества. Но во внѣшней жизни многіе члены мало отличались отъ своихъ соотечественниковъ-старовѣровъ; случалось не рѣдко, что лица, принявшія „завѣтъ“ и „четыре члена вѣры“, свершали, не смотря на то, всѣ религіозные обряды, предписываемые индусскимъ священнымъ законоположеніемъ. Это обстоя-

тельство возмущало другихъ членовъ, державшихся болѣе крайнихъ мнѣній; молодые брахмансты созывали собранія; на нихъ обсуждалось отступничество нѣкоторыхъ, что подавало поводъ къ долгимъ и оживленнымъ спорамъ; изыскивали средства положить конецъ этому, съ точки зрѣнія теистовъ, предосудительному образу дѣйствія; но консервативная часть общества брала верхъ, старалась примирить противоположныя требованія, и въ концѣ концовъ старый порядокъ удерживался. Такъ продолжалось до вступленія въ общество К. Ч. Сена; прогрессивная часть общества пріобрѣла въ немъ смѣлаго и рѣшительнаго борца, человѣка способнаго безбоязненно проводить самыя крайнія новизны. Но въ началѣ онъ не принималъ на себя инициативы этихъ нововведеній. Отвѣтственность за первое рѣзкое нововведеніе пала на Дебендра Натха Тагора; въ іюлѣ 1861 года онъ выдалъ дочь замужъ, и бракъ свершался безъ индускихъ обрядовъ, по новому ритуалу, сочиненному брахманстами; передъ тѣмъ Дебендра Натхъ Тагоръ удалилъ изъ своего дома всѣ идолы и снялъ съ себя „*уајпоравити*“, жертвенный снурокъ, внѣшнее священное отличіе брахмана. Для обрядовъ при рожденіи и смерти былъ изданъ также новый ритуалъ. Завелась новая воскресная школа (1859—1862 гг.), въ которой преподавалась теологія и этика новой секты; Д. Н. Тагоръ читалъ на бенгальскомъ языкѣ, К. Ч. Сенъ по англійски. Около этого времени К. Ч. Сенъ издалъ рядъ брошюръ на англійскомъ языкѣ; въ нихъ излагалось ученіе новой секты примѣнительно къ пониманію юнаго возраста, а въ 1862 г. онъ же устроилъ *Calcutta-College* для воспитанниковъ младшаго возраста; школа эта просуществовала до 1868 года.

Въ 1862 году К. Ч. Сенъ былъ сдѣланъ „учителемъ“ (ачарья, то-есть, священно-дѣйствующимъ, священникомъ); при этомъ въ домѣ у Дебендра Натха Тагора былъ обѣдъ, на который К. Ч. Сенъ явился вмѣстѣ съ своею женою. Въ глазахъ Индусовъ такой поступокъ былъ вящимъ скандаломъ, ибо Д. Н. Тагоръ принадлежалъ по происхожденію къ брахманамъ отлученнымъ (*Pigali*) и, сверхъ того, самъ снялъ съ себя „жертвенный снурокъ“. Отъ К. Ч. Сена отвернулась вся его семья, и онъ былъ изгнанъ изъ дому. Примиреніе между ними состоялось впрочемъ скоро. К. Ч. Сенъ опасно заболѣлъ, и ему дозволено было вернуться въ родной домъ, гдѣ послѣ того онъ пользовался полною свободой дѣйствій. Когда у К. Ч. Сена родился первый ребенокъ, *jat-karma*, обряды при рожденіи свершались по ритуалу брахманическому. Около пяти лѣтъ Д. Н. Тагоръ и К. Ч. Сенъ

дѣйствовали дружно на одномъ и томъ же поприщѣ; но мало по малу между ними сталъ сказываться разладъ, вслѣдствіе неодинаковости взглядовъ на нѣкоторые частныя вопросы; ридомъ взаимныхъ уступокъ они сумѣли протянуть совмѣстную дѣятельность до 1864 г. Въ этомъ году несходство возрѣнія повело къ полному разрыву между двумя главными дѣятелями, и какъ слѣдствіе этого, явился расколъ въ самой сектѣ. Главнѣйшимъ поводомъ къ разпогласіямъ были два обстоятельства, случившіяся около этого времени: Д. Н. Тагоръ, снявшій самъ „жертвенный спурокъ“, допускалъ однакожь священподѣйствовать въ „Божьемъ обществѣ“ такихъ лицъ, которыя уорно держались за это внѣшнее отличіе высшей касты въ Индіи; многіе не отказывались отъ жертвеннаго спурка не вслѣдствіе религіозныхъ убѣжденій, а потому, что усматривали въ этомъ внѣшнемъ признакѣ нѣкоторое общественное отличіе; для многихъ, особенно же для невѣрующихъ, „жертвенный спурокъ“ имѣлъ значеніе и цѣнность, одинаковую съ наисю дворянскою короною, выставляемою на визитныхъ карточкахъ; посившій спурокъ принадлежалъ необходимо къ одной изъ высшихъ кастъ и не отказывался отъ него вслѣдствіе мелочнаго тщеславія, а не потому, чтобъ еще колебался въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. К. Ч. Сенъ относился къ „жертвенному спурку“ со всею строгостью и нетерпимостью неудержимаго прогрессиста; онъ считалъ его позорнымъ остаткомъ индусской исключительности и требовалъ отъ всѣхъ немедленнаго и обязательнаго снятія его. Другой вопросъ, по которому главы секты не сходились во мнѣніяхъ былъ болѣе важенъ: въ октябрѣ 1864 года К. Ч. Сенъ повѣнчалъ двухъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ кастамъ; чрезъ допущеніе браконъ между всѣми кастами безъ различія, онъ думалъ достигнуть постепенно уничтоженія кастъ. Д. Н. Тагоръ считалъ такой шагъ преждевременнымъ, опаснымъ, ибо браки между разными кастами хотя и случались въ Индіи встарь, но никогда не были въ обычайхъ страны. Множество другихъ болѣе мелкихъ вопросовъ вызвали безпрестанныя столкновенія между Д. Н. Тагоромъ и его партіей съ одной стороны и К. Ч. Сеномъ и его приверженцами съ другой. Наконецъ, въ октябрѣ 1865 г. огромное число юныхъ брахманство въ покинуло калькуттское „Божье общество“ и чрезъ годъ, въ полбрѣ 1866 г., съ К. Ч. Сеномъ во главѣ они устроили новое общество, назвавъ его „индійскимъ божьимъ обществомъ“. Съ этого года въ Индіи появилось два „божьихъ общества“: одно — подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Тагора называется „первымъ“ и отличается кон-

сервативнымъ характеромъ, другое общество прогрессивное носитъ названіе „индійскаго“ и не имѣетъ предсѣдателя, ибо К. Ч. Сенъ хотя и полновластный заправитель всѣхъ его дѣлъ, считается только секретаремъ общества. Раздоры между двумя партіями не прекратились съ образованіемъ новаго общества; годы не изгладили различій между ними и повели еще къ большому разьединенію.

II.

Противъ старѣйшаго „божья общества“ партія прогрессивистовъ выставляетъ цѣлый рядъ обвиненій; она обвиняетъ консерваторовъ: 1) въ сухомъ раціонализмѣ, 2) въ національной исключительности, 3) въ удержаніи древне-индійскихъ формъ проповѣди, 4) во враждебномъ отношеніи ко всякимъ реформамъ общественнымъ, 5) въ желаніи удержать систему кастъ. Обвиненія эти высказывались путемъ печати, что и дало возможность обвиняемому, отвѣчая на нападенія, выяснить основные мотивы и отличительный характеръ своей дѣятельности. Разъясненія эти весьма любопытны, такъ какъ даны лучшими представителями либеральной Индіи, людьми, пользующимися глубокимъ уваженіемъ даже въ средѣ, не раздѣляющей ихъ мнѣній. Брахмаизмъ, по убѣжденію старѣйшаго „божья общества“, есть міровая религія; она не принадлежитъ исключительно какому-нибудь времени, избранному народу, сектѣ или личности; она не есть исключительное достояніе народовъ древнихъ или новыхъ, Индійцевъ или млековъ (варваровъ), Вьясы или Христа, Зороастра или Конфуція; истины этой религіи находятся въ писаніяхъ всѣхъ народовъ, въ сочиненіяхъ благочестивыхъ людей всѣхъ временъ и всѣхъ странъ; но будучи міровою религіей, брахмаизмъ не можетъ пока имѣть міровой формы; въ каждой странѣ онъ долженъ имѣть національную форму; пусть каждый народъ развиваетъ свободно дарованія, данныя ему отъ Бога. Наша ѣда, одежда, жизнь національны; мы чувствуемъ и мыслимъ національно. Какъ невозможно человѣку измѣнить своего цвѣта лица, также трудно ему чувствовать и думать не національно. Умъ, лишенный національной окраски, можетъ сдѣлаться таковымъ только послѣ предварительной сильной испорченности и есть уродство природы. Религіозныя мысли человѣка естественно должны принимать національные оттѣнки. Согласно съ этими воззрѣніями, сторонники Дебендра Натха Тагора, для проповѣди Теизма между Индійцами усвоили индійскій образъ дѣйствія. Съ этою цѣлью они: 1) приняли книгу избранныхъ текстовъ изъ сво-

ихъ састръ; 2) удержали на столько изъ древне-индійскаго ритуала, на сколько это не противорѣчило ихъ религіознымъ убѣжденіямъ; 3) употребляютъ при богослуженіи санскритскій языкъ. Ихъ цѣль дѣйствовать въ родномъ обществѣ, обращать Индійцевъ, главнымъ образомъ тѣхъ, которые не получили европейскаго образованія; щадя національныя чувства этого слоя общества и въ интересахъ самого дѣла они должны были дѣлать уступки; они отказались отъ индусскаго идолопоклонства, но не хотятъ порвать связь съ Индусами; ихъ цѣль—быть теистами, оставаясь въ то же время Индусами, быть народными въ своихъ міровыхъ замыслахъ. Они заботятся главнымъ образомъ объ Индійцахъ, остаются въ своихъ дѣйствіяхъ Индійцами потому что считаютъ такой путь кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ къ своей цѣли: для успѣха проповѣди среди чужого народа, нужно хорошо знать его духовныя потребности и особенности, безъ этого невозможно ожидать успѣха дѣлу. Практическая необходимость заставляетъ ихъ быть проповѣдниками единственно своего народа. Не смотря на обвиненіе въ недостаткѣ сочувствія и даже во враждебномъ отношеніи къ социальнымъ реформамъ, консерваторы заявляютъ, что цѣль ихъ общества—стараться объ уничтоженіи идолопоклонства и распространять нравственныя идеи; эта главная цѣль не мѣшаетъ и не мѣшала никогда отдѣльнымъ членамъ принимать живѣйшее участіе словомъ и дѣломъ во всѣхъ реформахъ. Они не отрицаютъ, что удерживаютъ касты, признаютъ ихъ необходимость какъ общественнаго учрежденія и не хотятъ нарушать его, дабы не оторваться окончательно отъ національной почвы. Словомъ, старѣйшее „божье общество“ остается индійскимъ и хочетъ быть таковымъ; прогрессивное же „индійское божье общество“ состоитъ исключительно изъ членовъ, понимающихъ свою задачу гораздо шире; для ихъ дѣятельности мало Индіи, они обращаются ко всему міру, проповѣдуютъ и пишутъ главнымъ образомъ по-англійски, посылаютъ даже миссіонеровъ въ Европу; свой символъ вѣры они издали на англійскомъ языкѣ. Вотъ достословный переводъ его:

Богъ: Богъ есть первая причина вселенной. Собственною волей и творческою силой Онъ создалъ изъ ничего всѣ предметы и всѣ живыя существа и поддерживаетъ ихъ въ первоначальной силѣ и жизни. Онъ — духъ, а не матерія. Онъ — совершененъ, безконеченъ и вѣченъ. Онъ — вездѣсущъ, всемогущъ, всевѣдущъ, всемилосердѣн, всеблаженъ и святъ. Онъ — нашъ отецъ, хранитель, Владыка, Царь и Спаситель. Онъ — единъ и не имѣетъ себѣ подобнаго.

Безсмертіе. Душа безсмертна. Смерть есть только разложеніе тѣла; душа живетъ вѣчно въ Богѣ. По смерти нѣтъ новаго рожденія; будущая жизнь есть только продолженіе и развитіе настоящей жизни. Каждая душа отходитъ изъ этого міра съ своими добродѣтелями и пороками и постепенно преуспѣваетъ на пути вѣчнаго совершенствованія.

Писаніе. Истинныхъ писаній, начертанныхъ рукою Бога, два: книга природы и естественныя идеи, вкорененныя въ разумѣ. Мудрость, сила и милосердіе Творца начертаны золотыми буквами во вселенной. Изучая Его дѣла, ты познаешь Его. Всѣ основныя истины о Богѣ, безсмертіи и нравственности утверждены въ природѣ чело-вѣка, какъ первичныя и очевидныя убѣжденія. Созерцательная вѣра есть корень «божьяго закона» (Брахма Дхармы).

Почитаніе. Почитаніе духовно; оно не имѣетъ внѣшнихъ обрядовъ. Любовь, вѣра, смиреніе и самообладаніе суть необходимыя составы почитанія. Почитаніе состоитъ изъ четырехъ элементовъ: *обожаніе* великаго и святаго Бога, созерцаніе Верховнаго Духа въ сокровенной душѣ, *благодареніе* милосердаго Отца за блага, полученныя, и *молитва* къ Спасителю объ освобожденіи отъ грѣха. Ежедневнымъ почитаніемъ мы входимъ въ общеніе съ Богомъ.

Пророки. Самъ Богъ никогда не дѣлается чело-вѣкомъ, облакаясь въ чело-вѣческую плоть. Его божественность обитаетъ въ каждомъ чело-вѣкѣ и выказывается болѣе ярко въ нѣкоторыхъ: Моисей, Иисусъ, Магометъ, Напакъ, Чаитанья и другіе являлись въ опредѣленные времена и даровали великія блага вѣрующему міру. Они поэтому имѣютъ право на мировую благодарность и любовь. Они не были безусловно святы и не были непогрѣшными, но были людьми одаренными.

Путь ко спасенію. Почитаніе есть главное средство къ достиженію спасенія; другія же средства также должны быть употребляемы—хорошее общество, хорошія книги, изученіе природы, созерцаніе Бога въ удивленіи, подчиненіе страстей, раскаяніе во грѣхахъ. Для спасенія необходимы стараніе чело-вѣка достигъ святости, согласно съ вышеозначенными средствами, и вліяніе Божьей благодати.

Отношеніе къ другимъ вѣрамъ. Брахма Дхарма отличенъ отъ всѣхъ другихъ религіозныхъ системъ, но есть сущность всѣхъ. Онъ не исполнѣнъ враждебенъ другимъ вѣрамъ. Онъ принимаетъ все, что есть истиннаго въ нихъ, и только отвергаетъ ошибки каждой. Онъ основанъ на природѣ чело-вѣка, а потому—древенъ, вѣченъ и всеміренъ.

Онъ не есть расколъ и не ограниченъ временемъ и мѣстомъ. Люди всѣхъ странъ и расъ, вѣрующіе въ эту естественную религію, суть брахмансты или теисты.

Каста. Все человѣчество принадлежитъ къ одной кастѣ и всѣ одинаково имѣютъ право принимать (Брахма Дхарма) „божій законъ“; онъ не признаетъ различій между брахманами и судрами, между Индійцами и Яванами (то-есть Европейцами). Кто вѣруеть въ эту религію, тотъ можетъ быть допущенъ въ „Божье общество“. Богъ не приметъ или не отвергаетъ людей извѣстныхъ кастъ. Кто вѣруеть и справедливъ, того Онъ приметъ. Цѣль брахманческой религіи — уничтожить вражду и неприязнь между кастами и соединить человѣчество въ единую семью.

Обязанности. Обязанности брахманста четырехъ родовъ: 1) Обязанности къ Богу: вѣровать, любить, почитать и служить единому и истинному Богу. 2) Обязанности къ себѣ: сохранять тѣлесное здоровье, приобретать знаніе и святить душу. 3) Обязанности къ другимъ: истинность, исполненіе обѣщаній, справедливость, благодарность, любовь къ родителямъ, братьямъ, сестрамъ, дѣтямъ, роднымъ, и увеличеніе благосостоянія всего чловѣчества. 4) Обязанности къ животнымъ: доброта къ птицамъ, животнымъ и всѣмъ низшимъ тварямъ.

Искупленіе. Всякій грѣшникъ долженъ выстрадать слѣдствія своихъ собственныхъ грѣховъ, рано или поздно, въ здѣшнемъ мірѣ или томъ; ибо нравственный законъ неизмѣненъ, и Божья справедливость не отмѣняема. Но Его милосердіе должно имѣть также свои пути. Какъ справедливый царь, Онъ посѣщаетъ душу сообразными муками, и когда грѣшникъ, будучи такъ наказанъ, послѣ того слезно молится, Онъ, какъ милосердый отецъ, освобождаетъ и приметъ его: раскаявшееся чадо такимъ образомъ примиряется съ Нимъ. Такое примиреніе есть единственное искреннее искупленіе.

Спасеніе. Истинное спасеніе есть освобожденіе души не только отъ всѣхъ грѣшныхъ желаній и дѣлъ, но также отъ самаго корня порчи, и ея постоянное преусиѣваніе въ чистотѣ. Такой ростъ продолжается чрезъ всю вѣчность, и душа становится все болѣе и болѣе божественною и счастливою въ томъ, кто есть источникъ безконечной святости и радости. Сообщество съ Богомъ есть небо брахманста (The Theist's Creed. Calcutta. 1874).

Прогрессисты, выйдя изъ первоначальнаго „Божья общества“, не знали, что начинать. „Словами нельзя описать уныніе и упадокъ

духа, послѣдовавшіе за этимъ въ періодъ 1865 и 1866 годовъ. Но окончательный результатъ былъ по милости Божьей полонъ мира и радости. По основаніи въ 1866 году индійскаго „Божья общества“, между прогрессивными брахмаистами явился необыкновенный приливъ набожности, и онъ измѣнилъ навсегда ихъ характеръ и опредѣлилъ будущее ихъ учрежденіе“ (см. *The Theistic Annual* for 1874, стр. 42). Эта набожность, папавшая на прогрессистовъ, вызвала рядъ нововведеній: все связывавшее ихъ вѣршимъ образомъ со старымъ обществомъ, или было совершенно оставлено, или сильно измѣнено. У нихъ явились новыя молитвы; отъ писанія „Брахма Дхарма“ они отказались и издали свою книгу по англійски: „A Compilation of Theistic Texts from the Hindu, Jewish, Christian, Mahometan and Parsce Scriptures“; вмѣсто принятія четырехъ членовъ брахманческой вѣры, они требовали отъ нововступавшихъ въ ихъ общество произнесенія такой формулы: „Сегодня я (имя рекъ), имѣя полную вѣру въ основныя принципы Божья закона (Брахма Дхарма), становлюсь членомъ индійскаго Божья общества. Да поможетъ мнѣ Милосердый Богъ!“ Они завели у себя особый праздникъ подъ названіемъ Брахмотсобъ (ликованіе Господа), ходили въ этотъ день торжественными процессіями, съ пѣніемъ гимновъ, по улицамъ; выстроили особый храмъ, гдѣ совершалось богослуженіе весьма сходное съ унитаріанскимъ. И всѣ эти начинанія предпринимались и приводились въ исполненіе по инициативѣ К. Ч. Сена. Онъ былъ официально только секретаремъ общества, но на дѣлѣ маленькимъ непогрѣшимымъ паной. Его умъ, энергія, краснорѣчіе, совершенно выходящее изъ ряду, слѣмали его полновластнымъ господиномъ общества; одно время члены общества, входя къ нему, падали ницъ къ его стопамъ; изъ Кешаба могло образоваться въ Индіи новое божество. Но враги узнали какъ-то о восточномъ почитаніи секретаря общества, и въ обществѣ, въ газетахъ заговорили о новомъ культѣ *Кешаба*; эти толки во—время образумили поклонниковъ новаго бога. Во всѣхъ нововведеніяхъ, во всей суетливой дѣятельности новаго индійскаго Божья общества поражаетъ странное отсутствіе всякой оригинальности; они говорятъ, пишутъ по большей части на чужомъ языкѣ; въ ихъ книгахъ и проповѣдяхъ—чужія слова и чужія мысли. Лучшіе изъ членовъ сами это чувствуютъ и потому весьма часто берутся объяснять стороннимъ зрителямъ, въ чемъ состоитъ отличительный характеръ ихъ „Божья общества“, чѣмъ оно отличается отъ христіанства съ одной стороны и отъ индуизма съ другой.

Выясняя свои отношенія къ двумъ противоположнымъ системамъ, индїйскіе теисты откровенно признають, что своимъ происхожденіемъ и всѣми идеями они обязаны христіанству и индуизму. Основатель „Божья общества“ сдѣлалъ великое дѣло; общество, учрежденное имъ, могло безконечно развиваться, и въ немъ заключалась вся будущность моральная, социальная и религіозная страны. Но это общество, по мнѣнію членовъ, отдѣлившись отъ него, сдѣлало сначала великую ошибку, считая себя ведантическимъ, а затѣмъ, когда созпало свою ошибку, вступило въ компромиссъ съ туземцами, приписывая себѣ такой характеръ, котораго не должно было имѣть. Оно утверждало, что все его ученіе основано на индусскомъ священномъ писаніи. Говорилось это съ цѣлью польстить народу и примирить его съ собою. Цѣль была прекрасна, но не таковы были средства: называть свою религію индуизмомъ не могли тѣ, кто проповѣдывалъ о братствѣ міровомъ. Эта идея существенно противорѣчитъ духу индусской религіи. Идея братства и равенства всего человѣчества передъ Богомъ не находится въ индїйскихъ книгахъ, ибо никогда не была сознаваема Индїйцами. Эта идея чуждая, западная, христіанская (см. *The Theistic Annual* for 1873, стр. 28). Такъ говорятъ прогрессисты, и бросая камень въ старое индусское общество, они гнѣвнѣе противъ исторіи; утверждая западное происхожденіе идеи братства и равенства, они видимо игнорируютъ тѣхъ великихъ своихъ учителей, которые имъ предшествовали; затѣмъ перебирая всѣ свои основныя идеи, они приходятъ къ тому же выводу относительно большинства ихъ: мы взяли ихъ съ запада, отъ христіанъ, — и въ заключеніе ставится такой вопросъ: „Христіане ли мы? Нѣтъ, мы не христіане. Если людей, не признающихъ божественность Христа, непогрѣшимость Библии, историческое откровеніе, чудеса, пророчества, таинства, можно называть христіанами, вы можете такъ называть насъ. Да, вы можете такъ называть насъ; но сомнительно, чтобы тѣ, кто придастъ этому имени какое-нибудь значеніе, захотѣли бы раздѣлять его съ нами! Индусы ли мы? Да, въ смыслѣ народа и общества!“ (ibid стр. 41). Брахмаисты гордятся называть себя Индусами до тѣхъ поръ, пока этимъ именемъ обозначается ихъ страна, ихъ предки или современные соотечественники. Но въ религіозномъ смыслѣ названіе Индусовъ не приложимо къ нимъ.

Коренные Индїйцы до сихъ поръ не примирились съ брахмаизмомъ и особенно недружелюбно относятся къ прогрессивному „Божьему обществу“. Индусъ въ разговорѣ о брахмаистахъ непремѣнно осмѣетъ

прогрессистовъ; они для него странны своимъ рабскимъ подражаніемъ европейскимъ порядкамъ. К. Ч. Сенъ, не удавшійся богъ, разыгрываетъ теперь роль епископа; брахмаисты толкуютъ о своей церкви, чего на индійской почвѣ никогда доселѣ не было, разсылаютъ миссіонеровъ, даже Европѣ преподносятъ сознательно выкраденное изъ европейскихъ книгъ. Но это—смѣшная сторона ихъ дѣятельности, именно та, которую любятъ выставлять ихъ враги. Въ ихъ дѣятельности есть однакожь и другая, болѣе привлекательная: они стараются о воспитаніи своихъ женщинъ, выхлопотали для себя новое законоположеніе о бракахъ, заводятъ школы, проповѣдуютъ, что „Индусъ“ не есть обозначеніе челоуѣка по религіи, а слово можетъ быть понимаемо въ другомъ болѣе широкомъ смыслѣ. Секта эта непогочисленна, и точное число брахмаистовъ трудно узнать даже въ самой Индіи. Индусы говорятъ, что ихъ не болѣе 250 челоуѣкъ, сами же сектанты насчитываютъ сорокъ тысячъ и болѣе своихъ единомышленниковъ. Изъ отчетовъ, которые они печатаютъ ежегодно (*The Theistic Annual*) видно, что „Божье общество“ Индіи не располагаетъ большими средствами; ихъ едва хватаетъ на скудное содержаніе миссіонерамъ и на изданіе небольшихъ трактатовъ. Общество имѣетъ однако же нѣсколько періодическихъ изданій на англійскомъ и на туземныхъ нарѣчіяхъ: большинство этихъ изданій очень мало распространены, а потому и очень не долговѣчны и не могутъ быть прибыльны.

Въ одной изъ книжекъ брахмаческаго ежегодника (годъ 1874, стр. 66) одинъ изъ сектантовъ нарисовалъ нѣсколько различныхъ типовъ брахмаистовъ. „Есть“, говоритъ онъ, — „одинъ классъ брахмаистовъ, не вѣрующій въ индуизмъ, но на практикѣ соблюдающій обряды и церемоніи, предписываемыя этою религіей. Они поютъ и внимаютъ гимнамъ, расливаемымъ въ „Божьемъ обществѣ“, но когда купаются, скороговоркою произносятъ санскритскіе стихи. Они едва знаютъ разницу между ведантизмомъ и брахмизмомъ. Эти люди суть непогочисленные остатки временъ Рамъ-маханъ-роя; они рѣдко или никогда не присутствуютъ на богослуженіи въ „Божьемъ обществѣ“. Слѣдующій классъ брахмаистовъ сравнительно болѣе ученъ и не имѣетъ предразсудковъ относительно ѣды и питья; но они утверждаютъ, что брахмизмъ есть индуизмъ, и восхищаются правовѣрными обычаями и нравами Индусовъ-идолопоклонниковъ. Они объявляютъ, что вѣрятъ въ систему касты, но втайнѣ нарушаютъ ее; они удаляются отъ такихъ реформъ, какъ бракъ вдовъ и пр. Ихъ цѣль — отождествить „Божье общество“ съ индусскимъ. Эти люди вѣрятъ,

что. идолопоклонство есть ступень къ брахмизму. Они называютъ себя „брахмаидами Индусами и поддерживаютъ то, что они именуютъ „первое (Божье) общество“. Есть другіе брахмаиды, исполненные молитвъ и набожности; они не говорятъ, что брахмизмъ есть индуизмъ; они желаютъ общественныхъ реформъ; но равнодушны и неспособны произвести какое-либо измѣненіе въ этомъ направленіи; имъ недостаетъ храбрости на это; они только присутствуютъ на богослуженіяхъ „Божьяго общества“. Есть и еще брахмаиды, — нѣкоторые изъ нихъ молоды и воспитаны, они не присоединяются къ общественному богослуженію и можетъ быть, присутствуютъ только на годичномъ; они не молятся дома, но всегда находятъ удовольствіе судить характеръ другихъ людей. Ихъ вѣра, возрѣніи, доктрины неопредѣленны. Они плывутъ по вѣтру господствующихъ мнѣній, и неизвѣстно, что они могутъ сказать или сдѣлать. Иногда ихъ энтузіазмъ доводитъ до обнародованія своихъ мнѣній въ газетахъ; но они исчезаютъ, какъ скоро вопросъ касается духовнаго усовершенствованія или дѣйствительно практическаго дѣла. Они образуютъ классъ, который можетъ быть названъ классомъ брахмаческихъ рационалистовъ. Есть еще иной классъ людей, удаляющихся отъ всякаго общенія съ другими. Они высказываютъ, что ходить въ „Божье общество“ не нужно, Богу молиться можно также хорошо дома, ибо, говорятъ они, религія есть предметъ внутренній, а не внѣшній. Нѣтъ необходимости выдавать міру то, что у кого въ сердцѣ. Ихъ едва ли слѣдуетъ называть брахмаидами, но ихъ можно отнести къ числу сочувствующихъ. Есть нѣкоторые весьма разумные и добропорядочные; эти люди усвоили себѣ предосудительные обычаи Индусовъ и ложно объясняютъ причину, породившую эти обычаи. Они не боятся индускаго общества, но не дѣйствуютъ вполне свободно, по своему убѣжденію. Они поддерживаютъ всякое общественное совершенствованіе и даже являютъ на полѣ дѣйствія, но практически не смѣшиваются и не отождествляютъ себя съ движеніемъ. Они не имѣютъ предразсудковъ относительно ѣды и питья. Главная цѣль ихъ жизни — удержать общественное положеніе, заслужить благосклонность правительства и большинства общества. Брахмизмъ они считаютъ великою помощію для достиженія этихъ цѣлей. Возможно однакожь утверждать, что они вполне неискренны и только показываютъ болѣе, нежели дѣйствительно имѣютъ. Есть нѣкоторые брахмаиды, весьма склонные производить общественныя реформы, и они вполне нравственные люди. Но они не видятъ никакой необходимости въ духов-

ныхъ упражненіяхъ. Иногда они приходятъ въ „Божье общество“, иногда молятся дома, но они совершенно равнодушны къ преуспѣванію благочестія и чистоты внутри души. Ихъ цѣль не спасеніе души, а упрочиваніе мірскаго счастья. Поэтому его именно они ищутъ и въ общественныхъ сношеніяхъ, и въ религіозныхъ упражненіяхъ. Есть наконецъ нѣкоторые истинные брахмаисты; Богъ есть единственный путеводитель ихъ. Вся ихъ жизнь посвящена повиновенію ему. Ихъ идея, что мужчины и женщины образуютъ святую семью для умственнаго, нравственнаго и духовнаго развитія; всѣ возможныя усилія они рѣшились употребить для достиженія этого. Религія для нихъ значитъ жизнь, цѣль которой достиженіе Бога. Они неравнодушны ни къ какому прогрессу и всякую истину преемлютъ. Но они считаютъ молитву и самоочищенія единственными средствами къ достиженію совершенствованія. Они живутъ, надѣются и трудятся для спасенія“.

III.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ дать нѣсколько образцевъ изъ священнаго писанія брахмаистовъ. Ихъ первая священная книга называется „Брахма Дхарма“; въ ней собраны изреченія изъ различныхъ древнихъ санскритскихъ писаній; книга раздѣляется на два отдѣла; въ первомъ отдѣлѣ сто-пятьдесятъ-шесть изреченій, размѣщенныхъ въ шестнадцать чтенійхъ; во второмъ отдѣлѣ — сто-тридцать-восемь изреченій и шестнадцать чтеній. Книга начинается съ изложенія четырехъ коренныхъ правилъ или четырехъ членовъ вѣры:

1. „Въ началѣ единъ Богъ былъ; ничто иное не существовало. Онъ сотворилъ все сіе.“

2. „Онъ вѣченъ, разуменъ, безконеченъ, благу, всесвободенъ, безформенъ, единъ, не имѣетъ себѣ подобнаго, вездѣсущъ, правитъ надъ всѣмъ, убѣжище для всего, всевѣдущъ, всемогущъ, безусловенъ, все-совершенъ, несравненъ.“

3. „Черезъ служеніе ему одному (получается) благо въ здѣшнемъ и въ томъ мірѣ.“

4. „Служеніе ему есть любовь къ нему и свершеніе дѣлъ, имъ возлюбленныхъ“.

Затѣмъ идетъ изложеніе „божья закона“:

Отдѣлъ первый. Чтеніе первое:

1. „Омъ! Брахмаисты говорятъ:

2. „Отъ кого эти существа рождаются, и родясь, къѣмъ живутъ, куда возвращаются, входятъ, того старайся познать: сей есть Богъ!“

3. „Отъ всеблагаго рождаются эти существа, и родясь, имъ живутъ. „Къ всеблагому возвращаются, входятъ.

4. „Рѣчь и умъ отступаютъ, не объявъ его. Благость божью познавшій не страшится нигдѣ.

5. „Онъ есть утоленіе. Блаженъ, кто утоленіе прїялъ.

6. „Кто бы дышалъ, кто бы двигался, еслибы въ тебѣ не было всеблагаго. Онъ дѣластъ всѣхъ счастливыми.

„7. Когда въ этомъ незримо, безтѣлесномъ, неописуемомъ, не поддерживаемомъ, кто обрѣтетъ неустрашимый устой, неустрашимъ тогда тотъ.

„8. „Рѣчь и умъ отступаютъ, не объявъ его. Благость божью познавшій не страшится никогда.

9. „Онъ высшій путь для души, высшее счастье, высшій міръ, высшее благо. Всѣ существа живутъ этимъ благомъ.

Чтеніе второе. 10. „Сей міръ въ началѣ безусловно не существовалъ. Въ началѣ былъ сущій, прекрасный, единъ, безъ другаго. Онъ великъ, не рожденъ, духъ, безъ старости и смерти, безсмертный, безъ страха.

11. „Онъ подвизался (то-есть, по толкованію, созерцалъ область творчества), и свершивъ подвижничество, создалъ все сіе, что ни есть.

12. „Отъ него рождается дыханіе, разумъ и всѣ чувства, небо, вѣтры, свѣтъ, вода, земля, все содержащая.

13. „Его страшась жжетъ огонь и солнце грѣтъ. Его страшась, индра, вѣтеръ и пятая смерть стремятся.

Чтеніе третье. 14. „Познать его грядетъ къ паставнику. Ему подошедшему, съ спокойною мыслью, успокоившемуся, мудрецъ вполнѣ выскажетъ то истинное божественное знаніе, чрезъ которое онъ самъ постигъ вѣчное совершенство.

15. „Не цѣнно знаніе ведъ, фонетики, ритуала, граматки, словаря, метрики, астрономіи. Высоко то знаніе, чрезъ которое постигается превѣчный.

16. „Того, кто невидимъ, неосызаемъ, безъ потомства, безъ цвѣта, безъ зрѣнія и слуха, безъ рукъ и ногъ, вѣчнаго, все проникающаго, вездѣсущаго, безформеннаго, не преходящаго, атомовъ начало созерцаютъ мудрецы.

17. „О Гѣрги! Превѣчнымъ его называютъ брахманы. Онъ не громадепъ и не атомъ; не кратокъ и не дологъ, не красенъ, не влаженъ, безъ тѣни, безъ мрака, безъ вѣтра, безъ воздуха, уединенъ,

безъ вкуса, безъ запаха, безъ ока, безъ слуха, безъ рѣчи, безъ ума, безъ сіянія, безъ дышанія, безъ лица, безъ мѣры.

18. „О Гáрги! Во власти превѣчнаго подчинены пребываютъ луна и солнце.

19. „О Гáрги! Во власти превѣчнаго подчинены пребываютъ небо и земля.

20. „О Гáрги! Въ власти превѣчнаго подчинены пребываютъ мгновенія, минуты, день и ночь, полмѣсяцы, мѣсяцы, времена года.

21. „О Гáрги! Во власти превѣчнаго текутъ рѣки отъ свѣтлыхъ горъ, съ запада и иные съ востока.

22. „О Гáрги! Кто не познавъ превѣчнаго, въ этомъ мiрѣ дѣлаетъ припошенія, жертвы и многія тысячелѣтія подвизается, того выгода конечна.

23. „О! Гáрги! Убогъ тотъ, кто, не познавъ превѣчнаго, уходитъ изъ этого мiра. О, Гáрги! Брáхманъ тотъ, кто, познавъ превѣчнаго, уходитъ изъ этого мiра.

24. „О, Гáрги! Превѣчный незримъ и незрящъ, неслышимъ и не слышитъ, неразумѣемъ и неразуменъ, неспознаваемъ и не познаетъ. Въ немъ превѣчномъ, о Гáрги, пространство заключено.

25. „Страшась его вѣтъ вѣтеръ, солнце выходитъ, огонь, индра и пятая смерть стремятся.

26. „Весь трепещущій мiръ, что ни есть, вышелъ отъ духа. Безсмертны познавшіе многострашнѣй подъятый жезлъ“.

Книга заканчивается „завѣтомъ“, о которомъ было упомянуто выше:

„Омъ! Сегодня, въ такомъ-то году, въ такомъ-то мѣсяцѣ, въ такой-то день пріемлю божій законъ:

1. „Возлюбя творца, хранителя, разрушителя, спасенія подателя, премудраго, вездѣсущаго, въ полной благодати счастливаго, нераздѣльнаго, единаго и себѣ подобнаго не имѣющаго, великаго бога, и свершая дѣла имъ возлюбленныя, стану чтить его.

2. „Творецъ всего — великій богъ. Не стану чтить ничего созданнаго.

3. „Безболѣзненъ и не скорбенъ, ежедневно мысленно сосредоточившись, съ вѣрою и любовію стану размышлять о великомъ богѣ.

4. „Буду стараться о нахожденіи добраго.

5. „Буду стараться о прекращеніи зла.

6. „Внавѣ по неразумѣнію въ грѣхъ и спасенія желая, не согрѣшу съ-изнова.

7. „Ежегодно отъ успѣшнаго мірскаго дѣла полученное стану жертвовать „Божью обществу“.

„О! великій духъ, даруй мнѣ способность сохранить этотъ великій законъ.

„Омъ! Единъ и себѣ подобнаго не имѣющій“.

Образцомъ брахмаческихъ гимновъ, можетъ служить слѣдующій, взятый изъ *Brahma sangita*, стр. 5:

„Богатствомъ, родомъ, молодостью не гордись. Уносить мгновенно время все. Отвергни все призрачное это, и познавъ, спѣши къ стопамъ бога.

„Трепещеть капля на листѣ лотуса, такъ и жизнь чрезмѣрно не постоянна.

„Связь съ добрымъ, хоть бы и на мгновение, есть ладья для переправы чрезъ океанъ бытія.

„День и ночь, вечеръ и утро, осень и весна опять и опять приходятъ. Играетъ время, и жизнь уходитъ, но всякія надежды не покидаютъ.

„Ребенокъ къ игрушкѣ привязанъ, въ красавицу юноша влюбленъ, и старецъ въ свои мысли погруженъ; а къ благу всевышнему никто не прибѣгъ“.

Гимны брахмачесовъ кратки и всѣ написаны въ подражаніе болѣе древнимъ санскритскимъ образцамъ или же христіанскимъ молитвамъ. Этимъ послѣднимъ характеромъ отличается пѣснопѣніе прогрессивнаго „Божья общества“.

Матхура.

Матхура, „городъ боговъ“, былъ извѣстенъ уже Птоломею, и онъ его прозвалъ такимъ именемъ. Городъ лежитъ на берегу рѣки Ямуны между Делги и Агрою, двумя блестящими столицами бывшихъ мусульманскихъ владѣтелей Индїи. Агра и Делги съ своею прошлою славой, о которой свидѣтельствуютъ поминки ихъ мраморные дворцы, мечети, гробницы, совершенно затмѣваютъ небольшой городокъ. Кто хочетъ видѣть востокъ волшебныхъ сказокъ, тотъ пусть ѣдетъ въ Агру; нигдѣ онъ не увидитъ такой гробницы, какъ Тажъ, такого дворца, какъ агрскій, такой мечети, какъ моти-мечеть; и пужно видѣть Тажъ, чтобы понять, въ какихъ колоссальныхъ размѣрахъ на востокѣ называется тщеславіе, хотя это, конечно, нисколько не уменьшаетъ художественной красоты мавзолея мусульманской императрицы, на постройку котораго было затрачено два милліона фунтовъ стерлинговъ.

Тажъ и всѣ рѣдкости Агры и Делги описывались много разъ съ большимъ или меньшимъ искусствомъ. Но и самое лучшее изъ извѣстныхъ мнѣ описаній не только слабо въ сравненіи съ дѣйствительностью, но не подготавливаетъ даже къ впечатлѣнію, производимому, напримеръ, Тажемъ въ лунную ночь. А Тажъ не единственная и не высшая краса Агры или Делги: въ томъ и другомъ городѣ есть множество другихъ памятниковъ мусульманской роскоши и мусульманскаго искусства; изобиліе и изящество этихъ памятниковъ обыкновенно на столько поглощаетъ вниманіе путешественника, что о Матхурѣ, городѣ древне-индусскомъ, который мусульмане разрушили и грабили, по не обстраивали, совершенно забывается. Онъ оригиналенъ, но не блестящъ, не поражаетъ фантазіи, лежитъ въ сторонѣ, до послѣдняго времени не связанъ былъ желѣзною дорогою съ Делги и Агрою, и вотъ почему его объѣзжаютъ.

I.

Делги и Агра связаны желѣзною дорогою. Отъ станціи Хатросъ идетъ боковая линія въ Матхуру. Линія эта была открыта только въ 1875 году. Я ѣхалъ въ Матхуру чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ началось движеніе по новой линіи. Нашъ поѣздъ тронулся со станціи Хатросъ. Все въ немъ было оригинально; открытые пассажирскіе вагоны, подобные тѣмъ, въ которыхъ возятъ кладъ и дрова; нестрая и шумная толпа пассажировъ, исключительно состоящая изъ туземцевъ, Индійцевъ; уже при отправленіи поѣзда ихъ было гораздо болѣе, нежели мѣсть въ вагонахъ; многимъ пришлось стоять, и они безропотно покорялись своей участи, всѣ были довольны и радостны; говоръ, смѣхъ и крики не умолкали во весь переѣздъ, длившійся часа три съ половиною. Въ вагонахъ стояли и сидѣли жители со всѣхъ концовъ Индіи; тутъ были представители всякой страны; изъ Гузерата, Бомбей, Декана, Бенгаліи и т. д. отовсюду ѣхали поклонники бога Кришны, игриваго любовника многочисленныхъ напущекъ. Мы двигались медленно, подолгу стояли на каждомъ полустанкѣ, повсюду забирали новыхъ пассажировъ. Мы стояли иногда, поджидая пассажировъ, даже замедляли ходъ въ виду опоздавшихъ.

Путь выстроены почти безъ всякихъ уклопеній прямо отъ востока на западъ и пролегаетъ по тѣнистой аллеѣ, которая, впрочемъ, не защищала насъ отъ ѣдкой пыли, столбами поднимавшейся при малѣйшемъ вѣтрѣ. Мы ѣхали по мѣстности, воспѣтой древними индійскими поэтами, въ октябрѣ, когда въ Индіи даже песчанья равнины

зелеѣють, но и въ это время страна не казалась роскошно одаренною природою; деревни, у которыхъ приходилось останавливаться, издали казались очень грязными; вблизи, говорятъ, они еще грязнѣе. Большинство деревенскаго населенїи — жаты и гужары. Около Матхуры общинное владѣніе землею сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ полной силѣ; оно называется здѣсь особымъ терминомъ *bhoyāsari*, что въ приблизительно точномъ переводѣ значитъ: „братскій обычай“ или „братчина“. Совладѣтели, живущіе въ одной деревнѣ, обыкновенно производятъ себѣ отъ одного предка и принадлежатъ одной кастѣ; землею падѣляется каждый членъ общины, то-есть, каждый житель деревни есть въ то же время землевладѣлецъ. Ежегодно они передѣляютъ съ-изнова свою землю. Подати собираетъ староста или *lunbardar*; каждый владѣлецъ вноситъ въ казну извѣстную часть дохода съ *bigha*; (= $\frac{5}{16}$ акра) остальная часть дохода считается его частною собственностью. Новые, посторонніе члены въ послѣднее время стали допускаться въ такія общины; но община сохранила за собою право противиться и не допускать вступленїи новыхъ членовъ. Увѣряютъ, что деревни, въ которыхъ удержалась *братчина*, процвѣтаютъ болѣе нежели тѣ, въ которыхъ земли принадлежатъ одному владѣльцу и сланы участками въ аренду на года.

Поѣздъ остановился мили за полторы отъ города; такъ какъ настоящаго моста на Ямуѣ не успѣли еще выстроить, то перекинутъ былъ временной деревянный. Городъ тянется мили на полторы по правому берегу рѣки; видъ его съ мосту очень красивъ и оригиналенъ; онъ расположенъ на нѣкоторомъ возвышенїи; вдоль берега тянутся остатки бывшаго форта, и рядъ ступеней (*ghât*) спускается къ рѣкѣ; кромѣ минаретовъ мечети *Мѣма*, изъ всей массы строенїи не выдается ни одна башня, ни верхушка храма; отсутствїе этихъ обыкновенныхъ украшенїи индїйскихъ городовъ придаетъ виду Матхуры нѣкоторую своеобразность. Внутри она еще болѣе отличается отъ всѣхъ индїйскихъ городовъ; правда и въ Матхурѣ множество храмовъ и часовенъ; но ни тѣ, ни другїе не поражаютъ такъ, какъ необыкновенно опрятныя и прекрасно вымощенныя улицы города. Всюду такая чистота, какую рѣдко увидишь въ индїйскихъ городахъ, и какой нѣтъ даже въ *Мѣйнурѣ*, славящемся правильнымъ построенїемъ и широкими улицами.

Матхура — городъ древнїи: уже во времена *Птоломея* о немъ слыхивали на западѣ; но въ этомъ древнемъ городѣ все ново; онъ даже стоитъ на новомъ мѣстѣ и рѣка измѣнила нѣсколько свое теченїе;

дома, храмы и идола въ храмахъ, все здѣсь ново и все какъ-то блеститъ и сіяетъ новизной; улицы подметены и гладки какъ полъ; дома выкрашены за-ново и разукрашены изящною рѣзбою по камню; этимъ искусствомъ Матхура понынѣ славится. Не смотри на эту видимую новизну, у города есть свое длинное прошлое. Когда заговоришь объ исторіи какого-нибудь индійскаго города или человѣка, то невольно приходитъ на память слѣдующій анекдотъ, слышанный мною въ Бенаресѣ: Ража Судамапура въ Катхіяварѣ искалъ руки дочери царицы Удайпурской. Дѣло стало идти на ладъ, и царица потребовала отъ искателя его родословную. Ража въ свою очередь потребовалъ свою родословную отъ придворныхъ пѣвцовъ; извѣстно, что у каждаго ражи есть придворный бардъ, воспѣвающий его родъ, его самого и его дѣянія. Какъ ни старались пѣвцы Катхіяварскаго ражи, болѣе десяти поколѣній не могли они отыскать въ своей памяти; для аристократической невѣсты такой родословной было мало, и ража настаивалъ на томъ, что пѣвцы должны припомнить большее число его предковъ; а пѣвцы не знали что и пачать. Выискался наконецъ пѣвецъ мудрый и уладилъ все дѣло; доложилъ этотъ пѣвецъ ражѣ: „Молился я Дени (то-есть, богинѣ); семь дней постился, ни ѣлъ, ни пилъ, и въ осьмой день во снѣ явилась мнѣ богиня и открыла мнѣ, что родъ твой, царь, происходитъ отъ Ханумана (богъ-обезьяна). Хануманъ, отправляясь въ Цейлонъ, летѣлъ чрезъ океанъ и сильно вспотѣлъ: одна изъ священныхъ капель упала въ воду и была проглочена морскимъ чудовищемъ. Отъ этого чудовища родился ребенокъ съ хвостомъ, родоначальникъ Катхіяварскихъ князей. И всѣ предки твои были съ хвостами; твой родъ лишился этого украшенія только въ послѣднія, грѣховныя времена!“ Катхіяварскій ража остался доволенъ такою генеалогіей, наградилъ мудраго пѣвца и послалъ свою генеалогію къ невѣстѣ. Но, увы, царица Удайпурская отклонила исканія, приказавъ сказать Катхіяварскому ражѣ, что Удайпурскія царицы не выдаются за потомковъ обезьяны и аллигатора. — Подобная миоическая исторія есть и у города Матхуры; любой богомолецъ явившійся сюда, знаетъ ее твердо, ибо онъ пришелъ сюда за тѣмъ, чтобы побывать и помолиться во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ богъ Кришна родился, игралъ, отличался, наслаждался съ женами, побѣждалъ враговъ и т. д. Другой исторіи города онъ или не знаетъ, или не признаетъ; даже мѣстные ученые изъ туземцевъ не помнятъ иной исторіи своего города. А между тѣмъ у города было другое прошлое, дѣйствительно историческое, и о немъ мы начинаемъ по немногу

узнавать, откапывая вещественные памятники древности въ курганахъ, ближайшихъ къ городу. Разсматривая находимыя здѣсь статуи, надписи, монеты въ связи съ извѣстными буддѣйскихъ легендъ и китайскихъ путешественниковъ, мы можемъ сдѣлать нѣсколько болѣе или менѣе точныхъ выводовъ относительно древней исторіи Матхуры.

Не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ III вѣкѣ до Р. Х. Матхура была городомъ большимъ и цвѣтущимъ, городъ и тогда былъ расположенъ на берегу рѣки Ямуны; но Ямуна текла нѣсколько западнѣе. Имъ владѣли въ различныя времена Греки, Индо-Скионы и какіе-то сатрапы съ туземными и индѣйскими именами. Въ этотъ періодъ иноземнаго владычества въ городѣ процвѣтали буддизмъ и сходное ученіе жайновъ. Еще въ VII вѣкѣ по Р. Х. рядомъ съ брахманизмомъ здѣсь держался буддизмъ. Затѣмъ о Матхурѣ мы ничего не знали до завоеванія города мусульманами (XI в.). Издревле Матхура была городомъ торговымъ и имѣла водяное сообщеніе съ Паталитрой или нынѣшнею Патной. Сюда кунци съ сѣвера пригоняли табуны лошадей на продажу; какъ въ городѣ большомъ и торговомъ, въ Матхурѣ жилось, вѣроятно, весело. Буддѣйскія легенды повѣствуютъ о матхурскихъ красавицахъ, за дорогую цѣну продававшихъ свои чары, а одна жайнская легенда разказываетъ, что встарь, въ Матхурѣ въ октябрѣ праздновалось какое-то событіе и бывалъ въ это время постъ, но справлялся онъ очень оригинально: въ ночь полнолунія Матхурскій царь, забравъ съ собою всѣхъ своихъ и чужихъ жепъ, отправлялся изъ города поститься въ лѣсъ: мужья же забранныхъ и уведенныхъ жепъ не смѣли выходить изъ городу.

Въ 1836 году въ Матхурѣ была сдѣлана первая находка древности; находка эта тотчасъ же была описана и по счастью уцѣлѣла до нынѣ въ Матхурѣ, въ саду у коллектора. Найдена была здѣсь плита изъ песчаника съ рельефными изображеніями; на той и другой сторонѣ плиты представлены сцены, которыхъ теперь не встрѣчаешь въ Индіи, но онѣ могли имѣть мѣсто и весьма часто повторяться въ городѣ торговомъ, куда прихаживали иностранцы съ сѣвера, гдѣ владѣли и Греки, и Индо-Скионы. На лицевой сторонѣ изображенъ плыщій челоуѣкъ; онъ полулежитъ на низенькомъ сѣдалищѣ: съ одной стороны его поддерживаеъ женская фигура, съ другой — юноша; двѣ маленькія фигуры поддерживаютъ его снизу, за колѣна. Опьяненіе выражено съ большою точностью, и сказывалось во всѣхъ деталяхъ, производитъ очень цѣлостное впечатлѣніе: вы ви-

дите, какъ будто гуляка сейчасъ упадетъ: голова поникла, губы отпели, изъ окоченѣвшихъ рукъ выпала чаша и валется тутъ-же, у ногъ. По костюму этотъ гуляка Индѣецъ. На оборотной сторонѣ изображена цѣлая сцена—гулянка въ лѣсу: подъ тѣнью деревъ расположены четыре фигуры: двѣ женщины и двое мужчинъ, а у ногъ ихъ стоятъ чаши. И тутъ намѣреніе артиста было изобразить попойку въ началѣ: всѣ еще держатся на ногахъ. Фигуры какъ мужчинъ, такъ и женщинъ изображены въ индійскихъ костюмахъ. Ученый Принсепъ, описывавшій эту находку, предполагалъ, что плита греческой работы, и что на ея лицевой сторонѣ изображенъ Силенъ; предположеніе совершенно невѣроятно. Индѣйцы, вообще народъ трезвый и умѣренный въ наши дни, не были всегда таковыми; они пивали и даже воспѣли въ Махабхаратѣ, какъ ихъ боги и святые мудрецы упивались на богомольяхъ. Въ Индіи былъ даже „винный праздникъ“ (su śchana), когда мужчины и женщины не считали грѣхомъ упиваться: Индѣйцы имѣютъ свои сказанія о происхожденіи крѣпкихъ напитковъ. А потому, такъ какъ здѣсь изображены люди въ тѣхъ же костюмахъ, въ которые Индѣйцы одѣваются понынѣ, то всего вѣроятнѣе предположить, что на плитѣ изображена праздничная сцена изъ индѣйской жизни и представлены Индѣйцы. Гораздо труднѣе опредѣлить, какое было назначеніе этой плиты. Невѣроятно, чтобъ ею украшался храмъ или какая-нибудь стѣпа; она помѣщалась, конечно, въ частномъ домѣ, можетъ быть даже, въ домѣ, гдѣ продавались крѣпкіе напитки, и куда сходились пировать; здѣсь она могла составлять часть ограды вокругъ веранды или же стоять у входа, на подобіе нашихъ выѣсокъ.

Въ настоящее время только часть древностей, найденныхъ въ Матхурѣ, находится на мѣстѣ и собрана въ саду у коллектора. Многія изъ находокъ вывезены въ Агрскій музей, другія собраны въ Аллахабадскомъ музее и даже въ Калькуттскомъ; къ востоку и юго-востоку отъ города находятся нѣсколько кургановъ, не одинаковой величины; въ нихъ-то и были найдены матхурскія древности, подробно описанныя Кеппингэмомъ и Гроузомъ (Growse). Хотя число найденныхъ здѣсь древностей не велико, по многія изъ надписей на пьедесталахъ очень важны, не смотря на свою краткость, а нѣкоторые изъ статуй отличаются изяществомъ, что и заставило Кеппингэма считать эти статуи за греческія произведенія, напримѣръ, статую, названную имъ: dancing girl. Предположеніе это, также какъ и Принсепово о Силенѣ, осталось не доказаннымъ. Танцовщица изображена

съ необыкновеннымъ изяществомъ и хотя въ позѣ, нѣсколько напоминающей позу Венеры Милосской, но съ индійскими украшеніями на головѣ и рукахъ и у пояса. Это одна изъ тѣхъ небесныхъ плясуней, о которыхъ такъ много говорится въ буддійскихъ „видѣвіяхъ неба“; онѣ плясали не на землѣ, а на небѣ въ грандіозныхъ чертогахъ, разукрашенныхъ высокими башнями и хрустальными колоннами, въ тѣхъ чертогахъ, гдѣ подъ звуки не умолкающей музыки блаженствовали по смерти добродѣтельные люди. Изображенія такихъ танцовщицъ-богинь ставились буддистами у дверей храмовъ и у вратъ оградъ кругомъ ступы.

Изъ надписей на пьедесталахъ ¹⁾ мы узнаемъ, что уже въ послѣдніи столѣтія до Р. Х., въ эпоху владычества Индо-Скивовъ, въ Матхурѣ рядомъ съ буддистами жили и Жайны; этими несомнѣнными данными подтверждаются извѣстія какъ буддійскихъ, такъ и жайнскихъ легендъ, и доказывается существованіе жайнской секты въ эпоху, близкую съ началомъ распаденія буддійской общины на нѣсколько враждебныхъ другъ другу сектъ. Въ одной жайнской географіи, или точнѣе „Описаніи святыхъ“, о Матхурѣ, говорится какъ о городѣ свитомъ для Жайновъ; здѣсь, кромѣ нѣсколькихъ священныхъ изображеній, секта имѣла священное древо Капрадгима и необыкновенно великую стѹпу. Стѹпа была такъ великолѣпна и роскошна, что еретики, не жайны, буддисты и брахманы называли ее своею; но ступа была жайнскою и украшалась громадною статуей жайнскаго святого. О существованіи громадныхъ статуй въ Матхурѣ мы узнаемъ изъ раскопокъ Чаубарскаго кургана, гдѣ найдены были: голова 14 вершковъ въ длину; ступня, большой палецъ, который имѣетъ 8 вершковъ въ длину; ладонь футъ въ длину. Жайны, живя въ Индіи повсюду называемыя сарауги (отъ скр. сравака, слушатель), пемпогочисленны въ Матхурѣ. Этой секты главнымъ образомъ держится каста кунеческая (банья). Ихъ религіозныя процессіи и голые идолы составляютъ предметъ отвращенія для правовѣрныхъ Индусовъ, и въ Делги брахманы добились того, что правительство запретило Жайнамъ религіозныя процессіи; это запрещеніе сильно взволновало всю жайнскую общину: составился адресъ, который и былъ поданъ deputy commissioner'у. Требуя отмены запрещенія, Жайны приводятъ въ доказательство законности своей просьбы под-

¹⁾ Найдены въ Kanakali Tila къ юго-западу отъ города, на мѣстѣ бывшаго жайнскаго монастыря.

линные слова королевина манифеста отъ 1-го ноября 1858 года, въ которомъ между прочимъ сказано: „We declare it to be our Royal will and pleasure, that none be in anywise favored, none molested, or disquieted by reason of their religious faith or observances, but that all shall alike enjoy the *equal and impartial protection of the Law*“. Далѣе просители говорятъ, что процессіи имъ не запрещены ни въ Бенаресѣ, ни въ Гаѣ, гдѣ брахманическій элементъ гораздо сильнѣе, нежели въ Делги, и даже дозволены въ независимыхъ владѣніяхъ, „гдѣ законъ и порядокъ едва утверждены“ (where law and order are scarcely established). Адресъ, написанный такъ убѣдительно, былъ поданъ въ февралѣ 1875 года, но еще въ октябрѣ того же года запрещеніе не было отменено, и Жайны въ Делги сильно приуныли.

Это столеновеніе двухъ сектъ въ XIX вѣкѣ есть слабое подражаніе длинному ряду столкновеній, раздоровъ, преній, повторившихся между буддистами и Жайнами, или между тѣми и другими съ одной стороны и брахманами съ другой. О Жайнахъ буддійскія легенды говорятъ часто и всегда враждебно относятся къ этимъ еретикамъ, называя ихъ различными именами: голыми, „безъ узъ“, то-есть, безъ одѣяній. Называя противниковъ такими именами, буддисты имѣли въ виду самую выдающуюся внѣшнюю особенность жайнской секты. Жайны учатъ: „Нагота всѣмъ людямъ присуща... нага рождается душа; нага уходитъ она въ другое бытіе. Не тотъ нагъ, кто хотя и раздѣтъ, но въ покровъ нравственности облаченъ; кто безнравственъ и одѣтъ, тотъ нагъ!“ Въ британской Индіи нагіе Жайны не встрѣчаются, но и до сихъ поръ жайнскіе монахи (изъ секты Дигамбары) вкушаютъ ѣду, хотя бы даже въ чужомъ домѣ и на глазахъ у многихъ, не иначе какъ совершенно раздѣвшись и освободившись отъ всякихъ покрововъ. За исключеніемъ этой особенности Жайны очень схожи съ буддистами, которыхъ они впрочемъ сильно презираютъ и увѣряютъ, что буддисты ѣдятъ всякаго рода мясо, чтѣ, конечно, справедливо только относительно непальскихъ. Въ своихъ преданіяхъ и монашескихъ учрежденіяхъ Жайны имѣютъ много общаго съ буддистами. Жайнскій монахъ въ своемъ красномъ плащѣ съ виду совершенно схожъ съ цейлонскимъ бикшу въ желтой чиварѣ. Но Жайны не теримы и скрытны, чего никакъ нельзя сказать о южныхъ буддистахъ. Имѣя много общаго съ буддистами, Жайны въ то же время не составляли одного цѣлаго съ буддійскою общиной; въ началѣ, въ древности различія между двумя сектами не могли быть

многочисленны или значительны, но ихъ было однако совершенно достаточно для нарушенія взаимнаго согласія между ними. Обѣ стороны одинаково свидѣтельствуютъ, что разладъ и вражда существовали въ старь между ними. Этотъ разладъ, имѣвшій нѣкогда весьма печальныя послѣдствія для той или другой стороны, начинался иногда съ дѣтскихъ выходокъ. Въ Паталипутрѣ (то-есть, въ нынѣшней Патнѣ) во время царя Асоки было много буддистовъ, а также и еретиковъ, расхаживавшихъ всюду нагими, не брившихъ волосъ, а выдергивавшихъ ихъ, пившихъ воду изъ пригоршни и не употреблявшихъ никакихъ сосудовъ. Эти еретики, то-есть, Жайны, овладѣли разъ статусей Будды и повергли ее къ ногамъ статуи, изображавшей ихъ учителя. Буддисты, узнавъ объ этомъ, взволновались и подняли крикъ; донесли о святотатствѣ царю; Асока, покровительствовавшій буддистамъ, воздвигъ гоненія на еретиковъ; онъ оцѣнилъ голову Жайна въ динаръ, и произошло великое избіеніе еретиковъ. Такъ разказывается легенда буддистами; съ своей стороны, Жайны также не умалчиваютъ о притѣсненіяхъ буддистовъ. Объ одномъ гоненіи разказываетъ Хемачандра въ своей исторіи жайнскихъ патріарховъ: Въ городѣ Жахапури въ одно время жило много, какъ буддистовъ, такъ и Жайновъ. Царь покровительствовалъ буддистамъ, и Жайны были въ загонѣ; но этого было мало буддистамъ, и они захотѣли помѣшать Жайнамъ совершать служеніе. Такъ какъ при всякомъ богослуженіи необходимы цвѣты, то буддисты уговорили цвѣточниковъ возвысить цѣну на цвѣты; Жайны были богаты и покупали цвѣты, не смотря на высокую цѣну. Тутъ въ дѣло вмѣшался царь и запретилъ продавать цвѣты Жайнамъ. Раздоры между буддистами и Жайнами, случавшіеся въ другихъ городахъ, весьма естественно могли повторяться въ Матхурѣ, гдѣ ступы и храмы тѣхъ и другихъ были многочисленны и стояли почти рядомъ; въ Матхурѣ также, какъ и въ другихъ индійскихъ городахъ, происходили религіозныя препирательства; диспуты интересовали обыкновенно всѣхъ горожанъ и самого царя. Являлся въ городѣ странствующій философъ и на перекресткѣ или на базарѣ, возжегши факель, посылалъ вызовъ мѣстнымъ ученимъ. Если вызовъ бивалъ принятъ, то назначался день диспута; и въ тотъ день, въ назначенный часъ на арену состязанія являлись горожане и царь во главѣ своего двора. Эти диспуты были однимъ изъ мѣстныхъ общественныхъ увеселеній, и по сказанію легендъ, въ нихъ принимали участіе и женщины.

На юго-востокъ отъ Матхуры, за cantonments, то-есть, свроейскимъ кварталомъ, находится курганъ, прованный Кѣннингэмомъ jail-mound. На этомъ мѣстѣ стоялъ или храмъ, или ступа значительныхъ размѣровъ. Раскопки обнаружили нѣсколько столбовъ, на которыхъ находились цифры; цифрами, вѣроятно, обозначался порядокъ, въ которомъ стояли столбы, и назначены онѣ были каменщиками въ руководство, какъ ихъ разставлять. На колоннахъ сохранялись надписи, свидѣтельствующія, что ихъ приписали въ даръ отдѣльнымъ лицамъ; такъ, напримѣръ, кругомъ пьедестала одной колонны вырѣзано извѣстіе о томъ, когда и кѣмъ колонна была прислана въ даръ; надпись не сохранилась вполне, а изъ уцѣлѣвшей части явствуетъ, что привошеніе было сдѣлано монастырю, выстроенному „великимъ царемъ, царемъ царей, сыномъ боговъ (Индю-Скиоомъ) Хувпикою“. Монахъ, воздвигнѣй столбъ, заканчиваетъ свою дарственную словами: „Да будетъ (мой даръ) во благо всѣмъ существамъ и духовенству (санн) четырехъ странъ свѣта“. На другомъ столбѣ, найденномъ тутъ же, какой-то брахманъ, по фамиліи Гажавара, состоявшій въ какихъ-то отношеніяхъ къ сатрапу Саудасу, разказываетъ, что онъ подарилъ тому же монастырю прудъ, колодезь и столбъ. Саудаса, упоминаемый въ этой надписи, называется сатрапомъ; значитъ, онъ владѣлъ Матхурою, будучи вассаломъ какого-то царя, имя котораго исчезло изъ надписи; но онъ имѣлъ право бить монету: въ Матхурѣ найдена одна мѣдная монета съ его именами. На одной сторонѣ монеты вырѣзано, кромѣ имени, свастика, буддѣйскій знакъ благополучія, крестъ съ загнутыми концами, а на другой сторонѣ представлена женская фигура, которую два слона съ двухъ сторонъ поливаютъ изъ хоботовъ. Тутъ, очевидно, изображена Маи, мать Будды, въ моментъ омовенія, послѣ безболѣзненныхъ родовъ. Изображеніе Маи, матери Будды, было найдено въ Матхурѣ еще въ другомъ мѣстѣ: около мечети Жанны Кеннингэмъ открылъ въ 1853 году барельефъ, изображающій царицу Маю подъ деревомъ Sal. Изъ этихъ двухъ изображеній мы можемъ заключить, что уже до начала нашей эры легенда о чудесномъ рожденіи Будды въ главныхъ чертахъ была выработана, то-есть, Маи святая, непорочно зачавшая изображалась на монетахъ, а повѣсть о безболѣзненномъ рожденіи въ лѣсу, безъ людской помощи, изображалась въ храмахъ торговаго многолюднаго города. Барельефъ былъ найденъ въ Ка'га, тамъ гдѣ теперь стоитъ мечеть Жмама, и гдѣ при Тавернье еще стоялъ брахманскій великолѣпный храмъ, а ранѣе того— буддѣйскій монастырь. Тутъ же была найдена статуя Будды, нинѣ на-

ходящаяся въ Агрскомъ музеѣ; на пьедесталѣ этой статуи была надпись, изъ которой значилось, что статуя припесена въ даръ монастырю, по имени *Jaso*. Тарапата упоминаетъ, что иѣкій брахманъ *Jasika* (санскр. форма) выстроилъ храмъ въ Матхурѣ; его-то храмъ, вѣроятно, прозывается *Jaso* въ народномъ говорѣ и стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ центръ стараго города, и гдѣ послѣдовательно воздвигались брахманскій храмъ и мечеть. *Katra*, мѣсто, о которомъ сейчасъ было упомянуто, находится на западной окраинѣ города. Въ 1650 году здѣсь еще стоялъ храмъ бога Кришны. Тавернье видѣлъ его въ этомъ году и подробно описалъ; въ 1669 г. Аурангзэбъ разрушилъ храмъ и на его мѣстѣ выстроилъ вышнюю мечеть; она отличается красотой и безъ всякихъ архитектурныхъ достоинствъ; зданіе стоитъ среди загорода, имѣетъ 804 фут. въ длину и 653 фут. въ ширину, на двухъ террасахъ; нижняя терраса имѣетъ 286 фут. въ длину и 268 въ ширину; на высотѣ пяти футовъ находится другая терраса, меньшая, 172 фут. въ длину и 86 фут. въ ширину. Мѣсто, теперь со всѣхъ сторонъ застроенное незначительными зданіями, не красиво; по преданію, Ямуна текла встарь у подножія террасъ, на которыхъ возвышался храмъ, и конечно, совершенно измѣняла общій характеръ мѣстности.

II.

Современный городъ полонъ воспоминаній о событіяхъ изъ жизни бога Кришны; онъ считается святымъ, потому что въ окрестностяхъ родился Кришна, жилъ, царствовалъ и наслаждался. Ежегодно въ мѣсяцъ *Bhadon* (августъ - сентябрь), сходятся въ Матхурѣ тысячи Индѣйцевъ различныхъ вишнуитскихъ сектъ. И въ день рожденія Кришны начинается *parikrama* или молитвенное обхожденіе Матхуры и ея окрестностей. Съ начала XVI вѣка, со времени появленія въ Матхурѣ Вишнуитовъ, здѣсь иѣтъ рожи, иѣтъ пруда, которые не были бѣ освящены памятью о какомъ-нибудь событіи изъ жизни Кришны; богомольцы искаживаютъ до 140 миль по городу и окрестностямъ. Иногда какой-нибудь богачъ устраиваетъ на свой счетъ *Râs-lîla*, драматическое представленіе; разыгрываются сцены изъ жизни Кришны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приурочила ихъ мифическая исторія; поютъ, играютъ и пляшутъ въ тѣни тѣхъ же рожи, гдѣ плясывалъ богъ-пастухъ съ своими пастушками. Въ Матхурѣ и въ окрестныхъ деревняхъ есть множество брахмановъ, мастеровъ устраивать драма-

тическія представленія. Эти Rās-dhāri не имѣютъ другихъ средствъ къ жизни.

Исторія Кришны совершенно затемнѣна мистическими подробностями поздняго происхожденія. Сказанія о немъ, неизвѣстно когда начавшіяся, разрослись съ усиленіемъ Вишнунитовъ въ громадную эпопею. Изъ первоначальнаго типа великодушнаго героя Вишнуниты сдѣлали теперь всемогущаго бога любви и воспѣваютъ его любовныя похощенія, придавая своимъ разказамъ мистическій смыслъ. Въ массѣ легендъ, связанныхъ съ именемъ Кришны, есть одинъ циклъ, относящійся къ его дѣтству, который особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе европейскаго читателя, ибо, не смотря на всѣ тривиальныя преувеличенія, которыхъ такъ трудно избѣжать восточному поэту, можетъ быть сближаемо съ первыми главами Евангелія отъ св. Матоея. Генеалогія Кришны ведется отъ матери по восходящей линіи; при его рожденіи происходитъ избіеніе младенцевъ; его родители спасаются бѣгствомъ, онъ воспитывается среди пастуховъ, и пастухамъ объявляетъ въ-первыя свою божественную природу. Въ образахъ Кришны на колѣнахъ у кормилицы замѣтно сходство съ образами Богородицы. Появленіе всѣхъ этихъ чертъ въ позднѣйшемъ индійскомъ эпосѣ объясняютъ христіанскимъ вліяніемъ; указываютъ на преданіе о путешествіи св. Фомы въ Индію и на запечатленіе св. апостоломъ въ Индію евангелія отъ св. Матоея; такимъ образомъ сказанія о дѣтствѣ Кришны суть ни что иное какъ неумѣлан брахманская передѣлка святаго Слова. Противъ такого объясненія нельзя было бы ничего возразить, еслибы предварительно доказали, что до Р. Х. не существовало въ Индіи ни культа Кришны, ни сказаній о немъ, что самое имя его было неизвѣстно, и что сказанія о дѣтствѣ Кришны начались со времени позднѣйшихъ вишнунитскихъ пуранъ. Такъ какъ всего этого до сихъ поръ не было сдѣлано, то и объясненіе сходства легендъ о Кришнѣ съ евангельскимъ разказомъ путемъ христіанскаго вліянія можетъ пока считаться преждевременнымъ. До сихъ поръ нѣтъ положительно вѣрныхъ извѣстій о Матхурѣ до появленія здѣсь буддизма, который былъ силенъ здѣсь еще въ VII вѣкѣ; Сюанъ-цзинъ нашелъ въ Матхурѣ до трехъ тысячъ буддійскихъ монаховъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ въ Матхурѣ и брахманскую религію. Брахманизмъ существовалъ здѣсь, по всей вѣроятности, до буддизма; потомъ одновременно съ нимъ и пережилъ его до нашихъ временъ. О процвѣтаніи брахманизма въ этихъ мѣстахъ, а послѣ буддизма мы узнаемъ изъ исторіи мусуль-

манскихъ войнъ и грабежей. Въ 1017 году Махмудъ-Газневидъ овладѣлъ городомъ; и храмы были сожжены и срыты; на согнахъ перблюдовъ вывезли серебро и золото отъ поломанпыхъ истукановъ. Городъ обстроился затѣмъ, но извѣстно, что подвергся еще два раза такой же участи въ XV и XVII столѣтіяхъ.

Изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ извѣстій можно считать несомнѣнно вѣрнымъ, что брахманизмъ существовалъ встарь въ Матхурѣ, начало же теперешнихъ святынь, какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ, относится къ XVI столѣтію, то-есть, послѣ того, какъ въ Вриндабанѣ поселились послѣдователи Бенгальца Чаитанїи, а въ Гокулѣ другая вишнуйтская секта Валабхачарьевъ. Оба мѣста находятся въ близкомъ разстояніи отъ Матхуры и первое изъ нихъ, Вриндабанъ, примѣчательно и помимо тѣхъ историческихъ воспоминаній, которыя связаны съ его именемъ. Городъ лежитъ въ шести миляхъ къ сѣверу отъ Матхуры. Дорога туда, скучна и пролегаетъ по однообразной мѣстности. Самый городъ напоминаетъ своею чистотой и правильностью постройки Матхуру; въ немъ 21,000 жителей и болѣе тысячи храмовъ. Городъ быстро разрастается и хотя новъ съ виду, по стоитъ на мѣстѣ, изстари считавшемся святымъ; вишнуйты даже выдумали мифъ въ объясненіе его имени, хотя это имя и произошло отъ *vrindā*, то же что *tulsī*, *Osumm sanctum*. До поселенія послѣдователей Чаитанїи здѣсь былъ непроходимый лѣсъ, такой же, какой видѣется до сихъ поръ на противоположномъ берегу Ямуны, у *Bhandār-bon'a*: отъ лѣса и произошло имя города — „лѣсъ изъ *vrindā*“.

Замѣчательнѣйшій храмъ здѣсь, и можетъ быть, даже во всей сѣверной Индїи выстроенъ былъ въ царствованіе Акбара. Храмъ этотъ, называемый храмомъ Гобиндъ-девы, построенъ въ видѣ креста; срединное пространство имѣетъ сто футовъ въ длину и столько же поперекъ. Надъ нимъ возвышается куполь, четыре конца креста прикрыты сводами, толщина стѣнъ почти всюду не менѣе десяти футовъ, перерѣзаны на два этажа, при чемъ верхній есть совершенно правильный *triforium*; по внутренней лѣстницѣ въ стѣнѣ поднимаетесь на верхъ. Входъ въ срединное пространство съ востока; на западной сторонѣ, между двухъ нишей и подъ роскошнымъ скульптурнымъ навѣсомъ, есть ходъ въ *хоръ*, комнату футовъ двадцать въ длину; за ней находится *garbhagrāha*, то-есть, *sacrarium*, съ двумя боковыми придѣлами; всѣ три отдѣла одинаковыхъ размѣровъ съ хоромъ; высокіе купола прикрываютъ четыре отдѣла. Говорятъ, что прежде надъ куполами возвышались башни; ихъ было пять надъ куполомъ сре-

диппаго пространства, и четыре надъ четырьмя отдѣленіями къ западу. При нападѣніи Аурангзеба онѣ были снесены, а sacragiaum скрытъ; въ настоящее время его замѣняетъ другой, грубо построенный изъ кирпичей, въ которомъ стоятъ изображенія Кришны, Чайтаньи и его ученика Нитьянапды. Подъ юго-западнымъ предѣломъ есть подземная часовня; она посвящена богини Pâtâl-Devî, и говорятъ, что это древнѣйшая вишнуйтская часовня въ городѣ. Храмъ выстроенъ изъ краснаго песчаника; его высокіе купола, строгая простота и живописная комбинація вертикальныхъ и горизонтальныхъ линий, красивыя высокія окна производятъ очень пріятное и сильное впечатлѣніе. Я видѣлъ его въ то время, когда онъ реставрировался, а потому не могъ вполне оцѣнить красоты извнѣ.

Храмъ былъ выстроенъ въ 1590 году, на средства предка внѣшняго Жайпурскаго ражи; по уже при Аурангзевѣ величественное зданіе сильно пострадало—одино только образъ Кришны успѣли вывезти въ Жайпуру. До 1873 г. храмъ стоялъ такимъ, какимъ оставилъ его Аурангзевъ; по стѣнамъ стали расти деревья, и нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣсколько лѣтъ онъ развалился бы совершенно. Теперь, благодаря вмѣшательству англійскаго правительства, храмъ реставрируется на деньги, пожертвованныя Жайпурскимъ ражомъ; для полной реставраціи нужна громадная сумма, свыше ста тысячъ рупи или болѣе семидесяти-пяти тысячъ рублей. Храмъ имѣетъ свои собственные доходы съ довольно значительной поземельной собственности въ Алаварѣ, Жайпурѣ и въ городѣ Вриндабанѣ, по всѣ эти деньги поглощаются на содержаніе новаго храма, воздвигнутаго подѣ тѣмъ же именемъ, рядомъ со старымъ.

Въ Вриндабавѣ есть еще нѣсколько большихъ храмовъ; по они поражаютъ не столько своею красотой, сколько суммами денегъ, затраченными на ихъ постройку; такъ прямо противъ сейчасъ написаннаго храма стоитъ храмъ, выстроенный банкирами, братьями Гобиндъ-дасомъ и Радха Кришаномъ; на его построеніе было затрачено 45 лакховъ рупи. Каждый лакхъ равняется семидесяти-пяти тысячамъ рублей. Ежегодная поддержка храма стоитъ пятьдесятъ-семь тысячъ рупи; изъ этихъ денегъ болѣе половины тридцать тысячъ рупи, истрачивается на кормленіе священнодѣйствующихъ и богомольцевъ. Доходъ этого храма свыше лакха рупи.

Изъ другихъ окрестностей Матхуры я былъ только въ двухъ — въ Гокулѣ и Махабавѣ. Гокулъ лежитъ на противоположномъ берегу; огромныя лодки перевозятъ туда богомольцевъ; лодки съ сотнями

странниковъ безпрестанно отчаливаютъ; переправа свершается очень медленно, при неумолкаемыхъ воззваніяхъ народа къ рѣкѣ: „Ямунажи, Ямуна-жи!“ Городъ издали кажется красивымъ, но разочарованіе начинается при приближеніи къ противоположному берегу и вполнѣ пастушаетъ, какъ только взойдешь въ узенькія, пыльные, потоками дожди изрытыя улицы. Въ городѣ нѣтъ ничего любопытнаго; его дома не красивы и грязны; храмовъ много, но всѣ они новы и не отличаются красотой. Множество странниковъ богомольцевъ встрѣчается тутъ во всякое время года; они спуютъ по улицамъ, толпятся въ храмахъ, бродятъ по базару. Мѣстные жители очень не дружелюбно посматриваютъ на Европейца и даже неохотно подпускаютъ его къ храмамъ.

Отъ Гокула до Махабана не болѣе мили; дорога идетъ въ гору по печальнѣйшей мѣстности. Въ небольшомъ разстояніи отъ города, на берегу Ямуны стоитъ ассихамба, то-есть, восемьдесятъ столбовъ, или дворецъ Нанды, воспитателя Кришны, мужа его кормилицы. Судя по стилю колоннъ, зданіе это должно быть отнесено къ IX или X вѣку. Колонны расположены пятью рядами, по семнадцати въ ряду; открытая съ трехъ сторонъ колоннада имѣетъ совершенно плоскую кровлю. Небольшое изображеніе будды находится на внутренней стѣнѣ. Сюда являютъ матери для свершенія обряда очищенія, на шестой день послѣ родовъ. Ассихамба не считается храмомъ, а потому осматривать зданіе можно безъ всякихъ затрудненій. Въ день рожденія Кришны сюда собираются массы богомольцевъ на поклоненіе выставленной здѣсь колыбели бога и изображенію его кормилицы. Махабанъ былъ разрушенъ Махмудомъ Газневидомъ и съ тѣхъ поръ нисколько не оправился и не обстроился. Его храмы не значительны, и всѣ постройки грязны и безвкусны. Хотя Махабанъ и значить „великій лѣсъ“, но окрестность примѣчательна именно отсутствіемъ растительности. Весьма вѣроятно, что Махабанъ есть древній городъ Clisoboga, упоминаемый Арріаномъ и Плиніемъ; около Ассихамбы, говорятъ, находили буддійскіе идолы, что, конечно, указываетъ на древность мѣстности.

III.

Въ Врипадаби и Гокулѣ живутъ и имѣютъ свои храмы двѣ первенствующія секты вишнуйтскія. Поклонники бога Вишну дробятся на множество сектъ и подраздѣленій, и хотя весьма часто держатся діаметрально противоположныхъ ученій, но всѣ носятъ общее назва-

ніе „Вайшнава“ (вишнуиты или поклонники бога Вишну), оттого что всѣ признаютъ за главное божество Вишну, что однакоже не исключаетъ различій какъ въ формѣ, такъ и въ предметѣ культа. Начало этихъ сектъ очень позднее; ранѣе XI столѣтія нѣтъ слѣдовъ ихъ самостоятельнаго существованія; наиболѣе же распространенныя и наиболѣе живучія, какъ напримѣръ, послѣдователи Чайтанья или Валлабхачарья явились даже только въ XVI вѣкѣ. Но ученіе и стремленія позднѣйшихъ индійскихъ реформаторовъ были не болѣе какъ видоизмѣненными попытками идти по тому же пути и къ той же цѣли, по которому шли, и къ каковой стремились болѣе древніе индійскіе реформаторы; несомнѣнно, что Чайтанья въ своихъ реформатскихъ замыслахъ во многомъ сходится съ Буддой, а потому въ известномъ смыслѣ современные вишнуитскіе теологи и правы, утверждая, что ихъ „*sampradāya*“ (слово значитъ и церковь, и секта) безначальна, ибо ведетъ свое начало отъ Бога, который безначаленъ“.

Изъ двухъ сектъ, о которыхъ я намѣренъ теперь сказать нѣсколько словъ, послѣдователи Чайтанья имѣютъ свои главнѣйшіе храмы въ Вриндабанѣ; сюда они являются на богомолье, родина же ихъ главнымъ образомъ — Бенгалія, гдѣ поклонниковъ Чайтанья насчитываютъ до десяти миллионъ; въ Бенгаліи же родился Чайтанья (1485—1527 гг.). Городъ Надія (въ старину Навадвипа), мѣсто его родины, до сихъ поръ считается индійскимъ Оксфордомъ. Онъ былъ основанъ въ 1063 году и считался столицей Бенгаліи до 1203 года; слава его мѣстныхъ ученыхъ и коллегія (толь) пережили политическое значеніе города, и въ наше время отъ Лагора до Калькутты высоко уважается тотъ пандитъ, который учился въ Надіи, въ городкѣ, лежащемъ въ глуши, вдали отъ желѣзной дороги. Въ его коллегіяхъ встрѣчаются и старцы, и юноши, ученики съ противоположныхъ концовъ Индіи, изъ Лагора, изъ Дскава, изъ Пури. Здѣсь удержались еще до нашихъ дней многіе старинные порядки; напримѣръ, студенты не имѣютъ печатанныхъ книгъ, а изучаемое сочиненіе должны сами списывать. Учатся по долгу; выбравшій своею спеціальностью „законы“ (*smṛiti*), долженъ проучиться этому въ коллегіи по крайней мѣрѣ лѣтъ восемь; а срокъ для изученія логики опредѣляется въ десять лѣтъ. Ваканціи здѣсь длинны и часты; въ это свободное время студенты бродятъ по окрестностямъ и живутъ милостиною. Но этотъ обычай выводится въ настоящее время, также точно, какъ и другой, столь же древній; въ прежнее время пандитъ

учитель не только училъ, но кормилъ, одѣвалъ, отводилъ квартиру ученикамъ, и все это дѣлалось безвозмездно. Его наградою была слана какъ учителя, обезпечивающая ему приглашенія на религиозныя церемоніи и подарки въ это время отъ сосѣднихъ помѣщиковъ; въ наши дни папидты даромъ только отводятъ квартиры ученикамъ; за все остальное требуютъ платы. Плата эта, конечно, ничтожна; живутъ студенты чуть не подъ открытымъ небомъ, въ глиняныхъ мазанкахъ, тѣснящихся кругомъ аудиторіи, высокой платформы, една прикрытой съ трехъ сторонъ и совершенно открытой съ четвертой.

Въ этомъ-то ученомъ городѣ въ концѣ XV столѣтія и родился въ брахманской семьѣ Чайтанья; по обычаю страны, онъ женился рано и до двадцати-четырехъ лѣтъ прожилъ семьяниномъ; затѣмъ сдѣлался шайраги, то-есть, оставилъ домъ, принялъ обѣты воздержанія и цѣломудрія и сталъ бродить по богомольямъ; шесть лѣтъ онъ провель въ странствіяхъ, переходя изъ Матхуры въ Жаганнатъ; къ этому времени относится начало его проповѣднической дѣятельности, продолжавшейся до конца его жизни (1527 г.). Отъ Чайтаніи не осталось никакихъ литературныхъ произведеній, а объ его проповѣднической дѣятельности и ученіи мы узнаемъ изъ писанія его непосредственныхъ учениковъ. Чайтанья проповѣдывалъ „вѣру“ въ бога Кришну, бога сущаго и верховнаго, причину всѣхъ причинъ, безначальнаго и безконечнаго, не умаляющагося, не возрастающаго, не преходящаго, творца, охранителя и разрушителя міра, для спасенія людей во временахъ рождающагося между ними; спастись можно, только уѣфривавъ въ Кришну. Послѣдователямъ онъ предписывалъ: „Уѣфруйте и славьте Кришну, и будете спасены“. Обязанности были немногосложны: требовалось, чтобы вѣра росла, крѣпла въ сердцѣ, развивалась постепенно отъ спокойной уѣфренности въ бытіе бога до рабскаго отношенія къ богу; и переходя затѣмъ въ дружбу и любовь къ богу, вѣра завершала свое развитіе, становясь страстью. „Слава Криши! Слава Криши! Слава Криши! и только! Въ нашъ вѣкъ (буквально въ періодъ Кали) иного спасенія нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!“. Такъ славить бога поклонники Чайтаньи. Его проповѣдь сопровождалась громаднымъ успѣхомъ; въ короткое время число поклонниковъ возросло до значительной цифры; старцы и юноши шли за нимъ въ слѣдъ, увлекаемые его экстазомъ. Разказываютъ, что ни одна проповѣдь не обходилась безъ рѣварагалар. Съ Чайтаньи дѣлались конвульсія, и онъ впадалъ въ забытіе; въ продолженіе цѣлыхъ часовъ онъ, оставаясь нечувствительнымъ ко всему окружающему, лежалъ восклицая время

отъ времени: „Кришна! Кришна!“ Разказы о мистическихъ видѣніяхъ, бывшихъ ему въ это время, дѣйствуя на фантазію толпы, увлекали ее за нимъ, и эта болѣзнь, какъ зараза, распространилась между его учениками. За нимъ шли многіе, ибо вѣра доступна каждому, и онъ не отворачивался ни отъ кого, принимая въ число своихъ учениковъ Индѣйцевъ всѣхъ кастъ и мусульманъ. „Милосердіе божье не разбираетъ ни рода, ни семьи! Чандалъ (то-есть, низшей касты человѣкъ), въ комъ грѣхъ рожденія огнемъ пречистой вѣры уничтоженъ, прославленъ мудрими... Не рабъ, кто въ Господа вѣруетъ, тотъ Господомъ превозвышенъ...“ Таковыя и подобныя изреченія приводятся учениками Чантаньи, какъ его собственныя слова. Онъ установилъ особый обычай: его поклонники вкушали жертвенныя приношенія Богу (рчад) всѣ вмѣстѣ безъ различія кастъ и происхожденія. Современные вишнуиты не держатся этого обычая и также исключительны въ своихъ воззрѣніяхъ на касты, какъ и прочіе Индусы. Они доускаютъ въ свою секту всѣ касты, но равенство остается теоретическою аксіомой; брахманъ вишнуитъ ни за что не поѣстъ вмѣстѣ съ мусульманиномъ и хотя твердитъ: „Не тотъ, кто изучилъ четыре веды, мой поклонникъ! Миѣ милѣе чандакъ, вѣрующій въ меня! Ему даруй и отъ него пріемли! Сей должепъ быть чтиимъ, также какъ и я!“ Но при этомъ брахманъ вишнуитъ не пріиметъ воды изъ рукъ европейца. Сдѣлавъ изъ Чантаньи аватару Кришны, его послѣдователи развили ученіе о значеніи гуру (учителя) до уродства. Ихъ учителя суть потомки Чантаньи; отъ нихъ поклонникъ получаетъ мантру и становится членомъ секты, дѣлается вайшквава; какъ бы онъ ни вѣровалъ, но безъ мантры ему грозятъ муки ада; мантру же (то-есть, мистическія слова: klîṅg, кришна!) можетъ сообщить только гуру, потомокъ Чантаньи. Отсюда значеніе учителей: и эта секта подобно всѣмъ вишнуитамъ утверждаетъ: „Сперва почти учителя, а потомъ Кришну! Коль Кришна разгнѣвается, учитель спасетъ; никому не спасти, коль учитель разгнѣвается!“ И каждый поклонникъ принадлежитъ всецѣло учителю, передаетъ учителю и себя, и все свое.

Значеніе учителя, понимаемое въ такихъ широкихъ, почти что безграничныхъ размѣрахъ, на практикѣ можетъ доходить до безобразнѣйшихъ явленій, и новѣйшая исторія секты Махараджей или Валлабхачарьевъ доказала это вполне. Ученіе этой секты извѣстно очень неудовлетворительно, впрочемъ не по недостатку письменныхъ источниковъ — Валлабхачары имѣютъ громадную литературу, — а потому что сектанты, какъ бы чувствуя уродливость нѣкоторыхъ изъ своихъ ученій,

тщательно скрываютъ отъ постороннихъ глазъ свою письменность; съ большимъ трудомъ можно достать кое-какія болѣе невинныя и менѣе значительныя памятники. Случившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ средѣ секты скандалъ повелъ къ процессу, во время котораго разоблачены были многія изъ тайныхъ и тщательно скрываемыхъ ученій Валлабхачарьевъ. Основатель этой секты Валлабхачарья, сынъ брахмана изъ Телинганы, былъ современникомъ Чайтаны (1479—1531 гг.) и родился въ сѣверной Индіи около Бенареса, въ глухой мѣстности, во время бѣгства родителей отъ преслѣдованія мусульманъ. Воспитывался въ Гокулѣ и говорить былъ очень учепъ; проведя всю жизнь въ странствіяхъ и въ проповѣди культа младенца Кришны (Bâl-gopal), онъ не былъ аскетомъ и не увлекалъ за собою примѣромъ строгой, постынической жизни и восторженнымъ словомъ о спасеніи чрезъ вѣру въ милосердаго бога. Свое ученіе онъ называлъ *pushti mârگا*, „путемъ къ процвѣтанію“, и его потомки, наслѣдственные учителя секты, развили это ученіе до крайнихъ предѣловъ возможнаго.

Основной догматъ, на которомъ построено все ученіе секты, есть „единеніе съ богомъ“ (Brahma sambandha); самъ Валлабхачарья излагаетъ его такъ: „1. Въ глубокую ночь, одиннадцатаго числа первой половины мѣсяца śrāvaṇa, во очію мнѣ Господомъ рѣченное, дословно передаю: 2. Отъ единенія съ Господомъ исчезнетъ грѣхъ тѣла и души у всякаго... 3. Безъ этого откровенія не исчезнетъ грѣхъ!...“ Единеніе же съ богомъ есть, по ученію этой секты, передача себя и всего того, что считаешь своимъ, Господу, или же—что по ихъ понятіямъ одно и то же—учителю. Ибо не только объ учителяхъ Валлабхачарьяхъ они говорятъ, что „для выщаго единенія съ собою свой ликъ Господь объявилъ на землѣ“, но и всѣ его потомки, пынѣшніе Махараджи, учителя секты, суть то же, что и онъ: „земли желанная краса, асуровъ (то-есть, ихъ ученій демоническихъ) порицанія, причина достиженія блаженства, огонь на сожженіе грѣховъ!“ На практикѣ этотъ догматъ выражается слѣдующими двумя обрядами, обязательными для каждаго члена секты: когда ребенокъ достигаетъ двухъ-трехъ лѣтъ, онъ приносится къ махаражѣ или учителю, который даруетъ ему первую молитву: „Кришна мое убъжище!“ и повизываетъ на шею спурокъ изъ *tulsi* (осушимъ sanctum). Этимъ заканчивается церемонія, составляющая только предварительное посвященіе; когда мальчикъ достигаетъ одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ, тогда наступаетъ время для *samāgrāpa*, то-есть, полнаго посвященія себя Кришнѣ или его инкарнаціи, учителю. Обрядъ этотъ обязательенъ

и для женщинъ: онѣ подвергаются ему передъ вступленіемъ въ бракъ. „Единеніе съ Господомъ“ есть точное и неуклонное исполненіе словъ молитвы, полученной при второмъ, полномъ посвященіи. Эту молитву вѣрующій долженъ повторять ежедневно, нѣсколько разъ; слова ея слѣдующія: „Омъ! Сри Кришна мое убѣжище! Истомленный безмѣрными муками и страданіями, происходящими отъ тысячелѣтіями измѣряемой разлуки съ Кришной, я посвящаю Господу Кришнѣ тѣло, чувство, дыханіе, сердце съ его способностями, жену, домъ, достояніе и себя. Я есмь твой рабъ, о Кришна!“ Принявъ это посвященіе, челоуѣкъ становится полнымъ членомъ секты, и на него налагается рядъ обязанностей въ отношеніи къ живому представителю бога на землѣ, вполне отождествляемому съ небеснымъ.

Махаражѣ служатъ какъ богу, припадая къ его стопамъ; прахъ изъ-подъ его ногъ ѣдятъ; вода отъ его омовенія считается цѣлебною; остатки его пищи, изжеванный имъ бетель принимаются и вкушаются какъ святыня. Прикосновеніе его ноги къ груди умирающаго, освобождаетъ отъ грѣха; тысячи рупій платятся за такую милость учителя. Можетъ показаться страннымъ и невѣроятнымъ, что махаражи, люди по большей части очень невѣжественные до сихъ поръ сумѣли удержать такую власть надъ своими адептами. Ихъ значеніе нисколько не уменьшается; и по прежнему эти богатые и развращенные потомки Валлабхачарья суть полновластные заправители дѣлъ секты. Въ дѣйствительности имущество и семья сектаторовъ принадлежатъ учителямъ, и бывали очень гнусныя злоупотребленія наивною вѣрою невѣжественныхъ поклонниковъ. Махаража не есть лицо духовное; онъ женатъ, семьянинъ и вполне принадлежитъ жизни, не отказавшись ни отъ житейскихъ удовольствій, ни отъ преслѣдованія житейскихъ цѣлей. Онъ весьма часто занимается торговлей, и благодаря своему исключительному положенію, всегда очень богатъ; источникъ его доходовъ неизсякаемъ: это *lāgā* или пошлина на всѣ товары, продаваемые сектаторами; нѣкоторые изъ учителей произвольно возвышаютъ эту пошлину, и все-таки вѣрующіе безропотно оплачиваютъ ее.

Секта распространена главнымъ образомъ въ Гузератѣ и въ Бомбейѣ, среди торговаго и зажиточнаго класса, въ такихъ мѣстахъ Индіи, къ которымъ названіе захолустья вовсе не приложимо, и до сихъ поръ она живуча и многочисленна.

И. Минаевъ.

ГРЕКО-СКИФСКИЙ МИРЪ НА БЕРЕГАХЪ ПОНТА.

«Для разработки исторіи съ культурной точки зрѣнія однимъ изъ самыхъ главныхъ средствъ долженъ служить предметъ спеціальныи — историческая этнографія.» А. Куникъ.

Въ началѣ 1874 года мы сообщили Одесскому обществу исторіи и древностей статью нашу о памятникахъ съ руническими надписями на югѣ Россіи, а въ 1875 году членъ Археологическаго Общества въ Санктпетербургѣ А. И. Савельевъ указалъ на два изъ тѣхъ же памятниковъ и приписалъ ихъ Татарамъ. Названіе „рунической“, принимаемое въ тѣсномъ смыслѣ слова, могло подать поводъ къ недоразумѣніямъ со стороны г. Савельева, такъ какъ подъ именемъ руны принято понимать письмена, бывшія въ употребленіи у Гото-Германскихъ племенъ. Но извѣстно, что письменный алфавитъ вошелъ въ употребленіе на сѣверѣ приблизительно только около VIII—IX в. по Р. Х. ¹⁾; до того же, народы, тамъ обитавшіе, умѣли сохранять память о важныхъ происшествіяхъ посредствомъ письма фигурнаго или символическаго ²⁾.

Ворсо отвергаетъ возможность прохожденія народовъ германской расы чрезъ Россію на томъ основаніи, что о сю пору въ Россіи не найдено ни руническихъ надписей, ни характеристическихъ вещей древняго періода сѣвера. Поэтому мы и старались обратить вниманіе ученыхъ на существованіе на югѣ Россіи памятниковъ, схожихъ съ находимыми на сѣверѣ Европы. Что же касается до названія ихъ руническими, то намъ давало на это право, съ одной сто-

¹⁾ *Hildebrand*, *Heidn. Zeitalt.*, S. 140—145.

²⁾ *Montelius* въ *Rev. archéolog.* 1875, Octobre, p. 208; ср. *Müller F.*, *Grundriss d. Sprachwissenschaft.* Wien 1876, S. 150—154, 158, 168.

роны, нахожденіе нашихъ памятникѣвъ на мѣстѣ жительства Готовъ, а съ другой—свидѣтельство Юрнанда о существованіи у нихъ аліоруннъ, отъ имени которыхъ производятъ и самое слово руны. Изобрѣтеніе ихъ приписывается Одину, а отечествомъ его считается Скиѳія ¹⁾). Въ самомъ способѣ начертанія нашихъ знаковъ, при помощи остраго орудія, можно скорѣе видѣть сходство ихъ съ руническими, невзвукowymi чертами, нежели съ настоящею письменностію, бывшею въ употребленіи у другихъ народовъ на югѣ Россіи. Если Кастрень назвалъ руническимъ камень, отысканный въ Енисейской губерніи ²⁾), то почему бы памъ не имѣть права назвать наши памятники руническими?

Памъ кажется, что существованіе сѣверо-нѣмецкихъ племенъ на югѣ Россіи подъ именами Вапдаловъ, Тервиговъ, Грейтуговъ ³⁾ и Готовъ Тетракситовъ, численность ихъ, языкъ и отношенія къ Славянамъ ⁴⁾, въ связи съ пощественными памятниками, могли бы пролить болѣе свѣта на начало русской исторіи, нежели указаніе на свидѣтельства о позднѣйшихъ Nordmannorum gentes, при неизвѣстности—точно ли аппаллисты подъ этимъ именемъ разумѣли обитателей дѣйствительнаго сѣвера. Слухъ объ убійствахъ и грабежахъ, произведенныхъ настоящими Норманнами въ сосѣдствѣ съ Италіею, легко могъ достигнуть Венеціи и подать поводъ Іоанну Діакону перенести готовое имя Норманновъ на грабителей Царьграда. Можно ли предположить, чтобы Галиндовы Rhôs Succigenae 839 года не были извѣстны Іоанну Діакону; почему жъ онъ не упомянулъ о нихъ ⁵⁾? Если этнографическому показанію Іоанна Діакона придавать значеніе несомнѣнной истины, то окажется, что и „Великая Скуѣ“, ходившая съ Олегомъ въ 907 г. подъ Царьградъ, были также Норманны. А. А. Кунникъ предполагаетъ, что греческое Βόρειοι Σκύθαι есть переводъ Nordmanni Іоанновыхъ ⁶⁾). По развѣ на картахъ Штоломся мы не встрѣ-

¹⁾ *Liliengron und K. Müllenhoff, Zur Runenlehre, S. 17—20, 31, 44, 58; Muralt, Chronographie B., p. 730; ср. Asmus, Indogerm. Naturrelig. 1875, p. 129.*

²⁾ *Изв. Им. Археол. Общ., т. I, стр. 30, 168 и 169.*

³⁾ *Zeuss, Die Deutschen, S. 407.*

⁴⁾ *Дорнъ и Кунникъ, Каспій, стр. 645; Гильфердингъ, Сочиненія, т. I, стр. 1—7, т. IV, С. 12, 18; Кёрке, Auf. d. Königl. Gothen, Berlin, 1859, S. 136—139.*

⁵⁾ *Ср. Левестамъ, Ист. очеркъ поэзи скальдовъ. Варшава. 1872, стр. 9.*

⁶⁾ *Каспій, стр. 698, 049, 377; ср. Depping, H. des Norm. Paris. 1844, p. 392—394; Барсовъ, Георг. Н. Лвт., стр. 11; Кунникъ, Каспій, стр. 632; Кёрке, op. c., S. 208. 209.*

чаемъ Ἰπερβόρειοι Σαρμάται въ окрестностяхъ Тапаиса? ¹⁾). Карты Птолемея составляли тогда единственный источникъ географическихъ свѣдѣній о странахъ Понтійскихъ ²⁾); слѣдовательно, Греки не имѣли надобности заимствовать отъ Иоанна Діакона названія для Скифовъ. Если предполагать, что Греки получили отъ Италіанцевъ точныя свѣдѣнія о томъ, что Rhós были не Скифы, то какъ объяснить позднѣйшую путаницу, существовавшую у Грековъ въ понятіи о Руссахъ изъ рода Франковъ? Пусть Иоаннъ Діаконъ скажетъ намъ, откуда въ 865 году приходившіе подъ Царьградъ на 360 корабляхъ Норманны могли достать въ Кіевѣ матеріалъ, потребный для сооружеія флотиліи ³⁾), тогда какъ позже они выговаривали у Грековъ: „якоря, ужа и прѣ“? Глубокоуважаемый нами А. А. Куникъ предполагаетъ, что „Аскольдъ и Диръ, поселившись въ Кіевѣ въ 862 году, собрали вокругъ себя множество Варягъ прежде, чѣмъ рѣшились отправиться въ 865 году въ походъ съ намѣреніемъ грабить Царьградъ“. Но это предположеніе не разрѣшаетъ вопроса о флотѣ, то-есть, вѣмъ именно, какой конструкціи и при какихъ средствахъ онъ былъ построенъ? Г. Куникъ указываетъ на этотъ вопросъ какъ на доказательство, что до пришествія Россовъ, Кіевскіе Славяне не умѣли строить мореходныхъ судовъ. Откуда же Константинъ Багрянородный почерпнулъ свѣдѣнія, что Руссы, жившіе въ Кіевѣ, „покупали моноскілы (однодеревки) у Кривичанъ, Лутичанъ и другихъ славянскихъ племенъ, а весла, уключины и прочія нужныя снадобья брали со старыхъ судовъ“. Нельзя предположить, чтобы у Константина шла здѣсь рѣчь о старыхъ судахъ (трехъ корабляхъ) Норманновъ, принесенныхъ ими на плечахъ чрезъ волоки или привезенныхъ на колесахъ отъ береговъ Балтійскаго моря чрезъ землю дикихъ, впоследствии только покоренныхъ народовъ ⁴⁾). Указаніе Ворсо объ отсутствіи руническихъ надписей на югѣ Россіи, какъ на доказательство отсутствія Готовъ, мы можемъ съ большею достовѣр-

¹⁾ Ж. М. Н. Пр., ч. LV. карта № 2; ср. Ukert, Geogr., S. 403; Geogr. Gr. Min., Paris, II, pp. 105, 119, 643.

²⁾ Mommsen, Mém. sur les prov. Rom., Paris, 1867, p. 12. 27. 61; ср. Tougaard, L'histoire. prof., 1874, p. 205. U. de S. Martin. Atlas. 1874, not. 3; Baer, K., Macrocephalen, Spt. 1860, S. 64; Lelewel, Geograph. Bruxelles, 1852, T. I, p. 8.

³⁾ Ср. Стрингольмъ, Пох. Виз., стр. 248 — 253 и 241; Вегеламъ, Оч. Рус. морскою Ист. С.-Пб. 1875, стр. 28 и 16—19; Arch. f. Slav. Philol. Berlin 1875, S. 140—143.

⁴⁾ Гильфердингъ, Соч., т. IV, стр. 27—29; ср. Depping, Op. C., pp. 33—37, 39.

постію примѣнить къ Норманнамъ, положившимъ будто бы основаніе Русскаго государства въ Кіевѣ. Норманны оставили вездѣ руническія надписи на мѣстахъ своихъ подвиговъ ¹⁾, но на югѣ Россіи, къ удивленію, ихъ не встрѣчается. Если Норманны сообщили пазвапіи порогамъ, то какимъ образомъ они не оставили тамъ руническихъ надписей, имѣя досугъ начертать ихъ на гранитныхъ скалахъ во время стоянки на островѣ св. Григорія? Долговременное пребываніе въ Кіевѣ и путь, пройденный отъ устьевъ Двины, не представляетъ также живаго свидѣтельства о прохожденіи Норманновъ чрезъ земли Славянскія ²⁾. По крайней мѣрѣ, извѣстія нашихъ археологическихъ обществъ умалчиваютъ о находкахъ не только надписей, но и оружія или украшеній, которыя можно было бы несомнѣнно отнести къ Норманнамъ. Исключеніе составляетъ мечъ, сомнительнаго происхожденія, указываемый В. Е. Тизенгаузеномъ, но и тотъ найденъ въ Орловской губерніи ³⁾.

Не думаю, чтобы въ настоящее время кто-нибудь сталъ оспаривать значеніе археологіи для исторіи, тогда какъ обѣ эти науки взаимно другъ друга поддерживаютъ. Укажу для примѣра на кувчинскія монеты. Нахожденіе ихъ по теченію Волги и ея притокамъ подало поводъ историкамъ утверждать, что еще съ древнихъ временъ между Русью и прикаспійскимъ востокомъ существовало живое сообщеніе, такъ какъ въ лѣтописи, при описаніи истока Волги, сказано: „тѣмъ же путемъ изъ Руси можно ити въ Болгары и въ Хвалисы“ ⁴⁾. Изъ этого показанія выведено было заключеніе, что Кіевъ, находящійся при Днѣпрѣ, игралъ также важную роль въ торговлѣ съ востокомъ, и что подъ именемъ Руссовъ восточные писатели разумѣли не только Новгородцевъ, но и Кіевлянъ. Въ настоящее время почтенные академики Дорпъ и Куникъ заявляютъ сомнѣніе, чтобы Кіевляне до 883 года могли предпринимать набѣги на побережья Каспійскаго моря ⁵⁾. Мнѣніе это подтверждается отсутствіемъ кувчинскихъ монетъ не только по всему теченію Днѣпра ниже Кіева, но и по берегамъ Чернаго моря въ Крыму, на Таманскомъ полу-

¹⁾ *Rafn*, *Antiq. de l'Orient*, p. 42; ср. *Поюдинъ* въ *Ж. М. Н. Пр.*, ч. 48, стр. 102.

²⁾ *Kruse*, *Necrolivonica*, S. 24; ср. *Стрингольмъ*, *Op. C.*, стр. 272. 278.

³⁾ *Тр. М. Арх. Общ.*, т. 3, стр. 176; ср. *Тр. 1-го Арх. Съѣзда*, стр. 713, 758, 759.

⁴⁾ *Поюдинъ*, *Р. Ист.*, стр. 2, 3; ср. *Археолог. Вѣст.* 1867, стр. 42, 138.

⁵⁾ Каспій, стр. XLVIII—L.

островѣ и въ устьяхъ Дона. Хотя на картѣ въ атласѣ покойнаго М. П. Погодина и показана находка куфическихъ монетъ въ развалинахъ Херсониса, но В. В. Григорьевъ оспорилъ мѣстонахождение ея еще въ 1844 году ¹⁾. Такимъ образомъ, археологія оказываетъ несомнѣнную пользу исторіи, подкрѣпляя выводы ея живымъ свидѣтельствомъ. Не думаю, чтобы вопросъ о кунахъ можно было бы порѣшить также на основаніи однихъ письменныхъ источниковъ ²⁾.

Начиная съ III вѣка по Р. Х., исторія стала называть Скиоами всѣ народы, обитавшіе на югѣ Россіи, и удерживала за ними это названіе почти до XII в. по Р. Х., присоединивъ къ Скиоамъ множество другихъ народовъ, пришедшихъ тогда, когда настоящихъ Скиоовъ-Сколотовъ давно уже не было на югѣ Россіи ³⁾.

Выше мы упомянули о Готахъ, но не слѣдуетъ ли присоединить къ нимъ и Славянъ. Вопросъ о томъ, откуда и когда появился этотъ многочисленный народъ на югѣ Россіи, былъ всегда новымъ, не смотря на всевозможныя попытки порѣшить его, на основаніи письменныхъ источниковъ ⁴⁾. Но мы позволяемъ себѣ думать, что онъ не будетъ разрѣшенъ до той поры, пока археологъ не извлечетъ изъ земли живой лѣтописи народовъ о ихъ домашнемъ бытѣ, характерѣ и степени развитія въ данную эпоху. Напрасно этимологія старается опередить археологію и при отсутствіи предмета доказать по названію источникъ его происхожденія. Споръ о названіяхъ топора и сѣкиры у Славянъ служитъ разительнымъ тому примѣромъ, такъ какъ онъ возникъ при отсутствіи соглашенія о мѣстѣ первоначальнаго жительства Славянъ въ Европѣ и находокъ самаго орудія ⁵⁾. Каждый народъ имѣетъ свою манеру слушать и передавать чужіе звуки; поэтому слово легко можетъ сдѣлаться не узнаваемымъ, тогда какъ памятникъ, при посредствѣ сравненія съ другими подобными, вѣрнѣе

¹⁾ *Зап. Одесск. Общ. Ист.*, т. I, стр. 144.

²⁾ *Изв. Археол. Общ.*, т. VII, стр. 118, 119; *Погодинъ въ Журн. М. Нар. Пр.*, ч. 48, стр. 114, 117.

³⁾ *K. Müllenhoff, Mémoires sur l'append. à la list. de prov. de 297*, p. 61; ср. *Murali, Chronograph. Vys.*, т. II, p. 189.

⁴⁾ *Барсовъ, Геогр. Начал. Л.*, стр. 61—65.

⁵⁾ Каспій, стр. 678, 679, ср. 71, 72; *Григорьевъ, О Сакахъ*, стр. 186—189; *Nilsson, Habit. d. Scand.*, Paris 1868, стр. 287, пр. 4; *Grimm, J.*, Kl. Schrift. Berlin, 1865, В. 2, S. 55, 56, 414, 415; *Krek, Slav. L. Gesch.* Graz. 1874, S. 52—55, 164; *M. Müller, trad. Perrot*, 1873, p. 54, 300.

указываетъ родину своего происхожденія и придаетъ убѣдительность выводамъ этнографа, историка и филолога ¹⁾.

А. А. Купикъ ²⁾ полагаетъ, что „древнѣйшимъ источникомъ для исторіи каждаго народа служить языкъ его“. Предположимъ, что это дѣйствительно такъ, но гдѣ же существуетъ столько противоположныхъ выводовъ, какъ не въ области лингвистической палеонтологіи? Укажемъ на мнѣніе Тейлора о принадлежности Этруссковъ къ алтайской вѣтви народовъ и на открытіе Оппертомъ въ языкѣ греческомъ корней глаголовъ и нѣкоторыхъ терминовъ, которые выдѣляютъ Еллиновъ изъ среды Индо-Европейскихъ народовъ. Вирховъ высказываетъ предположеніе, что Померельскіе лицевые горшки, найденные почти въ срединѣ Европы, должны принадлежать народамъ расы Семитической, а Лепорманъ, на основаніи филологическихъ трудовъ Раска, Кастрена и Макса Мюллера, утверждаетъ, что всѣ народы отъ Финляндіи до береговъ Амура принадлежатъ Туранской расѣ ³⁾. Изъ этого мы выводимъ заключеніе, что языкъ народа, который, подобно Скноамъ, оставилъ намъ нѣсколько словъ, можетъ тогда только сдѣлаться вѣрнымъ источникомъ для исторіи, когда географія, этнографія и археологія вступаютъ между собою въ полнѣйшее соглашеніе ⁴⁾.

Можно ли въ настоящее время утверждать, что восточные Славяне, жившіе на югѣ Россіи, и Готы не были никогда народомъ мореходнымъ, или что сѣверные народы не были конниками ⁵⁾, тогда какъ на сѣверѣ встрѣчаются памятники съ изображеніемъ воиновъ на лошадахъ, а на югѣ Россіи у степныхъ кочевниковъ существовалъ флотъ ⁶⁾. Олегъ, мнимый Норманецъ, имѣлъ у себя коней и ко-

¹⁾ Ср. *Hehn*, Kulturpfl. u. Hausthiere, Berlin. 1874, S. 475—483; *Громъ*, Филологич. розыск., С.-Пб. 1873, стр. 209; *Müller F.*, Op. C., S. 58—61; *Virchow*, Urbevölker. Europ. Berlin, 1874, S. 7—9.

²⁾ Каспій, сср. 399, 400, 460 и 462.

³⁾ Ср. *Европонецъ*, Объ Угорск. народѣ, стр. 14; ср. *Virchow*, Op. C., S. 15, 16, 32, 35—37.

⁴⁾ *Uifaluy*, Lang. Ougro-Fin., 1875, p. XII; *Peschel*, Völkerkunde. 1875, SS. 133—136; *Bergmann*, Ontolog. et Linguist., 1875, pp. 474, 478; *Gerland*, Anthropol. Beitrage, 1875, S. 382, 383; ср. *Miklosich*, Altslov. Formenlehre, Wien. 1874, S. XXXI, XXXII; ср. *Громъ*, Филологич. розыск., стр. 252.

⁵⁾ Каспій, стр. 392, 400, 431, 453; ср. 391, 393; *Кörke*, s. 212, 221, 222.

⁶⁾ *Montelius*, op. c., p. 210; *Иоанинъ*, Р. ист. атл., 191, о Матильд. пеленъ; *Kruse*, Necroliv., Anastas., S. 16—18; *Schmidt*, Danemark., p. 127; ср. *Depping*,

ноховъ, а Святославъ и войско его питалось кониною. Какимъ же образомъ можно объяснить такую рѣзкую поромѣну, въ продолженіе короткаго времени, въ нравахъ и привычкахъ пришлаго народа, сроднившася съ приморскою жизнью и умѣвшаго ѣздить только на морскихъ копяхъ ¹⁾).

Если предполагать, что существованіе мнимыхъ врожденныхъ инстинктовъ могло имѣть вліяніе на историческія событія, то какъ объяснить рѣшимость Олега и дружины его (въ войнѣ его были Деревляне, Сѣверяне, Радимичи, Поляне, Уличи, Тѣверцы и даже Хорваты) воевать по суку, при чемъ необходимо было ѣздить верхомъ на лошади? Что же касается до страха качки, долженствовавшаго удерживать Черноморскихъ Славянъ отъ судоходства, то могли ли они бояться ощущенія, ими не испытаннаго? Миѳологія, предапія и пѣсни не даютъ повода подозрѣвать, чтобы страхъ этотъ былъ прирожденъ восточнымъ Славянамъ; исторія же показываетъ, что Олегъ, идучи подъ Царьградъ, бралъ съ собою на суда не однихъ Варяговъ, но и Славянъ. Оставивъ мысль о призваніи Рюрика въ такомъ видѣ, въ какомъ изложена она у лѣтописца, спрашиваемъ, почему нельзя было бы допустить двойнаго передвиженія сѣверныхъ народовъ? Въ первый разъ оно могло совершиться не позже II столѣтія по Р. Х. ²⁾ отъ Балтійскаго моря къ Черному, а второе, обратное — при нашествіи Гунновъ. Въ это время часть Сѣверо-Нѣмецкаго племени, знакомаго уже съ Славянами, могла уйти на сѣверъ и возвратиться оттуда на югъ Россіи, пожалуй Варягами съ Аскольдомъ и Диромъ. Мысль дикая, но мы не отказываемся подкрѣпить доказательствами возможность подобнаго событія ³⁾).

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены исключительно коснуться вопроса о существованіи на югѣ Россіи непонятной письменности въ видѣ идеографическихъ или мистическихъ знаковъ, бывшихъ въ употребленіи до IV вѣка по Р. Х. на пространствахъ отъ Кавказскихъ горъ до устья Днѣпра, Дона и на Босфорѣ.

ор. с., р. 7; Strabon, Lib. VII, с. 3, 18; Виз. Ист. перев. *Дестуниса*, Дексинъ, стр. 42, пр. 20; *Thierry*, H. d'Attila, 1872, т. 1, р. 73; *Delluf*, Theodorie. Paris. 1869, р. 31, 32.

¹⁾ Ср. *Хвольсонъ*, Ибнъ-Дастъ, стр. 198; *Стриниольма*, ор. с., стр. 238—241.

²⁾ Касишъ, стр. 431.

³⁾ Ср. *Hildebrand*, ор. с., S. 175 — 177; *Schmidt*, ор. с., р. 139; ор. *Kruse*, Ur-Gesch. des Ethn. Volkst. Leipzig, 1846, S. 390; *Стриниольма*, ор. с., стр. 5; *Жорке*, S. 114, 136, 137.

Въ 1830 году, въ шести верстахъ отъ Керчи, вблизи дороги, ведущей въ Феодосію, открыта была гробница, извѣстная подъ именемъ Кулубской. Мы не стапемъ входить во всѣ подробности, сопровождавшія открытіе этого знаменитаго памятника, но считаемъ необходимымъ для цѣли нашей указать на нѣкоторыя изъ вещей, здѣсь найденныхъ. На черепѣ у женщины надѣта была діадема изъ электрума, въ вершокъ шириной, украшенная изображеніями сидящихъ женщинъ и между ними грифоновъ. На мѣстѣ шеи было золотое витое кольцо, которое открывается по срединѣ, а по концамъ имѣетъ фигуры двухъ лежащихъ львовъ. По обѣимъ сторонамъ острова лежали два записки, шириною въ два вершка; на нихъ представлены олени, пожираемые львами, и грифоны. Вокругъ головы находилось семь пожей, изъ которыхъ одинъ имѣлъ черенокъ, обтянутый золотомъ. Здѣсь же добыто было еще нѣсколько вещей изящной греческой работы. Во второмъ саркофагѣ, принадлежавшемъ мужчине, найденъ былъ на головѣ обручъ изъ электрума, служившій ободкомъ для войлочной конической шапки, имѣвшей на верхней части другой такой же, но меньшей величины обручъ. На шеѣ надѣто было ожерелье, оканчивающееся фигурами всадниковъ, названныхъ въ протоколѣ Скиоами. Обѣ руки до локтей и выше ихъ покрыты были въ разныхъ мѣстахъ записками и обручами различной величины и вида изъ золота и электрума. Съ берцовыхъ костей снято было также два бронзовые вызолоченные обруча. Въ этомъ гробѣ найдены: 1) ваза изъ электрума съ выпуклыми изображеніями воиновъ въ скиоскомъ одѣяніи, изъ которыхъ одинъ, опершійся обѣими руками на копье, признанъ за Скиоскаго царя, совѣщающагося послѣ сраженія съ своими воинами; мы въ особенности желаемъ обратить вниманіе читателя на эту вазу, такъ какъ изображенныя на ней фигуры людей, признаваемыхъ за настоящихъ Скионовъ-Саковъ, подали поводъ указывать на нихъ, какъ на прототипъ нашихъ предковъ Руссовъ;— 2) серебряный скипетръ или жезлъ, на верху котораго представлена птичка;— 3) золотой щитъ;— 4) колчанъ съ надкладкою на немъ; между выпуклыми изображеніями имѣется надпись ΓΟΡΝΑΧΟ;— 5) желѣзный мечъ съ рукою, обложенною золотымъ листомъ;— 6) костяная ручка отъ плети, и 7) разбитая лира. Далѣе, за головою покойника, стояли четыре фигурки изъ электрума посредственной работы, представляющія двухъ обнимающихся Скионовъ, и еще нѣсколько фигурокъ, но уже въ другомъ одѣяніи и съ колчанами, надѣтыми по скиоскому обычаю. Двѣ изъ послѣднихъ хранятся въ музеумѣ Одесскаго обще-

ства исторіи и древностей. Въ этомъ же склепѣ найдены были четыре бронзовыя вазы (котлы) и тазъ изъ позолоченой бронзы, на днѣ котораго находились: сосудъ для питья и два рога (то *ῥοτὸν*), изъ которыхъ одинъ украшенъ на концѣ изображеніемъ бараньей головы. Серебряная чашечка, здѣсь найденная, имѣетъ надпись ЕРМЕО, а на одной изъ амфоръ начертано *Θασσ*. На полу гробницы найдено было множество венцицъ изъ золота и электрума съ изображеніемъ львовъ, вепрей, негасовъ, оленей и зайцевъ. Между ними здѣсь же лежали мѣдные наконечники отъ стрѣлъ, желѣзныя копья и другіе предметы. Желаящимъ познакомиться съ вещами, собранными въ этой прославленной гробницѣ, мы рекомендуемъ мастерскія изображенія ихъ, приложенныя къ сочиненіямъ: „Древности Босфора Киммерійскаго“ и „Путешествіе о южной Россіи“, Дюбуа де Монпере.

При обсужденіи вопроса о томъ, какому именно изъ народовъ могли принадлежать вещи, найденныя въ Кулобѣ, вниманіе археологовъ было по преимуществу обращено на вазу съ изображеніемъ воиновъ, на греческія надписи и на изящество нѣкоторыхъ вещей. Поэтому большая часть изслѣдователей пришли къ заключенію, что Кулобская гробница приготовлена какъ бы для тѣхъ покойниковъ, при которыхъ найдены указанныя здѣсь вещи, хранившіяся нынѣ въ Петербургѣ въ Императорскомъ эрмитажѣ, въ особомъ отдѣленіи подъ именемъ Керченскаго. Но изслѣдователи упустили изъ виду, что подъ помостомъ, на которомъ собраны кулобскія вещи, находилась другая гробница, содержавшая въ себѣ, быть можетъ, еще большія сокровища. По крайней мѣрѣ и теперь, по прошествіи 45 лѣтъ, можно встрѣтить вещи, оттуда похищенныя. Такимъ образомъ, само собою разумѣется, что каменная гробница древней постройки была сооружена не для покойниковъ, которые погребены на помостѣ, настланномъ сверху гробницы не изслѣдованной. Но если отсюда и могло явиться предположеніе, что кулобская гробница была фамильная, неизвѣстнаго народа, любившаго греческія изящныя вещи, то мы все-таки не понимаемъ, на чемъ основано мнѣніе о принадлежности найденныхъ на помостѣ вещей Скифскому царю. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ передѣлать исторію и допустить, что Пантикапея всегда была населена Скивами, а не Греками, оставившими надписи на своемъ языкѣ по всему пространству Босфорскаго царства. Сохраненіе нижней гробницы, свидѣтельствующее отчасти въ пользу предположенія объ общей семейной усыпальницѣ, не можетъ уничтожить въ насъ убѣжденія, что на Босфорѣ могли быть и такіе народы, которые не смотрѣли

на могилы какъ на имущество, никому не принадлежащее. Такимъ образомъ, позднѣйшій пришлецъ могъ, чрезъ нѣсколько вѣковъ, воспользоваться готовою греческою гробницею, не подозрѣвая даже нахожденія въ ней покойниковъ, закрытыхъ каменнымъ помостомъ ¹⁾).

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя о значеніи сокровищъ, добытыхъ въ кулобской гробницѣ. Дюбуа, по поводу обруча, найденнаго на шеѣ мужчины, замѣчаетъ, что подобные обручи, преимущественно бронзовые, встрѣчаются на сѣверѣ и у Литовцевъ. Въ особенности интереснымъ представляется мнѣніе Дюбуа относительно фигурокъ, нахожденіе которыхъ въ кулобской гробницѣ показалось ему удивительнымъ по костюму, напоминающему русскій тулунъ и польскій кожухъ. О шапкахъ, надѣтыхъ на царѣ и воинахъ, Дюбуа говоритъ, что онѣ похожи на литовскія. Что же касается до ритоновъ и котловъ, встрѣченныхъ въ кулобской гробницѣ и отсутствовавшихъ, вѣроятно, въ нижней гробницѣ, то о нихъ Дюбуа не говоритъ ни слова, равно какъ и о конской сбруѣ, украшенной золотыми пластинками со вставленными въ нихъ сердоликами. На основаніи этихъ соображеній Дюбуа видитъ въ покойникахъ кулобской гробницы прахъ одного изъ Левконидовъ ²⁾. Но осматривая монастырь въ Мартвили, Дюбуа былъ пораженъ сходствомъ нѣсколькихъ предметовъ, высѣченныхъ на двухъ фризахъ христіанской церкви, съ изображеніями на кулобскихъ вещахъ. При этомъ Дюбуа замѣчаетъ, что фризы въ Мартвильскомъ монастырѣ должны быть современны Кутаисскому храму ³⁾. Отсюда слѣдуетъ вывести заключеніе, что на Босфорѣ и въ сопредѣльныхъ странахъ древнее перемѣшано до такой степени съ позднѣйшимъ иноземнымъ, что трудно между ними провести черту разграниченія ⁴⁾, а тѣмъ болѣе приписать съ увѣренностію исключительно Скиѳамъ-Сакамъ. Прежде всего укажемъ на надпись, относящуюся къ царствованію Т. Ю. Реметилка (132 по 154 г. по Р. Х.), въ которой упоминается о богинѣ Соль, принадлежащей древней сѣверной религіи ⁵⁾. Г. Буслаевъ, по поводу разбора сочиненія г. Коссовича объ Ахсменидцкихъ надписяхъ, высказываетъ

¹⁾ Ср. ст. *Сенковскаго*, въ *Библ. для Чит.* 1835 г., т. XII, стр. 59.

²⁾ V. *autour du Caucase*, т. V, pp. 195—227.

³⁾ *Ibid.* т. III, p. 43, 44.

⁴⁾ Ср. *Hellwald*, *Vorgeschicht. Mensch.* Leipzig. 1874, S. 365—367; *Lindenschmit*, *Heidn. Vorzeit*, B. II, Heft. V; *Срезневскій*, въ *Изв. II-го Отд. И. А. Н.* 1854, т. 3, стр. 271.

⁵⁾ Отчетъ Имп. Археол. Коммисіи за 1860 г., стр. 100 и 101.

миѣніе, что Эранцы для Русскаго народа имѣютъ интересъ спеціаль- ный по отношенію къ Скивамъ, имѣвшимъ вліяніе на славянскую народность. Зпатокъ древне-русскаго искусства говоритъ далѣе, что крѣпкій узелъ, которымъ эранскіе завоеватели затынули союзъ индо- европейской культуры съ семитическою, еще не разрѣшенъ не только относительно древностей классическихъ, но и смутной эпохи сред- нихъ вѣковъ, сложеной изъ противоположныхъ элементовъ и направ- леній. Указаніе В. В. Григорьева на существованіе доисторическаго буддизма, между Скиоскими племенами вокругъ Черноморья затяги- ваетъ еще крѣпче узелъ которымъ завязаны южно-понтійскія древ- ности.

Миѣнія нашего мѣстнаго археолога Ашика и ученаго Спасскаго заслуживаютъ быть приведенными здѣсь по значенію, какое они при- давали находенію монетъ въ гробницахъ или въ сосѣдствѣ ихъ. Ашикъ относитъ сооруженіе кулобской гробницы ко времени близ- кому къ царствованію Митридата, а Спасскій, сопоставляя вещи, най- денныя въ Кулобѣ, съ другими, почти тождественными, открытыми въ 1821 году г. Патаніоти, ставитъ сооруженіе кулобской гробницы, между Левкономъ I и началомъ II вѣка по Р. X. на томъ основа- ніи, что въ Патаніотовскомъ курганѣ найдены монеты не Котиса и Савромата, а Левкона.

Намъ кажется, что находеніе монетъ, даже и непосредственно при покойникахъ, можетъ только указывать на время, ранѣе какого не могло послѣдовать погребеніе. Извѣстно, что на мѣстахъ Запо- рожской осѣдлости и въ могилахъ Запорожцевъ встрѣчаются римскія монеты вмѣстѣ съ польскими, но это не доказываетъ, что Запорожцы жили во времена Римскихъ императоровъ. Замѣчательное и часто встрѣчаемое на югѣ Россіи смѣшеніе позднѣйшихъ вещей съ древ- нѣйшими объясняется отчасти переходеніемъ старыхъ вещей по наслѣдству, но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида и добычи ихъ чрезъ ограбленіе могилъ. Древность всегда имѣла значеніе маги- ческой силы, и на югѣ Россіи о сѣ пору сохраняется обычай класть старыя монеты по угламъ при закладкѣ дома.

До настоящаго времени принято было приписывать ограбленіе могилъ Генуезцамъ, но мы имѣемъ историческое свидѣтельство, что и казаки занимались раскопками кургановъ. О Кондратіѣ Булавинѣ сказано, что онъ, „имѣя при себѣ сотъ до пяти Запорожцевъ и Чер- кесовъ, ходилъ съ ними за границу на Крымскую степь верстъ на сто и болѣе и разрывалъ находящіяся тамъ курганы, въ коняхъ, а паче

въ большихъ, сыскивалъ кладовъ не положенныхъ имъ, чѣмъ хотѣлъ обогатить себя¹⁾. Такимъ образомъ, легко объяснить находку вещей вблизи Повочеркаска при отсутствіи костяковъ и происхожденіе многихъ изъ кургановъ, въ которыхъ вовсе не встрѣчается древнихъ вещей.

Отсюда, быть можетъ, появились и тѣ курганы, обнесенные валами, которымъ Ходаковскій, Срезневскій и другіе придавали религиозное значеніе у Славянъ. Г. Самоквасовъ указалъ уже отчасти на бездоказательность подобнаго предположенія¹⁾; но при опредѣленіи значенія городищъ онъ упустилъ изъ виду, что происхожденіе многихъ изъ нихъ, можно объяснить обычаями, издревле существовавшимъ ограждать сѣно, хлѣбъ и жилые канавами, въ особенности въ степяхъ, при отсутствіи лѣсовъ и во времена татарскихъ набѣговъ и казачества. О городищахъ въ низовьяхъ Днѣпра, имѣющихъ важное значеніе по отношенію къ древнему періоду русской исторіи, мы будемъ говорить особо²⁾. Теперь же возвратимся снова къ мнѣнію Ашика. Онъ одинъ остался при убѣжденіи, что кулобская гробница не могла принадлежать Скиѣскому царю, вопреки многимъ изслѣдователямъ, желавшимъ во что бы то ни стало, отыскать царскія могилы Скиѣовъ до Геродотовскаго времени.

Г. Эйхвальдъ, надѣлавшій столько шуму статью своею о чудскихъ коняхъ, полагалъ, что Кулобская гробница, насыпанная рапѣ царствованія Митридата и относится къ самому цвѣтущему времени скиѣской древности. Найденныя въ Кулобской гробницѣ искусственныя произведенія изъ электрума, по мнѣнію его, принадлежатъ Финнамъ, такъ какъ Скиѣи и Чудь составляли одинъ народъ. При сопоставленіи вещей кулобскихъ съ найденными въ Сибири г. Эйхвальдъ усматривалъ между ними тѣснѣйшую связь; такъ напримѣръ, говоря о вазѣ, на которой представлена будто бы сцена изъ жизни царя, Эйхвальдъ утверждаетъ, что всѣ фигуры людей указываютъ на чудскихъ воиновъ. Длинные волосы, длинная борода и вообще всѣ лица принадлежатъ Финскому, а не Греческому или Монгольскому племени. Проводя далѣе черты сходства между Скиѣами и Финнами, г. Эйхвальдъ указываетъ и на существованіе, у послѣднихъ, вырѣзан-

¹⁾ Древніе города Россіи, стр. 94, 95, 101, 102, 107 и 109.

²⁾ Ср. *Археолог. Вѣстн. М. Общ.* 1867, стр. 66; *Барсовъ. Г. Начальн. Лѣтоп.* стр. LXIV, пр. 213; *Васн. К.*, оп. с., S. 67; *Гриморьевъ. Коч. и осѣдл. народы. Ж. М. Н. Ш.*, т. 178, стр. 19. 20.

ныхъ знаковъ, похожихъ на шрифты, встрѣчающійся на еписейскихъ надписяхъ и на сѣверныхъ рупы скандинавскихъ жителей ¹⁾). Мнѣніе г. Эйхвальда о сходствѣ босфорскихъ вещей съ сибирскими пробудило вниманіе ученыхъ, какъ у насъ, такъ и на западѣ, и составляетъ предметъ пререканія о времени возникновенія металлургіи въ Сибири, объ изыцествѣ бронзовыхъ вещей Венгріи и о находкѣ бронзовыхъ издѣлій въ свайныхъ постройкахъ. Что же касается до предположенія г. Эйхвальда о принадлежности Черноморскихъ Скивовъ къ Финнскому племени, то оно давно уже оставлено ²⁾).

Императорская археологическая комиссія, въ 1859 году, раздѣляла мнѣніе г. Эйхвальда о сходствѣ вещей найденныхъ въ Кулоба, съ чудскими, открываемыми въ юго-западной Сибири. Въ отчетѣ же за 1863 годъ, на стр. VIII, сказано: „Соображая всѣ данныя съ разказами Геродота о погребеніи Скиоскихъ царей и принимая во вниманіе стиль пайденныхъ произведеній въ Чертомлыцкомъ курганѣ, совершенное тожество многихъ изъ нихъ съ вещами открытыми въ Кулобскомъ курганѣ, близъ Керчи, едва ли можно сомнѣваться, что передъ нами гробница (Чертомлыцкая) одного изъ скиоскихъ влестлиповъ IV в. до Р. Х.“ Въ отчетѣ за 1864 годъ, по случаю находки въ Чертомлыцкомъ курганѣ и въ Кіевской губерніи, комиссія, касаясь вопросовъ этнографическихъ, остановилась на Скиогахъ (стр. 10, 11, 230) — какъ будто другихъ народовъ и не было никогда на мѣстахъ, гдѣ сдѣланы открытія. Черниговская находка не была еще извѣстна, но уже кіевская достаточно свидѣтельствовала о томъ, что не одни Скиосы-Сколоты Геродотовскаго времени, пользовались греческими вещами. Признавая всѣ человѣческія фигуры на вазахъ Чертомлыцкой и Кулобской за изображенія Скивовъ, комиссія не отказалась однакоже замѣтить сходства въ нихъ по костюму (*das Zeitübliche überhaupt*) и прическѣ волосъ съ русскими (стр. 16, 17), но не сочла необходимымъ остановить на этомъ предметѣ свое вниманіе, тогда какъ источникъ замѣчаемаго сходства нельзя приписывать случайности. Комиссія сама утверждаетъ, что вазы могли быть сдѣланы только для богатаго Скиоа художникомъ, вполне знакомымъ

¹⁾ Ср. *Lenormant*, *Preh. civilis. t. I p. 77*; *Артемьевъ*, *Обозр. Труд. Геогр. Общ. по Ист. Геогр. С.П.-б. 1873*, стр. 147—149.

²⁾ *Grimm*, *G. d. Deutsch. Spr. I, 220*; *Григорьевъ, В. В.*, о Сакахъ, стр. 151, 175—177; ср. *ср. Уваровъ*, *О Чуди въ Тр. М. Арх. Общ.*, т. III, стр. 272; *Европеусъ*, *loc. c.*

на мѣстѣ съ скискими правами (стр. 14, 144). Коммисія всячески избѣгала вопросовъ, могущихъ измѣнить мнѣніе о времени погребенія и замѣчаемую разницу въ стилѣ вещей объясняетъ только различными способностями мастеровъ (стр. 173). Поэтому она предполагаетъ, что въ Кулобской гробницѣ похороненъ одинъ изъ скискихъ вельможъ IV в. до Р. Х. Но какимъ образомъ объяснить усматриваемое различіе въ головныхъ уборахъ? На мнимомъ скискомъ вельможѣ была надѣта войлочная коническая шапка съ обручами, а на Кулобской вазѣ мы встрѣчаемъ шапки, похожія на тѣ, въ которыхъ изображались полхвы на средневѣковыхъ памятникахъ¹⁾. Поэтому мы и привели мнѣніе г. Бусласва и Дюбуа о средневѣковой культурѣ, сложившейся изъ различныхъ элементовъ. Всѣ доказательства о времени происхожденія Кулобскихъ и Чертомлыцкихъ вещей коммисія основала на сравненіи ихъ единственно съ вещами древнѣйшими, какъ бы для того, чтобы подтвердить принадлежность ихъ Скискимъ царямъ. Но откуда коммисія могла узвать, что въ IV в. до Р. Х. Скискіе цари хоронились при той же обстановкѣ, какая существовала у Скивовъ до временъ Геродота²⁾.

Мы считаемъ достаточнымъ замѣтить здѣсь, что Чертомлыцкая могила выкопана дѣйствительно по обряду скискому въ землѣ и въ сосѣдствѣ съ Герросомъ, гдѣ хоронились Скискіе цари, но Кулобская сооружена въ Пантикапей изъ камня. Ни въ той, ни въ другой не было найдено пятидесяти всадниковъ, составлявшихъ непремѣнную принадлежность царскихъ могилъ, современныхъ Геродоту. Кроме того, въ обоихъ курганахъ встрѣчены были вещи очевидно позднѣйшаго стиля, напоминавшаго сибирскія древности. Можетъ ли быть, чтобы въ гробницѣ Скискаго царя мы не встрѣтили череповъ, обдѣланныхъ въ золото, которое должно было сохраниться во всей цѣлости? Но еще болѣе удивительна встрѣча въ Кулобской гробницѣ съ ритонами, обычными на сѣверѣ Европы и почти не встрѣчающимися на югѣ Россіи³⁾, тогда какъ, по мнѣнію г. Стефани, они имѣли тѣсную связь съ культомъ Діониса, одного изъ чтимыхъ божествъ на Босфорѣ. Все это вмѣстѣ взятое, въ связи съ описаніемъ Геродота, заставляеть насъ приписать Кулобской находкѣ позднѣйшее происхожденіе. Развѣ въ Петроской находкѣ, дошедшей въ разроз-

¹⁾ Ср. Шапки на колоннѣ Θεοδοσία, *Montfaucon*, t. III, pl. XIV.

²⁾ *Tuzenauzen*, В. Е., въ *Археолог. Вѣст.* 1867, стр. 128.

³⁾ Ср. *Вѣстн. древ. Русск. Искусства*, 1874, № 1—3, стр. 21.

пенномъ видѣ, не встрѣтились вещи съ греческими надписями? Мпогія вещи изъ этого клада украшены цвѣтными камнями и то же самое представляетъ намъ и конская збура Кулобской гробницы. Почему не допустить предположенія, что Понтійскіе Греки доставали изъ могилъ старыя вещи и дарили или продавали ихъ варварамъ, падкимъ къ золоту? Такимъ образомъ, вѣрнѣе можно было бы объяснить и рѣзкую противоположность въ стилѣ вещей, помимо искусства мастеровъ. Развѣ въ Византіи и у насъ въ Россіи не употреблялись священныя предметы на передѣлку для оружія и не обращались въ продажу или въ залогъ въ случаѣ общественныхъ бѣдствій? Почему же полуварваръ Паптикапеецъ или Ольвиецъ не могли поступать также?

Бѣле въ своемъ обзорѣни Керченскихъ древностей высказываетъ мнѣніе, что бѣльшая часть вещей, найденныхъ въ Кулобской гробницѣ, носитъ характеръ грубый и варварскій. Что же касается до предметовъ чисто греческаго стиля, то нахожденіе ихъ онъ объясняетъ переходомъ по наслѣдству къ позднѣйшему покойнику. Такимъ образомъ, оружіе и драгоценности кулобскія онъ относитъ къ двумъ различнымъ эпохамъ. О лицахъ и одеждѣ, изображенныхъ на памятникахъ кулобскихъ, Бѣле говоритъ, что они напоминаютъ нашихъ козаковъ; по словамъ его, сцена, представленная на кулобской вазѣ, переноситъ зрителя въ Германію среднихъ вѣковъ: можно подумать, что на ней изображены послѣдніе защитники Виттекинда, готовящіеся послѣ пораженія къ нападенію на армію Карла Великаго; типы лицъ одинаково напоминаютъ и Германцевъ, и Русскихъ; въ заключеніе Бѣле совѣтуетъ Бергману, припимающему Скифовъ за праотцевъ Славянъ и Германцевъ, не терять изъ виду археологіи, какъ вспомогательной науки для историка ¹⁾.

Наши отечественныя историки еще прежде того обратили вниманіе на памятники юга Россіи, свидѣтельствующіе о бытѣ древнихъ ея обитателей. Г. Бестужевъ - Рюминъ, первый, отнесся къ нимъ съ должнымъ вниманіемъ и на стр. 3-й своей „Русской Исторіи“ говоритъ: „Между племенами Скифскими, обитавшими на территоріи нашего отечества за пять вѣковъ до Р. Х., знатоки славянской древности указываютъ съ полною увѣренностію нѣкоторыя племена Славянскія. Отъ Скифовъ дошли до нашего времени курганы; при рас-

¹⁾ *Beulé, Fouil. et découv. Paris, 1873, t. 11, p. 387, 412, 418, 419; ср. Арх. В. Моск. Арх. Общ. 1867 г., стр. 43. Ib. 60, 61.*

копкѣ ихъ находятся разныя вещи, дающія понятія о бытѣ Скивовъ. Изъ этихъ находокъ, особенно обращаетъ на себя вниманіе хранящаяся въ Эрмитажѣ серебряная ваза. На этой вазѣ представлены Скиомъ, ведущіе лошадей, и черты лица ихъ принадлежатъ несомнѣнно арійскому типу⁴. Хотя почтенный историкъ указываетъ на назву Чертомлыцкую, а не Кулобскую, однакоже поразительное сходство въ лицахъ на обѣихъ даетъ поводъ предполагать, что г. Бестужевъ-Рюминъ не откажется придать имъ одинаковое значеніе. Покойный М. П. Погодинъ также не исключилъ кулобской вазы изъ атласа при своей „Русской Исторіи“ (табл. 187, 188) и по поводу ея (списокъ рисунковъ, стр. 65) пишетъ: „Нельзя не согласиться, что сходство между дакійскими и славянскими русскими изображеніями поразительное“. Г. Кене указалъ на это сходство еще въ 1849 году при разборѣ сочиненія Ашика: „Керченскія древности“. Такимъ образомъ, очевидное сходство въ изображеніи лицъ на нашихъ вазахъ и на колоннѣ Траяна само по себѣ лишаетъ насъ права видѣть въ нихъ настоящихъ Скивовъ, но скорѣе заставляетъ предполагать въ нихъ другіе, позднѣйшіе народы, дѣйствительно существовавшіе во времена близкія къ Траяну, Северу и даже Оеодосію¹).

Мы далеко не изчислили всего, чтò было высказано по поводу Кулобской гробницы, но считаемъ достаточнымъ и приведеннаго здѣсь, чтобы показать, сколько противоположныхъ мнѣній можетъ существовать въ области археологіи объ одномъ и томъ же предметѣ. Причина того заключается не столько въ отсутствіи общихъ руководящихъ началъ, сколько вообще въ пристрастіи ученыхъ исключительно къ своей наукѣ. Историкъ игнорируетъ археолога, и наоборотъ археологъ не придаетъ значенія указаніямъ письменныхъ источниковъ. Такимъ образомъ, они подрываютъ основанія собственнаго зданія, въ которомъ должны жить въ полномъ согласіи. При этомъ, не послѣднюю роль у археолога играетъ предвзятый взглядъ найдти искомое въ данномъ предметѣ, но подобное стремленіе влечетъ за собою односторонность. Вопросъ о Кулобской находкѣ остается не чуждъ и этнографіи, усиливающейся изъ среды Скивовъ выдѣлить

¹) Ср. *Montfaucon*, *Antiquit. expliq.* Paris, 1719, t. III, pp. 77, 81, 82. На монетахъ, принадлежащихъ царямъ Скиомъ и Босвора, не встрѣчается ни шапокъ, ни одежды, подобныхъ кулобскимъ; но на фрескахъ катакомбы, открытой Ашикомъ (Пант. катакомба. Одесса, 1845. Таб. 4), представлены воины въ остроконечныхъ шапкахъ, сидящіе по женски на лошадяхъ. Ср. *Am. Marcel.*, LXX XI, о посадкѣ Гунновъ; *Isambert*, *Hist. de Justinien.* Paris, 1853, p. 679, 680.

другіе народы, осѣвшіе на мѣстахъ, когда-то занятыхъ первыми на неизвѣстномъ пространствѣ ¹⁾).

Оставаясь вдали отъ споровъ, мы ограничиваемъ себя скромнымъ занятіемъ подносчика сыраго матеріала для мастеровъ, созидающихъ зданіе наукъ, и съ этой точки зрѣнія указываемъ на Кулобскую гробницу, какъ на единственный памятникъ, свидѣтельствующій о связи между южно-понтійскими и сѣверными народами, изъ которыхъ составилось Русское государство около IX в. по Р. Х. Связь эту мы усматриваемъ въ мистическихъ знакахъ, сохранившихся на конской збруѣ изъ Кулобской гробницы ²⁾. Знаки эти находятся въ связи съ катакомбами, украшенными фресками, объясненіе которыхъ мы съ петербургіемъ ожидаемъ отъ г. Стасова, и тогда какъ онъ относитъ фрески наши, быть можетъ, ко временамъ классической древности, А. И. Савельевъ не позволяетъ себѣ приписать начертаннымъ подъ фресками знаки ни одному изъ древнихъ народовъ. Въ статьѣ о двухъ лапидарныхъ памятникахъ ³⁾ г. Савельевъ высказываетъ мнѣніе, что знаки, имѣющіеся на обпародованныхъ нами памятникахъ, суть ничто иное, какъ татарскія тамги. Для удостовѣренія г. Савельевъ указываетъ на сходство ихъ съ тѣми знаками, которые найдены были Д. М. Струковымъ въ крымскихъ пещерахъ и оказались принадлежащими татарскимъ фамиліямъ. Отдавая должную справедливость г. Савельеву какъ изобрѣтательному историку, мы не можемъ согласиться съ нимъ съ точки зрѣнія археолога, обязаннаго сопоставить рассматриваемый памятникъ съ другими извѣстными, однимъ словомъ, поступитъ такъ, какъ дѣлаетъ естествоиспытатель при встрѣчѣ съ костью, принадлежащею неизвѣстному животному.

Г. Савельевъ не принялъ во вниманіе, что знаки, тождественные съ начертанными на камняхъ и глинѣ въ катакомбахъ, встрѣчаются на золотыхъ пластинкахъ отъ конской збруи, добытой въ Кулобской гробницѣ. Въ этомъ онъ можетъ удостовѣриться въ Императорскомъ Эрмитажѣ, если пожелаетъ заглянуть въ залъ Керченскихъ древностей шкафа В, по каталогу 1872 г., окно VIII, или въ атласъ „Древностей Босфора Киммерійскаго“ листъ XXIX. Какимъ же образомъ на

¹⁾ *Забьлинъ, И. Е.*, Кунцово, стр. 249; *Григорьевъ*, *op. cit.*, стр. 151, 173—175, 193; *Лирсовъ*, *op. cit.*, стр. 61, 62, 63.

²⁾ Ср. *Schmidt*, Danemark, p. 106, 107; *Стрингольмъ*, *op. cit.*, стр. 163.

³⁾ *Др. и Нов. Россія*, 1875 г. № 4.

збруѣ Скиѣскаго царя могли очутиться тамги татарскихъ фамилій ¹⁾? На камняхъ, пайденныхъ въ развалинахъ Танаиса, встрѣчаются опять тожественные знаки, высѣченные на греческихъ надписяхъ, относящихся къ царствованію Рискупорида ²⁾; достойно примѣчанія, что подъ мистическимъ знакомъ поставлена буква П. Далѣе, такіе же знаки паходятся при греческихъ же надписяхъ на камнѣ царя Инниѣмса (235—239 по Р. Х.), и на камнѣ Марка Аврелія Антонина 307 г. по Р. Х. Если предположить вмѣстѣ съ г. Савельевымъ, что эти знаки могли быть начертаны по приказанію татарскихъ или пагайскихъ мурзъ, то спрашивается: какимъ образомъ Татары умудрились начертать ихъ подъ штукатуркою, на которой расположены фрески, представляющія сцены изъ жизни древнихъ народовъ? Затѣмъ, на извѣстномъ камнѣ Тматороканскомъ, въ началѣ надписи, встрѣчаются также символическіе знаки, означающіе, быть можетъ, эмблему Святой Троицы ³⁾, а вѣдь и на Ольвійскихъ львахъ есть много треугольниковъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ заключить, что Татары, пришедши на Крымскій полуостровъ, застали уже знаки наши и позаимствовали ихъ у жившихъ когда-то тамъ народовъ. При этомъ считаемъ не лишнимъ припомнить и о такъ называемыхъ Іеронимовыхъ письменахъ, относимыхъ ко временамъ хожденія ап. Андрея. Вѣроятно, г. Савельеву не было извѣстно, что въ 1872 году, вблизи вышеупомянутой катакомбы съ фресками ⁴⁾, открыта была другая, замѣчательная по надписямъ, къ сожалѣнію, не вполне сохранившаяся по причинѣ мягкости грунта. На правой сторонѣ отъ входа въ

¹⁾ Г. Кене (Оп. Муз. Кочубея, т. II, стр. 300, 362) не разрѣшилъ вопроса о значеніи нашихъ знаковъ, но указалъ на связь ихъ съ монограммами на монетахъ босфорскихъ. Удивительно, какъ г. Кене не замѣтилъ сходства ихъ со знаками на Ольвійскихъ львахъ, на монетѣ царя Инниѣмса, битой въ Ольвіи, и на Кудобской збруѣ. При сопоставленіи этихъ памятниковъ ясно открывается, что появленіе ихъ на Босфорѣ съ 220 г. по Р. Х. совпадаетъ со временемъ утверденія Готовъ на берегахъ Чернаго моря; ср. *Körke*, Anf. d. Königth. b. Gothen. Berlin, 1859, S. 98, 102, 103, 107; *Eicken*, Der Kampf der Westgoth. Leipzig, 1876, S. 9, 10.

²⁾ Всеподдан. отчетъ. 1855 г., стр. 86.

³⁾ *Martigny*, Dict. d. antiquit. chrét. 1865, p. 641.

⁴⁾ *Вистя. Общ. Древне-русск. Ист.* 1874, стр. 20. На монетахъ Готовъ и Вандаговъ по утверженіи за Дунаемъ мы не встрѣчаемъ знаковъ, подобныхъ нашимъ; но на монетѣ, приписываемой Одоакру, есть три знака тожественные съ начертанными на львахъ; ср. *Fiscldender*, Münz. d. Ostgoth. Berlin. 1844, S. 8.

катакомбу можно было прочитатъ ясно: ΧΑΡΑΤΩΠΟΛΙΟΣΑΝΤΙ. На лѣво отъ входа, на сѣверной сторонѣ: ΑΡΙΝΕ и далѣе двѣ строчки греческою скорописью. На западной сторонѣ: ΧΑΡΩΝΕΥΓΩΡΑΧΑ-ΡΑΤΩΠΟΔΙΟΣΑΝΤΙ далѣе, на этой же стѣнѣ подлѣ изображенія другой лодки , а на

восточной стѣнѣ .

Можно ли предположить, чтобъ язычникъ Грекъ или Римлянинъ сталъ издѣваться надъ Харономъ и назвалъ его паршивымъ и отжившимъ свой вѣкъ? Въ слѣдующемъ году, вблизи этой катакомбы, на покатоности горы Митридата, открыта еще катакомба, украшенная фресками, гдѣ также на стѣнѣ усмотрѣнъ былъ сохранившійся

знакъ . Всѣ эти катакомбы расположены по лѣвой сторонѣ до-

роги, ведущей изъ Керчи въ Осодосію, слѣдовательно, въ томъ же направленіи, какъ и Кулобская гробница. Вблизикое сосѣдство, тождественность знаковъ и особенность устройства отличаютъ ихъ отъ другихъ немногихъ гробницъ съ фресками, открытыхъ въ Керчи. Поэтому мы съ полною увѣренностію можемъ признавать указываемыя катакомбы за особое самостоятельное кладбище. Встрѣчаясь въ столицѣ Восторскаго царства на каждомъ шагѣ съ гробницами, мы обыкновенно склонны признавать ихъ греческими древняго или римскаго періода, а иногда для разнообразія скифскими или гетуезскими. Но гдѣ же могилы Готовъ, Вандаловъ, Гупновъ, Алаповъ и другихъ народовъ съ ихъ царями, жившихъ на Восторфѣ ¹⁾. Здѣсь какъ нельзя болѣе оправдывается наше замѣчаніе, что археологъ сомнѣвается въ справедливости историческихъ свидѣтельствъ. Но при такихъ условіяхъ не мудрено, если въ свою очередь этнографъ и историкъ не многое могутъ позаимствовать отъ археологій. Послѣ того не чему удивляться, что страшные для Херсонитовъ Черные Болгары очутились на южномъ берегу Крыма, а Кабары сдѣлались обладателями Суюрельской башни въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Херсониса. Къ близку же

¹⁾ Ср. *Baer, K.*, Makrokephalen, Spt. 1860, S. 18, 19, 54—56, 59.

Русскому, Норманну, принявшему на себя обязательство не пускать Черныхъ Волгарь, оставалось запереться въ Корсунѣ и оберегать городскую стѣну. Вотъ результаты соображеній, почерпнутыхъ путемъ изслѣдованія историческихъ свидѣтельствъ безъ повѣрки ихъ на мѣстѣ дѣйствія.

Если типы лицъ, представленныхъ на Кулобской вазѣ, поражаютъ насъ сходствомъ съ русскими, то фигурки, найденныя въ Кулобѣ, еще болѣе должны привлекать наше вниманіе по окладу лица и своей одеждѣ. Вларамбергъ думалъ видѣть въ нихъ изображеніе Скиоскаго Геркулеса; но не соответственнѣ ли было бы считать ихъ за обыкновенныхъ людей? Нижнее платье у лицъ Кулобской вазы украшено золотыми бляхами, указывающими на парадный костюмъ, тогда какъ отсутствіе ихъ на фигуркахъ обличаетъ домашнюю одежду позднѣйшаго времени, равно собственную, судя по описаніямъ Клавдіана и Прокоція, Готамъ, Гунамъ и Славипамъ ¹⁾. Послѣдній въ анекдотахъ, относящихся къ царствованію Юстиніана, упоминаетъ о костюмѣ Венетовъ, усвоившихъ въ Константинополѣ персидскіе, массагетскіе и гунпскіе обычаи въ манерѣ носить волосы на головѣ, бороду и окаймлять кафтаны; настоящее же мѣстожительство названныхъ народовъ былъ югъ Россіи. Такимъ образомъ остается только найти звено, связующее Готовъ, описанныхъ Клавдіаномъ, съ Руссами-Дромитами изъ рода Франковъ или Тавро-Скиоами, чтобы видѣть на поражающихъ насъ вещахъ дѣйствительно прототипъ нашихъ праотцевъ, обитавшихъ въ предѣлахъ Восточнаго царства и въ соседствѣ съ Херсонисомъ.

Исторіи указываетъ, что въ Тавридѣ обитали Сатархи, скрывавшіеся въ пещерахъ, какъ и первобытные Славяне, но смѣлые мореходцы, занимавшіеся разбоемъ на водѣ ²⁾. О нихъ упоминается въ надписи, найденной близъ Симферополи ³⁾. Легко могло случиться,

¹⁾ Ср. *Макушевъ*, Сказанія о жизни Сл., стр. 152; *Lindenschmîd*, *Alterth. Heidn. Vorz. V.* 1, Heft XI; *Hostmann*, *Urnfriedhof*, Braunschweig, S. 46—48; *Савельевъ*, *Ист. Слав. Вост. Европы*. С.-Пб., 1841, стр. 60—61; *Prisc*, *exc. leg.* p. 61; *Гаркави*, *Сказ. Мусул. писат. о Слав.*, 231; *Вейс*, *Визш. бытъ Народ.* ч. II, стр. 10—13, 26—28.

²⁾ Кажется, что воспоминаніе о пребываніи Сатарховъ въ Крыму сохранилось въ названіяхъ различныхъ мѣстъ въ Крыму и перенесено Греками въ Маріупольскій уездъ. *Кеппенъ*, *Крым. Сбор.*, стр. 83, 100, 119, 345, 346, 322; ср. *Григоровичъ В. И.*, *Зап. Антикв. Одесса*, 1874, стр. 6—9.

³⁾ Извл. изъ всеподд. отчета за 1855 г., стр. 134.

что изгнанные изъ Крыма, они поселились въ сосѣдствѣ съ Дромосомъ Ахиллеса, какъ доказываетъ и самая надпись, въ которой упоминается объ островѣ. Впослѣдствіи на Танаисской надписи, относящейся къ 194 году по Р. Х., упоминается о народѣ Сирахахъ, также морскихъ разбойникахъ ¹⁾. Птоломей Солинъ и Стефанъ Византійскій свидѣтельствуютъ, что Сирахи жили также вблизи Дромоса ²⁾. Еще Плиній называетъ Гилею *Scythia Soudica*, а Аммианъ Марцелинъ, говори о ней въ кн. XXII своего сочиненія, упоминаетъ, что она была населена Синдами. Въ настоящее время Альфредъ Мори считаетъ, что Συδοί и 'Ευατοί не болѣе какъ діалектическая форма одного и того же имени, слѣдовательно, Венедовъ ³⁾. Во времена Проколія, около 552 г., между Херсономъ древнимъ и устьями Дуная показано мѣсто жительства варварскаго народа. Житіи святыхъ, при описаніи смерти св. Капитона въ устьяхъ Днѣпра, даютъ поводъ предполагать присутствіе здѣсь народа, занимавшагося морскими разбоями. Почему же нельзя было бы предположить, что еще до пришествія Норманновъ въ устья Днѣпра, на островѣ Кееріи и въ Бѣлобережьи существовали опытные моряки, уничтоженію которыхъ препятствовало жалкое состояніе тогдашняго греческаго флота? ⁴⁾ Совпаденіе набѣга морскихъ разбойниковъ на Царьградъ въ 865 году со временемъ появленія Варяговъ въ Россіи не можетъ имѣть того значенія, какое желаютъ придать ему въ вопросѣ о возникновеніи мореходства у южно-поптіискихъ Славянъ. Мы почти ничего не знаемъ о томъ, что происходило на югѣ Россіи въ періодъ времени отъ 835 по 865 г. Въ 835 г. во главѣ Корсунской республики поставленъ былъ впервые византійскій стратигъ, и въ этомъ же году построенъ Саркель. Кажется, что эти событія должны были имѣть болѣе вліянія на ходъ мѣстныхъ происшествій, нежели отдаленный фактъ призванія Рюрика и появленія чужестранцевъ въ Кіевѣ. Если южные Славяне не были мореходами до 865 года, то какъ могли они позволить пришлому народу оторвать себя отъ сохи? Съ 820 года Норманны откры-

¹⁾ *Леонтьевъ* въ *Пропілеяхъ*, IV, стр. 422, 423.

²⁾ На картахъ Птолемея и Певтигеровой жилище Сираховъ показано при Азовскомъ морѣ; см. *La carte de Peutinger*, par *Desjardins*. Paris. 1873. *Segm.* VIII.

³⁾ *K. Müllenhoff*, *Mém. sur l'append. à la list. de Provinces de 297*, p. 61; *Cuno*, *Skyth.*, S. 233.

⁴⁾ *Gfrörer*, *Byzant. G.*, t. 11, S. 402—405; ср. *Срезневскій* въ *Изо. II-го Отд.* И. А. Н. 1854, т. III, стр. 275—276.

ли себѣ путь въ самыя богатія страны Европы и всегда заботились о возможности отступленія. Какая же причина могла заставить ихъ пренебречь этою врожденною каждому предосторожностью при намѣреніи напасть чрезъ дикую непроходимую Россію на Царьградъ? Откуда могли они получить свѣдѣніе о возможности соорудить въ Кіевѣ флотъ и дойти на немъ до стѣнъ Царьграда?

Мы обращаемся съ этимъ вопросомъ, въ свою очередь, къ почтенному А. А. Кунику, заявившему сомнѣніе въ способности Славянъ къ мореплаванію. Мы не противники норманистовъ, но сомнѣваемся, чтобы поборники теоріи о пришествіи Руссовъ въ состояніи были, при помощи вѣрной этимологіи (Каспій, стр. 460), разрѣшить слѣдующія выдающіяся несообразности: 1) Почему пришлый народъ, вооружившій въ Кіевѣ флотъ для нападениа на Царьградъ съ цѣлью грабежа, не бросился прежде всего опустошить ближайшій Херсонисъ и тѣ грады Улучей и Тиверцевъ, которые существовали до дней лѣтописца? Корсунъ не отличался неприступностью своихъ укрѣпленій, такъ какъ Владиміръ подошелъ къ нему на „едино стрѣлище“, и до 994 года Руссы не были связаны договоромъ не воевать земли Корсунскія. Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что безопасность Херсониса была ограждена давнею любовью между Греками и Руссами, согласно словамъ договора? Вопросы, представляющіеся сами собою относительно возврата Варяговъ-Руси изъ Царьграда мимо того же Херсона къ Босфору Киммерійскому, куда направляютъ ихъ наши историки, мы оставляемъ на будущее время.—2) Отчего до 944 года ни Корсуныяне, ни Болгары не давали знать въ Константинополь о готовившихся въ Кіевѣ нападенияхъ; могли ли не слышать объ этомъ Корсуныяне, находясь въ союзѣ съ Хазарами и въ сношеніяхъ съ Кіевомъ при посредствѣ Гречниковъ?—3) Время пришествія Аскольда, Дира и Олега совпадаетъ съ господствомъ Хазаръ въ Кіевѣ (859—885 гг.). Какимъ же образомъ объяснить возможность водворенія горсти пришлаго (на трехъ корабляхъ?) народа въ средѣ вониственныхъ Хазаръ при незнаніи языка? Обстоятельство это не ускользнуло отъ проницательности г. Куника относительно походовъ на востокъ¹⁾; но оно должно было вліять и на рѣшимость Аскольда и Дира идти въ Царьградъ и оставить родъ свой подъ охраною Хазаръ. Вопросъ этотъ мы предлагаемъ вѣрующимъ въ непосредственное господство Хазаръ надъ Славянами.—4) Откуда взялись упоминаемые въ дого-

¹⁾ Каспій, стр. 692.

ворѣ 907 года русскіе города съ князьями своими, сидѣвшими въ нихъ подѣ властью Олега? Если Олегъ началъ ставить города и посадилъ въ нихъ Варяговъ-князей (бывшихъ данниковъ Хазарь), то почему самые города получили названія славянскія, а пороги—норманскія? ¹⁾—5) Если войско Руссовъ состояло изъ опытныхъ безстрашныхъ Норманновъ ²⁾, то какъ объяснить слова, влагаемыя лѣтописцемъ въ уста воиновъ Игоря: „съ моремъ кто свѣтень, се бо не по землѣ ходимъ по по глубинѣ морьстѣй“. — 6) Какими деньгами (черными кунами?) платили Славяне дань Хазарамъ и Олегу, и откуда они доставали ихъ? ³⁾

Если Славяне въ 988 году жили въ низовьяхъ Днѣпра, то-есть, ниже пороговъ, то почему не могли они жить здѣсь и до 865 года? По словамъ лѣтописца, Владиміръ Равноапостольный, отдавая приказаніе о низверженіи Перуна въ Днѣпръ, сдѣлалъ распоряженіе: „отрѣвать его отъ берега дожде пороги пройдетъ“... они же повѣленное створивши яко пустиша и пройде сквозю пороги изверже вѣтръ на рѣнь яже и до сего дни словеть Перуна рѣшь“. Дѣйстви-тельно, скала, находящаяся посрединѣ Днѣпра, между Будиловскимъ и Лишнимъ порогами и до настоящаго времени называется Перуновою скалою, у Круга—Регнов ⁴⁾. Хотя Воцель и предполагаетъ, что почитаніе Перуна у Руссовъ возникло только въ X столѣтіи по прибытіи Варяговъ, но мнѣніе это не раздѣляютъ другіе изслѣдователи, указывая, что и скифскій дивъ назывался *Pirchunis* ⁵⁾.

Достойно примѣчаніа, что у Болгаръ Дунайскихъ въ названіи Мурмидонесъ сохранился намекъ на совмѣстное жительство когда-то съ Сирахами (*Serauci* у географа Баварскаго; *Serau* у Лютичей, Угличей?) на берегахъ Азовскаго моря. Страбонъ говоритъ, что чрезъ землю Сираховъ протекала рѣка Мермодасъ, впадающая въ Азовское море. Отсюда мы и выводимъ названіе Болгаръ Мирмидонами, а не отъ города Мурмикіона ⁶⁾, не существовавшаго уже во время пришествія

¹⁾ Ср. *Гротъ*, Филол. Розыск. С.-Пб., 1873, стр. 431; *Барсовъ*, ор. с., XXXVI; *Лавровскій*, О Визант. вѣмен. догов. С.-Пб., 1853, стр. 107, 108; *Сокольскій* въ *Кіевск. унив. Изв.* 1870, стр. 13, 14; *Срезневскій*, ор. с., стр. 65, 66.

²⁾ Каспій, стр. 588.

³⁾ Ср. ст. *Погодина* въ *Журн. Мин. Народн. Просв.*, г. 48, стр. 131.

⁴⁾ *Untersuchungen* S. 330.

⁵⁾ *Афанасьевъ*, Повт. возр. Слав. на природу, I. стр. 130, 248 — 251, 432; *Гильфердингъ*, Соч., IV, стр. 190.

⁶⁾ *Кн. Вяземскій*, Слово о П. Игор., стр. 321.

Болгарь на крымскую сторону Азовскаго моря ¹⁾. Мнѣніе о славянствѣ Болгарь мы не раздѣляемъ, и согласно съ заключеніемъ г. Куника, признаемъ въ нихъ смѣсь двухъ народностей: Славяно-Русской и Финно-Татарской ²⁾. Совмѣстное жительство Болгарь на берегахъ Азовскаго моря съ Славянами и далѣе на пути къ Дунаю дастъ намъ ключъ къ разгадкѣ скорого сближенія при-дунайскихъ Славянъ съ Волгарами, усвоившими знаніе славянскаго языка въ Приионтіевскихъ странахъ ³⁾.

Возвращаясь къ мнѣнію г. Савельева о тождествѣ нашихъ мистическихъ знаковъ съ татарскими тамгами, мы позволяемъ себѣ указать ему и на сходство ихъ съ гностическою и ливійскою письменностью ⁴⁾ но еще болѣе съ лошадиными таврами, бывшими въ употребленіи на Кавказѣ ⁵⁾. Жаль, что г. Савельевъ не обратилъ на нихъ вниманія и не разрѣшилъ вопроса о времени заимствованія ихъ Черкесами у Татарь, жившихъ въ Ольвіи ⁶⁾. Выходить, что русскія знамена и пятна, о которыхъ упоминается въ книженіе Св. Ольги и повторяется въ Русской Правдѣ, заимствованы также отъ Татарь послѣ 1224 года ⁷⁾.

Въ заключеніе мы укажемъ еще на два памятника, имѣющіе значеніе въ вопросѣ о нашихъ знакахъ. Хотя большая часть памятниковъ, обнаруженныхъ гр. Потоцкимъ въ его Путешествіи по нижней Саксоніи ⁸⁾, признается поддѣльными, но подлинность изображеннаго на табл. 20, fig. 62, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ подобные амулеты пахотятся въ Гилеѣ. Выше мы упоминали, что между Сирахами-Serauci баварскаго землеписателя и Segau у Лютичей должна быть связь ⁹⁾. Не можетъ ли имѣющійся у насъ амулетъ, найденный въ

¹⁾ *Б. Кене*, *Опис. Муз. Кочубея*, I; 328; стр. *Tafel*, *Kompen und Normanen*, 2-te Ausg. 1870, S. 255. Въ периплѣ Арріана городъ Мурмикионъ не показанъ.

²⁾ *Uifalry*, *Lang-Ougro-Fin. T.* I, p. XVI.

³⁾ Ср. *Барсова*, *Геогр. Начал. Лятов.*, стр. 59; *Васильевскій* въ *Ж. М. Н. Пр.*, ч. 164, стр. 302—305.

⁴⁾ *Savelsberg*, *Lyk. Sprachdenkmäl. Bonn.* 1874; Ср. *Doell*, *Saml. Cesnola Spt.* 1873, S. 48—53.

⁵⁾ *Броневскій*, *Описаніе Кавказа*, II, стр. 229.

⁶⁾ Ср. *Матер. для Ист. письм. Москва. Письмена у Римлянъ*, стр. 32, табл. *Во.п. аркан.*

⁷⁾ Ст. *И. С. Ефименко* въ *Ж. М. Н. Пр.*, ч. CLXXXV, стр. 74.

⁸⁾ *Гуслаевъ* въ *Отеч. Зап.*, ч. 85, отд. V, стр. II: «Слово Лютичь существуетъ въ Рязанской губерніи и указываетъ воспоминаніе Русскихъ о древнѣмъ Славянскомъ племени; ср. *Гаркави* въ *Ж. М. Н. Пр.*, ч. 160, отд. 2, стр. 228—229.

Гилеѣ, тождественный съ изображеннымъ у Потоцкаго, служить доказательствомъ, что Сирахи были Славяне ¹⁾? У графа Кейлюса ²⁾ представлена фигура неизвѣстнаго происхожденія, покрытая надписями съ солнцемъ на мѣстѣ живота. Точно такое же солнце изображено на монетахъ, находимыхъ на Босфорѣ. Интересно было бы знать мнѣніе г. Савельева объ этихъ памятникахъ ³⁾.

Легко можетъ случиться, что и мы ошибаемся; но развѣ г. Эйхвальдъ, де-Соси и Оппертъ не заблуждались при занятіи объ открытіи ими скифской письменности?

¹⁾ Ср. *Бутковъ*, Оборона Р. Лвтои., стр. 99 — 102; *Васк. ор. с.*, S. 59; *Lelewel. Geogr.*, III, p. 34; *Cuno*, Skyten. Berl. 1871, S. 113. 197; *Zeiss* Deut. u. N. Stäm. München, 1837, S. 601. 623.

²⁾ Comte de Caylus, Recueil des antiquités, P. 1762, t. V, pl. 32, fig. 1.

³⁾ На фигурѣ, описанной гр. Кейлюсомъ, надѣтъ кафтанъ съ длинными рукавами, а извѣстно, что Скандинавы носили рукава въ пять аршинъ длиною; см. *Стринкгольмъ*, ор., стр. 289.

Пл. Вурчковъ.

Херсонъ. 1876.

О СБОРНИКЪ, ИМЕНУЕМОМЪ ТВЕРСКОЮ ЛѢТОПИСЬЮ.

Въ правленіе Елены Глинской за малолѣтствомъ Ивана Васильевича, именно въ 1534 г. ¹⁾, одинъ житель Ростовской области, не обученный, по его словамъ, „дохторскому наказанію“, составилъ лѣтописный сборникъ, изданный Археографическою комиссіей въ XV томѣ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей подѣ именемъ Тверской лѣтописи. Сборникъ этотъ можно раздѣлить на двѣ части; бѣльшую, первую половину занимаютъ выписки изъ разныхъ лѣтописей; другую, мѣньшую, занимаетъ собственно Тверская лѣтопись съ различными вставками; по этой-то мѣньшей части и дали названіе всему сборнику, что, конечно, не совсѣмъ справедливо. Предметомъ нашего спеціальнаго обзора будетъ вторая часть сборника, но прежде того скажемъ нѣсколько словъ и о первой его половинѣ.

При составленіи сборника авторъ пользовался различными источниками; у него были подѣ руками лѣтописи, повѣсти и отдѣльные сказанія; въ трудѣ его есть указанія и на то, что ему не безызвѣстенъ былъ и Печерскій Патерикъ, который онъ называетъ и русскимъ именемъ „отечникъ“, и житія различныхъ святыхъ ²⁾. Такое изоби-

¹⁾ «Нынѣ же азъ начахъ присписывати сіе въ лѣто 7042» (стр. 108). Описавъ разореніе Переяслава Батымъ въ 6747 г. и убіеніе епископа Симеона, составитель замѣчаетъ: «отъ того до нынѣ безъ пяти лѣтъ 300 лѣтъ» (стр. 373 и 374).

²⁾ На Патерикъ авторъ ссылается, говоря о судьбѣ Моисея Угурина на стр. 126-ой: «о немъ же повѣсть въ Патерицѣ въ Печерскомъ», и на стр. 137-ой также при упоминаніи Моисея: «о немъ же лежать повѣсти въ отечникѣ Печерскомъ». Подѣ 1088 г. говорится между прочими извѣстіями о смерти митрополита Іоанна и епископа Ростовскаго Исая и прибавлено: «ищи сего подлинно въ Патерицѣ Печерскомъ, идеже о священниці церкви Печерския, тамо бо писано есть чудеса тѣхъ святыхъ отецъ» (столб. 181); ссылка на житіе Авраамія, Ростовскаго чудотворца, на стр. 114.

ліе источниковъ свидѣтельствуесть, что составитель Тверскаго сборника былъ человекъ по своему времени образованный и обладалъ весьма значительнымъ запасомъ свѣдѣній. Онъ хоть и говоритъ о себѣ очень скромно, что онъ не научился „докторскому наказанію, еже съчиняти повѣсти и украшати премудрыми словесы, якоже обычай имуть ригори“, но самая эта приписка свидѣтельствуесть, что онъ слышалъ и о докторскомъ наказаніи, и о ригорахъ. Составитель сборника не указываетъ на свои источники; онъ говоритъ только: „елико обрѣтохъ, толико люботруднѣ написахъ; а елика силѣ моеи не возможно, то како могу исполнити, егоже не видѣвъ предѣ собою лежащаго“¹⁾. При тщательномъ разборѣ его произведенія, эти источники легко опредѣлить. Они слѣдующіе:

1) *Соборійскій временникъ*. Изъ него взято между прочимъ предисловіе (стр. 26—28).

2) *Новгородскія лѣтописи*. Они составляютъ обильный источникъ для нашего автора. Ни на какихъ событіяхъ составитель такъ долго не останавливается, какъ на новгородскихъ; ни изъ какихъ лѣтописей онъ не дѣлаесть столь большихъ выносокъ, какъ изъ Новгородскихъ. Составитель сборника почти всѣ новгородскія извѣстія передаетъ слово въ слово, буквально, и только иногда дѣлаесть небольшія измѣненія въ слогѣ. Подъ нѣкоторыми годами находятся одни только новгородскія извѣстія, напримѣръ, подъ 6741, 6742, 6743 и т. д. Во многихъ мѣстахъ своего сборника составитель, заимствуя новгородскія извѣстія, какъ будто забываетъ, что онъ не Новгородецъ, а житель Ростовской области, и говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ; особенно часто это случается въ описаніяхъ голода, отъ котораго такъ часто страдала Новгородская область; такъ, напримѣръ, подъ 1229 г., при описаніи распрей Ярослава съ Новгородцами, когда послѣдніе цѣловали крестъ Михаилу Черниговскому и послали за нимъ, и когда пословъ ихъ задержалъ князь Смоленскій „по наученью Ярославлю“, лѣтописецъ новгородскій, а вслѣдъ за нимъ и составитель Тверскаго сборника, говоритъ: „но еже Богъ по пась, то кто на ны?“ Или далѣе подъ 1231 г., при описаніи бѣдствій отъ голода, когда люди, за неимѣніемъ хлѣба, ѣли собакъ, кошекъ, лошадину, мохъ, листья и проч., когда трупы валялись по всему городу, изѣденные собаками, потому что ихъ не кому было прибирать, составитель Тверскаго сборника, слѣдуя новгородскому лѣтописцу, гово-

¹⁾ Столб. 142.

рить: „тоже бы намъ все видяще предъ очима лучшими быти, мы же быхомъ ище... не бысть милости межи нами и купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ“ ¹⁾, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Выписки изъ Новгородскихъ лѣтописей идутъ до 6763 (1255) года; но на Новгородскую лѣтопись, какъ на источникъ, въ сборникѣ указывается только въ слѣдующихъ мѣстахъ: подъ 1125, 1126, 1127, 1131, 1177, 1183, 1184 (дважды), 1186 (три раза), 1187, 1188, 1189, 1190, 1191, 1193, 1194, 1227, 1228 годами, на самомъ же дѣлѣ заимствованій изъ Новгородскихъ лѣтописей гораздо болѣе, и потому не лишень важнаго значенія вопросъ о томъ, какимъ спискомъ Новгородской лѣтописи пользовался составитель Тверскаго сборника? На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно предположить, что списокъ, который былъ у нашего составителя подъ руками, очень сходенъ со спискомъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ Академическаго. Такъ это видно изъ слѣдующаго мѣста:

*Синодальный списокъ.**Академическій списокъ.**Тверской сборникъ.*

Сіи же блаженный архіепископъ Антоніи, прежде изгнаніа, сѣдѣ въ епископїи лѣтъ 8 по Митрофанѣ, а въ изгнанїи лѣтъ 6, посемь приде изъ Перемышля въ Новгородъ, и сѣдѣ лѣта 2, и овѣмѣ на святого Олексїа; бысть лѣтъ 6 въ болѣзни той и 7 мѣсяць и 9 днїи, и тако умре, и положиша ѿ у Святѣи Софїи въ притворѣ, при князи Ярославѣ Всеволодовичи, при архіепископѣ Спуридонѣ.

Сіи же блаженный архіепископъ Антоніи, прежде изгнанїа, сѣдѣ въ епископїи лѣтъ 8 по Митрофанѣ, а въ изгнанїи лѣтъ 6, посемь приде изъ Перемышля въ Новгородъ и сѣдѣ въ лѣта два, и разболѣся велми, и овѣмѣ на святого Олексїа, марта въ 17; бысть же въ болѣзни той, овѣмѣ въ не глаголя, лѣтъ 6 и 7 мѣсяць и двїи 9, и тако преставися въ небесное царствїе, душа убо его възиде на небеса, мощи же его положени быша честно у [святѣи Софїи, въ притворѣ, при благопѣрномъ князѣ велїцѣ Ярославѣ, сынови Всеволожи, и при архіепископѣ Спиридонѣ.

Сей блаженный архіепископъ Антонїи прежде изгнанїа сѣдѣ въ епископїи лѣтъ 8 по Митрофанѣ, а въ изгнанїи лѣтъ 6, и посемь приде изъ Перемышля, сидѣ 2 лѣта въ Новгородѣ, и разболѣся велми, и овѣмѣ, и бысть въ болѣзни той 6 лѣтъ и 7 мѣсяць и 9 день пѣмъ, не глаголя, и тако преставися въ небесное царство; душа убо его възиде на небеса, мощи же его положени быша честно у Святѣи Софїи въ притворѣ, при благопѣрномъ князи Ярославѣ Всеволодовичѣ, при архіепископѣ Спиридонѣ.

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, столб. 351 и 358.

Объ этомъ говорится подь 1233 г.; также характеристично мѣсто подь 1193 годомъ:

Синодальный списокъ.

Академическій списокъ.

Тверской сборникъ.

Новгородци же съ княземъ Ярославомъ, и съ игуменъ, и съ Софьяпы, и съ попы, съдумавше изволиша Богомъ избрава Мартуріа, и послаша на нь, и приведоша изъ Русѣ; и посадиша ѿ нь епископїя; и послаша къ митрополиту и присла по нь съ чьстью, и иде съ передними мужи, и прїа ихъ съ любовію князь Святославъ и митрополитъ, и поставиша ѿ мѣсяца декабря въ 10, на святого Данила Сътѣльника и приде въ Новгородъ мѣсяца генваря въ 16, на святого апостола Петра съпадевіе веригамъ.

И посемъ наикъ Новгородци, съ княземъ Ярославомъ, и съ игуменъ, и съ Софьяпы, и съ попы, гадаша промежу себе, *сїа хотяху поставити Митрофана, а имїа Мартуріа, а друзїи Гречина, и бысть распрїа ѿ нихъ, и положиша на святїи транзїи трие жребїи, и послаши съ овча сльпца, да коею, намъ Богъ дастъ, и вынїа Богїєю благодатїю Мартуріа, и послаша по него, и абїе привезоша его изъ Русѣ и посадиша въ дворѣ Святыа Софіа, и послаша о немъ къ митрополиту, глаголюще: постави намъ владыку, и присла по него съ великою чьстію, и прїа его съ любовію князь Святославъ и митрополитъ, и поставиша и декабря 10, на память святого Мины и Ермогена; и приде въ Новгородъ Мине веригамъ Святого Петра.*

Новгородци же съ княземъ Ярославомъ, и съ игуменъ, и съ Софьяпы, *одни хотяху Пикисе, а друзїи Митрофана, а друзїи Гречина, и бысть распрїа ѿ нихъ; и положиша на святїи транзїи трие жребїи, и послаши съ овча сльпцою челоутка, да котораю жребїи прїиесе, тою имъ Богъ дастъ. И вынїа, Богїєю благодатїю, жребїи Мартуріа; и послаша по него, и приведоша его изъ Русїи, и посадиша его въ епископїи, и послаша къ митрополиту; и посла по него съ чьстію, и иде съ предпими мужи, и прїа его съ любовію князь великий Святославъ и митрополитъ. Декабря 10 поставленъ бысть архїепископъ Новгородскїи Мартурей, на память святыхъ мученикъ Мины и Ермогена, и приде въ Новгородъ генваря 16, на Поклопїе чьстїихъ перигъ апостола Петра.*

Итакъ, эти и многіе другіе примѣры, свидѣтельствуютъ съ одной стороны о буквальной заимствованїи, съ другой стороны доказываютъ, что составитель сборника пользовался тѣмъ изводомъ Новгородской лѣтописи, который извѣстенъ намъ подь именемъ Академическаго.

3) *Суздальская лѣтопись*: на нее указано подь слѣдующими годами 1177, 1189, 1190, 1191, 1193, 1197, 1202, 1227; по несомнѣн-

но, что составитель пользовался ею гораздо чаще, и притомъ, почти буквально.

4) *Южный сводъ лѣтописей*. Указанія на него находятся подъ 6634, 6635, 6640 и 6694 годами.

Всѣми этими лѣтописями составитель пользовался самостоятельно. Русскую Правду, внесенную въ Новгородскую лѣтопись, онъ опустилъ „множества ради“; въ извѣстіяхъ, заимствованныхъ изъ Суздальскихъ лѣтописей, пропущены тѣ мѣста, въ которыхъ находятся размышленія; южнорусскія извѣстія по большей части сокращены.

5) *Оказанія*.

6) *Тверская лѣтопись*, самый главный источникъ Тверскаго сборника.

Что касается до хронологіи, то составитель сборника такъ говорить о пей: „пишетъ же въ Новгородскомъ лѣтописци лѣто весною починаеть, а осень и зиму глаголетъ: тоя же осени и зими; азъ же пишу по индикту начало, и сего ради не согажеться лѣты съ ипѣми лѣтописци, точю времена мѣсяцемъ въ лѣтѣ изсматрай, и послѣ коего начала лѣту пишетъ, того и лѣта“¹⁾. И дѣйствительно, хронологія составителя Тверскаго сборника иногда не сходится съ Новгородскими и Суздальскими лѣтописями, и самъ составитель нѣсколько разъ указываетъ на эту разницу; такъ, подъ 6694 г. разказывается о знамени; разказъ этотъ взятъ изъ Новгородской лѣтописи, въ которой помѣщенъ подъ 6693 г.; составитель противъ этого мѣста написалъ: „нов. 693.“; точно также — о прибытіи Алексѣя Мануиловича въ Новгородъ въ Новгородской лѣтописи сообщается подъ 6693 г., а въ нашемъ сборникѣ подъ 6694 г.; эту разность также отмѣтилъ составитель. Нѣкоторыя событія, записанныя въ Новгородской лѣтописи подъ однимъ годомъ, въ Тверскомъ сборникѣ записаны подъ разными годами. Такъ, объ избраіи Мартирія въ епископы разказывается подъ 1193 г., а о прибытіи его изъ Кіева въ Новгородъ подъ 1194 г., такъ какъ прибытіе это было 16-го января и въ сентябрьскомъ году — слѣдующаго года.

Составитель сборника не былъ простымъ переписчикомъ матеріаловъ, бывшихъ у него подъ руками, но сознательно относился къ своему дѣлу; на это указываютъ его слова о Корсунѣ: „понеже въ иныхъ лѣтописцѣхъ пишетъ: и до сего дне, занеже писалъ Георгій лѣтописецъ, а тогда Корсунъ градъ стоялъ; азъ же пишѣ, переписы-

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 285.

вая его писанія, тако пишу: до взятія Корсунского; понеже много лѣтъ мину уже, како Корсунъ разоренъ бысть отъ Руси, еже индѣ скажемъ въ его время“. Сказавъ далѣе о мѣднѣхъ конихъ, взятыхъ Владиміромъ изъ Корсуни, онъ продолжаетъ: „Якоже рѣхъ маломъ выше о Корсуни, яко пѣсть его, но и о инихъ о Рускихъ градѣхъ о мнозѣхъ тогда бысть писано: и до сего дне, понеже бысть тако тогда; пынѣ же азъ начахъ переписывати сіе въ лѣто 7042, и тако незгодно написати: и до сего дне; по, не рушаа писанія Георгіева, тако пишемъ: яко и до сего дне, а пѣсть тако, но пѣчто отчасти есть и до сего дне“ ¹⁾. На такой же сознательный трудъ составителя сборника указываютъ и вышеприведенныя слова его относительно хронологіи; впрочемъ, авторъ и не избѣжалъ тѣхъ недостатковъ, на которые самъ указалъ; у него перѣдко попадаются выраженія: „и до сего дне“: между прочимъ, выписавъ изъ Новгородской лѣтописи извѣстіе о смерти Ефрема, онъ даже написалъ: „иже ны учаше“.

Отъ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ краткому обозрѣнію первой части Тверскаго сборника, предѣломъ которой служитъ то время, когда начинается собственно Тверская лѣтопись. Такъ какъ въ эту часть сборника вошли извѣстія изъ другихъ лѣтописей, то мы и не можемъ найти много цовыхъ, не имѣющихся въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ, извѣстій. Многія изъ извѣстій, не находившихся въ древнѣйшей редакціи „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и помѣщенныхъ въ Тверскомъ сборникѣ, подтверждаются данными, которые находятся въ другихъ, болѣе позднихъ лѣтописныхъ сборникахъ, какъ напримѣръ, въ Софійскомъ, Воскресенскомъ и Никоновскомъ. Но есть въ Тверскомъ сборникѣ и такія извѣстія, которыхъ нѣтъ въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ; много въ немъ и такихъ извѣстій, которые находятся въ другихъ сборникахъ, но въ Тверскомъ сборникѣ объяснены иначе или заключаютъ въ себѣ новыя подробности. Укажемъ на тѣ извѣстія, которыхъ нѣтъ въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ.

Первое новое и очень важное извѣстіе—о томъ, что Олегъ, при заключеніи мира съ Греками, взялъ выходъ между прочими городами и на Смоленскъ ²⁾; извѣстіе это очень вѣроятно: Смоленскъ еще до призванія Рюрика игралъ важную роль у Славянъ и былъ однимъ изъ лучшихъ торговыхъ городовъ ихъ. Борисъ и Глѣбъ, по Тверскому

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 108.

²⁾ П. С. Р. Л., XV, 38.

сборнику, были дѣтьми Анны ¹⁾, а не Болгарыни, какъ значится въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ. Святополкъ Окаянный „спаде съ носиль“ ²⁾. Ни въ одной лѣтописи не упоминаются имена городовъ, выстроенныхъ Ярославомъ въ 1032 г. по Роси; въ Тверскомъ сборникѣ названы эти города Корсупемъ и Тренолемъ ³⁾. Точно также нигдѣ не упоминается о томъ, чтобъ удѣлъ, оставшійся послѣ смерти Игоря Ярославича Смоленскаго въ 1060 году, братья раздѣлили между собою ⁴⁾.

Кромѣ этихъ извѣстій, въ первой части Тверскаго сборника, подъ 1088 годомъ помѣщено не находящееся въ другихъ лѣтописяхъ сказаніе „о перенесеніи мощемъ чудотворца Николая отъ Миръ въ Баръ-градъ“. Въ сказаніи находится извѣстіе о томъ, почему перенесены были мощи Николая чудотворца, о его явленіяхъ, чудесахъ и пр. Перенесеніе мощей происходило „въ тысячное, и въ 9 десять 6-е лѣто... въ лѣто Рускихъ князей, христолюбиваго великаго князя Всеволода Ярославича, въ Кіевѣ, и благороднаго сына его, въ Черниговѣ, въ лѣто отъ сзѣданія міра 6596“. Сказаніе это составлено современникомъ, какъ это видно изъ словъ: „показа имъ (Богъ) въ пыпѣшней времена, въ дни и въ лѣта паша, и въ пашу память“. Судя по началу, это сказаніе есть то самое, которое было извѣстно пр. Филарету по рукописямъ Царскаго и Румянцева, и о которомъ онъ упоминаетъ въ своемъ „Обзорѣ духовной литературы“ ⁵⁾.

Подъ 1175 г. въ Тверскомъ сборникѣ помѣщено сказаніе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго ⁶⁾. Это сказаніе представляетъ нѣсколько отличій отъ другихъ подобныхъ. Дѣло представляется такъ: У Андрея была жена родомъ Болгарыни, недовольная его частыми походами на Болгаръ; она тайно жаловалась на него Петру, Кучкову зятю. Около 29-го іюня Андрей велѣлъ казнить Кучку. На праздникъ Петра и Павла бояре собрались у Петра, и тутъ одинъ изъ Кучковичей, Акимъ, сказалъ: „Что сѣтворимъ съ великимъ княземъ? вчера брата моего ять и убить, а пыпѣ пастъ хочеть пяти; да промышляемъ о своемъ животѣ“. Тутъ они и порѣшили убить его. Пьяные они пошли въ

¹⁾ Тамъ же, 73.

²⁾ Тамъ же, 139.

³⁾ Тамъ же, 146.

⁴⁾ Тамъ же, 153.

⁵⁾ *Ученныя Записки Академіи Наукъ* 1856 г., кн. III, стр. 27; *Ключевскаго Житія святыхъ*, 217; П. С. Р. Л., I, 176—182.

⁶⁾ П. С. Р. Л., XV, 250—254.

Боголюбскій монастырь. Андрей особенно любилъ этотъ монастырь и часто живалъ въ немъ. За это предпочтеніе монастыря городу много негодовали на Андрея. Въ этотъ монастырь „и къ святому Спасу на Купалище по вся дни приходаше, ловы бо всегда творяше въ той страгѣ и на Купалищи приходя прохлаждаашеся, и много время ту безгодно пребываше, и о семъ боляромъ его многа скорьбь бысть; онъ же не повелѣ имъ издти съ собою, но особно повелѣ имъ утѣху творити, идеже имъ годно, самъ же съ маломъ отрокъ своихъ приходане ту (любонитная черта Андреевой гордости)“. Сюда-то и явились убійцы. Они выломали дверь у сѣней, и Якимъ, поддѣлываясь подъ голосъ любимца Андреева, говоритъ тихо: „господине, Господине князь великій!“ Андрей спросилъ: „Кто есть?“ И рече ему: „Проконій“. Князь же пришелъ къ дверемъ и рече: „Не Проконій“, и отыде“. Злодѣи ворвались и начали его сѣчь мечами. Андрей былъ силенъ и повалилъ одного изъ заговорщиковъ подъ себя, другой хотѣлъ ударить его рогатиной, но промахнулся и попалъ въ своего, а князь скрылся подъ сѣнями. Заговорщики потащили своего товарища въ полной увѣренности, что это князь, но разсмотрѣвъ, стали искать послѣдняго; по кровавому слѣду и стопамъ имъ было не трудно найти его; онъ былъ убитъ. Далѣе все сходно съ повѣстію, помѣщенною въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи ¹⁾. Оканчивается это сказаніе словами: „Кровію мученическою омывся прегрѣшений, съ братома Романомъ и Давыдомъ единодушно къ Христу притече, въ райстей пищи неизреченно въдворася“ ²⁾. Затѣмъ „о немъ же повѣсть“, которая дословно сходна съ повѣстію, помѣщенною въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи въ началѣ сказанія ³⁾, и состоитъ изъ однихъ похвалъ князю Андрею. Вообще сказаніе и по-

¹⁾ Ср. Лѣт. по сп. Лаврентія, изд. 1872 г., 350—352.

²⁾ Тамъ же, 352. Г. Корсаковъ въ своемъ почтенномъ изслѣдованіи «Мера и Ростовское княжество» настаиваетъ на томъ, что сказаніе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, помѣщенное въ Тверскомъ сборникѣ, есть произведеніе Ростовское, такъ какъ въ немъ есть подробности, которыя могли быть известны только мѣстному жителю Ростова (стр. 232). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ такъ: «Изъ позднѣйшихъ текстовъ представляется намъ самымъ важнымъ сводный текстъ Тверской лѣтописи, составленный въ первой половинѣ XVI в. Тверской текстъ сказанія для насъ важенъ въ двухъ отношеніяхъ: полперныхъ, онъ составленъ въ Ростовской области; восторыхъ, въ него вошли многія народныя преданія объ убіеніи князя Андрея» (стр. 114, примѣч. 18). Полагаемъ съ своей стороны, что доводы г. Корсакова не слишкомъ убѣдительны.

³⁾ Тамъ же, 348—350.

вѣсть объ Андрѣѣ, находящіяся въ Тверскомъ сборникѣ, представляють, за исключеніемъ вышеприведенныхъ нами подробностей, значительное сходство съ сказаніемъ объ Андрѣѣ, которое внесено въ Лаврентьевскій списокъ. На основаніи этого сходства можно съ достовѣрностію предполагать, что составитель сказанія, внесеннаго въ Тверской сборникъ, пользовался сказаніемъ, которое находится въ Лаврентьевскомъ списокѣ.

Подъ 1224 г. помѣщена повѣсть „о битвѣ при Калкѣ“¹⁾. Она состоитъ собственно изъ двухъ повѣстей: о битвѣ при Калкѣ и о 70 богатыряхъ. Последняя находилась только въ одномъ Тверскомъ сборникѣ; въ ней разказывается преимущественно о подвигахъ Александра Поповича, одного „отъ Ростовскихъ жителей“, и слуги его Торопа. Содержаніе этой повѣсти слѣдующее: Александръ Поповичъ служилъ прежде у князя Всеволода Юрьевича, а послѣ его смерти— у его сына Константина; своею храбростію онъ оказалъ важную услугу послѣднему во время борьбы его съ Юріемъ. По смерти Константина, онъ, боясь мести со стороны Юрія, собравъ дружину удалцевъ, рѣшился отправиться на службу къ великому князю Мстиславу Романовичу въ Кіевъ; великій князь позгордился этою дружиной; но напали Татары, и дружины не стало: Александръ Поповичъ палъ, его богатыри были побиты. Эта повѣсть вставлена въ повѣсть о битвѣ при Калкѣ, не сообщаящую ничего новаго сравнительно съ редакціями въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ. Повѣсть о послѣднемъ изъ русскихъ богатырей, Александрѣ Поповичѣ, безъ сомнѣнія, ростовскаго происхожденія. Это замѣтно, между прочимъ, по сочувствію автора ей къ князю Константину, который „у пречистыя Ростовскія и чудотворцевъ излюбилъ жити, тѣмъ и пропаше Володимера къ Ростову, а не Ростова къ Володимерю, ту бо омышляше столу быти великому княженію“; Юрій хотѣлъ согнать Константина „съ Ростова и не попусти ему Господь“. Сколько разъ Юрій нападалъ на владѣнія Константина, всегда былъ отбиваемъ: „Многажды бо князь великій Юрій на братне достоаніе приходаше, по съ срамомъ възрацашеся“. Константинъ побѣдилъ Юрія на рѣкѣ Гзѣ „молитвами Пречистыя, своею правдою и тѣми же храбрыми Александромъ съ слугою Торопомъ; ту же бѣ и Тимоша Золотой полясь“. Другое доказательство того, что эта повѣсть составлена въ Ростовѣ—обиліе географическихъ и топографическихъ данныхъ, от-

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 335—343.

послѣднихъ къ Ростову. Точно указываются мѣста сраженій или стоянки войскъ; „князь великій Юрій стоаше подъ Ростовомъ, въ Пужбалѣ, а войско стоаше за дѣи версты отъ Ростона, по рѣцѣ Ишиѣ... а инѣ по ону страну рѣки Уст... а инѣ побѣени отъ Александра же подъ Угодичами, на Узѣ“. Александръ, задумавъ бѣжать изъ области Юрія, созываетъ къ себѣ храбрецовъ „въ городъ, обриту подъ Гремячимъ колодяземъ на рѣцѣ Гдѣ“. Когда составлена эта повѣсть—неизвѣстно. Въ повѣсти есть любопытныя замѣчания, относящіяся къ исторіи борьбы между Константиномъ и Юріемъ. Такъ, говори о томъ, что Александръ многихъ изъ войска Юрія побивалъ, составитель, а можетъ быть и переписчикъ повѣсти, замѣчаетъ: „Ихже костей накладены могилы великы и донынѣ на рѣцѣ Ишиѣ“. Въ городѣ, что „подъ Гремячимъ колодяземъ на рѣцѣ Гдѣ,... и инѣ той сонъ стоить пусть“.

Лѣтописный сводъ Тверскаго сборника со вставками изъ Суздальскихъ, Новгородскихъ и южнорусскихъ лѣтописей продолжается по 6763 (1255) годъ. Послѣ этого года сборникъ принимаетъ другой характеръ. До этого года въ немъ много извѣстій новгородскихъ, даже цѣлыя годы заключаютъ въ себѣ одни только новгородскія извѣстія; послѣ 6763 г. начинаютъ преобладать извѣстія суздальскія и ростовскія; новгородскихъ извѣстій сравнительно очень мало; выписокъ изъ Новгородскихъ лѣтописей совсѣмъ нѣтъ. Чѣмъ объясняется подобная перемѣна въ составѣ сборника, недостаткомъ ли источниковъ у составителя, или другими какими-либо обстоятельствами — не знаемъ. По основываясь на заявленіи составителя писать только то, что у него было подъ руками, нужно предположить, что Новгородскія лѣтописи, бывшія у составителя, оканчивались 6763 годомъ.

Послѣ 6763 г. въ сборникѣ находятся извѣстія о событіяхъ, относящихся ко времени отъ 6756—6763 (1248—1255) гг. Эти извѣстія взяты изъ Ростовскихъ и Суздальскихъ лѣтописей за 6756—6763 гг. и почти буквально сходны съ извѣстіями въ Суздальскомъ сподѣ лѣтописи по академическому списку ¹⁾. Это повтореніе замѣчательно,

¹⁾ Сравни. П. С. Р. Л., XV, 400—401; Лѣт. по акад. сп., 496, изд. 1872. Подъ этими годами почтенный издатель Тверскаго сборника въ примѣчаніи замѣтилъ: «Годы 6756—6763 хотя и были описаны выше, но здѣсь подъ ними изложены совершенно другія событія» (П. С. Р. Л., XV, стр. 400, прим. 3). Извѣстія, описанныя здѣсь, были описаны и прежде, съ тою только разницей, что смерть Василія Всеволодовича Ярославскаго, описанная подъ 6758 г. (стр. 390), теперь помѣщена подъ 6757 г. (стр. 400), смерть Святослава Всеволодовича

между прочимъ, еще и въ томъ отношеніи, что оно показываетъ нагляднымъ образомъ, какъ составлялись наши лѣтописные сборники. Составитель сборника не только беретъ отдѣльные извѣстія изъ разныхъ источниковъ, но даже цѣлыя годы, уже описанные, онъ вновь описываетъ, какъ скоро описаніе этихъ годовъ найдется въ другомъ источникѣ, и такимъ образомъ приводитъ одни и тѣ же извѣстія, по только изъ разныхъ источниковъ. Замѣчательно, что какъ скоро нашъ составитель сталъ пользоваться только Суздальскою лѣтописью, въ сборникѣ стали появляться пустые, не описанные годы. Отъ 6765 г. по 6793 г., съ котораго собственно начинается Тверская лѣтопись, насчитывается восемь не описанныхъ годовъ: 6765, 6768, 6773, 6775, 6787, 6789, 6790 и 6792. Разматривая затѣмъ лѣтописный сборникъ, мы находимъ, что годы: 6767, 6769, 6777, 6779, 6780, 6781, 6785, 6786, 6788, 6791 буквально взяты изъ Ростовской лѣтописи, какъ это видно изъ сравненія этихъ извѣстій съ извѣстіями лѣтописи по академическому списку ¹⁾. Затѣмъ лѣтописныя извѣстія подъ другими годами сходны по большей части съ извѣстіями Суздальской лѣтописи по Лаврентьевскому списку; но есть и такія извѣстія, которыя читаются только въ позднѣйшихъ сборникахъ, наприимѣръ: Воскресенскомъ, Софійскомъ, Никоповскомъ.

Указавъ на тѣ извѣстія и сказанія въ первой части Тверскаго сборника, которыхъ нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ, мы приступимъ теперь къ рассмотрѣнію второй, меньшей по объему, но самой важной по содержанію, части Тверскаго сборника, именно той, гдѣ помѣщена Тверская лѣтопись.

Собственно Тверская лѣтопись начинается съ 6793 (1285) г.; это впрочемъ не значитъ, чтобы въ ней сообщались одни только тверскія извѣстія. Событія, въ ней излагающіяся, касаются и польскаго Новгорода, и его меньшаго брата Пскова, и пехрестей Татаръ, и соседней Москвы. Какъ увидимъ ниже, въ ней встрѣчаются и цѣлыя

прежде (стр. 397) 6761 г., теперь (стр. 400) 6760 г.; прежде говорилось объ отъѣздѣ Ярослава Ярославича во Псковъ подъ 6761 г. (стр. 398), во второй разъ говорится объ отъѣздѣ его въ Ладогу подъ 6762 г. (стр. 400), смерть Константина Ярославича въ первый разъ отнесена къ 6762 г. (стр. 398), а во второй къ 6763 г. (стр. 400). Разницы Тверскаго сборника съ Ростовскою лѣтописью по академическому списку за эти годы самыя незначительныя: въ Тверскомъ сборникѣ пропущена смерть Ярослава подъ 6756 г., извѣстія 6765 г. по акад. списку отнесены въ Тверскомъ сборникѣ къ 6764 г.

¹⁾ Срав. П. С. Р. Л., XV, 401—406; Лѣт. по акад. сп., 496—498.

сказаніи, и житіи, и лѣтописныи извѣстія, по принадлежащій Тверской лѣтописи, а взятія изъ другихъ источниковъ. Но не смотря на то, лѣтопись должна все-таки назваться Тверскою по характеру извѣстій, по сочувствію къ тверскому княжескому дому, и наконецъ, потому, что большая часть извѣстій ея относится къ исторіи Тверскаго княжества. Оправдывая такое названіе разбираемой нами лѣтописи, мы нисколько однако не отрицаемъ того, что первоначальная Тверская лѣтопись подверглась измѣненіямъ, и что она въ первоначальномъ своемъ видѣ не дошла до насъ.

Тверская лѣтопись, какъ мы сказали, начипается съ 6793 года. Подъ нимъ значится слѣдующее извѣстіе: „Заложиха церковь каменну святаго Спаса на Твери благовѣрнымъ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ и матерію его, благовѣрною великою княгинею Оксиньею Ярославлею Ярославича, и епископомъ Симеономъ Тверскимъ“¹⁾. Г. Костомаровъ, въ своихъ „Лекціяхъ по Русской Исторіи“, говоритъ: „Очевидно, слѣды ея (Тверской лѣтописи) существованія начинаются съ извѣстія о заложении Спаса въ Твери. По тогдашнимъ народнымъ понятіямъ, признакомъ самобытности этого края была первая главная соборная церковь; тогда же былъ поставленъ епископъ въ Твери. Отсюда идутъ лѣтописныя извѣстія въ послѣдовательной чередѣ“²⁾. Съ своей стороны обратимъ вниманіе на то, что Михаилъ Ярославичъ называется „благовѣрнымъ“, мать его „благовѣрною“, и что вышеприведенное извѣстіе есть первое о Твери.

При дальнѣйшемъ обзорѣни Тверскаго сборника, мы сначала разберемъ сказанія (повѣсти и житія), вошедшія въ Тверской сборникъ, отдѣльность которыхъ несомнѣнна и неоспорима, а потомъ перейдемъ къ обзорѣни погодныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ.

1) *Сказаніе объ обученіи Михаила Ярославича Тверскаго*³⁾, помѣщено въ Тверскомъ сборникѣ подъ двумя годами: 6826—6827 (1318 и 1319). Оно короче подобнаго же сказанія, вошедшаго въ Софійскій, Воскресенскій и Никоновскій лѣтописные сборники, но есть нѣкоторыя подробности, которыхъ мы не находимъ въ другихъ редакціяхъ сказанія: совѣтники Узбека клеветали на Михаила, что онъ, собравъ деньги, хочетъ уйдти къ Нѣмцамъ, что царь заставилъ Михайлова

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 406.

²⁾ Лекціи по Русской Исторіи, 89.

³⁾ П. С. Р. Л., XV, 410—413; Соѡ. (П. С. Р. Л., III, 207—215); Воскр. (П. С. Р. Л., VII, 188—196); Ник., III, 117—122.

сына Константина, бывшаго въ то время во ордѣ, морить голодомъ, но совѣтники говорили царю, что если замученъ будетъ Константинъ, то не будетъ и Михайлъ въ ордѣ, и Константинъ былъ отпущенъ. Черезъ мѣсяць, по прибытіи Михаила въ орду (Соф., Воскр. и Пик.: чрезъ 1½ мѣсяца), начался судъ надъ нимъ; вины Михаила не показаны, какъ въ другихъ редакціяхъ сказанія, поруганія надъ тѣломъ Михаила тоже не описаны, чудеса—тоже; однимъ словомъ, въ сказаніи, сохранившемся въ Тверскомъ сборникѣ, нѣтъ той подробности въ изложеніи фактовъ, какаго обнаруживается въ сказаніи, помѣщенномъ въ Софійскомъ, Воскресенскомъ и Никоновскомъ сборникахъ и составленномъ современникомъ. Подъ 1319 г. находится характеристика князя; она приводится по случаю перенесенія тѣла Михаила изъ Москвы въ Тверь, и безъ сомнѣнія, составляетъ одно цѣлое съ помѣщеннымъ подъ предыдущимъ годомъ сказаніемъ; изъ другихъ лѣтописей характеристика находится только въ Никоновскомъ сборникѣ, но короче. Указаній на автора нѣтъ.

2) *Повѣсть о Шевкалѣ* ¹⁾, помѣщена подъ 6834 — 6835 (1326 и 1327) гг. Начинается она изложеніемъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ случилось нашествіе Шевкала на Русскую землю, и въ частности—на Тверь. Какъ человекъ религіозный, авторъ видитъ причину несчастія въ умножившихся среди людей грѣхахъ „за умноженіе грѣхъ ради нашихъ“; дьяволъ сталъ злое напентывать совѣтникамъ царя, что если Александръ и прочіе русскіе князья не будутъ убиты, то царь не будетъ имѣть власти надъ ними; исполнить царскую волю вызвался Шевкалъ; онъ пріѣхалъ въ Тверь, выгналъ князя изъ дворца, а пародъ притѣспилъ; наконецъ, Тверичи не вытерпѣли и при удобномъ случаѣ рѣшились отомстить Татарамъ. Случай этотъ слѣдующій: 15-го августа дьяконъ Дюдко повелъ кобылицу „младу и зѣло тучну“ поить на Волгу; Татары прельстились такимъ лакомымъ кускомъ и отняли у дьякона кобылицу; жалко стало дьякону лошади; завонилъ онъ и просилъ о помощи; сбѣжался пародъ, и завязалась свалка; собралось вѣче, и начали избивать Татаръ и самого Шевкала убили; остались только конскіе пастухи, которые вскочили на лучшихъ жеребцовъ и поскакали въ Москву, а оттуда въ орду. Слѣдствіемъ этого было разореніе Тверской области; Александръ Михайловичъ, „не трѣпъ безбожныхъ крамолъ“, удалился изъ отчины во Псковъ. Изложеніе этого событія, по всей вѣроятности, составляло

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 415—416.

прежде отдѣльное сказаніе и въ лѣтописный сборникъ занесено послѣ, можетъ быть даже, составителемъ его. Доказательствомъ отдѣльности этого сказанія служитъ сочувствіе автора Тверскому князю и форма изложенія; такъ, вначалѣ сказанія говорится о грѣхахъ, какъ причинѣ несчастій: обычная форма начала повѣствованій о горестныхъ происшествіяхъ. Кромѣ этого, доказательствомъ что сказаніе было записано отдѣльно, служитъ еще и то, что въ Тверскомъ сборникѣ еще разъ говорится объ убійніи Шевкала: „тойже зими преставися Петръ митрополитъ и убіенъ бысть Шевкалъ“; по всей вѣроятности, послѣднее краткое извѣстіе принадлежитъ Тверской лѣтописи, а первое есть отдѣльное сказаніе, составленное въ Твери и вошедшее въ настоящій сборникъ вмѣстѣ съ краткимъ извѣстіемъ. Эта повѣсть, какъ мы сказали, продолжается подъ слѣдующимъ 6835 годомъ. Она начинается такъ: „И то слышавъ беззаконный царь...“ Эти слова какъ разъ соответствуютъ послѣднимъ словамъ сказанія подъ предыдущимъ годомъ: „Пастуси.... бѣжаша на Москву, и отголъ въ (о)рду, и тамо возвѣстиша кончину Шевкалову“; по о самомъ разграбленіи Твери говорится очень кратко. Сказаніе о Шевкалѣ, безъ сомнѣнія, тверскаго происхожденія. Это доказывается тѣмъ, что во 1) событіе разказывается очень обстоятельно; 2) Богъ послалъ бѣдствіе, говоритъ авторъ сказанія, „за умноженіе грѣхъ нашихъ“; такъ могъ сказать только Тверичъ; наконецъ, 3) высказывается сочувствіе къ князю: князь постоянно остается въ сторонѣ; онъ не только не принимаетъ никакого участія въ возстаніи, не только не подзадориваетъ народъ къ бунту, на что есть указанія въ Полг., Воскр. и Ник. лѣтописяхъ, но какъ бы является примирителемъ между Тверичами и Татарами, велитъ терпѣливо сносить обиды со стороны Татаръ и самъ первый подаетъ примѣръ терпѣнія: Татары выгнали его изъ дворца, но онъ спокойно покоряется своей участи; объ участіи князя во время рѣзни Татаръ съ Тверичами нѣтъ упоминанія. Все это заставляетъ насъ признать эту повѣсть записанною въ Твери сторонникомъ князя.

3) *Сказаніе объ убійніи Александра Михайловичи* ¹⁾. Михайлъ Ярославичъ запечатлѣлъ свою жизнь мученическою кончиной; его благовѣрный сынъ тоже удостоился принять вѣнецъ мученическій за родъ христіанскій; какъ тотъ, такъ и другой удостоились особыхъ

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 418—421; Ник., III, 166—169 сходно съ Тверск. сборн., разницы небольшія.

сказаній. Сказаніе о послѣднемъ князѣ-мученикѣ помѣщено въ Тверскомъ сборникѣ подъ 6844—6845 (1338—1339) годами. Начивается эта повѣсть съ того момента, когда Александръ рѣшился изъ Пскова ѣхать въ орду. Его сопровождали епископъ съ духовенствомъ и княгиня съ дѣтьми. Пріѣхавъ въ орду, Александръ цѣлый мѣсяць подвергался страннымъ правдивнымъ мученіямъ: Татары обманывали его, — то говорили, что онъ получитъ великое княженіе, то — что будетъ убитъ. Наконецъ, извѣстили Михаила, что спустя три дня его казнить. Выѣстѣ съ Александромъ былъ казень и его сынъ Феодоръ. Тѣла ихъ были перевезены въ Русь и погребены въ Твери, въ церкви св. Спаса. Сказаніе это, конецъ котораго не сохранился въ дошедшемъ до насъ спискѣ Тверскаго сборника, составлено, по всей вѣроятности, современникомъ, и даже можетъ быть, лицомъ близкимъ къ князю. Въ этомъ сказаніи, между прочимъ говорится, что наканунѣ смерти Александра „былъ сонъ его въ велицѣ тузѣ и печали“, и приводятся слова Александра, произносимыя имъ въ душевной скорби и тревогѣ. По убіеніи Александра и его сына Феодора, „боляре же и слуги его разбѣгошася, а друзи же пріемше тѣлеса ихъ везоша и на Русь“; можетъ быть, составитель этого сказанія и былъ одинъ изъ тѣхъ вѣрныхъ слугъ Александра, которые привезли тѣло его на Русь.

Замѣчательно, что ни въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ нами сказаній ни слова не говорится о Московскихъ князьяхъ, дѣятельность ихъ противъ Тверскихъ князей остается неизвѣстною; князья Тверскіе являются мучениками не за свою политическую дѣятельность, не за то, что, они, такъ-сказать, стояли поперекъ дороги Московскимъ князьямъ, препятствовали возвышаться послѣднимъ, а просто вследствие происковъ ханскихъ вельможъ; они страдали „за родъ христіанскій“.

4) *Житіе митрополита Алексія* ¹⁾ помѣщено подъ двумя годами 6865 и 6885 (1357 и 1377). Подъ 6865 годомъ приводится отрывокъ изъ житія Алексія о его путешествіи въ орду для исцѣленія жены хана Амурата, по поводу извѣстія Ростовской лѣтописи о путешествіи его въ орду. Кромѣ того, тамъ же разказывается о по-

¹⁾ П. С. Р. Л. XV, 422—427, 437, 438. Въ нашемъ сборникѣ слова подъ 6864 г. «ходилъ въ Орду Алексій митрополитъ» написаны раздвинутымъ шрифтомъ, изъ чего можно, пожалуй, заключить, что это заглавіе къ отрывку изъ житія, но слова эти не относятся къ житію нисколько, а просто выписаны изъ Ростовской лѣтописи, см. Лѣтоп. по ак. сп., 504.

строении церкви во имя архистратига Михаила, о желаніи Алексія поставить послѣ себя въ митрополиты преподобнаго Сергія, о смерти Алексія и объ обрѣтеніи его мощей. Во второмъ отрывкѣ, послѣ извѣстія о смерти митрополита Алексія, приводится начальный отрывокъ изъ житія. Но свѣдѣнія о его жизни ограничиваются очень немногими фактами: говорится о томъ, что его отецъ переселился изъ Чернигова въ Москву еще при великомъ князѣ Михаилѣ Ярославичѣ Тверскомъ; родился онъ при Иванѣ Даниловичѣ. Далѣе перечисляются братья, племянники, внуки Алексія. Объ одномъ изъ его родственниковъ замѣчено, что онъ „Данило Феофановичъ) былъ у великаго князя Дмитрія Ивановича и у великаго князя у Василия былъ въ боярахъ у Дмитріевича, а былъ съ нимъ въ ордѣ, и многу истому пріялъ въ чужихъ земляхъ, служа великому князю Василю Дмитріевичу; преставися въ чернигахъ, въ скымѣ, положенъ бысть у Михайлова Чуда, близъ дяди своего Алексія митрополита чудотворца, и приходилъ князь великій Василій Дмитріевичъ на погребеніе его, прослезися надъ нимъ, поминаа службу его къ себѣ“¹⁾. Житіе это написано спустя долгое время послѣ смерти свитителя, даже послѣ открытія его мощей; на это есть указаніе въ самомъ текстѣ: „и бысть убо святыи въ томъ гробѣ 60 лѣтъ, въ время же благочестиваго и христіюбиваго самодръжца великаго князя (Василія) Васиіевича и при святѣйшемъ митрополитѣ Фотѣ Кіевскомъ всеа Руси... обрѣтоша тѣло блаженнаго Алексеа цѣло и невредимо“. Мощи его были поставлены въ Благовѣщенской церкви Чудова монастыря на правой сторонѣ, въ придѣлѣ Св. Богородицы, „идѣже суть видими“.

5) *Повѣсть о Митяѣ*²⁾, во многомъ сходная съ повѣстью, помѣщенной въ Воскресенскомъ и Никоновскомъ лѣтописныхъ сборникахъ, отличается отъ нея тѣмъ, что передаетъ нѣкоторые факты съ меньшими подробностями: происхожденіе Митяя и его первоначальная дѣятельность не описаны въ Тверскомъ сборникѣ. Здѣсь эта повѣсть записана подъ двумя годами: подъ 1377 и 1379 гг. Подъ первымъ помѣщено описаніе борьбы Митяя съ Діонисіемъ Суздальскимъ; подъ вторымъ говорится объ отправленіи въ Царьградъ Ми-

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 448. О времени обрѣтенія мощей наши ученые несогласны: Филаретъ (Русск. Свит., февраль, 116) и г. Ключевскій (Житія святыхъ, 134) принимаютъ 1431 г., преевъ. Микарій (И. Р. Ц., IV, 255) 1439 годъ.

²⁾ П. С. Р. Л., XV, 438—440; Воскр. (П. С. Р. Л., VIII, 28—32); Ник., IV, 66—77; Пр. Несг. Лѣтоп., 137—148.

тя, о его смерти и о избраніи и посвященіи въ митрополиты Пимена.

6) *Повѣсть о нападеніи Тохтамыша на Москву* ¹⁾ записана въ Тверскомъ сборникѣ подъ 1382 годомъ, а въ Никоновскомъ—подъ 1381. Какъ въ томъ, такъ и другомъ сборникѣ разказъ въ существенныхъ чертахъ сходенъ. Уважемъ на нѣкоторыя разности. По извѣстію, находящемуся въ Тверскомъ, Тохтамышъ подступилъ къ Москвѣ 20-го августа; въ Никоновскомъ сборникѣ „августа въ 23-й день, въ понедѣльникъ въ полюбѣда“. Извѣстія о томъ, что Владимиръ Андреевичъ собралъ войска и разбилъ часть полчищъ Тохтамыша, въ Тверскомъ сборникѣ нѣтъ. Эта повѣсть, безъ сомнѣнія, есть произведеніе московское и составлена была очевидцемъ и современникомъ: „и бысть взятъ градъ августа 26-й день, при часѣ 8 дню. Си вси учинися грѣхъ ради нашихъ; и бысть въскорѣ всеприяхъ, а въ плѣтъ поведоша аки скоть“ ²⁾.

7) *Сказаніе о перенесеніи иконы Владимирской Богородицы Матери изъ Владимира въ Москву и о мшиствіи Тамерлана (Темиръ-Аксака)* ³⁾. находящееся почти во всѣхъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ, имѣетъ нѣсколько редакцій: въ одной разказано о жизни и дѣятельности Тамерлана до нашествія его на Русь: о битвахъ его съ Персами, съ Турецкимъ султаномъ Баязетомъ, котораго онъ заковалъ въ желѣзныя цѣпи и возилъ „того ради, да аще бы видѣли мнози земли такуюю его силу и славу, безбожнаго врага и гонителя“; въ другой разказывается о Тамерланѣ, какъ побѣдителя Тохтамыша, и подробно говорится о нападеніи Тамерлана на Русь; о битвѣ съ Баязетомъ сказано вкратцѣ; въ этой же редакціи перечислены всѣ покоренныя Тамерланомъ страны. Повѣсть о Тамерланѣ, помѣщенная въ Тверскомъ сборникѣ, относится ко второй редакціи и почти дословно сходна съ тою, которая находится въ Софійской 2-й лѣтописи. Повѣсть эта составлена современникомъ; авторъ говоритъ о себѣ, какъ объ очевидцѣ нѣкоторыхъ событій. „Его же“ (Темиръ-Аксака), говоритъ авторъ повѣсти, — „иногда по вѣстѣхъ слышаномъ далече суще подъ востоки солнечными, иныѣ же близъ яко при дверехъ прибли-

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 441, 442; (Воскр. П. С. Р. Л., VIII, 42—48); Ник., IV, 131—138; П. С. Р. Л., IV, 84—90, VI, 98—103.

²⁾ П. С. Р. Л., XV, 442.

³⁾ П. С. Р. Л., XV, 447—456, Соф. 2-я (П. С. Р. Л., VI, 121—128), Воскр., П. С. Р. Л., VIII, 65—68; Ник. IV, 246—249; Изборникъ Попова, 64—66; Пр. Пест. Лѣтоп. 195—406.

жилъся есть,.... а нынѣ гоними быша; не мы бо ихъ гонимъ,.... и нынѣ милость его велика на насъ,.... „ако избавилъ ны есть Господь изъ руки врагъ нашихъ, Татаръ, избавилъ ны есть отъ сѣчи... И мы же грѣшнїи раби Христовы, слышавши сіе удивленїе Господа нашего Исуса Христа и пречистыя его Матери Богородици, и понудихъ сіа посланїа предати въ славу имени Господа Бога нашего Исуса Христа и пречистыя его Матери владычица наша Богородица, заступнице наша; Богу нашему слава и нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ, амиѣн, и отиустъ.“, Вѣроятно, эта повѣсть составлена въ Москвѣ, такъ какъ авторъ называетъ этотъ городъ „нашимъ“ и высказываетъ свое сочувствїе къ великому князю Василю Дмитріевичу. Повѣсть составлена вскорѣ послѣ нашествїа Тамерлана, но послѣ построенїа монастыря на мѣстѣ срѣтенїа иконы. „Сїй же митрополитъ“, говорится въ повѣсти,—„устроинна монастырь, и повелѣ ту бити игумену и братїа, и оттолѣ уставша праздниѣ праздновать честно мѣсяца августа въ 26-й день“.

8) *Повѣсть о битвѣ Витовта съ Темиръ-Кутлусъ* ¹⁾. Разницы между разными редакціями этой повѣсти, помѣщенной во многихъ лѣтописяхъ, неболынія. Помѣщенная въ Тверскомъ сборникѣ повѣсть отличается отъ другихъ тѣмъ, что въ ней упоминается объ участїи Эдигея въ битвѣ, о чемъ молчатъ всѣ прочїе лѣтописные сборники, кромѣ Никоновскаго. Кто былъ составитель этой повѣсти—неизвѣстно; но въ редакціи, сохранившейся въ Тверскомъ сборникѣ, есть намекъ на то, что составитель былъ сторонникомъ Москвы; говоря о томъ, что Тохтамышъ посулилъ Витовту всю Русскую землю и Москву, авторъ замѣчаетъ: „и нѣганы помыслиша всеу, о нихъ же пророкъ глаголетъ: Господь разоритъ свѣтъ языкомъ“; изъ одного выраженїа можно даже сдѣлать заключенїе о томъ, что составитель былъ очевидцемъ: „бѣ страшно видѣти въ той часъ 2 силы великыя снимающесе.... стрѣлы акы дождеваа туча обоихъ“. Эта битва происходила 12-го августа 1399 года, подъ которымъ и помѣщена повѣсть о ней.

9) *Житїе Михаила Александровича* ²⁾. Сначала въ житїи говорится о его преставленїи, затѣмъ послѣ заглавія: „предисловіе лѣтописца княженїа Тверскаго благовѣрныхъ великихъ князей Тверь-

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 458, 459, IV, 103, V, 251, VIII, 72; Пск., IV, 279—283.

²⁾ П. С. Р. Л., XV, 459—461, 463—470, IV, 359, 360, VIII, 73, 74; Пск., IV, 285—296.

скихъ“, заглавія, вставленнаго, по всей вѣроятности, составителемъ сборника, излагается біографія Михаила. Языкъ „предисловія“ служитъ доказательствомъ того, что оно принадлежитъ составителю житія. Отрывокъ о преставленіи князя Михаила мы, вслѣдъ за г. Ключевскимъ, считаемъ за часть житія на томъ основаніи, что „въ одномъ изъ новгородскихъ лѣтописныхъ сводовъ, составленномъ въ началѣ XVI вѣка, помѣщена статья о преставленіи князя Михаила“, съ предисловіемъ, сохранившимся въ Тверскомъ сборникѣ, „съ незначительными перемѣнами въ словахъ и безъ искаженій, сдѣланныхъ писцомъ Тверскаго сборника“¹⁾. Къ тому же мы видѣли и въ самомъ Тверскомъ сборникѣ нѣсколько апалогическихкихъ явленій, то-есть, части одного и того же произведенія разбивались по годамъ. Такъ это случилось съ житіемъ св. Алексѣя: по поводу упоминанія лѣтописи о хожденіи его въ орду приводится соотвѣтствующій отрывокъ изъ житія; по поводу смерти приводится начало житія. Точно также разбита по годамъ повѣсть о Митяѣ; то же произошло и съ житіемъ Михаила. При извѣстіи о кончинѣ Михаила Александровича, кстати приводится отрывокъ изъ житія его. Поэтому мы и считаемъ догадку г. Ключевскаго вполне справедливою. Въ предисловіи сказано, что житіе написано по повелѣнію князя Бориса, „еже повелѣлъ ми естъ написати отъ слова честь премудраго Михаила, боголюбиваго князя“; говорится о трудности возложенной на автора задачи „и того же выше силы наша естъ“. Впрочемъ авторъ, при Божіей помощи, „Богу паставляющу худость нашу“, надѣется исполнить порученіе, возложенное на него Борисомъ, котораго онъ называетъ „честною главой“. „Мы же“, говоритъ авторъ, — „елика многа безъ лѣности речемъ зряще Русскаго градографа“, и вслѣдъ, выписавъ рядъ предковъ Михаила, заключаетъ: „доздѣ пишущу уставихомъ ни прьваго лѣтописца въображающе, якоже Володимерскій полихронъ степенемъ приведе явѣ указываетъ“. На основаніи этого предисловія думали, что Тверская лѣтопись „составлена неизвѣстнымъ лицомъ, по повелѣнію Тверскаго великаго князя Бориса Александровича (ум. 1461 г.), приказавшаго ему описать время княженія Михаила Александровича, сына Александра Михайловича. При изложеніи событій, предшествовавшихъ вступленію на престолъ Михаила Александровича составитель лѣтописи, какъ онъ самъ говоритъ, руководствовался Владимірскимъ полихрономъ (столб. 465)“²⁾. По это, какъ

¹⁾ Житія Русскихъ святыхъ, соч. В. Ключевскаго, 179.

²⁾ П. С. Р. Д., XV, V, предисловіе.

оказывается, не вѣрно: не лѣтопись составлена по повелѣнію Бориса, а только житіе Михаила Александровича. и Владиміровскимъ полихрономъ опъ пользовался не при изложеніи событій, бывшихъ до вокняженія Михаила, а только при показаніи рода его „да всѣмъ вѣдомо будетъ, отъ котораго богасаднаго корени таковая добронродная отрасль, или реку вѣтвь, израсте“. За предисловіемъ слѣдуетъ самое житіе, отличное въ изложеніи нѣкоторыхъ фактовъ и отъ Тверскаго, и отъ Никоновскаго лѣтописныхъ сборниковъ. Такіи различія заключаются въ разказѣ о Шевкалѣ и о воспитаніи Михаила. Въ повѣсти о Шевкалѣ, какъ мы видѣли, Александръ не возбуждаетъ народъ противъ Татаръ; онъ, напротивъ, самъ ихъ успокоиваетъ. Не такимъ изображенъ онъ въ житіи Михаила: „Да восприметь христіанскій губитель“, говоритъ Александръ,—„мзду дѣлатель своихъ, и наполнится мѣра ему беззаконіи его, и сѣтъ, юже простре, да впадется въ ню“. Авторъ житія одобрительно относится къ этимъ словамъ князя, потому что нечестивцы „хотѣли нечестивовати на церковь Господа Бога“, и Татары получили должное возмездіе; Господь воздаетъ „излиха творящимъ гордию“. Объ Иванѣ Калитѣ замѣчено: „Ивалѣ Московскій грядише и вожь имъ на грады Тверскыя бываше“. Такимъ образомъ, мысль о паденіи Татаръ низвергнуть христіанство распространилась по Руси спустя столѣтіе послѣ самаго происшествія; къ тому же времени успѣли осмыслить и роль Калиты. Кратко сказавъ о бѣгствѣ Александра во Псковъ и о смерти его, житіе переходитъ къ Михаилу. Онъ былъ отданъ на воспитаніе своей матерью, Анастасею, митрополиту Θεогносту. Софійская 1-я, Воскресенская, Повгородская 4-я, и Никоновская ¹⁾ лѣтописи согласно утверждаютъ, что Михаилъ учился у Повгородскаго архіепископа Василя. Затѣмъ въ житіи описываются качества Михаила: „Благъ бо нравъ его въ очю челоукомъ, яко унѣ бѣ възрастомъ и разумнѣ старческии бесѣдоваше, яко же дивитися многимъ; ими его высищеси въ сынѣхъ князехъ, и (въ) странахъ слышащси его дивляхуся“. Борьба Михаила съ Василиемъ изложена кратко, причина вражды—любовь народа къ Михаилу. Затѣмъ опять идетъ заглавіе: „Начало великаго княженія князи Михаила Александровича“ и опять идутъ похвалы князю. Заканчивается это житіе такъ: „но убо о семъ прекратимъ слово и кончаемъ бесѣду, о ихже пачахомъ“,—это слова составителя лѣтописнаго сборника. Мы сказали нѣсколько выше, что составитель

¹⁾ П. С. Р. Л. V, 223, VII, 207. IV, 55; Ник., III, 175.

сборника встаети вносить въ лѣтописный разказъ отрывокъ изъ житія или повѣсти: это подтверждается вышеприведеннымъ заключеніемъ житія. Составителю попались отрывки изъ житія Михаила; конецъ его онъ помѣстилъ подъ годомъ смерти Михаила, такъ какъ въ послѣдней части житія описывается кончина князя,—а начало житія онъ помѣстилъ дальше, не заботясь о хронологической точности.

Тамъ, гдѣ онъ сдѣлалъ послѣднія выписки изъ житія, онъ счелъ необходимымъ сказать: „начнемъ о ихже начахомъ“, то-есть, о княженіи Ивана Михайловича, начало княженія котораго уже было разъ описано и теперь повторяется въ другой разъ. Что это заключеніе принадлежитъ составителю сборника, а не автору житія, видно изъ того, что въ житіи ни разу не упоминалось объ Иванѣ Михайловичѣ, и слѣдовательно, нельзя сказать: „начнемъ о ихже начахомъ“.

Извѣстіе о смерти Михаила Александровича, паходящееся въ разбираемомъ житіи, находится также въ Воскресенскомъ, Новгородскомъ и Никоновскомъ лѣтописныхъ сборникахъ. Все эти извѣстія во многомъ сходны между собою. Въ Никоновскомъ сборникѣ, между прочимъ, говорится, что Михаилъ назначилъ послѣ себя великимъ княземъ Василия, а не Ивана: „се вамъ оставляю любимаго и старѣшаго сына моего Василия, да будетъ вамъ князь в мене мѣсто“. Впрочемъ, житіе, помѣщенное въ Никоновскомъ лѣтописномъ сборникѣ, особой редакціи и другаго происхожденія. Имя Бориса, княжившаго отъ 1425 по 1461 г., съ достаточною опредѣленностію указываетъ время составленія житія князя Александра.

10. *Повесть о Плавѣ* ¹⁾. Подъ 6914 (1406) г. находится заглавіе „о Плавѣ повѣсть“; но самой повѣсти нѣтъ подъ этимъ годомъ; она помѣщена подъ 6916 (1408) г. и начинается такъ: „Того же лѣта мѣсяца октября въ 23-й день, въ дни же тии боголюбивому великому князю Ивану Михайловичу Тферскому столъ держанцу, и бѣаше ходя путемъ отчимъ, сего ради миръ глубоко имаше ко всемъ странамъ; князь же великій Василей съ многою любонію присла въ нему, по помози прося у него на Литву“... Иванъ Михайловичъ дѣйствительно послалъ въ помощь Василію братьевъ своихъ, Василия и Осодора, сына Ивана и князя Ивана Еремѣевича. Все полки русскіе стали около рѣки Плавъ; сюда же пришли и Татары на помощь Русскимъ. Старцамъ это не полюбилось: „Добра ли се будетъ дума юныхъ нашихъ бояръ, иже приведоша Татаръ на помощь? Не сихъ ли ради и

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 472—477.

Кіеву, и Черпигову бѣды приключипася, иже когда имущи брапь со собою, и подымаючи Половецъ навожаху на ся, да прьвое бо наимуючи Половецъ навожаху на ся, да прьвое бо наимуючи ихъ сребро издаша изъ земля своеа, а ипѣи же смотриша наряди Рускыа и самѣмъ издолѣша; да не будетъ той пакости и нашей земли на прочая дни, да не како Татарове съсмотрятъ наряда земля нашаа, и въсхотятъ сами принти на ны, якоже бысть ся". Явился Витовтъ и расположился на Пашковой гати; Ока раздѣляла враговъ. Простоявъ девять дней, противники заключили перемиріе отъ 1-го октября до Сочествія Св. Духа и разошлись; Татары тоже ушли, гнѣваясь на великаго князя, и „въ помощи мѣсто многу пакость сътвориша христіаномъ". Далѣе объясняется, почему Тверичи не захотѣли помогать Москвитчамъ противъ Литовцевъ: вопервыхъ, Василій заключилъ перемиріе съ Витовтомъ безъ вѣдома князей и воеводъ Тварскихъ, и во вторыхъ, въ перемирной грамотѣ имя Ивана Тверскаго поставилъ послѣ имени своихъ братьевъ,—это тоже сдѣлано было безъ вѣдома Тверичей: „Тверичемъ никакоже не вѣдающимъ того". Вотъ на это-то Тверскіе князья и вознегодовали: „Ци на службу пришли есмы Василя? Безъ насъ думаетъ и смирится, и стаашеся отъ насъ нечестно поставляетъ имена великаго князя Ивана". Въ гнѣвѣ они удалились въ Тверь и рассказали обо всемъ Ивану Михайловичу; „онъ же слышавъ, зѣло съжаливси и прослезися ... и оттолѣ не въсхотѣ помогати Москвитчемъ"; и дѣйствительно, когда Василій прислалъ къ нему за помощью въ другой разъ, онъ отказалъ. Таково содержаніе этой повѣсти. Въ этой повѣсти, не извѣстно, кѣмъ и когда написанной есть обращеніе къ какому-то отцу Варлааму, котораго неизвѣстный авторъ въ другихъ мѣстахъ называетъ „освященною главою" и „боголюбивою главою". Авторъ сильно возстаетъ противъ князей, которые не совѣтуются съ боярами: „Подобно естъ здѣ написати, знамяснати властодръжацъ ради, рекше князей ради: не сами точію едини, безъ искуснѣйшихъ, вся простѣйшии, отъ своа мудрости самочинуютъ, или пакы силѣ и величеству падѣющеси на братію, да не возносятся",—лѣдовательно, повѣсть составлена съ цѣлію поученія и назиданія, князей. Въ частности авторъ недоволенъ тѣмъ, что Василій Дмитріевичъ такъ поступилъ съ Тверскимъ княземъ при заключеніи мира. Это неудовольствіе, замѣтное во всей повѣсти, особенно ясно высказывается въ концѣ ея: „Московскіе князи не равны къ собѣ почетше братію свою, Тверскыа князя, того же ради, но не по свѣту съ ними сами едини думу и миръ поставляху, и не стрегуще имени Тферскаго

часть сѣхххviii, отд. 2.

въ грамотѣ поставляху, и симъ озлобиша братію свою, Тверскна князя, и тую вещь и въскотѣша помагати Москвичемъ, якоже и бысть". Повѣсть эта извѣстна только по Тверскому сборнику, и тверское происхожденіе ея не подлежитъ сомнѣнію. Заключение ея слѣдующее: „сіа же и сихъ сказашася, паки же предняго да имемся".

11) *Знамєніє на Похрѣ* ¹⁾). Около Коломны, въ церкви св. Николая, отъ иконы истекла кровь. Наложень былъ постъ: рыбы не ѣсть, вина не пить, а въ церквахъ прилежно молиться Богу. Знаменіе это, по сказанію, имѣло въ виду отвратить людей отъ грѣховъ. Такой же смыслъ имѣло и то обстоятельство, что черви напали на лѣса и поѣли кору древесную. Далѣе говорится, что Господь устроилъ премудро и милостиво: „приведе бо на древо ядовитаго звѣря, а не сътвори тако плодомъ въ земли нашей". Въ концѣ обращеніе: „но, Владыко, пощади насъ, аще и умножишася безаконіа наша; по за имя твое святое помози намъ, Боже, Спасителю нашъ, запе ты еси Богъ нашъ". Въ началѣ этой повѣсти: „той же зыми (1408 г.), въ странѣ Московстей, близъ Коломны, бысть знаменіе на Похрѣ, въ церкви святаго Николы"; въ концѣ: „сіа убо о знаменіи грѣхомъ идеже поуще, пререченнымъ послѣдуемъ". Слова эти указываютъ на отдѣльность повѣсти, вѣроятно, записанной въ Московской области.

12) *Сказаніє о побоици Рязаньскомъ* ²⁾), помѣщенное подъ 6316 (1408 г.), имѣетъ своимъ предметомъ описаніе битвы Ѳедора Ольговича Рязанскаго съ Иваномъ Владиміровичемъ Пронскимъ. Василій Дмитріевичъ Московскій подалъ помощь первому, какъ своему зятю. „Старци же се не похвалиша; а иже не сложивъ къ Пронскому, ратью послати на нь, се бо здумаша бояре юніи". Князь Пронскій одержалъ побѣду надъ своимъ соперникомъ. Сочувствіе автора повѣсти на сторонѣ побѣдителей; авторъ ея исизвѣстенъ.

13) *О нападеніи Эдигея* ³⁾). Подъ тѣмъ же 1408 г. помѣщены двѣ краткія записки о нападеніи Татаръ на Русь: одна — о нападеніи Эдигея на Москву, а другая — о нападеніи одного царевича татарскаго на Нижній и Городецъ. Гранью между этими записками служатъ слова:

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 479, 480; см. Сое. 1-я, П. С. Р. Л., V, 256; Сое. 2-я, VI, 134; Воскр., VIII, 81, кратко говорятъ объ этомъ знаменіи подъ 6915 (1407 г.).

²⁾ П. С. Р. Л. XV, 480—481; Воскр. (П. С. Р. Л., VIII, 82). Сое. I, (П. С. Р. Л., VI, 135) говорятъ, что Пронскій князь согналъ Ѳедора Рязанскаго изъ Рязани; о помощи Василія Московскаго не упоминаютъ; о битвѣ князей даютъ тоже краткія извѣстія.

³⁾ П. С. Р. Л., XV, 482—84.

„Се же великое зло сътворися въ земли Руской, на родѣ христіанскомъ, грѣхъ ради нашихъ“. Въ первой запискѣ кратко и одиѣми чертами изображается разгромъ Татарами различныхъ мѣстностей Россіи: Рязани, Можайска, Звенигорода, Переяславля, Ростова; въ разказѣ о погромѣ Ростова говорится о намѣреніи Татаръ зажечь „Зачатіевъ монастырь“, но „молитвою Богородици възбрапи невидимаа сила, не дасть имъ зажещи.... А градъ Москву избави Господь отъ иноплеменикъ, молитвами Святыя Богородици, не предасть Господь людія своихъ въ руцѣ невѣрныхъ“. Точно также сходными чертами изображенъ въ другой запискѣ погромъ Нижняго Новгорода и Городца. Отсюда „окаяннїи хотѣша ити на Кострому и на Вологду, въ слѣдъ великія кнѣжны; Господь же избави градъ Кострому и Вологду отъ насилїа поганыхъ, молитвами Святыя Богородица, и не предасть Господь людія своихъ въ руцѣ невѣрныхъ“. Затѣмъ описывается погромъ татарскій по рѣкѣ Сурѣ, взятіе Курмыша и Саръ Великихъ. Въ заключеніе сказано: „се же зло сътворися грѣхъ ради нашихъ падъ людьми Рускыми и надъ народомъ Христіанскимъ“. Всмотриваясь въ складъ рѣчи той и другой запискѣ, нельзя не признать ихъ производсіемъ одного и того же автора: какими чертами изображено разграбленіе одного города въ первой записки, точно такими же чертами изображено разграбленіе другаго города въ другой запискѣ. Но кѣмъ составлены эти записки — указаній никакихъ нѣтъ ¹⁾.

Кромѣ всѣхъ этихъ болѣе или менѣе отдѣльныхъ сказаній, которыя мы выдѣлили изъ второй части Тверскаго сборника, въ этой части есть еще отдѣльныя записи, сдѣланныя въ разныхъ частяхъ Руси и запесенныя въ Тверской сборникъ, и не только записи, но даже отрывки изъ разныхъ лѣтописей. Постараемся опредѣлить эти, чуждые Тверской лѣтописи, элементы и начнемъ прежде всего съ *отрывковъ изъ Ростовскихъ лѣтописей*.

Составитель Тверскаго сборника былъ „отъ веси Ростовскихъ областей“; очень естественно поэтому видѣть въ его сборникѣ болѣе или менѣе частыя упоминанія о своей отчинѣ; а эти упоминанія иногда такого рода, что заставляютъ предполагать у составителя существованіе подъ руками Ростовскихъ лѣтописей. Многія извѣстія изъ этихъ лѣтописей мы встрѣчаемъ въ первый разъ. Уже на первыхъ страни-

¹⁾ Въ Воскр. лѣтоп., П. С. Р. Л., VIII, 83 и Ник., V, 17—25 повѣсть о паденіи Эдикса другой редакціи, болѣе подробной. Но о раззореніи Нижняго и Городца тамъ упоминается короче, чѣмъ въ Тверскомъ сборникѣ.

цахъ сборника въ первой его части намъ попадается извѣстіе о построеніи въ Ростовѣ Феодоромъ, первымъ епископомъ Ростовскимъ, дубовой церкви въ честь Успенія Богородицы и крещеніи людей ¹⁾. Запись эта сдѣлана современникомъ, что можно заключить изъ словъ: „толику чудну, якова не бывала и потомъ не будетъ“. Можетъ быть, съ этого времени начали вестись Ростовскія лѣтописи. Далѣе мы встрѣчаемъ извѣстія ростовскія: подъ 1072 г. — о поставленіи Исаи въ Ростовскіе епископы ²⁾; подъ 1120 г. — о томъ, что во время войны Юрія Долгорукаго съ Болгарами воеводою у него былъ „бояринъ большей Георгій Симоновичъ, внукъ Африкаповъ, Варяжскаго князя, брата Якуну слѣпому“ ³⁾; подъ 1156 г. — о томъ, что Юрій заложилъ городъ Москву, на устьѣ Неглиной ⁴⁾; подъ 1161 г. — о заложеніи Андреемъ Боголюбскимъ каменной церкви въ Ростовѣ и обрѣтеніи мощей св. Леонтія ⁵⁾; подъ 1165 г. — объ освященіи этой церкви ⁶⁾; подъ 1194 г. — объ установленіи Ростовскимъ епископомъ Иоанномъ празднованія въ честь Леонтія ⁷⁾. Мы выбрали только тѣ ростовскія извѣстія изъ первой части Тверскаго сборника, которыхъ въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ не находимъ. Но кромѣ этихъ извѣстій, находится и много другихъ выписокъ изъ Ростовскихъ лѣтописей. Выше мы уже говорили, что извѣстія о событіяхъ, относящихся ко времени отъ 6756 до 6763 г., сходны съ извѣстіями, находящимися въ Ростовскихъ и Суздальскихъ лѣтописяхъ, которыя извѣстны по академическимъ спискамъ, точно такое же сходство замѣчается и въ описаніи годовъ до 6793 года.

Займствованія изъ Ростовскихъ или Суздальскихъ лѣтописей продолжаются и во второй части сборника, какъ это можно видѣть изъ сопоставленія извѣстій подъ 6800, 6801, 6802, 6807, 6835, 6836, 6849, 6861—6871 гг. включительно ⁸⁾. Затѣмъ ростовскихъ извѣстій очень мало; мы можемъ указать только на три извѣстія, записанныя

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 115.

²⁾ Тамъ же, 166.

³⁾ Тамъ же, 193.

⁴⁾ Тамъ же, 225.

⁵⁾ Тамъ же, 233.

⁶⁾ Тамъ же, 231, 235.

⁷⁾ Тамъ же, 281 и 282.

⁸⁾ П. С. Р. Л., XV, 406—428; сравн. Лѣт. по акад. сп., изд. 1872 г., 499—505 стр.

въ Ростовѣ; а именно: о пожарѣ въ Ростовѣ 1408 г. ¹⁾, о смерти епископа Ростовскаго Григорія, 3-го мая 1417 г. ²⁾, и о поставленіи на его мѣсто Діонисія 12-го іюня 1418 г. ³⁾. Изъ этихъ извѣстій самое замѣчательное — первое извѣстіе о пожарѣ, какъ потому, что оно записано современникомъ, такъ и по находящемуся здѣсь списку Ростовскихъ епископовъ. Пожаръ этотъ случился 25-го іюня, въ 7-й часъ дня, въ четвертокъ; сгорѣло 14 церквей, въ числѣ которыхъ и соборная церковь Богородицы; затѣмъ перечисляется, какіе были въ Ростовѣ епископы и сколько лѣтъ служили при этой церкви. Списокъ этотъ доказываетъ, что у составителя были, кромѣ Ростовскихъ лѣтописей, и другія какія-либо замѣтки, относящіяся до церковной исторіи Ростова. Затѣмъ слѣдуетъ опять: „а въ прежнее лѣто 499 стоала тутъ церковь дубоваа Успеніе святыа Богородица, а поставленіе было архіепископомъ Феодоромъ Гречиномъ“, и опять перечисляются епископы, служившіе при этой церкви, но безъ означенія лѣтъ служенія. „А стоала та церковь дубоваа 100 лѣтъ да 68 лѣтъ, и погорѣ градъ Ростовъ, и церковь дубоваа згорѣла, якоже не бывала такова на Руской земли и потомъ не будетъ“. Замѣтка о ростовскомъ пожарѣ заключается словами: „се же великое зло сѣтворися грѣхъ ради нашихъ“ ⁴⁾.

Какъ большинство ростовскихъ извѣстій записано въ Тверскомъ сборникѣ въ первый періодъ существованія Тверской лѣтописи, такъ напротивъ Нижегородскія извѣстія относятся къ послѣднимъ годамъ ея существованія. Впрочемъ нижегородскихъ извѣстій немного. Такъ въ Нижнемъ Новгородѣ записано извѣстіе о пораженіи Русскихъ на р. Піацѣ и опустошеніи Нижняго Татарами. Мы думаемъ это потому, что во всей замѣткѣ говорится только о Нижегородскихъ князьяхъ. Татары пришли на Піану 2-го августа 1377 г., а къ Нижнему 5-го

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 481—472.

²⁾ Тамъ же, 487.

³⁾ Тамъ же, 488.

⁴⁾ Списокъ епископовъ Ростовскихъ отличается отъ другихъ подобныхъ списковъ, помѣщенныхъ въ Нов. IV, (П. С. Р. Л., IV, 102), Воскр. (П. С. Р. Л., VIII, 69), Соф. II, (П. С. Р. Л., VI, 128). Противъ этихъ списковъ пропущены слѣдующіе епископы: 2-й епископъ Θεогностъ, 3-й Θεодоръ, 5-й Θεодоръ, 6-й Θεогностъ, 8-й Ларіонъ, 17-й Кириакъ, 18-й Митрофанъ, 26-й Іаковъ; Тихонъ послѣдній въ спискѣ, по Твер.—31-й, а по Воскр. и Соф. II—42-й; Нов. IV кончаетъ Евремомъ 37-мъ, Воскр. (VIII, 69) 38-мъ. Перечисленію первыхъ семи епископовъ сходно въ Твер. сборникѣ со спискомъ Воскр., см. П. С. Р. Л., VII, 313.

августа ¹⁾). Точно также, вѣроятно, въ Нижнемъ записано извѣстіе о занятіи Василіемъ Дмитріевичемъ Нижняго Новгорода. Сочувствіе автора на сторонѣ Бориса Константиновича, Румянецъ сравнивается съ Иудой и Блудомъ. „О злая лесь челоувѣческаа“! восклицаетъ авторъ—, яко же рече Давидъ: мужа крѣвава и льстива гнушается Господь, и Лѣствичникъ рече: душа мятежна—сѣдалище діаволе. И отъиде Румянецъ, Юдинъ образъ вземъ, помрачися злобою и другъ діаволу парекся“ ²⁾). Извѣстіемъ о голодѣ въ Нижнемъ подъ 6920 (1412) и 6931 (1423) гг. заканчиваются въ Тверскомъ сборникѣ извѣстія Нижегородскія.

Также мало въ Тверскомъ сборникѣ извѣстій Смоленскихъ и всѣ они касаются, такъ сказать, послѣднихъ дней существованія Смоленскаго княжества. Первое Смоленское извѣстіе—о нападеніи Святослава Смоленскаго на Мстиславль 1386 г. ³⁾). Описаніе этого похода, какъ видно изъ подробностей, составлено современникомъ; довольно подробно описываются мученія, которымъ подвергали Смольняне своихъ жертвъ: „овыхъ имаху въ изби наметавъ зажигаху, а иніи разбиваху клинїемъ, клѣти руки вкладааху въ стѣну зажигаху, а младенца на колѣ вѣстыкаху, звѣрообразне мучаху безчеловѣчено“. Святославъ подступилъ къ Мстиславлю 18-го апрѣля, а „назавтрее, въ польобѣда“ явились литовскія войска. Смольняне были разбиты, и самъ Святославъ убитъ. Укажемъ еще на Смоленское извѣстіе о взятіи Витовтомъ Смоленска въ 1395 г. ⁴⁾).

Въ Тверскомъ сборникѣ есть извѣстія, записанныя Псковичемъ. Такихъ извѣстій два: 1) Подъ 6912 (1404) г.—о нападеніи Витовта съ Пѣмцами на Псковичей; объ этомъ событіи разказывается съ замѣтнымъ сочувствіемъ къ побѣдителямъ-Псковичамъ: „Псковичи же, укрѣпильшеса помонцією Божією, изыдоша противу имъ, и сташа межъ ими брань, и одолѣша Псковичи, и овѣхъ избыша, а иныхъ руками

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 436, 437; Воскр. (П. С. Р. Л., VIII, 25, 26) подробнѣе.

²⁾ П. С. Р. Л., XV, 446. Подобный же разказъ помѣщенъ въ Ник. лѣт., IV, 239—241, съ нѣкоторыми впрочемъ добавленіями, напримѣръ, разказывается, что татарскіе и московскіе послы, прибывъ къ Нижнему, не были пускаемы въ городъ; тогда Румянецъ убѣдилъ князя впустить пословъ.

³⁾ П. С. Р. Л., XV, 443, 444; Воскр. (П. С. Р. Л., VIII, 51, 52), Соф. I (V, 239, 240) подробнѣе; по послѣднимъ Витовтъ пришелъ на помощь чрезъ 11 дней, на Фоминной недѣлѣ.

⁴⁾ П. С. Р. Л., XV, 457; Воскр., П. С. Р. Л., VIII, 68, 69, сходно съ Тверью.

поимапа. Се же помощь христіаномъ отъ Бога бысть“ ¹⁾). 2) Подъ 1408 г.—о войнѣ Псковичей съ Нѣмцами: когда они папали „и укрѣпися брань, пущеніемъ Вожіемъ измогоша Нѣмци, а Псковичи устремися на побѣгъ; Нѣмци же гнаша по нихъ полны близъ града. Въ той день, за грѣхы наша, мнози падоша предъ иноплеменики: сіа же злоба съключися того же лѣта, августа въ 22-й день“ ²⁾).

Есть одно извѣстіе въ Тверскомъ сборникѣ съ признаками записи во Владиміръ,—а именно о нападеніи Татаръ изгономъ на Владиміръ 6-го іюля 1410 г. Татары городъ жгли и грабили, старыхъ людей убивали, а молодыхъ въ полонъ брали: „Се же бысть грѣхъ ради нашихъ“ ³⁾).

Число извѣстій Московскихъ во 2-й части Тверскаго сборника довольно значительно. Они попадаютъ на первыхъ страницахъ этой части. Къ числу этихъ извѣстій отпосыта слѣдующія: 1) 6835 г. о рожденіи у Калиты сына Іоанна и объ освященіи церкви Успенія въ Москвѣ; сказавъ объ убіеніи Рязанскаго князя Іоанна Ярославича, московскій лѣтописецъ замѣчаетъ: „Великій же Спась, милостивый, челоувѣколюбивый Богъ, своею милостію заступилъ благовѣрнаго великаго князя Іоанна Даниловича, его градъ Москву и всю его отчину отъ иноплеменикъ поганыхъ Татаръ“ ⁴⁾); такъ могъ сказать только приверженецъ Московскаго князя; 2) 6836 г.—о вступленіи Калиты на великовняжескій столъ: „бысть тишина велика на 40 лѣтъ, и престаша поганци воевати Рускую землю и закалати христіанъ: и отдохнуша и упочиша христіане отъ великіа истомы, и многіа тягости и отъ насилія татарскаго, и бысть оттолѣ тишина велика по всей земли“ ⁵⁾; 3) 6847 г. ⁶⁾—о путешествіи дѣтей Калиты въ орду, о построеніи деревянныхъ стѣнъ въ Москвѣ, о походѣ на Смоленскъ Калиты съ Татарами, о путешествіи въ орду съ дѣтьми; 4) Подъ 6876 (1368) г.—о нападеніи Ольгерда на Москву ⁷⁾; 5) подъ 6886 г.—о битвѣ, при Вожи, при чемъ Димитрій Иваиовичъ называется просто великимъ княземъ: „бися князь великій съ Татари... князь великій передъ обѣдомъ

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 472.

²⁾ Тамъ же, 478.

³⁾ Тамъ же, 485.

⁴⁾ Тамъ же, 417.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ П. С. Р. Л., XV, 421, 422.

⁷⁾ П. С. Р. Л., XV, 429. Въ Воскр. (П. С. Р. Л., VIII, 15, 16) подробнѣе.

пойде за ними...“; такъ могъ назвать его только Москвичъ ¹⁾); 6) подъ 6912 г.—о Юріѣ Смоленскомъ; извѣстіе это полнѣе передаетъ намъ событіе, чѣмъ Воскресевскій и Софійскій лѣтописные сборники: Юріѣ Смоленскій уѣхалъ въ Москву, а Смоленскъ взялъ Витовтъ; Василій не принялъ Юрія, и тотъ долженъ былъ удалиться въ Новгородъ; но Витовту не нравилось и это, и онъ посылаетъ къ зятю съ такою рѣчью: „помни, еже Тверди обѣщаль ми ся, еже не вступатися въ Смоленскъ за Юріа никакимъ дѣломъ; и се ми Юріѣ много зла сѣтворилъ, нынѣ же у тебе есть въ твоемъ княженіи, да ими его своими людьми, понеже то Новгородци твои суть; аще ли то, дръжи его во своей земли, яко же рекль ми еси по любви“, Василій отвѣчалъ, что Новгородцы приняли Юріа безъ его приказанія; Витовтъ обратился къ Новгородцамъ и предложилъ имъ или выгнать Юріа отъ себя, или поставить на судъ. Когда Новгородцы не послушались его, то онъ напалъ на Новгородъ и также на Псковъ, ибо и этотъ городъ высказался за-одно съ Новгородомъ, и опустошилъ; случилось это въ февралѣ мѣсяцѣ, предъ мясопустомъ; таковы подробности, сообщаемыя въ Тверскомъ сборникѣ; остальное: война Василя съ тестемъ, опустошенія съ той и другой стороны не представляютъ новыхъ данныхъ сравнительно съ другими лѣтописными сборниками ²⁾); 7) подъ 6916 (1408) г.—о непріязненныхъ столкновеніяхъ между Москвой и Литвою; въ разказѣ объ этихъ столкновеніяхъ замѣтно сочувствіе къ Москвичамъ: „Москвичи же укрѣпилисьею помощію Божию и шедше на нихъ (Литовцевъ), овѣхъ избиша, а иныхъ прогнаша, воеводу же ихъ Миромобочгу руками изнимаша“ ³⁾); 8) подъ 6918 г.—о прибытіи митрополита Фотія изъ Царьграда въ Москву 23-го марта „на Великъ день“ ⁴⁾); 9) о борьбѣ Петра Дмитріевича и другихъ князей съ Суздальскимъ княземъ Даниломъ Борисовичемъ ⁵⁾); 10) о борьбѣ Юрія Дмитріевича съ нимъ же; лѣтопись относится несочувственно къ Суздальскимъ князьямъ: „князь же Данило Борисовичъ и братія его, князь Иванъ, и дру-

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 439; Соє. I (П. С. Р. Л., V, 237); Воскр. (VIII, 32, 33) подробнѣе.

²⁾ П. С. Р. Л., XV, 471, 472; Соє. I, II. С. Р. Л., V, 253; Воскр., П. С. Р. Л., VIII, 76, 77.

³⁾ П. С. Р. Л., XV, 477, 478.

⁴⁾ П. С. Р. Л., XV, 486; Соє. II (П. С. Р. Л., VI, 139) и Воскр. (VIII, 85) прибытіе Фотія относятъ къ 22-му апрѣля, а Ник. V, 32,—къ 1-му апрѣля «на самъ Великъ день Христова воскресенія».

⁵⁾ П. С. Р. Л., XV, 485.

гый князь Иванъ Василіевичъ, и Василей Семеновичъ, разумѣвъ свое неуправленіе къ великому князю, и побѣгоша за Суру“¹⁾; послѣднее событіе описано только въ Тверскомъ сборникѣ; 11) подъ 6923 (1415) г.— о пожарѣ въ Москвѣ 5-го мая²⁾; 12) подъ 6953 г.— о битвѣ Василя Московскаго съ царемъ у Суздаля; битва эта была несчастлива для Русскихъ: „бысть сѣча зла, и побѣгоша наша предъ иноплеменики; князи великаго Василя яша руками... Се же злоба склучися мѣсяца іюля въ 7-й день“; 13) подъ этимъ же годомъ— о пожарѣ въ Москвѣ 14-го іюля, о возвращеніи изъ орды Василя Васильевича 16-го ноября, „а съ нимъ Татарове, дани имати великіа, съ себе окупъ давати Татаромъ“.

Послѣ паденія Твери, Тверскія извѣстія прекращаются, и всѣ³⁾ послѣдующія извѣстія въ Тверскомъ сборникѣ, отъ 6995 до 7007 г. (1487—1499) то-есть, до конца сборника, не тверскаго происхожденія; всѣ онѣ посвяты на себѣ ясныя слѣды записи въ Москвѣ. Къ нимъ относятся: о походѣ на Казань (6975 г.), о смерти митрополита Геронтія (6996 г.), о смерти Ивана Ивановича (6998 г.), о заключеніи Андрея Васильевича въ темницу 20-го сентября 7000 года (хронологическія опредѣленія съ этого извѣстія, что весьма замѣчательно, отличаются точностію), о заключеніи князя Феодора Бѣльскаго 8-го декабря 7001 г., о пожарѣ Костромы 31-го марта, о пожарахъ въ Москвѣ 15-го апрѣля, 16-го и 28-го іюля, о смерти Андрея Углицкаго 6-го ноября того же года; о смерти Бориса Волоцкаго 26-го мая 7002 г., о прибытіи пословъ отъ Литовскаго князя Александра для обрученія его съ дочерью великаго князя Еленой (7002—7003 г. Елена отправилась изъ Москвы „въ вторникъ, въ той же день по Крещеніе“), о возведеніи Симона въ санъ митрополита 6-го сентября и о поставленіи его 20-го сентября, въ недѣлю (7004 г.). Объ отправленіи Ивана Васильевича въ Новгородъ сообщается два раза, что свидѣтельствуеетъ о томъ, что составитель имѣлъ у себя подъ руками два источника: въ первый разъ говорится о возвращеніи великаго князя въ Москву „на 6-й недѣль поста, канонъ Благовѣщеніеву дни, въ четвертокъ, а Благовѣщеніемъ день былъ въ пятницу на 6-й недѣли“; во второй разъ говорится о путешествіи Ивана Васильевича послѣ сообщенія извѣстія о пріѣздѣ нѣкоторыхъ бояръ изъ Литвы, сообщаются числа отправленія при

¹⁾ Тамъ же, 486, 487.

²⁾ Тамъ же, 487.

³⁾ П. С. Р. Л., XV, 492.

томъ и другомъ извѣстїи. Кромѣ того, при второмъ извѣстїи говорится, что Иванъ Васильевичъ поѣхалъ въ Новгородъ съ сыномъ Юрьемъ и внукомъ Дмитріемъ и прибылъ въ Новгородъ 17-го ноября, во вторникъ. Затѣмъ идутъ извѣстїя о пойманїи нѣкоторыхъ бояръ и о томъ, что Крутицкій епископъ отписался епископїи, и митрополитъ Зосима въ Троицкомъ Сергіевскомъ монастырѣ „причащался божественныхъ таинъ на орлецѣ въ всѣмъ святительскомъ чинѣ“ ¹⁾.

Опредѣливъ тѣ источники Тверскаго сборника, которые въ составѣ его имѣютъ болѣе или менѣе второстепенное значеніе, перейдемъ къ обзорѣнїю тѣхъ данныхъ, которыя заимствованы изъ Тверской лѣтописи—самаго главнаго источника обзорѣваемого сборника.

Тверская лѣтопись, какъ мы сказали выше, начинается съ 6793 г. Разсматривая содержаніе Тверской лѣтописи за время княженія Михаила Ярославича, мы видимъ, что лѣтопись ведется не постоянно, а съ перерывами; попадаютъ пропущенные, не описанные годы ²⁾. Записи болѣе обстоятельныя и подробныя начинаются съ 6821 (1313) года, то-есть, со времени открытой борьбы Юрія Даниловича съ Михаиломъ Ярославичемъ, а до этого времени извѣстїя кратки и неопредѣленны; только при трехъ ³⁾ извѣстїяхъ поставлены числа. Съ 6821 года извѣстїя идутъ безъ перерыва до конца княженія Михаила Ярославича; именно сначала разсказывается о войнѣ Михаила Ярославича съ Новгородцами, короче впрочемъ, чѣмъ въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ ⁴⁾, война эта была неудачна для Тверичей: „зли вожи заведоша въ лпхаа мѣста (Михаила Ярославича съ войскомъ), и князь великій възвратися, и многа пакость бысть полку его“. Но все-таки Новгородцы принуждены были заключить миръ съ Михаиломъ чрезъ архїепископа Давида на 5 тысячахъ. Война между Юріемъ, пришедшимъ изъ орды съ Кавгадземъ въ 1317 г., и Михаиломъ описана очень подробно. Михаилъ встрѣтилъ противниковъ у Костромы; стояли долго; наконецъ, Михаилъ по соглашенію съ Кавгадземъ соступился съ великокняжескаго стола въ пользу Юрія и возвратился въ свою

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 500—501.

²⁾ Ихъ 15, включая въ это число и тѣ годы, подъ которыми извѣстїя заимствованы изъ Ростовскихъ лѣтописей.

³⁾ Смерть епископа Симеона 2-го февраля 6797 г., освященіе церкви Спаса 6798 г. «на съборѣ архїстратига Михаила» и посвященіе въ Тверскіе епископы Харлампїя 20-го марта 6819 г.

⁴⁾ Пов. I, Соф. (П. С. Р. Л., V, 206); Воскр. (П. С. Р. Л., VII, 187) Ник. (III, 110).

отчину Тверь, гдѣ и заложилъ Кремль. Но Юрій не былъ доволенъ этимъ; ему окончательно хотѣлось добить все еще страшнаго противника, и вотъ онъ снова нападаетъ на Михаила; битва для него несчастна: „пособи Богъ великому князю Михаилу Ярославичу“; самъ Юрій бѣжалъ въ Новгородъ, а княгиня его попалась въ плѣнъ. О смерти ея ни слова. Эта битва была 22-го декабря. На другой день Михаилъ пригласилъ Кавгадью въ Тверь съ дружиной; заключилъ съ нимъ миръ „почтивъ его и отпусти“.

Время отъ смерти Михаила Ярославича до смерти Александра Михайловича (1318—1339 г.) описано очень кратко, и только одно событіе, именно—убіеніе Дмитрія Александровича, опредѣлено точно. Тѣмъ не менѣе можно предполагать, что Тверская лѣтопись за время отъ 1318 до 1339 г. не прерывалась. Въ извѣстіяхъ о событіяхъ, относящихся къ этому времени, замѣтно сочувствіе къ Тверскимъ князьямъ. Такъ послѣ описанія разгрома въ 1327 г. говорится: „князь Константинъ, по рати, съ братомъ съ княземъ Василюемъ, и съ матерію и съ бояры, прихавъше въ Тверь, преставъ же огъ туги, помолися святому Спасу и всѣмъ церквамъ, хотя того, дабы въ нихъ молитва опять была, а кто избылъ отъ безбожныхъ Татаръ, тѣмъ бы опять были по своимъ мѣстамъ, и укрѣпивъ ихъ всѣхъ съ любовію“; или подъ 6837 (1329) годомъ: „Божіемъ милосердіемъ выиде изъ орды князь Константинъ въ свою отчину въ Тверь, и нача княжити тогда тихо и мирно; и бояре, и слуги въ Твери и люди, избывше отъ безбожныхъ Татаръ, утвердишася о немъ; а церкви пожженія опять ставиша по спомъ и молитва въ нихъ утвердишася“¹⁾. Нельзя не замѣтить, что эти слова отзываются задушевностію и любовію къ Константину.

Съ 6841 по 6876 г. въ Тверской лѣтописи пропускъ. Съ 6876 года описаніе борьбы Михаила Александровича съ Дмитриемъ Иоанновичемъ. Она описана довольно подробно и современникомъ, хотя нѣсколько короче, чѣмъ въ Софійскомъ и Воскресенскомъ лѣтописномъ сборникахъ. Всѣ извѣстія объ этой борьбѣ проникнуты любовію къ Михаилу Александровичу. Такъ, подъ 6879 (1371) г. говорится, что Михаилъ Александровичъ возвратился изъ орды съ ярлыкомъ на великокняжескій столъ; съ нимъ пришелъ посолъ Сарыхожа; но Дмитрій Ивановичъ привелъ князей къ цѣлованію, чтобъ они не давались Михаилу Александровичу и не пускали его на великокняженіе; и самъ отказался идти къ ярлыку и вооружился; потомъ пригласилъ къ себѣ

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 417.

посла, и чрезъ нѣсколько времени, отправился въ Орду „подаа сребра много отъ великаго княженія“. „Окоянніи же Измалтане“, замѣчаетъ лѣтописецъ,—„за безаконіе наше въвергоша мечъ въ Рускую землю, и почестили князя Дмитреа, давъ княженіе великое ему, а князю великому Михаилу приказали: „дали бы есми тебѣ княженіе великое, и рать есми тебѣ далаи, и ты не захотѣлъ, и реклся есть сѣсти своею силою; и ты сяди съ кымъ ти любо“¹⁾. Подобная подробность могла быть извѣстна только одному Тверичу. Точно такую же любовь проникнуто извѣстіе о войнѣ Михаила Александровича съ Новгородцами въ 1372 г.²⁾ На Новгородцевъ и Повоторжцевъ онъ пошелъ „укрѣпився силою крестною“, пословъ посылаетъ „со смиреніемъ“, передъ битвой „молится Великому Спасу и Пречистой Его Матери“, побѣду одерживаетъ „помощію великою архистратига Михаила“. Новгородцы и Новоторжцы, напротивъ, представляются иначе: Новгородцы „похвалишася силою, и послаша къ великому князю съ высокою мыслію, а сами въоружившеся брапію“; „врагъ діаволь възмите ихъ злобою“, и они „свѣщаша золь совѣтъ“. Война эта описана очевидцемъ, на чтѣ указываютъ слова: „въ единомъ часѣ видѣхомъ градъ весь въскорѣ попель, и развѣай то вѣтръ, и не бысть ничтоже, развѣе кости мертвыхъ“. За описаніемъ битвы слѣдуетъ разсужденіе лѣтописца: „сія вся наводятъ Богъ грѣхъ ради нашихъ, самъ бо рече: обратитесь къ мѣѣ, и азъ къ вамъ обращуся“. Говорится о томъ, что не пужно падѣяться на свои силы, что человѣческая помощь ничто; приводится въ примѣръ Іерусалимъ; какъ онъ, окруженный четырьмя крѣпкими каменными стѣнами, былъ разрушенъ Титомъ: „Разумѣйте, братіа, аще бо ти побѣженіа, то есть, мужество, еже уповати на Бога; а человѣческая помощь ничтоже есть, еже сіи сѣтвориша собѣ Новгородци за „высокоуміе“.

Тверская лѣтопись продолжается непрерывно и съ 6876 г. до 6883 г. и ведется современникомъ, на чтѣ указываютъ числа при многихъ событіяхъ. Особеннымъ обиліемъ хронологическихъ данныхъ отличается извѣстіе о нападеніи Дмитрія Ивановича на Тверь въ 1375 году³⁾, при чемъ указывается не только мѣсяць, число и день совершенія того или другаго событія но даже и часъ дня. Дмитрій „мѣсяца августа въ 1-й день Микулинь взялъ; въ

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 430.

²⁾ Тамъ же, 431—433.

³⁾ П. С. Р. Л., XV, 434, 435.

5-й день по рану сталъ у града Твери, и посады и церкви пожегъ, августа въ 8-й день приступилъ, въ среду, съ всею силою къ граду..... Москвичи въ вечернюю годину отъ града отступили“. Авторъ описанія этой войны, несчастной для Михаила, былъ Тверичъ. Война эта возникла вслѣдствіе подстрекательства Ивана Васильевича да Нѣкомата, прїѣхавшихъ изъ Москвы, „на христіанскую изгубель“... „Въ скорби бысть весь градъ. И притекоша людіе въ Спасъ, съ слезами къ Богу вѣзваша; и помилова Богъ, посла свою помощь, Москвичи отъ града отбилъ.... Се все бысть грѣхъ ради нашихъ“¹⁾. Дальнѣйшія извѣстія за время княженія Михаила Александровича не отличаются особенною подробностью; большинство ихъ безъ чиселъ; притомъ же лѣтописныя извѣстія не богаты здѣсь вставками изъ сказаній, житій и другихъ источниковъ. Болѣе подробное извѣстіе помѣщено подъ (6878 г.²⁾),—о судѣ митрополита Кипріана падъ епископомъ Тверскимъ Евфиміемъ, извѣстіе, записанное, безъ сомнѣнія, современникомъ Тверичемъ. Встрѣча, сдѣланная Кипріану, описана подробно: за 30 верстъ отъ Твери встрѣтилъ его внукъ Михаила, Александръ, за 20 верстъ Иванъ Михайловичъ; „повечерни, въ день субботный, стрѣте самъ князь великій, на Почныкъ.... Паутрія же, въ день недѣльный, мѣсяца іюля въ 3, стрѣте митрополита на Перемѣрѣ“..... На четвертый день пришли къ нему архимандриты и игумены и весь священническій чинъ и низвергли Евфимія; но за что?—этого Тверская лѣтопись не объясняетъ³⁾. Дальнѣйшія извѣстія за время княженія Михаила Александровича не представляютъ особеннаго интереса; замѣтимъ, что съ 6900 по 6903 г. въ Тверской лѣтописи есть пропускъ.

Княженіе Ивана Михайловича (1399—1425 г.) описано довольно

¹⁾ Въ разказѣ о войнѣ Михаила съ Дмитріемъ мы замѣчаемъ въ Тверской лѣтописи вставку; именно послѣ словъ: «князь великій Михаило.... послалъ великому князю Дмитрію, цѣлованіе сложилъ, а намѣстники послалъ въ Торжекъ и на Углече поле ратію» вставлено: «того же лѣта солнце погнбло»; потомъ опять продолжается: «А князь великій Дмитрей.... поиде къ Твери». Подобная же вставка находится подъ 6880 г. (стр. 431) о томъ, что Олегъ сѣлъ въ Рязани, послѣ словъ: «а князь великій Михайла Васильевича присволи въ свою волю».

²⁾ П. С. Р. Л., XV, 445.

³⁾ Въ Никоновскомъ сборникѣ говорится, что на Евфимія клеветали, что митрополитъ старался примирить князя съ епископомъ, но безъ успѣха. Арсеній, видя грамоты и несогласія въ Твери, отказывался отъ епископства. Ник., IV, 195—198.

подробно, и въ извѣстіяхъ не замѣтно перерыва. Иногда впрочемъ бывають вставки, указывающія на то, что составитель вносилъ извѣстія объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ изъ разныхъ источниковъ. Таковы слѣдующіи вставки: о смерти митрополита Кириана и войнѣ Нѣмцевъ съ Псковичами сообщается два раза: въ первый разъ—подъ 6912 г., причемъ поставлено число, и во второй разъ—подъ 6914 г., безъ числа ¹⁾); точно также дважды сообщается о возвращеніи Ивана Михайловича изъ Орды подъ 6915 г. ²⁾); о мирѣ Москвичей съ Литовцами на Угрѣ 14-го сентября 6916 г. ³⁾), (при второмъ извѣстии сообщается о силѣ и составѣ непріятельскихъ войскъ: „зловѣрній Витовтъ“ былъ „съ силою Литовскою, и Нѣмецкою и Ляхскою; князь же великій Василей Дмитріевичъ поиде противу ему съ своею братією, и со всѣми князми Рускими, и съ всею силою Рускою“..); точно также два раза говорится о возвращеніи Ивана Михайловича изъ Орды ⁴⁾ подѣ тѣмъ же годомъ. Подѣ 6908 г., два раза, почти дословно, повторяется одно и то же ⁵⁾).

Лѣтописныя извѣстія о княженіи Ивана Михайловича начинаются съ 6911 г. Подѣ этимъ годомъ говорится о построеніи города Опокъ и церкви въ Городкѣ, о разладѣ Василя, князя Кашинскаго, съ Иваномъ Михайловичемъ. Причины разлада не выяснены. „Князь Василей Кашинскій“, сказано въ лѣтописи,—„не почалъ слушати брата своего старшаго великаго князя Ивана“.... Изъ этой записи можно также заключить, что записавшій это извѣстіе былъ Тверичъ. Далѣе говорится о томъ, что былъ слить благовѣстникъ въ церковь Св. Спаса Иваномъ Михайловичемъ; „и бысть гласъ его красенъ“, затѣмъ извѣстіе о примиреніи Ивана съ Василюмъ и размирѣи съ Литвою ⁶⁾). Подѣ 6912 г. замѣчательно извѣстіе по числовымъ даннымъ о солнечномъ затмѣніи: 14-го іюня: „остася солнце яко мѣсяць 4-хъ дней, и тако погыбе отъ 4-го часа до 6-го“ ⁷⁾), а подѣ 6914 г. объ убіеніи Юріемъ Святославичемъ Смоленскимъ Іуліаніи, жены князя Семена Вяземскаго. Разказывая объ этомъ, составитель записи говоритъ о

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 472.

²⁾ Тамже, 473.

³⁾ Тамже, 474 и 482.

⁴⁾ Тамъ же, 479 и 480.

⁵⁾ Тамъ же, 461 и 470.

⁶⁾ П. С. Р. Л., XV, 470 и 471.

⁷⁾ Тамъ же, 472.

себѣ въ первомъ лицѣ: „сію жепу причетохомъ въ мученицу“ ¹⁾). Подъ слѣдующими годами наиболѣе замѣчательно извѣстіе о борьбѣ Ивана Михайловича съ Юріемъ Всеволодовичемъ. Въ Тверской лѣтописи это единственное, довольно подробное, извѣстіе объ отношеніи Тверскихъ великихъ князей къ удѣльнымъ и о борьбѣ ихъ между собою. Въ 1407 году Юрій Всеволодовичъ, по навѣту какого-то Умана Скудина, удалился изъ Твери сначала въ Москву, а потомъ въ орду, спустя нѣсколько времени, въ четвертокъ (название дня указываетъ на запись современника), отправился туда же и Ивась Михайловичъ. Въ ордѣ ихъ судили; Юрій былъ обвиненъ и бѣжалъ къ Астрахани, а Иванъ „съ великою честію“ возвратился въ свою отчину. На слѣдующій 1408 годъ, возвратился Юрій изъ орды въ Москву вмѣстѣ съ царскимъ посломъ; Василий Московскій послалъ посла въ Тверь „и князь великій повелѣ царева посла стрѣтити на Володимерскомъ мосту честно, и мнози изыдоша гражане бесчислены; царевъ посоль поиха къ Москвѣ, корму не взявъ, бѣ бо ему не приказано. А Едигева посла великій князь честивъ и отпусти“. Вѣроятно, эти послы приходили въ Тверь для примиренія Ивана съ Юріемъ. Третій уже годъ живетъ въ Москвѣ Юрій Всеволодовичъ, „его же извадиша зліи чловѣци отъ предѣла его“. Неоднократно посылалъ къ нему князь Иванъ съ такою рѣчью: „и не отлучайся, брате, дому Святаго Спаса и своего отчества, но поиди, живи на предѣли отца своего, а злыхъ чловѣкъ не слушай; аще ли ты каа обьда есть, да се о насъ епископъ Арсеній и мужи честніи отецъ нашихъ“. Юрій склоненъ былъ къ примиренію, но ему мѣшали злые люди: „Онъ же внимаше, по зліи чловѣци на горшаа обратиша ѿ, и повадиша съ Москвы въ орду“. Накопецъ, Иванъ Михайловичъ, „видѣвъ мира христіаньского злыми чловѣка възмущаема“, самъ отправился въ орду, „сице глагола: „довлѣеть ми аще и нужа възспріати, того радуюси зѣло, хощу потрудитися за христіаны, якоже и господишъ мой, отецъ мой“. 21-го іюля Иванъ Михайловичъ отправился въ орду; въ ордѣ все устроилось какъ нельзя лучше; царь отпустилъ его съ дарами и съ честію, „и елика управленія хотяща по воли его, царъ же ему даваше“ ¹⁾). Вес-

¹⁾ Тамъ же, 473.

¹⁾ Замѣчательно здѣсь указаніе на продолжительность времени путешествія нашихъ князей въ орду. Лѣтописецъ радуется, что Ивану Михайловичу скоро удалось сходить и воротиться изъ орды: «Немного же дни былъ въ ордѣ, съ честію возвратишася на Русь: немедленно же сходи, но яко въ 5 мѣсяць едину

ной Юрій Всеволодовичъ пришелъ изъ орды въ Москву съ посломъ Дербышемъ; самъ Юрій остался въ Москвѣ, а посолъ пришелъ въ Тверь и такъ говорилъ князю Ивану: „царь далъ Юрію Кашипъ и десять волостей Тверскихъ“. На это Ивашъ Михайловичъ отвѣчалъ ему: „азъ самъ вчера отъ царя придохъ, и посолъ царевъ снесъ, у мене есть, и ярлыкъ царевъ данъ ми есть на всю землю Тверскую, и самъ Юрій въ ярлыкѣ царевъ данъ ми есть; да того ради тебе не послушаю, дождеже ко царице шлю“; почтивъ посла, отпусти его“. Юрій опять удалился въ орду. Такъ Тверичъ, сторонникъ Тверскаго великаго князя, изображаетъ борьбу его съ удѣльнымъ княземъ. Она описана въ Тверской лѣтописи подробно, чѣмъ въ другихъ лѣтописяхъ.

Подъ 6915 г. записаны слѣдующія извѣстія: о смерти Дмитрія Еремѣвича и матери его, о заложени колокольна въ Твери, о появленіи червей, о смерти Юрія Смоленскаго и размирья Василя Московскаго съ Литвою ¹⁾). Кроме извѣстій, уже въ разныхъ мѣстахъ разсмотрѣнныхъ нами, подъ 6916 г. замѣчательно въ Тверской лѣтописи еще слѣдующее: князь Василій Московскій отпратился съ войсками на Литовцевъ и прислалъ просить помощи у Ивана Михайловича; послѣдній не далъ помощи, а послалъ къ Василью пословъ съ слѣдующею рѣчью: „по роду еси тебѣ дядя мой пращуръ, великій князь Ярославъ Ярославичъ, княжилъ на великомъ княженіи на Володимерскомъ и на Новгородскомъ; а князя Данила воскормилъ мой пращуръ Александровичъ, сидѣли на Москвѣ 7 лѣтъ тивона моего пращуръ Ярослава; и потомъ князь великій Михайло Ярославичъ, и по немъ Дмитрей и Александръ, вси сіи дръжаща Новгородское и Володимерское великое княженіе; что ради братство дръжа и крестное цѣлованіе измѣни князи, ти же ны бѣ миръ взяша на Плавѣ“ ²⁾). Такой отвѣтъ могъ быть, безъ сомнѣнія, извѣстенъ скорѣе всего Тверичу. Съ другой стороны, соображая, что въ этомъ отвѣтѣ говорится о мирѣ на Плавѣ, а въ Тверской лѣтописи объ этомъ событіи повѣствуется лишь ниже сего, слѣдуетъ думать, что отвѣтъ вставленъ не тамъ, гдѣ ему слѣдовало бы быть. Тверичи отказались по-

извиде бо исходящу мѣсяцу июлю, и приде въ отечество же свое, въ православный градъ Тверскій, мѣсяца генваря 24». Это случилось «помощію Божією, за молитвы отца». Слѣдовательно, обыкновенно князья проводили времени въ ордѣ больше. П. С. Р. Л., XV, 479.

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 473.

²⁾ Тамъ же, 474.

могать Москвичамъ послѣ оскорбленія, нанесеннаго ихъ князю при заключеніи мира на Плавѣ; слѣдовательно, и этотъ отвѣтъ Ивана Михайловича имѣеть мѣсто и должепъ быть помѣщенъ послѣ повѣсти о Плавѣ, а не передъ нею ¹⁾).

Извѣстія отъ 6917 до 6934 г. то-есть, до смерти Ивана Михайловича записаны современникомъ; на это указываютъ числовыя данныя. Тверскія извѣстія подъ этими годами суть слѣдующія: о смерти епископа Арсения 2-го марта 1409 г., о смерти кнѣгини Анны Ярославовой 1-го декабря 1411 г., о путешествіи въ орду Ивана Михайловича и Василия Дмитриевича и о возвращеніи ихъ оттуда въ 1412 г., о пожарѣ въ Твери 8-го іюня и въ Костромѣ 30-го іюня 1413 г., о знаменіи на солнцѣ 3-го апрѣля 1414 г. въ 6-й часъ дня, о смерти Дмитрія Романовича 12-го октября того же года. Всѣ извѣстія подъ 6923 г. изложены въ видѣ краткихъ замѣтокъ. Между прочимъ говорится о томъ, что въ Твери въ 7 часовъ дня „бысть тма, человекъ въ лице не видѣте было“. Далѣе къ тверскимъ извѣстіямъ принадлежатъ подъ 6929 г. о zaloженіи каменной церкви въ Твери въ честь св. Феодора 1-го іюня и объ освященіи ея 5-го октября; подъ 6930 г.—о лютой зимѣ; о томъ, что князь Иванъ Михайловичъ посылалъ рать на помощь Литовцамъ противъ Нѣмцевъ (воеводою былъ Александръ Одинцевъ), о смерти Ивана Михайловича 22-го мая 6933 г. въ 1 часъ дня. Послѣ него сѣлъ сынъ его Александръ, но чрезъ 5 мѣсяцевъ померъ, предъ Дмитриевымъ днемъ. Тверской столъ перошелъ къ Юрію, умершему на Юрьевъ день, и затѣмъ къ брату Юрію, Борису Александровичу, княжившему отъ 1425 до 1461 года ²⁾).

Извѣстія въ Тверской лѣтописи за время княженія Бориса Александровича также принадлежатъ современнику и отличаются точными хронологическими опредѣленіями. Они касаются не только Твери, но и другихъ областей русскихъ, какъ-то: Литвы, Москвы и Новгорода. Въ самой лѣтописи есть указанія на то, почему знали въ Твери о нѣкоторыхъ событіяхъ. Такъ напримѣръ, подъ 6936 годомъ говорится о нападеніи Литвы на Новгородъ и замѣчается: „съ нимъ была сила Тверская, а воевода ходилъ Захарія Ивановичъ“; въ 1432 году Сигизмундъ воевалъ съ Свидригайломъ, при чемъ съ послѣднимъ была и тверская сила; въ 1440 г. Василій

¹⁾ Намъ извѣстенъ и другой отвѣтъ Ивана Михайловича въ повѣсти о Плавѣ; ср. П. С. Р. Л., XV, 477.

²⁾ П. С. Р. Л., XV, 485—489.

Московскій предпринялъ походъ на Новгородъ Великій; „съ нимъ была сила Тверская, а воевода былъ Александръ Романовичъ да Карпъ Ѳеодоровичъ“. Тверской лѣтописецъ знаетъ, что у Витовта, въ 1429 г., собирались князья, потому что и Борисъ Александровичъ ѣздилъ туда же. За время княженія Бориса довольно много годовъ, подъ которыми нѣтъ никакихъ записей ¹⁾. За это же время въ Тверскомъ сборникѣ, который, со второй половины XV столѣтія, становится для насъ единственнымъ источникомъ о тверскихъ событіяхъ, такъ какъ въ Никоновскомъ сводѣ прекращаются извѣстія о нихъ, падаются слѣдующія данныя, которыхъ нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ. Подъ 6938 г. о жепитьбѣ Свидригайла въ Твери на княжѣ Англѣ и о постройкѣ моста черезъ Тмаку; подъ 6946 г.—о постройкѣ и освященіи церкви Бориса и Глѣба; подъ 6950 г.—о голодѣ въ Твери, подъ 6951 г.—о голодѣ по всей Русской землѣ и Твери, а также о пожарѣ въ Твери на осенній Николинъ день, на ночь; подъ 6954 г.—объ участіи Бориса Александровича въ возвращеніи Московскаго стола Василію Васильевичу. Василій съ Вологды бѣжалъ въ Тверь, куда еще прежде бѣжали его бояре; здѣсь Борисъ Александровичъ обручилъ за старшаго сына Василія Васильевича, Ивана, свою дочь. Дмитрій Шемяка съ княземъ Иваномъ Можайскимъ пошли къ Твери ратію, но бояре отъ нихъ всѣ отѣхали въ Тверь къ Василію; Шемяка, „видя свое безсиліе и неправду“, бѣжалъ въ Галичъ. Василій Васильевичъ съ тверскою ратію пошелъ къ Угличу; Угличане затворились; тогда Борисъ Александровичъ прислалъ пушки, и Угличане должны были сдаться. Василій за услугу далъ Борису Александровичу городъ Ржеву; но Ржевцы также затворились въ городѣ, такъ что и противъ нихъ Борисъ долженъ былъ употребить въ дѣло пушки; только послѣ трехдѣльной осады города Ржевцы сдались, и Борисъ Александровичъ посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ: Василія Константиновича да Льва Измайлова. Ржева была взята около великаго заговѣнья. Подъ 6954 годомъ: Борисъ Александровичъ раззорилъ монастырь св. Ѳеодора Тирона и на этомъ мѣстѣ поставилъ городъ. Подъ 6955 г.: зимой, въ мясное заговѣнье, въ недѣлю, до обѣда Борисъ Александровичъ едва не попался въ руки ляха Станислава, заявшаго Ржеву и захватившаго много Тверичей и намѣстника Измайлова, при переѣздѣ въ Ржеву вмѣстѣ съ княгиней; но Борисъ съ княги-

¹⁾ Не описанныхъ годовъ девять: 6934, 6935, 6944, 6945, 6952, 6958, 6962, 6967, 6968.

ней счастливо спаслись въ Опоку. Подъ 6956 годомъ: выпалъ снѣгъ. Подъ 6957 годомъ: много было „свирцѣлей“: „по городу стада летали велики, садилися по церквамъ, по хоромомъ“; подъ этимъ же годомъ говорится о ранней веснѣ: „о заговѣннн великомъ о молочномъ, тепло стало, до Велика дня учали сѣати, а Волга прошла за недѣлю до Благовѣщеніева дни; а Благовѣщеніевъ день былъ на 5-й недѣлѣ въ вторникъ“; потомъ говорится о пожарѣ; пожаръ начался на ранней зорѣ: „а солнце зашло и люди учали ходити по пожарищу, мѣсяца марта 25-го“. Подъ 6959 г.: февраля 12-го померла жена Бориса, Настасія. Подъ 6960 г.: замѣтка о длинной осени: „Волга стала канунъ Рождества Христова“, и о заложени Борисомъ церкви въ имя св. Михаила. Подъ 6961 г. о нападеніи Шемяки на Кашинъ, 10-го септября, о женитьбѣ Бориса Александровича на дочери Александра Суздальскаго, Настасьи, о рожденіи у Бориса сына Михаила. Подъ 6963 г. говорится объ окончаніи постройки церкви Архистратига Михаила и объ освященіи ея, о рожденіи у Бориса сына Александра и смерти его. Подъ 6965 г. упоминается о смерти епископа Иліи 30-го декабря, а подъ 6966 г., 29-го января,— о постановленіи въ епископы Моисея ¹⁾).

Разсмотримъ наконецъ, содержаніе Тверской лѣтописи за княженіе послѣдняго Тверскаго князя Михаила Борисовича (1461—1486 гг.). Лѣтопись отличается все тою же отрывочностію, какъ и прежде; политическихъ извѣстій очень мало, и также мало извѣстій, касающихся Тверскаго княжества. Число годовъ, подъ которыми нѣтъ записей значительно ²⁾. О тверскихъ событіяхъ за время княженія Михаила Борисовича находятся слѣдующія извѣстія, которыхъ нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ: Подъ 6969 г. послѣ смерти Бориса, умершаго 10-го февраля, вступилъ на тверской столъ его сынъ Михайлъ, 15-го февраля; „а посадили его малаго, полуцята году“; епископа Моисея свергли съ престола, на его мѣсто поставили Геннадія Кожу 22-го марта. Подъ 6973 году— о пожарѣ за Тмакою 12-го ноября. 6975 г.— о пожарѣ за Тмакою церкви св. Пятницы. Подъ 6976 г.— о смерти епископа Моисея въ Острогѣ монастырѣ. Подъ 6976 и 6986 гг., при извѣстіяхъ о двухъ походахъ Ивана Васильевича на Новгородъ, говорится объ участіи Тверичей въ этихъ походахъ: въ первомъ походѣ (1471 г.) сила

¹⁾ Всѣ эти событія изложены въ Тверскомъ сборникѣ на стр. 489—496.

²⁾ Ихъ 13; они слѣдующіе: 6971, 6972, 6974, 6977, 6980, 6981, 6982, 6983, 6984, 6985 6987, 6988, 6990.

тверская была подъ начальствомъ воеводъ Юрія Андреевича и Ивана Жита, а во второмъ (1478 г.) воеводою тверскимъ былъ князь Михаилъ Ѳедоровичъ Микулипскій. Точно также воеводы Тверскаго князя князь Михаилъ Дмитріевичъ Холмскій и князь Іосифъ Андреевичъ Дорогобужскій были въ походѣ противъ Ахмата въ 6969 (1481) году. Подъ 6991 г. извѣстія взяты изъ двухъ источниковъ: изъ одного взяты извѣстія о смерти Софіи, жены Михаила, бывшей за нимъ не 7 лѣтъ, какъ сказано въ Тверской лѣтописи, а 11, и о поѣздкѣ Михаила Борисовича съ матерью въ Кашинь; изъ другаго источника взяты слѣдующія извѣстія: о пріѣздѣ пословъ отъ Ивана Васильевича съ подарками по случаю бракосочетанія Ивана Ивановича: подарки эти были для Анастасіи Борисовой княгини, Михаила Борисовича и его супруги Софіи—по мѣху випа и по два убрусца, усаженныхъ жемчугомъ; о пожарѣ въ Твери въ мартѣ мѣсяцѣ записано очевидцемъ; это видно изъ словъ: „силою своею защитила Господарня храмъ свой, бѣ видѣти было страшно пламень прійдетъ о церковную стѣну, како бы уже загорѣтися, такъ пакы пламень прочъ“; о рожденіи у Елены сына Дмитрія записано въ Твери; въ Тверь пріѣхалъ съ поклономъ Владиміръ Елизарьевъ; но Михаилъ поклона не принялъ и не позволилъ идти къ своей матери. Подъ 6994 г. извѣстіе о взятіи Твери Иваномъ Васильевичемъ, сравнительно съ извѣстіями другихъ лѣтописныхъ сборниковъ, короче ¹⁾; въ Тверской лѣтописи ни слова не говорится о причинахъ похода на Тверь. Надешіемъ Твери прекращаются и извѣстія о ней въ Тверской лѣтописи; дальнѣйшія извѣстія, продолжающіяся до 7007 г., касаются исторіи Москвы. Такимъ образомъ составитель сборника не исполнилъ своего намѣренія написать: „отъ начала Русскія земля до княженія великаго князя Ивана Василіевича, Московскаго, и Владимирскаго, и Суждалскаго, и Новгородскаго, и Смоленскаго, и Тверскаго, и Рязанскаго, и Устьяжскаго, и Югорскаго, и Пермскаго, и Емскаго, и Асытскаго, и иныхъ многихъ земель государя, сѣдшу ему княжити послѣ отца своего, великаго князя Василіа Ивановича, сущу ему трею лѣтъ отъ рода, мати же его Елена, девятыйженадесять отъ Рюрика, перьваго князя Русскаго“ ²⁾.

Мы сдѣлали обзорѣніе тѣмъ извѣстіямъ второй части Тверской лѣтописи, которыя касаются только тверскихъ событій; но въ ней

¹⁾ Воскр., П. С. Р. Л., VIII, 216; Ник., IV, 120.

²⁾ П. С. Р. Л., XV, 28.

есть извѣстія, относящіяся и до другихъ частей Россіи: Москвы, Повгорода и пр. Конечно, отъ этихъ извѣстій, какъ записанныхъ съ слуховъ, нельзя ждать точности. Такъ, на примѣръ, въ описаніи борьбы Василя Васильевича съ Юріемъ сказано, что первый, по смерти послѣдняго, занялъ московскій столъ; подъ 6899 г. записано о митрополитѣ Кипріанѣ и Новгородцахъ: „той же зими митрополитъ Кипріанъ бысть въ Повѣгородѣ въ Великомѣ, и вшедь на омбоу нача люди учити; они же заткоша уши свои, еже бы не слышали“¹⁾. Тутъ явная неточность; дѣло идетъ объ отказѣ Новгородцевъ дать мѣсячный судъ митрополиту.

Въ Тверскомъ сборникѣ есть извѣстія и о событіяхъ, случившихся за предѣлами Россіи. Сюда относится: подъ 6961 г. извѣстіе о взятіи Константинополя Турками: „взять быль Царьградъ отъ царя Турскаго отъ салтана; а вѣры Руския не престаивиль, а патриарха не свель, но одинъ въ градѣ звонъ отнялъ; у Софіи премудрости Божія и по всѣмъ церквамъ служатъ литургію божественую, и затреню и вечерню поють безъ звону, а Русь къ церкви ходитъ, а вѣнія слушаютъ, а крещеніе Руское есть“²⁾.

Итакъ, Тверская лѣтопись сообщаетъ извѣстія не только о Тверскомъ княжествѣ, но и о другихъ земляхъ, сосѣднихъ: Москвѣ, Новгородѣ, и отдаленныхъ: Рязани и Нижнемѣ. Это объясняется самими условіями жизни: сначала враждебная, а потомъ покорная Москвѣ, Тверь и въ томъ, и другомъ случаѣ должна была приходить въ соприкосновеніе съ нею; интересы ихъ часто сталкивались; вслѣдствіе этихъ столкновеній, вѣроятно, и произошло, что московскія извѣстія заносились въ Тверскую лѣтопись. Со времени упадка Тверскаго княжества, когда Тверь чаще стала соприкасаться съ остальною Русью, начали появляться извѣстія и изъ другихъ краевъ Россіи. Родственные и дружественныя отношенія, въ которыхъ находились Тверскіе князья съ Литовскими, объясняютъ намъ, почему такъ много литовскихъ извѣстій вошло въ составъ Тверской лѣтописи.

Мы рассмотрѣли болѣе или менѣе подробно содержаніе Тверской лѣтописи; позволимъ теперь себѣ сдѣлать относительно ея нѣсколько общихъ замѣчаній. Прежде всего постараемся опредѣлить общія характеристическія черты ея извѣстій. Лѣтописью церковною она отнюдь не можетъ быть названа, хотя въ ней нерѣдко встрѣчаются

¹⁾ Тамже, 446.

²⁾ П. С. Р. Л., XV, 495.

извѣстія о построеніи церквей, поставленіи и смерти епископовъ. Большая часть извѣстій Тверской лѣтописи касается событій жизни мірской. Разсматривая содержаніе Тверской лѣтописи, мы видимъ, что она отъ начала до конца остается вѣрна одному княжескому роду, всегда относится сочувственно къ Тверскимъ князьямъ; мы не находимъ въ ней ни одного извѣстія, которое было бы не въ пользу ихъ. При описаніи тѣхъ событій, въ которыхъ дѣятельность Тверскихъ князей является въ невыгодномъ свѣтѣ, составитель Тверской лѣтописи старается ихъ оправдать и сложить всю вину или на ихъ противниковъ, или на злыхъ людей. Такъ, подъ 6915 годомъ, говоря о бѣгствѣ изъ Твери въ Москву Юрія Всеволодовича, лѣтопись прибавляетъ: „подмолви его Романъ Скудинъ“. Такимъ образомъ, Юрій представляется человѣкомъ, котораго „зліи человѣци извидиша отъ предѣла его“. Не смотря на то, что Юрій виноватъ предъ Иваномъ Михайловичемъ, послѣдній желаетъ примириться съ нимъ и для этого „многажды“ посылаетъ въ Москву къ Юрію съ убѣдительными словами; но Юрій поддается рѣчамъ злыхъ совѣтниковъ и упорствуетъ. Подъ 6911 г. говорится, что Иванъ Михайловичъ вступилъ въ распрю съ Василюемъ Кашинскимъ потому, что послѣдній не почалъ слушать брата своего старшаго¹⁾. Замѣчательно, что только въ двухъ вышеприведенныхъ извѣстіяхъ говорится довольно подробно о внутреннихъ распряхъ Тверскихъ князей; остальные же извѣстія объ этомъ весьма кратки. Такъ, напримѣръ, „въ Рождество Христово, приславъ ис Кашина съ матерью, князь Михайло Василюевичъ цѣлованіе сложилъ, и поихалъ на Москву, а отгодѣ къ ордѣ“²⁾, или: „того же лѣта князь Иванъ Всеволодовичъ отъихалъ на Москву со Твери“³⁾ или подъ 6882 г.: „Кашинскій князь Васко ступи на Москву“⁴⁾ и т. п. Зачѣмъ тотъ или другой князь убѣжалъ въ Москву, что его побудило слагать крестное цѣлованіе къ Тверскому князю и бѣжать изъ отчины, этого Тверская лѣтопись не объясняетъ, а если и объясняетъ, то, какъ мы видѣли, въ пользу Тверскихъ князей. Вообще лѣтописецъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, спѣшитъ высказать свою любовь и привязанность къ князю; ѣдетъ ли князь въ орду, онъ дѣлаетъ это, „хотя потрудится за христіаны“; побѣду ли онъ одержитъ, лѣто-

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 470.

²⁾ П. С. Р. Л., XV, 433.

³⁾ Тамъ же, 457.

⁴⁾ Тамъ же, 434.

тописецъ приписываетъ это помощи Божіей: „пособѣ Богъ великому князю“; въ ордѣ Тверскаго князя принимаютъ ласково, исполняютъ его желанія; съ особеннымъ чувствомъ описывается иногда возвращеніе Тверскихъ князей изъ орды; часто при имени Тверскаго князя стоитъ эпитетъ: „православный“, „благовѣрный“, однажды: „Богомъ почтенный господинъ самодржець“ и всегда „великій князь“.

Когда и кѣмъ составлена Тверская лѣтопись? Въ предисловіи къ тому XV Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей составленіе ея приписывается повелѣнію Бориса Александровича. Но въ „предисловіи лѣтописца княженія Тверскаго“ указывается на Бориса, повелѣвшаго написать житіе Михаила Александровича. Конечно, вопроса быть не можетъ о томъ, составлена ли вся Тверская лѣтопись однимъ лицомъ. На такомъ пространствѣ времени, какое обнимаетъ Тверская лѣтопись, невозможно, чтобъ одно лицо записывало всѣ событія. Погодные лѣтописныя замѣтки составлялись, очевидно, многими лицами; доказательствомъ тому служить то, что иногда объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ сообщается два раза, бывають иногда вставки и т. п. Слѣдовательно, и на Тверскую лѣтопись должно смотрѣть не какъ на произведеніе одного лица, а какъ на сборникъ, заключающій въ себѣ погодныя замѣтки о разныхъ событіяхъ, случившихся какъ въ предѣлахъ Тверскаго княжества, такъ и за его границами. Этимъ самъ собою разрѣшается вопросъ о времени составленія Тверской лѣтописи: если Тверская лѣтопись есть сборникъ погодныхъ замѣтокъ, то слѣдовательно, она составлялась въ періодъ времени отъ конца XIII вѣка до восьмидесятихъ годовъ XV столѣтія. Что касается до тѣхъ лицъ, которыя принимали участіе въ составленіи Тверской лѣтописи, то мы ихъ совершенно не знаемъ. Она не сохранила ихъ именъ; нигдѣ, ни однимъ словомъ лѣтописецъ не даетъ знать о себѣ. Только два раза говоритъ онъ о себѣ въ первомъ лицѣ: такъ, сообщая о пожарѣ Таржка, онъ замѣчаетъ: „въ единомъ часѣ видѣхомъ градъ весь въскорѣ попелъ“¹⁾; да говоря объ Іуліаніи, женѣ князя Вяземскаго, убитой Юріемъ Смоленскимъ, лѣтописецъ намекаетъ на себя: „а сію жену причетохомъ въ мученицу“²⁾ по кто этотъ безымянный составитель — неизвѣстно. Можно только догадываться, что онъ былъ Тверичъ и не духовное лицо.

Тверская лѣтопись имѣетъ важное значеніе и какъ источникъ

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 432.

²⁾ П. С. Р. Л., XV, 473.

историческій, и какъ памятникъ литературный. Что касается до историческаго значенія Тверской лѣтописи, то оно неоспоримо велико. Вспомнимъ только, что безъ Тверской лѣтописи мы не знали бы исторіи Тверскаго княжества послѣ смерти Ивана Михайловича, потому что другія лѣтописныя сборники мало сообщаютъ намъ тверскихъ извѣстій за этотъ періодъ. Не будь Тверской лѣтописи, мы не знали бы хорошенько смѣны Тверскихъ князей по смерти Ивана Михайловича, потому что другія лѣтописи сбивчиво передаютъ порядокъ княженія отъ Ивана Михайловича до Бориса Александровича; въ Тверской лѣтописи до 60-ти извѣстій, не находящихся въ другихъ лѣтописяхъ. Можно только пожалѣть, что извѣстія въ Тверской лѣтописи, ограничиваясь вѣднѣею стороною жизни, не даютъ намъ возможности пропикнуть въ ея внутреннія отправления. Лѣтопись, наполненная извѣстіями о смерти и рожденіи князей, поставленіи церквей и т. под., ничего не сообщаетъ намъ объ отношеніяхъ Тверскихъ князей къ Московскимъ, о томъ вліяніи, какое оказывала московская политика на Тверь; но это, кажется, недостатокъ болѣе или менѣе общій всѣмъ лѣтописямъ.

Тверская лѣтопись важна еще потому, что представляетъ нѣкоторыя событія въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ остальные лѣтописные сборники; вспомнимъ, напримѣръ, разказъ о Шевкалѣ; что можетъ быть естественнѣе, правдоподобнѣе его? Что касается до полноты тѣхъ данныхъ, которыя сообщаетъ Тверской сборникъ относительно исторіи Тверскаго княжества, то нельзя не замѣтить, что въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ сохранился рядъ извѣстій, имѣющихъ важное значеніе для исторіи Твери и не находящихся въ Тверскомъ сборникѣ. Не менѣе важно и литературное значеніе Тверской лѣтописи. Она даетъ намъ понятіе о степени образованности и взглядахъ тогдашняго общества. Извѣстно, что всякое литературное произведеніе, какого бы характера оно ни было, носить на себѣ отпечатокъ того времени, въ которое оно явилось. Разсматривая Тверскую лѣтопись съ этой точки зрѣнія, мы находимъ что въ ней также отражаются иногда взгляды общества, и что по ней мы можемъ узнать, какъ къ тому или другому лицу или событію относилось общество, сочувственно или несочувственно, можемъ узнать, какъ смотрѣло общество на извѣстныя, необычныя явленія природы и т. п. Укажемъ на нѣкоторыя мѣста въ Тверской лѣтописи, характеризующія воззрѣнія ея составителей. По поводу обмана Румянцемъ своего князя, лѣтописецъ восклицаетъ: „о злая лѣсть человѣческая! якоже рече: душа митежна съ-

далище діаволе“. Румянца опъ сравниваетъ съ Блудомъ, говоритъ, что опъ „Юдипъ образъ вземъ, помрачися злобою и другъ діаволу нарекся“ ¹⁾. Говоря о Юріѣ Святославичѣ Смоленскомъ, лѣтопись замѣчаетъ, что опъ наказанъ Богомъ, что опъ „злѣ приять конецъ, не наиде своа отчины“, что за свое беззаконіе, гонимый гнѣвомъ Божиимъ, онъ убѣжалъ изъ Москвы. Напротивъ того личность Іуліаніи представляется въ лѣтописи съ оченъ выгодной стороны; сочувствіе лѣтописца, а слѣдовательно — и общества, на ея сторонѣ: „она добрая мужелюбца мужески противисл“ безстыднымъ притязаніямъ Юрія; она на послѣдній конецъ прославила мужа своего честно: „симъ бо есть вѣчнаа память“ ²⁾. Лѣтописецъ скорбитъ о княжескихъ междоусобицахъ и радуется примиренію князей; подъ 6881 годомъ записано: „той же зими сѣтворися миръ князю великому Михаилу съ княземъ великимъ Дмитримъ, и отпусти сына его съ Москвы князи Ивана съ любовію... и бысть радость велика всѣмъ христіаномъ“ ³⁾. На необычайныя физическія явленія составители Тверской лѣтописи смотрѣли какъ на что-то страшное, предвѣщающее недоброе. Комета ли явится съ длиннымъ хвостомъ, затмѣніе ли солнца случится — это не къ добру; подъ 6878 годомъ записано: „по многыа ночи бысть знаменіа на небеси, небо аки кроваво, столпы по небу, проивляа ратныхъ нахоженіе. На ту бо зиму, мѣсяца ноября въ 6, прииде Олгердь, Литовскій князь, къ Волоку“ ⁴⁾; подъ 6890 годомъ „той же зими знаменіе проявляшеса на востоцѣ, яки столь огнянъ, звѣзда копѣйнымъ образомъ, прознаменаа горкое пришествіе Тохтамышева на Рускую землю“ ⁵⁾; подъ 6891 годомъ записано: „той же осени бысть знаменіе, сентября въ 23: тма бысть грозна въ 1 часъ дни, поиде аки туча съ западнаа страны скоро велми, и помрачи свѣтъ до 3-а годны: птицы летающеи падаху на земли, и не довѣдааху людіе, что се-естъ, зане облакы желты суще и топковидны зѣло. Се же знаменіе не добро повѣдають, якоже при Антиоховѣ нахожденіе на Іерусалимъ человѣци являхуся на въздусѣ въоружиги и колесницы; (по инымъ же странамъ тогда облакы прехожаху), и бысть много на Кіевъ“ ⁶⁾. Подъ 6912 годомъ: „знаменіе бысть въ солици: мѣсяца

¹⁾ П. С. Р. Л., XV, 446.

²⁾ П. С. Р. Л., XV, 473.

³⁾ Тамъ же, 433, 434.

⁴⁾ Тамъ же, 429.

⁵⁾ Тамъ же, 441.

⁶⁾ П. С. Р. Л., XV, 443.

іюня въ 16 день, видѣ въ бо вся земля: остаса солнце яко мѣсяць 4-хъ дней, и тако погыбе отъ 4-го часа до 6-го. Сего же лѣта мнози усобици въ земли Русѣй¹⁾.

На нашемъ сборникѣ отразился и народный элементъ; въ немъ довольно много пословицъ и загадокъ, и теперь еще сохраняющихся въ народной памяти. Послѣ убіенія Авеля замѣчается, что Адамъ и Ева плакали, „отдавающе земли четвертую часть міра“. Эту загадку и теперь знаетъ простой народъ. Въ примѣръ пословицъ укажемъ: „за Ціаню піапи“.

Наконецъ, Тверской сборникъ имѣетъ еще значеніе потому, что въ немъ сохранились указанія а) на произведенія письменности, до насъ дошедшія; такъ подъ 6636 г. записано между новгородскими извѣстіями: „того же лѣта написа Константинъ книгу Зерцало, индикта третіаго, кругъ солнцу, 23, луны 5“²⁾; б) на авторовъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ произведеній; такъ сочинитель похвалы Дмитрію Донскому и Владиміру Андреевичу есть Софонія Рязанецъ, Брянскій бояринъ³⁾; в) наконецъ, въ этомъ сборникѣ сохранились произведенія, не бывшія намъ извѣстными; напримѣръ, повѣсть о Шавѣ, о 70 богатыряхъ и Александрѣ Поповичѣ и проч.

Изложеніе Тверской лѣтописи отличается простотой и даже сухостію. Составители ея не сообщаютъ рѣчей князя, не вдаются въ длинныя разсужденія, какъ это дѣлаетъ составитель Суздальской лѣтописи, и рѣдко высказываютъ свои мысли и чувства.

¹⁾ Тамъ же, 472; см. годы: 6821, 6825, 6829, 6836, 6831, 6883, 6912, 6922, 6923 и 6928.

²⁾ П. С. Р. Л., XV, 195.

³⁾ Тамъ же, 300.

Ив. Тихомировъ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

- Introduction à l'étude de la science du langage**, par *Domenico Pezzi*. Traduit de l'italien sur le texte, entièrement refondu par l'auteur, par *V. Nourisson*. (Введение въ науку о языкѣ. Сочиненіе *Доменико Пецци*. Переводъ съ текста, совершенно переделаннаго авторомъ, *В. Нуриссона*). Paris. 1875.
- Bibliothèque des sciences contemporaines: II. La Linguistique** par *Abel Hovelacque*. Библиотека современныхъ наукъ: II. Лингвистика. Сочиненіе *А. Говеллака*). Paris. 1876.
- Die Sprachenwelt in ihrem geschichtlich-literarischem Entwicklungsgange zur Humanität...** bearbeitet von Dr. *H. A. Manilius*. (Миръ языковъ въ его историко-литературномъ движеніи къ человѣчности. Соч. д-ра *Г. А. Манницуса*). Zofingen und Leipzig. 1876.

Тайна происхожденія слова и причина его разнообразія у разныхъ народовъ занимали умъ и фантазію человѣка въ самой глубокой древности. Какъ произошелъ языкъ? Почему всѣ люди говорятъ, но говорятъ не одинаково, каждый народъ по своему и почти всегда совершенно непонятно другому? Человѣкъ, задавъ себѣ эти два вопроса, въ отвѣтъ на нихъ началъ съ созданія мифовъ. Мифическія представленія о происхожденіи языка или языковъ встрѣчаются у многихъ народовъ—у культурныхъ народовъ древности и у нѣкоторыхъ изъ дикихъ племенъ, современныхъ намъ. Позднѣе практическая необходимость заставила человѣка обратиться къ изученію архаической формы своего роднаго языка или къ усвоенію языковъ чуждыхъ племенъ. Съ первыми зародышами научнаго изслѣдованія слова мы встрѣчаемся въ отдаленной древности—въ Ассиріи и въ Индіи; въ древней Ассиріи найдены были, можетъ быть, первые по времени словарики, истолкованія идеографическихъ знаковъ, въ Индіи же человѣкъ несомнѣнно впервые сталъ наблюдать внѣшнюю сторону слова, звукъ. Въ работахъ по фонетикѣ, а также по статистическому описанію своего языка, Индѣйцы достигли такихъ результатовъ, какіе до послѣдняго времени не были извѣстны европейской наукѣ.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ роднаго языка Индѣйцы количествомъ и вѣрностью добытыхъ результатовъ превзошли всѣ извѣстныя намъ однородныя работы другихъ древнихъ народовъ, и все это, по счастью, не исчезло безслѣдно для европейской науки.

Знакомство съ санскритомъ, то-есть, съ древнѣйшею и наименѣе измѣнившешюся формой индо-европейскаго слова, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ результатами индѣйской грамматики, имѣло непосредственное вліяніе на успѣхи науки о языкѣ въ Европѣ. Занятія санскритомъ и индѣйскою грамматикою измѣнили старыя воззрѣнія на языкъ, вызвали новыя задачи и создали новый методъ изслѣдованія языка; мы видимъ, кромѣ того, что въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ кругъ изслѣдованій расширился: строго научный методъ, давшій важные результаты въ изслѣдованіяхъ одной группы языковъ, индо-европейской, мало по малу начинаетъ прикладываться къ изученію другихъ семей языковъ. Это расширение круга изслѣдованій явилось какъ естественное слѣдствіе постановки новыхъ вопросовъ или болѣе правильнаго усненія старыхъ. Еще очень недавно думали, что возможно построить такую общую грамматическую схему, которая была бы приложима ко всѣмъ вообще языкамъ; предполагалось, что есть грамматическія категоріи, необходимо общія всѣмъ языкамъ, и грамматическія формы одной группы языковъ отыскивались въ такихъ языкахъ, въ которыхъ именно этихъ формъ нѣтъ; иногда даже умудрялись находить грамматическія формы въ языкахъ, характеризующихся отсутствіемъ всякихъ формъ, какъ отличительнымъ признакомъ. Въ настоящее время всѣми сознано, что а priori нѣтъ возможности построить общую или философскую грамматику. Только изучая языки, можно понять, что такое языкъ и какъ онъ развивается, и помимо изученія языковъ, нѣтъ другаго пути къ высшей цѣли, поставляемой наукой — уразумѣть, какъ человекъ творитъ и развиваетъ слово, и какъ въ словѣ отражаются и исторія, и народныя особенности человека. Но для того, кто захотѣлъ бы заняться наукой о языкѣ, недостаточно указать на высшую цѣль и при этомъ сказать, что занятіе языками должно привести къ разрѣшенію главной задачи. Для успѣшнаго хода частной работы необходимо по возможности полное выясненіе того, какъ слѣдуетъ заниматься языками, — иными словами, слѣдуетъ указать разрѣшеніе какихъ частныхъ вопросовъ приводить къ уразумѣнію и разрѣшенію главной задачи. Научное изслѣдованіе языка такимъ образомъ распадается на двѣ части, изъ коихъ одна, общая часть, не одинаково называемая различными писателями, имѣетъ

задачею—выяснить руководящія начала для второй, не менѣе важной части или спеціальныхъ грамматикъ. Обѣ части въ тѣсной связи и должны развиваться вмѣстѣ; успѣхи одной части не мыслимы безъ воздѣйствія на преуспѣваніе другой. Изученіе обѣихъ частей должно происходить параллельно, и только при соблюденіи этого важнаго условія возможно полное выясненіе той главной задачи, которую мы сейчасъ намѣтили въ самыхъ общихъ чертахъ. Современное состояніе научной литературы указываетъ, однако же на не вполне равномѣрное развитіе обѣихъ частей: на всѣхъ почти языкахъ существуютъ капитальныя изслѣдованія по спеціальнымъ вопросамъ, и до сихъ поръ не явилось еще вполне удовлетворительнаго общаго сочиненія о языкѣ, то-есть, такого, въ которомъ съ полнымъ безпристрастіемъ излагалось бы современное состояніе всѣхъ вопросовъ науки, былъ бы подведенъ итогъ всему сдѣланному. О *glotique, linguistique, science of language, science du langage, Sprachwissenschaft* писалось много, но всѣ даже извѣстнѣйшія сочиненія, при многихъ безспорно крупныхъ достоинствахъ, страдаютъ весьма важными недостатками: нѣкоторыя ужь устарѣли, ибо были написаны до появленія весьма важныхъ спеціальныхъ работъ послѣдняго времени, другія или не полны, или слишкомъ односторонни; у одного писателя, Макса Мюллера, нѣтъ никакой научной системы въ изложеніи, у другаго,—напримѣръ, въ двухъ послѣднихъ книгахъ Уйтнея, при нѣсколькомъ утомительномъ многословіи,—поразительная бѣдность фактическихъ свѣдѣній. Не смотря на блестящее изложеніе перваго и на ясность втораго, прочитавъ книги какъ М. Мюллера, такъ и Уйтнея, читатель врядъ ли вынесетъ вполне отчетливое представленіе о томъ, что такое наука о языкѣ. Сочиненіе Штейнтала до сихъ поръ не кончено; въ вышедшемъ томѣ разсматривается одинъ только вопросъ, а потому можно ожидать, что сочиненіе будетъ многотомнымъ; притомъ, извѣстно, что Штейнталь не всегда отличается ясностью изложенія или полною безпристрастностью по отношенію къ противнымъ ему мнѣніямъ или направленіямъ. Имѣя все это въ виду, нельзя не согласиться, что всякое новое сочиненіе, резюмирующее въ возможной полнотѣ вопросы науки, представляющее краткое, но ясное и систематическое изложеніе результатовъ и конечныхъ выводовъ, до которыхъ дошла наука, должно почитаться явленіемъ желаннымъ.

Изъ названныхъ нами въ началѣ нашей замѣтки трехъ сочиненій ни одно вполне не удовлетворяетъ болѣе строгимъ требованіямъ, но два первыя отличаются несомнѣнными достоинствами. Всѣ три

книги (изъ нихъ послѣдняя еще не окончена) написаны популярно и предназначаются не для тѣснаго круга читателей-специалистовъ, а для массы образованной публики. Такого рода задача налагаетъ на писателя извѣстныя обязанности, выполнение которыхъ не всегда и не всякому такъ-то легко; въ книгѣ, назначенной для публики, мало одной ясности, у автора такой книги мы въ правѣ искать не только дара изложенія, но для него также важно обладать извѣстнымъ запасомъ знаній, ибо только при знаніи онъ въ состояніи правильно оцѣнить результаты, добытые специальными научными розысканіями; ему необходимъ также извѣстный тактъ, для того чтобы сьумѣть отличить менѣе сомнительные и болѣе важные выводы; словомъ, онъ долженъ вполнѣ ясно сознавать то, что слѣдуетъ и что можно излагать неспециалисту. Изъ названныхъ писателей, мы думаемъ, Пецци всего лучше выполнилъ эти требованія и написалъ наиболѣе удачную книгу. О его книгѣ нельзя отозваться иначе какъ съ большою похвалою. Нигдѣ не высказывая большой эрудиціи, авторъ на немногихъ страницахъ (стр. 1—232) сьумѣлъ передать все наиболѣе важное и наиболѣе вѣрное изъ науки. Его воззрѣнія на языкъ и языки не отличаются оригинальностью, но все, что онъ говоритъ, то общепринято наименѣе сомнительно и составляетъ ту сущность науки, съ усвоенія которой должно начинаться ея изученіе. Такого систематическаго, популярнаго и краткаго руководства, сколько намъ извѣстно, нѣтъ ни въ одной иностранной литературѣ. Говелакъ задался однородною задачею—познакомить не приготовленнаго читателя съ современнымъ положеніемъ науки о языкѣ. Сдѣлалъ онъ это съ меньшимъ умѣніемъ, хотя и съ большею оригинальностью. Его изложеніе отличается большими подробностями, но книга мало выигрываетъ отъ этого. Уже въ самомъ началѣ (стр. 1 и 6) мы встрѣчаемся съ весьма важнымъ недостаткомъ. Авторъ, опредѣляя науку, говоритъ: „Лингвистика есть наука естественная; филологія—наука историческая, этимологія совсѣмъ не—наука (стр. 1)... Лингвистика есть изученіе фонетики и строя языковъ... Причислять ее къ наукамъ историческимъ, значитъ—не понимать ни ея цѣли, ни ея метода“ (стр. 6). Извѣстно, что таковое воззрѣніе на науку не принадлежитъ исключительно Говелаку; оно уже давно высказывалось многими; высказывалось съ большею доказательностью, и хотя до сихъ поръ нѣкъмъ еще доказательствъ не приводилось вполнѣ или достаточно убѣдительныхъ, но автору все-таки слѣдовало бы повторить ихъ, или—что было бы еще лучше,—подкрѣпить свое мнѣніе новыми, болѣе неопровержимыми до-

водами; слѣдовало бы также, хотя бы даже въ примѣчаніи, упомянуть, что не всѣми писателями-спеціалистами наука о языкѣ считается за науку естественную, что, признавая лингвистику за науку естественную, мы тѣмъ самымъ ограничиваемъ какъ ея задачу, такъ и самый объемъ ея предмета. Вопросъ этотъ, не лишенный своего рода интереса, имѣетъ свою литературу, самое бѣглое указаніе на которую было бы весьма полезно; читателю такимъ образомъ представлялась бы возможность провѣрить самому, на сколько мнѣніе автора вѣрно, и слѣдуетъ ли его принимать какъ непреложный выводъ научныхъ розысканій, или же это мнѣніе болѣе нежели сомнительной вѣрности, и никогда не было общепринято, а напротивъ очень убѣдительно опровергалось. Еще болѣею странностью отличается § 5 (стр. 15), озаглавленный: *les dangers de l'étymologie*. Въ этой главѣ, а также на стр. 55-й, авторъ весьма энергично возстаетъ противъ этимологіи. Но, спрашивается, какой? Ложной, не научной? Едва ли стоило о такой этимологіи упоминать, ибо совершенно бесполезно опровергать все то не научное, что толковалось и до сихъ поръ толкуется о языкѣ. Описанію языковъ удѣлена значительная часть книги, и эта часть самая лучшая во всемъ сочиненіи, хотя, къ сожалѣнію, и она отличается нѣкоторою неровностью и несистематичностью. Объ иныхъ языкахъ сообщается много интереснаго, напримѣръ, о языкѣ Басковъ, о языкахъ американскихъ, — о другихъ же, столь же любопытныхъ, говорится мало, и то малое, что сообщается, не совсѣмъ точно, напримѣръ, о языкахъ бирманскомъ, тибетскомъ и особенно же о сингальскомъ. Въ книгѣ Говелака несомнѣнно много хорошихъ страницъ: авторъ весьма вѣрно говоритъ о туранизмѣ и туранскихъ языкахъ (стр. 157 и сл.) и вообще сообщаетъ фактовъ гораздо больше, нежели Пецци; за всѣмъ тѣмъ книга послѣдняго имѣетъ много преимуществъ предъ книгою Говелака и можетъ быть скорѣе рекомендована какъ вѣрное, популярное описаніе современной намъ науки о языкѣ.

Д-ръ Маниціусъ написалъ также книгу не для спеціалистовъ, а для образованной публики и развитой молодежи, но его книга по плану, изложенію и содержанію существенно отличается отъ двухъ предыдущихъ. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что долго готовился къ своему сочиненію, занимаясь въ продолженіе многихъ лѣтъ изученіемъ подлежащихъ многочисленныхъ источниковъ; но дочитавъ послѣднюю страницу его книги, начинаешь нѣсколько сомнѣваться въ справедливости этихъ словъ, хотя въ то же время нельзя отрицать, что д-ръ Маниціусъ перечиталъ много и задумалъ

выполнить задачу не легкую; въ первомъ томѣ авторъ предположилъ представить читателю слѣдующее (см. стр. 5): I. Die Grönder und Beförderer der Sprachwissenschaft, затѣмъ (II) бросить взглядъ на землю какъ на обиталище людей, и наконецъ, (III) обозрѣть пространную область народовъ, ихъ происхожденіе и различія по расамъ (IV), рассмотреть языкъ самъ по себѣ въ его сущности и его происхожденіи. Дѣйствительно, авторъ обо всемъ этомъ и по поводу всего этого говоритъ и говоритъ много, часто безъ всякой нужды уклоняясь въ сторону; всего менѣе онъ распространяется о языкахъ; изъ его книги читатель всего менѣе узнаетъ о языкахъ и нерѣдко будетъ пораженъ новыми, доселѣ неслышанными извѣстіями о предметахъ старыхъ и давно извѣстныхъ. Такъ, отъ д-ра Маниціуса читатель можетъ узнать, что существуютъ *alt-indische Keilschriften* (стр. 32) или *persisch-indische Keilschrift* (стр. 88), что Славяне характеризуются „in geistiger Hinsicht durch ein gewisses Festhalten an alten Sitten und Gebräuchen, so wie einen *nicht ganz offenen Charakter*“ (стр. 36). Свѣдѣнія о языкахъ, сообщаемыя авторомъ, отличаются особою оригинальностью и нѣкоторою занимательностью: такъ, барманскій языкъ въ одпомъ мѣстѣ именуется *bramanische* (стр. 55), въ другомъ *barmanische* (стр. 65), и вообще о языкахъ односложныхъ узнаемъ отъ автора немного, именно, что они: *nicht unpassend mit Pilsen und Algen im Pflanzenreiche verglichen worden sind*“ (стр. 55). Къ нимъ же, неизвѣстно почему, авторъ отпоситъ и сипгальскій (см. 65), о которомъ только и сказано, что онъ „*kennzeichnet sich durch ganz seltsam originelle Schriftzüge*“ (ibid). Такой способъ описывать языкъ, упоминая только о начертаніяхъ его письменъ, нельзя не признать очень оригинальнымъ. Содержаніе книги нисколько не соотвѣтствуетъ заглавію; о языкахъ всего менѣе говорится въ ней. Авторъ сообщаетъ гораздо болѣе о литературахъ, даетъ весьма много литературныхъ образцовъ въ переводахъ, но при этомъ собственные имена часто сильно искажены и выборъ образцовъ сдѣланъ не всегда удачно. Вообще книга д-ра Маниціуса не можетъ считаться популярнымъ изложеніемъ науки о языкѣ: самые существенные вопросы науки едва въ ней затрогиваются, и описанію языковъ удѣлена небольшая и самая слабая по достоинству часть сочиненія.

И. Миндовъ.

Замѣтка по поводу статьи г. Е. Барсова „Очеркъ литературы Слова о Полку Игоревѣ“.

Въ статьѣ г. Е. Барсова „Очеркъ литературы Слова о Полку Игоревѣ“ я, къ великому моему удивленію, встрѣтилъ, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Любопытна полемика г. Колосова противъ выводовъ г. Тихонравова. Г. Тихонравовъ говоритъ о Пушкинскои рукописи Слова и утверждаетъ, что она испорчена, — на основаніи палеографическихъ ея особенностей; а г. Колосовъ ратуетъ, что она не испорчена потому де, что языкъ Слова—очень древній. Одинъ говоритъ, что первые издатели не умѣли читать рукописи, которую она издали, и раздѣляли слова съ прямымъ нарушеніемъ логическаго и грамматическаго смысла; а другой опровергаетъ его тѣмъ, что хотя де смысла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и нѣтъ, но за то языкъ Слова ни со стороны звуковъ, ни со стороны грамматическихъ формъ не представляетъ такихъ чертъ, которыя не встрѣчались бы уже въ памятникахъ XII вѣка“ (Ж. М. Н. Пр. 1876 г., № IX, стр. 44).

Печатно я дважды касался Слова о Полку Игоревѣ: въ книгѣ „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI до XVI столѣтія“ (1872) и въ статьѣ „Новыя данныя былевого творчества сѣверной Россіи“ (Филолог. Записки 1874 г., вып. II).

Такъ какъ въ перечнѣ изслѣдованій о Словѣ указано г. Е. Барсовымъ только на первое изъ названныхъ сочиненій, то значитъ отсюда извлечь онъ то, что приписываетъ мнѣ вышеприведенными строками, и что справедливо кажется ему „любопытнымъ“.

Въ видахъ возстановленія истины, и для тѣхъ изъ читателей статьи г. Барсова, которые незнакомы непосредственно съ моею книгой, считаю нужнымъ заявить слѣдующее:

1) Никогда и нигдѣ по вопросу о *рукописи* Слова я не велъ полемики съ г. Тихонравовымъ.

2) Я не только не „ратовалъ“ за ея неспорченность, но напротивъ—не сомнѣвался въ ея испорченности.

3) Я не утверждалъ (и не могъ утверждать такой нелѣпости), что со стороны звуковъ и формъ языкъ Слова „не представляетъ такихъ чертъ, которыя не встрѣчались бы уже въ памятникахъ XII вѣка“.

На стр. 185 у меня буквально сказано слѣдующее: „Со стороны звуковъ языкъ Слова не представляетъ такихъ чертъ, которыя не часть слѣдующихъ, отд. 2.

встрѣчались бы уже въ памятникахъ XIII столѣтія". На стр. же 187 я утверждалъ, что „собраніе формъ этого памятника указываетъ на XIV—XV вѣка.“

Разсматривая языкъ Слова сравнительно съ языкомъ другихъ древне-русскихъ памятниковъ, я пришелъ къ заключенію, что мнѣніе, по которому погнбная рукопись Слова относится къ XV в., вѣрнѣе того (основаннаго на палеографическихъ доидкахъ), по которому она принадлежитъ XVI столѣтію.

Сравнивая изданіе Слова Мусина-Пушкина съ архивнымъ спискомъ, я находилъ, что первое вѣрнѣе подлиннику (≡погибшей рукописи), чѣмъ этотъ списокъ.

Я не думалъ и не думаю, чтобы первое изданіе Слова было сдѣлано безукоризненно, но допускалъ и допускаю, что въ самой рукописи могли быть тѣ звуковыя черты, которыя, по мнѣнію г. Тихоуравова, являются въ первомъ изданіи лишь вслѣдствіе неумѣнья издателей прочесть правильно текстъ ея.

Такъ высказался я о Словѣ. То ли это, что приписано мнѣ г. Е. Барсовымъ? ¹⁾.

М. Колосовъ.

¹⁾ «Любопытно», что въ перечнѣ изслѣдованій о Словѣ г. Барсовъ не упоминаеть о статьѣ г. Смирнова «Литература Слова со времени стиртія его до 1875 года». Это дальное и обстоятельное сочиненіе явилось за нѣсколько мѣсяцевъ раньше статьи о томъ же предметѣ г. Е. Барсова (см. *Филологическія Записки* 1875 в., VI, и 1876, вв. I—III).

Примѣчаніе редаціи. Въ отстраненіе этого послѣдняго упрека редакція *Журн. Мин. Нар. Пр.* считаетъ долгомъ объяснить, что статья Е. В. Барсова была доставлена ей для напечатанія еще въ концѣ 1875 года, стало быть, до появленія въ свѣтъ статей г. Смирнова въ *Филологическіхъ Запискахъ*.

НАША ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Краткая грамматика латинскаго языка съ латинскими и русскими задачами для перевода, латинскою хрестоматіею и словарями латино-русскимъ и русско-латинскимъ. Составилъ по Кюперу д-ръ Карлъ Вагнеръ. Часть I (Этимологія). Варшава. Изданіе Бернарда Лесмана. 1875.

Авторъ книги не смелъ пущимъ снабдить ее предисловіемъ, указывающимъ на цѣль и способъ составленія своего труда; вслѣдствіе этого мы вынуждены руководствоваться собственными своими соображеніями о томъ, для чего и какимъ образомъ составлена предлагаемая г. Вагнеромъ грамматика латинскаго языка. Видно, что онъ пользовался самымъ краткимъ изъ латинскихъ учебниковъ Кюпера: „Vorschule (lateinische) oder kurzgefasste Lateinische Grammatik nebst eingereichten Lateinischen und Deutschen Uebersetzungsaufgaben und den dazu gehörigen Wörterbüchern von dr. Raphael Kühner“, появившимся уже у насъ въ сокращенномъ переводѣ г. Носова. По сличеніи труда г. Вагнера съ трудомъ г. Носова, оказывается, что въ первомъ изъ нихъ выпущены имена прилагательныя, имѣющія двойную форму превосходной степени и не имѣющія положительной степени, бѣльшая часть отдѣла объ особенныхъ окончаніяхъ падежей 3-го склоненія, синтаксическія правила о послѣдовательности временъ въ косвенныхъ вопросахъ, accusativus c. inf., ablativus absol., quominus, quum; conjugatio periphrastica; глаголы, имѣющіе неправильное образованіе главныхъ временъ; глаголы: edo, queo, nequeo; всѣ глаголы недостаточныя и безличныя; правила о произведеніи частей рѣчи; а въ хрестоматіи: 7 басенъ, 8 разговоровъ, 8 изреченій, 51 отрывокъ изъ исторіи и всѣ статьи, касающіяся Александра Македонскаго. Всѣ эти выпущенія г. Вагнеромъ статьи не оказываются и въ учебникѣ Кюпера: Lateinische Vorschule etc., за исключеніемъ статей хрестоматіи, которыя въ сокращенномъ видѣ перенесены изъ послѣдняго изданія болѣе обширнаго руководства Кюпера: Elementargrammatik der Lateinischen Sprache. Часть CLXXXVIII, отд. 3.

nischen Sprache. Самый же переводъ остальнаго текста книги Кюнера заимствованъ, кажется, изъ учебника г. Носова, но съ нѣкоторыми редакціонными отступленіями, обусловленными нѣмецкимъ источникомъ сокращеній. Такъ, на примѣръ, стр. 28 Носовскіе стихи переложены въ прозу, между тѣмъ какъ всѣ прочіе стихи сохранили Носовскую форму; впрочемъ, въ сходствѣ текста обоихъ переводовъ можно убѣдиться на любой страницѣ грамматики и приложенныхъ въ хрестоматіи словарей.

Чтобы пользоваться правомъ называть свою книгу не переводомъ, но лишь составленною по Кюнеру, г. Вагнеръ уклоняется отъ нѣмецкаго изданія тѣмъ, что къ предлогамъ прибавилъ *prope* и *circiter*, и присовокупилъ, какъ выше было упомянуто, заимствованную изъ другаго учебника Кюнера хрестоматію. Самому же г. Вагнеру дѣйствительно принадлежатъ слѣдующія неточности: стр. 1, онъ предлагаетъ читать *perplaces*; стр. 2, *Miltiades*, стр. 101, *10 vidéret*, стр. 14, сказано, что родит. пад. словъ средняго рода на *us* есть *ogis*; стр. 2, § 2, при перечисленіи частей рѣчи упоминается о причастіи, притомъ такъ, что не знаешь, отнесено ли оно къ мѣстоименіямъ или къ именамъ числительнымъ; стр. 34, слова *solus*, *totus*, *ullus* et.: называются числительными, тогда какъ у Кюнера они именуется *Zahladjectiva*, у г. Носова числительными прилагательными; стр. 96, § 49, примѣчаніе предпослано таблицѣ, а у Кюнера и Носова оно помѣщено послѣ таблицы.

На основаніи этого мы полагаемъ, что при употребленіи въ нашихъ гимназіяхъ учебника Носова, грамматика г. Вагнера оказывается совершенно излишнею, тѣмъ болѣе, что трудъ г. Носова и по этимологіи можетъ быть употребляемъ, по крайней мѣрѣ, до V класса (включ.) тогда, какъ учебникъ г. Вагнера едва ли не ограничивается 1-мъ классомъ и этимъ подвергаетъ родителей учениковъ лишнимъ расходамъ по приобретенію учебныхъ пособій.

В. А. Беккеръ. Харикль. Сцены изъ жизни древнихъ Грековъ. С.-Пб. 1876.

В. А. Беккеръ. Галль. Сцены изъ римской жизни вромѣхъ Августа. С.-Пб. 1876.

Означенныя книги, изданія—первая П. II. Гремицескимъ, а вторая Е. И. Энденомъ,—заключаютъ въ себѣ русскій переводъ извѣстныхъ въ ученое мѣрѣ сочиненій В. А. Беккера: *Charicles. Bilder altgriechischer Sitte. Zur genaueren Kenntniss des griechischen Privatlebens*, 2-te Auflage. Leipzig, 1854. и *Gallus, oder römische Scenen*

aus der Zeit des Augusts. Zur genaueren Kenntniss der römischen Privatlebens. 2 Auflage. Leipzig, 1849.

В. А. Беккеръ, снискавшій громкое имя между германскими филологами, предпринялъ въ этихъ двухъ сочиненіяхъ начертать, въ видѣ повѣсти, полную картину частной жизни Грековъ во время Македонскаго владычества, а Римлянъ — во время первого императора. Къ этимъ повѣстямъ нѣмецкій филологъ присовокупилъ многочисленные примѣчанія и цѣлме экскурсы, являющіеся результатомъ необыкновенной начитанности, глубокой учености и остроумныхъ соображеній, почему эти приложения и заключаютъ въ себѣ, такъ сказать, центръ тяжести всего труда. Переводчики же, отбросивъ ученые изслѣдованія, составляющія едва ли не двѣ трети Беккеровыхъ книгъ, ограничились передачею лишь повѣстей, спавдивъ ихъ примѣчаніями на столько, на сколько было пужно для разъясненія хода дѣйствія и ознакомленія читателя съ своеобразными явленіями изображаемаго быта. Переводъ весьма удаченъ и въ виду того, что изображаемая сцена, какъ образцовое воспроизведеніе античной жизни, имѣютъ полное право на вниманіе публики, нельзя не отнестись сочувственно къ задачѣ переводчиковъ. Но если они назначаютъ свое изданіе „главнымъ образомъ для русскаго юношества“ (см. предисловія), то мы позволимъ себѣ замѣтить, что повѣсти Беккера заимствованы изъ такихъ временъ, когда частная жизнь до крайнихъ размѣровъ развила всѣ пагубныя зародыши, скрывавшіеся въ ней, была уже проникнута элементами чувственности, цѣги и сладострастія. Повѣсти Беккера, для безусловной полноты, разумѣется, не могли миновать изображенія и этихъ сторонъ ея; у Беккера такіа сцены имѣютъ впрочемъ ученый интересъ, вызываемый и поддерживаемый экскурсами, приложенными къ тексту. Русскій же переводъ предлагаетъ только повѣсть, какъ произведеніе беллетристики, слѣд. съ цѣлью забавы; а въ такомъ случаѣ сцены, какъ напримѣръ, въ Хариклѣ глава о гетерахъ, а въ Галлѣ — отношеніе его къ Ликорисѣ и т. п., не могутъ не возбуждать чувствъ, не соответствующихъ цѣлямъ здравой педагогики.

Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на греческій. Курсъ старшихъ классовъ. Составилъ О. Фарникъ, преподаватель 6-й С.-Пб. гимназій. С.-Пб. 1876. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Многіе изъ входящихъ нынѣ въ употребленіе учебниковъ страдаютъ болѣе или менѣе общимъ недостаткомъ, а именно они цѣли-

комъ заимствованы изъ нѣмецкихъ руководствъ, которыя имѣютъ въ виду лишь нѣмецкую школу и строй нѣмецкаго языка. Поэтому, появляясь въ русскомъ переводѣ, они далеко не удовлетворяютъ потребностямъ нашихъ гимназій. Однако и эти переводныя руководства, по недостатку другихъ, въ свое время приносили посильную пользу. Но они не могутъ не уступить мѣста болѣе оригинальнымъ, каковъ трудъ г. Фарника, который, какъ кажется, взялъ матеріалъ для своей книги прямо изъ греческихъ источниковъ и приоровилъ выбранное имъ для русскихъ: этимъ г. Фарникъ оказалъ важную услугу нашему учащемуся юношеству.

Книга его состоитъ изъ двухъ курсовъ: курсъ 1-й заключаетъ въ себѣ упражненія на синтаксисъ именъ, глаголовъ и другихъ частей рѣчи. Вся 3-я глава, §§ 5—14, посвящена члену; глава 4 и 5, кромѣ отдѣльныхъ фразъ на употребленіе надежей и предлоговъ и повторенія въ смѣшанныхъ примѣрахъ, заключаетъ въ себѣ 20 связныхъ статей на падежи и три на предлоги; въ 6-й главѣ слѣдуютъ примѣры на употребленіе мѣстоименій, а въ 7-й, состоящей изъ 19 связныхъ статей, встрѣчаются правила, касающіяся перваго курса, который такимъ образомъ состоитъ изъ 111 статей, въ томъ числѣ 46 связныхъ.

Курсъ 2-й заключаетъ упражненія на употребленіе залоговъ (гл. 8), временъ (гл. 9), наклоненій (гл. 10), неопредѣленнаго наклоненія (гл. 11), причастія (гл. 12), глагольныхъ прилагательныхъ, аттракціи и нѣкоторыхъ другихъ свойствъ относительныхъ предложеній (гл. 13, 14), предложеній вопросительныхъ (гл. 15), отрицательныхъ частицъ (гл. 16), союзовъ и болѣе важныхъ частицъ (гл. 17). Глава 18, состоящая изъ 29 связныхъ статей, назначена на повтореніе всѣхъ синтаксическихъ правилъ. Въ числѣ 150 статей 2-го курса находится 67 цѣльныхъ разказовъ.

Порядокъ изложенія обозначенъ въ предисловіи слѣдующимъ образомъ: сначала проходятъ извѣстный отдѣлъ въ краткихъ фразахъ, потомъ онъ повторяется въ смѣшанныхъ примѣрахъ и наконецъ въ связныхъ статьяхъ. Объемъ фразъ и статей и количество примѣчаній идутъ въ обратномъ порядкѣ, то-есть, въ концѣ книги фразы по объему болѣе и обороты труднѣе, а примѣчанія меньше. Не пройденныя еще правила объясняются въ примѣчаніи, при чемъ помѣщены ссылки на §§ грамматики Курціуса, Григоревскаго, Кюнера. Кромѣ того въ началѣ статей поставлены §§ грамматики, излагающіе грамматическій предметъ этихъ статей.

Изъ перечня отдѣловъ и статей усматривается, что матеріаль, предлагаемый г. Фарникомъ, обнимаетъ весь синтаксисъ и что распредѣленіе его весьма цѣлесообразно; кромѣ того онъ отличается необыкновеннымъ обиліемъ и весьма толковымъ выборомъ. Статьи преимущественно взяты изъ греческой и римской исторіи и потому онѣ, сообщая ученикамъ слѣдствія, представляющія нѣчто законченное, цѣльное, являются въ то же время и пособіемъ, до нѣкоторой степени, историческимъ.

Подстрочныя примѣчанія совершенно идутъ къ дѣлу и заключая въ себѣ достаточныя для руководства намски, своею краткостью даютъ просторъ и самостоятельному мышленію учащагося. Словарь составленъ тщательно. Что касается до русскаго языка, то изъ предисловія видно, что г. Фарникъ по этой части пользовался совѣтами и содѣйствіемъ лицъ, имена коихъ устраниютъ всякое сомнѣніе въ правильности слога.

Итакъ, книга г. Фарника является трудомъ не эфемернымъ, но весьма солиднымъ и заслуживающимъ сочувствія; мы вполне вѣримъ автору, что онъ употребилъ много времени на составленіе своего руководства, которое за то и представляетъ собою трудъ филолога, безкорыстно имѣвшаго въ виду только дидактическую цѣль.

«Конспектъ русской исторіи. Составилъ С. Васильковскій. Москва, 1874».

Конспектъ русской исторіи, составленный г. Васильковскимъ, съ вѣншей стороны отчасти напоминаетъ прекрасный трудъ бывшаго казанскаго профессора Иванова „Программа преподаванія русской исторіи въ гимназіяхъ Дерптскаго округа“. Но онъ рѣзко и отличается отъ него. „Программа“ пр. Иванова — трудъ самостоятельный, основанный на собственномъ глубокомъ изученіи предмета и направленный къ достиженію извѣстныхъ педагогическихъ цѣлей, соответствующихъ возрѣніямъ и взглядамъ автора. Конспектъ г. Васильковскаго въ сущности есть извлеченіе изъ наиболѣе употребительнаго и въ самомъ дѣлѣ лучшаго изъ учебниковъ по русской исторіи, именно, „Краткихъ очерковъ“ г. Иловайскаго, — извлеченіе, правда, сдѣланное съ нѣкоторымъ искусствомъ, но не съ такимъ, чтобы оно было выше способностей дѣльнаго и толковаго гимназиста старшихъ классовъ. Г. Васильковскій рабски и шагъ за шагомъ идетъ за своимъ руководителемъ, не только сохраняетъ вполне планъ и расположеніе отдѣловъ и рубрикъ, но и внутри ихъ не позволяетъ себѣ хозяйничать. Весь трудъ составителя „Конспекта“ со-

стоялъ перѣдко въ томъ, что онъ уничтожалъ собственно литературный элементъ учебника, пропускалъ отдѣльныя предложенія и періоды, служащіе для живости или связности разказа и т. д., но удерживалъ при этомъ не только отдѣльныя эпитеты, но даже цѣликомъ полныя фразы. Измѣненія и собственныя добавленія, сдѣланныя г. Васильковскимъ, очень рѣдки, имѣютъ видъ простаго соблюденія приличій и потому неудачны (упоминаніе Гостомысла и Вадима на 2-й страницѣ, и нѣсколько болѣе основательное внесеніе имени боярина Ноздреватаго въ исторію сверженія Монгольскаго ига). При помощи всего этого г. Васильковскій достигъ того, что вмѣсто 370 страницъ учебника получилось 117 страницъ конспекта, но страницъ нѣсколько бѣльшаго формата, чѣмъ въ учебникѣ г. Иловайскаго.

Болѣе наглядными образцами пріемовъ г. Васильковскаго могутъ служить: стр. 15 (внутреннее состояніе удѣльно вѣчевой Руси), стр. 24 (Дмитрій Донской), 24 и сл. (Иванъ III), 54—57 (Алексѣй Михайловичъ и патріархъ Никонъ), 82 стр. (Петръ Великій), сравненныя съ соответствующими страницами „Краткихъ очерковъ русской исторіи“.

Книжка г. Васильковскаго могла бы служить полезнымъ пособіемъ при преподаваніи русской исторіи, могла даже служить руководствомъ, еслибы не было къ тому препятствія въ слишкомъ близкомъ и тѣсномъ родствѣ ея съ другимъ учебникомъ, притомъ родствѣ, тщательно скрываеомомъ, какъ нѣчто незаконное. Жаль, что г. Васильковскій ничего не сказалъ о способѣ составленія своей книги. Никакая неясность, а тѣмъ болѣе двусмысленность, намѣренная или непамятенная, не должна проникать въ школу, потому что она легко можетъ повлечь за собою большое зло, можетъ вредно отразиться на нравственныхъ отношеніяхъ учащаго и учащихся. Приведемъ одно соображеніе. Такого рода учебники-конспекты, какъ конспектъ г. Васильковскаго, прежде всего могутъ быть тѣмъ полезны и выгодны, что, заключая въ себѣ только краткое и сжатое обозначеніе фактовъ, они дѣлаютъ необходимымъ собственннй трудъ учителя и, что еще важнѣе, дѣлаютъ необходимымъ вниманіе учениковъ къ предлагаемымъ имъ объясненіямъ и разказамъ, не выпущая, однако, учителя къ излишней полнотѣ разказа для придашіа ему видимой самостоятельности противъ учебника, и безъ того достаточно полнаго, не принуждая поэтому и учениковъ слушать и запоминать то, что сообщается собственно не по научнымъ, а чисто психологическимъ соображеніямъ. Всѣ эти выгоды могутъ обратиться

въ большое зло, если ученикъ, которому дадутъ въ руки одинъ учебникъ, сдѣлаеть открытіе, что у его наставника есть другой, служачій источникомъ всей его мудрости, но въ сущности такой же школьный, только почему-то скрытый отъ него.

Русская исторія съ присовокупленіемъ необходимыхъ свѣдѣній изъ исторіи всеобщей. По способу Грубе изложилъ В. Фармаковскій. Изданіе второс. Вятка, 1875 г.

Книга г. Фармаковскаго состоитъ изъ 61 разказа, изъ коихъ только восемь относятся ко всеобщей исторіи (старый Римъ; новый Римъ или Византия; о римскихъ папахъ; паденіе Византии; Мартинъ Лютеръ и реформація; Игнатій Лойола и общество іезуитовъ; вооруженный нейтралитетъ; происхожденіе государства Сѣверо-американскихъ штатовъ; Наполеонъ Бонапарте). Для эпизодическаго курса среднихъ учебныхъ заведеній этихъ свѣдѣній изъ всеобщей исторіи было бы недостаточно, а первые два разказа—старый Римъ и новый Римъ—съ точки зрѣнія гимназической программы вполнѣ неудовлетворительны даже для народной школы (для нея первоначально и были написаны разказы г. Фармаковскаго); исторію стараго Рима пужно было бы изложить нѣсколько подробнѣе и обстоятельнѣе, и при этомъ остановиться болѣе на Римской имперіи; необходимо было назвать Августа, Тиберія, Нерона, Тита и Веспасіана. Цельзя также одобрить отношеніе учебника къ исторіи соплеменныхъ намъ славянскихъ народностей: даже въ разказѣ о паденіи Византии, гдѣ рѣчь идетъ о турецкихъ завоеваніяхъ, ни слова не сказано ни о Сербяхъ, ни о Коссовомъ полѣ; о Св. Кириллѣ и Меодіѣ упомянуто только мимоходомъ въ 10-мъ разказѣ, при чемъ замѣчено, что азбука наша „была первоначально придумана для *другихъ Славянъ, которые жили на западѣ Европы*“. Исторія сѣверо-западной и юго-западной Руси, то-есть, русско-литовская также совершенно обижена; отвлеченный и бѣглый обзоръ, сдѣланный въ 34-мъ разказѣ (стр. 111) недостаточенъ; имена Гедимины, Ольгерда, Ягайла остаются совсѣмъ неизвѣстными. Въ связи съ этимъ находится неловкое заглавіе 50-го разказа: „Раздѣлъ Польши“, хотя самъ авторъ въ концѣ 174-й страницы говорить, что Россія „*озирнула* себя области, гдѣкогда входившія въ составъ Русскаго государства“.

Книга г. Фармаковскаго написана весьма талантливо, языкомъ живымъ, простымъ и яснымъ. Для народной школы почти нельзя и желать чего-либо лучшаго въ этомъ отношеніи, но для школы класси-

ческой, въ которой съ самаго начала имѣются въ виду требованія науки и ознакомленіе съ ея языкомъ и терминологіей, нѣкоторый простионародный пошибъ, иногда дающій себя чувствовать, едва-ли уже будетъ качествомъ, считающимся въ числѣ достоинствъ. (Свято-слава „крѣпко манила Болгарія“. Онъ прибылъ въ Кіевъ прежде, чѣмъ „Печенѣги подѣлали что-нибудь“. „Все у Поляковъ было под-строчно такъ, чтобы заманить Русскихъ въ свою вѣру и пр.“).

Книга написана съ достаточнымъ знаніемъ дѣла и не представляетъ какихъ-либо грубыхъ фактическихъ ошибокъ или промаховъ. Только стараніе приблизиться къ пониманію предполагаемыхъ учениковъ заставляеть иногда автора дѣлать отклоненія отъ исторической истины, — отклоненія не совсѣмъ удобныя и неоправдываемыя сущностью дѣла. Въ этомъ отношеніи обращаемъ вниманіе на 39-ю страницу, гдѣ рѣчь идетъ о римскихъ папахъ. Нельзя говорить, что римскіе архіереи съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства обнаруживали властолюбіе и нельзя называть лжеученіемъ ихъ „проповѣдь“ о томъ, что апостоль Петръ былъ главнымъ изъ апостоловъ Иисуса Христа и т. д. Вообще, какъ это чувствовалъ и самъ авторъ, католицизмъ и его отличіе отъ православія недостаточно опредѣлены и выяснены. Онъ предоставляетъ учителю указать съ большею подробностію характеристическія черты католичества, если эти подробности будутъ соотвѣтствовать степени развитія учениковъ (стр. 40, въ концѣ). Неточно въ этомъ же разказѣ и наименованіе первыхъ завоевателей Палестины Турками вмѣсто Сарацинъ или мусульманъ (стр. 58); не только неточно, но и неловко въ слѣдующемъ разказѣ наименованіе праговъ Александра Невскаго „нѣмцами изъ остзейской страны“ (стр. 41, тутъ разумѣется Ливонскій орденъ). Точно также неточно выраженіе на стр. 50-й, будто Мамай *воцарился* надъ всею ордой. На стр. 63 сказано слишкомъ рѣзко, что у насъ въ московскій періодъ не существовало *никакихъ* училищъ. Учрежденіе въ Россіи патріаршества (стр. 89) не должно быть объясняемо какъ простое повышеніе въ церковномъ санѣ, выхлопотанное Борисомъ его приверженцу, митрополиту Іову. Точно также и припачіе Петромъ императорскаго титула обозначало нѣчто гораздо большее, чѣмъ призваніе его побѣдителемъ надъ Карломъ XII (стр. 152) и т. п.

Въ педагогическомъ отношеніи наиболѣе важное достоинство книги и самую существенную ея принадлежность представляютъ вопросы, помѣщаемые при каждомъ очеркѣ или разказѣ. Эти вопросы должны служить не для формальнаго только облегченія преподавателя и уче-

никовъ; напротивъ, они вызываютъ учителя и учениковъ на новый трудъ, имѣютъ въ виду противоудѣйствовать механическому и безсмысленному зазубриванію или заучиванію. Вопросы указываютъ, съ какихъ точекъ зрѣнія долженъ быть разъясненъ и разработанъ каждый разказъ, съ какими прежде сообщенными знаніями долженъ быть сопоставленъ вновь приобрѣтенный фактъ и т. д. Нужно признать, что вообще эти вопросы составлены весьма искусно и представляютъ драгоценный матеріалъ для учителя. Только въ рѣдкихъ случаяхъ они, кажется намъ, не соотвѣтствуютъ тому педагогическому такту, которымъ вообще отличается книга. При разказѣ объ Александрѣ Невскомъ учитель, по указанію г. Фармаковского, долженъ выяснитъ не только высокое самоотверженіе Александра въ отношеніяхъ къ Татарамъ, но и пользу для русской земли въ *политикѣ покорности*. Это потребуетъ очень большой осторожности и большого искусства со стороны учителя. Внушать народу политику покорности къ иноземцамъ, проводить отличіе между героизмомъ Дюпскаго и мудростію Александра Невскаго и Калиты—дѣло слишкомъ щекотливое, трудное, да и неужное.

Въ концѣ приложены примѣрные планы общаго повторенія, состоящіе изъ вопросовъ, сгруппированныхъ подъ особыми общими рубриками: хронологія, генеалогія русскихъ государей, объясненіе титула Русскаго государя; объясненіе російскаго государственнаго герба, историческій обзоръ государственныхъ учреждений, церковныя событія и т. д.

Это приложение также заслуживаетъ полного одобренія. Вообще книга г. Фармаковского представляетъ очень пріятное явленіе въ нашей учебной литературѣ и рѣзко отличается отъ тѣхъ ваяльхъ, безтолковыхъ, механически сшитыхъ учебниковъ, которые нерѣдко стали появляться въ послѣднее время.

Учебникъ всеобщей Географіи. Составилъ А. Пулковскій. Часть первая. Общія понятія изъ математической, физической и политической географіи. Часть вторая. Обзоръніе Европы.

Достоинства учебника, составленнаго г. Пулковскимъ и вышедшаго уже вторымъ изданіемъ, хорошо извѣстны. Они заключаются въ стремленіи поставить преподаваніе географіи на болѣе научную почву и сообразно съ тѣмъ въ болѣе развитіи элементовъ физической географіи, а также въ живомъ, одушевленномъ взглядѣ на предметъ, что отражается и на самомъ изложеніи. Недостатки же

состоятъ въ нѣкоторой неясности и нетвердости логическаго сочетанія отдѣльныхъ мыслей; слѣдствіемъ того бываетъ часто нѣкоторая запутанность изложенія, темнота и, по крайней мѣрѣ, кажущіяся внѣшнія противорѣчія.

Разсматривая первую часть учебника, съ точки зрѣнія учебной программы, мы должны признаться, что именно здѣсь — въ книжкѣ, предназначаемой для перваго класса гимназій — недостатки могутъ быть особенно чувствительны, а достоинства научныя не идутъ рука объ руку съ педагогическими требованіями и даже имъ противорѣчатъ. Для начальнаго ознакомленія съ общими понятіями математической и физической географіи учебникъ г. Пуликовскаго совершенно не пригоденъ какъ по своему объему (72 страницы), такъ и по характеру изложенія, нисколько не соответствующаго возрасту учениковъ. Весь отдѣлъ математическихъ и физическихъ предварительныхъ свѣдѣній скорѣе шелъ бы къ уровню развитія учениковъ VII или VIII класса, то-есть, книга г. Пуликовскаго могла бы служить пособіемъ при повтореніи географіи. Только здѣсь могли бы получить свое значеніе тѣ отдѣлы ея, которыми авторъ, очевидно, особенно дорожитъ, напримѣръ отдѣлъ о вѣтрахъ, теченіяхъ и климатѣ (стр. 31—41). Но мы опасаемся, что здѣсь учебникъ г. Пуликовскаго окажется наоборотъ ниже уровня познаній и развитія учениковъ гимназій, такъ какъ эти отдѣлы входятъ, въ видѣ приложения, въ программу физики, то-есть, излагаются вполне научнымъ образомъ. Между тѣмъ въ изложеніи г. Пуликовскаго они все-таки страдаютъ вышеуказанными недостатками и даже нѣкоторыми ошибками. Въ отдѣлѣ о вѣтрахъ (стр. 31), напримѣръ, теплый воздухъ, двигающійся отъ экватора, представляется то опускающимся въ полярныхъ странахъ, то между 30 — 40 ° широты, а пассаты названы *холодными* вѣтрами; весь отдѣлъ изложенъ запутанно и темно. Въ отдѣлѣ о теченіяхъ въ океанѣ (стр. 33) многое неточно и невѣрно (холодная вода полярныхъ странъ движется *по дну* морскому; гольфстромъ *ударяется* о берега Мексики и т. д.); въ отдѣлѣ о климатѣ континентальномъ § 6-й совсѣмъ непонятенъ.—По тѣмъ же самымъ причинамъ, какія указаны выше, и вторая половина первой части учебника будетъ затруднительна для учениковъ II класса гимназій: обзоръ Австраліи, Америки, Африки и Азіи занимаетъ 146 страницъ, а это слишкомъ много для двухъ уроковъ въ недѣлю. Притомъ же этотъ отдѣлъ неразрывно соединенъ съ первымъ въ одной книгѣ.

Вторая часть учебника, содержащая географію Европы, всего

скорѣе можетъ быть полезно въ нашихъ гимназіяхъ, если только и для учениковъ III-го класса 185 страницъ для двухъ уроковъ не будутъ признаны обременительными. Обычныя недостатки не чужды и этой части. На стр. 41 о почвѣ Европы сказано, что эта почва съ умноженіемъ народонаселенія изъ малоплодородной, какою была въ полуосѣдлый періодъ Славяно-Германскаго племени, сдѣлалась плодородною; а въ дальнѣйшемъ изложеніи, на той же самой страницѣ, оказывается, что съ умноженіемъ населенія нѣкоторыя страны сдѣлались изъ плодородныхъ бесплодными, да и вообще — по той или другой причинѣ—оно сопровождалось истребленіемъ лѣсовъ, что въ свою очередь, вредно отражается на плодородіи страны. Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ это противорѣчіе — по крайней мѣрѣ съ формальной логической стороны. Сильно сомнѣваемся также, чтобы нѣкоторыя плодородныя долины рѣкъ были только обсохшими руслами прежнихъ европейскихъ рѣкъ (стр. 42).

На стр. 51-й неизвѣстно на какомъ основаніи авторъ утверждаетъ, что Славяне появились въ Европѣ позднѣе Германцевъ: общепринятое мнѣніе не таково.

На стр. 54-й, авторъ приписываетъ римскому историку Тациту такое описаніе Германцевъ, какого онъ нигдѣ не дѣлалъ. Не совсѣмъ точно и искусно объяснено (тутъ же) происхожденіе Англичаевъ и Швейцарцевъ. А объ языкѣ англійскомъ (стр. 55) не слѣдуетъ говорить, что онъ потерялъ измѣненія вслѣдствіе примѣси элемента не только французскаго, но и *бритскаго*; точно также о Валлонахъ и объ ихъ нарѣчій слѣдовало бы выразиться точнѣе.

На стр. 59-й къ Пелазгійскому племени отнесены Греки, Албанцы и *Баски*: такое объединеніе Басковъ съ Греками подъ однимъ общимъ понятіемъ весьма странно. Въ сущности только Албанцы могутъ быть считаемы Пелазгами.

На стр. 63-й не удачны выраженія о папѣ и кардиналахъ („помощники въ дѣлахъ церкви“) и особенно о протестантскихъ сектахъ.

На стр. 65-й излагается довольно смутно ходъ образованности въ Россіи и Европѣ; кое-что неладно сказано и на предидущей страницѣ (о роли перваго министра въ конституціонныхъ государствахъ).

Авторъ вездѣ пишетъ Солоники: этого не слѣдуетъ дѣлать, равно какъ и вмѣсто Бассора не слѣдуетъ писать Боссора (стр. 70).

«Карта восточной Европы въ половинѣ IX вѣка и Руси въ удѣльный періодъ по 1240 годъ». Составилъ А. Добряковъ. С.-Пб. 1876.

Стѣнная раскрашенная карта съ рисунками *памятниковъ древне-русскаго искусства*: 1) Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ Залѣсскомъ XII вѣка; 2) сохранившаяся часть дворца в. в. Андрея Боголюбскаго въ городѣ Боголюбскѣ; 3) паружный видъ храма св. Софіи въ Константинополѣ; 4) внутренній видъ храма св. Софіи; 5) Кіево-Софійскій соборъ въ настоящемъ видѣ; 6) развалины золотыхъ Ярославыхъ воротъ; 7) Кіево-Софійскій соборъ (по рисунку 1651 года), съ *видами* городовъ; 8) видъ Старой Ладogi; 9) видъ Кремля во Владимірѣ; 10) видъ Изборска съ двумя планами; 11) видъ древняго Повгорода; 12) планъ Кіева въ X вѣкѣ, во времена св. кн. Ольги.—
„Цѣлю этой карты, говоритъ составитель, а равно и двухъ другихъ, имѣющихъ за нею слѣдовать,—наглядно ознакомить учащихся какъ съ различными измѣненіями внѣшняго вида роднаго государства, такъ и съ тѣми отечественными памятниками, которые раскрываютъ внутреннюю жизнь и доблести предковъ“, то-есть, карта назначается служить класснымъ пособіемъ для учащихся и, чтò не подлежитъ сомнѣнію, удовлетворяетъ насущной потребности нашей школы; потому что, хотя у насъ и есть превосходный учебный атласъ г. Замсловскаго (къ сожалѣнію, не появляющійся въ новомъ изданіи) и составленные по этому образцу другіе атласы меньшаго объема и низшаго достоинства, но стѣнныхъ хорошихъ картъ, сколько мы знаемъ, давно не появлялось. Успѣхъ изданія г. Добрякова совершенно обезпеченъ; пусть же замѣчанія, которыя мы сейчасъ сдѣлаемъ, послужатъ къ дальнѣйшему его усовершенствованію.

Составитель, если понимать буквально его слова, соединилъ на одной картѣ собственно двѣ: карту восточной Европы въ половинѣ IX вѣка и карту удѣльной Руси по 1240 годъ; во всякомъ случаѣ онъ погрѣшилъ тѣмъ, что на одной картѣ представилъ длинный историческій періодъ, въ теченіе котораго произошли слишкомъ рѣзкія измѣненія въ территоріальныхъ и этнографическихъ отношеніяхъ. Само собою разумѣется, что эта ошибка можетъ быть оправдываема очень законными соображеніями о доступности изданія для школы. Но мы полагаемъ, что не увеличивая ни цѣны изданія, ни числа стѣнныхъ картъ, составитель очень легко могъ избѣжать указываемаго нами недостатка или неудобства. Онъ могъ поступить такъ, какъ поступили опытные и ученые составители Русской карты во

второмъ, теперь выходящемъ, изданіи извѣстнаго атласа для средней и новой Россіи Ширупера, то-есть. при главной картѣ, изображающей Русь въ удѣльный періодъ, помѣстить на поляхъ двѣ другихъ меньшихъ карты (Nebenkarten), представляющихъ восточную Европу въ IX вѣкѣ и Русь до XII вѣка (въ періодъ начальной лѣтописи). Безъ особеннаго ущерба для ближайшей цѣли изданія можно было бы тогда пожертвовать пѣкоторыми изъ рисунковъ, напримѣръ „видами“ городовъ, изображающими не древнее ихъ положеніе, а настоящее; или же, что даже предпочтительнѣе, можно было увеличить число картъ одною, посвященною исключительно IX-му вѣку.

Изъ частныхъ недостатковъ карты прежде всего бросается въ глаза слѣдующій, не совсѣмъ объяснимый общимъ планомъ изданія. Весь бассейнъ верхней Волги—съ городами: Ростовомъ, Ярославлемъ, Тверью, Бѣлоозеромъ, Владиміромъ, Суздалемъ, Нижнимъ—представленъ на картѣ чисто финскимъ по населенію. Не совсѣмъ это справедливо даже по отношенію къ IX вѣку; а по отношенію къ XII и XIII едва ли не будетъ большою неловкостію, напоминающею извѣстныя нелѣпыя теоріи о происхожденіи русскаго народа.

На картѣ нѣтъ слѣдовъ столь извѣстнаго пребыванія Печенѣговъ въ области Днѣпра и Днѣстра. А Торки и Берендѣи получили себѣ въ удѣлъ слишкомъ большую и несоразмѣрную съ ихъ значеніемъ и количествомъ территорію.

На картѣ изображены отдѣльно „Дулѣбы“ и потомъ южнѣе „Бужане“. Но, какъ теперь принимаетъ наука, названія Дулѣбы, Бужане суть равнозначущія и принадлежатъ одной и той же славянской нѣтви. Дулѣбы — названіе древнѣйшее, Бужане — позднѣйшее. См. Очерки Русской исторической Географіи Барсова, стр. 85.

Совсѣмъ не обозначены на картѣ Готскія поселенія въ Крыму (Gotthia); а островъ св. Эверія (Aïdérios) неправильно названъ островомъ св. *Ейферія*, да и помѣщенъ онъ едва ли не слишкомъ далеко отъ устья Днѣпра.

Мельникъ (городъ въ Волынской области), упоминаемый въ первый разъ подъ 1260 годомъ, и *Львовъ*, упоминаемый подъ 1259 годомъ, нанесены на карту, а *Устюгъ* и *Тотьма*, упоминаемые дѣйствительно въ тотъ періодъ, который изображается на картѣ, опущены. При Липицахъ (на юго-востокъ отъ Ростова) неправильно поставленъ знакъ города.

Пространство между устьями Висли и Пѣмана окрашено литовскою краскою, а между тѣмъ на картѣ тутъ стоятъ Гевтоны, и только

въ скобкахъ „Пруссы“. Это неловко, неясно и неточно. Ятвяговъ вовсе нѣтъ на картѣ.

Часть Восточно-Римской имперіи (а не „Греческой“, какъ выражается карта), помѣщенная на картѣ, могла бы быть подробнѣе; нужно было обозначить, по крайней мѣрѣ, всѣ города, упоминаемые въ исторіи походовъ Святослава, а то нѣтъ даже Аркадіуполя. Сверхъ того, тутъ есть и большія невѣрности: Переяславецъ стоитъ совсѣмъ не на мѣстѣ; Адрианополь тоже представляется въ какомъ-то ложномъ положеніи.

Курсъ русскаго языка, примѣненный къ письменнымъ упражненіямъ. Для I и II классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ *Иванъ Соснецкій*. (Москва, 1875).

„Такъ какъ письменныя работы по древнимъ и отечественному языку имѣютъ рѣшающее значеніе для молодыхъ людей, оканчивающихъ гимназическій курсъ, то уже съ первыхъ классовъ является необходимость поставить учениковъ на твердую почву. Съ этою цѣлію составлена моя книга, въ которой каждое правило или выводится изъ письменныхъ упражненій, или подкрѣпляется ими. Вслѣдствіе этого, въ моемъ курсѣ, предназначающемся для 1-го и 2-го классовъ гимназій, заключается болѣе 170 задачъ“. Такъ говорятъ авторъ въ предисловіи къ своему труду, объясняя его назпаченіе.

Но изъ того, что письменныя работы имѣютъ рѣшающее значеніе для успешнаго окончанія гимназическаго курса, вовсе не слѣдуетъ, что они должны входить въ грамматическій учебникъ. И ариометика, подобно грамматикѣ, свои правила или выводитъ изъ рѣшенія задачъ, или подкрѣпляетъ ихъ задачами, — однако сборникъ ариометическихъ задачъ издается особо отъ ариометическаго учебника. Разширить книгу приложеніемъ къ ней того, что служитъ для практическихъ упражненій, основанныхъ на ея содержаніи, для навыка въ употребленіи ея правилъ—значить сливать въ одно два предмета, всегда почти раздѣляемые. Не трудно, пожалуй, къ грамматикѣ присоединить не только задачникъ, но и хрестоматію, чтожъ отъ такого присоединенія выиграстъ грамматика? Она можетъ увеличиться въ объемѣ и въ цѣнѣ, но никакъ не своимъ внутреннему значенію.

Если и допустить помѣщеніе задачъ въ самомъ учебникѣ, то въ такомъ случаѣ необходимо требовать отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, слѣдующаго отрицательнаго качества: онѣ не должны принадлежать къ такимъ, какія учитель, а иногда и самъ ученикъ, легко можетъ за-

дать когда угодно и въ какомъ угодно количествѣ. Введеніе задачъ подобнаго рода есть своего рода недоумѣніе къ находчивости, сообразительности преподавателя. А 170 задачъ г. Соснецкаго почти всѣ такого рода. Напримѣръ, помѣстивъ небольшой разказъ: „Чувство любви сильнѣе боли“ (стр. 2 и 3), онъ требуетъ переписать статью въ тетрадку, и потомъ выписать: „1) *иское* (?) слово, 2) всѣ гласныя буквы, 3) всѣ согласныя буквы, 4) всѣ полугласныя буквы; далѣе: 5) раздѣлить каждое слово по слогамъ и 6) указать въ каждомъ словѣ высокій слогъ“ (стр. 3). Какой учитель, даже очень низкаго уровня, не въ силахъ будетъ задать всѣ эти шесть задачъ, даже съ прибавленіемъ седьмой: „переписать эту статью въ тетрадку“. А если онъ учителю не нужны, то для кого онъ занимаютъ мѣсто въ книгѣ? для учащихся? но учебникъ не есть самоучитель. Другой примѣръ на стр. 19 Ѳ. Объяснивъ различіе между разнородными предметами, г. Соснецкій предлагаетъ слѣдующія девять задачъ: „Найти нѣсколько предметовъ, постигаемыхъ 1) чувствомъ зрѣнія, 2) чувствомъ слуха, 3) чувствомъ вкуса, 4) чувствомъ обонянія, 5) чувствомъ осязанія“. Такія задачи задавать легко, и книжка автора могла бы заключать въ себѣ не 170, а 1,700, даже 17,000 задачъ. Впрочемъ, послѣднія четыре задачи не только трудны, но и невозможны для рѣшенія. Требуется „всѣ пайдешныя *предметы* написать въ тетрадку“ (задачи 28 — 31). Приведемъ еще третій примѣръ для показанія, что задачи „Курса русскаго языка“, собственно и не задачи, а просто вопросы, которые каждый учитель, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, тотчасъ за объясненіемъ своего урока предлагаетъ, не выходя изъ класса: „найти нѣсколько именъ существительныхъ на *ъ* мужскаго рода и вписать ихъ въ тетрадку; найти нѣсколько именъ существительныхъ мужскаго рода на *ь* и вписать ихъ въ тетрадку; найти нѣсколько именъ существительныхъ мужскаго рода на *й* и вписать ихъ въ тетрадку“, и т. д. (задачи 36—43). Если задаваніе такихъ задачъ есть трудъ, то во всякомъ случаѣ трудъ чрезвычайно легкой и, кромѣ того, рѣшительно бесполезный въ учебникѣ.

Другой недостатокъ учебника г. Соснецкаго состоитъ въ отсутствіи системы. Основываясь на словахъ учебнаго плана гимназій, которыми преподаваніе русскаго языка ставится въ связь съ преподаваніемъ латинскаго, нѣкоторые составители руководствъ по отечественной грамматикѣ вывели отсюда ложное заключеніе, что эта наука не должна имѣть свойственной ей системы, а какъ бы идти

на буксирѣ за системой грамматики латинской. Но грамматикъ латинскихъ, рекомендованныхъ въ видѣ руководствъ, у насъ не мало. Въ одной гимназій обучаются по Кюнеру, въ другой по Ходобаю, въ третьей—по Кремеру и т. п. Неужели русская грамматика должна вертѣться по направленію той или другой, какъ флюгеръ по вѣтру? Она есть наука, слѣдовательно, система извѣстныхъ понятій, а система не мыслима безъ строгаго распредѣленія частей. Приучать учащихся, съ самыхъ первыхъ шаговъ ихъ въ ученіи, къ системѣ столько же необходимо и полезно, сколько предно отучать ихъ отъ этого научнаго изложенія предмета. Дѣло автора—составить учебникъ систематическій (иначе опъ не будетъ учебникомъ); а какъ распорядиться имъ для тѣхъ или другихъ цѣлей—это уже есть дѣло преподавателя. Въ „Курсѣ русскаго языка“ г. Соснецкаго, этимологіи смѣшана съ сиптаксисомъ, и отдѣлы по той и другой части пересѣкаются другими отдѣлами этихъ частей. Начавъ съ объясненій, что такое „буквы, слоги, слова и рѣчь“ (стр. 1—3), авторъ вслѣдъ за симъ говоритъ о предложеніи и его главныхъ частяхъ (3 — 4); потомъ идутъ части рѣчи (4 — 5); первые уроки правописанія (9 — 12); залогіи, времена, числа, лица и спряженія глаголовъ (12—16), за именемъ существительнымъ (18—24)—слова опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельныя (25—27). На стр. 50-й въ подробности разсматриваются имена прилагательныя, о которыхъ выше было упомянуто слегка, на стр. 81-й дополняется и объясняется подробно то, что на стр. 12—16 было говорено о глаголахъ; на стр. 114-й опять появляются предложенія. При такомъ расположеніи даже трудно ориентироваться (тѣмъ болѣе, что оглавленіе не приложено), не только усвоить какую-нибудь систему.

Къ сказанному прибавимъ нѣсколько частныхъ замѣтокъ:

На стр. 2-й опредѣляется, что такое грамотный человекъ, и говорится о числѣ языковъ на земномъ шарѣ. Опредѣленіе „грамотнаго“ человека идетъ скорѣе къ букварю, чѣмъ къ грамматикѣ. А числа языковъ не узнаешь изъ такой фразы: „языковъ очень много, почти столько же, сколько народовъ на земномъ шарѣ“.

При объясненіи мѣстоименія, замѣняющаго существительное или прилагательное имя, взятъ неловкій примѣръ: „это перо (вмѣсто *стальное* перо)“ (стр. 7).—Какъ будто перья бываютъ только стальныя.

Неловокъ также примѣръ на стр. 10: „изъ всѣхъ трубъ повалилъ дымъ, а днѣ трубы оставались *безъ всякаго признака жизни*“.

На стр. 17-й сказано, что глаголь *блѣсть* значить *кричатъ по овечьи*.

На стр. 17-й слѣдовало бы точнѣе обозначить окончаніе повелительнаго склоненія во второмъ лицѣ множ. числа, а не выражаться безусловнымъ образомъ, что это лицо всегда сохраняетъ букву *ь*. Ученіе на стр. 18-й встрѣтитъ опроверженіе правила въ словахъ: *подметите, откажите*, которыя вмѣсто *ь* имѣють *и*.

На стр. 24: „увеличительныя представляютъ предметъ обыкновенно громаднымъ, неуклюжимъ“.—Не всегда такъ, что видно изъ словъ: *дружище, дѣтище*.

На стр. 28-й примѣръ на звательный падежъ вызываетъ улыбку: „почему ты, поро, упало“?—Въ какомъ состояніи духа долженъ находиться пишущій, чтобы обратиться къ упавшему неру съ подобнымъ вопросомъ?

Странно также объясняется происхожденіе падежей на той же страницѣ: „При разговорѣ и при передачѣ мыслей на письмѣ, является необходимость измѣнить окончаніе каждаго слова *согласно тѣмъ вопросамъ, которые являются въ умѣ нашимъ*“.

Неправильно выраженіе на стр. 51-й: „сравненіе качества двухъ или *большихъ* предметовъ называютъ степенями сравненія“.

Едва ли нужно было объяснить, что фамиліи „Сорокинъ“, „Галкинъ“, „Свининъ“ произошли отъ словъ: *сорока, галка, свинья*. Ктожь этого не видитъ или не слышитъ?

Историческія и поэтическія сказанія о Русской землѣ въ хронологическомъ порядкѣ событій. Пособіе при изученіи отечественнаго языка и исторіи. Составилъ *Ө. Гилъровъ*, преподаватель 3-го военнаго Александровскаго училища (М. 1872 г.).

„Цѣль этого сборника“, говоритъ его составитель, — „изложить въ отдѣльныхъ статьяхъ только *наибольше выдающіяся* событія русской исторіи, какъ отразились они въ признаніи самихъ историческихъ дѣятелей, въ свидѣтельствахъ очевидцевъ, въ разказахъ современниковъ, въ народномъ преданіи и, наконецъ, въ личномъ творчествѣ и художественно-историческомъ представленіи. Это есть опытъ—съ разнообразіемъ языка и изложенія соединить историческое содержаніе, расположенное въ хронологическомъ порядкѣ событій, и тѣмъ совмѣстить хрестоматію по отечественному языку съ хрестоматіею по отечественной исторіи“.

Нельзя не сочувствовать такой цѣли, такъ какъ она имѣетъ въ виду два полезныхъ результата. Но для достиженія оной (само собою ясно), избираемыя статьи должны отличаться сколько полнотою, столько же характеристичностью историческаго содержанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, разнообразіемъ языка и изложенія. Объ этомъ преимущественно, если не единственно, должно заботиться пособіе при изученіи отечественнаго языка и исторіи, а не о количествѣ матеріала. Съ этой стороны, книга г. Гилярова вызываетъ замѣчаніе. Въ ней на 405-ти страницахъ помѣщены 242 статьи, изъ которыхъ многія, особенно историческаго содержанія, очень кратки. Не лучше ли было бы, вмѣсто 242-хъ статей ограничиться, по большей мѣрѣ, 121-ю, то-есть, половиною помѣщеннаго, чтобы дать просторъ разказамъ лѣтописца и историка?

Къ этой главной замѣткѣ присоединимъ еще слѣдующія:

Напрасно помѣщено стихотвореніе Пушкина: „Старца-пророка“ (стр. 115). Оно написано еще въ Лицеѣ и самъ авторъ называлъ его своимъ литературнымъ грѣхомъ.

То же слѣдуетъ сказать и о стихотвореніи Губера: „Новгородъ“, элегически воспомяющемъ славу повгородской вольницы.

Слишкомъ много вошло статей о звѣрствахъ и опалахъ, совершенныхъ Иоанномъ Грознымъ, равно какъ и о стрѣлецкихъ бунтахъ и казняхъ стрѣльцовъ. Вѣдь послѣдній фактъ нельзя же назвать *малоболье* выдающимся въ исторіи Петра.

Какъ пособіе при изученіи исторіи, книга г. Гилярова, также недостаточна и даже неудобна. Недостаточна по крайней отрывочности отдѣльныхъ статей и совершенной случайности ихъ подбора и сопоставленія. Чѣмъ, напрямѣръ, объяснить помѣщеніе такихъ двухъ отрывковъ, какъ „Казни сообщниковъ царевича Алексѣя“ и „Смерть царевича Алексѣя по разказу одного иностранца-современника“, когда о самомъ царевичѣ и объ его отношеніяхъ къ отцу нѣтъ никакого отдѣльнаго отрывка? Мы думаемъ далѣе, что совершенно безразличное пользованіе чисто-историческими сочиненіями и поэтическими произведеніями представляетъ большія неудобства. Ученики могутъ быть легко введены въ заблужденіе и смѣшать лица историческія съ лицами вымышленными.

Но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что книга г. Гилярова можетъ быть полезнымъ чтеніемъ для учениковъ низшихъ классовъ и можетъ занять мѣсто въ ученическихъ бібліотекахъ.

Пособіе при изученіи русскаго языка и словесности. Курсъ IV-го класса мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій. Составилъ преподаватель словесности П. Смирновскій. Спб. (1876).

Въ составъ этой книги вошли слѣдующіе отдѣлы: 1) повѣствовательныя и описательныя статьи, въ прозѣ и стихахъ, для чтенія, разбора и заучиванія наизусть; 2) отрывки изъ Остромирова Евангелія; 3) грамматика древняго церковно-славянскаго языка, изложенная сравнительно съ русскою; 4) ученіе о періодахъ. Составитель помѣстилъ всѣ эти отдѣлы вмѣстѣ, съ тою цѣлію, чтобы учащіеся имѣли въ одной книгѣ все необходимое для ихъ занятій на урокахъ русскаго языка, согласно предметамъ, указаннымъ въ учебномъ планѣ гимназій.

Такое *collasie* кажется намъ чисто внѣшнимъ и буквальнымъ, хотя и имѣетъ въ свою пользу то соображеніе, что одна книга, ставшая чѣмъ-то въ родѣ энциклопедическаго сборника, обойдется покупателямъ дешевле. Но это разчетъ экономическій, а не основанный на внутренней связи содержанія. Ученію о періодахъ—надлежащее мѣсто въ грамматикѣ; для образцовъ повѣствованій и описаній служатъ хрестоматіи; а грамматика древняго церковно-славянскаго языка вмѣстѣ съ ея необходимымъ дополненіемъ—отрывками изъ Остромирова Евангелія—образуетъ особое цѣлое и самостоятельное, которое не должно быть смѣшиваемо съ другимъ. Притомъ же нельзя, и при энциклопедическомъ сборникѣ, дать учащимся матеріалъ, какъ говорится, въ обрѣзъ, то-есть, въ такую мѣру, которая ни больше, ни меньше надлежащей, ибо понятіе о надлежащемъ необходимо обуславливается не только требованіями программы, которая не въ силахъ положить точныхъ, непреложныхъ границъ, но и взглядами преподавателей. Останутся ли послѣдніе довольны тою мѣрою, которую взялъ г. составитель? Вѣроятно нѣтъ: одни найдутъ ее низкою, другіе высокою. Слѣдовательно, цѣль г. Смирновскаго—дать ученикамъ въ одной книгѣ полный курсъ IV-го класса, курсъ безъ пробѣла—можно почти навѣрное сказать — не достигнется: одни найдутъ его неполнымъ и съ пробѣлами, другіе, наоборотъ, очень полнымъ и пожалеютъ пробѣловъ.

По поводу перваго отдѣла (повѣствованій и описаній), составитель справедливо говоритъ, что, прежде разбора статей того или другаго рода, слѣдуетъ дать ученикамъ—путемъ сравненія—понятіе о томъ, что значитъ описывать и повѣствовать. Сравнивалъ мѣста, въ которыхъ что-нибудь описывается, съ тѣми, въ которыхъ о чемъ

нибудь разказывается, ученики легко и скоро увидятъ существенное различіе между описаніемъ и разказомъ. Для этой цѣли и помѣщены на первомъ планѣ двѣ статьи: „Одиссей у Алкиноя“ и „Пріѣздъ сыновей Бульбы и отправленіе ихъ въ Сѣчь“, въ которыхъ есть и описательный, и повѣствовательный элементъ. Такой пріемъ конечно не дуренъ; но все же, однако, если спросить учащагося, къ какому роду сочиненій относятся означенныя двѣ статьи, онъ, не обинуясь, отвѣтитъ: „къ повѣствовательному“, а не „къ описательному“. Есть еще лучший пріемъ, состоящій въ томъ, чтобы сопоставить и сравнить двѣ такія статьи, изъ которыхъ одна была бы *описаніемъ* предмета въ опредѣленный моментъ, а другая— *исторіей* того же самаго предмета въ извѣстный періодъ (напримѣръ, описаніе города и исторія этого города).

Быть можетъ, г. Смирновскій, убѣдившись что ученіе о періодѣ не достаточно ясно изложено, передѣляетъ его при второмъ изданіи книги. Передѣлка едва ли—кажется намъ—поможетъ въ этомъ случаѣ, ибо ученіе о періодахъ не имѣетъ твердой научной основы. Эту основу нѣкоторые авторы философскихъ грамматикъ думали найти въ томъ, что періодъ есть выраженіе умозаключенія, равно какъ отдѣльное слово есть выраженіе понятія, а предложеііе — выраженіе сужденія. На такихъ опредѣленіяхъ они думали успокоиться, видя въ нихъ соотвѣтствіе трехъ степеней мысли тремъ степенямъ словеснаго ея выраженія. Но бѣда въ томъ, что не всѣ такъ называемые періоды дѣйствительно служатъ выраженіемъ силлогизмовъ. По общепринятому ученію выходитъ, что между періодомъ и сложнымъ предложеііемъ нѣтъ никакого существеннаго различія. Простой періодъ, говоритъ г. Смирновскій, по своей синтаксической формѣ есть распространенное сложное предложеііе, построенное по способу подчиненія (стр. 357), а сложный есть всегда распространенное сложное предложеііе, построенное или по способу сочиненія, или по способу подчиненія“. Если такъ, то какая же разница между періодомъ и распространеннымъ сложнымъ предложеііемъ? Синтаксическая форма — дѣло главное и существенное, а другія принадлежности, каковы, напримѣръ, плавная рѣчь и извѣстный ритмъ ея, относятся къ второстепеннымъ, риторическимъ, и могутъ точно также быть или не быть въ распространенномъ сложномъ предложеііи. За чѣмъ же, вмѣсто одного названія, два? и почему первое (періодъ) предпочтительнѣе втораго (сложное предложеііе)?

Начала начертательной геометрии, руководство для реальных училищъ, составилъ *К. Мамышевъ* (съ VII таблицами чертежей). С.-Пб. 1875 г.

Потребность нашей учебной литературы въ руководствѣ по начертательной геометріи, примененномъ къ курсу реальныхъ училищъ, а также и достоинства учебника, составленнаго г. Мамышевымъ, доказываются тѣмъ, что первое изданіе этой книги было распродано въ теченіе одного года. Второе изданіе „Началъ начертательной геометріи“ перепечатано съ перваго (1874 г.) съ весьма незначительными измѣненіями и дополненіями.

Такъ, напримѣръ: §§ 49 и 50, статьи „о пересѣченіи прямого круговаго конуса и прямого круговаго цилиндра плоскостью“ дополнены построеніемъ совмѣщенія этихъ пересѣченій съ горизонтальною плоскостью проекцій. Вообще, совмѣщеніе фигуръ, находящихся въ данной плоскости и заданныхъ проекціями, весьма важно, какъ для полученія настоящаго вида и размѣровъ этихъ фигуръ, такъ и для рѣшенія многихъ другихъ вопросовъ; поэтому упражненія въ такихъ совмѣщеніяхъ мы считаемъ полезными.

Можно еще указать на слѣдующія дополненія и измѣненія:

Въ примѣчаніи къ § 35-му указано, какъ опредѣлить уголъ, составленный прямою съ данною плоскостью. Хотя теоретическое рѣшеніе этого вопроса и не можетъ затруднить достаточно подготовленнаго ученика IV-го класса, но какъ при исполненіи элюорновъ, относящихся къ рѣшенію этого вопроса, могутъ встрѣтиться нѣкоторыя усложненія, то не излишне обратить на него вниманіе учащихся.

Въ § 41 упрощено построеніе трехгранной пирамиды помощію ея развертки.

Замѣчены нами нѣкоторыя измѣненія и незначительныя дополненія въ §§ 11, 22 и другихъ; всѣ эти поправки мы признаемъ полезными.

Чертежи, сравнительно съ 1-мъ изданіемъ, исполнены съ большею точностію и отчетливостію, и, наконецъ, цѣна учебника понижена, а именно назначена 80 коп. вмѣсто прежнихъ 90-ти.

Перспективное рисованіе геометрическихъ формъ, составилъ *Ярославъ Пильецъ*, преподаватель Одесскаго реального училища и Института Благородныхъ дѣвицъ. Со 126-ю картинками въ текстѣ. Изд. А. Езерскій. Одесса, 1876 г.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что при составленіи своего руко-

водства онъ примѣнялся къ требованіямъ тѣхъ программъ, въ которыхъ для младшихъ классовъ назначается „рисованіе геометрическихъ тѣлъ съ натуры“. — на что указано въ объяснительной запискѣ къ учебнымъ планамъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства народнаго просвѣщенія, а также и въ программахъ для учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи.

Между тѣмъ понятно, говоритъ составитель руководства, что „подобныя работы не мыслимы безъ предварительнаго ознакомленія учащихся хотя бы (только) съ важнѣйшими правилами перспективы, а правила эти передаются только въ старшихъ классахъ, гдѣ развитіе и математическая подготовка обучающихся дѣлаютъ для нихъ возможнымъ пониманіе сущности проекцій“.

Имѣя все это въ виду, авторъ испыталъ на опытѣ то затруднительное положеніе, въ которое попадаетъ вышеприведенными соображеніями каждый преподаватель рисованія въ младшихъ классахъ, и, издавая свое руководство, вознамѣрился сдѣлать попытку къ облегченію какъ учащихся, такъ въ особенности и учащихся. На основаніи всего изложеннаго, въ его книгѣ, конечно, не слѣдуетъ искать полной теоріи перспективы, но только тѣ правила перспективнаго рисованія, которыми необходимо руководствоваться при изображеніи на плоскости тѣлъ, находящихся въ положеніи фронтальномъ.

Преподавателями рисованія, — присовокунимъ мы, — дѣйствительно давно уже замѣчаемъ былъ недостатокъ въ нашей учебной литературѣ такого вспомогательнаго руководства перспективнаго рисованія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Существующія у насъ по этой части руководства: Лѣве, Тено, Мамышева и другія не могли удовлетворить этимъ требованіямъ, такъ какъ предназначены были для старшихъ классовъ и требовали въ извѣстномъ объемѣ свѣдѣній и изъ геометріи, и изъ теоріи проекцій. Тѣ же изъ элементарныхъ руководствъ по этому предмету, которыя до сихъ поръ были изданы, требованіямъ программъ не удовлетворяли.

Въ первой главѣ своего труда авторъ „Перспективнаго рисованія“ даетъ необходимыя предварительныя свѣдѣнія о протяженіяхъ всѣхъ трехъ родовъ, далѣе, о геометрическихъ фигурахъ и формахъ, а также и о геометрическомъ способѣ черченія; въ слѣдующихъ главахъ изложены имъ главнѣйшія правила перспективнаго рисованія и тушовки тѣлъ. Для возможно большаго удешевленія книги составитель воспользовался готовыми рисунками (клише) извѣстнаго руководства Шауда.

Вполнѣ одобряя цѣль изданія книги „Перспективное рисованіе“ — по идеѣ, положенной авторомъ въ основаніе своего труда, — мы не можемъ, однако, не указать на пѣкоторые ея недостатки.

Главнѣйшіе изъ нихъ состоятъ въ слѣдующемъ:

Небрежность по корректурѣ. Въ этомъ отношеніи мы находимъ въ разбираемой книгѣ множество педосмотровъ.

Такъ, напримѣръ, на страницахъ 13, 25, 30, 37 читаемъ: „двѣ сторы“, „инога“, „уточки“, „лини“ и т. д., когда слѣдовало напечатать: „двѣ стороны“, „иногда“, „у точки“, „линии“ и т. д.

На стр. 17 : „Не все лучи свѣта достигаютъ, глаза въ полной силѣ“.

На стр. 11 читаемъ: „...стороны прямыхъ угловъ *бываютъ* взаимно перпендикулярны“.

На стр. 14, слова: „трехгранпымъ“ „четыреграннымъ“ должны быть напечатаны курсивомъ. На той же стран. ниже, въ предложеніи: „если всѣ грани правильной фигуры“ и т. д. до конца, во 1-хъ, слово: „фигуры“ употреблено не точно, а во 2-хъ, въ опредѣленіи замѣчается плеоназмъ въ двукратномъ употребленіи слова „правильный“.

На стр. 28 находимъ заглавіе: „Параллельные прамы“.

На стр. 25, начиная отъ словъ: „Опытъ показалъ“... и т. д. до „...величину разстоянія“ — одни слова пропущены, другія повторяются по два раза.

Вслѣдствіе корректурной небрежности, на стр. 26-й слова и предложенія такъ перепутаны, что ученику и смысла добаться будетъ трудно.

Тутъ же подстрочная выписка: „Каждый замѣтитъ, что задній конецъ сажени (.) если сажень находится надъ нами, ближе передняго (къ кому ближе? къ чему ближе?), и наоборотъ....“ и т. д.

Есть и политипажи, перевернутые верхнею стороною внизъ, напримѣръ, фиг. 68.

Небрежности редакціонная. На стр. 20-й авторъ говоритъ о плоскостяхъ горизонтальной и вертикальной, не давъ учащимся предварительно понятія о линіяхъ горизонтальной и вертикальной.

Въ листкѣ опечатокъ, указывая на фигуру 33 (стр. 18), авторъ говоритъ: „вмѣсто буквы *n* слѣдуетъ поставить *a*“; но, въ фигурѣ 33 двѣ буквы *n* (одна при основаніи дерева, другая при вершинѣ угла зрѣнія); вмѣсто которой же изъ нихъ надо поставить *a*?

На стр. 22, въ строкѣ 5-й, вмѣсто перваго *n* надо поставить *a* (безъ знака).

Далѣе, на той же страницѣ, читаемъ: „такимъ образомъ мы получили бы перспективное изображеніе дерева *mn*“. Но на чертежѣ (36) пѣтъ дерева *mn*; слѣдовало бы сказать: „мы получили бы перспективное изображеніе *n* дерева *m*“.

На стр. 24-ой, читаемъ: „на фигурѣ 35-й *zz* представляет основаніе картинной плоскости, т. е. земную линію, на которой изображена часть отдаленнаго ландшафта“.... Такъ сказать нельзя, ибо на линіи нельзя изобразить ландшафта.

На стр. 37-й авторъ говоритъ: „... если сторона квадрата (фиг. 44) равна 1 сажени, то разстояніе квадрата 1234 будетъ равняться 4 саженямъ отъ картинной плоскости“; по чертежу этого невидно.

Математическая терминологія автора не вполне установилась: въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ „эллипса“, въ другомъ—„эллипсиса“.

Неточности относительно математики Хотя большой математической точности отъ книги, назначасмой для учениковъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, требовать и не слѣдуетъ, но и ложныхъ геометрическихъ опредѣленій допускать не должно. Между тѣмъ, на страницахъ 12 и 13-й читаемъ: Треугольникъ „съ однимъ прямымъ угломъ называется прямоугольнымъ“. (А развѣ могутъ быть треугольники съ двумя прямыми углами?).

Четыреугольники „съ равными прямыми углами и неравными сторонами“ называются прямоугольниками. (А развѣ могутъ быть *неравные прямые углы*?).

Кругъ, поставленный въ перспективу, (на стр. 48, 50), авторъ называетъ „эллипсисомъ“,—это невѣрно.

Обзоръ минеральнаго царства, съ 63 рисунками въ текстѣ. Руководство по минералогіи для мужскихъ и женскихъ гимназій, учительскихъ институтовъ и семинарій. Составилъ С. А. Бобровскій. Москва. 1876. Цѣна 80 коп.

При составленіи этой книги, авторъ, очевидно, принималъ въ соображеніе учебный планъ естествовѣдѣнія для гимназій; но онъ нѣсколько придерживался этого плана только въ первыхъ двухъ главахъ, а въ двухъ остальныхъ счелъ болѣе удобнымъ сдѣлать компиляцію изъ сочиненія С. Кутурги „Естественная исторія земной коры“. Такимъ образомъ разсматриваемая книга раздѣляется по способу составленія на двѣ части, между которыми оказывается и значительная разница по достоинству. Первые двѣ главы представляютъ непрерывную неточности, скудость научнаго содержанія и несораз-

мѣрно многословное изложеніе; въ остальной части эти недостатки слабѣе. Введеніе начинается такою фразою: „На землѣ существуютъ воздухъ, вода и различнаго рода камни, металлы, растенія, животныя; *каждое изъ нихъ* занимаетъ опредѣленную часть пространства и называется *тѣломъ природы*“ (стр. VII). Не говори о чрезвычайной неловкости оборота *каждое изъ нихъ*, замѣтимъ, что не было никакой надобности упоминать о томъ, что тѣла природы *занимаютъ пространство*. Слѣдующее за тѣмъ различіе трехъ царствъ природы изложено очень недостаточно. Приведемъ, на примѣръ, различіе между животными и растеніями: „Одни (органическія тѣла) живутъ прикрѣпленными къ одному мѣсту, не обнаруживаютъ никакой видимой чувствительности, — это растенія; другія, напротивъ, *больше или меньше* подвижны и выказываютъ чувствительность, — это животныя“ (стр. VIII). Тутъ не сдѣлано различія между 1) *движеніемъ* вообще, всякаго рода измѣненіемъ положенія въ пространствѣ 2) *передвиженіемъ*, перемѣною всего мѣста и 3) *произвольнымъ движеніемъ*. Растенія могутъ и двигаться частями и даже иногда передвигаться, но не имѣютъ произвольнаго движенія; животныя могутъ не имѣть передвиженія, но всегда могутъ произвольно двигать своими частями.

Такъ какъ *введеніе* должно служить вступленіемъ въ весь курсъ естествовѣдѣнія, то ему слѣдовало бы быть вполне отчетливымъ и яснымъ.

Прибавимъ, что, по опредѣленію автора, *воздухъ* будетъ относиться къ минераламъ.

Первая глава посвящена почти вся вулканическимъ явленіямъ, но занимается не научнымъ изложеніемъ дѣла, а простымъ описаніемъ изверженій, землетрясеній и пр. Такъ, опущены понятія о *конусѣ поднятія* и *конусѣ изверженія*, прямо указанныя въ учебномъ планѣ, нѣтъ описанія Везувія и пр. Неточность въ изложеніи можно видѣти изъ слѣдующаго примѣра: „главнѣйшею причиною высокой температуры (гейзеровъ) служатъ *водяные пары*“ (стр. 5). Образованіе паровъ есть причина изверженій и является *слѣдствіемъ* высокой температуры.

Вторая глава содержитъ общую минералогію. Приведемъ нѣкоторыя неточныя и излишнія объясненія, изъ которыхъ видно, до какой степени доходятъ недостатки разбираемой книги. „Формы (минераловъ) представляютъ собою не рѣдко *правильныя геометрическія тѣла* (кубъ, восьмигранникъ, призма, пирамида и др.) и называются *кристаллами*“ (стр. 14). Правильными геометрическими тѣ-

лами называется не то, что хотѣлъ здѣсь сказать авторъ. „Направленіе, по которому можетъ быть совершенно подобное дѣленіе (то-есть, дѣленіе на двѣ равныя половины) называется *осью*“ (стр. 17). Но ось, какъ липія, не можетъ опредѣлить собою одного направленія дѣленія тѣла; черезъ нее проходятъ безчисленныя направленія дѣленія. На стр. 18 сказано, что къ трехъ-и одноосной системѣ относятся: „шестисторонняя призма, *октоэдръ*, *ромбоэдръ* и др.“ Слова: *октоэдръ*, *ромбоэдръ* можно было бы принять за обмолвку, еслибы на 19 страницѣ не была нарисована (рисунокъ 16-й) такъ называемая шестигранная пирамида (двѣнадцатигранникъ) и не было подписано: *октаэдръ* (то-есть, восьмигранникъ) *3-й системы*.

Какъ образчикъ многословной неточности укажемъ начало страницы 25-й, гдѣ объясняется *удельный вѣсъ*. Объясненіе это не доведено до конца, такъ что лучше бы просто сослаться на физику. Остальныя двѣ главы болѣе правильны, или, лучше сказать, менѣе неправильны по изложенію и по содержанію. Но вслѣдствіе того, что въ нихъ составитель сталъ держаться новаго порядка, именно порядка книги С. Кутурги, эти двѣ главы вмѣстѣ съ двумя первыми составили очень неправильное цѣлое. Порядокъ С. Кутурги не удобенъ въ маленькомъ руководствѣ, и не было никакой причины покидать нить систематическаго изложенія. Рисунки, находящіеся въ текстѣ, мало поучительны, и скорѣе имѣютъ притязаніе на живописность. Мы полагаемъ, что они безъ нужды увеличиваютъ цѣну книги и не замѣняютъ хорошихъ большихъ рисунковъ, которые могутъ быть показаны въ классѣ. Цѣна — 80 коп.—очень высока. Если остальныя двѣ части: „Царство растительное“ и „Царство животное“, которыя предполагаетъ выпустить авторъ, будутъ стоить тоже по 80 коп., то весь учебникъ по естествовѣдѣнію для гимназистовъ обойдется въ 2 р. 40 коп.—цѣна несоразмѣрная.

Учебникъ зоологіи примѣнительно къ учебнымъ планамъ реальныхъ училищъ а равно къ программамъ другихъ средне-учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается естественная исторія. Составилъ профессоръ Э. К. *Брандтъ*. Часть I. Позвоночныя животныя. С.-Пб. 1876 г., 523 страницы съ 150-ю рисунками въ текстѣ.

Если авторъ желалъ написать руководство для заведеній, обозначенныхъ въ заглавіи его книги, то едва-ли онъ достигъ своей цѣли. Книга слишкомъ велика и не имѣетъ вовсе характера руководства.

Трудъ составителя всякаго руководства долженъ состоять именно въ выборѣ существенныхъ частей предмета и въ изложеніи ихъ самымъ краткимъ и точнымъ образомъ. Такого труда мы не находимъ и слѣдовъ въ разбираемой книгѣ. Напрасно также авторъ указываетъ, будто онъ примѣнялся къ планамъ реальныхъ училищъ, а *равно* къ программамъ другихъ *средне-учебныхъ* заведеній; никакихъ признаковъ этого приспособленія мы не находимъ, да и невозможно примѣниться разомъ къ программамъ всѣхъ заведеній, которыя называютъ онъ новымъ именемъ „средне-учебныхъ“.

Тѣмъ не менѣе книга не лишена двухъ достоинствъ: она заключаетъ въ себѣ много поучительныхъ рисунковъ, и очень дешева сравнительно съ своимъ объемомъ и рисунками. Къ сожалѣнію текстъ ея страдаетъ такими крупными недостатками, что странно было бы предлагать ее для чтенія ученикамъ.

Языкъ автора неправиленъ и способъ выраженія не имѣетъ точности. Онъ пишетъ *минераллы*, вмѣсто *минералы* (стр. 2 и 3), *хладнокровныя* животныя вмѣсто *холоднокровныя* (стр. 471), *железѣи* вмѣсто *железѣи*, *жизнепродолжительность* животныхъ вмѣсто *продолжительность жизни* (стр. 182), *продукты* вмѣсто *естественныя производенія* (стр. 200) и т. д.

Гораздо важнѣе неточность изложенія; она доходитъ до того, что авторъ говоритъ о прямолинейныхъ и криволинейныхъ плоскостяхъ (вмѣсто поверхностей) (стр. 3) и утверждаетъ, что „тѣла живыя представляются въ *расплавленномъ* состояніи“ (то-есть представляютъ такое состояніе) (стр. 2). Говорится, напримѣръ: „тѣла безжизненные имѣютъ вездѣ одnorodный составъ“ (стр. 3); здѣсь вмѣсто *вездѣ* должно бы стоять — *во всѣхъ своихъ частяхъ*, и вмѣсто *одnorodный составъ* просто *одnorodность*, такъ какъ дѣло идетъ не о составѣ, а о томъ, что вся масса неорганическаго тѣла однородна и въ физическомъ и въ химическомъ отношеніяхъ. Или: „зубы у человѣка образуютъ, какъ наверху, такъ и внизу, совершенно *замкнутый* рядъ“ (стр. 26); не *замкнутый*, а только непрерывный. Или: „позвоночныя имѣютъ *большую частію* двѣ пары конечностей“ (стр. 212); нужно сказать: не болѣе двухъ паръ и т. д.

При неточности изложенія книга отличается многословіемъ, которое особенно не годится въ руководствѣ, но не составляетъ достоинства и для книгъ другаго рода. Авторъ безпрестанно употребляетъ выраженія въ такомъ родѣ: „земноводныя, по своему вѣш-

нему виду, *показываютъ тѣ же самыя формы, которыя встрѣчаются и у пресмыкающихся*" (стр. 448). Фраза и неточна и заключаетъ много лишнихъ словъ и содержитъ неправильно употребленное слово *показываютъ*.

Съ многословіемъ разбираемая книга соединяетъ безпорядокъ. Естественная исторія обыкновенно хвалится своимъ порядкомъ; она указываетъ на то, что ея приемы позволяютъ ей не повторять одного и того же нѣсколько разъ. Но нашъ авторъ не держится опредѣленныхъ приемовъ. Изложенію собственно зоологіи онъ предпослалъ нѣкоторую смѣсь изъ анатоміи и физиологіи человѣка, изъ сравнительной анатоміи и зоотоміи; смѣсь эта занимаетъ почти 200 страницъ. Но затѣмъ, когда пужпо было дѣлать общія характеристики позвоночныхъ, млекопитающихъ, птицъ и т. д., авторъ какъ будто забылъ объ этихъ 200 страницахъ и снова объясняетъ то, что уже было объяснено. Онъ даже повторилъ множество рисунковъ. Напримѣръ, рисунокъ 176 и рисунокъ 260—одно и то же; точно также одинаковы рис. 183 и 263, рис. 105 и 278 и т. д. Эта невозможная въ учебникѣ роскошь въ настоящемъ случаѣ есть, сверхъ того, безпорядокъ.

Вообще смѣшеніе всякаго рода свѣдѣній, которое господствуетъ въ книгѣ, нужно считать большимъ недостаткомъ. Оно происходитъ не отъ пропикновенія въ тѣсную связь фактовъ, а отъ недостатка строгой формулировки фактовъ и чисто научнаго порядка въ ихъ изложеніи. Учащійся никогда не будетъ умѣть брать предметъ строго съ одной стороны и разсматривать его съ одной опредѣленной точки зрѣнія, если мы будемъ постоянно перебѣгать отъ анатоміи къ зоологіи, къ физиологіи, къ палеонтологіи и т. д. Пренебрегая научными формами, научнымъ порядкомъ, мы дойдемъ до пренебреженія научнымъ духомъ.

Что касается, наконецъ, до вѣрности фактовъ и понятій, содержащихся въ разсматриваемой книгѣ, то она представляетъ темноту и неточность почти вездѣ, гдѣ дѣло не состоитъ въ простыхъ описаніяхъ. На страницѣ 2-й авторъ утверждаетъ, что известь состоитъ изъ кальция и кислорода, а мѣль изъ извести и углекислоты,—тогда какъ составъ мѣла и извести одинаковъ. Яйцо курицы описано слѣдующимъ образомъ: „яйцо птицы (рис. 225) представляетъ скорлупу, бѣлокъ и два вида желтка: одинъ желтый или питательный желтокъ, который составляетъ главную массу яйца, и другой *бѣлый* или обра-

зовательный желтокъ“ (стр. 177). Но на двухъ рисункахъ, изображающихъ разрѣзъ цѣлаго яйца и разрѣзъ желтка, образовательнаго желтка не указано. За то указанъ *рубчикъ*, подъ буквою Н, о которомъ въ текстѣ ничего не говорится.

Въ текстѣ упоминается о *зародышевомъ пузырьѣ*, но въ рисункахъ его мѣсто не означено. Къ чему же служатъ рисунки, если на нихъ не обозначаются предметы и термины?

Въ параграфѣ о системѣ говорится слѣдующее: „Послѣ Аристотеля никто не имѣетъ такого огромнаго значенія для классификаціи животнаго царства, какъ Линней. Исходя изъ той точки зрѣнія, что система имѣетъ задачей — въ строго-правильномъ порядкѣ представить все извѣстное, причемъ отдѣльныя тѣла должны быть рассортированы по степени ихъ сходства въ разныя группы, отъ пришесть къ тому заключенію, что самыя группы, въ которыхъ сортируются отдѣльныя тѣла (животныя, растенія, минералы), должны быть разнаго объема и выражать большее или меньшее сходство составляющихъ ихъ тѣлъ природы. Поэтому онъ составилъ извѣстное количество группъ, въ которыя и распредѣлилъ всѣ отдѣльныя тѣла. Каждая группа имѣетъ извѣстный опредѣленный объемъ и опредѣленное значеніе относительно степени сходства *помыцающихся* въ ней животныхъ, и для того, чтобы этотъ объемъ и степень сходства получили бы опредѣленный характеръ, имѣли бы строго научное значеніе, онъ обозначаетъ каждую группу извѣстнымъ названіемъ“ (стр. 201). Этотъ отрывокъ представляетъ и крайнее многословіе и имѣетъ совершенную неясность. Сколько можно понять изъ контекста, авторъ хотѣлъ сказать, что Линней установилъ названія, которыми обозначается достоинство группъ, ихъ степень въ порядкѣ подраздѣлений; одні назвалъ *классами*, другія *отрядами* и т. д.

Страницы 148—151, на которыхъ излагается объясненіе зрѣнія, могутъ быть указаны какъ примѣръ еще большей неясности понятій и неточности изложенія. Приведемъ маленькій отрывокъ:

„Собственно говоря, въ природѣ нѣтъ цвѣта, тѣла не имѣютъ цвѣта. Одно и то же тѣло можетъ имѣть различный цвѣтъ. Возьмемъ, на примѣръ, воду: въ стаканѣ она совершенно прозрачна, въ рѣкѣ, гдѣ она находится въ значительной массѣ, она представляется или зеленаго цвѣта, или голубаго оттѣнка. Дѣйствіе различныхъ простыхъ свѣтовыхъ лучей (цвѣтныхъ) на нашъ глазъ не одинаково, и отъ этого-то глазъ нашъ не различаетъ ихъ (мы гово-

римъ, что тѣло имѣетъ тотъ или другой цвѣтъ)“ Положимъ, что послѣднее „не“ есть опечатка; но и тогда объясненіе не будетъ имѣть связи и опредѣленнаго смысла. Тутъ смѣшаны два понятія: 1) что цвѣтъ есть субъективное явленіе и 2) что цвѣтъ есть непостоянный признакъ въ химическомъ отношеніи; но для поясненія втораго понятія взять не подходящій примѣръ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ О ДЕВЯТНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ¹⁾.

Въ настоящемъ году исполнилось 20 лѣтъ со времени учрежденія графомъ А. С. Уваровымъ наградъ, назначенныхъ для поощренія трудовъ по части русской и славянской исторіи и для возбужденія соревнованія между драматическими писателями. Въ теченіе этого времени болѣе двухсотъ сочиненій, печатныхъ и рукописныхъ, относящихся къ этого рода литературнымъ произведеніямъ, прошли передъ судомъ академіи и вызывали собою, смотря по своей важности, болѣе или менѣе подробное обсужденіе, выразившееся въ цѣломъ рядѣ рецензій, которыя наполняютъ собою вышедшіе доселѣ въ свѣтъ отчеты о присужденіи Уваровскихъ наградъ. Этотъ рядъ представляеть собою, такъ сказать, критическую лѣтопись наиболѣе замѣчательныхъ явленій въ области русской исторіографіи за послѣднее время.

Въ нынѣшнемъ году на соисканіе Уваровскихъ наградъ было представлено 13 историческихъ и 5 драматическихъ сочиненій. Они были рассмотрѣны въ порядкѣ, указанномъ въ правилахъ объ этихъ наградахъ, особою комиссіей ²⁾, при содѣйствіи постороннихъ ре-

¹⁾ Этотъ отчетъ составленъ и читанъ въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1876 г. непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ К. С. Веселовскимъ.

²⁾ Эта комиссія состояла изъ непремѣннаго секретаря и гг. академиковъ: И. И. Срезневскаго, А. В. Никитенко, Я. К. Грота, А. Ф. Бычковъ, А. А. Буника, А. А. Шмелера и М. И. Сухомлинова.

цензентовъ, избранныхъ изъ числа извѣстнѣйшихъ нашихъ ученыхъ.

Между конкурсными историческими сочиненіями оказались два, относительно которыхъ комиссія была поставлена въ необходимости отложить свой приговоръ до конкурса будущаго года, по той причинѣ, что избранные для нихъ рецензенты, для одного—членъ академіи, а для другаго—посторонній ученый, не составили порученныхъ имъ подробныхъ разборовъ. Равнымъ образомъ признано нужнымъ отложить до слѣдующаго конкурса еще одно сочиненіе, въ виду того, что оно составляетъ начало труда, второй томъ котораго, по времени выхода своего въ свѣтъ, долженъ участвовать лишь въ предстоящемъ соисканіи Уваровскихъ премій.

Изъ числа остальныхъ историческихъ трудовъ удостоены преміями, въ 500 руб. каждая, слѣдующія шесть сочиненій:

I.

Очеркъ русской морской исторіи. Соч. *Г. Г. Веселаго*. Часть I. С.-Пб. 1875.

Имя г. Веселаго уже давно извѣстно, какъ знатока нашей морской исторіи. Трудясь много лѣтъ надъ изученіемъ архивныхъ документовъ, относящихся до русскаго флота, онъ обогатилъ литературу по этой части нѣсколькими весьма важными изданіями, частью въ формѣ сборниковъ матеріаловъ, а частью въ видѣ монографій. Одна изъ такихъ монографій, которая, подъ заглавіемъ „Исторія Морскаго Кадетскаго Корпуса“, есть собственно исторія морскаго образованія у насъ отъ начала флота до половины нынѣшняго столѣтія, заслужила автору, въ 1852 г., Демидовскую премію. Новый трудъ г. Веселаго, представляющій въ небольшомъ объемѣ, полную картину морскаго дѣла въ Россіи съ основанія государства до кончины Петра Великаго, былъ разсмотрѣнъ, по просьбѣ академіи, нашимъ многоуважаемымъ почетнымъ членомъ, вице-адмираломъ С. И. Зеленымъ, который, въ составленномъ имъ разборѣ, признаетъ сочиненіе г. Веселаго вполне достойнымъ Уваровской награды.

„Очеркъ Русской Морской Исторіи“ состоитъ изъ 17 главъ, которыя распадаются на три группы: въ первой изъ нихъ, состоящей изъ первыхъ двухъ главъ, изображена русская морская дѣятельность отъ Рюрика до Петра. Во второй, состоящей изъ десяти главъ, отъ 3-й до 12-й включительно, излагается военно-морская дѣятельность русскаго флота въ царствованіе Петра Великаго и, наконецъ, въ третьей группѣ, то-есть, въ пяти послѣднихъ главахъ книги, представлены

весьма подробныя свѣдѣнія о тѣхъ существенныхъ основахъ, на которыхъ созидались славныя побѣды Петра и морское величіе Россіи его времени.

Эти послѣднія пять главъ, по замѣчанію рецензента, составляютъ особенную заслугу автора въ томъ отношеніи, что въ нихъ, въ *первый* разъ собраны чрезвычайно важныя историческія свѣдѣнія въ полнотѣ и строгой системѣ и изложены съ ясностію и доступностію для справокъ морскаго офицера, администратора и вообще всякаго изслѣдователя, желающаго ознакомиться съ истиннымъ состояніемъ Петровскаго флота во всѣхъ отношеніяхъ. Авторъ старался въ этомъ своемъ трудѣ, какъ и во всѣхъ прежнихъ (составленныхъ по архивнымъ документамъ), держаться строго, почти буквально, вѣрныхъ источниковъ, указывая на нихъ постоянно въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Вообще, по осторожному и раціонально-критическому обращенію автора съ источниками, сообщаемыя въ его книгѣ свѣдѣнія заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Капитальный трудъ г. Веселаго, какъ по вѣрному изложенію фактовъ, основанному на архивныхъ источникахъ, въ особенности съ половины XVII вѣка, такъ и по своему литературному интересу, вполне удовлетворилъ многолѣтнимъ ожиданіямъ русскихъ моряковъ. Книга написана такъ интересно и искусно, что, не смотря на серьезность содержанія, она читается не только легко, но даже съ увлеченіемъ; многія страницы, содержація глубокой смыслъ, не лишены, въ то же время, поэтическаго отгѣнка; видно, что авторъ не только изучилъ, но и глубоко прочувствовалъ дѣла давно минувшихъ дней.

С. Н. Зеленый закончилъ свой разборъ замѣчаніемъ, что сочиненіе г. Веселаго исполнено съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такою отчетливостію какъ въ историческомъ, такъ и литературномъ отношеніяхъ, что вполне удовлетворяетъ требованіямъ науки и критики.

II.

Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. *А. Попова*. Москва, 1875.

По просьбѣ академіи, это сочиненіе было рассмотрѣно отличными знатокомъ древней русской письменности, профессоромъ А. С. Павловымъ. Почтвенный критикъ отнесся къ принятой имъ на себя задачѣ съ очевидною любовью и сообщилъ намъ обширную рецензію, въ ко-

торой не только подвергъ внимательной провѣркѣ все сочиненіе г. Попова, но и изложилъ свои собственныя изслѣдованія по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ, относящимся къ предмету сочиненія, такъ что эта рецензія, сама по себѣ, составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу учоную литературу. Заключенія рецензента сводятся къ слѣдующему:

Сочиненіе г. Попова посвящено изслѣдованію одного изъ самыхъ обширныхъ, и по историческому, народно-образовательному значенію, наиболѣе любопытныхъ отдѣловъ древне-русской словесности. Собственно говоря, оно составляетъ лишь начало задуманнаго авторомъ большаго труда, который въ цѣломъ своемъ видѣ долженъ объять русскія полемическія сочиненія противъ латинянъ, то-есть, неправославныхъ христіанскихъ народовъ западной Европы, съ древнѣйшихъ временъ до XVII столѣтія. Г. Поповъ исполнилъ пока только первую часть этой программы; но его книга представляетъ собою нѣчто цѣлое и имѣетъ строго-опредѣленное содержаніе, а именно обзоръ памятниковъ, относящихся къ его предмету со времени принятія Русью христіанства до эпохи Флорентійскаго собора. Въ первой главѣ авторъ оказалъ бесспорную, существенную услугу для исторіи древней русской словесности тѣмъ, что собралъ, по возможности, всѣ доступные печатные греческіе источники, которыми объясняются обвиненія противъ латинянъ, содержащіяся въ первоначальныхъ памятникахъ нашей полемической письменности—дѣло, требовавшее обширной эрудиціи и громаднаго труда, за которое не брался никто до г. Попова. Онъ сдѣлалъ здѣсь впервые извѣстными или издалъ по новымъ спискамъ нѣсколько переводныхъ полемическихъ текстовъ, служащихъ къ объясненію собственно русскихъ сочиненій того же содержанія, и помѣстилъ новыя, болѣе исправныя списки или новыя редакціи уже изданныхъ русскихъ памятниковъ. Слабыми пунктами въ этой главѣ рецензентъ считаетъ объясненіе лѣтописнаго „Сказанія о латинянахъ“, доказательства подлинности сочиненія митрополита Леонтія и критику памятника, извѣстнаго подъ именемъ „Сказанія съ Латиною“, митрополита Георгія.

Описывая во второй главѣ церковныя книги и особые сборники, посредствомъ которыхъ въ старину распространялись въ читающей массѣ полемическія сочиненія, г. Поповъ приводитъ впервые и передаетъ по новымъ спискамъ значительное число переводныхъ текстовъ и одинъ собственно русскій, при чемъ сопровождаетъ ихъ болѣе или менѣе важными бібліографическими замѣчаніями. Съ особою тщатель-

ностью рассмотрѣно здѣсь г. Поповымъ „Преніе Панагіота съ Азимитомъ“—памятникъ, чрезвычайно распространенный въ нашей старинной письменности и послужившій источникомъ или образцомъ для множества русскихъ издѣлій апокрифической книжной мудрости. На оборотъ, замѣчанія автора о другомъ сродномъ памятникѣ „Епистоли на Римляны“, рецензентъ находитъ менѣе удовлетворительными.

При разборѣ третьей и послѣдней главы сочиненія, посвященной обзору старѣйшихъ русскихъ полемическихъ сочиненій, вызванныхъ Флорентійскимъ соборомъ, г. Павловъ свидѣтельствуетъ, что и здѣсь главная заслуга автора состоитъ въ изданіи еще двухъ нигдѣ не напечатанныхъ любопытныхъ памятниковъ, а именно „Пославія патріарха Григорія Маммы къ Кіевскому князю Александру Владиміровичу“ и „Слова“ неизвѣстнаго писателя „О составленіи Флорентійскаго собора“, а также въ приведеніи, по новымъ спискамъ, двухъ другихъ сочиненій: „Повѣсти Симсона Суздальскаго объ осьмомъ соборѣ“ и „Хожденія на осьмой соборъ Авраамія Суздальскаго“. Въ отношеніи перваго изъ этихъ двухъ сочиненій рецензентъ заявляетъ, что г. Поповъ упустилъ изъ виду харьковское изданіе „Повѣсти“ и незнакомъ съ изслѣдованіемъ Фромана о ея авторѣ.

Переходя отъ содержанія къ формальной сторонѣ рассмотрѣннаго имъ труда, г. Павловъ замѣчаетъ, что книга г. Попова имѣетъ нѣкоторыя свойства, не вполне отвѣчающія ея заглавію „Историко-литературный обзоръ“. Преобладающій методъ автора, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ онъ изслѣдуетъ переводные памятники, оказывается чисто библиографическимъ; онъ имѣетъ дѣло болѣе съ книгами и рукописями, чѣмъ съ самими памятниками. Мѣсто ихъ въ сочиненіи опредѣляется для автора временемъ написанія старѣйшихъ списковъ, откуда выводится заключеніе о времени самаго перевода. Недостатки этой системы, къ сожалѣнію, слишкомъ часто даютъ себя чувствовать въ изложеніи г. Попова: объ одномъ и томъ же памятникѣ, какъ бы по необходимости, онъ долженъ говорить въ разныхъ мѣстахъ, или повторяя одни и тѣ же замѣчанія, или сообщая по частямъ здѣсь то, а тамъ другое. При этомъ читатель нерѣдко ставится въ недоумѣніе относительно того, гдѣ же собственно настоящее мѣсто памятнику: тамъ ли, гдѣ указываетъ исторія, или же гдѣ вѣдѣть стоитъ ему библиографія. Самъ авторъ, въ этихъ случаяхъ, является неполнослѣдовательнымъ, иногда сознательно, а иногда умышленно.

Однако, эти недостатки, по мнѣнію рецензента, извиняются тѣмъ, что авторъ обращался большею частью съ матеріаломъ совершенно

не тронутымъ другими изслѣдователями. Ему надо было привести въ извѣстность большую массу новыхъ текстовъ, собранныхъ въ различныхъ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ, критически очистить весь этотъ матеріалъ, установить вновь открытыя редакціи памятникъ и указать ихъ подлинники. Все это, для перваго опыта, сдѣлано г. Поповымъ весьма удовлетворительно. Онъ могъ бы облегчить себѣ задачу, еслибы выбралъ изъ своего матеріала „красныя мѣста“ и подогналъ бы ихъ къ какому-либо „высшему общему взгляду“; тогда вышло бы сочиненіе, быть можетъ, болѣе блестящее, но несомнѣнно менѣе полезное для занимающихся исторіей древней русской литературы.

III.

О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Историко-юридическое изслѣдованіе *Сергія Петровскаго*. Москва, 1875.

Разборъ этого труда, по приглашенію академіи, былъ составленъ нашимъ членомъ-корреспондентомъ, сенаторомъ П. В. Калачовымъ, который, въ своей рецензій, отзываясь о книгѣ г. Петровскаго, какъ о такой, которая должна занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ русской исторической литературѣ и по важности предмета, и по тщательности его разработки.

Содержаніемъ книги г. Петровскаго служитъ разсмотрѣніе всего круга многообразной дѣятельности сената въ продолженіе всего царствованія Петра Великаго. При этомъ авторъ пользовался пособіями, которыя считались долгое время недоступными, а именно—докладами сенату по разнымъ дѣламъ и приговорами по нимъ. Въ обращеніи автора къ этимъ единственнѣйшимъ для его цѣли источникамъ, хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, г. Калачовъ видитъ большую услугу, оказанную исторіи русскаго законодательства. „До какой степени“, говоритъ онъ, — „были слабы, почти ничтожны труды его предшественниковъ по составленію исторіи сената, доказываются не только легкими очерками, помѣщенными въ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ историко-юридическимъ разысканіямъ о разныхъ учрежденіяхъ Россіи и ея управленія въ XVIII столѣтіи, но и спеціальною статью о сенатѣ, написанною бывшимъ начальникомъ упомянутаго архива, П. И. Ивановымъ“. Причиной этому, по мнѣнію г. Калачова, было то, что богатство данныхъ, заключающихся въ массѣ еще не тронутыхъ документовъ, такъ значительно, что приступить къ этому столь благодарному руднику казалось даже для лицъ

близъ него стоящихъ, дѣломъ, превышающимъ силы одного человека. Смѣло взявшись за такой трудъ, г. Петровскій не только блистательно исполнилъ свою задачу, но и указалъ другимъ ученымъ, куда слѣдуетъ имъ обращаться для разысканія источниковъ по исторіи внутренняго быта Россіи.

Въ подтвержденіе столь лестнаго отзыва своего, г. Калачовъ представляетъ, въ своей рецензіи, обстоятельный отчетъ о разныхъ отдѣлахъ труда г. Петровскаго, при чемъ указываетъ на тѣ стороны этого труда, въ которыхъ авторъ частью разрѣшилъ новые и никѣмъ еще не затронутые вопросы, частью же исправилъ и объяснилъ прежнія недоразумѣнія. вмѣстѣ съ тѣмъ, рецензентъ не оставляетъ безъ замѣчанія и тѣхъ педомоловокъ или упущеній, которыхъ, по его мнѣнію, г. Петровскій могъ бы избѣгнуть, имѣя подъ рукою имъ же разработанные матеріалы. Съ особенною похвалою отзывается г. Калачовъ о той значительной части сочиненія, въ которой авторъ, говоря объ учрежденіи фискаловъ, подробно и съ большимъ талантомъ выясняетъ значеніе и цѣль этой должности, а потомъ — слабыя ея стороны, и при этомъ случаѣ, съ понятнымъ увлеченіемъ, рисуетъ намъ величественный образъ Государя, стоявшаго такъ высоко надъ окружавшею его средою.

Въ своемъ изслѣдованіи, г. Петровскій не могъ задаться цѣлью изчерпать всю массу дѣлъ, наполняющихъ въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи слишкомъ 400 огромныхъ фоліантовъ; но одинъ даже бѣглый просмотръ всѣхъ отдѣловъ его труда, вмѣстѣ съ заключающимися въ немъ цитатами изъ подлинныхъ производствъ, поднесеніе многочисленныхъ фактовъ въ подтвержденіе того или другаго изъ предлагаемыхъ авторомъ соображеній и выводовъ, наконецъ, приложенныя подъ текстомъ сочиненія болѣе подробныя выписки изъ сенатскихъ докладовъ и рѣшеній, свидѣтельствуютъ о томъ, что авторъ воспользовался открытыми ему матеріалами съ усердіемъ, любовью и искусствомъ. Благодаря этому, г. Петровскій достигъ того, что его книга, получила значеніе богатаго приношенія въ столь бѣдную еще литературу русскаго права въ XVIII столѣтіи.

IV.

Опытъ фонетки Резьянскихъ говоровъ. *И. Водуэна-де-Куртена*. Лейпцигъ, 1875. Резьянскій катихизисъ, какъ приложение къ «Опыту фонетки Резьянскихъ говоровъ, съ примѣчашіями и словаремъ». Издалъ *И. Водуэна-де-Куртена*. Лейпцигъ, 1875.

Коммисія, принявъ эти сочиненія къ соисканію Уваровскихъ на-

градъ, основалась на удостовѣреніи академика И. И. Срезневскаго, что они весьма важны для исторіи славянскихъ нарѣчій, и слѣдовательно, подходятъ подъ требованія § 3 положенія объ этихъ наградахъ.

Въ своей рецензій, г. Срезневскій указалъ подробно на заслуги г. Бодуэна-де-Куртенэ въ области славянской филологіи и пояснилъ, что новый трудъ ученаго слависта составляетъ плодъ продолжительныхъ его наблюденій надъ народнымъ говоромъ въ мѣстѣ жительства Резьянъ, въ сѣверо-восточномъ углу Фріула. По свидѣтельству рецензента, работа, исполненная г. Бодуэномъ-де-Куртенэ, превосходна во всѣхъ отношеніяхъ и имѣетъ важное значеніе не только по отношенію къ изслѣдованному имъ нарѣчію, но и какъ образцовая для всякаго рода филологическихъ розысканій. Осмотрительный, при собираніи матеріала, авторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, остороженъ и въ постройкѣ на нихъ своихъ выводовъ, которые, по выраженію г. Срезневскаго, составляютъ *любопытныя общіе домысли въ округѣ лингвистическихъ изслѣдованій.*

V.

Историческія пѣсни Малорусскаго народа, съ объясненіями В. Антоновича и М. Драгоманова. Томъ I. Кіевъ, 1874.

Въ сужденіи своемъ объ этомъ сочиненіи, академія приняла въ соображеніе отзывъ о немъ профессора А. А. Котляревскаго, какъ такого ученаго, который самъ немало занимался изслѣдованіями по части народной поэзіи.

Народныя южно-русскія историческія пѣсни возбудили интересъ и обратили на себя вниманіе ученыхъ и литераторовъ не ранѣе текущаго столѣтія. Время не было еще упущено, и обильная жатва увѣнчала труды собирателей: усиліями Ходаковскаго, кн. Цертелева, Максимовича, Срезневскаго, Лукашевича, Метлинскаго, Кулишна, Головацкаго постепенно составилсѣ значительный запасъ такихъ пѣсенъ; кромѣ того, существовали, также и рукописныя сборники, ждавшіе своей очереди для выхода въ свѣтъ. Для того, чтобы наука могла съ успѣхомъ и безъ обременительныхъ исканій пользоваться этимъ матеріаломъ, представлялась необходимость въ полномъ, по возможности, сводѣ его, то-есть, въ такомъ изданіи, гдѣ были бы критически собраны въ одно цѣлое всѣ доселѣ уцѣлѣвшія произведенія южно-русской народной исторической поэзіи, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ самое пользованіе ими было бы облегчено необходимыми объясненіями.

Книга гг. Антоновича и Драгоманова представляетъ опытъ такого критическаго сборника южно-русскихъ историческихъ пѣсень, и хотя это только начало задуманнаго издателями предпріятія, однако и оно не должно остаться незамѣченнымъ учеными.

Вдаваясь въ ближайшую оцѣнку этого сборника, г. Котляревскій обращаетъ свое вниманіе на двѣ существенныя стороны, въ которыхъ выразилась самостоятельная работа издателей: во первыхъ — на выборъ, критику и изданіе текстовъ, и во вторыхъ -- на историческіи объясненія къ нимъ.

Въ отношеніи выбора текста, критикъ замѣчаетъ, что издатели придали понятію „историческая пѣсня“ смыслъ довольно широкій. Газумѣя подъ именемъ историческихъ пѣсень Малорусскаго народа всѣ пѣсни, въ которыхъ отразились измѣненія общественнаго строя народа, они помѣстили ихъ въ своей книгѣ рядомъ съ пѣснями историческими въ строгомъ значеніи. Въ древнѣйшемъ словѣ историческихъ пѣсень гг. Антоновичъ и Драгомановъ находятъ ясныя воспоминанія эпохи дружинно-княжеской, и потому посвящаютъ пѣснямъ этого рода особый отдѣлъ, за которымъ слѣдуютъ у нихъ пѣсни казачества, поэзія котораго развилась съ XVI столѣтія. Въ составъ перваго тома сборника вошли первый отдѣлъ, дружинно-княжескій, и начало втораго, содержащее въ себѣ казацкіи пѣсни о борьбѣ съ Татарами и Турками.

Отголоски и слѣды дружинно-княжеской эпохи авторы усматриваютъ въ такъ-называемыхъ колыбельныхъ, щедровкахъ и гайкакахъ; но ихъ словамъ, черты удѣльной эпохи и ея быта въ этихъ произведеніяхъ народной поэзіи вполне ясны, исторія до-монгольской Руси отразилась въ нихъ яркими слѣдами, а потому ихъ должно имѣть въ виду прежде всего другаго при обсужденіи вопроса о древнѣйшемъ русскомъ героическомъ и историческомъ эпосѣ и о древности и національности самыхъ великорусскихъ былинъ. Съ этою мыслию рецензентъ не находитъ возможнымъ согласиться: перебравъ внимательно всѣ пѣсни перваго отдѣла и взвѣсивъ приводимые въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ доводы въ пользу ясныхъ и яркихъ слѣдовъ дружинно-княжеской поэзіи, онъ не встрѣчаетъ положительныхъ основаній для подтвержденія такой мысли, и потому считаетъ ее скорѣе случайнымъ плодомъ антикварскаго увлеченія, чѣмъ выводомъ, основаннымъ на строго-историческомъ изслѣдованіи. Вообще г. Котляревскій полагаетъ, что попытка издателей выбрать изъ запаса южно-русской поэзіи пѣсни, относящіяся къ древнѣйшему, до-казацкому

періоду, не увѣнчалась успѣхомъ, хотя нельзя сказать, чтобы самая мысль о присутствіи въ пѣсняхъ элемента дружинно-княжеской эпохи была ложна или не вѣроятна: она только не доказана и не поставлена на прочныя основанія.

На сколько выборъ перваго отдѣла пѣсенъ не удовлетворяетъ рецензента, на столько, и даже гораздо болѣе, требованія его удовлетворяются выборомъ пѣсенъ втораго отдѣла. По его мнѣнію, издатели стали здѣсь на положительную почву и обнаружили такіе основательные критическіе приемы, такую осторожность въ заключеніяхъ, что къ ихъ труду нельзя иначе отнестись, какъ съ полною признательностью. Правильный выборъ пѣсенъ, умѣніе останавливаться только на томъ, что, по существу своему, принадлежитъ къ предмету, а не гадательно только относится къ нему, придаютъ этому отдѣлу, составляющему наиболѣе объемистую часть изданія, важное значеніе.

Что касается до полноты матеріала, вошедшаго въ составъ книги, то рецензентъ считаетъ ее совершенно удовлетворительною. Нельзя только не пожалѣть, что этотъ богатый запасъ текстовъ и ихъ вариантовъ расположенъ въ очень сложной системѣ, затрудняющей читателя и заставляющей его, въ случаѣ надобности какой-либо справки, каждый разъ прибѣгать къ ключу этой системы.

Обращаясь къ объяснительнымъ примѣчаніямъ, которыми снабжены тексты пѣсенъ, г. Котляревскій видитъ большую разницу между объясненіями къ пѣснямъ дружинно-княжескаго вѣка, и тѣми, которыми сопровождаютъ пѣсни казачества. Неудачность первыхъ опъ приписываетъ антикварскому увлеченію авторовъ, старавшихся доказать предвзятую мысль, вслѣдствіе чего ихъ объясненія получили характеръ скорѣе поспѣшныхъ догадокъ и наведеній, чѣмъ реальныхъ комментариевъ. Совершенно иными представляются объясненія къ пѣснямъ втораго отдѣла. Хотя сами издатели и весьма скромно отзываются объ этой части труда, тѣмъ не менѣе нельзя не признать ихъ достоинства и значенія для отечественной исторической литературы. То, что сдѣлали въ этомъ отношеніи гг. Антоновичъ и Драгомановъ, не только превосходитъ доселѣ бывшіе, случайные комментаріи къ южно-русскимъ историческимъ народнымъ пѣснямъ систематическимъ подборомъ всякаго рода относящихся сюда свѣдѣній, но и способно, по критическому разбору ихъ, въ значительной степени облегчить трудъ историковъ-ислѣдователей. При пѣсняхъ, названныхъ издателями именемъ *бродячихъ*, они иногда, быть можетъ съ болѣшими,

чѣмъ бы слѣдовало, подробностями, входятъ въ параллельныя сближенія съ другими подобными произведеніями поэзіи племенъ славянскихъ, нѣмецкихъ, романскихъ и пр. Какъ ни посторонни и ни случайны подобныя указанія, они не останутся безъ пользы для сравнительной исторіи поэзіи и литературы, тѣмъ болѣе, что издатели къ общеизвѣстному запасу фактовъ прибавили отъ себя кое-что новое, чтò заслуживаетъ быть замѣченнымъ. О полнотѣ такихъ параллелей, конечно, не могло быть и рѣчи, какъ по существу самого дѣла, такъ и по той извинительной причинѣ, что издателямъ было недоступно многое изъ обширной литературы предмета.

Выставивъ такимъ образомъ на видъ достоинства книги гг. Антоновича и Драгоманова, и не скрывъ ея недостатковъ, ученый критикъ находитъ, что послѣдніе немногочисленны сравнительно съ первыми, и заключаетъ свою рецензію свидѣтельствомъ, что разсмотрѣнное имъ сочиненіе представляетъ такой трудъ, котораго не доставало отечественной наукѣ, и которое въ значительной степени способствуетъ къ полному знакомству съ историческими пѣснями южно-русскаго народа.

VI.

Исторія русской словесности древней и новой. Сочиненіе А. Д. Галахова. С.-Пб. 2 тома. 1863—1875.

Рецензія этого сочиненія была составлена профессоромъ Н. С. Тихомировымъ.

Объемистое сочиненіе г. Галахова состоитъ изъ двухъ томовъ, изъ которыхъ первый, обнимающій собою исторію древней русской словесности и новой до Карамзина, напечатанъ еще въ 1863 г., а второй, излагающій исторію литературы отъ Карамзина до Пушкина,—въ 1875 г. Такимъ образомъ, та часть труда г. Галахова, которая относится до древней нашей словесности, разсматриваемая какъ нѣчто дѣлое, собственно говоря, не могла бы, по времени выхода своего въ свѣтъ, подходить подъ условія конкурса нынѣшняго года. а по своему содержанію она, какъ это доказываетъ рецензентъ, представляется въ настоящее время сочиненіемъ устарѣвшимъ и не соответствующимъ требованіямъ критики. Поэтому коммисія, присудивъ труду г. Галахова Уваровскую премію, имѣла въ виду исключительно ту часть его, которая относится до новой литературы.

Рецензентъ исполнилъ дѣло критики съ большимъ стараніемъ и въ подробномъ, написанномъ имъ разборѣ подвергъ книгу г. Гала-

хова внимательному разсмотрѣнію, какъ по отношенію къ ея составу и источникамъ, которыми пользовался авторъ, такъ и со стороны тѣхъ требованій, которымъ должно соотвѣтствовать подобное сочиненіе при нынѣшнемъ положеніи науки. При этомъ онъ не только выставилъ на видъ, но и доказалъ слабыя стороны сочиненія. Обширный свой критическій трудъ г. Тихомировъ заключаетъ общими выводами, которые сводятся къ слѣдующему:

„Исторія русской литературы XVIII и частью текущаго столѣтія требуетъ сравнительнаго изученія ея въ связи съ явленіями тѣхъ европейскихъ литературъ, которыя оказали сильное вліяніе на нашу. Сочиненіе г. Галахова лишь въ довольно слабой степени удовлетворяетъ этому требованію. Задачею своего руководства авторъ поставилъ воспользоваться лишь готовымъ матеріаломъ историко-литературныхъ изслѣдованій и исполнилъ эту задачу съ необыкновенною добросовѣстностію. Въ сочиненіи г. Галахова существенные результаты историко-литературныхъ изслѣдованій сведены довольно полно и обстоятельно. Авторъ не щадилъ ни времени, ни труда, чтобы доставить своему сочиненію возможную полноту. Библиографическая сторона книги обработана очень тщательно и осторожно. По богатству указаній на литературныя пособія при изученіи русской литературной исторіи, сочиненіе г. Галахова сдѣлалось настольною справочною книгою для всѣхъ, занимающихся исторіей нашей литературы. Отказываясь въ исторіи древней русской словесности отъ самостоятельнаго изученія ея памятниковъ, г. Галаховъ во второй, обширнѣйшей части своего сочиненія, посвященной новому періоду русской литературы, предлагаетъ результаты своихъ многолѣтнихъ историко-литературныхъ изслѣдованій. По широтѣ объема, по богатству содержанія, эта часть книги г. Галахова далеко оставляетъ за собою всѣ попытки составить учебное руководство по исторіи русской литературы. Эта обширнѣйшая по объему часть исторіи русской словесности имѣетъ всѣ права на титулъ самостоятельнаго ученаго изслѣдованія. При совершенномъ отсутствіи ученыхъ критическихъ изданій нашихъ писателей (за исключеніемъ развѣ Державина и Хемпицера), г. Галахову нужно было принять на себя не мало подготовительныхъ, черновыхъ работъ для того, чтобы изобразить намъ историческія судьбы нашей новой литературы въ той полнотѣ, которая отличаетъ его книгу. Особенную цѣнность придаютъ сочиненію г. Галахова тѣ горячія симпатіи автора къ успѣхамъ русской литературы и просвѣщенія, которыми проникнута книга, и которыя сообщаются читателю; въ повѣствователѣ ми-

нующихъ судебъ русской словесности чувствуется писатель съ образованнымъ вкусомъ, воспитанный благородными преданіями нашей литературной критики“.

Въ конкурсѣ Уваровскихъ наградъ за драматическія произведенія въ настоящемъ году участвовало пять пьесъ. По разсмотрѣніи ихъ, комиссія единогласно признала, что на нынѣшній разъ не представляется повода присудить кому-либо Уваровскую премію за сочиненіе этого рода.

Въ заключеніе, комиссія постановила выразить благодарность Академіи постороннимъ ученымъ, оказавшимъ ей содѣйствіе составленіемъ разборовъ конкурсныхъ сочиненій, и чetyремъ изъ этихъ рецензентовъ, а именно: С. И. Зелепому, А. С. Павлову, Н. С. Тихоправову и В. Г. Васильевскому присудила золотыя Уваровскія медали.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Изъ Средней Германіи.

Несправедливо уприскають германскій народъ въ томъ, что, возгордившись одержанными въ войну 1870—1871 года побѣдами и выказывая, обидный для безпристрастнаго наблюдателя образомъ, кичливый патріотизмъ, онъ болѣе не припимасть живаго участія въ великой мирной борьбѣ народовъ на пользу просвѣщенія, а вмѣсто того, предастся суетному самообожанію, псебуздапному стремленію къ легкой наживѣ и ненасытной страсти къ наслажденіямъ. Упрекъ этотъ, повторяемъ, невѣренъ, а потому и несправедливъ. Конечно, великіе и нежданые успѣхи войны упонительно повліяли на немалую часть народа; правда, лихорадочная страсть къ спекуляціямъ ослѣпила не только купцовъ и промышленниковъ, но заразила значительную часть публики; тѣмъ не менѣе народъ нашъ, даже въ періодъ наисильнѣйшаго опьяненія отъ побѣдъ, никогда не терялъ вполне сознанія, что останавливаться на пріобрѣтенныхъ на почвѣ умственнаго развитія успѣхахъ нельзя, а слѣдуетъ стремиться впередъ. Со временемъ великихъ побѣдъ именно совпадаютъ подготовительныя работы къ учрежденію „Общества для распространенія народнаго просвѣщенія“ (*Gesellschaft für Verbreitung von Volksbildung*), а въ мартѣ 1871 года было напечатано, сперва въ Берлинскихъ газетахъ, воззваніе значительныхъ лицъ въ пользу учрежденія этого общества. Въ этомъ воззваніи сказано: „въ томъ согласны наблюдательные умы всѣхъ народовъ, что безпримѣрныя дѣлнія германской арміи зяждутся на господствующемъ въ ней умственномъ развитіи и образованіи, изъ коихъ одповременно возникъ богатый источникъ высокой нравственной силы. Мы теперь подорвали бы въ самомъ корнѣ великіе успѣхи нашихъ дней, еслибъ они соблазнили насъ къ тщеславному самообольщенію. Напротивъ, возстаповлеанный

ный миръ долженъ застать насъ готовыми къ строжайшему самоиспытанію и къ возобновленію съ новыми силами дѣла просвѣщенія, насильственно, противъ воли пашей, прерваннаго войной. На первомъ планѣ въ этомъ дѣлѣ должна быть забота о всеобщемъ народномъ образованіи. Въ этомъ отношеніи у насъ, въ Германіи, уже сдѣлано не мало; съ нѣкотораго времени въ разныхъ городахъ организовались центры для распространенія просвѣщенія подъ именемъ образовательныхъ, рабочихъ, ремесленныхъ и промышленныхъ обществъ, значительно поднявшихъ нравственный и умственный уровень большинства своихъ членовъ. Примѣры Берлина, Бремена, Эльберфельда, Бармена и другихъ городовъ доказали, на сколько подобные общества могутъ процвѣтать. Въ настоящее время они существуютъ преимущественно въ большихъ городахъ и городахъ съ среднимъ населеніемъ, но не находятся въ связи одно съ другимъ, такъ что пока еще невозможно обобщеніе сдѣланныхъ ими наблюденій“. Уже 14-го іюля того же 1871 года созвано было общее учредительное собраніе. Слѣдующіе затѣмъ мѣсяцы оказались весьма неблагоприятными учрежденію и процвѣтанію новаго и широко задуманнаго предпріятія, имѣвшаго цѣлю стать центромъ свободнаго умственнаго развитія Германіи. Образовательные кружки, сильно подорванные вслѣдствіе того обстоятельства, что многіе изъ ихъ членовъ должны были вновь взяться за оружіе и сдѣлаться жертвами войны, бездѣйствовали болѣе или менѣе во всей Германіи. Соціально-демократическая партія, воспламененная кратковременною властію безумной Парижской коммуны, равно какъ іезуитско-клерикальная партія, вооружившаяся новымъ догматомъ непогрѣшимости и раздраженная надсіемъ Прусской Области, вслѣдствіе образованія Германской Имперіи, вступили въ борьбу съ новымъ порядкомъ вещей. Эти обстоятельства не скрылись отъ учредителей Общества, и побудили ихъ къ еще болѣе энергической дѣятельности. Но главное затрудненіе, съ коимъ вновь учрежденному Обществу пришлось бороться, заключалось въ томъ, что послѣ войны, на которую было потрачено столько нравственныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, наступило весьма понятное утомленіе, апатія, и притомъ болѣе проявлялась она у людей самыхъ дѣятельныхъ. Не смотря на столь неблагоприятныя обстоятельства, люди, взявшіеся за дѣло распространенія и наибольшаго укорененія народнаго образованія, не теряли духа. Особенную неутомимость въ этомъ отношеніи выказалъ главный секретарь (General-Secretär) Общества д-ръ Францъ Лейбингъ, усиливъ коего Общество обязано тѣмъ, что въ сентябрѣ

оно насчитывало слишкомъ 400 личныхъ и 30 корпоративныхъ членовъ. Но прежде чѣмъ укажу, на основаніи опубликованныхъ отчетовъ, на дѣятельность Общества и на быстрое его возрастаніе, я познакомлю читателя поближе съ его организаціей.

Уставъ Общества (постановленія котораго я сообщаю по послѣдней его редакціи, 20-го декабря 1875 г. ¹⁾) обращаетъ на себя особенное вниманіе тѣмъ, что представляетъ весьма счастливое и цѣлесообразное сочетаніе системъ центральнаго и мѣстнаго управленія. Отсюда не предполагается подвести стремленія къ просвѣщенію отдѣльныхъ областей подъ одинъ и тотъ же регламентъ и втиснуть ихъ въ однообразную форму. Напротивъ, въ составъ главнаго Общества входятъ многія меньшія, а также ассоціаціи, которыя совершенно свободно стремятся къ достиженію одинаковой цѣли—распространенію образованія. Цѣль центральнаго Общества состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы вызывать возникновеніе мѣстныхъ обществъ и затѣмъ поддерживать ихъ дѣятельность нравственно и матеріально.

Важнѣйшія постановленія устава слѣдующія: § 1. Общество для распространенія народнаго просвѣщенія находится въ Берлинѣ. Оно имѣетъ цѣлю: людямъ, кои, въ дѣтскомъ возрастѣ, въ начальныхъ школахъ, получили лишь первыя основы образованія, доставлять и впослѣдствіи средства къ дальнѣйшему образованію, дабы тѣмъ дать имъ возможность наилучшаго уразумѣнія и исполненія своихъ обязанностей по отношенію къ государству и обществу.

§ 2. Общество стремится къ достиженію своей цѣли повсемѣстнаго въ Германской Имперіи распространенія просвѣщенія: а) посредствомъ обсужденія въ публичныхъ собраніяхъ вопросовъ о свободномъ народномъ образованіи; б) поощреніемъ и поддержкой существующихъ образовательныхъ и тому подобныхъ кружковъ, содѣйствіемъ къ учрежденію школъ для дальнѣйшаго образованія (Fortbildungsschulen), книжныхъ складовъ, читальныхъ залъ и т. п., привлеченіемъ учителей, учрежденіемъ публичныхъ чтеній и вообще всего, что можетъ принести пользу дѣлу народнаго образованія; в) оживленіемъ интереса къ задачамъ народной школы и развитію ея сообразно съ требованіями времени, и въ особенности школъ даль-

¹⁾ По одобреніи этой редакціи подлежащими правительственными учрежденіями, Обществу были дарованы, Высочайшимъ указомъ короля Прусскаго, 8-го апрѣля 1876 г., права юридическаго лица.

нѣйшаго образованія (Fortbildungsschule); г) посредствомъ вліянія на различные кружки, имѣющіе задачей возвышеніе уровня народнаго образованія; д) издаваніемъ періодическаго журнала; е) составленіемъ и распространеніемъ летучихъ статей, съ цѣлію способствовать умственному и нравственному развитію народа; з) командировкою странствующихъ учителей (Ausendung von Wanderlehrern).

§ 3. Въ средѣ Общества могутъ, согласно съ постановленіями постояннаго устава, образовываться спеціальныя отдѣленія его.

§ 4. Членомъ общества считается лицо, письменно заявившее старшинамъ Общества, или одного изъ его отдѣленій, о своемъ присоединеніи къ нему, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлавшее годовой взносъ или вносшее разъ навсегда сумму въ 300 марокъ. Этимъ способомъ и женщины могутъ воспользоваться всѣми правами дѣйствительнаго члена.

§ 5. Вносимая впередъ годичная плата зависитъ отъ объявленнаго самимъ вступающимъ въ Общество лицомъ капитала, однако должна составить по крайней мѣрѣ 6 марокъ. Самостоятельные кружки (selbständige Vereine) могутъ присоединяться къ Обществу, какъ корпораціонные члены и въ этомъ случаѣ вносить плату, взимаемую съ одного отдѣльнаго лица. Лица, могущія быть полезными Обществу какъ учителя, спеціалисты и т. п., могутъ быть принимаемы въ число членовъ безъ всякаго взноса.

§ 6. Право членства прекращается: а) смертію, б) невзносомъ платы, в) письменнымъ отказомъ.

§ 7. Общество управляется центральнымъ комитетомъ изъ выбранныхъ (Centralausschuss), засѣдающимъ въ Берлинѣ.

§ 8. Центральныи комитетъ состоитъ изъ: 1) по крайней мѣрѣ 36 членовъ, выбираемыхъ въ общемъ собраніи посредствомъ закрытой баллотировки на трехгодичный срокъ; выбывающіе члены могутъ быть вновь избраны; 2) первоприсутствующихъ (или заступящихъ ихъ мѣсто) окружныхъ отдѣленій; 3) изъ членовъ, выборъ коихъ одобренъ центральнымъ комитетомъ. Выбранные такимъ образомъ члены несутъ свои обязанности до слѣдующаго общаго собранія, въ коемъ происходятъ новые выборы членовъ комитета.

§ 9. Центральныи комитетъ, имѣющій ежемѣсячно одно обыкновенное собраніе, рѣшаетъ всѣ тѣ вопросы, обсужденіе коихъ не подлежитъ общему собранію и старшинамъ, и распоряжается средствами Общества для нуждъ его, по большинству голосовъ. Для того, чтобы рѣшенія имѣли силу, необходимо присутствіе по крайней мѣрѣ семи

членовъ. Обь очередныхъ дѣлахъ, подлежащихъ обсужденію въ общихъ собраніяхъ, члены, находящіеся въ другихъ городахъ, должны быть оповѣщаемы по крайней мѣрѣ за восемь дней. Безъ циркулярнаго запроса членовъ, живущихъ въ другихъ городахъ, центральный комитетъ можетъ распоряжаться лишь суммами до 1500 марокъ. Члены центрального комитета вознаграждаются за поручаемые имъ комитетомъ разѣзды.

§ 10. Веденіе текущихъ дѣлъ и исполненіе по состоявшимся постановленіямъ центральный комитетъ поручаетъ пяти избраннымъ имъ и находящимся подъ его контролемъ старшинамъ!

Предсѣдателю общества, его товарищу, какъ заступающему въ случаѣ надобности его мѣсто, сивдику, казначею, генеральному секретарю. Старшины представляютъ общество по всѣмъ его дѣламъ. Для рѣшеній по дѣламъ, кои имѣли бы обязательную силу для Общества, нужно участіе въ нихъ трехъ выборныхъ старшинъ, въ томъ числѣ предсѣдателя или его помощника.

§ 11. Избранный центральнымъ комитетомъ генеральный секретарь ведетъ дѣла по указанію старшинъ. Особенному же попеченію его ввѣрена редакція издаваемого Обществомъ листка и сношеніе съ печатью.

§ 12. Казначей ежегодно составляетъ кассовый отчетъ, который провѣряется назначенною послѣднимъ общимъ собраніемъ ревизионною комиссіею, состоящею по крайней мѣрѣ изъ пяти членовъ, и представляется ею слѣдующему общему собранію.

§ 14. Члены общества, живущіе въ одномъ и томъ же мѣстѣ, могутъ образовать изъ себя отдѣльный кружокъ (Zweigverein).

§ 15. Равнымъ образомъ дозволено членамъ общества образовывать изъ своей среды въ болѣе отдаленномъ округѣ, провинціи, или области отдѣльныя окружныя, провинціальныя или областныя общества.

§ 16. Общества эти управляются при выборѣ старшинъ, отдѣльными для каждаго изъ нихъ уставами и члены ихъ имѣютъ ближайшею цѣлію нечисль о народномъ образованіи въ предѣлахъ того округа, къ коему они принадлежать.

§ 17. Съ того времени, какъ уставы этихъ обществъ будутъ признаны центральнымъ обществомъ, предсѣдатели ихъ получаютъ право засѣданія и голоса въ центральномъ комитетѣ, между тѣмъ какъ предсѣдатели малыхъ кружковъ (Zweigvereine) лишь въ томъ случаѣ

могутъ приобрести это право, когда кружки эти не принадлежатъ къ окружному обществу и имѣютъ не менѣе ста членовъ.

§ 18. Отдѣльныя общества и малые кружки (Zweigvereine) собираютъ взносы съ своихъ членовъ и представляютъ ихъ центральному комитету за вычетомъ разрѣшенной сумъ послѣднимъ части этихъ взносовъ на покрытие собственныхъ нуждъ.

§ 19. Отдѣльныя общества и малые кружки обязаны доносить ежегодно центральному комитету о своей дѣятельности и принимать участіе въ исполненіи рѣшеній и распоряженій комитета.

§ 20—23. Въ общее собраніе, которое созывается ежегодно не позже 1-го сентября, должны быть вносимы слѣдующія дѣла: а) отчетъ о дѣятельности общества за истекшій годъ, б) денежный отчетъ, в) пополненіе или выборъ членовъ центрального комитета и выборъ предсѣдателя его. Измѣненія въ уставахъ могутъ послѣдовать не иначе, какъ съ согласіемъ общаго собранія.

§ 24. Чрезвычайное общее собраніе должно быть созвано въ теченіе мѣсяца, если по крайней мѣрѣ триста членовъ будутъ просить о томъ центральный комитетъ, съ указаніемъ предметовъ, которые они желаютъ внести въ собраніе; сверхъ того, обыкновенное общее собраніе можетъ во всякое время созывать чрезвычайное собраніе.

§ 25. Опредѣленія объ измѣненіи уставовъ, мѣстопребыванія общества или расширенія его круга дѣятельности, равно какъ закрытія его, должны быть утверждены высшею мѣстною властію. Прочія измѣненія въ уставахъ зависятъ отъ согласія на то оберъ-президента провинціи Бранденбурга.

§ 26. Въ случаѣ закрытія общества, имущество его передается, съ его разрѣшенія, одному или нѣсколькимъ обществамъ, цѣль коихъ распространить народное просвѣщеніе.

§ 27. Журналы собраній центрального комитета и старшинъ ведутся генеральнымъ секретаремъ; журналы общаго собранія — нотаріусомъ.

§ 28. Имуществомъ Общества управляютъ, по его указаніямъ и подъ контролемъ центрального комитета или общаго собранія, старшины. Капиталы, не потребныя на текущіе расходы, должны храниться лишь въ вѣрныхъ, привосящихъ опредѣленный процентъ бумагахъ или обезпечены ипотечными залогами.

Слѣдующія замѣтки могутъ дать болѣе ясное понятіе объ организаціи общества и его дѣятельности. Стремленіе къ распространенію народнаго образованія, составляя дѣятельность умственную, отли-

частся спеціально-педагогическимъ характеромъ. Чисто механической образъ дѣйствій въ этомъ отношеніи не можетъ повести къ благопріятнымъ результатамъ: тутъ необходимо личное вліяніе одного человека на другаго. Но такъ какъ для такого вліянія требуется точное знакомство съ условіями известной мѣстности и ея потребностями, то общество совершенно справедливо раздѣлило дѣятельность своихъ членовъ между различными мѣстностями. Центральное же учрежденіе общества имѣетъ лишь высшій надзоръ за ходомъ народнаго образованія и печется о томъ, чтобы члены его дѣйствовали вездѣ въ одномъ духѣ. Кроме того, оно оказываетъ имъ всякаго рода помощь разсылкою страстующихъ учителей (Wanderlehrer), содѣйствіемъ къ дешевой покупкѣ книгъ и т. д. Мѣстные общества бываютъ двоякаго рода: отдѣленіе главнаго (Zweigverein), или окружныя (Bezirks-Landes-Verbände).

Важнѣйшія постановленія объ отдѣленіяхъ общества (Zweigverein) суть слѣдующія:

§ 1. Члены (главнаго) общества распространенія народнаго просвѣщенія, помѣщающагося въ Берлинѣ, живущіе въ городѣ... и его окрестностяхъ, соединяются для устройства малаго общества (Zweigverein), которое засѣдаетъ въ...

§ 2. Малое общество преслѣдуетъ цѣли, указанныя въ уставѣ (главнаго) общества, но имѣетъ своею особенною задачею, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, возвышеніе уровня образованія и матеріальнаго быта народныхъ учителей, устройство и содержаніе школъ.

§ 5. Собраніе получаетъ для себя необходимыя средства: а) правильнымъ взносомъ своихъ членовъ, б) другими способами, или припошеніями со стороны частныхъ лицъ и пр.

§§ до 12 касаются комитета, старшинъ (кои должны состоять изъ предсѣдателя, его товарища, секретаря и казначея) и общаго собранія.

§ 13. Собраніе посещъ въ отношеніи къ главному обществу обязанности, указанныя въ § 16 — 18 устава сего послѣдняго, и передаетъ ежегодно центральному комитету въ Берлинѣ часть членскихъ взносовъ. Вслѣдствіе этихъ въ высшей степени полезныхъ постановленій, ревнители народнаго образованія могутъ сами дать, по своему крайнему разумѣнію, назначеніе большей части собранныхъ съ нихъ денегъ; кроме того, они дѣйствуютъ во всякомъ важномъ обстоятель-

1) Статьи, согласныя съ уставомъ центрального общества, опущены.

стиѣ не въ одиночку, а постоянно находятъ поддержку со стороны главнаго общества. Девятнадцать малыхъ Обществъ, насчитываемыхъ въ годовичномъ отчетѣ за 1875 г., имѣли въ распоряженіи своемъ слишкомъ 50—90 процентовъ съ члѣпскихъ взносовъ. Предсѣдатели малыхъ обществъ, имѣющихъ по крайней мѣрѣ 100 членовъ, приобретаютъ право засѣданія и голоса въ центральномъ комитетѣ въ Берлинѣ.

Въ предѣлахъ болѣе обширнаго округа (провинціи) члены общества и малыхъ обществъ могутъ образовать окружной (провинціальный) союзъ. Первые два параграфа устава подобныхъ союзовъ гласятъ:

§ 1. Союзъ, дѣйствуя вополнѣ самостоятельно въ предѣлахъ своего округа, вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживаетъ центральный комитетъ Общества въ его дѣятельности и исполняетъ возлагаемыя на него обществомъ порученія. Сверхъ указанныхъ въ § 2 устава задачъ, собраніе, въ виду особенныхъ мѣстныхъ потребностей округа (провинціи), постоянно будетъ принимать дѣятельное участіе въ слѣдующихъ вопросахъ:

§ 2. Право быть членомъ союза приобретается заявленіемъ его комитету. Члены находятся въ зависимости отъ членовъ центрального собранія, и въ число сихъ послѣднихъ можно вступить, заявивъ о томъ непосредственно комитету и сдѣлавъ годовой взносъ. Прочія постановленія почти буквально согласуются съ постановленіями уставовъ главнаго и малыхъ обществъ.

Послѣдній отчетъ насчитываетъ восемь такихъ союзовъ: 1) союзъ Маркъ-Лаузицкаго округа, съ 22 корпоративными и 46 дѣйствительными (persönlichen) членами; 2) Померанскій провинціальный союзъ, состоящій изъ 37 корпоративныхъ и 114 дѣйствительныхъ членовъ; 3) Прусскій провинціальный союзъ съ 44 корпоративными и 132 дѣйствительными членами; 4) Рейнско-Вестфальскій окружной союзъ, состоящій изъ 44 корпоративныхъ членовъ; 5) союзъ герцогства Рейсъ (старшая линія) съ 9 корпоративными и 53 дѣйствительными членами; 6) союзъ Магдебурга, съ Ангальтомъ и Брауншвейгомъ, состоящій изъ 44 корпоративныхъ и 1 дѣйствительнаго члена; 7) союзъ провинціи Силезіи, съ 70 корпоративными и 150 дѣйствительными членами; 8) союзъ въ королевствѣ Саксонскомъ, въ коемъ, кромѣ пяти малыхъ обществъ (съ 932 членами), считается 70 корпоративныхъ и 83 дѣйствительные члена.—Затѣмъ къ 8 союзамъ принадлежатъ 341 корпоративныхъ и 579 дѣйствительныхъ членовъ. Дѣйствительными

членами (будутъ ли они непосредственно принадлежать къ обществу, или же состоятъ членами малыхъ обществъ или союзовъ) считаются тѣ лица, кои стремятся способствовать дѣлу народнаго образованія своимъ личнымъ участіемъ; лица же, кои желаютъ себя самихъ образовывать, вступаютъ въ образовательныя, промышленныя, ремесленныя, рабочіе, купеческіе и тому подобныя кружки.

Такой кружокъ, посредствомъ ежегоднаго взноса не менѣе 6 марокъ, становится корпоративнымъ членомъ и пользуется всѣми доставляемыми обществомъ средствами для народнаго образованія.

Нормальнымъ уставомъ такихъ кружковъ, находящихся въ Силезскомъ провинціальномъ союзѣ, постановлено:

§ 1. Народнообразовательный кружокъ имѣетъ цѣлю распространіе образованія какъ общаго, такъ и сообразнаго съ призваніемъ каждаго, и заботится о поддержаніи доброй нравственности своихъ членовъ.

§ 2. Къ достиженію этой цѣли представляются слѣдующія средства: а) поучительныя чтенія и бесѣды, съ цѣлю возбудить охоту къ образованію; б) распространіе полезныхъ народныхъ книгъ, устройство народной библіотеки и читальни; в) обученіе народа, для поддержки и распространенія въ немъ элементарныхъ познаній; не исключаются пѣніе и упражненія въ гимнастикѣ; г) заботы объ устройствѣ и поддержкѣ школы для дальнѣйшаго образованія, сообразно съ мѣстными условіями, равно какъ о процвѣтаніи уже существующихъ школъ.

§ 3. Всякое лицо съ хорошею нравственностію и граждански правоспособное, можетъ вступить въ члены кружка. (Не совершеннолѣтніе¹⁾), не представившіе облеченнаго въ законную форму дозволенія своихъ родителей и опекуновъ на вступленіе въ члены, допускаются какъ *участующіе*, если ими будутъ исполняемы всѣ требующіяся уставомъ обязанности.

§ 4. Дозволеніе поступить въ число членовъ дается старшинами.

§ 5. Членство прекращается съ потерю условій, необходимыхъ для вступленія въ него, или вслѣдствіе трехмѣсячной недоявки, числящейся на членѣ. Кроме того оно можетъ быть прекращено навсегда или временно вслѣдствіе нарушенія установленныхъ союзомъ

¹⁾ Въ силу этого пункта дается подмастерьямъ, ученикамъ и т. п. возможность слушать публичныя чтенія и пользоваться всѣми образовательными пособиями союза.

порядковъ или вслѣдствіе дурной нравственности. Выбывшіе или исключенные члены лишаются участія въ капиталѣ союза.

§§ 7 и 8 касаются старшинъ и ревизоровъ кассы. Въ должности при союзѣ могутъ быть избираемы лишь лица, коимъ минуло 24 года. Число корпоративныхъ членовъ составляло въ концѣ 1875 года 645; изъ нихъ Прусское королевство насчитывало 398, Саксонія 85, Баварія 31, Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахъ 19, великое герцогство Гессенское 16, Брауншвейгъ и Саксенъ-Мейнингенъ — каждое по 11, великое герцогство Баденское 10, княжества Рейсъ (старшая и младшая линія) также 10 и т. д.

Послѣ этихъ замѣтокъ, касающихся скорѣе внѣшней стороны общества, постараюсь изложить настоящую его дѣятельность.

1) *Изданія Общества.* Съ сентября 1871 г. Общество издаетъ свой періодическій журналъ, подъ заглавіемъ: „Образовательный Союзъ, центральный листокъ для дальнѣйшаго образованія въ Германіи“. Журналъ этотъ появлялся сперва разъ въ мѣсяцъ, съ 1-го іюля 1872 г. два раза въ мѣсяцъ, съ 1-го же октября 1873 г. онъ обратился въ еженедѣльное изданіе. Журналъ имѣетъ цѣлю нравственно связать всѣ германскіе союзы, преслѣдующіе образовательныя цѣли. Онъ содѣйствуетъ поддержанію служебныхъ отношеній отдѣльныхъ корпоративныхъ членовъ между собой; кромѣ того помѣщаетъ постоянно отчеты о дѣятельности центрального комитета, малыхъ обществъ, союзовъ и корпоративныхъ членовъ и такимъ образомъ даетъ каждому отдѣльному союзу возможность воспользоваться улучшениями, признанными опытомъ. Постоянное обсужденіе книгъ, достойныхъ рекомендаціи, оживляетъ интересъ образовательныхъ союзовъ къ новымъ литературнымъ произведеніямъ и способствуютъ правильному выбору книгъ, приобретаемыхъ для ихъ библиотекъ. Съ 1873 года журналъ помѣщаетъ общедоступныя статьи. Такое обогащеніе журнала относительно его содержанія имѣетъ весьма важное значеніе для многочисленныхъ болѣе мелкихъ союзовъ, которымъ обременительно постоянно приобретать статьи поучительнаго содержанія; такія статьи читались даже въ средѣ болѣе обширныхъ союзовъ и доставляли обильный матеріалъ для полезныхъ и оживляющихъ бесѣдъ. Издаваемый Обществомъ съ 1873 года календарь Германской Имперіи (Deutscher Reichskalender) встрѣтилъ большое сочувствіе, благодаря его богатому поучительному и занимательному содержанію, такъ что въ 1875 году было продано болѣе 90.000 экземпляровъ его. Филиальный союзъ въ Циттау (въ королевствѣ Саксон-

скомъ) продолжалъ начатое въ прежніе годы изданіе доступныхъ народу поученій, озаглавивъ это изданіе: „Образовательные листки для Германскаго народа“ (до сихъ поръ издано 18 тетрадей). Филиальный союзъ въ Лейпцигѣ издалъ поученія подъ заглавіемъ: „Собраніе общепользныхъ поученій, издаваемыхъ Лейпцигскимъ филиальнымъ отдѣленіемъ Общества распространенія народнаго просвѣщенія“, а также Лейпцигскій народный календарь. Прусскій провинціальный союзъ переработалъ въ доступной формѣ повременное изданіе подъ заглавіемъ: „Союзный отчетъ, сообщенія Прусскаго провинціального Союза Общества распространенія народнаго просвѣщенія“.

2) *Народныя бібліотеки.* При устройствѣ книжныхъ складовъ Общество прежде всего старалось руководить совѣтами и указаніями своихъ корпоративныхъ членовъ. Въ 1872 г. былъ изданъ, а въ 1875 г. пополненъ списокъ книгъ, рекомендуемыхъ для чтенія. Третье, исправленное изданіе этого списка, которое выйдетъ въ непродолжительномъ времени, будетъ содержать въ себѣ также наставленіе къ устройству и управленію народныхъ бібліотекъ, равно какъ всѣ необходимыя для бібліотеки образцы книгъ. Сверхъ того генеральный секретариатъ не отказывалъ союзамъ въ спеціальныхъ по этому дѣлу совѣтахъ. Вслѣдствіе оптовыхъ заказовъ и особыхъ соглашеній съ издателями, центральное Общество нашло возможнымъ доставлять своимъ членамъ, особенно корпоративнымъ, книги по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ. Большое количество книгъ, подаренныхъ издателями или самими авторами, были безвозмездно розданы бібліотекамъ корпоративныхъ членовъ. Меньше значительныя и болѣе бѣдныя образовательныя и др. кружки также получили въ даръ отъ союзовъ и общества купленные ими послѣдними книги. Изъ 416 корпоративныхъ членовъ, о коихъ мы имѣемъ свѣдѣнія, 313 владѣли бібліотеками. Число находящихся въ нихъ книгъ составляло 170.720. Королевско-Саксонское правительство назначило въ пользу Общества 15.000 марокъ для учрежденія и содержанія народныхъ бібліотекъ.

Изъ филиальныхъ союзовъ особенно дѣятельнымъ оказался Бременскій, вновь учредившій въ прошедшемъ году двѣ городскія народныя бібліотеки, 52 бібліотеки для молодыхъ людей, воспитывающихся въ сельскихъ школахъ, и 9 общинныхъ, такъ что, благодаря дѣятельности этого союза, по настоящее время устроены 124 сельскихъ бібліотекъ училищныхъ и 20 общинныхъ. Цѣлесообразное устройство бібліотекъ и улучшеніе ихъ встрѣчаетъ не малое затрудненіе въ томъ, что при покупкѣ книгъ постоянно слѣдуетъ имѣть въ виду

потребности народа. Дабы правильно уяснить себѣ взглядъ на это дѣло, необходимо, чтобы всѣ бібліотеки, каждая отъ себя, собирали статистическія данныя о степени спроса тѣхъ или другихъ книгъ.

3. *Чтенія.* Поученіе посредствомъ живой рѣчи всегда признавалось Обществомъ за лучшее средство къ достиженію предполагаемой имъ цѣли. Филиальныя кружки, окружныя общества и центральный комитетъ обратили все свое вниманіе на устройство публичныхъ чтеній, имѣющихъ цѣлю поученіе народа, нравственное его усовершенствованіе и побужденіе къ умственной самодѣятельности. Въ распоряженіи центрального общества исключительно для этой цѣли состояло два странствующихъ учителя. Одинъ изъ нихъ, Юлій Келлеръ, прочиталъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ 103 лекціи въ 99 разныхъ мѣстахъ, между прочимъ на слѣдующія темы: 1) цѣли общества распространенія народнаго просвѣщенія и средства къ ихъ достиженію; 2) народное образованіе; 3) необходимость расширенія народнаго образованія; 4) значеніе народнаго образованія въ научномъ, общественномъ и политическомъ отношеніяхъ; 5) домашнее воспитаніе и общее образованіе; 6) вліяніе матери на семью и воспитаніе; 7) школа для дальнѣйшаго образованія; 8) социальная демократія¹⁾; 9) социальный вопросъ; 10) разница между современными социальными партіями; 11) помощь отъ правительства и самопомощь; 12) принудительныя кассы, обязательныя взносы въ кассы и свободныя вспомогательныя кассы; 13) капиталъ и трудъ; 14) практическіе совѣты для возвышенія рабочаго класса и средняго сословія; 15) главныя условія для процвѣтанія промысловъ страны 16) какимъ способомъ поднять деревенскій бытъ? 17) дѣйствительныя консервативныя интересы германскаго народа въ хозяйственномъ и религіозномъ отношеніи; 18) возрожденіе Германіи; 19) самоуправленіе; 20) бытъ подмастерьевъ; 21) сословіе ремесленниковъ въ средніе вѣка и въ наше время; и т. д.

Другой странствующій учитель, Юлій Линпертъ, въ настоящее время генеральный секретарь Общества, прочелъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ 48 лекцій, въ столькихъ же мѣстахъ, какъ вышепавшій учитель, между прочимъ, о слѣдующихъ предметахъ: 1) цѣль и средства

¹⁾ Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что общество всѣми силами борется противъ лжеученія социальной демократіи, вслѣдствіе чего оно подвергается сильными нападеніями со стороны социалистовъ. Уже по этой причинѣ оно заслуживаетъ поддержки всѣхъ мыслящихъ патриотовъ.

образовательнаго союза; 2) цѣли народнаго воспитанія; 3) къ вопросу о развитіи ультрамонтанства въ южной Германіи; 4) полезныя пасѣкомыя; 5) лѣсные сторожа; 6) объ инстинктѣ, и т. д.

Съ пѣкоторыми лицами были заключены условія частію центральнымъ союзомъ, частію окружными обществами и союзами, относительно устройства лекцій на назначенныя темы. Не мало также было прочитано лекцій членами Общества, особенно учителями, по собственному ихъ побужденію и притомъ безвозмездно. Всего было прочитано въ 1874—1875 гг. 6.295 лекцій.

4. *Школы для дальнѣйшаго образованія.* Общество, съ самаго своего основанія, постоянно заботилось объ устройствѣ школъ для дальнѣйшаго образованія и ихъ процвѣтанія. Хотя школы эти уже существуютъ по всѣмъ частямъ Германской Имперіи, тѣмъ не менѣе заботы о процвѣтаніи ихъ со стороны Общества не были излишними и принесли свою пользу. Такъ, въ минувшемъ году болѣе 90 союзовъ принимали участіе въ дѣлѣ развитія этихъ школъ, 68 союзовъ содержали ихъ на свой счетъ и 23 союза оказывали имъ помощь. Въ особенности заслуживаетъ вниманія дѣятельность Померанскаго провинціального союза, имѣющаго на своемъ попеченіи 11 школъ дальнѣйшаго образованія и одну образцовую рисовальную школу для дѣвицъ, такъ какъ мѣстные условія провинціи Помераніи менѣе благопріятны дѣлу обязательнаго посѣщенія такихъ школъ. Центральнѣйшій комитетъ самъ запитъ былъ вопросомъ о школахъ дальнѣйшаго образованія для лицъ женскаго пола и учредилъ въ Берлинѣ, благодаря значительному пособію со стороны центрального союза для блага рабочихъ классовъ и союза противъ нищеты, женскую школу дальнѣйшаго образованія, которая однако могла быть открыта лишь въ текущемъ (1876) году. При самомъ открытіи ея число желающихъ учиться превзошло всѣ ожиданія, возростал все болѣе и болѣе. Сверхъ поименованныхъ школъ, существуетъ еще женская школа дальнѣйшаго образованія, въ вѣдѣніи Висбаденскаго союза.

5. *Народный музей.* Справедливо сознавая, какъ полезно вліяетъ на развитіе понятій простолюдина наглядность предметовъ, Общество приобрѣло въ концѣ лѣта 1876 г. составленный въ Геттингенѣ докторомъ Юліемъ Постомъ народный музей. Отдѣльныя части этого музея упакованы въ ящики такъ, что могутъ быть безъ вреда перевозимы съ мѣста на мѣсто. Отдѣльные союзы, желающіе пользоваться коллекціями музея, вносятъ въ центральный комитетъ небольшую сумму (Miethgeld), для постепеннаго погашенія затраченной на по-

кунку музея суммы, и сверхъ того принимаютъ на себя расходы по перевозкѣ. Расходы эти значительно сокращаются вслѣдствіе того обстоятельства, что обыкновенно находящіеся въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи образовательныя, ремесленныя и т. п. союзы сообща выписываютъ одно или нѣсколько отдѣленій музея, и поочередно пользуются ими, такъ что за перевозку ихъ въ извѣстную мѣстность изъ Берлина и обратно приходится платить одинъ только разъ. Музей въ настоящее время состоитъ изъ семи отдѣленій:

I. Астрономическій отдѣлъ: 1) глобусъ небеснаго свода; 2) подвижной глобусъ, малый и большой, планетной системы; 3) теллурий и лунарий съ механизмомъ; 4) приборъ, изображающій движеніе луны; 5) три астрономическія карты и т. д.

II. Анатомическій отдѣлъ (модели сдѣланы подъ руководствомъ покойнаго лейпцигскаго профессора Бока): 1) туловище ребенка съ внутренностями груди и живота; 2) продольная половина головы; 3) разрѣзъ головы; 4) голова съ мозгомъ; 5) модель глаза; 6) слуховыя органы; 7) модель гортани; 8) легкія съ сердцемъ; 9) сердце; 10) мышца съ рукой; 11) нога со ступней; 12) рука; 13) нога; 14) нижняя челюсть съ зубами; 15) суставъ; 16) кожа, въ увеличенномъ видѣ приблизительно въ 150 разъ, изображающая главныя ея слои; 17) скелетъ.

III. Микроскопическій отдѣлъ: 1) модель микроскопа; 2) микроскопъ съ фотографіей; 3) восемь револьверообразныхъ микроскоповъ, съ шестью препаратами каждый; 4) лампа, составляющая предметъ микроскопическаго отдѣла.

IV. Стереоскопическій отдѣлъ: 1) восемь револьверообразныхъ стереоскоповъ; 2) двѣнадцать стереоскоповъ съ подставками и лампой; 3) калейдоскопъ.

V. Мануфактурный отдѣлъ: 1) изображеніе орнаментовъ архитектурныхъ предметовъ и предметовъ мануфактурнаго искусства на восьми подвижныхъ доскахъ, съ подставками и лампой; 2) музей современнаго художественнаго промысла.

VI. Физическій отдѣлъ содержитъ въ себѣ тѣ приборы, модели и машины, посредствомъ коихъ наглядно объясняются важнѣйшіе законы природы и ихъ примѣненіе путемъ опыта къ практической жизни, какъ, напримѣръ, приборъ, изображающій центробѣжную силу; воздушный насосъ; накачивающій насосъ; всасывающій насосъ; приборъ съ коловратнымъ движеніемъ, служащій для объясненія производныхъ цвѣтовъ, съ семью цвѣтными пластинками; электрическая машина;

индукціонный приборъ; телеграфъ Морзе съ клавишами; телеграфъ со стрѣлкой, съ ключомъ; приборъ гальванопластики; электрическій звонокъ; небольшая образцовая паровая машина, паровой молотъ; водочиняющій приборъ, паровой кранъ; подвижная модель локомотива, въ поперечномъ разрѣзѣ; поперечная модель паровой машины; модель прилки; семь стѣнныхъ досокъ для физики, профессора Бонна; хлопчатобумажное растеніе и обработка его; пчела и пчеловодство и проч.

VII. Скіоптиконъ. Скіоптиконъ (усовершенствованный волшебный фонарь), возбуждвшій уже въ разныхъ мѣстностяхъ большой интересъ, служить средствомъ пріохотить къ изученію физики. Обращеніе съ этимъ приборомъ весьма просто. Приспособленная къ нему галерея, отдѣляющая пространство, въ коемъ работаетъ фонарь, отъ пространства, занимаемаго зрителемъ, можетъ быть въ нѣсколько минутъ укрѣплена въ какомъ угодно мѣстѣ и также скоро снята. Часто посредствомъ скіоптикона показывалось около 120 картинныхъ изображеній и представленіе ихъ занимало нѣсколько вечеровъ. Къ каждой картинѣ приложенъ возможно подробный объяснительный текстъ. Предметы поучительныхъ картинныхъ изображеній скіоптикона слѣдующіе: а) по части естественной исторіи: 1) комнатная муха; 2) дрова и ихъ исторія; 3) моль въ шубѣ; 14) водяная саламандра; 5) науки въ углу; 6) подъ землею; 7) сверчокъ въ зерновомъ полѣ; 8) полевая мышь; 9) жаворонокъ и его сотоварищи; 10) какимъ образомъ бабочка сохраняетъ свою одежду; 11) щука въ пруду; 12) виноградная вошь, трихина, собачья блоха, постельный клопъ, чесоточный червякъ; 13) левъ, тигръ, барсъ, волкъ; 14) глазъ; 15) ландшафтъ при лунномъ освѣщеніи. б) Историко-географическаго содержанія: 1) Геркуланъ и Помпея; 2) прогулка по улицѣ „Подъ липами“ въ Берлинѣ; 3) статуя Мемнона; 4) Колизей; 5) башня въ Пизѣ; 6) дворецъ дождей въ Венеціи; 7) изверженіе Везувія.

Сверхъ того скіоптиконъ показываетъ другія картины занимательнаго содержанія, какъ, на примѣръ, изображенія изъ сказокъ и басенъ Лафонтена и т. д.

Въ заключеніе я хочу еще сообщить важнѣйшія статистическія данныя, на основаніи изданной въ 1875 году центральнымъ комитетомъ „Статистики за 1874—1875 гг. союзныхъ обществъ, состоящихъ въ связи съ обществомъ распространенія народнаго просвѣщенія“ (Statistik der mit der Gesellschaft für Verbreitung der Volksbildung in Verbindung stehenden Vereine für Volksbildungszwecke nach dem

Stande des Verwaltungsjahres 1874—1875). Изъ принадлежавшихъ въ томъ году къ обществу 600 корпоративныхъ членовъ статистика коснулась 400 и сверхъ того 16-ти побочныхъ союзовъ, слѣдовательно всего 416 ¹⁾).

Относительно цѣлей и названій этихъ союзовъ слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что первоначально бѣльшая часть ихъ поставила себѣ задачей преподаваніе лишь въ узкой рамкѣ, ограничиваясь немногими спеціальными только предметами. Но именно преслѣдованіе такой ограниченной цѣли породило повсюду убѣжденіе, что извѣстная степень образованія составляетъ всеобщую потребность, и что всякое обученіе предметамъ, какіе бы они ни были, можетъ принести пользу только на почвѣ болѣе широкаго общаго образованія. Вотъ почему названія: ремесленный союзъ, промышленный союзъ, рабочій союзъ, мѣщанскій союзъ, купеческій союзъ и т. п. не имѣютъ существеннаго различія въ сферѣ дѣятельности каждаго изъ нихъ, а скорѣе указываютъ на время ихъ учрежденія, или на провинцію, которая предпочла дать имъ то или другое названіе. Такъ, напримѣръ, въ провинціи Силезіи союзы преимущественно называются образовательными, въ Ганноверѣ—рабочими, въ королевствѣ Саксонскомъ—промышленными и т. д. Во всей Германіи „Образовательные Союзы“ составляютъ относительно большинство (116), за ними слѣдуютъ: „Промышленные Союзы“ (97), „Ремесленные“ (59), „Мѣщанскіе“ (36) „Рабочіе“ (28) и т. д.

Распространеніе народнаго образованія при посредствѣ союзовъ дѣйствительно началось лишь съ сороковыхъ годовъ. До 1830 года существовало только 6 союзовъ, до 1840 г. не болѣе 19. Съ 1840 до 1847 г. включительно къ нимъ прибавилось 34 союза (изъ коихъ 11 въ королевствѣ Саксонскомъ); смутный 1848 годъ создалъ 10 новыхъ союзовъ; въ слѣдующіе восемь лѣтъ (1848—1856) учреждено всего девять союзовъ (здѣсь очевидно вліяніе внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ).

Затѣмъ учрежденіе союзовъ опять возрастаетъ: въ 1861 г. воз-

¹⁾ Центральному комитету были доставлены 74-мя не принадлежащими къ Обществу, но съ подобнымъ ему направленіемъ, союзами (съ 16, 671 членами и годовымъ бюджетомъ въ 102,364 марокъ) статистическія данныя, коими комитетъ однако не счелъ себя въ правѣ воспользоваться, такъ какъ число такихъ союзовъ гораздо значительнѣе и по имѣющимся на лицо свѣдѣніямъ можно составить себѣ лишь весьма слабое и несовершенно понятіе о состояніи народнообразовательнаго дѣла въ Германіи.

нико двѣнадцать, въ 1869 г. двадцать пять, въ 1874 г. шестьдесятъ одинъ и въ первые три мѣсяца 1875 г. не менѣе 31. Степень участія въ союзахъ сословіи и лицъ различныхъ специальностей опредѣляется слѣдующими цифрами: должности старшинъ занимаютъ учителя въ 103 союзахъ, чиновники въ 77, врачи и аптекари въ 36, лица духовнаго званія только въ 13, купцы въ 54, владѣльцы фабрикъ въ 18, ремесленники въ 82 и т. д.; письмоводителями состоятъ: учителя въ 94 союзахъ, чиновники въ 81, врачи и аптекари въ 14, лица духовнаго званія только въ 3, купцы въ 73, владѣльцы фабрикъ въ 14, ремесленники въ 76 и т. д. То обстоятельство, что болѣе всего старшинъ и письмоводителей между учителями, ясно доказываетъ дѣйствительное стремленіе Союзовъ къ ученію. Въ значительномъ участіи сословія ремесленниковъ „Статистика“ справедливо видитъ отрадное доказательство стремленія къ умственному и нравственному усовершенствованію германскаго народа.

Общее число членовъ 380 союза въ 324 мѣстностяхъ (о прочихъ союзахъ нѣтъ необходимыхъ свѣдѣній) составляло 80.426.

Значеніе нѣкоторыхъ союзовъ лучше всего уясняется изъ слѣдующихъ цифръ: два союза имѣютъ слишкомъ двѣ тысячи членовъ, а именно ремесленный и образовательный союзы въ Крефельдѣ насчитываютъ ихъ 2.641, ремесленный союзъ въ Берлинѣ 2.507, четыре другихъ союза (въ Хемницѣ, Бременѣ, Данцигѣ, Эссенѣ) слишкомъ тысячу членовъ. Самую большую библиотечкою въ 6.000 томовъ владѣеть промышленный и рабоче-образовательный союзъ въ Вальденбергѣ (въ Силезіи); Берлинскій ремесленный союзъ и побочные союзы Бременскій и Лейпцигскій имѣютъ каждый по 5.000 томовъ; затѣмъ слѣдуютъ четырнадцать союзовъ съ 2.000—5.000 томовъ и двадцать шесть союзовъ съ 1.000—2.000 томовъ. Въ 21 союзѣ годовою доходъ составляетъ слишкомъ 3.000 марокъ. Самый значительный доходъ имѣетъ Берлинскій ремесленный союзъ, а именно—46,694 марокъ; за нимъ слѣдуютъ ремесленный союзъ въ Хемницѣ, съ доходомъ 21,039 марокъ, побочные союзы въ Бременѣ и Лейпцигѣ—17,289 и 14.874 мар., рабоче-образовательный союзъ въ Гамбургѣ 9.970 м., народно-образовательный союзъ въ Кельнѣ — 9.236 м. и т. д. Требуемый съ каждаго члена годовою взносъ, составляющій въ 133 союзахъ три марки, только въ шести превышаетъ 9 марокъ, въ семи составляетъ 1 марку и лишь въ трехъ малыхъ союзахъ менѣе одной марки. Десятичный оборотъ 365 союзовъ составлялъ 413,364¹/₂ мр. дохода и 362,306¹/₂ м. расхода. Самыми значительными капиталомъ

владѣть Берлинскій ремесленный Союзъ (143,036 мр.); Бременскій союзъ „Впередъ“ имѣть 67,905 мр. капитала, рабочій союзъ въ Штутгартѣ 57,533 мр., союзы въ Гамбургѣ и Пфорцгеймѣ съ тѣмъ же названіемъ 45,731 и 43,161 м., союзъ гражданъ въ Брауншвейгѣ 27,000 и еще десять союзовъ имѣютъ слишкомъ 10,000 м. капитала. Общая сумма имущества 317 союзовъ ¹⁾ составляетъ, по имѣющимся даннымъ, 247,609¹/₂ м. въ деньгахъ и на 700,907²/₃ м. недвижимости и учебныхъ пособій, однако въ вступительныхъ замѣткахъ къ „Статистикѣ“ ясно сказано, что эта послѣдняя цифра слишкомъ мала, такъ какъ стоимость нѣкоторыхъ недвижимостей и многихъ учебныхъ пособій въ доставленныхъ союзами свѣдѣніяхъ не обозначена. Число собраній въ теченіе 1874—1875 года было у разныхъ союзовъ весьма различно: 39 изъ нихъ имѣли 50—52 собраній, девять отъ 54 до 96, четыре — каждый по 104, Берлинскій ремесленный союзъ 180 собраній. Въ этомъ послѣднемъ союзѣ было устроено наибольшее число чтеній, а именно 175; за нимъ слѣдуютъ союзы въ Ольбергау и Аннабергѣ (оба въ Саксоніи)—63 и 62 чтенія; за тѣмъ союзы въ Дрезденѣ, Килѣ и Гаслохѣ (въ Баваріи), устроившіе каждый по 52 чтенія.

Степень значенія этихъ союзовъ для небольшихъ городовъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ сорока трехъ городахъ 4,0—5,9% народонаселенія принадлежитъ къ союзамъ, въ шестнадцати городахъ 6,0—7,8%, въ пяти—9,0—10,0%, въ Штеглицѣ, близъ Берлина—11% (1.900 жителей, 210 членовъ союза для дальнѣйшаго распространенія образованія), въ Руммельсбургѣ, близъ Берлина—13,3% (604 жит.) (80 членовъ Союза для обученія и развитія—*Verein für Belehrung und Unterhaltung*). Въ Грюнгайнхенѣ (въ кор. Саксонскомъ)—13,6% (1.800 жит., 144 члена промышленнаго союза) и въ Ней-Левинѣ (*Neu-Lewin*, въ пров. Бранденбургъ) 24,4% (1205 жит., 296 членовъ ремесленнаго союза).

Къ концу 1875 г. общество для распространенія народнаго просвѣщенія имѣло восемь окружныхъ (губернскихъ) союзовъ, девятнадцать дополнительныхъ (*Zweigvereine*), 4118 личныхъ и 645 корпоративныхъ членовъ.

¹⁾ Въ „Статистикѣ“ графа объ имуществѣ осталась пустою противъ 99 союзовъ, за недостаткомъ ли свѣдѣній, или по неимѣнію имущества; этого не значится. Но что большинство этихъ союзовъ не безимущественно, видно изъ того, что около шестидесяти изъ нихъ владѣютъ библиотечками, а пять имѣютъ книжный складъ слишкомъ въ 1.000 томовъ.

Послѣдній денежный отчетъ представляетъ слѣдующія числовыя данныя: 1-го апрѣля 1875 г. имущество берлинскаго общества составляло 70.203 марокъ. Такъ какъ къ концу истекшаго года дохода было 63.112, а расхода 58.777 марокъ, то къ 1-му января текущаго года союзное имущество возрасло до 74.538 марокъ (изъ нихъ 15.286 марокъ паличными децями, на 55.376 марокъ вещей, остальное въ книгахъ). Естественно, что главный источникъ дохода составляютъ членскіе взносы (44.810 марокъ). Побочные союзы имѣли 29.904 марки дохода, изъ коихъ 24.298 было употреблено для мѣстныхъ образовательныхъ цѣлей. Послѣднее (шестое) обыкновенное общее собраніе происходило въ Гейдельбергѣ 8-го и 9-го іюля. Дабы не слишкомъ затянуть это письмо, я ограничусь только небольшоими замѣчаніями о годовомъ отчетѣ. Профессоръ Юргенъ В. Мейеръ (въ Боннѣ), о педагогической дѣятельности котораго я уже упоминалъ въ моемъ первомъ письмѣ, говорилъ „о томъ, насколько всѣ слои Общества принимаютъ участіе въ дѣятельности образовательныхъ союзовъ“. Необходимо бы привлечь къ ней гораздо болѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ, сельское населеніе. Поселянинъ, вслѣдствіе степени его образованія, долженъ по необходимости имѣть кого-либо, кто былъ бы для него авторитетомъ; на его самообразование посредствомъ чтенія азчитывать нельзя: необходимо лично на него дѣйствовать и поучать его. Поэтому весьма желательно, чтобы научнообразованные классы Общества¹⁾ поддерживали ревностнѣе чѣмъ до сихъ поръ дѣло народнаго образованія, вступая въ предсѣдатели образовательныхъ союзовъ, произнося рѣчи и т. п. Правда, многое уже улучшилось, особенно въ настоящее время нельзя уже болѣе раздѣлять мнѣніе англійскаго историка Вокля, который утверждалъ, будто въ Германіи такая бездна отдѣляетъ ученыхъ отъ неученыхъ людей, что одни не понимаютъ языка другихъ;—но все-таки многіе ученые еще держатъ себя особнякомъ. То обстоятельство, что лишь немногіе изъ евангелическихъ духовныхъ лицъ, принимаютъ участіе въ дѣлѣ (что ультрамонтаны удаляются отъ него, это совершенно понятно съ ихъ точки зрѣнія), нужно считать конечно весьма печальнымъ. Д-ръ Шульце-Деличъ доказывалъ въ пространной рѣчи необходимость взаимнаго стремленія къ возвышенію матеріальнаго и духовнаго уровня.

¹⁾ Городъ Боннъ въ этомъ случаѣ подаетъ хорошій примѣръ: до 46 профессоровъ Боннскаго университета принадлежали къ тамошнимъ образовательнымъ Союзамъ.

Только недостатокъ образованія мѣшаетъ человѣку найти себѣ поддержку въ развитіи собственныхъ своихъ силъ. Нѣсколько образованный человѣкъ совершенно иначе смотритъ на условія ремесленнаго преуспѣянія, чѣмъ необразованный, и этотъ взглядъ не остается безъ нравственныхъ послѣдствій. Образованный человѣкъ заботится о будущемъ и сдерживаетъ свою волю, которая могла бы поддаться увлеченію минуты. Образование развиваетъ силу, обуздываетъ страсти, полагаетъ основы разумному хозяйству, улучшаетъ нравы и благосостояніе, однимъ словомъ оно есть нравственный капиталъ, который приноситъ даже матеріальные проценты. Но необходимо признать право и за матеріальными стремленіями и позаботиться о ихъ удовлетвореніи. Если не удовлетворимъ хотя нѣсколько матеріальныхъ потребностей, то не могутъ развиваться и духовныя стремленія. Касательно того, какимъ образомъ достигнуть этого, ораторъ совершенно справедливо замѣтилъ, что слишкомъ мало обращаютъ вниманіе на древнее изреченіе: „надобно заботиться о радостяхъ человѣка“. Послѣ дневнаго тяжелаго труда человѣку необходимъ отдыхъ и увеселеніе.

Не буду останавливаться на рѣчи профессора Ценгерле „о значеніи и выборѣ научныхъ предметовъ для школъ дальнѣйшаго образованія“, а равно на рѣчи д-ра Гаммахера о положеніи и распространеніи женскихъ школъ для дальнѣйшаго образованія, такъ какъ намѣренъ впоследствии коснуться этихъ предметовъ подробнѣе. За то нѣсколько распространюсь о рефератѣ г. Гесслера (изъ Берлина) „что слѣдуетъ сдѣлать на пользу юношества, обучающагося въ ремесленной школѣ?“. Въ первой части своего реферата онъ ясно доказываетъ, что при новѣйшемъ законодательствѣ и при измѣнившихся жизненныхъ отношеніяхъ многія учрежденія и обычаи, которыя въ прежніе годы были весьма полезны, теперь исчезли, или сильно измѣнились. Особенное значеніе для ремесленника и мелкаго торговца составляетъ нынѣ отсутствіе цеховъ. Молодой человѣкъ, поступавшій въ качествѣ ученика въ какой-нибудь цехъ, этимъ самымъ передавался учрежденію, которое заботилось не только о его ремесленномъ образованіи, но точно также и о его нравственномъ поведеніи. Ученикъ жилъ и обѣдалъ у своего хозяина и считался членомъ его семьи. Тутъ онъ научался послушанію и благочестію, чего совершенно недостаетъ молодому поколѣнію, привыкалъ къ труду, порядку и бережливости, въ чемъ ему подавали примѣръ самъ хозяинъ и его семейство. Теперь же ученикъ принадлежитъ только мастерской, его обучаетъ даже обыкновенно не хозяинъ, а одинъ изъ подмастерьевъ, онъ

часть СЛХХХVIII, отд. 4.

находится въ кругу людей, которые только и думаютъ, какъ бы увеличили имъ заработную плату и уменьшили время работы. Не лучше поставлены и женщины. Прежде, если дочь какого-нибудь ремесленника или фабричнаго, окончивъ обученіе въ школѣ, поступала къ кому-нибудь въ услуженіе, то она и ее хозяйка обыкновенно привязывались другъ къ другу, такъ что не разлучались до тѣхъ поръ, пока дѣвушка не выходила замужъ. Теперь совсѣмъ иначе! Очень жаль, что исчезли старыя нравы, жаль, что нѣтъ болѣе почтенія къ старикамъ, начальникамъ и женскому полу. Даже пропало почти совсѣмъ воспитательное вліяніе церкви. Этому злу слѣдуетъ противо-дѣйствовать, ибо первыя, сначала совершенно незначительные шаги по преступному пути дѣлаются обыкновенно въ возрастѣ отъ 14 по 18 годъ жизни и могли бы быть предупреждены гуманнѣмъ обращеніемъ. Тутъ много помогаетъ учрежденіе школъ для дальнѣйшаго образованія, которыя при правильной организаціи и руководствѣ очень удачно дѣйствуютъ на нравственное развитіе юности. Хорошій примѣръ подаетъ въ этомъ отношеніи Берлинскій союзъ, а поэтому слѣдуетъ хотя нѣсколько охарактеризовать его дѣятельность. Главная забота его — помѣщать мальчиковъ къ знающимъ дѣло и честнымъ мастерамъ (для дѣвочекъ до сихъ поръ нельзя было этого сдѣлать); онъ старается оставившимъ школу мальчикамъ и дѣвочкамъ устраивать такія развлеченія, гдѣ бы они были защищены отъ многочисленныхъ соблазновъ столичныхъ удовольствій и могли найдти что-либо для развитія ихъ ума и сердца. Въ залахъ общинной школы, по воскресеньямъ происходитъ бесѣды, произносятся рѣчи по предмету естественныхъ наукъ, исторіи, технологіи, физики, химіи, кромѣ того читаются и декламируются отрывки изъ нѣмецкихъ классическихъ поэтовъ, задаютъ шарады, играютъ въ маленькія игры. Библіотека избранныхъ сочиненій должна противо-дѣйствовать распространенной въ Берлинѣ среди рабочаго класса безнравственной литературѣ. Кромѣ того союзу удалось уговорить директора одного театра въ Берлинѣ, который изгналъ съ своей сцены французскую комедію легкаго содержания, чтобы онъ въ званіи мѣсяца, по воскресеньямъ, давалъ по пониженнымъ цѣнамъ театральныя пьесы нѣмецкихъ классиковъ. Союзъ еще далекъ отъ достиженія своей цѣли, но все-таки онъ уже выступилъ на совершенно вѣрный путь.

Оканчивая это письмо, не могу не упомянуть, хотя вкратцѣ, о новомъ литературномъ органѣ. Я разумѣю „Журналъ для реаль-

наго обученія въ школахъ* (*Zeitschrift für das Realschulwesen*), издаваемый Кольбе, Гофманомъ и Варганекомъ" (Вѣна, Альфредъ Гельдеръ, въ 12 тетрадяхъ, по 4 листа каждая; цѣна 5 австрійскихъ гульденовъ). Журналъ этотъ выходитъ съ марта мѣсяца настоящаго года. Австрійскія реальныя школы¹⁾, вызванныя въ жизни уставомъ 13-го августа 1851 года (прежде существовавшія подъ этимъ названіемъ учебныя заведенія имѣли только два годовыхъ курса и немногимъ отличались отъ элементарныхъ школъ съ болѣе пространною программой), постоянно позрстаютъ и числомъ и значеніемъ своимъ. Школы эти съ 1869—1870 г. получили болѣе широкое развитіе вслѣдствіе законовъ объ отдѣльныхъ ландтагахъ, имъ даны новыя учебныя планы министерскимъ постановленіемъ 19-го іюля 1870 г. Какъ ни благотѣльно было вліяніе учрежденныхъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ школъ на научное отношеніе къ техническому труду и развитіе промышленнаго вкуса, значительно поднявшихъ уровень общаго образованія средняго сословія, все-таки онѣ еще должны окрѣпнуть и болѣе развитъ свою дѣятельность, такъ какъ реальное обученіе въ школахъ дѣло еще новое, а гимназій уже признаны долгимъ опытомъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ единственно прочною основою общаго образованія. Законодательство и администрація не въ силахъ одни рѣшить задачи реальной школы: главная помощь здѣсь нужна со стороны ея учебныхъ силъ, путемъ взаимнаго сообщенія о сдѣланныхъ опытахъ. Именно для такихъ сообщеній наставники австрійскихъ реальныхъ школъ сознали нужду въ особомъ органѣ. Роль такого органа беретъ на себя вышеупомянутый „Журналъ для реального обученія въ школахъ“. Программа его слѣдующая: 1) Разсужденія педагогическаго, методическаго и дидактическаго содержанія, касающіяся реального обученія. 2) Статьи о практическомъ способѣ преподаванія разныхъ учебныхъ предмстовъ въ отдѣльныхъ классахъ и о полезномъ примѣненіи результатовъ науки. 3) Извѣстія о законодательныхъ мѣрахъ и распоряженіяхъ относительно народнаго обученія, свѣдѣнія о лицахъ учебнаго вѣдомства, статистическія свѣдѣнія и т. д. 4) Обзорѣніе книгъ, газетъ и программъ. Въ вышедшихъ по настоящее время четырехъ тетрадяхъ журнала помѣщены,

¹⁾ См. *T. Noe* (Н. Нсѣ) въ Центральномъ органѣ о цѣляхъ реального обученія въ школахъ, Берлинъ, 1873; стр. 263—268, и *Фикера* (Ficker) въ Энциклопедіи Шмида (*Encyclopädie des gesammten Erziehungs- und Unterrichtswesens*, Band V, Artikel «Oestreich»).

между прочимъ, слѣдующія статьи: 1) Исторія реальныхъ школъ за двадцатипятилѣтній періодъ времени, Варганека; 2) Чего намъ недостасть и что для насъ нужно? Гофмана (интересный обзоръ главныхъ недостатковъ преподаванія въ реальной школѣ и замѣчанія о воспитательной дѣятельности учителя; 3) Преподаваніе на обыкновенномъ, правильномъ нѣмецкомъ языкѣ въ реальныхъ школахъ; 4) Замѣтки объ учебномъ планѣ нѣмецкаго языка въ реальныхъ школахъ; 5) Учебныя математическія пособія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; 6) Астрономическая географія, какъ отрасль учебныхъ предметовъ реальныхъ школъ; 7) Упражненія въ разговорѣ на французскомъ языкѣ и французское сочиненіе въ австрійскихъ реальныхъ школахъ; 8) Опытъ надъ маятникомъ Фуко и т. д.

Г. С.

АФРИКАНСКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ БРЮССЕЛѢ ¹⁾.

Въ сентябрѣ текущаго года, по желанію его величества короля Бельгійцевъ Леопольда II, происходила въ Брюсселѣ географическая конференція по вопросамъ, касающимся изученія Африканскаго материка. Королю Леопольду угодно было отнестись къ предсѣдателямъ всѣхъ географическихъ обществъ и къ знаменитымъ европейскимъ путешественникамъ, странствовавшимъ внутри Африки, съ приглашеніемъ собраться въ Брюсселѣ для обсужденія поминуемыхъ вопросовъ. Всѣ лица, получившія это почетное приглашеніе, поспѣшили на него откликнуться, и съ 12-го по 14-е сентября новаго стilia, въ одной изъ залъ королевскаго дворца въ Брюсселѣ, состоялось это совѣщаніе подъ личнымъ предсѣдательствомъ короля Леопольда и при участіи слѣдующихъ лицъ: отъ Австро-Венгріи — австрійскаго министра финансовъ барона фонъ-Гофмана, графа Эдмунда Зичи, предсѣдателя Вѣнскаго географическаго общества г. фонъ-Гохштеттера и лейтенанта Лукса; отъ Бельгіи—барона Ламбремона, гг. Баннинга, Эм. де-Борхграва, Куврера, графа Гобле д'Альвиелла, Джемса (James), де-Лавеле, Керье (Quairier), Сентелета (Saintelette), фанъ-Бирфлита (v. Biervliet), Л. фанъ-де-Боше и I. фанъ-Фельксема (v. Völkem); отъ Великобританіи — предсѣдателя Лондонскаго географическаго общества сэра Бартль-Фрера, сэра Ротерфорда Алькока, адмирала сэра Леопольда Гитса (Heath), генераль-маіора сэра Генри Роулинсона, полковника Гранта, командора Камерона, Макиннона, сэра Фоуель-Бокстона (Fowell Buxton), сэра Дж. Кенпенвея (Kenpenway), и сэра Гарри Эрнея (Erney); отъ Германіи—предсѣдателя Берлинскаго географическаго общества барона фонъ-Рихтгофена, г. Шах-

¹⁾ Составлено по протоколамъ этой конференціи, разосланнымъ къ членамъ ея.

тигала, А. Швейфурта и Герарда Рольфса; отъ Италіи—командора Хр. Негри; отъ Россіи—вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго географическаго общества тайнаго совѣтника П. П. Семенова; отъ Франціи—предсѣдателя Парижскаго географическаго общества вице-адмирала барона де-Ларонсьера-ле-Нури и секретаря того же общества барона Монуара.

Засѣданіе 31-го августа (12-го сентября) было открыто слѣдующею рѣчью короля, опредѣлившею цѣль и задачу конференціи: „Милостивые государи! Позвольте мнѣ выразить горячую признательность за ту любезность, съ которою вы согласились принять мое приглашеніе. Мнѣ не только пріятно присутствовать при обсужденіи задачъ, рѣшеніе которыхъ насъ занимаетъ,—и испытываю живѣйшее удовольствіе, вступая въ личное знакомство съ замѣчательными людьми, труды которыхъ и доблестныя усилія на пользу просвѣщенія привлекали въ теченіе многихъ лѣтъ мое вниманіе. Предметъ, собравшій насъ здѣсь, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые вполне заслуживаютъ вниманія друзей человѣчества. Открыть для цивилизаціи единственную часть земнаго шара, куда она еще не проникла, разорвать мракъ, окутывающій собою цѣлыя населенія, это — смѣло сказать — крестовый походъ, достойный нашего вѣка прогресса; и къ счастью можно сказать, что общественное сочувствіе благопріятствуетъ этому дѣлу: теченіе идей направлено въ нашу сторону. Мм. гг.! Многія изъ лицъ, занимавшихся изученіемъ Африки, полагаютъ, что для лучшаго достиженія преслѣдуемой ими цѣли было бы полезно войти въ общее соглашеніе по опредѣленію хода изслѣдованій, по соединенію усилій отдѣльныхъ лицъ, по примѣненію къ дѣлу всевозможныхъ способовъ изученія, наконецъ, по устраненію бесполезныхъ повтореній въ разысканіяхъ. Мнѣ казалось, что Бельгія, государство центральное и нейтральное, можетъ быть удобнымъ мѣстомъ для такого собранія, и это дало мнѣ смѣлость пригласить васъ, мм. гг., сюда на небольшое совѣщаніе, которое я имѣю удовольствіе открыть сегодня. Нужно ли говорить, что, приглашая васъ въ Брюссель, я не былъ руководимъ видами политическими. Нѣтъ, мм. гг.! Бельгія хоть и мала, но счастлива и довольна своею судьбой; у меня нѣтъ другаго желанія, какъ служить ей честно. Не стану, однако, утверждать, что я буду равнодушенъ къ тому почету, котораго заслужитъ Бельгія, если въ Брюсселѣ будетъ достигнутъ значительный успѣхъ въ рѣшеніи одного изъ вопросовъ, ознаменовавшихъ наше время своимъ возникновеніемъ. Буду счастливъ, что Брюссель сталъ въ нѣ-

которомъ родѣ главною квартирою этого просвѣтительнаго движенія. Итакъ, мнѣ казалось, что вы не сочтете излишнимъ обсудить и опредѣлить сообща, силою вашего авторитета, тѣ пути и способы, которыми должно слѣдовать, чтобъ окончательно водрузить знамя просвѣщенія на почвѣ центральной Африки, а также согласитесь условиться о тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ привлечь взоры общества на ваше благородное предпріятіе и побудить его къ матеріальнымъ пожертвованіямъ для этой цѣли: да, мм. гг., въ дѣлахъ такого рода успѣхъ создается участіемъ большаго числа людей; а потому успѣха массъ должно добиваться и умѣть его приобрести. Какія средства можно было бы собрать, еслибы всякій, для кого франкъ ничего не стоитъ, или стоитъ очень мало, согласился пожертвовать его въ кассу на уничтоженіе торговли невольниками внутри Африки. Большіе успѣхи достигнуты уже въ этомъ отношеніи; враждебный незнакомецъ выдержалъ нападеніе со многихъ сторонъ, и еслибы тѣ изъ нашихъ сочленовъ, которые обогатили науку важными открытіями, согласились намѣтить главныя ихъ черты, слова ихъ были бы для насъ существеннымъ указаніемъ. Изъ числа вопросовъ, требующихъ обсуждения, могутъ быть названы слѣдующіе: 1) не слѣдуетъ ли приобрести опорныя пункты для дѣйствія, между прочимъ, на Занзибарскомъ берегу и въ устьѣ рѣки Конго — путемъ ли соглашенія съ мѣстными владѣтелями, или путемъ покупки или арендованія земель у частныхъ лицъ? 2) не слѣдуетъ ли проложить постепенно пути внутрь Африки, и затѣмъ, учредить станціи ученія и страннопріимныя (*stations hospitalières, scientifiques et pacificatrices*) въ видахъ уничтоженія невольничества, замиренія мѣстныхъ владѣтелей, доставленія справедливаго и безкорыстнаго посредничества въ рѣшеніи ихъ споровъ и т. д.? 3) не слѣдуетъ ли, опредѣливъ цѣль предпріятія, учредить комитетъ международный и комитеты въ отдѣльныхъ государствахъ для осуществленія этого дѣла, для ознакомленія съ нимъ общества и для призыва къ общественнымъ пожертвованіямъ, какія никогда не оскудѣвали ни для одного добраго дѣла? Таковы, мм. гг., предметы, заслуживающіе вашего вниманія; но изъ преній вашихъ могутъ выясниться еще новыя вопросы, и вы, безъ сомнѣнія, не замедлите ихъ разъяснить. Мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы служить, согласно вашимъ указаніямъ, тому великому дѣлу, для котораго вы уже столь много сдѣлали. Ставлю себя въ ваше распоряженіе въ этихъ цѣляхъ и дружески привѣтствую начало вашихъ занятій“.

Послѣ этой одушевленной рѣчи и по избраніи присутствовавшихъ въ засѣданіи председателей разныхъ географическихъ обществъ вице-президентами конференціи, король Леопольдъ сообщилъ собранію, что первое начало фонду на учрежденіе международныхъ ученыхъ станцій внутри Африки положено пожертвованіемъ г-жи Гейне-Фуртадо, предоставившей въ его распоряженіе для этой цѣли двадцать тысячъ франковъ; а вслѣдъ затѣмъ, переходя къ непосредственному предмету совѣщаній конференціи, король предложилъ присутствовавшимъ въ засѣданіи африканскимъ путешественникамъ изложить въ краткихъ словахъ результаты ихъ изслѣдованій въ посѣщенныхъ ими частяхъ Африканскаго материка.

Въ отвѣтъ на это предложеніе сдѣланы были слѣдующія сообщенія: Д-ръ Нахтигаль разказалъ о своемъ путешествіи изъ Триполи въ Куку, о своихъ изысканіяхъ въ бассейнѣ озера Чада и о возвращеніи своемъ чрезъ Вадаи, Дарфуръ и Кордофанъ. Д-ръ Швейнфуртъ описалъ два свои путешествія: одно, 1863 года—въ Нубію, и другое, 1869 года, въ бассейнъ верхняго Нила; на этомъ пространствѣ путешественникъ проникъ до 3-го градуса широты въ королевство Монбутту; нынѣ эта страна подчинена египетскому владычеству и подверглась коренному преобразованію. Д-ръ Рольфъ изложилъ свое путешествіе въ Марокко и южную часть Алжиріи, откуда онъ проникъ въ Тунисть, и затѣмъ свою экспедицію изъ Триполи чрезъ Куку въ Лагосъ; кромѣ того, онъ упомянулъ, что сопровождалъ англійскую армію въ походѣ въ Абиссинію, а также изслѣдовалъ Киренаику и изучилъ Ливійскую пустыню. Лейтенантъ Луксъ сообщилъ, что онъ принималъ участіе въ германской экспедиціи въ Лоанго; цѣлью его было проникнуть изъ Лоанды въ Нвангве; не имѣвъ, однако, возможности исполнить это по причинѣ болѣзни, путешественникъ достигъ кратчайшимъ путемъ до владѣній короля Муата-Луво, могущественнѣйшаго изъ государей центральной Африки, имѣющаго мѣстопробываніе въ Кабебе. Командоръ Камеронъ описалъ экспедицію, во время которой онъ проникъ отъ Занзбарскаго берега до Бенгуели чрезъ центральную Африку; онъ осмотрѣлъ южную часть бассейна рѣки Конго, бассейнъ Замбезе, пересѣкъ эту рѣку на высотѣ 5,600 футовъ и достигъ западнаго берега Африки чрезъ португальскія владѣнія; при этомъ онъ убѣдился въ существованіи въ южной части внутренней Африки огромныхъ мѣсовъ, залежей каменнаго угля и мѣдныхъ рудъ. Полковникъ Грантъ, упомянувъ вкратцѣ о первой экспедиціи Бортова и Слика въ великіе озера въ

тренней Африки, сообщилъ нѣсколько результатовъ изъ своего путешествія, съ тѣмъ же Спикомъ, въ тѣ же мѣстности; эта экспедиція направилась прямо отъ Занзибара къ озеру Викторіи и обогнула его съ западной стороны, опредѣлила существованіе въ той мѣстности горъ вышиною въ 5,000 футовъ и открыла источники Нила; въ послѣдствіи путешествіе полковника Гордона и Ставляея подтвердило заключенія этой экспедиціи. Затѣмъ, командоръ Негри сообщилъ новѣйшія извѣстія о путешествіи маркиза Антипори и о затрудненіяхъ которыя встрѣтилъ послѣдній въ Зейлѣ со стороны египетскихъ чиновниковъ. Наконецъ, баронъ Гофманъ изложилъ послѣднія, полученные въ Вѣнѣ свѣдѣнія объ экспедиціи полковника Гордона и Паджіа, подиявшихся по Вѣлому Нилу до Викторіи; однимъ изъ результатовъ этой экспедиціи является учрежденіе на пути ея 19 постовъ, основанныхъ отъ имени египетскаго правительства.

Такимъ образомъ очерченъ былъ весь кругъ новѣйшихъ изслѣдованій внутри Африки, и затѣмъ собраніе перешло къ обсужденію поставленнаго королемъ Лсопольдомъ вопроса о пользѣ учрежденій въ центральной Африкѣ научныхъ и страннопримныхъ станцій. Въ разъясненіи этой задачи приняли участіе, вмѣстѣ съ лицами, которыя сами путешествовали въ Африкѣ, и другіе члены конференціи. Представитель Русскаго географическаго общества П. П. Семеновъ выразилъ съ своей стороны полное сочувствіе къ проекту учрежденія станцій, которыя могли бы служить пріютомъ для ученыхъ путешественниковъ. Въ настоящее время, замѣтилъ онъ, — именпо чувствуется недостатокъ взаимнаго соглашенія между лицами, стремящимися довершить изученіе внутренней Африки, и не подлежитъ сомнѣнію, что оно двинется усиленнымъ ходомъ и приведетъ къ самымъ благоприятнымъ результатамъ, если путемъ совокупныхъ усилій и международнаго соглашенія будутъ учреждены на границахъ изслѣдуемаго пространства опорные пункты для изысканій, и если дальнѣйшія экспедиціи будутъ выдвигать ихъ все далѣе и далѣе въ глубь области, подлежащей изслѣдованію.

Другіе члены конференціи столь же сочувственно отозвались о проектѣ учрежденія станцій; вмѣстѣ съ тѣмъ, указаны были и нѣкоторыя, сдѣланныя до сихъ поръ, попытки въ этотъ отношеніи, и сверхъ того, высказаны были разныя соображенія о способахъ осуществленія какъ этого проекта, такъ и дальнѣйшихъ задачъ культурнаго движенія внутри Африки, которое должно повести къ уничтоженію торговли невольниками. Такъ, г. Рольфсъ замѣтилъ, что польза станцій ясно доказы-

вается опытомъ учрежденія ихъ, которыя сдѣлали уже Англичане: ими основаны станціи въ Радамесѣ, въ Мурзукѣ и Локойѣ, при слияніи Бенуе съ Нигеромъ. Хартумъ на Нилѣ, прежде завоеванія Египтянами, также былъ одною изъ подобныхъ станцій. Г. Раулинсонъ сообщилъ, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ полковника Гордона, о станціи, существующей на берегу озера Ніясса, откуда спущенъ былъ Англичанами первый пароходъ на воды этого обширнаго бассейна. По сообщенію сэра Фоуеля-Бокстона, подобныя же станціи учреждены между великими озерами Викторія и Альбертъ-Ніанза. Что касается дальнѣйшаго развитія этой системы учрежденія культурныхъ пунктовъ внутри Африки, то, по мнѣнію сейчасъ названныхъ членовъ конференціи, слѣдовало бы положить основаніе такому же посту и на берегахъ озера Танганьика и отсюда чрезъ Конго выйти на западный берегъ Африки: такова именно цѣль новой, готовящейся въ Англійской экспедиціи, предполагающей учредить станцію въ Уджиджи, на берегу Танганьика и еще въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ прилежащей къ этому озеру мѣстности.

Сэръ Роттерфордъ Алькокъ также высказался въ пользу учрежденія культурной станціи въ Уджиджи; притомъ, онъ замѣтилъ, что вообще вести изслѣдованіе Африки должно не съ сѣвера, ибо, по свидѣтельству полковника Гордона, новѣйшія египетскія завоеванія поселили въ центрально-африканскомъ населеніи сильное недоверіе къ сѣвернымъ африканскимъ государствамъ; равнымъ образомъ, нельзя избрать исходнымъ пунктомъ и Занзибаръ; всего же удобнѣе найдти опору на юго-восточномъ берегу, въ Багамойо, гдѣ притомъ уже существуетъ іезуитская миссія; отсюда и могла бы быть передвинута европейская станція въ Уджиджи. Развивая далѣе мысль сэра Алькока о необходимости утвердиться прежде всего на морскомъ берегу, вблизи къ неизслѣдованнымъ еще внутреннимъ областямъ Африки, адмиралъ сэръ Леопольдъ Гитсъ замѣтилъ, что только при этомъ условіи прочнаго водворенія на берегу можетъ быть обеспечено безопасное существованіе внутреннихъ станцій. По убѣжденію сэра Гитсы, еслибъ англійское и французское правительства согласились послать къ этимъ берегамъ развѣдочную экспедицію и избрали бы мѣсто для учрежденія порта, то въ случаѣ возникновенія здѣсь морской станціи, она не замедлила бы войти въ связь съ жителями внутреннихъ областей, и тѣмъ самымъ, сдѣлалась бы опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Сэръ Вартль Фреръ, поддерживавъ это мнѣніе, замѣтилъ, что характери-

стическую черту африканскихъ населеній составляетъ стремленіе при- селаться къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ бѣлий человѣкъ, Европейецъ, водру- зить знамя цивилизаціи; поэтому еслибъ основана была морская стан- ція, напримѣръ, гдѣ-либо на морскомъ берегу на протяженіи отъ устья Джубы до залива Делагоа, то она несомнѣнно послужила бѣ исходнымъ пунктомъ для внутреннихъ экспедицій, миссіонеровъ, уче- ныхъ и торговцевъ.

Наконецъ, относительно того характера, который долженъ быть приданъ учреждаемымъ станціямъ, сэромъ Роулинсономъ было замѣ- чено, что въ этомъ случаѣ должно воздерживаться отъ всякой исклю- чительности: станціи не должны быть ни исключительно религіозными миссіями, ни только торговыми факторіями, ни военными укрѣп- леніями: пусть онѣ будутъ единственно центрами и источниками культуры. Поддерживая ту же мысль, адмиралъ Ларонсьеръ ле-Нури присовокупилъ, что, при всей выгодѣ учрежденія станцій, главнымъ условіемъ для ихъ прочнаго существованія не можетъ не быть про- ложеніе удобныхъ путей внутрь Африки какъ по водамъ, такъ и по сушѣ; поэтому, адмиралъ полагалъ, что перевозка пороходовъ на внутренія африканскія воды должна болѣе всего способствовать усиленію водворенію европейской культуры въ этой недоступной странѣ. Сэръ Гарри Эрней, въ свою очередь, поддерживалъ мысль о необходимости проложенія удобныхъ путей внутрь Африки и утверждалъ, что въ ея центральныхъ предѣлахъ европейская тор- говля безъ затрудненія найдетъ возможность заключить связи; такъ, одно изъ средне-африканскихъ государствъ — Лунда, само желаетъ учрежденія правильныхъ торговыхъ сношеній съ западнымъ берегомъ. Но для стѣсненія торговли невольниками, по мнѣнію сэра Эрнея, не можетъ быть другаго способа, какъ дѣйствовать вооруженною силой, и что таковы именно должны быть снаряжаемыя съ этою цѣлью экспедиціи.

Противъ односторонности такого мнѣнія вооружался д-ръ Пак- тигаль. По его убѣжденію, вопросъ главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобъ открыть доступъ въ Африку для всякаго рода культуры. Дороги внутри ея давно проложены для торговыхъ цѣлей, и всѣ пу- тешественники, туда пропикавшіе, проходили ими. На плаваніе на парходахъ много разчитывать нельзя, такъ какъ рѣки африканскія представляютъ къ тому значительныя препятствія. Что же касается торгова невольниками, то для превращенія его недостаточно того, чтобъ европейскія силы преградили вывозъ рабовъ изнутри страны.

Рабство водворяется всюду, куда проникаетъ исламизмъ; а потому и торгъ невольниками, хотя бы былъ прекращенъ со стороны морей, все-таки удержится въ государствахъ Судапа, сравнительно болѣе цивилизованныхъ. Итакъ, чтобъ уничтожить торгъ невольниками, надобно вступить въ борьбу съ исламизмомъ; а государства Судана вообще склонны вступать въ сношенія съ Европейцами: пусть же Европейцы внесутъ въ Африку свою торговлю, которая и окажется въ этомъ случаѣ цивилизующее вліяніе.

Послѣ того какъ вопросъ, поставленный королемъ Леопольдомъ, подвергся такому всестороннему обсужденію, и какъ выяснилось столь общее сочувствіе къ основной идеѣ, заявленной его величествомъ, конференція пришла къ мысли о необходимости ближайшимъ образомъ рассмотретьъ вопросъ объ избраніи удобнѣйшихъ пунктовъ для учрежденія проектируемыхъ станцій. Трудъ этотъ былъ возложенъ на особую комисію, которая и образовалась изъ состава членовъ: въ одну изъ нихъ вошли представители Англій, Франціи и Италіи, а въ другую—представители Германіи, Австріи и Россіи.

1-го (13-го) сентября состоялось второе засѣданіе конференціи. Обѣ комисіи явились со своими докладами, и представитель каждой изъ нихъ изложилъ передъ собраніемъ мнѣнія свое и своихъ товарищей.

Отъ лица англо-французско-италианской комисіи докладъ былъ сдѣланъ сэромъ Роулипсопомъ. Сообщение его заключалось въ слѣдующемъ: „Французско-италианско-англійская группа питаетъ убѣжденіе, что открыть доступъ внутрь Африки въ высшей степени желательно въ интересахъ просвѣщенія, науки и торговли. Группа полагаетъ, что цѣль эта всего лучше можетъ быть достигнута устройствомъ линіи постоянного сообщенія между восточнымъ и западнымъ берегами той части Африканскаго материка, которая простирается на югъ отъ экватора, и линій побочныхъ, которыя пересѣкали бы область великихъ озеръ, помощью ихъ соединяли бы главную линію съ бассейномъ Нила и нижнимъ теченіемъ Конго на сѣверъ и съ областью рѣки Замбезе на югъ и въ извѣстныхъ пунктахъ выходила бы къ морскому берегу. Что касается того, есть ли возможность обезпечить существованіе этой главной линіи рядомъ постоянныхъ станцій подъ охраной Европейцевъ, или же можетъ быть признано достаточнымъ, по крайней мѣрѣ на первое время, найдти на извѣстныхъ пунктахъ нѣсколько агентовъ въ средѣ мѣстнаго населенія и разчитывать на усилія отдѣльныхъ путешественниковъ и на вліяніе мѣстныхъ сно-

шеній для упроченія правильности движенія по этой линіи, — это обстоятельство будетъ зависѣть отъ степени того сочувствія, которое можетъ быть оказано предпріятію различными націями, имѣющими своихъ представителей на конференціи. Сверхъ сего, французско-италианско-англійская группа позволяетьсебѣ указать на нѣкоторые предварительныя мѣры, которыя могли бы быть припяты въ соображеніе: 1) Спеціалистами морскаго дѣла должны быть избраны два удобнѣйшіе порта на восточномъ и западномъ берегахъ Африки, съ одной стороны — въ окрестностяхъ Зазибара, а съ другой — около Санъ-Паоло де-Лоавда. 2) На озера Викторія и Танганьика должны быть спущены небольшіе пароходы, и проложены торговые пути, сперва между этими озерами, а затѣмъ, между Танганьика и Ниясса, на которомъ ужъ имѣется пароходъ, дабы такимъ образомъ открыть по водѣ и сушѣ сообщеніе между Замбези и Ниломъ. 3) Слѣдуетъ перевезти на берега р. Конго разобранный пароходъ и собрать его части выше водопада Еллали; пароходъ этотъ долженъ быть вооруженъ такъ, чтобъ онъ могъ выдержать нападеніе племенъ, обитающихъ на берегахъ Конго. 4) Въ случаѣ основанія станцій слѣдуетъ избрать Уджиджи на Танганьика и Нянгле на Луалаба, какъ первые пункты для водворенія, для чего должно войти въ соглашеніе съ мѣстными властями; затѣмъ могутъ быть основаны станціи во владѣніяхъ Казанби, Кассонго и Муата-Ливо. 5) Кромѣ учрежденія главной путевой линіи чрезъ материкъ, слѣдовало бы принять мѣры къ снаряженію ученыхъ экспедицій въ область къ сѣверу отъ Луалабы, чтобы такимъ образомъ привести экваторіальную Африку въ связь съ Дарфуромъ, областью озера Чада и долиною р. Огове“.

Такимъ образомъ, проектъ французско-италианско-англійской группы имѣлъ характеръ по преимуществу практической; онъ прямо возбуждалъ вопросъ объ организаціи постоянныхъ сношеній съ туземцами изслѣдуемыхъ мѣстностей. Напротивъ того, проектъ группы германо-австро-русской, доложенный на конференціи П. П. Семеновымъ, отличался преобладаніемъ научныхъ цѣлей. По идеѣ этого проекта, требовалось прежде всего довершить научное изслѣдованіе внутренней Африки, и потому проектъ предлагалъ снарядить по общему плану нѣсколько ученыхъ экспедицій въ эту страну, и лишь въ видѣ пособія послѣднимъ, учредить на морскихъ берегахъ и отчасти внутри страны нѣсколько научныхъ и страннопріимныхъ станцій; что касается устройства постоянныхъ сообщеній между этими станціями, то проектъ предоставлялъ развитіе этого будущему времени; самую

же область изслѣдованій проектъ германо-австро-русской группы разумѣлъ нѣсколько шире, чѣмъ проектъ другой группы: онъ очерчивалъ эту область съ востока—великими озерами, съ юга — путемъ командора Камерона, а съ сѣвера — владѣніями Багерии и Вадаи.

Приступая къ чтенію своего доклада послѣ изложенія проекта другой группы, П. П. Семеновъ счелъ возможнымъ замѣтить, что при всемъ различіи обоихъ проектовъ, ихъ тѣсно связываетъ единство основной идеи — открытія доступа во внутреннюю Африку для европейской цивилизаціи и прекращенія невольничьяго торга; если германо-австро-русскій проектъ даетъ первое мѣсто вопросамъ науки, то лишь въ томъ убѣжденіи, что вопросы практическіе легко могутъ идти вслѣдъ за научными; во всякомъ случаѣ, полагалъ г. Семеновъ, — есть полная возможность согласить предположенія обѣихъ сторонъ. Еще болѣе развилъ эту мысль адмиралъ Ла-Ронсьеръ де-Нури, послѣ того какъ оба проекта были выслушаны въ собраніи конференціи. Различіе проектовъ, сказалъ онъ, — сводится въ сущности къ двумъ пунктамъ: къ проложенію путей, которые соединяли бы между собою крайнія станціи, и къ созданію новаго порта на восточномъ берегу. Съ точки зрѣнія французской это послѣднее обстоятельство имѣетъ лишь второстепенное значеніе: въ крайнемъ случаѣ можно довольствоваться и портомъ Багамайо. Что же касается устройства путевой связи между станціями, то какъ это ни затруднительно, а должно быть осуществлено, хотя бы и не теперь, а лишь впоследствии; но и въ настоящее время опредѣляются главныя основанія этого дѣла, именно избраніе пунктовъ для научныхъ станцій. Относительно матеріальныхъ средствъ для осуществленія всего предпріятія адмиралъ выразилъ убѣжденіе, что они найдутся при содѣйствіи какъ европейскаго общества, такъ и правительствъ. Рѣчь свою адмиралъ заключилъ предложеніемъ учредить въ Брюсселѣ, подъ предсѣдательствомъ короля Леопольда, международную комиссію, которая обсудила бы въ подробностяхъ планъ предпріятія и затѣмъ руководила бы его исполненіемъ.

Когда послѣ этой рѣчи и замѣчаній другихъ ораторовъ окончательно выяснилась согласимость проектовъ, засѣданіе конференціи, по предположенію барона Гофмана, было прервано съ тою цѣлью, чтобы делегаты обѣихъ группъ выработали немедленно объединительный проектъ рѣшенный. Предложеніе это было принято и приведено въ исполненіе, и результатомъ такихъ усилій оказался слѣдующій докладъ, редактированный г. Мопуаромъ:

„Для достиженія цѣлей международной Брюссельской конференціи, то-есть, для научнаго изученія неизвѣданныхъ частей Африки, для проложенія пути цивилизаціи внутрь Африканскаго материка и для изысканія способовъ къ прекращенію тамъ торгова Неграми слѣдуетъ: 1) устроить на основаніи общаго международного плана изслѣдованіе неизвѣстныхъ частей Африки, ограничивъ предѣлы области изученія съ востока и запада морскими берегами, съ юга — бассейномъ Замбезе, а съ сѣвера — границами новыхъ египетскихъ приобрѣтеній и независимымъ Суданомъ; наилучшій способъ для осуществленія этого изслѣдованія есть отправка достаточнаго количества отдѣльныхъ путешественниковъ, которые должны двинуться съ различныхъ пунктовъ; 2) учредить, въ видѣ исходныхъ пунктовъ изслѣдованія, нѣсколько „научныхъ“ и „страннопріимныхъ“ станцій какъ на берегахъ Африки, такъ и внутри материка. Однѣ изъ этихъ станцій должны быть устроены на восточномъ и западномъ берегахъ Африки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ европейская цивилизація уже нашла себѣ пріютъ, какъ напримѣръ, въ Вагамоио и въ Лоандѣ. Станціи должны имѣть характеръ складочныхъ пунктовъ, могущихъ снабжать путешественниковъ средствами для существованія и для научныхъ работъ. Онѣ могутъ быть основаны экономически и поручены заведыванію пребывающихъ въ тѣхъ мѣстахъ Европейцевъ. Другія станціи имѣютъ быть основаны въ тѣхъ пунктахъ внутренней Африки, которые могутъ теперь же служить исходною точкой изысканій. Сперва должно основать такія станціи въ мѣстностяхъ, которыя уже теперь могутъ быть признаны какъ наиболѣе благопріятныя. Въ такомъ смыслѣ можно указать на Уджиджи, Ниагве и резиденцію короля Муата-Луво или какой-либо другой пунктъ въ его владѣніяхъ. Дальнѣйшія изслѣдованія укажутъ на другіе пункты, гдѣ могутъ быть учреждены подобныя же станціи. Предоставляя будущему заботу объ учрежденіи прочныхъ сообщеній между станціями, конференція въ особенности выражаетъ желаніе, чтобъ учреждена была линія сообщеній между двумя океанами приблизительно въ томъ направленіи, какимъ прошелъ командоръ Камеронъ. Затѣмъ конференція выражаетъ желаніе, чтобъ учредились линіи движенія съ сѣвера на югъ. Въ заключеніе конференція теперь же считаетъ долгомъ обратиться къ доброй волѣ и содѣйствию всѣхъ путешественниковъ, памѣреющихся предпринять ученія изслѣдованія въ Африкѣ“.

По обсужденіи этого доклада собраніемъ, конференція, по предложенію сэра Алькока, перешла къ обсужденію вопроса объ органи-

заціи постоянного комитета, который давалъ бы движеніе ея рѣшеніямъ; но въ виду невозможности прійти немедленно къ опредѣленнымъ заключеніямъ, августѣйшій предсѣдатель конференціи, послѣ нѣкотораго обмѣна мыслей между членами, предложилъ, чтобъ особая коммисія составила по этому предмету докладъ для внесенія въ слѣдующее засѣданіе, и предложеніе это было принято единогласно.

На слѣдующій день, 2-го (14-го) сентября, конференція снова собралась для выслушанія и обсужденія доклада о постоянномъ комитетѣ. Лица, составлявшія предварительную коммисію, на столько сошлись въ своихъ взглядахъ по этому предмету, что докладчикъ ея, П. П. Семеновъ, могъ заявить о томъ въ самомъ началѣ засѣданія; при обсужденіи же внесеннаго имъ проекта, замѣчанія, высказанныя членами конференціи, и въ томъ числѣ—самимъ королемъ Леопольдомъ, касались только частныхъ, и послѣ краткаго обмѣна мнѣній, по нимъ состоялось полное соглашеніе. Въ окончательномъ своемъ видѣ проектъ этотъ заключается въ слѣдующемъ:

„1) Учреждается международная коммисія для изученія и просвѣщенія центральной Африки, а равно образуются національные комитеты, которые должны быть въ связи съ коммисіей и по возможности сосредоточивать всѣ усилія въ этомъ отношеніи и своими содѣйствіемъ облегчать исполненіе рѣшеній коммисіи. 2) Національные комитеты создаются по тому способу, какой сами признаютъ удобнѣйшимъ. 3) Коммисія должна состоять изъ предсѣдателей главныхъ географическихъ обществъ, которые нынѣ имѣютъ своихъ представителей на Брюссельской конференціи или пожелаютъ впоследствии примкнуть къ ея программѣ, а также изъ двухъ членовъ, назначаемыхъ національнымъ комитетомъ. 4) Президенту предоставляется право припимать въ составъ коммисіи представителей странъ, кои нынѣ не участвуютъ въ конференціи. 5) Предсѣдателю предоставляется право пополнять составъ конференціи дѣйствительными и почетными членами. 6) Центральная коммисія, выработавъ свой уставъ, обязана чрезъ посредство исполнительнаго комитета, направлять предпріятія и работы, имѣющія цѣлью осуществленіе цѣлей коммисіи, а равно заимствовать средствами, доставляемыми отъ правительствъ, національныхъ комитетовъ и частныхъ лицъ. 7) Исполнительный комитетъ долженъ имѣть мѣстопробываніе при предсѣдателѣ и состоять изъ трехъ или четырехъ членовъ, избранныхъ нынѣ настоящею конференціей, а впоследствии—международною коммисіей. 8) Члены комитета собираются по приглашенію предсѣдателя. 9) Предсѣдатель

избираетъ генеральнаго секретаря, который, въ силу своего назначенія, становится членомъ и казначеемъ международной комисіи и исполнительнаго комитета*.

Формулированное такимъ образомъ положеніе о международной комисіи было утверждено конференціей, и вслѣдъ затѣмъ члены ея, по предложенію сэра Вартля Фрера, просили короля Леопольда благосклонно принять въ ней предсѣдательство; его величество изъяснилъ на то свое согласіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что въ виду международнаго характера комисіи онъ можетъ согласиться исполнять обязанности предсѣдателя не далѣе какъ на одинъ годъ. Послѣ того конференція, по предложенію барона Гофмана, избрала трехъ членовъ исполнительнаго комитета, а именно: отъ Великобританіи — сэра Вартля Фрера, отъ Германіи — г. Нахтигала, и отъ Франціи — г. Катрфажа.

Когда такимъ образомъ занятія комисіи были изчерпаны, адмиралъ Ла-Ронсьеръ ле-Нури, отъ лица своихъ сочленовъ, выразилъ общую ихъ признательность королю Леопольду II за его просвѣщенную инициативу въ томъ великомъ дѣлѣ, ради котораго собралась настоящая конференція, и подтвердилъ общую готовность служить подъ его руководствомъ осуществленію указанныхъ имъ задачъ просвѣщенія и гуманности. Въ заключеніе совѣщаній король, съ своей стороны, благодарилъ членовъ конференціи за ихъ горячее участіе къ идеѣ, его занимающей, и высказалъ увѣренность, что при общемъ сочувствіи задуманное дѣло будетъ имѣть прочный успѣхъ.

Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ государствахъ уже образовались національные комитеты, и такимъ образомъ есть надежда, что великое дѣло изученія и просвѣщенія внутрепей Африки, остановившее на себѣ просвѣщенную мысль короля Бельгійцевъ, станетъ мало по малу привлекать къ себѣ общественное вниманіе въ разныхъ странахъ Европы и затѣмъ подвигаться къ осуществленію.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Дерптскаго университета въ 1875 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедръ; новыя кафедръ; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; награды медалями; ученые труды преподавателей; публичныя лекціи; испытанія на ученые степени и званія; командировки съ ученою цѣлію; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Въ Дерптскомъ университетѣ къ 1-му января 1876 года состояло штатныхъ преподавателей: по богословскому факультету: ординарныхъ профессоровъ—5, доцентовъ—1; по юридическому: ординарныхъ профессоровъ—5; по медицинскому: ординарныхъ профессоровъ—11, экстраординарныхъ—1, прозекторъ—1, ученый аптекаръ—1, доцентовъ—3; по историко-филологическому: ординарныхъ профессоровъ—7, экстраординарныхъ—3, доцентовъ—2, лекторовъ—4; по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ—8, экстраординарныхъ—1, астрономъ-наблюдатель—1, доцентъ—1. Сверхъ того состояли: профессоръ богословія для студентовъ православнаго исповѣданія—1, доцентъ началъ архитектуры—1 и учителей искусствъ—6. Всего въ университетѣ штатныхъ преподавателей, сверхъ профессора православнаго богословія, имѣлось: ординарныхъ профессоровъ—36, экстраординарныхъ—5, прозекторъ—1, астрономъ-наблюдатель—1, ученый аптекаръ—1, доцентовъ—8, лекторовъ—4, учителей искусствъ—6, итого 63. Приватъ-доцентовъ при университетѣ было—4, по слѣдующимъ предметамъ: спеціальной патологіи, акушерству, химіи, сельскому хозяйству и сельско-хозяйственной химіи. Изъ числа положенныхъ по уставу кафедръ вакантною была: государственнаго и пароднаго права—съ 25-го ноября 1875 г. и сельскаго хозяйства

и технологии — съ 19-го февраля 1875 г.; кромѣ того 4 доцентуры. Преподаваніе по кафедрѣ сельскаго хозяйства и технологии возложено было на приватъ-доцента Книрима.

Въ 1875 году факультеты имѣли засѣданій: богословскій — 11, юридическій—14, медицинскій — 18, историко-филологическій—16 и физико-математическій—21. Съ начала января 1875 года вновь учреждены двѣ кафедры: а) древне-классической филологіи, греческихъ и римскихъ древностей, къ которой отнесена часть предметовъ, дотолѣ читанныхъ по кафедрѣ древне-классической филологіи, исторіи литературы и древне-классической филологіи и археологіи, и б) физической географіи и метеорологіи, которая составила изъ части предметовъ, читанныхъ на кафедрѣ физики. Въ учебные планы студентовъ математическихъ наукъ и ботаники включены отдѣлы общихъ предметовъ какъ особые предметы, по которымъ студенты подвергаются испытаніямъ для пріобрѣтенія званія дѣйствительнаго студента и званія кандидата. Поводомъ къ этому послужили, съ одной стороны, невозможность для преподавателей, при нынѣшнемъ состояніи науки, прочесть въ одномъ семестрѣ общіе предметы во всемъ ихъ объемѣ, а съ другой — успѣшная обработка отдѣльныхъ частей общихъ предметовъ въ новѣйшее время. Вслѣдствіе этого увеличилось число предметовъ испытанія, требованія же отъ испытуемыхъ остались тѣ же. Для студентовъ химіи, основныя ученія высшаго анализа, которыя дотолѣ были лишь рекомендованы студентамъ подъ названіемъ дифференціального и интегрального исчисленія, включены въ учебный планъ какъ главный предметъ испытанія. Медицинскій факультетъ предполагалъ учредить кафедры гистологіи, эмбриологіи и сравнительной анатоміи вмѣсто должности перваго прозектора, съ причисленіемъ къ этой кафедрѣ соответственныхъ предметовъ, доселѣ читаемыхъ профессоромъ анатоміи. Тѣмъ же факультетомъ составлены новыя учебныя планы, имѣющіе цѣлю достиженіе студентами болѣе основательнаго медицинскаго образованія и болѣе значительныхъ успѣховъ. Медицинскимъ же факультетомъ постановлено принять на будущее время болѣе строгія мѣры при допущеніи или недопущеніи студентовъ къ *examen philosophicum*, для побужденія ихъ къ большей добросовѣстности при изученіи естественныхъ наукъ. — Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ, независимо стипендій, пособій, освобожденія отъ взноса гонорарія, присужденія медалей за научныя труды, изданія отличнѣйшихъ изъ нихъ на счетъ университета, и друг., служили по всѣмъ факультетамъ бесѣды, ре-

петиціи, практическія занятія и упражненія въ письменныхъ работахъ, и въ такихъ занятіяхъ студенты участвовали въ значительномъ количествѣ. Изъ представленныхъ для пріобрѣтенія ученой степени разсужденій особенною основательностію, полнотою и самостоятельностью отличались слѣдующія: кандидата богословскаго факультета *О. Пету*—„Ueber die Versöhnungslehre mit Beziehung auf Ritschl“; кандидатовъ юридическаго факультета: *В. Дрейерсдорфа*—„Münzverbrechen und Vergehen nach gemeinem Recht“, *В. Гебауера*—„Beitrag zur Lehre von den Verbrechen gegen das Leben nach der Uloshenie vom Jahre 1649“, *О. Эйхельмана*—„Betrachtungen über russische Staatsverträge aus der Zeit Peters des Grossen, nebst Berücksichtigung der russisch-schwedischen und russisch-türkischen aus dem weiteren Verlauf des 18 Jahrhunderts bis 1792“, *К. Залескаю*—„Von dem Beweise durch Zeugen nach der Criminalprocessordnung vom 20 November 1864“, *Ф. фонъ-Клота*—„Der livländische Landtag der polnischen Zeit nach den Constitutionen von 1582“, *Н. фонъ-Клота*—„Zur Lehre von der Bevorzugung des männlichen Geschlechts vor dem weiblichen bei der Erbfolge der Blutsverwandten nach livländischem Recht“, *О. фонъ-Рыстера*—„Ueber die Satzung des livländischen Landrechts zur Zeit der beschöflichen und Ordensherrschaft als Grundlage des späteren Erbpfandbesitzes“ и *М. фонъ-Гафнера*—„Das städtische Grundzinrecht nach dem Rechte der Stadt Riga“; кандидатовъ физико-математическаго факультета: *М. Воьфа*—„Untersuchungen über die Entwicklung des Knochengewebes“, *А. Яковичкаю*—„Zur physiologischen Wirkung der Bluttransfusion“, *Ф. Верн*—„Beiträge zur Pharmakologie und Toxikologie der Jodpräparate“ и *Э. Гершельмана*—„Anatomische Untersuchungen über die Schweissdrüsen des Menschen“; докторовъ медицины: *В. Оствальда*—„Ueber die chemische Massenwirkung des Wassers“ и *А. Лаюріо*—„Mikroskopische Analyse osthal-tischer Gebirgsarten“.

За представленные на заданныя темы сочиненія удостоены золотыми медалями студенты: богословскаго факультета—*Ф. Кнауеръ* и *К. Кузницъ*, юридическаго—*Х. Беренсъ*, историко-филологическаго факультета—*О. Базинеръ* и *К. Меттисъ*. Студенты эти представили сочиненія на слѣдующія темы: Кнауеръ—„Можно ли оправдать текстъ Матѳ. XI, 25 и слѣд. какъ составную часть синоптической традиціи ученія“, Кузницъ—„Ветхозавѣтное понятіе правосудія Божія“, принимая въ особенное соображеніе ученіе Ричля, Беренсъ—„Критическая обработка ученія объ облегчительныхъ обстоятельствахъ въ его

историческомъ развитіи и въ тѣсномъ отношеніи къ новѣйшимъ законодательствамъ французскому и германскому“, Базиперъ — *Ranaias in describendis artis potissimum operibus qua via ac ratione usus sit*“, Меттигъ — „Исторія рижскаго архіепископа Фромгольда“.

Преподаватели Дерптскаго университета и другіе служащіе въ ономъ лица издали въ свѣтъ слѣдующіе ученые труды: профессоры: А. фонъ-Эттингенъ: „*Offener Brief in Betreff der Gedanken über die zukünftige Gestaltung der Sociaethik*“, „*Wesen und Recht der Glaubensgewissheit*“ въ *Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit Russlands*, „*Inspiration und Infallibilität*“ (тамъ же), „*Ein Wort über die neuere Kirchenpolitik mit Beziehung auf Thiersch und Guffcken*“ (тамъ же); Фолькъ — „*Predigt über Römer 13, 8—10*“ и помѣстил въ повременномъ изданіи *Lutherische Zeitschrift von Guericke-Dellttsch* подробную рецензію Эвальда „*Hebraische Grammatik für Anfänger*“; Мюлау — помѣстил рядъ статей по библейской географіи въ *Handwörterbuch des biblischen Alterthums von Riehm*; Ф. Гершельманъ — помѣстил въ *Mittheilungen und Nachrichten für evangelische Geistlichkeit Russlands*: „*Altarrede, gehalten im Synodalgottesdienst*“ и „*Entgegnung auf Pastor Grüners Artikel über die preussischen kirchenpolitischen Gesetze*“; О. Шмидтъ — напечаталъ „*Constitutionen, Publicationen und Circularbefehle des livländischen Hofgerichts*“ и помѣстил въ *Dorpater Zeitschrift für Rechtswissenschaft* подробную критику сочиненія доктора Фр. фонъ-Бунге „*Geschichte des Gerichtswesens und Gerichtsverfahrens in Liv., Est. und Curland*“; Эрдманъ — помѣстил въ *Dorpater Zeitschrift für Rechtswissenschaft* статью подъ заглавіемъ „*Sind die Reallasten und das Nâherrecht des Provinzialgesetzbuchs dingliche oder persönnalische Rechte*“; Г. фонъ-Эттингенъ — помѣстил въ *Dorpater medicinische Zeitschrift* статью „*Zur operativen Behandlung der Folgezustände des Trachoms*“; Бенксеръ — помѣстил: „*Ueber die circumscriptive Keratitis*“ въ *Archiv für pathologische Anatomie von Virchow*, „*Berichte eine Anzahl Sectionsbefunde*“ въ *Dorpater medicinischen Zeitschrift*, а въ этомъ же послѣднемъ журналѣ рядъ рецензій; Драгендорфъ — напечаталъ вторымъ изданіемъ: „*Die gerichtlich — chemische Ermittlung von Giften*“ въ *Jahresbericht über die Fortschritte der Farmakognosie, Pharmacie und Toxikologie* и „*Studies upon essential vils*“ въ *Pharmaceutical Journal and Transactions*, и издалъ французскій переводъ своего сочиненія „*Chemische Werthleestimmung starwirken der Drogen*“; Фозель — помѣстил въ *Wiener Wochenschrift* статью подъ загла-

вѣемъ „Zur Frage der Dentitionsbeschwerden“ и напечаталъ седьмий изданіемъ свое сочиненіе „Ueber die Kinderkrankheiten“; *А. Шмидтъ* — помѣстилъ въ Archiv von Pflüger: „Weitere Untersuchungen des Blutserum, der Eierweisses und der Milch durch Dialyse mittelst geleimten Papiers“ и „Ueber die Beziehung der Blutkörperchen zur Faserstoffgerinnung“; *Берманъ* — напечаталъ въ Dorpater medicinische Zeitschrift статью „Ueber die Operation der Angiome“; *Бѣль* — помѣстилъ въ Archiv für experimentelle Pathologie und Pharmakologie статьи: „Ueber die Wirkungen der Baryfalze“, „Untersuchungen über den nerven accelerator cordis der Kätze“ и „Ueber paradoxe Vaguswirkungen an curarisirten Thieren“; *Спида* — напечаталъ: въ Archiv für microscopische Anatomie von Waldeger — „Ueber die Entwicklung der Knochen und des Knochengewebes“, въ Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie — „Ueber den Bau des centralen Nervensystems der Schildkröte“ и въ Sitzungsberichte der Dorpater Naturforschergesellschaft — „Ueber die Fortpflanzung des Axolotl“; *Розенбергъ* — помѣстилъ въ Morphologisches Jahrbuch von C. Gegenbauer „Ueber die Entwicklung der Wirbelsäule und der centrali carpi“; *Мейсръ* — издалъ: „Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namensverzeichnis und Glossar“ и „Zur Lehre von digamma“ въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung von Kuan, и помѣстилъ въ Göttingensche gelehrte Anzeigen нѣсколько подробныхъ рецензій; *Брихнеръ* — помѣстилъ статьи: въ Russische Revue — „Zur Geschichte Peters des Grossen“, „Zur Charakteristik der Kaiserin Kattarina I.“ и „Zur Geschichte der didaktischen Litteratur in Russland im XVIII Jahrhundert“, въ Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія — „Расходная книга патриарха Никона“, „Иванъ Посошковъ“, въ журналь Древняя и Новая Россія — „Иоаннъ Антоновичъ и его родственники, 1741 — 1807“, „Замѣтку о Фокеродтѣ“, и въ Сборникѣ государственныхъ знаний — рецензію сочиненія Шубинскаго о Минихѣ; *Тейхмюллеръ* — напечаталъ пятое изданіе книги „Historia Philosophiae Graecae et Romanae ex fontium locis contexta a H. Ritter et L. Preller“ и помѣстилъ: въ Göttingensche gelehrte Anzeigen — объявленіе этой книги и рецензію книги Ф. Гармса „Ueber den Begriff der Psychologie“, въ Philologus — Ueber den Ursprung des terminus ἐκασωτή, въ Philosophische Zeitschrift von Fichste und Ulrici — „Ungedruckte Briefe von Kant und Fichte“; *Петерсенъ* — издалъ „Emanationes“, пригласительную статью на годовщину Дерптскаго университета, и напечаталъ въ Berliner archäologische Zeitung статью

„Die neueste Erklärung des Westgieselgruppe des Parthenon“; *Лексис* — помѣстилъ въ Jahrbücher für Nationaloeconomie und Statistik von Hildebrandt статью „Zur mathematischen Statistik“; *Роль* — напечаталъ въ Rheinisches Museum — „Zur Handschriftenkunde von Ciceros Briefen“, въ Acta societatis philologiae Lipsiensis — „Ueber den Codex Meermannianus des Anonymus Valerianus“ и „Zur westgothischen Paläographie“, въ Jahrbücher der Philologie von Fleckeihen — „Pactus Thræsea in Marburg“, въ Eusebius rec. A. Schöne — „Hieronimi Chroniconum Canonum codicis Middlehillensis discrepantia“, и въ Jenaer Literaturzeitung подобныя рецензии о „L. Rufus ed. Förste“, „Ammianus e. l. Gardthausen. vol. I“ и „Goethe: de Dionysin Periegetae fontibus“ и краткія рецензии въ Centralblatt von Zarncke; *Гаусманъ* — помѣстилъ въ Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft статью „Ueber den Codex Dorpatensis der Chronick des Balthasar Russon“ и нѣсколько рецензій меньшаго объема; *Висковатовъ* — помѣстилъ въ Russische Revue статью „Ueber Typen und Charaktere in der russischen Volks und Kunstliteratur“; *Миндинъ* — написалъ „Ueber die Curven kürzesten Umfanges auf Umdrehungsflächen“; *К. Шмидтъ* (вмѣстѣ съ академикомъ Абиномъ) — напечаталъ: „Untersuchungen von Kaukasischem Mineralwasser des Kubantales und seiner Seitenthäler“ и „Untersuchungen von Salzauswitterungen, Salpetererden und Petroleum — Sandstein des Kuban — Baksan — und Balachangebietes“; *Гревинъ* — напечаталъ статьи: въ Sitzungsberichte der Dorpater Naturforschergesellschaft — „Das Ineinandergreifen und Zusammenwirken von Naturwissenschaft, Archäologie etc.“, въ Sitzungsberichte der gelehrten ostnischen Gesellschaft — „Ueber ein Heidengrab von Cronon in Livland und die Unterscheidung heidnischer Liven- und Lettengräber“, и „Ein ostbaltisch-antiquarischer Fundbericht von I. 1819 vom Standpunkt gegenwärtiger altisch — archäologischer Kenntniss“; *А. фонъ-Эттингенъ* — помѣстилъ въ Annalen von Poggendorff статью „Ueber Temperatur und Adiabate“; *Руссовъ* — напечаталъ въ Botanische Zeitung „Einige Bemerkungen zu den Beiträgen zur Physiologie der Pflanzenselle des Herrn Tschistiakoff in № 1, 2 und 3 der botanischen Zeitung“ и „Betrachtungen über das Leitbündel und Grundgewebe aus vergleichend morphologischem und phylogenetischem Gesichtspunkt“; *Вейраухъ* — помѣстилъ въ Zeitschrift für Mathematik und Physik von Schlömilch; „Ueber die Anzahl der Lösungen diophantischer Gleichungen bei theilfremden Coefficienten“, „Ueber die Ausdrücke $\Sigma f_u^{(m)}$ und die Umgestaltungen der Formel für Lösungsanzahlen; Anwendung der

Formel in der Combinationslehre" и „Anzahl der Auflösungen einer unbestimmten Gleichung für einen speciellen Fall mit theilfremden Coefficienten", и вмѣстѣ съ профессоромъ А. фонъ-Эттингеномъ издалъ „Meteorologische Beobachtungen in Dorpat, Jahrgang IX. 1874"; доценты; Рейтеръ -- помѣстилъ въ Archiv von Langenbeck „Die Laryngostrictur und ihre Behandlung mittelst des künstlichen Kehlkopfs" и „Die Behandlung der Spondylitis lumbodorsalis mittelst der permanenten Extension"; Вальмъ — помѣстилъ въ журналъ Ein neuer Reich „Briefe von Louis Napoleon und Stephanie von Baden an Friedrich—Christoph Schlosser"; Зейдлицъ — напечаталъ: „Die Darwinsche Theorie. Vorlesungen über die Entstehung der Thiere und Pflanzen. Zweite vermehrte Auflage" и „Fauna baltica „Die Käfer der Ostseeprovinzen, Lief. IV" въ Archiv der Dorpater Naturforschergesellschaft; приватъ-доценты: Лембергъ — помѣстилъ въ Zeitschrift der deutschen Gesellschaft статью „Ueber die Terpentine von Zöblitz, Greifendorf und Waldheim", фонъ-Киримъ — помѣстилъ въ Zeitschrift für Biologie статью „Asparagiusäure, ein Produkt der künstlichen Verdauung von Kleber, durch die Pankreasdrüse"; астрономъ наблюдатель Брунсъ -- написалъ „Ueber die Perioden der elliptischen Integrale erster und zweiter Gattung"; ученый аптекаръ Мазинъ — помѣстилъ въ Archiv der Pharmacie статью „Ueber die Alkaloide des Chelidonium majus". — Публичныя лекціи читали: профессора: фонъ-Энгельгардтъ — „О силѣ и правѣ вѣры", Фолькъ — „О новоперсидскомъ языкѣ", Мюлау — „Какъ составились пять книгъ Моисеевыхъ", Эрдманъ — „О государствѣ и церкви", „Собственность и ея противники", „Покушка уничтожить насѣ", и „Происхождение средняго сословія"; Вульмерингъ — „Политическія и неполитическія партіи", г. фонъ-Эттингенъ — „О существѣ грануляціоннаго воспаления соединительной оболочки глаза", Ветхеръ — „О структурѣ красныхъ кровяныхъ тѣлецъ" и „Объ отношеніи вепъ и печени при проказѣ"; Драгендорфъ — „О дѣйствующихъ составныхъ частяхъ рожковъ" и „Объ анализѣ лблоковъ второй Дерптской овощной выставки"; Фогель — „О причинахъ тифа" и „О прирожденномъ état crible оболочки мозжечка"; Бергманъ — „О заболѣваніи мозжечка" и „О голубомъ гноѣ"; Бемъ — „О пищѣ и питавіи", Стида — „О составѣ оболочекъ мозжечка" и „Объ аксолотлѣ"; Гофмацъ — „О лимфатическихъ сосудахъ легкихъ" и „О легочной дістѣ"; Мейеръ — „Къ исторіи личностей Дерптскаго университета", Брикнеръ — „Путешествіе Русскихъ въ вѣкѣ Петра-Великаго" и „О пресѣченіи войны", Мит-

гофъ— „О Іоаннѣ-Гейнрихѣ фонъ-Тюпенѣ“, Лексисъ— „Объ англійской системѣ Счек'овъ и Сарингхous'a“, Рюль— „О Средиземномъ морѣ“ и „Объ извозчищемъ промыслѣ въ Лондонѣ“, Гаусманъ— „Нѣмецкій епископъ (архіепископъ Альбертъ Бременскій)“, Висковатовъ— „О басняхъ Крылова“, К. Шмидтъ— „О питательныхъ веществахъ“, Гельмлингъ— „О примѣненіи къ технологіи элементарной механики и физики“ и „Объ озонѣ“, Гревингъ— „О языческой могилѣ въ Кремонѣ, Лифляндской губерніи, и о различеніи языческихъ могилъ Ливовъ и Латышей“, А. фонъ-Эттингенъ— „Объ ученіи о теплородѣ и электричествѣ въ техническомъ примѣненіи“; астрономъ-наблюдатель Врунсъ— „О задачѣ астрономической обсерваторіи“ и „О поверхности луны“; доценты: Рейгеръ— „О структурѣ гортани и излеченіи ея каучуковою гортанью“ и „О новомъ способѣ удаленія опухоли языка и глотки“, Вальтцъ— „Объ Ульрихѣ Гуттенѣ“ и „О германской крестьянской войнѣ“; приватъ-доцентъ Кесслеръ— „О развитіи капсулы хрусталика глаза“, лекторъ Веске— „Объ одной этской пѣвицѣ“.

Совѣтъ Дерптскаго университета имѣлъ въ теченіе 1875 года 19 засѣданій. Утверждены въ ученыхъ степеняхъ: доктора медицины— лекаря Юлій *Вульфъ*, Игнатій *Вассерталь*, Гейнрихъ *Нусбаумъ*, Фридрихъ *Фе*, Антонъ *Яковичкій*, Юстусъ *Циленко*, Исаакъ *Фейерманъ*, Адамъ *Виктескій*, Фридрихъ *Беръ*, Эрнстъ *Гершельманъ*, Артуръ *Бете* и Фёдоръ *Гюфманъ*; въ степени магистра: кандидатъ Максимилианъ *Штильмаркъ*— уголовного права, докторъ Лейпцигскаго университета Альфредъ *Шмидтъ*— политической экономіи, провизоры Эдвинъ *Іоанссъ* и Пирсъ *Трояновскій*— фармаціи. Возведены въ степень доктора: заслуженный профессоръ Александръ *фонъ-Бунге*— ботаники и ординарный академикъ Іогапъ-Фридрихъ *Брандтъ*— зоологіи, оба *honoris causa*, по случаю празднованія 50-ти лѣтняго юбилея пріобрѣтенія ими степени доктора медицины. Въ прочихъ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ утверждено: кандидата — 52, въ томъ числѣ по богословскому факультету — 6, по юридическому — 28, по историко-филологическому — 6, по физико-математическому — 12; дѣйствительнаго студента — 27, именно: по богословскому факультету — 8, по юридическому — 10, по историко-филологическому — 4, по физико-математическому — 5; лекаря — 11, уѣзднаго врача — 2, акушера какъ члена врачебной управы — 1, инспектора врачебной управы — 1, провизора — 28, аптекарскаго помощника — 47, зубнаго врача — 6, повивальной бабки — 30. Для приготовленія къ

экзамену на степень магистра древне-классической филологіи командированъ былъ за границу кандидатъ богословія *Обласимскій*.

Съ учебною цѣлію командированы были: доцентъ Рейгеръ — въ Берлинъ, для участія въ конгрессѣ хирурговъ, ассистентъ акушерской и женской клиники, приватъ-доцентъ Кесслеръ — въ Германію, для ознакомленія съ тамошними акушерскими клиниками, а доценту Бунге, командированному за границу для усовершенствованія по органической и физиологической химіи въ Лейпцигской и Страсбургской лабораторіяхъ, срокъ пребыванія за границей продолженъ на одинъ годъ.

Состояніе денежныхъ средствъ Дерптскаго университета въ 1875 году представляется въ слѣдующемъ видѣ: а) штатной суммы: осталось отъ 1874 года 11. 145 руб. 77 коп., въ 1875 году ассигновано — 241.831 руб. 74 коп., израсходовано — 239.754 руб. 6 коп., въ остаткѣ къ 1-му января 1876 года — 13.223 руб. 74 коп.; б) специальныхъ средствъ: сбора со студентовъ въ пользу университета и за матеріалы: отъ 1874 года осталось — 1.294 руб. 73 коп., поступило въ 1875 году — 7.231 руб. 48 коп., израсходовано — 6.154 руб. 67 коп., осталось къ 1876 году — 2.371 руб. 74 коп.; пожертвованныхъ: оставалось отъ 1874 года 54.790 руб. 5 коп., въ приходѣ было — 19.901 руб. 21 коп., израсходовано — 18.720 руб. 38 коп., въ остаткѣ къ 1876 году — 55.974 руб. 88 коп.

Студентовъ къ 1-му января 1876 года состояло на лицо — 735, въ теченіе года поступило — 267, въ томъ числѣ: изъ гимназій — 148, изъ духовныхъ семинарій — 9, изъ раввинскихъ училищъ — 1, аптекарскихъ помощниковъ — 41, изъ другихъ университетовъ — 17, бывшихъ студентовъ Дерптскаго университета — 51; въ 1875 году выбыло — 232, въ томъ числѣ: до окончанія курса — 132, по окончаніи курса — 100; затѣмъ къ 1-му января 1876 года состояло — 770, которые были распределены по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на богословскомъ — 91, на юридическомъ — 183, на медицинскомъ — 318 (медиковъ — 244, фармацевтовъ — 74), на историко-филологическомъ — 112 (филологовъ — 71, камералистовъ — 41), на физико-математическомъ — 66 (по математическому разряду — 23, по разряду естественныхъ наукъ — 43). Постороннихъ слушателей поступило въ 1875 году — 14, которые и выбыли въ томъ же году, изъ нихъ 13 до окончанія и 1 — по окончаніи курса. Изъ общаго числа бывшихъ въ 1876 году 1.002 студентовъ освобождено было отъ платы — 169, что составляетъ 16, 97% общаго числа. Степен-

дін получали 71 студентъ, въ размѣрѣ отъ 45 до 500 руб., всего на сумму 12.766 руб. 8 коп. Изъ числа этихъ стипендій 50, на 10.108 руб. 32 коп., производились на счетъ суммъ государственнаго казначейства, а остальные 21, на 2.657 руб. 76 коп. — на пожертвованія частныхъ лицъ. Единовременныхъ пособій выдано было 41 студенту, въ размѣрѣ отъ 10 до 30 руб., всего 1.160 руб. на счетъ суммъ университета.

Учебно-вспомогательная учрежденія Дерптскаго университета къ 1-му января 1876 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библіотекѣ состояло: русскихъ и иностранныхъ книгъ — 77.802 названія въ 119.743 томахъ на сумму 335.571 руб., русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій — 383 названія въ 10.007 томахъ на 27.184 руб., рукописей — 725 томовъ и тетрадей на 2.309 руб. 60 коп., картъ, портретовъ, рисунковъ, чертежей и т. п. — 5.645 листовъ на 2.613 руб., диссертаций — 57.395 экземпляровъ на 5.739 руб. Библіотекой пользовались 564 студента. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ: книгъ и эстамповъ — 1.163 названія въ 1.288 томахъ, періодическихъ изданій — 31 названіе въ 158 томахъ и 11 тетрадяхъ, всего на 13.013 руб., древностей и снимковъ — 7.178 номеровъ на 15.099 руб., монетъ и медалей — 7.382 номера на 7.626 руб., фотографій — 567 номеровъ на 403 руб. Въ математическомъ кабинетѣ: книгъ — 127 названій въ 193 томахъ на 358 руб., періодическихъ изданій — 5 названій въ 102 томахъ на 507 руб., инструментовъ и аппаратовъ — 131 номеръ на 2.210 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: книгъ — 66 названій въ 167 томахъ на 258 руб. 50 коп., періодическихъ изданій — 17 названій 293 тома на 550 руб. 32 коп., таблицъ и картъ — 6 номеровъ 14 экземпляровъ на 17 руб. 92 коп., инструментовъ и аппаратовъ — 955 номеровъ 1.092 экземпляра на 10.256 руб. 17 коп. Практическими занятіями по физикѣ занимались въ каждомъ семестрѣ 3 студента Въ метеорологической обсерваторіи инструментовъ и аппаратовъ — 5 номеровъ 20 экземпляровъ на 886 руб. Въ химическомъ кабинетѣ: книгъ — 92 названія въ 168 номерахъ и 160 томахъ на 879 руб. 55 коп., поврежденныхъ изданій — 6 названій въ 59 номерахъ и 326 томахъ на 924 руб. 14 коп., аппаратовъ и инструментовъ — 742 номера 759 экземпляровъ на 11.705 руб. 25 коп., мебели — 39 номеровъ 77 экземпляровъ на 2.398 руб. 20 коп. Въ лабораторіи химическаго кабинета занимались: въ 1-мъ семестрѣ — 31, во 2-мъ — 42 студента, изъ нихъ новые студенты — качественнымъ, старшіе — ко-

личественнымъ анализомъ, большею частію по минералогической химіи; затѣмъ практическимъ изслѣдованіемъ различныхъ аналитическихъ методовъ и приготовленіемъ препаратовъ для анализа. Изъ числа кандидатскихъ разсужденій, написанныхъ на основаніи работъ въ лабораторіи, напечатаны: *Вермекс* — „Maasanalytische Bestimmung der Molybdänsäure“, *Бюрин* — „Darstellung, Atomgewicht und analytische Bestimmung des didymfreien Cers“ и *Оствальда* — „Ueber die chemische Massenwirkung der Wassers“. Въ минералогическомъ кабинетѣ состояло: книгъ — 557 названій 667 томовъ на сумму 1.158 руб. 50 коп., повременныхъ изданій — 41 названіе 372 тома на 655 руб.; картъ, рисунковъ, моделей — 51 номеръ 129 экземпляровъ на 507 руб. 50 коп., аппаратовъ, инструментовъ и мебели — 117 номеровъ на 4.206 руб. 50 коп., минераловъ — 8.488 номеровъ на 7.267 руб. 75 коп., горныхъ породъ — 7.952 номера на 2.515 руб. 25 коп., окаменѣлостей — 19.996 номеровъ на 9.887 руб. 50 коп. Практическими работами для познанія и опредѣленія минераловъ и окаменѣлостей занимались 20 студентовъ. Въ зоологическомъ музее состояло: книгъ — 59 названій 174 тома на 497 руб. 67 коп., периодическихъ названій — 2 названія 108 томовъ на 138 руб. 92 коп., рисунковъ и моделей — 67 номеровъ на 84 руб. 53 коп., аппаратовъ и инструментовъ — 7 номеровъ на 254 руб. 44 коп., препаратовъ — 661 номеръ на 528 руб., коллекцій животныхъ, яицъ, гнѣздъ и т. п. — 15.609 номеровъ на 13.049 руб. 55 коп. Въ ботаническомъ кабинетѣ и ботаническомъ садѣ: книгъ — 299 названій 474 тома на 674 руб. 5 коп., периодическихъ изданій — 8 названій 88 томовъ на 434 руб. 34 коп., рисунковъ и картъ — 57 номеровъ на 140 руб., сушеныхъ растений — 27.300 номеровъ 151.000 экземпляровъ на 4.000 руб., инструментовъ и аппаратовъ — 8 номеровъ на 487 руб. 82 коп., гипсовыхъ, восковыхъ коллекцій, моделей и т. п. плодовъ — 335 номеровъ, деревьевъ и лѣсныхъ продуктовъ — 941 номеръ, препаратовъ въ спиртѣ — 135 номеровъ, моделей — 118 номеровъ, микроскопическихъ препаратовъ, — 126 руб., всего — 2.004 экземпляра на 411 руб., оранжерейныхъ растений — 2.302 номера 3.875 экземпляровъ на 3.561 руб. 24 коп., плодоносныхъ деревьевъ — 3 номера 12 экземпляровъ на 75 руб., деревьевъ и кустовъ — 345 номеровъ 1.089 экземпляровъ на 1.000 руб., кустарниковъ и травъ — 2.536 номеровъ 3.022 экземпляра, приблизительно на 1.500 руб. Въ микроскопическихъ изслѣдованіяхъ участвовали 13 студентовъ, а въ демонстраціяхъ, въ упражненіяхъ въ анализѣ и т. п. — 97 студен-

товъ. Въ технологическомъ кабинетѣ и лабораторіи для сельскохозяйственной химіи: книгъ — 141 названіе 199 томовъ, повременныхъ изданій — 14 номеровъ 306 томовъ, всего на 1.526 руб. 15 коп., препаратовъ — 701 номеръ на 1.135 руб., моделей — 161 номеръ на 1504 руб., инструментовъ и аппаратовъ — 326 номеровъ 331 экземпляръ на 4.473 руб. 35 коп. Научными изслѣдованіями занимались 2 лица, и произведенныя докторомъ Клиримомъ въ лабораторіи изслѣдованія „Объ обмѣнѣ веществъ у куръ и утокъ“ и „О вліиіи аспарагиновой кислоты и солей амміака на образованіе мочевины и мочевой кислоты въ животномъ организмѣ“ изданы въ свѣтъ. Въ астрономической обсерваторіи состояло: книгъ — 836 названій 1.161 томъ на суммѣ 2.041 руб. 80 коп., періодическихъ изданій — 84 названія 729 томовъ на 8.217 руб., картъ, атласовъ, эстамповъ — 43 номера 44 экземпляра, аппаратовъ и инструментовъ — 154 номера на 30.759 руб. 31 коп. Въ практическихъ упражненіяхъ участвовали 2 студента. Въ фармацевтическомъ институтѣ: книгъ — 82 названія 86 томовъ, періодическихъ изданій — 11 названій 252 тома, тѣхъ и другихъ на 966 руб. 21 коп., аппаратовъ и инструментовъ — 480 номеровъ 1.850 экземпляровъ на 11.337 руб. 62 коп., препаратовъ и реакенцій — 2.648 номеровъ 3.935 экземпляровъ на 3.420 руб., москотильныхъ товаровъ — 1.800 номеровъ 3.304 экземпляра на 1.710 руб., сосудовъ — 8.109 экземпляровъ на 541 руб. 17 коп. Въ практическихъ упражненіяхъ по химіи участвовало 161 лицо; научными работами бѣльшаго объема занимались 12 лицъ. Какъ слѣдствіе этихъ работъ, напечатаны слѣдующія статьи: *Гирисона* — „Vergleichende Untersuchung der wichtigeren im Handel vorkommenden Sorten des Galbanum-und Ammoniakgambis“, *Марки* — „Welcher Smilaxsorte gebührt der Vorzug“, *Христофсона* — „Ueber Saponin“, *Бухтольца* — „Antiseptica und Bacterien“, его же, — „Untersuchungen über den Einfluss der Temperatur auf Bacterienvegetation“. Въ анатомическомъ заведеніи состояло: книгъ и рисунковъ — 213 номеровъ на 1.133 р. 28 коп., статуй и моделей — 6 номеровъ на 93 руб. 43 коп., мебели, инструментовъ и аппаратовъ — 239 номеровъ на 6.481 руб., препаратовъ по человѣческой анатоміи: по остеологіи — 333 номера на 693 руб. 65 коп., по синдесмологіи — 80 номеровъ на 75 руб. 10 к., по міологіи — 3 номера на 5 руб. 75 коп., по итіологіи — 104 номера на 270 руб. 90 коп., по неврологіи — 58 номеровъ на 148 руб. 20 коп., по спланхнологіи — 185 номеровъ на 160 руб. 30 коп., препаратовъ по сравнительной анатоміи: скелетовъ — 381 номеръ на 3.381

руб. 50 коп., череповъ—239 нумеровъ на 893 руб. 40 коп., другихъ препаратовъ по остеологiи—220 нумеровъ на 123 руб. 55 коп., препаратовъ въ спиртѣ—1.477 нумеровъ на 2.055 руб. 45 коп. Труповъ было—27; изъ нихъ 10 употреблено по части хирургической и 17—по части анатомической. Изслѣдованiями труповъ занимались въ каждомъ семестрѣ по 40 студентовъ. Въ физиологическомъ институтѣ состояло: книгъ—127 названiй 155 томовъ на 349 руб. 48 к., периодическихъ названiй —9 названiй 94 тома на 330 руб. 61 коп., картъ и рисунковъ—7 нумеровъ на 39 руб. 62 коп., препаратовъ—4 нумера на 145 руб., аппаратовъ — 292 нумера на 5.036 руб. 48 коп. Въ патологическомъ институтѣ: книгъ —97 названiй 131 томъ на 248 руб., периодическихъ изданiй—3 названiя 20 томовъ на 108 руб., препаратовъ—1.580 нумеровъ на 2.460 руб., инструментовъ — 145 нумеровъ на 1.423 руб. Специальными научными изслѣдованiями, именно о началахъ лимфатическихъ сосудовъ и о тонкой структурѣ слуховаго лабиринта, занимались 2 лица, и результаты этихъ работъ напечатаны. Въ фармакологическомъ институтѣ состояло: книгъ—11 названiй 17 томовъ на 145 руб., периодическихъ изданiй—5 названiй 29 томовъ на 111 руб. 22 коп., москательныхъ товаровъ и препаратовъ — 971 нумеръ на 1.070 руб. 80 коп., аппаратовъ и инструментовъ—159 нумеровъ на 1.912 руб., мебели—52 нумера на 724 руб. 88 коп. Специальными научными изслѣдованiями занималось 5 лицъ; работы трехъ изъ нихъ вышли въ свѣтъ, именно: *Нусбаума* — „Ueber die Wirkungen des Curare und die beschleunigten Herznerven“, *Берна* — „Ueber die pharmakologischen und toxicologischen Eigenschaften der Jodpräparate“ и *Виктемскаю* — „Ueber die Wirkungen des Wasserschiefelings“. Въ рисовальномъ заведенiи состояло: картинъ, рисунковъ, эстамповъ, литографiй и фотографiй—3.702 нумера на 5.516 руб., книгъ и периодическихъ изданiй — 39 названiй 35 томовъ и 112 тетрадей на сумму 291 руб., посуды — 105 нумеровъ на 50 руб. Въ центральномъ музеѣ отечественныхъ древностей: книгъ и периодическихъ изданiй — 412 названiй 469 томовъ, картъ, эстамповъ и рисунковъ — 88 листовъ, древностей — 2.789 нумеровъ, всего на 8.723 руб. 50 коп. Въ клиникѣ медицинской: книгъ — 569 названiй 735 томовъ на 1.735 руб. 18 коп., периодическихъ изданiй — 3 названiя 57 томовъ на 397 руб. 60 коп., аппаратовъ — 32 нумера на 774 руб. 17 коп. Практикантовъ въ клиникѣ было — 48. Больныхъ состояло къ 1-му января 1875 года—2, въ 1875 году поступило — 191, изъ нихъ выздоровѣло — 43, выпущено получившихъ

облегчение или неизлѣчимыхъ — 112, умерло — 35, къ 1-му января 1876 года оставалось — 3. Въ хирургической клиникѣ состояло: книгъ— 929 названій (вмѣстѣ съ диссертациями) 368 томовъ (безъ диссертаций) на сумму 1.183 руб. 99 коп., періодическихъ изданій—6 названій 62 тома на 512 руб., фотографій—167 листовъ на 182 руб., аппаратовъ и инструментовъ—1.034 нумера на 4.000 руб., препаратовъ—214 нумеровъ. Практикантовъ было — 51. Больныхъ къ 1875 году оставалось—28, въ теченіе года припито—358, выздоровѣло—227, выпущено—94, умерло—43, къ 1876 году оставалось—22. Больше важныхъ операций сдѣлано—101. Въ офталмологической клиникѣ состояло: книгъ—451 названія 548 томовъ, періодическихъ изданій—8 названій 115 томовъ на 1.123 руб. 10 коп., инструментовъ и аппаратовъ—416 нумеровъ на 1.640 руб. 33 коп., препаратовъ—9 нумеровъ на 27 руб. 50 коп. Практикантовъ было — 35. Больныхъ въ 1875 году поступило—153, изъ нихъ выздоровѣло—83, выпущено—65, умерло—1, къ 1876 году оставалось—4. Въ акушерской клиникѣ: книгъ—838 названій 980 томовъ на сумму 1.554 руб., періодическихъ изданій—14 названій 212 томовъ на 603 руб., аппаратовъ и инструментовъ—399 названій на 2.008 руб., препаратовъ—188 названій. Практикантовъ было — 50. Больныхъ въ 1875 году поступило—115, изъ нихъ выздоровѣло—72, вышло—37, умерло—1, къ 1-му января 1876 года оставалось—5. Въ университетскомъ отдѣленіи окружной лечебницы: книгъ и атласовъ—5 названій 7 томовъ на 17 руб., картъ и таблицъ—8 нумеровъ на 12 руб., инструментовъ и аппаратовъ—96 нумеровъ 198 экземпляровъ на 1.386 руб. 84 коп., мебели—33 нумера 51 экземпляръ на 171 руб. 24 коп. Практикантовъ было—5. Больныхъ къ 1-му января 1875 года оставалось—17, въ теченіе года прибыло—189, изъ нихъ выздоровѣло—135, выпущено—38, умерло—11, къ 1-му января 1876 года оставалось—22. Вскрытій труповъ и судебно-медицинскихъ изслѣдованій произведено было—37. Въ практическихъ занятіяхъ въ лечебницѣ участвовали только казеннокоштные студенты.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

КЪ ВОПРОСУ О ГРЕЧЕСКИХЪ ГЛАГОЛЬНЫХЪ ФОРМАХЪ ¹⁾.

О глаголь *φρέω* (какъ привыкли его называть невѣрно) я подробно говорилъ въ *Bulletin VI* стр. 424—445=*Mél. Gréco-Rom. II* стр. 519—548 (1863 г.). Затѣмъ, позднѣе я пополнилъ собранный мною матеріалъ въ предисловіи къ *Lex. Vindob.*, стр. XXVII, и могъ бы привести новыя мѣста изъ позднѣйшихъ авторовъ.

Въ достигнутыхъ же мною результатахъ я не могу теперь измѣнить ни единой іоты. Результаты эти суть слѣдующіе: упомянутый глаголь появляется у Аттіковъ (его употребляли Эврипидъ, комики, историки и ораторы) и вездѣ только въ сложныхъ формахъ. Древніе грамматики ошибочно предполагали *φραεσ. φρέω*: вмѣсто послѣдняго новѣйшими грамматиками употребляемое *φρέω* нигдѣ не встрѣчается и имѣетъ столь же мало основанія, какъ и *πίφρημι*, заимствованное изъ одного ошибочнаго мѣста Аристотеля. Нигдѣ въ классическое время не встрѣчающесся *φραεσ.* должно было звучать *φρέημι*, вмѣсто *φρέημι*: ибо по формѣ и значенію глаголь оказывается производнымъ отъ *ήμι*.

Если долго не замѣчали этого, то это объясняется очень просто: съ одной стороны ученые были вводимы въ заблужденіе александрийскими и византійскими грамматиками, которые вовсе не понимали спряженія означеннаго глагола; съ другой—они не различали достаточно отдѣльные періоды въ греческой литературѣ, а это было именно необходимо, ибо упомянутый глаголь послѣ Александра Великаго не сохранилъ ни первоначальнаго своего значенія, ни правильныхъ формъ; наконецъ, отъ аттическаго времени извѣстны лишь немногія мѣста, въ которыхъ встрѣчался этотъ глаголь и нѣкоторые между ними были искажены легкими ошибками. Изъ эпохи до-алек-

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

сандрийской слѣдующіе примѣры этого глагола отчасти сохранились, отчасти же были восстановлены очень вѣроятными конъектурами:

1. Eur. Alc. 1056:

καὶ πῶς ἐπεισφρῶ τήνδε τῆ κείνης λέχει;

2. Eur. Phoen. 264:

ὃ καὶ δέδοικα μὴ με δικτύων ἔσω
λαβόντας οὐκ ἐκφρῶσ' ἀναίμακτον χροῶ.

Такъ исправилъ В. Диндорфъ рукописное οὐ μεθῶσ' по сколіямъ и доказалъ въ то же время, что къ этому мѣсту относится Photius Lex. p. 359, 8: οὐκ ἐκφρῶσιν' οὐκ ἐξαφῶσι. Σοφοκλῆς, гдѣ вмѣсто Σοφοκλῆς подразумѣвался Εὐριπίδης.

3. Eur. Phaeth. fr. 781, 46:

ἀλλ' ἔσιθ' ἐς οἶκον, μὴ τιν' Ἥφαιστος χόλον
δόμοις ἐπεισφρεις μέλαθρα συμφλέξη πυρί.

4. Eur. Tro. 652:

κομφά θηλειῶν ἔπη
οὐκ εἰσφρούμην, τὸν δὲ νοῦν διδάσκαλον
οἴκοθεν ἔχουσα χρηστὸν ἐξήρχουν ἐμοί.

Форма εἰσφρούμην мыслима въ византийское время (ср. Tzetzes iamb. 213 p. 517 Kiessl.: τί δ' αὐ παρεισφρεις τὰς βαναύσους μοι τέχνας; Eust. Opusc. p. 133, 83: ὄθεν καὶ ὁ λιμὸς ἡμῖν παρεισφρεῖ. p. 244, 8: πυρὸς δίκην ἐπιναεμομένου τοῖς παρακειμένοις ἐπεισφροῦσιν. p. 301, 95: ἀνεξέλεγκτα γὰρ ἐπεισφροῦντες οἱ κακοὶ—γυναῖκας ἀπῆγον). У Эврипида мы должны ожидать οὐκ εἰσφριέμην, несмотря на то, что авторъ Christi patientis 546 уже засталъ рукописное чтеніе: εἰσφρούμην.

5. Eur. Herc. 1267:

ἔτ' ἐν γάλακτί τ' ὄντι γοργωπὸς ὄφεις
ἐπεισέφρησε σπαργάνοισι τοῖς ἐμοῖς
ἢ τοῦ Διὸς σύλλετρος, ὡς ὀλοίμεθα.

Лучше бы ἐπεισέφρησε; объ этой формѣ вориста будетъ сейчасъ сказано.

6. Eur. El. 1033.

ἀλλ' ἤλθ' ἔχων μοι μαινάδ' ἔνθεον κόρην
λέκτροις τ' ἐπεισέφρησε, καὶ νόμφα δύο
ἐν τοῖσιν αὐτοῖς δώμασιν κατείχομεν.

Сохранившееся въ рукописяхъ ἐπεισέφρησε большинство новѣйшихъ издателей измѣнили въ ἐπεισέφρησε, согласно съ конъектурою Dawes'a

въ Misc. crit. p. 616. Нѣкоторое сомнѣнiе относительно этой замѣны высказалъ Л. Диндорфъ въ Thesaurus Graecae Linguae vol. 3 p. 1469 В: *aliam vero aoristi formam ἔφρηκα etsi monstrare videri possunt librorum scripturae in loco Electrae ἐπεισέφρηκε et exempla in Εἰσφρέω et Ἐμφρέω citata, illis tamen testimoniis nondum licet confirmatam dicere.* Также и Кобетъ, Мнем. XI p. 443, считаетъ возможнымъ существованiе аориста ἔφρηκα, но при этомъ все таки замѣчаетъ: *sed nulla spes est fore ut alicunde certiore argumento stabiliatur.* Та же самая форма сохранилась у Гезихiа: ἐξέφρηκεν ἀφῆκεν, также какъ и у Diog. Laert. 1, 102: ὁ δὲ καταπλαγείς τὴν ἐτοιμότητα εἰσέφρηκεν αὐτὸν καὶ μέγιστον φίλον ἐποιήσατο, гдѣ находится вариантъ εἰσέφρικεν, кромѣ котораго, впрочемъ, вкралась также форма, употреблявшаяся въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ—εἰσέφρησεν. Сюда же, можетъ быть, принадлежитъ изъ Гезихiа: εἰσέφρικεν εἰσεπήδησεν, εἰσαφῆκεν ¹⁾. Наконецъ, мы находимъ еще слѣды формы εἰσέφρηκα у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ авторовъ, считавшихъ этотъ аористъ за Perfect. Tzetzes Epist. 75 p. 68 Pressel: πρὸς τὸν λιμένα παρεἰσφρηχότας (вѣроятно παρεἰσεφρηχότας) τῆ πρὸς Ἀθηναίους μίσει φερόμενοι μικροῦ λίθοις ἂν τὸν σοφὸν διεχρήσαντο. Авторъ сочиненiя Ἐπιδημία Μαζάρι (относящагося къ началу XV столѣтiя) у Boissonade Lucid. vol. 3 p. 112 говоритъ: νοσήματος ἐναγχος δεινοτάτου τῆ Κωνσταντίνου ἐπεισεφρηχότος ²⁾. Если, съ помощью этихъ прямыхъ или косвенныхъ свидѣтельствъ вѣрно доказано чтенiе ἐπεισέφρηκε для Eur. El. 1033, то изъ этого непосредственно вытекаетъ что именно эту форму и слѣдуетъ поставить въ Eur. Herc. 1267 вмѣсто ἐπεισέφρησε. Иначе развѣ предположить, что ἐπεισέφρηκεν и ἐπεισεφρησεν въ одинаковомъ значенiи употреблялись въ одно и то же время? Слѣдовало бы допустить это, если бы существовали для того надежныя свидѣтельства, но колебанiе нашихъ рукописей Эврипида между -έφρηκεν и -έφρησεν, — то-есть, произволъ переписчиковъ, измѣнившихъ непонятное для нихъ Κ въ Σ, потому что въ ихъ время употреблялся

¹⁾ Хотя объясненiе εἰσεπήδησεν нельзя согласовать съ первоначальнымъ значенiемъ формы εἰσέφρηκεν, однако грамматикъ, вѣроятно, имѣлъ здѣсь въ виду Ag. Eq. 4: ἐξ οὗ γὰρ εἰσῆρρησεν εἰς τὴν οἰκίαν, гдѣ, судя по схолиямъ, въ другихъ рукописяхъ читалось εἰσῆρρησεν: ἐν ἐνίοις δὲ ἀντιγράφοις εἰσέφρησε γράφεται. Можетъ быть въ этой схолиі сдѣдуетъ поставить по Гезихiю εἰσέφρηκε.

²⁾ Если бы кто либо издумалъ изъ этихъ двухъ именъ писать παρεἰσεφρηχότας и ἐπεισεφρηχότας, то измѣненiя эти были бы хотя и не трудны, но, тѣмъ не менѣе, крайне невѣроятны, такъ какъ perfect. πέφρηκα нигдѣ не встрѣчается.

аористъ -έφρησα,—не можетъ оправдать подобное само по себѣ крайне невѣроятное предположеніе.

Кратинъ (Сом. 2 р. 66) употребилъ, будто бы, въ Θράτται форму ἀπέφρησαν, вмѣсто ἀφῆχαν; такъ говоритъ словарь Гезихія. Кратинъ, вѣроятно, поставилъ ἀπέφρηχαν или, что я считаю болѣе вѣроятнымъ, ἀπέφρησαν. Какъ легко такого рода формы бывали слѣдующими переписчиками, доказываетъ Xenoph. Hist. Gr. VII 4, 39, гдѣ наши рукописи колеблются между ἀφίεσαν, ἀπῆεσαν и ἀφῆχαν, между тѣмъ какъ вѣрное чтеніе есть ἀφείσαν (ср. Cobet. N. L. p. 378); то же подтверждаетъ и Eur., Ion. 1200, гдѣ καθείσαν перешло въ καθῆχαν и т. п.

8. Aristoph. Vesp. 126: ἐντεῦθεν οὐχάτ' αὐτὸν ἐξεφρίομεν. Такъ читается въ самыхъ лучшихъ рукописяхъ (Rav. Ven.), между тѣмъ какъ другія предлагаютъ ἐξεφρείομεν. Дѣлаемы были разныя попытки съ цѣлью извинить странную или непонятную глагольную форму или хотя исправить ее; но всѣ эти попытки не удались, ибо онѣ условливались невѣрнымъ взглядомъ на такъ называемое φρέω. Какъ скоро были узнаны возникновеніе и законы спряженія этого глагола, то явилась слѣдующая очень легкая эмендація: ἐξεφρίεμεν (соотвѣтствующая возстановленному Eur. Tro. 652 εἰσεφρίεμην). Эту эмендацію одобряетъ Мейнеке въ Vindic. Aristoph. p. 26: „virorum doctorum de mirabili ἐξεφρίομεν vel ἐξεφρείομεν coniecturas in critica annotatione attuli, ipse ἐξέρρει μόνον conieci; verum enim vero scribendum est haud dubie ἐξεφρίεμεν, ut vidit Nauckius“, и Диндорфъ ввелъ ее въ текстъ 5-го изданія Poetarum scenicorum.

9. Aristoph. Vesp. 156:

τί δράσεται; οὐκ ἐκφρήσεται; ὦ μιαιώτατοι,
δικάσαντά μ'; ἀλλ' ἐκφρεύεται Δρακοντίδης.

10. Aristoph. Vesp. 162:

ἴθ' ἀντιβολῶ σ', ἐκφρες με, μὴ διαρραγῶ.

Здѣсь ἐκφρες—эмендація Буттмана (Ausführl. Sprachl. II p. 319), что совершенно основательно было одобрено новѣйшими издателями; рукописи предлагаютъ совсѣмъ невозможное въ контекстѣ мѣсто ἐκφρέε με.

11. Aristoph. Vesp. 892:

εἴ τις θύρασιν ἠλιαστής, εἰσίστω·
ὡς ἠνίχ' ἄν λέγωσι, οὐκ ἐσφρήσομεν.

12. Aristoph. Av. 193:

οὕτως ὄταν θύσωσιν ἄνθρωποι θεοῖς—
τῶν μηρίων τὴν κνῖσαν οὐ διαφρήσετε.

13. Непоименованный комикъ у Геродіана περί μονήρους λέξεως р. 24, 24:

ἐνθα ταθεῖς φρές μ' ὡς τὸ μειραχόλλιον.

Поэтъ, можетъ быть, выразился: ἐνθ' ὡγάθ', εἰσφρες μ' ὡς τὸ μειραχόλλιον. Во всякомъ случаѣ невѣрна конъектура Мейнеке (Com-4 р. 651) (которую принимаетъ Курціусъ въ Gr. Verbum I, стр. 184): ἐνθα σταθεῖς φρέс, потому что простое φρέс возможно только у грамматика, а не у писателя ¹⁾.

14. Thucyd. VII, 32: ὁ Νικίας προποθόμενος πέμπει ἐς τῶν Σικελῶν τοὺς τὴν διόδον ἔχοντας καὶ ξυμμάχους—ὅπως μὴ διαφρήσουσι τοὺς πολεμίους, ἀλλὰ ξουστραφέντες κωλύσουσι διελθεῖν. Прежде, согласно съ рукописями, но вопреки смыслу и связи, читали: διαφήσουσι; διαφρήσουσι, о чемъ уже думалъ И. Беккеръ и восстановилъ Добрэ въ Adv. I р. 94.

15. Xenoph. Hist. Gr. I, 3, 19: διὰ ταῦτ' οὖν τοὺς πολεμίους ἔφη εἰσεῖσθαι, οὐκ ἀργυρίου ἔνεκα οὐδὲ διὰ τὸ μισεῖν Λακεδαιμονίους. Вмѣсто εἰσεῖσθαι Кобетъ, N. L. р. 371, съ большимъ вѣроятіемъ, предлагаетъ εἰσφρέσθαι.

16. Xenoph. Hist. Gr. VI, 5, 43: οἱ ταχθέντες ἐν Θερμοπόλειс ἅπαντες εἶλοντο μαχόμενοι ἀποθανεῖν μᾶλλον ἢ ζῶντες ἐπεισφρέσθαι τὸν βάρβαρον τῇ Ἑλλάδι. Прежнее чтение συνεπεισφρέσθαι въ новѣйшихъ издаціяхъ уступило мѣсто лучше засвидѣтельствованному ἐπειсφρέσθαι. Добрэ нашелъ, что глаголь φέρεσθαι здѣсь не у мѣста и что вмѣсто настоящаго времени должепъ стоять аористъ; поэтому онъ и предлагаетъ поставить (Adv. I р. 53. 129) συνεπεισφρήσαι. Очевидно, вѣрное чтение ἐπειсφρέσθαι указалъ Кобетъ N. L. р. 371 и Мнем. XI р. 443. Та-

¹⁾ Начиная съ Эврипида и до Византийцевъ, мы знаемъ около сотни примѣровъ разбираемаго глагола, но исключительно только въ сложныхъ формахъ. Новѣйшіе ученые съ помощію конъектуры пытались иногда вставлять въ текстъ поговѣ формы простаго глагола, какъ, на примѣръ, Рейзигъ въ Simonides Ceus fr. 59 р. 891 хотѣлъ поставить τοῦτο γὰρ μάλιστα φρέс ἐς τό γε πύρι, Аренсъ de dial. II р. 545, въ Sappho fr. 95 р. 689: Γέσπερε πάντα φρεῖс ὕσα φαίνολιс ἐσκίδαα' αὖως, φρεῖс οἶν, φρεῖс αἶγα, φρεῖс μάτερι' παιδ' ἀγαπάταν, Мусгравъ въ Eurip. Cycl. 232: οἱ δ' ἔφρουσιν τὰ χρήματα, Вергкъ (Anthol. lyr. р. LXIII ed. alt.) въ Theocr. 29, 35: αἱ δὲ ταῦτά γε φρεῖν τοῖс ἀνέμοισιν ἐπιτρόχηс. Всѣ эти конъектуры неудачны.

κίμη образомъ рукописное чтение осталось почти не тронутымъ и, вмѣсто невозможнаго у Аттиковъ συναπεισφρῆσαι, была придумана вѣрно образованная форма.

17. Xenoph. Inst. Cyri IV, 5, 14: ἐπει δ' ἐγένοντο πρὸς τῷ στρατοπέδῳ, οἱ φύλακες, ὡσπερ εἰρημένον ἦν ὑπὸ Κύρου, οὐκ εἰσαφῆκαν αὐτοὺς πρὸ ἡμέρας. Предположеніе Кобета εἰσφρήκαν (Mnem. nov. III p. 392) не лишено вѣроятія.

18. Ораторъ Антифонъ употребилъ, кажется, будущее εἰσφρήσειν. Ср. Нагросг. p. 67, 6: εἰσφρήσειν· εἰσάζειν, εἰσδέξασθαι· Ἐντιφῶν καὶ Δημοσθένης ἐν Φιλιππικῷ. πολὺ δὲ τοῦνομα ἐν τῇ ἀρχαίᾳ κωμωδίᾳ. Кобетъ (Mnem. XI p. 441) предполагаетъ, что въ началѣ этого мѣста слѣдуетъ читать: εἰσφρήσειν· εἰσάζειν· εἰσφρήσεσθαι, εἰσδέξεσθαι.

19. Demosth. 8, 15: οἴεσθε τοὺς Βυζαντίους μενεῖν ἐπὶ ἀνοίας τῆς αὐτῆς ὡσπερ νῦν—; ἐγὼ μὲν οὐκ οἶμαι, ἀλλὰ καὶ εἰ τισὶ μᾶλλον ἀπιστοῦσιν ἢ ἡμῖν, καὶ τούτους εἰσφρήσεσθαι μᾶλλον ἢ ἐκείνῳ παραδώσειν τὴν πόλιν.

20. Demosth. 20, 53: οὐχὶ προῦδωκαν οὐδ' ἐβουλεύσαντο ἰδίᾳ περὶ τῆς αὐτῶν σωτηρίας, ἀλλὰ—ἀνέψξαν τὰς πύλας ἡμῖν βίᾳ τῶν πολλῶν καὶ μᾶλλον εἶλοντο μεθ' ὑμῶν, εἰ τι δέοι, πάσχειν ἢ χωρὶς ὑμῶν ἀκινδύνως σεσῶσθαι, καὶ εἰσέφρηντο τὸ στρατεύμα καὶ διέσωσαν καὶ ὑμᾶς καὶ τοὺς συμμάχους. Вулгата εἰσέφρουν τὸ στρατεύμα (такъ читали уже византийскіе грамматики, ср. Lex. Bachm. p. 210, 18. Moschorulus ed. Titze p. 55, 3. Suid. v. εἰσέφρουν) отличается нѣсколькими ошибками: во первыхъ, долженъ стоять средній залогъ, что уже замѣтилъ и Добре въ Adv. I p. 53; сверхъ того необходимъ аористъ согласно съ тѣмъ, какъ уже раньше сказано: προῦδωκαν, ἐβουλεύσαντο, ἀνέψξαν, εἶλοντο и послѣ: διέσωσαν. Поэтому Кобетъ (Mnem. XI стр. 444) совершенно вѣрно исправилъ εἰσέφρηντο. Противъ рукописнаго εἰσέφρουν, какъ и противъ конъектуры Добре εἰσφροῦντο говорить также (Кобетомъ не замѣченное) то соображеніе, что обѣ формы ошибочно образованы и невозможны у писателя классическаго времени.

21. Наконецъ, кажется, изъ одного аттическаго писателя заимствована слѣдующая глосса Гезихія: εἰσφρῆναι· εἰσάζειν, ἐνεχεῖν. Если бы конъектура Вилл εἰσφрῆσαι была вѣрна, то глосса эта могла бы принадлежать лишь какому-либо изъ позднѣйшихъ авторовъ; я же считаю болѣе вѣроятнымъ, что εἰсφрῆναι есть ошибочное правописание вмѣсто εἰсφρεῖναι. Такъ какъ Η, Ι и ΕΙ въ византийскомъ произношеніи звучали одинаково, то они и перепутывались безпрестанно переписчиками; трудно предположить, чтобы Византиецъ принадлежа-

ще позднѣйшему времени εἰσφρῆσαι измѣнилъ въ необъяснимое εἰσφρῆναι¹⁾).

Итакъ отъ классической эпохи дошли до насъ отчасти, правда, въ ошибочномъ видѣ слѣдующія формы: Act. Imperf. ἐξεφρίεμεν, Fut. εἰσφρήσομεν, διαφρήσεται, ἐκφρήσεται, διαφρήσουσι, Aor. Ind. ἐπεισέφρηκεν (εἰσέφρηκεν?) ἀπέφρεισαν, Coni. ἐπεισφρῶ и ἐκφρῶσι, Imperat. εἰσφρες и ἔκφρες, Inf. εἰσφρεῖναι, Part. ἐπεισφρεῖς. Med. Imperf. εἰσφριέμεν, Fut. εἰσφρήσομαι, Aor. Ind. εἰσέφρηντο, Inf. εἰσφρέσθαι и ἐπεισφρέσθαι. Всѣ эти формы въ точности соотвѣтствуютъ спряженію глагола ἴημι: ср. ἐξεφρίεμεν съ προῖεμεν, εἰσφρήσομεν съ προήσομεν, ἐπεισέφρηκεν и ἀπέφρεισαν съ προῆκεν и προῖσαν, ἐπειсφρῶ съ проῶ и т. д. Что занимающій насъ глаголъ есть сложный изъ глагола ἴημι съ предлогомъ πρό, это вѣрно поняли уже нѣкоторые древніе грамматикѣ (ср. Anecd. Oxon. vol. 2 p. 396, 14. Etym. M. p. 271, 43). Съ переходомъ формы εἰσ-проῶ въ εἰсφрῶ можно сравнить φροῖμιον вмѣсто проῖμιον, φροῖδος, происшедшее отъ πρό ὁδοῦ, τέθριππος вмѣсто тетраῖππος, θράσσω = тарάσσω, ὑάτερα вмѣсто τὰ ἕτερα, θοιάτιον вмѣсто τὸ ἱμάτιον, θῶπλα вм. τὰ ὄπλα и т. п. Augmentum syllabicum въ εἰσέφρηκα, ἐξεφρίεμεν, ἐξέφρηντο объясняется тѣмъ, что рано уже перестали созвѣвать связь этого глагола съ ἴημι; такую же неправильность обнаруживаютъ формы: ἐκάθισα, ἐκαθήμην, ἐκάθευδον, ἡμφίεσμαι и т. п., а главнымъ образомъ нѣсколько сложныхъ отъ глагола ἴημι, рѣдко вообще встрѣчаю-

¹⁾ Сюда не относится Aristoph. Eccl. 4: ἐξ οὗ γὰρ εἰσφρήσεν εἰς τὴν οἰκίαν, πληγὰς ἀεὶ προεστρέβεται τοῖς οἰκέταις, гдѣ, судя по схолиямъ, нѣкоторые читали εἰσέφρησεν (ср. выше, стр. 55 прим. 1). Этотъ вариантъ слѣдуетъ отвергнуть, такъ какъ глаголъ, о которомъ мы говоримъ, до Александра Великаго употреблялся только въ переходящемъ значеніи. Столь же мало относится сюда Arist. Hist. anim. 5, 6 p. 541, b 11: φασὶ δὲ τινες καὶ τὸν ἄρρενα ἔχειν αἰδιωδῆς τι ἐν μίᾳ τῶν πλεκτανῶν, ἐν ἣ δού αἱ μέγιστα καταληθόνες εἰσίν· εἶναι δὲ τὸ τοιοῦτον ὡς περ νευρώδης, μέχρι εἰς μέσην τὴν πλεκτάνην προσπεφυκὸς ἔσται, ἢ ἐσπιφράναι εἰς τὸν μυκτήρα τῆς θηλείας. Только на этомъ мѣстѣ основывается предположеніе волиаѣ слышаннаго глагола πῖφρημι, который совершенно произвольнымъ образомъ считали настоящимъ временемъ вымышленнаго φρέω (Thes. Gr. L. vol. I, 2 p. 1787 A), не обращая вниманія на то, что πῖφράναι совсѣмъ не согласуется съ спряженіемъ такъ-называемаго глагола φρέω. Уже не говоря о томъ, что слова: ἢ ἐσπιφράναι ктѣ не имѣютъ смысла и что поэтому ошибочность рукописнаго чтенія этого мѣста должна быть ясна для всякаго, вообще крайне невѣроятно, чтобы такой писатель, какъ Аристотель, употребилъ глаголъ, отъ котораго нигдѣ не сохранилось ни малѣйшаго слѣда. Можетъ быть Аристотель поставилъ ἐσπιφράναι (относительно этой формы см. Лобезя у Вуттмана Ausf. Sprachl. II, стр. 304) или что-либо другое, но во всякомъ случаѣ не ἐσπιφράναι.

щася въ прозѣ и притомъ только въ извѣстныхъ оборотахъ; я подразумѣваю такія неправильности какъ ἠφίοον, μεματιμένως у Геродота (ср. Dindorf de dial. Herod. p. XXXVII), ἐσόνηκε или ἐξόνηκε у Алкея fr. 132 и Анакреонта fr. 146. Для Græc. занимающаго насъ глагола въ классическое время нельзя указать ни одного примѣра: оно могло звучать лишь: φρίημι (= προίημι). Что на ряду съ φρίημι употребляется также глаголь προίημι, который вездѣ проявляетъ свое происхожденіе отъ ἴημι, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Одинаковымъ образомъ, чтобъ привести пѣтъ извѣстный примѣръ, οὐδεὶς по своему образованію есть ничто иное, какъ οὐδὲ εἷς: тѣмъ не менѣе мы видимъ, что οὐδεὶς „никто“ и οὐδὲ εἷς „даже ни одинъ“ существуютъ одновременно и что съ различною формою сопряжено различіе въ самомъ значеніи. Въ глаголѣ φρίημι какъ форма такъ и значеніе предлога значительно ослабились, между тѣмъ какъ въ προίημι, πρό слышно явственно и ощущается въ полной своей силѣ.

Вотъ главное содержаніе моего изслѣдованія о глаголѣ φρέω, который слѣдовало бы лучше назвать φρίημι; полагаю, что мною указаны для спряженія этого глагола прочный законъ, котораго до сихъ поръ не доставало въ грамматикахъ.

Курціусъ (Græch. Verbum. стр. 184 сл.) возражаетъ противъ моего мнѣнія, что для выпущенія гласной о передъ гласною е нельзя привести ни одного примѣра. И я уже упоминалъ объ этомъ затрудненіи и старался устранить его (Bull. VI стр. 440=Mé. Gr.-R. II стр. 541 сл.): сперва образовывали формы какъ ἐπεισφρῶ вмѣсто ἐπεισφρῶ, потомъ, нарушая обыкновенные законы относительно сокращенія, формы какъ ἐξεφρίεμεν вмѣсто ἐκπροίεμεν, εἰσφρήσω вмѣсто εἰσπροήσω, εἰσφρες вмѣсто εἰσπρόεις и т. п. Въ то же время упомянулъ я о подобномъ же явленіи при спряженіи глагола χρῆ, гдѣ на примѣръ χρῆ εἶη вслѣдствіе неправильнаго сокращенія обратилось въ χρείη. Если же этого объясненія недостаточно, то все-таки результатъ моихъ изслѣдованій, подкрѣпленный другими соображеніями, врядъ ли можетъ быть поколеблемъ: что занимающій насъ глаголь есть молодой отпрыскъ древняго ἴημι, явно обнаруживается изъ лориста ἐπεισέφρηκε. Какое спряженіе приписываетъ Курціусъ означенному глаголу, трудно понять изъ его отрывочныхъ замѣчаній; очевидно лишь, что онъ соединяетъ здѣсь очень разнородные элементы. Онъ приводитъ формы φρέε (изъ одного анонимнаго комика, который будто бы сказалъ ἐνθα σταθεῖς φρέε μ' εἰς τὸ μεραχόλλιον), ἐπεισφρεῖς (изъ Eur. fr. 781, 46), εἰσφρήναι (изъ Гезихія) и говоритъ, что уже выше, на стр. 155, по-

знакомились мы у него съ настоящимъ временемъ *πιφράναι*, основывающимся на надежныхъ свидѣтельствахъ: рядомъ съ *ἐπιφράναι*, онъ допускаетъ также *εἰσφρεῖν* и признаетъ *φρέω* за дальнѣйшее производство отъ корня *φρε*, тождественнаго съ *φερ*. Отрывокъ анонимаго комика (Мейнке IV, стр. 651) страдаетъ у Курціуса двумя ошибками: *εἰς τὸ μετακόλλιον* поставлено имъ вмѣсто рукописнаго и единственно возможнаго *ὡς τὸ μετακόλλιον*. Далѣе, *ἐνθα σταθεῖς φρές*— неудачная поправка Мейнке вмѣсто *ἐνθα ταθεῖς φρές*, въ которомъ безъ сомнѣнія слѣдуетъ признать сложное *εἰσφρες*. Нельзя допустить и *εἰσφρήναι*, на которое точно также слѣдуетъ смотрѣть, какъ на часто встрѣчающееся въ нашихъ рукописяхъ *θηναί* вмѣсто *θειναί*¹⁾. О „хорошо засвидѣтельствованномъ“ *φραес*. *πιφράναι* сказано на стр. 155: „*πίφρημι*, nur nachweisbar aus Aristot. hist. anim. V p. 541 6 11: *ἐπιφράναι* *πλεχτάνην* *εἰς τὸν μυχτῆρα* *τῆς θηλείας*. *Geläufig* ist att. *ἐκφρες* u. a. worüber ich Nauck's Ansicht nicht billigen kann. Herodian setzt *φρές* mit *φέρε* gleich. *πίφρημι* unterscheidet sich wohl nur durch die Metathesis von skt. *bi-bhar-mi* ich trage, bringe“. Что касается цитаты изъ Аристотеля, то я ссылаюсь на представленное мною выше объясненіе. Курціусъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о моей аргументаціи, но по прежнему утверждаетъ, что *φραес*. *πιφράναι* „хорошо засвидѣтельствовано“; точно также считаетъ онъ излишнимъ объяснить намъ, какимъ образомъ согласуется это „хорошо засвидѣтельствованное“ *φραес*. *πιφράναι* съ корнемъ *φρε*²⁾.

Форму *εἰσφρεῖν*, въ существованіи коей Курціусъ нисколько не сомнѣвается, я могу признать за свойственную лишь XII столѣтію, когда ученые въ родѣ Цецеса и Евстаѳіа употребляли формы *παραεσφρεῖς*, *ἐπεισφρεῖ*, *ἐπεισφροῦσιν*, *ἐπεισφροῦντες*, между тѣмъ какъ у Eug. Tgo. 652 *εἰσεφροῦμην*—ошибка вмѣсто *εἰσεφριέμην*. Еще новѣе форма *φρέω*, которая возникла вѣроятно только послѣ изобрѣтенія книгопечатанія³⁾.

¹⁾ Даже въ одной надписи изъ Смирны (*Revue archéol.* 1875, Juillet, стр. 52) встрѣчается *μεταθηναί*.

²⁾ Контосъ въ *Λόγιος Ἑρμῆς* I стр. 344 утверждаетъ, что у Аристотеля слѣдуетъ писать *εἰσπιφρέναι*, потому что *εἰσπιφράναι* также немисливо, какъ было бы неслыхано *εἰστιθάναι* или *εἰσάναи*. Последнее вполне вѣрно, но *εἰσπιφρέναι* также неслыханная, а вслѣдствіе того и немисливая у Аристотеля форма. Если бы въ означенномъ мѣстѣ выходила принадлежająca къ корню *φρε* форма, чего впрочемъ нѣтъ, то слѣдовало бы скорѣе писать *εἰσφρέναι*: ибо лишь это неопредѣленное наклоненіе могло произойти изъ *εἰσφρέναι*.

³⁾ Александрійскіе и византійскіе грамматисти знаютъ лишь *φρέω* на основа-

Наконецъ считаю невозможнымъ уяснить себѣ законы спряженія мнимаго φρέω изъ тѣхъ формъ, которыя предполагаетъ Курціусъ: приведенныя имъ формы не согласуются ни между собой, ни съ упомянутыми имъ другими формами, встречающимися въ аттическое время. Онъ ничего не объяснилъ намъ относительно глагола φρέω, а сдѣлалъ лишь безуспѣшную попытку возстановить прежній хаосъ ¹⁾.

нигъ такихъ мнѣтъ, какъ Eug. Alc. 1056: καὶ πῶς ἐπεισφρῶ τήνδε τῇ κείνης λέξει; или Phoen. 264: ὁ καὶ δέδοικα μὴ με διχτόων ἔσω λαβόντες οὐκ ἐκφρῶσ' ἀναίμακτον χέρα—гдѣ они относили формы аориста ἐπεισφρῶ и ἐκφρῶσι къ настоящему времени. Вмѣсто φρῶ стали употреблять φρέω лишь въ позднѣйшее время для устранения сокращенія, которое считалось крайне страннымъ только потому, что грамматикѣ не извѣстны происхожденія формы φρῶ. Одно мѣсто во всякомъ случаѣ могло бы быть приведено въ защиту формы φρέω, а именно: Schol. Dionys. Thr. p. 887, 19: φρέω γάρ φησι (и именно Φιλόζενος) ῥήμα δηλωτικὸν τοῦ προϊέναι. Но безъ сомнѣнія форма φρέω поставлена здѣсь Эммануиломъ Беккеромъ, который очень часто ничего не говоря о рукописномъ чтеніи отступалъ отъ послѣдняго, болѣею частью разучется въ пользу, а иногда и во вредъ оригиналу. Такимъ образомъ у Bekk. Anecd. стр. 1389 мы читаемъ: «κίλλαχτήρ ὀνελάτης Theognostus f. 15», между тѣмъ какъ Крамеръ, Anecd. Oxon. vol. 2 p. 15, 23, изъ того же источника приводитъ: κίλλαχτήρ ὁ ὀνελάτης; вмѣсто этого слѣдуетъ писать: κίλλαχτήρ ὁ ὀνελάτης (ср. Pollux VII, 56. 185). Отсюда ясно, что Беккеръ хотя и справедливо не перепечаталъ стоящее въ рукописи κίλλαχτήρ, но невѣрно исправилъ его, не считая нужнымъ упомянуть объ ошибочномъ рукописномъ чтеніи.

¹⁾ Подробнѣе говорилъ Курціусъ о такъ называемомъ φρέω въ своемъ возращеніи стр. 327 — 331. Основная ошибка его новаго разсужденія совершенно та же, что и въ прежнемъ; онъ умѣетъ пояснить всѣ рукописныя формы (правильныя и неправильныя)—за исключеніемъ только ἐξφρίσμεν, относительно которой онъ, на стр. 332, сознается, что не можетъ разгадать ее,—но онъ не старается сдѣлать понятными для себя и другихъ полную парадигму и законы спряженія упомянутого глагола. По мнѣнію Курціуса, изъ корня φερ произошелъ, въ дѣйствиіе перестановки, корень φρε, то-есть, изъ настоящаго времени φέρω — настоящее время φρέω. Эта гипотеза опровергается тѣмъ простымъ фактомъ, что форма φρέω изобѣтена поздне, чѣмъ появилось книгопечатаніе. Кромѣ корня φре Курціусъ вынужденъ признать еще корень φρз, потому-де, что у Аристотеля читается ἐσφιράναи. Это неслыханное слово принадлежитъ будто корню φре, а такъ какъ оно не подходитъ къ этому корню, то измышляется еще новый корень φра. Форму ἐσφιράναи Курціусъ считаетъ (стр. 328) не подлежащею сомнѣнію «по причинѣ ея древности»; стало быть онъ, какъ кажется, приписываетъ Аристотелю преимущественно «древнія формы»; интересно было бы узнать, на какихъ соображеніяхъ зиждется это странное воззрѣніе. Относительно формы ἐσφιράναи Курціусъ утверждаетъ, что она имѣетъ лишь одинъ недостатокъ, а именно тотъ, что она рѣшительно не можетъ согласоваться съ моею теоріей о глаголѣ φρέω (стр. 329 прим.). Если это мнѣніе было выражено неопрометчиво,

На стр. 185 Курціусъ трактуетъ о 3-мъ лицѣ множественнаго числа ἔγνωσαν и о его сокращеніи ἔγνω или ἔγνων: „letztere Form behauptet sich wohl mit Unrecht hymn. in Cerer. 111 οὐδ' ἔγνων χαλεποὶ δὲ θεοὶ θνητοῖσιν ὀρᾶσθαι (vgl. Kühner I S. 532)“. Не хочу оспаривать того, что здѣсь слѣдуетъ поставить οὐδ' ἔγνων; но это предположеніе не ново, оно уже было предложено Аресомъ въ его книгѣ: De dial. Dor. стр. 317, и кое-что, говорящее въ пользу рукописнаго ἔγνω, во всякомъ случаѣ заслуживало упоминанія. Не важное значеніе придаю я тому обстоятельству, что ἔγνων встрѣчается не разъ и въ другихъ мѣстахъ какъ третье лицо множественнаго числа. Не только у Пиндара Pyth. 9, 79. Isthm. 2, 23 стоитъ ἔγνων и ἀνέγνων въ рукописяхъ, но и въ одной эпиграммѣ Diog. L. 2, 58 (Anth. Pal. 7, 98) читаемъ мы: Εἰ καὶ σέ, Ξενοφῶν, Κραναοῦ Κέκροπος τε πολῖται φεύγειν κατέγνων τοῦ φίλου χάριν Κύρου, какъ у Tzetzes Chil.

то мы можемъ питать надежду, что Курціусъ пояснить намъ, какъ могло произойти то, что кромѣ меня и другіе, напримѣръ, Н. Г. Шнейдеръ и Контосъ, не знавшіе еще ничего о моей теоріи, считали ἐπιφράσαι ошибочнымъ: Курціусу, вѣроятно, извѣстно, что изданная Н. Г. Шнейдеромъ Aristot. Historia anim. появилась въ 1811 году, моя же теорія была обнародована цѣлымъ полстолѣтіемъ позднѣе. Но довольно толковать объ этихъ диковинахъ; я вонсе не намеренъ навязывать кому бы то ни было мое мнѣніе о глаголѣ φρήμι и предоставляю каждому свободу считать правильнымъ указанное мною спряженіе или же оставаться при прежней путаницѣ. Не желалъ бы я лишь обойти молчаніемъ слѣдующее поученіе, которое дѣлаетъ мнѣ Курціусъ на стр. 331 сл. своего возраженія: «Auch bei Aristoteles περί θαυμασίων ἀκουσμάτων p. 831 b 11 steht εἰσφρήσσει, was ich nur deshalb anführe, weil Nauck diese Formen erst für eine spätere Zeit anerkennen will. Nach seiner Weise müsste man also auch hier wieder corrigiren». Приведенное здѣсь доказательство въ пользу εἰσφρήσσει для меня отнюдь не ново; объ этомъ мѣстѣ я говорилъ въ сочиненіи своемъ о глаголѣ φρέω (Bull. VI стр. 442=Mélanges Gréco-Rom. II стр. 544 сл.). Курціусъ вѣрно угадалъ, что и здѣсь я дѣлаю поправку. Обыкновенно читаютъ: φασὶ τοὺς πελεκῆνας τὰς ἐν τοῖς ποταμοῖς γινόμενας κόγχας ὀρύττοντας καταπίειν, ἔπειτα ὕταν πλήθος εἰσφρήσσει αὐτῶν, ἕξμεῖν. Смыслъ требуетъ ἐρφορηθῶσιν. Если Курціусъ и не можетъ убѣдиться въ необходимости этой поправки, то все-таки быть можетъ, отнесется съ нѣкоторою недозрчивостью къ обыкновенному чтенію εἰσφρήσσει, когда узнаетъ, что рукописи говорятъ за εἰσφρήσσει или за εἰσφορήσσει, и что εἰσφρήσσει основывается, кажется, только на конъектурѣ или на опечаткѣ второй editio Aldina. Что касается до формы εἰσφρήσσει, то, если бы она подходила къ смыслу мѣсти, и счелъ бы ее совершенно возможною у автора сочиненія περί θαυμασίων ἀκουσμάτων, ибо то обстоятельство, что сочиненіе это не принадлежать Аристотелю, знаетъ всякій или, по крайней мѣрѣ, долженъ бы былъ всѣмъ изнать.

1, 770: οἱ δὲ θερμῶς μαχόμενοι τούτων οὐδὲν ἐπέγων, и Nicetas Chon. p. 306, 21: καὶ ἐπεὶ κατ' οὐδένα τρόπον ἐώρων τὴν Καισαρίσσαν Μαρίαν τῶν οἰκείων βουλευμάτων μεθισταμένην...., ἔγων διὰ πολέμου ἐπ' ἐκείνην χαρεῖν. Такого рода свидѣтельства маловажны; такимъ же образомъ и 3-е лицо множественнаго числа ἐάλων Babr. 31, 20, которое Meineke, De poesi chol. p. 172 sqq., сравниваетъ съ ἔγων, не имѣетъ большаго значенія отчасти потому, что это ἐάλων основывается только на копѣсгурѣ, отчасти же, и главнымъ образомъ, потому, что языкъ такого ученаго поэта какъ Бабрій не имѣетъ рѣшающаго голоса въ подобныхъ вопросахъ. Впрочемъ, кажется, что ἔγων какъ 3-е лицо имѣетъ pendant въ гомеровскомъ μάνθην αἵματι μηροῖ Π. Δ 146, гдѣ я считаю вполне неумѣстнымъ предложенное Аренсомъ μίανθην; ср. критское διελέγην, Corp. Inscr. 3048, и дельфійское ἀπελύθην у Веллера и Фукара Inscr. Delph. 254. Въ пользу чтенія ἔγων съ другой стороны можетъ быть упомянуто 3-е лицо множественнаго числа διέγων, сохранившееся въ Tabulae Heraclenses (C. I vol. 3 p. 695, строка 99 и 100).

На стр. 190: „ἀπο-σκλη-ναι, wie es scheint, nur Aristoph. Vesp. 160 und dazu ἀποσκλητή' ἀποξηραίνοντο, ἀποθάνοι (Hesych.), neben σκῆλω“. Именно эти два примѣра для аориста ἐσκλην встрѣчаются у Вейча стр. 524. Къ этому можно присоединить, хотя и изъ послѣ-классическаго времени, Alciphrg. 3, 3, 4: μηδ' ἂν εἰ φθάνοιμι λιμῶ κατασκληναι (въ рукописяхъ стоитъ κατασκληθήναι). Alciphrg. 3, 4, 1: ἐγὼ δὲ ἀποσκληναι κινδυνεύω τῷ λιμῶ. 3, 6, 2: κινδυνεύω τοῖν ὀφθαλμοῖν τὸν ἕτερον συσκληναι (такъ поставилъ Рейске вмѣсто συσταλήναι) ὑπὸ τῶν ῥαπισμάτων. Themist. Or. XIII p. 167 D: διψεῖ δὲ αὐτὴν καὶ αὐχμῶ ὀφθαλμοῦ πιεζομένην καὶ ὀλίγον ἀπολιμπάνουσαν τοῦ ἀποσκληναι (ἀποπτήναι стоитъ въ рукописи) αὐτῷ χρυσῶ. Theophyl. Simoc. Hist. 3, 16 p. 149, 3; κατὰ τοῦτον δῆτα τὸν χρόνον ἀπέσκλη ὑπὸ τῆς νόσου Ἰουστίνου. Гезихій: σκλη-ναι (вѣрно паисалаз Кюстеръ σκληναι) ξηρανθῆναι. Наконецъ Floril. Monac. 253 (ср. Meineke Stob. Flor. vol. IV p. 288, 15): Στρατόνικος ἰατρὸν κολακεύων (вѣрнѣе было бы: „осмѣивая дурнаго врача“) ἔλεγεν „ἐπιτιῶ σοι τὴν ἐμπειρίαν, ὅτι οὐκ ἔξ τούτους ἀρρώστους κατασαπήναι, τάχιον αὐτοῦς τοῦ ζῆν ἀπαλλάττων“, гдѣ совершенно неумѣстное κατασαπήναι, несомнѣнно, произошло отъ κατασκληναι.

На стр. 191: „Um so weniger Grund ist wohl, das vereinzelte Vorkommen von παρά-σχε, κατά-σχε, von dem schon bei No. 46 die Rede war, wo es gut bezeugt ist, aus blossen Purismus anzufechten“. Вмѣсто παράσχε и κατάсχε слѣдовало бы удареніе ставить такъ: pá-

ρασχε и κάτασχε, тоже самое и въ ѳиспе (не ἐνίσπε) на стр. 190, между тѣмъ какъ формы ἐνίσπες, παράσχες, κατάσχες совершенно основательно имѣютъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ, какъ κατάθεσ ἀπόδος и т. п. Что же касается защиты такихъ формъ, какъ παράσχε и κάτασχε, то Курціусу слѣдовало бы указать, гдѣ встрѣчаются онѣ въ хорошихъ рукописяхъ, а главнымъ образомъ — гдѣ онѣ оправдываются размѣромъ. Въ періодъ крайняго упадка языка дѣйствительно можно допустить такіе возмутительные барбаризмы, какъ, напримѣръ, παράσχε у автора Χριστοῦ πάσχοντος 161, 2604 и μετάσχε (съ этимъ удареніемъ) у Theologus Prodr. ἀποδ. φιλ. 270. Но то, что Gregorius Naz. vol. 2 p. 225 C, написалъ κάτασχε — я считаю невѣроятнымъ; еще менѣе мыслимы такія формы, какъ παράσχε и κάτασχε у Эврипида, Платона, Ксенофонта или какогонибудь другаго автора классическаго времени.

На стр. 193: „ἐγήραν—Inf. γηράναι, schwerlich γηράναι, was bisweilen geschrieben wird“. Удареніе γηράναι слѣдовало просто назвать невозможнымъ, такъ какъ предпоследній слогъ этого неопредѣленнаго склоненія одинаково долготъ, какъ и въ ἀποδράναι, βῆναι, θεῖναι, δοῦναι и т. д. Ошибочное удареніе γηράναι основывается на невѣрномъ предположеніи настоящаго времени γήρημι.

На стр. 212: „Ueber die Quantität (des ο in θύω) bei Attischen Dichtern vgl. Ellendt's Lex. Soph. (2-te Aufl.)“. То, что говорится во второмъ изданіи составленнаго Элендтомъ Lexicon Sophocleum о количествѣ кореннаго слога глагола θύω, есть ничто иное, какъ повтореніе сказаннаго уже въ первомъ изданіи; только въ томъ пунктѣ, о которомъ упоминаетъ Курціусъ, новое изданіе отличается не къ своей выгодѣ отъ стараго, а именно Элендтъ считаетъ ο въ θύω обоюднымъ, между тѣмъ, какъ Генге считаетъ его краткимъ. Въ дѣйствительности у Атикковъ ο въ означенномъ глаголѣ всегда или почти всегда долгое, относительно чего слѣдовало бы указать не на Lex. Soph. Элендта, а на Meineke Com. IV, p. 547. Въ Eur. El. 1141 я устранилъ рукописное θύσεις γὰρ οἷα χρεῖ οὐ δαίμωνιν θύειν эмѣндаціей θύη¹⁾. Не вѣрна догадка Г. Вольфа ᾗ μὴ θύειν ἔστι Soph. Oed. R. 817.

На той же страницѣ идетъ рѣчь о количествѣ коренной гласной глагола λύω. „Im Präsens hat Homer neben Ὀδυσσεὺς λύε μώνυχας ἵππους

¹⁾ Ср. Косскую надпись у Набера, Мнем. XI, p. 79: καὶ θύη θύειν ἐφ' ([στῆ] τὰς γυναικας.

К 498 ἀνδράτι ναίκαα λύει η 74. Bei Attikern überwiegt an dieser Stelle die Länge^a.

Если у Аттиковъ преобладаетъ долгое υ, то должны существовать мѣста у аттическихъ поэтовъ, гдѣ υ настоящаго времени λύω было бы короткимъ. Жаль, что Курціусъ не счелъ нужнымъ привести одно или пѣсколько такихъ мѣстъ; мнѣ, по крайней мѣрѣ, ни одно не извѣстно. Конъектуры Мейнеке и Геймзета, желающихъ навязать трагикамъ λύω съ короткимъ υ, я считаю именно поэтому неудачными.

На стр. 213 Курціусъ находитъ въ глоссѣ Гезихія: φᾶν. λέγειν доказательно, что вмѣсто φημί употреблялось въ какомънибудь другомъ парѣчиіи φάω. Подобный выводъ кажется мнѣ неосновательнымъ. Въ приведенномъ Гезихіемъ неопредѣленномъ наклоненіи слѣдуетъ, вѣроятно, признать болѣе короткую форму вмѣсто φᾶναι, какъ вообще подобныя болѣе короткія формы часто подтверждаются рукописями или допускаются въ текстъ на основаніи болѣе или менѣе вѣроятныхъ конъектуръ: ср. Аренса de dial. Aeol. p. 141, Мейнеке Anal. Alex. p. 131, Диндорфа Aeschyl. ed. tert., Lips. p. LXIX, М. Шмидта Hesych. vol. I p. 245. Сюда же относится δοῦν (Theognis 104: οὔτε κεν ἐσθλὸν ἔχων τοῦ μεταδοῦν ἐθέλει; Фѣниксъ у Ath. VIII, p. 360 A: νόμος χορώνη χεῖρα δοῦν ἐπαιτούσῃ; Гезихіи: ἀποδοῦν ἀποδοῦναι), ἀναβιωῶν (Plat. Com. 2 p. 660: ἀναβιωῶν ἐκ τῆς νόσου), χρημψῆην (Aesch. Suppl. 790: πρὶν ἀνδρ' ἀπευκτὸν ὧδε χρημψῆην χροῖ), ΕΝΧΑΡΑΧΘΗΝ и ΑΝΤΕΘΗΗΝ на одной лесбосской надписи (Карль Курціусъ въ Hermes VII p. 408), μεθύσθην (Alcaeus fr. 20, 1 и 35, 4), κλίνθην и μάνθην эолиѣскія формы по Etym. Flor. ср. Miller въ Mélanges de litt. gr. p. 189 (исправилъ Мейнеке въ Hermes III, p. 454), ὀμνάσθην (Theocr. 29, 26), ὀντέθην γενήθην στεφανώθην εἰσενέχθην ἐντάφην на одной кимейской надписи (Corp. Inscr. 3524, vol. 2, p. 849). Сомнительными и отчасти очень неудачными кажутся мнѣ конъектуры διδοῦν (Бергка) Theognis 1329. κατακλυσθῆν (Л. Диндорфа) Aesch. Sept. 1077. ἀναδῶν (В. Диндорфа) Aesch. Cho. 808. καταδερχθῆν (В. Диндорфа) Soph. Trach. 1000. πελασθῆν (Бергка) Soph. Oed. R. 213. τλῆν (Мадвига Adv. crit. I. p. 182) Eur. Or. 1527. εἶν (Бергка у O. Hense Exercit. crit. p. 42) Eur. fr. 826. 1. Если нужно увеличить число этихъ конъектуръ, то не могу умолчать о томъ, что одно мѣсто у Софокла значительно выиграло бы при помощи подобной формы неопредѣленнаго наклоненія; я имѣю въ виду Oed. R. 1056, гдѣ теперь читается:

τί δ' ὄντιν' εἶπε; μηδὲν ἐντραπή. τὰ δὲ
ῥηθέντα βούλου μηδὲ μεμνησθαι μάτην.

Выраженіе было бы гораздо яснѣе и опредѣленнѣе, если бы вмѣ-
сто ἐντραπήс поставитъ неопредѣленное наклоненіе:

τί δ' ὄντιν' εἶπε; μηδὲν ἐντραπήν τάδε
ῥηθέντα βούλου μηδὲ μεμνησθαι μάτην.

Вопросъ о томъ, позволительна ли такая форма, кажется мнѣ
крайне сомнительнымъ.

На стр. 221: „στειχώ neben Ao. ἔστιχον Π, 258, doch kennt Hesych.
auch ein Präsens στίχουσι, das Soph. Ant. 1129 (chor.) von den neueren
Herausgebern aufgenommen ist“.

Лишь немногіе изъ новѣйшихъ издателей приняли конъектуру
Дипдорфа στίχουσι Soph. Ant. 1128; между прочимъ Мейнке, допу-
стившій ее, самъ высказываетъ относительно ея сомнѣніе (Beitr. zur
philol. Kritik der Ant., p. 43); не говоря уже о несмысленной формѣ
στίχουσι, глаголъ этотъ по самому смыслу неумѣстенъ въ означенномъ
мѣстѣ.

На стр. 234 и слѣд.: „ἰλλώπτω ganz seltne Nebenform des aus
ἰλλός verdreht und ὤψ zusammengesetzten ἰλλωπέω, ἰλλωπίζω schiele.
Hesych. ἰλλώπτειν στραβίζειν“. Форма ἰλλώπτω встрѣчается у авторовъ
вовсе не такъ рѣдко, какъ полагаетъ Курціусъ: Aesch. Eum. 113:
ὁμῖν ἐγκατιλλώψας (рукописи имѣютъ ἐκκατιλλώψας) μέγα. Aesch. fr.
222 у Pollux 10, 20: οὐ δ' ὁ σταθμοῦχος εὖ κατιλλώψας ἄθρει. Philem.
Com. 4 p. 45 у Clem. Alex. Paed. III, 296: παρακολουθοῦντά τε ταύτη
κατιλλώπτειν (таύτη ἴγκατιλλώπτειν Мейнке) тινά. Pollux 2, 52: ἰλλός δὲ
ὕπὸ τῶν ποιητῶν καλεῖται, καὶ ἰλλώπτειν ἐν τῇ κωμῳδίᾳ τὸ παραβλέπειν,
καὶ κατιλλώπτειν τὸ καταβλέπειν ἐπὶ χλευασμῶ. Anth. Pal. 5, 200: τῆ
γλυκερῆ καὶ θῆλυ κατιλλώπτοντι Πριήφ, Adamant. Physiogn. 1, 20
p. 366 Franz: οἱ ἰλλώπτοντες (такъ читаетъ Зяльбургъ вмѣсто ἰλώττον-
τες) ἀνδρόγονοι. Clem. Alex. Paed. III, p. 294: τὸ ἐνιλλώπτειν (ἐνιλλώττειν
имѣютъ рукописи), ὃ διὰ τῶν ὀφθαλμῶν βλεφαρίζειν ἐστίν, οὐδὲν ἄλλ' ἢ διὰ
τῶν ὀφθαλμῶν μοιχεύειν ἐστίν. Eust. II. p. 206, 30: ἰλλώπτειν τὸ στραβίζειν
—καὶ ὅτι ἰλλώπτειν καὶ ἐνιλλώπτειν τὸ ὑγροῖς, ὡς φησιν Αἴλιος Διονύσιος,
καὶ ἐπιμούουσι καὶ κατακεκλασμένοις ὄμμασι ἐμβλέπειν. Παιουανίας δὲ ἐνίλλειν
τὸ ὀφθαλμοῖς καταμωκᾶσθαι, καὶ ἰλλώπτειν καὶ ἐπιλλοῦν τὸ μοκτηρίζειν,
καὶ κατιλλώπτειν τὸ καταμοκτηρίζειν. Ср. Hesych. v. ἐγκατιλλῶψαι, ἐνι-
λώπτειν, ἐνιλλώψας. Phot. Lex. p. 107, 5. 7. 146, 18. Etym. M. p. 342,
37. Suid. v. ἐνιλλώπτειν. Если бы Курціусъ зналъ эти мѣста, онъ

врядъ ли назвалъ бы ἰλλώπτειν „очень рѣдкимъ“, или можетъ онъ доказать, что ἰλλωπέω и ἰλλωπίζω употреблялись несравненно чаще?

Стр. 235: „σκέπτομαι, von Homer an allgemein üblich“. Относительно формъ σκέψομαι, ἐσκεψάμην, ἔσχεμαι я этого оспаривать не стану: σκέπτομαι же и ἐσκεπτόμην попадаютъ у Аттиковъ чрезвычайно рѣдко и то вѣроятно лишь вслѣдствіе искаженій подлинника. Аттики вмѣсто σκέπτομαι и ἐσκεπτόμην употребляютъ σκοπέω и ἐσκόπουν, между тѣмъ какъ σκοπέω, ἐσκόπησα, ἐσκόπηκα классическому греческому языку незнакомы.

На стр. 236 ἔτοπον выдается за форму эврипидовскую, безъ всякихъ ссылокъ. Такой способъ цитированія былъ бы умѣстенъ, если бы ἔτοπον встрѣчалось у Эврипида часто. Однако этотъ аористъ, какъ вообще почти нигдѣ не встрѣчается, такъ и у Эврипида—въ одномъ только мѣстѣ, Ion 767 διανταῖος ἔτοπεν ὀδῶνα με πλεομόνων τῶνδ' ἔσω, а потому мы имѣемъ полное основаніе вмѣстѣ съ Бедгемомъ (Badham) и Герверденомъ сомнѣваться въ его вѣрности¹⁾. Какъ мало значить единичный случай употребленія рѣдкой формы, видно изъ примѣра на стр. 238, гдѣ Курціусъ ставитъ νίπτω какъ форму Гомеровскую рядомъ съ νίζω, ссылаясь на Od. σ 179: χρῶτ' ἀπονίπτεσθαι. Такъ какъ формамъ νίψω ἐνίψα νίψομαι ἐνίψάμην νένιψμαι соотвѣтствуютъ Praesentia и Imperfecta νίζω ἐνίζον νίζομαι ἐνίζόμην, то Контосъ предложилъ χρῶτ' ἀπονίζεσθαι (Δόγιος Ἐρμῆς I p. 367); я предпочелъ χρῶτ' ἀπονίψασθαι согласно съ одною вѣнскою рукописью и Аполлоніемъ Соф. p. 23, 15.

На стр. 258 на ряду съ ὀφείλω и ὀφλισκάνω допускаются безъ всякаго сомнѣнія формы Praesentis ὀφλάνω, ὀφλω, ὀφλίσκω, причеиъ авторъ относительно ὀφλάνω указываетъ на Гезихіа и Фотія, а относительно ὀφλίσκω—на Свиду. Форма ὀφλίσκω находится также у Θεογνόста p. 139, 25, откуда Ленцъ перенесъ ее даже въ свое изданіе грамматика Геродіана²⁾, изобилующее разными неподходящими встав-

¹⁾ Въ своемъ возраженіи (стр. 318) Курціусъ говоритъ, что привелъ рѣдкую форму ἔτοπον, Gr. Verbum стр. 236, пока лишь зачѣмъ, чтобы вынести основу глагола τόπτω и что только при разборѣ самого образованія аориста послѣдуютъ болѣе опредѣленные указанія. Но основа глагола дѣствовала уже въ гомеровскаго ἔτοπην, такъ что не зачѣмъ было упоминать объ аор. ἔτοπον: если тѣмъ не менѣе казалось надобнымъ упомянуть о формѣ ἔτοπον, то слѣдовало бы назвать ее крайне сомнительной.

²⁾ Том. I p. 436, 14: διδίσκω, εὐρίσκω, τελίσκω, γαρίσκω, κούισκω, ὀφλίσκω, ἀφ' οὗ τὸ ὀφλισκάνω, ἀλίσκω, ἀραρίσκω. Эти слова заимствованы у Θεογνόста, у

ками, почему именно и слѣдуетъ употреблять изданіе это съ крайнею осторожностью. Но пока не имѣется болѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ, намъ придется считать ὀφλάω и ὀφλίω лишенными всякаго основанія выдумками неумѣлыхъ грамматиковъ, выдумками, въ которыхъ легко можно бы было пріискать сотни подобныхъ мнимыхъ формъ настоящаго времени, если бы кто-нибудь пожелалъ взять на себя совершенно непроезжительный трудъ составить сводъ всѣмъ безсмысленнымъ нелѣпостямъ александрійскихъ и византійскихъ грамматиковъ. Также форма ὀφω обязана своимъ существованіемъ у позднѣйшихъ греческихъ писателей только заблужденію древнихъ грамматиковъ; ср. Cobet. V. L. p. 129.

Не болѣе основанія чѣмъ ὀφλάω, имѣеть ἠχάνω, о которомъ на стр. 258 дается такого рода свѣдѣніе: „ἠχάνω, zu eg-

котораго предъ ἀραρίω есть еще ἀκαρίω, пропущенное Ленцомъ по недосмотру. Изъ перечисленныхъ здѣсь глаголовъ χιίω известно только изъ послѣднихъ классическаго времени; δειδίω и ἀλίω основываются лишь на заблужденіяхъ грамматиковъ или же на оплошностяхъ переписчиковъ. Немного раньше р. 496, 12, Ленцъ изъ того же мѣста Теофиласта (р. 139, 20) приписалъ Геродиану два довольно апокрифическихъ глагола ἀίω и μαχίω, изъ которыхъ одинъ, повидимому, обязанъ своимъ происхожденіемъ прош. несоверш. времени μαχίωτο, а другой—пористу ἄσα. У грамматика Геродиана столько своихъ собственныхъ грѣховъ на совѣсти, что неумѣстно было ставить ему на счетъ бредни какогонибудь безтолковаго Византійца. О μαχίω мы читаемъ у Курціуса стр. 279 въ примѣчаніи: «μαχίω упоминается только Геродианомъ I 436. Находящаяся въ томъ мѣстѣ перечень неполонъ (lückenhaft), поэтому эта форма легко могла попасть на мѣсто другой (und so kann diese Form sich leicht an die Stelle einer andern geschoben haben)». Стало бытъ, оттого что перечень неполонъ, μαχίω можетъ стоять вмѣсто другого глагола? Аргументація эта мнѣ кажется нѣсколько странною: я думаю, смѣшенія и вставки словъ могутъ встрѣчаться вездѣ. Неполный, по словамъ Курціуса, перечень, напротивъ того, болѣе чѣмъ полонъ: меньшая часть его заимствована изъ ходящаго подъ именемъ Аркадія сокращенія геродиановой χαθολικῆ προσηφεία (р. 175 M. Schmidt), ббльшая же часть его какъ содержаніемъ, такъ и формой принадлежитъ А. Ленцу, который съ несмѣянной еще въ филологической литературѣ беззаастѣнчивостію испестрилъ равную неподходящую примѣсь и во многомъ обезобразилъ до неузнаваемости своего неприлежательнаго, постоянно себя же цитирующаго Геродиана. Распространяться объ этомъ тутъ не мѣсто: достаточно замѣтить, что трудъ Ленца, несмотря на явные и непростительные промахи заслуживающей все-таки известную признательность, въ рукахъ свѣдущихъ людей можетъ оказаться полезнымъ, а у несамостоятельныхъ и не имѣющихъ сужденій диалектиковъ, не знающихъ толку въ греческихъ грамматикахъ, испреимѣно долженъ имѣть величайшую путаницу.

schliessen aus Hesych. ἤχανεν εἶπεν von der W. ἄχ=skt. ah, lat. ar (ajo). Sonst liegt nur ἤμι Präterit. ἤ-ν vor.“ Миѣ кажется болѣе чѣмъ невѣроятнымъ, чтобы греческое ἤμι происходило отъ корня ἄχ; но какъ бы мы ни судили объ этомъ, во всякомъ случаѣ глосса Гезихія не имѣетъ никакого значенія для рѣшенія этого вопроса. Къ автору въ родѣ Гезихія, представляющаго рядомъ съ драгоценнѣйшими остатками почти забытыхъ формъ языка самыя безсмысленныя искаженія и безобразія, нельзя относиться въ достаточной мѣрѣ скептически. Что ἤχανεν—Imperf., этого нельзя заключить изъ объясненія Гезихія; слово εἶπεν позволяетъ скорѣе думать по предположенію Альберти о χάνεν или ἔχανεν: какъ на примѣръ Ag. Vesp. 341: ταῦτ' ἐτόλμησ' ὁ μαρὸς χανεῖν по схолиамъ стоятъ χανεῖν ἀντὶ τοῦ εἶπεῖν, какъ и у самого Гезихія мы находимъ χάνοιμι· εἶκοιμι. Я не хочу этимъ сказать, чтобы дѣйствительно ἤχανεν было параллельною формою слова ἔχανεν; напротивъ миѣ кажется, что гласная перваго слога основывается на ошибкѣ, быть можетъ вслѣдствіе невѣрнаго раздѣленія словъ. Къ вѣрному сужденію относительно ἤχανεν мы можемъ придти не иначе, какъ если будетъ найдено лежащее въ основаніи глоссы мѣсто изъ поэта ⁵⁾).

1) То, что тутъ сказано о глоссѣ Гезихія, не понято, повидимому, Курціусомъ. Въстѣ того, чтобы сознаться въ поспѣшности своего вывода, онъ говоритъ (Возраженіе, стр. 321) вотъ что: «Ob unter zahllosen Singularitäten bei Hesychius auch ἤχανεν als solche hinzunehmen und zu erklären, oder anzuzweifeln und durch das allzeit bereite Mittel der Textveränderung auf das Maass des bekannteren Griechisch zurückzuführen sei, darüber entscheiden alle jene Instanzen des Sprachgefühls u. s. w. gar nichts». Что, спрашивается, даетъ Курціусу право считать ἤχανεν за Imperfectum и къ мнимой формѣ Imperfecti присочинить небылое Praesens ἤχάνω, тогда какъ толкованіе εἶπεν показываеъ, что грамматикъ считалъ ἤχανεν за аористъ? Такъ какъ Византіицы χανεῖν передавали чрезъ εἶπεῖν, все ближе, кажется, предположить, что Гезихію въстѣ ἤχανεν· εἶπεν надлежало писать χάνεν· εἶπεν или ἔχανεν· εἶπεν. Морицъ Шиндтъ предложилъ ἤχάνεν· εἶπεν: я сказалъ только, что буква η въ ἤχανεν основывается, кажется, только на ошибкѣ, происшедшей, быть можетъ, отъ невѣрнаго раздѣленія словъ. Стало быть, я не пользовался «готовымъ во всякое время средствомъ измѣненія текста», а порицалъ необдуманность и безцеремонность Курціуса, считавшаго себя въ правѣ изъ глоссы Гезихія сосрѣпать Praesens ἤχάνω. Что ошибочныя раздѣленія и соединенія буквъ у Гезихія попадаютъ сплошь да рядомъ, достаточно извѣстно. Сюда относятся глоссы въ родѣ

ἀμαλεχούδαλος (въстѣ ἀμα δὲ χέλαδος),

ἀσφάζει (въстѣ ἢ σφάζει),

δαιάζω (изъ ἀπολε:φθεισα δ' αἰάζω),

На стр. 262 Курциусъ высказывается въ пользу формы $\pi\tau\nu\acute{\epsilon}\omega$, пришедшей почти къ забвенію съ тѣхъ поръ, какъ несостоятельности ея была доказана Эльмслеемъ (Elmsley, ad Eur. Heracl. 77. Soph. Oed. Col. 1732. 1754). Курциусъ считаетъ $\pi\tau\nu\acute{\epsilon}\omega$ хорошо засвидѣтельствованнымъ потому только, что грамматикъ Геродіанъ одобряетъ эту форму. „Da aber“, говоритъ онъ далѣе, „an einzelnen Stellen Formen mit kurzen Vocalen in präsentischem Sinne sich zu finden scheinen, so hat gewiss Buttmann das richtige getroffen mit der Annahme, dass beide Formen $\pi\tau\nu\omega$ wie $\delta\acute{\upsilon}\omega\omega$, und $\pi\tau\nu\acute{\epsilon}\omega$ wie $\delta\acute{\upsilon}\nu\acute{\epsilon}\omega$ neben einander bestanden, wodurch die Existenz eines Aorists $\acute{\epsilon}\pi\tau\nu\omicron\nu$, der Soph. OC. 1732 gefordert wird, Part. $\pi\tau\nu\acute{\omega}\nu$ nicht ausgeschlossen wird.“ Если „повидимому“ встрѣчаются формы въ родѣ $\pi\rho\omicron\sigma\pi\acute{\iota}\tau\nu\omicron\rho\epsilon\nu$, то врядъ ли отсюда можно вывести „навѣрное“, что $\pi\rho\omicron\sigma\pi\acute{\iota}\tau\nu\omicron\rho\epsilon\nu$ и $\pi\rho\omicron\sigma\pi\tau\nu\omicron\upsilon\omicron\rho\epsilon\nu$ существовали одновременно. Существованіе глагола $\delta\acute{\upsilon}\nu\acute{\epsilon}\omega$ не доказано мѣстомъ Геродота 3, 98 (гдѣ большинство нашихъ рукописей имѣетъ $\acute{\epsilon}\nu\delta\acute{\upsilon}\nu\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\sigma\iota$, а cod. Vat.— $\acute{\epsilon}\nu\delta\acute{\upsilon}\nu\omicron\upsilon\sigma\iota$). Вопросъ о $\pi\tau\nu\acute{\epsilon}\omega$ такъ основательно разобранъ Эльмслеемъ, что можно считать его окончательно рѣшеннымъ, тѣмъ болѣе что даже Готфридъ Германъ, оспаривавшій прежде мнѣніе Эльмсдея, въ послѣдствіи пришелъ къ вѣрному воззрѣнію, и съ другой стороны, сколько мнѣ извѣстно, не было заявлено несогласія — до появленія книги Курциуса. Если послѣдній на причастіи $\Pi\tau\nu\omega\nu$ дозволяетъ намъ ставить удареніе троякимъ образомъ, $\acute{\kappa}\iota\tau\nu\omega\nu$, $\pi\tau\nu\acute{\omega}\nu$ и $\pi\tau\nu\acute{\omega}\nu$, причемъ онъ кромѣ $\pi\tau\nu\acute{\omega}\nu$ $\pi\tau\nu\omicron\upsilon\omicron\tau\omicron\varsigma$ на основаніи преданія могъ бы допустить еще и $\pi\tau\nu\acute{\omega}\nu$ $\pi\tau\nu\acute{\omega}\nu\tau\omicron\varsigma$, то едва ли кто-нибудь изъ знатоковъ греческаго языка сочтетъ себя

$\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\eta}$ (изъ $\omicron\upsilon\tau\epsilon$ $\lambda\epsilon\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\eta}$),
 $\acute{\kappa}\alpha\rho\theta\mu\omicron\iota\omicron$ $\mu\acute{\upsilon}\rho\iota\nu\epsilon\varsigma$ (изъ $\rho\omicron\lambda\upsilon\sigma\acute{\alpha}\rho\theta\mu\omicron\iota\omicron$ $\mu\omicron\rho\acute{\iota}\nu\eta\varsigma$),
 $\mu\alpha\phi\rho\acute{\eta}\nu$ (изъ $\omicron\upsilon\pi\omicron\tau'$ $\acute{\epsilon}\mu\acute{\alpha}$ $\phi\rho\acute{\eta}\nu$),
 $\mu\omicron\lambda\acute{\omega}\tau\alpha\tau\omicron\nu$ (изъ $\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota$ δ' $\acute{\alpha}\iota\mu\omicron\lambda\acute{\omega}\tau\alpha\tau\omicron\nu$),
 $\acute{\xi}\acute{\omega}\theta\epsilon\nu$ (вмѣсто $\acute{\epsilon}\xi\omega\theta\epsilon\nu$),
 $\pi\acute{\iota}\tau\acute{\iota}\mu\iota\alpha$ (изъ $\tau\acute{\alpha}\pi\acute{\iota}\tau\acute{\iota}\mu\iota\alpha$),
 $\omicron\prime\Omega\acute{\xi}\acute{\omega}\lambda\omega\nu$ (вмѣсто $\acute{\omega}$ $\acute{\xi}\acute{\omega}\lambda\omega\nu$) и т. п.

Кто не имѣетъ понятія о состояніи текста Гезихія и частью слѣпо вѣруетъ въ букву преданія, частью увлекается собственными фантазіями, тотъ дѣйствительно можетъ вычитать много чудесъ изъ этого, такъ же многосторонняго и богатаго какъ и дурно сохранившагося и неперполненнаго разными причудливыми нецѣпостями, лексикона. Вотъ почему лексиконъ Гезихія издавна служилъ основнымъ источникомъ для извѣстнаго рода миеологовъ и этимологовъ. Для того, чтобы пользоваться Гезихіемъ какъ слѣдуетъ, прежде всего надо познакомиться съ «болѣе знакомыми формами греческаго языка».

въ вправѣ воспользо­ваться такимъ черезчуръ великодушнымъ дозво­леніемъ.

На стр. 275 говорится послѣ упоминанія извѣстнаго, только въ позднѣйшее время встрѣчающагося, βιβρώσκω: „Das Homerische Präsens dazu ist—βιβρώθω (βιβρώθους Δ 35).“ Единственное Гомеровское мѣсто, въ которомъ находится βιβρώθους, не можетъ ни доказать, ни сдѣлать вѣроятнымъ существованіе Praesentis βιβρώθω, отъ котораго кромѣ этого мѣста не сохранилось ни малѣйшаго слѣда. Безъ всякаго сомнѣнія βιβρώθους есть Opt. Perfecti: можетъ быть, βιβρώθους Δ 35 — описка вмѣсто βιβρώχοις; по крайней мѣрѣ имѣется βιβρώχω: χ 94. χ 403, а βιβρώσεται β 203.

Стр. 277: „πωτάσχεται nur Orac. Chald. XXVIII, p. 23 nach Lobeck Rhein. 249, doch haben nach Steph. Thes. s. v. die Handschriften πωτάσχετο, was Iterativ sein kann“. Не „можетъ быть“, а „есть“. Не­понятно, зачѣмъ вообще приводится πωτάσχεται, когда у Марина V. Proclii с. 28 въ рукописяхъ стоитъ πωτάσχετο. Въ замѣнъ его, въ числѣ глаголовъ на -σχω, могло быть помѣщено неупомянутое Курціу­сомъ, но въ позднѣйшемъ, по крайней мѣрѣ, греческомъ языкѣ встрѣ­чающееся τίεσχω. Ср. изрѣченіе оракула Corp. Inscr. 3538, 12. vol. 2, p. 855: Τηλεφίδααι, οἱ Ζηνὶ πλέον Κρονίδῃ βασιλῆϊ ἐξ ἄλλων τιεσκόμενοι Τευθραντίδα γαῖαν ναίουσιν.

Стр. 277: „ἰλά-σχο-μαι, ich versöhne mir Z 380, A 472, auch später stets transitiv. In gleichem Sinne Homerisch ἰλαμαι, ἰλάομαι“. Гомеров­скимъ дѣйствительно можно назвать ἰλάονται В 550, а ἰλαμαι принад­лежитъ времени нѣсколько позднѣйшему; древнѣйшій извѣстный намъ случай употребленія представляетъ, повидимому, одинъ изъ такъ на­зываемыхъ гомеровскихъ гимновъ, 21, 5: καὶ σὺ μὲν οὕτω χαῖρε, ἄναξ. ἰλαμαι δὲ σ' αἰοιδῆ, да и тутъ ἰλαμαι сомнительно, потому что въ двухъ другихъ мѣстахъ тѣхъ же гимновъ (16, 5 и 19, 58) мы читаемъ: καὶ σὺ μὲν οὕτω χαῖρε, ἄναξ, λίτομαι δὲ σ' αἰοιδῆ.

Стр. 303: „μοιμόλλω, nur bei Lexikographen in Präsensformen, er­klärt συναγειν τὰ χεῖλη Pollux II 90, Hesych., mit μόειν verwandt“. Уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ въ одномъ стихѣ Гиппонакта читаютъ Inf. μοιμόλλειν: μηδὲ μοιμόλλειν Λαβεδίην ἰσχαδ' ἐκ Καμανθωλοῦ.

А именно такъ: μηδὲ μοιμόλλειν Мейнке въ своемъ собраніи хо­лиамбическихъ поэтовъ въ концѣ изданнаго Лахманомъ Бабрія (Бер­линъ, 1845) стр. 116, восстановилъ, вмѣсто у Sextus Empiricus, со­хранившагося μηδὲ μοι μὴ λαλεῖν. Многимъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что Курціусъ ничего объ этомъ не знаетъ: стоило ему

только сравнить примѣчаніе М. Шмидта къ цитируемому имъ самимъ мѣсту Гезихія для того, чтобы напасть на Гиппонакта ¹⁾.

Стр. 305: „σαίρω weiss Veitch nur mit Eurip. Ion 115 und Lucian zu belegen, der kürzere Stamm in αέσηρα (Komiker), аог. ἔσηρα (Soph.)“⁴. Praesens σαίρω вовсе не такъ рѣдко, какъ полагаетъ Курціусъ. Ср. σαίρειν τε δῶμα Eur. Hec. 363 и Andr. 166. ἄ σαίρω δάπεδον θεοῦ Eur. Ion. 121. σαίρειν πτέγας Cycl. 29. σαίρειν δόμους Cycl. 33. σαίρουσι δῶμα Eur. fr. 775, 12. τὰ σαίρομενα Plut. Cat. mai с. 4 fin. Также Imperf. ἔσαίρει ναόν Eur. Ion 795. Было бы необдуманно и несправедливо полагать, что Вейчъ не зналъ ни одного изъ этихъ мѣстъ, почти безъ исключенія, отмѣченныхъ давно другими. Вейчъ тутъ, какъ часто, избранными мѣстами хотѣлъ лишь указать, у какой категоріи писателей попадаетъ извѣстный глаголъ. Принимая выбранный Вейчемъ два примѣра глагола σαίρω за единственно существующія, Курціусъ только доказываетъ, до какой степени онъ зависить отъ своего руповодителя.

Стр. 311: „δράσσω, in älterer Zeit nur δράσσομαι bei Herodot und Tragikern, dazu δράσασθαι. Homer kennt nur δεδραγμένος“⁵. Неточности этого указанія можно исправить по Вейчу р. 178. Въ трагедіи встрѣчается не Praesens δράσσομαι, а Perf. δέδραγμα: τῆς ἐλπίδος γάρ ἔρχομαι δεδραγμένος Soph. Ant. 235. τί μου δέδραξαι Eur. Tro. 750. Кромѣ δράσσομενος встрѣчающагося у Геродота 3, 13 заслуживало вниманія τοῦρεβίνθου ἐδραττάμην Ar. Ran. 545.

Стр. 313: „τάσσω nachhomerisch neben τάσσω, ἔτασα, ἐτάγην (Eurip.), ταγός, so dass ταγ als Wurzel erscheint“⁶. Аористъ ἐτάγην встрѣчается не особенно рѣдко у позднѣйшихъ писателей ²⁾; времени до-алексан-

¹⁾ Въ Возраженіи говорится (стр. 318): «Mit Beschämung freilich gestehe ich ein wirklich nicht gewusst zu haben, dass μεμύλλω von Meineke in einer Stelle des Hipponax «durch Conjectur» in den Vers gebracht ist. Man wird aber auch wohl ohne dies Wissen sich erlauben dürfen ein Buch über das griechische Verbum zu schreiben». Приведенныя здѣсь слова, поставленныя въ кавычкахъ, а именно «durch Conjectur», не совсѣмъ точны: измѣненіе, сдѣланное Мейнеке и требуемое размыромъ и смысломъ, μεμύλλειν вмѣсто μοι μὴ λαλεῖν, есть не конъектура, а убѣдительная эмендація. Если же Курціусъ хотѣлъ выразить чувство стыда, то замѣчанія мои дають ему не одинъ примѣръ его недостаточнаго знанія греческихъ глагольныхъ формъ.

²⁾ Такъ мы находимъ ἐτάγησαν Perictione ap. Stob. Flor. 79, 50. ἐπιταγέντα Apollod. 1, 9, 23, 2. καταταγείς (вмѣсто этого въ Lex. Vind. р. 86, 15 καταλιγείς. Herodian. VI, 8, 1. ὑποταγῆναι Diod. S. IV, 19. Объ этихъ четырехъ мѣстахъ упомянулъ уже Вейчъ р. 552. Можно прибавить ἐτάγη Philo Iud. vol. I р. (497.

дрійскому эта форма, какъ кажется, чужда, ибо неумѣстно выраженіе $\kappa\omicron\upsilon\chi$ $\acute{\upsilon}\pi\omicron\tau\alpha\gamma\epsilon\iota\varsigma$ $\acute{\epsilon}\beta\acute{\alpha}\delta\iota\zeta\epsilon\nu$ $\omega\sigma\pi\epsilon\rho$ Nixias $\text{Phryn. Com. 2 p. 603}$, гдѣ и теперь не могу предложить ничего лучшаго, какъ прежнюю мою догадку $\acute{\upsilon}\pi\omicron\beta\epsilon\tau\acute{\eta}\varsigma$, удовлетворяющую по крайней мѣрѣ смыслу. Ошибочна была догадка Мейнеке (*Soph. Oed. Col. p. 224*), хотѣвшаго измѣнить *Soph. Oed. R. 206* рукописное чтеніе $\acute{\alpha}\rho\omega\gamma\acute{\alpha}$ $\pi\rho\omicron\sigma\tau\alpha\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha$ въ $\pi\rho\omicron\sigma\tau\alpha\gamma\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha$. То предположеніе, наконецъ, что Эврипидъ сказалъ $\tau\alpha\gamma\epsilon\iota\varsigma$, невѣрно; оно основано на *Plut. Mor. p. 965 E*, гдѣ только слова $\acute{\omicron}$ $\tau\eta\varsigma$ $\tau\acute{\omicron}\chi\eta\varsigma$ $\kappa\alpha\iota\varsigma$ $\kappa\lambda\acute{\eta}\rho\omicron\varsigma$ принадлежать Эврипиду (*fr. 979*), а слѣдующее затѣмъ $\acute{\epsilon}\pi\iota$ $\tau\acute{\omicron}\upsilon\tau\omega$ $\tau\alpha\gamma\epsilon\iota\varsigma$ суть слова Плутарха ¹⁾.

На стр. 318 въ прим., въ числѣ глаголовъ на $\zeta\omega$ съ основой, оканчивающеюся на зубной звукъ, упоминается „ $\lambda\acute{\alpha}\zeta\omega$ $\acute{\upsilon}\beta\rho\iota\zeta\omega$ *nug aus Schol. zu Eurip. Hec. 64 bekannt*“. И у Гезихія встрѣчается $\lambda\acute{\alpha}\zeta\epsilon\nu$ $\acute{\epsilon}\xi\acute{\upsilon}\beta\rho\iota\zeta\epsilon\nu$, а другіе грамматики упоминаютъ $\lambda\acute{\alpha}\zeta\omega$ $\tau\acute{\omicron}$ $\lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\omega$. Что этимъ доказывается или хотя бы только дѣлается вѣроятнымъ существованіе глагола $\lambda\acute{\alpha}\zeta\omega$, утверждать не рѣшаюсь.

Mang. ταγεις Plut. Mor. p. 965 E. ταγειη Herod. gramm. (vol. 2 p. 32, 24 Lentz) Schol. A II. B 175. Etym. M. p. 519, 1. διαταγεισα Corp. Inscr. 3544 vol. 2 p. 858, καταταγεις Arrian. Epict. I, 25, 10. προταγεις Socrates Hist. eccl. VI, 14 p. 321 B. συνταγέντα Didymus de trin. I, 9 p. 6. συνταγέντες Georg. Pisid. Exped. Pers. 2, 135. υπετάγης Arrian. Epict. VI, 4, 33. υπετάγησαν Ath. VI p. 263 D. υποτάγηθι Theophil. ad. Antol. I, 14. υπετάγη Greg. Naz. vol. I p. 1 A. υποταγεις Schol. Soph. Phil. 1025. Разумѣется не трудно будетъ пополнить этотъ списокъ.

¹⁾ Въ Возраженіи (стр. 326) утверждается, что осужденіе мое, очевидно, направлено не туда, куда слѣдуетъ: «ибо у самую *Нѣука* въ его изданіи *Fragmenta tragicorum*, мы читаемъ

$\acute{\omicron}$ $\tau\eta\varsigma$ $\tau\acute{\omicron}\chi\eta\varsigma$ $\kappa\alpha\iota\varsigma$ $\kappa\lambda\acute{\eta}\rho\omicron\varsigma$ $\acute{\epsilon}\pi\iota$ $\tau\acute{\omicron}\upsilon\tau\omega$ $\tau\alpha\gamma\epsilon\iota\varsigma$,

и теперь только *Нѣука* является съ предположеніемъ, что цитата заканчивается словомъ $\kappa\lambda\acute{\eta}\rho\omicron\varsigma$, а слѣдующія слова принадлежать уже цитирующему Плутарху. Будь онъ даже правъ въ этомъ, все-таки странно укорять меня въ томъ, чему онъ самъ былъ виною, а не говорить ни слова о томъ, что онъ измѣнилъ свое мнѣніе. Что слова $\acute{\epsilon}\pi\iota$ $\tau\acute{\omicron}\upsilon\tau\omega$ $\tau\alpha\gamma\epsilon\iota\varsigma$ принадлежать Плутарху, было высказано мною уже въ 1865 г. (*Bulletin IX p. 373 = Mélanges Gréco-Rom. II p. 698*). Если Курциусъ не зналъ объ этомъ, то онъ могъ по крайней мѣрѣ, такъ какъ дѣло шло о эврипидовскомъ отрывкѣ, справиться въ вышедшемъ въ 1869 г. въ Лейпцигѣ 3-емъ томѣ моего изданія Эврипида, прежде чѣмъ жаловаться на оскорбленіе, котораго вовсе не заключалось въ моихъ словахъ. Въ указанной книгѣ онъ могъ найти эврипидовскія слова $\acute{\omicron}$ $\tau\eta\varsigma$ $\tau\acute{\omicron}\chi\eta\varsigma$ $\kappa\alpha\iota\varsigma$ $\kappa\lambda\acute{\eta}\rho\omicron\varsigma$, и на стр. 275 прочесть замѣтку: «*vulgo integer versus $\acute{\omicron}$ $\tau\eta\varsigma$ $\tau\acute{\omicron}\chi\eta\varsigma$ $\kappa\alpha\iota\varsigma$ $\kappa\lambda\acute{\eta}\rho\omicron\varsigma$ $\acute{\epsilon}\pi\iota$ $\tau\acute{\omicron}\upsilon\tau\omega$ $\tau\alpha\gamma\epsilon\iota\varsigma$ Euripidi tribuitur: at $\acute{\epsilon}\tau\acute{\alpha}\gamma\eta\eta$ forma ab Atticorum usu aliena est.*»

На стр. 336 формы ἀτιμάω и ἀτιμάζω пазываются гомеровскими. Слову τιμάω противоположны ἀτιμάζω, ἀτίζω, ἀτιμόω, тогда какъ ἀτιμάω—глаголь неправильный, не подлежащій сомнѣнiю относительно существованiя его въ послѣдклассическое время ¹⁾, но у доалександрийскихъ авторовъ являющiйся, вѣроятно, лишь по винѣ грамматиковъ и переписчиковъ. Въ пользу ἀτιμάω можно изъ Гомера принести слѣдующiе примѣры. Il. A 11: οὐνεκα τὸν Χρῦσον ἠτίμησ' ἀρητήρα. A 94: ὃν ἠτίμησ' Ἀγαμέμνων. A 356: ἠτίμησεν ἑλὼν γὰρ ἔχει γέρας (совершенно также A 507. B 240). Z 522: ἔργον ἀτιμήσειε μάχης. Θ 163: νῦν δέ σ' ἀτιμήσουσι. I 62: μῦθον ἀτιμήσει. I 111: ἠτίμησας ἑλὼν γὰρ ἔχει γέρας. N 113: οὐνεκ' ἀπῆτίμησε ποδώκεα Πηλεΐωνα. Σ 127: μῦθον ἀτιμήσατε πεφασμένον. Od. ξ 57 ξείνον ἀτιμήσαι. π 274: εἰ δέ μ' ἀτιμήσουσι. π 307: σέ δ' ἀτιμάω τοῖον εὐόντα. υ 133: τὸν δέ τ' ἀρείον' ἀτιμήσας ἀποπέμπει. φ 99: ὃν τότε ἀτίμα ἦμενος ἐν μεγάροις. ψ 28: ὁ ξείνος, τὸν πάντες ἀτίμων (другiе читаютъ ἀτίμεον) ἐν μεγάροισιν. Какъ A 11 на основанiи лучшаго преданiя теперь пишется ἠτίμησεν ἀρητήρα, какъ A 94 пѣкаторныя рукописи представляютъ ἠτίμασ' Ἀγαμέμνων, какъ I 111 въ цитатѣ у Дiона Хризост. 56, 13 лучшiе кодексы наводятъ на ἠτίμασ(σ)ας, какъ π 274 въ одной вѣнской рукописи имѣется ἀτιμάσουσι. такимъ же образомъ въ большинствѣ другихъ вышеприведенныхъ мѣсть допускается и требуется вмѣсто ἀτιμάω глаголь ἀτιμάζειν, то-есть, A 94 ἠτίμαζω' Ἀγαμέμνων, Z 522 ἔργον ἀτιμάσσειε μάχης и т. д. Od. π 307 вѣроятно слѣдуетъ читать σέ δ' ἀτίζει τοῖον εὐόντα, какъ φ 99 ὃν τότε ἀτίζειν. ψ 28 я возстановилъ τὸν πάντες ἀτίμασαν ἐν μεγάροισιν. Большаго числа мѣсть, въ которыхъ встрѣчается глаголь ἀτιμάω, недостаточно, чтобы оправдать неправильное производство, тѣмъ болѣе, что перемѣны формъ ἀτίζειν въ ἀτιμάζειν и формъ, въ родѣ ἀτιμάσ(σ)ειε въ ἀτιμήσειε объясняются весьма просто. Вѣдь дѣлали же подчасъ и

¹⁾ Ср. Марцелла (Anthol. Pal. append. 51) въ Corp. Inscr. 6280 B 51 οὐ μιν ἀτιμήσει θεῆ βασιλεια γοναϊκῶν, и тамъ же строка 54: οὐδ' Ἐρσην γοργῶπος ἀπῆτίμησεν Ἀθῆνῃ. Ежели существующiя копии съ камня точны (только во 2-мъ мѣстѣ имѣется вариантъ «ΑΠΗΤΙΜΑΣΕΝ *Salm.*), то придется считать ἀτιμάω у позднѣйшихъ повтовъ не подлежащимъ сомнѣнiю. Сюда относятся Greg. Naz. vol. 2 p. 10 D: μὴδ' ἀτιμάσθω θεός. Nonnus Dion. 17, 313: Βάχρον ἀτιμήσα: στρατιῆς πρόμος ἐνθάδε κείται. 27, 286: μὴ ταλάρους γονέοντας ἀτιμήσης Μεταειρήης. 31, 69: μὴ τάλαρον Δήμητρος ἀτιμήσειεν ὑπὸρῃ. 42, 383: πορεύσασαν ἀτιμήσασα Κουθήρην. 46, 70: μὴ ποτὸν ἀμπλόεντος ἀτιμήσης Διονύσου. Colluth. 33: Ἄρτεμις ἠτίμησε. 137: βασιλειαν ἀτιμήσας Ἀφροδίτην. Paul. Silent. Descr. m. Eccl. 2, 609: ὄσσαν ἔλέξει χρυσὸν ἀτιμηθέντα. Apollin. Psalm. 13, 13: μὴ μοί τις ἀτιμήσειε μερίμνας.

новѣйшіе филологи подобныя ошибки частью по незнанію, частью вслѣдствіе минутной необдуманности ¹⁾. Не намѣреваясь строго опредѣлять, гдѣ согрѣшили сами авторы и гдѣ — переписчики нашихъ кодексовъ, укажу, кромѣ выше уже (въ прим.) приведенныхъ, извѣстные мнѣ примѣры употребленія глагола ἀτιμᾶν въ поэзій послѣгомеровской. Hesiod. Op. 185: αἴψα δὲ γηράσκοντας ἀτιμήσουσι γονῆας. Hymn. Apoll. 72: νῆσον ἀτιμήσας, ἐπειτὴ κρανατὴ κεδός εἰμι. Hymn. Cer. 158: εἶδος ἀτιμήσοσα δόμων ἀπονοστήσοσιεν. Pind. Pyth. 9, 80: οὐκ ἀτιμάσαντα νιν. Moschus 4, 6: τί το δῆ με θεοὶ τόσον ἠτίμησαν (другіе ἠτίμασαν). Callim. Hymn. 3, 260 sq.: μὴ τις ἀτιμήσῃ τὴν Ἄρτεμιν· οὐδὲ γὰρ Οἰναῖ βωμὸν ἀτιμήσαντι ²⁾ καλοὶ κόλιν ἤλθον ἀγῶνες. Clinias ap. Stob. Flor. 64, 16: μὴ τις ἀτιμάτω (такъ написалъ Мейнеке вмѣсто τιμάτω) θνητῶν πολύδακρον Ἔρωτα. Demetrius ap. Diog. L. 5, 85: ζῶν ἀτιμήσαντας (ἀτιμάσαντες Suidas s. v. φθόνος и Arsenius p. 438, 18 Leutsch) ἀποφθίμενον ποθέουσι. Наконецъ Soph. Ai. 1129: μὴ νυν ἀτίμα θεοῦς, θεοῖς σεωσμένους, гдѣ Эльмслеиъ восстановилъ ἀτίμα; это первоначальное чтеніе перешло сперва въ ΑΤΙμαZE, а затѣмъ—въ ἀτίμα. Рѣдко находится ἀτιμᾶν въ рукописяхъ прозаиковъ: ср. Вейча p. 96 sq. и Кобета N. L. p. 752 съ моею замѣткою въ Lex. Vindob. p. 18, 5.

Стр. 344: „So mag es hier genügen die Formen ἀπειλείω, das ich nirgends belegt finde, καπνείων—nur zu erwähnen“. Для формы ἀπειλείω въ лексиконѣ Пане приведено два примѣра, а въ парижскомъ Thesaurus—шесть (Nonnus Dion. 14, 275. 20, 204. 21, 57. 145. Musaeus 122. 131).

Стр. 376: „γεγωνέω fast nur poetisch von Homer an (γεγωνεῖν M 337) mit der S. 278 erwähnten Nebenform γεγωνίσχω, eine deutliche Ableitung aus dem präsentischen Perfect γέγωνα, der einzigen Form kürze-

¹⁾ Такъ Гэлы (Gale) написалъ ошибочно ἀτιμηθέντι вмѣсто ἀτιμωθέντι у Антонина Либерала. с. 12 p. 213, 25 West. Такъ Бахманъ Lycophr. 137 изъ Hesiodia s. v. τραπεζίτην цитируетъ слова παραλαβόντα τὴν τράπεζαν καὶ ἀτιμήσαντα τὴν Μινελάου, тогда какъ въ рукописи лексикографа совершенно правильно сказано: ἀτιμάσαντα τὸν Μινελάου. Такъ Бернгарди Suid. II, 2 p. 151, 10 хочетъ измѣнить ἀτιμάσαντες въ ἀτιμήσαντες. Даже у Лобека Pathol. elem. II p. 352 мы читаемъ: «ἀποκτείνετε δ' ἂν ἢ ἐξελάσειεν ἢ ἀτιμήσειεν (Plat.) Apol. 30 D.» вмѣсто рукописнаго чтенія ἢ ἀτιμάσειεν, которое съ Эльмслеемъ слѣдовало переправить въ ἢ ἀτιμώσειεν.

²⁾ Вмѣсто ἀτιμήσαντι есть лучше засвидѣтельствованное чтеніе ἀτιμάσαντι; по этому О. Шнейдеръ пишетъ ἀτιμάσαντι, измѣненіе, мнѣ кажется, совершенно справедливое, только въ предыдущемъ стихѣ предпочелъ бы я согласно съ этимъ μὴ τις ἀτιμάσῃ.

gen Stammes. Der E-Stamm tritt auch in γεγωνήσω (Eurip.), γεγωνήσαι (Aesch.) hervor“. Обѣ приведенныя здѣсь формы γεγωνέω и γέγωνα гораздо менѣе рекомендуются языкомъ авторовъ классическаго времени, нежели принятое многими, Курціусомъ же не удостоенное даже упоминанія γεγώνω. Древніе грамматики спорили, какъ должно ставить удареніе γεγωνεῖν или γεγώνειν. Ср. Herod. Schol. II. M 337: (Πτολεμαῖος) ὁ Ἀσχαλωνίτης βαρύνει (τὸ γεγώνειν) ὡς ἀνύειν, Ἀριστάρχος δὲ περισπᾶ ὡς φιλεῖν. καὶ εἶπε μᾶλλον περισπῶμενον εἶναι παρὰ τῷ ποιητῇ ὡς γὰρ ἐνόησεν καὶ ἐφίλειον, οὕτως καὶ ἐγεγώνεον ἔφη· „ἤμην ὅς' ἐφρασάμην καὶ Τηλεμάχῳ ἐγεγώνεον“ (ρ 161). ἀπαρέμφοτόν τε προγένεγκато τὸ γεγώνμεν—προσέθηκα δὲ παρὰ τῷ ποιητῇ, ἐπεὶ οἱ μετ' αὐτὸν καὶ ὡς βαρύτερον αὐτὸ ἐκλιναν καὶ ὡς περισπῶμενον. Авторитетъ Аристарха тутъ, какъ и часто, рѣшилъ дѣло, а именно въ пользу формы γεγωνέω. Остановившись на этомъ, естественно стали измѣнить рукописное ἐγεγώνον въ ἐγεγώνεον, не смотря на то, что глаголь γεγωνέω ни у какого поэта не доказывается развѣромъ. Въ пользу Praesens γεγωνέω, сколько мнѣ извѣстно, могутъ быть приведены слѣдующія мѣста изъ классическаго времени. II. X 34: κεφαλὴν δ' ὃ γὰ κόψατο χερσὶν ὑψόσ' ἀνασχόμενος, μέγα δ' οἰμώξας ἐγεγώνει. V 425: Ἀτρεΐδης δ' ἔδεισε καὶ Ἀντιλόχῳ ἐγεγώνει. Od. φ 368: Τηλέμαχος δ' ἐτέρωθεν ἀπαλήσας ἐγεγώναι. Въ этихъ мѣстахъ, ἐγέγωνε(ν) развѣромъ допускается ¹⁾. Совершенно также γέγωνον или ἐγέγωνον дозволительно и, вѣроятно, даже необходимо Od. ι 47: τόφρα δ' ἄρ' οἰχόμενοι Κίχονες Κιχόνεσσι γεγώνεον (другіе читаютъ γεγώνεον). μ 370: οἰμώξας δὲ θεοῖσι μέγ' ἀθανάτοισι γεγώνεον. ρ 161: εὐσσέλμου ἐπὶ νηὸς ἤμενος ἐφρασάμην καὶ Τηλεμάχῳ ἐγεγώνεον (ἐγεγώνεον Herod. Schol. M 337). Совершенно бездоказательно для глагола γεγωνέω—правописание γεγωνεῖν, γεγωνεῖ, γεγωνῆ, такъ какъ господствующее въ рукописяхъ удареніе, судя по сообщенному выше мѣсту схолиаста, уже у Александрийцевъ было спорно. Мы находимъ а) γεγωνεῖν II. M 337: οὐ πῶς οἱ ἔην (ἔεν?) βύσαντι γεγωνεῖν. Pind. Ol. 3, 9: ἄ τε Πίσα με γεγωνεῖν. Pind. Pyth. 9, 3: ἐθέλω — γεγωνεῖν. Aesch. Prom. 523: τόνδε δ' οὐδαμῶς καιρὸς γεγωνεῖν. 657: ἔσται δὲ πατρὶ ἔτλην γεγωνεῖν. 787: οὐκ ἐναντιώσομαι τὸ μὴ οὐ γεγωνεῖν πᾶν ὅσον προσχρήζεται. 820: ἔχεις γεγωνεῖν. Eur. Hipp. 586: σαφές δ' οὐκ ἔχω γεγωνεῖν. Rhés. 270: οἱ χρῆ γεγωνεῖν σ' εὐτοχοῦντα ποιμ-

¹⁾ У Пауг. Flamin. с. 10 читается: ὡς δ' αὖθις ἡσυχίας γενομένης ἀναγαγὼν ὁ κήρυξ τὴν φωνὴν προθυρόταρον εἰς ἅπαντας ἐγεγώνει καὶ διήλθε τὸ κήρυγμα. Однако, тутъ чтеніе колеблется между ἐγεγώνει, ἐγεγόνησε, ἐγεγώνησε.

να. Antiphon 5, 44: καὶ μὴν πολλῶ πλέον γεγωνεῖν (такъ Кобетъ вмѣсто πλέον γε ἀγνοεῖν) ἔστι νόκτωρ ἢ μεθ' ἡμέραν. Plat. Hipp. mai. p. 292 D: οὐδέν σοι μᾶλλον γεγωνεῖν δύναμαι ἢ εἰ μοι παρεκάθησο λίθος. Aristot. p. 802 a 23: ὥστε τοὺς ἤχους διασπᾶσθαι καὶ μὴ συνεχεῖς ἐκπίπτειν δι' αὐτῶν μηδὲ γεγωνεῖν ὁμοίως. p. 802 b 6: οὐ δύναται δὲ γεγωνεῖν ὁμοίως. p. 804 b 24: φθέγγονται μὲν γὰρ ἄλλ' οὐ δύναται γεγωνεῖν. b) γεγωνεῖ Anth. Pal. 7, 12: σὸς δ' ἐπέων, Ἦριννα, καλὸς πόνος οὐ σε γεγωνεῖ (οὐ σ' ἐγεγῶναι рукописъ) φθίσθαι. Aristot. de anima 2, 8: διὰ τὸ ψαθυρὸς εἶναι οὐ γεγωνεῖ (γεγῶναι S), ἂν μὴ λείον ἤ τὸ πληγέν. Ps.-Aristot. Probl. 19, 2 p. 917 b 21: πορρωτέρω ὁ αὐτὸς τῇ αὐτῇ φωνῇ γεγωνεῖ. c) γεγωνῆ Solon (p. 352 Bergk ed. alt.) ap. Diog. L. 1, 61: γλῶσσα δὲ οἱ διχόμοθος ἐκ μελαινας φρενὸς γεγωνῆ. Легкаго также только измѣненія требуютъ Xenoph. Cyneg. 6, 24: καθ' ἓν ἕκαστον τούτων ὁ ἀρχωφὸς γεγωνεῖτω (чит. γεγωνέτω). Формы наконецъ въ родѣ γεγωνῆσαι Aesch. Prom. 990, γεγωνήσομεν Eur. Ion 696, γεγωνήσας Cassius Dio 68, 3, 4 vol. 2 p. 306 Bekk., въ родѣ отглагольнаго прилаг. γεγωνητέον, Pind. Ol. 2, 6 и существ. γεγωνήσας Plut. Mor. p. 722 F, происходятъ не отъ γεγωνέω, а отъ γεγωνίσκω¹⁾, подобно тому какъ εὐρήσω происходитъ отъ εὐρίσκω. Въ пользу Perfecti γέγωνα есть не мало свидѣтельствъ изъ позднѣйшаго греческаго языка. Cp. Orpian. Cyneg. 4, 126: ὀκκόσον ἐκ μεσάτοιο γεγωνότος ἀμφοτέροισιν εἰσαίειν. 4, 178: καταγῶν τε διαπρύσιόν τε γεγωνῶς. Dionys. Perieg. 249: Θήβην ὠκυγῖν ἐκατόμυλον, ἔνθα γεγωνῶς Μέμνων ἀντέλλουσαν ἐὴν ἀσπάζεται Ἡῶ. Philo Jud. vol. 1 p. 462: ὁ γεγωνῶς λόγος. Cornut. de N. D. c. 21: διὰ τὸ παραγῶδες καὶ γεγωνὸς τῆς ὀγκήσεως. Lucian. Gall. c. 1 vol. 2 p. 702: διάτορόν τι καὶ γεγωνός (γεγωνὸν Y) ἀναβοήσας. Aclian. V. H. 2, 44: προσέταξεν αὐτῷ τὸ παρορμητικὸν ἐμπνεῦσαι μέλος διάτορόν τε καὶ γεγωνός. Ps.-Aristot. Probl. XI, 25 p. 901 b 31: διὰ τί, ὅταν ἀχρωθῶσιν αἱ ὀρχήστραι, ἤττον

¹⁾ Cp. Aesch. Prom. 627: τί δῆτα μέλλεις μὴ εὐ γεγωνίσκειν τὸ πᾶν; Eur. El. 809: οὐ γεγωνίσκων λόγους. Suppl. 204 εἶτα δ' ἀγγελον γλῶσσαν λόγων δούς, ὡς γεγωνίσκειν (ὥστε γινώσκειν рукописъ) ὄπα. Thuc. 7, 76: βουλόμενος ὡς ἐπὶ πλείστον γεγωνίσκων ὠφελεῖν. Babr. II proem. v. 12: μαλλόντες οὐδὲν πλείον ἢ (быти можетъ мн. πλείον ἢ сѣддуетъ искать прилагательное) γεγωνίσκειν (πλείον ἢ με γινώσκειν рукописъ). Marcus Anton. XII, 4: εἰάν γοῦν τινα θεὸς ἐπιστάς ἢ διδάσκαλος ἐμφρῶν κελεύσῃ μηδὲν καν' ἑαυτὸν ἐνθυμείσθαι ὃ μὴ ἅμα γεγωνίσκων (ἅμα γε γινώσκων p. n) εἴποιε, οὐδὲ πρὸς μίαν ἡμέραν τοῦτο ὑπομενεῖ. Cassius Dio 56, 14, 4 vol. 2 p. 113: καὶ ὅσοι ὑπὲρ τοὺς ἄλλους ἐγεγώνισκον. 56, 26, 2 p. 120: οὐ γὰρ οἶός τε ἦν γεγωνίσκειν. Тотъ же глаголь предполагалъ Necker (Philol. 5 p. 472) у Θεογεγνα 669, идѣ отъ хотѣлъ измѣнить рукописное и навѣрно ошибочное чтение νῦν δὲ με γινώσκοντα παρέρχεται въ νῦν δὲ γεγωνίσκοντα παρέρχεται.

οἱ χοροὶ γεγώναισι (γεγόναισι, кажется, представляетъ большинство рукописей). XI, 52 p. 904 b 35: διὰ τί ἐνό; τε καὶ πολλῶν φθαρμένων ἅμα οὔτε ἴσος ὁ φθόγγος, οὔτε ἐπὶ πλείον γεγωνόσι (γεγονόσι одна парижская рукопись, γεγώναςи Буссемакеръ) ὡς κατὰ λόγον εἰς τὰ πόρρω. Suidas: γεγωνέναι καὶ γεγωνεῖν, ἐξάκοοστον βοῆσαι ¹⁾. Въ древней латинской литературѣ на Perfectum γέγωνα указываетъ только форма γεγωνώς, являющаяся въ шести мѣстахъ Илиады всякій разъ на концѣ стиха, и притомъ въ одномъ только оборотѣ: ἦσαν δὲ διαπρόσιον Δαναοῖσι γεγωνώς (Θ 227. Λ 275. 586. Ρ 247) или ἦσαν δὲ διαπρόσιον Τρώεσσι γεγωνώς (Μ 439. Ν 149). Судя по остальнымъ формамъ разбираемаго глагола можно бы было ожидать здѣсь ΓΕΓΩΝΩΝ; впрочемъ, можно будетъ ограничиться еще болѣе легкимъ измѣненіемъ, едва даже заслуживающимъ этого названія и представляющимъ собою письменное толкованіе древняго преданія: я полагаю, что требуемое здѣсь понятіе „громко, внятно“ могло быть выражено посредствомъ прилагательнаго γεγωνώς ²⁾. Отнюдь не доказывается существованіе Perfecti γέ-

¹⁾ И Евстацій II. γ. 709, 43 и въ другихъ мѣстахъ предполагаетъ не найденное пока нигдѣ неопред. накл. γεγωνέναι, подобно тому какъ онъ же говоритъ о прич. γεγωνήως: подобныя изобрѣтенія можно обойти молчаніемъ. Сомнительна глосса Гезихія: ἐγγεγωνώς· βοῆσας. Несомнѣнно ошибочно пишется у Diog. L. 5, 65: τὸ δ' ἐκφραστικὸν αὐτοῦ καὶ περιγεγωνός· ἐν τῇ ἐρμηνείᾳ φαίνεται κἀνθὲνδὲ· φησὶ γὰρ τοῦτον τὸν τρόπον ἐπὶ παρθένου πανυχρᾶς· «ζαρὸν γὰρ φορτίον πατρὶ κόρη διὰ σπᾶνι προικὸς ἐκτρέχουσα τὸν ἀκμαῖον τῆς ἡλικίας καιρόν». Тутъ περιγεγωνός — догадка Казобона; рукописи представляютъ, какъ кажется, περιγεγονός: въ чемъ заключается, быть можетъ, перриτόν, но навѣрное не безсмысленное и неслышанное περιγεγωνός.

²⁾ Причѣры прилаг. γεγωνός попадаются какъ въ позднѣйшее, такъ и въ классическое время. Aesch. Sept. 443: εἰς οὐρανὸν πέμπει γεγωνά Ζηνὶ κυμαίνοντ' ἔπη. Antiphanes (Com. 3 p. 112) ap. Ath. X p. 450 F: βοῆν ἴσθησι γεγωνόν. Meleager Anth. Pal. 7, 428, 15: ὄρνις δ', ὅττι γεγωνός ἀνὴρ. Dionys. Hal. Antiq. Rom. 8, 56: φωνὴν εὐσύνετόν τε καὶ γεγωνόν (вариантъ γεγωνός). Cornut de N. D. c. 26: ἐπὶ διὰ φωνῆς γεγωνοῦ παριστᾶ τὰ κατὰ τὸν λόγον σημαίνόμενα ταῖς ἀκοαῖς. Philostr. V. Apoll. 5, 9 p. 89, 11: ἐκαὶ δι' ἐξάρα: τὴν φωνὴν γεγωνόν (вариантъ γεγωνός) ἐφθέγγετο. Clem. Alex. Paed. II p. 203: τὸ τε γὰρ γεγωνόν τῆς προφορᾶς μανιδέστατον. III p. 284: πολλοῖς δι' ἐσθ' ὅτε καὶ τὸ γεγωνόν (вариантъ γεγωνός) τῆς ἀναγνώσεως γυμνάσιον ἐστίν. Strom. V p. 648: ἡχεῖ μὲν γὰρ ὁ γεγωνός λόγος, πατὴρ δὲ τούτου ὁ νοῦς. Iamblichus V. Pythag. § 134: ὁ ποταμός γεγωνόν τι καὶ τραγόν ἀντεφθέγγετο. Eusebius de mart. Palaest. c. 8, 10: λαμπρᾶ καὶ γεγωνῶ φωνῇ. Подобно тому какъ тутъ часто ошибочно переправлено γεγωνός въ γεγωνώς, такъ и въ некоторыхъ изъ приведенныхъ выше мѣсть вкралось причастіе γεγωνός, повидному, по ослышности переписчиковъ. Такъ, напримѣръ, у Philo Iud. vol. I p. 462 я бы предпочелъ ὁ γεγωνός λόγος, а у Cornut. de N. D. c. 21 — διὰ τὸ τρα-

γωνα часто встрѣчающимся 3-мъ лицомъ ед. ч. γέγωνε(ν), чередующимся съ ἐγέγωνεν. Ср. П. Э 469: Αἴας δ' αὐτ' ἐγέγωνεν ἀμόμονι Ποο-
λοδάμαντι. Ω 703: κόκυσέν τ' ἄρ' ἔπειτα, γέγωνέ τε πᾶν κατὰ ἄστυ. Od. ε 400 (ι 473. μ 181): ἀλλ' ὅτε τόσσον ἀπῆεν, ὅσον τε γέγωνε βοήσας. ζ 294: τόσσον ἀπὸ πτόλιος ὅσον τε γέγωνε βοήσας ¹⁾. Θ 305: σμερδαλίον δ' ἐβόησε, γέγωνέ τε πᾶσι θεοῖσιν. Anth. Pal. 9, 177: δ δ' ἀνταγέγωνεν ἔνερθε. Такъ же мало доказываетъ сослаг. накл. γεγώνω у Soph. Oed. C. 213: τέχνον, ὦμοι, τί γεγώνω (другіе γεγωνῶ). Явно несогласныи какъ съ Perf. γέγωνα, такъ и съ Praes. γεγωνέω, неопред. накл. γεγωνέμεν (П. Θ 223 и Δ 6: ἦ ῥ' ἐν μεσοῖσφ ἔσκε, γεγωνέμεν ἀμφοτέρωσφ) и повелит. накл. γέγωνε ²⁾, которое мы находимъ въ четырехъ мѣс-

χῶδες καὶ γεγωνόν τῆς ἀγκύσεως. Рѣже встрѣчается сравнит. степень прилага-
тельного γεγωνός. Antipater Anth. Pal. 9, 92: αἰεῖδεν κύκνων εἰσι γεγωνότεροι.
Dionys. Hal. Antiq. Rom. 5, 24: φράσαι πρὸς αὐτὸν σημειοῖς τισὶν ἢ φωνῇ γεγων-
τέρα. Lucian. Pseudol. c. 1 vol. p. 162: τῷ τέττιγι — γεγωνότερον βῶντι. Philostr.
V. Apoll. 3, 42 p. 61, 5: γεγωνότερα γὰρ οὕτω καὶ ἀληθέστερα τὰ λόγια ἐκδῶσι.
Philostr. Heroic. p. 290, 17: φθέγγεται δὲ γεγωνότερον ἢ αἱ σάλπιγγες. Ath. XIV
p. 622 E: γεγωνότερον ἐφθέγγετο ὡς πάντας ἀκούειν. Heliod. 5, 18: γεγωνότερον ἐ-
βόησας. 10, 21: καὶ ἡ Χαρίκλεια γεγωνότερον, οὐδὲν δεῖ ἐπιλέγειν, ἔφη, τὸν ὄντα ἤδη.
10, 32: βοῆς ἐπὶ τούτοις καὶ γεγωνότερας ἢ τὸ πρότερον ὑπὸ τοῦ πλήθους ἀρθείσης.
Alciphr. 3, 48, 1: τορῶ τινὶ καὶ γεγωνοτέρω φωνήματι χρῆσάμενος. Agathias p. 208,
12: γεγωνοτέρον τις αὐτῆν τῶν ἐς τοῦτο ταταγμένων διεξῆει. Euseb. V. Const. 1, 34
и 3, 28: ἔργος ἀπίσης γεγωνοτέριος φωνῆς (ср. ego же Hist. eccl. 8, 14, 17). Какъ
примеръ превосходной степени въ Thes. Gr. L. приводится Theodoret. vol. 4
p. 877.

¹⁾ Въместо ὄσ(α)ον τε γέγωνε βοήσας я предпочелъ писать ὄσ(α)ον τ' ἐγέγωνε
βοήσας. Въ справедливости такого предположенія можетъ усумниться только тотъ,
кто считаетъ форму ἐγέγωνε неправильной или негомеровской.

²⁾ Повел. накл. Perfecti Acti. вообще въ классическомъ греческомъ языкѣ
чрезвычайно рѣдко: немногіе примѣры, попадающіеся у хорошихъ писателей,
оканчиваются во 2-мъ лицѣ ед. ч. почти безъ исключенія на θι. Таковы δει-
διθι и δέδιθι отъ δεῖδια (собственно δέδιθια) и δέδιθα, τίθησθι (3 лицо: τεθνήστω)
отъ τίθησθα, τέτλαθι (3 л. τετλάτω) отъ τέτλησθα, ἔσθιθι (3 л. ἔσθιτω) отъ ἔσθησθα,
ἀνώσθι (3 л. ἀνώσθω) отъ ἀνωσθα, κέκρασθι отъ κέκρασθα, ἴσθι (3 л. ἴστω) отъ οἶδα,
πέπισθι отъ πέπισθα. Ибо у Aesch. Eum. 599 рукописное πέπισθι придется пере-
править въ πέπισθι, какъ предлагалъ уже Буттманъ, Ausführl. Sprachl. II p. 24, а
послѣ потребовалъ Кобетъ V. L. p. 83 и съ нимъ Контосъ въ Λόγιος Ἑρμῆς
I p. 21, а недавно W. Gilbert въ Acta voc. philol. Lips. II p. 330. Сюда отно-
сится также повел. накл. δειδιχθι (Nic. Alex. 443) или δέδιχθι (Vabr. 75, 2 по
эпиграммѣ О. Шнейдера и у Гезихія по М. Шмидту Philol. XX p. 354) отъ δει-
δοиха или δέδοиха: отъ этого глагола, кажется, случайно не сохранилось примѣра
изъ древнѣйшей литературы. Той же аналогіи слѣдуетъ 3 л. μεράτω отъ μέμασ.
Кобетъ замѣтилъ, V. L. p. 82 sq., совершенно, справедливо, что формы Imperati-

тахъ трагедіи Aesch. Prom. 193: πάντ' ἐκκάλοφον καὶ γέγων' ἡμῖν λόγον. 784: καὶ τῆδε μὲν γέγωνε τὴν λοιπὴν πλάνην, ἐμοὶ δὲ τὸν λύζοντα. Soph. Phil. 238: γέγωνέ μοι πᾶν τοῦθ', ὅπως εἰδῶ τίς εἶ. Eur. Or. 1220: γέγωνέ τ' εἰς δόμους, ἧσανίδα παῖσασ' ἢ λόγους πέμψασ' ἔσω. На основаніи здѣсь сообщенныхъ данныхъ, я высказался въ предисловіи къ изданію Одиссеи I р. XIII за то предположеніе, что γεγώνω—настоящее время; теперь я полагаю бы, что ἐγέγωνον, встрѣчаясь у греч. авторовъ равнше Александра Вел., не Imperf., а—Aor. II, которому соотвѣтствуетъ Coni. γεγώνω, Imperat. γέγωνε, Inf. γεγωνεῖν. Только позднѣйшіе авторы употребляли Praesens γεγώναι (или γεγωνεῖ), въ классическую эпоху форма Praesentis — γεγωνίσκω ¹⁾ съ буд. вр. γεγωνίσσω и (если достоверно рукописное чтеніе Aesch. Prom. 990) съ аор. I ἐγεγώνησα. Въ пользу этого предположенія говорятъ два обстоятельства: съ одной стороны, невѣроятно предположить два Praesentia γεγώνω и γεγωνίσκω; съ другой — γέγωνεν или ἐγέγωνεν и относящіяся сюда формы употреблены постоянно тамъ, гдѣ смыслъ допускаетъ аористъ или даже требуетъ его.

„Гомеровскій“ аористъ ἐπάσαμην, „встрѣчающійся затѣмъ также у Геродота и у аттическихъ поэтовъ“ указывается на стр. 377 въ слѣдующихъ мѣстахъ: „πάσαντο A 464, ἐπάσαμεν¹ i 87, πάσασθαι Aristoph. Pax 1281.“ Последнее мѣсто, ἀριστον προτίθεντο καὶ ἄτθ' ἤδιστα πάσασθαι, было бы лучше выпустить, какъ потому, что въ cod. Ven.

vi, въ родѣ ἐπαυατάλαχέτω (Aristot. Meteorol. 3, 5 р. 376 b 29), μεταθήκετω (Misonius въ Stob. Flor. vol. 4 р. 215, 28 Meineke), τεθηπέτω ζεβηκέτω εἰσικήτω ἀκηκοέτω κεχηγέτω δεδωρηκέτω ξυμμεμουκέτω (Lucian), γεγονέτω παραπεπτωκέτω ἀνιστακέτω Archimed.), заставляющія предпологать во 2-мъ лицѣ ἐπαυατάλαχε, μεταθήκη и тому подобныя формы, чужды лучшимъ греческимъ писателямъ. Богатѣйшій матеріалъ для разбирасмаго вопроса представляетъ Контосъ въ Λόγιος: Ἐρμῆς I р. 17 sqq. Последний приводитъ (р. 21) ἀνωγε и γέγωνε какъ единственные примѣры «τοῦ εἰς εὐλόγητος τύπου τοῦ δευτέρου ἐνικοῦ προσώπου». Но мы не можемъ признать ни того ни другаго исключенія: ибо ἀνωγε у Eur. Or. 119 есть ничто иное какъ описка вѣсто ἀνωγῆ, какъ показываетъ съ одной стороны языкъ трагиковъ (Aesch. Cho. 772. Eur. Alc. 1044. fr. 781, 33), съ другой—тогъ фактъ, что Александрійскіе грамматикъ (Schol. A II. K 67) не находили повел. наклоненія ἀνωγε въ другомъ, лучшемъ авторѣ, какъ Каллимахъ (fr. 440); γέγωνε же вовсе не форма Perfecti.

¹⁾ Правда, γεγωνίσκω незнакомо древнѣйшей поэзи и не можетъ быть указываемо ранѣ Эсхила, Эврипида и Фукидида. Но совершенно также у Гомера весьма часто находится аор. εἶρον, а форма настоящаго εἰρίσκω въ гомеровской поэзи почти неслышанна: она встрѣчается только въ одномъ мѣстѣ Одиссеи (T 158), которое, кажется, ошибочно.

имѣется *μασάζθαι* вмѣсто *πάσασθαι*, такъ и потому, что мѣста, въ которыхъ пародируются эпические поэты, не допускаютъ заключенія относительно языка аттического поэта. Въ замѣнъ этого можно было цитировать не столько *Ag. Pac. 1092*, гдѣ также подражается гомеровскому языку, сколько *Soph. Ant. 202*: *ἠθέλησε δ' αἵματος κείνοῦ πάσασθαι*.

Стр. 380 слѣд.: „*ἄχθομαι*. Zu den bei Homer allein üblichen Präsensformen kommt in Attischer Zeit das Fut. *ἀχθήσομαι* und die Passivformen *ἠχθήσθη, ἀχθεθήσομαι*. Langer E-Laut nur in *ἠχθημένος* bei Lykophron 827 und Synesius. *ἀχθήσας γομόσας* (Hesych.) weicht auch in der Bedeutung ab. Vereinzelte Spuren von *ἀχθέω* aus später Zeit verzeichnet Veitch.“ Активная форма *ἀχθέω* у Вейча (какъ и въ *Thes. (Gr. L.)*) приведена изъ двухъ мѣстъ Арегея, о которыхъ я судить не берусь; ошибочно прибавленное Вейчемъ изъ Гермезианахта (у *Athen. XIII p. 598 A*) *ἠχθεε*, которое хотѣли замѣнить посредствомъ *ἠχθετο* или *δηχθη*. Причастіе *ἀχθήσας* у Гезихія должно бы было гласить *ἠχθίσας*, хотя это и будетъ противъ алфавитнаго порядка; совершенно также Трифідоръ, 690, написалъ вѣроятно *ἐπαχθίσαντες* (ср. *Wegnicke p. 494*). Наконецъ я считаю немислимымъ, чтобы Ликофронъ, 827, и Сипезій отъ *ἄχθομαι* произвели форму *ἠχθημένος*. Дѣйствительно Вейчъ, сборникомъ котораго Курціусъ пользуется безъ всякой критики, подъ словомъ *ἄχθομαι* p. 106 говоритъ: „*perf. pass. ἠχθημαι Lycophr. 827, ἀπῆχθημαι Synes. Epist. 89.*“ Но у Ликофр. 827: *καὶ τὰς Ἑραμβῶν ναυβάταις ἠχθημένας προβλήτας ἀχτάς.*, мы имѣемъ форму не отъ *ἄχθομαι*, а отъ *ἔχθω*. Совершенно также *ἀπῆχθημαι* у Синезія происходитъ, должно быть, отъ *ἀπεχθάνομαι*, а не отъ *ἄχθομαι*: рѣшаюсь это утверждать, хотя и не въ состояніи ни отыскать, ни исправить цитату Вейча „*Synes. Epist. 89.*“

Стр. 383: *ὀφείλω*—Ganz spät (Euseb.) kommt auch ein Präsens *ὀφειλέω* vor“. Читая эти слова, вы съ изумленіемъ встрѣтите появленіе незнакомой формы не особенно рѣдкаго глагола у отца церкви Евсевія; ибо всякому прежде всего придетъ на умъ отецъ церкви Евсевій, котораго безъ сомнѣнія и имѣлъ въ виду Курціусъ. Однако тутъ слѣдуетъ разумѣть того Евсевія, отъ котораго у *Stob. Flor.* сохранился рядъ мѣстъ, написанныхъ іонійскою прозою. Ср. *Stob. Flor. 28, 13*: *τῆς ὀφειλεμένης κατὰ τῶν καὶ ἔργῳ ἐπιορκησάντων ἐνοχον τιμωρίας*, и *46, 35*: *ἐν οὗτω ἀσφαλεστάτῃ ὀφειλεύσῃ εἶναι κρίσι*. Въ первомъ мѣстѣ Кобетъ, *Mnem. IX p. 106*, предложилъ *ὀφειλομένης*, тогда какъ Буттманъ, *Ausf. Sprachl. II p. 54*, стоитъ за *ὀφειλέω*.

Стр. 383: „*πέρδομαι* kommt überhaupt fast nur bei Aristophanes vor.“ Замѣчаніе это было бы излишне, еслибъ оно не было невѣрно. Само собою разумѣется, что *πέρδομαι*, *περδή* и тому подобныя неприличныя выраженія какъ въ хорошемъ обществѣ такъ и въ литературѣ слышатся рѣдко и всего легче допускаются въ свободнѣйшей и безцеремоннѣйшей изъ всѣхъ литературныхъ формъ, въ комедіи, представителемъ которой для греческой литературы въ настоящее время является Аристофанъ. Но и изъ другихъ поэтовъ древней и средней комедіи для *πέρδομαι*, *ἀποπέρδομαι*, *καταπέρδομαι* случайно сохранилось нѣсколько (но крайней мѣрѣ шесть) примѣровъ, да и кромѣ того мы иногда встрѣчаемъ это гадкое слово. Сюда относится поговорка *παρά κωφῶ ἀποκαρδεῖν* (Leutsch въ Diogenian. 7, 43) и эпиграмма Anthol. Plan. 115, 3: ἵππος ἐρεύγεται ἄνδρα, ἀνὴρ δ' ἀποπέρδεται ἵππον¹⁾). Писатели болѣе соблюдающіе требованія приличія вмѣсто *πέρδομαι* употребляютъ выраженія поскромнѣе, болѣе маскирующія дѣло. Ср. Eur. Cycl. 328: ἐπεκπιῶν γάλακτος ἀυφφέα πλέων χρούω, Διὸς βρονταῖσιν εἰς ἕριν κτωπῶν. Herod. 2, 162: ὁ Ἄρασις, ἔτοχε γὰρ ἐπ' ἵππου κατήμενος, ἐπαείρος ἀπεματαίσε. Xenoph. Cyri inst. I, 2, 16: αἰσχρὸν μὲν γὰρ ἔτι καὶ νῦν ἐστὶ Πέρσαις καὶ τὸ ἀποπτύειν καὶ τὸ ἀπομόττωσθαι καὶ τὸ φύσης μεττούς φαίνεσθαι. Machon. Ath. VIII p. 349 E: ἡ Νικοχρέοντος εἰσιούσ' Ἀξιούθα γυνὴ μετὰ παιδίσκης ἄβρας εἰς τὸν πότον ἀπεψόφησα. Plut. Mor. p. 866 C: τὴν Ἀμάσιδος ἀποψόφησιν²⁾).

¹⁾ Тѣ же слова приводятся у Eust. II. p. 102, 6 (съ вариангомъ βροτός вмѣсто ἀνὴρ) и въ болѣе искаженномъ видѣ въ scol. Eur. Phoen. 1185 p. 317, 9 Dind., а также у Tzetzes Chil. VI, 964, гдѣ онѣ приписываются императору Юліану.

²⁾ Въ Возраженіи (стр. 318) Курціусъ представляетъ дѣло такъ, какъ будто я отъ него ожидалъ по возможности полный сводъ существующихъ примѣровъ глагола *πέρδομαι* и указаніе употребительныхъ взаимнѣ его синонимовъ. «Beobachtungen wie die dass *πέρδομαι*, über das S. 383 gesagt wird «fast nur bei Aristophanes», auch einigemal bei andern Komikern und zweimal sonst vorkommt, wird man in meinem Buche wohl eben so wenig vermissen wie Naucks feine Bemerkungen über die euphemistischen Wendungen, durch die das unsaubere Wort gelegentlich umgangen wird.» Дѣло не въ томъ, что упущено Курціусомъ, а въ томъ что слова его содержать совершенно лишнее и удобоволь невѣрное показаніе. А если я привелъ нѣсколько мѣстъ, выбранныхъ внѣ предѣловъ комедіи, то я, разумѣется, при этомъ не имѣлъ въ виду перечислить всѣ вообще существующіе примѣры этого глагола: я привелъ только тѣ мѣста, которыя представились мнѣ безъ долгаго исканія, да и изъ нихъ только съ выборомъ. Такъ, напримѣръ, я счелъ лишнимъ приводить Diog. L. 6, 94, гдѣ дважды встрѣчается *ἀποκαρδῶν*.

Стр. 385: *κελάδω* Homericisch (*κελάδων* Y 16), und vereinzelt in einem Chorlied des Aristophanes (Nub. 284), *κελαδέω* von Pindar an bei Dichtern nebst *κελαδήσομαι*, *κελάδησα*, letzteres auch schon Θ 542.* На какомъ свидѣтельствѣ основана форма *κελάδω*? Сколько мнѣ известно, въ преданіи нѣтъ ни изъявит. *κελάδω*, ни другаго какого-либо наклоненія этого настоящаго врем. за исключеніемъ одного причастія. Причастіе *κελάδων* мы находимъ не только въ двухъ приведенныхъ Курціусомъ (или собственно Вейчемъ р. 319) мѣстахъ Φ 16 (такъ должно быть у Курціуса вмѣсто Υ 16): *πλήτο ῥόος κελάδων*, и Ar. Nub. 284: *καὶ πόντον κελάδοντα βαρύβρομον*, но и кромѣ того довольно часто. Σ 576: *παρ ποταμὸν κελάδοντα*. β 421: *κελάδοντ' ἐπὶ οἴνοπα πόντον*. Theocr. 17, 92: *καὶ ποταμοὶ κελάδοντες*. Agat. 152: *κελάδοντες ἐτήσια*. Apoll. Rhod. 1, 501: *ὡς ποταμοὶ κελάδοντες*. 4, 133: *ποταμοῦ κελάδοντος Ἀράξειω*. Dionysius ap. Steph. Byz. p. 257, 13: *καὶ κελάδων Σπερχείος*. Dionys. Per. 739: *πέρην κελάδοντος Ἀράξειω*. Orpian. Cyneg. 1, 106: *πνοιῆ κελάδοντος ἀήτου*. 4, 409: *κελάδοντος ἀήτεω*. Quintus Smyrn. 3, 751: *Ζεφύρω κελάδοντι μγείσῃα*. Maximus περί καταρχῶν 290: *κελάδοντος ἀπ' ὠκεανοῦ φέροιο*. Nonnus Dionys. 3, 77: *καὶ πατάγῃ κελάδοντι*. 6, 282: *καὶ νηρετῇ κελάδοντι*. 12, 165: *εἰ ποταμοῦ κελάδοντος ἀγάλλεται ἀμφὶ ῥεέθρῳ*. 13, 9: *ἄσασμένη κελάδοντα λεοντοκόμου μυχὸν ἄντρου*. 13, 316 (48, 326): *κελάδοντι ῥεέθρῳ*. 13, 538: *καὶ νηρετοῦ κελάδοντος*. 14, 327: *κελάδοντα περὶ ῥόον*. 19, 299: *Σεληνοῦ κελάδοντος*. 19, 340: *ὠκεανοῦ κελάδοντος*. 25, 406: *Μαιάνδρου κελάδοντος*. 27, 224: *καὶ τυπάνου κελάδοντος*. 31, 190 (38, 108): *ὠκεανὸς κελάδων*. 34, 245: *κελάδων ῥόος*. 40, 89: *κελάδοντα μαχητήν*. 42, 122: *καὶ κελάδων πήχυνα*. 42, 481: *ὠκεανὸν κελάδοντα*. 43, 193: *καὶ ῥοθίφ κελάδοντα*. 45, 357: *μυκηθμοῦ κελάδοντος*. Colluthus 6: *κελάδοντος ἀπορνόμεναι ποταμοῖο*. Epigr. ap. Tzetz. Chil. 7, 661 (или Anthol. append. 66): *οὐ ποταμὸς κελάδων ἐπὶ χεῖλεσιν*. Orac. ap. Plut. Lyc. c. 29: *ὀπλίτην κελάδοντα φυλάττωσθαι σε κελεύω*. Orac. ap. Euseb. P. E. VI p. 239 A: *ὀπῆριοι κελάδοντες*. Orac. chald. ap. Procl. in Tim. p. 236 E: *κέντρῳ ἐπισπέρχων σαυτὸν φωτὸς κελάδοντος*. Orac. chald. ap. Damasc. de principiis p. 196: *ἐσσάμενον πάνταρχον ἀκμήν φωτὸς κελάδοντος*. Paulus Slent. descr. m. cccl. 2, 118: *ἐς δὲ νότον κελάδοντα*. Joh. Gaz. Eerlir. 1, 296: *καὶ πτρυμὸν κελάδοντα διαθρῶσκοντα τινάξας*. Изъ этого списка мѣстъ, допускающаго въроятно не мало дополненій, вытекаетъ, что у позднѣйшихъ греческихъ писателей причастіе *κελάδων* часто употреблялось; у Гомера же и у Аристофана форма эта, мнѣ кажется, какъ певѣрна, такъ и певѣротно. Совершенно правильно образовано имя собств. Ке-

λάδων; но чтобы изъясн. наклоненію κελαδέω соотвѣствовало прич. κελάδων, это, на мой взглядъ, прямо противорѣчитъ всякой аналогіи. Къ тому же мы, хотя и рѣдко, въ рукописяхъ иногда находимъ и правильную форму причастія, напримѣръ, Eur. Rhes. 385: παρὰ πορπάκων κελαδοῦντες, Paulus Silent. descr. m. eccl. 2, 180: ἐνθα ῥόος κελάδων ἀναπάλλεται, Orac. Sibyll. 5, 200: ὠκεανὸς κελαδῶν, въ особенности же въ одномъ вполне доказательномъ относительно слитной формы изрѣченіи оракула, приведенномъ у оратора Эскина 3, 112 и у Diod. Sic. exc. Vat. p. 22: κελαδοῦν ἱεραῖσιν ἐπ' ἀκταῖς (или κελαδοῦν ἐπὶ οἴνοπα πόντον по Paus. 10, 37, 6 и Suid. v. Σόλων). На этомъ основаніи я склоненъ у Гомера читать κελαδέων и κελαδεῶντα, а у Аристофана κελαδοῦντα. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія предполагать вмѣстѣ съ Κυρціусомъ изъясн. накл. κελάδω.

Стр. 386: „λούω, λῶ, λουέω, λοέω. Die epische Sprache kennt alle vier Formen: λούεσθαι Z 805, λὸ' x 361, ἐλούεον hymn. in Cerer. 289, λέον δ 252. Zu der kürzeren Bildung die von Homer an geläufigen Formen λούω, ἔλουσα, λέλουμαι, λούεσθαι, zu der längeren—λοέσσα; Ψ 282, λοέσσατο ζ 227. Vgl. λούτρον und λόετρον, lat. lavere und lavare.“ Вмѣсто λούτρον и λόετρον пишется обыкновенно λουτρόν и λοετρόν. Форма λουτρόν Гомеру чужда; она встрѣчается впервые у Гезіода Op. 753 и въ Нумн. Seg. 50, тогда какъ гомеровская поэзія знаетъ только λοετρόν, какъ и λοετροχόος, а не лουτροχόος. Что касается до глагола λούω съ его параллельными формами, то для Гомера, если мы не будемъ слѣпо воспроизводить ошибки вовсе ненадежныхъ рукописей, а прислушиваться къ законамъ, вытекающимъ изъ массы случаевъ употребленія, то можно принять съ достаточною достовѣрностью съ одной стороны наст. вр. λῶ съ прошедшимъ несоверн. λῶν, съ другой — аористы λῶσα(ν) и λῶσα(ν)άμην, какъ и буд. вр. λοέσομαι. Относительно λῶ ср. О 393: ἤτοτό τε καὶ τὸν ἔτερπε λῶν¹⁾).

¹⁾ Рукописи и изданія представляютъ τὸν ἔτερπε λόγοις навѣрно ошибочно, такъ какъ слово λόγος, встрѣчающееся въ нашемъ преданіи еще разъ (α 56), не можетъ быть признано свойственнымъ языку гомеровской поэзіи. Въ схолияхъ V значится: τινὲς ἔτερπε λῶων (чит. λῶν) τοὺς γὰρ νοσοῦντας ἔλουον. Можно относительно этого мѣста сомнѣваться, вѣрно ли ἔτερπε; но λῶν я считаю несомнѣнно подлиннымъ чтеніемъ. Впрочемъ, форма λῶ (первоначально λῶν) полагается и въ послѣдъ-гомеровскую эпоху. Hesiod. Op. 749: μῆδ' ἀπὸ χυτροπόδων ἐνεπὶρρέκτων ἀνελάοντα ἐσθαι μῆδὲ λῶεσθαι, ἐπαὶ καὶ τοῖς ἐνὶ ποινῇ. Нумн. Apoll. 120: ἐνθα σέ, ἦτε Φοῖβε, θεαὶ λῶν ὕδατι καλῶ. Scolion ap. Ath. XV p. 695 E: ἐν ταῦτᾳ

х 361: ες ῥ' ἀσάμινθον ἔσασα λό' ἐκ τρίποδος μεγάληο. Чрезвычайно часто встрѣчаемъ мы у Гомера формы въ родѣ λούσανι, λούσανις, λούσανομαι, λούσαντο, λούσαντες. Поэтому у Гомера вмѣсто λούσαν слѣдуетъ ожидать λούσαν, и никакъ нельзя считать случайнымъ тотъ фактъ, что почти вслѣдъ первоначальныя не слитныя формы прекрасно умищаются въ разиѣрѣ. Ср. Ε 905: τὸν δ' Ἴβη λούσαν (чит. λούσαν), χαριέντα δὲ εἶματα ἔσσαν. Κ 576 (δ 48. ρ 87): εὐξέστας λούσαντι. Π 669: πολλὸν ἀποπρὸ φέρων λούσαν (679 λούσαν) ποταμοῖο ῥοήαν. Σ 345: Πάτροκλον λούσαν ἀπο βρότον αἱματόεντα. Σ 350: καὶ τότε δὴ λούσαν τε. Ψ 41: Πηλεΐδην λούσαν ἀπο βρότον αἱματόεντα. Ω 582: ὄμφας δ' ἐκκαλέσας λούσαι χέλετ' ἀμφί τ' ἀλεῖψαι. Ω 587 (ε 49. ρ 88): ὄμφαι λούσαν καὶ χρίσαν ἐλαίφ. γ 464: Τηλέμαχον λούσαν. γ 466 (х 364): αὐτὰρ ἐπεὶ λούσαν. ε 264: εἶματά τ' ἀμφιέσασα θυώδεα καὶ λούσαν. η 296: καὶ λούσ' ἐν ποταμῷ. θ 449: ταμίη λούσαν ἀνώγει. х 450: ἐνδοκέως λούσαν. ψ 131: πρῶτα μὲν ἄρ λούσαντε ψ 142: πρῶτα μὲν οὖν λούσαντι. φ 154: Εὐρυόμη ταμίη λούσαν. ω 254: ἐπεὶ λούσαντο φάγοι τε. ω 366: ἀμφίπολος Σικελῆ λούσαν. Вопреки этимъ двадцати пяти мѣстамъ, допускающимъ, а потому и требующимъ вмѣсто λου — болѣе древнее λωε, въ пользу двусласной въ коренномъ слогѣ свидѣтельствуютъ лишь четыре гомеровскія мѣста: Ε 7: εἰς δ' κε θερμά λωετρά εὐπλόκαμος Ἐκμῆδη θερμῆνυ καὶ λούση ἀπο βρότον αἱματόεντα, гдѣ вмѣсто λούση, можетъ быть, слѣдуетъ писать νίψη (ср. ω 189: ἀπονίψαντες μέλανα βρότον. Π 425: νίζοντες ἀπο βρότον αἱματόεντα). ζ 210: ἀλλὰ δότ', ἀμφίπολοι, ξείνφ βρωσίν τε πόσιν τε, λούσατέ τ' ἐν ποταμῷ, ὅθ' ἐπὶ σκέπας ἔστ' ἀνέμοιο, гдѣ лούσανто не только со стороны формы странно но, и по смыслу оказывается невозможнымъ ¹⁾). ζ 216: ἦνωγον δ' ἄρα μιν λούσθαι

πυλῷ τὸν τ' ἀγρόν τὸν τε κακὸν λώει. Ag. Nub. 838: οὐ δὲ ὡς περ τεθνεώτος καταλόε: (καταλούει рукописи) μου τὸν βίον.

¹⁾ Насильная величь своимъ прислужницамъ лούσαι Одиссея; но этого нельзя понимать въ томъ смыслѣ, какъ напримѣръ γ 464: τόφρα δὲ Τηλέμαχον λούσαν καλῆ Πολυκάστη, гдѣ младшая дочь Нестора Поликаста купаетъ Телемаха, что побудило поэта позднѣйшаго времени сочинить сына Телемаха и Поликасты (Kirchhoff, *Composit. der Od.* p. 48 слѣд.). Одиссея не купаетъ прислужницы Насикки, и Насикка, какъ показывается связь рѣчи, и не думаетъ требовать отъ нихъ этого. Оттого толкователи принимаютъ лούσατέ въ смыслѣ «дайте чужестранцу выкупаться». Не буду оспаривать, что такое пониманіе оправдывается языкомъ; но при этомъ все таки нѣсколько принужденномъ толкованіи не достаетъ указанія на то, что собственно поручается прислужницамъ, а именно: указать чужестранцу мѣсто, защищенное отъ вѣтра. Чтобы восстановить этотъ требуемый контекстомъ рѣчи (ср. ζ 212 слѣд.) смыслъ, мнѣ бы хотѣлось писать: δεῖξατέ τ' ἐν ποταμῷ ὅθ' ἐπὶ σκέπας ἔστ' ἀνέμοιο.

(вѣроятно ἤνωρον δὲ λοέσασθαι) ποταμοῖο ῥοῆσιν. Наконецъ, ζ 219: ὄφρ' ἐγὼ αὐτὸς ἄλμην ὤμουιν ἀπολούσομαι, гдѣ ἀπονίψομαι удовлетворяло бы и смыслу и размѣру. — Изрѣдка попадаютъ у Гомера еще λοέσθαι и λελουμένος. Z 508 (O 265): εἰθὺς λοέσθαι εὐρρεῖος ποταμοῖο. E 6: ὅς τε μάλιστα λαμπρὸν παμφαίνησι λελουμένος ὠκεανοῖο. Весьма сомнительно Нумп. Ser. 289: ἀγρόμεναι δὲ μιν ἀμφίς ἐλούεον ἀσπαίροντα ἀμφαγαπαζόμεναι, гдѣ предложеніи Ильгена и Вюхелера уже изъ-за формъ ἐλοοον или ἔλοον должны быть отвергнуты; быть можетъ слѣдуетъ исправить такъ: ἀγρόμεναι δὲ μιν ἀμφίς ἄφαρ λόον ἀσπαίροντα.

Стр. 388: „μαθήσομαι — in Poesie und Prosa allgemein, nur Jeli Theokrit Fut. μαθεῖμαι“. Стоитъ только прочесть мѣсто, которое имѣетъ въ виду Курціусъ (Theocr. 11, 60), чтобы убѣдиться, что оно никакимъ образомъ не доказываетъ существованія будущаго μαθεῖμαι.

Стр. 390 приводятся слѣдующія свидѣтельства въ пользу κεχαρημένος: „hymn. hom. VII 10, Tragiker“. Какія мѣста трагиковъ имѣлъ въ виду авторъ? Вѣроятно одно только, отличное Вейчель р. 617, Eur. Iph. Aut. 200, гдѣ κεχαρημένον стоитъ въ хорошеи мѣстѣ.

Тѣ, которые могутъ и желаютъ смотрѣть собственными глазами, найдутъ достаточно матеріала въ предыдущихъ замѣчаніяхъ, чтобы разсудить, насколько авторъ былъ подготовленъ и способенъ къ разработкѣ избранной имъ темы. На одно лишь считаю нужнымъ еще указать особенно: за то, что никто одинъ представитель сравнительнаго языкознанія, отвѣтственность падаетъ на него одного, а не на всю науку сравнительной филологіи. Было бы совершенно несправедливо, если бы классическіе филологи изъ-за книги Курціуса прониклись предубѣжденіемъ противъ сравнительной филологіи вообще, а въ особенности сожалѣлъ бы я, еслибы они, вслѣдствіе такого неосновательнаго предубѣжденія, не стали обращать должнаго вниманія на обильныя и поучительныя изслѣдованія профессора Дерптскаго университета Лео Мейера. Я, впрочемъ, охотно допускаю, что другіе изъ книги Курціуса „Gr. Verbum“ слѣдуютъ извлечь больше для себя выгоды, нежели успѣлъ я, и въ такомъ смыслѣ книга эта можетъ быть рекомендована всѣмъ, кто помнитъ старое правило: *vāfe kai μέγιστο' ἀπίστεῖν*.

А. Наука.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ ВИДОВЪ РУССКАГО ГЛАГОЛА КЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ВРЕМЕНАМЪ ¹⁾.

Правила для перевода видовъ ²⁾ русскаго глагола на греческій языкъ.

Предварительное примѣч. 1. Отличая два главныхъ вида русскаго глагола: *I продолженный* (или *несовершенный*, вмѣстѣ съ *множественнымъ*) и *II однократный* (или *совершенный*), къ первому относимъ всѣ глаголы, имѣющіе въ формѣ изъявительнаго наклоненія настоящаго времени также значеніе *настоящаго времени* (давать-даю; дѣлать-дѣлаю; оставлять-оставляю; говорить-говорю, говаривать-говариваю [не употр.]), а ко второму причисляемъ всѣ глаголы, соединяющіе съ формой настоящаго значеніе *будущаго времени* (дать-дамъ; сдѣлать-сдѣлаю; оставить-оставлю, сказать-скажу).

Предварительное примѣч. 2. Русскіе глаголы *продолженнаго* вида, слагаясь съ предлогомъ, отчасти дѣлаются по значенію глаголами *однократнаго* вида, отчасти же, сохраняя свой видъ, выражаютъ только отгѣнокъ направленія (или вообще ближайшее опредѣленіе) дѣйствія своего вида, а иногда то и другое (См. примѣч. къ таблицѣ № 6). Напротивъ, греческіе глаголы отъ присоединенія къ нимъ предлога нисколько не измѣняютъ вида простаго глагола, а только придаютъ ему отгѣнокъ направленія или вообще ближайшаго опредѣленія дѣйствія, выражая его точнѣе простаго глагола. Напримѣръ, *ставить* продолж. видъ, но *поставить* однократ. видъ; напротивъ, *ἰσtάvαι* и *κaтiσtάvαι* оба = ставить; а *πoσtάvαι* = аог. *отѣσαι* и *κaтi-*

¹⁾ *Продолженіе.* См. польскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

²⁾ См. О. Буслева «Историческую грамматику русскаго языка». §§ 53. 69. 181. и 188.

στῆσαι; такъ же: *брать* (продолж. вида) — *выбрать* (однокр. вида); напротивъ, αἰρεῖν, αἰρεῖσθαι ἐξαίρειν, ἐξαίρεισθαι = *выбирать*, всѣ продолж. вида; а *выбрать* = ἐλεῖν, ἐλέσθαι, ἐξελεῖν, ἐξελέσθαι; *идти* (продолж. вида) — *пройти* (однокр. вида); но ἰέναι, ἔρχεσθαι и διέναι, διέρχεσθαι всѣ продолж. вида, а *пройти* = διαλθεῖν; подобно тому, какъ часто и въ русскомъ языкѣ предлогъ не измѣняетъ подлиннаго вида: *давать* и *выдавать*, *видеть* и *предвидеть* (всѣ продолженнаго вида).

§ 1. а. *Продолженный* (несовершенный) видъ русскаго глагола *настоящаго* времени всѣхъ наклоненій выражается на греческомъ языкѣ обыкновенно наклоненіями *praesens*-а.

Греческій, какъ и латинскій, *praesens*, и русское настоящее время глаголовъ продолженнаго вида, означаетъ въ изъявительномъ наклоненіи *продолжительное* (и *многократное*) нынѣшнее или всегдашнее (постоянное) дѣйствіе или состояніе, въ прочихъ же наклоненіяхъ вообще *продолжительность* (длительность и многократность) дѣйствія или состоянія въ какое бы ни было время (настоящее ли, прошедшее или будущее).

Примѣчаніе 1. Кромѣ того ставится *indicativus praesentis* въ оживленномъ разказѣ о минувшихъ событіяхъ чтобы представить ихъ наглядно, какъ будто совершающимися теперь же на нашихъ глазахъ, словно на сценѣ, подобно латинскому и русскому языку, какъ *praesens historicum*, вмѣсто обыкновеннаго времени историческаго разказа, — *аориста*, иногда и въ такихъ случаяхъ, гдѣ онъ въ другихъ языкахъ не употребителенъ. Въ русскомъ языкѣ служитъ такимъ *praesens historicum* не только форма настоящаго времени съ значеніемъ настоящаго, то-есть, глагола продолженнаго вида, но и — хотя большею частію только въ народномъ языкѣ — глагола однократнаго вида, то-есть, даже будущее время, однако только простое будущее глаголовъ однократнаго вида въ формѣ настоящаго времени, а не описательное черезъ „буду“ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ продолженнаго вида. (Но „буду“ одно встрѣчается какъ *praes. hist.* въ народномъ языкѣ¹⁾). Напримѣръ, въ началѣ *Anab. I.*

¹⁾ Напр. въ былинѣ Волхъ Всеславьевичъ:

«А и *будеть* Волхъ въ полтора часа»

(нѣсколько разъ съ вариациями: «семи годовъ, десяти годовъ, до двѣнадцати лѣтъ»).

Тамъ же:

«Онъ *обернется* яснымъ соколомъ,

1. 1. рѣдкое praesens hist. γίγνονται; сравни русское народное „за-
рождается“ ¹⁾ и VII. 2. 32. ἀποθνήσκει, и Her. I. 25. 107. и 214.
τελευτᾷ; далѣе, въ нач. Anab. § 2, 3, 4: μεταπέμπεται, ἀνθραίνε =
слѣд. ἀνέβη, διαβάλλει, παίθεται, συλλαμβάνει, ἀποπέμπει, βουλεύεται. За-
мѣчательно также: Anab. I. 7. 16: ποιῆι и ποιῶνεται. Такія praes. hist.
весьма часто стоятъ наряду съ аористами и чередуются съ ними,
какъ и въ русск. языкѣ (см. примѣръ подъ* и **; на примѣръ, Xen.
Anab. I. 8. 24: Ἐνθα δὴ Κύρος δείσας, μὴ ὄπισθεν γεινόμενος καταχώρη
(βασιλεύς) τὸ Ἑλληνικόν, ἐλάοναι ἀντίος· καὶ ἐμβαλὼν σὺν τοῖς ἐξακισχίλοις
νικᾷ τοὺς πρὸ βασιλείως τεταγμένους καὶ εἰς φυγὴν ἔστρεψε τοὺς ἐξακισχίλους.
ib. 26: Σὺν τούτοις δὲ ὦν καθορᾷ βασιλεῖα καὶ τὸ ἀμφ’ ἐκζίνον εἶπος·
καὶ εὐθὺς οὐκ ἠνέσχετο, ἀλλ’ εἰπὼν, Τὸν ἄνδρα ὄρω, ἴστο (вм. аог., см.
§ 12. I. b. № 4) ἐπ’ αὐτὸν καὶ παῖει κατὰ τὸ στήρνον καὶ τιτρώσκει διὰ
τοῦ θώρακος. За мѣчательно то обстоятельство, что у Гомера praes.
hist. еще не встрѣчается, за исключеніемъ весьма немногихъ слу-
чаевъ, какъ именно: Od. к. 350: γίγνονται τ’ ἄρα ταῖγ’ (ἀμφίπολοι
Κίρκης) ἔκ τε κρηνέων, ἀπὸ τ’ ἀλάων. Это praesens γίγνομαι (а также
упомянутыя Anab. I. 1. 1., Lys. I. 6 и Her. IV. 78. 1.) можно, впро-
чемъ, объяснить также значеніемъ: я рождень, а, я сынъ, я дочь, —
подобно νικῶ я побѣдитель и ἀδικῶ я преступникъ, φεύγω я бѣглець,
см. § 13. № 13, 14, 15.

b. *Продолженный* (и многократный) видъ русскаго глагола *про-*
шедишию времени переводится на греческомъ языкѣ обыкновенно
черезъ imperfectum indicativum и praesens прочихъ наклоненій; потому
что conjunctivus, optativus, infinitivus и participium praesentis служатъ
вмѣстѣ такими же наклоненіями imperfect-a ²⁾.

*Полетѣлъ онъ далече на синемъ морѣ,
И ѡбѣтъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей:*

(Еще больше такихъ примѣровъ см. Бусл. Ист. гр. § 184).

¹⁾ Начало быльны Вольга Святославичъ:

«Когда *возсіало* солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда *зарождається* молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославевичъ,
Сталъ Вольга растѣть-матерѣтъ...»

Срав. Lys. I. 6. и Her. IV. 78. 1. ἐπεταῖ μοι παίδιον γίγνεται, ἐπίστευον ἦδη
(См. *Критеръ*, Аттл. синт. § 53. 1. 11).

²⁾ Примѣры для infin., partic., conj. и optat. imperfecti: Xen. Anab. I. 4. 12:
κρόπται, I. 8. 26: ἰάσθαι, II. 2. 17: ἀκούειν, I. 9. 23. и II. 6. 10. λέγειν, V. 8. 1:

Греческое *imperfectum* (*indicativi*), подобно латинскому *imperfectu* и русскому *прошедшему времени маюловъ продолженнаго* (и *многократною*) вида, выражаетъ *продолжительность* (длительность, развитие) или болѣе или менѣе частое *повтореніе* (многократность) дѣйствія или состоянія въ прошедшемъ времени. Поэтому оно особенно служитъ къ описанію продолжительныхъ и повторительныхъ явленій природы, характера, обычаевъ и нравовъ, и нагляднаго описанія дѣйствій. (См. примѣры къ § 1—3 особенно № 1, 28 и 29.).

Примѣчаніе 2. Древній церковно-славянскій и русскій языкъ (а изъ живыхъ славянскихъ нарѣчій южныя) имѣють, подобно греческому языку, простое (неописательное) *imperfectum* (преходящее время), то-есть, простое прошедшее время глаголовъ продолженнаго вида. Напримѣръ, церковнославян.: любѣахъ и любѣахъ (я любилъ), живѣахъ (я жилъ), плегѣахъ (я плелъ), билѣахъ (я билъ), дадѣахъ (я давалъ); ѣдѣахъ (я ѣлъ), хвалаахъ (я хвалилъ), несѣахъ (я несъ) и т. д. (См. Вусл. Ист. гр. р. яз. § 84. II. 2. 2.).

§ 2. *Однократный* (совершенный) видъ русскаго глагола *прошедшаго* и *настоящаго* времени (за исключеніемъ одного изъявительнаго наклоненія настоящаго врем., имѣющаго значеніе будущаго, напримѣръ: дамъ, брошу, сдѣлаю, скажу, двину, возьму) переводится обыкновенно наклоненіями греческаго *aorist*-а (I или II).

Греческій *aoristus*, подобно русскимъ глаголамъ однократнаго

παίεσθαι, ὄβριζοντος, I. 4. 12: ἰόντων, καλοῦντος; I. 2. 2: πολιορκουόντας (осаждавшіе), I. 2. 4: στρατηομεμένων (принимавшіе участіе въ осадѣ, бывшіе въ походѣ), I. 8. 16: ἰόντος (проходившій или проходящій), I. 9. 19: ὄντα, κατασκευάζοντα, ποιοῦντα (что былъ, обработывалъ, получалъ доходы); Суг. VII. 3. 2: ἡμιζων, VII. 4. 14. (четыре part. imperf.); Меч. I. 4. 19: τοὺς συνόντας ἢ ποιεῖν; III. 5. 4: πρότερον πολμῶντες ἢ πρότερον πορῆουντες (см. § 3. прим. 3.); IV. 8. 10 и 11: συνόντας, γιγνωσκόντων, ὄντα, ὄν, ποιεῖν, βλάπτειν, ὠφελεῖν, χρωμένους, προαιρεῖσθαι, διαμαρτάναι, προσδεσθαι, εἶναι (самыя inf. ἢ partic. imperf.); Hell. I. 1. 30: οἱ προσομιλοῦντας (обращавшіесл), VI. 5. 34: ἔλεγον δὲ καὶ ὅσα ἀγαθὰ εἶη (optat. imperf.), ὅτε κοινῇ ἡμφότεροι ἔπραττον; VII. 2. 9: δεξιουμένους, φερούσας, δακρυούσας; Her. I. 56. 4: ἀπηγέσθαι, καίεσθαι; VI. 137: ἀδικεῖν, φοιτῆν, εἶναι, βιάσθαι (въ orat. recta: ἡδίκουον, εφοίτων, ἦσαν, ἐβιάοντο); I. 23 и 24. 1: εἶόντα, εἶόντων, διατρέιζοντα; I. 24. 4. εἶχειν (не могли). Plato Symp. 175. C: δαιπνεῖν, εἰσιέναι (or. recta: ἐδείπνουον, εἰσῆγει). Dem. III. 21: χρῆσθαι ἢ 21: χρωμένους; IV. 23: πρότερον τρέφειν, συστρατεύσασθαι. Thuc. I. 41. 3: ἦ (conj. imperf.)—См. также § 3. III. Ср. грам. Крюгера: сипт. 53. 2. Anm. 9.—Поэтому я совѣтовалъ бы въ греч. грамматикахъ (въ таблицѣ спряженія) печатать эти наклоненія за скобою, соединяющею *indicat. praes.* и *imperfecti*, чтобы наглядно указать общее ихъ отношеніе къ тому и другому времени.

вида, означаетъ *наступленіе* или *окончаніе* (начало или конецъ) дѣйствія или состоянія, или вообще представляетъ его въ совокупности, *собираательно*, какъ *однократное, краткое* (иногда только мгновенное) явленіе, или какъ одинъ *сосредоточенный* (историческій) фактъ,—и выражаетъ это *по отношенію къ прошедшему времени чрезъ свое изъявительное наклоненіе; а по отношенію ко вѣмъ вообще временамъ* (настоящ., прошедш. и будущему) *чрезъ прочія свои наклоненія*. (См. примѣч. къ таблицѣ „обзора видовъ“ № 1 и 3.).

Примѣчаніе 1. Aoristus I или слабый, по всему вѣроятію, форма болѣе поздняя, второстепеннаго происхожденія, по видовому и временному значенію нисколько не отличается отъ аориста II или сильнаго, повидимому болѣе древней, подлинной и первобытной формы этого времени. Такъ же одинаковы по значенію perfectum и plusquamperfectum I (слабое) и II (сильное), и fut. I (сигматическое) и II (несигматическое, contractum и atticum).

Примѣчаніе 2. Древній церковнославянскій и русскій языкъ (а изъ живыхъ славянскихъ нарѣчій южныя) имѣють, подобно греческому языку, также *аористъ*, то-есть, простое (не описательное) прошедшее время глаголовъ однократнаго вида; напримѣръ, церк. слав.: послалъ (я послалъ), далъ (я далъ), рѣхъ и рекохъ (я сказалъ), захъ (сѣлъ), несохъ (понесъ), бихъ (побилъ) и т. д., и древнѣйшія формы съ признакомъ *с* (подобно греч. аог. I сигматическому): приимъ (я приимъ), блюсъ (вм. блюд-съ=блюдохъ=я соблюлъ), или безъ звука *с* (подобно греч. аог. II, или только отбросивъ его): могъ, текъ (См. Бусл. § 84. II).

Примѣры глаголовъ, по вѣмъ наклоненіямъ.

Къ § 1.

(Продолженный видъ, praesens и imperfectum.)

Настоящ. вр. неопредѣл. наклон.

1. дѣлать ποιεῖν
2. оставлять λαίπειν
3. бросать βάλλειν
4. писать γράφειν
5. говорить, говаривать λέγειν
6. брать αἶρειν, λαμβάνειν
7. слышать, слушать, слыхать, слыхивать ἀκούειν
8. видѣть, видать, видывать; смотрѣть ὀράν, βλέπειν

Къ § 2.

(Однократный видъ, aoristus.)

- сдѣлать ποιῆσαι
оставить λαίπειν
бросить βαλεῖν
написать γράψαι
сказать εἰπεῖν
взять ἐλεῖν, λαβῆναι
услышать ἀκούσαι
увидѣть, посмотреть ἰδεῖν, βλέψαι

9. обращать τράπειν	обратить τραπεῖν, τρέψαι
10. давать διδόναι	дать δοῦναι
11. ставить ἰστάναι	поставить στήσαι
12. показывать δείχνοναι	показать δεῖξαι

Настоящ. вр. изъявительн. наклон.

1. дѣлаетъ ποιεῖ
2. оставляетъ λείπει
3. бросаетъ βάλλει
4. пишетъ γράφει
5. говоритъ λέγει
6. беретъ αἶρει λαμβάνει
7. слышитъ, слушаетъ ἀκούει
8. видитъ, смотритъ ὄρα, βλέπει
9. обращаетъ τράπει
10. даетъ δίδωσι
11. ставитъ ἰστέσι
12. показываетъ δείχνουσι.

Настоящ. вр. повелит. наклон.

1. дѣлай ποιεε
2. оставляй λείπεε
3. бросай βάλλε
4. пиши γράφε
5. говори λέγε
6. бери αἶρει, λαμβανε
7. слышь, слушай ἀκουε
8. (вижь), смотри ὄρα, βλέπε
9. обращай τράπεε
10. давай δίδου
11. ставь ἰστέη
12. показывай δείχνο.

Прошед. вр. изъяв. наклон.

1. дѣлалъ ἐποίηε
2. оставлялъ ἐλείπεε
3. бросалъ ἐβάλλεε
4. писалъ ἐγράφεε
5. говорилъ, говорилвалъ ἐλέγεε
6. бралъ ἤρειε, ἐλαμβάνεε
7. слышалъ, слушалъ, слыхилъ, слыхивалъ ἤκουεε
8. видѣлъ, смотрѣлъ, видѣлъ, видывалъ εἶραε, ἐβλέπεε
9. обращалъ ἐτρέπεε
10. давалъ ἐδίδουε
11. ставилъ ἰστέηε
12. показывалъ ἐδείχνοε

Примѣч. Форма русскаго настоящаго времени глаг. однократнаго вида имѣть значеніе *будущее*:

«сдѣлаю, оставлю, брошу, напишу, скажу, возьму, услышу, увижу (посмотрю), обращу, дамъ, поставлю, покажу.»

Греческой формы настоящаго времени отъ лористической основы нѣтъ.

- сдѣлай ποιήσων
- оставь λίπε
- брось βάλλε
- напиши γράψων
- скажи εἶπέ
- возьми ἔλεε, λάβε
- услышь, послушь ἀκουσων
- посмотри ἰδέε, βλέψων
- обрати τράπεε, τρέψων
- дай δός
- поставь στήσων
- покажи δείξων.

- сдѣлалъ ἐποίησε
- оставилъ ἔλειπε
- бросилъ ἐβάλλεε
- написалъ ἐγράφεε
- сказалъ εἶπεε, ἐλέξεε
- взялъ εἶλεε, ἔλαβε
- услышалъ, услыхилъ ἤκουσε
- увидѣлъ, посмотрѣлъ, увидалъ εἶδεε, ἐβλέψεε
- обратилъ ἐτραπέε, ἐτρέψεε
- далъ ἔδωκε
- поставилъ ἰστέηε
- показалъ ἐδείξεε

Условное ¹⁾.

1. чтобы дѣлалъ (-ать) ἵνα ποιῆ или ποιоῖ (ποιοῖ)	чтобы сдѣлалъ (-ать) ἵνα ποιήσῃ или ποιήσῃε (ποιήσῃαι)
2. чтобы оставлялъ (-ать) ἵνα λείπῃ или λείποι	чтобы оставилъ (-ать) ἵνα λείπῃ или λείποι
3. чтобы бросалъ (-ать) ἵνα βάλλῃ или βάλλοι	чтобы бросилъ (-ить) ἵνα βάλῃ или βάλοι
4. чтобы писалъ (-ать) ἵνα γράφῃ или γράφοι	чтобы написалъ (-ать) ἵνα γράψῃ или γράψῃε
5. чтобы говорилъ (-ить), говоривалъ (-ать) ἵνα λέγῃ или λέγοι	чтобы сказалъ (-ать) ἵνα εἶπῃ (λίξῃ) или εἶποι (λίξῃε)
6. чтобы бралъ (-ать) ἵνα αἶρῃ или αἰροῖ, ἵνα λαμβάνῃ или λαμβάνοι	чтобы взялъ (-ять) ἵνα ἔλῃ или ἔλοι, ἵνα λάβῃ или λάβοι
7. чтобы слышалъ, слушалъ, слышалъ, слыхивалъ (-ать) ἵνα ἀκούῃ или ἀκούοι	чтобы услышалъ, услыхивалъ (-ать) ἵνα ἀκούσῃ или ἀκούσῃε
8. чтобы видѣлъ (-ѣть), видалъ, видывалъ (-ать), смотрѣлъ (-ѣть), ἵνα ὄρᾳ или ὄρῃ, ἵνα βλέπῃ или βλέποι	чтобы увидѣлъ (-ѣть), увидалъ (-ать), посмотрѣлъ (-ѣть) ἵνα ἴδῃ или ἴδοι, ἵνα βλέψῃ или βλέψῃε
9. чтобы обращалъ (-ать) ἵνα τρίβῃ или τρίβοι	чтобы обратилъ (-ить) ἵνα τρίβῃ (τρέψῃ) или τρίβοι (τρέψῃε)
10. чтобы давалъ (-ать) ἵνα δίδῃ или δίδοι	чтобы далъ (-ать) ἵνα δῶ или δοῖ
11. чтобы ставилъ (-ить) ἵνα ἵστῃ или ἵσταίῃ	чтобы поставилъ (-ить) ἵνα στήσῃ или στήσῃε
12. чтобы показывалъ (-ать) ἵνα δείκνύῃ или δείκνύοι	чтобы показалъ (-ать) ἵνα δείξῃ или δείξῃε.

Примѣчаніе 3. Въ косвенной рѣчи будетъ:

- (§ 1) а: говорятъ, что онъ дѣлаетъ: Δέγουσιν αὐτὸν ποιεῖν
 " ὅτι ποιεῖ
 " ὅτι ποιоῖ (ποιοῖ)
 б: " " " дѣлалъ: " αὐτὸν ποιεῖν (infin. imperfecti)
 " ὅτι ἐποίει
 " ὅτι ποιоῖ (ποιοῖ) (optat. imperfecti)
 (§ 2): " " " сдѣлалъ: " αὐτὸν ποιήσῃ
 " ὅτι ἐποίησε
 " ὅτι ποιήσῃε (ποιήσῃαι).

Примѣчаніе 4. Выборъ того или другаго греческаго времени, въ

¹⁾ См. Бусл. Ист. грам. русскаго языка § 194; § 88, II, 2; § 77, 2.

особенности же imperfect-а или aorist-а, и соответственно тому русскаго продолженнаго или однократнаго вида, конечно весьма часто зависитъ единственно отъ умысла или воззрѣнія говорящаго лица на дѣйствіе, смотря по тому, на что говорящій обращаетъ свое особенное вниманіе, на продолженіе ли дѣйствія (черезъ греч. imperfectum, русскій продолженный видъ), или на наступленіе или окончаніе его или краткое, собирательное (суммарное) обзорѣніе дѣйствія (черезъ греческій аористъ или русскій однократный видъ) ¹⁾. Напримѣръ, Isaеus 3, 14: ἀναγίνωσκε πάλιν τὴν μαρτυρίαν, — читай опять свидѣтельство; напротивъ 15: ἀνάγνωθι δὴ καὶ τὰς... μαρτυρίας: прочитай же и свидѣтельства. Dem. 28. 10 sq. λαβὲ δὴ τὰς μαρτυρίας καὶ ἀνάγνωθι: возьми же свидѣтельства и прочитай (ихъ), — затѣмъ 11: λαβὲ τὰς ἄλλας καὶ ἀναγίνωσκε: возьми всѣ другія и читай ихъ; затѣмъ 12: λαβὲ ἐτέραν καὶ ἀνάγνωθι: возьми другое и прочитай, и λέγ' ἐτέραν: читай другое. Или 20. 87: σκοπεῖτε δὴ καὶ λογισαθε: разсматривайте это (обсуждайте это, размышляйте объ этомъ) и обдумайте. См. также примѣры въ концѣ введенія и § 12 „Правилъ“, особенно γ, и слова г. Курціуса § 17. прим. 4, подъ звѣздочкой.

§ 3. *Participia* (причастія и дѣепричастія) ²⁾.

I. а) греческое *participium praesentis*, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *participium imperfecti*, означаетъ—подобно латинскому *part. praes.* и русскому дѣепричастію и причастію продолженнаго вида настоящаго и прошедшаго (въ случаѣ, упомянутомъ въ семъ § III а. а.) времени—дѣйствіе или состояніе (не только настоящаго времени, а вообще всѣхъ временъ) одновременное съ дѣйствіемъ или состояніемъ главнаго глагола, въ какомъ бы видѣ или времени онъ ни стоялъ (въ настоящемъ ли, или прошедшемъ или будущемъ).

Примѣчаніе 1. Замѣчательно, что греческій языкъ не имѣетъ особой, этимологически отличной отъ *participium praesentis* формы для причастія прошедшаго времени продолженнаго вида (то-есть, для imperfect'a), какою представляетъ русскій языкъ въ формахъ причастія и дѣепричастія прошед. врем. продолж. вида на въ, — вши, — вшій: дѣ-

¹⁾ Kühner «Ausführl. Gramm. d. griech. Spr.» II 1, стр. 163 разницу этихъ двухъ временъ опредѣляетъ весьма поверхностно такъ: «Je nachdem der Redende entweder bloss die *Handlung selbst* (Aorist) ins Auge fasst, oder zugleich die *Beschaffenheit* der Handlung bezeichnen will»; какъ будто аористъ, выражая часто, напримѣръ, мгновенное дѣйствіе, не способенъ означать и качество, «*Beschaffenheit*», дѣйствія вообще.

²⁾ См. Бусл. Ист. грам. русск. яз. § 198 и 199.

лавъ, дѣлавши, дѣлавшій; говоривъ, говоривши, говорившій. Загнѣно ихъ служить въ греческомъ языкѣ то participium præsentis, подобно русскому причастию и дѣепричастию настоящаго времени продолженнаго вида, которое тоже можетъ замѣнять собою причастіе и дѣепричастие прошедшаго времени продолженнаго вида, — то аористъ, какъ показано въ семъ § подѣ № III.

б) Греческое participium aoristi (I или II) означаетъ вообще дѣйствіе или состояніе (не только однократное, но даже продолженное), предшествующее ¹⁾ дѣйствію или состоянію, выражаемому главнымъ глаголомъ, въ какомъ бы видѣ или времени онъ ни стоялъ (въ настоящемъ ли, прошедшемъ или будущемъ).

II. Соотвѣтственно этому, по полному сходству своего значенія (см. примѣч. къ таблицѣ № 11 и 12):

а) русское дѣепричастие и причастие настоящаго (а въ указанномъ подѣ III а. а. случаѣ и прошедшаго) времени глаголовъ *продолженнаго* (песовершеннаго) вида выражается греческимъ participium præsentis;

б) напротивъ русское дѣепричастие и причастие прошедшаго времени, а также дѣепричастие формы настоящаго времени ⁵⁾ (то и другое отъ) глаголовъ *однократнаго* (совершеннаго) вида переводится греческимъ participium aoristi.

III. Русское причастие (и дѣепричастие) прошедшаго времени *продолженнаго* (песовершеннаго) вида ²⁾:

¹⁾ Для уясненія значенія греческаго participium aoristi и соотвѣтствующаго ему русскаго дѣепричастія и причастія прошедшаго времени, а также дѣепричастія настоящаго времени, то и другое отъ глаголовъ однократнаго вида (напримѣръ: пришедши, пришедшій; приидя, увидя; сказавъ; вши,—вшій) важно то, что сообщено въ примѣчаніяхъ къ таблицѣ обзора видовъ № 11 и 12 въ противоположность объясненію нѣмецкихъ грамматиковъ.

²⁾ *О. П. Вуслаевъ*, въ своей «Истор. грам. русскаго языка» § 199, стр. 154 (синтаксисъ, изд. 3), по видимому, ошибочно излагаетъ употребленіе русскаго причастія прошедшаго времени продолженнаго вида, и чрезмерно ограничиваетъ его, когда пишетъ: «Вмѣсто настоящаго времени, причастие можетъ употребляться въ прошедшемъ продолженномъ при глаголѣ прошедшаго времени, напр. «увидѣлъ приближавшуюся тучу»; но съ настоящимъ и будущимъ ве (?), употребляется: нельзя напр. сказать: «вижу приближавшуюся тучу», «увиди приближавшуюся тучу». — Почтеннаго автора здѣсь, очевидно, ввелъ въ ошибку неудачно (по своему предмету) подобранный примѣръ. Конечно тучу, какъ и тѣнь, приближавшуюся (то-есть, которая приближалась) на примѣръ вчера, а сегодня уже не *вижу*, потому что по естественному ходу природы, въ особен-

а) въ соединеніи съ прошедшимъ временемъ обоихъ видовъ главнаго глагола α) если выражаетъ *одновременность* двухъ дѣйствій — переводится (наравнѣ съ причастіемъ и дѣепричастіемъ настоящаго времени продолженнаго вида, которыми въ этомъ случаѣ всегда можетъ быть замѣнено) греческимъ participium presentis, которое въ этомъ случаѣ есть собств. particip. imperfecti (см. § 1 b. и прим. тамъ же); — β) если же выражаетъ *предшествованіе* продолжавшагося дѣйствія другому тоже прошедшему дѣйствію главнаго глагола того или другаго вида, то переводится чрезъ греческое participium aoristi, а рѣже чрезъ partic. praes. съ частицами πρόθεν или πρότερον, прежде (см. прим. 3. сего §); напротивъ,

б) въ соединеніи съ настоящимъ временемъ продолженнаго вида, или съ будущимъ временемъ обоихъ видовъ главнаго глагола, — то-есть, когда это причастіе выражаетъ предшествованіе продолжавшагося въ прошедшемъ времени дѣйствія другому дѣйствію настоящаго или будущаго времени, — переводится греческимъ participium aoristi, которое означаетъ предшествованіе вообще, не только однократнаго, но даже продолженнаго дѣйствія другому дѣйствію какого бы то ни было времени.

Примѣчаніе 2. Такъ какъ дѣепричастіе прошедшаго времени глаголовъ продолженнаго вида (дѣлавъ, говоривъ, бросавъ и т. д.) въ современномъ русскомъ языкѣ почти совсѣмъ вытѣснено изъ употребленія дѣепричастіемъ настоящаго времени или причастіемъ прошедшаго времени продолженнаго вида (то-есть, формами: дѣлая, дѣлавъ-

ности же по причинѣ легучести и непостоянства всякой тучи, а такъ и данной въ этомъ случаѣ, я сегодня видѣть ее больше никакъ не могу. Но стоить только вмѣсто легко и быстро улечучивающейся тучи, которая здѣсь затмила солнце грамматической правды, поставить какую-нибудь другую болѣе матеріальную и болѣе осязательную вещь или лицо, и тотчасъ обнаружится ошибка и станетъ понятнымъ, что можно совсѣмъ правильно говорить и писать, наиримѣръ:

не только: я видѣлъ, увидѣлъ

но и: я вижу (теперь)

увижу, буду видѣть
(завтра)

и: увидя

} приближавшаюся (наиримѣръ, вчера)
ко мнѣ господина; или: сражавшаюся
(въ 1853 г. подъ Севастополемъ) сол-
дата; или: управленшаю (прежде, а те-
перь занимающагося чѣмъ-нибудь дру-
гимъ) моимъ иппіемъ человека; жис-
шаю со мной товарища; нышаю въ
Парижѣ артиста; учинашаю мени въ гим-
назіи учителя, — который приближался,
сражался, жилъ, нѣлъ, училъ....

шій; говоря, говорившій; бросаю, бросавшій), то слѣдуетъ замѣтить, что оно въ рѣдкихъ случаяхъ своего употребленія переводится наравнѣ съ упомянутыми, замѣняющими его, формами.

На основаніи всего сказаннаго въ семъ § можно составить слѣдующее обозрѣніе:

		къ I а и II а:			
дѣлая	=	{	въ то время какъ	}	дѣлаеть
говоря			между тѣмъ какъ		
			когда		} partic. pres. и imperf.:
		}	=	} который	
					дѣлающій
		}	}	}	будеть дѣлать
					говорящій
					(ὁ) ποιῶν,
					οὐσα, — οὖν.
					(ὁ) λέγων,
					οὐσα, ον.
					[см. примѣры къ § 1—3: № 23].

Напротивъ: къ I в и II в:

сдѣлавъ, — вши	=	{	послѣ того какъ	}	сдѣлалъ,
сказавъ, — вши			какъ скоро		
			когда		} partic. aorist. (I или II)
		}	}	}	
					}
		}	}	}	
					}

Такъ же ¹⁾: приидя, перейдя, войдя, взойдя;

= пришедши, перешедши, вошедши, взошедши;

= ἐλθὼν, διελθὼν, εἰσελθὼν, ἀνελθὼν;

выйдя, обойдя; увидя, услыша;

= вышедши, обошедши, увидѣвъ, — вши услышавъ, — вши;

= ἐξελθὼν, περιελθὼν, ἰδὼν, ἀκούσας;

приведя, принеся.

= приведши, принесши.

= προσαγαγὼν, κομίσας (ἐνεγκὼν).

¹⁾ См. Бусл. Ист. грам. русск. яз. § 54; особ. прим. 2 на стр. 108 и § 199 2 прим. 4.

(Срав. спустя = спустивъ нѣкоторое время: μετ' ὀλίγον χρόνον; спустя годъ: ἐνιαυτὸν ἐπισχών, Thuc. I, 137, 4).

Но:

къ III а α. дѣлавшій это—говорилъ: (ὁ) ποιῶν (particip. imperf.) ταῦτα ἔλεγε=дѣлающій (или дѣлаа) это говорилъ.

(дѣлавъ)

" " сказалъ: (ὁ) ποιῶν (part. imperf.) ταῦτα εἶπε=дѣлающій (или дѣлаа) это сказалъ.

если=который дѣлавъ, въ то время какъ, между тѣмъ какъ (=когда) дѣлавъ....

(См. примѣры къ § 1—3: № 4, 9, 17, 21 а α и 22 а α).

къ III а β. дѣлавшій это (прежде) — говорилъ (послѣ): (ὁ) ποιήσας ταῦτα ἔλεγε.

(дѣлавъ)

" " — сказалъ (послѣ): (ὁ) ποιήσας ταῦτα εἶπε

если=послѣ того какъ, какъ скоро, лишь только дѣлавъ....

(См. примѣры къ § 1—3: № 16, 21 а β, 22 а β. и 24. — Xen. Cug. VIII, 8, 3: ἀναβάντων и συζυγατοσάντων, Anab. I, 4, 12: ἀναβᾶσι; III, 1, 2; IV, 1, 1: ἀναβάντες).

къ III в. дѣлавшій это—говорить: (ὁ) ποιήσας ταῦτα λέγει

(дѣлавъ)

" " будетъ говорить, скажетъ: (ὁ) ποιήσας ταῦτα λέγει, λέξει (или ἐρεῖ).

= послѣ того какъ, какъ скоро, лишь только дѣлавъ....

(См. примѣры § 1—3: № 20, 21, в и с, 22 в и 26).

Примѣчаніе 3. Чтобы черезъ причастіе выразить предшествованіе продолжавшагося, а особенно повторявшагося въ прошедшемъ времени дѣйствія, дѣйствию главнаго глагола (какого бы то ни было времени), для этого Греки, ради большей опредѣленности и вѣстѣ съ тѣмъ во избѣжаніе смѣшенія съ значеніемъ одновременности, присуцимъ part. praes. (по § 3, I, α),—вмѣсто participia aoristi (въ случаяхъ подъ III а β и в)—ставили participium praesentis (въ смыслѣ participium imperfecti) съ прибавленіемъ къ нему πρόθεν, или πρότερον, или τὸ πρῶν, или πρὸ τοῦ, или ἐν τῇ πρόθεν χρόνῳ и т. п.; чѣмъ и отличали его отъ присушаго ему въ остальныхъ случаяхъ значенія одновременности двухъ дѣйствій. См. грам. Коха § 101, Anm. 5; Курц. § 490, Anm. 2).

Напримѣръ Xen. Mem. 5, 4: Βοιωτοὶ μὲν, οἱ πρόσθεν οὐδ' ἐν τῇ ἑαυτῶν τολμῶντες Ἀθηναίους ἄνευ Λακεδαιμονίων τε καὶ τῶν ἄλλων Πελοποννησίων ἀντιτάττεσθαι, νῦν ἀπειλοῦσιν αὐτοὶ καθ' αὐτοὺς ἐμβαλεῖν εἰς τὴν Ἀττικὴν, Ἀθηναῖοι δέ, οἱ πρότερον πορθοῦντες τὴν Βοιωτίαν, φοβοῦνται μὴ Βοιωτοὶ θῆώσῃσι τὴν Ἀττικὴν: Беотяне, которые прежде даже въ собственной своей странѣ (никогда, ни разу) не осмѣливались (не осмѣливались) безъ Лакедемонянъ и всѣхъ другихъ Пелопонезцевъ противопоставиться (противиться) Аѳинянамъ, теперь сами по себѣ угрожаютъ вторженіемъ въ Аттику; а Аѳиняне, которые прежде (часто, неоднократно) опустошили (опустошали) Беотию, болтятся, чтобы Беотійцы не разграбили Аттики.

Xen. Anab. III, 2, 17: οἱ Κορυεῖοι πρόσθεν σὺν ἡμῖν ταττόμενοι νῦν ἀφιστήκασιν: войны Кира, (всегда) прежде стоявшие въ рядахъ, или воювавшие (= которые стояли, воевали) вмѣстѣ съ нами, теперь отстали отъ насъ.

Xen. Anab. II, 3, 22: ἡσχύνθημεν προδοῦναι αὐτόν, ἐν τῷ πρόσθεν χρόνῳ παρέχοντες ἡμᾶς αὐτοῦς εὖ ποιεῖν: мы постыдились (или стыдились, см. § 12 γ) покинуть его, потому что мы въ предыдущее время (часто, неоднократно) получали отъ него благодаренія (= получавъ...)

Xen. Cyr. VII, 3, 2: Θαυμάζω, ὅτι (Ἀβραδάτας) πρόσθεν θαμίζων (= ἐς πρόσθεν ἐθάμιζε) ἐφ' ἡμᾶς νῦν οὐδαμοῦ φαίνεται: Я удивляюсь, что Абрадаты, который часто прежде ходилъ (ходилъ) къ намъ, теперь видѣти не ямлется.

Xen. Ages. I, 36. (Ἀγησίλαος) ἐλπίζων καταλύσαι τὴν ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα στρατεύουσαν πρότερον ἀρχὴν.... Агезилай, надѣясь уничтожить царство, которое прежде (часто, неоднократно) ходило (ходила) походомъ противъ Греціи....

Такъ же Thuc. I, 2 1: οὐ πάλα βεβαίως οἰκουμένη, οὐσα τὰ πρότερα, ἀπολαίποντες ἢ βιαζόμενοι (разумѣется τὰ πρότερα). Her. I, 7, 2: πρότερον καλεόμενος.

(Въ остальныхъ примѣрахъ, которые приводитъ Кохъ въ означенномъ мѣстѣ, и Крюгеръ § 53, 2, 9 — если ихъ точнѣе разсмотрѣть, — part. pres. выражаетъ собственно одновременно (по III a α), а не предшествованіе. См. также примѣры, приведенные въ „Правилахъ“ въ § 1²), въ которыхъ partic. глаг. εἶναι и εἶναι слѣдуетъ обсуждать по § 10 и 11 „Правиль“.

Примѣчаніе 4. Показанное здѣсь употребленіе греческихъ причастій относится, конечно, какъ видно изъ приведенныхъ уже и слѣдующихъ далѣе примѣровъ, не только къ случаямъ, въ которыхъ и

въ русскомъ языкѣ встрѣчаемъ причастіе или дѣспричастіе, но и къ тѣмъ, гдѣ вмѣсто русской определенной формы глагола (verbum finitum) съ предъидущимъ союзомъ (времени, причины, цѣли, уступленія или условія) приходится поставить греческое participium въ упомянутыхъ значеніяхъ. И въ этихъ случаяхъ время греческаго participium соотнобразяется съ видомъ русскаго глагола на основаніи указанныхъ выше правилъ.

IV. Упомянутое въ I — III сего § значеніе сохраняютъ participium praesentis и aoristi также въ оборотѣ родительнаго самостоятельнаго (genetivus absolutus), въ которомъ греческое participium praesentis, (будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и particip. imperfecti по § 1, b и прим.), означая *одновременность*, соответствуетъ латинскому ablativus absolutus съ тѣмъ же participium praesentis и продолженному виду русскаго глагола; — напротивъ, греческое participium aoristi (I или II activi, passivi и medii), выражая *предшествованіе* (какъ однократнаго—краткаго—такъ и продолжительнаго дѣйствія) соответствуетъ латинскому participium perfecti (только passivi) и однократному виду русскаго глагола. Напримѣръ:

то время царствованія Кира	}	<i>одновременность</i> съ другимъ дѣйствіемъ или состояніемъ: Κόρου βασιλεύοντος... (partic. imperfecti) Curo regnante (при смерти Кира: Κόρου ἀποθνήσκοντος, Curo moriente).
въ царствованіе Кира		
при царѣ Кирѣ		
въ то время (въ ту пору) какъ		
Киръ царствовалъ		
между тѣмъ какъ Киръ царствовалъ		
когда Киръ царствовалъ		

Напротивъ:

послѣ (по) смерти Кира	}	<i>предшествованіе</i> другому дѣйствію или состоянію: Κόρου ἀποθανόντος (βασιλεύσαντος) (partic. aoristae) Curo mortuo
» » (царствованіи) Кира		
послѣ того, какъ Киръ умеръ		
царствовалъ или процарствовалъ		
какъ скоро		
ишь только		
когда		

Срав. изъ слѣд. примѣровъ № 8 и 15.

ПРИМѢРЫ къ §§ 1—3 и слѣд.

1) Xen. Anab. I, 8, 8: Ἦνίκα θάλη ἐγίγνετο, ἐφάνη κοινωρτὸς ὡσπερ

νεφέλη λευκή, χρόνῳ δὲ συχνῷ ὕστερον ὡς περ μελανία τις ἐν τῷ πεδίῳ ἐπὶ πολὺ. τε δὲ ἐγγύτερον ἐγίγνοντο, τάχα δὴ καὶ χαλκός τις ἤστραπτε καὶ αἱ τάξεις καταφανεῖς ἐγίγνοντο: Когда вечерѣло, появился столпъ пыли, какъ бѣлое облако, а спусти нѣкоторое время какъ чернизна ¹⁾ на равнинѣ въ далекомъ разстояніи. Когда же они (непріятели) подходили ближе (стали приближаться; см. § 14 прим.), то уже былъ видѣнъ (см. § 4 а) блескъ мѣди и постепенно показывались копы и ряды.

2) Нег. I, 85, 2: Οὗτος (ὁ ἄφρωνος παῖς Κύρου) μὲν δὴ τοῦτο („ὦνθρωπε, μὴ κτεῖνε Κροῖσον“ — „человѣкъ, не убивай Креза!“) πρῶτον ἐφθέγγετο, μετὰ δὲ τοῦτο ἤδη ἐφώνεε τὸν πάντα χρόνον τῆς ζωῆς: Этотъ (нѣмой сынъ Кира) тогда впервые проговорилъ (заговорилъ), а затѣмъ говорилъ уже все время своей жизни.

3) Xen. Anab. I, 3, 2: Κλέαρχος τότε μικρὸν ἐξέφυγε μὴ κατακατρωθῆναι, ὕστερον δ' ἐπεὶ ἔγνω, ὅτι οὐ δυνήσεται βιάσασθαι, συνήγαγεν ἐκκλησίαν τῶν αὐτοῦ στρατιωτῶν καὶ πρῶτον μὲν ἐδάκρυε πολὺν χρόνον ἑστώς: οἱ δὲ ὀρῶντες ἐθαύμαζον καὶ ἐσιώπων: Клеархъ тогда едва избѣжалъ (опасности) быть побиту (см. § 4, b) каменьями, а впослѣдствіи, когда узналъ, что не будетъ въ состояніи принудить своихъ солдатъ, созвал ихъ въ собраніе. И сначала плакалъ долгое время, стоя (см. § 17) а солдаты, видя это, удивлялись ему и молчали.

4) Xen. Anab. I, 8, 16: Ταῦτα λέγων (Ξενοφῶν) θορόβου ἤκουσε διὰ τῶν ταξέων ἰόντος: Говоря это (Ксенофонтъ) услышалъ шумъ проходившій (или проходящій) по рядамъ.

5) Xen. Anab. I, 4, 16. Ἀκούσαντες ταῦτα (οἱ τοῦ Μένωνος στρατιῶται) ἐπέιθοντο καὶ διέβησαν: Услышавъ это (солдаты Менона) повиновались и перешли (черезъ рѣку).

6) Xen. Anab. I, 3, 13: (Κλέαρχος) ταῦτα εἰπὼν ἐπαύσατο: Клеархъ сказавъ это, замолчалъ (остановился, пересталъ).

7) Xen. Cug. VII, 4, 12 и 13: (Κροῖσος) διδοῦς τῷ Κύρῳ τὰ γράμματα εἶπε—(Κύρος) ἅμα ταῦτα λέγων ἔδωκε τὰ γράμματα τοῖς φίλοις... (Крезъ) передавая Киру списокъ, сказалъ; — (Киръ) говоря это, не редалъ списокъ своимъ друзьямъ.

8) Xen. Anab. I, 5, 11: Ἀμφιλεξάντων τι ἐνταῦθα τῶν τε τοῦ Μένωνος στρατιωτῶν καὶ τῶν τοῦ Κλέαρχου ὁ Κλέαρχος κρίνας ἀδικεῖν τὸν τοῦ Μένωνο πληγὰς ἐνέβαλεν: ὁ δὲ ἐλθὼν πρὸς τὸ ἐκυτοῦ στρατεύμα ἐλεγεν' ἀκούσαντε δ' οἱ στρατιῶται ἐγαλέπαινον καὶ ὠργίζοντο ἰσχυρῶς τῷ Κλέαρχῳ: Когда тут солдаты Менона поспорили съ солдатами Клеарха, то послѣдній

¹⁾ = черное пятно (въ былинѣ «Илья Муромецъ»).

разсудивъ, что солдатъ Менона виновенъ (см. § 13, № 15), нанесъ ему удары (побилъ его). Послѣдній, придя (пришедши) къ своему войску, сталъ разказывать (по § 14, прим. или: разказалъ, по § 12, I, с, № 1) всѣмъ. Солдаты, услышавъ это, сильно гнѣвались и сердились (или по § 12, γ: разгнѣвались и разсердились) на Клеарха.

9) Xen. Anab. V, 8, 1: Ξενοφώντος κατηγορήσαν τινες φάσκοντες, παίσθαι ὑπ' αὐτοῦ καὶ ὡς ὑβρίζοντος τὴν κατηγορίαν ἐποιεῦντο: Нѣкоторые обвинили Ксенофонта, говоря (донося на него), будто онъ ихъ билъ (бьетъ, они были биты имъ) и жаловались на него, что онъ поступаетъ (или поступаетъ) съ ними пагло (собств. = какъ на поступающаго, или: поступающаго).

10) Cug. II, 1, 1: Τοιαῦτα μὲν δὴ ἀφίκοντο διαλεγόμενοι μέχρι τῶν ὁρίων τῆς Περσίδος: Бесѣдуя такимъ образомъ, они достигли границъ (пришли къ границамъ) персидскихъ.

11. Her. I. 59. 3. Ὁ δῆμος ὁ τῶν Ἀθηναίων ἐξαπατηθεὶς (ὑπὸ τοῦ Παισιστράτου) ἔδωκε οἱ τῶν ἀστῶν καταλέξας ἄνδρας: Народъ Афинскій, обманутый (Пизистратомъ), далъ ему мужей, выбравъ ихъ (выбранныхъ) изъ числа гражданъ.

12. Xen. Anab. I. 6. 10. Οἵπερ πρόσθεν προσεκύονου, καὶ τότε προσεκύονταν: Тѣ, которые кланялись ему прежде, поклонились ему и теперь.

13. Κροῖσος Ἄλυν διαβάς μεγάλην ἀρχὴν καταλύσει: Крезъ, перейдя (перейдя=когда перейдетъ—предшествованіе въ будущемъ—) чрезъ Галисъ, разрушитъ великое государство.

14. Xen. An. II, 1. 17. Σὺ (οὖν) πρὸς θεῶν συμβούλευσον ἡμῖν ὃ τι σοὶ δοκεῖ κάλλιστον καὶ ἄριστον εἶναι καὶ ὃ σοὶ τιμὴν οἴσει εἰς τὸν ἔπειτα χρόνον λεγόμενον, ὅτι Φαλῖνός ποτε πεμφθεὶς παρὰ βασιλέως κλεεύσων τοὺς Ἕλληνας τὰ ὄπλα παραδούσαι συμβουλεύομεναι συνεβούλευσεν αὐταῖς τάδε: Ты, ради боговъ, посоветуй намъ, что по твоему мнѣнію лучше (тебѣ кажется лучшимъ) и что тебѣ въ будущемъ послужитъ (или будетъ служить) къ чести, если (когда) будутъ разказывать (=будучи разказывасмо) такъ: Фаливъ, когда-то посланный отъ цари (чтобы) убѣдить (убѣждать) Ἐллиновъ выдать оружіе, во время совѣта (совѣтующимся) посоветовалъ имъ слѣдующее.

15. Xen. Anab. I, 9. 31: ἀποθνῆσκοντος γὰρ αὐτοῦ (Κύρου) πάντες οἱ περὶ αὐτὸν φίλοι καὶ συντρέφεζοι ἀπέθανον μυχόμενοι ὑπὲρ Κύρου πλὴν Ἀρταίου· οὗτος δὲ τεταγμένος ἐτόγγανεν ἐπὶ τῷ εὐωνύμῳ τοῦ ἵππικῆς ἀρχῶν. Ὡς δ' ἤσθετο Κύρον πεπτωκότα, ἔφυγεν ἔχων καὶ τὸ σπάτευμα πᾶν οὐ ἤγειτο: Когда Киръ умиралъ, то всѣ окружающіе его друзья и сотрапезники

умерли (пали), сражаясь за него, кромѣ Аріея. Послѣдній находился въ строю (τάταγμα см. § 16. 1. подъ конецъ) и командовалъ (командуя) конницею на лѣвомъ крылѣ, и какъ скоро замѣтилъ, что Киръ палъ (см. § 16. 1.), убѣждалъ вмѣстѣ съ тѣмъ войскомъ (имѣя то войско), которымъ предводительствовалъ.

16. Нег. I, 9. 2: Μετὰ δ' ἐμὲ ἐσελθόντα παρέσται καὶ ἡ γυνὴ ἡ ἐμή: Послѣ того какъ я войду (=за мною вошедшимъ—предшествованіе въ будущемъ—), придетъ и моя жена.

17. Xen. Суг. I, 3. 17. Παῖς μέγας, μικρὸν ἔχων χιτῶνα, ἕτερον παιῶν μικρὸν, μέγαν ἔχοντα χιτῶνα, ἀκδύσας αὐτόν, τὸν μὲν ἑαυτοῦ ἐκείνον ἤμφιστε, τὸν δὲ ἐκείνου αὐτὸς ἐνέδου· ἐγὼ οὖν τούτοις δικάζων ἔγνω βέλτιον εἶναι ἀμφοτέροις τὸν ἀρμόζοντα ἐκάτερον χιτῶνα ἔχειν: Взрослый мальчикъ, имѣвшій короткій хитонъ, снялъ (собст.=снявъ) хитонъ съ малаго ростомъ мальчика, имѣвшаго длинный хитонъ, и свой надѣлъ на него, а его надѣлъ на себя. Я, разбирая дѣло, пришелъ (признать, рассудилъ), что приличнѣе, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ хитонъ, идущій къ нему.

18. Eur. Hel. 1450. μίαν δ' ἐμοὶ χάριν δόντες τὸ λοιπὸν εὐτουχῇ με θήσετε: Оказавъ (если окажете—предшествованіе въ будущемъ—) мнѣ эту одну милость (услугу), вы сдѣлаете меня впредь (на все будущее время) счастливымъ.

19. Xen. Суг. VIII 4. 1. Θύσας δὲ ὁ Κῆρος καὶ νικητήρια ἐστιῶν ἐκάλεσε τοὺς φίλους: Киръ, принеши жертву (послѣ того какъ принесъ жертву) и празднуя побѣду угощеніемъ, призвалъ своихъ друзей.

20. Δίκαία δράσας συμμάχους ἔξει θεούς: Поступавъ, (поступивъ, =вшій или: кто будетъ поступать, кто поступитъ) справедливо, будетъ имѣть помощниками боговъ (также предшествованіе въ будущемъ).

21. Къ § 3 III. а. α: Я видѣлъ (увидѣлъ) сражавшихся (=сражающихся, когда, въ то время какъ, между тѣмъ какъ сражались, во время сраженія) при Марафонѣ воиновъ: Ἐώραον (εἶδον) τοὺς στρατιώτας, τοὺς ἐν Μαραθῶνι μαχεμένους; — напротивъ (къ § 3 III а. β): если „сражавшихся“ = послѣ того какъ сражались, послѣ происшедшаго сраженія (например, вчера, въ прошломъ году), то переводится: μαχεσαμένους.—b) къ § 3. III. b: Я вижу сражавшихся (=которые, послѣ того какъ—сражались) при Марафонѣ воиновъ: Ὀρῶ τοὺς στρατιώτας, τοὺς ἐν Μαραθῶνι μαχεσαμένους (не: μαχομένους), или: c) Я буду видѣть (или увижу) сражавшихся (=которые—послѣ того какъ—сражались) при Марафонѣ воиновъ: Ὀφθαί τοὺς στρατιώτας, τοὺς ἐν Μαραθῶνι μαχεσαμένους.

22. Къ § III. 3. а) α: Этотъ воинъ, сражавшійся (или сражавшись = сражаясь) въ 1855 г. подъ Севастополемъ, много страдалъ (пострадалъ) въ продолженіе этой войны: ὅδε ὁ στρατιώτης μαχόμενος περὶ Σεβαστόπολιν ἐν τούτῳ τῷ πολέμῳ πολλὰ δαινά ἔπασχεν (ἔπαθεν).

Къ § 3. III. а) β: Этотъ воинъ, сражавшійся (сражавшись=который, послѣ того какъ сражался) въ 1855 г. подъ Севастополемъ, говорилъ (сказалъ) вчера: "ὅδε ὁ στρατιώτης (ὁ) περὶ Σεβαστόπολιν μαχεσάμενος ἔλεγε (εἶπε) χθές...

Къ § 3. III. б) Этотъ воинъ, сражавшійся (который сражался) въ 1855 г. подъ Севастополемъ, говорить теперь (будетъ говорить, скажетъ): "ὅδε ὁ στρατιώτης ὁ περὶ Σεβαστόπολιν μαχεσάμενος λέγει, (λέγει)...

23. Dem. Phil. I. 29. Ἐγὼ οἶδα σαφῶς, ὅτι προσποριεῖ τὰ λοιπὰ αὐτὸ τὸ στρατεύμα ἀπὸ τοῦ πολέμου, οὐδένα τῶν Ἑλλήνων ἀδικοῦν οὐδὲ τῶν συμμάχων: я знаю навѣрное, что войско доставитъ (будетъ доставлять) себѣ само все остальное на войнѣ, не причиняя (и не будетъ причинять, не причинитъ) при томъ вреда никому изъ Эллиновъ или союзниковъ (здѣсь part. ἀδικοῦν выражаетъ обстоятельство, одновременное съ будущимъ временемъ προσποριεῖ, то-есть, также будущее дѣйствіе наравнѣ съ послѣднимъ).

24. Aelian. Var. Hist III. 25: Λεωνίδας καὶ οἱ σὺν αὐτῷ τριακόσιοι... ὑπὲρ τῆς Ἑλλάδος εὖ καὶ καλῶς ἀγωνισάμενοι τέλους ἔτυχον εὐχλεοῦς: Леонидъ, и триста, бывшихъ съ нимъ, храбро сражавшись (= послѣ того какъ сражались) за Элладу, достигли славной кончины.

25. Dem. Phil. I. 13. καὶ δὴ τεράσσομαι λέγειν, δεηθεῖς ὑμῶν τεσσούτων: и попытаюсь говорить объ этомъ, попросивъ (= но попрошу) васъ (предварительно) о слѣдующемъ (также предшествованіе въ будущемъ).

26. Plato Gorg. 526. b: (Ψυχὴν) φιλοσόφου τὰ αὐτοῦ πράξαντος καὶ οὐ πολυπραγμονήσαντος ἐν τῷ βίῳ (Ῥαδάμανθους) ἡγάσθη τε καὶ ἐς μακάρων νήσους ἀπέπεμψε (послѣдніе два аог. γνώσις см. § 15 примѣч. 1 = слѣд. ἄγαται καὶ... ἀποπέμπει): (Душею) философа, исполнившаго свои обязанности и во всю жизнь свою не суетившагося (не вѣшшивавшагося въ дѣла, его не касающіяся = который исполнялъ... и не суетился, не вѣшшивался...)— Радамантъ восхищается и отсылаетъ ее на острова блаженныхъ.

27. Pl. I. 139—140. ἢ τέον ἢ Αἴαντος ἰὼν (см. § 10.) γέρας, ἢ Ὀδυσῆος ἄξω ἐλὼν: взявши уведу = возьму и уведу.

28. Xen. Ages. II. 12. Συμβαλόντες τὰς ἀσπίδας ἐωθούντο, ἐμάχοντο,

ἀπέχτεινον, ἀπέθνησκον: столкнувши свои щиты, они толкались, сражались, убивали (непріятелей), падали (= умирали). И подобное жѣсто

29. Xen. Cyn. VII. 1. 38. Εὐθὺς ἀναβρόσαν τε πάντας καὶ προσκρούσαν ἐμάχοντο, ἐσθλοῦντο, ἔπαιον, ἐπαίοντο: Тотчасъ всѣ подняли крикъ и бросившись (на непріятеля), сражались (стали сражаться), напирали на него, а онъ на нихъ, (толкали, были толкаемы), наносили удары и получали ихъ.

30. Her. II. 133. I. Ἦλλοι οἱ μαντήιον, ὡς μέλλοι εἶξ ἔταξ μοῦνον βιωῖς (аог. II) τῷ ἑβδόμῳ τελευτήσειν: пришло предсказаніе, что онъ, проживъ (только) шесть лѣтъ, въ седьмой годъ долженъ умереть (умреть) = прожить и.... Другіе примѣры причастій см. Isocr. IV. 80—83. Lys. II. 17—43. Pseudodemosth. 59. 96—98.

§ 4. *Passivum et medium*. На основаніи § 1 и 2 въ страдательномъ (passivum) и въ возвратномъ (medium) залогахъ:

а) *продолженный* видъ русскихъ глаголовъ (составляемый изъ глагола дѣйствительнаго залога продолженнаго вида съ приставкою мѣстоименія — ся или — сь или съ прибавленіемъ — для выраженія греч. medium — словъ „себя, себѣ, для себя, свой“; или слагающійся изъ дѣепричастія настоящаго или прошедшаго времени страд. залога продолженнаго вида съ формами глагола „быть“) переводится греческими формами praesens-a по всѣмъ его наклоненіямъ и причастію и imperfect-a (indicativi) passivi или medii; напротивъ:

б) *однократный* видъ русскаго глагола тѣхъ же залоговъ, въ составъ котораго входятъ вышеупомянутыя формы однократнаго вида, выражается греческими формами аориста по всѣмъ его наклоненіямъ и причастію. Напримѣръ:

къ а)		къ б)
<i>Настоящ. вр. неопр. накл.</i>		
pass: быть дѣлаему (дѣлану),	}	быть сдѣлану
(биту)		(побиту).
дѣлаться.		сдѣлаться.
med: дѣлать себѣ (своимъ) ¹⁾ .		сдѣлать себѣ (своимъ): ποιήσασθαι.

¹⁾ Xen. Anab. II 5. 27: Τετραφέρης Κλέαρχον σύνδεσπον ἐποίησατο (сдѣлать своимъ гостемъ) и IV 5. 28. Cynop. VII 4. 16. Κύρος ὑποχείριον ἐποίησατο (сдѣлать своимъ-себѣ-подданными). Isocrat I 33. ποιήσασθαι φίλους (сдѣлать своими друзьями). Dem. IV 6. σύμμαχον καὶ φίλον ποιήσασθαι.

Настоящ. вр. изъяв. накл.
 pass: онъ дѣлаемъ (дѣлапъ, битъ) } ποιῶμαι
 дѣляется=его дѣлаютъ }
 med: дѣлаеть себѣ (своимъ).

(см. Примѣры къ § 2. примѣч. на' соотвѣт. мѣстѣ).

Настоящ. вр. повел. накл.
 pass: да (пустъ) будетъ дѣлаемъ (дѣланъ, битъ) } ποιείτω.
 " " дѣляется=дѣлаютъ }
 его } ποιήσῃς.
 med: " дѣлаеть себѣ (своимъ).

да (пустъ) будетъ сдѣланъ (побить).
 " сдѣляется = сдѣлаютъ его.
 " сдѣлаеть себѣ (своимъ).

Прошед. вр. изъяв. накл.
 pass: былъ (бывалъ) дѣлаемъ (дѣланъ, битъ) } ἐποίητο.
 дѣлялся = дѣляли его }
 med: дѣлалъ себѣ (своимъ).

(былъ) сдѣланъ (побить).
 сдѣлялся=сдѣляли его
 сдѣлалъ себѣ (своимъ) ἐποίησάτο.

Прошед. вр. услов. накл.
 pass: чтобы былъ дѣлаемъ (дѣланъ, битъ) } εἴποιται.
 " дѣлялся = дѣляли }
 его } εἴποιται.
 med: " дѣлалъ себѣ (своимъ).

чтобы былъ сдѣланъ (побить)
 " сдѣлялся = сдѣляли его
 " сдѣлалъ себѣ (своимъ):
 εἴνα ποιηθήται или ποιησάτο.

с) На основаніи § 3 русскія причастія и дѣепричастія страдательнаго залога соотвѣтствуютъ греческимъ по слѣдующей таблицѣ:

pass: дѣлаемый (дѣланный, битый)	}	который (между тѣмъ какъ, въ то время какъ, когда)
дѣлаемъ (дѣланъ, битъ)		(есть) дѣлаемъ, былъ дѣлаемъ (дѣлапъ, битъ)
будучи (бывъ, -впн) дѣлаемъ (дѣланъ, битъ)	}	будеть дѣлаемъ (дѣлапъ битъ)
дѣлясь, дѣлавшися дѣлающійся, дѣлавшійся		дѣляется=котораго дѣлаютъ
med: дѣлая, дѣлавъ себѣ (своимъ), дѣлающій, дѣлавшій себѣ (своимъ).	}	дѣляся = " дѣляли
		будеть дѣлаться=котораго будетъ дѣлать.

(см. примѣры къ §§ 1-3 № 14 λεγόμενον)

(ὁ) ποιούμενος-η-ον (одновременность):

но:
 будучи или бывъ, -вши дѣлаемъ } (раньше дѣйствія главнаго гла-
 " " " " бить (оса- } гола).
 ждаемъ)

ποιηθεῖς (предшествованіе продол-
 женнаго дѣйствія).

(Напримѣръ, Нег. I. 86: πολιорχηθέντι бывшаго осаждаемымъ, послѣ
 того какъ былъ осаждаемъ).

напротивъ:

pass: сдѣланный (побитый) } который (= послѣ того какъ, какъ
 сдѣлапъ (побить) } скоро, лишь только, когда)
 будучи (бывъ, -вши) сдѣлавъ } (былъ) сдѣлавъ (побить), сдѣлапъ
 (побить) } = котораго сдѣлали,
 сдѣлавши } будеть сдѣлавъ (побить), сдѣ-
 сдѣлавшійся } лаеться = котораго сдѣлають.

(ὁ) ποιηθεῖς, = εἶσα, = ἐν.

med: сдѣлавъ, -вши себѣ (своимъ). } который (= послѣ того какъ, какъ
 сдѣлавшій " " } скоро, лишь только, когда)
 сдѣлавшій " " } сдѣлавъ или сдѣлаеть себѣ (своимъ)

(ὁ) ποιησάμενος, -η-ον. (Предшество-
 ваніе краткаго — однократнаго —
 дѣйствія).

Срав. примѣры къ §§ 1—3: № 3 (καταπετρασθῆναι и βιάσασθαι);
 № 9 (παῖσθαι и ἐποιοῦντο), № 11 (ἐξάπατηθεῖς), № 14 (λεγόμενον, πε-
 φθεῖς и συμβουλευομένοις) и № 1 былъ видѣнъ блескъ (act. ἤστραψε),
 и Хеп. Anab I. 9. 2 и 4.

Примѣчаніе. То же самое видно въ оборотѣ genitivus absolutus
 (срав. § 3. IV). Напримѣръ: когда (въ то время какъ, между тѣмъ
 какъ) Киръ былъ воспитываемъ (Кира воспитывали): Κύρου παιδευο-
 μένου (part. imperfecti)... или когда (въ то время какъ, между тѣмъ
 какъ) Крезъ былъ веденъ (Креза вели) на костеръ: Κροίσου ἐπὶ πῦρην
 ἀγομένου (part. imperfecti)...; напротивъ: когда (послѣ того какъ,
 какъ скоро, лишь только) Киръ былъ воспитанъ (Кира воспитали),
 или: когда (и т. д.) Крезъ былъ возведенъ (Креза возвели) на ко-
 стеръ: Κύρου παιδευθέντος..., Κροίσου ἀχθέντος (part. aoristi)....

§ 5. 1. Русскіе глаголы *многократнаго* ⁸⁾ вида, которые въ книж-

⁸⁾ См. Бусл. Ист. грам. руск. яз. § 53, 89, 181 и 188.

номъ языкѣ употребляются вообще рѣдко, и почти исключительно только въ прошедшемъ времени,—а также вытѣсняющія ихъ изъ употребленія выраженія „обыкновенно“, съ прошедшимъ временемъ глагола продолженнаго вида, или выраженія „я привыкъ, имѣю обыкновеніе“ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ того же вида—переводятся или одинаково съ глаголами продолженнаго (несовершеннаго) вида чрезъ imperfectum и praesens (по § 1), или же нерѣдко описательнымъ образомъ. Напримѣръ, говариваль (бывало говорил или говорить, обыкновенно говорилъ, имѣлъ обыкновеніе говорить, привыкъ говорить); видалъ, видываль; слыхаль, слыхиваль: ἔλεγε, ἔώρα, ἤκουε;—или εἶπνε (perf.), εἶπνεи (plusq.), (εἰπάσαι διαλέγεσθαι Isoc. G. 39.), εἶπισται (perf.), εἶπιστο (plusq.), εἰπισμένος ἐστί (perf.) или ἦν [(plusq.)—см. § 17. прим. 1.], εἶλος; εἶχεи или εἶχε (имѣть обыкновеніе) или φιλεῖ, ἀδέλει (особенно о склонности: ὅπερ φιλεῖ δῆμος ποιεῖν: какъ обыкновенно дѣлаеть народъ. Thuc. VIII 1. 4 и II. 65. 4; Her. III. 82), вѣ съ infinit, какъ естественно, одного praesens: λέγειν, ὁρᾶν, ἀκούειν (которые и сами по себѣ выражаютъ = говаривать, слыхать, = ивать, видать, видывать); или чрезъ aoristus gnomicus (см. § 15); или наконецъ чрезъ imperf. и aorist. indic. съ ἄν (см. § 15. Прим.) — Въ соединеніи съ отрицаніемъ переводится этотъ видъ по § 7; съ нарѣчіями „часто“ и „никогда“ по § 8.—О многократныхъ формахъ глагола „быть“: бывать, бываль, бываетъ, бывай, см. § 11.

2. Въ греческомъ языкѣ древне- и ново-іоническое нарѣчіе Гомера и Геродота содержитъ значительное количество многократныхъ глаголовъ формы прошедшаго времени (по—подобно русскому современному, литературному, языку—только изъяснительныя наклоненія), *verba frequentativa* или *iterativa*, съ характеристическимъ признакомъ —σх— и съ окончаніями историческихъ временъ, то-есть, σх=σν, σх=όμεν и т. д. (см. Curt. § 334—337; Крюг. Dial. I. § 32. Kühner I. 1. § 215 и II. 1. стр. 139); при чемъ *frequentativa* (*iterativa*) imperfecti (ἐχεσκε, φεύγεσκε, δίδοσκε, имываль, бѣгиваль, давиваль) служили для означенія многократно повторявшагося (въ прошедшемъ времени) *продолженнаго дѣйствія* (по таблицѣ обзора видовъ: многократность глагола вида II 4, то-есть, по наглядному обозначенію — — —); такъ что они равнялись описательнымъ выраженіямъ: πολλάκις εἶχε, π. ἔφευγε, π. εἰδῶσιν = часто или бывало давалъ (даеть), имѣлъ (имѣеть), бѣжалъ (бѣжить); напротивъ *frequentativa* (*iterativa*) aoristi (ἶδσκε видываль, φύγεσκε бѣгиваль, δόσκε давиваль, λάβεσκε= πολλάκις εἶδς, π. ἔφουγε, π. εἶδωκε, II. ἐλαβε, бывало дасть, увидить,

убѣжить) означали часто повторявшеся краткое (иногда только мгновенное) дѣйствіе, или же по таблицѣ: многократность глагола вида I, то есть, по наглядному обозначенію:.....¹⁾

Русскій языкъ, въ отличіе отъ греческаго, тѣ и другіе *iterativa* переводитъ одинаково чрезъ глаголы *продолженнаго* (песовершеннаго) вида, а всего ближе чрезъ глаголы *многократные* (по таблицѣ: чрезъ всѣ три разряда протяженнаго вида, и особенно чрезъ его глаголы 3-го-есть, вообще 6-разряда, многократные), *не различая* однако *последними* *крайности* и *продолжительности* *повторяемаго дѣйствія* *чрезъ особыя формы*, а отчасти только чрезъ описательное „бывало“, когда оно соединяется въ первомъ случаѣ съ настоящимъ врем. продолж. вида, а во второмъ съ тѣмъ же врем. однократ. вида. См. § 8, 11).

Другіе примѣры греч. многократныхъ глаголовъ: ἔφασκε говаривалъ²⁾, ἄφασκε важивалъ, ποιέεσκε дѣлывалъ, ἔσκε=εσ-σκε бывалъ (отъ εἶμι) и т. д.—*Iterativa imperfecti*: *Ilia* I, 490—2 πωλέεσκετο, φθινόθεσκε, ποθέεσκε; V. 126 ἔχεσκε, 472 ἔχεσκες, 536 ἔσκε, 708 ναίεσκε, 786 αὐδήεσκε, 788 πωλέεσκετο, 790 ἄχεσκεον, 802 εἶασκον, 857 ζωννόεσκετο; VI. 15 φιλέεσκεν, 19 и 153 ἔσκεν, 402 καλέεσκε, 460 ἀριστεύεσκε;—*Herod.* I. 100 ἐπέμπεσκεν, ἐπέμπεσκε (см. § 12. I. b. 11); III. 119, 2: χλαίεσκε, ὀδύρεσκετο; IV. 78. 2 καταλείπεσκε; 3 ποιέεσκε (съ объяснительнымъ πολλὰκις).—*Iterativa aoristi*: II. XI. 64 φάνεσκεν, XVIII. 546 δόσκεν; *Od.* XI. 208 γενέεσκετο; 586 ἀπολέεσκετο, 587 φάνεσκε; *Herod.* IV. 78. 3 и 130 λάβεσκε и λάβεσκεον (у *Her.* только въ соединеніи съ ἄν, см. § 15 прим. 2). На ряду съ этими многократными формами ставится однако—часто въ одномъ и томъ же предложеніи, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ,—уже у Гомера (см. II. III. 217—219 στά-

¹⁾ Неосновательно замѣчаніе Кюпера (*Aust. Gram d. gr. Spr.* I, 1. § 215. 1): «Aus dem Begriffe der Wiederholung hat sich der Begriff der *Intensität* gebildet, wie φιλέεσκε γὰρ αἰνῶ; *Od.* α, 264, 435.; η. 171.; II. I, 450». Усиленію глагольнаго дѣйствія выражается здѣсь не многократною формою, а нарѣчіями αἰνῶ; въ первомъ мѣстѣ, μάλατι во второмъ и въ третьемъ, а четвертое поставлено безъ такого нарѣчія и поэтому безъ усиленія своего значенія.

²⁾ Глаголь «сказывать», подобно глаголамъ «разказывать, оказывать, доказывать, приказывать» относится (по таблицѣ) не къ 6, а къ 4 (или къ 5) разряду II вида. Общій всѣмъ многократнымъ глаголь (6 разряда) есть вышедшая изъ употребленія безпредложная форма—какъ всѣ глаголы этого разряда—«казывать». См. примѣч. къ обзору видовъ М 6. и Бусс. *Ист. грам.* § 89. стр. 217--2

σχευ—ἴδασκευ—ἐνώπια—ἐγχεσκειν), а еще чаще у Геродота простое imperfectum въ такомъ же значеніи (срав. Нег. II. 174 съ I. 17), а также описательныя выраженія многократнаго значенія (напримѣръ, II. V, 766 εἶωθε πελάζειν), такъ что уже въ гомеровское время замѣтно колебаніе и постепенное исчезновеніе многократныхъ формъ. Воислѣдствіи (особенно въ аттич. нарѣчіи) онѣ совсѣмъ вытѣсняются простыми imperfectum, точно такъ же какъ и въ русскомъ языкѣ глаголы продолженные (по таблицѣ вида II, 4 разряда) большею частью уже вытѣснили и все болѣе вытѣсняютъ и замѣняютъ глаголы многократнаго разряда (по таблицѣ II вида 6 разряда).

Въ аттическомъ нарѣчіи уцѣлѣли, кажется, какъ остатки учацательнаго (многократнаго) вида, только три глагола, изъ которыхъ два (встрѣчаемые также у Гомера и Геродота), не принимая вставки=σх=имѣютъ усиленную основу многократнаго (или повторительнаго) значенія; именно: φορεῖν носить, шивать: II. I. 238, V. 499, VI, 457; Нег. II. 48 (περιφορεῖν), IV. 116; Xen. Anab. I а 8. 29; Thuc. II. 75. 2. и 6., и φοιτᾶν: II. V. 595, Нег. I. 60 (διαφοιτῶντες), III. 119. 2. ходить, хаживать (см. § 10), къ которымъ присоединяется и φάσκειν учац. отъ φάναи (говаривать, но чаще просто: утверждать). Такъ какъ два первые глагола самою своею основою выражаютъ многократность (или повтореніе) дѣйствія, а предлогъ въ греческихъ сложныхъ формахъ глагола не измѣняетъ его вида; то обыкновенно и не ставятся въ аористѣ за исключеніемъ participium (которое—по § 3. III—можетъ выражать предшествованіе также продолженнаго или многократнаго дѣйствія другому дѣйствію), а только въ praesens и imperfectum; подобно тому какъ отъ русскихъ основъ носить и ходить не получается однократный видъ (прошедшаго времени) даже сложеніемъ съ предлогомъ: носилъ, привосилъ; ходилъ, приходилъ (всѣ продолж. вида).

§ 6. *Futurum*. а) Въ будущемъ времени оба русскихъ вида, какъ продолженный (несовершенный, вмѣстѣ съ многократнымъ), такъ и однократный (совершенный) переводятся на греческій языкъ одною и тою же формою futurum (I или II contractum) по всѣмъ его наклоненіямъ (см. § 16 предвар. примѣч.) Такимъ образомъ въ будущемъ времени русскій языкъ превосходитъ греческій отличіемъ видовъ, но за то уступаетъ греческому въ томъ, что послѣдній различаетъ и въ этомъ времени, какъ въ другихъ, кромѣ изъявительнаго (γράψω), еще три наклоненія: optativus (γράψομαι), infinitivus (γράψαι) и participium (γράψων). Напримѣръ:

<i>act.</i> будетъ дѣлать	}	ποιήσει (ind.)		
сдѣлаетъ;			ποιήσει (opt.)	
дѣлать или сдѣлать			ποιήσειν (inf.)	
(въ будущемъ)			(ὁ) ποιήσων (part.)	
<i>med.</i> будетъ дѣлать себѣ	}	ποιήσεται (indic.)		
(своимъ)			ποιήσοιτο (optat)	
сдѣлаетъ "			ποιήσασθαι (infm.)	
дѣлать или сдѣлать себѣ			(ὁ) ποιησόμενος (part.)	
(своимъ) въ будущемъ.				
<i>pass.</i> будетъ дѣлаемъ	}	будутъ дѣлать его		
" дѣланъ			(дѣлать его въ буду-	
(бить)			щемъ)	
" дѣлаться			}	ποιηθήσεται (ind.)
" сдѣланъ				ποιηθήσοιτο (opt.)
(побить)				ποιηθήσασθαι (inf.)
" сдѣлает-	(ὁ) ποιηθησόμενος (part.)			
ся	[или какъ <i>med.</i>]			

в) Поэтому часто употребляется *participium futuri* (I или II), иногда съ союзомъ ὡς, а нередко и *indicativus futuri* съ мѣстоименіемъ относительнымъ впереди, для выраженія цѣли (намѣренія, назначенія), состоитъ ли она въ дѣйстви однократномъ или продолженномъ (или же многократномъ) и соединена ли съ главнымъ глаголомъ прошедшаго, настоящаго или будущаго времени. Напримеръ, Крезъ послалъ (или: часто посылалъ) вопрошить (вопросать) оракулъ: Κροῖσος ἔπεμψε (ἔπεμπε) μαντευομένους. Xen. Mem. I, 1. 6. Σωκράτης συνεβούλευε περί τῶν ἀγῶνων, ὅπως ἀποβήσοιτο, μαντευομένους κέμπειν (Сокр. совѣтовалъ отправлять относительно дѣл, исходъ которыхъ не извѣстенъ, пословъ вопрошать оракулъ).—Отечество ведетъ насъ на войну, чтобы подвергать (подвергнуть) или выставять (выставить) ранами или смерти: Ἄγει ἡμᾶς ἡ πατρίς εἰς πόλεμον τρωθησομένους ἢ ἀποθανομένους (Plat. Crit. p. 51. B). Мы не имѣемъ, на что (могли) бы покупать (или выкупить) хлѣба: Οὐκ ἔχομεν, ὅταν σίτον ὠνησόμεθα.—Афиняне отправили людей, которые бы ловили (схватили), или: чтобы ловить (схватить)Themistoclea: Οἱ Ἀθηναῖοι ἄνδρας ἔπεμψαν οἱ αἰρήσοισι τὸν Θεμιστοκλέα. Другіе примѣры: Her. I. 96, 2; VII. 32 и 35; Xen. Anab. I. 1. 3: Ἀρταξέρξης συλλαμβάνει Κύρον ὡς ἀποκτενῶν (А. велѣлъ схватить Кира, чтобы казнить, убить его) и 11: (ὡς πολεμήσων, чтобы вести или начать войну) и см. примѣры къ §§ 1—3 N. 14. (ὁ οἶσει

и κελεύων); Thus. III. 16: ναυτικὸν παρεσκεύαζον, ὃ τι πέμψουσι ἐς τὴν Λέσβον; они спаржижали (готовили) флотъ, чтобы отправить его (который бы отправили) въ Лесбось; Thus. VIII. 1. 3. (οἵτινες προβουλεύουσιν); Суг. III, 3. 52; Hell. II. 3. 2; II. I. 207: ἦλθον ἐγὼ παύσασα.—По-латыни въ такомъ случаѣ бываетъ или *supinum* (при глаголахъ движенія) или *qui (ut) сь coniunct.*, или *gerund.*—Однако есть рѣдкіе случаи, гдѣ, хотя и не собственно, а только по связи рѣчи въ такомъ же значеніи цѣли, можно принять *partic. praes.*: Анаб. IV. 5. 8: Διεδίδου (βρωτὸν) καὶ διέπεμπε δίδοντας; онъ раздавалъ (кушанье) и разсылалъ людей для раздачи. Thus. VI. 88. 10: πρέσβεις πέμπειν κολύοντας, и VII. 25. 9: ἐπεμψαν πρέσβεις ἀγγέλλοντας *вм.* δώσοντας, κολύσοντας, ἀγγελοῦντας. (См. примѣч. къ таблицѣ № 10).

Примѣчаніе. Русскія выраженія: „намѣреваюсь, я намѣренъ, имѣю въ виду, собираюсь (напримѣръ, идти, отправиться), хочу, мнѣ предстоитъ, мнѣ приходится или придется, я готовъ, я имѣю, должно—слѣдуетъ—можно ожидать (въ будущемъ), что..., я долженъ, я могу“ (послѣдніе два однако только въ значеніи предшествующаго имъ выраженія; на пр. II. V, 205. ἔμελλον ὀνύσειν и Dem. Ol. III. послѣд. слова: συνοίσειν μέλλει) съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ дополнительнаго глагола переводится часто греческимъ глаголомъ μέλλω въ соединеніи—большею частію—съ *infinitiv*-омъ *futuri* при томъ и другомъ русскомъ видѣ, соотвѣтственно значенію глагола μέλλω, относящаго дѣйствіе къ будущему времени; но кромѣ того:

а) При русскомъ продолженномъ видѣ неопредѣленнаго наклоненія также съ *infinitiv*-омъ *praesentis*, а

б) При русскомъ однократномъ видѣ неопредѣленнаго наклоненія—также (хотя гораздо рѣже *futurum*) съ *infinit. aoristi*; такъ что:

намѣреваюсь	} <i>σύνταξις</i> = μέλλω (ἔμελλον, ἐμέλλησα, μελλήσω)	
имѣю въ виду		ποιήσειν или ποιεῖν
мнѣ предстоитъ		<i>σύνταξις</i> = μέλλω (и т. д.) ποιήσειν или (рѣже) ποιήσει.
и т. д.		

Этому обороту соотвѣтствуетъ латинская *conjugatio periphrastica*, составляемая изъ *part. na* = *urus*, а, *um* съ *esse* (*facturus sum* etc.)

См. § 16. 1. Прим. 1.—Примѣры см. Krüg. a num. снит. § 53. 8. и Ann. 1—4; Курц. § 501; Грэг. § 254. 2, Вѣл. § 22. е).

Э. Черный.

СОДЕРЖАНІЕ
СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СТРАН.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1874 годъ. (Окончаніе). 1

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія новелыя.

1. 26-го іюля 1876 года. Объ учрежденіи въ г. Камышинѣ реальнаго училища 49
2. 13-го іюля 1876 года. Объ учрежденіи при лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ должности архитектора 50
3. 26-го іюля 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи при Сумской Александровской гимназіи. —
4. 26-го іюля 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи при Тверскомъ реальномъ училищѣ. 51
5. 26-го іюля 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи при Астраханской мужской гимназіи —
6. 26-го іюля 1876 года. Объ учрежденіи стипендій при Уральской войсковой гимназіи —
7. 26-го іюля 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ учительскомъ институтѣ 52
8. 26-го іюля 1876 года. О наименованіи однокласнаго начальнаго народнаго училища въ Александровской волости, Царскосельскаго уѣзда, „Владимірско-Александровскимъ“. —

9. 26-ю іюля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Владимірской мужской гимназіи	53
10. 16-ю августа 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ	—
11. 16-ю августа 1876 года. О формахъ одежды служащихъ по учебному вѣдомству въ Туркестанскомъ краѣ, а также учащихся въ прогимназіяхъ	54
12. 16-ю августа 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Астраханской мужской гимназіи	—
13. 26-ю іюля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Преславльской учительской семинаріи	—
14. 16-ю августа 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Вятской мужской гимназіи	83
15. 9-ю сентября 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ начальномъ народномъ училищѣ	—
16. 27-ю сентября 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Саратовской мужской гимназіи	84
17. 27-ю сентября 1876 года. О взносѣ платы въ пользу экзаменаторовъ при испытательныхъ комитетахъ	—
18. 22-ю октября 1876 года. О распространеніи на служащихъ министерства въ Туркестанскомъ краѣ правъ и преимуществъ службы чиновъ военно-народнаго управленія въ томъ краѣ	85

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

27-ю сентября 1876 года. (№ 10)	86
12-ю октября 1876 года. (№ 11).	—
ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,	87

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 15-ю апрѣля 1876 года. Правила о стипендіи Софіи Семеновны Савиной	55
2. 20-ю апрѣля 1876 года. Положеніе о стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника, доктора Ивана Исаковича Европеуса, учрежденной при Новгородской мужской гимназіи	56
3. 22-ю апрѣля 1876 года. Положеніе о стипендіи Ивана Петровича Забѣлло, учрежденной при Ковенской мужской гимназіи	—
4. 22-ю апрѣля 1876 года. Положеніе о стипендіи имени	

директора Казанской второй гимназіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Имшеника, учрежденной при той же гимназіи	57
5. 8-го мая 1876 года. Положеніе о стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Александровича Эбелинга для дѣтей чиновниковъ Калишской казенной палаты	58
6. 22-го мая 1876 года. Положеніе о стипендіи имени директора Казанской второй гимназіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Осипа Антоновича Имшеника, учрежденной при той же гимназіи	59
7. 22-го мая 1876 года. Положеніе о стипендіи коллежскаго ассессора Константина Дмитриевича Анциферова при Курскомъ реальномъ училищѣ	60
8. 22-го мая 1876 года. Положеніе о стипендіи имени Измаила Ивановича Сумарокова, при Тамбовской губернской гимназіи	61
9. 22-го мая 1876 года. Положеніе о постоянномъ фондѣ для несостоятельныхъ учениковъ, окончившихъ курсъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища	62
10. 22-го мая 1876 года. Правила для завѣдыванія капиталомъ вспомогательной кассы, учрежденной бывшими учениками училища Св. Петра въ память столѣтняго юбилей онаго.	63
11. 26-го мая 1876 года. Правила о выдачѣ единовременныхъ пособій недостаточнымъ студентамъ Московскаго университета имени полковника Ивана Петровича Вирдина.	67
12. 29-го мая 1876 года. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ и срокахъ доставленія статистическихъ свѣдѣній объ учебныхъ заведеніяхъ министерства	—
13. 30-го іюня 1876 года. Положеніе о стипендіи, учрежденной вдовою потомственнаго почетнаго гражданина, города Казани, Евтихій Михайловича Вѣриша, Марією Яковлевною Вѣришою	70
14. 15-го мая 1876 года. Положеніе о стипендіяхъ коллежскаго совѣтника Марка Николаевича Комнено-Варваца при Таганрогской гимназіи	87
15. 15-го мая 1876 года. Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Ивана Амирова при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ.	88
16. 15-го мая 1876 года. Положеніе о стипендіяхъ гвардіи ротмистра Федора Ивановича Вадковскаго.	90

17. 1-ю іюля 1876 іода. Положеніе о стипендіи О. И. Комиссарова-Костромскаго, учрежденной при Курской мужской гимназій, въ память 4-го апрѣля 1866 года	—
18. 8-ю іюля 1876 іода. Положеніе о стипендіяхъ, учрежденныхъ вдовою инженеръ-капитана Варварою Михайловною Своевою при первой Московской гимназій	93
19. 30-ю іюля 1876 іода. Положеніе о стипендіи имени генералъ-маіора Александра Васильевича Гулькевича, въ Астраханской мужской гимназій	95
20. 11-ю сентября 1876 іода. Программы предметовъ учебнаго курса женскаго графа Д. Н. Влудова училища въ городѣ Острогѣ	96
21. 25-ю сентября 1876 іода. Правила о стипендіи генералъ-адъютанта Хрущова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	133
22. 13-ю ноября 1876 іода. Программы и учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ учительскихъ институтахъ	—
23. 13-ю ноября 1876 іода. Инструкція касательно объема и метода преподаванія учебныхъ предметовъ въ учительскихъ институтахъ	183
24. 13-ю ноября 1876 іода. Программа вступительнаго въ учительскіе институты экзамена	185
25. 6-ю октября 1876 іода. Положеніе о стипендіи Петра Никифоровича Жедринскаго, Высочайше утвержденной 27-го сентября 1876 года при Саратовской мужской гимназій	191
26. 8-ю октября 1876 іода. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ учрежденіи въ пользу экзаменаторовъ при испытательныхъ комитетахъ денежныхъ взносовъ	—
27. 30-ю октября 1876 іода. Уставъ Кіевскаго юридическаго общества, состоящаго при Императорскомъ университетѣ Св. Владимира	192

**ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ТОВАРИЩА МИНИСТРА.**

28-го августа 1876 года (№ 17)	70
18-го сентября 1876 года (№ 18).	72
2-го октября 1876 года (№ 19)	194

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Филологическія розысканія“ <i>Я. К. Грота</i> . . .	74
О книгахъ: „Учебникъ нѣмецкаго языка“. Курсъ I—IV. Составилъ преподаватель С.-Петербургскаго 1-го реального училища <i>К. Маакъ</i> . . .	—
О книгѣ: „La grammaire en action“ par <i>Jean Fleury</i> . 4 édition, considerablement simplifiée et accompagnée d'une traduction en russe. . .	—
О книгѣ: „Нѣмецкая хрестоматія для реальныхъ и коммерческихъ училищъ“. Составилъ, примѣнительно къ программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія, преподаватель нѣмецкаго языка при Новгородской гимназій и реальномъ училищѣ: <i>К. Кюссе</i> . . .	—
О книгѣ: „К. Ф. Зюцфле“. Статьи для перевода на латинскій языкъ. Руководство, переведенное съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ, преподавателями древнихъ языковъ при Московской 2 й гимназій <i>К. Павликовскимъ</i> и <i>В. Исаенковымъ</i> . . .	—
О брошюрахъ: 1) „Хронологія Всеобщей и Русской исторіи“. Систематическій курсъ. 2) „Хронологія Всеобщей исторіи“. Составилъ <i>М. Острогорскій</i> . . .	75
О книгахъ: 1) „Русская исторія, съ присовокупленіемъ необходимыхъ свѣдѣній изъ исторіи всеобщей“. По способу <i>Грубе</i> изложилъ <i>В. Фармаковский</i> . 2) „Сборникъ стереометрическихъ задачъ“. Составилъ <i>Н. Вараксинъ</i> . . .	—
О книгѣ: „Метеорологія, или ученіе о погодѣ, Мона“. Переводъ <i>Н. Горданскаго</i> и <i>Ө. Капустина</i> , подъ редакцію и съ дополненіями <i>Д. Менделѣева</i> . . .	—
О книгѣ: „Элементарная физика“. <i>В. Фонъ-Бооль</i> . . .	—
О книгѣ: „Cours élémentaire et progressif de langue française à l'usage des classes inférieures et moyennes des écoles“ par <i>D. Margot</i> . . .	76
О книгѣ: „Историческая Хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Составилъ <i>И. Г. Гуревичъ</i> . . .	195
О книгѣ: „Исторія Греціи и Рима“ (курсъ систематическій). Составилъ <i>Я. Г. Гуревичъ</i> . . .	—
О книгахъ: 1) „Сборникъ классическихъ иностранныхъ про-	

изведеній въ переводахъ русскихъ писателей", издаваемый подъ редакціею *А. Н. Чудинова* —

О книгахъ: „Древніе классики для русскихъ читателей“:
1) „Гомеръ. Илиада“, въ изложеніи Лукаса Коллинза. Переводъ съ англійскаго, *Ф. Резенера*. 2) „Гомеръ. Одиссея“, въ изложеніи Лукаса Коллинза. Переводъ съ англійскаго, *Ф. Резенера*. 3) „Юлій Цезарь. Коментаріи“, въ изложеніи Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго, *С. К. Брюлловой* (Кавелиной). 4) „Ксенофонтъ“, въ изложеніи Александра Гранта. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею *М. В. Пухова*. 5) „Виргилій“, въ изложеніи Лукаса Коллинза, подъ редакціею *Н. Помяловскаго*. 6) „Платонъ“, въ изложеніи Клифтона Коллинза. Переводъ съ англійскаго, *Ф. Резенера*, издавіе *В. Ковалевскаго* 196

О книгѣ: „Классная русская хрестоматія для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній“, составленная *Владиміромъ Стоюнинимъ* —

О книгахъ: 1) „Учебникъ физики“. 2) „Основанія физики“. Составилъ *К. Краевичъ* —

О книгахъ: „Элементарный курсъ географіи“. Вып. I—V. Составилъ *С. Никитинъ* —

О книгѣ: „Составъ, формы и разряды словесныхъ произведеній, примѣнительно къ практическому преподаванію словесности“, изложенные *В. Классовскимъ* 197

О книгахъ: 1) „Краткая нѣмецкая граматика“. Сост. *Эмманіи Керковіусъ*. 2) „Словарь употребительнѣйшихъ словъ и выраженій въ русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ“. Сост. *Дмитрій фонъ-Мевель* —

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕБНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Наставленіе въ православной вѣрѣ или домашній бесѣды пастыря съ простыми людьми“. Состав. протоіереемъ *Іоанномъ Постоловнымъ* 76

О книгахъ подъ заглавіемъ: 1) „Краткое руководство геометріи“. 2) „Краткій элементарный курсъ геометріи“. 3) „Собраніе ариметическихъ задачъ и примѣровъ для письменнаго вычисленія“. Сост. *Александромъ Вороновымъ* —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Курсъ закона Божія въ началь-

пихъ народныхъ училищахъ и приготовительныхъ классахъ духовныхъ училищъ“ Сост. священникомъ *А. С. Свирьлинымъ* —

О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Учебная книга закона Божія для православныхъ воиновъ, обучающихся въ полковыхъ учебныхъ школахъ“. Сост. священ. *В. Гурьевымъ*. —

О изданіи подѣ заглавіемъ: „Стѣпной зоологической атласъ Лейтмана“ 197

О брошюрахъ подѣ заглавіемъ: 1) „Жизнь св. апостола Павла“. 2) „Жизнь св. апостола Петра“. 3) „Жизнь св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова“. 4) „Житіе и страданіе св. великомученицы Варвары“. 5) „Житіе и страданіе св. великомученицы Екатерины“. 6) „Св. мученица Перепетуя и св. Сатиръ“. 7) „Житіе святителя Николая, Мирлицкаго чудотворца“. 8) „Житіе преподобнаго Арсенія Великаго“. 9) „Житіе преподобныхъ Меодія и Кирилла, просвѣтителей Славянъ“. 10) „Св. Тихонъ епископъ Воронежскій и Задонскій“. 11) Св. Равноапостольный князь Владиміръ“. 12) „О пьянствѣ“. Сост. священникомъ *В. Михайловскимъ*. —

О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ“. Состав. *В. Водовозовымъ* 198

О книгѣ подѣ заглавіемъ: „О земледѣліи средней полосы Россіи“. Состав. *И. Фроловымъ*. —

Официальные извѣщенія —

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Въ Бихарѣ. (Изъ путешествія по Индіи). <i>И. Минаева</i>	1
Аполлоній Тіанскій. <i>М. Каринскаго</i>	30
Греческій романъ. <i>Александра Веселовскаго</i>	151
Вавилоно-ассирійскія клинообразныя надписи. Исторія чтенія и ихъ историческое значеніе. <i>Н. Астафьева</i>	171
Изъ путешествія по Индіи. <i>И. Минаева</i>	194
Греко-скифскій міръ на берегахъ Понта. <i>П. Л. Бурачкова</i>	237
О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью. <i>Ив. Тихомирова</i>	262

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslawischen) Sprache. Grammatik. Texte. Glossar. von *A. Leskien*, a. o. Professor der slawischen an der Universität Leipzig. (Руководство древне-болгарскаго [древне-церковно славянскаго] языка. Грамматика. Текс-

ты. Глоссарій. Составилъ <i>А. Лискинъ</i> , э. о. профессоръ славянскихъ языковъ въ Лейпцигскомъ университетѣ). <i>И. Бодуэнъ-де-Куртменъ</i>	152
Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.	164
Introduction à l'étude de la science du langage, par <i>Domenico Pezzani</i> . Traduit de l'italien sur le texte, entièrement refondu par l'auteur, par <i>V. Nourisson</i> . (Введеніе въ науку о языкѣ. Сочиненіе <i>Доменико Пецци</i> . Переводъ съ текста, совершенно передѣланнаго авторомъ. <i>В. Нуриссона</i>).	309
Bibliothèque des sciences contemporaines: II. La Linguistique par <i>Abel Hovelacque</i> . Библиотека современныхъ наукъ: II. Лингвистика. Сочиненіе <i>А. Говелака</i>	—
Die Sprachenwelt in ihrem geschichtlich-literarischem Entwicklungsgange zur Humanität... bearbeitet von Dr. <i>H. A. Manilius</i> . (Міръ языковъ въ его историко-литературномъ движеніи къ челоуѣчности. Соч. д-ра <i>Г. А. Маниціуса</i>)	—
Замѣтка по поводу статьи г. Е. Барсова „Очеркъ литературы Слова о Полку Игоревѣ“.	315

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Наша педагогическая литература	1 и 27
--	--------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Третій международный конгрессъ ориенталистовъ въ Санктпетербургѣ, въ августѣ 1876 года.	1
Императорская Публичная библиотека въ 1875 году.	59
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) низшія училища.	62
Письмо изъ Парижа. <i>Л. Л—ра</i>	91
Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова	27
Педагогическая корреспонденція изъ Германіи.	40
Африканская Географическая конференція въ Брюссель	63

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ греческимъ времепамъ. <i>Э. Чернаго</i>	3 и 88
Къ вопросу о греческихъ глагольныхъ формахъ. <i>А. Паука</i>	31 и 53

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Можно получить всѣ книги „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1876 г.
Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными портретами,
восемь руб. съ пересылкою.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1877 г

восьмой годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1877 году будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ первыя семь лѣтъ изданія (1870—1876 гг.), ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры. При этомъ редакція расширитъ въ журналѣ отдѣлы историческихъ изслѣдованій и исторической библіографіи, а также увеличитъ число прилагаемыхъ къ изданію портретовъ русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ **три тома**, каждый не менѣе 40 листовъ убористой, четкой печати, т. е. всего въ годъ не менѣе 2000 печатныхъ страницъ.

При изданіи, съ 1877 г., непремѣнно при каждой книгѣ, прилагаются: портреты достопамятныхъ и замѣчательныхъ въ исторіи нашего отечества дѣятелей. Гранюры эти, на мѣди или на деревѣ, исполнены лучшими отечественными граверами: академикомъ И. П. Пожалостинимъ, Л. А. Сѣряковымъ и нѣкоторыми другими. Кромѣ того, время отъ времени, будутъ помещаемы: снимки съ замѣчательныхъ документовъ, рисунки историческихъ памятниковъ и зданій, родословія замѣчательныхъ семействъ, снимки съ рѣдкихъ медалей и пр.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается всѣмъ подписчикамъ.

(На оборотѣ).

Цѣна за двѣнадцать книгъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1877 г.:

Съ доставкою на домъ, въ С.-Петербургъ и въ Москвѣ, и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ восьми рублямъ за доставку: въ Германію, Бельгію, Францію два рубля; въ Англію, Швейцарію и Италію — три рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, въ Кошторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» при княземъ магазинѣ Николая Ивановича Мамонтова (Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, № 46); въ Москвѣ — въ книжныхъ магазинахъ Ивана Григорьевича Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева) и Николая Ивановича Мамонтова (на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова).

Гг. Иногородные обращаются исключительно въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Надеждинская улица, д. № 42, кв. № 12.

Примѣчаніе. Тѣ изъ подписчиковъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» текущаго года, которые, при возобновеніи подписки на будущій годъ, пожелаютъ имѣть «Записки сенатора князя Я. П. Шаховскаго» или другую книгу: «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія» — могутъ получить ихъ бесплатно, выславъ лишь семь восьми-копѣечныхъ почтовыхъ марокъ (56 коп.) на высылку одной изъ этихъ книгъ или десять такихъ же марокъ (80 коп.) на отправку обѣихъ изданій.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1870 г. (два первыхъ изданія), 1871 г., 1872 г. (два изданія), 1873 г., 1874 г. и 1875 г. (первыя книги два изданія) разомысли слюма, по подпискѣ, до послѣдняго экземпляра, и

отпечатано и имѣется еще (въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ) новое, третье изданіе «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1870 г. (годъ первый) — двѣнадцать книгъ, въ трехъ большихъ томахъ, съ двумя портретами, снимками и 65-ю рисунками и виньетами.

Цѣна восемь руб. съ пересылкою.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1876 г. 12 книгъ, съ портретами: Лжедмитрія I, Екатерины II, Михельсона, Емельяна Пугачева, князя Платона Зубова, А. П. Ермолова, графа Аракчеева, Клугенау, В. Г. Бѣлинскаго, со снимками и чертежами — цѣна восемь руб. съ пересылкою.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1876 г., двѣнадцать книгъ, между прочими статьями напечатаны:

Записки Михаила Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг.—Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинымъ, 1782—1791 гг.,—Бесѣды Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ т. е. записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствованія Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I-го.—Автобіографія и переписка академика А. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военнаго управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, рассказъ профес. Федора Григорьевича Солицева: Академія художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздки по Россіи съ археологическою цѣлью; возстановленіе древностей въ кievскихъ соборахъ; посѣщенія кievскихъ святынь императоромъ Николаемъ I; рассказы о нѣкоторыхъ іерархахъ, также о художникахъ (Е. П. Брюловъ) и проч. дѣятеляхъ.—Воспоминанія артиста П. А. Каратыгина и вдовы адмирала Л. И. Рикордъ и проч. Митрополитъ Ростовскій Арсеній Маціевичъ—историческій очеркъ профессора Н. И. Барсова.—Крѣпостные крестьяне при Екатеришѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семеновскаго.—Бунтъ Беневскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг. статья академика С. М. Соловьева.—Павелъ Полуботокъ—статья П. И. Костомарова. Главные пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу).—Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсон-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персіи въ 1806—1855 гг., статья Ад. Ш. Берже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Буяльскій, его біографія, составленная профессоромъ Я. А. Чистовичемъ.—Т. О. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., рассказъ очевидца.—Артемій Волинскій, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, Г. А. Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибоѣдовъ—въ ихъ неизданныхъ, вповь открытыхъ, письмахъ. Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича, а также записки и донесенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. О. Паскевича о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Въ отдѣлѣ листовъ изъ записной книжки въ «Русской Старинѣ» 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ рассказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—«Русская Старина» 1876 г. представила новыя дан-

ныя о В. Г. Бѣлинскомъ (двѣ большія статьи); П. В. Гоголь—по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. Относительно художниковъ и артистовъ, въ этомъ же изданіи 1876 г., напечатанъ рассказъ о М. И. Глиикѣ, очерки и замѣтки о музыкѣ—А. Н. Сѣрова и проч.

Къ «Русской Старинѣ» 1876 г. — (12 книгъ)—приложены портреты: Лжедмитрія I, гравюра Киліана 1606 г.—точный снимокъ; портреты Михельсона, кн. Платона Зубова, Алексѣя Петровича Ермолова— всѣ эти гравюры на мѣди исполнены академикомъ Н. П. Пожалостинымъ; портреты Екатерины II и графа Аракчеева—гелиографическіе снимки съ гравюръ 1762 и 1818 гг.; портретъ Емельяна Пугачева, Кругенау и В. Г. Бѣлинскаго—гравюры академика Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго, 1725 г.—Крестьянинъ Телушкинъ на шпичѣ Петропавлевскаго собора (чертежи).

Цѣна „Русской Старины“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами, **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

Вступая въ восьмой годъ изданія «Русской Старины» мы съ удовольствіемъ можемъ заявить, что это изданіе, по прежнему, пользуясь вниманіемъ и содѣйствіемъ многихъ извѣстныхъ ученыхъ изслѣдователей и писателей въ области разработки отечественной исторіи,—представить въ 1877 году на своихъ страницахъ рядъ изслѣдованій, очерковъ и статей. Назовемъ здѣсь нѣсколькихъ лицъ, отъ которыхъ мы или уже получили помннутыя статьи и сообщенія или же имѣемъ самыя положительныя обѣщанія о помѣщеніи таковыхъ въ «Русской Старинѣ» именно въ 1877 году:

Профессоръ Н. И. Барсовъ.—Ад. П. Берге.—Н. П. Барышниковъ.—Профес. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.—Н. В. Бергъ.—Профес. А. Г. Брикнеръ.—Н. Б. Богуневскій.—Академикъ А. Θ. Бычковъ.—М. И. Богдановичъ.—Баронъ Θ. А. Бюлеръ.—А. А. Васильчиковъ.—Профессоръ А. Н. Веселовскій.—Н. А. Глятебрандтъ.—Профессоръ А. Д. Градовскій.—Г. Н. Генпади.—Академикъ Я. К. Гротъ.—Н. И. Григоровичъ.—И. Е. Забѣлинъ.—Профессоръ Е. Е. Замысловскій.—Н. П. Дуровъ.—Н. Θ. Дубровинъ.—П. А. Ефремовъ.—Профессоръ В. С. Иконниковъ.—П. А. Каратыгинъ.—Н. И. Костомаровъ.—Профес. Корсаковъ.—Академикъ А. А. Кунякъ.—Е. П. Карновичъ.—Профессоръ В. И. Ламанскій.—Профес. О. Θ. Миллеръ.—Д. Л. Мордовцевъ.—Н. Н. Мурзаке-

ничъ.—С. И. Онатовичъ.—И. И. Ореусъ.—П. Н. Полевой.—Александръ Никл. Поповъ.—Д. Д. Рябининъ.—Ш. И. Саввантовъ.—В. И. Семеновскій.—Академикъ С. М. Соловьевъ.—В. Д. Спировичъ.—В. В. Стасовъ.—Академикъ М. И. Сухомлиновъ.—А. П. Чеботаревъ.—Профессоръ И. А. Чистовичъ—Н. К. Шильдеръ и др.

Списокъ лицъ сообщившихъ «Русской Старинѣ» мемуары, письма, замѣтки и вообще матеріалы историческіе, каковыя находятся уже въ распоряженіи редакціи и будутъ ею постепенно печататься,—помѣщенъ въ XII книгѣ «Русской Старины» изданія 1876 года.

Независимо отъ изслѣдованій и статей поименованныхъ выше лицъ, въ „Русской Старинѣ“ 1877 года будутъ напечатаны:

Разказы изъ исторіи Тайной Канцеляріи XVIII вѣка.— Пособники Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ.— Записки М. А. Вестужева (1825—1859 гг.),—М. Θ. Орлова (1814 г.),—Кн. Яшвиля (1842—1845 гг.),—В. К. Кюхельбекера (1833—1844 гг.).—Лепарскій, начальникъ петровскаго острога и тюремщикъ декабристовъ, біографическій очеркъ.—Правда о прошломъ, изслѣдованіе покойнаго П. С. Лебедева.—Записки (мемуары): протоіерея Виноградова,—ксендза Буткевича,—пастора Грубера, артистки Никулиной-Косицкой, Колзакова, А. К. Гриббе.—Продолженіе Записокъ: Ивана Степаповича Жиркевича (очерки военныхъ порядковъ недавняго прошлаго; два губернаторства; воссоединеніе уніатовъ къ православію въ Западной Россіи; преосвященный Смарагдъ и проч. и проч.).—Преосвященный митрополитъ Московскій Филаретъ (Дроздовъ) — біографическій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ.—Очерки изъ новѣйшей исторіи Кавказа.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ (продолженіе).—Воспоминанія П. А. Каратыгина (очерки русскаго театра, 1830—1840 гг.).—Записки барона Николаи (о Венгерской компаніи 1849 г.).—Также будетъ напечатано собраніе неизданныхъ документовъ относящихся къ войнѣ 1854—1855 гг. и много отдѣльныхъ разказовъ, очерковъ и замѣтокъ, какъ изъ новѣйшей исторіи нашего отечества, такъ изъ исторіи русской словесности, художествъ и искусствъ.

(См. на оборотѣ).

Въ **Январьской** книгѣ „Русской Старины“ 1877 г. помѣщены—первая глава историческаго очерка **А. Н. Попова**: отечественная война, отъ **Малоярославца** до **Березины** въ **1812** г. (это изслѣдованіе состоитъ изъ нѣсколькихъ главъ, которыя все будутъ напечатаны въ „Р. С.“ 1877 г.). Статьи **Н. И. Костомарова**, **В. Д. Спасовича**, **Е. П. Карновича**. Разсказы и воспоминанія **А. А. Панаева**, адъютанта главнокомандовавшаго крымской арміей кн. **А. С. Меншикова**, о событіяхъ 1854 - 1855 гг. Біографическій очеркъ **Евдокіи Андреевны**, первой жены **Абрама Ганибалы**, араба **Петра Великаго**, — по подлиннымъ вновь открытымъ матеріаламъ (бракоразводное дѣло 1738—1754 гг.) и проч.

Листки изъ записной книжки „Русской Старины“, съ январьской книги этого изд., въ 1877 г. представляютъ непрерывный рядъ отдѣльныхъ историческихъ эпизодовъ въ разсказахъ современниковъ или участниковъ событій; также наиболѣе интересные, небольшіе, но характерные документы, письма, замѣтки, преданія и проч.

Съ январьской книги начинается въ текстѣ журнала критико-библиографическій отдѣлъ, въ которомъ читатели „Русской Старины“ найдутъ отзывы о книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ отношеніе къ отечественной исторіи, а также къ юридич. отдѣлу, географіи, этнографіи, статистики, археологіи, нумизматики и къ исторіи русской словесности. Ред. „Русской Старины“, при содѣйствіи лицъ, специально посвятившихъ себя той или другой изъ помнугыхъ наукъ, озабочится сдѣлать этотъ отдѣлъ возможно полнымъ и обстоятельнымъ.

Для приложенія къ „Русской Старинѣ“ 1877 г. награвированы академиками **И. П. Пожалостинымъ** и **Л. А. Сѣряковымъ** и отпечатаны, частью въ Парижѣ, частью въ Петербургѣ (въ экспед. заготовл. госуд. бумагъ), портреты достопамятныхъ государственныхъ людей, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей, а также нѣкоторыхъ іерарховъ Россійской церкви. Портреты будутъ прилагаться при каждой книгѣ.

ГРАВИЮРЫ АКАДЕМИКА ПОЖАЛОСТИНА:

I. Несеніе креста Спасителемъ Исусомъ Христомъ, гравюра съ картины Карраччи, и

II. Птицеловъ, гравюра съ картины профессора Перова.

Академикъ-граверъ И. П. Пожалостинъ предлагаетъ обѣ эти гравюры, исполненныя имъ на мѣди и отпечатанныя на отличной бумагѣ въ Парижѣ, всѣмъ желающимъ имѣти эти художественныя произведенія, — приобрести оныя за половинную цѣну, противу продажной, объявленной, цѣны. А именно: вмѣсто шести рублей за каждую гравюру—по три рубля съ пересылкою; за обѣ же гравюры вмѣстѣ всего—пять руб. съ пересылкою.

Эта уступка, согласно желанію г. Пожалостина, дѣлается только для подписчиковъ „Русской Старины“ и требованія на высылку помянутыхъ гравюръ должны быть обращаемы въ редакцію „Русской Старины“ (С.-Петербургъ, Надеждинская, д. № 42, кв. 12), которая будетъ передавать ихъ, для немедленнаго удовлетворенія, Академику Ивану Петровичу Пожалостину.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ И ВЪ МОСКВѢ, ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

МАМОНТОВА И СОЛОВЬЕВА

ПРОДАЮТСЯ:

I. Записки А. Т. Болотова, 1738—1795 гг., четыре большіе тома, изд. „Русской Старины“, 1870—1873 гг., съ двумя портретами, сотнею вишетоковъ и снимкомъ. Цѣна съ пересылкою за каждый томъ 3 руб., за четыре тома 12 руб.

(Складъ оставшихся, въ небольшомъ количествѣ, экземпляровъ этой книги находится у правнука А. Т. Болотова, Владиміра Андреевича Болотова, въ Спб., у Таврическаго сада, Тверская ул., соб. домъ).

II. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей. Роскошный альбомъ, съ заглавнымъ рисункомъ акад. Гартмана. Цѣна съ пересылкою 3 руб.

III. Русская Родословная книга. 2 тома. Цѣна пять руб. съ перес. (Осталось 135 экзempl.). (Приготавливается къ печати 3-й томъ).

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1870 г.

третье издание „Русской Старины“, **годъ первый, 1870 г., двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ третьемъ изданіи „Русской Старины“ 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;— Записки исторіографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи; — сенатора П. С. Рунича о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ; — Записки придворнаго бриллианщика Позье (1729—1764 гг.);—Отчеты Лагарна о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей; — Петербургъ въ 1781 году, замѣтки Шикара;—Записки Михаила Александровича Бестужева (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.; — Записки композитора Михаила Ивановича Глинки (1804—1854 гг.);—Замѣтки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г. разсказъ Я. П. Вакладова;—Оборона Камчатки въ 1854 г., разсказъ контръ-адмирала Арбузова и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщений: разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всемъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статьи-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка, біографическія замѣтки П. О. Коробанова. — Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣва, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. Ростовцева и друг.

Приложеніе къ третьему изданію „Русской Старины“ 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Волотова, вновь пересмотрѣнный, свѣренный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвирован. акад. Л. Сѣряковымъ рисунками виньетами.

Цѣна **третьяго** изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г. съ приложеніями, портретами и рисунками

ВОСЕМЬ рублей съ пересылкою.

ОБЪ ИЗДАНИИ СБОРНИКА
„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ“
ВЪ 1877 ГОДУ (ТРЕТИЙ ГОДЪ).

Ежемесячный, исторический, иллюстрированный сборник „Древняя и Новая Россия“ будетъ издаваться въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе два года (1875—1876).

Сборникъ „Древняя и Новая Россия“ выходитъ каждый мѣсяць книжками въ размѣрѣ до двѣнадцати и болѣе печатныхъ листовъ большаго формата, in 4°, въ два столбца печати на страницѣ, съ нѣсколькими портретами, рисунками и другими художественными приложеніями, такъ что, по окончаніи года, составятся три большихъ тома до 150 печатныхъ листовъ съ 50—60 гравюрами, литографіями и хромофотографіями. Къ январьской книжкѣ сборника, между прочимъ, будетъ приложена большая литографія на топѣ съ оригинальной картины худ. Ст. Хлѣбовскаго

„АССАМБЛЕЯ ПРИ ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ“

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годѣ двѣнадцать руб. сер., съ доставкою на домъ двѣнадцать руб. пятьдесятъ коп. сер., съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.

Главная Контора Редакціи сборника „Древняя и Новая Россия“ находится въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ Пассажемъ, № 46 при хромофотографіи и типографіи В. И. Граціанскаго, куда гг. иногородныхъ и просятъ исключительно обращаться со всѣми своими требованіями.

Кромѣ того, для удобства гг. городскихъ подписчиковъ открыты

отдѣленія конторы при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, и въ Москвѣ, И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Въ Главной Конторѣ можно получать оставшіеся отъ подписки экземпляры „Древней и Новой Россіи“ за 1875 и 1876 годы. Каждый годъ состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ съ 60—70 портретами и рисунками, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, находятся:

Хромофотографіи:

Рабочіе изъ селенія Сунки на Кругобайкальской дорогѣ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ, съ картины проф. Ге.

Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.

Чудный крестъ въ Новгородѣ.

Портретъ Петра Великаго въ Голландіи, съ оригинала, принадлежащаго Императорской Публичной Библіотекѣ.

Куполъ церкви Св. Георгія въ Старо-Ладожской крѣпости.

Цоганкины палаты въ г. Псковѣ.

Литографіи на тону:

Печенгскіе лопари (изъ альбома Сидорова).

Волинскій въ засѣданіи кабинетъ—министровъ, съ картины проф. В. Яковія.

Гравюры на деревѣ, исполненныя Панкратомъ въ Парижѣ:

Петръ I и царевичъ Алексѣй Петровичъ, съ картины проф. Ге.

Кончина князя Потемкина-Таврическаго, съ картины Казанова.

Цѣна каждого года, безъ пересылки, двѣнадцать руб. сер., съ пересылкой тринадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.

Въ книжныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы, Кіева, Казани, Полтавы,
Ярослава продается книга

„РОДИНА“

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи въ трехъ частяхъ (одна книга). Курсъ приготовительнаго и четырехъ низшихъ классовъ. 2-е изданіе Составилъ А. Радонежскій.

Одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. „Для класснаго чтенія и упражненій въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи въ приготовительномъ и первыхъ трехъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскихъ и народныхъ училищахъ“.

Рекомендуется учебнымъ комитетомъ IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи „какъ полезное учебное пособие для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ гимназій“.

Одобрена учебнымъ комитетомъ Святѣйшаго Синода „въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи Русскаго языка для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ“.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Государя Императора Цесаревича книга посвящена Августѣйшему Имени Великаго Князя Николая Александровича.

Цѣна *одинъ рубль* съ пересылкой. Училища, *вытимающія книгу отъ самаго составителя, въ количество не меньше 50 экземпляровъ, платятъ 50 к. с. за экземпляръ съ пересылкою.*

Адресъ издателя: С.-Петербургъ, на углу Вознесенскаго и Екатерингофскаго проспекта, д. № 28, кв. № 12.

Подробное содержаніе „Сборника“ см. въ іюльской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

**Къ вопросу о греческихъ глагольныхъ
формахъ. (Оканчаніе) А. Паука**

**Объ отношеніи видовъ русскаго глагола
къ греческимъ временамъ. (Продолженіе). Э. Черняк.**

Редакторъ Е. Феофановъ.

(Вышла 1-го декабря)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библиографич, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрести въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875-й (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкой въ другіе города.

6019

25

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
□
1994**

3 2044 022 671 655

